КРИСТОФЕР ПАОЛИНИ

ЭРАГОН

НАСЛЕДИЕ

ЭРАГОН

УДК 821.111(73)-312.9-93
ББК 84(7Сое)
П12

Christopher Paolini

INHERITANCE

Text copyright © 2011 by Cristopher Paolini
Jacket art copyright © 2011 by John Jude Palencar

This edition is published by arrangement
with Random House Children's Books,
a division of Random House, Inc.

Все права на книгу на русском языке принадлежат
издательству «РОСМЭН».
Ничто из нее не может быть перепечатано,
заложено в компьютерную память
или скопировано в любой форме – электронной, механической,
фотокопии, магнитофонной записи или какой-то другой –
без письменного разрешения владельца.

Наш адрес в Интернете: **www.rosman.ru**

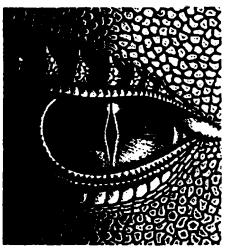
ISBN 978-5-353-05571-6

© Издание на русском языке.
ООО «РОСМЭН», 2016

КРИСТОФЕР
ПАОЛИНИ

ЭРАГОН

НАСЛЕДИЕ

Перевод с английского
И. А. Тогоевой

МОСКВА
РОСМЭН
2017

Эту книгу я, как всегда, посвящаю моей семье.
А также всем бесчисленным
мечтателям и фантазерам, всем
художникам, музыкантам и сказителям, благодаря которым это путешествие и стало возможным.

В КАЧЕСТВЕ ВСТУПЛЕНИЯ

История Эрагона, дракона Глаэдра-Старейшего и меча Брисингра

В самом начале времен в стране Алагейзии жили только драконы – гордые, свирепые, независимые, со сверкавшей, как самоцветы, чешуей. И красота их была столь великолепной и одновременно пугающей, что любой столбенел при виде ее.

Так прожили они в полном одиночестве много веков.

Но бог Хелцвог создал из камней в пустыне Хадарак крепких и суровых гномов. И два эти народа стали без конца воевать друг с другом.

А затем, переплыв серебристое море, в Алагейзии высадились эльфы. Они тоже принялись воевать с драконами, но оказались сильнее гномов. Наверное, эльфы смогли бы даже уничтожить драконов. Впрочем, и драконы могли уничтожить эльфов.

В итоге эльфы и драконы решили заключить мирное соглашение, скрепленное всеми необходимыми печатями. А потом они создали орден Всадников, способных летать верхом на драконах. Эти Всадники многие тысячелетия стояли в Алагейзии на страже мира.

Значительно позже в Алагейзии появились люди, приплывшие туда на кораблях, и рогатые ургалы, а также раззаки, ночные охотники, питавшиеся человеческой плотью. И люди решили присоединиться к союзу эльфов и драконов.

Но однажды молодой Всадник, по имени Гальбаторикс, восстал против ордена. Он поработил черного дракона

Шрюкна и убедил еще тринадцать Всадников выйти из рядов ордена и последовать за ним. И эти тринадцать получили прозвище «Про́клятые».

Гальбаториксу и отряду Проклятых удалось уничтожить орден Всадников и сжечь их столицу на острове Врёнгард. Они также убили всех драконов, им не принадлежавших, и уничтожили все драконьи яйца, за исключением трех: красного, синего и зеленого. А из каждого убитого дракона они — если это им, конечно, удавалось — извлекали Элдунари, его «сердце сердец», средоточие мудрости и могущества дракона.

В течение восьмидесяти двух лет Гальбаторикс успешно правил созданной им Империей. Проклятые постепенно умирали, но сам Гальбаторикс продолжал жить, заимствуя силу и могущество у многочисленных Элдунари. Никто из людей не мог даже надеяться уничтожить его господство.

Но на восемьдесят третьем году правления Гальбаторикса случилось чудо: некто сумел выкрасть из неприступной цитадели синее яйцо дракона. И этим яйцом завладели те, кто продолжал сражаться против Гальбаторикса. Их называли варденами.

Главной хранительницей драгоценного яйца стала эльфийка Арья. Она переправляла драконье яйцо от варденов к эльфам и обратно в надежде, что объявится такой человек или эльф, ради которого дракон решит проклюнуться из яйца. Так прошло еще двадцать пять лет.

Но однажды, когда Арья переправляла яйцо в эльфийский город Озилон, на нее и охранявших ее эльфов напал отряд ургалов под предводительством шейда Дурзы — колдуна, который сам оказался во власти призванных им духов, хотя рассчитывал ими повелевать. После смерти всех тринадцати Проклятых Дурза стал верным помощником Гальбаторикса, самым страшным и опасным из его слуг. Ургалы убили охрану Арьи, а ее взяли в плен. С помощью магического заклятия она успела отослать яйцо дракона в горы Спайна, к человеку, который, как она надеялась, сумеет его защитить.

Однако заклятие Арьи подействовало не совсем так, как она рассчитывала. Синее яйцо дракона нашел

пятнадцатилетний подросток Эрагон, сирота, живший на небогатой ферме со своим дядей Гэрроу и двоюродным братом Рораном. Юный дракон выбрал Эрагона своим Всадником и ради него проклюнулся из яйца. Только это оказался не дракон, а драконихa, которую мальчик вырастил и назвал Сапфирой.

Желая вернуть похищенное яйцо, Гальбаторикс послал на ферму Гэрроу двух раззаков, которых давно уже превратил в своих рабов. Раззаки убили Гэрроу и сожгли его дом, однако яйцо так и не нашли.

Эрагон и Сапфира решили непременно отомстить раззакам за смерть Гэрроу. Вместе с ними отправился сказитель Бром, который некогда и сам был Всадником. Он хорошо помнил то время, когда был уничтожен орден. Собственно, именно Брому Арья и пыталась отослать синее драконье яйцо.

Бром многому научил Эрагона: и умению владеть мечом, и искусству магии, и, самое главное, понятию чести. Он же подарил Эрагону меч Заррок, некогда принадлежавший Морзану, первому и самому могущественному из Проклятых. Эрагон и Бром настигли раззаков, но во время схватки с ними Бром погиб, а Эрагон и Сапфира спаслись лишь благодаря помощи молодого человека по имени Муртаг, который, как впоследствии выяснилось, был сыном Морзана.

Затем Эрагон продолжил свои странствия и однажды в городе Гилиде даже попал в плен к шейду Дурзе, но сумел не только вырваться на свободу, но и освободить из темницы Арью.

Арья была отравлена, тяжело ранена и находилась на пороге смерти, так что Эрагон, Сапфира и Муртаг поспешили доставить ее в лагерь варденов, находившийся в царстве гномов в Беорских горах. Там Арью исцелили. И там же Эрагон совершил первую непростительную ошибку. Пытаясь благословить плачущую малышку, по имени Эльва, и надеясь с помощью магии защитить ее от несчастий, он неправильно произнес заклинание, и его благословение превратилось для девочки в проклятие. Отныне она стала щитом для других людей, охраняя их от всяческих бед и чувствуя чужую боль острее, чем свою собственную.

Вскоре после этого Гальбаторикс послал огромную армию ургалов на гномов и варденов. Во время яростного сражения Эрагону удалось убить шейда Дурзу, однако и Дурза успел тяжело его ранить. Ранение приносило Эрагону невыносимые страдания, и никакие усилия и заклинания варденских целителей не помогали.

Однажды Эрагон услышал некий голос, звавший его:

«Приди ко мне, Эрагон. Приди ко мне, ибо у меня есть ответы на все твои вопросы».

А через три дня предводитель варденов Аджихад попал в засаду и был убит ургалами, которыми командовали два колдуна-близнеца, предавшие варденов и перешедшие на службу к Гальбаториксу. Эти близнецы обманом похитили Муртага и тайно переправили его к Гальбаториксу. Эрагон и все вардены решили, что Муртаг погиб. Предводительницей варденов стала дочь Аджихада, Насуада.

Из Тронжхайма, столицы гномов, Эрагон, Сапфира и Арья отправились в северный лес Дю Вельденварден, принадлежавший эльфам. Их сопровождал гном Орик, племянник короля гномов Хротгара.

В лесу Дю Вельденварден Эрагон и Сапфира встретились с Оромисом и Глаэдром, последним свободным Всадником и его драконом. В течение последнего столетия они жили, скрываясь, и ждали возможности обучить следующее поколение Всадников. Там же Эрагон и Сапфира познакомились с королевой эльфов Имиладрис, матерью Арьи.

Пока Оромис и Глаэдр обучали Эрагона и Сапфиру, Гальбаторикс отправил своих верных раззаков и целый отряд солдат в родную деревню Эрагона Карвахолл — на этот раз, чтобы взять в плен его двоюродного брата Рорана. Но Роран спрятался, и они бы ни за что его не нашли, если бы не предательство мясника Слоана, который ненавидел Рорана.

Слоан убил дозорного и впустил раззаков в деревню, чтобы они смогли застать Рорана врасплох. Рорану удалось с боем вырваться на свободу, но раззаки утащили с собой Катрину, его возлюбленную, дочь Слоана, а деревню сожгли. После этого Роран убедил жителей вместе с ним

покинуть родные места. Они отправились через горы Спайн к побережью Алагейзии, а затем добрались до находившегося на самом юге государства Сурда. Оно по-прежнему оставалось независимым и продолжало борьбу с Гальбаториксом и его Империей.

Эрагона продолжали мучить боли в спине, но во время эльфийского праздника Клятвы Крови, посвященного заключению мира между эльфами, Всадниками и драконами, его рана была исцелена неким призраком дракона, вызванным эльфами с помощью магии. Этот призрак наградил Эрагона силой и скоростью, какими обладают и эльфы.

Завершив обучение, Эрагон и Сапфира направились в Сурду, куда Насуада привела войско варденов, намереваясь начать войну с Империей Гальбаторикса. К варденам присоединились и ургалы, заявив, что Гальбаторикс с помощью магии затуманил их разум, пытаясь превратить их в диких зверей, и теперь они готовы отомстить ему.

В лагере варденов Эрагон вновь встретился с Эльвой, взрослевшей не по дням, а по часам из-за того заклятия, которое он по ошибке наложил на нее. Из грудного младенца она превратилась в девочку лет четырех с виду, но почти взрослую душой, а взгляд ее был поистине ужасен, потому как она знала и чувствовала боль всех, кто находился поблизости.

И вот неподалеку от границы Империи с Сурдой, на почерневших Пылающих Равнинах вардены вместе с Эрагоном и Сапфирой сошлись в ужасной, кровавой схватке с армией Гальбаторикса.

В разгар этой битвы к варденам присоединились Роран и все, кто вместе с ним оставил деревню, а также гномы, которые подошли к Сурде со стороны Беорских гор.

Но вдруг откуда-то с востока в небе появился Всадник в сверкающих доспехах верхом на красном драконе. С помощью магического заклятия он сразил короля гномов Хротгара. И тогда в бой со Всадником на красном драконе вступили Эрагон и его синий дракон Сапфира. Оказалось, что воин в блестящих доспехах — это Муртаг, отныне связанный с Гальбаториксом нерушимой клятвой. А его

дракон, по имени Торн, проклюнулся из красного яйца — одного из трех уцелевших яиц.

Муртаг, силу которого Гальбаторикс умножил с помощью нескольких Элдунари, сумел одержать верх над Эрагоном и Сапфирой и взял их в плен. Однако, по-прежнему питая к Эрагону дружеские чувства, Муртаг отпустил их, а на прощание сообщил, что они с Эрагоном — братья, поскольку их обоих родила любимая наложница Морзана, Селена. Муртаг отнял у Эрагона меч Заррок, принадлежавший ранее его отцу Морзану, и вместе с Торном покинул Пылающие Равнины, уведя за собой войско Гальбаторикса.

После битвы Эрагон, Сапфира и Роран, надеясь спасти Катрину, проникли в мрачный храм, находившийся в черной скале Хелгринд и служивший тайным убежищем раззаков. Они убили одного из раззаков, а также его омерзительных родителей, и спасли Катрину. Но в одной из темниц Хелгринда Эрагон обнаружил отца Катрины, Слоана, слепого и полумертвого.

Эрагон хотел убить этого предателя, но передумал и погрузил Слоана в глубокий сон, а Рорану и Катрине сказал, что нашел ее отца мертвым.

Затем он попросил Сапфиру отвезти Рорана и Катрину назад, к варденам, а сам занялся охотой на последнего раззака в подземельях Хелгринда и убил его.

После этого Эрагон вынес Слоана из Хелгринда и отыскал его истинное имя в древнем языке. Назвав Слоана истинным именем, он подчинил себе бывшего мясника и заставил его поклясться, что тот никогда больше не будет искать встречи со своей дочерью. Затем Эрагон отослал Слоана к эльфам в Дю Вельденварден, но не сказал ему, что эльфы восстановят ему зрение, если он навсегда отречется от мыслей о предательстве и убийстве.

Арья встретилась с Эрагоном на полпути к варденам, и они вместе вернулись, пешком пробравшись через вражескую территорию. В лагере Эрагон узнал, что эльфийская королева Имиладрис послала двенадцать эльфов-заклинателей, возглавляемых эльфом по имени Блёдхгарм, чтобы они охраняли его, молодого Всадника, и дракона Сапфиру.

Тем временем Эрагон сумел немного ослабить действие своего нечаянного проклятия, наложенного на девочку Эльву, но «девочка-ведьма», как ее стали называть, сохранила способность чувствовать боль других, хотя больше уже не испытывала непроходящего желания спасти каждого от страданий.

Роран женился на Катрине, и вскоре они уже ждали ребенка, а рядом с ними впервые за долгое время и Эрагон почувствовал себя счастливым.

Неожиданно на варденов напали Муртаг, дракон Торн и отряд воинов Гальбаторикса. С помощью эльфов Эрагон и Сапфира сумели отразить их натиск, но ни Эрагон, ни Муртаг так и не сумели победить в поединке. Для варденов это сражение оказалось особенно трудным — Гальбаторикс так заколдовал своих солдат, что они, даже будучи смертельно раненными, не чувствовали боли.

Вскоре после сражения Эрагон по приказанию Насуады отправился в королевство гномов, чтобы представлять варденов во время выборов нового короля. А Сапфира должна была остаться и защищать лагерь варденов. Эрагону не хотелось с ней расставаться, но он был вынужден подчиниться Насуаде, которой присягал на верность.

К этому времени Роран успел достичь довольно высокого положения в армии варденов, он проявил себя как смелый воин и предводитель.

Пока Эрагон находился у гномов, семеро представителей клана Слезы Ангуин попытались его убить, что вызвало возмущение всех остальных кланов. Однако гномы продолжили свои заседания, и в итоге королем был избран Орик, унаследовав трон своего дяди.

Сапфира присоединилась к Эрагону во время коронации Орика и осуществила давнее обещание, данное гномам: восстановила обожествляемый ими драгоценный звездный сапфир, который разбила во время сражения Эрагона с шейдом Дурзой.

Эрагон и Сапфира вернулись в Дю Вельденварден. Там Оромис открыл Эрагону правду о его происхождении. Оказалось, что он не сын Морзана, в отличие от Мурга-та, а мать у них действительно одна — Селена. Родным же

отцом Эрагона был Бром. Оромис и Глаэдр также объяснили ему принцип существования Элдунари. Свое «сердце сердец» дракон может исторгнуть по собственному желанию, даже будучи еще жив. Делать это следует чрезвычайно осторожно, поскольку тот, кто завладеет Элдунари, обретет власть и над самим драконом, его исторгнувшим.

Эрагон решил, что ему непременно нужен другой меч взамен Заррока. Вспомнив совет, полученный во время странствий с Бромом от кота-оборотня Солембума, Эрагон обратился за помощью к дереву Меноа. Дерево было наделено душой и чувствами и произрастало в лесу Дю Вельденварден. Меноа согласилось отдать Эрагону некую сверкающую сталь, спрятанную под корнями, в обмен на одну вещь, которую оно ему пока не назвало.

Эльфийка-кузнец Рюнён, некогда выковывавшая мечи для всех Всадников, вместе с Эрагоном создала из добытой им стали новый клинок, сиявший синим пламенем. Эрагон дал ему имя Брисингр, что значит «огонь». Клинок каждый раз ярко вспыхивал, стоило Эрагону произнести это имя.

Затем Глаэдр доверил Эрагону и Сапфире свое Элдунари, и они вернулись к варденам, а Глаэдр и Оромис присоединились к своим сородичам, которые пошли в наступление на севере Империи.

При осаде Финстера Эрагон и Арья встретились с тремя вражескими магами, один из которых имел обличье шейда Варога. С помощью Эрагона Арье удалось убить его.

А в это время Оромис и Глаэдр сражались с Муртагом и Торном. И тут вмешался Гальбаторикс и стал управлять разумом Муртага. Гальбаторикс сразил Оромиса рукой Муртага, а Торн убил Глаэдра, тело которого было уже лишено своего «сердца сердец». И хотя при Финстере варденны одержали победу, Оромис погиб, и Эрагон с Сапфирой горько оплакивали гибель своего учителя. Но варденны по-прежнему продолжали борьбу и все глубже продвигались на территорию Империи. Они направлялись к столице Урубаену, где восседал на троне гордый Гальбаторикс, уверенный в своих силах и исполненный презрения ко всем прочим. В его распоряжении были мудрость и сила множества драконьих Элдунари.

БРЕШЬ В КРЕПОСТНОЙ СТЕНЕ

Сапфира взревела, и солдаты, шедшие впереди, испуганно присели.

— За мной! — крикнул Эрагон и поднял над головой Брисингр, чтобы все его видели. Синий меч вспыхнул яркой переливчатой радугой на фоне черных туч, стеной громоздившихся на западе. — Вперед, вардены!

Мимо него просвистела стрела, но он ее словно и не заметил.

Воины, собравшиеся у подножия груды развалин, на вершине которой стояли Эрагон и Сапфира, ответили на его призыв единодушным громогласным ревом и, размахивая оружием, ринулись вперед, карабкаясь по осыпавшимся каменным блокам и плитам.

А Эрагон, повернувшись к ним спиной, смотрел на открытое пространство по ту сторону холма, где разместились сотни две имперских воинов, за которыми высилась темная крепостная стена с узкими бойницами вместо окон и несколькими квадратными башнями.

Окна на верхнем этаже самой высокой башни были ярко освещены, и Эрагон понимал, что где-то там, должно быть, прячется лорд Брэдберн, губернатор Белатоны, которую вардены вот уже несколько часов безуспешно пытались взять штурмом.

С громким криком Эрагон ринулся вниз прямо на солдат, ощетинившихся копьями и пиками. Те, хоть и попятились слегка, все же держали оборону, нацелив свое оружие на ту брешь с рваными краями, которую Сапфира проделала во внешней стене крепости.

Прыгая по каменным развалинам, Эрагон подвернул правую ногу и упал на колено, опершись о землю рукой.

Один из солдат не преминул воспользоваться такой возможностью и метнул копье, целясь Эрагону прямо в незащищенное горло.

Тот мимолетным движением кисти отбил удар. Брисингр мелькнул в воздухе с такой скоростью, что ни человек, ни эльф этого движения даже заметить не успели бы. Лицо солдата, метнувшего копье, побелело от страха, и он, осознав свою ошибку, попытался удрать, но не успел даже сдвинуться с места — Эрагон в стремительном прыжке вперед вонзил ему в живот свой синий меч.

Окутанная, точно флагами, языками сине-желтого пламени, вырывавшегося у нее из пасти, Сапфира последовала за Эрагоном. И с таким грохотом приземлилась на вымощенном плиткой крепостном дворе, что Эрагон даже присел, чтобы не упасть. От этого удара, казалось, содрогнулось все вокруг. Множество разноцветных кусочков стекла, составлявших замысловатый мозаичный витраж в передней стене крепости, вылетели из рам и, сверкая, посыпались вниз, точно монетки, брошенные музыканту на барабан. На верхнем этаже с грохотом распахнулись и закрылись ставни в окне.

Следом за Сапфирой во двор прыгнула и эльфийка Арья. Пряди ее длинных черных волос развевались, временами скрывая сильно сужавшееся книзу, почти треугольное лицо. Ее руки и шею покрывали кровавые царапины, клинок был весь в запекшейся крови.

Присутствие Арьи воодушевило Эрагона. Больше всего ему хотелось, чтобы во время боя рядом с ним и Сапфирой была именно она, чтобы именно с ней они сражались спиной к спине.

Он быстро ей улыбнулся, и она ответила ему ласковой улыбкой, хотя выражение лица у нее было довольно свирепым. Впрочем, в ее глазах светилась радость. Как всегда, во время сражения обычная сдержанность Арьи куда-то исчезала, сменяясь открытостью, которую в иных случаях она проявляла крайне редко.

Эрагон слегка присел и прикрылся щитом от сокрушительного шквала голубого огня, которым Сапфира

поливала бегущих в страхе солдат. Глядя из-под забрала шлема, Эрагон с изумлением заметил, что языки пламени, так и плясавшие вокруг воинов Гальбаторикса, не причиняют им ни малейшего вреда.

Лучники, рассыпавшись цепью вдоль крепостной стены, осыпали Сапфиру градом стрел. Жар над драконихой был столь силен, что стрелы вспыхивали прямо в воздухе и превращались в пепел. Магические стражи, которых Эрагон разместил вокруг Сапфиры, прекрасно отражали удары любого, направленного на нее оружия. Впрочем, одной стреле совершенно случайно удалось-таки долететь до Эрагона, и она с глухим стуком ударилась о его щит, оставив на нем вмятину.

Язык пламени внезапно обнял сразу троих солдат, так быстро превратив их в головешки, что те даже вскрикнуть не успели. Остальные солдаты сбились в кучку в центре двора — точно в центре ада, — и наконечники их пик и копий поблескивали во вспышках яркого голубого огня.

Но Сапфире, как она ни старалась, так и не удалось испепелить этих воинов. В конце концов она перестала извергать пламя и с устрашающим лязгом захлопнула пасть. Во дворе крепости тут же воцарилась полная тишина.

И Эрагон в очередной раз подумал о том, что тот, кто создал для своих воинов подобную защиту, должен был быть весьма могущественным и умелым магом. Интересно, уж не Муртаг ли это? Если это так, то почему ни его, ни Торна здесь нет? Почему они не защищают Белатону? Разве Гальбаториксу так уж безразлична судьба крупнейших городов его империи?

Эрагон бросился вперед и одним ударом Брисингра срубил верхушки нескольких пик — с той же легкостью он в юности срезал серпом пучки ячменя в поле, — а потом нанес ближайшему воину рубящий удар в грудь, пробив кольчугу, словно тонкую рубашку. Фонтаном хлынула кровь. А Эрагон уже успел заколоть еще одного противника, а затем ударил щитом того, что пытался напасть на него слева, и сбил с ног не только этого солдата, но и еще двоих.

Все эти воины, как показалось Эрагону, действуют как-то чересчур медлительно и неуклюже, тогда как сам он,

будто танцуя, с легкостью пробивался сквозь их ряды, безжалостно рубя мечом направо и налево.

Сапфира тоже действовала весьма активно: она подбрасывала воинов в воздух громадными лапищами, стегала их шипастым хвостом и перекусывала пополам одним движением своих могучих челюстей. Справа от Эрагона Арья с невероятной скоростью взмахивала мечом, и каждый взмах означал смерть еще одного воина Империи. Увернувшись сразу от двух копий, летевших прямо в него, Эрагон увидел покрытого волчьей шерстью эльфа Блёдхгарма. Тот, не отставая от него ни на шаг, сражался не менее яростно, чем Арья, вместе с другими эльфами-заклинателями, которым было поручено охранять Сапфиру и Эрагона.

Пролом во внешней стене остался далеко за спиной. Через него варденыы вливались сейчас во двор крепости, но от прямого штурма внутренних стен пока воздерживались: слишком опасным было сейчас соседство с Сапфирой. Впрочем, ни Сапфире, ни Эрагону, ни эльфам и не требовалась поддержка.

Продолжая наступать, Эрагон и Сапфира существенно продвинулись вперед и в итоге оказались в разных концах просторного двора. Но Эрагона это не беспокоило. Даже без какой бы то ни было поддержки Сапфира сама легко справилась бы с отрядом человек в тридцать.

Копье с глухим стуком ударило в щит Эрагона и сломалось, оцарапав ему плечо. Он резко обернулся, увидел, что копье бросил какой-то крупный, покрытый шрамами воин с выбитыми передними зубами, и ринулся на него. Беззубый воин попытался выхватить из-за пояса кинжал. В самый последний момент Эрагон извернулся и ударил противника плечом прямо в солнечное сплетение.

Сила удара была такова, что солдат, отлетев на несколько ярдов назад и судорожно вцепившись руками в грудь, рухнул на землю.

Затем на варденов вдруг пролился настоящий дождь из стрел с черным оперением, убивая и раня людей, и Эрагон, отскочив в сторону, прикрылся щитом, хотя и был уверен, что его магическая защита по-прежнему действует. Однако

проявлять беспечность было совсем ни к чему — ведь невозможно было предугадать, в какой момент кто-то из вражеских заклинателей пошлет в него такую заколдованную стрелу, которая сможет пробить любую защиту.

Горькая усмешка тронула губы Эрагона. Лучники там, наверху, поняли, видно, что их единственная надежда на победу — во что бы то ни стало убить Эрагона и эльфов. Похоже, для этих воинов не имело значения, сколько их соратников будут вынуждены пожертвовать своей жизнью для достижения этой цели.

«Вы опоздали, — думал Эрагон с мрачным удовлетворением. — Вам бы следовало бежать из Империи, когда у вас еще был шанс спастись».

Бешеный град стрел, со стуком ударявшихся о его щит, не причинял ему вреда. Это позволило ему минутку передохнуть, что он с радостью и сделал. Штурм города начался на рассвете, и они с Сапфирой все это время были в самых первых рядах.

Как только стрелы перестали падать, Эрагон переложил Брисингр в левую руку, подобрал копьё одного из павших солдат и метнул его в лучников, находившихся на высоте сорока футов. Впрочем, Эрагон давно уже убедился в том, что попасть копьем точно в цель, не имея достаточной практики, почти невозможно. Так что его совсем не удивило, что он промахнулся. Однако он был *крайне удивлен* тем, что не попал ни в одного из лучников на крепостной стене! Мало того, брошенное им копье словно проплыло над ними, а затем с грохотом разлетелось на куски, ударившись о крепостную стену у них над головой. Лучники заржали и принялись отпускать мерзкие шутки и делать непристойные жесты.

Заметив краем глаза какое-то слабое движение, Эрагон повернулся, поднял глаза и успел увидеть, как Арья метнула в лучников свое копье, пронзив им сразу двоих, стоявших рядом. Затем она указала на этих людей своим мечом и сказала: «Брисингр!», и копье вспыхнуло изумрудно-зеленым пламенем, которое охватило и тела раненых.

Лучники шарахнулись от объятых зеленым пламенем трупов, а потом дружно ринулись прочь и столпились у дверей, ведущих на верхние этажи замка.

— Это нечестно! — как мальчишка, воскликнул Эрагон. — Я же не могу воспользоваться этим заклятием! Ведь тогда мой меч сам вспыхивает, как костер.

Арья не ответила, лишь любовно и весело на него посмотрела.

Сражение продолжалось еще несколько минут, в течение которых оставшиеся в живых солдаты либо сдавались, либо пытались бежать.

Эрагон позволил пятерым воинам, которых преследовал, и дальше спасаться бегством, понимая, что далеко им не убежать, и принялся быстро осматривать тела тех, что распростерлись вокруг него на земле. Убедившись, что эти люди действительно мертвы, он оглянулся назад, на дальний конец двора, и увидел, что кто-то из варденов успел распахнуть ворота во внешней стене крепости, и теперь они тащили ко внутренним воротам таран. Часть варденов уже собралась у этих ворот, готовясь ворваться внутрь и сразиться с засевшими там воинами Гальбаторикса.

Среди тех, что собрались у ворот, был и двоюродный брат Эрагона Роран со своим вечным молотом. С помощью этого молота он и сражался, и раздавал указания варденам, находившимся под его началом. А в самом дальнем углу двора Сапфира, сгорбившись, присела над останками убитых ею воинов. Все вокруг было усыпано кусками их плоти, а на ее прекрасной чешуе застыли капли крови. Эти крошечные красные пятнышки странно контрастировали с синевой ее огромного тела. Откинув назад свою шипастую голову, драконiха ревом провозглашала свою победу, заглушая все прочие шумы.

Затем откуда-то изнутри замка послышалось бряцание оружия и цепей, а потом визг тяжелых засовов, которые явно вытаскивали из петель. Эти звуки привлекли всеобщее внимание, все тут же уставились на крепостные ворота.

С глухим стуком ворота распахнулись, и оттуда вырвались густые клубы дыма от многочисленных горевших факелов, заставляя варденов, стоявших ближе всего, кашлять и прикрывать лица. Откуда-то из мрачных глубин замка

послышался барабанный перестук железных конских подков, и прямо из клубов дыма вылетел конь с наездником на спине. В левой руке всадник держал то, что Эрагон сперва принял за обычное копье, но вскоре он заметил, что копье это сделано из какого-то странного зеленого материала, а его зазубренное острие имеет весьма странную, совершенно незнакомую форму. От острия копья исходило слабое сияние, что явно свидетельствовало о примененной магии.

Всадник, натянув поводья, повернул коня в сторону Сапфиры, которая уже слегка присела, готовясь нанести правой передней лапой чудовищный, убийственный удар.

Эрагона вдруг охватило беспокойство. Этот всадник казался слишком уверенным в себе, а его копье выглядело слишком необычно. И хотя наведенные Эрагоном магические чары должны были бы защитить Сапфиру, он все же не сомневался, что ей грозит смертельная опасность.

Понимая, что не успевает вовремя до нее добраться, Эрагон попытался проникнуть в мысли всадника, но тот был настолько поглощен стоявшей перед ним задачей, что, похоже, даже не заметил его присутствия и попытки установить мысленную связь. И эта его непоколебимая сосредоточенность помешала Эрагону даже поверхностно проникнуть в его сознание. Прекратив тщетные попытки, Эрагон припомнил полдюжины магических слов древнего языка и составил несложное заклинание, желая хотя бы остановить мчавшегося галопом боевого коня. По сути, это был акт отчаяния: Эрагон понятия не имел, владеет ли всадник искусством магии и какие меры предосторожности он предпринял на тот случай, если против него тоже будет использована магия. Но просто так, сложа руки, Эрагон стоять не собирался — ведь жизни Сапфиры угрожала реальная и, по всей видимости, смертельная опасность.

Он глубоко вздохнул, напомнил себе, как правильно произносить наиболее сложные звуки древнего языка, и хотел уже произнести заклинание...

Но оказалось, что эльфы Блёдхгарма его опередили. Эрагон не успел и рта открыть, когда услышал за спиной их завораживающее негромкое пение — порой перекрывавшие друг друга и сложным образом переплетавшиеся

голоса эльфов сливались в какую-то нестройную, внушавшую безотчетную тревогу мелодию.

Первый звук приготовленного заклинания успел все же сорваться с его губ, когда магия эльфов начала действовать.

Витраж, украшавший крепостную стену, разом вздрогнул, шевельнулся, и осколки стекла водопадом посыпались вниз, на всадника и его коня. А затем в земле перед ними вдруг открылась длинная и, по всей видимости, очень глубокая трещина, и с громким ржанием конь провалился в нее, сперва попытавшись ее перепрыгнуть и сломав при этом обе передние ноги.

Уже падая вместе с конем, всадник отвел назад руку и метнул свое сверкающее копье в Сапфиру.

Убежать Сапфира не могла. И увернуться тоже. Так что она просто выбросила навстречу копью переднюю лапу, надеясь отбить его в сторону. Однако она промахнулась — всего на несколько дюймов, — и Эрагон с ужасом увидел, как копье глубоко вонзилось ей прямо в грудь под ключицей.

Глаза Эрагону застлала кровавая пелена бешенства. Собрав все силы, какие только можно — силу собственного тела, силу того магического сапфира, что был вставлен в рукоять Брисингра, и силу тех двенадцати алмазов, что были спрятаны в поясе Белотха Мудрого, которым Эрагон опоясал себя перед боем, а также силу Арена, того эльфийского кольца, что красовалось у него на правой руке, — он бросился вперед, намереваясь стереть с лица земли проклятого всадника, что бы ему самому при этом ни грозило.

И снова эльфы опередили его. Эрагон едва успел затормозить, увидев, что Блёдхгарм, перепрыгнув через левую переднюю лапу Сапфиры, ринулся на всадника, точно пантера на оленя, сбил его с ног и повалил на бок. Затем, каким-то диким образом вывернув ему шею, Блёдхгарм разорвал ему горло своими волчьими белыми клыками.

Пронзительный вопль всепоглощающего отчаяния послышался из окна, находившегося высоко в башне, прямо над распахнутыми воротами крепости. Затем там что-то взорвалось, и из окна полетели куски каменных плит, падая прямо на собравшихся внизу варденов и сокрушая их конечности и ребра, точно сухие прутики.

Эрагон, не обращая внимания на камни, дождем сыпавшиеся на двор, бегом бросился к Сапфире. Несколько эльфов, оказавшихся ближе всех к драконихе, уже успели столпиться вокруг нее и изучали глубоко вонзившееся ей в грудь копье.

— Насколько серьезно... А она не... — Страшно огорченный, Эрагон был не в состоянии закончить ни одной начатой фразы. Ему хотелось мысленно поговорить с Сапфирой, но он воздержался от этого, поскольку вокруг по-прежнему могли находиться вражеские заклинатели, способные проникнуть в его мысли или даже подчинить себе его тело и сознание.

После долгой паузы, которая показалась Эрагону нескончаемой, эльф Вирден повернулся к нему и сказал:

— Благодари судьбу, Губитель Шейдов. Копье прошло мимо основных артерий, повредив лишь мышечную ткань, а уж мышцы-то мы зашивать умеем отлично.

— А вы можете удалить это копье? Или оно заколдовано, и магические чары не позволяют...

— Не беспокойся, мы обо всем позаботимся, Губитель Шейдов.

Суровые, точно монахи у алтаря, все эльфы, за исключением Блёдхгарма, приложили руки к груди Сапфиры и запели — точно шепот ветра в ветвях ивы шелестела эта песня. В ней говорилось о тепле, о росте мышц и сухожилий, о пульсирующей крови и о других, куда более волшебных вещах. Должно быть, лишь благодаря невероятно мощному усилию воли Сапфира оставалась неподвижной в течение всего исцеляющего заклятия, хотя порой ее тело все же охватывала неудержимая дрожь. Полоса крови тянулась по ее груди от древка копья, глубоко вошедшего в плоть.

Когда Блёдхгарм осторожно подошел и встал рядом с Эрагоном, тот быстро глянул на эльфа. Темно-синяя шерсть на подбородке и шее у Блёдхгарма была покрыта пятнами запекшейся крови и в этих местах казалась совершенно черной.

— Что это было? — спросил Эрагон, указывая ему на языки пламени, все еще плясавшие в окне, находившемся высоко над двором.

Блёдхгарм облизнулся, обнажая хищные клыки, потом ответил:

— За мгновение до того, как этот воин умер, я смог проникнуть в его мысли, а через них — в мысли того мага, который ему помогал.

— Ты убил мага?

— Можно сказать и так; точнее, я *заставил* его убить самого себя. Я обычно не прибегаю к столь экстравагантным, даже театральным приемам, но у меня были... отягчающие обстоятельства.

Когда Сапфира издала тихий, протяжный стон, Эрагон ринулся было вперед, но сдержался и увидел, что копье, которого вроде бы никто не касался, само начинает выскальзывать из раны. Веки Сапфиры затрепетали, она несколько раз неглубоко быстро вздохнула, когда последние шесть дюймов копья выходили из ее тела, и наконец зазубренное острие, испускавшее неяркий изумрудный свет, упало на землю, зазвенев на каменных плитах. Странно, но звук этот напоминал скорее удар о камень глиняного горшка, а не металла.

Эльфы перестали петь и отняли свои руки от тела Сапфиры, Эрагон ринулся к ней и коснулся ее шеи. Ему хотелось утешить ее, мысленно сказать, как сильно он за нее испугался, но он, глядя в один из ее блестящих синих глаз, лишь спросил: «Ты как?», скрыв за этим ерундовым вопросом ту бурю чувств, одолевавших его в тот момент.

Сапфира в ответ один раз моргнула и, опустив голову, с нежностью, точно целуя, обдала его лицо теплым воздухом, выдохнув его через ноздри.

Эрагон улыбнулся, потом повернулся к эльфам и поблагодарил их за помощь на древнем языке:

— Эка элрун оно, ялфья, виол фёрн торнесса.

Те эльфы, что участвовали в исцелении, включая Арью, поклонились и приложили правую согнутую руку к центру груди жестом глубокого уважения — этот жест, насколько знал Эрагон, крайне редко использовался их народом. Было заметно, что почти все эльфы, которым было поручено защищать его и Сапфиру, сильно побледнели и так ослабели, что едва держались на ногах.

— Отступите в задние ряды и отдохните, — сказал он им. — Вас попросту убьют, если вы продолжите сражаться в таком состоянии. Ступайте же, это приказ!

Хотя Эрагон был почти уверен, что эльфы его не послушаются, семеро из них все же сказали: «Как тебе будет угодно, Губитель Шейдов», — и ушли, легко и изящно перепрыгивая через трупы и груды щебня. Даже находясь на пределе своих сил и возможностей, они умели выглядеть благородно и достойно.

А сам Эрагон присоединился к Арье и Блёдхгарму, внимательно изучавшим злосчастное копье. На лицах эльфов было какое-то странное изумление. Казалось, они не знают, как им теперь поступить. Эрагон присел рядом на корточки, стараясь, чтобы ни одна часть его тела не коснулась магического оружия. Он смотрел на изящную резьбу у основания острия, и эти тонкие линии показались ему немного знакомыми, хотя он и не был в этом уверен. Эрагон разглядывал зеленоватое древко, сделанное из какого-то странного материала — и не дерева, и не металла; а слабое свечение древка чем-то напоминало ему эльфийские беспламенные светильники эрисдар, которыми пользовались также и гномы.

— Как вы думаете, это дело рук Гальбаторикса? — спросил Эрагон. — Может быть, он решил, что ему стоит убить Сапфиру и меня, а не брать нас в плен? Или, может, ему теперь кажется, что мы стали представлять для него угрозу?

Блёдхгарм усмехнулся, причем весьма неприятно.

— Я бы не стал обманывать себя подобными фантазиями, Губитель Шейдов. Мы для него — всего лишь мелкая мошка. Если бы он когда-либо действительно захотел убить тебя или кого-то из нас, ему нужно было бы всего лишь вылететь из Урубаена и принять в сражении непосредственное участие, и мы попадали бы перед ним, как осенние листья с ветвей перед зимними ветрами. Он по-прежнему владеет силой многих драконов, и никто не может противостоять его могуществу. Кроме того, Гальбаторикс так просто со своего пути не свернет. Он, может, и безумен, но к тому же безумно хитер и, самое главное, исполнен неколебимой решимости. Если он пожелает сделать тебя своим рабом, он будет

добиваться этого с поистине безумным упорством, и ничто, кроме инстинкта самосохранения, его не остановит.

— Так или иначе, — перебила его Арья, — это работа наших мастеров, а не мастеров Гальбаторикса.

Эрагон нахмурился.

— Наших? Но это же явно сделано не варденами.

— Не варденами. Это работа кого-то из эльфов.

— Но ведь... — Эрагон не договорил, пытаясь найти рациональное объяснение. — Но ведь ни один эльф не согласился бы работать на Гальбаторикса. Скорее умер бы, чем...

— Гальбаторикс не имеет к этому никакого отношения. Но если бы даже и имел, то вряд ли доверил столь редкое и могущественное оружие человеку, который даже и владеть-то им как следует не умеет. Из всех инструментов войны, разбросанных по территории Алагейзии, именно это копье Гальбаторикс менее всего хотел бы видеть у нас в руках.

— Почему?

С легкой кошачьей ноткой своим низким голосом Блёдхгарм почти промурлыкал:

— Потому, Эрагон Губитель Шейдов, что это Даутхдаэрт — Копье Смерти.

— А имя его — Нирнен, «орхидея», — сказала Арья, указывая на резные линии у самого острия.

Только теперь Эрагон понял, что это стилизованные иероглифы эльфийской письменности, извилистые, переплетающиеся линии которых заканчиваются высокими, похожими на шипы остриями.

— Так это Даутхдаэрт? — переспросил он, и, поскольку Арья и Блёдхгарм смотрели на него, явно изумленные его невежеством, ему осталось только смущенно пожать плечами и замолчать. Порой Эрагона просто в отчаяние приводило то, что эльфы с рождения и в течение всей своей юности долгие десятилетия наслаждались возможностью учиться у самых мудрых представителей своего народа, тогда как его родной дядя Гэрроу не пожелал учить даже читать и писать, считая это совершенно ненужным. — Я ведь смог начать читать ваши древние тексты только в Эллесмере, — словно оправдываясь, сказал он. — Неужели это копье действительно было выковано в период падения ордена Всадников?

Неужели им пользовались еще в самом начале борьбы против Гальбаторикса и Проклятых?

Блёдхгарм покачал головой:

— Нет, Нирнен значительно старше.

— Даутхдаэрты, — сказала Арья, — порождены страхом и ненавистью, которыми были отмечены наши последние войны с драконами. Самые умелые наши кузнецы и заклинатели создавали их из таких материалов, состав которых нам более не ведом. Они пропитывали их такой магией, что слов тех заклинаний никто уже и не помнит. Каждому из двенадцати таких копий давали имя, соответствующее названию одного из самых прекрасных цветов на свете. На мой взгляд, это одно из самых безобразных несоответствий, когда-либо нами допущенных. А все потому, что мы тогда преследовали одну-единственную цель — убить как можно больше драконов.

Эрагон с отвращением глянул на светящееся копье:

— И эти копья действительно убивали драконов?

— Те, кто при этом присутствовал, говорили, что драконья кровь лилась с небес, точно летний ливень.

Сапфира громко и резко зашипела, и Эрагон, оглянувшись на нее, краем глаза заметил, что вардены по-прежнему удерживают позицию перед входом в крепость, ожидая, когда он и Сапфира вновь возглавят штурм.

— Все Даутхдаэрты считались уничтоженными или навсегда утраченными, — сказал Блёдхгарм. — Совершенно очевидно, что мы ошибались. Нирнен, должно быть, попал в руки семейства Волдгрейв, и они, скорее всего, прятали его здесь, в Белатоне. Я думаю, что, когда мы проделали брешь в крепостной стене, лорд Брэдберн утратил все свое мужество и приказал принести Нирнен из оружейной, чтобы попытаться остановить тебя и Сапфиру. Нет сомнений, Гальбаторикс был бы вне себя от ярости, если б узнал, что Брэдберн пытался убить тебя.

Понимая, что нужно спешить, Эрагон все-таки не смог побороть собственное любопытство:

— Даутхдаэрт это или нет, но ты так и не объяснил мне, почему Гальбаторикс ни за что не хотел бы, чтобы это копье оказалось у нас в руках. Что делает Нирнен

более опасным, чем, например, вон то копье или даже мой Бри... — Он вовремя остановился и не произнес до конца имя своего клинка. — Или мой меч?

Ответила ему Арья:

— Его невозможно ни сломать, ни как-либо еще вывести из строя; огонь не причиняет ему вреда, и оно практически не подвержено воздействию магии, как ты и сам видел. Эти Даутхдаэрты созданы так, что на них не действуют никакие чары, даже чары драконов, и при этом они способны прекрасно защитить своего владельца. Весьма сложная задача, если учесть силу, сложность и непредсказуемость самой натуры драконов и их магии. Гальбаторикс, возможно, опутал себя и Шрюкна целой сетью охраняющих заклятий, но все же, возможно, Нирнен смог бы разрушить даже такую защиту, какой нет больше ни у кого во всей Алагейзии, причем разрушить с поистине невероятной легкостью!

Эрагон наконец понял, и его охватило настоящее ликование.

— Так мы должны...

Ему не дал договорить чей-то пронзительный вопль.

Звук был поистине ужасен — точно железом по стеклу; он разрывал плоть, точно удар кинжала, вызывая дрожь по всему телу. Эрагон даже зубами скрипнул и невольно закрыл руками уши; потом, сморщившись, резко обернулся, взял себя в руки и попытался определить, откуда исходит этот отвратительный звук. Сапфира замотала головой, и Эрагон даже сквозь этот шум услышал, как она тонко и жалобно засвистела носом.

Он быстро осмотрел весь двор, но лишь на второй раз заметил легкое, еле заметное облачко пыли, поднимавшееся над стеной из трещины примерно в фут шириной. Эта трещина появилась под тем самым почерневшим от пожара окном, в котором Блёдхгарм подстрелил мага. Пронзительный визг все усиливался, и Эрагон снова рискнул отнять одну руку от уха и указал ею на трещину под окном.

— Смотрите! — крикнул он, и Арья кивнула ему в знак того, что все поняла. Эрагон снова заткнул уши, и вдруг без предупреждения, без чьего-либо вмешательства этот звук умолк.

Эрагон выждал еще несколько секунд и лишь тогда медленно опустил руки. На этот раз ему пришлось даже пожалеть, что слух у него теперь стал таким острым.

И в тот же момент трещина на стене резко расширилась — до нескольких футов в ширину — и поползла вниз по крепостной стене, изломанная, как вспыхнувшая в небе молния. Добравшись до ворот, трещина ударила в замковый камень, и арка, вздрогнув, превратилась в груду каменных осколков, а сама крепость, казалось, застонала, и передняя часть ее стены — от изуродованного окна до разрушенного замкового камня ворот — начала крениться вперед, в сторону варденов.

— Бегите! — крикнул Эрагон, хотя люди и так уже бросились врассыпную, отчаянно стремясь убежать подальше от разрушающейся стены. Сам же Эрагон, напротив, бросился вперед, чувствуя, как напряжен каждый мускул его тела. Он вглядывался в толпу, пытаясь отыскать в ней Рорана.

Наконец он его заметил. Роран угодил в ловушку, оказавшись у самых ворот вместе со своим отрядом. Он орал на своих воинов, как бешеный, но слова его команд тонули в грохоте рушащихся камней. Затем стена дрогнула и осела еще на несколько дюймов, накреняясь все сильнее и осыпая Рорана камнями. На какое-то время он потерял равновесие, а потом, шатаясь, отступил назад, под нависшую арку дверей замка.

Когда Роран выпрямился, его глаза встретились с глазами Эрагона, и во взгляде его промелькнули страх и беспомощность, быстро, впрочем, сменившиеся презрением. Роран понял: как бы быстро он теперь ни бежал, ему все равно не успеть добраться до безопасного места. Кривая усмешка скользнула по его губам.

И стена рухнула.

УДАР МОЛОТА

— Нет! — крикнул Эрагон, когда крепостная стена, с оглушительным грохотом рухнув и наполнив двор клубами черной пыли, похоронила Рорана и еще пятерых варденов под двадцатифутовой грудой камней.

Эрагон так громко выкрикнул это «нет!», что голос у него сорвался, и во рту возник медный вкус крови. Он с трудом вдохнул и, согнувшись пополам, сильно закашлялся.

— Ваэтна! — задыхаясь, вымолвил он и махнул рукой, призывая пыль рассеяться.

Со звуком, напоминавшим шуршание шелка, густая темно-серая пыль стала улетучиваться, и вскоре центральная часть двора была уже совершенно чистой. Эрагон был настолько потрясен произошедшим и возможной гибелью Рорана, что даже не заметил, сколько сил отняло у него это заклинание.

— Нет, нет, нет... — бормотал он. — Роран не мог погибнуть! Не мог, не мог, не мог...

Он все повторял и повторял это про себя, словно от бесконечного повторения эти слова и впрямь могли стать реальностью. Но с каждым разом эта безмолвная фраза становилась все менее похожей на правду и все более походила на мольбу, обращенную неизвестно к кому — ко всему миру, наверное.

Перед ним стояли Арья и прочие вардены; они кашляли и терли руками глаза. Многие согнулись и опустили плечи, словно ожидая удара, а другие, раскрыв рот, непонимающе смотрели на огромную зияющую брешь. Весь двор был усыпан мелкими каменными обломками, и под

ними почти уже не виден был старательно выложенный мозаичный рисунок. Две с половиной комнаты на втором этаже замка и одна на третьем — из окна которой с такой злобой наводил свои чары тот самый маг — были теперь совершенно открыты любым ветрам. При ярком солнечном свете внутренность этих комнат и мебель в них казались на редкость грязными и обшарпанными. Было видно, как с полдюжины солдат, вооруженных большими луками, пытаются выбраться из этих помещений, карабкаясь через обломки и стараясь отойти как можно дальше от обрыва, перед которым неожиданно оказались. Грубо толкая друг друга, они просачивались в дверь в уцелевшей стене комнаты и исчезали где-то в глубинах замка.

Эрагон пытался определить, сколько примерно весит самый большой кусок в куче каменных обломков; должно быть, несколько сотен фунтов. Совместными усилиями он, Сапфира и эльфы смогли бы, конечно, с помощью магии сдвинуть этот обломок с места, однако это отняло бы у них столько сил, что и сами они стали бы слабыми и весьма уязвимыми. К тому же это заняло бы слишком много времени. На мгновение Эрагон подумал о Глаэдре. Да, золотистый дракон, безусловно, достаточно силен, чтобы с легкостью распвырять всю эту груду камней, но сейчас нужно было действовать как можно быстрее. Элдунари Глаэдра в данный момент извлечь было непросто, и Эрагон совсем не был уверен, что ему удастся убедить Глаэдра хотя бы в необходимости поговорить, не говоря уж о том, чтобы спасти Рорана и остальных варденов.

Эрагон представил себе Рорана в последний миг, когда тот за секунду до обвала стоял под аркой дверей... и вздрогнул, неожиданно поняв, как следует поступить.

— Сапфира, помоги им! — крикнул он и, отбросив в сторону щит, бросился вперед.

Эрагон успел услышать, как у него за спиной Арья что-то сказала на древнем языке — какую-то короткую фразу, вроде бы означавшую: «Спрячь это!», — затем нагнала его и побежала рядом с мечом в руке, готовая сражаться.

У подножия груды обломков Эрагон постарался подпрыгнуть как можно выше и, коснувшись одной ногой

большого куска стены, снова подпрыгнул, перескочив с этой опоры на следующую, точно горный козел, взбирающийся по отвесной стене ущелья. Он с отвращением подумал, что, наверное, зря так сильно рискует, ибо и сам легко мог оказаться под потревоженными им каменными обломками и погибнуть, но более быстрого способа достигнуть вершины этой жуткой груды он не видел.

Совершив последний мощный прыжок, Эрагон перепрыгнул в разрушенное помещение второго этажа и ринулся к двери в дальней стене. Он с такой силой распахнул ее, что выломал засов, а сама дверь, сорвавшись с петель, с грохотом выпала в коридор. От страшного удара даже крепкие дубовые планки во многих местах расщепились.

Эрагон вихрем промчался по коридору. Собственные шаги и дыхание казались ему какими-то странно приглушенными, словно в ушах у него было полно воды.

Потом он чуть замедлил бег и осторожно заглянул в открытую дверь. За ней он увидел кабинет и пятерых вооруженных мужчин, которые, сгрудившись вокруг рабочего стола, о чем-то спорили, тыча пальцами в карту. Никто из них Эрагона не заметил.

Он бросился дальше и, не снижая скорости, завернул за угол, где столкнулся с каким-то идущим ему навстречу солдатом, и врезался лбом прямо в его щит. Перед глазами у него вспыхнули красные и желтые огни, он обхватил воина руками, и они, шатаясь, закружились в коридоре, точно парочка пьяных танцоров.

Солдат буркнул какое-то ругательство, пытаясь вырваться и обрести равновесие.

— Да что с тобой такое, чтобы тебя трижды разорвало... — воскликнул он и только тут понял, *кто* перед ним. Глаза его невольно расширились. — Ты?!

Эрагон медлить не стал: с силой отведя назад правую руку, он ударил солдата прямо в солнечное сплетение. Тот подлетел вверх, ударился о низкий потолок и безжизненной грудой рухнул на пол.

— Я, — подтвердил Эрагон и бросился дальше.

Сердце у него бешено колотилось, и ему казалось, что оно стало биться еще в два раза быстрее с тех пор, как он

проник в замок. Порой ему казалось, что сейчас сердце и вовсе выскочит у него из груди.

«Где же это?» — думал он лихорадочно, заглядывая в каждую дверь и не находя там ничего похожего на лестницу.

Наконец в самом конце какого-то грязного бокового коридорчика он обнаружил винтовую лестницу и, перепрыгивая разом через пять ступенек, поднялся в какое-то странное помещение с высоким сводчатым потолком, чем-то напоминавшее собор в Драс-Леоне. Быстро поворачиваясь вокруг своей оси, он успел разглядеть на стенах и щиты, и различное оружие, и красные знамена, и узкие окна почти под самым потолком, и факелы в держателях из кованого чугуна, и безжизненные камины, и длинные, из темного дерева раскладные столы, составленные вдоль обеих стен, и возвышение в дальнем конце комнаты, где перед креслом с высокой спинкой, похожем на трон, стоял какой-то роскошно одетый бородатый человек. Итак, Эрагон находился в главном зале замка. Справа от него, между ним и дверями, которые вели к выходу, стоял отряд из пятидесяти с лишним человек. Золотая нить в их нарядных коттах поблескивала в свете факелов. Увидев Эрагона, они зашевелились и удивленно загудели, а бородатый человек приказал:

— Убейте его! — Но Эрагону показалось, что голос этого лорда звучит не столько повелительно, сколько испуганно. — Тот, кто его убьет, получит треть моего состояния! Клянусь!

Ужасное ощущение того, что вот сейчас и рухнут все его планы, охватило душу Эрагона. Нет, он не даст им снова встать у него на пути! Выхватив из ножен меч, он поднял его над головой и крикнул:

— Брисингр!

Раздался легкий шелест, и от эльфийского клинка взметнулись языки синего пламени, пробегая по всему сверкающему лезвию до самого острия. Живительный жар этого огня согрел правую руку и щеку Эрагона, и он перевел взгляд на воинов.

— Убирайтесь! — прорычал он.

Те несколько мгновений колебались, потом разом повернулись и исчезли в коридоре.

А Эрагон ринулся вперед, не обращая внимания на тех неповоротливых увальней, которые, впав в панику, оказались в пределах досягаемости для его пылающего меча. Один из них, споткнувшись, рухнул прямо под ноги Эрагону, который легко перепрыгнул через него, не коснувшись даже кисточки на шлеме.

Стремительные движения Эрагона раздували пламя, полыхавшее на Брисингре, и языки этого пламени летели за ним, точно грива несущейся галопом лошади.

Опустив плечи и по-бычьи нагнув голову, Эрагон выбежал в широкую дверь, за которой находился зал приемов. Он вихрем пронесся через это длинное и широкое помещение в коридор, куда выходили двери других комнат. Эрагон успел заметить, что там было полно солдат, оружия и всевозможных приспособлений для подъема и спуска главных ворот крепости. Затем он со всего размаха уперся в решетку, которая и преградила ему путь к тому месту, где стоял Роран, когда рухнула стена.

Железная решетка прогнулась, когда Эрагон со всей силы ударил в нее, но сил, чтобы проломить металл, у него не хватило.

И он, пошатываясь, отступил на шаг назад. А потом снова направил в свое тело и в Брисингр ту энергию, что была накоплена в алмазах, спрятанных в поясе Белотха Мудрого, лишив драгоценные камни их еще более драгоценного запаса магической энергии, но заставив пылавший на его клинке огонь вспыхнуть ослепительно-ярко. Беззвучный крик вырвался у него изо рта, когда он отвел руку назад и ударил мечом по металлической решетке. Вокруг так и посыпались оранжевые и желтые искры, прокусывая насквозь его перчатки и больно жаля обнаженные участки тела. Капля расплавленного металла, шипя, упала на его сапог. Резко дернув ногой, он сбросил ее.

Оказалось, достаточно нанести всего три рубящих удара, и перед ним в решетке открылось отверстие высотой в человеческий рост, а вырубленный кусок решетки упал внутрь. Искореженные края прохода светились, раскаленные добела.

Эрагон позволил пламени над Брисингром слегка улечься и прошел в сделанный им проход.

Сперва налево, потом направо, потом снова налево. Он бежал без остановки, следуя изгибам бесконечно длинного коридора, предназначенного для того, чтобы замедлить продвижение воинов противника, если бы им удалось пробиться внутрь крепости.

В последний раз свернув за угол, он увидел наконец вожделенную цель — вестибюль крепости, окутанный мраком и заваленный каменными осколками. Даже с помощью своего острого, почти эльфийского, зрения Эрагон мог различить во мраке лишь самые крупные предметы, поскольку осколки камней загасили все факелы, горевшие на стенах. В тишине отчетливо слышалось какое-то странное сопение и царапанье — словно какое-то большое и неуклюжее животное возилось под кучей каменных обломков, пытаясь выбраться.

— Найна, — сказал Эрагон, создавая магический световой шар.

Голубоватый, лишенный конкретной направленности свет озарил пространство перед ним, и Эрагон увидел, как из-под камней появляется Роран, потный, покрытый грязью, кровью и копотью, с угрожающе оскаленными зубами. Похоже, все это время он не переставал бороться с каким-то солдатом Империи, рядом лежали трупы еще двух людей.

Солдат испуганно заморгал, заметив неожиданно вспыхнувший свет, и Роран тут же воспользовался этим, скрутил его, поставил на колени и, выхватив у него из-за пояса кинжал, перерезал ему горло. Солдат раза два брыкнул ногами и затих.

Хватая ртом воздух, Роран отшвырнул мертвое тело и выпрямился; с пальцев у него капала кровь. Посмотрев на Эрагона каким-то странным остекленевшим взглядом, он промолвил: «Как ты вовремя...» — и потерял сознание.

ТЕНИ НА ГОРИЗОНТЕ

Чтобы Роран не грохнулся головой о каменный пол, Эрагон был вынужден бросить Брисингр, чего ему делать очень не хотелось, и подхватить брата. Его драгоценный меч зазвенел о каменные плиты в тот самый миг, когда тело Рорана упало ему на руки.

— Он сильно ранен? — послышался голос Арьи.

Эрагон вздрогнул и с удивлением увидел, что Арья и Блёдхгарм стоят с ним рядом.

— Не думаю, — сказал он и похлопал Рорана по щекам, невольно еще больше размазывая грязь у него по лицу. В ровном, льдисто-голубом свете магического шара Роран казался совершенно изможденным. Его запавшие глаза были окружены темными кругами, а губы, наоборот, казались ярко-красными, словно вымазанными ягодным соком. — Ну же, очнись! — звал его Эрагон.

Через некоторое время веки Рорана дрогнули, он открыл глаза и посмотрел на Эрагона, явно ничего не понимая. Чувство облегчения, охватившее Эрагона, было столь сильным, что он, казалось, чувствовал его вкус.

— Ты ненадолго потерял сознание, — сказал он Рорану.

— Ага...

«Он жив!» — мысленно сообщил Эрагон Сапфире, рискнув ненадолго установить с нею мысленный контакт.

Драконихa явно осталась довольна этим известием:

«Прекрасно. Тогда я останусь здесь и помогу эльфам убрать камни от входа в здание. Если я тебе понадоблюсь, позови, и я найду способ до тебя добраться».

Звеня кольчугой, Роран с помощью Эрагона поднялся на ноги, и Эрагон спросил:

— А что с остальными? — Он указал на груду каменных осколков.

Роран покачал головой.

— Ты уверен?

— Там никто не сумел бы выжить. Я-то спасся только потому, что меня отчасти закрыла арка.

— Как ты себя чувствуешь-то?

— Что? — Роран нахмурился, словно не понимая вопроса. Казалось, эта мысль ему в голову вообще не приходила. — Я в полном порядке... Кисть, похоже, сломана, но это ничего.

Эрагон выразительно посмотрел на Блёдхгарма. На лице эльфа отразилось явное, хотя и не ярко выраженное, неудовольствие, но он все же подошел к Рорану и вкрадчивым голосом спросил:

— Не могу ли я... — и протянул руку к поврежденной руке Рорана.

Пока Блёдхгарм трудился над увечьем Рорана, Эрагон подобрал с пола Брисингр и встал вместе с Арьей у входа на тот случай, если кто-то из защитников крепости окажется столь дерзким, что решится на них напасть.

— Ну вот и все, — сказал Блёдхгарм и отошел от Рорана, а тот покрутил в воздухе кистью, проверяя, хорошо ли работает сустав, и от души поблагодарил эльфа.

Потом Роран порылся в обломках, отыскал свой молот, поправил покосившуюся рукоять, сунул молот за пояс и посмотрел в сторону выхода.

— Я чуть было не добрался до этого лорда Брэдберна, — сказал он обманчиво-спокойным тоном. — Он, по-моему, засиделся на своем троне, пора бы его от этих обязанностей освободить. Ты разве со мной не согласна, Арья?

— Согласна, — сказала она.

— Ну, тогда давайте отыщем этого старого болвана с толстым мягким брюхом, и я его слегка пристукну своим молоточком — пусть вспомнит, скольких мы сегодня потеряли.

— Несколько минут назад он был в главном зале, — сказал Эрагон, — только вряд ли он стал дожидаться нашего возвращения.

Роран кивнул:

— Что ж, тогда придется за ним поохотиться. — И он рысцой ринулся вперед.

Эрагон, погасив магический шар, поспешил следом за Рораном, держа меч наготове. Арья и Блёдхгарм тоже старались от него не отставать, хотя этому и мешали бесконечные извилины и повороты коридора.

Зал, куда привел их коридор, оказался, разумеется, совершенно пуст, как и главный зал замка. Единственным свидетельством того, что там только что находилось не менее пятидесяти воинов, был кем-то забытый шлем, валявшийся на полу.

Эрагон и Роран промчались мимо мраморного тронного возвышения, и Эрагон старательно соизмерял свою скорость со скоростью брата, чтобы случайно не оставить его далеко позади. Пинками они вышибли дверцу слева от возвышения и ринулись вверх по находившейся за дверцей лестнице.

На каждом этаже они ненадолго останавливались, чтобы Блёдхгарм мог мысленно обследовать пространство, пытаясь обнаружить какие-то следы лорда Брэдберна и его свиты, но эльф так ничего и не обнаружил.

На верхнем этаже Эрагон услышал грохот сапог, а потом увидел целый лес ощетинившихся копий. И почти сразу же Роран получил резаную рану в лицо и в правое бедро. Из раны в ноге кровь полилась ручьем, и Роран, взревев, точно раненый медведь, ринулся на копья, выставив перед собой щит и пытаясь силой преодолеть сопротивление солдат, выталкивая их с лестницы. Солдаты истерически орали.

Эрагон, переложив Брисингр в левую руку, вытянул правую руку из-за спины Рорана и, схватив одно из копий за древко, выдернул его из рук воина. Мгновенно перевернув копье, он метнул его в самую середину толпы людей, загораживавших проход. Кто-то пронзительно вскрикнул, кто-то упал, и почти сразу в стене тел образовался узкий проем. Эрагон еще раз повторил тот же прием, и это привело к тому, что через пару минут количество солдат уменьшилось настолько, что Роран шаг за шагом сумел-таки оттеснить их назад.

Как только им удалось выбраться с лестницы на просторную площадку, окаймленную балюстрадами, оставшиеся человек десять — двенадцать солдат попросту разбежались, однако каждый постарался занять такую позицию, чтобы в случае чего было удобно метнуть в противника свое копье. Роран снова дико взревел и набросился на ближайшего к нему солдата. Ловко отразив удар меча, он решительно шагнул к воину и с такой силой ударил его молотом по шлему, что тот зазвенел, точно пустая кастрюля.

Эрагон быстро пересек площадку и, схватив двоих солдат, стоявших рядом, разом швырнул их на пол, а потом расправился с ними, нанеся каждому по одному лишь удару Брисингра. Прямо у него над головой, чуть не попав в него, пронесся брошенный кем-то боевой топор. Увернувшись от страшного удара, Эрагон присел, потом резко прыгнул вбок и швырнул того, кто метнул топор, через балюстраду на землю. А затем, успев развернуться, отразил нападение еще двоих, пытавшихся выпустить ему кишки пиками с острыми зазубренными наконечниками.

Тут подоспели и Арья с Блёдхгармом. Эльфы двигались безмолвно, с присущим им изяществом, словно исполняя некий смертельно опасный танец, что делало эту жуткую сцену насилия похожей на искусно поставленное представление, а не на схватку, которую противники ведут не на жизнь, а на смерть.

В этой стремительной схватке, полной звона металла, хруста сломанных костей, глухого стука отрубленных конечностей и душераздирающих стонов и криков, они вчетвером перебили всех оставшихся солдат.

Как и всегда, сражение вдохнуло в Эрагона новые силы, подняв его боевой дух. У него было такое ощущение, словно его окатили ведром холодной воды. Ясность мыслей у него была теперь просто необыкновенная.

А вот Роран, согнувшись и упершись руками в колени, хватал ртом воздух, словно только что остановился после долгого бега.

— Поправить? — спросил Эрагон, указывая на порезы на лице брата и на его окровавленную ногу.

Роран несколько раз с силой оперся на эту ногу, пробуя, выдержит ли она его вес, и сказал:

— Ничего, это может и подождать. Давай сперва отыщем Брэдберна.

Эрагон пошел впереди, а остальные гуськом за ним — сперва вниз по той же винтовой лестнице, затем снова наверх. Наконец, потратив на поиски еще минут пять, они нашли лорда Брэдберна. Он забаррикадировался в самом верхнем помещении западной башни, но с помощью нескольких несложных заклятий Эрагону, Арье и Блёдхгарму удалось не только отворить двери, но и разбросать груду мебели, которую к этим дверям придвинули. Когда они вместе с Рораном вошли внутрь, придворные и охрана лорда, заслонявшие его собой, не только побледнели, но и задрожали. Надо сказать, Эрагон испытал большое облегчение, когда ему пришлось прикончить всего лишь троих стражников, прежде чем все остальные побросали свое оружие и щиты на пол и сдались.

Затем Арья подошла к лорду Брэдберну, который все это время хранил молчание, и сказала:

— А теперь прикажи всем своим воинам сложить оружие. Их, в общем, осталось немного, но оставшимся ты еще можешь спасти жизнь.

— И не подумаю! — с издевкой заявил Брэдберн, и в голосе его прозвучала такая ненависть, что Эрагон чуть не ударил его. — Ты от меня не дождешься никаких уступок, эльфийка. Я никогда не сдам своих людей на милость таких нечестивых, *неестественных* существ, как вы! Лучше умереть. И не надейся, что сумеешь ввести меня в заблуждение своими сладкими речами. Мне известно о вашем союзе с ургалами, так что я скорее поверю змее, чем существу, которое способно преломить хлеб с этими рогатыми чудовищами!

Арья молча кивнула, положила руку Брэдберну на лицо и закрыла глаза. Некоторое время оба они стояли совершенно неподвижно, но Эрагон мысленно чувствовал, какая бешеная схватка разумов происходит между этими двумя соперниками. Впрочем, Арья вполне успешно преодолевала все мысленные барьеры, поставленные Брэдберном,

и в итоге полностью завладела его душой и разумом. Она тут же принялась изучать его воспоминания и вскоре обнаружила то, что искала: природу его хранителей.

Тогда она произнесла что-то на древнем языке и наложила сложное заклятие, которое должно было обмануть этих магических стражей и погрузить Брэдберна в сон. Когда она умолкла, глаза лорда закрылись, и он, вздохнув, бессильно обвис у нее на руках.

— Она его убила! — вскричал один из стражников, и отовсюду понеслись испуганные и гневные крики слуг и приближенных лорда.

Эрагон попытался было убедить их, что это не так, но услышал, как где-то вдалеке протрубила труба варденов. Ей вскоре ответила вторая труба, гораздо ближе, затем еще одна, и вдруг Эрагон услышал обрывки радостных — да, радостных, он мог бы в этом поклясться! — возгласов, доносившихся со двора.

Озадаченный, он переглянулся с Арьей, и они, собравшись в кружок, стали выглядывать изо всех окон зала по очереди.

На запад и юг от крепости простиралась Белатона. Это был крупный, процветающий город, один из самых больших в Империи. Ближе к замку лорда Брэдберна здания имели весьма внушительные размеры и были сложены из камня. У них были хорошо просмоленные крыши и красивые балконы. А дальше вдоль улиц тянулись в основном деревянные или глинобитные дома, и некоторые из деревянных строений во время битвы оказались охвачены пожаром. Над городом висела едкая коричневая пелена дыма, от которого першило в горле и щипало глаза.

Дальше к юго-западу, примерно в миле от города, находился лагерь варденов: длинные ряды серых войлочных палаток, окруженные траншеями и частоколом; на немногочисленных и более ярко окрашенных шатрах развевались боевые флаги; земля была буквально устлана сотнями раненых. Палатки целителей были явно переполнены.

К северу, за доками, причалами и пакгаузами, раскинулось огромное озеро Леона, на темной поверхности которого изредка мелькали белые гребешки волн.

А с запада на город надвигалась стена черных туч, грозившая залить все вокруг струями дождя, которые, похоже, уже повисли у нее по краям, точно неровный подол женской юбки. Где-то в недрах этой черной стены время от времени вспыхивали синие молнии и глухо ворчал, точно рассерженный зверь, гром.

Но нигде не мог Эрагон найти объяснение тому радостному шуму толпы, который привлек их внимание.

Они с Арьей поспешили к окну, выходившему прямо во двор крепости. Сапфира вместе с помогавшими ей людьми и эльфами только что закончила расчищать путь от груды камней перед дверями крепости. Эрагон свистнул и, когда Сапфира, подняв голову, посмотрела на него, помахал ей рукой. Ее длинные челюсти раздвинулись словно в улыбке, обнажая острые зубы, и она выпустила в его сторону облачко дыма.

— Эй! Что там нового? — крикнул Эрагон.

Один из варденов, стоявших на крепостной стене, указал рукой на восток.

— Смотри, Губитель Шейдов! Сюда идут коты-оборотни! Коты-оборотни, надо же!

Струйка холодного пота потекла у Эрагона по спине. Он посмотрел в ту сторону, куда указывал варден, и увидел целую армию этих загадочных тварей. Их темные фигурки выныривали, казалось, из каждой складки холмистой местности на том берегу реки Джиет, всего в нескольких милях от крепости. Некоторые коты-оборотни, как оказалось, передвигались на четырех лапах, а некоторые — на двух, но пока что они были слишком далеко, чтобы Эрагон мог с уверенностью сказать: да, это действительно они.

— Возможно ли это? — спросила Арья, и в голосе ее также слышалось глубочайшее изумление и недоверие.

— Не знаю... Впрочем, мы так или иначе скоро все узнаем: они явно направляются сюда.

КОРОЛЬ КОТОВ-ОБОРОТНЕЙ

Эрагон стоял в парадном зале замка справа от трона, на котором некогда восседал лорд Брэдберн; его левая рука лежала на рукояти Брисингра, убранного в ножны. Слева от трона стоял Джормундур — главнокомандующий войском варденов, сняв с головы шлем и держа его на сгибе руки. Его волосы были темно-каштановыми, но на висках уже успели поседеть. Джормундур, как всегда, зачесал их назад и заплел в длинную косу. Его худощавое гладкое лицо имело выражение сосредоточенно-равнодушного спокойствия, свойственное тем, кто привык подолгу ждать других. Эрагон заметил тонкую струйку крови, вытекавшую из-под правого наручного доспеха Джормундура, но сам он, похоже, этого вовсе не замечал и никакой боли не чувствовал.

Между ними восседала на троне предводительница варденов Насуада. В своем новом желто-зеленом платье она выглядела великолепно. Насуада нарядилась всего несколько минут назад, выменяв платье на военные трофеи и сочтя подходящим для столь официального момента, связанного с решением государственных вопросов. Но и для нее это сражение не прошло бесследно, об этом свидетельствовала льняная повязка на левой руке.

Очень тихо, так, чтобы только Эрагон и Джормундур могли ее слышать, Насуада сказала:

— Если бы мы могли заручиться их поддержкой...

— А что они захотят взамен? — тут же спросил Джормундур. — Наша казна почти пуста, а будущее весьма неопределенно.

Губы Насуады почти не двигались, когда она еще тише промолвила:

— Возможно, они от нас ничего и не захотят, кроме возможности нанести Гальбаториксу ответный удар. — Она помолчала и прибавила: — Но если это не так, нам придется изыскать иные возможности, а не только золото, и постараться убедить их присоединиться к нам.

— Может быть, тебе пообещать каждому бочонок сливок? — шепотом предложил Эрагон, и Джормундур хрюкнул, давясь от смеха. Насуада тоже тихонько засмеялась, но вскоре им пришлось прекратить все разговоры.

У дверей парадного зала прозвучали голоса трех труб. Паж с льняными кудрями и вышитым на рубахе знаменем варденов — белым драконом, держащим розу над мечом, повернутым острием вниз, на пурпурное поле, — вошел в открытую дверь, проследовал на середину зала, три раза ударил посохом об пол и тонким, срывающимся детским голоском провозгласил:

— Его благороднейшее королевское величество Гримрр Полулапа, король котов-оборотней, хозяин Безлюдных Мест, правитель ночных просторов и Тот, Кто Ходит Сам По Себе.

«Какой странный титул: Тот, Кто Ходит Сам По Себе», — подумал Эрагон и мысленно сказал это Сапфире.

«Зато вполне заслуженный, как мне кажется», — ответила она, и Эрагон почувствовал в ее словах явное удовлетворение, хотя увидеть ее, свернувшуюся клубком, со своего места и не мог.

Паж отошел в сторону, и в дверях показался Гримрр Полулапа в человечьем обличье. За ним следовала свита из четырех котов-оборотней, мягко ступавших своими мохнатыми лапами. Повадкой все четверо очень напоминали Эрагону кота Солембума, с которым он был знаком. У них были такие же мощные плечи и стройные лапы, как и у Солембума (когда тот пребывал в зверином обличье, разумеется), и такая же короткая темная гривка, спускавшаяся с шеи на холку, и такие же кисточки на ушах, и такой же темный кончик хвоста, которым они весьма изящно покачивали.

А вот Гримрр Полулапа не был похож ни на одно существо, каких Эрагону до сих пор доводилось видеть. С виду, особенно издали, его действительно можно было

принять за человека, однако росту в нем было не более четырех футов, то есть он был чуть меньше обычного гнома, но за гнома его никто никогда бы не принял. Как, впрочем, и за человека, особенно при ближайшем рассмотрении. В лице его, пожалуй, было что-то эльфийское: маленький, остренький подбородок, широкие скулы, густые, даже лохматые, брови и раскосые зеленые глаза, окаймленные длиннющими ресницами. Его густая черная челка закрывала лоб до самых глаз, а по бокам и сзади волосы были до плеч, прямые, гладкие, блестящие и тяжелые, чем-то напоминая гривки котов-оборотней в их истинном обличье. Что касается возраста Гримрра, то тут Эрагон даже предположить ничего не пытался.

Одет Гримрр Полулапа тоже был довольно необычно: в грубую кожаную куртку и набедренную повязку из кроличьих шкурок. К полам куртки были привязаны черепа примерно полутора десятков различных зверьков — птиц и прочей мелкой дичи, — которые при движении неприятно позвякивали. За пояс набедренной повязки был заткнут кинжал в ножнах. Орехово-смуглую кожу короля котов украшало множество тонких белых шрамов, похожих на царапины, покрывающие обычно старую, много лет используемую столешницу. У Гримрра, как на то и указывало его имя, на левой руке не хватало двух пальцев: похоже, кто-то их ему откусил.

Несмотря на всю его хрупкость, даже изящество, не возникало ни малейших сомнений в том, что Гримрр-мужского пола. Особенно впечатляли мощные мышцы его рук и плеч, широкая грудь, узкие бедра и пружинистая, хотя и несколько ленивая походка.

Казалось, что коты-оборотни вовсе не замечают людей, выстроившихся по обе стороны прохода к трону, и лишь когда Гримрр Полулапа поравнялся с травницей Анжелой, которая стояла рядом с Рораном и, как всегда, вязала очередной длиннющий полосатый чулок на шести спицах, глаза короля котов сузились, а по его шерсти словно волна прошла, и вся она встала дыбом. Точно так же отреагировали на Анжелу и четверо охранников Гримрра. А сам он, приподняв верхнюю губу и обнажив пару слегка изогнутых белых клыков, к удивлению Эрагона, издал короткое, громкое шипение.

Анжела подняла на него глаза, но лицо ее осталось спокойным и равнодушным, когда она сказала:

— А, здравствуй, киска. Кис-кис-кис.

На мгновение Эрагону показалось, что кот-оборотень бросится на нее. Словно черная волна прошла по его шее и странному нечеловеческому лицу, ноздри его раздулись, и он тихо зарычал, глядя на травницу. Остальные коты приняли боевую позицию — низко присели, готовясь прыгнуть, и прижали уши к голове.

Послышался шелест стали — многие явно вытаскивали из ножен мечи. Гримрр снова зашипел, потом отвернулся от Анжелы и неторопливо двинулся дальше. Когда мимо нее проходил последний из его свиты кот-оборотень, он тайком ударил лапой по клубку шерсти, точно обыкновенный домашний кот-озорник.

Сапфира была изумлена этой сценой не меньше Эрагона.

— «Киска?» — переспросила она.

Эрагон пожал плечами, забыв, что она его видеть не может, и мысленно ответил:

«Понятия не имею, почему она его так назвала. Да и кто может знать, что и почему делает или говорит Анжела?»

Наконец Гримрр добрался до Насуады, спокойно восседавшей на троне, и слегка поклонился ей, демонстрируя этим дерзким полупоклоном не только чрезвычайную самоуверенность, но и явную спесь, свойственную, пожалуй, только кошкам, драконам и некоторым знатным дамам.

— Госпожа Насуада, — сказал Гримрр в качестве приветствия. Голос у него оказался на удивление глубоким и низким, куда более похожим на хриплое рычание дикого кота, хотя его внешний вид, более всего напоминавший юношу, даже мальчика, предполагал, что он заговорит пронзительным дискантом или тенором.

Насуада также поклонилась довольно небрежно и ответила:

— Король Полулапа, мы очень рады видеть вас среди варденов — и лично вас, и других представителей вашего народа. Я сразу же должна извиниться за отсутствие здесь

нашего общего союзника, короля Сурды Оррина. Он не смог быть здесь и приветствовать вас, как очень того хотел, но в данный момент он со своей кавалерией защищает наш западный фланг от значительного контингента имперских войск.

— Прекрасно вас понимаю, госпожа Насуада, — сказал Гримрр, и острые зубы его блеснули. — Никогда не следует поворачиваться к врагам спиной.

— Да, вы правы... Но все же чему мы обязаны столь неожиданным удовольствием видеть вас в нашем кругу, ваше высочество? Коты-оборотни всегда славились приверженностью к уединению и всевозможным тайнам и загадкам. Кроме того, известно их стремление оставаться в стороне от любых конфликтов между народами Алагейзии, особенно со времен падения ордена Всадников. Можно, пожалуй, даже сказать, что ваш народ в течение последнего столетия воспринимается многими скорее как миф, чем как реальность. Ответьте же мне, почему вы именно сейчас решили все же явить себя свету?

И Гримрр, кот в человечьем обличье, поднял правую руку и указал на Эрагона кривоватым, похожим на коготь пальцем, украшенным длиннющим острым ногтем.

— Из-за него! — недовольно буркнул, почти прорычал он. — Один охотник никогда не нападет на другого, пока тот не покажет свою слабину. Гальбаторикс свою слабину показал: он ни за что не станет убивать Эрагона Губителя Шейдов или Сапфиру Бьяртскулар. Долго же мы этого ждали! И уж теперь ни за что такой возможности не упустим. И Гальбаторикс научится бояться и ненавидеть нас и поймет наконец, сколь велика была его давнишняя ошибка! Поймет, что именно мы участвовали в его разгроме. Ах, как сладка будет наша месть! Сладка, как костный мозг нежного молодого кабанчика! Пришло время представителям всех рас и народов, в том числе и котов-оборотней, объединиться и доказать Гальбаториксу, что ему так и не удалось уничтожить наше стремление к борьбе и свободе. Мы присоединимся к твоей армии, госпожа Насуада! Но как свободные союзники. Мы поможем вам уничтожить власть Гальбаторикса.

Что именно думала Насуада, слушая Гримрра, Эрагон бы сказать не взялся, но и на него, и на Сапфиру речь кота-оборотня произвела довольно сильное впечатление.

Немного помолчав, Насуада сказала:

— Ваши слова чрезвычайно приятно слышать, ваше величество, но, прежде чем принять ваше великодушное предложение, мне необходимо получить от вас ответы на некоторые вопросы. Вы не возражаете?

С видом полнейшего равнодушия Гримрр махнул рукой:

— Не возражаю. Извольте, я отвечу.

— Ваш народ всегда был *столь* таинственным и *столь* неуловимым, что, должна признаться, я до сегодняшнего дня даже никогда не слышала о вашем величестве. Честно говоря, я не знала даже, что у вашего народа есть *правитель*.

— Но я вовсе не такой правитель, как ваши короли, — сказал Гримрр. — Коты-оборотни предпочитают существовать независимо, но даже мы вынуждены бываем выбрать себе вожака, когда собираемся воевать.

— Понятно. В таком случае выступаете ли вы от лица всей вашей расы или же только от лица тех, с кем прибыли сюда?

Гримрр гордо выпятил грудь, и на лице его отразилось еще большее, если такое вообще возможно, самодовольство.

— Разумеется, я говорю от лица всех моих сородичей, госпожа Насуада, — сообщил он так ласково, словно промурлыкал. — Каждый дееспособный кот-оборотень из обитающих в Алагейзии, за исключением тех, что нянчат новорожденных, прибыл сюда и намерен драться. Нас не так уж много, но никто не может сравниться с нами в бою, ибо мы невероятно жестоки и свирепы. Кроме того, я могу также командовать теми, у кого лишь одно обличье, однако выступать от их лица я не могу, ибо они безмолвны, как и все прочие животные. И тем не менее они поступят так, как мы попросим.

— Те, у кого лишь одно обличье? — переспросила Насуада.

— Вы их прекрасно знаете и обычно называете «кошками». Они не способны менять свое обличье, в отличие от нас.

— И обычные кошки тоже вам подчиняются? Но верны ли они вам?

— О да! Они нами восхищаются... и это совершенно естественно.

«Если то, что он говорит, правда, — мысленно сказал Эрагон Сапфире, — то коты-оборотни действительно могли бы оказаться чрезвычайно ценны для нас».

А Насуада тем временем продолжала задавать Гримрру свои вопросы.

— А что именно, король, вы хотели бы получить от нас в обмен на вашу помощь? — Она быстро глянула на Эрагона, улыбнулась и прибавила: — Мы, разумеется, могли бы предложить вам сколько угодно сливок, но, помимо этого, признаюсь, наши ресурсы весьма бедны. Если ваши воины рассчитывают, что им заплатят за труды, то, боюсь, они будут сильно разочарованы.

— Сливки — лакомство только для котят. Ну, а золото для нас интереса не представляет, — ответил Гримрр и, поднеся к самому носу правую руку, стал внимательно изучать свои острые ногти, чуть прикрыв глаза веками. — Наши условия таковы: каждый из нас должен непременно быть вооружен кинжалом, если, разумеется, у него до сих пор еще нет кинжала. Кроме того, каждый должен получить по два комплекта доспехов, в точности соответствующих его росту, — один на тот случай, когда мы пребываем в обличье двуногих, другой — когда мы остаемся в зверином обличье. Никакой другой экипировки нам не нужно — нам не нужны ни палатки, ни одеяла, ни тарелки, ни ложки. Но каждому из нас должен быть обещан в день один гусь, или утка, или курица, или еще какая-то птица, а через день каждый должен получать миску свежей рубленой печени. Даже если нам не захочется сразу все это съесть, указанная пища должна быть непременно для нас оставлена. Кроме того, если вам удастся победить в этой войне, то ваш следующий правитель — король или королева, не важно, а также все последующие претенденты на этот титул — должен держать возле своего трона мягкую подушку, положив ее на самое почетное место, чтобы избранный представитель нашего народа мог с удобством на ней устроиться.

— Вы, ваше величество, торгуетесь, как гном во время принятия нового закона, — сухо заметила Насуада и, наклонившись к Джормундуру, шепотом спросила: — А у нас хватит печенки, чтобы накормить их всех?

— Надеюсь, — тоже шепотом ответил Джормундур. — В зависимости от размеров миски, естественно.

Насуада выпрямилась и снова повернулась к Гримрру; тон у нее стал довольно прохладным:

— Два набора доспехов — это слишком много, король Полулап. Вашим воинам придется решать, то ли они будут сражаться в обличье кошек, то ли людей, и как-то придерживаться принятого решения. В данный момент я не могу себе позволить двойную экипировку для каждого.

Если бы сейчас у Гримрра был хвост, то при словах Насуады он наверняка недовольно задергал бы им. Но, пребывая в человечьем обличье, кот-оборотень просто переступил с ноги на ногу и с деланным равнодушием кивнул:

— Хорошо, госпожа Насуада.

— И еще одно. У Гальбаторикса повсюду имеются шпионы и убийцы. А потому — и это одно из непременных условий *для любого* из тех, кто хочет присоединиться к варденам, — вы должны согласиться на то, чтобы наши заклинатели заглянули в вашу память и прочли ваши мысли, ибо мы должны быть уверены, что Гальбаторикс не имеет над вами власти.

Гримрр фыркнул:

— Если бы вы этого не сделали, то поступили бы очень глупо. И если у вас есть кто-то достаточно смелый, чтобы прочесть наши мысли, пусть читает. Но только не она! — И он, скривившись, указал на Анжелу. — Она никогда не заглянет в наши мысли!

Насуада колебалась. Эрагон видел, что ей ужасно хочется спросить, почему кошачий король так относится к Анжеле. Но она сдержала себя, кивнула и сказала:

— Хорошо. Значит, решено. Я сразу же пошлю за нашими магами, чтобы решить этот вопрос без отлагательств. И после этого — но в зависимости от того, что маги обнаружат в вашей памяти, хотя я уверена, что ничего неблагоприятного для нас там не будет, — я почту за честь

подписать между вашим народом и варденами союзническое соглашение.

Слова Насуады были встречены радостными криками и аплодисментами. Анжела захлопала в ладоши. Даже эльфы, похоже, были весьма довольны.

А вот коты-оборотни никак на эту устную договоренность не прореагировали, разве что раздраженно дернули ушами и прижали их к голове: им этот шум явно действовал на нервы.

ПОСЛЕДСТВИЯ

Все еще сидя в седле, Эрагон застонал и устало откинулся назад. Потом, обхватив колени руками, скользнул вниз по колючей чешуе Сапфиры на землю, где с удовольствием уселся и вытянул перед собой ноги.

— До чего же есть хочется! — снова простонал он.

Они с Сапфирой устроились во дворе крепости подальше от людей. Вардены были заняты расчисткой — старательно складывали камни в груду, а трупы на повозки. Из полуразрушенного замка непрерывным потоком выходили люди. Большая их часть ранее присутствовала на встрече Насуады с королем Гримрром, а теперь расходились, чтобы заняться насущными делами. Блёдхгарм и четверо эльфов, как всегда, стояли поблизости, посматривая, не грозит ли откуда опасность. Вдруг кто-то из них предостерегающе крикнул, и Эрагон, подняв голову, увидел, что к нему со стороны крепости направляется Роран, а за ним, всего в нескольких шагах, тащится Анжела. Ее чулок и пряжа развевались на ветру, а ей самой приходилось чуть ли не бежать, чтобы не отстать от широко шагавшего Рорана.

— Ты куда это направляешься? — спросил Эрагон, когда Роран наконец до него добрался.

— Хочу попытаться навести порядок в городе. Да и пленных нужно как-то устроить.

— Да-да... — Эрагон рассеянно оглядел крепостной двор, где кипела работа, и снова посмотрел на израненное лицо Рорана. — А ты, между прочим, здорово сражался!

— Ты тоже.

За это время Анжела успела нагнать Рорана, остановилась рядом и вновь занялась вязанием. Пальцы ее двигались так быстро, что Эрагон не успевал за ними следить.

— Значит, «кис-кис»? — спросил он.

На лице Анжелы появилось проказливое выражение, и она, тряхнув своими пышными кудрями, пообещала:

— Ладно, как-нибудь расскажу тебе эту историю.

Эрагон настаивать не стал. Он, собственно, и не ожидал, что Анжела станет объяснять свой поступок. Она редко это делала.

— А ты? — спросил Роран. — Ты теперь куда собираешься?

«Мы собираемся раздобыть себе еды», — мысленно сообщила ему Сапфира и слегка подтолкнула Эрагона мордой.

Роран кивнул.

— Да уж, поесть было бы неплохо. Ладно, вечером увидимся в лагере. — И, уже повернувшись, чтобы уйти, он прибавил: — Скажите Катрине, что я ее люблю.

Анжела засунула свое вязанье в тряпочную сумку, болтавшуюся у нее на поясе, и сказала:

— Пожалуй, мне тоже пора. У меня там зелье варится — надо бы присмотреть. Кроме того, я хочу выследить одного кота-оборотня...

— Гримрра?

— Нет, нет... одну мою старую знакомую — мать Солембума. Если, конечно, она еще жива. Впрочем, я надеюсь, что она в добром здравии. А вот насчет твердой памяти... — Анжела покрутила пальцами у виска, каким-то чересчур веселым голосом воскликнула: — Ладно, увидимся позже! — и исчезла.

«Садись ко мне на спину», — велела Сапфира и встала, так что Эрагон, оставшись без опоры, рухнул на землю.

Потом он уселся в седло, и Сапфира с тихим шелестом развернула свои огромные крылья. От этого движения по поверхности озера пробежала рябь, и многие из варденов бросили работу, чтобы посмотреть, как взлетает драконица.

На нижней стороне крыльев Сапфиры видна была настоящая паутина багровых и фиолетовых вен, в которых с такой силой пульсировала кровь, что вены, содрогаясь в такт биению мощного сердца, становились похожи на живых червей.

Затем драконица слегка разбежалась, подпрыгнула, мир вокруг Эрагона качнулся, и Сапфира разом оказалась на крепостной стене, балансируя на зубцах и кроша камень

своими острыми когтями. Эрагон покрепче ухватился за шип у нее на шее, и мир снова качнулся у него перед глазами, ибо теперь Сапфира ринулась со стены ввысь. Эрагон почувствовал кислый вкус и запах окалины, глаза у него защипало — это драконiха нырнула в густое облако дыма, висевшее над Белатоной, точно символ боли, гнева и печали.

Сапфира дважды с силой взмахнула крыльями, и они вылетели из дымового облака, кружа высоко над улицами города, где всюду виднелись светящиеся точки костров и пожарищ. Неподвижно раскинув крылья, драконiха парила в мощном восходящем потоке теплого воздуха, позволяя ему поднимать ее все выше и выше.

Несмотря на усталость, Эрагон все же наслаждался полетом и потрясающим видом, открывшимся с высоты. Ворчливая грозовая туча, готовая вот-вот накрыть собой всю Белатону, посверкивала бело-голубыми яркими молниями, а дальше и вовсе сгущалась прямо-таки чернильная чернота, в которой невозможно было ничего разглядеть, если не считать зигзагов молний, время от времени ее пронзавших. Хороша была и блестящая поверхность озера, и сотни крошечных зеленых ферм, разбросанных по равнине, но ничто из этих прекрасных видов не могло впечатлить сильнее этой грозной черной массы клубящихся туч.

Эрагон в который раз подумал о том, какая великая ему дарована привилегия — видеть мир с такой высоты, не говоря уж о том, чтобы иметь возможность летать верхом на драконе. Легким движением крыльев Сапфира начала скользящий спуск к бесконечным рядам серых палаток — лагерю варденов. Сильный порывистый ветер подул с запада, предвещая неизбежную бурю. Эрагон пригнулся к шее Сапфиры, еще крепче ухватившись за шип у нее на шее. Сверху было видно, как по поверхности полей будто пробегают шелковистые волны — это зреющие колосья гнулись под порывами все усиливающегося ветра, чем-то напоминая густую шерсть огромного зеленого зверя.

Пронзительно заржала лошадь, заметив мчавшуюся низко над рядами палаток Сапфиру. Драконiха приземлилась точно на той поляне, которую оставили специально для нее. Эрагон уже наполовину стоял в седле, когда Сапфира сложила крылья и медленно опустилась на взрытую

когтями землю. И все же приземлилась она довольно резко — Эрагон не удержался и вылетел из седла.

«Извини, — сказала она, — я пыталась сделать это как можно аккуратней».

«Не сомневаюсь».

Почти сразу же Эрагон увидел бегущую к нему Катрину. Ее длинные золотистые волосы развевались на ветру, одежда не скрывала уже довольно сильно выпирающего живота.

— Что нового? — крикнула она. В каждой черточке ее лица сквозила тревога.

— Ты о котах-оборотнях слышала?

— Ага.

— А кроме этого никаких особых новостей нет. У Рорана все хорошо, он велел сказать, что любит тебя.

Лицо ее сразу просияло, но тревога из глаз так и не ушла.

— Значит, с ним все в порядке? — Она показала Эрагону кольцо на среднем пальце левой руки. Это было одно из тех двух колец, которые Эрагон специально для нее и Рорана особым образом заколдовал, чтобы оба могли сразу узнать, если кто-то из них попадет в беду. — Мне показалось, примерно час назад кое-что случилось, и я испугалась, что это...

Эрагон покачал головой:

— Роран сам тебе обо всем расскажет. У него, конечно, есть несколько синяков и царапин, но, клянусь, он цел и невредим. Хоть и перепугал меня до смерти.

Тревога в глазах Катрины усилилась, но она все же заставила себя улыбнуться и сказала:

— Ну что ж, по крайней мере, хоть это меня утешает.

Расставшись с нею, Эрагон и Сапфира двинулись в сторону тех палаток, где вардены хранили припасы и готовили пищу. Там они до отвала наелись мяса, запивая его медовым напитком и слушая, как за стенами палатки все сильнее завывает ветер. Вскоре по натянутому навесу забарабанили крупные капли дождя.

С удовлетворением глядя, как Эрагон вгрызается в кусок свиной грудинки, Сапфира спросила:

«Ну что, вкусно? Правда, замечательно?»

Эрагон только замычал в ответ с набитым ртом, утирая стекавший на подбородок мясной сок.

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ УШЕДШИХ НАВСЕГДА

«Гальбаторикс безумен, а потому непредсказуем. Кроме того, в его умозаключениях есть некие пробелы, но обычным людям их не обнаружить. Если ты сумеешь найти эти слабые места, то вы с Сапфирой, возможно, и сможете одержать над ним победу. — Бром опустил трубку, лицо его казалось на редкость мрачным. — Надеюсь, ты сумеешь это сделать, Эрагон. Мое самое большое желание — чтобы вы с Сапфирой прожили долгую и плодотворную жизнь, свободную от страха перед Гальбаториксом и Империей. Жаль, что я не могу защитить вас от тех опасностей, что будут вам грозить! Увы, это не в моих силах. Я могу лишь дать вам совет, чему-то научить, пока я еще здесь... Сын мой, что бы с тобой ни случилось, знай: я люблю тебя, и мать твоя тоже тебя любила. Пусть же звезды всегда освещают твой путь, Эрагон, сын Брома».

Эрагон проснулся и открыл глаза. Сон прервался, образ Брома растаял. Над ним снова был провисший полог палатки, похожий на пустой бурдюк для воды. Палатке пришлось нелегко — очередная буря только что миновала. Из брюха провисшей складки на правую ногу Эрагона капала вода, и успевшая промокнуть штанина противно холодила кожу. Понимая, что нужно встать и подтянуть крепеж, Эрагон все еще медлил, так сильно ему не хотелось вылезать из постели.

«А тебе Бром никогда не рассказывал о Муртаге? Он не говорил тебе, что мы с Муртагом — сводные братья?» — мысленно обратился он к Сапфире.

Сапфира, клубком свернувшаяся снаружи под стеной палатки, проворчала:

«Сколько ни спрашивай, а ответ будет один и тот же».

«Интересно, почему все-таки? Почему он тебе не рассказывал? Ведь уж он-то наверняка знал о Муртаге. Не мог не знать».

Сапфира ответила далеко не сразу:

«У Брома всегда имелись какие-то свои соображения, но если уж строить догадки, то я бы предположила, что он считал так: важнее сказать тебе, как *он* тебя любит, и дать тебе какой-то полезный совет, чем тратить время на разговоры о Муртаге».

«И все же он мог бы предупредить меня! Мне бы и пары намеков хватило».

«Я не могу ручаться, что понимаю, какие именно соображения им руководили, но ты, Эрагон, должен наконец понять, что существуют такие вопросы, касающиеся Брома, на которые ты никогда не получишь ответа. Верь в то, что он по-настоящему любил тебя, и не позволяй никаким прочим сомнениям тревожить твою душу».

Эрагон, продолжая лежать, принялся изучать свои большие пальцы, поворачивая их так и сяк. Левый палец показался ему более морщинистым, а на правом виднелся небольшой извилистый шрам. Эрагон даже не помнил, когда заполучил этот шрам, хотя, должно быть, это произошло уже после Агэти Блёдхрен, праздника Клятвы Крови.

«Спасибо тебе», — сказал он Сапфире. Именно благодаря ей он уже три раза смог увидеть и услышать Брома с тех пор, как пал Финстер, и каждый раз ему удавалось заметить какие-то новые подробности в речах Брома или в его движениях, которые прежде ускользали от его внимания. Эти встречи успокаивали его и приносили ему радость, наполняли душу ощущением исполненного желания — того желания, которое терзало его всю жизнь: желания узнать имя своего отца и понять, любил ли он его, Эрагона.

Сапфира ответила на его благодарные слова слабым теплым свечением.

Хотя Эрагон хорошо поел и отдохнул — он проспал, наверное, целый час, — усталость в теле чувствовалась по-прежнему. Собственно, ничего иного он и не ожидал. По опыту он знал, что порой требуются недели, чтобы

полностью оправиться от иссушающего тело и душу воздействия затяжных сражений. Чем ближе вардены будут подходить к Урубаену, тем меньше и у него, и у всех прочих варденов будет оставаться времени, чтобы прийти в себя после очередного столкновения с противником. Эта война будет бесконечно изматывать их, и все они не раз будут ранены в боях, и потом, измученные и обессилевшие, должны будут лицом к лицу встретиться с Гальбаториксом, который как ни в чем не бывало поджидает их в своем дворце.

Эрагон старался не думать об этом.

Очередная капля воды с потолка палатки, крупная и холодная, окончательно привела его в дурное расположение духа, и он резко сел, спустив ноги на пол, потом встал и подошел к тому уголку палатки, где виднелась полоска ничем не прикрытой, насквозь промокшей земли. Там он опустился на колени и прошептал, глядя на этот клочок земли:

— Делои шарьялви!(Сдвинься, земля!) — И прибавил еще несколько фраз на древнем языке, необходимых для того, чтобы уничтожить ловушки, поставленные им накануне.

Земля закипела, точно вода в котелке, и из возникшего фонтанчика камешков, насекомых и червяков появился кованый сундучок примерно фута в полтора длиной. Протянув руку, Эрагон взял сундучок и освободил его от заклятия. Земля тут же перестала шевелиться и успокоилась.

Эрагон поставил сундучок на успокоившуюся землю и прошептал: «Ладрин!» (Откройся!), а потом махнул рукой возле замка, в котором даже скважины для ключа не было.Замок, щелкнув, открылся.

Слабое золотистое сияние разлилось по палатке, когда Эрагон приподнял крышку сундучка.

Там, надежно укрепленное в гнезде с бархатной подложкой, покоилось «сердце сердец» Глаэдра, его Элдунари. Крупный, похожий на самоцвет камень мрачновато поблескивал, точно угасающий уголек. Эрагон бережно взял Элдунари обеими руками, его острые, неправильной формы грани были теплыми на ощупь. Он заглянул в глубины камня и увидел там целую вселенную крошечных звездочек,

которые быстро вращались. Но движение их стало замедляться, да и самих звездочек, похоже, стало значительно меньше, чем в тот раз, когда Эрагон впервые взял Элдунари в руки — это было еще в Эллесмере, когда Глаэдр исторг его из своего тела и доверил заботам Эрагона и Сапфиры.

Как и всегда, это зрелище завораживало. Эрагон мог бы, наверное, целый день следить за постоянно менявшимся рисунком крошечных звезд.

«Мы должны попытаться еще раз», — мысленно сказала ему Сапфира, и он был с нею согласен.

Они вместе направили свою мысленную энергию к этим далеким огням, к безбрежному морю звезд, воплощавшему сознание Глаэдра, его разум и душу. Они словно летели сквозь холод и мрак, затем — сквозь жар и отчаяние, а затем — сквозь равнодушие, столь всеобъемлющее, что оно, казалось, иссушает их души, парализует волю, не позволяет действовать, заставляя остановиться и плакать.

«Глаэдр... Элда!..» — звали они снова и снова, но ответа не получали, и окутывавшее их равнодушие становилось все сильнее.

Наконец они вынырнули из глубин души старого дракона, не в силах более противостоять сокрушительной мощи его горя и его нынешнего жалкого состояния.

Придя в себя, Эрагон услышал, что кто-то стучит по шесту у входа в его палатку, затем раздался голос Арьи:

— Эрагон, можно мне войти?

— Конечно! — Он вздрогнул, протирая глаза.

Сумрачный серый свет, исходивший от покрытого тучами неба, мелькнул у него перед глазами, когда Арья приподняла полог палатки. И острая боль внезапно пронзила душу Эрагона, ибо прямо перед ним оказались ее глаза — ярко-зеленые, раскосые, совершенно невыносимые!

— Ну что, есть какие-то перемены? — спросила Арья и опустилась рядом с ним на колени. Доспехи она сняла, и на ней была та же черная кожаная рубаха, штаны и мягкие сапожки, как и в тот день, когда он спас ее из тюрьмы в Гилиде. Только что вымытые волосы ее еще не успели толком высохнуть и спускались по спине длинными тяжелыми прядями. Как и всегда, ее окутывал аромат

раздавленных сосновых игл, и Эрагону вдруг пришло в голову, что она, наверное, пользуется специальным заклинанием, чтобы вызывать этот аромат. А может, это ее естественный запах? Ему хотелось спросить ее об этом, но он не осмеливался.

На заданный ею вопрос он лишь молча покачал головой, и она, указав на Элдунари Глаэдра, спросила:

— Можно мне?

Эрагон подвинулся, пропуская ее:

— Пожалуйста.

Арья взяла Элдунари в ладони и закрыла глаза. Пока она сидела с закрытыми глазами, у Эрагона была возможность, не скрываясь, смотреть на нее так пристально, что в иное время это показалось бы оскорбительным. С его точки зрения, Арья во всех отношениях была воплощением красоты, хотя он, конечно, отдавал себе отчет в том, что кому-то ее нос может показаться слишком длинным, а лицо — угловатым, уши — чересчур заостренными, а плечи и руки — избыточно мускулистыми.

Арья вдруг резко затаила дыхание, словно безмолвно охнула, быстро убрала руки от Элдунари, словно обжегшись, и опустила голову. Эрагон заметил, что подбородок ее едва заметно дрожит.

— Это самое несчастное существо, какое мне доводилось встречать в жизни! — вырвалось у нее. — Мне бы так хотелось ему помочь! Не думаю, что он сам сумеет отыскать выход из той тьмы, что окружает его душу.

— Ты думаешь... — Эрагон колебался, не желая озвучивать собственные подозрения, потом все же договорил: — Ты думаешь, он может сойти с ума?

— Возможно, уже сошел. А если нет, то балансирует на самом краешке безумия.

Глубокая печаль охватила Эрагона; они оба не сводили глаз с золотистого камня.

Когда же наконец он сумел взять себя в руки, то спросил:

— Где сейчас Даутхдаэрт?

— Копье спрятано в моей палатке точно так же, как ты прячешь Элдунари Глаэдра. Если хочешь, я могу принести

его сюда. Или же буду прятать его до тех пор, пока оно тебе не понадобится.

— Оставь его там. Я же не могу постоянно носить его при себе — так, чего доброго, еще Гальбаторикс о его существовании узнает. И потом, глупо хранить такие сокровища в одном месте.

Арья согласно кивнула.

Боль в душе Эрагона от этого только усилилась.

— Арья, мне нужно...

Он не договорил: Сапфира мысленно сообщила ему, что видит одного из сыновей кузнеца Хорста — Олбриха, скорее всего, ибо Сапфира не в силах была отличить Олбриха от его брата Балдора, — который бежит прямиком к их палатке. Эрагон отчасти даже испытал облегчение: он и сам толком не знал, что именно ему так нужно сказать Арье.

— Сюда идет кто-то из сыновей Хорста, — сообщил он и закрыл крышку сундучка.

Возле палатки по мокрой земле громко зашлепали чьи-то босые ноги, и Олбрих, ибо это был именно он, закричал:

— Эрагон! Эрагон!

— Что ты так кричишь?

— У матери роды начались! Отец послал меня к тебе и велел спросить, не посидишь ли ты вместе с ним — вдруг что-нибудь пойдет не так и понадобится твое магическое искусство? Прошу тебя, если можешь...

Что он там еще говорил, Эрагон уже не слышал; он поспешно запер сундучок и вновь погрузил его в недра земли. Затем набросил на плечи плащ и уже застегивал его, когда Арья коснулась его плеча и спросила:

— Можно и мне с тобой? У меня в этих делах имеется кое-какой опыт. Если ваши люди мне позволят, я могу существенно облегчить ее роды.

Эрагон, ни секунды не раздумывая, отступил в сторону, пропуская Арью вперед.

НАСТОЯЩИЙ МУЖЧИНА

Грязь так и липла к сапогам, и Роран с трудом вытаскивал из нее ноги, усталые мышцы как огнем жгло от напряжения. Казалось, земля решила во что бы то ни стало стащить с него сапоги. К тому же было ужасно скользко. Грязь расползалась под ногами в самый неподходящий момент, а лужи были отвратительно глубоки. Бесконечное движение по улицам лагеря людей, лошадей и повозок привело к тому, что верхние дюймов шесть мокрой земли превратились в почти непролазную трясину. Всего несколько кустиков уцелевшей, но сильно помятой травы торчали вдоль размешанной ногами и колесами дороги, ведущей в лагерь варденов, но Роран подозревал, что и эта жалкая трава вскоре исчезнет, поскольку люди старались все же не ступать в чудовищную жижу посередине дороги.

Сам Роран даже не пытался отходить в сторону: ему было уже все равно, останется ли чистой его одежда. Кроме того, он страшно устал, и ему было проще брести по жидкой грязи, чем выискивать относительно безопасный путь, перепрыгивая с одного травянистого клочка суши на другой.

Он, спотыкаясь, брел вперед и думал о Белатоне. После встречи Насуады с котами-оборотнями он принял командование варденами в северо-западной части города и делал все, что в его силах, чтобы установить контроль над этой территорией, заставляя своих людей тушить пожары, строить баррикады на улицах, подыскивать жилье для воинов и конфисковывать оружие. Дел было невпроворот, и Роран с отчаянием спешил сделать самое необходимое, опасаясь, что в городе вновь начнутся сражения.

«Надеюсь, эти идиоты как-то переживут эту ночь и постараются не убить друг друга», — мрачно думал Роран.

Левый бок так сильно болел, что он порой скрипел зубами, затаивая дыхание.

«Проклятый трус!»

Кто-то выстрелил в него из большого лука с крыши дома. Лишь везение спасло его от неминуемой гибели; один из его людей, Мортенсон, успел закрыть его собой, когда лучник выстрелил с крыши. Тяжелая арбалетная стрела пронзила Мортенсона насквозь и все-таки сумела довольно сильно задеть Рорана. Мортенсон умер на месте, а тот, кто стрелял, успел уйти. Проклятие!

А через пять минут какой-то взрыв, возможно магического происхождения, убил еще двоих из его отряда, хотя эти люди успели только войти в какую-то конюшню, чтобы проверить, что там за шум.

Насколько Роран понимал, подобные «случайности» в этом городе — дело самое обычное. Нет сомнения, в большей их части повинны агенты Гальбаторикса, но и жителей Белатоны тоже невинными назвать было нельзя — да и кто смог бы стоять, сложа руки, и смотреть, как вторгшаяся в их родной город армия захватывает их дома и имущество, какие бы благородные цели вардены ни преследовали. Роран вполне способен был посочувствовать жителям Белатоны — ведь эти люди и впрямь считали, что должны защитить свои дома и семьи, — но в то же время он проклинал их за полное тупоумие, ибо они оказались не в силах понять, что сейчас вардены пытаются им помочь, а не причинить еще больший вред.

Он поскреб подбородок, пережидая, пока какой-то гном вытянет из лужи тяжело нагруженного коня, застрявшего в жидкой грязи, и продолжил свой путь.

Подойдя к своей палатке, он увидел Катрину; она склонилась над тазом с горячей мыльной водой, пытаясь с помощью стиральной доски отстирать пропитанные кровью бинты. Рукава у нее были засучены выше локтя, волосы собраны в растрепанный пучок, щеки раскраснелись от усилий, и все же она никогда прежде не казалась Рорану такой прекрасной. Она служила ему утешением — утешением

и убежищем, — и уже одно то, что он ее видит, облегчило тяжкое напряжение, сковавшее его душу, и непреходящее ощущение беспомощности.

Заметив мужа, Катрина перестала стирать и бегом бросилась ему навстречу, вытирая розовые от воды руки передником. Роран раскрыл ей объятия, и она повисла у него на шее, прижимаясь к нему всем телом. Раненый бок тут же вспыхнул острой болью, и он, не выдержав, коротко застонал.

Катрина, разумеется, тут же разжала объятия и отпрянула от него.

— Ой, я сделала тебе больно? — нахмурившись, спросила она с тревогой.

— Нет... нет... Просто царапина.

Она не стала больше его расспрашивать, просто поцеловала, теперь уже очень осторожно, и лишь смотрела на него полными слез глазами. Обнимая ее за талию, Роран наклонился и нежно поцеловал ее; у него не хватало слов, чтобы выразить, как он ей благодарен, как счастлив просто потому, что она с ним рядом.

Катрина переложила его левую руку себе на плечи, чтобы служить ему опорой, и повела к палатке. Там Роран со вздохом облегчения опустился на пень, служивший им табуретом и заботливо придвинутый Катриной поближе к костерку, на котором она грела воду для стирки, а теперь разогревала горшок с рагу, над которым уже поднимался аппетитно пахнувший парок.

Наполнив миску, Катрина подала ее мужу, затем принесла из палатки кружку эля и тарелку, на которой лежали полкаравая хлеба и кусок сыра.

— Тебе еще что-нибудь нужно? — спросила она каким-то странно хриплым голосом.

Роран не ответил — просто приложил ладонь к ее щеке и дважды провел по ней большим пальцем. Катрина робко улыбнулась, ласково погладила его по руке и вновь с удвоенной энергией принялась за стирку.

Роран долго смотрел на стоявшую перед ним миску с горячим рагу, но не мог проглотить ни кусочка — напряжение все никак не отпускало его. Впрочем, съев немного

хлеба, он почувствовал, что аппетит к нему возвращается, и с воодушевлением принялся за вкусный ужин.

Покончив с едой, он поставил миску на землю и стал греть руки над огнем, наслаждаясь последними глотками пива.

— Мы слышали грохот, когда упали ворота, — сказала Катрина, досуха отжимая бинты. — Не больно-то долго они продержались.

— Это правда... Всегда неплохо иметь на своей стороне дракона.

Катрина принялась развешивать бинты, а Роран с тревогой смотрел на ее живот. Каждый раз, думая об этом ребенке, созданном ими в любви, он испытывал невероятную гордость, смешанную, однако, со страхом, ибо отнюдь не был уверен, что сумеет обеспечить безопасное убежище для своего малыша и его матери. Горькой была также и мысль о том, что если война не закончится к тому времени, как Катрина родит, то она уедет отсюда в Сурду — она не раз ему об этом говорила, — чтобы растить ребенка в относительной безопасности.

«Я не могу потерять ее снова! Ни за что!»

Катрина сунула в таз с водой новую порцию бинтов.

— А сражение в городе как прошло? — спросила она, подливая горячую воду.

— Пришлось за каждый фут земли сражаться. Даже Эрагону нелегко пришлось.

— Раненые все говорили о баллисте, установленной на колесной повозке.

— Да. — Роран промочил горло элем, затем быстро рассказал жене, как они пробивались по улицам Белатоны и какие помехи встречали на своем пути. — Сегодня мы очень много людей потеряли, но могло быть и хуже. Гораздо хуже. Джормундур и капитан Мартланд хорошо все рассчитали.

— И все-таки их план не сработал бы, если бы не вы с Эрагоном! Вы оба оказались такими храбрецами!

Роран хрипло рассмеялся:

— Ха! А знаешь почему? Я тебе скажу. Даже одному из десяти наших воинов никогда по-настоящему не хочется

идти в атаку. Эрагон-то этого не видит: он всегда на самом переднем крае, ведет всех за собой. Но я-то все вижу! Большинство старается держаться подальше от передних рядов, они и в сражение не вступают, пока противник их в угол не загонит. Или возьмут и начнут руками размахивать да шуметь, а на самом деле и не думают сражаться!

Катрина была потрясена.

— Не может быть! Они что, трусы?

— Не знаю я... Знаешь, по-моему, они просто не могут заставить себя посмотреть в лицо тому, кого им придется убить, а вот убить солдата, который повернулся к ним спиной, для них сущий пустяк. Вот они и ждут, пока другие сделают то, чего сами они не могут. Ждут, когда другие, такие, например, как я, действовать начнут.

— А как ты думаешь, у Гальбаторикса люди тоже неохотно в бой идут?

Роран пожал плечами:

— Возможно. С другой стороны, у них и выбора-то нет. Разве могут они не подчиниться Гальбаториксу? Если он прикажет им сражаться, так они и будут сражаться.

— Насуада могла бы тоже приказать варденам! Взяла бы да заставила своих магов чары навести, чтобы никто из варденов не смел своим долгом пренебрегать!

— Тогда какая же разница будет между нею и Гальбаториксом? Нет уж, никто из варденов на это не согласится.

Катрина перестала стирать, подошла к мужу, поцеловала его в лоб и прошептала:

— Я так рада, что ты такой! Что ты... способен делать то, что делаешь!

И, вернувшись к своему корыту, она принялась отстирывать очередную порцию грязных, пропитавшихся кровью бинтов. Через некоторое время она сказала:

— А знаешь, я что-то нехорошее почувствовала — через кольцо... и подумала: с тобой, наверно, какая-то беда случилась.

— Я же был в самой гуще схватки — ничего удивительного. Ты каждую минуту могла нечто подобное почувствовать.

Катрина помолчала, не вынимая рук из воды и глядя на Рорана.

— Но раньше я почему-то ничего подобного не чувствовала...

Роран промолчал и допил пиво; ему хотелось оттянуть неизбежное объяснение, хотелось пощадить жену, не рассказывать ей о своих злоключениях в крепости, но было совершенно очевидно, что она не успокоится, пока не узнает правду. А попытки убедить ее, что все в порядке, лишь приведут к тому, что она станет воображать себе куда более страшные вещи, а не то, что было на самом деле. Да и бессмысленно скрывать что-либо от нее — все равно ведь подробности любого сражения вскоре становятся известны всему лагерю.

И Роран рассказал ей все. Правда, без особых подробностей и постаравшись описать обрушение стены просто как некое незначительное препятствие, а не событие, чуть не закончившееся его смертью. И все же оказалось довольно сложно описывать это словами. Роран то и дело останавливался, сбивался, а когда наконец закончил, то еще долго молчал, взбудораженный воспоминаниями.

— По крайней мере, ты не ранен, — вздохнула Катрина.

Он поковырял трещинку на горлышке пивной кружки.

— Нет, не ранен.

Она вдруг перестала стирать и посмотрела на него в упор:

— Значит, ты раньше сталкивался с куда большей опасностью?

— Да... наверное.

И она мягко, точно ребенка, упрекнула его:

— Так что же ты теперь-то не договариваешь? Ты же знаешь: нет ничего настолько ужасного, о чем ты не мог бы рассказать мне.

Роран снова поковырял трещинку на горлышке кружки и так нажал ногтем, что расшатавшийся кусочек вылетел. Он несколько раз провел пальцем по острой зазубрине и признался:

— Знаешь, я думал, что мне конец, когда эта стена на нас рухнула.

— Любой на твоем месте так подумал бы.

— Да, но дело в том, что в тот момент я *ничуть и не возражал умереть*. — Он грустно посмотрел на нее. — Неужели ты не понимаешь? Я ведь *сдался*, Катрина! Когда я понял, что мне не спастись, я принял эту мысль, точно кроткий ягненок, которого ведут на заклание, и я... — Не в силах продолжать, он уронил кружку и закрыл руками лицо. В горле у него стоял тугой колючий ком, не давая нормально дышать. А потом плеча его легко коснулись пальцы Катрины. — Я сдался, сдался! — в ярости прорычал он, полный отвращения к самому себе. — Я просто перестал бороться... Бороться за тебя... за нашего ребенка...

— Он умолк, словно захлебнувшись словами.

— Ш-ш-ш, тише, — прошептала она.

— Я никогда раньше не сдавался. Ни разу... Даже когда тебя похитили раззаки.

— Я знаю, что ты никогда не сдавался и не сдашься.

— Но этой войне должен быть положен конец! Невозможно, чтобы и дальше так продолжалось... Я не могу... Я... — Он поднял голову и в ужасе увидел, что Катрина вот-вот разрыдается. Он встал, обнял ее и крепко прижал к себе. — Прости меня, — прошептал он. — Прости. Прости. Прости... Этого больше не случится. Никогда. Обещаю.

— *Это* меня совершенно не волнует, — сказала она, и голос ее прозвучал глухо, потому что лицом она уткнулась ему в плечо.

Отчего-то эти слова больно укололи Рорана.

— Я понимаю, что проявил слабость, но мое обещание должно же что-то для тебя значить?

— Я совсем не это имела в виду! — воскликнула она, вырвалась из его объятий и укоризненно на него посмотрела. — Иногда ты бываешь удивительно глуп, Роран.

Он усмехнулся:

— Я знаю.

Она снова обняла его:

— Я бы все равно не стала хуже о тебе думать, что бы ты ни чувствовал, когда обрушилась та стена. Значение имеет только одно: ты по-прежнему жив... И потом, когда эта стена упала, ты ведь не мог сам ничего сделать, верно? — Он молча покачал головой. — Тогда тебе нечего стыдиться.

Вот если бы ты мог предотвратить ее падение, но не сделал бы этого или попросту сбежал бы — но ты ведь ничего такого не сделал! — вот тогда я, наверно, и впрямь перестала бы тебя уважать. Но ты сделал все, что в твоих силах, а когда ничего больше сделать не смог, то смирился со своей судьбой, а не стал бессмысленно восставать против нее. Это мудрость, Роран, а вовсе не слабость.

Он наклонился и поцеловал ее в лоб.

— Спасибо тебе.

— Не за что. Насколько мне известно, мой муж — самый храбрый, самый сильный, самый добрый человек в Алагейзии.

На этот раз он поцеловал ее в губы. И она рассмеялась, точно разрешая этим коротким смешком внезапно возникшее напряжение, и они еще долго стояли в обнимку, чуть покачиваясь и будто танцуя в такт какой-то мелодии, которая была слышна лишь им одним.

Потом Катрина шутливо оттолкнула мужа и отправилась к своему корыту, а он снова уселся на тот же пенек, впервые после этой битвы чувствуя себя спокойным и счастливым, несмотря на все свои болезненные раны и ушибы.

Глядя, как мимо проходят люди, а изредка и гномы или ургалы и обсуждают свои ранения и состояние своего оружия и доспехов, Роран пытался понять, каково общее настроение варденов, но особых выводов ему сделать не удалось; было ясно одно: всем, кроме, пожалуй, ургалов, необходимо хорошенько выспаться и поесть, и все, включая ургалов — и особенно ургалы, — нуждаются в тщательном мытье с головы до ног и желательно с помощью жесткой щетки из свиной щетины и далеко не одного ведра горячей воды.

Посматривал Роран и на Катрину. Он видел, что, несмотря на постоянную занятость, ее веселый нрав словно погас, сменившись почти постоянным раздражением и тревогой. Она упорно старалась отстирать эти проклятые бинты, но особого успеха это не приносило, и она все сильней хмурила брови, а потом стала вздыхать и даже порой вскрикивать от досады.

Наконец, когда она в очередной раз шлепнула мокрой тряпкой по стиральной доске, разбрызгивая во все стороны мыльную воду, а потом снова склонилась над корытом, недовольно поджав губы, Роран рывком поднялся со своего пня, подошел к ней и предложил:

— Давай лучше я.

— Нет, это уж совсем никуда не годится, — запротестовала Катрина.

— Ерунда. Иди хоть посиди немного, а я закончу... Ну же, ступай.

Она покачала головой:

— Нет. Это тебе нужно отдохнуть, а вовсе не мне. И потом, это не мужская работа.

Роран презрительно фыркнул:

— Это кем такой закон писан? Мужская работа, женская... Любая работа должна быть сделана, и точка. А теперь иди и сядь спокойно; ты сразу почувствуешь себя лучше, как только дашь отдых ногам.

— Роран, я же хорошо себя чувствую.

— Не глупи. — Он ласково пытался отодвинуть ее от корыта, но она не уходила.

— Это неправильно, — протестовала она. — Что люди подумают? — Она махнула рукой в сторону бредущих по грязной дороге варденов.

— Они могут думать все, что им угодно. Это ведь я на тебе женат, а не они. Если они считают, что, помогая тебе, я теряю свое мужское достоинство, значит, они просто дураки.

— Но ведь...

— Но ведь ничего. Ступай. Кыш! Убирайся отсюда.

— Но я...

— Я с тобой спорить не собираюсь. Если ты сама не сядешь, я отнесу тебя туда и к пню привяжу.

Хмурого выражения у нее на лице как не бывало.

— Так-таки и привяжешь? — весело спросила она.

— Так-таки и привяжу. А теперь уходи! — Когда Катрина неохотно отошла от своего драгоценного корыта ровно на один шаг, Роран в притворном отчаянии воскликнул: — Ну ты и упрямая!

— На себя посмотри. Ты даже мула кое-чему научить смог бы.

— Неправда, я ни капельки не упрямый. — Он расстегнул ремень, снял с себя кольчугу и повесил ее на шест у входа в палатку, потом снял латные нарукавники и закатал рукава рубахи. Воздух холодил кожу, а эти мокрые бинты были еще холоднее — они успели остыть, пока лежали на стиральной доске, — но это было ничего, вода-то была теплая, и руки в ней быстро согрелись. Разноцветные мыльные пузыри так и разлетались во все стороны, когда Роран с силой стал тереть ткань по стиральной доске.

Оглянувшись через плечо, он с удовлетворением отметил, что Катрина действительно отдыхает, впрочем, сидя на пеньке, вряд ли можно было так уж хорошо отдохнуть.

— Хочешь чаю с ромашкой? — спросила она. — Гертруда дала мне сегодня утром целую горсть свежих цветов. Я могу приготовить чай для нас обоих.

— Это было бы хорошо.

Дружеское молчание воцарилось между ними, пока Роран возился с этой бесконечной стиркой. Впрочем, работа даже как бы убаюкала его, привела в благостное настроение; ему нравилось делать что-то руками, а не только воевать и убивать, и потом, близость к Катрине давала ощущение удовлетворения и покоя.

Он уже выжимал последнюю порцию белья, и свежий чай был уже налит и ждал его рядом с Катриной, когда вдруг кто-то громко окликнул их с той стороны грязной, забитой пешими и конными дороги. Роран не сразу даже понял, что это Балдор. Он бежал к ним по грязи, не разбирая дороги и виляя между повозками. На нем был грязный кожаный фартук и толстые перчатки до локтя, тоже перепачканные грязью и такие изношенные и залоснившиеся, что пальцы на них были такими же твердыми и блестящими, как панцирь черепахи. Густые темные волосы Балдора были перехвачены сзади обрывком кожаной тесемки, а лоб пересекали сумрачные морщины. Балдор был немного меньше ростом, чем его отец, Хорст, и его старший брат, Олбрих, но в сравнении с другими людьми он все-таки был очень высоким, а его весьма развитая мускулатура

свидетельствовала о том, что он с детства помогал своему отцу-кузнецу. Из них троих никто в тот день в битве не участвовал — умелые кузнецы обычно слишком ценились, чтобы рисковать ими в бою, — хотя Роран и советовал Насуаде позволить им сражаться, поскольку Хорст и его сыновья и воинами были умелыми, а уж силы им и вовсе не занимать было. К тому же Роран знал, что на них всегда можно положиться даже в самых трудных ситуациях.

Он перестал стирать и вытер руки, пытаясь понять, что случилось. Катрина тоже вскочила и подбежала к нему.

Когда Балдор наконец до них добрался, ему пришлось некоторое время постоять, чтобы перевести дыхание, а потом он выпалил:

— Идемте скорей! У матери недавно роды начались, и мы...

— Где она? — прервала его Катрина.

— В нашей палатке.

Катрина кивнула:

— Хорошо, мы постараемся прийти как можно скорее.

На лице Балдора отразилась глубокая благодарность, он тут же развернулся и помчался обратно.

Пока Катрина, согнувшись, что-то собирала в палатке, Роран выплеснул содержимое чайника в костер и затушил его. Горящие дрова зашипели, и над ними вместо дыма поднялось облако пара, наполнив воздух неприятным запахом.

Предчувствие чего-то ужасного и какое-то странное возбуждение заставляли Рорана спешить.

«Только бы она не умерла», — думал он, вспоминая те разговоры, которыми обменивались женщины, обсуждая возраст жены кузнеца и ее чрезмерно затянувшуюся беременность. Илейн всегда была добра к ним с Эрагоном, и они очень ее любили.

— Ты готов? — спросила Катрина, выныривая из палатки и прикрывая голову голубым шарфом.

Роран подхватил с земли свой пояс и молот:

— Готов. Пошли.

ЦЕНА ВЛАСТИ

— Ну вот, госпожа моя, вам это больше не понадобится, и слава богу.

С тихим шелестом был снят с руки последний слой повязки, и Фарика унесла старые бинты. Бинтовать израненные предплечья Насуада была вынуждена с того дня, когда она и воинственный Фадавар, испытывая свое мужество и соревнуясь друг с другом, подвергли себя испытанию Длинных Ножей.

Насуада стояла, изучая рисунок огромного старого ковра, а Фарика обмывала и умащивала мазями ее руки. Сама Насуада, с тех пор как победила во время испытания Длинных Ножей, ни разу даже не посмотрела на свои шрамы; тогда эти, еще совсем свежие, раны показались ей столь ужасными, что ей не хотелось снова их видеть, пока они не заживут.

Шрамы располагались асимметрично: шесть поперек внутренней стороны ее левого предплечья, три — поперек правого. Каждый из шрамов был три-четыре дюйма длиной и совершенно прямой, лишь самый конец одного из них на правой руке чуть изогнулся; тогда она все-таки несколько утратила самообладание, и нож дрогнул в ее руке, нанеся слегка извилистый порез почти в два раза длиннее всех остальных. Кожа вокруг шрамов была нежно-розовой и морщинистой, а сами шрамы были лишь немного светлее остальной ее кожи, и она была очень благодарна за это судьбе: она боялась, что шрамы будут белыми, блестящими и куда более заметными. Впрочем, они и так выделялись довольно сильно, приподнимаясь над поверхностью кожи примерно на четверть дюйма; эти твердые складки

выглядели так, словно под кожу Насуаде вставили гладкие стальные прутья.

Она рассматривала свои шрамы с двойственным чувством. С детства отец учил ее соблюдать обычаи родного народа, однако почти всю свою жизнь она провела среди варденов и гномов. Единственные ритуалы, которые она действительно соблюдала, да и то нерегулярно, были связаны с религиозными верованиями кочевников. Она, например, никогда не осмелилась бы руководить Танцем Барабанов или участвовать в энергичном Выкликании Имен, а также — и от этого Насуада особенно воздерживалась — соревноваться с кем бы то ни было во время испытания Длинных Ножей. И все же ей пришлось это сделать! И в результате у нее, еще совсем молодой и прекрасной женщины, предплечья были «украшены» девятью длиннющими шрамами. Она могла бы, разумеется, приказать своим магам, и те удалили бы уродливые шрамы, но тогда исчезло бы драгоценное свидетельство ее неоспоримой победы в испытании Длинных Ножей, и кочевые племена наверняка перестали бы ей подчиняться.

Но если Насуада и жалела, что руки уже не такие гладкие и округлые, как прежде, а потому больше не вызывают восхищенных взглядов мужчин, она все же гордилась своими шрамами. Они были свидетельством проявленного ею мужества, очевидным знаком ее преданности варденам. Теперь любому, кто их увидит, стало бы ясно, каков ее характер. А потому Насуада в итоге решила, что эти шрамы гораздо важнее, чем ее былая красота рук.

— А ты что думаешь? — спросила она и показала руки королю Оррину, который стоял у открытого окна и смотрел на город.

Оррин повернулся к ней, внимательно посмотрел на ее шрамы и нахмурился; глаза его под густыми ресницами потемнели. Свои доспехи он уже успел сменить на плотную красную тунику и длинный жилет, отделанный белым горностаем.

— Я думаю, что смотреть на них неприятно, — сказал он и вновь отвернулся, изучая город. — Прикрой свои руки, пожалуйста; в приличном обществе неприлично выставлять напоказ такое уродство.

Насуада еще некоторое время изучала свои шрамы, потом задумчиво, но твердо сказала:

— Да нет, я, пожалуй, не стану их прикрывать. — И она лишь поправила кружевные манжеты своих рукавов, доходивших до локтя. Затем она отпустила Фарику, прошла по старинному, вытканному еще гномами ковру, лежавшему в центре комнаты, и присоединилась к Оррину, изучавшему разрушенный сражением город. И с удовлетворением увидела, что все пожары, за исключением двух, вдоль западной городской стены, уже потушены. И лишь после этого Насуада посмотрела на Оррина.

За тот короткий промежуток времени, во время которого вардены вместе с жителями Сурды успели несколько раз нанести армии Гальбаторикса серьезное поражение, Насуада не раз замечала, что Оррин становится все более серьезным и даже мрачным; свойственные ему энтузиазм и эксцентричность почти исчезли, на лице было написано почти недовольство. Сперва Насуада этому даже обрадовалась, решив, что молодой король просто повзрослел, но война все продолжалась, и до конца ее было еще далеко, и Насуада стала скучать по тем оживленным беседам, которые они прежде вели с Оррином о естественной философии, по его веселым каламбурам и даже по его причудам и чудачествам. Оглядываясь назад, она понимала, что именно мальчишеское поведение Оррина и делало порой ее жизнь светлее, хотя иногда его выходки и казались ей грубыми и неуместными. Мало того, в этих переменах она видела и некую опасность для себя, ибо теперь, видя настроение молодого короля, легко могла себе представить, что он может попытаться сместить ее с поста предводительницы варденов.

«А была бы я счастлива, если бы просто вышла за него замуж?» — думала она.

Оррин обладал весьма привлекательной внешностью: прямой изящный нос, но довольно тяжелая нижняя челюсть, волевой подбородок, рот красивой формы, губы выразительно изогнуты; годы военных упражнений обеспечили ему отличную осанку и ощутимую физическую силу. Он был, безусловно, умен, тут у нее не было ни

малейших сомнений, да и в целом его характер был вполне приемлемым. И все же, если бы Оррин не был королем Сурды и если бы не представлял собой некой угрозы ее нынешнему положению среди варденов и самое главное самой независимости варденов, Насуаде явно даже в голову бы никогда не пришло размышлять о возможности брака с этим человеком.

«А хорошим ли он мог бы стать отцом для своих детей?»

Оррин на нее даже не смотрел. Опершись руками об узкий каменный подоконник, он вдруг заявил:

— Ты должна расторгнуть свой договор с ургалами.

Застигнутая врасплох, Насуада даже вздрогнула.

— Это почему же?

— Потому что они приносят нам только вред. Люди, которые в ином случае присоединились бы к нам, теперь проклинают нас за то, что мы вступили в союз с этими чудовищами, и отказываются сложить оружие, когда мы подступаем к их жилищам. Им кажется, что Гальбаторикс справедливо и разумно сопротивляется нашему натиску, а виной всему наш союз с ургалами. Простые люди не понимают, почему мы с ними объединились. Они не знают, что и Гальбаторикс вовсю использовал ургалов, что он, обманом заманив их в свои войска, заставил их пойти в атаку на Тронжхайм, да еще и под командованием этого проклятого шейда. Все эти тонкости насмерть перепуганным крестьянам и фермерам не объяснишь. Все они понимают одно: существа, которых они всю жизнь ненавидели и боялись, направляются прямиком к их домам, и ведет их огромный оскаленный дракон и никому не известный Всадник, с виду куда больше похожий на эльфа, а не на обычного человека.

— Но поддержка ургалов нам необходима, — возразила Насуада. — У нас на самом деле не такая уж большая армия.

— Ну, не настолько уж она нам необходима! Ты уже сама понимаешь, что я прав, а иначе почему ты не позволила ургалам участвовать в штурме Белатоны? Почему ты приказала им не входить в город? И все же недостаточно просто в некоторых случаях не допускать их на поле брани. Об ургалах по-прежнему распространяются по всему миру

ужасные слухи. И единственный способ исправить такое положение вещей — прервать свой договор с ними, пока этот злосчастный союз не принес нам еще больше вреда.

— Я не могу этого сделать.

Оррин резко повернулся к ней, лицо его исказилось от гнева.

— Люди *умирают*, потому что ты предпочла принять помощь Гарцвога. Мои люди, твои люди, жители Империи... они умерли и *похоронены*, Насуада! Этот союз не стоит такой жертвы, и, клянусь жизнью, я просто представить себе не могу, почему ты продолжаешь защищать его необходимость.

Насуада не выдержала его взгляда и потупилась; слишком сильно он напоминал ей о собственной вине, о тех соображениях, которые столь часто мучили и ее, когда она тщетно пыталась уснуть. Она отвернулась и стала смотреть на струйку дыма, поднимавшуюся над какой-то башней на окраине города. Затем очень медленно промолвила:

— Я защищаю этот союз, ибо надеюсь, что благодаря ему будет спасено гораздо больше жизней, чем было уплачено за его заключение. Если мы победим Гальбаторикса... — Оррин прервал ее возгласом полнейшего недоверия, но она продолжала: — Ты прав, в этом, разумеется, нельзя быть уверенными до конца, но в своих планах мы должны исходить прежде всего из этой возможности. Итак, если мы победим Гальбаторикса, то на нашу долю выпадет нелегкое бремя; мы будем вынуждены помочь нашему народу оправиться от этих бесконечных войн, а затем построить на обломках Империи новое, сильное государство. И самое главное — после сотен лет войны мы наконец будем действовать в условиях мира. И я никогда не согласилась бы с тем, что сперва нам нужно уничтожить Гальбаторикса, а потом вступить в новую войну, уже с ургалами, которые непременно нападут на нас, ибо тогда мы будем особенно слабы и уязвимы.

— И все-таки они вполне могут на нас напасть. Во всяком случае, раньше они всегда именно так и поступали.

— Ну и что? — раздраженно воскликнула Насуада. — Тем более тогда единственный способ избежать

конфликта — это попытаться их приручить. Чем теснее они будут связаны с нами и нашим общим делом, тем менее вероятно, что они все-таки решат пойти против нас.

— А я предложу тебе иной план! — сердито воскликнул Оррин. — Прогони их. Нарушь свой договор с Нар Гарцвогом, отошли его прочь вместе с его «баранами»! А уж если мы действительно победим в этой войне, то сможем и возобновить переговоры с ними, и даже заключить новое соглашение, ведь тогда мы будем в более выигрышном положении, мы будем иметь полное право диктовать им те условия, которые выгодны нам. А вот и другой выход, еще лучше: пошли в Спайн Эрагона и Сапфиру с полком своих людей, и пусть они раз и навсегда сотрут этих рогатых уродов с лица земли, как это следовало бы сделать Всадникам много столетий назад!

Насуада смотрела на него, не веря собственным ушам.

— Если я сейчас нарушу наш договор с ургалами, то они неизбежно придут в такую ярость, что незамедлительно нападут на нас, а сражаться одновременно и с ними, и с Империей мы не в состоянии. Провоцировать их нападение было бы верхом безрассудства, сущим безумием. Если уж такие мудрые существа, как эльфы, драконы и Всадники, дружно решили терпеть существование ургалов — несмотря на то что довольно легко могли бы их уничтожить, — то и мы должны последовать их примеру. Они понимали, что уничтожать ургалов неправильно и несправедливо; и тебе тоже следовало бы это понять, Оррин.

— Мудрые существа! Ха! Много же добра принесла им их *мудрость*! Хорошо, оставь какое-то количество ургалов в живых, но убей большую их часть, чтобы они еще лет сто не осмеливались ни на кого нападать.

Явственно звучавшие в его голосе боль и напряжение озадачили Насуаду. Она внимательней посмотрела на Оррина, пытаясь понять причину подобной мстительности, и вскоре, как ей показалось, отыскала наиболее очевидное объяснение этому.

— Кого из твоих близких убили ургалы? — напрямик спросила она.

Оррин поднял сжатую в кулак руку и медленно опустил ее на подоконник — казалось, он хотел с силой ударить по

нему, но отчего-то передумал. Несколько раз постучав кулаком по подоконнику, словно выпуская злобу, он сказал:

— Моего близкого друга. Мы с ним вместе выросли в замке Борромео. Вряд ли ты с ним когда-либо встречалась. А потом он стал одним из лейтенантов в моей кавалерии.

— И как он погиб?

— Именно так, как ты и подумала! Мы с ним были на конюшенном дворе, ставили охрану у западных ворот, когда из конюшни вдруг выбежал какой-то конюх и насквозь проткнул моего друга вилами. А когда мы загнали этого конюха в угол, он все вопил какую-то чепуху насчет ургалов и того, что он никогда им не сдастся... Это, впрочем, все равно не спасло дурня. Я сам его заколол.

— Мне очень жаль, что так получилось, — сказала Насуада, и самоцветы на короне Оррина вспыхнули, когда он кивнул ей в знак признательности, — но все же нельзя, как бы тебе ни было больно, позволять своему горю диктовать тебе подобные решения. Нелегко терять друзей и близких, я это хорошо знаю, но ты должен пересилить себя — во имя своего народа.

— Пересилить себя? — насмешливо переспросил Оррин.

— Да, пересилить. Мы должны лучше других владеть собой. С нас и спрашивается больше, чем с других, и мы обязаны быть лучше своих подданных, если хотим доказать им, что достойны такой ответственности... Ургалы убили моего отца — помнишь? — но это не помешало мне заключить с ними союз, ибо это может помочь варденам. И я не позволю, чтобы хоть что-то помешало нам достигнуть поставленной цели, как бы больно при этом ни было мне самой. — И Насуада снова показала Оррину свои шрамы.

— Значит, таков твой ответ? Ты отказываешься разрывать союз с ургалами?

— Да, отказываюсь.

Странно, но Оррин выслушал ее ответ с таким хладнокровием, что она даже встревожилась. А он, еще крепче стиснув пальцами край подоконника, вернулся к прежнему занятию: стал смотреть на раскинувшийся перед ним город. Его изящные длинные пальцы украшали четыре крупных перстня, и на одном из них, с большим аметистом,

была выгравирована королевская печать Сурды: украшенный ветвистыми рогами олень и побеги омелы, обвивающей его ноги, которыми он попирает лютню; напротив оленя виделся силуэт высокой крепостной башни.

— По крайней мере, — сказала Насуада, — мы пока не сталкивались с такими воинами Гальбаторикса, которые благодаря магическим чарам не чувствуют боли.

— А, ты имеешь в виду этих «смеющихся мертвецов»? — кивнул Оррин. Насуада знала, что это прозвище широко распространено среди варденов. — Да, пожалуй. Впрочем, мы и Муртага с Торном пока не видели, и это меня весьма беспокоит.

Некоторое время оба молчали. Потом Насуада сказала:

— Как прошел твой вчерашний опыт? Удачно?

— Я слишком устал, чтобы ставить опыты. Вместо этого я просто лег спать.

— Ясно...

Они еще немного помолчали, потом, словно по взаимному безмолвному согласию, подошли к столу, придвинутому к стене и заваленному листами бумаги, керамическими табличками и свитками. Насуада, взглянув на этот кошмарный натюрморт, только вздохнула. Всего полчаса назад этот стол был пуст и тщательно вытерт ее служанкой.

Она сосредоточилась на лежавшем сверху последнем донесении — общем количестве пленных, которых варденам взяли в течение осады Белатоны; имена наиболее важных особ были выделены красными чернилами. Они с Оррином принялись обсуждать это донесение, и Насуада призналась:

— Я просто не знаю, как из всего этого теперь выпутаться!

— Можно попробовать привлечь на нашу сторону здешних стражников. Тогда нам не пришлось бы оставлять в Белатоне так много наших воинов.

Насуада снова взяла в руки донесение.

— Возможно. Но таких, кто не только пообещает нам верность, но и сохранит ее, не так-то легко найти, а наши заклинатели и без того уже перегружены работой сверх меры... Кто этих людей проверит?

— А эти, из Дю Врангр Гата, не умеют устранять последствия клятвы, сделанной на древнем языке? — спросил Оррин и, поскольку Насуада ответила отрицательно, раздраженно прибавил: — Значит, их работа пока что никаких результатов не дала?

— С практической точки зрения — никаких. Я даже эльфов спрашивала, но уничтожить действие клятвы верности, данной Гальбаториксу, не могут и они, хоть и трудятся над этим уже много десятков лет.

— Если мы не решим этой проблемы, причем достаточно скоро, здесь, у нас в тылу, неизбежно вспыхнет новая война, — сказал Оррин.

Насуада потерла виски и поморщилась.

— Да знаю я! — Еще до того, как вардены покинули свое надежное убежище в Фартхен Дуре и Тронжхайме, она пыталась предусмотреть всевозможные осложнения, с которыми их армия впоследствии может столкнуться, но то, с чем они столкнулись сейчас, оказалось для нее полной неожиданностью.

Эта проблема впервые дала о себе знать после сражения на Пылающих Равнинах, когда стало очевидно, что все офицеры армии Гальбаторикса и большая часть рядовых солдат принесли своему правителю клятву верности на языке древних. Тогда-то Насуада и Оррин и поняли, что никогда уже не смогут доверять этим людям, несмотря на все их обещания — во всяком случае, пока существуют Гальбаторикс и Империя, а может быть, и после того, как они будут уничтожены. В результате они не могли позволить тем людям, которые вроде бы хотели дезертировать из войска Гальбаторикса, вступить в армию варденов, опасаясь того, к каким их действиям может привести данная ими клятва.

Хотя сперва, пожалуй, Насуаду это не слишком заботило. Пленные — это реальность любой войны, и она заранее договорилась с королем Орриномˊ что пленных пешим порядком отправят в Сурду и заставят работать — строить дороги, работать на каменоломнях, копать каналы или заниматься какой-то другой тяжелой работой.

И только после того, как вардены захватили город Финстер, Насуада осознала всю серьезность этой

проблемы. Подручные Гальбаторикса заставили принести клятву верности не только солдат, но и всю знать Финстера, а также большую часть важных чиновников и многих простых обывателей, выбранных, похоже, наугад, так что вардены оказались не в состоянии сразу распознать, кто из них особенно тесно связан с Гальбаториксом. Тех же, о которых это уже стало известно, приходилось содержать под замком, чтобы они не могли даже пытаться обратить кого-то еще в свою веру, прежде всего самих варденов. Таким образом, найти людей, которым можно было бы доверять, даже если они и хотели сотрудничать с варденами, на деле оказалось гораздо труднее, чем предполагала Насуада.

Для того чтобы охранять всю эту массу пленных, ей, например, пришлось оставить в Финстере в два раза больше варденов, чем она намеревалась, и сделать с этим она ничего не могла. К тому же при таком количестве заключенных сам город оказался не в силах себя содержать, и Насуада была вынуждена выделять существенную долю из своих скудных запасов провизии, столь необходимой ее армии, чтобы спасти жителей города от голода. Слишком долго терпеть такое положение дел было, разумеется, невозможно, а теперь ситуация и еще усугубилась, поскольку вардены захватили Белатону.

— Жаль, что гномы все никак до нас не доберутся, — сказал Оррин. — Можно было бы воспользоваться их помощью.

С этим Насуада была вполне согласна. В армии варденов в настоящий момент было всего несколько сотен гномов; остальные вернулись в Фартхен Дур, дабы похоронить своего павшего в бою короля Хротгара и дождаться выборов нового правителя, и Насуада тысячу раз уже проклинала столь неудачно сложившиеся обстоятельства. Она попыталась убедить гномов на время войны назначить регента, но они проявили поистине каменное упрямство и настояли на необходимости провести все свои многовековые предвыборные церемонии, хотя это и означало, что войско варденов останется без их поддержки в самый разгар военной кампании. Теперь, правда, гномы наконец выбрали нового

короля — им стал племянник Хротгара Орик — и вышли в поход из далеких Беорских гор, стремясь поскорее присоединиться к армии варденов. Но путь был неблизкий, и в настоящий момент они все еще шли через бескрайние долины к северу от Сурды, раскинувшиеся между озером Тюдостен и рекой Джиет.

Насуада часто думала, будут ли гномы в состоянии сражаться с врагом, когда прибудут в расположение варденов. Как правило, гномы были крепче людей, но ведь большую часть последних двух месяцев они провели на пешем марше, а это способно лишить сил даже самых сильных и крепких существ.

«И потом, они, должно быть, просто устали от бесконечных переходов», — думала она.

— У нас уже очень много пленных, а уж когда мы захватим Драс-Леону... — Насуада только головой покачала.

Оррин, внезапно оживившись, предложил:

— А что, если мы вообще обойдем Драс-Леону стороной?

Он пошуршал бумагами на столе и вытащил из-под них большую нарисованную гномами карту Алагейзии, которую и расстелил поверх всего прочего. Неровные груды бумаг и свитков придавали местности, изображенной на карте, весьма необычный вид с точки зрения топографии: к западу от леса Дю Вельденварден появились горные вершины, на месте Беорских гор возникла округлая впадина, через пустыню Хадарак пролегли овраги и глубокие каньоны, а по северной части Спайна вдруг покатились морские волны.

— Смотри. — Средним пальцем Оррин проследил направление от Белатоны до столицы Империи Урубаена. — Если мы пойдем прямо сюда, то к Драс-Леоне можно даже не приближаться. Это довольно сложно, конечно, расстояние огромное, но мы *вполне способны* его преодолеть.

Насуаде не требовалось слишком долго обдумывать его предложение; она и сама уже рассматривала подобную возможность.

— Риск в таком случае был бы слишком велик, — возразила она. — Гальбаторикс может атаковать нас с помощью того немалого войска, которое находится в Драс-Леоне — нам о нем известно от наших шпионов, — и тогда

нам придется воевать на два фронта. А это, на мой взгляд, самый верный способ проиграть и сражение, и даже всю войну. Нет, мы должны взять Драс-Леону, Оррин.

И Оррин, словно ставя точку, коротко кивнул и сказал:

— В таком случае придется вернуть наших людей из Ароуза. На счету у нас будет каждый воин, если мы и впрямь намерены взять этот жуткий город.

— Это правда. Но сперва я бы хотела убедиться, что осада Драс-Леоны благополучно доведена до конца — и желательно еще до конца этой недели.

— Но, я надеюсь, ты не станешь отправлять туда Эрагона?

— Нет, у меня есть другой план.

— Хорошо. А что все-таки нам делать с этими пленными?

— То же, что и раньше: охрана, решетки, замки. Может быть, даже попросить магов наложить на них заклятие, чтобы ограничить их способность передвигаться, тогда не нужно было бы постоянно за ними следить. Иного решения этой проблемы я не вижу, разве что всех их разом прирезать, но я бы предпочла... — И она попыталась представить себе, чего бы не сделала ради того, чтобы победить Гальбаторикса. — Я бы все-таки предпочла не прибегать к таким... *чудовищным* мерам.

— О да! — Оррин склонился над картой, сгорбившись, как хищная птица, и гневно сверкая глазами, вглядываясь в тонкие и неровные линии, которыми был обозначен пресловутый треугольник — Белатона, Драс-Леона, Урубаен.

Наконец Насуада сказала:

— Итак, каковы наши ближайшие планы? Джормундур ждет моих приказаний, а Совет Старейшин просил у меня аудиенции.

— Меня беспокоит...

— Что?

Оррин махнул рукой, словно сметая изображенные на карте города.

— Меня *очень* беспокоит, что все это не слишком удачно было задумано с самого начала. Что наши силы, как и силы наших союзников, опасным образом рассредоточены. Что, если Гальбаториксу придет в голову самому принять

участие в сражении, он уничтожит нас с той же легкостью, как Сапфира – стадо коз. Вся наша стратегия зависит от того, ухитримся ли мы устроить встречу Гальбаторикса с Эрагоном и Сапфирой, а также с достаточным количеством верных нам заклинателей. Пока что в наших рядах пребывает лишь малая часть магов Алагейзии, а больше мы не сможем собрать, пока не доберемся до Урубаена и не встретимся там с королевой Имиладрис и ее армией. В общем, пока что мы остаемся прискорбно уязвимыми для любой атаки со стороны самого Гальбаторикса. Мы многим рискуем, допуская, что беспечная храбрость Гальбаторикса не позволит ему самому вмешаться в ход войны, пока наша ловушка вокруг Урубаена не захлопнется.

Честно говоря, Насуада разделяла опасения Оррина. Однако в данный момент ей казалось важнее поддержать его уверенность в собственных силах, а не соглашаться с ним. Если его решимость ослабеет, это помешает не только ему самому исполнять свои обязанности, но и подорвет моральный дух воинов Сурды.

– Мы же все-таки не совсем беззащитны, – сказала она. – Теперь уже нет. У нас есть Даутхдаэрт, с помощью которого можно, как мне кажется, убить дракона Гальбаторикса Шрюкна, если они вдруг вынырнут из недр своей цитадели в Урубаене.

– Может, и так, но...

– Излишние опасения тоже ни к чему хорошему не приводят. Находясь здесь, мы не можем ни поторопить гномов, ни ускорить свое продвижение к Урубаену, как не можем и, изменив своей цели, попросту сбежать с поля боя. Так что, на мой взгляд, наше положение не должно вызывать у тебя особую тревогу. Сейчас просто нужно следовать плану и постараться принять свою судьбу с достоинством, какой бы она ни оказалась. К тому же я допускаю и то, что Гальбаторикс, возможно, *специально* пытается вызвать у нас эту тревогу и это беспокойство, и ни в коем случае нельзя себе этого позволять. Я, например, отказываюсь признавать за ним такую власть!

ТРУДНОСТИ ПОЯВЛЕНИЯ НА СВЕТ...

Вопли, нечеловечески громкие и пронзительные, проникали, казалось, в самую душу.

Эрагон весь напрягся. Большую часть дня он видел, как люди умирали в бою — и сам убил немало, — и все же не мог не испытывать мучительного сострадания, слушая душераздирающие крики Илейн. Она так ужасно кричала, что он уже начал сомневаться, переживет ли она эти роды.

Рядом с тем бочонком, на котором устроился Эрагон, сидели на корточках Олбрих и Балдор, растерянно, с какой-то задумчивой методичностью теребя стебельки пожухшей травы толстыми, загрубелыми от работы пальцами. Лбы у обоих были покрыты каплями пота, в глазах застыли гнев и отчаяние. Время от времени они переглядывались и посматривали через дорогу на ту палатку, где мучилась сейчас их мать, но в основном они сидели, потупившись и ни на что не обращая внимания.

В нескольких шагах от них, тоже на бочонке, устроился Роран, только его бочонок лежал на боку и каждый раз перекатывался с места на место, стоило Рорану привстать. На обочине грязной дороги собралась целая небольшая толпа бывших обитателей Карвахолла, нескодько дюжин, пожалуй; в основном это были мужчины — друзья Хорста и его сыновей, а также те, чьи жены сейчас были на подхвате у целительницы Гертруды, принимавшей у Илейн роды. А позади всей этой компании возвышалась Сапфира, изогнув шею и нервно подергивая кончиком хвоста, словно она на кого-то охотилась; она то и дело пробовала воздух своим рубиново-красным языком, пытаясь по запахам

определить, как там Илейн и ее не появившийся еще на свет младенец.

Эрагон машинально потирал ушибленное плечо. Они ждали здесь уже несколько часов. Сгущались сумерки. Длинные черные тени пролегли от палаток и людей на восток, словно пытаясь дотянуться до самого горизонта. Похолодало. Комары и прочая мошка отвратительно зудели, тучами налетая с находившейся неподалеку реки Джиет.

И снова тишину разорвал пронзительный вопль Илейн.

Мужчины задвигались; даже самые опытные чувствовали себя не в своей тарелке; многие скрещивали пальцы, отгоняя беду, и перешептывались друг с другом. К сожалению, даже самый тихий шепот Эрагон слышал с удивительной ясностью. Люди шептались о том, как тяжело протекала у Илейн эта поздняя беременность, а некоторые горестно твердили, что уж если она в самое ближайшее время так и не родит сама, то будет поздно спасать и ее, и ребенка. Им поддакивали и другие, говоря: «Тяжело жену-то терять. Это и в хорошие времена нелегко, а уж здесь, в лагере, и подавно» или «Стыд-то какой, вот уж стыд! Разве ж можно в таком возрасте детей рожать?». Одни винили раззаков в том, как тяжко теперь приходится бедняжке Илейн, другие — долгое путешествие жителей Карвахо́лла к варденам. И очень многие были недовольны тем, что Арье разрешили присутствовать при родах и помогать Гертруде: «Ей бы своих следовало держаться, а не совать нос, куда ее не просят! Кто ее знает, что ей на самом-то деле нужно, а?»

Все это и еще очень многое Эрагон прекрасно слышал, но делал вид, что не слышит ничего, и продолжал спокойно сидеть, понимая, что односельчане почувствуют себя не в своей тарелке, если поймут, каким острым теперь стал его слух.

Бочонок под Рораном заскрипел, когда он наклонился к Эрагону.

— Тебе не кажется, что нам стоило бы...

— Нет, — сказал Олбрих.

Эрагон плотнее завернулся в плащ. Холод уже пробирал его до костей. Но уходить он и не собирался — во всяком случае пока не закончатся мучения Илейн.

— Смотри! — вдруг воскликнул Роран.

Олбрих и Балдор тут же одновременно подняли вверх головы.

На той стороне дороги из палатки показалась Катрина с грудой окровавленных тряпок. И прежде чем вновь успел опуститься полог палатки, Эрагон мельком увидел Хорста и какую-то женщину из Карвахолла — он не сумел разглядеть, кто это, — стоявших в изножии кровати, на которой лежала Илейн.

Искоса глянув на ожидающих в сторонке мужчин, Катрина чуть ли не бегом устремилась к костру, где Нолла и Изольда, жена Фиска, кипятили уже использованные и выстиранные тряпки.

Бочонок Рорана еще два раза скрипнул, и Эрагон почти уже не сомневался, что сейчас его брат вскочит и бросится следом за Катриной, но Роран остался сидеть рядом с Олбрихом и Балдором. Они, как и все остальные, следили за каждым движением Катрины, почти не мигая.

Эрагон поморщился, когда очередной вопль Илейн разорвал вечернюю тишину, столько боли было в этом крике.

Затем полог палатки вновь приподнялся, и оттуда вихрем вылетела растрепанная Арья с обнаженными руками. Волосы, как крылья, летели за нею, когда она подбежала к трем эльфам из числа стражей Эрагона, стоявшим в тени за ближайшей палаткой. Несколько мгновений она что-то настойчиво втолковывала одному из них — точнее, одной, ибо это была эльфийка с тонким лицом по имени Инвидия, — а потом поспешила обратно в палатку, но Эрагон успел перехватить ее.

— Как там дела? — спросил он взволнованно.

— Плохо, — честно ответила Арья.

— Но почему это продолжается так долго? Ты не могла бы как-то помочь ей?

Лицо Арьи, и без того чрезвычайно напряженное, стало прямо-таки свирепым.

— Могла бы. Я могла бы сделать это еще в первые полчаса, но Гертруда и другие женщины грудью заслоняют роженицу от меня, не позволяя применить даже самые простейшие заклинания.

— Но это же глупо! Почему?

— Потому что магия их пугает. И я их пугаю.

— Так скажи им, что не желаешь ей ничего плохого. Скажи им это на древнем языке — они просто вынуждены будут тебе поверить.

Арья покачала головой:

— Так будет только хуже. Они подумают, что я пытаюсь применить магию помимо их воли, и вовсе меня оттуда отошлют.

— Но Катрина, конечно же...

— Только благодаря ей я и смогла кое-чем воспользоваться.

Илейн снова пронзительно закричала.

— Неужели они не позволяют тебе хотя бы немного облегчить ее страдания?

— Не больше, чем я уже сделала.

Эрагон, прорычав сквозь стиснутые зубы:

— Неужели это правда? Ну, я им покажу! — попытался было прорваться в палатку, но чья-то рука крепко схватила его за левое плечо.

Озадаченный, он оглянулся и вопросительно посмотрел на Арью, но она, качая головой, сказала:

— Нет. Не надо вмешиваться. Это их обычаи, и они, по-моему, древнее, чем само время. Не лезь туда, иначе рассердишь и смутишь Гертруду, а большую часть женщин и вовсе против себя настроишь.

— Да плевать мне на них!

— Я знаю, но поверь, сейчас самое мудрое — это просто ждать вместе со всеми остальными. — И, словно подчеркивая смысл сказанного, она отпустила его плечо.

— Но я не могу просто так ждать, если Илейн так мучается!

— *Послушай* меня. Будет лучше, если ты останешься здесь. А я постараюсь непременно как-нибудь помочь Илейн, обещаю тебе. Но сам туда не входи. Ты вызовешь только возмущение и гнев, а там ни то ни другое совершенно не требуется... Пожалуйста, Эрагон!

Эрагон колебался. Потом, всхрапнув от возмущения, резко воздел к небесам руки, потому что Илейн снова страшно закричала.

— Ладно, я тебя послушаюсь, — сказал он, придвинувшись к Арье почти вплотную, — но что бы там ни случилось, не дай ей или ребенку умереть. Прошу тебя! Мне все равно, что ты для этого сделаешь, только не дай им умереть!

Арья серьезно и внимательно на него посмотрела.

— Я никогда не позволю, чтобы с ребенком случилась беда, — сказала она и исчезла в палатке.

Эрагон вернулся к Рорану, Олбриху и Балдору и снова плюхнулся на свой бочонок.

— Ну? — спросил Роран.

Эрагон пожал плечами:

— Арья сказала, что они делают все, что в их силах. Нам просто нужно набраться терпения... Вот, собственно, и все.

— Похоже, она сказала намного больше, — заметил Балдор.

— Все равно смысл тот же.

На небе сменились краски заката, став оранжево-алыми, словно близился конец света. Немногочисленные рваные облачка, что еще оставались на западном краю неба после пролетевшей накануне бури, приобрели те же кровавые оттенки. Стаи ласточек летали над головой — ужинали, охотясь на ночных бабочек, мух и прочих насекомых, сновавших в воздухе.

Через некоторое время крики Илейн стали тише; теперь из ее груди все чаще вырывались лишь тихие, надломленные стоны, от которых у Эрагона по спине ползли мурашки. Более всего на свете ему хотелось избавить ее от мучений, но он не мог пренебречь просьбой Арьи и продолжал торчать на своем бочонке, безжалостно грызя и без того истерзанные ногти да время от времени обмениваясь короткими мыслями с Сапфирой.

Когда солнце коснулось края земли и как бы растеклось вдоль линии горизонта, точно огромный желток на сковороде, среди припозднившихся ласточек стали появляться и летучие мыши, легко и быстро шнырявшие в воздухе на широких кожистых крыльях; их пронзительные, почти недоступные восприятию обычных людей визги казались Эрагону болезненно невыносимыми.

И тут Илейн закричала так, что заглушила все прочие звуки. Господи, подумал Эрагон, хорошо бы никогда в жизни больше не слышать таких криков.

Но после этого неожиданно наступила мертвящая тишина.

И через минуту в этой тишине послышался громкий, дрожащий плач новорожденного. Он прозвучал, точно пение старинных фанфар, возвещая прибытие в этот мир нового человека. Олбрих и Балдор сразу заулыбались, как, впрочем, и Эрагон с Рораном, а кое-кто из мужчин, не сдержавшись, даже громко заорал от радости.

Но ликовали они недолго. Едва затих последний радостный вопль, как из палатки донесся жалобный плач женщин, пронзительный, рвущий сердце, и Эрагон прямо-таки похолодел от ужаса. Он знал, что означает этот женский плач: случилось самое страшное, что только может случиться...

— Нет! — громко воскликнул Эрагон и даже подскочил на своем бочонке: «Она не может быть мертва! Не может!.. Арья обещала...»

И словно в ответ на его мысли Арья, вынырнув из палатки, бросилась к нему, пересекая грязную дорогу какими-то невероятно длинными и легкими прыжками.

— Что случилось? — тут же ринулся к ней Балдор.

Арья, словно не слыша его вопроса, сказала:

— Эрагон, идем скорей!

— Что случилось? — снова гневно воскликнул Балдор и попытался схватить Арью за плечо. Мимолетным движением, практически незаметным глазу, она поймала его за запястье и так завернула руку ему за спину, что он согнулся пополам, точно калека, с искаженным от боли лицом.

— Если ты хочешь, чтобы твоя новорожденная сестренка осталась жива, стой спокойно и не лезь не в свои дела! — Арья отпустила Балдора и слегка оттолкнула его от себя, отчего он упал прямо в объятия Олбриха; сама же эльфийка резко развернулась и помчалась обратно.

— Так *что же* все-таки случилось? — спросил Эрагон, нагоняя ее.

Арья повернулась к нему; глаза ее горели.

— Девочка здорова, но родилась с «волчьей пастью». Кажется, так у вас называют незаращение нёба?

Только тут Эрагон понял, почему женщины так горько рыдали. Дети, родившиеся с таким проклятием, редко получали возможность остаться в живых; их было трудно выкормить, и даже если родители ухитрялись это сделать, судьба таких малышей все равно ждала незавидная: в детстве сверстники толкали бы их и высмеивали, а став взрослыми, они никогда не смогли бы найти себе пару и жениться или выйти замуж. Чаще всего про таких детей говорили, что лучше бы они родились мертвыми.

— Ты должен ее исцелить, Эрагон, — решительно заявила Арья.

— Я? Но я же никогда... А почему не ты? Ведь ты куда больше знаешь о целительстве, чем я.

— Если я изменю внешность этого ребенка, люди скажут, что я ее украла, а им оставила эльфа-подменыша. Я ведь прекрасно знаю, какие отвратительные истории рассказывают у вас о моем народе. Я знаю это даже слишком хорошо, Эрагон. Но я, конечно, сделаю это в случае крайней необходимости, только девочка потом всю жизнь будет из-за этого страдать. Только ты можешь спасти ее от такой незавидной судьбы.

Эрагона охватила паника. Ему не хотелось отвечать за жизнь новорожденной малышки; он уже и так невольно оказался ответственным за жизнь слишком многих. И об Эльве он тоже никогда не забывал.

— Ты должен исцелить ее! — снова потребовала Арья.

Эрагон знал, как трепетно относятся эльфы к своим детям, ценя их выше любых драгоценностей и богатств на свете; так же они, впрочем, относились и к детям всех прочих рас и народов.

— А ты мне поможешь, если что?

— Конечно помогу.

«И я помогу, — услышал он голос Сапфиры. — Зачем ты об этом спрашиваешь?»

— Вы обе правы, — сказал Эрагон, стискивая рукоять Брисингра. — Хорошо, я попробую это сделать.

Вместе с Арьей, державшейся чуть позади, он прошел прямиком к палатке роженицы и решительно нырнул внутрь, отодвинув входной полог. Дым от свечей щипал глаза. Пять женщин из Карвахолла, сгорбившись, притулились у стенки и тихо причитали. Этот тихий похоронный плач ударил Эрагона в самое сердце. Женщины покачивались, точно в каком-то трансе, и методично рвали на себе одежду и волосы. Хорст стоял в изножии постели и спорил с Гертрудой, лицо его покраснело, но выглядел он совершенно измученным. Целительница прижимала к груди какой-то ворох тряпья. Эрагон догадался, что это пеленки, в которые завернут новорожденный младенец. Личика ребенка ему так и не удалось разглядеть, но тот шевелился и попискивал, внося свою долю в общий шум. Румяные круглые щеки Гертруды лоснились от пота, пряди волос прилипли к влажному лбу, ее обнаженные до локтей руки покрывали неприятного цвета потеки. В изголовье кровати на круглой подушечке стояла на коленях Катрина и обтирала лоб Илейн влажной тряпицей.

Эрагон еле узнал Илейн — таким измученным было ее осунувшееся лицо. Под блуждающими, неспособными сосредоточиться на чем-то одном глазами пролегли темные тени, а из уголков глаз тянулись две дорожки слез, которые, скатываясь, исчезали в ее густых спутанных волосах. Время от времени она приоткрывала рот, и оттуда вместе с негромкими стонами доносились какие-то невнятные слова. Все простыни под нею были в крови.

Ни Хорст, ни Гертруда не замечали Эрагона, пока он не подошел к ним вплотную. Эрагон, разумеется, сильно вырос с тех пор, как покинул Карвахолл, и все же Хорст оказался по-прежнему выше его по крайней мере на голову. Оба изумленно посмотрели на юношу, и в потухших глазах кузнеца блеснула искра надежды.

— Эрагон! — Он хлопнул Эрагона по плечу своей тяжелой рукой, обнял его и даже слегка к нему прислонился, словно после всех этих событий не в силах был стоять на ногах. — Ты слышал? — Это был даже не совсем вопрос, так что Эрагон просто кивнул. Хорст метнул на Гертруду острый, пронзительный взгляд, и его огромная борода

лопатой заходила из стороны в сторону, так сильно он стискивал челюсти, пытаясь сдержаться. Потом, облизнув губы, спросил: — А ты не мог бы... не мог бы что-нибудь сделать для нее?

— Я попробую, — сказал Эрагон. — Может, и получится.

Он вытянул перед собой руки. Гертруда после минутного колебания положила ему на руки теплый сверток и отступила назад; лицо у нее было встревоженное и обиженное.

В складках простыни Эрагон разглядел крошечное морщинистое личико девочки. Кожа у нее была темно-красная, припухшие глазки закрыты, и казалось, что она строит неприятные гримасы, словно сердится на тех, кто только что так плохо с нею обошелся. Эрагон решил, что ей действительно есть на что сердиться. На крошечном личике от левой ноздри до середины верхней губы зиял глубокий провал, в котором виднелся крошечный розовый язычок, похожий на влажную улитку; язычок слегка шевелился.

— Пожалуйста, — взмолился Хорст, — если только возможно, попытайся...

Эрагон поморщился, потому что женщины у стены взвыли как-то особенно пронзительно, и сказал:

— Я не могу здесь работать!

Он уже повернулся, чтобы вместе с новорожденной выйти из палатки, когда за спиной у него послышался голос Гертруды:

— Я пойду с тобой. Кто-то из женщин, умеющих обращаться с новорожденными, должен быть при девочке.

Эрагону вовсе не хотелось, чтобы Гертруда суетилась возле него, пока он будет пытаться составить исцеляющее заклятие, и он уже готов был сказать ей об этом, но вспомнил, что Арья говорила ему насчет подменышей. Ладно, пусть кто-то из жителей Карвахолла — а Гертруде многие в деревне доверяют — будет свидетелем тех перемен, которые произойдут в облике девочки, чтобы впоследствии подтвердить, что это тот же самый ребенок.

— Как хочешь, — бросил он Гертруде, подавив желание отправить ее обратно.

Малышка завозилась у него на руках и жалобно заплакала. Стоявшие по ту сторону дороги жители деревни

указывали на них пальцами, а Олбрих и Балдор уже направились к Эрагону, но он покачал головой, и братья послушно замерли на месте, беспомощно глядя ему вслед.

Арья и Гертруда шли по обе стороны от него, и все то время, пока они добирались до его палатки, земля под ними дрожала от поступи тащившейся следом Сапфиры. Вардены спешно расступались, пропуская эту странную процессию. Эрагон очень старался идти плавно, чтобы не тревожить девочку. От нее исходил сильный мускусный запах, похожий на запах лесной земли в теплый летний день.

Возле своей палатки Эрагон увидел Эльву. Девочка-ведьма не пряталась и стояла в проходе между двумя рядами палаток с торжественно-строгим выражением лица; огромные ярко-синие глаза ее так и сияли. На ней было мрачноватое платье черно-пурпурных оттенков, голова прикрыта длинным кружевным шарфом, но на лбу был отчетливо виден тот серебристый знак в форме звезды, который так походил на его, Эрагона, *гёдвей игнасия*.

Эльва не сказала ему ни слова, не сделала ни малейшей попытки остановить его или хотя бы замедлить его ход. И тем не менее Эрагон понял ее предупреждение, ибо уже одно ее присутствие всегда служило ему упреком. Лишь однажды он попытался изменить судьбу младенца к лучшему, и последствия этого оказались поистине ужасны. И теперь ему ни в коем случае нельзя было снова совершить подобную ошибку, и не только из-за того, какие это принесет беды новорожденной девочке, но и потому, что тогда Эльва наверняка станет его заклятым врагом. А Эрагон, несмотря на все свое могущество, боялся Эльвы. Ее способность заглядывать в глубины человеческих душ и узнавать все то, что этих людей тревожит и причиняет им боль, а также предвидеть их будущие несчастья и знать их причины — все это делало ее, девочку-ведьму, одним из самых опасных существ в Алагейзии.

«Что бы ни случилось, — думал Эрагон, — я не хочу вредить этой девочке, я хочу дать ей шанс выжить».

И он ощутил новый прилив решимости, надеясь, что сумеет помочь малышке прожить хорошую жизнь, хотя обстоятельства ее рождения уже отказали ей в этом.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Слабый свет закатного солнца просачивался в палатку, и в этом свете все казалось каким-то серым, словно было высечено из гранита. Своим эльфийским зрением Эрагон довольно легко различал очертания любого предмета, но он знал, что старой Гертруде это не под силу, и ради нее произнес короткое заклинание: «Найна хвитр ун бёллр», что означало: «Маленький светящийся шар, возникни!», и над головой у них тут же повис волшебный огонек. Исходивший от него белый свет не давал ни малейшего жара, но в комнате стало достаточно светло, словно там зажгли фонарь. Но, произнося это заклинание, Эрагон воздержался от слова «брисингр», чтобы заодно не воспламенился и его магический клинок.

Услышав, что шедшая следом за ним Гертруда остановилась и замерла, он оглянулся и увидел, что она не сводит глаз с волшебного огонька, испуганно прижимая к себе сумку, которую принесла с собой. Знакомое лицо старой целительницы напомнило Эрагону о доме, о Карвахолле, и душу его вдруг охватила неожиданно сильная тоска по родным местам.

Гертруда медленно отвела глаза от магического шара и внимательно на него посмотрела.

— До чего же сильно ты переменился, мальчик! — сказала она. — Хотя нет, я не права: тот мальчик, над которым я когда-то ночи напролет просиживала, пока он с лихорадкой сражался, давным-давно исчез.

— И все-таки ты меня хорошо знаешь! — откликнулся Эрагон.

— Да нет, по-моему, я совсем тебя не узнаю.

Слова целительницы как-то странно встревожили Эрагона, но сейчас было не время думать об этом, и он постарался выбросить эти мысли из головы. Подойдя к своей лежанке, он нежно и аккуратно положил крошечную девочку на одеяло, обращаясь с ней, как со стеклянной, а она вдруг помахала в воздухе сжатым кулачком — точно погрозила ему. Он улыбнулся и коснулся ее ручонки кончиком указательного пальца. Девочка что-то тихонько пискнула и затихла.

— Что ты собираешься делать? — спросила Гертруда, усевшись в стороне, на единственную табуретку. — Как ты думаешь ее лечить?

— Я пока еще и сам толком не знаю...

Только тут Эрагон заметил, что Арья вместе с ними в палатку не вошла. Он окликнул ее, и она не сразу, но ответила откуда-то из-за войлочной стенки палатки; голос ее звучал несколько приглушенно.

— Я здесь, — сказала она. — И буду ждать. Если я вдруг тебе понадоблюсь, ты только подумай, и я сразу же приду.

Эрагон слегка нахмурился. Он-то рассчитывал, что Арья все время будет рядом, под рукой, и вмешается, если он чего-то не будет знать или совершит какую-то ошибку.

«Ну ладно, не имеет значения. Я и мысленно могу задавать ей вопросы, если понадобится. К тому же, если ее не будет рядом, у Гертруды не будет и причин подозревать, что Арья имела к девочке хоть какое-то отношение».

Эрагона поразило то, с какой серьезностью Арья отнеслась к подобным мерам предосторожности, желая избежать каких бы то ни было подозрений в подмене ребенка; а еще он подумал, что ее, наверное, уже когда-то обвиняли в том, что она, эльфийка, украла чье-то дитя.

Лежанка слегка скрипнула, когда он медленно опустился на нее лицом к девочке, сосредоточенно наморщив лоб. Он чувствовал, что и Сапфира его глазами смотрит на малютку, лежащую поверх одеял. Девочка уснула; похоже, окружающий мир был ей пока совершенно безразличен. Крошечный розовый ее язычок по-прежнему поблескивал в ужасной разверстой щели на месте верхней губы.

«Что ты об этом думаешь?» — мысленно спросил Эрагон у Сапфиры.

«Действуй медленно и осторожно, чтобы потом в случае чего локти себе не кусать».

В общем, он был с нею согласен, но все же в шутку спросил:

«А тебе когда-нибудь приходилось это делать — локти себе кусать?»

Сапфира не ответила, но он уловил череду ярких образов, промелькнувших в ее душе: деревья, трава, солнечный свет, горы Спайна, удушающий аромат красных орхидей и внезапно болезненное, щемящее ощущение — словно ее ударили захлопнувшейся прямо перед носом дверью.

Эрагон усмехнулся про себя и сосредоточился на составлении заклинаний, которые, как ему казалось, понадобятся для исцеления девочки. Это заняло, по крайней мере, полчаса, и потом еще они с Сапфирой проверили каждое слово и каждый «извив» прихотливо составленных фраз, мысленно споря чуть ли не из-за каждого звука; оба хотели непременно быть уверенными, что эти заклинания совершат только то, чего от них хочет Эрагон, без каких бы то ни было иных последствий.

Посреди их безмолвной дискуссии Гертруда, которой, видимо, надоело это «молчание» Эрагона, вдруг задвигалась на своем табурете и сказала:

— Что ж ты молчишь? Девочка выглядит точно так же, как и прежде! У тебя что, ничего не получается, да? Нет необходимости скрывать от меня правду, Эрагон. В свое время мне приходилось иметь дело со случаями и похуже этого.

Эрагон удивленно поднял бровь и мягко заметил:

— Но работа еще даже не начиналась.

Гертруда тут же притихла и снова скорчилась на своем табурете; потом извлекла из своей сумки клубок желтой шерсти, недовязанный свитер и две блестящие вязальные спицы. Ее пальцы двигались с невероятной быстротой умелой вязальщицы. Ровное, ритмичное позвякивание спиц успокоило Эрагона; этот звук он часто слышал в детстве, он ассоциировался у него с сидением вокруг очага, с холодными осенними вечерами, с рассказами взрослых, которые покуривали трубку или пили темное пиво после сытного ужина.

Наконец, когда они с Сапфирой решили, что составленные заклинания полностью безопасны, Эрагон почувствовал некую уверенность в себе и надежду, что не споткнется, произнося тот или иной непривычный звук древнего языка. Сапфира всячески его поддерживала, и он уже приготовился произнести первую магическую фразу, как вдруг снова заколебался.

Он вспомнил, что эльфы, с помощью магии «уговаривая» дерево или цветок приобрести ту или иную форму или желая как-то изменить собственное тело или же тело другого существа, всегда исполняли задуманное заклинание в виде некой песни. И теперь ему казалось, что и он в данном случае должен поступить примерно так же. Однако он был весьма плохо знаком с эльфийскими песнями, хоть их и существовало великое множество, и, пожалуй, ни одну из известных ему эльфийских мелодий не смог бы воспроизвести достаточно чисто, не говоря уж о том, чтобы учесть всю ее красоту и сложность.

И вместо эльфийских мелодий он решил воспользоваться незатейливой песенкой, которую помнил с раннего детства. Это была колыбельная, которую в раннем детстве пела ему тетя Мериэн еще до того, как ее унесла болезнь. Этой колыбельной женщины Карвахолла с незапамятных времен убаюкивали своих малышей, уложив их в кроватку или колыбельку. Мелодия ее была проста, легко запоминалась и звучала так ласково и спокойно, что, как надеялся Эрагон, она непременно успокоит и усыпит и эту малышку.

И он запел нежно и негромко, позволяя словам как бы самим неторопливо катиться вперед, и голос его разлился по палатке, точно тепло от горящего очага. Но прежде, наклонившись к девочке, он сказал ей на древнем языке, что он ее друг и хочет ей добра, а потому она должна непременно ему доверять.

Малышка чуть шевельнулась во сне, словно отвечая ему, и ее крепко стиснутые кулачки немного расправились.

Затем Эрагон спел первое из своих заклинаний: довольно простое, состоявшее из двух коротких предложений, которые он повторял много раз, точно молитву.

И маленькая розовая впадина в том месте, где соединялись края разорванной губы девочки, слегка задрожала, задвигалась, словно недоразвитое нёбо под ее поверхностью шевельнулось, как некое живое существо.

Попытка, которую предпринял Эрагон, была далеко не проста. Косточки новорожденного младенца очень хрупкие, а суставы снабжены большим количеством хрящей, в отличие от взрослого человека, тогда как Эрагону до сих пор доводилось сращивать кости только взрослых людей, воинов. И теперь он старался быть особенно осторожным, чтобы не заполнить прореху во рту малышки такой костью, плотью и кожей, которые свойственны взрослым, ибо тогда эта часть ее лица уже никогда не выросла бы, как полагается, вместе со всем остальным телом. Кроме того, занимаясь починкой прорехи в ее верхнем нёбе и челюсти, он был вынужден передвинуть и разместить симметрично корни ее будущих передних зубов, а уж этого он точно никогда прежде не делал. Еще более усложняло работу то, что Эрагон понятия не имел, как должна будет выглядеть эта девочка без своего уродства в будущем, какими станут ее рот и лицо в целом, когда она лишится своей «волчьей пасти». В остальном-то она выглядела в точности как любой другой младенец, каких он видел немало: кругленькая, мяконькая, неопределенная. И он вдруг забеспокоился, ибо мог сделать ей такое лицо, которое в данный момент показалось бы ему вполне привлекательным, но с течением лет вполне могло стать странным и даже неприятным.

Так что он продолжал свою работу крайне осторожно и медленно, после каждого небольшого изменения делая перерыв и пытаясь как-то оценить результат. Начал он с самых глубинных слоев ее лица, с костей, сухожилий и хрящей, и медленно как бы поднимался к поверхности, неумолчно при этом напевая заклинания на мотив старинной колыбельной.

В какой-то момент и Сапфира начала негромко ему подпевать, лежа снаружи под стенкой палатки, и от ее мощного голоса завибрировал, казалось, даже сам воздух. Волшебный огонек то разгорался ярче, то несколько

затухал в такт мелодичному мурлыканью драконихи, и это показалось Эрагону чрезвычайно любопытным. Он решил потом непременно спросить Сапфиру о природе данного явления.

Слово за слово, одно заклинание за другим, один час за другим — ночь постепенно подходила к концу, но Эрагон не обращал внимания на бег времени. Когда девочка начинала плакать от голода, он «подкармливал» ее порцией собственной энергии. Они оба с Сапфирой избегали проникновения в мысли малышки — они понятия не имели, как подобный контакт может сказаться на ее незрелом сознании, — однако же порой, случайно, они как бы касались ее мыслей, и Эрагону эти мысли казались весьма смутными и неопределенными; это было похоже на бурное море неконтролируемых эмоций, которые все остальное в мире низводят до не имеющих значения понятий.

А рядом с Эрагоном продолжали мерно позвякивать спицы Гертруды, и этот ритмичный стук нарушался только тогда, когда вязальщица начинала подсчитывать петли или распускала несколько петель или даже рядов, чтобы исправить допущенную ошибку.

Медленно, очень медленно ткань нёба и челюсти девочки становилась цельной, лишенной каких бы то ни было швов; края «заячьей губы» тоже сошлись; кожа ее текла, точно жидкость, морщилась, распрямлялась, и крошечная верхняя губа постепенно начала приобретать безупречную форму «лука любви».

Особенно долго Эрагон возился именно с формой ее губы, страшно волнуясь и без конца исправляя, пока Сапфира не сказала ему: «Все. Дело сделано. Так и оставь». Только тогда он был вынужден признать, что больше, пожалуй, и не сможет ничего улучшить и дальнейшие исправления могут лишь повредить девочке.

И он позволил наконец себе умолкнуть. После этой бесконечной колыбельной рот у него совершенно пересох, язык, казалось, распух, горло саднило. Эрагон рывком встал с лежанки, но выпрямиться сразу не смог, и некоторое время ему пришлось постоять, согнувшись пополам, пока не отойдут затекшие мышцы.

Заметив, что в палатку, помимо зажженного им волшебного фонарика, проникает еще какой-то бледный свет, примерно такой же, как и тогда, когда он еще только начал работу, он даже несколько смутился, не понимая, в чем дело: ведь солнце, конечно, давно уже село! Но потом понял, что солнечное сияние исходит не с запада, а с востока.

«Ничего удивительного, что у меня все тело болит! — подумал он. — Я же просидел возле нее, скрючившись, всю ночь!»

«А я-то? — услышал он голос Сапфиры. — И у меня все тело болит!»

Ее признание удивило Эрагона; она редко признавалась, что у нее что-то болит, какой бы сильной эта боль ни была. Видно, их общее сражение с недугом отняло у Сапфиры куда больше сил, чем ей казалось сперва. Когда Эрагон это понял — а Сапфира сразу догадалась, что он это понял, — она тут же свернула свой с ним мысленный разговор, заметив напоследок:

«В общем, устала я или нет, но я по-прежнему могла бы сокрушить столько воинов Гальбаторикса, сколько он против нас пошлет».

«Уж это-то я знаю!» — откликнулся Эрагон.

Гертруда, сунув свое вязанье обратно в сумку, встала, наклонилась над лежанкой, потом выпрямилась и, совершенно потрясенная, воскликнула:

— Вот уж никогда не думала, что мне доведется увидеть такое! Особенно от тебя, Эрагон сын Брома. — Она пытливо на него посмотрела. — Ведь Бром-то и был твоим настоящим отцом, верно?

Эрагон кивнул и прохрипел:

— Верно. Моим отцом был именно Бром.

— Ну, мне-то это сразу ясно было.

Эрагон, отнюдь не имея желания развивать далее эту тему, проворчал в ответ нечто невразумительное и одним взглядом удалил волшебный огонек. Тут же все погрузилось в полумрак, если не считать проникавших в палатку ярких лучей зари. Глаза Эрагона быстрее приспособились к темноте, чем глаза Гертруды; та еще долго моргала и морщилась, качая головой, словно толком не видела даже, где он стоит.

Эрагон взял девочку на руки; она была тепленькая и показалась ему довольно тяжеленькой, так что он никак не мог понять — то ли он так устал, используя магию, то ли ювелирная работа, которой он занимался ночь напролет, до такой степени лишила его сил.

Он смотрел на девочку, чувствуя себя ее защитником, и шептал: «Се оно вайзе Илия», что означало: «Пусть ты будешь счастлива». Это было не заклинание, точнее, не совсем заклинание, но Эрагон надеялся, что оно, возможно, поможет малышке избежать некоторых бед, которые обрушиваются на голову столь многим людям. А еще он надеялся, что его слова заставят девочку ему улыбнуться.

И она ему улыбнулась! Широкая улыбка осветила крошечное личико, потом она чихнула и весело засмеялась.

Эрагон тоже просиял и вышел из палатки.

Он сразу увидел, что возле нее полукругом стоит небольшая толпа. Точнее, одни стояли, а другие сидели на земле или на корточках. По большей части это были жители Карвахолла, но среди них Эрагон заметил и Арью, и других эльфов, хоть они и стояли чуть в стороне от остальных, а также несколько воинов из лагеря варденов, имен которых Эрагон не знал. А за ближайшей палаткой мелькнула и скрылась Эльва, пряча лицо под своей черной кружевной мантильей.

Все они, догадался Эрагон, ждали здесь, наверное, несколько часов или даже всю ночь, а он и не заметил их присутствия. Он, разумеется, чувствовал себя в полной безопасности, поскольку его стерегли Сапфира и эльфы, но все же корил себя за столь неоправданную беспечность.

«Надо научиться, наконец, вести себя более благоразумно!»

В передних рядах толпы стояли Хорст и его сыновья, вид у них был встревоженный. Брови Хорста поползли вверх, когда он увидел в руках у Эрагона сверток с младенцем, и он даже открыл было рот, чтобы что-то сказать, но так и не издал ни звука.

Без излишних церемоний Эрагон подошел к кузнецу и повернул девочку так, чтобы тот мог видеть ее личико. На мгновение Хорст застыл, точно каменное изваяние,

потом глаза у него влажно заблестели, а лицо так исказилось от невероятной радости и облегчения, что это могло показаться проявлением великого горя.

Передавая Хорсту девочку, Эрагон сказал:

— Руки мои слишком обагрены кровью, чтобы выполнять такую тонкую работу, но я рад, что сумел помочь.

Хорст осторожно коснулся верхней губы девочки кончиком указательного пальца и покачал головой.

— Я просто поверить не могу... Нет, я не могу поверить! — Он посмотрел на Эрагона. — Отныне мы с Илейн вечно в долгу перед тобой. И если...

— Никаких долгов, — мягко возразил Эрагон. — Я сделал всего лишь то, что сделал бы каждый, имей он такую же возможность.

— Но ведь это именно ты исцелил ее! И именно тебе я так благодарен!

Эрагон поколебался, потом кивнул, как бы в знак того, что принимает благодарность кузнеца.

— Как вы ее назовете? — спросил он.

Кузнец, сияя улыбкой, смотрел на дочь.

— Если Илейн понравится, я бы хотел назвать ее Надеждой.

— Надежда... хорошее имя! — «И потом, разве нам в жизни не нужно хоть немного надежды?» — подумал он и спросил: — А Илейн-то как?

— Очень устала, но в целом неплохо.

Потом уже и Олбрих с Балдором сгрудились возле отца, рассматривая свою новорожденную сестренку, а к ним присоединилась и Гертруда, следом за Эрагоном вынырнувшая из палатки; и как только исчезли смущение и восторг на лицах кузнеца и его сыновей, все остальные принялись по очереди разглядывать девочку. Подошли даже те незнакомые вардены и, вытягивая шею, пытались увидеть это чудо.

Через некоторое время и эльфы, распрямив свои длинные ноги, двинулись к Эрагону, и люди быстро расступились, давая им дорогу. А вот кузнец весь напрягся и выпятил нижнюю челюсть, словно бульдог, пока эльфы один за другим подходили, наклонялись и внимательно

рассматривали девочку, порой шепча ей одно-два слова на древнем языке. Они, похоже, не замечали подозрительных взглядов жителей Карвахолла; а может, эти взгляды попросту были им совершенно безразличны.

Когда лишь последние трое эльфов не успели еще взглянуть на новорожденную, из-за соседней палатки стремительно вылетела Эльва. Ей не пришлось долго ждать своей очереди. Она подошла к кузнецу, и тот, хотя и неохотно, чуть присел и даже руки с малышкой немного опустил, поскольку был уж очень намного выше крошечной Эльвы, которой и без того пришлось встать на цыпочки, чтобы увидеть младенца. Эрагон даже дыхание затаил, когда она смотрела на исцеленное дитя, ибо не силах был предугадать, какова будет ее реакция, а лицо ее было скрыто вуалью.

Несколько секунд Эльва молча смотрела на младенца, а потом развернулась и решительной походкой пошла прочь по тропе мимо Эрагона. Но, сделав шагов тридцать, вдруг остановилась и повернулась к нему.

Он, склонив голову набок, удивленно поднял бровь.

Она коротко, резко ему кивнула — видимо, в знак признательности — и тут же продолжила свой путь.

Эрагон все еще смотрел ей вслед, когда к нему подошла Арья.

— Ты должен гордиться тем, что сделал, — очень тихо сказала она. — Ребенок совершенно здоров, и все у него в порядке. Даже самые искусные наши заклинатели не смогли бы ничего исправить в твоей работе. Ты подарил этой девочке великую вещь — лицо и будущее; и она этого никогда не забудет, я уверена... И никто из нас этого не забудет!

И Эрагон заметил, что Арья и все остальные эльфы смотрят на него с выражением какого-то нового уважения, однако для него именно восхищение и одобрение самой Арьи было дороже всего.

— У меня были самые лучшие на свете учителя, — шепотом ответил он. И Арья не стала оспаривать это утверждение. Они немного помолчали, глядя, как кружат деревенские жители возле кузнеца и его дочери и что-то возбужденно обсуждают. Не сводя с них глаз, Эрагон чуть

наклонился к Арье и сказал: — Спасибо тебе, что помогла Илейн.

— Пожалуйста. Хороша бы я была, если б не сделала этого!

Затем Хорст развернулся и понес девочку в свою палатку, чтобы Илейн могла полюбоваться своей новорожденной дочкой, однако толпа и не думала расходиться, хотя Эрагон уже порядком устал от бесконечного пожатия рук и всевозможных вопросов. Так что, попрощавшись с Арьей, он незаметно улизнул к себе в палатку и поплотнее завязал полог.

«Если только на нас не нападут, я в течение ближайших десяти часов не желаю никого видеть, даже Насуаду, — сказал он Сапфире, бросаясь на постель. — Ты не могла бы сказать об этом Блёдхгарну?»

«Конечно, скажу, маленький брат, — ответила Сапфира. — У меня точно такие же намерения».

Эрагон вздохнул и прикрыл лицо рукой, заслоняя глаза от утреннего света. Затем дыхание его стало замедляться, мысли куда-то поплыли, и вскоре странные образы и звуки, всегда сопровождавшие его «сны наяву», окружили его со всех сторон — реальные и все же вымышленные; живые и все же странно прозрачные, словно сделанные из цветного стекла. Пусть ненадолго, но он наконец обрел возможность полностью забыть о своих обязанностях и об ошеломительных событиях последних суток. Но сквозь сон все время слышал ту колыбельную, едва различимую, словно шепот ветра, полузабытую, убаюкивавшую его воспоминаниями о доме и о том счастье и покое, какие бывают только в раннем детстве.

НЕ ЗНАЯ ОТДЫХА

Двое гномов, двое людей и двое ургалов — личная охрана Насуады, ее Ночные Ястребы, — стояли на страже у дверей того помещения, которое Насуада превратила в свой штаб, и смотрели на Рорана пустыми, ничего не выражающими глазами. Впрочем, он тоже старался, чтобы у него ни в глазах, ни на лице никаких чувств, когда он смотрит на них, не отражалось.

В эту игру они не раз играли и раньше.

Несмотря на то что физиономии Ночных Ястребов ничего не выражали, Роран знал, что сейчас они мысленно прикидывают, каким наиболее быстрым и эффективным способом его прикончить. Он знал об этом потому, что и сам прикидывал то же самое по отношению к ним, и это тоже было одним из условий привычной игры.

«Надо было бы немного вернуться назад, по своим следам... пусть бы они немного рассредоточились, — думал он. — Первыми на меня накинулись бы, конечно, люди; они действуют быстрее гномов, и тем более ургалов... А потом надо отнять у них алебарды. Это трудно, но я, наверное, смог бы... по крайней мере, одну-то уж точно отнял бы. Может быть, придется и молот в них метнуть. Как только я заполучу алебарду, то смогу остальных держать на расстоянии. Тогда у гномов надежды останется совсем мало, зато с ургалами придется повозиться. Мерзкие уроды... Но если использовать вон ту колонну в качестве прикрытия, то можно...»

Обитая железом дверь, по обе стороны от которой выстроились стражники, со скрипом отворилась. Оттуда вышел ярко одетый паж лет десяти — двенадцати и провозгласил несколько громче, чем было нужно:

— Госпожа Насуада ждет вас!

Некоторые из стражников сразу как-то вздрогнули, и взгляд их стал еще более рассеянным. Роран улыбнулся, метнувшись мимо них и понимая, что их мгновенная и не такая уж грубая ошибка вполне могла позволить ему прикончить по крайней мере двоих, прежде чем они успели бы снова прийти в себя. «Ну что ж, до следующего раза», — подумал он.

Комната, в которой он оказался, была просторной, почти квадратной и обставленной довольно убого: на полу какой-то совсем маленький коврик, на стене слева траченный молью гобелен, а стену справа украшает узкое, как щель, окно. В углу стоял плотно придвинутый к стене длинный деревянный стол, заваленный книгами, свитками и просто листками бумаги. Возле в беспорядке стояло несколько массивных кресел, обитых кожей и украшенных рядами бронзовых гвоздиков, однако ни Насуада, ни добрый десяток других людей, толпившихся возле нее, и не думали на эти кресла садиться. Джормундура, впрочем, там не было, но кое-кого из этих воинов Роран знал: под началом некоторых ему приходилось воевать, других он просто видел во время боевых действий или же слышал о них от своих приятелей.

— И мне совершенно безразлично, если из-за этого у него, видите ли, «горлышко болит»! — воскликнула Насуада, громко хлопнув по столу ладонью. — Если мы не получим этих подков и еще кое-чего, то с тем же успехом можем просто съесть своих лошадей, проку от них все равно никакого не будет. Я достаточно понятно объясняю?

Собравшиеся вокруг нее воины дружно закивали в знак того, что им все ясно. Они выглядели смущенными, даже растерянными. Рорану это показалось немного странным, однако на него произвело сильное впечатление то, как Насуада — женщина! — командует своими офицерами, и то, какое уважение она у них вызывает; впрочем, это уважение к ней он и сам полностью разделял. Он мало видел таких решительных и умных людей, как Насуада, и был совершенно убежден, что, где бы она ни родилась, она в любом случае добилась бы в жизни успеха.

— А теперь идите, — сказала Насуада, и все покорно направились к дверям, а она жестом велела Рорану подойти ближе. Он терпеливо ждал, глядя, как Насуада, обмакнув перо в чернильницу, что-то пишет на листке бумаги, затем сворачивает листок в трубку и подает одному из своих пажей со словами: — Передашь гному Нархайму. И на этот раз обязательно дождись ответа, прежде чем бежать назад, иначе я пошлю тебя убирать те помещения, где разместились ургалы.

— Да, госпожа моя, — сказал мальчик и помчался прочь, явно перепуганный этим обещанием насмерть.

А Насуада принялась рыться в груде документов, лежавших на столе. Потом, не глядя на Рорана, спросила:

— Хорошо ли ты отдохнул?

Он удивился тому, что ее это интересует, но ответил:

— Нет, не особенно.

— Жаль. Ты что же, всю ночь спать не ложился?

— Не всю. Илейн, жена нашего кузнеца, вчера рожала, вот я и...

— Да, мне уже сообщили. И я так понимаю, что ты бодрствовал, пока Эрагон не исцелил этого ребенка?

— Нет, я слишком устал.

— Ну что ж, хоть на это у тебя ума хватило. — Насуада отыскала на дальнем конце стола какой-то листок, внимательно его просмотрела и присоединила к аккуратной стопке других таких же листков. Потом как бы между прочим заметила: — А ведь у меня есть для тебя поручение, Молотобоец. Наши войска столкнулись в Ароузе с ожесточенным сопротивлением противника — куда более ожесточенным, чем мы рассчитывали. Капитан Бригман не смог самостоятельно разрешить эту ситуацию, и теперь нам нужно вернуть эти войска. А потому я посылаю тебя в Ароуз Бригмену на замену. Возле южных ворот тебя ждет оседланный конь. Поскачешь во весь опор — сперва до Финстера, а оттуда в Ароуз. Через каждые десять миль на всем пути отсюда до Финстера тебя будут ждать свежие лошади. А уж потом придется тебе самому искать возможность сменить коня. Я рассчитываю, что ты доберешься до Ароуза дня за четыре. Как только немного передохнешь, у тебя

будет еще примерно... трое суток, чтобы положить этой осаде конец. — Она быстро глянула на Рорана. — Я хочу, чтобы через неделю, начиная с сегодняшнего дня, над Ароузом развевалось наше знамя. Мне все равно, как ты этого добьешься, Молотобоец; я просто очень хочу, чтобы это было сделано. Если ты не сможешь, тогда у меня выбора не будет: придется послать туда Эрагона и Сапфиру, а это оставит нас практически без поддержки; самостоятельно мы вряд ли сможем противостоять атаке Муртага или Гальбаторикса.

«И Катрина тогда тоже окажется в опасности», — подумал Роран, испытывая неприятный холодок под ложечкой и понимая, что одна только скачка в Ароуз в течение четырех дней будет для него достаточно жестоким испытанием — ведь он весь избит и изранен после недавнего сражения. А то, что ему приказывают в такой короткий срок еще и *взять* этот город — это, похоже, и вовсе сочетание жестокости с безумием. В целом поручение Насуады казалось ему столь же невыполнимым, как если бы она предложила ему бороться с медведем, при этом связав ему руки за спиной.

Он поскреб бородатую щеку.

— У меня насчет всяких осад опыта никакого, — сказал он. — И уж во всяком случае, насчет таких серьезных осад. Неужели среди варденов нет никого, кто лучше меня в таких делах разбирается? Как насчет Мартланда Рыжебородого? Он лучше меня выполнил бы твое поручение.

Насуада только отмахнулась.

— Он не способен скакать достаточно быстро — у него ведь только одна рука. А тебе стоит быть более уверенным в себе, Молотобоец. Ты прав, конечно, среди варденов есть люди, которые гораздо лучше тебя разбираются в искусстве войны — они куда больше времени провели на полях сражений, они учились и набирались опыта у самых лучших воинов, современников своих отцов, — но когда клинки вынуты из ножен и начат бой, более всего оказываются важны даже не знания и не опыт, а *воля к победе*. А в таких делах ты у нас настоящий мастер. Но еще важнее то, что тебе везет. — Насуада положила в стопку еще несколько листков

и села, подперев голову руками. — Свое умение сражаться ты доказал. И доказал, что способен в точности следовать приказу... ну, правда, когда этот приказ тебя устраивает. — Роран едва удержался, чтобы невольно не опустить плечи, как во время того обжигающего удара хлыстом, который обрушился ему на спину, когда капитан Эдрик решил проучить за то, что он не подчинился его требованиям. — Кроме того, ты, безусловно, доказал, что вполне можешь вести за собой людей. В общем, Роран Молотобоец, давай посмотрим, не способен ли ты на что-либо большее. Ну что?

Роран судорожно сглотнул и ответил:

— Хорошо, госпожа моя, посмотрим.

— Вот и отлично. А пока я повышаю твое звание до капитана. И если ты успешно выполнишь свою задачу, то можешь считать это звание постоянным — по крайней мере до тех пор, пока не покажешь всем, что достоин либо куда более высокого звания, либо куда более низкого. — Насуада снова уставилась в стол, потом принялась перебирать свитки, явно пытаясь обнаружить нечто важное.

— Благодарю, — кратко ответил Роран.

Насуада буркнула в ответ нечто неразборчивое. И он спросил:

— А сколько человек будет у меня под началом в Ароузе?

— Я отправила с Бригманом тысячу воинов и велела взять этот город. Но он его не взял. А из этого отряда уцелело не более восьмисот, еще пригодных к военной службе.

Роран чуть не выругался вслух: «Так мало!»

Словно прочитав его мысли, Насуада сухо заметила:

— Разведчики и шпионы внушили нам, что оборону Ароуза ничего не стоит сломить. Но на самом деле это оказалось совсем не так.

— Ясно. Могу ли я захватить с собой еще двух-трех человек из Карвахолла? Ты как-то сказала, что позволишь нам служить вместе, если мы...

— Да, да, — Насуада нетерпеливо махнула рукой, — я помню, что я сказала. — Поджав губы, она некоторое время размышляла, потом согласилась: — Ладно, бери с собой, кого хочешь, но только при том условии, что через час вы уже будете в пути. И дай мне знать, сколько человек

отправится с тобой, а я позабочусь, чтобы в дороге вас ждало нужное количество свежих лошадей.

— Могу ли я взять с собой также Карна? — спросил Роран, называя того мага, с которым он уже не раз сражался плечом к плечу.

Насуада помолчала, уставившись в стену невидящим взглядом. Затем, к его облегчению, кивнула в знак согласия и снова принялась рыться в свитках.

— Ах, вот они где! — И она вытащила свернутый в трубку кусок пергамента, перевязанный кожаным шнурком. — Это карта Ароуза и его окрестностей, а это более подробная карта провинции Фенмарк. Предлагаю тебе тщательнейшим образом их изучить.

Она передала ему карты, и он сунул их за пазуху.

— И вот еще это. — Насуада протянула Рорану свернутый прямоугольником кусок пергамента, запечатанный красной восковой печатью. — Это твое вознаграждение, а это, — и она подала ему еще один прямоугольник, несколько толще первого, — мой приказ, который ты покажешь Бригману. Только не позволяй ему оставить его у себя. Если я правильно помню, ты ведь никогда не учился читать, верно?

Роран пожал плечами:

— А зачем? Считать-то я умею не хуже других. Мой отец говорил, что учить нас читать — это все равно что учить собаку ходить на задних лапах: забавно, но вряд ли стоит усилий.

— И я могла бы с тобой согласиться, если бы ты так и остался фермером. Но фермером ты не остался... — И она указала на пергамент у него в руках. — Ты ведь не смог бы даже узнать, если бы одно из этих писем содержало приказ о твоей казни. Мало же от тебя, такого неграмотного, толку! Я ведь даже известия тебе никакого не смогу послать, потому что ты будешь вынужден кого-то просить прочесть его для тебя; ну, а если тебе вдруг понадобится что-то срочно сообщить мне, тебе придется довериться кому-то из своих подчиненных и попросить в точности записать все, что ты ему скажешь. А ведь ты должен понимать, что при этом тобой можно запросто

манипулировать, не так ли? Если ты надеешься занять более высокое положение в армии, я бы предложила тебе побыстрее найти того, кто мог бы обучить тебя грамоте. Ну все, теперь исчезни. У меня еще других дел полно.

Насуада щелкнула пальцами, и к ней подбежал один из пажей. Положив ему руку на плечо и наклонившись к самому его уху, она сказала:

— Я хочу, чтобы ты немедленно отыскал Джормундура и привел его сюда. Скорее всего, ты найдешь его на рыночной улице, где стоят те три дома... — И вдруг посреди своих наставлений она умолкла и изумленно подняла бровь, заметив, что Роран по-прежнему стоит на месте. — Что-нибудь еще, Молотобоец? — спросила она.

— Да. Перед отъездом я бы хотел повидать Эрагона.

— А это еще зачем?

— Магическая защита, которой он меня обеспечил перед тем сражением, почти перестала действовать.

Насуада нахмурилась и снова обратилась к пажу:

— Значит, на рыночной улице, где стоят три сгоревших дома. Ты знаешь, где это? Хорошо, тогда живо беги туда. — Она ласково потрепала мальчишку по спине, и он выбежал из комнаты. Насуада выпрямилась и сказала Рорану: — Лучше бы ты этого не делал.

Ее слова смутили Рорана, но он сохранял спокойствие, ожидая, что она как-то объяснит свое заявление. И она объяснила, но каким-то кружным путем:

— Ты заметил, каким усталым был Эрагон во время той встречи с котами-оборотнями?

— Да, он едва на ногах держался.

— Вот именно. Мы слишком сильно его используем, Роран. Он не может одновременно защитить тебя, меня, Сапфиру, Арью и неведомо кого еще, да еще и делать то, что ему полагается. Ему необходимо сохранить свои силы на случай возможного поединка с Муртагом или Гальбаториксом. И чем ближе мы подходим к Урубаену, тем важнее, чтобы он всегда, в любой момент дня или ночи, был готов встретиться с ними лицом к лицу. Мы не можем допустить, чтобы иные дела и тревоги отвлекали и ослабляли его. Это было очень благородно с его стороны исцелить

у новорожденной девочки «волчью пасть», но этот его поступок вполне мог стоить нам поражения в войне! Ты же сражался, не имея никакой магической охраны, когда раззаки напали на твою деревню в горах Спайна. Если ты любишь своего двоюродного брата, если хочешь, чтобы мы победили Гальбаторикса, ты должен снова научиться сражаться без магической защиты.

Когда она умолкла, Роран опустил голову. Она была права.

— Я выеду немедленно, — сказал он.

— Вот и молодец.

— До скорого...

Роран повернулся и быстро пошел к двери, но, когда он был уже на пороге, Насуада окликнула его:

— Ах да! Вот еще что, Молотобоец!

Он с любопытством посмотрел на нее.

— Постарайся не сжигать Ароуз дотла, хорошо? Большие города трудно восстанавливать.

ТАНЦЫ С МЕЧАМИ

Эрагон нетерпеливо постукивал каблуками по валуну, на котором сидел; ему было скучно и хотелось поскорее уйти отсюда.

Он, Сапфира и Арья, а также Блёдхгарм и прочие эльфы расположились на обочине дороги, ведущей на восток от города Белатона через поля еще зеленой, но уже набравшей колос пшеницы, через большой и широкий каменный мост, дугой перекинутый через реку Джиет, и дальше, по самой южной оконечности озера Леона. Там эта дорога расходилась в разные стороны, и одна сворачивала вправо, к Пылающим Равнинам и Сурде, а вторая шла на север, мимо Драс-Леоны и прямиком к Урубаену.

Тысячи людей, гномов и ургалов кишели перед восточными воротами Белатоны и в самом городе, и все они спорили и кричали, пытаясь вновь создать некое единое целое. В придачу к этим разрозненным группам пеших воинов имелась еще и кавалерия короля Оррина — немалое количество пляшущих на месте, фыркающих и ржущих лошадей. А в самом арьергарде, за боевыми отрядами, тащился хозяйственный обоз — вереница всевозможных повозок, фургонов и клеток, растянувшаяся мили на полторы. По бокам этой вереницы брели стада скота, прихваченного варденами еще из Сурды; эти стада, впрочем, они постоянно пополняли за счет тех животных, которых им удавалось «позаимствовать» у фермеров, попадавшихся им на пути. Над обозом и стадами висел неумолчный шум — мычание волов, пронзительные крики мулов и ослов, гогот гусей и громкое ржание рабочих лошадей.

Этого было вполне достаточно, чтобы Эрагон попросту заткнул уши.

«Можно подумать, что так нам будет лучше, хотя мы столько раз уже делали это», — сказал он Сапфире, продолжая молотить валун пятками.

Она фыркнула:

«Им следовало поручить это мне; я бы привела их в чувство; получаса бы хватило с избытком. И нам не нужно было бы тратить столько времени на ожидание».

Эта идея позабавила Эрагона.

«Да уж, ты бы точно это сумела... Но осторожней: не вздумай сказать это вслух! Не то Насуада и впрямь заставит тебя этим заниматься».

Затем мысли Эрагона переключились на Рорана, которого он не видел с той ночи, когда исцелил дочку Хорста и Илейн. Интересно, думал он, куда это Роран запропал? Его беспокоило, что брат так долго не появляется.

— Черт побери, до чего он глупо поступил! — пробормотал Эрагон, вспомнив, что Роран так и ушел из лагеря, не позволив Эрагону обновить его магическую защиту.

«Ничего, он — опытный охотник, — заметила Сапфира. — Он не станет вести себя глупо и не позволит собственной добыче его сцапать».

«Я знаю, но иногда так все же случается... Ему всего и нужно-то проявить побольше осторожности. Только я сомневаюсь, что он ее проявит. А мне совсем не хочется, чтобы он вернулся изуродованным, а то и вовсе завернутым в саван».

Эрагоном овладели мрачные мысли, но он заставил себя встряхнуться и даже немного попрыгал, разминаясь; он испытывал беспокойство, и ему очень хотелось заняться каким-то физическим трудом, прежде чем следующие несколько часов провести верхом на Сапфире. Он с радостью предвкушал их совместный полет, однако ему совсем не нравилась перспектива кружить, как привязанному, над одной и той же дюжиной миль в течение целого дня, точно стервятнику над медленно ползущим войском. Сами по себе они с Сапфирой могли бы достигнуть Драс-Леоны уже сегодня к полудню.

Эрагон рысцой отбежал чуть в сторону от дороги, заметив там относительно ровную полоску земли, поросшую травой, и, не обращая внимания на предостерегающие взгляды Арьи и остальных эльфов, вытащил Брисингр, встал в оборонительную позицию, которой когда-то давно первым делом научил его Бром, медленно вздохнул и погрузился в некий транс, отчетливо ощущая сквозь подошвы башмаков каждый камешек, каждую песчинку.

Затем с коротким и мощным выкриком он взмахнул мечом и резким рубящим движением опустил его — такой удар легко мог бы разрубить пополам и человека, и эльфа, и ургала, какие бы доспехи его ни защищали. Эрагон остановил меч буквально в дюйме от поверхности земли и удерживал его в такой позиции, чувствуя, как напряженно дрожит в его руках клинок. В густой траве синий металл Брисингра казался очень живым, но каким-то нереальным.

Эрагон снова набрал в легкие воздуха и сделал выпад вперед, пронзив воздух, как своего смертельного врага. Так одно за другим он повторил все основные приемы фехтовального искусства, сосредоточившись не столько на скорости движений или на их мощи, сколько на точности.

Он согрелся и был вполне удовлетворен тем, что не утратил мастерства; оглянувшись на своих стражей, которые полукругом стояли в стороне, он спросил:

— Не угодно ли одному из вас скрестить со мною меч? Хотя бы на несколько минут, а?

Эльфы переглянулись, но по их лицам ничего прочесть было нельзя; затем вперед вышел эльф Вирден.

— Я могу, Губитель Шейдов, если это доставит тебе удовольствие. Однако же я попросил бы тебя сперва надеть свой шлем. Во время разминки всякое случается.

— Ладно.

Эрагон сунул Брисингр в ножны, сбегал к Сапфире и быстро взобрался ей на спину, как обычно порезав при этом палец об одну из ее чешуй. Кольчуга, как и все прочие доспехи, была на нем, а вот шлем он засунул в одну из седельных сумок, чтобы не скатился у Сапфиры со спины и не затерялся в траве.

Вытаскивая шлем, он заметил сосуд, в котором содержалось Элдунари Глаэдра; сосуд был тщательно завернут в одеяло и уложен на самое дно сумки. Эрагон быстро сунул туда руку, коснулся узла с Элдунари и молча вознес молитву тому, что осталось от великолепного золотистого дракона. Затем он закрыл сумку, скатился со спины Сапфиры и двинулся к Вирдену, на ходу надевая мягкий подшлемник и шлем.

Облизнув окровавленный палец, он натянул латные перчатки, надеясь, что кровь скоро течь перестанет и не слишком сильно намочит перчатки изнутри. Воспользовавшись одним и тем же заклинанием, хоть и с незначительными вариациями, они в Вирденом окутали свои клинки невидимой и тонкой защитой, заметной разве что по легкому дрожанию воздуха, дабы никого не поранить во время поединка. Себя они также окутали магической защитой.

Затем оба встали в исходную позицию, поклонились друг другу и подняли клинки. Эрагон смотрел прямо в немигающие черные глаза эльфа; Вирден отвечал ему столь же пристальным взглядом. Не сводя глаз с противника, Эрагон первым сделал выпад и попытался атаковать Вирдена справа, где праворукому эльфу было труднее себя защитить.

Вирден медленно поворачивался вокруг собственной оси, топча сапогами траву, и глаз с Эрагона тоже не сводил. И Эрагон, сделав еще несколько шагов, остановился. Вирден явно был опытным фехтовальщиком, чтобы на него можно было напасть с фланга. А застать его врасплох было совершенно невозможно.

«Если, конечно, не удастся чем-то его отвлечь», — думал Эрагон.

Но завершить эту мысль он не успел. Вирден сделал слабый выпад, словно намереваясь поразить его в колено, и вдруг, прямо посреди движения, изменил направление удара, вывернул кисть и нанес Эрагону рубящий удар поперек груди, слегка задев шею.

Но как бы ни был быстр Вирден, Эрагон все же оказался проворнее. Уловив ту особенность в движениях эльфа, которая выдавала его намерения, Эрагон моментально отступил на полшага, согнул руку в локте и резким

движением разрубил воздух в нескольких миллиметрах от собственного лица.

— Ха! — выдохнул он, перехватив своим Брисингром меч Вирдена. Столкнувшиеся в воздухе мечи пронзительно взвизгнули.

С некоторым усилием оттеснив Вирдена на прежнюю позицию, Эрагон прыгнул на него, один за другим нанося яростные атакующие удары.

Так они рубились несколько минут, потом Эрагон нанес первый «укол» — слегка оцарапал бедро Вирдена, — а потом и второй, но после этого счет практически сравнялся, поскольку эльф понял его тактику и стал предвосхищать его действия, ловко орудуя мечом. Эрагону редко доводилось испытывать свои силы на столь быстром и сильном противнике, как Вирден, и он прямо-таки наслаждался этим поединком.

Впрочем, от наслаждения вскоре не осталось и следа, ибо Вирден ухитрился нанести ему четыре «укола» подряд: один в правое плечо, два в ребра и один весьма ощутимый в низ живота. Удары, разумеется, оказались смазанными, но гордость Эрагона была задета. Его встревожило то, что эльф сумел так легко воспользоваться его невнимательностью. Если бы они сражались по-настоящему, он, конечно, мог бы победить Вирдена еще в первые несколько минут боя, но теперь даже мысль о возможности подобной победы приносила мало утешения.

«Ты позволил ему нанести слишком много ударов», — упрекнула его Сапфира.

«Да, я и сам это прекрасно понимаю», — сердясь на себя, буркнул Эрагон.

«Хочешь, он у меня полетит вверх тормашками?»

«Нет... не сегодня».

Настроение у Эрагона окончательно испортилось. Он опустил меч и поблагодарил Вирдена за возможность потренироваться. Эльф с поклоном сказал:

— Всегда к твоим услугам, Губитель Шейдов, — и вернулся к своим товарищам.

Эрагон воткнул Брисингр в землю между сапогами — ничего подобного он никогда бы не позволил себе сделать с мечом из обычной стали — и, опершись руками о рукоять,

стал смотреть, как по дороге из города тянутся вереницы людей и животных. Правда, суета несколько поутихла, и было ясно, что вскоре рога варденов протрубят сигнал к началу похода.

А пока приходилось ждать, и Эрагон по-прежнему не находил себе места.

Оглянувшись, он увидел, что Арья подошла к ним и стоит рядом с Сапфирой. Блаженная улыбка тут же расползлась по лицу Эрагона, и он, положив Брисингр на плечо, в два прыжка подскочил к эльфийке и указал на ее меч.

— Не хочешь немного размяться? — спросил он. — Мы с тобой фехтовали только один раз в Фартхен Дуре, но с тех пор мои возможности в этом плане несколько возросли.

— Пожалуй что так.

— Ну, и каков будет твой ответ?

Арья бросила оценивающий взгляд в сторону варденов, потом пожала плечами:

— Что ж, почему бы и не размяться?

И они направились к той же ровной, поросшей травой полоске земли.

— Надеюсь, теперь тебе будет уже труднее со мной справиться, — сказал Эрагон.

— Не сомневаюсь.

Арья вынула меч из ножен, и они заняли позицию шагах в двадцати пяти друг от друга. Эрагон чувствовал себя уверенно и сразу стал наступать, намереваясь нанести первый удар в левое плечо Арьи.

Эльфийка не отступала и не пыталась уклониться от ударов. Когда Эрагон был от нее шагах в четырех, она вдруг улыбнулась ему такой теплой, светлой улыбкой, очень ее красившей, что он моментально отвлекся, мысли беспорядочно заметались у него в голове, а перед носом у него вдруг блеснула полоска стали.

Он запоздало попытался парировать удар, и рука его загудела, когда клинок ударился обо что-то твердое — может, о рукоять ее меча или еще обо что-то, а может, и о тело, — но что бы это ни было, он уже понимал, что неправильно оценил расстояние и, нанеся ответный удар, сам остался незащищенным.

И прежде чем он сумел хоть немного замедлить движение вперед, новый удар Арьи заставил его резко отвести правую руку в сторону; и почти сразу же под ложечкой возник тугой узел боли, поскольку она нанесла ему туда колющий удар, заставив упасть.

Хлопнувшись на спину, Эрагон что-то сердито проворчал, хватая ртом воздух и тщетно пытаясь вдохнуть. Он смотрел в небо, и перед глазами у него плясали красные пятна; в течение нескольких малоприятных секунд он никак не мог наполнить легкие воздухом и опасался, что потеряет сознание. Затем сведенные судорогой мышцы расслабились, нормальное дыхание возобновилось, и в голове у него постепенно прояснилось.

Медленно поднявшись на ноги, он стоял, сгорбившись и опираясь на Брисингр, и ждал, когда утихнет боль под ложечкой.

— Здорово ты меня провела, — с трудом выговорил он сквозь стиснутые зубы.

— Нет, всего лишь воспользовалась твоей слабостью. Тут есть разница.

— Значит, ты считаешь... что это *слабость*?

— Когда идет сражение — безусловно. Ну что, хочешь продолжить?

Эрагон молча выдернул Брисингр из земли, отошел на прежнюю позицию и вновь поднял меч, готовясь к поединку.

— Хорошо, — одобрила Арья и приняла точно такую же позу.

На этот раз Эрагон вел себя куда осторожней, да и Арья, когда они начали сходиться, уже не стояла на месте, а тоже осторожно двигалась ему навстречу, не сводя с него своих зеленых глаз.

Потом она сделала легкий выпад, и Эрагон вздрогнул. И сразу понял, что невольно затаил дыхание; пришлось заставить себя расслабиться.

Он сделал еще один неторопливый шаг вперед, а потом вдруг резко бросился вперед, мощно атакуя.

Арья успешно блокировала его удар и ответила ему колющим ударом в область незащищенной подмышки.

Острый, но почти обезвреженный с помощью магии конец ее меча скользнул по тыльной стороне левой руки Эрагона, оставив царапину на металлической пластине доспеха. Но ему удалось все же успешно отбить этот удар, и он заметил, что вся верхняя часть тела Арьи оказалась незащищенной. Но нанести действенный удар он не мог: они стояли слишком близко друг к другу.

Вместо этого он просто прыгнул вперед и ударил ее в грудь рукоятью меча, желая сбить ее с ног, уронить на землю, как только что поступила с ним она.

Однако Арья сумела вывернуться, и его удар рукоятью пришелся... в воздух, а Эрагон, не удержавшись на ногах, шагнул вперед и, сам не понимая, как это произошло, обнаружил, что не может пошевелиться, ибо Арья одной рукой обхватила его за шею, а другой прижала холодное лезвие своего клинка к его нижней челюсти.

И откуда-то снизу, чуть ли не у него из подмышки, донесся шепот Арьи:

— Мне сейчас ничего не стоило бы голову тебе отсечь — все равно что яблоко с дерева сорвать.

Затем она ослабила хватку и даже слегка оттолкнула Эрагона. Разозленный, он резко обернулся и увидел, что она уже готова и ждет: меч в руке, лицо сосредоточено.

И Эрагон, дав волю своему гневу, ринулся на нее.

Они обменялись четырьмя ударами, и каждый последующий был более яростным, чем предыдущий. Арья первой нанесла рубящий удар ему по ногам. Эрагон парировал и попытался рубануть ее по талии, но она ускользнула от блеснувшего в солнечных лучах Брисингра. Не давая ей возможности опомниться, он продолжал атаковать и нанес ей весьма хитрый, как ему казалось, удар из-под согнутой в локте руки, который Арья блокировала с обманчивой легкостью, а затем, шагнув вперед, легким, как прикосновение птичьего крыла, туше приставила меч к его животу.

В этой позиции она и застыла, как бы завершая удар; ее лицо находилось в нескольких дюймах от лица Эрагона. На лбу у нее блестели капельки пота, щеки разрумянились.

С несколько преувеличенной осторожностью они разошлись в разные стороны и решили передохнуть.

Эрагон оправил одежду и присел на корточки рядом с Арьей, чувствуя, что пыл схватки совершенно перегорел. Теперь он был полностью сосредоточен, однако чувствовал себя с нею гораздо свободней.

— Я не понимаю... — тихо сказал он.

— Ты успел слишком привыкнуть к тому, что все время сражаешься с воинами Гальбаторикса, которым нечего и надеяться стать тебе равными. Вот ты этим и пользуешься, не замечая, что в определенных обстоятельствах демонстрируешь явную слабость и невнимательность. Твои атаки слишком очевидны — тебе не следует полагаться лишь на грубую силу. И потом, ты стал как-то слишком вяло защищаться.

— А ты мне поможешь? — спросил он. — Будешь со мной фехтовать, когда у тебя найдется свободная минутка?

Арья кивнула:

— Конечно помогу. А если у меня не будет такой возможности, обратись к Блёдхгарму — он не хуже меня владеет мечом. Практика — вот единственное, что тебе сейчас нужно. Практика с достойными партнерами.

Эрагон уже открыл было рот, чтобы ее поблагодарить, но вдруг ощутил, что в его мысли пытается пробиться кто-то другой, но не Сапфира; этот другой был поистине огромен, пугающе огромен и полон некой чрезвычайно глубокой меланхолии и такой великой печали, что у Эрагона перехватило дыхание. На мгновение ему показалось даже, что померкли все краски окружающего мира. А потом он услышал, как медленно, глубоким голосом, словно говорить ему было трудно из-за собственной невероятной величины, золотистый дракон Глаэдр мысленно говорит ему:

«Прежде всего... ты должен научиться... видеть то, что у тебя перед глазами».

И голос тут же умолк, оставив после себя черную пустоту.

Эрагон изумленно посмотрел на Арью. Она, похоже, была потрясена случившимся не меньше, чем он; она ведь тоже слышала сказанные Глаэдром слова. У нее за спиной зашевелились и зашептались Блёдхгарм и другие эльфы, а на обочине дороги Сапфира вытянула шею, словно

пытаясь разглядеть что-то в седельных сумках, привязанных у нее на спине.

Все они *слышали*, понял Эрагон.

Вместе с Арьей они вскочили и бегом бросились к Сапфире, но она сказала им:

«Он мне сейчас не ответит. Где бы он ни был, он оттуда вернулся, но, увы, пока что он не станет слушать ничего, кроме голоса собственной великой печали. Вот, попробуй сам...»

Эрагон, Сапфира и Арья, соединив свои мысленные усилия, попытались снова установить мысленную связь с Элдунари Глаэдра, спрятанным в одной из седельных сумок. «Сердце сердец» огромного дракона стало, похоже, еще крепче, но разум его был по-прежнему закрыт для проникновения извне, а душа казалась безжизненной и равнодушной, как и в тот день, когда Гальбаторикс убил его Всадника, Оромиса.

Эрагон, Сапфира и Арья пробовали взбодрить Глаэдра, вывести его из ступора, однако он обращал на них не больше внимания, чем пещерный медведь на жалких мушек, жужжащих у него над головой.

И все же Эрагона не покидало упорное ощущение, что равнодушие Глаэдра уже не столь всеобъемлюще, как прежде, особенно если учесть то замечание, которое дракон только что ему сделал.

Наконец все трое признали свое поражение и прервали мысленный контакт со старым драконом. Но Арья почти сразу сказала Эрагону:

— А может, нам все-таки удастся поговорить с его Элдунари?..

Эрагон моментально сунул Брисингр в ножны, влез по правой передней лапе Сапфиры к ней на спину и, устроившись в седле задом наперед, принялся развязывать седельную сумку.

Он уже перерыл все в одной сумке и принялся за вторую, когда прозвучал резкий сигнал горна и передние ряды варденов сразу пришли в движение. Длинная вереница людей и животных поползла по дороге — сперва несколько неуверенно, но все время набирая скорость и силу.

Эрагон с глубоким разочарованием посмотрел на Арью, стоявшую внизу, но она тут же разрешила его сомнения и, махнув рукой, сказала:

— Ничего страшного. Вечером мы обязательно с ним поговорим. Скорей! Летите на крыльях ветра!

Эрагон быстро затянул седельные сумки, сунул ноги в ременные петли по обе стороны седла и туго затянул ремни, чтобы нечаянно не свалиться со спины Сапфиры, когда она будет реять в воздушном пространстве.

Драконiха присела и, с радостным ревом подпрыгнув, полетела над дорогой. Завидев ее, летящую так низко, люди в ужасе приседали и закрывали голову руками, а лошади ржали и взвивались на дыбы. И тогда Сапфира, развернув крылья, легко взмыла ввысь, подальше от этой недружественной земли, в чудесную, лишенную каких бы то ни было препятствий голубизну небес.

Эрагон закрыл глаза и запрокинул голову; он был рад наконец-то покинуть Белатону. После того как он целую неделю проторчал в этом городе и не делал ничего, только ел да спал — ибо на этом настояла Насуада, — он был особенно рад возобновить поход на Урубаен.

Когда Сапфира выровняла полет, поднявшись на несколько сотен футов выше любых горных вершин, и городские башни остались далеко внизу, Эрагон мысленно спросил у нее:

«Как ты думаешь, Глаэдр поправится?»

«Он никогда не будет таким, как прежде».

«Не будет, это я понимаю, но все же надеюсь, что он сумеет как-то преодолеть свое горе. Мне очень нужна его помощь, Сапфира! И мне еще так много нужно узнать. У кого мне еще спрашивать, как не у него?»

Сапфира некоторое время молчала, слышно было лишь, как шелестят ее могучие крылья.

«Мы не можем его торопить, — сказала она. — Он получил самый тяжкий удар, какой только может постигнуть дракона или Всадника. Прежде чем он сможет помочь тебе, мне или кому бы то ни было еще, он должен решить, хочет ли он продолжать жить. А до этих пор никакие слова не смогут его достигнуть».

НИ ЧЕСТИ, НИ СЛАВЫ, ОДНИ СИНЯКИ,

причем в самых неподходящих местах

Яростный лай гончих псов у них за спиной стал громче, стая явно жаждала крови.

Роран крепче сжал поводья и ниже пригнулся к шее коня, мчавшегося галопом. Грохот конских копыт громом отдавался в ушах.

Он и пятеро его спутников — Карн, Мандель, Балдор, Делвин и Хамунд — украли свежих лошадей на конюшне одного поместья, находившегося неподалеку. Надо сказать, тамошние конюхи были от этого отнюдь не в восторге, однако примолкли, едва сверкнули мечи грабителей. Впрочем, теперь конюхи наверняка подняли на ноги людей, потому что не успел маленький отряд Рорана отъехать от конюшни и на полмили, как вслед за ними ринулись человек десять вооруженных всадников и стая охотничьих собак.

— Туда! — крикнул Роран, указывая на узкую полоску берез между двумя холмами, явно росших по берегам какого-то ручья.

Все тут же свернули с хорошо укатанной дороги и помчались к березовой рощице. Неровности почвы заставили их несколько сбавить бешеный галоп, но совсем немного, хотя они, безусловно, рисковали. Лошадь запросто могла угодить в какую-нибудь ямку или норку и сломать себе ногу или сбросить седока. Однако угодить в пасть гончим псам было еще опаснее.

Роран, вонзив шпоры в бока коня, орал на него во всю свою забитую пылью глотку. Конь рванулся вперед и малопомалу начал нагонять Карна, однако было ясно, что таких

рывков больше ему не выдержать, как бы сильно ездок ни хлестал его концом повода. Вообще-то Роран терпеть не мог жестокого обращения с животными и не имел ни малейшего намерения загонять этого мерина до смерти, но, разумеется, не пощадил бы его, если б под угрозой оказалось порученное им задание.

Поравнявшись с Карном, Роран крикнул:

— Ты не мог бы скрыть наши следы с помощью каких-нибудь чар?

— Не знаю, как это делается! — ответил Карн, и голос его был едва слышен за топотом лошадей и свистом ветра. — Для меня это слишком сложно!

Роран выругался и оглянулся через плечо. Гончие уже вылетели из-за последнего поворота дороги. Они так и стлались над землей; длинные, гладкие, мускулистые тела их то вытягивались, то сокращались в мощных прыжках. Даже на таком расстоянии были видны их вываленные из пасти красные языки и оскаленные белые клыки.

Добравшись до березовой рощицы, Роран развернулся и поскакал назад, в холмы, стараясь оставаться как можно ближе к березам, но не задевать их низко растущих ветвей и не спотыкаться об упавшие стволы. Остальные последовали его примеру, покрикивая на лошадей и не давая им замедлить бег.

Когда они уже взбирались по склону холма, справа от себя Роран заметил Манделя, сгорбившегося на пятнистой кобыле. На лице Манделя застыло какое-то совершенно зверское выражение. В последние три дня этот молодой парень прямо-таки удивлял Рорана своей выносливостью и крепостью. С тех пор как отец Катрины, мясник Слоан, предал жителей Карвахолла и убил отца Манделя Бирда, этот парнишка, похоже, изо всех сил старался доказать, что может сражаться не хуже любого взрослого мужчины. Он отлично проявил себя в двух последних сражениях с воинами Империи.

Толстенная ветка пронеслась у Рорана над головой. Он пригнулся и услышал, как концы сучков с силой царапнули по верхушке его шлема. Оторвавшийся листок упал ему на лицо, на мгновение закрыв правый глаз, и тут же улетел с ветром.

Его мерин явно начинал уставать, дыхание его становилось все более затрудненным, но подъем все продолжался. Глянув из-под руки, Роран увидел, что гончие уже совсем близко. Еще несколько минут, и они наверняка их нагонят.

Черт побери! Он рыскал взглядом по окрестным холмам в поисках убежища или того, что могло бы сбить преследователей с их следа. Слева виднелись густые заросли деревьев, справа травянистые склоны. От усталости Роран так плохо соображал, что чуть не пропустил то, что так долго высматривал.

Ярдах в двадцати от них по склону холма тянулась еле заметная извилистая оленья тропа, исчезавшая в зарослях.

— Стоять!.. Стоять!.. — заорал Роран, откидываясь назад и натягивая поводья. Мерин сбавил ход и пошел рысцой, но протестующе похрапывал и мотал башкой, пытаясь прихватить Рорана зубами. — Эй, не балуй! — прорычал Роран и снова натянул поводья. — Скорей! — крикнул он товарищам, поворачивая коня и ныряя в заросли.

Там, в тени деревьев, воздух был прохладный, почти промозглый, и это сразу принесло огромное облегчение. Все были до предела разогреты скачкой. Но насладиться прохладой Роран толком не успел. Мерин почти сразу устремился вперед и начал, оскальзываясь, спускаться по берегу ручья к воде. Сухие ветки похрустывали под стальными подковами. Чтобы не перелететь через голову коня, Рорану пришлось лечь ему на шею почти плашмя и крепче сжать коленями и пятками бока.

Спустившись на дно оврага, мерин, бухая копытами, протопал через каменистый ручей, разбрызгивая воду, и штаны на коленях у Рорана мгновенно промокли. На другом берегу он немного подождал, чтобы убедиться, что никто не отстал. Его спутники вереницей спускались к ручью сквозь деревья.

А наверху, в том месте, где они только что нырнули в заросли, уже слышался лай собак.

«Придется нам, видно, разворачиваться и принимать бой», — подумал Роран.

Он снова выругался и, пришпорив несчастного коня, погнал его прочь от ручья, поднимаясь по мягкому,

поросшему мохом склону и продолжая следовать той же еле заметной оленьей тропой.

Неподалеку от ручья виднелись заросли папоротников, а за ними — впадина. Роран высмотрел ствол упавшего дерева, оно могло бы послужить неким прикрытием, если его подтащить в нужное место.

«Только бы у них не было с собой луков!» — думал он.

— Сюда! — махнул Роран рукой и, дернув за повод, направил коня сквозь заросли папоротников в эту низину. Там он спрыгнул с седла, но поводья не отпускал. Коснувшись земли, Роран почувствовал, что колени под ним попросту подгибаются, и, наверно, упал бы, если б не держался за коня. Досадливо поморщившись, Роран прислонился лбом к конскому плечу и стал, тяжело дыша, дожидаться, когда перестанут дрожать колени.

Остальные конники сгрудились вокруг него, и воздух сразу наполнился запахом конского пота и звоном упряжи. Лошади дрожали от усталости, грудь у них тяжело вздымалась, изо рта падала желтая пена.

— Помоги мне, — сказал Роран Балдору и указал на упавшее дерево.

Подхватив ствол за толстый конец, они оттащили его в сторону, и Роран даже зубами скрипнул — такая боль пронзила при этом его спину и раненое бедро. Скакать полным галопом в течение трех дней — да еще и спать меньше трех часов после каждых двенадцати, проведенных в седле, — оказалось тяжким испытанием.

«Лучше уж вступать в битву пьяным, или больным, или избитым до полусмерти!»

Он опустил конец бревна и выпрямился. Мысль о собственной беспомощности несколько нервировала его.

Роран и пятеро его спутников спрятали лошадей за бревно и повернулись лицом к стене изрядно помятых папоротников. Вытащили оружие, приготовились. Громкий лай собак был слышен уже совсем близко, ему вторило жутковатое эхо.

Роран поднял свой молот повыше, чувствуя, что напряжен, как натянутая струна. И вдруг сквозь неумолкавший лай собак услышал какие-то странные напевные звуки, становившиеся все громче. Это Карн выпевал некую

мелодию, повторяя одни и те же слова древнего языка. От той силы, что таилась в этих незнакомых словах, у Рорана по всему телу поползли мурашки. Затем Карн произнес еще несколько предложений как бы на одном дыхании и так быстро, что слова слились в некое неразличимое целое, а потом указал Рорану и остальным на землю и прошептал напряженно:

— Ложитесь!

Роран без лишних вопросов шлепнулся на живот и уже далеко не в первый раз выругал себя за то, что оказался неспособным пользоваться хотя бы простейшими заклятиями. Из всех умений, какими мог владеть настоящий воин, владение магией казалось ему наиболее полезным. Однако же сам он такого умения был лишен, и это делало его порой совершенно беспомощным в руках тех, кто способен был изменять форму мира с помощью собственной воли и слов древнего языка.

Папоротники перед ними зашуршали, затряслись, и первый гончий пес просунул свой черный нос сквозь листья, принюхиваясь к той впадинке, где притаились конокрады. Кончик носа у пса нервно подергивался. Делвин зашипел и взмахнул мечом, словно собираясь отсечь псу голову, но Карн что-то настоятельно проворчал и махнул рукой, требуя опустить клинок.

Пес наморщил лоб, словно был чрезвычайно озадачен, и снова принюхался. Потом облизнулся, показывая розовый язык, и ушел.

Как только листья папоротника снова сомкнулись за ним, Роран медленно выдохнул, поскольку все это время невольно задерживал дыхание, и вопросительно посмотрел на Карна, но тот лишь покачал головой и приложил к губам палец, призывая молчать.

Через несколько секунд еще две собаки вынырнули из папоротников, осторожно обследовали низину, а затем, как и первый пес, убежали назад. Вскоре среди деревьев поднялся жуткий визг и лай: собаки растерянно метались, пытаясь понять, куда же делась добыча.

Роран вдруг заметил у себя на штанах с внутренней стороны бедер какие-то темные пятна. Он коснулся одного из

них, и на пальцах осталась липкая пленка крови. Это означало, что ляжки его стерты до крови за три дня непрерывной скачки. И такие потертости были не только на бедрах, но на руках, между большим и указательным пальцем, где поводья натерли кожу, и на пятках, и в других, еще более неудобных местах.

Роран с отвращением вытер пальцы о траву и посмотрел на своих спутников. По выражению их лиц он понял, что им тоже больно и двигаться, и держать в руках оружие. В общем, им всем здорово досталось.

Роран решил, что на следующей стоянке он обязательно попросит Карна подлечить их раны, а если маг окажется слишком усталым, то от лечения придется воздержаться. Лучше уж потерпеть, чем позволить Карну израсходовать все силы еще до того, как они прибудут в Ароуз. Роран не без оснований полагал, что там умения Карна могут оказаться более чем полезными.

Мысли об Ароузе и его осаде заставили Рорана свободной рукой нащупать на груди пакет с приказами, которых он даже прочитать не мог, и пакет с деньгами, которые ему вряд ли удастся сохранить, но они пока тоже были надежно спрятаны за пазухой.

Прошло еще несколько долгих напряженных минут. Вдруг одна из гончих принялась возбужденно лаять где-то в гуще деревьев, выше по ручью, и остальные собаки ринулись на ее призыв, яростно лая и давая своим хозяевам понять, что добыча близко.

Когда их лай стал удаляться, Роран медленно поднялся и, осмотрев ближайшие деревья и кусты, тихо сказал:

— Все чисто, выходите.

Когда встали и все остальные, Хамунд — высокий, лохматый, с глубокими морщинами у рта, хоть и был всего на год старше Рорана, — напустился на Карна:

— Что ж ты раньше этого не сделал? Зачем мы чуть ли не вверх тормашками через все поле мчались, а потом, грозя сломать себе шею, по этому косогору спускались?

Карн ответил Хамунду не менее сердито:

— Потому что раньше я об этом не подумал, только и всего! А если учесть, что я избавил вас от такой

неприятности, как порванные собаками в клочья штаны и собственная шкура, мне, по-моему, следовало бы получить хоть слово благодарности!

— Да ну? А по-моему, ты мог бы и пораньше сообразить насчет своих заклинаний! *До того*, как нас загнали черт знает куда!

Опасаясь, что спор Карна и Хамунда перерастет в драку, Роран встал между ними.

— Довольно! — сказал он и спросил у Карна: — А ты сумеешь с помощью магии спрятать нас от стражи?

Карн покачал головой:

— Людей обмануть куда трудней, чем собак. — Он бросил уничтожающий взгляд на Хамунда. — Во всяком случае, большую часть людей. Нас самих я могу спрятать, но ведь следы-то наши останутся. — И он указал на сокрушенные папоротники и отпечатки копыт на влажной земле. — Люди все равно поймут, что мы где-то здесь. Но если мы поскорее уберемся отсюда, пока их отвлекают собаки, тогда...

— По коням! — тут же приказал Роран.

Бурча самые разнообразные проклятия и почти уже не сдерживая стонов, они вновь оседлали коней, и Роран в последний раз внимательно оглядел ложбину, желая убедиться, что они ничего не забыли, а потом двинулся вперед, возглавляя свой маленький отряд.

Через пару минут они галопом вылетели из-под деревьев и помчались прочь от оврага, возобновляя свое бесконечно долгое путешествие. А вот что им делать, когда доберутся до Ароуза, Роран пока и понятия не имел.

ПОЖИРАТЕЛЬНИЦА ЛУНЫ

Эрагон, сгорбившись и опустив плечи, шел через лагерь варденов, пытаясь как-то избавиться от неприятного ощущения боли в шее, которое заработал, фехтуя утром с Арьей и Блёдхгармом.

Поднявшись на небольшой холм, казавшийся одиноким островом в этом море палаток, он уперся руками в бедра и огляделся. Перед ним расстилалась темная гладь озера Леона, посверкивая в сумерках гребнями невысоких волн. В озере отражались оранжевые огни факелов, горевших в лагере. Дорога, по которой двигались варденов, пролегала между лагерем и берегом. Эта широкая полоса тесаных камней, скрепленных известью, была создана — во всяком случае, по словам Джоада, — задолго до того, как Гальбаторикс уничтожил Всадников. В четверти мили к северу у самой воды виднелась маленькая рыбацкая деревушка, точно присевшая на корточки и затаившаяся. Эрагон прекрасно понимал, что ее жители отнюдь не в восторге от соседства целой армии довольно голодных людей.

«Ты должен научиться... видеть то, что у тебя перед глазами».

После того как они покинули Белатону, Эрагон много размышлял над этим советом Глаэдра. Он не был абсолютно уверен, что понял смысл этого высказывания, но Глаэдр не пожелал ничего более к этому прибавить. Так что Эрагон был волен интерпретировать его слова по своему усмотрению. Он действительно стремился *увидеть* все, что было перед ним — вне зависимости от того, малое оно или большое, важное или вроде бы не имеет значения, — и понять суть каждого предмета.

Но сколько он ни старался, его не оставляло ощущение того, что все подобные попытки самым жалким образом проваливаются. Эрагон смотрел, но видел лишь ошеломляюще огромное количество подробностей и при этом был убежден, что видит еще далеко не все, и просто недостаточно проницателен, чтобы охватить все разом. Еще хуже было то, что ему крайне редко удавалось понять смысл того, что он видит или чувствует. Вот, например, сейчас Эрагон никак не мог понять, почему из трех каминных труб в той деревушке не идет дым.

Но, несмотря на то что сам себе он казался совершенно бестолковым и слишком поверхностным, кое-какие плоды работа над собой все же дала: теперь, по крайней мере, Арья уже *не каждый раз* одерживала над ним победу во время их тренировочных боев. Эрагон следил за нею с удвоенным вниманием, изучал ее столь же придирчиво, как оленя, по следу которого некогда шел на охоте, и в результате выиграл несколько поединков. Однако он по-прежнему не только не способен был превзойти ее в искусстве фехтования, но даже и равным ей не мог считаться. Эрагон не знал, чему еще должен научиться — или кто мог бы его этому научить, — чтобы стать столь же искусным фехтовальщиком, как Арья.

«Возможно, Арья права, и опыт — это единственный наставник, который может мне помочь, — думал Эрагон. — Но опыт требует времени, а вот времени-то у меня как раз и нет. Вскоре мы достигнем Драс-Леоны, а там и Урубаена. Боюсь, самое большее через несколько месяцев мне придется лицом к лицу встретиться с Гальбаториксом и Шрюкном».

Эрагон горестно вздохнул и потер руками лицо, пытаясь переключить мысли на что-нибудь другое, не столь тревожное, но неизменно возвращался к одним и тем же сомнениям; они терзали его, как собака мозговую кость, и это ничего не давало, кроме постоянно усиливавшегося ощущения тревоги.

Погруженный в мрачные мысли, он спустился с холма и побрел меж темных палаток, направляясь к своему жилищу, однако не слишком обращая внимание на то, куда

именно несут его ноги. Как обычно, ходьба помогла ему успокоиться. Люди, которые еще не спали, расступались, давая ему пройти, и стучали кулаком по груди, тихо приветствуя Губителя Шейдов. Эрагон отвечал им коротким, вежливым поклоном.

Он брел так, наверное, с четверть часа, то останавливая поток своих мыслей, то вновь в них погружаясь, когда размышления его прервал пронзительный женский голос. Женщина так громко и с таким энтузиазмом что-то рассказывала, что Эрагону стало интересно. Он подошел к палатке, стоявшей несколько в стороне от остальных у подножия огромной корявой ивы, единственного дерева на берегу озера, которое армия варденов еще не срубила на дрова. Там, под пологом ветвей, происходило нечто весьма странное.

Двенадцать ургалов, включая их командира Нар Гарцвога, сидели полукругом возле крошечного, едва мерцающего костерка. Тени плясали на их страшноватых физиономиях, подчеркивая мощные надбровные дуги, густые брови, широкие скулы, массивные челюсти; поблескивали их острые рога, торчавшие изо лба и загибавшиеся назад, за уши. Ургалы были обнажены по пояс. Верхнюю часть их туловища украшали только кожаные браслеты на запястьях да плетеные ремешки, перекинутые через плечо и укрепленные на талии. Помимо Гарцвога, Эрагон разглядел среди присутствовавших еще троих куллов. Куллы были такими огромными и с виду неуклюжими, что прочие ургалы на их фоне выглядели точно малые дети, хотя все они были ростом не меньше двух метров.

Среди ургалов устроились коты-оборотни в своем зверином обличье. Котов было, пожалуй, несколько дюжин. Многие сидели совершенно неподвижно и смотрели в костер. Они даже хвостом не шевелили, насторожив свои украшенные кисточками уши. А некоторые коты лениво распростерлись на земле, на коленях у ургалов или *даже у них на плечах*. Эрагон с удивлением заметил, что одна кошка-оборотень — гибкий белый зверек — свернулась клубочком прямо на широкой башке одного из куллов, и ее правая передняя лапка с острыми когтями небрежно свесилась с его черепа, собственническим жестом прижимая

его бровь. Хоть коты-оборотни и казались по сравнению с ургалами совсем крошечными, выглядели они не менее свирепо. У Эрагона не было сомнений, с кем было бы проще встретиться в бою. Ургалов он, во всяком случае, понимал, а вот эти коты были... совершенно непредсказуемы!

По другую сторону костра перед входом в палатку сидела на свернутом одеяле, скрестив ноги, травница Анжела и пряла из чесаной шерсти тонкую нить. Она держала веретено прямо перед собой, словно с его помощью намереваясь погрузить в транс любого, кто вздумает наблюдать за нею. И коты-оборотни, и ургалы внимательно, не сводя глаз, смотрели на травницу, а она им что-то рассказывала, и Эрагон прислушался.

— Но он действовал слишком медленно, — говорила Анжела, — и разгневанный красноглазый кролик вырвал у Хорда горло, мгновенно лишив его жизни. А затем убежал в лес и навсегда исчез из нашей истории — я, разумеется, имею в виду ту историю, что записана учеными. Однако... — и тут Анжела наклонилась вперед и немного понизила голос, — если вам доведется странствовать в тех местах, где не раз странствовала я, то и в наши дни вы можете наткнуться на только что убитого оленя или фельдуноста, который выглядит так, словно его *обгрызли* со всех сторон, как клубень турнепса. И повсюду вокруг него непременно будут отпечатки лап *очень* крупного кролика. И потом, как известно, время от времени один из воинов Квотха загадочным образом исчезает, а потом его находят мертвым, с вырванным горлом... Да, всегда с вырванным горлом.

Анжела выпрямилась, уселась поудобнее и продолжила:

— Террин был, разумеется, ужасно огорчен гибелью друга и хотел устроить охоту на красноглазого кролика, но гномам по-прежнему требовалась его помощь, вот он и вернулся в крепость. Еще три дня и три ночи защитники крепости удерживали ее, но потом у них подошли к концу все съестные припасы, а воины — буквально каждый из них — были изранены с головы до ног.

И утром четвертого дня, когда всем уже казалось, что битва проиграна, тучи развеялись, и далеко на горизонте

Террин с изумлением увидел летящего к крепости Мимринга во главе огромного *грома*. Вид приближавшихся драконов так напугал атакующих, что они побросали свое оружие и бежали в дикие края. — Губы Анжелы дрогнули в усмешке. — И это, как вы понимаете, привело в восторг гномов Квотха, и они не скрывали своего ликования.

Но когда Мимринг приземлился, Террин, к своему большому изумлению, увидел, что чешуи его стали совсем прозрачными, как алмазы. Говорят, это произошло потому, что Мимринг летел слишком близко к солнцу. Ведь для того, чтобы вовремя собрать столько драконов, ему пришлось лететь *выше* самых высоких вершин в Беорских горах, выше, чем когда-либо летали драконы и до него, и после него. И с тех пор Террин прославился как герой осажденного Квотха, а его дракона из-за алмазной чешуи стали называть Мимринг Сверкающий. И с тех пор они жили счастливо, но, если честно, Террин все же до самой старости немного побаивался кроликов. Вот что *на самом деле* произошло тогда в Квотхе.

Когда Анжела умолкла, коты-оборотни благодарно замурлыкали, а ургалы стали издавать негромкое утробное ворчание, означавшее, видимо, высшее одобрение.

— Ты рассказала хорошую историю, Улутхрек, Пожирательница Луны, — сказал Гарцвог, и голос его прозвучал гулко, точно эхо скатившегося с горы валуна.

— Спасибо.

— Но рассказывала ты не так, как я когда-то слышал у гномов, — заметил Эрагон, выходя в круг света.

Лицо Анжелы оживилось:

— Ну, вряд ли можно ожидать от гномов признания в том, что они были во власти какого-то кролика! А ты что же, все это время в тени прятался?

— Нет, только несколько последних минут, — признался Эрагон.

— В таком случае ты пропустил самую лучшую часть истории, а сегодня я более не расположена ее повторять. У меня и так уже горло пересохло — так долго я рассказывала.

И Эрагон подошвами ног ощутил, как задрожала земля, — это поднимались на ноги куллы и остальные ургалы,

к величайшему неудовольствию котов-оборотней. Некоторые коты даже громко взвыли, протестуя против того, что их столь небрежно роняют на землю.

Глядя на жутковатые рогатые морды ургалов, склонившиеся над костром, Эрагон с трудом подавил желание схватиться за рукоять меча. Даже после того, как он столько раз сражался вместе с ургалами, столько путешествовал и охотился вместе с ними и даже не раз забирался к некоторым из них в мысли, пребывание в их обществе все еще вызывало у него некоторую оторопь. Где-то в душе он понимал, что теперь они союзники варденов, но тело его не могло забыть того цепенящего ужаса, который охватывал его в былые времена, когда ему приходилось иметь дело с такими могучими противниками.

Гарцвог вытащил что-то из кожаного мешочка, который носил на поясе, и, протянув над огнем свою толстенную лапищу, передал эту вещь Анжеле. Та отложила свою пряжу и приняла подношение в сложенные лодочкой ладони. Это был довольно грубый стеклянный шар цвета морской волны, посверкивающий белыми искрами, точно сухой снежок. Анжела опустила шар в рукав своего одеяния и снова взяла в руки веретено.

А Гарцвог сказал:

— Ты должна иногда приходить в наш лагерь, Улутхрек, и мы будем рассказывать тебе свои истории, много историй. У нас и сказитель свой есть. Хороший. Когда слушаешь, как он рассказывает легенду о победе Нар Тулкхка в сражении при Ставароске, просто кровь кипеть начинает и хочется завыть на луну и скрестить рога с самым сильным соперником.

— Ну, это еще зависит от того, есть ли у тебя рога, чтобы их с кем-то скрестить, — заметила Анжела. — Для меня было бы большой честью посидеть с вами и послушать ваши истории. Так, может, завтра вечером?

Великан кулл тут же согласился, а Эрагон спросил:

— Где это — Ставароск? Я о нем никогда прежде не слышал.

Ургалы беспокойно зашевелились, а Гарцвог нагнул голову и всхрапнул, точно разъяренный бык.

— Что это еще за шутки, Огненный Меч? — гневно спросил он. — Зачем ты нас оскорбляешь? Или, может, хочешь вызвать меня на поединок? — Он то сжимал, то разжимал кулаки с выражением несомненной угрозы.

И Эрагон поспешил осторожно оправдаться:

— Я не имел в виду ничего плохого, Нар Гарцвог. И никакого подвоха в моем вопросе не было. Я действительно никогда раньше не слышал такого названия, как Ставароск.

Ургалы удивленно загудели.

— Как это может быть? — спросил Гарцвог. — Разве не все люди знают о Ставароске? Разве наша величайшая победа не воспевается повсюду от северных пустошей до Беорских гор? И уж конечно, вардены, как никто другой, должны были бы знать об этом.

Анжела вздохнула и, не отрывая взгляда от вращающегося верстена, сказала:

— Ты лучше сразу им объясни.

Эрагон чувствовал, что Сапфира внимательно прислушивается к этому разговору и уже готова лететь ему на подмогу, если окажется, что схватки не избежать.

Тщательно подбирая слова, он сказал:

— Никто никогда не упоминал при мне об этом, но, с другой стороны, я ведь совсем недавно у варденов, и...

— Дражл! — выругался Гарцвог. — Этот безрогий предатель не имел мужества даже признать свое поражение! Он трус и лжец!

— Кто? Гальбаторикс? — осторожно спросил Эрагон.

Несколько котов зашипели, услышав это имя.

Гарцвог кивнул:

— Да. Когда он пришел к власти, то пытался стереть наш народ с лица земли и послал в Спайн огромную армию. Его воины крушили наши деревни, сжигали наших мертвых, оставляя наши поля черными и бесплодными. Мы сражались — сперва с радостью, потом с отчаянием, но все же продолжали сражаться. Это было единственное, что мы могли сделать. Нам было некуда бежать, негде спрятаться. Кто стал бы защищать народ ургалов, если даже Всадники были поставлены на колени? Но нам повезло. У нас был

великий военачальник, который и возглавил нас, — Нар Тулкхка. Однажды он был захвачен людьми в плен, а потом много лет с ними сражался, так что хорошо знал, что и как думают люди. Благодаря этому он сумел собрать множество ургалов из разных племен под свои знамена. А потом он заманил армию Гальбаторикса в узкий проход в глубине гор, и наши славные бараны напали на них с обоих концов. Это была настоящая бойня, Огненный Меч. Земля насквозь пропиталась кровью, а груды тел были выше моего роста. Даже теперь в Ставароске под ногами похрустывают кости павших в той битве, а среди кустиков мха можно найти немало монет, сломанных мечей и доспехов.

— Значит, это были вы! — воскликнул Эрагон. — Всю жизнь я слышу истории о том, что однажды Гальбаторикс потерял в горах Спайна половину своей армии, но ни разу никто не мог сказать мне, как именно это произошло и по какой причине.

— *Больше половины*, Огненный Меч! — Гарцвог округлил плечи и издал какой-то жуткий горловой звук. — Теперь мне ясно: мы должны непременно сделать так, чтобы о нашей победе узнали все, кто еще не знает об этом. Мы выследим и выловим ваших сказителей и бардов, а потом научим их своим песням, в которых говорится о Нар Тулкхке, пусть они хорошенько запомнят эти песни и исполняют их громко и часто. — Он один раз решительно кивнул, словно раз и навсегда принимая решение — весьма впечатляющий жест, учитывая размеры его великолепной головы, — и сказал: — Прощай, Огненный Меч. Прощай, Пожирательница Луны. — И он вместе с другими ургалами, неуклюже ступая, исчез в темноте.

Анжела вдруг захихикала, чем весьма поразила Эрагона.

— Что такое? — повернулся он к ней.

Она улыбнулась:

— Да я просто представила себе, какое выражение лица будет через несколько минут у бедного музыканта, играющего на лютне, когда он выглянет из своей палатки и увидит, что целых двенадцать ургалов — особенно если учесть, что четверо из них куллы! — только и мечтают посвятить

его в основы своей культуры. Ей-богу, я буду просто потрясена, если этот несчастный музыкант для начала не примется вопить во все горло. — Она снова засмеялась.

Эрагон тоже засмеялся и, присев у костра, поворошил угли концом какой-то ветки. Что-то теплое и тяжелое тут же плюхнулось ему на колени, и он увидел, что это та самая белая кошка-оборотень. Он хотел было ее погладить, но потом все же решил спросить:

— Можно?

Кошка дернула хвостом и проигнорировала его вопрос.

Надеясь, что не делает ничего предосудительного, Эрагон принялся осторожно почесывать ей шейку, и через несколько минут в ночной тиши послышалось громкое мурлыканье.

— Ты ей нравишься, — заметила Анжела.

И Эрагон неизвестно почему вдруг почувствовал себя чрезвычайно польщенным.

— А кто она? Ну, то есть я хотел спросить, кто ты? Как тебя зовут? — обратился он к кошке, опасаясь, что своим вопросом обидел ее.

Анжела тихо рассмеялась.

— Ее имя Охотница-За-Тенями. Или примерно так, на языке котов-оборотней. На самом-то деле она... — И тут травница издала какой-то странный звук — то ли кашель, то ли рычание, — от которого у Эрагона по спине поползли мурашки. — Охотница-За-Тенями, можно сказать, супруга Гримрра Полулапы, так что она настоящая королева этих котов.

Мурлыканье стало существенно громче.

— Ясно. — Эрагон оглянулся на остальных котов. — А где же Солембум?

— Занят. Гоняется за одной длинноусой кошкой, в два раза его моложе. Ведет себя глупо, точно котенок... но ведь, с другой стороны, всем позволительно время от времени совершать глупости. — Поймав веретено левой рукой, Анжела остановила его и намотала только что спряденную нитку на нижний деревянный диск. Потом снова запустила веретено и принялась правой рукой выдергивать и накручивать на него клочки шерсти. — У тебя такой

вид, Губитель Шейдов, будто ты переполнен вопросами и сейчас лопнешь.

— Каждый раз после встречи с тобой я отчего-то испытываю необычайное смятение, и вопросов у меня возникает великое множество.

— Каждый раз? Ну, это ты уж слишком. Ладно, я попытаюсь ответить на *некоторые* твои вопросы. Спрашивай.

Чувствуя некий подвох в ее чрезмерной готовности, Эрагон быстро прикинул, что бы ему хотелось узнать в первую очередь, и спросил:

— Что означало слово «гром», когда ты говорила о драконах? Что ты хотела...

— А это *правильное* слово для обозначения стаи драконов. Если бы ты когда-нибудь услышал, как летит такая стая, ты бы сразу понял, что значит *гром*. Когда десять, двенадцать или больше драконов пролетают у тебя над головой, вокруг тебя начинает дрожать даже сам воздух, и возникает такое ощущение, будто ты сидишь внутри огромного барабана. Кроме того, как еще можно назвать стаю драконов? Люди считают, что вороны каркают, орлы парят, гуси гогочут, утки крякают, сойки тарахтят, совы заседают в парламенте, ну и так далее. Но что делают драконы? Вы знаете только выражение *голод дракона*. Но оно не слишком подходит. И, по-моему, не совсем точно было бы описывать драконов, как *пламенеющих* или *внушающих ужас*, хотя последнее мне, пожалуй, даже нравится, если учесть все прочее: внушающие ужас драконы... Хм, неплохо. И все же стая драконов называется «гром». И ты знал бы это, если бы тебя учили не только мечом махать и соединять кое-какие слова древнего языка в простейшие заклинания!

— Не сомневаюсь, что ты совершенно права, — сказал Эрагон, желая к ней подольститься. Он чувствовал, что и Сапфире тоже нравится выражение «гром драконов». Да, ему казалось, что это вполне подходящее описание.

Он еще немного подумал и спросил:

— А почему Гарцвог называет тебя Улутхрек?

— Это титул, который ургалы давным-давно пожаловали мне, когда я еще странствовала с ними вместе.

— И что он означает?

— Пожирательница Луны. Он ведь так и сказал.

— Пожирательница Луны? Какое странное прозвище! Как это оно к тебе привязалось?

— Ну, конечно же, потому, что я съела луну! Почему же еще?

Эрагон нахмурился и некоторое время молчал, гладя кошку. Потом спросил:

— А почему Гарцвог дал тебе тот камень?

— Потому что я рассказала ему историю. По-моему, это совершенно очевидно.

— Но что это за камень? Он особенный?

— Просто камень. Кусок сқалы. Ты разве не заметил? — Анжела неодобрительно поцокала языком. — Нет, тебе действительно нужно быть более внимательным к тому, что происходит вокруг. Иначе кто-нибудь возьмет и пырнет тебя ножом, пока ты будешь рот разевать. С кем же мне тогда обмениваться всякими замечаниями и загадками? — Она взлохматила свои и без того взъерошенные волосы и сказала: — Ну, давай, задавай следующий вопрос. Мне эта игра даже нравится.

Эрагон удивленно поднял бровь: он был почти уверен, что задавать такой вопрос бессмысленно, но все же спросил:

— А почему ты тогда сказала «кис-кис», и Гримрр так разозлился?

Травница даже покачнулась от смеха, и некоторые коты-оборотни приоткрыли пасти в некоем подобии зубастой улыбки. А вот Охотница-За-Тенями была, похоже, весьма недовольна и тут же вонзила когти Эрагону в ляжки, да так, что он вскрикнул.

— Ну, хорошо, — отсмеявшись, сказала Анжела, — если тебе уж так интересно, так эта история ничуть не хуже других. Посмотрим... Несколько лет назад, когда я странствовала по краю леса Дю Вельденварден, немного западнее тех мест, где до любой деревни, селения или города много-много миль пути, я случайно наткнулась на Гримрра. В те времена он был всего лишь вожаком небольшого племени котов-оборотней и обе его лапы были целы. А наткнулась я на него в тот момент, когда он забавлялся

с неоперившимся еще птенцом малиновки, который, видимо, выпал из гнезда. Я бы ничего не сказала, если б он просто убил птичку и съел ее — собственно, именно это и следует делать котам, — но он мучил бедняжку: дергал за крылья, кусал за хвост, позволял птенчику немного отпрыгнуть в сторону, а потом прихлопывал лапой. — Анжела от отвращения даже нос наморщила. — Вот я и сказала ему, что это надо прекратить, но он только зарычал и не пожелал обратить внимание на мои слова. — Анжела строго посмотрела на Эрагона. — *А я не люблю,* когда меня игнорируют. В общем, я отняла у него птичку, щелкнула пальцами, и в течение всей следующей недели, стоило ему открыть рот, и он начинал чирикать, как певчая птичка.

— *Чирикать*?

Анжела кивнула, прямо-таки сияя от удовольствия.

— Я никогда в жизни так не смеялась! Ни один из его собратьев всю неделю даже близко к нему не подходил!

— Ничего удивительного, что он тебя ненавидит.

— Ну и что с того? Если у тебя время от времени не появляется несколько врагов, значит, ты трус или еще что похуже. И потом, оно того стоило — приятно было увидеть его реакцию. Ух, и разозлился же он!

Охотница-За-Тенями издала негромкое предупреждающее рычание и снова впилась когтями Эрагону в ногу. Он поморщился и сказал:

— Может, лучше сменим тему?

— Хм...

Но прежде чем он успел задать Анжеле новый вопрос, откуда-то из центральной части лагеря донесся пронзительный вопль. Он тройным эхом прокатился по рядам палаток и затих вдали.

Эрагон посмотрел на Анжелу, а она на него, и оба дружно расхохотались.

Слухи и дневник

«Уже поздно», — сказала Сапфира, когда Эрагон добрел наконец до своей палатки. Драконица лежала возле нее, и чешуя ее поблескивала в свете горящих факелов, точно гора лазурных углей.

Сапфира посмотрела на него одним глазом, чуть приподняв тяжелое веко, а он присел возле нее на корточки и ненадолго прижался лбом к ее морде, поглаживая колючую челюсть.

«Да, уже поздно, — согласился он, — и тебе нужно отдохнуть, ведь ты целый день на ветру летала. Спи, увидимся утром».

Она лишь прикрыла глаза в знак согласия.

Войдя в палатку, Эрагон для уюта зажег единственную свечу, стащил с себя сапоги и сел на лежанку, скрестив ноги. Замедлив дыхание, он раскрыл душу и мысли, стараясь установить мысленную связь со всеми живыми существами в ближайшем окружении — от червей и насекомых в земле до Сапфиры и варденов. Эрагон старался мысленно «охватить» даже те немногочисленные растения, что еще остались возле лагеря, хотя их энергия и была слаба и почти незаметна по сравнению с ярким энергетическим фоном даже самых мелких животных.

Он сидел так довольно долго, ни о чем не думая, но ощущая тысячи самых различных чужих чувств, острых и слабых, но ни на чем конкретно внимание не сосредотачивал и слушал лишь собственное ровное дыхание.

Где-то вдали слышался разговор людей, стоявших вокруг сторожевого костра. В ночной тиши их голоса звучали громче, чем им хотелось, и поэтому Эрагон своим острым

слухом различал даже отдельные слова. Он мог бы попросту прочесть их мысли, если бы захотел, но решил уважить их внутреннюю свободу и просто немного послушать.

Какой-то человек басом говорил:

— А как они дерут нос, как смотрят на тебя, точно ты ниже травы! По большей-то части они и ответом тебя не удостоят, если к ним просто по-дружески с каким-нибудь вопросом обратиться. Сделают вид, что тебя не слышат, отвернутся да прочь пойдут!

— Да уж, — сказал другой человек. — А уж женщины у них! Красивые, правда, как статуи, но, на мой взгляд, любой каменный истукан в два раза привлекательней.

— А все потому, что и сам ты изрядный уродина, Сверн! Только поэтому!

— Ну, так я ж не виноват, что мой папаша чуть ли не каждой молочнице под юбку лазил. И потом, не тебе в меня пальцем-то тыкать. Твою рожу даже детям показывать нельзя, не то им ночью кошмары сниться будут.

Басовитый парень что-то проворчал; потом кто-то закашлялся и сплюнул — Эрагону было слышно, как зашипел плевок, угодив на горящее полено.

В разговор вступил третий участник.

— Мне эльфы тоже не нравятся, да только без них нам эту войну не выиграть.

— А если они потом против нас пойдут? — спросил басовитый.

— Ой, а послушайте-ка что в Кевноне и Гилиде было! — снова заговорил Сверн. — При всем своем могуществе Гальбаторикс все-таки не сумел остановить их, когда они через стены лезли.

— Так, может, он и не пытался? — предположил третий участник беседы.

Последовало долгое молчание.

Затем басовитый сказал:

— А в связи с этим у меня вот какая неприятная мысль возникает... Пытался Гальбаторикс эльфов остановить или не пытался, а я все-таки не понимаю, как мы-то сможем их удержать, если они вдруг вздумают потребовать назад свои прежние земли? Они ведь куда быстрее

и сильнее людей, и потом, они все поголовно магией пользоваться умеют.

— Зато у нас Эрагон есть! — возразил Сверн. — Он их запросто назад, в их леса, отгонит даже и в одиночку! Если захочет, конечно.

— Эрагон их отгонит? Ха! Да он и сам куда больше на эльфа смахивает! Так что я бы на его верность людям не особенно рассчитывал. Не больше чем на верность ургалов, пожалуй.

Снова заговорил третий человек:

— А вы заметили, что он всегда свежевыбрит, в какую бы рань мы ни встали?

— Он, наверное, магией вместо бритвы пользуется.

— Это уж точно. Уж больно это неестественно и вообще... В последнее время многовато всяких чар да заклинаний вокруг развелось! Иной раз хочется спрятаться в какой-нибудь пещере да подождать, пока все эти маги друг друга не поубивают. Без нашего участия.

— Я что-то не помню, чтоб ты на наших целителей жаловался, когда они воспользовались заклинанием, а не парой щипцов, вытаскивая стрелу из твоего плеча!

— Не жаловался, да только эта стрела никогда бы в мое плечо не угодила, если бы не Гальбаторикс! Он во всем виноват, из-за него и его магии вся каша-то и заварилась.

Кто-то из них фыркнул и сказал:

— Тут ты прав, да только я последний медный грош готов поставить, что ты все равно бы эту стрелу в плечо заполучил. Уж больно ты злобен, только и думаешь, с кем бы подраться.

— А знаете, Эрагон ведь жизнь мне спас в Финстере, — сказал Сверн.

— Да, знаем мы, знаем! Так что не вздумай в очередной раз нам голову этой историей морочить, иначе я тебя целую неделю горшки драить заставлю.

— Ну, так ведь спас же...

Снова последовало длительное молчание, которое прервал басовитый. Вздохнув, он сказал:

— Надо бы и нам научиться себя защищать. Вот корень-то в чем. А то мы все полагаемся на милость эльфов, магов

и всяких странных существ, которые по нашей земле бродят. Для таких, как Эрагон, это, может, и неплохо, но нам-то, простым людям, повезло меньше, чем ему. Вот надо и нам...

— Нам надо одно! — прервал его Сверн. — Нам надо, чтобы снова Всадники появились! Уж они-то наведут здесь порядок.

— Пфф! Ага, Всадники и драконы. Без драконов ведь Всадников не бывает. Только мы и тогда себя защитить не сможем — вот ведь что меня беспокоит. Я ведь не ребенок, не могу все время у матери за юбкой прятаться. Ведь если вдруг снова какой-нибудь шейд объявится, не к ночи будь сказано, так мы ему ничем противостоять не сможем, вот он нам головы-то и поотрывает. А что, запросто!

— А я, кстати, вот что вспомнил, — сказал третий собеседник. — Вы о лорде Барсте слышали?

— Еще бы! — воскликнул Сверн, а потом сказал: — Говорят, он собственное сердце съел.

— Ну и что с того? — насмешливо спросил басовитый.

— Так ведь Барст...

— Что — Барст?

— Ну, Барст, тот самый, у которого поместье неподалеку от Гилида было...

— А разве не тот, что погнал своих коней прямо в Рамр — просто назло...

— Да, и это тоже. Он и есть. Так или иначе, а этот Барст велел всем мужчинам в своей деревне идти воевать за Гальбаторикса — ну, в общем, как и все эти лорды, — да только те мужчины взяли и отказались. А потом решили сами напасть на Барста и его солдат.

— Храбрецы! — презрительно сказал басовитый. — Глупые люди, хоть и храбрые.

— Но Барст был очень хитер. Оказывается, он заранее вокруг той деревни своих лучников расставил, а уж потом сам туда пошел. И когда эта заварушка началась, лучники половину мужчин в той деревне перестреляли, а остальных тяжéло ранили. Ничего удивительного, конечно. А потом Барст взял их вожака — ну, того, кто всю эту кашу и заварил, — схватил его за шею и прямо руками голову ему напрочь открутил!

— Не может быть!

— Ей-богу, открутил! Точно куренку! А потом и еще хуже: велел всю семью этого человека заживо сжечь.

— У этого Барста, должно быть, силища, как у кулла. Это ж надо — живому человеку голову оторвать!

— Небось тут тоже без какой-то хитрости не обошлось.

— А может, магии? — спросил басовитый.

— Говорят, этот Барст всегда был очень силен. Силен и хитер. Еще совсем молодым он, по слухам, одним ударом кулака разъяренного быка прикончил.

— А по мне, так тут без магии все же не обошлось! — сказал басовитый.

— И что тебе в каждом углу маги да волшебники мерещатся?

Басовитый в ответ проворчал нечто невразумительное, и разговор прервался: часовым пора было совершать обход.

В любое другое время этот разговор вполне мог бы встревожить Эрагона, но в данный момент он пребывал в состоянии медитации, а потому оставался спокоен и внешне, и внутренне. Но все же предпринял некое усилие, чтобы запомнить, о чем сплетничали эти вардены, чтобы впоследствии хорошенько над этим поразмыслить.

Прервав медитацию, он привел свои мысли в порядок и сразу почувствовал себя спокойным и отдохнувшим. Открыв глаза, он медленно распрямил затекшие ноги и сделал небольшую разминку, почти с наслаждением глядя на мирное желтоватое пламя свечи.

Затем, порывшись в том углу, куда несколько раньше бросил снятые с Сапфиры седельные сумки, он достал перо, кисточку, бутылку с чернилами и кусочки пергамента, выпрошенные им у Джоада несколько дней назад, а также копию книги «Власть Судьбы» («Домиа абр Вирда»), которую подарил ему старый ученый.

Вновь усевшись на лежанке, Эрагон положил тяжеленную книгу подальше, чтобы ни в коем случае не забрызгать ее чернилами, и пристроил на колени свой щит, разложив на его поверхности листки пергамента. Острый

запах дубильного вещества наполнил его ноздри, когда он открыл бутылку и обмакнул перо в чернила, сделанные из дубовых «орешков».

Коснувшись кончиком заточенного пера краешка пузырька, чтобы снять избыток чернил, он осторожно провел первую линию. Перо слабо поскрипывало, а он одну за другой старательно выписывал руны своего родного языка. Закончив, он сравнил свои труды с результатами прошлой ночи и заметил, что почерк его существенно улучшился — ну, может, и не существенно, но все же заметно — с тех пор, как он взялся переписывать тексты из «Домиа абр Вирда», используя книгу в качестве учебника.

Он еще три раза дополнительно прошелся по всему алфавиту, обращая особое внимание на те руны, которые прежде ему не давались, и перешел к записям в своем дневнике. Эрагон взял в привычку каждый день записывать собственные мысли и наблюдения, связанные с только что минувшими событиями. Это упражнение было полезно не только тем, что давало ему хорошую возможность попрактиковаться в письме, но и помогало лучше разобраться в собственных делах и поступках.

Хоть это занятие и требовало немалых усилий, он им наслаждался, находя его весьма интересным. И потом, дневник каждый раз напоминал ему о Броме — ведь это он учил его понимать смысл каждой руны, каждого слова. Разговаривая со своим дневником, Эрагон словно говорил со своим покойным отцом, образ которого иначе постоянно от него ускользал.

Высказав в дневнике все, что хотел, он тщательно вымыл перо, сменил его на кисточку и выбрал кусочек пергамента, уже наполовину исписанный иероглифами древнего языка.

Письменность эльфов, Лидуэн Кваэдхи, воспроизвести было гораздо труднее, чем руны его родного языка, поскольку эльфийские иероглифы отличались особой прихотливостью и сложностью формы, но при этом казались Эрагону какими-то расплывчатыми. Однако он упорно тренировался, старательно их выписывая. Во-первых, он хотел как следует освоить эту древнюю письменность,

а во-вторых, если уж он соберется впредь делать записи на древнем языке, то разумнее делать это так, чтобы большая часть людей или даже магов не смогла эти записи понять.

Память у Эрагона была хорошей, но даже при этом он обнаружил, что уже начинает забывать многие из заклинаний, которым научили его Бром и Оромис. А потому он решил составить себе словарик из тех слов древнего языка, которые уже знал. Эта идея была, разумеется, далеко не нова, однако Эрагон лишь недавно сумел убедиться, сколь ценным может оказаться такой словарик.

Еще пару часов он работал над словарем, а потом, убрав наконец письменные принадлежности в седельную сумку, он вытащил оттуда ларец с «сердцем сердец» Глаэдра и в очередной раз попытался вывести старого дракона из сковавшего его ступора. Он много раз и прежде предпринимал подобные попытки, но всегда неудачно. Однако сдаваться не собирался. Сидя рядом с открытым ларцом, он вслух стал читать Глаэдру главу из «Домиа абр Вирда», посвященную тем законам и ритуалам, которые существуют у гномов — сам он был знаком лишь с некоторыми из них, — и читал до тех пор, пока не наступил самый темный, самый холодный час ночи.

И только тогда Эрагон отложил книгу, задул свечу и прилег на кровать, чтобы немного отдохнуть. Но недолго бродил он по фантастическому миру своих снов — едва на востоке забрезжили первые лучи солнца, он проснулся, перекатился на бок, встал навстречу привычным делам и заботам.

АРОУЗ

Было уже позднее утро, когда Роран и его товарищи добрались до скопления палаток. Лагерь, устроенный неподалеку от дороги, показался ему серым, окутанным какой-то неясной дымкой. Он, впрочем, допускал, что от усталости зрение могло его и подвести. В миле отсюда, на юге, раскинулся город Ароуз, но видны были лишь его белоснежные стены, разверстые пасти крепостных ворот и множество прочных, толстостенных башен квадратного сечения.

Роран так устал, что сидел, пригнувшись к луке седла, когда они въезжали в лагерь, а кони их и вовсе едва держались на ногах. Какой-то тощий юнец, подбежав к Рорану, принял у него уздечку. Ему пришлось немного потянуть за узду, чтобы лошадь наконец остановилась, она даже слегка споткнулась.

Роран некоторое время тупо смотрел на парнишку, словно не понимая, зачем, собственно, сюда явился, потом хрипло прокаркал:

— Приведи ко мне Бригмана.

Мальчишка кивнул и тут же исчез среди палаток, поднимая босыми ногами тучи пыли.

Рорану показалось, ждал он никак не меньше часа, слушая тяжелое дыхание усталой лошади и глухой гул крови в собственных ушах. На землю он старался не смотреть: ему казалось, что земля все еще движется, а перед ним открывается огромный и невероятно длинный туннель. Где-то вдали зазвенели шпоры. С десяток воинов собрались неподалеку, опираясь на копья и щиты; их лица выражали откровенное любопытство.

Роран заметил, как через весь лагерь к нему, прихрамывая, быстро идет широкоплечий человек в синей тунике, опираясь на обломок копья, как на посох. У него была густая длинная борода, усы над верхней губой были тщательно сбриты, а под носом поблескивали капельки пота — то ли от жары, то ли от боли в ноге.

— Это тебя зовут Молотобоец? — спросил бородач.

Роран буркнул в ответ нечто утвердительное. С трудом разжав пальцы, он сунул руку за пазуху и передал Бригману потрепанный кусок пергамента с приказами Насуады.

Бригман, нажав ногтем большого пальца, сломил восковую печать и углубился в чтение. Прочитав послание, он посмотрел на Рорана с деланным равнодушием и заявил:

— Мы давно тебя поджидаем! Один из заклинателей, которых Насуаде удалось приручить, связался со мной и сообщил, что ты выехал четыре дня назад. Только я не думал, что ты прибудешь так скоро.

— Да, это было непросто, — кивнул Роран.

Бритая верхняя губа Бригмана изогнулась в улыбке.

— Да уж, непросто... Тут я не сомневаюсь. — Он вернул Рорану пергамент. — Ладно, люди готовы последовать за тобой, Молотобоец. Вообще-то мы как раз собирались западные ворота штурмовать. Может, ты сам эту атаку и возглавишь? — Вопрос прозвучал, точно удар острого кинжала.

Мир, казалось, покачнулся, и Роран, чтобы не упасть, снова ухватился за луку седла. Он сейчас слишком устал, чтобы вступать с кем бы то ни было в словесный поединок, да и вряд ли мог бы с достоинством такой поединок выдержать.

— Прикажи отложить штурм еще на день, — сказал он.

— Ты что, совсем мозги утратил? Как это — отложить? Так мы никогда этот город не захватим! У нас все утро ушло на подготовку, и я не намерен сидеть тут и ковырять в носу, пока ты будешь отдыхать да отсыпаться. Насуада рассчитывала, что с осадой будет покончено за несколько дней, и, клянусь Ангвардом, я это сделаю!

Тогда Роран, стараясь говорить как можно тише, чтобы никто, кроме Бригмана, его не услышал, хриплым шепотом сказал, глядя Бригману прямо в глаза:

— Ты прикажешь своим людям подождать, иначе я велю связать тебя по рукам и ногам и высечь за невыполнение приказа. Ясно тебе? Я не намерен идти на штурм, пока немного не отдохну и не разберусь в ситуации.

— Ну и дурак же ты! Это же...

— Если ты сам не в состоянии придержать свой язык и поступать, как тебе *предписано*, то я могу прямо сейчас тебя этому поучить!

Ноздри Бригмана гневно затрепетали.

— В таком-то состоянии? Да тебе это попросту не удастся!

— Ошибаешься. — Рорану и впрямь хотелось проучить этого типа, хотя он и не очень-то представлял, как ему удастся с ним справиться, но в глубине души знал, что сумеет это сделать.

Бригман, казалось, боролся с собой.

— Ладно, — бросил он. — Нехорошо выйдет, если люди увидят, как мы тут в грязи возимся. Я согласен подождать немного, раз ты так уж этого хочешь, но учти: я за эту задержку отвечать не намерен! Теперь уж за все в ответе будешь ты сам.

— Как и всегда, — прохрипел Роран — горло у него жутко саднило. — Как и ты будешь в ответе за то безобразие, которое ты тут устроил вместо нормальной осады.

Бригман помрачнел, и Роран понял, что неприязнь Бригмана к нему только усилилась и, пожалуй, превращается в ненависть. Он даже пожалел, что ответил ему так резко.

— Твоя палатка вон там, — сказал ему Бригман и ушел.

...Было еще раннее утро, когда Роран проснулся.

Сквозь стенки палатки просачивался неяркий свет, и настроение у него разом поднялось. Ему показалось, что заснул он всего несколько минут назад, но он ощущал себя слишком бодрым и полным сил.

Роран тихо выругался, злясь, что позволил себе проспать целый день: столько времени коту под хвост!

Отшвырнув в сторону тонкое одеяло — собственно, в теплом южном климате другого одеяла и не требовалось,

особенно если учесть, что спать он повалился, так и не сняв ни одежды, ни даже сапог, — Роран попытался сесть, и тут же у него вырвался сдавленный стон. Казалось, все его тело выкручивали и рвали на куски. Он снова упал на постель, задыхаясь и с отчаянием глядя в матерчатый потолок палатки. Постепенно резкая боль затихла, как бы рассыпавшись на множество более мелких болей — и некоторые были достаточно острыми, чтобы Роран опасался совершать столь резкие телодвижения.

Несколько минут он собирался с силами, потом аккуратно перекатился на бок и сбросил ноги с лежанки. Рорану пришлось перевести дыхание и только потом предпринять следующую вроде бы несложную попытку: встать и устоять на ногах.

Наконец ему это удалось. Роран кисло усмехнулся, предвкушая, какой «незабываемый» денек ему предстоит. Когда он вышел из палатки, остальные были уже на ногах и ждали его, хотя и выглядели не менее измученными и потрепанными. Движения у всех были такими же скованными, как и у него. Они обменялись приветствиями, и Роран спросил, указывая на перевязанное предплечье Дельвина, которого полоснул ножом хозяин одной таверны:

— Ну что, боль утихла?

Дельвин только плечами пожал:

— Ерунда! Я вполне готов сражаться, когда будет нужно.

— Это хорошо.

Роран посмотрел на встающее солнце, подсчитывая, сколько часов осталось до полудня, потом сказал:

— Давайте пройдемся.

Начав с центра лагеря, Роран провел своих товарищей по каждому ряду палаток, осматривая, в каком состоянии пребывает войско и какое вооружение имеется в наличии. Время от времени он останавливался, задавал кому-то один-два вопроса и шел дальше. Люди по большей части выглядели уставшими и отчаявшимися, хотя Роран заметил, что у многих явно поднялось настроение при виде нового командира.

Прогулка по лагерю завершилась на его южном краю, как и планировал Роран. Там он с товарищами остановился,

глядя издали на впечатляющие крепостные стены и башни Ароуза.

Город был выстроен как бы в два этажа. Первый «этаж» был низкий и раскинулся довольно широко; как раз здесь сосредоточена была большая часть жилых строений. Второй «этаж» был куда меньше и занимал верхнюю часть высокого, но довольно пологого холма, являвшего собой самую большую высоту на много миль окрест. Оба городских уровня были окружены стеной. Во внешней стене виднелись пять ворот: двое из них выходили на дороги, ведущие в город, — одна на северную, вторая на восточную; трое других ворот были помещены над каналами, вода в которых текла с юга на север, к бурному морю, простиравшемуся сразу за северной границей Ароуза.

«По крайней мере здесь хоть рва с водой нет», — думал Роран.

Ворота, выходившие на северную дорогу, были изувечены ударами стенобитных орудий, а земля перед ними вся изрыта. Роран сразу понял, что там шла жестокая битва. Три катапульты, четыре баллисты, устройство которых было ему знакомо еще со времен плавания на «Крыле дракона», и две полуразвалившиеся осадные башни так и торчали у внешней стены города. Возле них виднелась кучка людей. Они спокойно курили трубки и играли в кости, расстелив на земле куски кожи. Осадные устройства даже издали выглядели чрезвычайно убогими по сравнению с мощными стенами города.

Почти ровное пространство вокруг Ароуза имело незначительный уклон в сторону моря. Сотни крестьянских хозяйств пятнали эту зеленую равнину. Каждое было окружено высоким деревянным забором, за которым виднелась по меньшей мере одна тростниковая крыша. Кое-где, правда, были и роскошные поместья: просторные каменные дома, защищенные каменной стеной и, как догадывался Роран, отрядом собственной стражи. Здесь, несомненно, обитала знать Ароуза или, возможно, очень богатые торговцы.

— Ну, и что ты думаешь? — спросил Роран у Карна.

Заклинатель только головой покачал; его печальные глаза стали еще печальнее.

— Мы с тем же успехом могли бы объявить осаду горе — толку было бы примерно столько же, — уныло пошутил он.

— Это точно, — раздался где-то рядом голос Бригмана.

Роран оставил свое мнение при себе. Ему не хотелось, чтобы другие знали, до какой степени он обескуражен: «Насуада просто спятила, если считает, что мы можем захватить Ароуз, имея всего восемьсот человек. Если бы у меня было восемь тысяч воинов, да еще и Эрагон с Сапфирой в придачу, тогда я еще мог бы испытывать какую-то уверенность. А сейчас...»

И все же он понимал, что должен непременно изыскать какой-то способ — хотя бы ради Катрины.

Не глядя на Бригмана, Роран сказал ему:

— Расскажи мне об Ароузе. Подробно.

Бригман покрутил в руках свой обломок копья, покрепче воткнул его в землю, оперся на него и только тогда заговорил:

— Гальбаторикс предусмотрительно позаботился о том, чтобы в городе имелся максимальный запас продовольствия на тот случай, если мы сумеем перекрыть дороги. Ну, а в воде, как ты и сам видишь, жители Ароуза недостатка не испытывают. Даже если мы сумеем отвести в сторону воду в этих каналах, у них там все равно есть несколько родников и глубоких колодцев. Так что они запросто могу продержаться хоть до зимы, а то и дольше. Хотя я думаю, что им к этому времени порядком поднадоест питаться турнепсом. Кроме того, Гальбаторикс поместил в Ароузе приличный гарнизон, который более чем в два раза превосходит нас численностью. И это еще не считая тех войск, что стоят там постоянно.

— Откуда тебе это известно?

— Есть у меня один шпион. Но, к сожалению, не имеющий опыта в военных делах, а потому и обеспечивший нас преувеличенными сведениями о слабой обороне Ароуза.

— Вон оно что...

— Он пообещал, что сумеет открыть ворота и под покровом темноты пропустить в город наш небольшой отряд.

— И что?

— Мы ждали, но он так и не появился, а утром на стене появилась его голова, надетая на пику. Она и сейчас там торчит, у восточных ворот.

— Ну что ж. А нет ли в городе еще каких-то ворот помимо этих пяти?

— Есть. Рядом с портом есть водные ворота, достаточно широкие, чтобы одновременно пропускать воду всех трех каналов, а неподалеку от них еще ворота, но уже на земле — для людей и лошадей. Есть и еще одни и тоже на земле — вон там. — И он указал на западную часть города. — Такие же, как и все остальные.

— А пробить тараном хоть одни из них можно?

— Можно, но потребуется много времени. А на морском берегу слишком мало места, чтобы как следует маневрировать и иметь возможность отступить, когда нас со стены осыпают камнями и стрелами. В общем, доступными остаются только эти ворота и еще западные. Местность всюду вокруг города примерно одинаковая, за исключением прибрежной части, поэтому я и решил сконцентрировать усилия на ближайших воротах.

— Из чего они сделаны?

— Чугун и дуб. Они еще сто лет простоят, если мы их прежде не свалим.

— А какой-нибудь магией они защищены?

— Этого я не знаю, да и Насуада вроде бы не сочла нужным послать с нами одного из своих заклинателей. У Холстеда был...

— Кто такой Холстед?

— Лорд Холстед, правитель Ароуза. Ты, должно быть, слышал о нем.

— Нет, не слышал.

Возникла короткая пауза, и Роран почувствовал, что презрение, которое испытывал к нему Бригман, еще возросло. Затем Бригман сказал:

— У Холстеда был собственный заклинатель, такой противный, невзрачный человечек, которого мы не раз видели на стене. Он вечно что-то бормотал себе в бороду, пытаясь сразить нас с помощью своих заклинаний, но,

похоже, был не больно-то в этом силен, потому что ничего ему толком не удавалось. Если не считать одного раза, когда он сумел-таки поджечь двоих наших, которые в этот момент находились возле стенобитного орудия.

Роран быстро переглянулся с Карном — тот, похоже, был всем этим сильно встревожен, — но решил обсудить все это с ним позже, наедине.

— А разве не легче было бы пробиться сквозь те ворота, что выходят на каналы? — спросил Роран.

— А где ты там стоять-то будешь? Смотри, как плотно ворота подогнаны к стене, а со стороны моря и ногу-то поставить некуда. Но что еще хуже — там полно всяких ловушек, и в стенах есть отверстия, через которые они могут тебя и кипящим маслом или свинцом облить, а также бойницы, чтобы и камни метать, и горящие бревна сбрасывать, если какой дурак туда полезть осмелится.

— Но ворота не могут быть одинаково прочными сверху донизу, это мешало бы стоку воды.

— Верно, там над самой водой решетка из дерева и металла, причем довольно редкая, чтобы вода свободно изливалась.

— Ясно. А что, эти ворота постоянно в воду опущены? Даже когда никакой осады нет?

— Ночью-то уж точно, но я думаю, что в дневное время они открыты.

— Хм... А стены каковы?

Бригман переступил с ноги на ногу:

— Гранит. Гладкий такой, точно полированный. И глыбы так плотно друг к другу подогнаны, что и лезвие ножа между ними не пройдет. Гномы строили еще до падения Всадников. Но, по-моему, внутри эти стены заполнены прессованным мусором или щебнем, но точно я не уверен, потому что верхний слой нам пока что пробить не удалось. Эти стены по крайней мере футов на двадцать в землю уходят, а может, и больше, а значит, ни подкоп, ни подрыв сделать не удастся.

Сделав несколько шагов вперед, Бригман указал Рорану на поместья, видневшиеся к северу и западу от лагеря.

— Большая часть этих богатых землевладельцев сейчас в Ароуз перебрались, но оставили достаточно людей, чтобы

те защищали их собственность. И эти отряды доставили нам немало неприятностей: нападали на наших разведчиков, лошадей у нас воровали и все такое. Мы парочку поместий, правда, захватили, — и Бригман указал на сожженные дотла остовы зданий, — но удерживать их было уж больно хлопотно, так что мы их обчистили и подожгли. К сожалению, людей у нас маловато, а то мы бы и остальные к рукам прибрали.

В разговор вмешался Балдор:

— А почему вода в этих каналах течет в море? Что-то не похоже, чтобы их использовали для орошения полей.

— Да тут нечего орошать-то, парень! Тут вода требуется не больше, чем северянам снег зимой. В Ароузе главное — сухим остаться.

— Так зачем же построены эти каналы? — спросил Роран. — И откуда они текут? Вряд ли я поверю, что вода в них попадает из реки Джиет, до нее отсюда далеко.

— Ну, вряд ли, конечно, из реки, — сказал Бригман. — А вот к северу есть болота, и там много мелких озер. Вода в них, правда, темная, не слишком хорошая, но здешние люди привыкли. Там все начинается с одного широкого канала примерно за три мили отсюда, а затем этот канал разветвляется, превращаясь в те три, которые вы и видите перед собой. Затем вода в каналах проходит через несколько шлюзов, на них построены мельницы, обеспечивающие город мукой. Крестьяне свозят туда зерно после уборки урожая, а потом грузят мешки с мукой на баржи и по воде переправляют в Ароуз. Точно так же перевозят и другие товары — леса, вино. Это очень удобно.

Роран, продолжая рассматривать Ароуз, задумчиво почесал затылок. Рассказ Бригмана о каналах и шлюзах весьма заинтересовал его, хотя плана того, как этим можно было бы воспользоваться, у него не возникло.

— А в окрестностях города есть еще что-нибудь достойное внимания? — спросил он.

— Только шахта по добыче слюды — к югу по побережью.

Роран что-то проворчал, как бы разговаривая с самим собой, и заявил:

— Надо внимательно осмотреть эти мельницы. Но сперва я хотел бы услышать полный отчет о том, что вы за

это время сделали и насколько мы сейчас всем обеспечены — от стрел и луков до сухарей.

— Ну что ж, тогда идем со мной... Молотобоец.

Следующий час Роран провел в разговорах с Бригманом и двумя его заместителями. Он слушал их и задавал различные вопросы, а они рассказывали ему обо всех вылазках, которые были ими предприняты в попытке преодолеть городские стены. Доложили они ему и о том, каковы в лагере запасы продовольствия и боеприпасов.

«Ну, по крайней мере, оружия у нас хватает, — думал Роран, подсчитывая количество убитых. — Хотя Насуада и не требовала уложиться с выполнением этой задачи в какие-то конкретные сроки, нужно действовать, иначе через неделю люди и лошади начнут голодать».

Большая часть сведений, которые сообщили Рорану Бригман и его помощники, уже была записана на кусках пергамента, свернутых в свитки. Рорану с огромным трудом удавалось скрывать, что он не в состоянии расшифровать ряды этих непонятных для него черных значков, а потому заставляет читать все это вслух, что, впрочем, тоже изрядно его нервировало: он терпеть не мог от кого-то зависеть.

«Насуада была права, — думал он. — Мне необходимо научиться читать, иначе я не смогу быть уверенным, не обманывает ли кто меня, зачитывая эти сведения вслух. Может, Карн меня обучит, когда мы вернемся к варденам?»

Чем больше Роран узнавал об Ароузе, тем яснее ему становилось, в каком отчаянном положении находился Бригман. Захват города был невероятно сложной задачей, решить которую, по всей видимости, пока не представлялось возможным. Несмотря на то что Бригман по-прежнему не вызывал у него особой симпатии, Роран все же считал, что этот человек справился со своей задачей не так уж и плохо, во всяком случае при подобных обстоятельствах. И взять город ему не удалось отнюдь не потому, что он был неумелым командиром — Роран как раз совершенно не сомневался, что опыта у Бригмана хватает, — а просто потому, что ему не

хватало тех двух качеств, которые не раз дарили победу самому Рорану: отваги в сочетании с умением рисковать и воображения.

После этого предварительного разбора Роран, его пятеро товарищей и Бригман отправились верхом осматривать стены Ароуза и ворота с более близкого, но все же достаточно безопасного расстояния. Вновь оказавшись в седле, Роран испытывал жуткую боль, но сносил ее без жалоб.

Когда их кони выехали, цокая копытами, на выложенную каменными плитами дорогу, проходившую неподалеку от лагеря, и рысцой двинулись в сторону города, Роран заметил, что время от времени копыта лошадей издают какой-то странный звук, и припомнил, что слышал нечто подобное и в течение последнего дня их путешествия, и этот звук весьма его раздражал.

Присмотревшись, он увидел, что плоские каменные плиты, которыми была вымощена дорога, как бы инкрустированы черненым серебром; жилы этого серебра образовывали на поверхности дороги неправильный рисунок, похожий на паутину.

Роран спросил у Бригмана, что это такое, и тот проорал:

— Глина здесь плохо держит, вот они вместо соединительного раствора и пользуются свинцом, чтобы камни на месте держались!

Сперва Роран просто поверить в это не мог, но Бригман, похоже, говорил совершенно серьезно. Рорану казалось удивительным, что металл — любой металл, а тем более свинец — может быть настолько распространен в быту, что люди щедро расходуют его на строительство дорог. Однако это было именно так, и они продолжали ехать по дороге, сделанной из камня и свинца, а вдали сиял неприступный город.

Крепостные стены Ароуза они обследовали с чрезвычайным вниманием. Но то, что их подпустили к городу на столь близкое расстояние, лишь усилило ощущение того, что город этот действительно неприступен.

Роран, развернув коня, подъехал к Карну. Тот смотрел на Ароуз остекленевшими глазами, и губы его беззвучно шевелились, словно он разговаривал с самим собой. Роран подождал немного, а потом спросил:

— На эти ворота, случайно, никаких заклятий не наложено?

— Думаю, наложено и не одно, — тихо ответил Карн, — но я не могу сказать точно, сколько их и какова была конкретная цель того, кто их накладывал. Мне понадобится время, чтобы узнать ответы на эти вопросы.

— Почему? Неужели это так трудно?

— В общем-то, не очень. Большую часть магических чар довольно легко обнаружить, если только кто-то не потрудился особым образом их спрятать, но даже и тогда использованная магия оставляет определенные следы, если, конечно, знаешь, что ищешь. Меня больше беспокоит то, что некоторые из этих заклинаний могут оказаться ловушками, специально поставленными для того, чтобы люди и не пытались разгадать, какие именно чары наложены на ворота. Если это так, то я, подойдя вплотную к такой ловушке, почти наверняка задену «спусковой механизм» и... кто знает, что случится тогда? Я вполне могу, например, раствориться, превратившись в лужицу прямо у тебя на глазах. А мне, в общем-то, очень хотелось бы избежать подобной судьбы.

— Так ты хотел бы остаться здесь, пока мы продолжаем осмотр?

Карн покачал головой:

— Вряд ли было бы разумно оставить тебя совсем без прикрытия, пока мы не в лагере, а на виду у врага. Я вернусь сюда после захода солнца и посмотрю, что тут можно сделать. И потом, в темноте мне будет гораздо проще подобраться поближе к воротам. Сейчас, на виду у дозорных, я сделать это просто не осмеливаюсь.

— Ну, как хочешь.

Когда Роран оказался полностью удовлетворен осмотром, он велел Бригману вести их к ближайшим мельницам.

Все выглядело именно так, как и описывал Бригман. Вода в канале протекала через три последовательно построенные плотины, падая с двадцатифутовой высоты. У основания каждой плотины стояло мельничное колесо с приделанными к нему ведрами. Вода наполняла ведра, заставляя механизм безостановочно крутиться. Колеса были

соединены толстыми осями, уходившими внутрь трех одинаковых зданий, построенных точно одно над другим на насыпных террасах. На эти оси были надеты массивные жернова, моловшие муку для Ароуза. Хотя колеса и продолжали вращаться, по звуку Роран догадался, что в данный момент они отсоединены от сложного механизма, спрятанного внутри мельничных зданий, ибо скрежета жерновов слышно не было.

У самой нижней мельницы он спешился и прошел по тропке между зданиями, осматривая шлюзовые ворота, находившиеся над плотинами и контролировавшие напор воды. Ворота были открыты, но под каждым из колес вода была достаточно глубока.

Поставив ногу на мягкий, поросший травой берег канала, скрестив руки на груди и опустив подбородок на грудь, Роран погрузился в размышления. Как же все-таки взять Ароуз? Он чувствовал, что вот-вот поймает за хвост идею, которая позволит ему взломать эти толстые крепостные стены, но пока что решение этой задачи от него ускользало.

Он думал до тех пор, пока не устал, и тогда полностью предался музыке вращающихся колес и падающей с плотины воды. Хоть эти звуки и были мирными, почти убаюкивающими, но воспоминания в его душе они пробуждали мучительные. Это место напоминало ему мельницу Демптона в Теринсфорде, куда он поступил на работу в тот самый день, когда раззаки дотла сожгли его родной дом и стали мучить его отца, доведя до смерти.

Роран пытался прогнать эти воспоминания, но они не уходили и продолжали терзать его душу.

«Если бы только я тогда подождал еще немного и не ушел, я, возможно, сумел бы его спасти. — Но голос его разума тут же возразил: — И тогда раззаки прикончили бы заодно и меня; я бы и руку поднять не успел. Без Эрагона я тогда был против них столь же беспомощен, как новорожденный младенец».

Тихо ступая, к нему подошел Балдор.

— Остальные хотят знать: ты что-нибудь решил? Какой у тебя план действий? — спросил он.

— Кое-какие идеи у меня есть, а вот плана пока нет. А у тебя?

Балдор тоже скрестил руки на груди:

— Мы могли бы подождать, пока Насуада не пошлет нам на помощь Эрагона и Сапфиру.

— Ха!

Некоторое время оба смотрели на вечное движение воды у них под ногами. Затем Балдор сказал:

— А что, если ты просто попросишь их сдаться? Может, они так испугаются, услышав твое имя, что сами ворота настежь распахнут? Падут к твоим ногам и станут умолять о милосердии?

Роран усмехнулся.

— Что-то я сомневаюсь, чтобы в Ароузе обо мне хоть словечко кто-нибудь слышал. И все же... — Он поскреб заросший бородой подбородок. — Попробовать можно — по крайней мере попытаемся вывести их из равновесия, если уж ничего другого не получится.

— Но сумеем ли мы удержать город с таким малым количеством людей, даже если они и впрямь ворота перед нами откроют?

— Может, и сумеем. А может, и нет.

Оба снова помолчали, затем Балдор промолвил:

— А далеко мы забрались...

— О да.

И снова их молчание нарушал только плеск воды да шуршание колес. Наконец Балдор сказал:

— Здесь, должно быть, не бывает такого паводка во время таяния снегов, как у нас дома. Иначе весной эти колеса наполовину скрылись бы под водой, а то их и вовсе снесло бы.

Роран покачал головой:

— Здесь не важно, сколько воды после паводка или дождей поступит в каналы. Шлюзы сумеют сдержать напор воды и ограничить ее количество, поступающее на колеса, чтобы они не вращались слишком быстро.

— А если вода поднимется выше шлюзовых ворот?

— К счастью, к тому времени дневные работы на мельнице обычно бывают уже завершены. А вообще-то в любом

случае можно отсоединить механизмы, поднять ворота и... — Роран умолк, поскольку целая вереница образов промелькнула у него перед глазами, и все его тело словно омыло теплой волной, словно он одним глотком выпил целую кружку крепкого медового напитка.

«А смог бы я? — мелькнула у него дикая мысль. — Неужели получилось бы или... Неважно, мы должны попытаться. А что нам еще остается?»

Он быстрыми шагами вышел на середину перемычки, отделявшей среднюю из запруд, и схватился за скобы шлюзовых ворот, торчавшие над деревянным устройством, призванным поднимать и опускать ворота. Огромный винт заржавел и не поддавался, даже когда Роран приналег на него плечом и уперся ногами.

— Помоги, — сказал он Балдору, который остался на берегу и с несколько озадаченным видом наблюдал за действиями Рорана.

Балдор осторожно приблизился к нему, и вместе им удалось закрыть шлюзовые ворота. Затем, отказываясь отвечать на расспросы, Роран потребовал, чтобы то же самое было сделано и с двумя остальными шлюзами, выше и ниже этих.

Когда все шлюзы были крепко заперты, Роран вернулся к Карну, Бригману и остальным, велел всем спешиться и собраться вокруг него. Ожидая их, он постукивал по рукояти своего молота, чувствуя вдруг невероятное нетерпение.

— Ну? — спросил Бригман, когда все наконец собрались.

Роран каждому посмотрел в глаза, чтобы убедиться, что они внимательно его слушают, и сказал:

— Значит, так, мы сейчас сделаем вот что...

И он стал быстро и напряженно излагать им свой план. На это ушло добрых полчаса, но, видимо, объяснял он достаточно хорошо, потому что вскоре Мандель начал улыбаться, а Балдор, Дельвин и Хамунд, хоть и оставались серьезными, тоже были явно взбудоражены столь дерзким и остроумным планом.

Их реакция еще больше вдохновила Рорана. Он немало потрудился, чтобы завоевать их доверие, и ему было

приятно чувствовать, что и теперь он может полностью рассчитывать на их поддержку. Единственное, чего он боялся — невольно подвести их. Пожалуй, больше этого он боялся лишь потерять Катрину.

А вот Карн был, похоже, полон сомнений. Этого Роран вполне ожидал, однако сомнения заклинателя были ерундовым препятствием по сравнению с полным неверием, которое выказал Бригман.

— Ты что, спятил?! — воскликнул он, едва Роран закончил. — Из этого ничего не выйдет!

— А ну возьми свои слова обратно! — Мандель выскочил вперед со сжатыми кулаками. — С какой стати! Да наш Роран выиграл столько сражений, сколько тебе и не снилось! И между прочим, не имея под началом столько людей, сколько было у тебя, пока ты эту осаду не провалил!

Бригман что-то прорычал, и его верхняя губа изогнулась, как змея.

— Ах ты, щенок! Я научу тебя уважать старших! Ты моих уроков никогда не забудешь!

Роран толкнул Манделя себе за спину, прежде чем тот успел броситься на Бригмана, и проворчал:

— Все! Веди себя как полагается!

Мандель надулся, но сопротивление прекратил, хоть и продолжал смотреть на Бригмана испепеляющим взглядом, но тот в ответ только усмехался.

— План, конечно, необычный, — сказал Дельвин, — но, с другой стороны, твои необычные планы, Роран, всегда приносили успех.

Остальные жители Карвахолла одобрительно загудели.

Карн тоже кивнул в знак согласия, но все же заметил:

— Может, что и получится, а может, и нет. В любом случае это застигнет нашего противника врасплох, и, должен признаться, интересно было бы посмотреть, что тогда будет. Ничего подобного раньше никто не пробовал.

Роран слегка усмехнулся и сказал, обращаясь к Бригману:

— Как раз *сумасшествием* было бы продолжать действовать как раньше. У нас всего два с половиной дня, чтобы захватить Ароуз, так что обычные способы тут

не годятся. Я считаю, нужно рискнуть и попробовать *необычный*.

— Может, и так, — буркнул Бригман. — Только твой *необычный* способ может немало хороших людей погубить. И всего лишь из-за того, что тебе захотелось всем показать, какой ты умный.

Улыбка Рорана стала еще шире. Он подошел к Бригману совсем близко:

— Тебе вовсе не обязательно со мной соглашаться, Бригман. Просто нужно делать то, что тебе приказывают. Ну что, будешь подчиняться моим приказам или нет?

Оба они были настолько разогреты обсуждением, что, кажется, даже воздух между ними нагрелся и стал дрожать. Бригман скрипнул зубами и еще более яростно, чем прежде, принялся крутить свой обломок копья, потом отвел глаза, чуть отступил от Рорана и воскликнул:

— Да черт с тобой! Послужу тебе, как верный пес, до поры до времени, Молотобоец. Но боюсь, довольно скоро тебе придется за это расплатиться, так что будь осторожен. Придется головой отвечать за такое решение.

«Ну, если мы возьмем Ароуз, то мне будет все равно», — подумал Роран и крикнул:

— Тогда по коням! Дел у нас полно, а времени мало! Скорей, скорей!

ДРАС-ЛЕОНА

Солнце поднялось уже довольно высоко, когда Эрагон со спины Сапфиры наконец-то высмотрел внизу, у самого горизонта, мрачные очертания Хелгринда. И ему сразу же захотелось повернуть обратно — так ужасно выглядела эта далекая гора, возвышавшаяся над окрестными равнинами, точно гигантский черный зуб. С Хелгриндом у него были связаны столь неприятные воспоминания, что лучше всего было бы прямо сейчас его уничтожить, увидеть, как рухнут на землю и развалятся на куски его голые серые шпили. Сапфира более равнодушно взирала на эту темную каменную твердыню, но Эрагон не сомневался: ей тоже неприятно находиться вблизи от Хелгринда.

К вечеру Хелгринд остался у них за спиной, а перед ними на берегу озера Леона раскинулся огромный город Драс-Леона. Десятки кораблей и лодок покачивались у его причалов. Этот низкий широкий город был чрезвычайно плотно застроен и столь же негостеприимен. Эрагон хорошо помнил его узкие, неприятно извилистые улочки, вонючие лачуги, прилепившиеся друг к другу и к желтой глиняной стене, окаймлявшей центральную часть города. А за этой стеной виднелась устремившаяся ввысь громада храма, черного и какого-то *зазубренного*, где служители Хелгринда отправляли свои мрачные ритуалы.

На дороге, ведущей на север, виднелся поток беженцев — люди бежали, опасаясь осады, в Тирм или в Урубаен, надеясь найти там хотя бы временное убежище от продвигавшихся на север войск варденов.

Драс-Леона показалась Эрагону такой же исполненной затаенной злобы и такой же вонючей, как и в тот раз, когда

он впервые попал сюда. Она странным образом вызывала в его душе прямо-таки жажду разрушения, чего он никогда не испытывал ни в Финстере, ни в Белатоне. Здесь ему хотелось все крушить огнем и мечом; уничтожать, пользуясь той ужасной, неестественной силой, к которой он мог прибегнуть в случае необходимости; разрушать, оправдывая каждый свой варварский поступок, и оставлять после себя лишь ямы, над которыми клубится дымок, да пропитавшуюся кровью золу. Для тех бедняков, калек и рабов, которые жили под стенами Драс-Леоны, у Эрагона в сердце находилось еще немного сочувствия. Но он был совершенно убежден, что этот город прогнил насквозь, так что самым лучшим решением было бы стереть его с лица земли, а затем выстроить заново, не допуская туда ни капли извращенной религии Хелгринда, которая заразила его, подобно страшной, смертельно опасной болезни.

Пока он предавался фантазиям о том, как мог бы с помощью Сапфиры развалить на куски этот проклятый храм, ему вдруг пришло в голову, что он не знает, есть ли название у той религии, жрецы которой исповедуют самобичевание и членовредительство. Занятия древним языком научили его ценить важность имен — имена были силой, они давали *понимание.* Пока он не узнает, как называется эта религия, он не сможет полностью постичь ее истинную природу.

Дневной свет уже угасал, когда вардены разбили лагерь прямо на возделанных полях к юго-востоку от Драс-Леоны. Здесь местность слегка возвышалась, образуя некое подобие ровного плато, и это должно было обеспечить им минимальную защиту в том случае, если враг вздумает напасть. Люди страшно устали от долгого пребывания на марше, но Насуада заставила их не только создать вокруг лагеря временные укрепления, но и собрать все тяжелые орудия, которые они тащили с собой в течение всего долгого пути от Сурды.

Эрагон с удовольствием принялся за работу. Сперва он работал вместе с группой мужчин, которые выравнивали поля пшеницы и ячменя с помощью дощечек, связанных длинными веревками. Было бы проще выкосить

посевы — как с помощью магии, так и обыкновенной косы, — но тогда оставшееся жнивье стало бы большим неудобством и даже опасностью при ходьбе, не говоря уж о сне. А теперь плотно прижатые к земле побеги образовали мягкую, упругую поверхность, ничуть не хуже любого матраса, во всяком случае, куда лучше голой земли, на которой они, в общем-то, уже привыкли ночевать.

Эрагон проработал вместе с остальными около часа, и за это время они успели расчистить достаточно места для палаток.

Затем он принялся помогать строителям осадной башни. Его куда большая, чем у обычного человека, сила позволяла ему в одиночку поднимать такие балки, которые способны были поднять лишь несколько человек. Несколько гномов, по-прежнему остававшихся в войске варденов, присматривали за постройкой башни, потому как все осадные приспособления и механизмы были, в сущности, ими и изобретены.

Сапфира тоже старалась помочь. Зубами и когтями она прорывала в земле глубокие траншеи, а из вырытой земли устраивала защитную насыпь вокруг лагеря. Ей буквально за несколько минут удавалось сделать то, что сто человек, наверное, и за день бы не сделали. Кроме того, выдыхая из пасти огонь и орудуя мощным хвостом, она сносила деревья, ломала заборы и стены домов, обеспечивая варденам надежное укрытие. В целом, она создала вокруг лагеря такую картину полнейшего разрушения, которая, пожалуй, могла бы внушить ужас даже самым храбрым.

Была уже поздняя ночь, когда варденыналонец завершили подготовку, и Насуада приказала всем — людям, гномам и ургалам — ложиться спать.

Оказавшись в своей палатке, Эрагон довольно долго предавался медитации, пока мысли его совершенно не очистились. Эта процедура давно уже превратилась для него в привычку. Но вместо того чтобы, как обычно, заняться дневником и упражнениями в письме, он несколько часов пытался вспомнить те заклинания, которые, как ему казалось, могли бы пригодиться варденам завтра, а также составлял новые, способные защитить

их от тех опасностей, которые таили в себе Драс-Леона и Хелгринд.

Почувствовав себя готовым к грядущему сражению, Эрагон лег и позволил себе уплыть по реке сновидений. На этот раз они оказались какими-то особенно энергичными и разнообразными, потому как, несмотря на занятия медитацией, перспектива близящегося сражения будоражила его кровь и не позволяла полностью расслабиться. Для него, как и всегда, труднее всего было вытерпеть ожидание и неопределенность. Он мечтал поскорее оказаться в самой гуще схватки, где у него просто не будет времени ни о чем беспокоиться.

Сапфира тоже спала беспокойно. Эрагон мысленно улавливал какие-то обрывки ее снов, в которых она кого-то кусала и рвала на куски, и не сомневался, что и она думает о том свирепом удовольствии, которое всегда испытывает во время боя. Ее настроение отчасти оказывало воздействие и на него, но не настолько, чтобы он полностью утратил контроль над собой.

Как-то слишком быстро наступило утро, и вардены собрались у незащищенных пригородов Драс-Леоны. Армия *имела весьма* внушительный вид, но восхищение Эрагона несколько угасло, когда он увидел щербатые клинки воинов, их шлемы, покрытые вмятинами, изрубленные щиты, *а также кое-как* зашитые прорехи на их жалких рубахах и металлических кольчугах. Если им удастся взять Драс-Леону, они, конечно, смогут частично обновить вооружение — как сделали это в Белатоне и еще раньше, в Финстере, — но, увы, пополнить здесь свои ряды новыми воинами им явно не удастся.

«Чем дольше это будет продолжаться, — мысленно сказал Эрагон Сапфире, — тем легче будет Гальбаториксу нанести нам поражение, когда мы наконец доберемся до Урубаена».

«В таком случае мы не должны медлить», — ответила она.

Эрагон сидел верхом на Сапфире, а рядом с ними на свирепом черном жеребце восседала Насуада. Вокруг них расположились двенадцать стражей-эльфов и столько же

Ночных Ястребов Насуады — она вдвое увеличила количество своих стражей на все время этого сражения. Эльфы были пеши. Они отказывались ездить верхом на любых конях, кроме тех, которых сами воспитали и выучили. Зато все Ночные Ястребы, за исключением ургалов, были верхом. В пятнадцати шагах от них, справа, стоял король Оррин со своим тщательно подобранным войском, и шлем каждого из его воинов украшал яркий цветной плюмаж. Наргейм, командир гномов, и Гарцвог возглавляли соответственно свои отряды.

Кивнув друг другу, Насуада и Оррин пришпорили коней и рысью погнали их вперед, к городу, несколько оторвавшись от основного войска. Левой рукой Эрагон крепко ухватился за шип на шее у Сапфиры и последовал за ними.

Насуада и Оррин остановились, только добравшись до первых рядов городских развалюх. По их сигналу двое герольдов — один со знаменем варденов, второй со знаменем Сурды — выехали вперед по узкой улочке, извивавшейся в лабиринте домов, и направились к южным воротам Драс-Леоны.

Эрагон нахмурился, наблюдая за продвижением герольдов. Город казался ему каким-то неестественно пустым и тихим. На улицах не было ни души. Даже на сторожевых башнях, даже на толстой крепостной стене из желтой глины, где сейчас должны были бы стоять сотни воинов Гальбаторикса, никого видно не было.

«Чую что-то неладное», — сказала ему Сапфира и даже слегка зарычала, привлекая к себе внимание Насуады.

У подножия стены герольд варденов громким голосом, донесшимся даже до Эрагона и Сапфиры, крикнул:

— Привет вам, жители Драс-Леоны! Именем госпожи Насуады, предводительницы варденов, и Оррина, короля Сурды, а также всех свободных жителей Алагейзии мы требуем открыть ворота города, дабы мы могли вручить некое важное послание вашему господину и повелителю Маркусу Табору, так как оно, возможно, сулит ему весьма важную выгоду, как, впрочем, и каждому мужчине, каждой женщине и каждому ребенку, живущим в Драс-Леоне!

Откуда-то из-за стены герольду ответил мужской голос:

— Ворота перед вами не будут открыты. Оставьте свое послание там, где стоите.

— А ты говоришь от имени лорда Табора?

— Именно так.

— В таком случае ты обязан напомнить лорду: обсуждение вопросов, связанных с управлением города, лучше и удобней обсуждать в тиши покоев, нежели на открытом пространстве, где любой может вас подслушать.

— Я от вас никаких приказов не приму, жалкие лакеи! Оставьте свое послание — да побыстрее! — иначе я окончательно потеряю терпение и начиню вас стрелами, как дикобразов!

Эрагону очень понравилось то, что герольд, нимало не смущаясь этими угрозами и не проявляя ни малейшего страха, без колебаний продолжал:

— Как вам будет угодно. Наши лорды предлагают мир и дружбу и лорду Табору, и всем жителям Драс-Леоны. Мы не собираемся воевать с вашим городом, потому как у нас с вами нет разногласий. Мы воюем только с Гальбаториксом и не стали бы осаждать Драс-Леону, если бы у нас был иной выход. А ведь у нас цели общие! Многие из нас жили в Империи, и лишь жестокое правление Гальбаторикса вынудило нас покинуть родные края. Мы ваши братья и по крови, и по духу. Присоединяйтесь к нам! И вместе мы сможем освободить себя от власти узурпатора, захватившего трон в Урубаене. Если вы примете наше предложение, предводители варденов гарантируют безопасность лорду Табору и его семье, а также любому, кто и сейчас еще, возможно, находится на службе у Гальбаторикса. Однако же мы не можем обещать этого тем, кто дал ему такую клятву, которую нарушить нельзя. Но даже если данная вами клятва и не позволит вам оказывать помощь варденам, то, по крайней мере, не мешайте нам. Поднимите решетку ворот, сложите оружие, и мы обещаем, что ничего плохого с вами не случится. Но если вы попытаетесь нам воспрепятствовать, мы сметем вас с дороги, как мусор, ибо никто не может противостоять могуществу нашей народной армии, могуществу Эрагона Губителя Шейдов, могуществу дракона Сапфиры!

Услышав собственное имя, Сапфира подняла голову и издала ужасающий рев.

Над воротами Эрагон заметил высокого человека в плаще. Он взобрался на стену и встал между двумя зубцами, глядя поверх герольдов на Сапфиру. Но сколько Эрагон ни щурился, он никак не мог толком разглядеть его лицо. К нему присоединились еще четыре человека в черных одеждах. Все они были калеки, и Эрагон понял, что это жрецы Хелгринда. У одного не хватало руки, у двоих — ноги, а у четвертого из жрецов не было ни рук, ни ног, так что его внесли на стену на носилках.

Вдруг человек в плаще откинул назад голову и расхохотался, и ему ответило неожиданно гулкое и громкое эхо. А герольды под стеной с трудом сдержали своих коней, которые ржали, вставали на дыбы и пытались убежать.

Чувствуя холодок под ложечкой, Эрагон крепко стиснул рукоять Брисингра.

— Значит, никто не может противостоять вашему могуществу? — переспросил человек в плаще, и странно громкий голос его разнесся, казалось, по всему городу и окрестностям. — У вас, я бы сказал, весьма завышенное мнение о себе.

И в этот момент с чудовищным ревом сверкающая красная туша Торна взвилась в воздух с дальней окраины города. Сделав круг, дракон примостился на крыше башни, вонзив в деревянную дранку огромные когти и раскинув в стороны широченные, тоже заканчивающиеся когтями алые крылья, затем он разинул красную пасть и выдохнул в небо язык пламени.

Насмешливый голос Муртага — ибо это действительно был он! — снова послышался со стены:

— Можете хоть головой биться о стены Драс-Леоны, но вам ее никогда не взять! Никогда — пока этот город защищаем мы с Торном! Пусть с нами попробуют сразиться ваши лучшие воины и ваши лучшие маги, и я обещаю вам: все они неизбежно погибнут. Никто из вас не сможет одержать над нами верх! Даже ты... *братец Эрагон*! Так что, пока не поздно, бегите, прячьтесь в свои норы и молитесь, чтобы на бой с вами не вышел сам Гальбаторикс. Ибо тогда смерть и горе станут вашим единственным вознаграждением.

ИГРА В КОСТИ

— Господин мой, ворота открываются!

Роран оторвался от карты, которую внимательно изучал, и в палатку ворвался один из дозорных, весь красный, задыхаясь от быстрого бега.

— Которые ворота? — спросил Роран, чувствуя, как его охватывает прямо-таки могильное спокойствие. — Выражайся точнее. — Он отложил в сторону палочку, с помощью которой отмерял расстояния.

— Те, что ближе всего к нам... на дороге, не на канале!

На бегу выхватывая из-за пояса молот, Роран бросился к южному краю лагеря. Глянув в сторону раскинувшегося перед ним Ароуза, он, к своему неудовольствию, увидел, что из ворот появился отряд в несколько сотен всадников; яркие боевые знамена хлопали на ветру, пока всадники строились у черного зева ворот.

«Они же нас на куски порубят!» — с отчаянием подумал Роран.

В лагере осталось всего человек сто пятьдесят, и многие из них были ранены, так что вряд ли смогли бы драться. Остальные были на мельницах, которые он посещал накануне, или в слюдяных шахтах, находившихся еще дальше по побережью, или на берегах самого западного из каналов, подыскивая баржи, необходимые для успешного выполнения задуманного Рораном плана. Никто из них не успел бы сейчас быстро вернуться в лагерь и отразить нападение вражеского отряда.

Раздавая задания, Роран понимал, что оставляет лагерь практически без защиты, но все же надеялся, что население Ароуза слишком напугано недавними попытками

штурмовать город и вряд ли предпримет какую-то дерзкую контратаку. А тех воинов, которых он оставил при себе, было, как ему казалось, вполне достаточно, чтобы *создать видимость* хорошо укрепленного и полного людей лагеря.

Но он сильно заблуждался. Возможно, защитникам Ароуза каким-то образом удалось узнать о намерениях Рорана. Он хоть и не был в этом уверен, но все же предполагал, что это так, глядя на конный отряд, что строился сейчас у городских ворот. С другой стороны, если бы эти кавалеристы и намеревались вступить в бой с его войском, то их должно было бы быть, по крайней мере, в два, а то и в три раза больше. Но так или иначе, а сейчас нужно было любой ценой предотвратить атаку и спасти людей от неизбежной гибели.

Балдор, Карн и Бригман подбежали к нему с оружием в руках. Карн поспешно натягивал свою кольчугу, а Балдор сказал:

— Ну, и что будем делать?

— Да ничего мы *сделать* не можем! — взвился Бригман. — Ты погубил всю затею, Молотобоец! Собственной глупостью погубил. Теперь нам всем придется спасаться бегством, пока эти чертовы всадники нас не прикончили!

Роран сплюнул.

— Отступать? Нет уж, отступать мы не станем! Пешими нам от них не уйти, да если б кто-то и мог, я все равно никогда не бросил бы своих раненых товарищей.

— Ты что, не понимаешь? — снова заорал Бригман. — Нам тут конец, если останемся! Нас попросту прикончат или еще хуже — в плен возьмут!

— Прекрати, Бригман! Я же сказал, что не собираюсь удирать, поджавши хвост.

— Это почему же? Не желаешь признавать собственного поражения? Видно, рассчитывал кое-какой навар получить в результате своей бессмысленной затеи? Ты только вред один варденам приносишь!..

А под стенами города всадники уже подняли свои мечи и копья и, громко крича и улюлюкая, так что было слышно даже в лагере, вонзили шпоры в бока коней, которые с топотом ринулись через пологую равнину прямо на лагерь варденов.

И Бригман, увидев это, поспешил завершить свою гневную тираду:

— Но я не допущу, чтобы ты загубил столько жизней во имя собственной гордыни! Можешь оставаться, если тебе надо, а мы...

— Тихо! — проревел Роран. — Заткни свою пасть, или я сам тебе ее заткну! Балдор, последи за ним. Если он сделает что-нибудь такое, что тебе не понравится, дай ему попробовать твоего меча!

Бригман чуть не лопнул от злости, но прикусил язык, поскольку великан Балдор тут же, взмахнув мечом, приставил к его груди острие.

Роран догадывался, что у него в распоряжении не более пяти минут, чтобы решить, как действовать дальше. Всего пять минут — и от них зависело столь многое!

Он попытался представить себе, скольких всадников им удалось бы сразу убить или ранить, чтобы остальные, испугавшись, попросту ускакали бы прочь, но почти сразу отринул подобную возможность. Здесь, на этой равнине, у них явно не было никаких преимуществ, и они, будучи столь малочисленными, попросту не смогли бы сдержать натиск кавалерийского отряда.

«Если мы вступим в бой, то победу нам не одержать, а значит... А что, если попытаться напугать их? Но как? Огнем?»

Огонь, правда, мог оказаться весьма коварным союзником для тех, кто оставался в лагере. И потом, мокрая трава вряд ли загорелась бы, разве что начала бы дымить, и проку от этого не было бы никакого.

Он посмотрел на Карна.

— Скажи, ты не мог бы создать двойника Сапфиры? Ну, привидение такое? Пусть бы она и была не слишком на себя похожа, но могла бы хоть взреветь и пламя выдохнуть, словно и впрямь здесь находится?

Впалые бледные щеки заклинателя стали совсем белыми от волнения. Он неуверенно покачал головой, в его глазах плескалась паника.

— Может, и смог бы. Не уверен... Я никогда раньше ничего такого не делал. Это значит, мне придется воссоздавать

ее образ по памяти? А вдруг она окажется совсем не похожа на настоящую Сапфиру? — Он мотнул головой в сторону приближавшихся всадников. — Тогда они наверняка сразу разберутся, что к чему.

Роран вонзил ногти в ладонь. Оставалось в лучшем случае минуты четыре, а то и меньше.

— Может, все-таки попробуешь? Нам нужно просто отвлечь их, смутить... — Он посмотрел в небо, надеясь увидеть хотя бы грозовую тучу, но, увы, над лагерем проплывала лишь парочка легких облачков.

«Неуверенность в собственных силах, сомнения... Чего еще боятся люди? Неведомого! Того, чего не могут понять. Вот оно!»

В одно мгновение перед Рораном промелькнуло с полдюжины разных планов того, как можно было бы поколебать уверенность противника, и каждый новый план казался еще более невероятным, чем предыдущий. И тут в голову ему пришла одна идея, настолько простая и одновременно рискованная, что он сразу за нее ухватился, ибо, в отличие от всех прочих, эта идея льстила его «я», а для ее осуществления требовалось участие всего лишь одного человека, кроме него самого, Карна.

— Ступайте все в лагерь и прикажите людям спрятаться в палатках! — крикнул Роран на ходу. — И пусть сидят тихо, чтобы не было слышно ни звука, пока эти кавалеристы не подъедут совсем близко!

Сунув молот за пояс, Роран отыскал в ближайшей палатке среди спальных принадлежностей, валявшихся на земляном полу, какое-то грязное шерстяное одеяло и бегом бросился к костру, на котором готовили пищу. Там он подхватил под мышку толстый обрубок пня, которым пользовались как табуретом, и рысью взлетел на небольшой бугорок, находившийся в сотне футов от палаток.

— Пусть кто-нибудь принесет мне игральные кости и рог с медом! — крикнул он. — И еще мой походный стол вместе с разложенными на нем картами. Да быстрее же, черт побери!

За спиной у него слышался топот ног и звон каких-то предметов — это люди бросились врассыпную и нырнули

в палатки. Уже через несколько секунд небывалая тишина окутала лагерь, какие-то звуки производили только те, кого Роран послал за столом и картами местности.

Роран не стал тратить времени и оглядываться. На вершине бугорка он постарался как можно устойчивее пристроить толстый пень и, убедившись, что пень стоит вполне прочно, сел на него и огляделся: по плавному откосу холма к нему мчались атакующие кавалеристы.

До их прибытия оставалась в лучшем случае пара минут, и Роран всем телом чувствовал, как гудит под его пнем земля, сотрясаемая ударами мощных копыт, и это ощущение усиливалось с каждой секундой.

— Ну, где же кости и мед? — крикнул он, не отрывая взгляда от кавалеристов.

Затем одним движением руки он пригладил бороду и расправил рубаху. Ему было страшновато, и он уже жалел, что не надел свою металлическую кольчугу, но разумом, в котором вдруг проснулись небывалые холодность и хитрость, понимал, что подобная «беспечность» — то, что он сидит вот так, без доспехов, без оружия, совершенно спокойно, — должна еще сильней впечатлить врагов. Та же холодная сторона рассудка убедила его даже молот оставить заткнутым за пояс. Пусть им кажется, что он и в их присутствии чувствует себя в полной безопасности!

— Извини, — беззвучно прошептал Карн, подбегая к нему. Он вместе с еще одним варденом принес из палатки Рорана маленький складной столик и лежавшие на нем карты. Столик, накрытый одеялом, поставили перед Рораном. Карн сунул Рорану в руку рог, до половины полный пьянящего медового напитка, сваренного гномами, и кожаный мешочек с пятью самыми обычными игральными костями.

— Давайте быстрей отсюда! — прошипел Роран, и Карн уже повернулся, чтобы уйти, но Роран вдруг схватил его за руку и спросил: — Слушай, а ты не мог бы сделать так, чтобы воздух вокруг меня дрожал? Знаешь, как над костром в зимний день?

Карн прищурился:

— Могу, наверно, но что хорошего...

— Просто сделай так, если можешь, и все. И скорей уходи, прячься!

Тощий заклинатель бросился обратно в лагерь, а Роран встряхнул кости в мешочке и высыпал их на стол, как бы играя с самим собой, а потом принялся подбрасывать кости в воздух одну за другой и ловить их тыльной стороной ладони. Его отец, Гэрроу, частенько развлекал себя подобной забавой долгими летними вечерами, покуривая трубочку и посиживая в старом кресле-качалке на крыльце их дома в долине Паланкар. Иногда он и Рорану позволял сразиться с ним в кости, только Роран всегда проигрывал. Так что Гэрроу предпочитал состязаться в игре с самим собой.

Хотя сердце так стучало в груди, что Роран чуть не оглох от его грохота, а ладони стали влажными и липкими, внешне он ухитрился сохранить вполне спокойный вид. Если этот гамбит вообще имеет хоть какой-то, пусть даже самый слабый шанс на успех, ему необходимо держаться с непоколебимой самоуверенностью, какие бы чувства ни владели в данный момент его душой.

Не отрывая взгляда от игральных костей, он не пожелал поднять глаза, даже когда всадники стали окружать его, подъезжая все ближе и ближе. Звук мчавшихся галопом коней становился все громче, и Рорану стало ясно, что они, по всей вероятности, намерены просто его растоптать.

«Какой странный способ самоубийства», — мрачно улыбнулся он и подумал о Катрине и о своем будущем ребенке. Как ни странно, но ему стало спокойней при мысли о том, что, если ему самому и суждено погибнуть, его кровная линия не прервется. Это, конечно, было не бессмертие, каким обладал Эрагон, но все же некое подобие бессмертия, и этого Рорану было вполне достаточно.

В последний момент, когда кавалеристы были от него всего в двух шагах, кто-то крикнул: «Эй! Эй! Придержите коней! Я сказал, придержите коней!», и вырвавшиеся вперед кони, звеня сбруей и хрустя упряжью, с трудом замедлили бег и остановились.

А Роран по-прежнему сидел, вперив взгляд в брошенные кости и маленькими глоточками попивая пенистый медовый напиток. Потом он снова подбросил кости, две

штуки поймал тыльной стороной ладони и стал внимательно их рассматривать.

Вокруг него разливался теплый и мирный запах свежей земли, взрытой конскими копытами, а также — куда менее приятный — запах взмыленных конских тел.

— Эй, ты там, друг любезный! — услышал он голос того же человека, который приказал остановить коней. — Эй, я к тебе обращаюсь! Ты кто такой? И чего это так спокойно посиживаешь себе да мед попиваешь, словно тебе до остального мира и дела нет? Утро, конечно, и впрямь чудесное, да только для игр в кости, по-моему, не годится. Неужели мой отряд не заслужил такого уважения, чтобы нас встречали с мечами наголо? Ты кто такой, я тебя спрашиваю?

Медленно, словно едва заметив окруживших его вражеских кавалеристов и сочтя это фактом малозначимым, Роран поднял глаза и уставился на маленького бородатого человечка с невероятно ярким плюмажем на шлеме. Человечек сидел верхом на громадном вороном боевом коне, который пыхтел, точно пара хороших мехов.

— Я тебе не *любезный друг* и уж во всяком случае точно *не друг*, — сказал Роран, не делая ни малейшей попытки *скрыть то, что ему не слишком* приятно столь фамильярное обращение. — Ты кто такой, собственно, что так невежливо прерываешь мою игру?

Длинные пестрые перья на макушке крошечного воина возмущенно закачались. Он с ног до головы рассматривал Рорана с таким изумлением, словно тот был неким совершенно незнакомым ему зверем, которого он повстречал на охоте.

— Мое имя — Тарос Быстрый. Я капитан, командую сторожевым отрядом и должен тебе сказать, хоть ты и редкостный грубиян, что мне все же весьма огорчительно было бы прикончить такого наглого храбреца, так и не узнав, как его зовут. — И, словно желая подчеркнуть свои слова, Тарос почти уперся наконечником своего копья Рорану в грудь.

Выстроившись в три ряда, остальные кавалеристы сгрудились у Тароса за спиной. Среди них Роран заметил худощавого горбоносого человека с каким-то изнуренным лицом и чрезвычайно худыми руками, обнаженными до

плеч. Этого человека он не раз видел в армии варденов среди заклинателей. Ему вдруг очень захотелось, чтобы Карну удалось сделать то, о чем он его просил: чтобы воздух вокруг него дрожал, как над костром. Но повернуть голову и посмотреть он пока не осмеливался.

— Я — Роран Молотобоец, — спокойно назвался он и, снова подбросив игральные кости, ловко поймал три из них тыльной стороной ладони. — А Эрагон Губитель Шейдов — мой двоюродный брат, мы вместе росли. О нем-то вы, наверное, слышали?

По рядам конников пробежал боязливый шепот, и Роран заметил, что глаза Тароса расширились от удивления и, пожалуй, страха.

— Звучит впечатляюще, — сказал Тарос, — но как нам проверить, правда ли это? Так ведь любой может себя братом Эрагона или Муртага назвать.

Роран продемонстрировал ему свой молот и даже слегка пристукнул им по столу, а затем, не обращая больше внимания на всадников, возобновил свою игру и досадливо хмыкнул, когда ему не удалось поймать две следующие кости — это стоило ему утраты всех выигранных очков.

— Хм! — Тарос Быстрый прокашлялся. — О тебе я тоже слышал, Молотобоец, и у тебя тоже репутация весьма неплохая, хотя многие считают, что она сверх меры преувеличена. Вот, например, правда ли то, что ты, находясь в королевстве Сурда, в одиночку справился с тремя сотнями воинов во время битвы близ селения Дельдарад?

— Честно говоря, я совершенно не помню, как называлось то селение. Может, и Дельдарад. Но я действительно положил немало воинов. Хотя, по нашим подсчетам, их было всего лишь сто девяносто три. Да и товарищи мои меня поддерживали, пока я с этими солдатами сражался.

— Всего лишь сто девяносто три? — с изумлением повторил Тарос. — Ты что-то скромничаешь, Молотобоец. Такой подвиг вполне достоин, чтобы его воспевали в песнях и сказаниях.

Роран пожал плечами и поднес к губам рог с медом, хотя проглотить жидкость себе позволить не мог — не хотел, чтобы хмельной напиток туманил разум.

— Я сражался, чтобы победить, а не проиграть, Тарос Быстрый... Впрочем, позволь предложить тебе выпить за это — как воин воину. — И он протянул рог Таросу.

Коротышка колебался. Взгляд его метнулся к заклинателю, стоявшему у него за спиной, но тот молчал. Тогда Тарос вытер губы и сказал:

— Пожалуй, я и впрямь выпью с тобой. — Он спешился, передал свое копье другому воину, стянул с рук латные перчатки, подошел к столу и аккуратно принял рог с медом из рук Рорана.

Правда, сперва он все же понюхал напиток, но потом сделал добрый глоток и даже передернулся: ох и крепок был сваренный гномами мед! Перья у Тароса на шлеме так и затрепета́ли, когда он снова передернулся и слегка поморщился.

— Что, не понравилось? — весело спросил Роран.

— Признаюсь, эти горные напитки на мой вкус слишком крепкие и, пожалуй, грубые, — признался Тарос, возвращая рог Рорану. — Я предпочитаю вина, выращенные в наших краях. Они куда приятнее на вкус, в них чувствуется сладость и солнечный свет. И они куда меньше предназначены для того, чтобы лишить человека разума.

— А по мне так этот мед сладок, как материнское молоко, — *солгал Роран.* — *Я его* все время пью — и утром, и днем, и вечером.

Снова надев латные перчатки, Тарос вернулся к своему коню, вскочил в седло и забрал свое копье у солдата, которому дал его подержать. Затем он снова посмотрел на того горбоносого заклинателя, который, как заметил Роран, за этот короткий промежуток времени успел прямо-таки смертельно побледнеть. Тарос, должно быть, тоже заметил, как переменилось лицо мага, ибо несколько напрягся и нарочито громко, чтобы слышали все, сказал Рорану:

— Благодарю за гостеприимство, Роран Молотобоец! Может статься, что вскоре я буду иметь честь принимать тебя у нас в Ароузе и в таком случае непременно угощу тебя самыми лучшими винами из винограда, выращенного в нашем фамильном поместье. Возможно, тогда ты поймешь, какой варварский напиток вы пьете, хоть ты и говоришь,

что он «сладок, как материнское молоко». Мне кажется, ты должен оценить наши прекрасные вина, хотя и у нас тоже есть крепкий напиток, которому мы позволяем состариться в дубовых бочках в течение нескольких месяцев, а иногда и лет. Было бы жаль, если бы все это пошло насмарку, а из бочек с вином выбили затычки и позволили благородной жидкости течь по мостовой, пятная ее красной кровью наших виноградников.

— Да уж, это действительно был бы полный стыд! — откликнулся Роран. — Но ведь порой просто невозможно не пролить немного вина, когда со стола убираешь. — И он чуть отвел в сторону руку с рогом, плеснул на траву немного меда.

Тарос смотрел на него, как завороженный. Он прямотаки застыл — даже перья у него на шлеме перестали колыхаться, — а потом как-то сердито всхрапнул и, резко развернув коня, закричал своему отряду:

— Стройся! Стройся! Я сказал, всем построиться!.. — И, едва ли не взвизгнув напоследок, он пришпорил коня и помчался прочь, к воротам Ароуза. Остальные кавалеристы последовали за ним, погоняя коней и переходя на быстрый галоп.

А Роран упорно сохранял прежний вид полного равнодушия и беспечности, пока войско не отъехало от него достаточно далеко. Затем наконец он медленно выдохнул и оперся локтями о колени. Руки у него слегка дрожали.

«Сработало!» — с удивлением думал он.

Услышав, как к нему из лагеря бегут люди, он оглянулся через плечо и увидел Балдора и Карна; следом за ними бежало еще полсотни воинов, тут же выскочивших из палаток.

— Тебе удалось! — воскликнул Балдор, подбегая к нему. — Удалось! Вот здорово! Я просто поверить не могу! — Он засмеялся и хлопнул Рорана по плечу — причем от радости с такой силой, что тот чуть не свалился на землю.

Остальные вардены сгрудились вокруг него, смеясь и рассыпая ему похвалы, а также в самых необычных выражениях похваляясь, что под его предводительством они уж точно этот Ароуз возьмут, теперь это им пара

пустяков. Заодно они всячески преумаляли храбрость и стойкость жителей этого города, а потом кто-то сунул Рорану бурдюк с теплым вином, наполовину полный, но он посмотрел на бурдюк с неожиданной неохотой и тут же вернул его хозяину.

— Ты какие-нибудь чары наводил? — еле слышно спросил он у Карна, стараясь, чтобы в радостном шуме никто этого вопроса не расслышал.

— Что ты сказал? — Карн наклонился к нему, и Роран повторил свой вопрос. Маг улыбнулся и энергично закивал. — О да! Мне удалось заставить воздух дрожать, как ты и хотел.

— А ты не пытался атаковать их заклинателя? Когда они уходили, у него был такой вид, словно он вот-вот грохнется без чувств.

Улыбка Карна стала еще шире.

— Ну, в этом он сам виноват. Он все пытался разрушить иллюзию, которую, как он считал, создал я — прорвать это дрожащее марево и как следует разглядеть, что за ним скрывается, — но там и прорывать было нечего, нечего было разрушать, так что он только зря силы потратил!

И тут Роран сперва усмехнулся, а потом захохотал во все горло, и этот хохот заглушил даже возбужденный гомон толпы и перекатился дальше, в поля, в сторону Ароуза.

Несколько минут Роран позволял себе наслаждаться тем восторгом, который вызвал у обступивших его варденов, а потом до него донесся громкий предупредительный клич часового, охранявшего подступы к лагерю.

— Отойдите-ка! Дайте мне посмотреть! — сказал Роран и вскочил на ноги. Варденны расступились, и он увидел у западной границы лагеря одного из тех, кого отправил обследовать берега каналов. Этот человек, изо всех сил погоняя коня, скакал через поле прямо к нему. — Не мешайте ему, пусть поближе подъедет, — велел Роран, но худощавый рыжеволосый воин все же бросился всаднику наперерез.

Тем временем Роран подобрал игральные кости и одну за другой бросил их в кожаный мешочек. Кости удовлетворенно загремели, словно радуясь благополучному завершению игры.

Как только всадник оказался на достаточно близком расстоянии, Роран крикнул ему:

— Эй, там все в порядке? На вас что, было нападение?

Но, к досаде Рорана, тот продолжал молчать, пока не подъехал к нему почти вплотную. Лишь на расстоянии двух шагов от него он спрыгнул с коня и, вытянувшись во весь рост, точно тонкая сосна, выросшая в темном лесу, воскликнул:

— Капитан! Господин мой, я должен сказать...

Только тут Роран увидел, что это совсем еще мальчишка, тот самый худощавый юноша, который принял у него поводья, когда он впервые въехал в лагерь. Впрочем, то, что он его узнал, особого значения не имело, и Роран нетерпеливо поторопил гонца:

— Ну же, говори, в чем дело? У меня не так уж много времени. Да говори же скорее!

— Господин мой, меня послал Хамунд и велел передать, что мы нашли все необходимые баржи и теперь он строит салазки, чтобы перетащить их по суше в другой канал.

Роран с облегчением вздохнул, кивнул парнишке и сказал:

— Это хорошо. А помощь ему не требуется? Он успеет вовремя?

— Нет, не требуется, господин мой!

— И это все?

— Да, господин мой!

— Тебе совершенно не нужно все время называть меня «господин мой». Один раз сказал и хватит. Понял?

— Да, господин мой... ну, да... то есть да, конечно.

Роран подавил улыбку.

— Ты отлично справился с поручением, молодец! А теперь ступай и поешь чего-нибудь, а потом скачи на шахту. Узнаешь, что там и как, а потом вернешься и мне доложишь. Нам надо знать, что они там успели сделать.

— Хорошо, гос... простите, господин мой... То есть я не хотел... Я лучше прямо сейчас поеду, капитан! — На щеках парнишки от волнения вспыхнули два алых пятна, он даже заикаться начал. Поклонившись Рорану, он быстро вскочил на коня и рысцой двинулся в сторону побережья и шахт.

Его сообщение заставило Рорана задуматься. Он снова вспомнил, что, хоть им и повезло и они выиграли в этом поединке хитростей и уловок, сделать все-таки нужно еще очень много.

Собравшимся вокруг него воинам он сказал:

— Возвращайтесь в лагерь, к раненым. И еще. Мне нужно, чтобы вокруг лагеря к вечеру были выкопаны два ряда траншей. Эти желтопузые, — Роран имел в виду золотистые туники солдат Империи, — могут передумать и снова пойти на нас в атаку, и мне бы хотелось быть к этому готовым.

Некоторые даже застонали, услышав, что снова нужно рыть траншеи, но остальные, похоже, восприняли приказ Рорана вполне доброжелательно.

Карн шепнул ему:

— Ты же не хочешь, чтобы они к завтрашнему утру совершенно выбились из сил?

— Да, я все понимаю и, конечно, не хочу этого, — Роран тоже отвечал очень тихо, — но лагерь просто необходимо укрепить. И потом, так они не будут думать, что тут у нас только что происходило. Ничего, даже если они и устанут. Сражение, если оно состоится, придаст им сил, так всегда бывает.

...Для Рорана день промелькнул незаметно. Он то сосредоточенно обдумывал очередную неотложную проблему, то помогал варденам рыть траншеи, но как только лишался необходимости обдумывать сложившуюся ситуацию и свой план, время словно замедляло свой бег и еле тянулось. Люди работали хорошо и дружно — тем, что он спас их от налета кавалеристов, он, безусловно, завоевал их преданность и верность куда лучше, чем любыми словами. Но Рорану отчего-то все время казалось, что, несмотря на все их усилия, они не успеют закончить подготовку к завтрашнему сражению, до которого оставалось всего несколько часов.

Весь день до самого вечера противное ощущение беспомощности все сильней охватывало Рорана, и в душе он уже проклинал себя за то, что решился на выполнение такого сложного и честолюбивого плана.

«Мне нужно было с самого начала понять, что у нас попросту не хватит времени», — думал он. Но теперь было

уже слишком поздно что-либо менять. Им оставалось только делать все, что было в их силах, и надеяться на лучшее. Возможно, этот рискованный план все же сумеет помочь им обрести победу, несмотря на все допущенные им, Роаном, ошибки.

Когда спустились сумерки, в охватившей Рорана неуверенности блеснула вдруг слабая искорка оптимизма, потому что подготовка к завтрашним событиям стала вдруг с неожиданной быстротой подходить к концу. И когда через пару часов стало уже совершенно темно и над головой ярко светили звезды, Роран обнаружил, что стоит возле мельниц вместе с семью сотнями варденов, и все задуманное им сделано на совесть, и теперь нужно действовать решительно, если они действительно хотят завтра взять Ароуз.

Роран даже негромко засмеялся от облегчения и гордости, немного стыдясь того неверия, с которым только что относился к собственным планам и отчаянным усилиям своих соратников.

Поздравив собравшихся вокруг него воинов с успешным завершением подготовительных работ, он велел всем вернуться в палатки и хорошенько выспаться.

— На рассвете идем на штурм! — сказал он напоследок, и все радостно загудели, несмотря на смертельную усталость.

МОЙ ДРУГ, МОЙ ВРАГ

В ту ночь Роран спал чутко, поверхностно, и сны ему снились тревожные. Он так и не смог полностью расслабиться. Роран понимал всю важность грядущей битвы, ведь его, вполне возможно, ранят во время сражения, как это уже не раз бывало, а может, и убьют. Эти две мысли создавали такое напряжение в его душе и теле, что он спиной, позвоночником чувствовал, будто его, точно пойманную на крючок рыбу, то и дело вытягивают из глубин темных неясных снов на поверхность.

Роран мгновенно очнулся ото сна, услышав, как возле *его палатки что-то* глухо ударилось о землю.

Он открыл глаза и уставился на ткань у себя над головой. Внутри было почти темно; что-то можно было различить лишь благодаря проникавшему сквозь щели в пологе свету горевшего снаружи рыжего факела. Воздух показался Рорану каким-то особенно холодным, мертвящим, словно он был похоронен глубоко под землей в какой-то пещере. Который час, он не знал, но явно глубокая ночь, потому что не слышно было даже ночных зверьков; наверное, даже они уже вернулись в норы и легли спать. В такой час в лагере никто не должен был бы бодрствовать за исключением постовых, но никаких постовых поблизости от палатки Рорана не было.

Стараясь дышать как можно реже и тише, Роран прислушался, ожидая, что рядом раздастся еще какой-нибудь шум. Но громче всего стучало его собственное сердце по мере того, как все сильней и сильней натягивалась у него внутри струна той тревоги, что всю ночь не давала ему покоя.

Прошла минута.

Затем вторая.

И когда Роран уже решил, что все это ему просто показалось и нет и не было никаких причин для тревоги, когда даже бешеный стук его сердца стал понемногу затихать, на входное отверстие палатки упала чья-то тень, заслонив собой падавший от факела луч света.

Сердце Рорана снова забилось раза в три быстрей, словно он бегом взбирался по горному склону. Кто бы там ни явился к нему среди ночи, это был явно не часовой, который мог бы предупредить его о начале атаки со стороны Ароуза, и не кто-то из его приятелей, решивших поделиться с ним какими-то своими соображениями, потому что эти люди уж точно не стали бы церемониться и сразу окликнули бы его, а то и просто вломились бы в палатку.

Рука в черной перчатке — ее лишь с трудом можно было различить во мраке — просунулась в щель и нащупала завязки, державшие полог.

Роран открыл было рот, собираясь поднять тревогу, но передумал. Было бы глупо не воспользоваться отличной возможностью застать противника врасплох. И потом, если этот незваный гость поймет, что его засекли, он может и запаниковать, а стало быть, станет гораздо опаснее.

Роран осторожно сунул руку под скатанный плащ, который использовал как подушку, и вытянул оттуда кинжал, спрятав его в складках одеяла на уровне колена. А второй рукой взялся за край одеяла, чтобы можно мгновенно его откинуть в случае необходимости.

В проникавшем снаружи золотистом свете на миг возник силуэт незнакомца, затем он проскользнул в палатку, и там вновь стало почти темно. Но Роран успел разглядеть, что одет этот человек в заплатанный кожаный колет, на нем нет ни доспехов, ни даже нагрудной пластины. Впрочем, лица его Роран разглядеть не сумел.

Незваный гость продолжал красться к его постели, и Рорану стало казаться, что еще немного, и он попросту лишится чувств, так долго он уже задерживал дыхание, делая вид, будто крепко спит.

Когда незнакомец был уже в шаге от лежанки, Роран сорвал с себя одеяло, вскочил и с диким криком набросил его незнакомцу на голову, уже занося для удара руку с кинжалом.

— Погоди! — завопил тот, и Роран на мгновение замер, а потом они оба рухнули на пол. — Я друг! Я твой друг! — продолжал вопить незнакомец.

Еще мгновение — и у Рорана вдруг перехватило дыхание: незнакомец два раза сильно ударил его по левой почке. Чуть не теряя сознание от боли, Роран заставил себя откатиться в сторону, стараясь держаться от противника как можно дальше. Затем он рывком поднялся на ноги и снова бросился на врага, который, как оказалось, запутался в наброшенном на него одеяле.

— Погоди, я твой друг! — снова закричал незнакомец, но во второй раз Роран ему, разумеется, не поверил и очень правильно сделал: когда он попытался нанести противнику режущий удар, тот весьма ловко перехватил его правую руку с зажатым в ней кинжалом, набросив на нее скрученное в жгут одеяло, а затем сам ударил Рорана в грудь ножом, который извлек из-за пазухи. Особой боли Роран, правда, не почувствовал и решил пока что не обращать на полученное ранение внимания.

Взревев, он изо всех сил дернул за одеяло, сбил противника с ног и отбросил его к стене палатки, а сам рухнул сверху, подминая его под себя вместе с одеялом и одновременно стараясь выпутать из одеяла собственную правую руку.

И почти сразу же ощутил сильный удар по левой руке — незнакомец ухитрился лягнуть его в локоть сапогом с грубой подошвой; кончики пальцев тут же онемели, но Рорану удалось схватить этого типа за лодыжку.

Он попытался перевернуть его лицом вверх, но тот брыкался, как кролик, и в итоге сумел-таки вырваться. Впрочем, уже через секунду Роран снова схватил его за лодыжку и с такой силой сквозь тонкую кожу сапога вдавил пальцы ему в ахиллесово сухожилие, что мерзавец взвыл от боли.

Не давая ему прийти в себя и крепко прижимая его к полу, Роран пришпилил кинжалом к земле его правую руку, а потом попытался воткнуть кинжал ему в бок, но не успел: противник железной хваткой сдавил ему запястье.

— Ты кто такой? — прорычал Роран.

— Я твой друг, — повторил незнакомец, и Роран почувствовал, что его теплое дыхание пахнет винным перегаром. Затем незнакомец весьма успешно три раза подряд ударил коленом Рорану в ребра, а Роран с такой силой врезал ему лбом в нос, что нос громко хрустнул, явно сломанный. Противник дернулся, рыча от боли, но освободиться не смог: Роран держал крепко.

— Никакой... ты... мне... не друг, — задыхаясь, проворчал Роран и вонзил кинжал в бок врага. Тот сопротивлялся, кинжал отчего-то входил плохо и медленно, а Роран в пылу схватки даже не замечал криков людей, собравшихся вокруг его рухнувшей палатки.

Наконец рука незнакомца, сжимавшая запястье Рорана, ослабела, и кинжал с неожиданной легкостью прошел сквозь кожаный колет и глубоко вонзился в его тело. Он дернулся, и Роран ударил его еще несколько раз, а потом вонзил кинжал глубоко ему в грудь.

Рукоять кинжала затрепетала у него в руке — клинок угодил незнакомцу прямо в бьющееся сердце. Он вздрогнул и перестал сопротивляться, тяжело дыша и глядя на Рорана.

Роран продолжал крепко держать противника, наблюдая, как из его тела утекает жизнь; их тесные объятия были похожи на страстные объятия любовников. И у Рорана возникло ощущение какой-то странной, ужасающей близости к этому человеку, хоть он и пришел сюда, чтобы убить его. Перед ним был просто умирающий человек — живое, думающее существо, — чья жизнь подходила к концу из-за того, что он только что пытался сделать.

— Кто ты? — шепотом спросил Роран. — Кто тебя послал?

— Я... я почти убил тебя! — сказал вдруг незнакомец с каким-то жутковатым удовлетворением. Потом глубоко судорожно вздохнул, и тело его обмякло. Он умер, а Роран уронил голову ему на грудь, хватая ртом воздух и дрожа с головы до ног. Только в эти мгновения напряжение схватки начало покидать его, и он заметил людей вокруг, которые стаскивали с него одеяла и упавшую палатку.

— Уберите это с меня! — закричал Роран, выбрасывая вверх левую руку; он чувствовал, что не в силах более терпеть эту груду шерсти, завалившую его, эту тьму, это тесное пространство, в котором нечем было дышать.

Затем он увидел над собой щель — это кто-то прорезал ткань палатки; в щель лился теплый мерцающий свет факела.

Стремясь освободиться от проклятого войлочного савана, Роран рывком приподнялся и дернул за края прорези, раздирая ее. С трудом выбравшись из-под рухнувшей палатки, он, по пояс голый, пошатываясь, вышел на свет и в замешательстве огляделся.

Рядом стояли Балдор, Карн, Дельвин, Мандель и еще с десяток воинов, держа наготове мечи и боевые топоры. Никто из них тоже не успел толком одеться, за исключением двоих, в которых Роран признал часовых, выставленных на ночь.

— Ничего себе! — воскликнул кто-то. Роран, обернувшись, увидел, что воины оттащили наконец в сторону изувеченную палатку, и глазам всех предстал труп убийцы.

Это был могучий мужчина внушительного роста; его длинные спутанные волосы были собраны сзади в хвост, а на левом глазу красовалась кожаная повязка. Нос у него был крючковатый, но теперь переносица, разбитая Рораном, стала почти плоской; вся нижняя половина его лица была залита кровью. Кровь запеклась у него на груди и на боку, и земля под ним тоже пропиталась кровью. Казалось, *этой крови слишком* много, чтобы она могла вытечь из одного-единственного человека.

— Роран, — окликнул его Балдор, но Роран не мог оторвать глаз от своего неудавшегося убийцы. — Роран! Роран, послушай же меня! Ты не ранен? Что случилось?.. Роран!

Голос Балдора звучал с такой тревогой, что Роран наконец обратил на него внимание.

— Что?

— Роран, ты не ранен?

«С чего бы это он спрашивает?» — Роран осмотрел себя. Волосы у него на груди были покрыты кровавой коркой, на руках и плечах были кровавые потеки, верх штанов промок от крови.

— Да нет, все хорошо, — сказал он, хотя слова отчего-то выговаривались с огромным трудом. — Больше ни на кого в лагере не напали?

Вместо ответа Дельвин и Хамунд сделали по шагу в разные стороны, и Роран увидел безжизненное тело того самого парнишки, который был у него связным.

— Ах! — горестно воскликнул он. — Что же этот-то бедолага делал ночью возле моей палатки?

Один из воинов вышел вперед:

— Мы с ним в одной палатке жили, капитан. Он всегда ночью вставал, чтобы помочиться, потому что перед сном всегда слишком много чая выпивал. Говорил, мать ему так велела. Считал, что это предохранит его от болезней... Это был хороший парнишка, капитан. Ему бы жить да жить, а его ударом в спину какой-то трусливый мерзавец убил! Никак он не заслуживал такого конца, капитан!

— Нет, не заслуживал, — прошептал Роран. «Но если бы он случайно не оказался возле моей палатки, и меня бы на свете уже не было». И он указал на убийцу: — А больше вы тут таких тварей не встречали?

Вардены зашевелились, поглядывая друг на друга; затем Балдор сказал:

— Похоже, нет...

— Вы проверяли?

— Нет.

— Ну, так проверьте! Но постарайтесь людей все-таки не перебудить; им поспать нужно. И позаботьтесь, чтобы возле палатки каждого командира отныне стоял часовой... «Надо было мне раньше об этом подумать!»

Роран сел на землю да так и остался сидеть, чувствуя себя совершенно опустошенным и отупелым. Балдор отдал приказ, и все, за исключением Карна, Дельвина и Хамунда, исчезли в темноте. Четверо воинов унесли прочь изрaненное тело мальчика, чтобы его похоронить, а остальные пошли осматривать лагерь.

Подойдя ближе к убийце, Хамунд поддел носком сапога его нож и сказал:

— Похоже, ты сегодня утром куда сильней перепугал тех кавалеристов, чем нам показалось.

— Да, похоже.

Роран почувствовал, что его пробирает озноб, и не просто озноб: он прямо-таки закоченел вдруг, особенно руки и ноги — они были как лед. Карн, заметив это, принес одеяло и набросил его Рорану на плечи.

— Пойдем-ка, — предложил он, — посидим вон там, у костра. У меня немного горячей воды осталось, я принесу, и ты сможешь смыть кровь. Хорошо?

Роран молча кивнул; он совсем не был уверен, что язык захочет ему повиноваться.

Карн повел его к костру, но не успели они сделать и несколько шагов, как заклинатель внезапно остановился, заставив остановиться и Рорана:

— Дельвин, Хамунд! Скорей принесите раскладную кровать и что-нибудь, на чем можно сидеть, а еще горшок меда и несколько бинтов. Да поскорее, поскорее, пожалуйста!

Те, до крайности изумленные, бросились выполнять требования Карна.

— В чем дело? — спросил Роран. — Что случилось?

Карн с мрачным видом указал на его грудь.

— Если он тебя не ранил, как ты утверждаешь, тогда, ради бога, скажи, *что это?*

Роран посмотрел туда, куда указывал Карн, и увидел под росшими на груди волосами скрытый кровавой коркой длинный глубокий порез, начинавшийся почти у правой подмышки, пересекавший грудину и завершавшийся под левым соском. В самой широкой своей части порез был примерно в четверть дюйма глубиной и более всего походил на безгубый рот, растянутый в отвратительной ухмылке. Но самой неприятной вещью было сейчас, пожалуй, почти полное отсутствие крови; всего несколько капель выступило на поверхности пореза, и Рорану был отчетливо виден желтоватый слой подкожного жира, а под ним виднелась темно-красная, цвета сырой оленины, плоть мышцы.

Роран, хоть и привык к тому, какой страшный ущерб человеческому телу способны нанести мечи, копья и другое оружие, все-таки с отвращением смотрел на собственную рану. Он уже не раз бывал ранен в сражениях — особенно

сильно, когда один из раззаков укусил его в плечо во время похищения Катрины из Карвахолла, — но никогда еще не получал такой странной и *длинной* раны.

— Болит? — спросил Карн.

Роран покачал головой:

— Нет. — Но в горле почему-то стоял комок, а сердце, и без того бешено бившееся после схватки, теперь вдруг застучало с удвоенной скоростью, так что казалось, между ударами совсем нет перерывов. «Неужели нож был отравлен? » — подумал Роран.

— Роран, тебе нужно расслабиться, — сказал Карн. — Я думаю, что сумею тебя исцелить, но сделать это будет значительно труднее, если ты потеряешь сознание.

Взяв Рорана за плечо, он подвел его к топчану, который Хамунд притащил из какой-то палатки. Роран послушно сел и спросил с каким-то странным дрожащим смешком:

— И как же мне расслабиться?

— Дыши глубоко и воображай, будто с каждым выдохом погружаешься все глубже в землю. Поверь мне, это должно помочь.

Роран сделал, как ему велели, но на третьем выдохе мышечный спазм прошел, и из раны хлынула кровь, забрызгав Карну лицо. Маг отвернулся и выругался. Горячая кровь ручьем лилась Рорану на живот, и это казалось ему особенно странным, поскольку самому ему было очень холодно, его бил озноб.

— Вот теперь, пожалуй, действительно больно, — прошипел он, скрипнув зубами.

— Быстрей! — крикнул Карн Дельвину, который мчался к ним с бинтами и прочими вещами для перевязки. Когда он вывалил все это на край топчана, Карн пучком корпии промокнул кровь, а другим пучком заткнул рану, на какое-то время приостановив кровотечение. — Ложись, — велел он Рорану.

Роран подчинился, а Хамунд ловко подставил Карну табурет; тот сел, одной рукой продолжая прижимать комок корпии к ране, затем щелкнул пальцами свободной руки и велел:

— Откупорите горшок с медом и давайте сюда.

Как только Дельвин передал ему сосуд, Карн посмотрел Рорану прямо в глаза и сказал:

— Сперва мне нужно очистить рану, а потом я запечатаю ее с помощью заклинания. Ты меня понял?

Роран кивнул и попросил:

— Дайте мне что-нибудь — я зубами закушу.

Послышалось звяканье пряжек, и кто-то — то ли Дельвин, то ли Хамунд — протянул ему широкий ремень, на каком у варденов обычно висел меч. Роран сунул ремень между зубами и что было силы закусил его.

— Давай! — промычал он Карну.

Карн тут же отнял промокшую насквозь корпию от раны и одним движением опрокинул на нее мед. Сильная струя моментально смыла прилипшие волоски, засохшую кровь и прочую грязь, однако жгучая боль, вызванная столь неожиданным применением хмельного напитка, была так сильна, что Роран приглушенно застонал и выгнулся дугой, царапая ногтями доски лежака.

— Все, дело сделано, — успокоил его Карн и отставил кувшин в сторону.

Роран смотрел в звездное небо, чувствуя, как дрожит у него каждый мускул, и стараясь не думать о боли. А Карн, наложив на рану руки, начал тихо, нараспев, произносить какие-то фразы на древнем языке.

И уже вскоре — через несколько секунд, хотя Рорану эти секунды показались долгими минутами, — где-то глубоко в груди он почувствовал сильное, почти невыносимое жжение: это начинало действовать исцеляющее заклятие Карна. В груди все сильней свербело, и Рорану страшно хотелось почесаться. Это ощущение поднималось все выше к поверхности кожи и там наконец исчезло; вместе с ним исчезла и боль. Однако и новое ощущение, возникшее на месте ранения, было настолько неприятным, что Роран, хоть и старался не чесаться, невольно исцарапал себя до крови.

Закончив свою работу, Карн тяжело вздохнул и как-то устало осел, подперев голову обеими руками.

Заставив свои непокорные конечности повиноваться, Роран перекинул ноги через край топчана и спустил их на землю. Потом провел рукой по груди. Кожа под волосами

была совершенно гладкой! Совершенно! Как будто там никакой раны и не было! Словно этот одноглазый убийца и не пробирался к нему в палатку!

Магия...

В стороне стояли, не сводя с Рорана глаз, Дельвин и Хамунд. У обоих на лице было написано крайнее изумление. А Роран-то думал, что только ему произошедшее здесь кажется чудом!

— Все в порядке, можете спокойно ложиться спать, — сказал он и махнул им рукой. — Нам через несколько часов выходить, и мне нужно, чтобы все вы были бодрыми.

— А сам-то ты будешь бодр? Ты уверен, что в состоянии завтра вести отряд? — спросил Дельвин.

— Конечно! — солгал Роран. — Ладно, спасибо за помощь, а теперь ступайте. Да и мне отдохнуть не помешает. Что вы тут кудахчете оба, точно курицы-несушки?

Когда они ушли, Роран потер лицо и посмотрел на свои дрожащие, перепачканные кровью руки. Он чувствовал себя совершенно измотанным. Опустошенным. Словно за несколько минут проделал работу, на которую требуется неделя.

— Ты хоть на ногах-то завтра устоять сможешь? — спросил он у Карна. Тот пожал плечами:

— Не особенно твердо, но смогу, наверное... За такие вещи всегда приходится платить. Не могли же мы идти в бой без тебя!

Роран спорить не стал, только попросил Карна:

— Ты бы пошел да отдохнул немного. Рассвет уже близко.

— А ты?

— А я, пожалуй, вымоюсь, найду чистую рубаху и встречусь с Балдором: надо выяснить, не обнаружил ли он на территории лагеря еще убийц, подосланных Гальбаториксом.

— Ты что же, и ложиться не собираешься?

— Нет. — И Роран опять невольно почесал грудь ногтями и сам же себя сердито обругал за это. — Понимаешь, мне и до того не спалось, а уж теперь...

— Понимаю. — Карн медленно поднялся с табурета. — Я буду в своей палатке, если что.

Роран смотрел, как он тяжелой походкой бредет во тьме к своей палатке, а потом закрыл глаза и стал думать о Катрине, пытаясь успокоиться. Через некоторое время, собрав остатки сил, он встал, подошел к поваленной палатке и стал рыться в ее недрах, пока не вытащил наружу узел с одеждой, оружие, доспехи и бурдюк с водой. Все это время он старался даже не смотреть в сторону мертвого убийцы, хотя тот порой все же попадался ему на глаза.

Под конец, опустившись на колени и глядя в сторону, Роран выдернул из груди трупа свой кинжал. Клинок вынулся легко, с легким шелестом, какой бывает, когда металл задевает за кость. Роран хорошенько отряхнул кинжал и услышал, как на землю упало несколько тяжелых капель.

В холодной ночной тиши Роран начал медленно готовиться к грядущему сражению. Сперва он отыскал Балдора, и тот заверил его, что больше никому мимо часовых пробраться в лагерь не удалось. Затем Роран обошел весь лагерь по периметру, проверяя каждую мелочь, связанную с завтрашним штурмом Ароуза. И только после этого он отыскал на кухне половину холодного цыпленка, оставшуюся с обеда, и стал с наслаждением обгладывать каждую косточку, задумчиво глядя на звездное небо.

Но что бы он ни делал, перед глазами у него все время стоял тот славный парнишка, что теперь лежал мертвым возле его растерзанной палатки.

«Кто же все-таки решает, что один человек должен *жить, а другой — умереть?* Моя жизнь стоила ничуть не больше жизни этого мальчика, однако именно его *закопали в землю, а мне предстоит* еще по крайней мере несколько часов с наслаждением эту землю топтать. А все она, удача, случайная и жестокая! Или, может, у судьбы все-таки есть какой-то свой план, какая-то своя цель, пусть даже они и недоступны нашему пониманию?»

ОГНЕННАЯ МУКА

— Ну что, ты рад, что у тебя теперь сестренка появилась? — спросил Роран у Балдора, когда они бок о бок ехали к ближайшей мельнице. Вокруг царили те сероватые утренние сумерки, которые обычно предшествуют рассвету.

— Да чем там особенно радоваться-то? Она и сама пока что не больше котенка. — Балдор натянул поводья, ибо его лошадь попыталась свернуть в сторону, соблазненная каким-то кустиком сочной травы. — Странно както — после стольких лет в семье вновь маленький ребенок появился. А уж братик или сестричка, это нам с Олбрихом все равно.

Роран кивнул и, оглянувшись через плечо, внимательно посмотрел назад, желая убедиться, что его пеший отряд в шестьсот пятьдесят человек от них не отстал. У мельниц Роран спешился и привязал коня к столбику возле самого низенького из строений. Одного вардена оставили с конями — он должен был отвести животных обратно в лагерь.

Роран подошел к каналу и спустился по деревянной лесенке, вделанной в глинистый берег, к самой воде. Затем поднялся на корму одной из четырех барж, выстроившихся у берега в ряд.

Баржи были больше похожи на грубые плоты, а не на те большие лодки-плоскодонки, которыми пользовались на всем побережье от Нарды до Тирма, и это было особенно хорошо, потому что у барж не было ни острого носа, ни выступающей кормы. Их довольно легко оказалось скрепить в единую цепочку с помощью досок, гвоздей и веревок. Получилось некое довольно прочное, хотя и странное, плавучее сооружение в пятьсот футов длиной.

Куски слоистой слюды, которые в вагонетках уже доставили из шахты на берег канала, лежали штабелем на носу головной баржи и вдоль ее бортов, а также вдоль бортов второй баржи. Поверх слюды вардены навалили мешки с мукой, которую нашли в мельничном амбаре. Там, где штабель слюдяных пластов — высотой примерно по пояс человеку — кончался, его продолжали выложенные в ряд мешки с мукой, два мешка в ширину и пять в высоту.

Невероятный вес слюдяных пластов и плотно набитых мукой мешков в сочетании с весом самих барж превращал это плавучее сооружение в массивный водный таран, который, как надеялся Роран, будет способен пробить ворота на том конце канала с такой легкостью, словно они сделаны из гнилых веток. Даже если ворота заколдованы — хотя Карн и убеждал его, что это так, — Роран полагал, что никому из магов, кроме, разумеется, самого Гальбаторикса, не *под силу* будет отвратить стремительную мощь этого удара, тем более что баржи будут двигаться вниз по течению и успеют изрядно разогнаться.

Кроме того, груды слюдяных пластов и мешков с мукой должны были защитить варденов от копий, стрел и прочих опасных предметов.

Роран осторожно прошелся по качающимся палубам до самого носа передней баржи, прислонил копье и щит к штабелю, повернулся и стал смотреть, как его люди размещаются между двумя защитными валами.

С каждым человеком, ступавшим на борт, тяжело нагруженные баржи оседали все глубже, и в итоге верхняя часть их бортов качалась всего на несколько дюймов выше поверхности воды.

Карн, Балдор, Хамунд и Мандель присоединились к Рорану, решив, не сговариваясь, занять самое опасное место на этом плавучем таране. Если варденам предстояло с боем пробиваться в Ароуз, то для этого им потребуется чрезвычайное везение и умение, и никто из этой четверки не хотел доверить столь важное дело кому бы то ни было другому.

В задней части плавучего тарана Роран заметил Бригмана, окруженного людьми, прежде находившимися у него под началом. После того как накануне Бригман

практически отказался повиноваться Рорану, тот сильно его унизил, отправив в палатку под арест. Однако Бригман упросил Рорана позволить ему участвовать в последнем штурме Ароуза, и Роран, хотя и неохотно, все же согласился. Бригман прекрасно владел мечом, а в грядущем сражении каждый клинок был на счету.

Однако сомнения не оставляли Рорана: правильно ли он поступил? Сейчас он был совершенно уверен, что эти люди ему верны, но все же именно Бригман командовал ими столько месяцев подряд, а такие отношения, скрепленные кровью павших, разорвать не так-то легко. Даже если Бригман и не станет теперь мутить воду, он тем не менее уже один раз проявил свой строптивый нрав, так что вполне может снова отказаться выполнять приказы Рорана.

«Если только он вздумает дать мне очередной повод для недоверия, я прикончу его прямо на месте!» — решил Роран, сознавая, впрочем, что это решение — всего лишь пустая угроза. Если Бригман действительно пойдет против него, то сделает это, по всей вероятности, в самый разгар схватки, и Роран вполне может ничего не заметить до тех пор, пока не станет слишком поздно...

Наконец все воины, кроме шестерых, погрузились на баржи, и Роран, сложив руки рупором, крикнул:

— Все, можно отчаливать!

Два человека поднялись к шлюзовым воротам на вершине холма. Эти ворота замедляли и удерживали напор воды в канале, куда она собиралась из болотистых бочагов и озер, расположенных к северу от Ароуза. На двадцать футов ниже того места, где сейчас стояли баржи, находилось первое мельничное колесо и первая запруда, также снабженная шлюзом, на верхнюю кромку которого взобрались еще двое варденов. Еще на двадцать футов ниже находилось второе мельничное колесо и вторая глубокая запруда. И у дальнего края этой запруды был третий шлюз и третье, последнее, мельничное колесо. От этого места вода в канале текла размеренно и спокойно, пока не достигала Ароуза.

В шлюзы были вделаны три пары ворот, которые Роран тогда, во время своего первого посещения мельниц,

потребовал закрыть. За это время его люди, действуя лопатами и топорами и ныряя под воду, становившуюся все глубже, подрубили крепеж шлюзов на боках, так что теперь они держались лишь за счет небольшого слоя земли, который сильному потоку воды размыть ничего не стоило. В помощь себе вардены вбили в землю по обе стороны шлюзовых ворот длинные крепкие ваги.

Люди, стоявшие у средних и верхних шлюзовых ворот, дружно взялись за эти ваги, торчавшие на несколько футов над берегом, и принялись их методично раскачивать. В полном соответствии с задуманным планом те двое, что стояли у нижнего шлюза, выждали несколько минут, прежде чем тоже взялись за ваги.

Роран невольно вцепился в мешок с мукой, наблюдая за их действиями. Если они ошиблись в расчетах хотя бы на несколько секунд, беда неминуема.

Прошла минута, но ничего не произошло.

Вдруг с грозным грохотом самые верхние ворота отворились, сам шлюз развалился, земля у его боков стала осыпаться, и огромная масса глинистой воды хлынула на мельничное колесо, и оно закрутилось намного быстрее, чем это было допустимо.

Когда шлюз рухнул, люди, стоявшие на его верхнем краю, поспешили спрыгнуть на берег, однако же приземлились они всего в нескольких дюймах от опасного потока воды.

Фонтан брызг высотой футов тридцать, а то и больше взлетел над гладкой черной поверхностью второго пруда, находившегося ниже колеса, и грозная волна в несколько футов высотой устремилась ко второму шлюзу.

Заметив ее, двое воинов, находившихся на второй перемычке, поспешили оттуда убраться и тоже перепрыгнуть на безопасный твердый берег.

И вовремя. Когда эта волна ударила по второму шлюзу, специально оставленный хлипкий крепеж разлетелся, и шлюзовые ворота буквально снесло потоком, словно их лягнул задней лапой могучий дракон, и вода вперемешку с кусками шлюза бешеным потоком понеслась вниз, с куда большей силой ударив по второму колесу. Затрещали доски и бревна. Тогда-то Рорану впервые и пришла в голову

мысль, что и это колесо, и все остальные тоже могут оторваться, и тогда серьезная опасность будет грозить и людям, и баржам, что в свою очередь может положить конец штурму Ароуза еще до его начала.

— Отчаливайте скорей! — крикнул он.

Один из варденов перерубил канат, которым баржи были причалены к берегу, остальные схватили длинные, в десять футов длиной, шесты, которыми стали с силой отталкиваться от берега и дна канала.

Тяжело нагруженные баржи дюйм за дюймом ползли вперед, но набирали скорость куда медленней, чем того хотелось бы Рорану.

Но те двое, что стояли на нижней перемычке шлюза, никуда не ушли, даже когда на них обрушилась водная лавина, и продолжали налегать на ваги, воткнутые в ослабленный крепеж стенок. Лишь менее чем за секунду до того, как шлюз под напором воды содрогнулся и просел, эти люди бросились прочь.

Вода пробила дыру в земляной насыпи так легко, словно она была сделана из размокшей хлебной мякоти, и ударила по последнему мельничному колесу. Крепеж содрогнулся — звук был такой громкий и резкий, точно на озере хрустнул толстый зимний лед, — колесо покачнулось и сильно накренилось, но, к облегчению Рорана, устояло. Затем с громоподобным ревом стена воды ударила в основание холма, по террасам которого и был проложен канал, и над ней, точно густой дым, повисло облако водяной пыли.

Порыв ледяного ветра хлестнул Рорана по лицу, хотя он находился более чем в двухстах футах ниже по течению.

— Скорей! — закричал он тем, что с помощью шестов направляли баржи, когда безумный вращающийся поток воды вылетел из складок тумана и, крутясь, понесся по руслу канала.

Поток настигал их с невероятной скоростью. Когда он ударил в корму последней из четырех скрепленных барж, все сооружение как бы прыгнуло вперед; Рорана и многих других, стоявших на носу, прямо-таки швырнуло на палубу. Несколько мешков с мукой полетели в воду, а некоторые мешки покатились по палубе на людей.

Когда мощное течение приподняло корму самой задней баржи, все пятисотфутовое сооружение начало крениться набок, и Роран понял, если этот крен еще усилится, они очень скоро ударятся о берег канала, а потом поток мгновенно разъединит баржи и разнесет их на куски.

— Держите курс! — взревел он, вскакивая с мешков, на которые рухнул после удара волны. — Не давайте баржам свернуть, не то они разобьются о берег!

Услышав его голос, сразу несколько воинов бросились, оскальзываясь, к рулевому веслу и выправили кренящееся судно, отведя его почти на самую середину канала, подальше от пологих берегов. Вскочив на груду слюдяных плит и мешков с мукой, Роран громко указывал им, в какую сторону править, и совместными усилиями они выровняли баржи и повели их по изгибающемуся руслу канала.

— Удалось! — воскликнул Балдор, и лицо его осветила блаженная, глуповатая улыбка.

— Не каркай! — предупредил его Роран. — Нам еще плыть да плыть.

Небо на востоке уже успело стать соломенно-желтым, когда они проплывали мимо своего лагеря; теперь до Арауза было не более мили. При той скорости, которую они успели развить, они должны были достигнуть города еще до восхода солнца, надеясь, что серые тени, что лежали на земле и на воде канала, помогут скрыть баржи от часовых, выставленных на стенах и башнях.

Хотя основная масса воды уже пронеслась мимо них, баржи все еще набирали скорость, приближаясь к лежавшему ниже по течению городу, и не было ни одного холма или бугорка на их пути, способного замедлить их продвижение.

— Послушайте меня все! — крикнул Роран, складывая ладони рупором и максимально повышая голос, чтобы на всех баржах его могли услышать. — Мы можем попадать в воду, когда баржа ударит во внешние ворота, так что приготовьтесь к этому и постарайтесь выплыть, даже если это и будет непросто. Пока мы будем барахтаться в воде, мы будем представлять собой весьма легкую мишень. Но как только окажемся на берегу, у нас должна быть только одна

цель: прорваться к внутренней стене до того, как стража додумается закрыть внутренние ворота. Потому что если они успеют это сделать, нам Ароуз уже никогда не взять. Если же нам удастся прорваться за вторые ворота, то уж там мы как-нибудь отыщем лорда Холстеда и заставим его сдаться. А если нам это не удастся, мы закрепимся в центре города и будем продвигаться постепенно, улица за улицей, пока весь Ароуз не окажется в наших руках.

Помните: противник значительно превосходит нас численностью, по крайней мере раза в два, так что старайтесь держаться как можно ближе друг к другу, прикрываясь щитами, и все время будьте начеку. Никуда поодиночке не отходите! И не позволяйте, чтобы какую-то группу отрезали от основного войска. Воины гораздо лучше нас с вами знают улицы своего города и, по всей вероятности, будут устраивать ловушки и засады в местах, где мы меньше всего этого ожидаем. Если все-таки кто-то случайно отстанет от остальных, пусть движется по направлению к центру города, потому что именно туда направимся и все мы.

Вардены! Сегодня мы с вами нанесем Империи мощный удар. Сегодняшний день — в случае нашего успеха — сулит нам такую славу, о какой мы и не мечтали. Сегодня... Сегодня мы вырежем свою метку на лице истории! В ближайшие несколько часов мы с вами попытаемся совершить такой подвиг, который барды и сказители будут воспевать и сотни лет спустя! Думайте о своих товарищах. Думайте о своих семьях, о родителях, о женах, о детях и сражайтесь в полную силу, ибо сражаемся мы за них! За них и за свободу!

В ответ раздался дружный рев:

— За них и за свободу!

Роран сознательно привел людей в состояние крайнего возбуждения, а потом поднял руку и приказал:

— Щиты!

И все вардены, как один, присели и подняли свои щиты, прикрывая себя и своих товарищей, так что центральная часть этого своеобразного тарана была словно одета в чешуйчатую кольчугу, выкованную для какого-то великана.

Удовлетворенный этим зрелищем, Роран спрыгнул с груды мешков и посмотрел на Карна, Балдора

и остальных своих товарищей, с которыми странствовал и сражался бок о бок от самой Белатоны. Самый молодой из них, Мандель, выглядел несколько напряженно, но Роран знал, что нервы у него достаточно крепкие.

— Готовы? — спросил он у своей четверки, и все утвердительно закивали, а сам Роран вдруг рассмеялся. А когда Балдор потребовал, чтобы он объяснил, в чем дело, сказал: — Если б мой отец мог видеть меня сейчас!

И Балдор, понимающе кивнув, тоже рассмеялся.

Роран не сводил глаз со стремнины. Когда этот бешеный поток ворвется в город, солдаты, разумеется, сразу заподозрят, что тут что-то не так, и поднимут тревогу. Он и хотел, чтобы они подняли тревогу, но немного позже и не по этой причине. Когда оказалось, что основная волна уже в пяти минутах от Ароуза, он махнул рукой Карну и сказал:

— Пора, посылай сигнал.

Заклинатель кивнул и нахохлился. Губы его двигались, образуя странные звуки древнего языка. Через несколько минут он выпрямился и сказал:

— Готово.

Роран посмотрел на запад. Там, на поле перед Ароузом, стояли катапульты, баллисты и осадные башни варденов. Осадные башни так и остались неподвижными, но другие орудия были приведены в движение, и из них *в древние белые стены* города полетели камни и дротики. Роран прекрасно знал, что именно в эту минуту пятьдесят человек из его войска на дальнем конце города дружно подули в трубы и принялись, издавая воинственные кличи, стрелять подожженными стрелами и делать все возможное, чтобы отвлечь на себя внимание защитников города, как если бы именно они — войско куда большего размера — и начали штурм.

Все шло по плану, и Рорана вдруг охватило глубочайшее спокойствие. Бой вот-вот должен был разразиться. Многим людям предстояло умереть.

И он вполне мог стать одним из тех, кому суждено погибнуть.

Но понимание этого отчего-то придавало особенную ясность мыслям. Исчезли даже малейшие следы былой

измотанности. Исчезла слабость в коленях, изводившая его с тех пор, как этот «друг» покушался на его жизнь. Пожалуй, ничто не способно было вызвать в нем большего вдохновения и придать большей смелости, чем предвкушение битвы — ни еда, ни смех, ни работа руками, ни даже любовь. И хотя Роран ненавидел войну, он не мог отрицать, что сражение с врагом обладает поистине притягательной силой. Он никогда не хотел быть воином, но все-таки стал им и теперь был решительно настроен победить любого, кто встанет у него на пути.

Присев на корточки, Роран вглядывался в щель между острыми неровными краями двух слюдяных пластин, не сводя глаз с быстро приближавшихся ворот, которые преграждали им путь. Сверху, примерно до уровня воды — а сейчас даже несколько ниже, ибо вода в канале существенно поднялась, — ворота были сделаны из мощных дубовых брусьев, почерневших от времени и сырости. А ниже водной поверхности, как Рорану было известно, было нечто вроде решетки из железных и деревянных брусьев, похожей на решетку обычных ворот. Это было устроено специально, чтобы ничто не препятствовало свободному проходу воды. Верхнюю часть ворот проломить будет труднее всего, а вот нижнюю решетку, как догадывался Роран, долгие годы пребывания в воде должны были здорово ослабить, и если удастся разом проломить ее хотя бы частично, то и разрушить верхнюю, дубовую, часть ворот будет значительно легче. Для этого он приказал прикрепить к днищу ведущей баржи два крепких бревна в качестве тарана. Этот подводный таран должен был ударить по нижней части ворот, и сразу же нос баржи следом ударил бы по их верхней части.

Придумано было неплохо, вот только сработает ли этот план, Роран поручиться не мог.

— Готовься! — прошептал он скорее себе самому, чем кому бы то ни было еще, когда ворота оказались совсем близко.

Несколько воинов на корме все еще продолжали направлять баржи, отталкиваясь шестами, но остальные уже скрылись под сплошным панцирем щитов.

Разверстая пасть ворот нависла над ними, точно вход в гигантскую сводчатую пещеру. Когда нос передней баржи скользнул в тень этой арки, Роран успел увидеть, как над краем стены над ними появилась физиономия какого-то солдата, круглая и белая, как луна. Солдат, глядя на них с высоты футов в тридцать, даже рот раскрыл от ужаса и изумления.

Роран выругался, но баржи неслись так быстро, что изумленное лицо солдата мгновенно скрылось, и они оказались в холодном и темном туннеле со сводчатым потолком, а нос передней баржи ударил в ворота.

Сила удара была такова, что Рорана прямо-таки швырнуло на штабель слюдяных пластов, за которым он присел на корточки. Он здорово ударился головой о камень, и, хотя на нем был шлем, а под шлемом еще и мягкая шапочка, в ушах сразу загудело. Палуба сотрясалась и двигалась, и даже сквозь шум в ушах Роран слышал, как трещит и ломается обшивка баржи, как взвизгивает металл.

Одна из слюдяных плит сползла и рухнула прямо на Рорана, царапая ему руки и плечи. В приливе какой-то яростной силы он швырнул плиту за борт, и она разлетелась на куски, ударившись о стену туннеля.

В окружавшем их полумраке было непросто разглядеть, что творится вокруг; все превратилось в какой-то движущийся и гудящий хаос. Вода заливала Рорану ноги, и он понял, что баржа сильно просела, но не был уверен, потонет она или нет.

— Дайте мне топор! — крикнул он, протягивая руку, но не оглядываясь. — Топор! Дайте мне топор!

Он чуть не упал, когда баржа вдруг словно прыгнула вперед. Ворота прогнулись, но все еще держались крепко. Со временем усиливавшееся давление воды могло, конечно, протолкнуть баржи в ворота, но ждать, когда природа возьмет свое, вардены не могли.

Когда кто-то сунул Рорану в руку гладкое топорище, в потолке туннеля открылись шесть светящихся прямоугольников — это были люки, предназначенные для защитников туннеля. Потом в люках что-то мелькнуло, и тяжелые арбалетные стрелы с шипением полетели в находившихся

на баржах людей, с глухим стуком вонзаясь в дерево щитов и судовой обшивки.

Кто-то пронзительно вскрикнул.

— Карн! — вскричал Роран. — Сделай же что-нибудь!

Заклинатель тут же что-то забормотал, а Роран, оставив его, пополз по кренящейся палубе на нос судна, перебираясь через слюдяные груды и мешки с мукой. Баржа еще на несколько дюймов продвинулась вперед. Центральная часть ворот стонала и содрогалась, в дубовых балках появились широкие трещины, сквозь которые пробивался яркий дневной свет.

Стрела чиркнула по слюдяной плите рядом с правой рукой Рорана, и в воздухе почувствовался отчетливый запах железа, с силой ударившегося о камень.

Роран пополз быстрее.

Но в тот самый миг, когда он оказался на носу баржи, пронзительный, скрежещущий, разрывающий барабанные перепонки звук заставил его заткнуть уши руками и отскочить назад.

Тяжелая волна обрушилась на него, на мгновение ослепив, и он, старательно моргая и протирая глаза, сумел все же разглядеть, что часть ворот рухнула в канал, и теперь баржа, пожалуй, уже могла бы протиснуться в город, но прямо над носом судна торчали острые обломки дерева, готовые пронзить любого насквозь.

Роран мгновенно откатился за груду слюды, проревел во все горло: «Головы вниз!», и сам лег плашмя и прикрылся щитом.

А баржи скользнули по водам канала дальше, уходя от смертельно опасных арбалетных стрел, и вскоре Роран увидел, что они выплыли в какое-то громадное помещение с каменными стенами, освещенное факелами.

В дальнем конце этого гигантского помещения виднелись еще одни ворота, на этот раз сверху донизу решетчатые, и за ними Роран разглядел городские улицы и здания.

Вдоль обеих боковых стен помещения тянулись длинные каменные перроны, служившие для погрузки и разгрузки грузов. С потолка свисали лебедки, канаты и пустые клети, а возле каждого из причалов стоял на возвышении

мощный подъемный механизм. В передней и задней части помещения имелись просторные проходы и лестницы, ведущие на мостики, позволявшие людям переходить над водой с одного перрона на другой. Проход, находившийся в задней части помещения, вел, по всей видимости, также и в караульную будку, и на городскую стену, где размещалась стража. Именно оттуда, скорее всего, и свешивалась физиономия того часового, которого успел увидеть Роран.

Отчаяние охватило Рорана, когда он увидел опущенную решетку вторых ворот. Он-то надеялся, что им удастся проплыть прямиком в город и избежать этой, явно хорошо охраняемой, ловушки.

«Ну, теперь делать нечего!»

Из караульных помещений уже толпой выбегали солдаты, одетые в алые плащи, и, опустившись на колени, тут же принимались стрелять из арбалетов по баржам, готовясь к их захвату.

— Причаливай! — крикнул Роран, махнув рукой в сторону левого причала.

Вардены с помощью шестов стали подталкивать застрявшие баржи к причалу, прикрываясь щитами; из этих щитов уже торчали десятки тяжелых стрел, отчего вся эта группа напоминала огромного дикобраза.

Когда баржа приблизилась к каменному перрону, двадцать защитников канала, выхватив мечи, бросились туда, желая помешать варденам покинуть баржи.

— Скорей! — закричал Роран.

В эту минуту арбалетная стрела пробила его щит и своим мощным ограненным острием, пронзив полуторадюймовое дерево, задела ему предплечье. Он споткнулся, но устоял, понимая, что через секунду в него полетят новые стрелы, а потом прыгнул на причал. Приземлился он довольно неловко, сильно ударившись коленом о камень, но все же успел выхватить из-за пояса молот, прежде чем солдаты накинулись на него.

Роран встретил их со смешанным чувством облегчения и какой-то дикарской радости. Он смертельно устал от всех этих хитроумных планов и бесконечной тревоги, связанной с возможностью неудачного исхода предполагаемых действий.

А тут наконец-то была честная драка, а не какие-то крадущиеся во тьме убийцы, и он мог сам сражаться и убивать.

Стычка была короткой, но яростной и кровавой. Уже в первые несколько секунд Роран положил или, по крайней мере, обездвижил троих. Затем к нему присоединились Балдор, Дельвин, Хамунд, Мандель и несколько других варденов, помогая отгонять стражников от причала.

Мечом Роран владел плоховато, так что фехтовать он и не пытался. Вместо этого он позволял стражникам сколько угодно рубить мечами его щит, а в ответ ломал им кости, время от времени взмахивая своим молотом. Иной раз, конечно, и ему приходилось парировать или даже наносить колющий удар кинжалом или мечом, но в целом он избегал обмениваться со своими противниками более чем несколькими ударами меча, потому что понимал: нехватка опыта и умения легко может оказаться для него смертельно опасной. Самым выгодным приемом, который он для себя открыл, был не какой-то особенно хитрый поворот меча или сложный обманный выпад — ведь для того, чтобы овладеть подобными приемами, нужно было годы тренироваться, — а простой перехват инициативы как раз в тот момент, когда противник этого никак не ожидал.

Выбравшись из гущи схватки, Роран сломя голову бросился к лестнице, ведущей на тот выступ над водой, где засели лучники, поливавшие варденов дождем стрел.

Прыгая через три ступеньки, он взлетел туда и первому же лучнику вдребезги разнес лицо, один раз взмахнув своим молотом. Следующий лучник, только что выпустивший стрелу и не успевший вложить новую, попросту бросил лук и выхватил короткий меч, понемногу отступая назад.

Но пустить свой меч в ход ему так и не удалось: Роран переломал ему ребра, нанеся сокрушительный удар в грудь.

Одним из главных преимуществ такого боя для Рорана было то, что, орудуя молотом, он не особенно задумывался, сколь мощны доспехи его противников. Его молот, этот слепой инструмент убийства, наносил противнику тяжкие повреждения просто силой своего удара, и речь о колотых или рубленых ранах просто не шла. Надо сказать, простота подобного подхода весьма Рорана устраивала.

А вот третий воин ухитрился-таки выпустить в него стрелу, и она, пробив щит, засела в нем до половины древка, едва не вонзившись Рорану в грудь. Стараясь держать торчавший из щита острый наконечник подальше от себя, Роран кинулся на стрелявшего и ударил его молотом по плечу. Тот заслонился арбалетом, парируя удар, и Роран тут же использовал свой щит, нанеся его внешней стороной такой удар, что стражник с пронзительным воплем перелетел через ограждение и упал в воду.

Однако же этот маневр на несколько секунд оставил Рорана без прикрытия, и когда он обернулся к тем пятерых солдатам, которые еще оставались на выступе, то увидел, что трое из них целятся прямо ему в сердце.

И они выстрелили.

Но в тот миг, когда их стрелы уже должны были бы пронзить Рорана насквозь, они вдруг вильнули вправо и ударились о почерневшую каменную стену, точно огромные злые осы.

Роран понимал, что от смерти его спас Карн, и решил непременно как-то поблагодарить заклинателя, как только минует смертельная опасность.

Он ринулся на оставшихся солдат и расшвырял их в стороны серией яростных ударов, словно это были не люди, а гвозди, которые ему надо было забить своим молотом. Затем он отломил конец застрявшей в щите арбалетной стрелы и обернулся, пытаясь понять, что же происходит внизу.

Последний из защитников причалов как раз в эту минуту рухнул на залитый кровью пол, и его голова откатилась в сторону, а потом упала в канал, исчезнув под множеством пузырьков воздуха.

Примерно две трети варденов успели высадиться и теперь строились вдоль причала.

Роран уже открыл было рот, чтобы приказать им отойти подальше от воды — чтобы те, кто еще оставался на баржах, тоже смогли высадиться, — но тут распахнулись двери в стене слева, и в помещение ворвалась целая толпа вооруженных воинов.

«Черт побери! Откуда они взялись? И сколько их там?»

И Роран бросился к лестнице, чтобы помочь варденам отбить новую атаку, но Карн, по-прежнему стоявший на носу баржи, воздел вверх руки, а потом направил их в сторону ринувшихся в атаку солдат, выкрикнув несколько коротких яростных фраз на древнем языке.

И по его команде два мешка муки и один слюдяной пласт поднялись в воздух и полетели прямо в ряды наступающих, сразу сбив с ног по крайней мере дюжину. Потом мешки с мукой открылись, и на солдат облаком посыпалась белая мука, слепя их и не давая дышать.

А через секунду за спиной у них словно молния вспыхнула, и огромный огненный шар, черно-оранжевый, словно закопченный, пронесся сквозь мучное облако, жадно пожирая муку тонкого помола и издавая такой звук, словно на сильном ветру хлопала сразу сотня флагов.

Роран присел за своим щитом, чувствуя обжигающий жар незащищенными щеками, ибо этот огненный шар пронесся всего в нескольких ярдах от него. Вспыхивая в его свете, мусор и мука, превращаясь в пепел и медленно кружась, падали вниз черным дождем.

Наконец этот невероятный пожар угас, и Роран осторожно поднял голову. Струя горячего, отвратительно пахнущего дыма раздражала ноздри, щипала глаза, и, глянув вниз, он с изумлением увидел, что горит его собственная борода. Выругавшись, он бросил меч и принялся тушить крошечные проворные искорки, разбегавшиеся по волосам.

— Эй! — с притворным гневом крикнул он стоявшему внизу Карну. — Ты мне бороду поджег! Впредь будь осторожней, не то я тебе башку отрублю и на пику надену!

Большая часть солдат, свернувшись клубком, лежала на земле, прикрывая руками обожженные лица. Другие пытались потушить горящую одежду или же, как слепые, ходили кругами, держа в руках оружие и пытаясь понять, где же противник. Вардены, похоже, отделались лишь небольшими ожогами — большинство их вообще находилось вне поля действия огненного шара, — однако эта неожиданная вспышка огня многих оставила в состоянии растерянности и неуверенности.

— Нечего стоять, разинув рот! Догоняйте этих жалких людишек и добивайте их, пока они по земле ползают и не успели снова в себя прийти! — крикнул Роран, взмахнув молотом и стукнув им по перилам, чтобы привлечь внимание своего несколько ошалевшего войска.

Теперь варденов оказалось уже значительно больше, чем стражников, и к тому времени, как Роран успел спуститься по лестнице, они успели уже положить по крайней мере три четверти защитников прохода.

Оставив своих вдохновленных успехом товарищей, Роран пробился к огромным двойным дверям на левом берегу канала — они были достаточно широки, чтобы в них могли пройти рядом две повозки, — и наткнулся на Карна, который сидел у основания подъемного механизма и что-то с аппетитом ел, доставая еду из кожаного мешочка, который всегда носил при себе. В этом мешочке, насколько знал Роран, Карн держал некую смесь жира, меда, истолченной в порошок говяжьей печени и сердца ягненка, а также каких-то ягод. Однажды Карн угостил его этой штуковиной, так его просто тут же и вырвало, но он знал: проглотив всего несколько кусочков этой отвратительной смеси, человек мог целый день не только держаться на ногах, но и заниматься тяжелым трудом.

Рорана встревожило, что заклинатель тем не менее выглядит совершенно обессиленным, и он заботливо спросил, останавливаясь возле Карна:

— Все в порядке?

Карн кивнул и сказал:

— Мне просто нужно немного подкрепиться... Сперва эти стрелы, потом мешки с мукой... — Он сунул в рот очередную порцию своей таинственной смеси. — Пожалуй, слишком много для одного раза.

Роран, чувствуя огромное облегчение, двинулся было дальше, но Карн схватил его за руку.

— Это не я, — сказал он, и в уголках его глаз собрались веселые морщинки. — Ну, насчет твоей бороды. Она, должно быть, от факела вспыхнула.

Роран что-то проворчал и бросился к огромным дверям.

— Стройся! — крикнул он, негромко ударив по щиту тупым концом своего молота. — Балдор, Дельвин, вы вместе со мной пойдете вперед. Остальные цепью следом за нами. Прикройтесь щитами, мечи наголо! Стрелы вложить в луки! Холстед, возможно, еще не знает, что мы в городе, так что не дайте никому уйти, чтоб не успели его предупредить... Ну что, готовы? Тогда вперед, за мной!

Вместе с Балдором, нос и щеки которого были совершенно красными, обожженными тем огненным шаром, они отперли двери и распахнули их, открывая варденам доступ в Ароуз.

ПЕПЕЛ И ПРАХ

Десятки больших домов с оштукатуренными стенами виднелись неподалеку от главных ворот и вдоль внешней крепостной стены там, где в Ароуз был выход канала. Все эти здания — холодные и неприступные с виду, с пустым взглядом черных окон — оказались пакгаузами или складами, так что, если учесть столь ранний час, людей здесь практически не было, а значит, не было и свидетелей схватки варденов с охранниками.

Но выяснять, так ли это, Роран все равно не собирался. Медлить было нельзя.

Веселые лучи всходившего солнца горизонтальными полосами ложились на город, золотили верхушки башен, зубцы крепостных стен, купола храмов и крытые черепицей крыши. А на улицах все еще лежали тени цвета черненого серебра, и вода в канале казалась черной; на ее взбаламученной поверхности виднелись рыжеватые пятна крови. Где-то высоко над головой еще светилась одинокая звезда, точно странная искра на светлеющем голубом плаще небес, но блеск остальных полночных сокровищ солнце уже успело погасить.

Вардены бодрой рысцой продвигались по городу, шурша кожаными подошвами башмаков по булыжным мостовым.

Вдали пропел петух.

Роран вел своих бойцов, виляя меж тесно стоящими домами, к внутренней стене города, но не всегда выбирал тот путь, который казался наиболее очевидным или прямым: он стремился максимально уменьшить риск встречи с кем-то из горожан. Улочки, по которым они шли, были

узкими и темными, и порой Роран даже толком не видел, куда ставит ногу.

Сточные канавы были до краев заполнены грязной жижей. Кругом царила такая вонь, что Рорану хотелось ругаться, и он мечтал о чистом воздухе родных полей, к которому так привык.

«И как только тут люди живут? — думал он. — Даже свиньи и то в собственное дерьмо не ложатся!»

Вдали от городской стены склады и прочие хозяйственные помещения сменились жилыми домами и магазинами: дома были высокие, с перекрещивавшимися балками, беленными оштукатуренными стенами и красивым чугунным литьем над дверными проемами. За закрытыми ставнями окнами Роран порой слышал голоса, звон посуды или скрежет стула по деревянному полу.

«У нас совсем мало времени, — думал он. — Еще несколько минут, и на улицах появятся обитатели Ароуза».

Словно во исполнение этого предсказания, двое мужчин вышли из какого-то переулка и наткнулись прямо на колонну варденов. Оба горожанина тащили на плечах коромысла с полными ведрами свежего молока.

Они в полном изумлении остановились, увидев варденов, и затряслись от страха так, что молоко стало выплескиваться из ведер на землю. Глаза их расширились от ужаса, рты раскрылись, из горла явно рвался крик.

Роран остановился, и его отряд замер следом за ним.

— Если закричите, мы вас прикончим, ясно? — тихо и дружелюбно пообещал он горожанам.

Те, дрожа с головы до ног, чуть отступили.

А Роран, наоборот, шагнул к ним и прибавил:

— А если вздумаете бежать, мы вас тем более прикончим. — И, не сводя глаз с перепуганных молочников, он тихо окликнул Карна, а когда заклинатель подошел к нему, спросил: — Нельзя ли их ненадолго усыпить?

Заклинатель быстро произнес какую-то фразу, последнее слово которой Роран знал — «слитха», что на языке древних значит «спать». И оба горожанина, точно лишившись костей, мешком рухнули на землю, а их ведра покатились по булыжной мостовой. Молоко

рекой потекло по улице, белыми ручейками пробираясь между камнями.

— Оттащите их в сторонку, — сказал Роран, — чтобы их не сразу заметили.

Как только вардены оттащили бесчувственных молочников с дороги, он приказал всем снова двигаться дальше, разумно полагая, что нужно побыстрее добраться до внутренней городской стены.

Однако не прошли они и сотни футов, как за углом наткнулись на четверых воинов Гальбаторикса.

На этот раз Роран милосердия не проявил. Он рванулся к солдатам и, пока те соображали, что происходит, ударил молотом по затылку того, кто шел впереди. А второго солдата рубанул мечом Балдор, одним ударом развалив его пополам. Подобную силищу он обрел, разумеется, у отца на кузне, много лет махая там молотом.

Оставшиеся двое солдат от ужаса присели, потом развернулись и побежали.

Но стрела, просвистев у Рорана над плечом, вонзилась одному из бегущих в спину, и тот упал. А потом Карн рявкнул: «Джиерда!» (Это слово Роран тоже знал, оно означало «сломись!»), и шея четвертого солдата с отчетливым хрустом надломилась; он упал ничком да так и остался лежать без движения посреди улицы.

Однако тот солдат, у которого из спины торчала стрела, пронзительно закричал:

— Вардены! Здесь вардены! Трубите тревогу! И...

Метнув кинжал, Роран угодил ему прямо в горло. Потом вытащил клинок, вытер его об одежду мертвого солдата и сказал:

— Ну, все. Теперь скорее вперед!

И вардены дружно ринулись к внутренним стенам крепости.

Когда они были от нее всего в каких-то ста футах, Роран остановился в каком-то переулке и поднял руку, призывая людей подождать немного. Потом осторожно выглянул из-за угла, осматривая крепостные ворота. Их решетка была прочно укреплена в высокой гранитной стене, а сами ворота были заперты.

Слева от ворот, правда, имелась небольшая дверца, служившая для потайных вылазок. Она была открыта настежь, и Роран увидел, как оттуда выбежал солдат в алом плаще и поспешил куда-то в западную часть города.

Выругавшись себе под нос, Роран продолжал наблюдать за дверцей. Он вовсе не намерен был сдаваться, тем более теперь, когда им удалось-таки пробиться в город, однако их положение с каждой минутой становилось все более опасным. Вскоре должен был закончиться комендантский час, люди выйдут на улицу, и, разумеется, всем сразу станет известно, что вардены в городе.

Он снова спрятался за угол дома и, опустив голову, попытался найти выход из сложившейся ситуации.

— Мандель, — сказал он, щелкнув пальцами, — Дельвин, Карн и вы трое. — Он указал на троих варденов весьма свирепого вида — все они были уже не молоды, так что, как ему казалось, должны были бы иметь опыт в сражениях. — Идемте со мной. Ты, Балдор, остаешься за командира. Если мы не вернемся, постарайтесь поскорее укрыться в безопасном месте. Это приказ.

Балдор мрачно кивнул.

Роран и шесть отобранных им воинов двинулись по обе стороны переулка, ведущего к воротам, пока не добрались до усыпанной мусором насыпи под стеной. Отсюда до ворот было, наверное, шагов пятьдесят, а до той открытой дверцы — рукой подать.

На каждой из двух надвратных башен обычно торчали часовые, но в данный момент ни одного видно не было. К тому же теперь Роран и его товарищи были так близко от стены, что увидеть их можно было бы, только перевесившись через парапет башни.

— Как только мы войдем вон в ту дверцу, — шепотом сказал Роран, — ты, ты и ты, — он указал на Карна, Дельвина и одного из незнакомых ему варденов, — двигайте к дальней сторожевой будке, по ту сторону ворот, а мы втроем возьмем эту, ближнюю. Делайте, что хотите, но *ворота должны быть открыты!* Там, наверно, всего и нужно-то одно колесо повернуть. А может, и всем придется на него навалиться. Так что не вздумайте рисковать, я вам

умирать возле самых ворот не приказывал. Ну что, готовы? *Вперед!*

И Роран, двигаясь совершенно бесшумно, метнулся вдоль стены и, резко свернув, исчез в открытой боковой дверце.

За нею он попал в какое-то продолговатое помещение футов в двадцать длиной, выходившее на просторную площадь с фонтаном, в центре которого в воздух поднимались три струи воды. Через площадь то и дело поспешно пробегали какие-то люди в красивой одежде, некоторые из них прижимали к груди какие-то свитки.

Не обращая на них внимания, Роран свернул к караулке, которая была заперта, и осторожно взломал замок, воздержавшись от того, чтобы попросту выбить дверь пинком ноги. В одной из стен грязноватого караульного помещения виднелась ведущая наверх винтовая лестница.

Роран взлетел по ней и уже через пару поворотов оказался в комнате с низким потолком, где за столом сидели пятеро солдат. Они курили и играли в кости, а сам стол был придвинут к огромному вороту с цепями толщиной, наверное, с руку Рорана.

— Приветствую вас! — громко и уверенно сказал Роран. — У меня для вас чрезвычайно важное сообщение.

Солдаты с изумлением посмотрели на него и вскочили, отталкивая скамьи, на которых сидели. Деревянные ножки скамей отвратительно заскрипели по полу.

Но их короткого замешательства вполне хватило, чтобы Роран успел преодолеть расстояние между дверью и столом.

Солдаты попытались было выхватить оружие, но Роран с ревом обрушился на них и, размахивая молотом, вскоре загнал всех пятерых в угол. Через минуту рядом с ним оказались Мандель и остальные двое варденов с мечами наголо. Вместе им ничего не стоило расправиться с охраной. Теперь доступ к поворотному механизму был открыт.

Поглядев на содрогавшегося в предсмертных судорогах последнего солдата, Роран сплюнул на пол и сказал:

— Никогда не доверяй незнакомцам!

После этой короткой схватки в комнате так сильно пахло кровью и еще чем-то мерзким, что эта вонь прямо-таки

давила на Рорана, как тяжелое одеяло, не давая нормально дышать, и ему с трудом удавалось подавлять подкатывавшую к горлу тошноту. Закрывая нос и рот рукавом рубахи, все четверо собрались у подъемного колеса, стараясь не поскользнуться в лужах крови, и некоторое время изучали его, пытаясь понять, как оно действует.

Вдруг Роран резко обернулся и поднял молот. За спиной у них послышался звон металла, громкий скрип открываемого люка и вслед за этим топот ног — какие-то люди спускались сюда по винтовой лестнице, ведущей на самый верх сторожевой башни.

— Таурин, какого черта! Что у вас тут происходит? — Солдат поперхнулся и замолк, ибо, сойдя с лестницы, увидел перед собой Рорана и его приятелей, а на полу — изрубленные тела стражников.

Варден, стоявший справа от Рорана, метнул в спустившегося солдата копье, но тот успел присесть, и копье вонзилось в стену у него над головой. Солдат выругался и на четвереньках снова полез наверх, почти мгновенно исчезнув за поворотом лестницы.

Вскоре с глухим стуком захлопнулась крышка люка, и они услышали, как этот солдат принялся дуть в свою дудку и отчаянно выкрикивать что-то людям на площади и на стенах крепости.

Роран нахмурился и вернулся к поворотному механизму.

— Да оставьте вы его, — сказал он товарищам, засовывая молот за ремень и наклоняясь над поворотным колесом. Затем, напрягая все тело, он попытался повернуть его. Остальные бросились ему помогать, и медленно, очень медленно храповое колесо стало поворачиваться, каждый раз громко щелкая, когда зубец касался «собачки».

Уже через несколько секунд вращать храповик стало значительно легче. Роран связывал это с тем, что и вторая его команда, которую он послал обезвредить сторожей в помещении напротив, тоже принялась вращать такое же колесо.

Полностью поднимать решетку ворот они, впрочем, не стали. Уже через полминуты отчаянного труда, мокрые от

пота, они услышали воинственные кличи варденов, успевших вломиться в ворота и занять площадь.

Роран остановил колесо, вытащил из-за пояса свой молот и снова двинулся к лестнице. Остальные последовали за ним. В коридоре он столкнулся с Карном и Дельвином, как раз выбравшимися из противоположной караульной будки. Похоже, никто из варденов не был ранен, однако во второй группе не хватало одного пожилого и опытного бойца.

А тем временем Балдор, поджидая возвращения Рорана и его группы, велел своим людям построиться, создав по краям площади прочное каре. Вардены стояли плечом к плечу в пять рядов, выставив перед собой щиты.

Подбежав к ним, Роран заметил, что из-за домов на том конце площади появился довольно большой отряд, явно настроенный решительно: Солдаты шли, выставив копья и пики так, что стали похожи на огромную подушку для булавок. По прикидкам Рорана их было человек сто пятьдесят — с таким количеством его войску справиться ничего не стоило, однако это потребовало бы определенных усилий, а также — и это было самое главное — времени.

Но еще больше он помрачнел, когда увидел, как тот самый маг с крючковатым носом вышел вперед и воздел вверх руки, и над его руками взметнулись вверх две черные молнии. Роран достаточно много слышал о магах от Эрагона, так что догадался, что эти молнии предназначены, скорее всего, просто для запугивания врага, однако у него не было сомнений в том, что вражеский заклинатель может стать для них крайне опасным.

Карн, впрочем, почти сразу же неслышно подошел к нему и остановился рядом, тоже глядя на мага с воздетыми руками. Чуть погодя Роран тихо поинтересовался, стараясь, чтобы его не услышали даже те, кто стояли за спиной:

— Ты можешь его убить?

— Придется попробовать, — прошептал в ответ Карн и вытер губы тыльной стороной ладони. Он был явно встревожен; на лбу у него выступили крупные капли пота.

— Если хочешь, для начала можем его пугнуть. Он вряд ли успеет нас уничтожить с помощью магии до того, как

мы прикончим его телохранителей, а может, и ему самому меч в сердце воткнем.

— Нет, не надо. Откуда тебе знать, на что он способен? Нет уж. За магов отвечаю я, мне с ними и дело иметь.

— А мы тебе ничем помочь не можем?

Карн нервно усмехнулся.

— Можете попытаться выпустить в него несколько стрел. Это его, по крайней мере, отвлечет, и он, вполне возможно, совершит какую-нибудь ошибку. Но в любом случае постарайтесь не вставать между нами! Это небезопасно — ни для вас, ни для меня.

Роран переложил молот в левую руку, а правой обнял Карна за плечи.

— Все у тебя получится, дружище. Ты вспомни: этот маг вовсе не так уж умен. Ты же провел его один раз, значит, сумеешь и снова его провести.

— Я помню.

— Ну, тогда удачи тебе.

Карн коротко кивнул и двинулся к фонтану посреди площади. Вода в фонтане переливалась в солнечных лучах, точно горсть бриллиантов.

Горбоносый маг тоже направился к фонтану, стараясь каждый шаг делать одновременно с Карном. Когда они оба остановились, между ними было примерно футов двадцать.

С того места, где стоял Роран, казалось, что Карн и вражеский маг просто разговаривают о чем-то друг с другом. Однако они были слишком далеко, и Роран даже догадаться не мог, о чем они говорят. Затем оба заклинателя как-то странно вздрогнули и застыли, словно их обоих пронзили кинжалом.

Именно этого Роран и ждал. Он понял, что теперь между ними начался поединок разумов, и сейчас оба заклинателя слишком заняты, чтобы обращать внимание на то, что творится вокруг.

— Лучники! — рявкнул он. — Туда и туда! — И он указал на две противоположные стороны площади. — Всадите столько стрел в этого пса-предателя, сколько сможете, но не вздумайте попасть в Карна! Иначе я вас живыми Сапфире скормлю!

Воины в алых плащах неловко переступали с ноги на ногу, глядя, как две группы лучников проходят через площадь, но никто в отряде Гальбаторикса не нарушил строя, никто и шага не сделал, чтобы воспрепятствовать проходу варденов.

«Они, должно быть, очень уверены в могуществе этой ручной гадюки!» — озабоченно думал Роран, не сводя с вражеского мага глаз, в которого вскоре с обеих сторон полетели десятки коричневых, с гусиным оперением стрел. На мгновение у Рорана даже появилась надежда, что варденским лучникам удастся его прикончить. Но футах в пяти от горбоносого мага стрелы останавливались в воздухе и, задрожав, падали на землю, словно налетев на каменную стену.

Роран нервно покачался с пятки на носок. Он был не в силах стоять спокойно и ненавидел эту необходимость ждать и ничего не делать, когда его другу грозит опасность. Мало того, с каждой минутой у лорда Холстеда появлялось все больше возможностей выяснить, что происходит в его городе, и дать соответствующий отпор захватчикам. Роран понимал, что, если варденны намерены избежать сокрушительного поражения со стороны превосходящих сил противника, им необходимо постоянно поддерживать в солдатах Гальбаторикса ощущение неуверенности, непонимания того, что им следует делать. И Роран, повернувшись к своим воинам, сказал:

— Половина — на цыпочки! Попробуем хоть что-нибудь сделать, пока Карн, рискуя жизнью, старается спасти наши головы. Попытаемся обойти этот отряд с фланга. Половина пойдет со мной — мы исчезнем тихо, незаметно, на цыпочках, — а остальные останутся на месте. Командовать ими будешь ты, Дельвин. Вряд ли солдаты успели блокировать все улицы, так что, когда мы тихо исчезнем, ты, Дельвин, со своими ребятами постараешься пройти мимо этих солдат по краю площади, а затем, сделав петлю, вы вернетесь назад и нападете на них с тыла. А мы постараемся отвлечь их, неожиданно вынырнув вон оттуда. В таком случае им попросту не удастся оказать ни нам, ни вам достойного сопротивления. А если кто-то из них попытается

убежать, пусть бежит. Нам в любом случае не потребуется слишком много времени, чтобы их всех перебить. Поняли?.. Ну, тогда давайте, давайте, давайте!

Вардены быстро разделились, и Роран со своей группой незаметно исчез в переулке, огибая площадь справа, а Дельвин почти в открытую двинулся в сторону солдат по левому ее краю.

Когда оба их отряда почти поравнялись с фонтаном посреди площади, Роран, выглянув из-за угла, заметил, что вражеский заклинатель быстро посмотрел в его сторону. Это был мимолетный, летучий взгляд, однако он все-таки на какую-то долю секунды отвлек горбоносого мага от дуэли с Карном. Когда же горбоносый вновь уставился на Карна, его злобный оскал превратился в страшную застывшую маску. На нахмуренном лбу и на шее стали вздуваться жилы. Казалось, даже голова у него раздулась и так налилась кровью, что лицо приобрело ярко-красный оттенок.

— Нет! — провыл он и выкрикнул что-то на древнем языке, но Рорану эти слова знакомы не были.

Секунду спустя и Карн тоже что-то выкрикнул, и на какое-то мгновение их голоса слились в таком страшном вопле ужаса, отчаяния, ненависти и ярости, что Роран нутром почувствовал: их поединок пошел не по правилам и сейчас произойдет нечто ужасное.

И оказался прав. Последовала вспышка синего огня, и Карн исчез. А на том месте, где он только что стоял, возникла огромная белая куполообразная оболочка, которая накрыла собой всю площадь так быстро, что Роран и глазом мигнуть не успел.

Мир почернел. Невыносимая жара обрушилась на Рорана. Ему казалось, что все вокруг извивается, меняя свои очертания, не давая ему сделать нормально ни шагу.

Молот как бы сам собой вывернулся у него из руки, в правом колене вдруг возникла страшная боль. Потом какой-то твердый предмет с размаху заткнул ему рот, и он почувствовал, что у него, видимо, выбит зуб, так как рот сразу наполнился кровью.

Когда Роран наконец прекратил свои беспомощные попытки двигаться в этом ошалевшем пространстве, то

оказалось, что он находится на том же месте, где и стоял. Только теперь он валялся на животе, а голова так кружилась, что он даже встать не мог. Впрочем, чувства и разум вскоре к нему вернулись, и он увидел перед собой какую-то гладкую, серо-зеленую каменную плиту — такими плитами была вымощена вся площадь, — почуял запах свинца, которым заливали здесь брусчатку вместо обычного раствора, и почувствовал боль и жжение во всем теле от бесчисленных ушибов и ссадин. Единственный звук, который он оказался способен различить, был стуком его собственного сердца.

Когда же Роран попытался вздохнуть, то часть крови, наполнявшей его рот, попала ему в легкие, и он, задыхаясь, закашлялся и сел прямо, выплевывая комки темной мокроты. Выбитый зуб — это был один из резцов — тоже вылетел у него изо рта и упал на мостовую; зуб выглядел каким-то необычайно белым на фоне кровавых сгустков. Роран взял его пальцами и внимательно осмотрел; конец зуба, похоже, отломился, но корень и остальная часть уцелели, так что он, попросту облизнув зуб, воткнул в десну на прежнее место, морщась от боли.

Затем он встал на ноги и понял, что неведомая сила швырнула его о каменное крыльцо одного из тех домов, что окружали площадь. Рядом валялись вардены из его отряда, разбросав в стороны руки и ноги, лишившись мечей и шлемов.

И в который уже раз Роран в душе порадовался тому, что в качестве оружия использует молот, ибо многие вардены во время этого странного то ли взрыва, то ли затмения ухитрились напороться на собственные клинки или заколоть своих же товарищей.

«А кстати, где же мой молот?» — запоздало спохватился Роран и принялся шарить по земле, пока не обнаружил рукоять молота, торчавшую из-под ног лежавшего рядом воина. Он вытащил молот и огляделся.

По всей площади были разбросаны солдаты Гальбаторикса и вардены. От фонтана и вовсе ничего не осталось, кроме горстки мелких камней, из-под которых неровными толчками била вода. Рядом с бывшим фонтаном — там,

где стоял Карн, — лежал почерневший скорченный труп. Его дымящиеся конечности были крепко стиснуты, точно у мертвого паука. Узнать этого жутко обуглившегося человека не было никакой возможности, казалось, что это скорченное черное существо никогда и не было человеком. А вот горбоносый маг каким-то необъяснимым образом уцелел. Он по-прежнему стоял на своем месте, хотя магический взрыв и лишил его верхней одежды, оставив на нем только штаны.

Неудержимый гнев охватил Рорана. Совершенно не думая о собственной безопасности, он, пошатываясь, двинулся к центру площади, твердо намеренный раз и навсегда с этим магом покончить.

Но голый по пояс заклинатель продолжал стоять без движения, даже когда Роран, шаркая ногами, подошел к нему совсем близко. Подняв молот, Роран перешел на бег и даже издал воинственный клич, который, впрочем, прозвучал так слабо, что даже он сам с трудом его расслышал.

А маг по-прежнему и не думал защищаться.

Только теперь Роран окончательно понял, что этот заклинатель не сдвинулся ни на дюйм с момента взрыва. Он словно окаменел, превратился в собственную статую, внезапно перестав быть живым человеком.

Кажущееся равнодушие заклинателя при виде приближавшегося к нему Рорана и его необычное поведение — точнее, отсутствие какого бы то ни было поведения, — совершенно сбили Рорана с толку, и он уже замахнулся молотом, чтобы попросту размозжить магу голову, прежде чем тот выйдет из этого странного ступора. Однако осторожность взяла верх, охладив желание Рорана немедленно отомстить, и он, замедлив шаг, остановился футах в пяти от мага.

И правильно сделал.

Если издали этот заклинатель и выглядел вполне нормально, то, подойдя ближе, Роран увидел, что кожа его обвисла, покрылась морщинами, как у древнего старика, но самое главное — стала какой-то жесткой, точно шкура давно убитого зверя, сильно потемнела и с каждой секундой становилась все темнее, словно все его тело подверглось

обморожению. При этом грудь мага вздымалась в такт дыханию, а глазные яблоки вращались в глазницах, как живые! Но все остальное в нем, похоже, утратило способность двигаться.

И пока Роран остолбенело смотрел на него, плечи, руки, шея и грудь мага начали как-то неприятно съеживаться, сквозь кожу отчетливо проступили кости — от ключиц до тазобедренных суставов, — а живот повис, как пустой бурдюк. Губы запали, обнажая желтые зубы словно в мерзкой злобной ухмылке, а глазные яблоки стали сплющиваться, точно нажравшиеся клещи, на которых наступили ногой, и начали проваливаться внутрь черепа вместе с окружавшей глаза плотью.

А вот дыхание мага — какое-то паническое, присвистом напоминающее звук пилы, — прервалось, но так и не остановилось.

В полном ужасе Роран отступил назад и, чувствуя, что ступил в какую-то скользкую лужу, посмотрел вниз и увидел, что эта лужа становится все шире. Сперва он решил, что это вода из разрушенного бассейна, но затем понял, что эта жидкость вытекает откуда-то из-под ступней заклинателя.

Рорана охватило отвращение, он выругался и отскочил на сухой участок. Увидев эту лужу, он догадался, *что* сотворил Карн со своим врагом, и ему стало еще страшнее. По всей видимости, благодаря заклятию Карна из тела мага капля по капле вытекала теперь вся имевшаяся в нем влага.

За какие-то несколько секунд магия превратила этого человека в узловатое подобие собственного скелета, завернутого в твердую черную шкуру. Заклинатель мумифицировался так, словно его на сотню лет оставили в пустыне Хадарак, подвергнув воздействию жаркого солнца, иссушающих ветров и вечно движущихся песков. Хотя он был уже почти наверняка мертв, но почему-то все никак не падал. Магия Карна продолжала держать его в вертикальном положении: жуткий ухмыляющийся призрак, вполне соответствующий самому страшному ночному кошмару. Такого Рорану даже на поле боя никогда видеть не доводилось.

Затем верхняя оболочка этого иссушенного существа затрепетала, стала расплываться и как бы растворилась, превратившись в тонкую серую пыль, туманным облачком неторопливо слетевшую с его костей. Это облачко, проплыв в воздухе, осело на поверхности собравшейся внизу лужи, точно пепел от лесного костра. То же самое произошло с остатками мускулов и костями, затем в пыль обратились окаменевшие внутренние органы и разрушилось то немногое, что еще оставалось от тела горбоносого мага. Все это превратилось в небольшой холмик праха, расплывавшийся на поверхности той жидкости, что некогда поддерживала в теле жизнь.

Роран оглянулся на обгорелый труп Карна и сразу же отвернулся — ему невыносимо было видеть останки своего верного друга. «По крайней мере, ты ему отомстил», — подумал он. Потом, стараясь не думать больше о гибели Карна, Роран сосредоточился на самой насущной проблеме — на тех солдатах, что медленно поднимались сейчас с земли на южном краю площади.

Вардены, впрочем, тоже начинали вставать, и Роран крикнул:

— Скорей! За мной! Лучшей возможности у нас не будет! — Некоторые вардены были серьезно ранены, и он приказал: — Помогите раненым встать и поставьте в центре, но пусть никто не отстает и никто здесь не остается! Никто! — Он чувствовал, как дрожат у него губы, да и голова раскалывалась от боли, словно накануне он пил всю ночь.

Услышав его призыв, вардены стали быстрей подниматься с земли и поспешили к нему. Когда они построились, образовав довольно широкую колонну, Роран вместе с Балдором и Дельвином, которые тоже были до крови исцарапаны и здорово помяты, двинулся вперед во главе своего войска.

— Карн погиб? — спросил Балдор.

Роран кивнул и поднял свой щит. Остальные последовали его примеру, образовав нечто вроде мощной движущейся стены, своей непробиваемой стороной обращенной к врагу.

— Хорошо бы у Холстеда под рукой не оказалось другого мага! — пробурчал Дельвин.

Как только вардены приготовились к атаке, Роран крикнул:

— Вперед! Марш! — и они двинулись через площадь.

То ли командир у имперских воинов был хуже, то ли сами они сильней пострадали от взрыва, но отчего-то они не сумели так же быстро, как вардены, прийти в себя и напоминали скорее растерянную толпу.

Роран что-то проворчал и, пошатываясь, отступил на шаг назад, когда в его щит вонзилось копье. Рука, державшая щит, сразу онемела, и он, опустив щит и размахнувшись, ударил молотом по застрявшему копью. Но молот отскочил от древка, не сломав его!

Какой-то солдат, возможно, тот же самый, что и метнул копье, воспользовался этим и с мечом в руке бросился на Рорана, метя ему в шею. Роран попытался поднять щит вместе с копьем и закрыться, но не смог, и, чтобы защитить себя от удара, ему пришлось молотом парировать удар направленного в него меча.

Но и это отчего-то вышло у него неудачно. Роран почти не видел острия меча, и удар пришелся мимо. Тут бы он, наверное, и погиб, если бы костяшки его пальцев, сжимавшие *молот, не скользнули по тупому* краю лезвия и не отвели меч на несколько сантиметров в сторону.

Огненная полоса боли ожгла правое плечо Рорана. Перед глазами у него вспыхнул желтый огонь, в боку точно молнии заплясали. Правое колено подогнулось, и он упал ничком.

Под ним был камень. Вокруг — ноги сражавшихся. Эти ноги то и дело спотыкались о его тело, но ему некуда было отползти, чтобы укрыться от ударов. Собственное тело казалось Рорану раскисшим, не способным сопротивляться и действовать; у него было такое ощущение, словно он, как муха, угодил в вязкий мед.

«Слишком медленно, слишком, — думал он, тщетно пытаясь высвободить руку из-под щита и снова встать на ноги. Если он так и останется лежать на земле, то его либо проткнут мечом, либо затопчут. — Слишком медленно!»

Затем он увидел, как прямо перед ним рухнул на землю солдат, зажимая рану в животе, а потом и второй.

Кто-то схватил Рорана сзади за кольчугу и поставил на ноги. Обретя почву под ногами, он оглянулся и увидел, что это Балдор.

Извернувшись, Роран быстро осмотрел место, куда его ударил мечом солдат. Пять звеньев кольчуги были прорваны, но в целом она держалась. Несмотря на то что из раны обильно текла кровь, а шею и плечо терзала жгучая боль, он решил, что ранен отнюдь не смертельно, и не стал даже выяснять, так ли это в действительности. Правая рука вполне действовала — этого, по крайней мере пока, было ему вполне достаточно, чтобы продолжать схватку. Да, собственно, только это в данный момент его и заботило.

Кто-то сунул ему другой щит в замену прежнего, и он, прижав его к плечу, снова пошел в атаку, заставляя солдат Гальбаторикса пятиться под натиском превосходящей силы варденов и отступать по широкой, выходящей на площадь улице.

Вскоре солдаты не выдержали и побежали. Они разбегались по бесчисленным боковым улочкам и переулкам, и Роран остановился.

Затем он отправил назад пятьдесят варденов, приказав им закрыть ворота и саллипорт и тщательно охранять их ото всех, кто вздумал бы преследовать отряд Рорана, проникший в самое сердце Ароуза. Таким образом, большая часть здешнего войска оказалась бы у внешних стен города, ибо оно было отправлено туда, чтобы отражать атаки варденов, и в центральную часть Ароуза доступа не имело бы. Рорану вовсе не хотелось, имея при себе столь малочисленный отряд, сражаться со всей армией, которой располагал лорд Холстед. Это было бы чистым самоубийством.

После победы на площади вардены почти не встречали сопротивления. Они продвигались по улицам центральной части города к огромному и весьма выгодно расположенному замку лорда Холстеда, правителя Ароуза.

Перед дворцом раскинулся изысканной красоты двор с искусственным озером, по которому плавали гуси и белые лебеди. Дворец был непохож на все прочие здания в городе. Он отличался изысканной, хотя и несколько прихотливой архитектурой — открытыми арочными проходами,

колоннадами и белыми балконами-верандами, предназначенными для танцев и обедов на воздухе. В отличие от центрального замка Белатоны, этот дворец явно строили для удовольствия и радости, а не для защиты от врага.

«Они, должно быть, считали, что город так хорошо укреплен, что никто не сможет преодолеть его стены», — думал Роран.

Завидев варденов, стражники и солдаты, слонявшиеся по двору — их было, должно быть, несколько десятков, — с воинственными криками бросились на них.

— Главное — не разбредаться! — приказал своим людям Роран.

Минуту или две во дворе слышался только звон мечей. Гуси и лебеди с тревожными криками били по воде крыльями, но никто из них так и не решился покинуть свое надежное убежище.

Варденам не понадобилось много времени, чтобы оттеснить охрану замка и ворваться во дворец. Его стены оказались богато украшены живописью. Причем расписаны были не только стены, но и потолок, и даже на полу был выложен прихотливый узор. Комнаты были обставлены *роскошной резной* мебелью, а карнизы и плинтусы позолочены. Рорана это богатство просто ошеломило — он такого и представить раньше себе не мог. Вся их с отцом ферма, на которой он вырос, стоила меньше, чем какой-нибудь позолоченный стул в этом великолепном доме!

В открытую дверь он заметил трех служанок, которые, подобрав пышные юбки, со всех ног бежали по длинному коридору.

— Эй, не дайте им удрать! — крикнул он варденам, и человек пять, бросившись вдогонку за женщинами, успели перехватить их, прежде чем те добрались до конца коридора. Женщины пронзительно вопили и яростно сопротивлялись, царапая своих пленителей. — Хватит! — рявкнул Роран, и женщины, оказавшись перед ним, мгновенно перестали драться и царапаться, но все еще продолжали жалобно хныкать. Самая старшая из них, дородная матрона с зачесанными назад и собранными в довольно неопрятный узел седыми волосами и связкой ключей на поясе,

показалась Рорану вполне разумной, он сразу к ней и обратился: — Где лорд Холстед?

Матрона вздрогнула и заявила, гордо задрав подбородок:

— Делайте со мной что хотите, а хозяина своего я ни за что не предам!

Роран подошел к ней почти вплотную.

— Значит, так, слушай меня очень внимательно! — прорычал он. — Ароуз пал, и все вы, в том числе и ты, в наших руках. Во всяком случае, тебе случившегося уже не изменить, так что лучше сразу говори, где Холстед, и мы тебя отпустим, а заодно и этих девиц. Его тебе все равно не спасти, а вот себя ты спасти можешь. — Порванные губы у него так распухли, что ему трудно было внятно произносить слова; на подбородок то и дело стекал ручеек крови.

— Мне моя жизнь не дорога, господин хороший, — сказала женщина с такой решительностью, что ей мог бы позавидовать любой воин.

Роран выругался и так ударил мечом по щиту, что пустой зал тут же откликнулся резким эхом. Женщина вздрогнула, но голову не опустила.

— Ты что, совсем разум утратила? — заорал Роран. — Неужели Холстед тебе дороже собственной жизни? Или, может, ты Империей или Гальбаториксом так дорожишь?

— Ничего не знаю насчет Империи или Гальбаторикса, а вот лорд Холстед всегда был очень даже добр к нам, слугам. И я не желаю, чтобы такие, как ты, его придушили. Грязное, неблагодарное отродье — вот кто вы такие!

— Вон как ты заговорила? — Роран свирепо посмотрел на нее. — А как ты думаешь, долго ли тебе удастся держать язык за зубами, если я позволю моим ребятам вытащить из тебя правду?

— Никто меня говорить не заставит! — заявила она, и Роран почему-то ей поверил.

— А их? — Он мотнул головой в сторону двух других служанок, самой младшей из которых едва ли исполнилось семнадцать. — Неужели ты позволишь, чтобы их на куски резали, желая лишь своего хозяина спасти?

Женщина с отвращением фыркнула и сказала:

— Лорд Холстед находится в восточном крыле дворца. Идите по коридору вон туда, потом пройдете через Желтую Комнату и через цветник леди Галианы, там его и найдете. Это так же определенно, как то, что я стою тут перед вами.

Роран слушал ее с подозрением. Слишком уж быстро она сдалась! Слишком легко перестала сопротивляться! И потом, он заметил, как две другие женщины удивленно переглянулись, и на лицах у них появилось какое-то странное выражение, разобраться в котором он не сумел. «Смущены они, что ли?» — думал он. В любом случае прореагировали они совсем не так, как можно было бы ожидать, если бы эта седоволосая женщина просто выдала своего хозяина врагам. Слишком уж они тихо и покорно вели себя, словно что-то скрывали.

Наименее опытной из них была, конечно, та молоденькая девушка. Она явно не очень-то хорошо умела скрывать свои чувства, и Роран решил надавить именно на нее. Он с чрезвычайно свирепым видом набросился на девицу и неприятным тоном спросил:

— А вот ты, к примеру, не хочешь признаться, что эта тетка только что солгала мне? Где Холстед? Ну, говори!

Девушка открыла рот, потрясла головой, но так и не произнесла ни звука, лишь попыталась чуточку отстраниться от разъяренного Рорана, но один из варденов держал ее крепко.

А Роран, подойдя к ней еще ближе, прижал ее щитом к стене с такой силой, что она невольно выдохнула и перестала дышать, а он еще и всем телом навалился на щит, поднял молот и коснулся им щеки девушки.

— Ты довольно хорошенькая, но сейчас тебе туго придется: я тебе мордочку-то изрядно поуродую. Вряд ли после этого ты найдешь себе приличного женишка, разве что какой-нибудь завалящий старикашка на тебя польстится, когда я тебе все передние зубы выбью. Между прочим, я и сам сегодня зуб потерял, но мне удалось его обратно вставить. Видишь? — И он раздвинул губы, полагая, что изображает на своем лице некое подобие жуткой улыбки. — Впрочем, твои-то зубы я себе оставлю, чтобы у тебя

никакой возможности вставить их обратно не было. Вот уж отличный трофей получится! — И Роран с угрожающим видом слегка взмахнул молотом.

Девушка съежилась и закричала:

— Нет! Прошу вас, господин мой, не бейте меня, я ничего не знаю! Прошу вас! Лорд Холстед был у себя, встречался со своими командирами, а потом они с леди Галианой собирались отправиться по туннелю к причалам и...

— Тхара! Ты что, совсем уж дура? — вскричала седовласая матрона.

— Их там корабль должен был ждать. Но только теперь я не знаю, где мой хозяин. Пожалуйста, не троньте меня, не бейте! Я и правда ничего больше не знаю, господин мой, и потом...

— В покои лорда! — рявкнул Роран. — Где они?

Девушка, рыдая, рассказала, где находятся господские покои.

— Отпустите их, — сказал Роран, когда она умолкла, и три женщины метнулись к выходу, стуча грубыми башмаками по полированному полу.

Роран повел своих людей в ту часть замка, куда указала ему девушка. В коридорах и залах им то и дело попадались толпы полуодетых мужчин и женщин, но никто и не подумал вступить с варденами в сражение. Дворец звенел от криков и женского визга, так что Рорану порой хотелось попросту уши заткнуть.

Вскоре они вышли в некий атриум, в центре которого высилась статуя огромного черного дракона. «Интересно, — подумал Роран, — уж не Шрюкн ли это, уж не дракон ли самого Гальбаторикса?» Когда он поравнялся с этой статуей, что-то просвистело в воздухе и с силой ударило его в спину.

Он упал, ударившись о ближайшую каменную скамью, и от страшной боли вцепился в ее край.

Такой жуткой боли Роран еще никогда не испытывал. Она была настолько сильна, что он, наверное, сам отсек бы себе руку, лишь бы эту боль приглушить. Казалось, будто в спине у него кто-то поворачивает раскаленную докрасна кочергу.

Он не мог пошевелиться...

Он не мог дышать...

Даже малейшее движение причиняло ему невыносимые страдания.

На лицо Рорана упали какие-то тени. Он услышал, как Балдор и Дельвин что-то кричат, затем, как ни странно, послышался голос Бригмана, только Роран никак не мог разобрать, что он такое говорит.

Боль внезапно стала раз в десять сильнее, и Роран не выдержал. Он взревел во весь голос, но от этого стало только хуже, и тогда невероятным усилием воли он заставил себя замереть и не шевелиться. Слезы ручьем текли из его зажмуренных глаз.

Потом он снова услышал голос Бригмана; тот говорил ему:

— Роран, тебе в спину стрела угодила. Роран, ты меня слышишь? Мы попытались схватить того, кто стрелял, но он убежал.

— Больно... — задыхаясь, прошептал Роран.

— Это потому, что стрела тебе ребро сломала. И это даже хорошо, иначе она бы тебе легкое насквозь проткнула. А если бы на дюйм выше или ниже, она могла бы тебе и позвоночник перебить.

— Вытащи ее! — велел Роран сквозь стиснутые зубы.

— Нельзя: у нее наконечник зазубренный. И дальше протолкнуть ее мы тоже не смогли. Придется ее вырезать. У меня в таких делах кое-какой опыт имеется, так что, если ты мне доверяешь, так я готов ножом поорудовать. Тогда мы прямо сейчас и сможем ее извлечь. А если не хочешь, тогда, конечно, можешь и подождать, пока мы какого-нибудь целителя отыщем. Тут, во дворце, наверняка такой найдется.

Хотя Рорану чрезвычайно не хотелось оказываться во власти Бригмана, терпеть эту невыносимую боль он тоже больше не мог.

— Делай все здесь. Балдор...

— Да?

— Возьми пятьдесят человек и во что бы то ни стало отыщи Холстеда. Что бы ни случилось, он убежать не должен! Дельвин... останься со мной.

Последовала короткая дискуссия между Балдором, Дельвином и Бригманом, но до Рорана доносились лишь отдельные слова. Затем большая часть варденов покинула атриум, и после их ухода там стало значительно тише.

По настоянию Бригмана, вардены притащили из соседней комнаты несколько стульев, разломали их на куски и развели костер прямо на вымощенном камнями полу перед статуей дракона. В огонь сунули острие кинжала, которым, как понял Роран, Бригман и собирался расширить рану и вычистить ее после того, как вытащит стрелу, чтобы он, Роран, не истек кровью до смерти.

Лежа на каменной скамье, Роран, дрожа от боли и напряжения, все свое внимание постарался сосредоточить на том, чтобы дышать ровно, медленно и неглубоко — так дыхание причиняло ему несколько меньше страданий. Это было трудно, но он постарался отвлечься и думать о чем-то другом. То, что уже случилось, и то, что еще может с ним случиться, значения не имело. В данный момент важно было лишь равномерно вдыхать и выдыхать воздух носом.

Он почти уже терял сознание, когда четверо мужчин подняли его со скамьи и положили на пол лицом вниз. Кто-то сунул ему в рот кожаную перчатку, больно задев разбитые губы, а еще чьи-то грубые руки с силой прижали его руки и ноги к полу, раздвинув их как можно шире.

Роран оглянулся и увидел, что Бригман стоит на коленях, наклонившись над ним и держа в руках изогнутый охотничий нож. Увидев этот нож, Роран отвернулся, закрыл глаза и что было сил закусил перчатку.

Потом вдохнул.

Выдохнул.

И для него исчезли и время, и память.

ПЕРЕДЫШКА

Роран, сгорбившись, сидел на краешке стола и крутил в руках инкрустированный самоцветами кубок.

Давно спустилась ночь, и единственным источником света в роскошной спальне служили две свечи на столе да неярко горевший огонь в камине, к которому была придвинута кровать с балдахином. Кровать была пуста. Весь замок притих, и было слышно лишь, как потрескивают дрова в камине.

Слабый солоноватый бриз залетал в окно, шевеля белые шторы. Роран повернулся навстречу этому ветерку, ловя воспаленной кожей лица благодатную прохладу.

За окном широко раскинулся Ароуз, окутанный ночной мглой. На улицах и на перекрестках яркими точками светились сторожевые костры, но дома стояли темные, притихшие. Обычно весьма шумные и говорливые жители этого южного города сегодня попрятались по домам. Те, кто сумел, конечно.

Ветерок вскоре утих. Роран отпил еще немного из своего роскошного кубка, стараясь вливать вино прямо в глотку и не прикасаться разбитыми губами к краям. Больно было даже глотать. Капля вина все же попала на трещину в нижней губе, и Роран даже дыхание затаил, такой острой была боль.

Поставив кубок на стол рядом с полупустой бутылкой вина и блюдом, на котором лежали куски хлеба и баранины, Роран встал и посмотрелся в зеркало, висевшее на стене между двумя горевшими свечами, но ничего хорошего там не увидел. На него смотрело измученное, осунувшееся, покрытое ссадинами, синяками и запекшейся кровью лицо.

Роран досадливо поморщился и отвернулся. Ладно, пусть Насуада сама с ним связывается, когда ей будет угодно. А он подождет. Все. Он больше ничего сейчас делать не может, даже лечь спать, так сильно у него все болит.

Роран снова взял в руки кубок и стал разглядывать его со всех сторон.

Время шло.

Была уже глубокая ночь, когда поверхность зеркала вдруг задрожала, точно лужица ртути, и Рорану даже пришлось протереть усталые глаза, чтобы убедиться, что ему это не мерещится. Спать все-таки хотелось ужасно.

В зеркале возникло лицо Насуады, красивое, с правильными чертами лица и, как всегда, чрезвычайно серьезное.

— Роран? — вместо приветствия сказала она, и он откликнулся:

— Госпожа Насуада? — И постарался отодвинуться от стола как можно дальше, поскольку поверхность зеркала оказалась от него всего в нескольких дюймах.

— Тебя взяли в плен?

— Нет.

— В таком случае, насколько я понимаю, Карн либо мертв, либо ранен.

— Он погиб, сражаясь с другим заклинателем.

— Жаль... Он, по-моему, был весьма порядочным человеком. К тому же у нас слишком мало заклинателей, чтобы мы могли позволить себе их терять. — Она помолчала. — А что Ароуз?

— Город мы взяли.

Брови Насуады поползли вверх.

— Правда? Это просто невероятно! Расскажи мне, как это было. Все ли пошло по плану?

Стараясь как можно меньше шевелить губами и открывать рот, ибо всякие разговоры вызывали у него нестерпимую боль, Роран дал Насуаде нечто вроде краткого отчета о том, что было сделано с момента его прибытия в Ароуз. Рассказал он и о покушении на его жизнь, и о том одноглазом убийце, что прокрался к нему в палатку

и утверждал, что он его друг. А потом, как они разрушили мельничные плотины, как с боем пробивались через весь город к дворцу лорда Холстеда; рассказал о дуэли Карна с вражеским магом.

А под конец упомянул о том, как ему выстрелили в спину и как Бригман потом вырезал из его плоти застрявший там наконечник стрелы.

— Мне здорово повезло, что Бригман под рукой оказался. Он отлично со всем справился. Если бы не он, я бы практически совсем из строя вышел. Да еще и подходящего целителя искать бы пришлось. — Роран внутренне содрогнулся, на мгновение вспомнив, как Бригман чистил ему рану, словно вновь ощутив прикосновение раскаленного металла к своей спине.

— Надеюсь, вы все-таки нашли целителя, который сумел о тебе позаботиться?

— Да, нашли, но позже. И магией он совсем не владел.

Насуада откинулась на спинку стула и некоторое время внимательно на него смотрела.

— Я просто удивлена, что у тебя еще есть силы со мной разговаривать, — промолвила она. — Вы, жители Карвахолла, и впрямь сделаны из прочного материала.

— Ну, а захват дворца, — снова заговорил Роран, — обеспечил нам контроль и надо всем городом. Хотя, конечно, в Ароузе еще полно мест, где мы не чувствуем себя достаточно уверенно. Нам оказалось не так уж сложно убедить здешних солдат сдаться, как только они поняли, что мы, буквально проскользнув у них за спиной, заняли весь центр города.

— А что же лорд Холстед? Его вы тоже в плен взяли?

— Холстед пытался бежать из дворца, когда мои люди случайно на него наткнулись. При нем было всего несколько охранников — совершенно недостаточно, чтобы сражаться с нашим отрядом. В итоге он и его свита спрятались в винном погребе и забаррикадировались там... — Роран потер большим пальцем выпуклый рубин, вделанный в стенку кубка. — Сдаваться они не желали, а штурмовать этот погреб мне не хотелось — это могло

слишком дорого нам стоить. Так что... я приказал людям притащить с кухни горшки с маслом, поджечь их и бросить внутрь.

— Ты хотел попросту выкурить их оттуда?

Роран кивнул.

— Ну да. Между прочим, некоторые из них выбежали почти сразу, как только дверь загорелась. Но Холстед ждал слишком долго. В общем, мы его на полу нашли. Он задохнулся в дыму.

— Как это неудачно!

— Задохнулась и его дочь, леди Галиана. — У Рорана перед глазами тут же снова возникла эта печальная картина: маленькая, изящная женщина, распростертая на полу, в прелестном платье цвета лаванды, расшитом оборками и лентами.

Насуада нахмурилась.

— Кто наследует Холстеду в графстве Фенмарк?

— Тарос Быстрый.

— Тот самый, что вчера пытался атаковать лагерь варденов?

— Тот самый.

День уже клонился к вечеру, когда вардены привели к нему Тароса. Маленький бородатый воин был, похоже, совершенно ошарашен случившимся, хотя и не ранен. Шлем свой с ярким плюмажем он где-то потерял. И Роран, лежа ничком на мягкой кушетке, чтобы пощадить раненую и изрезанную ножом Бригмана спину, сказал ему:

— По-моему, ты мне должен бутылку вина.

— Как это вам удалось? — спросил Тарос вместо ответа, и в голосе его прозвучало отчаяние. — Ведь Ароуз был неприступен! Никто, кроме драконов, не мог разрушить наши стены! А ты вон что натворил... Нет, ты не просто человек, ты что-то другое... — И Тарос умолк, не в силах продолжать.

— А как Тарос отреагировал на смерть своего отца и сестры? — спросила Насуада.

Роран подпер голову рукой и вытер рукавом скользкий от пота лоб. Его знобило, но он почему-то все время потел. Руки и ноги у него были совершенно ледяными.

— Об отце он, похоже, не слишком печалился. А вот о сестре... — Роран даже поморщился, вспомнив, какой поток ругательств и оскорблений обрушил на него Тарос, когда узнал, что Галиана мертва.

— При первой же возможности я тебя непременно убью! — пообещал он Рорану. — Я отомщу тебе за смерть сестры! Клянусь!

— Ну, тогда тебе лучше поторопиться, — ответил Роран. — Тут еще одна особа меня убить обещала, и если уж этому действительно суждено осуществиться, так, скорее всего, она будет первой.

— Роран?.. Роран?.. Что с тобой?

Слегка удивившись, Роран понял, что это Насуада зовет его, упорно повторяя его имя. Он снова посмотрел на нее — в раме зеркала она выглядела как собственный портрет — и с трудом заставил себя снова заговорить.

— Тарос на самом-то деле вовсе не граф Фенмарка, — сказал Роран. — Он младший из семи сыновей Холстеда, но все его братья либо бежали, либо скрываются. Так что на сегодняшний день он остался единственным, кто может предъявить права на этот титул. Он, кстати сказать, оказался для нас неплохим посредником в переговорах со старейшинами города. Хотя без Карна я, конечно, никак не могу определить, кто из них присягал Гальбаториксу на верность, а кто нет. Представители знати, по-моему, почти все ему клятву давали. Ну и воины, конечно. А вообще узнать, кто именно, совершенно невозможно.

Насуада задумчиво поджала губы.

— Ясно... Даутх — ближайший к вам город Сурды. И я попрошу леди Аларис — ты ее, по-моему, уже как-то встречал — послать оттуда в Ароуз кого-нибудь из магов, хорошо умеющих читать чужие мысли. Знатные лорды по большей части держат при себе хотя бы одного такого человека, и я думаю, что Аларис будет нетрудно выполнить нашу

просьбу. К сожалению, когда мы пошли в поход на Пылающие Равнины, король Оррин взял с собой всех сколько-нибудь стоящих заклинателей, а это значит, что тот, кого к нам пришлет Аларис, вряд ли будет владеть какими-либо еще магическими умениями, кроме способности читать чужие мысли. Так что нам по-прежнему будет очень трудно противостоять тем заклинателям, что верны Гальбаториксу. Они постараются на каждом шагу ставить нам палки в колеса своими заклятиями.

Слушая Насуаду, Роран невольно взглянул на темную винную бутылку, стоявшую на столе.

«А Тарос, случайно, не подсыпал туда яду?» — подумал он, но отчего-то не встревожился даже от этой неприятной мысли.

А Насуада тем временем продолжала что-то ему говорить:

— Надеюсь, ты держал варденов в узде и не позволил им бесчинствовать в Ароузе? Устраивать поджоги, грабить, насиловать и так далее?

Роран настолько устал, что ему не удалось дать ей достойный ответ, и он в конце концов ответил:

— Нас осталось слишком мало, чтобы творить какие-то злодеяния. Все не хуже меня понимают, что нам город не удержать, если мы хоть в чем-то слабину дадим.

— Ну что ж... Это и хорошо, и плохо... Скольких вы потеряли во время штурма?

— Сорок два человека.

Некоторое время оба молчали. Потом Насуада спросила:

— У Карна была какая-то семья?

Роран пожал плечами — точнее, слегка повел своим левым плечом.

— Не знаю. Он, по-моему, откуда-то с севера, только мы с ним никогда о нашей прежней жизни не говорили... о довоенной... Да нам это никогда и не казалось необходимым.

Внезапный приступ боли заставил Рорана сильно закашляться. Он все кашлял и кашлял, склоняясь над столом, пока не коснулся столешницы лбом. Боль волнами накатывала на него — со спины, из плеча, из израненного

рта. Он так мучительно кашлял, что вино в бокале выплеснулось через край и обрызгало ему руку.

Наконец он потихоньку пришел в себя, и Насуада сказала:

— Роран, тебе необходимо позвать целителя, пусть он тебя осмотрит. Ты нездоров! Тебе вообще надо в постели лежать.

— Нет. — Он вытер рот тыльной стороной ладони и посмотрел на нее. — Меня уже исцелили. Все, что было можно, сделали. А я не ребенок, чтобы вокруг меня кудахтали.

Насуада поколебалась, потом кивнула:

— Хорошо, поступай как знаешь.

— А как поступать-то? — спросил он. — Нам что, навечно тут оставаться?

— Вообще-то мне хотелось, чтобы ты как можно скорее вернулся обратно — как только возьмешь Ароуз. И ты это уже сделал! Но пока что ты просто не в состоянии скакать верхом в Драс-Леону. Тебе придется подождать, пока...

— Не буду я ждать! — прорычал Роран. Схватив зеркало, он поднес его почти к самому лицу и сердито продолжал: — И перестань надо мной кудахтать, Насуада! Я вполне могу держаться в седле и скакать достаточно быстро. Я здесь оказался по одной-единственной причине — понимая, что Ароуз представляет серьезную угрозу для варденов. Но теперь эта угроза устранена — я ее устранил! — и я не намерен дольше здесь торчать. И не имеет значения, ранен я или нет! В конце концов, моя жена и мой будущий ребенок сейчас в лагере, который находится всего лишь в миле от Муртага и его дракона!

Голос Насуады прозвучал более жестко:

— Ты отправился в Ароуз, потому что я тебе это приказала. — И она уже более спокойно прибавила: — Впрочем, я тебя понимаю. Ты можешь вернуться обратно прямо сейчас, если в состоянии это сделать, конечно. И теперь, разумеется, нет ни малейшей необходимости в том, чтобы день и ночь не слезать с седла, как это было на пути в Ароуз. Хотя, если собираешься возвращаться, то особенно не мешкай. И веди себя разумно. Мне совершенно не хочется объяснять потом Катрине, что ты сам

себе навредил, поскольку слишком спешил... Кого, как по-твоему, мне следовало бы назначить вместо тебя, когда ты уедешь из Ароуза?

— Капитана Бригмана.

— Бригмана? Но почему? По-моему, у тебя с ним возникли... определенные разногласия?

— Ну и что? Он помог сохранить порядок в отряде, когда меня подстрелили. У меня голова тогда не больно-то хорошо варила...

— Естественно.

— Так вот, Бригман позаботился, чтобы не было паники, чтобы никто не растерялся. И он руководил всеми, когда я застрял в этой чертовой музыкальной шкатулке — замке Холстеда. Он там единственный, кто имеет опыт командования людьми. Без него мне не удалось бы установить контроль над Ароузом. И людям он нравится. К тому же он неплохо мыслит стратегически. И организатор тоже неплохой. По-моему, он там отлично со всем управится.

— Ну хорошо, пусть будет Бригман. — Насуада посмотрела куда-то в сторону и что-то сказала невидимому для Рорана человеку, затем снова повернулась к нему. — Должна тебе честно признаться, я и не думала, что тебе с таким небольшим отрядом и без помощи дракона и Всадника действительно удастся взять Ароуз! Мне казалось, что невозможно пробить его оборону — ведь там такие могучие стены и укрепления, — да еще и за столь короткое время.

— Тогда зачем же ты меня сюда посылала?

— Потому что нужно было еще *хоть что-то* попробовать, прежде чем отсылать Эрагона и Сапфиру так далеко от нашей армии. А еще потому, что ты способен вопреки всем ожиданиям одерживать верх в таких ситуациях, когда другие дрогнули бы или даже сдались. Так что если *невозможное* и могло осуществиться, то только при твоем участии. В общем, так это и случилось.

Роран негромко фыркнул:

— Интересно, сколько еще раз я буду вот так искушать судьбу, пока не погибну, как Карн?

— Можешь фыркать сколько угодно, но ты же не можешь отрицать собственного успеха. Ты завоевал для нас сегодня величайшую победу, Роран Молотобоец! Точнее, капитан Роран. Ты более чем заслужил это звание. И я безмерно благодарна тебе за все, что ты сделал. Взяв Ароуз, ты освободил нас от необходимости в ближайшем будущем сражаться на два фронта, что почти наверняка грозило нам поражением. Вардены в долгу перед тобой, Роран, и я обещаю тебе: те жертвы, которые вам пришлось принести, не будут забыты!

Роран попытался что-то сказать, но ему это не удалось. Он довольно долго молчал и наконец выдавил из себя:

— Я... я, конечно же, расскажу ребятам, как ты это восприняла, Насуада. Для них это очень важно.

— Да, пожалуйста, расскажи им. А теперь я должна с тобой попрощаться. Поздно уже, ты нездоров. Я и так заставила тебя вести со мной слишком долгую беседу.

— Погоди... — Роран протянул к ней руку и ударился кончиками пальцев о зеркало. — Погоди. Ты не сказала мне, как идет осада Драс-Леоны...

Насуада сразу сникла и посмотрела на него пустыми глазами.

— Плохо. И, похоже, улучшения не предвидится. Ты бы нам очень сейчас пригодился, Молотобоец! Если мы *не придумаем, как разрешить эту ситуацию*, причем в ближайшем будущем, то боюсь все, за что мы боролись, будет потеряно.

ТАРДСВЕАРТУНДИНЗМАХЛ

«У тебя же все хорошо! – воскликнул Эрагон. – Перестань волноваться. И потом, ты все равно ничего сделать не сможешь!»

Сапфира зарычала, продолжая рассматривать свое отражение в озере. Она поворачивала голову и так и этак, тяжело вздыхала, выпуская клубы дыма, которые плыли над водой, точно маленькие грозовые тучки.

«Ты уверен? – спрашивала она, поглядывая на Эрагона. – А что, если больше не отрастет?»

«У драконов чешуя постоянно меняется. Ты же сама это прекрасно знаешь».

«Да, но сама я никогда еще чешуи не теряла!»

Эрагон даже не пытался скрыть улыбку. Он прекрасно знал, что она все равно почувствует, что ему смешны ее волнения.

«Тебе не стоит так волноваться. Да и пятнышко совсем небольшое».

Он протянул руку и ощупал правильной формы «пробоину» на левой стороне морды Сапфиры. Эта дырочка в ее сверкающих доспехах, совсем недавно там появившаяся, была примерно с фалангу его большого пальца и не более дюйма в глубину. На дне ее виднелась синяя кожа.

Эрагон с любопытством потрогал эту кожу кончиком указательного пальца. Она была теплой и мягкой, как брюшко теленка.

Сапфира всхрапнула и отвернулась:

«Прекрати, щекотно!»

Эрагон засмеялся и поболтал ногами в прохладной воде. Он сидел на камне и наслаждался долгожданным отдыхом и покоем.

«Дырочка, может, и не такая большая, — продолжала жаловаться драконiха, — но любой сразу ее заметит! Разве можно ее не заметить? С тем же успехом можно «не заметить» черную тропинку на заснеженном горном склоне».

И Сапфира, скосив глаза, попыталась сама разглядеть столь неожиданно возникшую в ее роскошной чешуе щербину.

Эрагон засмеялся и плеснул в драконiху водой, а затем, чтобы как-то ее утешить, мысленно сказал ей:

«Никто ничего не заметит, уверяю тебя! А потом, даже если и заметит, то сочтет это боевым ранением и решит, что ты стала еще свирепей».

«Ты так думаешь? — Она снова принялась изучать свое отражение в озере. Вода и ее чешуя, отражаясь друг в друге, создавали непередаваемое сияние синих оттенков. — А что, если кому-то придет в голову пырнуть меня в это *незащищенное* местечко клинком? Ведь тогда острие войдет мне прямо в плоть... Может, мне попросить гномов — пусть сделают специальную металлическую пластину, чтобы прикрыть эту дырку, пока чешуя снова не отрастет?»

«По-моему, это будет выглядеть довольно смешно».

«Ты так думаешь?»

«Угу». — Эрагон кивнул, стараясь не рассмеяться.

Сапфира фыркнула:

«Не вижу ничего смешного! Интересно, тебе бы понравилось, если бы у тебя на голове волосы выпадать начали? Или ты потерял бы один из тех жалких маленьких пеньков, которые вы называете зубами? Тогда уж наверняка мне бы тебя утешать пришлось!»

«Наверняка, — легко согласился Эрагон. — Но, с другой стороны, у нас ведь зубы не отрастают заново».

Он легко вскочил с камня и прошелся по берегу к тому месту, где оставил свои сапоги, ступая осторожно и стараясь не поранить ноги об острые камни. Сапфира следовала за ним, мягкая земля поскрипывала под ее когтями.

«Ты мог бы наложить чары, чтобы защитить только одно это место», — укоризненно сказала она, глядя, как он натягивает сапоги.

«Запросто. Ты хочешь, чтобы я прямо сейчас это сделал?»

«Хочу».

Эрагон составил заклинание, пока шнуровал сапоги, и повторил его про себя, а затем, приложив правую ладонь к прорехе в панцире Сапфиры, шепотом произнес его на древнем языке. Слабое лазурное свечение возникло под его ладонью, когда он налагал защитные чары, и он с удовлетворением сказал:

«Ну вот и все. Теперь тебе беспокоиться не о чем».

«За исключением того, что одной чешуи у меня по-прежнему не хватает!»

Эрагон слегка отпихнул ее морду от себя:

«Да ладно тебе. Идем обратно в лагерь».

Они вместе стали подниматься по крутому, осыпавшемуся под ногами берегу озера, и Эрагон, помогая себе, все время цеплялся за корни, торчавшие из земли.

Поднявшись, они увидели перед собой весь лагерь варденов, примерно на полмили раскинувшийся к востоку от них, а к северу от лагеря виднелись приземистые очертания Драс-Леоны. Единственными признаками жизни там были столбы дыма, поднимавшиеся над множеством каминных труб. Как и всегда, Торн, точно кусок материи, свисал с южной крепостной стены возле ворот, сверкая в ярком полуденном свете своей роскошной чешуей. Красный дракон, казалось, спал, но Эрагон по опыту знал, что Торн внимательно следит за каждым движением варденов, и, как только кто-то из них вздумает приблизиться к Драс-Леоне, он сразу же предупредит Муртага и остальных обитателей города.

Эрагон вскочил Сапфире на спину, и драконiха лениво походкой двинулась к лагерю. Там он соскользнул на землю и дальше пошел впереди. Лагерь притих и казался каким-то заторможенным, кое-где негромко и усыпляюще звучала неторопливая беседа, даже боевые флажки безжизненно обвисли в душном безветрии. Единственными существами, которые оказались неподвластны этой всеобщей летаргии, были тощие полудикие собаки. Они слонялись вокруг лагеря, постоянно вынюхивая и высматривая остатки пищи. У некоторых морды и бока были исполосованы

шрамами и царапинами — это были результаты глупого, но, в общем, понятного заблуждения: животные совершенно напрасно полагали, что могут загнать — а может, и съесть — зеленоглазого кота-оборотня, как самую обычную кошку. Когда подобные стычки случались, собаки поднимали такой жалобный визг и вой, что слышно было по всему лагерю, и люди смеялись, видя, как десяток псов, поджав хвост, удирает от одного-единственного кота-оборотня.

Сознавая, что многие оборачиваются, когда они с Сапфирой проходят мимо, Эрагон старался держаться очень прямо и ступать решительно и бодро, расправив плечи, чтобы каждому казалось, что он постоянно исполнен сил и отлично знает, как достигнуть поставленной цели. Варды должны были видеть, что их Всадник по-прежнему *уверен в себе и ни за что* не позволит тоскливым обстоятельствам их нынешнего затруднительного положения выбить его из седла.

«Если бы только Муртаг и Торн куда-нибудь улетели отсюда! — думал Эрагон. — Хотя бы на один денек — нам больше и не нужно. И мы тогда успели бы захватить этот проклятый город».

В общем, осада Драс-Леоны складывалась исключительно неудачно. А брать город штурмом Насуада категорически отказывалась. Она так и сказала Эрагону:

— В прошлый раз тебе едва удалось выйти живым из схватки с Муртагом. Или ты забыл, как он ранил тебя в бедро? Кстати, он обещал, что в следующий раз, когда ваши дорожки пересекутся, он станет еще сильнее, помнишь? Муртаг, конечно, очень противоречив, но я совершенно не склонна верить, что в данном случае он приврал.

— Сила — это далеко не все в поединке магов, — заметил Эрагон.

— Согласна. Но силу сбрасывать со счетов никак нельзя. Кроме того, Муртаг пользуется поддержкой жрецов Хелгринда, а я подозреваю, что среди них далеко не один маг и многие из них весьма искусны. Нет, я не могу рисковать. И не позволю тебе сразиться с этими жрецами, возглавляемыми Муртагом, даже если с тобой отправятся все заклинатели Блёдхгарма и Дю Врангр Гата. До тех пор

пока нам не удастся обманом отвлечь Муртага и Торна, или поймать их в ловушку, или неким образом выиграть определенное существенное преимущество, мы останемся здесь и на Драс-Леону не пойдем.

Эрагон запротестовал, аргументируя тем, что не стоит так сильно задерживать продвижение варденов. Ведь если он не сможет победить Муртага, то разве может он надеяться одержать верх над Гальбаториксом? Но убедить Насуаду ему так и не удалось.

Вместе с Арьей, Блёдхгармом и заклинателями Дю Врангр Гата они строили самые различные планы, искали способ как-то обрести то самое преимущество, о котором мечтала Насуада, но все их планы в итоге были признаны неудачными. Во-первых, потому, что требовали гораздо больше времени и ресурсов, чем имелось в распоряжении варденов. Во-вторых, они никоим образом не могли решить вопрос о том, как убить, взять в плен или прогнать прочь Муртага и Торна.

Насуада даже сходила к Эльве и спросила, не может ли та, воспользовавшись своим особым даром, позволявшим ей чувствовать чужую боль и отчасти предсказывать будущее, связанное с чужой болью, подсказать им, как одолеть Муртага или тайным образом проникнуть в город. Однако девочка с серебряной отметиной на лбу только посмеялась над Насуадой и отослала ее прочь, заявив: «Я никому не обязана подчиняться — ни тебе, Насуада, ни кому бы то ни было еще. Отыщи себе другого *гениального* ребенка, и пусть он выигрывает для тебя сражения, а я этого делать не буду».

В общем, варденам приходилось ждать.

Один день неотвратимо сменял другой, и Эрагон видел, что люди становятся все более угрюмыми и недовольными, а Насуада все сильнее тревожится. Насколько успел понять Эрагон, всякая армия — это ненасытный голодный зверь, который способен рассыпаться на составляющие, если в тысячи его прожорливых пастей регулярно не бросать огромное количество пищи. Если захват новых территорий всегда был связан с тем, что продовольствие попросту отнималось у завоеванных жителей, хотя порой приходилось насильно обчищать амбары и поля, то теперь вардены стали напоминать стаю саранчи, и для поддержания жизни

требовались все новые и новые земли, которые можно было бы обглодать дочиста.

Как только их дальнейшее продвижение замедлялось или останавливалось, сразу же начинали подходить к концу и довольно скудные запасы продовольствия. Варденам оказывались в полной зависимости от того, сколько провизии смогут доставить им из Сурды и тех городов, что были захвачены ими ранее. Какими бы щедрыми ни были жители Сурды, какими бы богатыми ни были завоеванные варденами города, регулярных поставок провизии все равно не хватало, чтобы долго поддерживать огромную армию.

Зная, что вардены преданы своей цели, Эрагон все же не сомневался, если дело дойдет до медленной, мучительной смерти от голода, они так этой цели и не достигнут. Зато Гальбаторикс, несомненно, получит огромное удовольствие, видя, как разбегается огромная армия его врагов, потому как вардены, конечно, предпочтут спрятаться в самых отдаленных уголках Алагейзии и прожить остаток жизни, не опасаясь близкого соседства Империи.

Этот миг еще не наступил, однако он стремительно приближался.

Эрагон опасался подобного исхода и не сомневался, что именно это не дает спать по ночам Насуаде. Каждое утро она казалась все более исхудавшей и изможденной, а под глазами у нее от бессонницы появились мешки, похожие на печально улыбающиеся губы.

Хорошо еще, думал Эрагон, что Рорану удалось избежать тех трудностей, с которыми они встретились при осаде Драс-Леоны. И вообще мысли о двоюродном брате неизменно вызывали в его душе теплое, благодарное чувство. Он восхищался тем, как Роран с небольшим отрядом сумел столь успешно взять Ароуз. Эрагон находил, что Роран не только храбрее, но и, возможно, умнее его. Насуада, конечно же, будет недовольна, но он решил про себя: как только Роран вернется — что при благоприятном стечении обстоятельств должно было произойти через несколько дней, — он незамедлительно применит все свое умение и снабдит брата лучшими средствами магической защиты. Слишком многих друзей и близких людей он уже потерял во время

этой затяжной войны с Империей и уж Рорана-то терять ни в коем случае не собирался.

Он остановился, пропуская троих гномов, яростно о чем-то споривших. На гномах не было ни шлемов, ни эмблем, но Эрагон сразу понял, что они не из клана Дургримст Ингеитум, ибо их аккуратно заплетенные бороды были украшены бусинами (члены Ингеитума таких не носили). Но догадаться, о чем спорили между собой гномы, он не сумел, ибо смог разобрать лишь несколько слов из их гортанного языка. Однако тема спора явно была чрезвычайно важной, судя по тому, как громко они орали, как яростно махали руками и какими непристойными выражениями пользовались. Гномы даже не заметили, что путь им преградили Эрагон и Сапфира.

Дело в том, что — к существенному облегчению Насуады и всех варденов — армия гномов под предводительством их короля Орика прибыла в Драс-Леону на два дня раньше обещанного срока. И теперь в лагере только и говорили что о победе Рорана в Ароузе и прибытии гномов, благодаря чему объединенные силы варденов увеличились почти в два раза, что весьма усиливало вероятность их победы в войне с Империей. Вот только как быть с Муртагом и Торном, охранявшими теперь Драс-Леону?

Вскоре Эрагон заметил Катрину, сидевшую возле своей палатки. Она что-то вязала для будущего младенца, но, увидев его, приветственно махнула рукой и крикнула:

— Привет, братец!

И он тоже приветливо с ней поздоровался. После их с Рораном свадьбы Катрина всегда называла Эрагона «братец», а он ее — «сестрица».

Затем они с Сапфирой не спеша насладились завтраком. Сапфира громко и с аппетитом похрустела костями, а потом удалилась за их палатку, где специально для нее по приказу Насуады была оставлена полоска заросшей травой земли. На каждой стоянке вардены старались обеспечить драконихе подобное уютное местечко, с особым рвением исполняя приказ своей предводительницы.

Сапфира, свернувшись клубком, задремала в теплых лучах полуденного солнца, а Эрагон извлек из седельной

сумки «Домиа абр Вирда» и пристроился в тени свисающего левого крыла дракониха, удобно опершись о ее изогнутую шею и мускулистую переднюю лапу. Свет, просачивавшийся сквозь синюю кожу крыла, и отблески яркой чешуи Сапфиры покрыли его кожу какими-то странными синеватыми пятнами. На страницах старинной книги так и плясали синие солнечные зайчики, мешая разбирать тонкие, угловатые руны, но Эрагон не возражал: удовольствие посидеть вот так, рядышком с Сапфирой, стоило любых неудобств.

Так они просидели, наверно, часа два, пока Сапфира не переварила завтрак, а Эрагон не устал, разбирая прихотливый почерк и сложные мысли монаха Хесланта. Потом от нечего делать они снова прошлись по территории лагеря, осматривая оборонительные сооружения и время от времени останавливаясь, чтобы поболтать с часовыми.

У восточной окраины лагеря, где в основном расположились гномы, их глазам предстало занятное зрелище: какой-то гном, сидя на корточках рядом с ведром воды и закатав до локтя рукава рубахи, лепил из глины круглый шар. У его ног лежала целая куча мокрой глины, и время от времени он помешивал эту глину палкой.

Гном не обращал на них ни малейшего внимания, и лишь через несколько секунд Эрагон узнал в нем... Орика!

— Дерунданн, Эрагон... Сапфира, — приветствовал их Орик, не поднимая глаз.

— Дерунданн, — поздоровался и Эрагон на языке гномов и тоже присел на корточки возле кучки мокрой глины, глядя, как Орик старательно выглаживает и выравнивает желтоватый влажный шар, ловко орудуя большим пальцем. Время от времени гном брал щепотку сухой земли и посыпал ею шар, легонько сдувая остатки.

— Никогда не думал, что мне доведется увидеть, как король гномов, сидя на земле, точно ребенок лепит из глины «пирожки», — сказал Эрагон.

Орик фыркнул, отдувая густые усы, и ехидно ответил:

— А я никогда не думал, что дракон и Всадник будут пялить на меня глаза, когда я делаю Эротхкнурл.

Эрагон знал, что на языке гномов это означает «земляной камень», но все же спросил:

— А что такое «Эротхкнурл»?

— Это тардсвеаргундинзмахл.

— *Тардсвеар*... — Эрагон не смог произнести даже половину этого слова: во-первых, он его не запомнил, а во-вторых, его и выговорить-то было невозможно. — А это...

— Нечто такое, что кажется совсем не тем, чем является на самом деле, — отрезал Орик и показал ему свой глиняный шар. — Вот, например, этот камень, сделанный из земли. Точнее, таковым он будет *казаться*, когда я его закончу.

— Камень, сделанный из земли... Так это магия?

— Нет, это просто умение. Только и всего.

Поскольку ничего больше Орик объяснять не пожелал, Эрагон спросил:

— И как этот... *камень* делается?

— Если проявишь хоть немного терпения, сам увидишь. — Затем, несколько более милостивым тоном, Орик пояснил: — Для начала нужно немного земли.

— Это трудная задача!

Орик глянул на него из-под мохнатых бровей, явно не разделяя столь шутливого отношения к делу.

— Некоторые разновидности земли подходят для этого лучше других. Например, если в земле много песка, она не годится. И потом, в ней должны быть частицы разной величины, чтобы она хорошо слипалась. А также хорошо бы добыть немного глины, как это сделал я. Но самое важное, чтобы в земле было много пепла. — И Орик похлопал рукой по клочку земли, из которой буквально выщипал всю траву. — Видишь?

Эрагон заметил, что земля и впрямь покрыта слоем влажного пепла, более похожего на пыль.

— Почему же это так важно?

— Ах! — досадливо поморщился Орик и провел по носу тыльной стороной ладони, отчего на лице у него остался беловатый след. Затем он снова принялся обтирать свой шар руками, стараясь придать ему максимально симметричную форму. — Ладно уж, объясню. Когда найдешь подходящую землю, ее нужно смочить и замесить, как замешивают тесто, пока не получится густая масса. — Он мотнул головой на кучку глины у себя под ногами. — И вот тут присутствие золы или пепла очень важно. Затем из этого

земляного «теста» ты формируешь шар, вроде вот этого, убирая все излишки и стараясь сделать его абсолютно круглым. Если шар становится липким на ощупь, нужно поступать, как я: обмазывать его сухой землей, чтобы удалить все излишки влаги, и при этом присутствие земли опять же очень важно. Так ты продолжаешь делать, пока шар не станет совершенно сухим и не будет хорошо удерживать форму. Но не настолько сухим, чтобы потрескаться!

Мой Эротхкнурл уже почти достиг нужной формы, и я, завершив эту работу, отнесу его к своей палатке и оставлю на солнце. Солнечный свет и тепло удалят из него остатки влаги. Затем я снова обмажу его влажной землей и осушу — и так раза три или четыре. В итоге поверхность моего Эротхкнурла будет твердой, как шкура кабана Нагры.

— Столько усилий только ради того, чтобы сделать сухой земляной шар? — озадаченно спросил Эрагон. Сапфира полностью разделяла его недоумение.

Орик набрал еще горсть влажной земли и принялся обмазывать ею почти готовый шар.

— Нет, это еще далеко не конец, — снова заговорил он. — Дальше мы начинаем использовать пыль. Я беру ее и размазываю по поверхности Эротхкнурла, и образуется такая тонкая гладкая скорлупа. Затем я даю шару немного отдохнуть, затем снова обрызгиваю его водой и снова обмазываю слоем пыли, потом снова жду, и снова обмазываю, и так снова и снова.

— Сколько же времени на все это потребуется?

— До тех пор, пока пыль не перестанет приставать к Эротхкнурлу. Та скорлупа, которую образует пыль, придает ему внешнюю красоту. В течение одного дня он приобретает поистине великолепный блеск, словно сделан из полированного мрамора. Но все это без полировки, без обтачивания, без применения магии — с участием только души, разума и умелых рук. В итоге и получается камень, сделанный из земли... камень хрупкий, это правда, но тем не менее *камень*!

Несмотря на уверения Орика, Эрагон никак не мог поверить, что из обыкновенной земли под ногами можно сделать нечто вроде описанного Ориком предмета, не используя при этом магию.

«А зачем тебе эта штуковина, Орик, король гномов? — мысленно спросила Сапфира. — У тебя ведь и без того немало дел и ответственности, ведь теперь ты правишь всем своим народом».

— В настоящий момент нет ничего, что требовало бы моего непосредственного участия, — проворчал Орик. — Мои гномы готовы к сражению, да только сражение, в котором мы могли бы участвовать, никак не начнется. Куда хуже, если бы я начал кудахтать над своими кнурлан, точно наседка. Да и сидеть в одиночестве у себя в палатке мне не хочется. Что толку сидеть без дела и смотреть, как твоя борода становится длиннее! А потому я создаю Эротхкнурл!

И он умолк. Но Эрагону казалось, что Орику не дает покоя нечто совсем другое. Впрочем, он придержал язык, надеясь, что гном и сам как-то пояснит свое состояние. И действительно, не прошло и минуты, как Орик откашлялся и снова заговорил:

— В былые времена я мог бы в свободное время развлекаться тем, что просто пил бы вино и играл в кости с другими членами моего клана. Тогда никакого значения не имело, что я приемный сын и наследник короля Хротгара. Я со всеми мог разговаривать и смеяться, не чувствуя ни малейшего стеснения. Я ни от кого никаких милостей не просил, да и сам ни к кому их не проявлял. Но теперь все иначе. Мои друзья не могут забыть, что я их король, а я не могу не обращать внимание на то, что их отношение ко мне столь сильно переменилось.

— Ну, этого и следовало ожидать, — сказал Эрагон, прекрасно понимая, что имеет в виду Орик. Он и сам чувствовал примерно такое же отношение к себе с тех пор, как стал Всадником.

— Возможно. Но понимание не приносит облегчения. — Орик горестно вздохнул. — Ах, жизнь порой представляется такой странной и жестокой дорогой... Я преклонялся перед королем Хротгаром, но порой мне казалось, что он слишком резок с другими кнурлан, когда на это нет никаких видимых причин. Теперь я лучше понимаю, почему он именно так вел себя. — Орик держал в сложенных лодочкой

ладонях свой земляной шар и не сводил с него глаз; лоб его был сердито нахмурен. — Когда ты в Тарнаге встречался с гримстборитхом Ганнелем, разве он не объяснил тебе значение Эротхкнурла?

— Он никогда даже не упоминал об этом.

— Я полагаю, тогда у вас имелись и другие вопросы, которые нужно было обсудить... И все же ты, как член клана Ингеитум и приемный сын короля Хротгара, должен понимать важность и символику Эротхкнурла. Это не просто способ сосредоточиться или провести время, создав некий достойный артефакт. Нет. Сам акт созидания камня из земли — акт священный. С его помощью мы вновь подтверждаем свою веру во владычество Хелцвога и приносим ему свою жертву — дань уважения. Мы должны относиться к подобным действиям осмысленно и с почтением. Создание Эротхкнурла — это форма поклонения, а боги, как известно, неласково взирают на тех, кто кое-как соблюдает посвященные им ритуалы. Из камня — плоть, из плоти — земля, из земли — снова камень. Колесо судьбы вращается, и мы лишь мельком успеваем заметить, как проходит вечность.

Только теперь Эрагон понял, как глубока тревога, владевшая Ориком.

— Тебе бы следовало взять с собой Хведру, — сказал он. — Она, твоя верная подруга, составила бы тебе компанию, она хранила бы тепло вашего очага и не давала тебе становиться... таким мрачным! Я никогда не видел тебя более счастливым, чем в тот краткий период, когда вы с нею были вместе в крепости Бреган.

Морщины вокруг опущенных долу глаз Орика стали еще глубже, когда он улыбнулся.

— О да... Но ведь Хведра — гримсткарвлорсс или, по-вашему, «домоправительница» клана Ингеитум. Она не может оставить свои дела и обязанности только для того, чтобы служить утешением мне. Кроме того, я не был бы спокоен, если бы она оказалась всего в сотне лиг от Муртага и Торна или, что еще хуже, от Гальбаторикса и его проклятого черного дракона.

Пытаясь хоть немного развеселить Орика, Эрагон сказал:

— Знаешь, когда я смотрел на тебя, ты напомнил мне разгадку к одной загадке: король гномов, сидящий на земле и делающий камень из мокрой земли. Я не уверен, правда, как должна звучать сама эта загадка, но что-то в таком роде. — И Эрагон на языке гномов произнес примерно следующее:

Крепкий и широкоплечий,
Тринадцать звезд во лбу — или семь пядей.
Живому камню подобный, он занят тем,
Что землю мертвую он в мертвый камень превращает.

Рифма, конечно, хромает, — признал Эрагон, — но не мог же я в один миг придумать рифмованную загадку. Мне кажется, такая загадка для многих людей стала бы настоящей головоломкой.

— Хм... — с недоверием буркнул Орик. — Но только не для гномов! Даже наши дети легко смогли бы ее разгадать.

«И драконы тоже», — сказала Сапфира.

— Да, наверно, ты прав, — согласился Эрагон и принялся расспрашивать Орика о том, что происходило в Тронжхайме после того, как они с Сапфирой во второй раз отправились к эльфам в лес Дю Вельденварден. У Эрагона давно уже не было возможности по душам побеседовать с Ориком, и ему очень хотелось узнать, как жилось его другу после того, как тот стал королем.

Орик, похоже, был совсем не прочь подобной беседы и стал увлеченно разъяснять Эрагону тонкости политики гномов. И чем больше он говорил, тем больше светлело его лицо, тем оживленнее становился он сам. Орик, наверное, целый час рассказывал Эрагону о том, на какие хитрости и маневры ему пришлось пойти, прежде чем кланы гномов собрали свою армию и двинулись на помощь варденам. Эти кланы всегда враждовали между собой, о чем Эрагону было прекрасно известно, и он понимал, как трудно было Орику, даже будучи королем, добиться их подчинения.

— Это все равно что пасти слишком большую стаю гусей, — сказал гном. — Они всегда норовят пойти туда, куда хочется им самим, создают невыносимый шум и готовы

ущипнуть тебя за руку, как только им представится такая возможность.

Пока Орик рассказывал, Эрагон думал о том, как ему спросить о Вермунде. И еще о том, что сталось с этим вождем клана Слезы Ангуин, который замышлял убить его. Эрагон часто думал об этом, ибо всегда предпочитал знать, кто его враг и где он в данный момент находится, особенно такой опасный враг, как Вермунд.

— Он вернулся к себе домой, в деревню Фелдараст, — сказал Орик. — Там он, судя по имеющимся у меня сведениям, и живет. Пьянствует и злится из-за того, что все сложилось не так, как ему хотелось бы. Только теперь никто его не слушает. Кнурлан клана Аз Свелдн рак Ангуин горды и упрямы. И почти наверняка большая их часть осталась бы верна Вермунду вне зависимости от того, что делают или говорят представители других кланов. Однако, попытавшись убить гостя, Вермунд нанес всем кнурлан непростительное оскорбление. Кстати, далеко не все в этом клане так сильно ненавидели тебя, как Вермунд. И вряд ли они согласились бы оказаться отрезанными от общения с другими кланами, желая всего лишь защитить честь своего гримстборитха. Впрочем, теперь он и свою честь потерял. Я слышал, что многие из клана Вермунда избегают своего вождя, хотя их самих тоже почти все избегают.

— И что же, по-твоему, теперь будет с Вермундом?

— Либо он примет неизбежное и будет вынужден спуститься со своего пьедестала, либо в один прекрасный день кто-нибудь добавит ему в пищу яду или воткнет ему между лопаток кинжал. Так или иначе, для тебя он больше угрозы не представляет. Да и вождем клана Аз Свелдн рак Ангуин ему оставаться недолго.

Они продолжали беседовать, и Орик тем временем завершил первые несколько стадий подготовки своего Эротхкнурла и теперь готов был отнести шар к палатке и, поместив его на кусок ткани, оставить там на просушку. Встав и поднимая с земли ведро и палку, он сказал Эрагону:

— Я очень благодарен тебе за то, что ты меня выслушал. И тебе тоже, Сапфира. Как это ни странно, но вы

единственные, если не считать Хведру, с кем я могу говорить совершенно свободно. Все остальные... — Он только пожал плечами. — Эх! Да ладно.

Эрагон тоже поднялся.

— Ты — наш друг, Орик. Король ты или нет, мы с Сапфирой всегда рады поговорить с тобой. И ты прекрасно знаешь, что мы не болтливы, так что тебе не нужно беспокоиться, расскажем ли мы кому-то еще о нашей беседе.

— Да, Эрагон, я это знаю. — И Орик вдруг подмигнул ему. — И знаю, что ты, участвуя, можно сказать, в переустройстве нашего мира, все же сумел избежать паутины интриг, которую вокруг тебя сплели.

— Меня интриги не интересуют. И потом, в данный момент есть дела поважнее, чем какие-то интриги и сплетни.

— Это хорошо, что ты так думаешь. Всадник всегда должен стоять как бы в стороне от мирской суеты, иначе в нужный момент он не сможет принять правильного решения. Я вот раньше даже злился на то, как независимо держатся Всадники, но теперь многое понял и оценил их независимость. Хотя, возможно, всего лишь по весьма эгоистическим причинам.

— Но я вовсе не стараюсь стоять в стороне от обычной жизни, — возразил Эрагон. — Я же дал клятву верности и вам, и Насуаде.

Орик кивнул.

— Это верно. Но и варденам ты принадлежишь не полностью, не являешься их неотъемлемой частью. Как и часть клана Ингеитум, кстати сказать. Но, какова бы ни была причина этого, я бесконечно рад, что мы с тобой друзья и я могу полностью доверять тебе!

Улыбка скользнула по губам Эрагона:

— И я этому рад. Я тоже полностью тебе доверяю.

— В конце концов, мы ведь с тобой названые братья. А братья должны поддерживать друг друга, оберегать друг друга от врагов и предателей.

«Именно так», — подумал Эрагон, но вслух этого не сказал.

— Да, мы с тобой названые братья! — подтвердил он и хлопнул Орика по плечу.

ПУТЬ ПОЗНАНИЯ

В тот же день к вечеру, когда стало ясно, что Империя вряд ли решится атаковать варденов из Драс-Леоны, а в запасе еще было нескольких светлых часов, Эрагон и Сапфира отправились на площадку для фехтования, устроенную рядом с лагерем.

Там Эрагон встретился с Арьей — они теперь упражнялись каждый день — и стал расспрашивать ее о событиях минувшего дня. Но она отвечала кратко, хотя почти весь день провела на совещании с Насуадой и королем Орриком. Затем они вытащили мечи и заняли позиции друг напротив друга, договорившись, что для разнообразия на этот раз воспользуются щитами, чтобы сделать свой поединок максимально приближенным к условиям настоящего боя.

Они кружили по травянистой площадке короткими скользящими шагами, точно танцоры, нащупывая ступнями шероховатости почвы, не опуская глаз и не сводя их друг с друга.

Это была самая любимая для Эрагона часть поединка. Он чувствовал нечто глубоко интимное в этой возможности посмотреть Арье прямо в глаза, не отводя взора и чувствуя, что и она смотрит на него столь же пристально и внимательно. Пожалуй, это даже немного отвлекало Эрагона, и все же он наслаждался ощущением единства, возникавшего между ними в такие мгновения.

Арья нанесла удар первой, и уже через мгновение Эрагон понял, что согнут под каким-то неестественным углом, а клинок эльфийки прижат к его шее сбоку и довольно болезненно вдавливается в кожу. Эрагон замер,

Арья убрала меч и, позволив ему выпрямиться, недовольно заметила:

— Ты слишком небрежен.

— Просто я никак не пойму, как это ты ухитряешься всегда одерживать надо мной верх? — Эрагон был тоже не слишком доволен собой.

— А это потому, — отвечала Арья, делая выпад и стремясь поразить его в правое плечо, так что он был вынужден отпрыгнуть назад и прикрыться щитом, — что у меня более ста лет практики. Странно было бы, если бы я не владела мечом лучше тебя, согласен? Кстати, ты можешь гордиться уже тем, что время от времени все-таки наносишь мне уколы. Мало кто на это способен.

Брисингр просвистел в воздухе, и Эрагон нанес Арье рубящий удар в прикрытое доспехом бедро. Раздался громкий лязг металла о металл, и Арья, с помощью щита отразив удар, ответила весьма хитроумным приемом, угодив острием своего меча в правую руку Эрагона. По всей руке — от плеча до затылка — сразу пробежали леденящие искры боли.

Поморщившись, Эрагон чуть отступил, собираясь с мыслями. Особую сложность в поединке с эльфами представляла свойственная им невероятная скорость движений и сила удара. Они совершали такие прыжки, почти пролетая над землей, на какие не был способен ни один человек. А потому, если Эрагон действительно хотел на время обезопасить себя от выпадов Арьи, то всегда был вынужден отойти от нее шагов на сорок.

Но на этот раз отойти достаточно далеко от нее он не успел: двумя летучими прыжками она нагнала его. Волосы развевались у нее за спиной, как крылья. Эрагон развернулся, когда она была еще в воздухе, и попытался первым нанести удар, но она так ловко отклонилась, что его меч прошел буквально в волоске от нее, так ее и не задев. Затем Арья каким-то незаметным движением поддела краешком своего щита щит Эрагона и попросту отбросила его в сторону. И когда ее противник остался незащищенным, с невероятной скоростью нанесла новый удар. На этот раз ей удалось приставить острие меча ему под подбородок.

Широко расставленные глаза Арьи некоторое время находились совсем близко от лица Эрагона, и в этих глазах было столько дикой жестокости и решимости, что это его смутило, и он не сразу понял, как следует понимать ее внезапную ярость. Впрочем, это дало ему некоторую передышку, когда по лицу Арьи промелькнула неясная тень, и она, опустив меч, отошла от него.

Эрагон потер горло и с упреком сказал:

— Раз уж ты сама так прекрасно владеешь мечом, то почему меня этому не научишь?

Изумрудные глаза Арьи сердито вспыхнули.

— Я как раз изо всех сил пытаюсь это сделать! Но дело не в твоей ловкости, — и она похлопала мечом по правому плечу Эрагона, — а вот в чем. — Она постучала рукоятью меча по его шлему, который звонко загудел. — Я уже просто не знаю, как тебя еще учить. По-моему, только показывая тебе твои же ошибки снова и снова, пока ты не перестанешь их совершать. — И она снова звонко постучала по его шлему. — И я буду это делать, даже если мне придется до смерти тебя измучить.

То, что Арья с таким постоянством одерживает над ним победу за победой, чрезвычайно уязвляло гордость Эрагона. Настолько уязвляло, что он боялся в этом признаться даже Сапфире. К тому же именно это заставляло его сомневаться в том, что он когда-либо сможет победить и Гальбаторикса с Муртагом — особенно если ему не повезет и он будет вынужден сойтись со столь сильными противниками без Сапфиры и не применяя магии.

Отступая от Арьи, Эрагон споткнулся о пень и совсем разозлился.

— Ну? — сказал он сквозь стиснутые зубы. — Продолжай в том же духе, — и немного присел, готовясь к очередной атаке.

Арья посмотрела на него, прищурилась с неожиданной злобой и пожала плечами:

— Вот и отлично.

И они снова бросились друг на друга, испуская воинственные кличи и наполняя все вокруг лязгом мечей. Они сходились и расходились без конца; оба взмокли

и покрылись слоем пыли, а у Эрагона к тому же хватало весьма болезненных синяков и царапин. Но они продолжали сражаться с угрюмыми, решительными лицами, и никто из них не просил — и не предлагал — прекратить этот жестокий, мучительный поединок.

Сапфира наблюдала за ними, удобно устроившись на краю поля, где зеленела густая весенняя трава. По большей части свои соображения она держала при себе, чтобы не отвлекать Эрагона. Но время от времени она все-таки делала краткие замечания относительно его техники или техники Арьи, и Эрагон каждый раз находил эти замечания весьма ценными. Он, правда, подозревал, что Сапфира не раз самовольно вмешивалась в ход боя, спасая его от особенно опасных, как ей казалось, ударов. Порой он отчетливо ощущал, что его руки и ноги действуют гораздо быстрее и ловчее, чем следовало, а иногда и опережая его собственные намерения. Когда это происходило, в голове он чувствовал слабое покалывание, и это означало, что Сапфира завладела какой-то частью его сознания и управляет ею.

Наконец он не выдержал и попросил Сапфиру прекратить это:

«Я должен научиться сам противостоять натиску Арьи. Ты же не можешь помогать мне всегда. Мало ли что может случиться».

«Я могу попытаться».

«Я знаю. Я и сам готов всегда тебе помогать. Но пойми, Сапфира: на эту гору я должен взобраться сам!»

Уголки ее губ чуть изогнулись:

«А зачем взбираться самому, если туда можно взлететь? Ты никогда никуда не доберешься до вершины на этих своих коротеньких подпорках, которые вы именуете ногами».

«Доберусь, и ты прекрасно это понимаешь. И потом, летать я могу только с твоей помощью, на твоих крыльях. Зачем мне нечестно завоеванная победа, если она принесет лишь мгновенный и весьма дешевый восторг?»

«Победа — это победа, а мертвый противник — это мертвый противник, как бы ты этого ни хотел».

«Сапфира...» — грозно предупредил он ее.

«Хорошо, маленький брат, я больше не буду».

И, к большому облегчению Эрагона, Сапфира и впрямь его послушалась и перестала ему помогать, позволив решать все задачи самостоятельно, но продолжала зорко следить за каждым его движением.

Рядом с Сапфирой у края поля собрались и эльфы, которым было поручено охранять ее и Эрагона. Заметив их, Эрагон нахмурился: ему было чрезвычайно неприятно, что еще кто-то видит его бесконечные ошибки и поражения. Впрочем, эльфы все равно не согласились бы уйти. Да и кое-что полезное в их присутствии было: прочие любопытствующие старались держаться подальше от поля, где в яростной схватке сходятся Всадник и эльфийка. И не то чтобы Блёдхгарм, этот эльф в волчьей шкуре, делал что-то особенное, чтобы обескуражить тех, кто хотел бы поглазеть на поединок. Обычных зевак достаточно сильно смущало уже само его присутствие.

Чем дольше Эрагон упражнялся в искусстве владения мечом, тем сильней становилось его отчаяние. Он, правда, ухитрился победить в двух поединках. Но, во-первых, с огромным трудом, отчаянно сражаясь, а во-вторых, благодаря скорее удаче, чем умению. На такие увертки он вряд ли решился бы во время настоящего поединка, разве что совершенно плюнув на собственную безопасность. За исключением этих двух, как он считал, *случайных* побед, Арья продолжала одерживать над ним верх, причем с невероятной легкостью.

Вскоре гнев и отчаяние Эрагона достигли точки кипения, и ему изменило всякое чувство меры. И однажды, вспомнив те не совсем достойные способы, которые два раза обеспечили ему победу, он поднял правую руку с мечом и приготовился *метнуть* его в Арью, как метнул бы во врага боевой топор.

И в ту же секунду в его ушах раздался чей-то могучий голос, и это, безусловно, была не Арья, не Сапфира и не кто-то из эльфов. Этот голос явно принадлежал дракону, причем мужского пола. Эрагон попытался прервать эту связь, спешно устанавливая мысленный барьер, ибо полагал, что это голос Торна. Однако громовой голос не умолкал. Он достигал, казалось, самых потаенных уголков его сознания

и был подобен грохоту горного обвала. И только тут Эрагон догадался, что с ним говорит Глаэдр.

«Довольно», — сказал золотистый дракон, и Эрагон замер, сделал крошечный шажок вперед, споткнулся и чуть не упал ничком. Он даже на носки поднялся, чтобы удержаться и не метнуть Брисингр в Арью. Однако успел заметить, что и все они — Арья, Сапфира, Блёдхгарм и эльфы — тоже услышали мысленный приказ Глаэдра и сперва притихли, а потом удивленно зашевелились.

По голосу Глаэдра чувствовалось, что душа его, непостижимая и бездонная, по-прежнему истерзана горем. Но впервые после гибели Оромиса во время битвы при Гилиде старый дракон, похоже, испытывал желание с кем-то пообщаться, а не погружаться все глубже и глубже в бездонную пропасть душевных страданий.

«Приветствуем тебя, Глаэдр-элда!» — разом откликнулись Эрагон и Сапфира.

«Как ты поживаешь?..»

«С тобой все в порядке?..»

«А ты?..»

В мысленный разговор с Глаэдром вступили и все остальные — Арья, Блёдхгарм и еще двое эльфов, голоса которых Эрагон определить не сумел. В ушах у него теперь звучала настоящая какофония, созданная этими, перекрывающими друг друга мысленными голосами.

«Довольно, — повторил Глаэдр, и голос его прозвучал устало и раздраженно. — Или вы хотите привлечь к себе нежелательное внимание?»

Все тут же умолкли, ожидая, что золотистый дракон скажет дальше, и Эрагон быстро переглянулся с Арьей.

Глаэдр заговорил не сразу. Он еще несколько минут наблюдал за ними, и его мысленное присутствие тяжело давило на сознание Эрагона, хотя, видимо, и остальным это давалось нелегко.

Затем снова прозвучал звучный повелительный голос старого дракона:

«Вы слишком увлеклись этими упражнениями. Это продолжается слишком долго... А ты, Эрагон, не должен уделять столько времени фехтованию. У тебя есть и более

важные дела. Меч в руке Гальбаторикса — это отнюдь не самое страшное, чего тебе следует опасаться; как, впрочем, не следует особенно опасаться и того острого клинка, что у него во рту. А вот тот кинжал, что у него в голове, может быть чрезвычайно опасен. Величайший талант Гальбаторикса заключается в том, что он способен червем заползти в самые глубины, в самые сокровенные уголки твоей души и в итоге подчинить тебя своей воле. Вместо боев с Арьей тебе следовало бы сосредоточиться на умении управлять собственными мыслями. Пока что твои мысли прискорбно недисциплинированны... Или ты все-таки будешь настаивать на этих бесконечных и бессмысленных сражениях?»

Тысяча ответов промелькнула в голове Эрагона. Во-первых, ему приятно было фехтовать с Арьей, несмотря на то что редкие победы давались ему исключительно тяжело. Во-вторых, он и впрямь хотел стать самым лучшим фехтовальщиком среди людей, если уж эльфов ему перещеголять в этом не суждено. Кроме того, он хотел объяснить Глаэдру, что эти упражнения делают его гораздо сдержаннее и укрепляют его тело. Еще много причин он мог бы привести, но попытался подавить в себе это желание. Эрагону не хотелось сейчас до такой степени раскрывать свою душу. Он не видел необходимости нагружать Глаэдра ненужными сведениями, которые лишь утвердили бы старого дракона в том, что ему, Эрагону, не хватает самодисциплины. Но полностью скрыть от Глаэдра эти мысли не удалось, и он почувствовал, что тот слегка разочарован.

И тогда Эрагон выбрал, как ему казалось, самый сильный из всех своих аргументов:

«Если я смогу не допускать Гальбаторикса в свои мысли, то, даже не сумев победить его в бою, мне удастся просто держать его за пределами своего сознания. Однако же в итоге проблему все равно придется решать с помощью меча. И потом, Гальбаторикс — не единственный наш враг, с которым мне, возможно, придется сойтись в поединке. Во-первых, есть еще Муртаг, а во-вторых, кто знает, какие еще твари находятся у Гальбаторикса на службе? Я не смог самостоятельно победить Дурзу, Варога или Муртага — у меня всегда были помощники. Но я не могу вечно

полагаться на помощь Арьи, Сапфиры или Блёдхгарма. Я просто обязан лучше владеть клинком, а пока у меня ничего не получается, сколько бы я ни старался».

«Кто такой Варог? — спросил Глаэдр. — Я никогда раньше этого имени не слышал».

И Эрагону пришлось рассказать Глаэдру о взятии Финстера и о том, как они с Арьей убили только что народившегося шейда. Это случилось в тот момент, когда Оромис и Глаэдр в небе над Гилидом встретили свою смерть — разную смерть, но все же настигшую их обоих. Затем Эрагон сообщил Глаэдру, каких успехов с тех пор добились варденны. После гибели своего Всадника Глаэдр настолько от всего отрешился, что почти ничего не знал об их теперешней жизни. Рассказ этот занял у Эрагона всего несколько минут, и все это время и он, и эльфы стояли на поле без движения, глядя куда-то невидящими глазами, ибо все их внимание было обращено внутрь собственной души, как это происходит всегда при столь быстром обмене воспоминаниями, образами и чувствами.

Последовала еще одна длительная пауза — Глаэдр переваривал услышанное. Когда же он снова заговорил, то в голосе вместе с удовлетворением звучал и легкий оттенок насмешливого удивления:

«Ты слишком честолюбив, если считаешь, что способен и дальше безнаказанно убивать шейдов. Даже самые старые и мудрые Всадники не решились бы в одиночку напасть на шейда. Однако ты уже дважды сходился с ними в поединке, а это, на мой взгляд, ровно в два раза больше, чем для большинства людей вообще возможно. Будь же благодарен судьбе за подобное везение и остановись на этом. Пытаться превзойти шейда в умении драться — все равно что дракону пытаться лететь выше солнца».

«Согласен, — ответил Эрагон, — однако у нас немало таких же сильных врагов, как шейды, а может, и сильнее, а Гальбаторикс может создать еще более могущественных тварей, чтобы погубить нас или хотя бы замедлить наше продвижение к столице. Всех созданных им чудовищ он использует совершенно беспечно, даже не задумываясь о том, какие разрушения и беды они приносят всей Алагейзии».

«Эбритхил, — сказала Арья, — Эрагон прав. Наши враги стали чрезвычайно опасны... Впрочем, ты и сам это прекрасно понимаешь, — прибавила она очень мягко. — Тогда как Эрагон еще во всех отношениях не успел достигнуть нужного уровня мастерства и подготовиться к тому, что ждет нас впереди. Я старалась сделать все, что в моих силах, чтобы его научить, но всякое мастерство, прежде всего, должно зависеть от стремления самого человека, а не от усилий его наставника».

Слова Арьи, сказанные в его защиту, согрели сердце Эрагона. Но Глаэдр отвечать ей не торопился.

«Ты права, — промолвил он наконец, — однако Эрагон не научился и должным образом управлять своими мыслями, чему, безусловно, обязан был научиться в первую очередь. Ни одна из его способностей — как умственных, так и физических — не слишком ценна по отдельности. Эти способности важны лишь все вместе, но все же способности умственные стоят на первом месте. Можно одержать победу, сражаясь и с умелым заклинателем, и с умелым фехтовальщиком, благодаря одной лишь силе собственного ума. Твой разум и твое тело, Эрагон, должны пребывать в равновесии, но когда приходится выбирать, что именно тренировать в первую очередь, то разум, конечно же, предпочтительней. Арья, Блёдхгарм, Йаела — все вы прекрасно знаете, что это именно так. Почему же никто из вас не вменил себе в обязанность продолжить обучение Эрагона в этом направлении?»

Арья опустила глаза, точно провинившаяся девчонка, а у Блёдхгарма шерсть на плечах затрепетала и встала дыбом. В легком раздражении он приподнял верхнюю губу, показывая острые белые клыки, и первым решился ответить дракону, причем говорил он на древнем языке.

«Арья является здесь послом нашего народа, — сказал он, — а меня и моих товарищей прислали сюда, чтобы защищать жизнь Сапфиры и Эрагона, и до сих пор это было достаточно сложной и требующей немалого времени задачей. Мы все, разумеется, пытались помочь Эрагону, однако негоже нам обучать Всадника, и мы не смеем даже предпринимать подобные попытки, пока еще жив один из его

истинных и главных наставников, пока он *присутствует* в этом мире, хотя так было и не всегда, и до сих пор наставник этот, пожалуй, даже пренебрегал своими святыми обязанностями».

После слов эльфа в душе Глаэдра словно заклубились грозовые тучи. Казалось, вот-вот ударит молния, и Эрагон даже немного мысленно отодвинулся от него, опасаясь, что гнев дракона падет и на его голову. Правда, Глаэдр был более не в силах физически причинить кому бы то ни было вред, но он по-прежнему был чрезвычайно опасен. Если бы, утратив власть над собой, он позволил своему гневу вырваться наружу, никто из них не смог бы противостоять его мощи.

Решительность, даже грубость Блёдхгарма, потрясла Эрагона — он никогда еще не слышал, чтобы эльф так разговаривал с драконом. Но, подумав немного, понял, что Блёдхгарм, должно быть, нарочно так вел себя, желая растормошить Глаэдра, вытащить дракона из его скорлупы, привлечь его внимание к проблемам реального мира, не дать ему вновь погрузиться в пучину своего горя. И, поняв это, Эрагон восхитился мужеством эльфа, хотя в глубине души ему все же казалось, что столь оскорбительная манера вести себя — это отнюдь не самый лучший подход к Глаэдру. И уж точно не самый безопасный.

А в душе старого дракона сверкали громы и молнии, мысли его так и метались, и он хватался то за одну, то за другую, а потом прорычал тоже на древнем языке:

«Ты перешел все границы, эльф! Не тебе судить мои действия. Тебе даже отчасти не дано понять, *что* я потерял. Если бы не Эрагон и Сапфира, если бы не мой долг перед ними, я бы давно уже утратил разум. Так что не обвиняй меня в пренебрежении своими обязанностями, Блёдхгарм, сын Илдрид, если не горишь желанием сразиться со мной, последним из Старейших».

Блёдхгарм снова обнажил клыки и зашипел, но в лице его Эрагон заметил нечто, похожее на удовлетворение. Однако, к его ужасу, эльф продолжал наступать:

«В таком случае и ты не обвиняй нас в том, что нам не удалось должным образом подготовить Эрагона, ибо за это должен нести ответственность ты, Старейший,

а вовсе не мы. Весь наш народ вместе с тобой оплакивает гибель Оромиса, все мы сочувствуем твоему безмерному горю, но ты не можешь ожидать от нас жалости и особого снисхождения к твоим переживаниям, когда мы вступили в войну с самым страшным, смертельным нашим врагом — с тем, кто уничтожил почти всех представителей твоего народа и убил твоего Всадника!»

Теперь ярость Глаэдра напоминала извержение вулкана. Черная, ужасная ярость эта билась о сознание Эрагона с такой силой, что, казалось, внутри у него сейчас все треснет и развалится, и душа его трепетала, точно жалкий парус на ураганном ветру. Случайно глянув на противоположный край поля, он заметил группу варденов, которые, побросав на землю оружие, стиснули руками виски, морщась от невыносимой головной боли.

«Жалость, снисхождение?!» — проревел Глаэдр. Казалось, он с трудом выталкивает из себя каждое слово, и каждое его слово звучало, как приговор судьбы. И Эрагон чувствовал, что где-то в глубинах души дракона зарождается нечто ужасное, и, если дать этому ужасному зародышу созреть, это может стать причиной множества печалей и сожалений.

И тут заговорила Сапфира. Ее мысли легко, точно вошедший в воду нож, пресекли бушующие страсти Глаэдра.

«Учитель, — сказала она, — я все это время тревожилась о тебе. Приятно узнать, что ты снова крепок и здоров душою. Никто из нас не может сравниться с тобой в мудрости и могуществе, и поверь: нам очень нужна твоя помощь. Без тебя мы не можем даже надеяться на победу над Гальбаториксом и Империей».

Глаэдр что-то грозно прогрохотал, но не стал прерывать Сапфиру презрительными замечаниями или оскорблениями, не отказался ее слушать. Похоже, ее лесть доставляла ему удовольствие, хотя и весьма незначительное. В конце концов, решил Эрагон, если драконы на что-то и могут клюнуть, так точно на лесть, и кто-кто, а Сапфира это знает отлично.

Не умолкая и не давая Глаэдру времени на ответ, Сапфира продолжала:

«Поскольку ты больше уже не можешь пользоваться своими крыльями, позволь мне предложить тебе свои — в замену. Воздух спокоен, небо чисто, и было бы так приятно полетать высоко над землею, выше, чем осмеливаются летать даже орлы. После столь долгого заключения внутри Элдунари ты должен постараться оставить в прошлом все тяжкие размышления и снова ощутить, как прекрасно парить в восходящих потоках воздуха».

Черная буря в душе Глаэдра немного утихла, но все еще была достаточно мощной и грозной, готовой в любую минуту вскипеть с новой силой.

«Это... было бы приятно».

«В таком случае мы полетим вместе. Но вот еще что, Учитель...»

«Да, я слушаю тебя, малышка».

«Сперва мне нужно кое о чем тебя спросить».

«Ну, так спрашивай».

«Ты поможешь Эрагону овладеть истинным мастерством фехтования? И можешь ли ты ему в этом помочь? Он не так хорошо владеет мечом, как ему следовало бы, а я вовсе не хочу потерять своего Всадника».

Все это время Сапфира говорила с большим достоинством, однако была в ее голосе и некая молящая нотка, и, слушая ее, Эрагон чувствовал в горле колючий комок.

Грозовые тучи в душе Глаэдра развеялись сами собой, и там осталось лишь бескрайнее серое и пустое пространство, показавшееся Эрагону невыразимо печальным. По краю этого пространства — памяти дракона — двигались странные, едва различимые фигуры, похожие на сгорбленные старинные памятники, и Эрагон чувствовал, что ему совсем не хотелось бы встретиться с этими «памятниками».

«Хорошо, — сказал наконец Глаэдр, — я сделаю для твоего Всадника, Сапфира, все, что в моих силах. Но после того, как с уроками фехтования будет покончено, он должен позволить мне учить его тому, что я считаю нужным».

«Договорились», — тут же ответила Сапфира, и Эрагон заметил, что Арья и остальные эльфы вздохнули с облегчением; похоже, не только он, но и они все это время от волнения задерживали дыхание.

Эрагону на время пришлось прервать мысленную связь с Глаэдром, потому что к нему настойчиво обращалась Трианна и еще несколько заклинателей, примкнувших к варденам, и все они спрашивали: что это было такое? Отчего их души и мысли терзало и рвало в клочья нечто непонятное? Отчего все люди и животные в лагере ведут себя как пришибленные? Собственно, от лица всех говорила одна Трианна:

«Ответь, Губитель Шейдов, на нас готовит атаку Торн или Шрюкн? Что это было такое?»

Трианна была в такой панике, что это подействовало и на Эрагона: ему вдруг тоже захотелось бросить на землю свой щит и меч и где-нибудь спрятаться.

«Нет никакой атаки, все хорошо, — попытался он успокоить Трианну. Существование Глаэдра было тайной для большей части варденов, включая Трианну и подчинявшихся ей заклинателей, и Эрагону очень хотелось эту тайну сохранить, чтобы ни словечка о золотистом драконе не достигло ушей шпионов Гальбаторикса. Однако лгать, пребывая в контакте с чужим разумом, было чрезвычайно сложно. Практически невозможно не думать о том, что ты как раз и хочешь скрыть от своего мысленного собеседника. Эрагон постарался как можно быстрее завершить этот разговор, объяснив случившееся так: — Просто я под руководством эльфов практиковался в магии, но вышло не слишком удачно. Я потом тебе объясню, но уверяю тебя: беспокоиться совершенно не о чем».

Он не сомневался, что Трианне его слов было недостаточно, и вряд ли ему удалось убедить заклинателей, что все в порядке. Однако они не посмели требовать от него более подробных объяснений и, попрощавшись, прервали с ним мысленную связь.

Арья, должно быть, заметила, как изменилось выражение его лица, потому что сразу подошла к нему и тихо спросила:

— Что-то случилось?

— Нет, все нормально, — так же тихо ответил Эрагон и кивнул в сторону воинов, подбиравших с земли

брошенное оружие. — Мне просто потом придется ответить им на некоторые вопросы.

— Ах, так? Но ты не сказал им...

— Конечно нет!

«Вернемся к прерванному разговору!» — прогрохотал у обоих в ушах голос Глаэдра.

Эрагон и Арья тут же разошлись в разные стороны и вновь включились в мысленную дискуссию с золотистым драконом.

Понимая, что, возможно, совершает ошибку, но все же не в силах сдержаться, Эрагон спросил:

«Учитель, ты действительно можешь научить меня тому, что мне знать необходимо, еще до того, как мы достигнем Урубаена? Ведь у нас так мало времени, и я...»

«Я могу начать прямо сейчас, если ты внимательно будешь меня слушать, — сказал Глаэдр. — Внимательно, гораздо внимательнее, чем прежде. И беспрекословно мне подчиняться».

«Я готов и слушаю тебя, Учитель».

И все же Эрагон не мог не задаться вопросом, что в действительности дракон знает об искусстве фехтования. Глаэдр мог, конечно, многое узнать от Оромиса, как и Сапфира многое узнавала от него, Эрагона, но, несмотря на разделенный с Оромисом опыт, сам-то Глаэдр, естественно, мечом никогда не владел, да и как он мог? Эрагону казалось, что, если Глаэдр станет учить его парировать удары, это будет примерно то же самое, как если бы он, Эрагон, учил дракона парить в восходящих потоках воздуха над щекою горы. Эрагон мог бы объяснить это умение, но, разумеется, не так хорошо, как Сапфира, ибо его знания были вторичны, и тут не могло помочь никакое абстрактное умение осмысливать чужой опыт. Должно быть, какая-то часть этих сомнений просочилась сквозь поставленные Эрагоном мысленные барьеры, и Глаэдр, услышав их, насмешливо фыркнул — точнее, изобразил это мысленно, ведь навыки, приобретенные телом, забыть невозможно.

«Любой бой ведется по одним и тем же правилам, Эрагон, — сказал он, — и все достойные воины в чем-то похожи друг на друга. Преодолев определенный предел

в восприятии, тебе уже не важно, чем ты сражаешься — мечом, когтями, клыками или хвостом. Это правда, ты, Всадник, должен отлично владеть привычным тебе оружием, однако *любой*, имея время и желание, тоже может достигнуть в этом истинного мастерства. Для этого просто требуется воображение и умение мыслить, а как раз этими качествами и обладают все лучшие воины, даже если с виду они и представляются тебе совершенно не похожими друг на друга. — Глаэдр немного помолчал, потом вдруг спросил: — Ты помнишь, что я сказал тебе однажды?»

И Эрагон, не помедлив и секунды, ответил:

«Я должен научиться видеть то, что у меня перед глазами. И я пытался, Учитель. Правда пытался!»

«Но по-прежнему почти ничего не видишь! Посмотри на Арью. Почему она может от раза к разу одерживать над тобой верх? Потому что она тебя *понимает*, Эрагон. Она знает, кто ты, как ты мыслишь, и именно это позволяет ей с таким постоянством побеждать тебя. Почему Муртагу удалось так здорово тебя... выпороть на Пылающих Равнинах? Ведь он ничуть не сильнее и не ловчее тебя».

«Потому, наверное, что я устал, был совсем без сил, и...»

«А как Муртагу удалось ранить тебя в бедро во время вашего последнего поединка, тогда как ты смог ему только щеку оцарапать? Я скажу тебе, Эрагон, почему это произошло. Не потому, что ты устал, а он был бодр и свеж. Просто он тебя *понимает*, а ты его нет. Муртаг просто *знает* больше тебя, а потому имеет над тобой власть. Как и Арья. — Глаэдр помолчал, потом снова заговорил: — Посмотри на Арью, Эрагон. Хорошенько посмотри. Она видит тебя таким, какой ты есть, но разве ты способен *так* ее видеть? Разве ты достаточно хорошо ее себе представляешь, чтобы понять, *как* можно нанести ей поражение?»

Эрагон посмотрел на Арью. Она тоже смотрела на него в упор, и в ее глазах он прочел решительность и желание во что бы то ни стало обороняться, защищаться. Казалось, она одновременно и бросает ему вызов, предлагая попытаться раскрыть ее тайны, и очень боится того, что может произойти, если он эти тайны действительно раскроет. Сомнения бурлили в душе Эрагона. А действительно,

достаточно ли хорошо он ее знает? Может быть, ему лишь казалось, что он ей близок? Может быть, он сам себя обманывал, принимая чисто внешние проявления за душевную приязнь?

«Ты тогда позволил себе рассердиться больше, чем следовало бы, — мягко сказал Глаэдр. — Гнев имеет право на существование, но в данном случае он тебе не поможет. Путь воина — это путь познания. Ты можешь проявить гнев, но должен сражаться с помощью знаний, при этом не теряя самообладание от гнева. Иначе боль и разочарование будут твоей единственной наградой.

Ты должен сохранять спокойствие, даже если по пятам за тобой, щелкая зубами, гонятся сто кровожадных врагов. Освободи свои мысли, пусть они будут подобны поверхности глубокого озера, отражающего все, что находится рядом, но при этом остающегося гладким и невозмутимым. И вместе с этим спокойствием к тебе придет понимание. Ты освободишься от иррациональных страхов, связанных с вопросами побед и поражений, жизни и смерти.

Ты не можешь предсказать каждое событие в своей жизни, не можешь каждый раз, встречаясь с врагом, гарантировать собственный успех. Но, видя все и ничего не упуская из виду, ты без особых трудностей сумеешь приспособиться к любым переменам. Воин, способный легче других приспособиться к *неожиданному*, — это воин, который и проживет дольше других.

Так что смотри на Арью, смотри и старайся увидеть то, на что смотришь, а потом поступай так, как сочтешь наиболее соответствующим данным условиям. И, начав действие, не позволяй собственным мыслям отвлекать тебя. Думай, не думая, как если бы ты подчинялся инстинкту, а не разуму. А теперь иди и попробуй снова».

Эрагон потратил совсем немного времени на то, чтобы собраться и вспомнить все, что он знает об Арье: о ее вкусах и привычках, о манере вести себя, о наиболее важных событиях ее жизни, о том, чего она боится и на что надеется, но самое главное о том мощном темпераменте, что в ней таится, являясь основой всего, в первую очередь ее отношения к жизни... и к сражениям. Все это он постарался

учесть и, исходя из этого, представить себе самую суть ее личности. Это была труднейшая задача, особенно с тех пор, как он увидел в Арье прекрасную женщину, которую обожал, о которой страстно мечтал... Сейчас нужно было посмотреть на нее как на целостную личность, личность очень сложную и существующую совершенно независимо от его собственных нужд и желаний.

Выводы ему пришлось сделать весьма поспешно, и он опасался, что все они слишком примитивные, почти детские. Затем, решительно отбросив в сторону неуверенность, он шагнул вперед и поднял свой меч и щит в знак того, что готов к поединку.

Он чувствовал, что Арья ожидает от него применения какого-нибудь нового приема, но начал поединок с того же, что и в оба предыдущих раза, резкого выпада с поворотом, пытаясь нанести ей косой удар в правое плечо, не защищенное щитом. Эта уловка ее вряд ли обманула бы, но заставила бы задуматься, что он намерен предпринять дальше, и он понимал: чем дольше она будет размышлять, тем лучше.

Правая нога Эрагона наткнулась на острый камешек, и он невольно чуть отклонился вбок, чтобы не потерять равновесие. Это движение почти не нарушило плавность его движений, но Арья отреагировала моментально и с воинственным кличем кинулась в атаку.

Их сверкающие мечи скрестились раз, другой, а потом Эрагон вдруг совершенно отчетливо понял, что сейчас Арья нанесет ему удар в голову. Предваряя этот удар, он резко повернулся и моментально нанес ей колющий удар, целясь в ключицу, которая оказалась бы незащищенной, если бы она ударила по его шлему.

Интуиция его не подвела, однако расчет оказался ошибочным. Он нанес удар так быстро, что Арья не успела убрать руку и рукоятью меча отразила темно-синее острие Брисингра. Клинок скользнул мимо, не причинив ей никакого вреда. А через секунду весь мир, казалось, покачнулся, перед глазами Эрагона заплясали красные и оранжевые искры, и он упал на одно колено, опираясь обеими руками о землю. В ушах у него стоял глухой гул.

Когда этот гул немного утих, Эрагон услышал голос Глаэдра:

«Не пытайся двигаться слишком быстро или слишком медленно. Совершай движение в точно выбранный момент, и твой удар окажется не слишком быстрым и не слишком медленным, зато достаточно легким. Точный расчет — вот главное в сражении. Ты должен обращать особое внимание на рисунок движений противника и их ритм и тогда увидишь, в чем он особенно силен или слаб, когда он чувствует себя скованным или, наоборот, чрезвычайно ловким. Постарайся соответствовать ритму *его* движений в том случае, когда тебе это выгодно, или же, наоборот, постарайся сбить его с ритма, и тогда сам сможешь направлять ход сражения. Для начала хорошенько усвой хотя бы это. Просто запомни, а позже подумай над моими словами. А теперь попытайся снова!»

Сердито сверкнув глазами, Эрагон посмотрел на Арью, поднялся на ноги и энергично тряхнул головой, словно прочищая мысли. Ему казалось, что он уже в сотый раз встает в боевую позицию. Последний, нанесенный эльфийкой удар заставил новой болью вспыхнуть все его многочисленные ссадины и синяки, он чувствовал себя, точно старик с пораженными артритом суставами.

Арья откинула назад свои роскошные волосы и ободряюще улыбнулась, показывая крепкие белые зубы. Но ее улыбка на Эрагона не подействовала. Он был сосредоточен на задаче текущего момента и совершенно не собирался во второй раз поддаваться на одну и ту же уловку эльфийки.

Улыбка еще не успела соскользнуть с ее губ, а он уже ринулся вперед, опустив Брисингр довольно низко и выставив вперед щит, которым как бы прокладывал себе путь. Как он и надеялся, столь низкое положение его меча смутило Арью, заставив поспешить, — она тут же нанесла рубящий удар, который вполне мог перерубить ему ключицу, если бы он позволил ее мечу попасть в цель.

Эрагон низко присел, уходя от удара, и меч Арьи со звоном ударился о его щит. Тем временем Эрагон, взмахнув в повороте Брисингром, нанес ей весьма хитрый удар по ногам. Но Арье удалось блокировать этот удар щитом,

а потом тем же щитом она с такой силой ударила Эрагона в грудь, что у него напрочь перехватило дыхание.

Последовала короткая пауза. Оба кружили по полю, и каждый выискивал наиболее слабое место противника. Напряжение, казалось, висело в воздухе, воздух был прямо-таки им пропитан. Арья не сводила глаз с Эрагона, а он — с нее. Движения обоих были быстрыми, резкими, точно у хищных птиц, в них так и бурлила энергия, ища выхода.

Напряженное ожидание лопнуло, точно сломанная стеклянная палочка-указка. Эрагон нанес удар первым, Арья парировала; их клинки мелькали с такой скоростью, что порой становились почти невидимыми. Когда они обменивались ударами, Эрагон старался Арье в лицо не смотреть, но очень внимательно — как и советовал Глаэдр — следил за ее движениями и ритмом этих движений, помня при этом, кто она такая и как, скорее всего, поступит в ближайшую секунду. Ему ужасно хотелось победить! Он чувствовал, что просто лопнет с досады, если этого не произойдет.

Однако, несмотря на все его усилия, Арья ухитрилась-таки застать его врасплох и нанесла ему сильный удар в ребра рукоятью меча.

Эрагон остановился и выругался.

«Уже лучше, — услышал он голос Глаэдра, — значительно лучше. Ты почти точно сумел рассчитать время».

«Но все-таки не сумел!»

«Пока не совсем, но ты слишком злишься, и от этого мысли твои затуманены. Удерживай в памяти лишь то, что тебе нужно помнить в данный момент. Не позволяй собственным мыслям отвлекать тебя от этого. Отыщи в своей душе некое пространство покоя, спрячься туда, и пусть мирские заботы обходят тебя стороной, тебя самого ничуть не увлекая. Ты должен сосредоточиться примерно так же, как когда вы с Оромисом слушали мысли лесных существ. Ты же и тогда сознавал, что происходит вокруг тебя, но *не фиксировал внимания* ни на одной конкретной детали. Следи не только за глазами Арьи — это слишком сужает обзор, и чувства твои становятся слишком конкретными...»

«Но Бром говорил...»

«Глазами можно пользоваться по-разному. Бром это делал по-своему, хотя, на мой взгляд, это был далеко не самый лучший, точнее, не самый гибкий способ; да и не самый подходящий для крупных сражений. Брому большую часть своей жизни пришлось сражаться на поединках или же против небольшой группы противников, и его боевые привычки полностью это отражали. Лучше видеть широко, чем слишком близко. Нельзя позволять ничему конкретному — в данной местности или данной ситуации — отвлечь тебя, ибо тем самым ты позволишь противнику застать тебя врасплох. Ты меня понял?»

«Да, учитель».

«Тогда сойдитесь еще раз. И на этот раз позволь себе немного расслабиться и постарайся расширить свое восприятие».

Эрагон еще раз мысленно пересмотрел все, что знал об Арье. Когда у него возник некий определенный план действий, он закрыл глаза, замедлил дыхание и погрузился глубоко в себя. Страхи и тревоги постепенно стали уходить из его души, оставляя после себя глубокую пустоту, которая, как ни странно, заглушала боль от ранений и травм и давала ощущение какой-то необычайной ясности мыслей. Хотя интерес к схватке Эрагон ничуть не утратил и по-прежнему мечтал победить, но и возможность оказаться побежденным почему-то больше его не волновала. Будь что будет, решил он, а вести ненужную борьбу с решениями судьбы он не станет.

— Готов? — спросила Арья, заметив, что он снова открыл глаза.

— Готов.

Они встали в исходную позицию и на какое-то время замерли — каждый ожидал, что противник первым начнет атаку. Солнце было справа от Эрагона, и это означало, что если он атакует Арью слева, то солнце ударит ей прямо в глаза. Он такие штуки пробовал и раньше, но безуспешно. Однако сейчас он придумал такое продолжение этого броска, которое вполне могло оказаться удачным.

Он знал, что Арья не сомневается в своей способности так или иначе одержать над ним верх, хотя наверняка учитывает и его возможности, а также его страстное желание

победить. Однако она выиграла почти все их поединки, и этот опыт вселил в нее уверенность, что победить ей будет нетрудно, даже если в душе у нее и сохранились какие-то сомнения. Таким образом, понял Эрагон, ее уверенность в себе — это одновременно и ее слабость.

«Она считает, что гораздо лучше меня владеет мечом. Может, оно и так, но можно попытаться обратить против нее же ее собственные честолюбивые ожидания. Они-то ее в итоге и погубят! »

Он чуть продвинулся вперед и улыбнулся Арье точно так же, как она только что улыбалась ему. Но сейчас лицо ее казалось совершенно непроницаемым. И через какое-то мгновение она ринулась в атаку, явно намереваясь пронзить противника насквозь и пришпилить к земле.

Эрагон отскочил назад, чуть отклонившись при этом вправо, сознательно направляя туда и Арью. Она резко затормозила и замерла, точно дикий зверь, застигнутый врасплох на открытой поляне. Затем описала мечом полукруг перед собой, но с Эрагона глаз не сводила, и он вдруг подумал: и она ведь знает, что за ними наблюдает Глаэдр, а потому и ведет себя более решительно, желая непременно показать себя с наилучшей стороны.

И тут Арья смутила его, издав негромкое, совершенно кошачье урчание. Как и та ее ободряющая улыбка, это урчание было очередной уловкой, призванной сбить его с толку. И отчасти эта уловка сработала, однако Эрагон был настороже, ибо уже привык ожидать от нее чего-нибудь в этом роде.

Арья одним прыжком по диагонали пересекла расстояние между ними и принялась наносить ему тяжелые крученые удары, которые он блокировал щитом, позволяя ей сколько угодно атаковать и не оказывая почти никакого сопротивления, словно ее удары были слишком сильны и он может только защищаться. С каждым новым мощным ударом, весьма болезненно отдававшимся в руке и плече, Эрагон все сильней отступал вправо и даже слегка пошатывался, желая усилить впечатление того, что его неуклонно теснят. Но он по-прежнему оставался абсолютно спокоен и сосредоточен — пуст.

Эрагон понял, что наступает подходящий момент еще до того, как этот момент наступил, и как только это произошло, стал действовать, не задумываясь и не колеблясь, не пытаясь быть ни слишком быстрым, ни слишком медленным и стараясь лишь полностью использовать возможность этого уникального мгновения.

Когда меч Арьи опустился на него очередным рубящим ударом, он резко отклонился вправо, уходя от удара и одновременно вставая так, чтобы солнце светило ему точно в спину. И острие меча эльфийки с тяжелым хрустом вонзилось в землю.

Арья резко повернула голову, стараясь держать противника в поле зрения, и совершила ошибку: солнце ударило ей прямо в глаза. Она прищурилась, на мгновение ослепленная, ее зрачки превратились в две крошечные черные точки, и Эрагон, воспользовавшись этим, занес меч под ее левую руку, коснувшись верхней части ребер. Он мог бы ударить ее в ямку на шее под подбородком — и, наверное, сделал бы это, если бы они сражались по-настоящему, как враги, — но воздержался, ибо даже затупленное с помощью магии острие меча при таком ударе способно убить.

Арья коротко вскрикнула, когда Брисингр коснулся ее ребер, и, отшатнувшись, остановилась, прижимая руку к раненому боку и морщась от боли. На Эрагона она смотрела с каким-то странным выражением лица.

«Великолепно! — хрипло выкрикнул Глаэдр. — А теперь еще разок!»

На мгновение Эрагона охватило горячее удовлетворение собой, но он довольно быстро взял себя в руки и постарался вернуться к прежнему состоянию отстраненной настороженности.

Когда лицо Арьи прояснилось, она опустила руку, и они с Эрагоном опять принялись кружить, стараясь избегать того, чтобы солнце попадало им прямо в глаза. Эрагон вскоре заметил, что Арья ведет себя с ним куда осторожнее, чем прежде. Это было приятно, и ему не раз хотелось проявить большую решительность или даже агрессивность, но он сдерживался, понимая, что она специально проявляет подобную осторожность, надеясь, что

он проглотит наживку и вскоре окажется у нее на крючке, как это часто бывало и прежде.

Следующее схождение длилось всего несколько минут, хотя и этого времени вполне хватило, чтобы они успели обменяться вихрем молниеносных ударов. Щиты у обоих так и трещали, на землю летели щепки, клинки скрещивались со звоном, а тела противников то и дело, изгибаясь, взлетали в воздух.

И на этот раз результат оказался таким же, как предыдущий. Эрагону удалось обмануть бдительность Арьи ловким прыжком и моментальным движением кисти, а потом нанести ей резкий рубящий удар поперек груди.

От этого удара Арья пошатнулась, упала на одно колено и некоторое время оставалась в таком положении, хмурясь, тяжело дыша и гневно раздувая ноздри. Она сильно побледнела, лишь на скулах горели два алых пятна.

«Еще раз!» — приказал Глаэдр.

Эрагон и Арья подчинились, не прекословя. После двух одержанных побед настороженность Эрагона несколько ослабела, хотя примерно то же, как ему казалось, можно было сказать и об Арье.

В следующем поединке явного победителя не было. Арья собралась, сосредоточилась, и теперь ей удавалось отразить любое обманное движение Эрагона. Он, впрочем, ей не уступал. Они много раз сходились, но, в общем, безрезультатно, и наконец оба почувствовали себя настолько уставшими, что продолжать поединок уже не хотелось, и они остановились, опираясь на мечи, которые вдруг стали необыкновенно тяжелыми. Оба противника тяжело дышали, пот так и струился по их лицам.

«Еще раз!» — тихим голосом приказал Глаэдр.

Эрагон поморщился, вытаскивая Брисингр из земли. Чем сильнее было чувство усталости, тем труднее ему было удерживать свой разум в состоянии полного покоя, защищать его от проникновения посторонних мыслей. Еще труднее было не обращать внимания на боль, терзавшую его тело. Эрагон был уже не в состоянии сохранять присутствие духа и не поддаваться дурному настроению, которое обычно охватывало его, когда ему необходим был отдых.

Научиться справляться с этим было частью тех необходимых умений, которым пытался обучить его Глаэдр.

Плечи у Эрагона прямо-таки ныли от усталости, даже меч и щит держать было трудно, и он позволил себе опустить их на уровень талии, надеясь, что успеет поднять в случае необходимости. Арья сделала то же самое.

Сходились они на редкость медленно, словно исполняя какой-то торжественный танец, и это было совсем не похоже на их предыдущие, весьма ловкие и стремительные схождения.

Эрагон чувствовал себя совершенно вымотанным, но сдаваться и не думал. Получилось так, что этот тренировочный бой стал чем-то большим, чем просто «пробой пера». Пожалуй, он стал для Эрагона истинным испытанием. Испытанием его характера, силы, стойкости и умения сопротивляться. И у него не было ощущения, что это Глаэдр испытывает его, скорее это делала Арья. Она словно чего-то от него добивалась, требовала, чтобы он что-то доказал ей... Но что? Этого он не знал. Он только хотел выглядеть в ее глазах наилучшим образом. Сколько бы она ни пожелала с ним сегодня сражаться, он будет продолжать этот поединок, как бы ему ни было плохо или больно!

Капля пота упала ему в левый глаз. Он сморгнул ее, и в эту секунду Арья с громким криком сделала выпад. Они снова сошлись в своем смертельном танце и снова замерли друг напротив друга. Усталость брала свое, движения обоих стали менее ловкими, замедленными, и все же они продолжали кружить, время от времени делая выпады и не позволяя друг другу одержать победу.

Закончилось все тем, что они сошлись буквально нос к носу, скрестив мечи почти у самой гарды и собрав последние силы, попросту толкая друг друга.

И во время этой их безуспешной попытки побороть друг друга Эрагон вдруг сказал тихо и свирепо, глядя Арье прямо в глаза:

— Я... тебя... вижу!

В ее глазах промелькнула яркая искра и столь же быстро погасла.

ОТ СЕРДЦА К СЕРДЦУ

Глаэдр заставил их сходиться еще дважды. И каждый поединок кончался вничью, что огорчало золотистого дракона куда больше, чем Эрагона или Арью. Глаэдр бы, наверное, заставлял их биться до тех пор, пока не будет ясно, кто из них лучший, но к концу последнего поединка они настолько устали, что просто рухнули на землю.

Эрагон и Арья лежали рядом, тяжело дыша, и даже не думали подниматься, так что Глаэдру пришлось признать: было бы не просто бессмысленно, но и вредно заставлять их продолжать сражения. Когда оба встали с земли, Глаэдр велел им идти в палатку Эрагона. С помощью позаимствованной у Сапфиры энергии они излечили наиболее болезненные свои «ранения», а затем отнесли разбитые щиты оружейнику Фредрику, который хоть и выдал им новые, но все же прочел целую лекцию о том, что следует бережнее относиться к оружию.

Когда Эрагон и Арья вернулись в палатку, то обнаружили там Насуаду, которая поджидала их вместе со своими Ночными Ястребами.

— Ну, наконец-то, — сухо заметила она. — Если вы оба все-таки решили разрубить друг друга на куски, то давайте хоть поговорим сперва. — И она первой нырнула в палатку.

Блёдхгарм и его эльфы тут же окружили палатку со всех сторон и, похоже, заставили этим охранников Насуады почувствовать себя не в своей тарелке.

Эрагон и Арья последовали за Насуадой, а затем и Сапфира, к их удивлению, просунула в палатку свою огромную голову. Внутри сразу запахло дымом и паленым мясом.

При виде чешуйчатой головы Сапфиры Насуада, похоже, слегка растерялась, но быстро взяла себя в руки и, обращаясь к Эрагону, сказала:

– Это ведь был Глаэдр? Я его сразу почувствовала. Это был он?

Эрагон глянул в сторону входного отверстия, надеясь, что Ночные Ястребы достаточно далеко и подслушать не смогут, затем признался:

– Да, он.

– Я так и знала! – с глубоким удовлетворением воскликнула Насуада и неуверенно спросила: – А я могу поговорить с ним? Это... разрешено? Или же он имеет право общаться только с эльфами и Всадниками?

Эрагон колебался. Он посмотрел на Арью в поисках подсказки, но она молчала, и он сказал:

– Не знаю. Он, по-моему, еще не совсем в себя пришел и, возможно, не захочет...

«Я буду говорить с тобой, Насуада, дочь Аджихада, – прогремел у них в ушах голос Глаэдра. – Задавай свои вопросы, а потом оставь нас, ибо у нас еще очень много дел; нужно успеть подготовить Эрагона к грядущим испытаниям».

Эрагон никогда еще не видел Насуаду настолько потрясенной и испуганной.

– А где же... – только и сумела вымолвить она, беспомощно разведя руками.

И Эрагон указал ей на земляной пол в углу палатки.

Насуада удивленно подняла брови, потом кивнула и встала, почтительно поклонившись в ту сторону и приветствуя невидимого Глаэдра. Затем они мысленно обменялись обычными светскими любезностями. Насуада поинтересовалась здоровьем Глаэдра и спросила, не могут ли вардены обеспечить его чем-то для него необходимым. Эти вопросы заставили Эрагона изрядно понервничать, но Глаэдр вежливо объяснил ей, что здоровье у него в полном порядке, а что касается помощи, то ему ничего от варденов не нужно, однако же ему весьма приятно, что Насуада проявляет о нем такую заботу.

«Мне ведь больше не нужны ни еда, ни вода, – сказал он ей. – Чаще всего я просто сплю, но не в том смысле,

в каком вы понимаете сон. Мое единственное удовольствие теперь и единственное утешение состоит в том, что я хоть чем-то могу способствовать свержению проклятого Гальбаторикса».

И Насуада ответила, что прекрасно понимает его чувства, ибо и сама их испытывает.

Затем она спросила у Глаэдра, не знает ли он какого-нибудь способа, который мог бы помочь варденам захватить Драс-Леону, не положив при этом несметного количества людей и, как она выразилась, «не отдавая Эрагона и Сапфиру на растерзание Гальбаториксу и Муртагу, точно связанных и приготовленных для жарки цыплят».

Она довольно долго разъясняла Глаэдру сложившуюся ситуацию, пользуясь при этом массой специальных терминов, и он в итоге ответил ей так:

«К сожалению, простого решения этой проблемы у меня нет. Но я еще подумаю над этим. В данный момент я вообще не вижу для варденов простого пути к победе. Если бы Муртаг и Торн были сами по себе, мы с Эрагоном и Сапфирой легко сумели бы одержать над ними верх уже в поединке разумов. Но Гальбаторикс снабдил их множеством Элдунари — мне со столькими драконами одному не справиться. Даже если мне будут помогать Эрагон, Сапфира и эльфы».

Явно разочарованная его ответом, Насуада некоторое время молчала. Затем, прижав ладони к груди, она поблагодарила Глаэдра, распрощалась со всеми и ушла, осторожно обойдя голову Сапфиры, лежавшей у входа, и стараясь к ней не прикасаться.

Эрагон был отчасти даже рад, что она ушла, и, вздохнув с облегчением, сел на краешек своей лежанки, а Арья устроилась на низеньком трехногом табурете. Эрагон вытер ладони о штаны, чувствуя, что они, как, впрочем, и все его тело, липкие от пота, протянул Арье бурдюк с водой, который она с благодарностью приняла. Когда она утолила жажду, Эрагон тоже с наслаждением сделал несколько больших глотков. После их затянувшейся тренировки ему ужасно хотелось есть. Вода немного приглушила чувство голода, но живот все равно продолжал гневно бурчать.

Эрагон очень надеялся, что Глаэдр не слишком задержит их своими наставлениями. Ему хотелось съесть что-нибудь горячее до того, как сядет солнце и повара, загасив костры, уберутся на ночь в свои палатки. Иначе им с Арьей придется удовольствоваться черствым хлебом, вяленым мясом и овечьим сыром, а также, если повезет, парой луковиц. Подобная перспектива его не слишком радовала.

Когда они оба уселись, Глаэдр начал вещать, рассказывая Эрагону о принципах ведения «поединка разумов». Эрагон был уже неплохо знаком с принципами мысленного боя, хотя слушал внимательно и без лишних вопросов и жалоб выполнял все требования золотистого дракона.

Вскоре они перешли к практическим занятиям, и Глаэдр начал с того, что испытал способность Эрагона устанавливать мысленную защиту, при этом постоянно усиливая свой натиск. Это привело к нескольким достаточно сложным «поединкам разумов», во время которых каждый стремился занять доминирующее положение и подчинить себе мысли соперника хотя бы на несколько секунд.

Пока они вели эти сражения, Эрагон лежал на спине с закрытыми глазами, всю свою энергию сосредоточив на той схватке, что шла между ним и Глаэдром. Предыдущие физические упражнения отняли у него слишком много сил, да и голова после поединков с Арьей варила плохо. Зато Глаэдр казался полным сил и хорошо отдохнувшим, не говоря уж о том, что разум его был куда сильнее разума Эрагона, так что тот в лучшем случае оказывался способен лишь обороняться.

К счастью, дракон все же с некоторым снисхождением отнесся к его состоянию, не преминув сказать, правда, назидательным тоном:

«Ты должен быть готов защищать свое внутреннее «я» в любой момент, даже когда спишь. Очень даже может случиться, что тебе придется вести бой с самим Гальбаториксом или с Муртагом и как раз в такой момент, когда ты будешь настолько же измотан физически, как сейчас».

После еще двух таких мысленных поединков Глаэдр сменил свою роль на куда более спокойную роль зрителя и наставника, и его место заняла Арья. Она устала не

меньше Эрагона, но ведь тогда, в тюрьме Гилида, когда им довелось «скрестить клинки» собственных мыслей, она чуть не убила его, хоть и находилась в тот момент под воздействием колдовского зелья. Мысли Глаэдра отличались четкостью, дисциплинированностью и точной направленностью, однако даже он не мог, пожалуй, сравниться с Арьей, ибо она управляла собственным сознанием поистине железной рукой.

Кстати, как заметил Эрагон, искусство владения собой было чертой, весьма среди эльфов распространенной и культивируемой. Особенно этим отличался Оромис. Он столь безукоризненно владел собой, что его не способны были поколебать никакие сомнения и тревоги. Эрагон считал сдержанность эльфов не только общим свойством этого народа, но и естественным результатом их довольно сурового воспитания, широчайшей образованности и владения древним языком. Говорить и думать на языке, не позволяющем лгать — да еще и сознавая при этом, что любое твое слово способно выпустить на свободу некие магические чары, — было не просто нелегко. Это не позволяло проявлять ни малейшей беспечности ни в мыслях, ни в речах, воспитывало некий внутренний запрет на демонстрацию собственных чувств, не позволяя выплескивать эмоции наружу. И, как правило, эльфы обладали куда более высоким уровнем самообладания, чем представители других рас.

Несколько минут они с Арьей мысленно сражались друг с другом — он пытался уйти от ее железной хватки, способной сломать любые преграды, а она стремилась поймать и удержать его, дабы иметь возможность мысленно навязать ему свою волю. Несколько раз она его ловила, но ему все же удавалось вывернуться и уйти, хотя он понимал: если бы она действительно желала ему зла, спастись было бы невозможно.

Все это время их души находились в самом тесном соприкосновении, и Эрагон постоянно чувствовал, как некая диковатая музыка волнами проходит через темные пространства сознания Арьи и уносит его куда-то, разделяя его разум и тело, грозя поймать его в силки каких-то

странных колдовских мелодий, для которых на земле не нашлось бы аналога. Если честно, Эрагон с наслаждением отдался бы на волю этой колдовской музыке, если бы не сознавал, отбивая непрекращающиеся атаки Арьи, что люди редко хорошо кончают, попав под влияние эльфийской души. Он мог бы, разумеется, выйти из этого поединка и невредимым. Ведь, в конце концов, он все-таки был Всадником! Он был иным, чем другие люди. Но все равно риск в этом был, а до такой степени рисковать Эрагону не хотелось — во всяком случае, пока ему хотелось сберечь собственное душевное здоровье. Он же знал, как суровый страж Насуады Гарвен, проникнув в разум Блёдхгарма, превратился в мечтательного, придурковатого губошлепа.

И Эрагон, как мог, сопротивлялся искушению поддаться воле Арьи, подчиниться зову этой таинственной музыке мыслей.

Затем к их борьбе присоединились Глаэдр и Сапфира — иногда противостоя Эрагону, иногда его поддерживая. Старый дракон сказал Сапфире:

«Помни, Сверкающая Чешуя, ты должна быть в этом столь же умелой, как и Эрагон».

Помощь Сапфиры оказалась для него весьма существенной. Вместе они вполне — хотя и не без труда — могли противостоять мысленным атакам Арьи. А два раза им совместными усилиями даже удалось подчинить себе эльфийку. Но если Сапфира оказывалась на стороне Арьи, они обе настолько превосходили Эрагона силой своего разума, что он, оставив любые попытки атаковать, уходил все глубже «в тыл» — внутрь собственного «я», — сворачиваясь там в клубок, точно раненый зверь, и лишь повторял про себя обрывки стихов, выжидая, когда улягутся волны мыслительной энергии, которыми эльфийка и драконица хлестали его.

Наконец Глаэдр велел им разделиться, а сам объединился с Арьей против Эрагона и Сапфиры. Они провели еще один тренировочный бой — точно встретившиеся в бою два Всадника, каждый на своем драконе. В течение первых, весьма напряженных, мгновений казалось, что силы их примерно равны, но в итоге сила, опыт и хитрость

Глаэдра в сочетании со строгой и точной тактикой Арьи оказались для Эрагона и Сапфиры непреодолимыми, и они были вынуждены признать свое поражение.

Чувствуя, как сильно недоволен этим боем Глаэдр, Эрагон пообещал старому дракону:

«Завтра мы постараемся сражаться лучше, Учитель».

Настроение Глаэдра после этих слов стало еще более мрачным. Похоже было, что даже он несколько устал.

«Ты и так хорошо сражался, младший брат, — сказал он Эрагону.— Я не мог бы требовать большего ни от тебя, ни от Сапфиры, если бы вы оба на Врёнгарде были моими учениками. Однако я совершенно не представляю, как за какую-то неделю обучить вас всему, что вам знать и уметь было бы необходимо. Время утекает сквозь зубы, как вода, и скоро его совсем не останется. На то, чтобы обрести мастерство в бою умов, требуются годы, десятилетия, сотни лет! Но даже и тогда еще есть, чему поучиться. Есть, что открыть для себя нового — и о себе, и о своих врагах, и обо всем на свете». — Глаэдр еще что-то сердито проворчал и умолк.

«Что ж, значит, мы научимся тому, чему успеем, а дальше пусть судьба сама решает, — сказал Эрагон. — И потом, хоть Гальбаторикс и тренировал свой разум и силу целых сто лет, все же с того времени, как ты давал ему уроки, тоже прошло немало времени, и он наверняка кое-что успел за это время и позабыть. Так что я уверен: с твоей помощью мы сумеем его победить!»

Глаэдр фыркнул:

«А твой язык становится все более гладким, Эрагон Губитель Шейдов!»

Однако чувствовалось, что он явно доволен. Он разрешил всем своим «ученикам» поесть и отдохнуть и прервал с ними мысленную связь, не прибавив более ни слова.

Эрагон был уверен, что золотистый дракон по-прежнему наблюдает за ними, однако его присутствия больше не чувствовал, и ему вдруг показалось, что его окружает какая-то холодная пустота. Холод этой пустоты обволакивал его руки и ноги, ознобом пробегал по спине.

Вместе с Сапфирой и Арьей он продолжал сидеть в полутемной палатке, чувствуя, что никому из них ни о чем

говорить не хочется. Затем Эрагон все же заставил себя подняться и сказал:

— Ему, похоже, стало лучше. — Он сам удивился, как странно ломко звучит его голос, словно он очень давно им не пользовался; он потянулся к бурдюку с водой.

— Все, что сейчас происходит, очень хорошо для него, — кивнула Арья. — И *ты* для него очень подходишь. Иначе — при полном отсутствии цели в жизни — горе просто убило бы его. То, что Глаэдр вообще как-то выжил, уже само по себе... потрясает. Я восхищаюсь им. Мало кто — люди, эльфы или драконы — может продолжать нормальную жизнь после такой утраты.

— Бром смог.

— Бром по-своему был не менее выдающейся личностью, чем Глаэдр.

«Если мы убьем Гальбаторикса и Шрюкна, то как, по-вашему, отреагирует на это Глаэдр? — спросила мысленно Сапфира. — Будет ли он продолжать жить или же просто... уйдет в пустоту?»

В глазах Арьи блеснул отраженный свет факела, когда она посмотрела на Сапфиру и сказала:

— Только время может ответить на этот вопрос. Надеюсь, что он продолжит жить. С другой стороны, если мы с триумфом войдем в Урубаен, одержав победу над Гальбаториксом, Глаэдр, вполне возможно, сочтет, что его миссия выполнена и жить без Оромиса ему более не имеет смысла.

— Но мы же не можем просто так позволить ему сдаться! — воскликнул Эрагон.

«Согласна», — сказала Сапфира.

— Мы не имеем права останавливать его, если он сам решит уйти в пустоту, — строго сказала Арья. — Выбор за ним. И только за ним одним.

— Да, но мы можем попытаться убедить его, помочь ему понять, что жизнь стоит того, чтобы ее продолжать!

Арья на какое-то время словно застыла в глубоком молчании, лицо ее казалось странно торжественным и суровым:

— Я не хочу, чтобы он умирал. Никто из эльфов этого не хочет. Однако каждый миг после пробуждения от снов

для него мучителен, так не лучше ли, если он обретет избавление от этих мук?

Ни у Эрагона, ни у Сапфиры ответа на этот ее вопрос не нашлось. Они еще некоторое время продолжали обсуждать события минувшего дня, затем Сапфира вытянула свою голову из палатки и стала устраиваться на своей травянистой полянке.

«У меня такое ощущение, будто я лиса и голова моя застряла в кроличьей норе, — пожаловалась она. — У меня даже чешуя чешется, когда я не могу увидеть, не подкрадывается ли ко мне кто-нибудь сзади».

Эрагон ожидал, что и Арья тоже уйдет, но она, к его удивлению, осталась и, похоже, с удовольствием. Они продолжали болтать о всяких пустяках, и он был несказанно этому рад, даже терзавший его голод куда-то испарился. Возможно, виной тому были мысленные схватки с Арьей и Глаэдром. Впрочем, Эрагон в любом случае с радостью пожертвовал бы самым сытным горячим обедом ради одной тихой беседы с Арьей.

Ночь уже со всех сторон окутала их палатку, в лагере стало совсем тихо, а они все продолжали свой разговор, легко перескакивая с одной темы на другую. У Эрагона уже слегка кружилась голова от усталости и возбуждения — ему казалось, что он выпил слишком много крепкого медового напитка. Однако он заметил, что сегодня и Арья чувствует себя в его компании гораздо свободнее, чем обычно. Они говорили о Глаэдре и своих фехтовальных упражнениях, об осаде Драс-Леоны и о том, что тут можно было бы сделать. И о других менее важных вещах они тоже говорили, например, о том журавле, которого Арья видела во время охоты в тростниках на берегу озера, и о выпавшей чешуйке на морде Сапфиры, и о том, что лето кончается, а дни опять становятся холоднее... Но, словно ходя по кругу, все время возвращались к одному и тому же: к грядущему сражению с Гальбаториксом и тому, что ждет их в Урубаене.

Рассуждая насчет различных магических ловушек, которые может устроить для них Гальбаторикс, и как лучше этих ловушек избежать, Эрагон вдруг вспомнил вопрос, который Сапфира задала ему о Глаэдре.

— Арья...

— Да-а? — Она почти пропела это короткое словечко.

— А чем бы ты хотела заняться после того, как все это будет кончено? «Точнее, если все мы останемся живы», — подумал он.

— А ты?

Эрагон потрогал пальцем рукоять Брисингра.

— Не знаю... Я пока не позволяю себе думать о чем-то более далеком, чем поход на Урубаен... И потом, важно еще, чего захочет Сапфира. Мне кажется, мы с ней могли бы вернуться в долину Паланкар, я бы построил большой дом в предгорьях Спайна, где-нибудь на вершине холма. Мы, конечно, вряд ли много времени проводили бы там, зато всегда могли бы туда вернуться, когда нам не нужно было бы летать по всей Алагейзии из конца в конец. — Он усмехнулся. — Не сомневаюсь, дел у нас хватит, даже когда Гальбаторикс будет мертв. Однако ты мне так и не ответила: чем ты будешь заниматься, если мы победим? Должна же ты была думать об этом. Причем времени у тебя на подобные размышления было куда больше, чем у меня.

Арья приподняла одну ногу, поставила ее на табурет и, обхватив согнутое колено руками, оперлась о него подбородком. В полумраке палатки ее лицо на темном фоне войлочной стены странно качалось и расплывалось, словно лицо явившегося в ночи призрака.

— Я провела гораздо больше времени среди людей и гномов, чем среди эльфов, — сказала она, — и давно к этому привыкла. Пожалуй, мне уже и не хочется возвращаться в Эллесмеру и постоянно жить там. Там происходит слишком мало событий. Иной раз кажется, что целые столетия пролетают незаметно, пока сидишь и смотришь на звезды. Нет, скорее всего, я продолжу служить своей матери в качестве посла. Я ведь когда-то оставила Дю Вельденварден именно потому, что мне хотелось способствовать установлению в мире некоего равновесия... Ты правильно сказал: дел у нас хватит, даже если нам удастся одолеть Гальбаторикса. В этом мире многое нужно исправить, и мне бы хотелось стать частью этого процесса.

— Ясно... — Это был не совсем тот ответ, который Эрагон надеялся от нее услышать, но, по крайней мере, он давал ему возможность надеяться, что и после Урубаена они не расстанутся навсегда, что их связь не прервется, что он сможет хотя бы иногда видеть ее.

Если Арья и заметила его разочарование, то ничем себя не выдала. Они поговорили еще несколько минут, затем Арья извинилась и встала, собираясь уходить.

Когда она шагнула мимо него, Эрагон протянул было руку, чтобы остановить ее, но не решился, лишь воскликнул:

— Погоди... — Он и сам не знал, на что надеется, но все же надеялся. Сердце у него билось так сильно, что его стук отдавался в ушах; к щекам прилила кровь.

Арья чуть помедлила, стоя к нему спиной у выхода из палатки, потом сказала:

— Спокойной ночи, Эрагон, — и выскользнула наружу, тут же исчезнув в ночной темноте. А он остался сидеть один в пустой палатке.

ОТКРЫТИЕ

Следующие три дня пролетели для Эрагона незаметно, а вот остальные вардены продолжали маяться затянувшимся бездельем. Стояние у стен Драс-Леоны продолжалось. Некоторое оживление возникло, когда Торн переменил привычную позицию над центральными воротами и сместился на сотню футов вправо, устроившись на стене близ одной из сторожевых башен. После долгих споров и длительного совещания с Сапфирой Насуада и ее советники пришли к выводу, что Торн переместился исключительно из соображений большего удобства для себя, поскольку в этом месте стена была более гладкой и широкой. Но если не считать этого перемещения, осада явно затягивалась.

Каждое утро и вечер Эрагон подолгу и весьма интенсивно занимался с Глаэдром, а днем упражнялся в фехтовании с Арьей и другими эльфами. Теперь его сражения перестали быть столь затяжными и напряженными, как тот первый поединок с Арьей — было бы глупо каждый день изматывать себя до изнеможения. А вот Глаэдр попрежнему стремился спустить с него три шкуры и никогда не упускал возможности еще немного прибавить к его знаниям и умениям, но никаких скидок на случайные ошибки или усталость не делал.

Эрагон с удовольствием отмечал, что наконец-то способен до конца сохранить достоинство, сражаясь с эльфами. Но сохранить позиции во время этих поединков было непросто — стоило ему хоть на секунду ослабить сосредоточенность, как меч противника утыкался ему в грудь или был приставлен к горлу.

Во время занятий с Глаэдром ему удавалось делать весьма ощутимые успехи — но это если оценивать их с точки зрения обычных обстоятельств. Однако в данной ситуации и его самого, и Глаэдра приводило в отчаяние то, как медленно идет обучение.

На второй день во время утренних занятий Эрагон сообщил старому дракону:

«Учитель, когда я впервые прибыл в лагерь варденов в Фартхен Дуре, меня заставили открыть свои мысли близнецам. Они сказали, что должны выяснить, каковы мои познания в области древнего языка и магии».

«Ты ведь уже говорил об этом Оромису, так зачем же ты теперь повторяешь мне то же самое?»

«Потому что... Видишь ли, близнецы попросили меня тогда вызвать к жизни истинную форму серебряного кольца, а я в те времена еще не знал, как это делается. Это уже Арья мне потом объяснила, как с помощью древнего языка можно воссоздать суть любого предмета или существа. Но Оромис никогда ни о чем таком мне не рассказывал, и я все думал... почему он не говорит об этом?»

Глаэдр слегка вздохнул и сказал:

«Воссоздать истинную форму предмета — это весьма сложная магия. Чтобы этого добиться, нужно понимать всю важность, весь смысл существа или вещи — в точности как если бы ты пытался узнать чье-то истинное имя. Кроме того, практическая ценность подобных действий весьма мала. И они очень опасны. Очень! Дело в том, что подобное заклинание воплощается в жизнь как некий последовательный и непрерывный процесс. Ты не можешь произвольно остановить действие этого заклятия. Либо тебе удастся вызвать истинную форму того или иного объекта... либо нет, и тогда ты умрешь. Так что Оромису попросту незачем было учить тебя столь рискованным вещам. К тому же в те времена ты еще слишком мало знал, и даже обсуждать с тобой подобную тему было бессмысленно».

Эрагон внутренне содрогнулся, понимая теперь, почему Арья пришла в такое бешенство, когда близнецы потребовали, чтобы он вызвал к жизни истинную форму кольца. Потом он вдруг сказал:

«А знаешь, Учитель, теперь я, пожалуй, хотел бы это попробовать», — и сразу почувствовал, с каким пристальным вниманием посмотрел на него дракон.

«Зачем это тебе?»

«Хочу узнать, обладаю ли я тем уровнем знаний, чтобы понять сущность хотя бы самого маленького предмета».

«И снова я спрашиваю: зачем это тебе?»

Но найти нужные слова, чтобы более внятно объяснить свое желание, Эрагон не сумел и просто направил всю сумятицу собственных мыслей в сознание Глаэдра. Тот довольно долго переваривал этот невнятный поток идей и ощущений, но ответил ему так:

«Прав ли я, полагая, что ты связываешь это с возможностью одержать победу над Гальбаториксом? Ты думаешь, что если тебе удастся должным образом применить заклинание и остаться в живых, то ты сумеешь и его одолеть?»

«Да», — с облегчением выдохнул Эрагон. Он не сумел столь четко определить свои намерения, как это сделал дракон, но это было именно так.

«И ты решительно настроен попробовать?»

«Да, Учитель».

«Это может убить тебя», — напомнил ему Глаэдр.

«Я знаю».

«Эрагон! — воскликнула Сапфира, хотя голос ее звучал совсем слабо, отдаленно, ибо она в этот момент летала высоко над лагерем, высматривая, не грозит ли откуда опасность. — Это слишком опасно. Я бы никогда тебе этого не разрешила».

«Я должен это сделать», — упрямо заявил он.

И Глаэдр, обращаясь одновременно и к Эрагону, и к Сапфире, сказал:

«Хорошо, если ты настаиваешь, попробуй сделать это в моем присутствии. Если у тебя не хватит знаний, я смогу тебе подсказать и тем самым спасти тебя».

Сапфира, услышав ответ старого дракона, что-то сердито прорычала, чуть не оглушив Эрагона. Возле палатки послышались громкие крики людей и эльфов, шелест крыльев, и Сапфира, спикировав, приземлилась столь стремительно, что чуть не снесла палатку вместе с Эрагоном.

Потом она просунула в «дверь» свою огромную голову и сердито воззрилась на Эрагона. От горячего ветра, вырывавшегося у нее из ноздрей, у Эрагона зашевелились волосы на голове, а глаза начали слезиться; к тому же Сапфира недавно пообедала, и он задыхался от сильной вони горелого мяса.

«Ты так же туп, как какой-то кулл!» — заявила Сапфира.

«Не тупее тебя!»

Губа драконихи изогнулась в подобии хищной усмешки.

«Так чего же мы ждем? Раз ты собрался непременно попробовать свои силы, так начинай скорее!»

«Суть чего ты решил вызвать? — спросил Глаэдр. — Это должна быть такая вещь, с которой ты очень близко и хорошо знаком».

Эрагон некоторое время блуждал взглядом по палатке, потом вдруг уставился на кольцо с сапфиром, которое всегда носил на правой руке. «Арен...» С тех пор как Аджихад по просьбе Брома передал ему это кольцо, он почти никогда не снимал его с руки. Оно стало как бы частью его тела, такой же, как рука или нога. За те долгие часы, которые он провел, разглядывая кольцо Арен, он, казалось, запомнил каждую его грань, каждую фасетку и, закрывая глаза, легко мог представить себе это кольцо в мельчайших подробностях. Но при всем при этом он все же многого *не знал* о нем — не знал истории его жизни и того, как его создали эльфы, но самое главное, не знал, какие магические чары могли быть в него вплетены.

«Нет... не Арен».

Затем его взгляд упал на рукоять меча, стоявшего в углу и прислоненного к лежанке.

— Брисингр, — прошептал Эрагон.

Приглушенный шелест — и клинок на полдюйма приподнялся в ножнах, словно его подтолкнули снизу. Маленькие язычки пламени пробежали по лезвию, касаясь гарды. Потом пламя погасло, и меч скользнул обратно в ножны, поскольку Эрагон поспешно завершил невольно вырвавшееся у него заклинание.

«Брисингр», — думал он, будучи теперь совершенно уверенным в своем выборе. Этот меч был создан искусством

и умением эльфийки Рюнён, но и он, Эрагон, тоже приложил руку к его созданию, соединив свой разум с разумом оружейницы, когда они вместе ковали меч. Если и был в мире предмет, который он понимал и знал вдоль и поперек, так это его меч Брисингр.

«Ты уверен?» — спросил Глаэдр.

Эрагон кивнул и поймал себя на том, что золотистый дракон видеть его не может.

«Да, Учитель, уверен. Но у меня есть один вопрос: Брисингр — это истинное имя моего меча? Если же нет, то нужно ли мне узнать его истинное имя, чтобы сотворить заклятие?»

«Брисингр — это имя огня, как тебе известно. А истинное имя твоего меча, безусловно, гораздо сложнее, хотя оно вполне может включать в себя и слово «брисингр». Если ты хочешь, можно, конечно, обратиться к этому мечу, назвав его истинным именем, однако с тем же успехом ты мог бы называть его просто «меч», ибо результат будет точно таким же, поскольку истинное знание о нем будет у тебя на переднем крае мыслей. Имя — это всего лишь ярлык, символизирующий определенные знания о предмете, но для того, чтобы воспользоваться самими знаниями, ярлык тебе, в общем, ни к чему. Он сути не меняет. Ты меня понимаешь?»

«Да».

«В таком случае продолжай».

Эрагон задумался, затем отыскал в дальнем уголке своей души некий заветный уголок, обратился к нему, дабы пополнить запас своей телесной энергии, и, направив эту энергию как бы внутрь готового к произнесению им вслух слова, стал мысленно перечислять все то, что знает о своем мече. Наконец он громко и отчетливо сказал:

— Брисингр!

И почувствовал, что на мгновение словно лишился сил. Встревоженный, он попытался что-то сказать или хотя бы пошевелиться, но заклятие уже действовало и заставило его замереть на месте. Он не мог ни глазом моргнуть, ни вздохнуть.

И меч его не вспыхнул синим пламенем, как обычно. Теперь его лезвие как бы струилось, словно отражение

в воде. Затем в воздухе рядом с ним возник некий прозрачный сверкающий предмет — идеальное подобие самого Брисингра, только без ножен, столь же безупречное, как он сам. Эрагону ни разу не довелось обнаружить в своем мече ни малейшего недостатка, но его подобие, как бы плывущее в воздухе, было, похоже, еще лучше. Перед Эрагоном словно возникла *сама идея этого меча*, которую никто, даже старая Рюнён со всем ее опытом, не сумел бы воплотить в жизнь.

Как только это подобие стало видно достаточно отчетливо, Эрагон вновь обрел способность дышать и двигаться. Он еще на несколько секунд продлил действие заклятия, чтобы иметь возможность сполна восхититься красотой вызванного образа, завершил действие чар, и призрачное подобие меча медленно растаяло в воздухе.

И в палатке неожиданно воцарилась полная темнота. Только тут Эрагон почувствовал, как внимательно следят за ним Сапфира и Глаэдр, как тесно их разум соприкасается с его разумом. Оба дракона были необычайно напряжены. Если бы он вздумал шутливо подтолкнуть Сапфиру, она бы, наверное, от неожиданности свернулась в кольца, точно змея, и зашипела.

«А если бы я вздумала шутливо пихнуть тебя, от тебя только мокрое место осталось бы», — заметила она, услышав его мысли.

И Эрагон, блаженно улыбаясь, опустился на лежанку. Он чувствовал себя очень усталым.

В ушах у него прозвучал глубокий вздох Глаэдра — словно ветер прошелестел над пустынной равниной, — и старый дракон сказал с явным облегчением:

«Ты хорошо справился с этим заданием, Губитель Шейдов. Но давай все же больше не будем его повторять».

Похвала Глаэдра удивила Эрагона. Старый дракон не был особенно щедр на похвалы — особенно с тех пор, как начались эти их занятия.

«Хорошо, Учитель, я согласен», — ответил Эрагон и, передернувшись от озноба, потер плечи; странный холод сковывал его тело, руки и ноги прямо-таки заледенели. Ему и самому не очень-то хотелось повторять подобный

опыт. И все же Эрагон испытывал глубокое чувство удовлетворения: он доказал сам себе, что кое-что способен сделать не хуже — а может, и лучше — многих других магов Алагейзии.

И это, безусловно, вселяло в его душу надежду.

Через два дня в лагерь вернулся Роран со своими товарищами: усталый, израненный, измученный долгой дорогой. Возвращение Рорана на какое-то время вывело варденов из тупого ожидания. Они устроили героям Ароуза грандиозную встречу, однако очень скоро большинством вновь овладело тоскливое настроение.

Эрагон был страшно рад, что Роран вернулся живым и невредимым. Он знал, что с его двоюродным братом все в порядке, поскольку несколько раз наблюдал за ним с помощью магического кристалла, и все же видеть его воочию было очень приятно. Эрагон сразу избавился от того чувства невнятной тревоги, которое все это время его преследовало. Роран и Катрина были теперь его семьей — Муртаг не считался, Эрагон и не воспринимал его как брата, — и ему было невыносимо даже подумать о том, что он может потерять Рорана.

Однако, встретившись с братом, Эрагон был потрясен его внешним видом. Он ожидал, конечно, что Роран и его спутники будут вконец измотаны, но Роран выглядел куда более худым и усталым, чем все остальные. Казалось, за это время он постарел лет на пять. Веки у него покраснели, глаза были обведены черными тенями и глубоко запали, на лбу пролегли резкие морщины, все тело в синяках и ссадинах. А пятнистая, наполовину обгоревшая борода имела вид в высшей степени неопрятный и странный.

Все пятеро — ибо, увы, их вернулось всего пятеро, а не шестеро — тут же отправились к целителям Дю Врангр Гата, а затем предстали перед Насуадой. Она поблагодарила героев за проявленные мужество и храбрость и отпустила всех, кроме Рорана. Его она попросила дать подробнейший отчет об этом походе и о самом захвате Ароуза. Рассказывал он довольно долго, но Насуада и Эрагон, стоявший по ее правую руку, слушали его с неослабевающим

вниманием, время от времени ужасаясь подробностям, которые он сообщал. Когда он умолк, Насуада объявила, что присваивает Рорану звание полковника и ставит его во главе одного из варденских полков.

Эрагон ожидал, что эта новость обрадует Рорана, но заметил, что морщины на лице брата отчего-то стали еще глубже, а брови хмуро сошлись на переносице. Роран, однако, не возразил Насуаде и жаловаться ни на что не стал. Он просто поклонился и сказал своим охрипшим от усталости голосом:

— Как тебе будет угодно, госпожа Насуада.

Эрагон проводил Рорана до его палатки, возле которой их уже поджидала Катрина. Она так радостно бросилась к Рорану, что Эрагон смущенно отвернулся.

Они пообедали все вместе, включая Сапфиру, но Эрагон с Сапфирой при первой же возможности, извинившись, откланялись, видя, что у Рорана просто нет сил на гостей, да и Катрине хочется наконец остаться с мужем наедине.

Когда они с Сапфирой брели через лагерь в сгущавшихся сумерках, кто-то за спиной вдруг отчаянно закричал: «Эрагон! Эрагон! Погоди минутку!»

Эрагон обернулся и увидел высокую хлипкую фигуру Джоада. Старый ученый чуть ли не бегом догонял его, длинные седые волосы его разлетались во все стороны, худощавое, гладко выбритое лицо раскраснелось. В левой руке Джоад сжимал потрепанный кусок пергамента.

— Что случилось? — с тревогой спросил Эрагон.

— Вот! — воскликнул Джоад, сияя глазами, и протянул ему пергамент. — Я сумел снова это сделать! Я отыскал тот проход! — В сумеречном свете страшный белый шрам, спускавшийся Джоаду на висок, как-то особенно выделялся на фоне его загорелой кожи.

— *Что* ты сумел сделать снова? *Какой* проход ты нашел? Говори помедленней, я что-то тебя не понимаю!

Джоад опасливо огляделся и, наклонившись как можно ближе к Эрагону, прошептал:

— Это вознаграждение за мои бесконечные поиски и труды, за то, что я перерыл целую груду книг! Я открыл тайный туннель, который ведет прямо в Драс-Леону!

РЕШЕНИЯ

— Объясни мне еще раз, — попросила Насуада.

Эрагон нетерпеливо переступил с ноги на ногу, но от комментариев воздержался.

Из груды свитков и книг, сваленных перед ним на столе, Джоад извлек тоненький томик в красном кожаном переплете и в третий раз начал свой рассказ.

— Примерно пятьсот лет назад, насколько я могу определить...

Джормундур прервал его нетерпеливым движением руки.

— Оставь ты эти подробности. Мы и так знаем, что это всего лишь твои предположения.

Джоад начал снова:

— Итак, примерно пятьсот лет назад королева Форна послала Эрста Серобородa в Драс-Леону или, точнее, в то место, которое *должно было стать* Драс-Леоной...

— А зачем она его туда послала? — спросила Насуада, играя кружевами рукава.

— Межклановая борьба среди гномов была в самом разгаре. Форна надеялась, что сможет обеспечить поддержку нашему народу, если поможет королю Радгару с планированием и строительством города, ведь, собственно, именно гномы создали крепостные укрепления Ароуза...

Насуада скатала кружева в трубочку и подсказала:

— Но тут Долгратх Полубочка убил Форну...

— О да. И Эрст Серобород, не имея иного выбора, был вынужден как можно скорее вернуться в Беорские горы, чтобы защитить свой клан от посягательств Долгратха. Однако же еще до своего ухода в горы... — И тут Джоад

поднял палец, призывая всех быть внимательными, и открыл красную книжку. — В общем, он, похоже, начал работу еще до своего ухода в горы. Главный советник короля Радгара, лорд Ярдли, пишет в своих мемуарах, что Эрст начал создавать план строительства канализационной системы под центральной частью города, поскольку это должно было иметь значение при строительстве оборонительных сооружений.

Орик со своего места в дальнем конце стола, занимавшего всю центральную часть шатра, заметил, одобрительно кивая:

— Истинная правда! Всегда требуется для начала решить, как распределится на местности вес укреплений, и учесть тип почвы, на которой эти укрепления будут строиться, иначе неизбежны провалы и осыпи.

Джоад благодарно на него посмотрел и продолжил:

— Разумеется, в Драс-Леоне и *теперь* нет никакой канализационной системы под землей, и я уверен, что ни один из этих планов Эрста Серобородa не был претворен в жизнь. Однако же вот здесь Ярдли пишет следующее. — И Джоад, сунув нос в книгу, прочел: — «В связи с самым плачевным поворотом событий грабители сожгли многие дома и разграбили фамильные сокровищницы. Солдаты реагировали медленно, потому что были заняты на подземных работах. Их заставили копать землю, точно простых крестьян». — Джоад опустил книгу и сказал: — Итак, какими же подземными работами они были заняты и зачем копали землю? Я долгое время не мог отыскать более никаких упоминаний об этой подземной деятельности ни в самой Драс-Леоне, ни в ее окрестностях, пока... — Он положил на стол красную книжку и выбрал другой, куда более увесистый том, толщиной, наверное, в целый фут. — Совершенно случайно... просматривая книгу «Деяния Тарадаса и другие тайны оккультных явлений, засвидетельствованные в эру людей, гномов и древнего народа эльфов»...

— В этой книге полно ошибок, — заметила Арья. Она стояла слева от стола, обеими руками опираясь о карту Драс-Леоны. — Ее автор крайне мало знал о моем древнем народе, а то, чего он не знал, он попросту выдумывал.

— Это вполне возможно, — согласился Джоад, — зато он очень много знал о людях, а нас в данный момент интересуют именно люди. — Старый ученый аккуратно раскрыл толстый том примерно на середине и аккуратно опустил его на стол, прижав ладонью. — Великий Отхман, занимаясь своими расследованиями, некоторое время провел в этих местах, изучая в основном Хелгринд и связанные с ним странные явления. Однако он считал, что и с самой Драс-Леоной что-то не так. Вот что он пишет: «Жители города часто жалуются на странные звуки и запахи, которые просачиваются откуда-то из-под улиц и пола в домах, причем особенно они сильны по ночам. Эти явления невежественные люди приписывают обычно духам, привидениям и прочим сверхъестественным существам, но если это действительно духи, то какие-то странные, не похожие на тех, о которых я когда-либо слышал или читал. Кроме того, известно, что решительно все духи избегают замкнутых пространств». — Джоад закрыл книгу и сказал: — К счастью, Отхман был достаточно въедлив и отметил на карте Драс-Леоны те места, где особенно часто слышались эти звуки. Посмотрите — и сами можете убедиться, что эти отметки образуют почти прямую линию, которая тянется через всю старую часть города.

— И ты думаешь, что как раз там и находится тоннель? — спросила Насуада. И это прозвучало скорее как утверждение.

— Именно так, — кивнул Джоад.

Сидевший рядом с Насуадой король Оррин, который все это время молчал, решил высказаться:

— На мой взгляд, ничто из того, что ты показал нам, добрейший Джоад, не доказывает пока, что там действительно существует некий туннель. Если под городом и есть подземное пространство, то это, скорее всего, какие-то погреба, или, возможно, катакомбы, или же еще какие-то помещения, имеющие выход в те строения, что находятся наверху. Но даже если там и есть некий подземный ход, неизвестно, продолжается ли он за пределы Драс-Леоны и куда именно он ведет. Возможно, прямо во дворец, а возможно, и никуда. Скорее всего, судя даже по твоему

рассказу, строительство этого гипотетического подземного хода так никогда и не было завершено. Ты со мной не согласен?

— Нет, ваше величество. Во-первых, это, скорее всего, именно туннель, если учесть его форму, — сказал Джоад. — Никакие погреба или катакомбы не могут быть такими узкими и длинными. Что же касается того, был ли этот подземный ход завершен... Нам известно, что им никогда не пользовались для каких-то конкретных целей. Но известно также и то, что туннель этот действительно существовал. По крайней мере, в те времена, когда жил Отхман. А это значит, что этот туннель, или подземный ход, или нечто иное, это уж как вам больше понравится, Эрст должен был закончить хотя бы *до определенной степени*, иначе просачивание грунтовых вод его бы очень быстро разрушило.

— Ну, а где же вход в него — или выход, если угодно? — спросил король Оррин.

Джоад порылся в груде свитков и вытащил оттуда еще одну карту Драс-Леоны, на которой была также изображена часть ее окрестностей.

— Насчет этого я, конечно, не могу быть полностью уверен, но если туннель действительно ведет из города, то выход из него должен быть где-то здесь... — И Джоад ткнул указательным пальцем в какую-то точку на восточной окраине города. Большая часть строений за пределами стены, ограждавшей и охранявшей сердце Драс-Леоны, была расположена на западной стороне города, ближе к озеру. Это означало, что из того места, на которое указал Джоад, хоть оно, похоже, и находилось в довольно безлюдной местности, куда ближе до центра города, чем из любого другого. — Однако точно сказать, так ли это, я не могу. Мне нужно лично побывать там и попытаться отыскать выход из туннеля.

Эрагон нахмурился. Он надеялся, что Джоад уже обнаружил и вход, и выход из этого подземного туннеля.

— Тебя следует поздравить — это замечательное открытие, мой добрый Джоад, — ласково сказала старику Насуада. — Ты в очередной раз сослужил варденам неоценимую службу. — Она встала со своего стула с высокой

спинкой, похожего на трон, и тоже наклонилась над расстеленной картой. Подол ее платья шуршал, касаясь земляного пола. — Хотя, если мы пошлем в эту местность разведчиков, то рискуем обратить на это внимание противника. Предположим, что подземный ход действительно существует, однако он может оказаться для нас практически бесполезен и даже опасен, если Муртаг и Торн будут поджидать нас у его противоположного конца. — Она посмотрела на Джоада. — Как ты думаешь, насколько этот туннель широк? Сколько человек одновременно смогут пройти там?

— Не могу сказать. Возможно...

Орик прокашлялся:

— Земля здесь мягкая, глинистая, с большим количеством ила — это ужасно для строительства туннелей. Если у Эрста была хоть капля разума, он бы никогда не стал планировать для отвода городских стоков один большой канал, а создал бы *несколько*, но меньшего размера, чтобы уменьшить риск провалов и образования каверн. Тогда я бы предположил, что каждый из них примерно ярд в ширину.

— Слишком узко для того, чтобы там одновременно могли пройти даже двое, — сказал Джоад.

— Да, слишком узко, разве что один кнурла пройти сможет, — подтвердил Орик.

Насуада вернулась на свое место и уставилась на карту невидящими глазами, словно смотрела куда-то в даль.

Некоторое время все молчали, потом Эрагон сказал:

— Я мог бы поискать этот туннель, с помощью магии став невидимым. Часовые меня не заметят.

— Возможно, — прошептала Насуада. — Однако мне по-прежнему не нравится эта идея — не годится, если ты или кто-то другой станет там шнырять. Слишком велика вероятность, что это все-таки заметят. А что, если за выходом из туннеля наблюдает Муртаг? Его ты тоже смог бы провести? Ведь ты даже не знаешь, на что он теперь способен! — Она покачала головой. — Нет, мы должны действовать осторожно, но так, словно этот подземный ход действительно существует. И решения принимать в соответствии с этим.

Если же события докажут обратное, мы не пострадаем. Но если Джоад прав, то... мы могли бы раз и навсегда овладеть Драс-Леоной.

— Что ты задумала? — с подозрением спросил король Оррин.

— Нечто весьма смелое, нечто... *неожиданное.*

Эрагон негромко фыркнул:

— Тогда тебе надо с Рораном посоветоваться.

— Уверяю тебя, Эрагон, для этого Роран мне совершенно не требуется.

Насуада снова умолкла. Все, включая Эрагона, терпеливо ждали, когда она заговорит снова. Наконец она встрепенулась, вышла из задумчивости и сказала:

— Значит, так: посылаем маленький отряд воинов, который проберется в город и *изнутри* откроет нам ворота...

— И ты думаешь, что *маленький отряд* с этим справится? — прервал ее Орик. — Между прочим, ворота охраняют сотни воинов. К тому же, если ты случайно об этом забыла, на городской стене или где-то поблизости ошивается *гигантский огнедышащий ящер.* Уж *он-то* наверняка проявит интерес к кучке глупцов, осмелившихся в открытую слоняться у самых ворот. Это если еще не принимать во внимание самого Муртага!

Не желая, чтобы обсуждение столь важной темы завершилось провалом, Эрагон заявил:

— А с Муртагом могу справиться я.

Он ожидал, что Насуада сразу же отвергнет его предложение, но она удивила его тем, что сперва глубоко задумалась, а потом вдруг сказала:

— Хорошо. Попробуем.

И ни один из приготовленных Эрагоном аргументов не потребовался. Он в полном изумлении смотрел на Насуаду. Было похоже, что она и сама сделала для себя примерно те же выводы, что и он.

Сразу же все заговорили разом, пытаясь перекричать друг друга. Но вскоре Арье удалось остановить эту шумную дискуссию, и она обратилась к Насуаде:

— Нельзя подвергать Эрагона такой опасности. Ты не должна этого допускать. Это неразумно. Пошли вместо

него кого-нибудь из заклинателей Блёдхгарма. Я знаю, они согласятся помочь. Эльфы — отличные воины, ничуть не хуже тех, кого ты сама можешь предложить. Включая Эрагона.

Насуада покачала головой:

— Никто из подручных Гальбаторикса не осмелится убить Эрагона — ни Муртаг, ни маги, ни даже простые солдаты. Мы должны этим воспользоваться. Кроме того, Эрагон самый могущественный наш маг, и только у него может хватить сил, чтобы открыть эти ворота. Так что у него самый большой шанс на успех из всех нас.

— А если его возьмут в плен? Он же не сможет в одиночку противостоять Муртагу. И ты это знаешь!

— А мы отвлечем Муртага и Торна. Это и даст Эрагону возможность осуществить задуманное.

Арья вздернула подбородок:

— Как? Как ты будешь их отвлекать?

— Мы сделаем вид, будто пошли на штурм Драс-Леоны вот отсюда, с южной стороны. Сапфира облетит город, поджигая дома и убивая солдат на стенах, и у Торна с Муртагом просто не будет иного выхода: им придется начать на нас охоту. Особенно если все это время Эрагон будет *как бы* летать верхом на Сапфире. Блёдхгарм и его заклинатели наверняка сумеют создать двойника Эрагона, они уже делали это и раньше. И пока Муртаг не подлетит к нему слишком близко, он и не узнает, что это не настоящий Эрагон.

— Значит, ты определенно намерена так действовать?

— Да.

Лицо Арьи окаменело.

— Тогда я пойду вместе с Эрагоном! — заявила она.

И Эрагон сразу ощутил невероятное облегчение. Он и раньше надеялся, что Арья пойдет с ним, но не был уверен, можно ли просить ее об этом, и боялся, что она откажется.

Насуада вздохнула:

— Ты — дочь королевы Имиладрис, и я не хотела бы подвергать тебя такой опасности. Если тебе суждено погибнуть... Вспомни, как реагировала твоя мать, когда решила,

что Дурза тебя убил. Вардены не могут позволить себе потерять поддержку вашего народа.

— Моя мать... — И Арья, не договорив, плотно сжала губы и немного помолчала. Затем сухо сказала: — Смею заверить тебя, госпожа Насуада, королева эльфов Имиладрис никогда не оставит варденов в беде, что бы ни случилось со мной, ее дочерью. Это тебя совершенно не должно беспокоить. Короче, я *непременно* буду сопровождать Эрагона и возьму с собой двух заклинателей Блёдхгарма.

Насуада покачала головой:

— Нет, в лучшем случае — одного. Муртагу известно, скольким эльфам поручено защищать Эрагона. Если он заметит, что двоих не хватает, он может заподозрить ловушку. И потом, Сапфире может понадобиться *вся* возможная помощь с нашей стороны, чтобы не угодить в лапы Муртагу.

— Три воина — слишком мало для выполнения такой задачи, — стояла на своем Арья. — Мы не сможем обеспечить безопасность Эрагона. И вряд ли сумеем открыть городские ворота.

— Но ведь с вами может пойти и кто-то из заклинателей Дю Врангр Гата.

На лице Арьи мелькнула едва заметная насмешка.

— Никто из этих заклинателей не обладает достаточным умением и могуществом. Мы окажемся в абсолютном меньшинстве — один к ста, а то и больше. Нам, возможно, придется сражаться не просто с умелыми фехтовальщиками, но и с опаснейшими опытными магами. Только эльфы или Всадники...

— Или шейды, — прогрохотал Орик.

— Или шейды, — согласилась Арья, хотя Эрагон видел, до чего она раздражена, — при таком соотношении сил могут надеяться на победу. Но даже и тогда ничего нельзя будет сказать наверняка. Позволь нам взять двух заклинателей Блёдхгарма, Насуада. Никто другой для выполнения подобной задачи не годится. Во всяком случае среди варденов.

— А я кто, по-твоему? Рубленая печенка?

Все повернулись в ту сторону, откуда донеслось это возмущенное восклицание, и из темного угла в задней части шатра появилась травница Анжела. Эрагон даже и не знал, что она там притаилась.

— Вот уж странно, — задумчиво сказала Анжела, — с чего это я вздумала сравнивать себя с рубленой печенкой? Если уж выбирать какой-то орган, то куда интересней выбрать желчный пузырь или тимус... Они, право, куда интереснее, чем печень. Как, например, насчет рубленого тиму... — Она сама себя прервала и улыбнулась. — Ну, я полагаю, это совершенно не важно. — И она, задрав голову, посмотрела на Арью. — Ну что, не станешь ты возражать, если с вами пойду я? Что ж ты молчишь, эльфийка? Во всяком случае, я не из варденов. Мне хотелось бы дополнить этот ваш квартет и стать четвертой.

К огромному удивлению Эрагона, Арья кивнула и сказала:

— Конечно, мудрейшая. Я не хотела тебя обидеть. Для нас было бы большой честью, если бы ты согласилась пойти с нами.

— Вот и хорошо! — воскликнула Анжела. — Значит, *ты* тоже возражать не будешь? — Это она сказала, обращаясь уже к Насуаде.

Насуада, явно несколько смущенная, покачала головой:

— Раз ты сама так хочешь... И если Эрагон и Арья не возражают... В общем, у меня, полагаю, нет ни малейших причин не разрешить тебе этого. Хотя я просто не представляю, зачем тебе-то туда соваться!

Анжела с заносчивым видом тряхнула кудрями:

— А ты думаешь, я стану объяснять тебе каждое свое решение? А впрочем, скажу, если это удовлетворит твое любопытство. Допустим, я давно уже точу зуб на жрецов Хелгринда, и мне бы очень хотелось сделать им какую-нибудь пакость. И потом, если объявится Муртаг, у меня в рукаве найдется парочка подходящих фокусов, чтобы заставить его как следует повертеться.

— Хорошо бы еще Эльву попросить пойти с нами, — сказал Эрагон. — Если кто и может помочь нам избежать опасности...

Насуада нахмурилась.

— В последний раз она, по-моему, весьма четко обозначила свою позицию. Во всяком случае, я точно к ней на поклон не пойду. И не буду даже пытаться убедить ее, чтобы она свое решение переменила.

— Я сам попробую с ней поговорить, — сказал Эрагон. — Я — единственный, на кого она действительно сердита, я и должен просить ее о помощи.

Насуада разгладила подол своего золотистого платья и принялась теребить украшавшую его бахрому. Потом вдруг сказала:

— Делайте, как хотите! Хотя мне очень не нравится эта идея. Посылать ребенка, даже такого одаренного, как Эльва, навстречу опасности... Впрочем, она, я полагаю, более чем способна постоять за себя.

— Только до тех пор, пока боль того, кто с нею рядом, не возьмет над нею верх, — заметила Анжела. — Помнится, после некоторых последних сражений она валялась без движения, свернувшись клубком, и едва могла дышать.

Насуада перестала перебирать бахрому и с самым серьезным видом посмотрела на Эрагона:

— Эльва непредсказуема. И даже если она согласится пойти с вами, будь очень осторожен, Эрагон.

— Буду, — пообещал он.

Затем Насуада принялась обсуждать различные проблемы с Орриком и Ориком, и Эрагон совершенно перестал их слушать, поскольку мало что мог добавить к их расчетам.

Оказавшись наедине с самим собой, он мысленно обратился к Сапфире, которая через него слушала происходившие в шатре споры.

«Ну, — спросил он, — а ты что думаешь? Что-то ты уж больно притихла. Я был почти уверен, что ты и сама выскажешься, когда Насуада предложила эту тайную вылазку в Драс-Леону».

«Нет, мне нечего было ей возразить. Это хороший план».

«Так ты с ней согласна?!»

«Мы с тобой давно уже перестали быть неуклюжими малышами, Эрагон. Наши враги, может, и свирепы, но и мы не хуже. Настала пора напомнить им об этом».

«А тебя не тревожит, что нас с тобой могут разделить?»

«Конечно, тревожит, — проворчала она. — Куда бы ты ни пошел, враги слетаются к тебе, точно мухи на мед. Однако и ты теперь не так уж беспомощен, как был когда-то». — И в ее голосе послышалось явное удовлетворение.

«Вот как?!» — с притворным возмущением воскликнул Эрагон.

«Ну, я хотела сказать, что теперь твой укус стал куда опасней, чем прежде».

«И твой тоже!»

«Хм... Я полечу на охоту. Собирается жуткая буря, а на таком ветру можно и крылья переломать. К тому же вряд ли у меня потом будет возможность как следует поесть, особенно если мы пойдем на штурм».

«Благополучной тебе охоты», — сказал Эрагон.

И, чувствуя, что Сапфира прервала с ним мысленную связь, он вернулся к обсуждению планов по захвату Драс-Леоны, понимая, что и его жизнь, и жизнь Сапфиры будет зависеть от тех решений, которые примут Насуада, Орик и Оррин.

ПОД ГОРОЙ И ПОД КАМНЕМ

Эрагон пошевелил плечами, поправляя металлическую кольчугу, которую на всякий случай надел под рубаху.

Вокруг них лежала тьма, тяжелая, давящая. Толстый слой туч скрывал луну и звезды. Без того красного колдовского огонька, который держала на ладони Анжела, даже Эрагон и эльфы ничего не смогли бы разглядеть.

Воздух был влажный, и пару раз на лицо Эрагону упали капли дождя.

Эльва только рассмеялась, когда он попросил ее о помощи, и отказалась пойти с ними. Он долго и упорно убеждал ее, но безуспешно. Даже Сапфира вмешалась, подлетев к той палатке, где жила девочка-ведьма. Она пристроила голову буквально в футе от Эльвы, так что бедняжке пришлось смотреть прямо в сверкающие, немигающие глаза драконихи.

В присутствии Сапфиры Эльва не осмеливалась смеяться в открытую, но идти с ними по-прежнему отказывалась. Ее упрямство приводило Эрагона в отчаяние. И все же он не мог не восхищаться силой ее характера; сказать «нет» в ответ на просьбу Всадника и дракона было не так-то просто. С другой стороны, несчастная девочка за свою короткую жизнь испытала столько боли! И этот печальный опыт закалил ее так, как не были закалены даже самые отчаянные и храбрые из варденов.

Шагавшая рядом с Эрагоном Арья плотнее запахнула свой длинный плащ. Эрагон тоже был в плаще, как и Анжела, и черноволосый эльф Вирден, которого Блёдхгарм выбрал им в компанию. Эти плащи не только защищали их от ночного холода, но и должны были скрывать от

любопытных глаз их мечи, что было особенно важно в городе – если, конечно, им удастся туда войти.

Насуада, Джормундур и Сапфира проводили их до границы лагеря. В самом лагере царила суета: люди, гномы и ургалы готовились идти на штурм Драс-Леоны.

– Очень вас прошу, – сказала Насуада, и ее дыхание тут же превратилось в облачко пара, – если не сумеете к рассвету добраться до ворот, найдите местечко, где можно было бы переждать до утра, а к ночи предпримете новую попытку.

– Вряд ли мы сможем позволить себе такую роскошь, как ждать до утра, – возразила Арья.

Насуада потерла замерзшие руки и кивнула. Она казалась какой-то необычайно встревоженной.

– Да, наверное. Так или иначе, мы будем готовы выступить, как только вы с нами свяжетесь – вне зависимости от времени суток. Ваша безопасность важнее взятия Драс-Леоны. Помните это. – Ее взгляд скользнул на Эрагона.

– Нам пора идти, – сказал Вирден. – Близится рассвет.

Эрагон на мгновение прижался лбом к Сапфире.

«Доброй охоты», – ласково пожелала она ему.

«И тебе доброй охоты».

Обоим не хотелось расставаться, и Эрагон догнал Арью и Вирдена, следовавших за Анжелой, уже на некотором расстоянии от лагеря. Они направлялись к восточной окраине города. Насуада и Джормундур шепотом пожелали им счастливого пути и удачи, и все вокруг окутала тишина, в которой слышалось лишь учащенное дыхание четверых варденов и шорох их шагов.

Анжела совсем уменьшила свечение волшебного огонька, и он был теперь едва виден, так что Эрагон с трудом различал во тьме собственные ноги. Приходилось сильно напрягать зрение, чтобы не натыкаться на валуны и завалы ветвей.

Примерно час они шли в полном молчании, потом травница вдруг остановилась и прошептала:

– Все. По-моему, мы пришли. Я довольно хорошо определяю пройденное расстояние, хотя, конечно, могла и просчитаться на добрую тысячу футов. В такой темнотище ни в чем нельзя быть полностью уверенной.

Где-то слева от них над горизонтом проплыл десяток крошечных, с булавочную головку, огоньков — единственное свидетельство того, что они находятся рядом с Драс-Леоной. В темноте эти огоньки казались совсем близкими.

Эрагон, Арья и Анжела окружили Вирдена, который опустился на колени и стянул с правой руки перчатку. Приложив ладонь к земле, эльф принялся выпевать заклинание. Пока он пытался определить, где находится подземный ход, Эрагон внимательно всматривался в окружающую тьму и чутко прислушивался, опасаясь возможного появления городской стражи. Капли дождя стали теперь падать все чаще, но Эрагон надеялся, что к моменту штурма погода улучшится — если, конечно, штурм вообще начнется и они сумеют объединиться с остальными варденами.

Где-то загукала сова, и Эрагон невольно схватился за рукоять Брисингра, но вовремя остановился. «Барзул!» — произнес он про себя любимое ругательство Орика. Он явно слишком нервничал, понимая, что ему, возможно, вот-вот придется снова вступить в схватку с Муртагом и Торном.

«Я же *наверняка проиграю*, если буду так психовать», — думал он. Он постарался замедлить дыхание и приступил к тем мысленным упражнениям, которым научил его Глаэдр. Эти упражнения помогали восстановить контроль над собственными чувствами.

Старый дракон без особого восторга отнесся к тому заданию, которое им было поручено, но и препятствовать не стал. Обсудив с Эрагоном кое-какие тонкости, Глаэдр сказал: «Опасайся темных мест, Эрагон. Там порой шныряют очень странные существа». Подобное напутствие несколько удивило Эрагона: вряд ли оно могло показаться ободряющим.

Он вытер мокрое от мороси лицо, но руку с рукояти меча так и не снял. Кожа перчатки была приятно гладкой и теплой на ощупь.

Сунув руку за пазуху, он поддел большим пальцем перевязь Белотха Мудрого, с удовольствием ощутив тяжесть двенадцати безупречных алмазов, спрятанных в ней. Ранним утром он пошел на задний двор, где повара забивали

кур и овец, чтобы накормить варденов завтраком, и перенес энергию умирающих животных в алмазы Белотха. Он ненавидел подобные операции. Когда он вступал в мысленный контакт с умирающим животным или птицей — если у того, разумеется, еще была цела голова, — то страх и боль несчастного существа становились его страхом и болью, а потом бедняга ускользал в пустоту, и Эрагон каждый раз чувствовал, будто умирает с ним вместе. Это было просто ужасно, и душу его охватывала паника. Поэтому, когда было возможно, он старался шепнуть обреченным животным несколько слов на древнем языке, чтобы хоть как-то успокоить их, утешить и умерить их боль. Иногда ему это удавалось, а иногда — нет. Хотя все эти животные, так или иначе, должны были умереть, он все равно каждый раз страдал: ему казалось, что это *он* виновен в их смерти. И он чувствовал себя нечистым, словно выпачканным в грязи.

Теперь перевязь Белотха Мудрого стала намного тяжелее, ибо в ней была спрятана сила многих убитых животных. Но даже если бы спрятанные в перевязи алмазы сами по себе ничего не стоили, для Эрагона эта перевязь все равно была бы дороже золота — ведь сколько жизней было отдано, чтобы наполнить ее могуществом!

Когда Вирден перестал петь, Арья спросила:

— Ну что, нашел?

— Сюда, — указал Вирден и встал.

Облегчение и одновременно волнение охватили душу Эрагона: «Джоад оказался прав!»

Вирден повел их по дороге через холмы, затем они спустились в какой-то овраг, почти незаметный в складках земли.

— Вход в туннель должен быть где-то здесь, — сказал эльф и указал на западный край оврага.

Анжела усилила волшебный свет, и они принялись искать вход, прощупывая берег оврага и тыкая в землю палками. Дважды Эрагон обдирал лодыжки, спотыкаясь о стволы упавших деревьев, и порой даже шипел от боли, жалея, что не надел поножи. Но поножи, как и прочие доспехи, а также щит остались в лагере. Подобное облачение привлекло бы к ним в городе слишком много ненужного внимания.

Искали они минут двадцать, двигаясь плотным строем, и наконец Эрагон услыхал звон металла и тихий окрик Арьи: «Сюда!»

Все поспешили к ней. Арья стояла у небольшой, заросшей кустами ложбинки. Раздвинув ветки кустов, она показала им вход в выложенный камнями туннель в пять футов в высоту и три в ширину. Вход прикрывала ржавая металлическая дверца.

— Смотрите, — сказала Арья, указывая на землю.

Эрагон присмотрелся: к туннелю вела тропинка, явно протоптанная множеством прошедших здесь ног. Даже в неясном красноватом свете волшебного огонька, горевшего на ладони у травницы, эта тропинка была видна достаточно отчетливо. Кто-то, видимо, не раз пользовался этим туннелем, незаметно проникая в Драс-Леону и выходя из нее.

— Продвигаться будем очень осторожно, — прошептал Вирден.

Анжела слабо хмыкнула.

— А как же еще? Или, может, ты хотел идти под звуки труб и громкие крики герольдов?

Эльф отвечать не стал, но явно был смущен.

Арья и Вирден осторожно отворили дверцу и первыми вошли в туннель. Оба зажгли по огоньку, и эти беспламенные светлячки поплыли у них над головой, похожие на маленькие красные солнца, хотя света они давали не больше чем горсть углей.

Эрагон, чуть задержавшись, спросил у Анжелы:

— Почему это эльфы обращаются с тобой так уважительно? Они тебя, похоже, чуть ли не боятся.

— А разве я не заслуживаю уважения?

Он улыбнулся и спросил:

— Может быть, ты когда-нибудь все-таки расскажешь мне о себе.

— С чего это ты решил, что я стану о себе рассказывать? — И Анжела, чуть оттолкнув его в сторону, вошла в туннель. Плащ так и взвился у нее за спиной, точно крылья Летхрблака.

Эрагон только покачал головой и последовал за ней.

Травница была такого маленького роста, что ей даже особенно наклоняться не приходилось, чтобы не стукнуться о потолок туннеля, а вот Эрагон был вынужден довольно сильно пригнуться и шел, сгорбившись, как старик; то же самое, впрочем, пришлось сделать и эльфам. Подземный ход был практически пуст. Пол в нем был покрыт тонким слоем засохшей глины. У самого входа валялось несколько палок и камней да сброшенная змеиная шкурка. Внутри пахло сырой соломой и дохлыми ночными бабочками.

Эрагон и его спутники старались идти как можно тише, но туннель весьма усиливал любой звук, так что каждый легкий удар или шорох отзывался гулким эхом, похожим на странный повторяющийся шепот, живущий как бы сам по себе. Из-за этого шепота Эрагону казалось, что они окружены неким сонмом бестелесных духов, которые, переговариваясь, комментируют каждое их движение.

И вынюхивают, и подсматривают. Вдруг он споткнулся о камень, который отлетел и ударился о стенку туннеля с громким стуком, в сотню раз усиленным проклятым эхом.

— Ох, простите, — почти беззвучно прошептал Эрагон, поскольку все разом на него оглянулись.

«Вот черт! — Он усмехнулся. — Что ж, теперь по крайней мере понятно, откуда на поверхности земли слышатся эти странные звуки, которые так пугают жителей Драс-Леоны. Надо будет непременно сказать об этом Джоаду».

Когда они прошли по туннелю довольно далеко, Эрагон остановился и оглянулся на вход, уже совершенно невидимый в темноте. Тьма, казалось, была уже ощутимой на ощупь, точно тяжелая ткань. А еще эти тесные и низкие проходы... У Эрагона было ощущение, что его проглотило некое чудовище и вот-вот начнет переваривать. Обычно он спокойно относился к пребыванию в замкнутом пространстве, но этот туннель чем-то напоминал сеть грубо вырытых проходов внутри Хелгринда, где они с Рораном сражались с раззаками, а это воспоминание было отнюдь не из самых приятных.

Эрагон глубоко вздохнул и хотел было уже идти дальше, как вдруг увидел два больших блестящих глаза,

сверкавших в темноте, точно два золотистых топаза. Эрагон схватился за меч и вытащил было его из ножен, но тут из мрака прямо перед ним появился Солембум, неслышно ступая мягкими лапами.

Затем, остановившись на границе светового круга, кот-оборотень насторожил уши с черными кисточками и принял такую позу, словно был чем-то приятно удивлен.

Эрагон, вздохнув с облегчением, приветливо поздоровался с ним.

«Как это я сразу не догадался: раз с нами пошла Анжела, то следом за ней, разумеется, направится и Солембум. — И снова в голову Эрагона полезли мысли о загадочном прошлом травницы. — Интересно, как это ей удалось завоевать такую верность кота-оборотня?»

Когда их маленький отряд двинулся дальше, Солембум опять исчез во мраке, но явно шел следом за Эрагоном, и тот был очень доволен тем, что кот теперь прикрывает ему спину.

Перед их выходом из лагеря Насуада собрала всех на короткое совещание, напомнив, сколько точно солдат имеется в городе, где они расквартированы, чем обычно заняты. А также — где живет Муртаг, где он ест и какое у него вчера было настроение. Все эти сведения были невероятно ценны, но когда Насуаду спросили, откуда она все это знает, она с улыбкой объяснила, что с тех пор, как вардены расположились близ Драс-Леоны, коты-оборотни постоянно там шпионят, и пообещала, что, когда Эрагон и его спутники окажутся в пределах города, коты будут сопровождать их до самых южных ворот, но своего присутствия постараются не показывать — слишком они важны были в качестве постоянных шпионов. И действительно, кому придет в голову, что какой-то бродячий кот, пусть даже крупнее обычного, на самом деле является вражеским шпионом? После этого короткого совещания у Насуады Эрагону вдруг пришло в голову, что одна из самых больших физических слабостей Гальбаторикса — это то, что ему по-прежнему необходимо спать, как и обычному человеку.

«Если мы сегодня же не возьмем его в плен или не прикончим, — думал он, — то в следующий раз, возможно, эта

его слабость нам поможет. Если его постоянно будить среди ночи и несколько ночей подряд не давать ему спать, то вряд ли он будет способен должным образом сражаться».

А туннель все не кончался и был прямым, как стрела, нигде не сворачивая и не изгибаясь. Эрагону, правда, показалось, что они понемногу начинают подниматься в гору — и это действительно имело бы смысл, если бы этот туннель был предназначен для сброса городских сточных вод, в чем Эрагон вовсе не был уверен.

Через некоторое время земля у них под ногами стала более мягкой и начала прилипать к подошвам, точно мокрая глина. С потолка капала вода, порой попадая Эрагону за шиворот и скатываясь по спине, противная, как прикосновение холодного пальца. Один раз он поскользнулся в лужице, а когда протянул руку и коснулся стены, чтобы восстановить равновесие, то обнаружил, что стена покрыта мерзкой слизью.

Прошло еще сколько-то времени — казалось, они могли провести здесь и час, и десять часов, и десять минут, — и у Эрагона заболели шея и плечи, поскольку ему постоянно приходилось идти в согнутом положении. А вокруг были все те же стены, грубо вырубленные в скальной породе.

Наконец он заметил, что эхо их шагов становится все глуше и все чаще между каждым отдельным звуком возникают паузы. Вскоре они действительно вышли в некое довольно просторное помещение прямоугольной формы с ребристым куполообразным потолком футов пятнадцать высотой. Там никого не было, только в углу виднелся какой-то полусгнивший бочонок. А в противоположной стене имелось три одинаковых арочных прохода, ведущих в три совершенно одинаковые комнаты, маленькие и темные. А вот куда можно было пройти из этих комнаток дальше, разглядеть было невозможно.

Все остановились. Эрагон наконец-то смог выпрямить спину и даже поморщился от боли в мышцах.

— По-моему, эти помещения вряд ли были задуманы самим Эрстом Серобородом, — сказала Арья.

— И какой же из проходов нам следует выбрать? — спросил Вирден.

— Разве это не очевидно? — вмешалась травница Анжела. — Левый, конечно! Всегда нужно выбирать левый. — И она устремилась к левому проходу, хотя с виду он был точно таким же, как и два других.

Эрагон не сумел удержаться:

— Ну, это с какой стороны смотреть? Если смотреть с той, тогда левый — это...

— Левый — это правый, да, да, — тут же остановившись, подхватила Анжела. И прищурилась. — Порой ты что-то больно умен, Губитель Шейдов! Смотри, как бы тебе это не повредило. Ну, хорошо, попробуем по-твоему. Но не говори, что я не предупреждала тебя, если мы несколько дней будем ходить тут кругами.

На самом-то деле Эрагон предпочел бы пойти по центральному коридору. Ему казалось, что именно он может вывести их на улицы города. Но вступать в споры с травницей ему не хотелось.

«Так или иначе, мы вскоре должны выйти к лестнице, — думал он. — Не может же быть под Драс-Леоной слишком много таких помещений».

Повесив у себя над головой волшебный огонек, Анжела решительно возглавила их отряд. Вирден и Арья следовали за ней, а Эрагон оказался замыкающим.

Комната за правой аркой оказалась более просторной, чем можно было предположить. Шагов через десять она еще и заворачивала, заканчиваясь очередным коридором, на стенах которого висели канделябры, но без свеч. Коридор привел их в еще одно маленькое помещение, где в стене тоже имелись три арочных прохода, каждый из которых вел в очередную комнату с арочными проходами, и так до бесконечности.

«Кто же все это построил и зачем?» — растерянно спрашивал себя Эрагон. Все эти помещения казались совершенно заброшенными, и в них не было ничего, кроме одного-единственного стула с уцелевшими двумя ножками, который развалился при первом же прикосновении, да груды битой глиняной посуды в углу, покрытой густой темной паутиной.

У Анжелы, похоже, даже сомнения не возникло насчет того, какое направление выбрать. Она безошибочно

находила нужный коридор. Эрагону даже возразить было нечего, хотя порой он сомневался в правильности ее выбора. Все равно он не мог придумать никакой альтернативы ее способу поиска выхода из туннеля.

Травница остановилась, когда они вышли в некое округлое помещение с семью арочными проходами в стенах, расположенными на равных расстояниях друг от друга. За арками виднелись семь коридоров, включая тот, по которому они сюда пришли.

— Отметь тот, по которому мы только что прошли, иначе мы так и будем ходить по кругу, — сказала Арья.

Эрагон вернулся в коридор и острием Брисингра нацарапал на каменной стене крест. Он все время вглядывался во тьму, надеясь, что там мелькнет Солембум, но даже усов кота-оборотня разглядеть не смог. Опасаясь, что кот мог заблудиться в лабиринте похожих друг на друга коридоров и комнат, Эрагон хотел было мысленно заговорить с ним, но вовремя подавил в себе это желание. Если бы кто-то перехватил их обмен мыслями, слуги Империи сразу поняли бы, где они находятся.

— Ага! — воскликнула Анжела. Тени так и заходили вокруг Эрагона, поскольку травница приподнялась на цыпочки и свой волшебный фонарь тоже подняла как можно выше.

Эрагон поспешил в центр комнаты, где уже стояли Анжела и Вирден.

— Что это? — шепотом спросил он.

— Потолок, Эрагон, — прошептала Арья. — Посмотри на потолок!

Он посмотрел, но увидел только старинные каменные плиты, покрытые плесенью и многочисленными трещинами. Странно еще, что этот потолок давным-давно не обвалился.

Потом Эрагон проследил взглядом чуть дальше, и у него перехватило дыхание.

Это были не трещины, а очень глубоко вырезанные в потолке руны! Ряды мелких и аккуратных остроугольных рун. Плесень и минувшие века несколько затрудняли их чтение, но все же большая часть высеченного в камне текста была вполне читаемой.

Эрагон некоторое время мучительно сражался с древней письменностью, но сумел разобрать лишь несколько слов, да и те были написаны несколько иначе, чем он привык.

— Что там сказано? — спросил он. — Это что же, язык гномов?

— Нет, — ответил Вирден. — Это язык твоего народа, только очень древний. На таком языке говорили и писали много веков назад. Да и диалект к тому же весьма необычный: диалект того племени, к которому принадлежал зелот Тоск.

Это имя словно задело некую струну в душе Эрагона, и он вспомнил:

— Когда мы с Рораном спасали Катрину, то слышали, как жрецы Хелгринда упоминают некую книгу, написанную этим Тоском!

Вирден кивнул:

— Да. Она служит фундаментом их веры. Тоск был не первым, кто предложил жрецам Хелгринда те молитвы, которые они произносят, но он первым кодифицировал их верования и обряды, и с тех пор остальные лишь подражали ему. Те, кто поклоняется Хелгринду, считают Тоска священным пророком. А *это*, — и эльф обвел рукой потолок, покрытый рунами, — жизнеописание Тоска от рождения до смерти: истинная история, которой его ученики и последователи никогда бы не стали делиться с теми, кто не входит в их секту.

— Мы могли бы немало узнать из этих надписей, — сказала Анжела, точно завороженная не сводя глаз с потолка. — Если бы только у нас было время...

Эрагон был поражен тем, как сильно все это ее заинтересовало.

Арья, с сожалением оторвав глаза от потолка, посмотрела на семь коридоров, лежащих перед ними.

— Сейчас, еще несколько секунд, — сказал Вирден, вместе с Анжелой упорно разбиравший руны.

И Арья, подойдя к одной из арок, стала вполголоса напевать какое-то заклятие, видимо, желая получить некое указание на то, куда им следовать дальше. С помощью подобных заклинаний, как знал Эрагон, обычно ищут спрятанный предмет. Потом она умолкла, выждала с минуту, склонив голову набок, и перешла к следующей арке.

Эрагон еще некоторое время рассматривал руны, а потом вернулся к тому коридору, по которому они сюда пришли, и прислонился плечом к стене. И сразу же почувствовал леденящий холод, исходивший от камня.

Арья тем временем дошла до четвертого прохода и возобновила свое монотонное пение, похожее на вздохи ветра.

И снова не получила никаких указаний.

Слабое щекочущее прикосновение к правой руке заставило Эрагона посмотреть вниз. Огромный бескрылый сверчок прицепился к его перчатке. Насекомое выглядело ужасно: черное, раздувшееся, с зазубренными лапками и массивной головой, похожей на череп. Его панцирь блестел, точно намазанный маслом.

Эрагон содрогнулся от отвращения и щелчком отправил сверчка куда-то в темноту.

Тот приземлился с хорошо слышимым шлепком.

Пятый коридор принес те же результаты, что и первые четыре. Арья обошла выход из того коридора, где стоял Эрагон, и остановилась у седьмой, последней, арки.

Но свое заклинание она произнести не успела: горловой вой эхом пронесся по дальним коридорам. Казалось, этот вой слышится отовсюду одновременно. Затем раздалось шипение, плевки, царапанье когтей, и от этих звуков каждый волосок на теле Эрагона, казалось, встал дыбом.

Анжела волчком завертелась на месте:

— Солембум!

Все четверо, как один, тут же выхватили мечи.

Эрагон отступил спиной к центру комнаты, его взгляд метался с одного прохода на другой. Гёдвей Игнасия чесалась у него на руке, точно укус блохи — но это предупреждение об опасности было бессмысленным, ибо он никак не мог понять, что это за опасность и откуда она грозит.

— Сюда! — сказала Арья, направляясь к седьмому коридору.

Но Анжела сойти с места не пожелала.

— Нет! — упрямо прошептала она. — Мы должны помочь Солембуму!

Только сейчас Эрагон заметил у нее в руке короткий меч со странным, почти бесцветным лезвием, которое

в лучах волшебного света переливалось, как драгоценный камень.

Арья нахмурилась.

— Если Муртаг узнает, что мы здесь...

Все произошло так быстро и так бесшумно, что Эрагон ничего не успел бы заметить, если бы не смотрел в нужном направлении... Полдюжины дверей, скрытых в стенах трех различных коридоров, резко распахнулись, и тридцать или сорок людей в черном выбежали оттуда и бросились на них с мечами в руках.

— Летта! — крикнул Вирден, и люди в черном стали налетать друг на друга, поскольку первые из них внезапно остановились, словно споткнувшись о невидимую стену.

Но остановились далеко не все. Люди в черном бросились вперед, и времени на магию попросту не осталось. Эрагон легко отразил колющий удар и, совершив хитрый обманный пас, ловко вывернул своему противнику руку, а потом отрубил ему голову. Как и у всех остальных, лицо этого человека было закрыто платком, видны были только глаза, и эти глаза все еще смотрели на Эрагона поверх платка, когда голова уже катилась по полу.

Эрагон испытал даже некоторое облегчение, почувствовав, как Брисингр пронзает человеческую плоть, ибо весьма опасался, что напавшие на них люди в черном защищены магическими чарами или, в крайнем случае, доспехами; или же — что самое страшное — они вовсе не люди.

Он рубанул второго противника по ребрам и как раз вовремя успел обернуться, чтобы вступить в схватку еще с двумя, и тут чей-то меч, описав арку, полетел с другого конца помещения прямо ему в горло.

Магическая защита спасла его от неминуемой смерти, и все же меч почти коснулся его шеи, повиснув в воздухе. И Эрагон, не совладав с собой, пошатнулся и чуть отступил назад. К его удивлению, тот, кого он только что рубанул мечом, все еще стоял на ногах, хотя по боку у него ручьем текла кровь, и явно не обращал никакого внимания на рану.

Эрагона охватил леденящий ужас.

— Они не чувствуют боли! — крикнул он, яростно сражаясь сразу с тремя противниками. Если

кто-то его и услышал, то отвечать все равно возможности не было.

Эрагон пошел в наступление, рассчитывая, что товарищи в случае чего прикроют ему спину. Он размахивал Брисингром так, словно тот весил не больше щепки. Обычно в случае столь активной атаки он в один миг мог расправиться с любым противником. Но то, что эти люди оказались невосприимчивы к боли, означало, что ему нужно либо обезглавить каждого, либо нанести удар в самое сердце, или надеяться на то, что от потери крови воин потеряет сознание. Во всех иных случаях люди в черном оставались на ногах и по-прежнему стремились его прикончить, несмотря на полученные увечья. Их было слишком много, и Эрагон просто не успевал отвечать на сыпавшиеся со всех сторон удары. Он мог бы, конечно, перестать обороняться, уповая на магическую защиту, но поддержка такой защиты, пожалуй, отняла бы у него больше сил, чем любые активные действия. И поскольку Эрагон не мог предсказать, в какую минуту откажет его невидимая защита — а она, безусловно, должна была рано или поздно отказать, иначе он попросту рухнул бы замертво, — было ясно, что силы понадобятся и их надо беречь. А потому сражался яростно, но весьма осторожно, стараясь лишний раз не прибегать к магической защите и понимая, что люди в черном в любой момент могут его искалечить или прикончить.

А из потайных дверей все выбегали слуги Хелгринда. Они толпились вокруг Эрагона, грозно тесня его, тянулись к его рукам и ногам.

— Кверст (что значит «режь, руби»), — прорычал он себе под нос. Это было одно из тех двенадцати смертельно опасных слов, которым когда-то научил его Оромис. Однако, как он, впрочем, и подозревал, это магическое слово никакого эффекта не имело: люди в черном были защищены какой-то особой магией. Тогда Эрагон быстро произнес то заклинание, которое однажды применил против него Муртаг: — Триста виндр!

Это заклинание сработало — ему удалось как бы оттолкнуть нападающих с помощью мощной волны сжатого воздуха.

Вой ветра наполнил помещение, срывая с Эрагона плащ и путая волосы. Тех «черных», что были ближе всего к нему, приподняло над полом и швырнуло на их же соплеменников. Теперь перед ним была свободная полоса футов в десять шириной. Сил у него, правда, стало ощутимо меньше, но не настолько, чтобы он не мог продолжать сражаться.

Эрагон обернулся, чтобы посмотреть, как дела у его спутников. Он был не одинок в своих попытках разрушить чары, охранявшие людей в черном. Яркие молнии, вылетая из правой руки Вирдена, обвивали тела нападающих и стекали по ним, подобно светящейся жидкости. Но это не спасало положение, потому как из боковых коридоров выбегали новые воины.

— Сюда! — крикнула Арья, указывая на седьмой коридор — тот самый, к обследованию которого она перешла в тот момент, когда на них напали.

Вирден с Эрагоном сразу же последовали за ней. Анжела шла последней, прихрамывая и зажимая рукой рубленую рану на плече. Люди в черном, упорно их теснившие, вдруг, словно заколебавшись, остановились у входа в тунель. А затем, издав страшный рев, и вовсе прекратили преследование.

Мчась по коридору, Эрагон пытался восстановить одно из наиболее ранних своих заклинаний, которое позволяло сразу убивать людей, а не просто отшвыривать их в сторону. Это ему удалось, и он держал заклинание наготове, намереваясь в случае опасности сразу же пустить его в ход.

«Кто они, эти люди? И сколько их там?» — думал он.

Впереди виднелся конец коридора, освещенный неярким пурпурным светом. У Эрагона как раз хватило времени догадаться об источнике этого свечения, когда Анжела вдруг громко вскрикнула... Затем последовала ярко-оранжевая вспышка света, зубодробительный грохот, и в воздухе отчетливо запахло серой.

Эрагон резко повернулся и успел увидеть, как пять человек уволакивают Анжелу в какой-то боковой коридор.

— Нет! — завопил Эрагон, но остановить их не успел. Потайная дверца захлопнулась прямо у него перед носом столь же бесшумно, как и отворилась, и стена вновь стала

казаться идеально целостной. — Брисингр! — вскричал он, и на лезвии меча заплясало яркое пламя. Приставив острие к камню, Эрагон попытался нащупать там хоть какую-то щель и открыть дверцу. Но плиты были подогнаны слишком плотно, а стена была слишком толста, чтобы растопить ее с помощью этого пламени. Эрагон вскоре понял, что подобная попытка отнимет гораздо больше сил, чем он был готов — и имел право — пожертвовать.

Затем рядом с ним возникла Арья. Приложив руку к тому месту, где только что была дверца, она прошептала: «Ладрин!», но дверь открываться упрямо не желала. Зато Эрагон был весьма смущен тем, что сам не догадался в первую очередь применить это простое заклинание.

А преследователи уже снова были так близко, что им с Арьей оставалось лишь развернуться и принять бой. Эрагон хотел применить заклятие, которое только что вспомнил, но в узком коридоре места хватало только для двоих, и он не сумел бы убить всех врагов, поскольку даже не видел их за первыми рядами. Так что он решил пока приберечь это заклятие на тот случай, когда можно будет разом прикончить большую часть воинов в черном.

Они с Арьей обезглавили двоих, напавших на них первыми, затем, переступив через их тела, прикончили и двоих следующих, и еще двоих, однако нападающим, похоже, не было конца.

— Сюда! — крикнул им Вирден.

— Стенр слаута! — воскликнула Арья, и Эрагон машинально перевел про себя: «Камни, скрежещите!»

И тут же вдоль всего коридора — за исключением того маленького участка, где они стояли, — стены словно взорвались, обваливаясь в проход. Град острых каменных осколков посыпался на людей в черном, заставляя их приседать и закрываться руками. Многие были серьезно ранены и попадали на пол.

А Эрагон и Арья бросились следом за Вирденом, который бежал к дальнему концу коридора, где был виден новый проход. Эльф был от него уже всего шагах в пятнадцати.

В десяти...

В пяти...

И тут целый куст каменных пик аметистового цвета вырос из щелей в полу и потолке, и Вирден попал точно между ними. Эльф, казалось, взлетел в воздух и завис посреди коридора. Острия полупрозрачных пик почти касались его кожи, но магическая защита не давала им впиться в его плоть. Затем по остриям с треском пробежали искры неведомой энергии, концы их ярко вспыхнули, и они с отвратительным хрустом, разрушив магическую защиту Вирдена, пронзили его насквозь.

Эльф пронзительно вскрикнул, дернулся и больше не пошевелился.

Эрагон смотрел и не верил собственным глазам, стоя перед этими вылезшими из трещин каменными пиками. Ни разу ему не доводилось видеть гибели эльфа. Вирден и Блёдхгарм, как и все остальные в их маленьком отряде, были столь совершенны, что, как казалось Эрагону, смерть могла их настигнуть только в сражении с Гальбаториксом или, в крайнем случае, с Муртагом.

Арья, похоже, была потрясена не меньше. Однако же, довольно быстро взяв себя в руки, она потребовала:

— Эрагон, расчисти проход своим Брисингром!

Дело было в том, что меч Эрагона, в отличие от меча Арьи, был невосприимчив к любой, даже самой черной магии, которую могли источать волшебные острия.

Он отвел руку назад и изо всех сил ударил по каменным пикам. Полдюжины треснули сразу. Ломаясь, волшебный аметист издавал звон, подобный колокольному, осколки его звенели на каменном полу, как ледышки.

Пробиваясь сквозь эту преграду, Эрагон старался держаться правой стены коридора, чтобы случайно не задеть те окровавленные острия, что пронзили тело Вирдена. Снова и снова наносил он удары, вырубая сверкающий лес, и с каждым ударом осколки аметиста со свистом разлетались все дальше по коридору. Один из них задел Эрагону щеку, и он поморщился, удивленный тем, что магическая защита не сработала. Острые обломки сломанных «пик» заставляли его двигаться с особой осторожностью. Они легко могли насквозь проткнуть его сапоги и пропороть ступни, а те, что свисали и падали сверху, могли сильно

поранить шею и голову. И все же, двигаясь по краю этих жутких каменных зарослей, он ухитрился получить лишь небольшой порез правой голени, который, правда, довольно сильно жгло, когда он опирался на ногу.

Воины в черном почти настигали их. Эрагон помог Арье пробраться сквозь последний ряд аметистовых «пик», и они, вырвавшись на свободу, ринулись к выходу из коридора, навстречу пурпурному свету. Впрочем, Эрагон более чем когда-либо жаждал не бежать, а развернуться, чтобы дать бой своим преследователям, убить их и отомстить за смерть Вирдена.

Коридор вывел их в большой и темный, с тяжелыми массивными стенами зал, который очень напоминал пещеры под Тронжхаймом. Крупные плиты, выложенные по кругу — мрамор, халцедон, кровавик, — занимали всю центральную часть. Вокруг этого странного мозаичного диска были как бы расставлены крупные необработанные куски аметиста размером с кулак взрослого мужчины, оправленные в серебро. Каждый из них слабо светился. Это и был тот источник света, который они увидели с противоположного конца коридора. По ту сторону диска у дальней стены высился большой черный алтарь, накрытый алой тканью с золотой вышивкой. Вокруг алтаря стояли столбы с канделябрами, по обе стороны от него виднелись закрытые двери.

Все это Эрагон увидел, едва влетев в зал и за мгновение до того, как понял: сейчас он по инерции вбежит прямо в кольцо этих аметистов, в самый центр диска. Он попытался остановиться или свернуть в сторону, но это оказалось уже невозможно: он бежал слишком быстро.

И тогда в отчаянии он прибегнул к единственному средству, которое у него еще оставалось: прыгнул вперед по направлению к алтарю, надеясь, что сможет одним прыжком перескочить через этот проклятый диск.

Когда он пролетал над светившимися внизу аметистами, последнее, что он успел почувствовать, это сожаление, а его последней мыслью была мысль о Сапфире.

НАКОРМИТЬ БОГА

Первое, что заметил Эрагон, это смену цветов. Каменные плиты, из которых был сделан потолок, выглядели гораздо богаче, чем раньше. Детали, которые прежде были толком не видны, теперь казались какими-то особенно яркими и живыми, тогда как другие, прежде бросавшиеся в глаза, теперь словно померкли. У него под ногами роскошная мозаика диска стала еще более четкой.

Он достаточно быстро понял причину этих превращений: красноватый магический огонек, зажженный Арьей, погас, и теперь в зале лишь приглушенно светились аметисты, да в канделябрах вдруг вспыхнули свечи.

В этот момент Эрагону что-то сунули в рот, и кляп до боли распял ему губы. Он понял, что вовсе не летит над полом в прыжке, а висит, подвешенный за запястья, на цепи, вделанной в потолок. Он попытался шевельнуться и обнаружил, что и лодыжки его тоже прикованы к металлическим скобам, вделанным в пол.

Беспомощно извиваясь и будучи не в силах изменить свое положение, он увидел, что и Арья точно так же подвешена с ним рядом. Как и ему, ей тоже заткнули рот комком ткани, а голову обвязали какой-то тряпкой, не позволяя повернуть ее ни в одну сторону.

Арья была в сознании и смотрела прямо на Эрагона. Она была обрадована тем, что он пришел в себя и тоже на нее смотрит.

«Почему же она-то от них не сбежала? И вообще, что с нами такое случилось?» Но мысли у него в голове были какие-то тяжелые, неповоротливые, словно он был пьян или до крайности измучен.

Посмотрев вниз, Эрагон увидел, что у него отняли меч и кольчугу, он был обнажен до пояса и остался в одних лишь узких штанах. Перевязь Белотха Мудрого тоже исчезла, как и подаренное гномами ожерелье, не позволявшее посторонним следить за его действиями с помощью магического зеркала или кристалла.

Оказалось, что и эльфийское кольцо Арен тоже исчезло с его руки.

На мгновение Эрагона охватила паника. Но он постарался успокоить себя тем, что и без всех этих магических предметов отнюдь не беспомощен, во всяком случае, пока сам способен творить заклинания. Однако рот его был заткнут, и произнести заклинание вслух он не мог, а произносить слова древнего языка про себя было гораздо сложнее и опаснее, потому что, во-первых, мысли его могли на мгновение уплыть в сторону, отвлечься, а во-вторых, он *мог* случайно выбрать не то слово или не так произнести его мысленно. И все же это было не так опасно, как произносить заклинания без использования древнего языка. Так или иначе, а Эрагон был уверен, что ему потребуется лишь небольшое количество энергии и немного времени, чтобы освободиться.

Он закрыл глаза и приготовился. Но услышал, что Арья отчаянно гремит своими цепями, что-то мычит сквозь кляп во рту.

Он глянул на нее и увидел, что она отрицательно качает головой, глядя на него. Он удивленно поднял брови: «В чем дело?» Но больше никаких знаков она ему подать не могла, только качала головой и мычала.

В отчаянии Эрагон попытался — очень осторожно — установить с нею мысленную связь, следя за тем, чтоб даже намека на вторжение со стороны кого бы то ни было еще не почувствовать, но, к своему ужасу, наткнулся на некий странный и вроде бы даже мягкий барьер. Собственно, это был даже и не барьер, а нечто непонятное, давившее на его разум со всех сторон и, похоже, пытавшееся и разум его тоже заткнуть комком шерстяной ткани.

И его душу вновь охватила паника.

Его явно не опоили никаким зельем, и все же он никак не мог понять, что еще, кроме колдовского зелья,

могло помешать ему мысленно поговорить с Арьей. Если это и была магия, то с такой магией он еще никогда в жизни не встречался.

Они с Арьей не сводили друг с друга глаз, но затем внимание Эрагона отвлекло какое-то почти незаметное движение наверху, и он заметил полоски крови, тянущиеся по рукам Арьи от ее запястий к плечам: наручники на запястьях, за которые она была подвешена, насквозь прорвали ее нежную кожу.

Бешеный гнев охватил Эрагона. Он схватился за цепь, на которой висел, и изо всех сил зазвенел ею. Звенья цепи были прочны, но он не сдавался. В приливе гнева он снова *и снова дергал за цепь, не* обращая внимания на те раны, которые сам себе наносил.

Наконец он перестал биться и безжизненно обвис, чувствуя, как горячая кровь из израненных запястий капает ему на шею и плечи.

Затем, решив во что бы то ни стало освободиться, Эрагон собрал всю свою энергию и направил ее вместе с заклинанием на проклятые оковы, мысленно воскликнув: «Квест малмр дю хуилдрэ эдтха, мар иу тхон эка трейя!», что означало: «Разрежь удерживающие меня оковы, но не больше, чем я сам того требую».

И в тот же миг все его тело, каждый нерв в нем пронзила сильнейшая боль. Он безмолвно вскрикнул и, не в состоянии поддерживать собственную сосредоточенность, утратил власть над заклятием, чары тут же угасли.

Угасла и боль, но и после нее Эрагон еще долго задыхался, а сердце его так бешено колотилось, словно он только что спрыгнул с отвесной скалы в море. Эта боль была сродни тем мучениям, которые он испытал, когда драконы лечили страшные шрамы у него на спине во время празднования Агёти Блёдхрен.

Когда Эрагон пришел в себя, то увидел, что Арья смотрит на него с тревогой.

«Она, должно быть, и сама пробовала применить заклятие, — подумал он. — Как же все это с нами случилось? Как мы оба могли оказаться связанными и совершенно беспомощными?»

Вирден погиб, травница Анжела либо в плену, либо убита, а Солембум, скорее всего, валяется, весь израненный, где-нибудь в подземном лабиринте, если только его не прикончили те воины в черном. Эрагон никак не мог понять, каким образом все они потерпели поражение. Ведь Арья, Вирден, Анжела и он сам — это, наверное, одни из самых могущественных и опасных воинов в Алагейзии. И вот теперь Вирдена больше нет, Анжела исчезла, а они с Арьей находятся в руках врагов.

«Если бы только нам удалось освободиться...» — Эрагон отогнал от себя эту мысль. Думать об освобождении было просто невыносимо. Больше всего ему хотелось сейчас мысленно связаться с Сапфирой, хотя бы только для того, чтобы удостовериться, что ей ничто не грозит, и обрести утешение в общении с нею. Хотя Арья и была рядом, без Сапфиры он чувствовал себя невероятно одиноким, и это более остального нервировало его.

Несмотря на мучительную боль в запястьях, Эрагон снова стал тянуть и дергать за цепь, полагая, что если делать это достаточно долго, то можно все же расшатать ее крепеж. Он пытался даже крутить цепь, надеясь, что это поможет, но мешали наручники, и сколько-нибудь полноценного поворота сделать не удавалось.

Изранив себе все руки, он вскоре был вынужден остановиться. Запястья горели огнем. Эрагон опасался, что если будет продолжать, то в итоге порвет себе мышцы. Кроме того, можно потерять слишком много крови. Кровь так уже текла вовсю, а сколько им с Арьей еще висеть так и чего-то ждать, он и предположить не мог.

Эрагон не мог даже определить, сколько прошло времени и какое сейчас время суток, хотя догадывался, что в плену они не более нескольких часов, поскольку ни есть, ни пить, ни хотя бы помочиться желания не возникало. А вот когда все это начнется, их и без того ужасное положение только усугубится.

Боль в запястьях заставляла время тянуться еще медленней. Они с Арьей то и дело переглядывались и пытались установить мысленную связь, но ни одна попытка не удалась. Два раза, когда раны несколько подсыхали, Эрагон

пробовал выкрутить цепи из потолка, но тоже безуспешно. Так что им оставалось только терпеть.

Когда они уже начали сомневаться, что в зал вообще кто-нибудь придет, где-то вдалеке, в подземных коридорах, послышался перезвон металлических колоколов, и двери по обе стороны черного алтаря бесшумно отворились. Чувствуя, что сейчас произойдет нечто весьма неприятное, Эрагон весь напрягся и уставился на открывшиеся двери. Арья тоже не сводила с них глаз.

Прошла минута, им обоим показавшаяся вечностью.

Затем вновь резко и громко зазвонили колокола, наполняя зал сердитым гулким эхом, и в распахнутые двери вошли трое послушников — совсем еще молодых, одетых в золотые одежды. Каждый из них нес металлическую раму, увешанную колокольчиками. Следом за ними вошли двадцать четыре жреца Хелгринда, мужчины и женщины. Ни одного из них нельзя было назвать целым: у кого-то не хватало одной руки или обеих, или ноги, или того и другого. В отличие от послушников, изувеченные жрецы были одеты в длинные кожаные робы, сшитые так, чтобы соответствовать индивидуальному увечью каждого. А следом за жрецами шестеро смазанных маслом рабов внесли носилки, на которых торчком сидел Верховный Жрец Хелгринда — жуткий обрубок, лишенный рук, ног, зубов и, похоже, еще чего-то. Голова его была увенчана высоченным трехфутовым гребнем, который делал его фигуру еще более уродливой и бесформенной.

Жрецы и послушники расположились по краям мозаичного диска, и рабы аккуратно опустили носилки на алтарь. Затем трое послушников — вполне еще целые и даже довольно красивые молодые люди — встряхнули металлические рамы с колокольчиками, и под этот немелодичный звон затянутые в кожу жрецы что-то коротко пропели. Эрагон не сумел толком разобрать слов, но звучало все это, как некая часть ритуала. Он понял лишь три названия вершин Хелгринда: Горм, Йлда и Фелл Ангвара.

А Верховный Жрец посмотрел на них с Арьей — глаза его были точно осколки обсидиана — и промолвил:

— Добро пожаловать в залы Тоска. — Искалеченные губы и полное отсутствие зубов делали его речь невнятной. Ему явно трудно было произносить слова, однако же он продолжал: — Ты уже во второй раз вторгаешься в нашу святую обитель, Всадник. Больше у тебя такой возможности не будет... Гальбаторикс, наверное, попытался бы убедить нас пощадить тебя и отправить к нему в Урубаен. Он надеется силой заставить тебя служить ему, ибо мечтает о возрождении ордена Всадников и восстановлении поголовья драконов. Но я считаю, что эти мечты — бред сумасшедшего. Ты слишком опасен. К тому же мы вовсе не хотим, чтобы раса драконов вновь возродилась. В народе считается, будто мы поклоняемся Хелгринду. Но это ложь, которую мы сами же и распространяем, желая скрыть истинную природу наших верований. Мы чтим вовсе не Хелгринда — мы чтим тех Древнейших, которые создали внутри его свое логово, свое убежище, и приносим им в жертву свою плоть и кровь. Наши боги, Всадник, — это раззаки и Летхрблака!

Смертельный ужас, подобный приступу тошноты, сковал душу Эрагона.

А Верховный Жрец презрительно плюнул в его сторону, и нитка слюны повисла на его изуродованной нижней губе.

— Нет такой ужасной пытки, которая была бы достойным наказанием за совершенное тобой преступление, Всадник. Ты убивал наших богов, ты и этот твой распроклятый дракон! И за это ты должен умереть.

Эрагон забился на цепи, пытаясь что-то крикнуть в ответ, но ему мешал кляп. Если бы он мог говорить, он постарался бы потянуть время, он бы рассказал этим жрецам, каковы были последние слова тех раззаков, которых он прикончил, или, может, пригрозил бы им местью Сапфиры. Но эти проклятые уроды и не думали вытаскивать кляп у него изо рта!

Видя его страдания, Верховный Жрец презрительно усмехнулся, показывая серые беззубые десны.

— Тебе никогда не вырваться и не спастись, Всадник. Наши магические кристаллы предназначены для того,

чтобы ловить каждого, кто попытается проникнуть в священную обитель наших богов или украсть наши сокровища, даже если это будет такой ловкий вор, как ты. Да и не осталось никого, кто мог бы тебя спасти. Двое твоих спутников мертвы — да, даже эта болтливая старая ведьма! — а Муртаг и вовсе не знает, что ты здесь. Для тебя сегодня день Страшного суда, Эрагон *Губитель Шейдов.* — И Верховный Жрец, закинув назад голову, издал не крик, а какой-то леденящий душу горловой свист.

Из темного дверного проема слева от алтаря тут же появились четверо рабов, обнаженных по пояс, которые несли на плечах платформу с двумя широкими, хотя и довольно мелкими чашами. Между этими чашами лежали два каких-то непонятных предмета овальной формы, каждый примерно в полтора фута длиной и в полфута толщиной. Предметы были иссиня-черными и пористыми, как известняк.

Эрагону показалось, что время остановилось. «Не может же быть, чтобы это были...» Яйцо Сапфиры было совершенно гладким и покрытым разноцветными жилками, как мрамор. А это — что бы это ни было такое — были явно не яйца драконов. И, тут же предположив, *чем еще* это может оказаться, Эрагон похолодел от ужаса.

— Поскольку ты посмел убить Древнейших, — сказал Верховный Жрец, — было бы только справедливо, чтобы твоя плоть послужила пищей для их последующего возрождения. Ты, разумеется, не заслуживаешь столь высокой чести, но это доставит удовольствие Древнейшим, а мы всегда старались угождать их желаниям. Мы — их верные слуги, а они — наши хозяева, жестокие и неумолимые трехликие боги, охотники на людей, пожиратели их плоти, утоляющие жажду их кровью. Для них мы приносим в жертву свои тела в надежде, что и нам откроются тайны этой жизни, и в надежде на дальнейшее наше превращение. Как писал Тоск, да будет так.

Запакованные в кожу жрецы стройным хором повторили:

— Как писал Тоск, да будет так.

Верховный Жрец удовлетворенно кивнул, помолчал и снова заговорил:

— Древнейшие всегда гнездились в Хелгринде, но еще во времена отца моего деда Гальбаторикс выкрал их яйца и убил их молодь, а потом заставил их принести клятву верности, пообещав, что иначе вырежет все племя. Он выкопал для них пещеры и подземные туннели, которыми они с тех пор и пользовались, а нам, их верным последователям, доверил хранить их яйца — следить за ними, беречь их и заботиться о них до тех пор, пока они ему не понадобятся. Что мы и делали, и никто не мог бы упрекнуть нас в небрежении к нашему долгу. Но мы молимся в надежде, что однажды Гальбаторикс будет низвергнут, ибо никто не смеет связывать Древнейших клятвой, данной вопреки их собственной воле. Это отвратительное преступление, и ему нет и не будет прощения! — Искалеченный жрец облизнул губы, и Эрагон с отвращением заметил, что части языка у него тоже не хватает — он был явно отрезан ножом. — И твоего исчезновения мы тоже желаем, Всадник. А драконы всегда были злейшими врагами Древнейших. Без них и без Гальбаторикса некому будет помешать нашим богам пировать, где они хотят и сколько они хотят.

Пока Верховный Жрец произносил свою речь, четверо рабов с платформой вышли вперед и аккуратно опустили ее на мозаичный диск в нескольких шагах от Эрагона и Арьи. Закончив это, они поклонились и исчезли в дверном проеме.

— Кто может просить большего, чем дать божеству пищу в виде собственной плоти и крови? — спросил Верховный Жрец. — Возрадуйтесь же, вы оба, ибо сегодня вы обретете благословение Древнейших, и благодаря вашей жертве грехи ваши будут с вас смыты, и вы войдете в свою следующую жизнь чистыми, как новорожденные младенцы.

Затем Верховный Жрец и его последователи подняли лица к потолку и начали монотонно выпевать некую странную, с необычными ударениями, песнь, смысл которой Эрагон оказался не в силах понять. Он даже решил, что это диалект Тоска. Временами он вроде бы слышал какие-то знакомые слова, отдаленно напоминавшие слова древнего языка, но сильно искаженные и употребляемые

неправильно. Видимо, это действительно было некое подобие древнего языка. Жутковатая молитва завершилась словами «как писал Тоск, да будет так», и трое послушников в религиозном рвении так яростно затрясли металлическими рамами с колокольчиками, что от оглушительного звона, казалось, вот-вот обрушится потолок.

Затем, гремя колокольчиками, послушники вереницей покинули зал. За ними следом вышли и остальные двадцать четыре жреца, а последним удалился их безногий и безрукий властелин — точнее, его вынесли на носилках шестеро смазанных маслом рабов.

Дверь за ними захлопнулась с громким стуком, и Эрагон услышал, как по ту сторону задвинули тяжелый засов.

Он повернулся к Арье. В ее глазах отчетливо читалось отчаяние, и он понял, что у нее не больше надежды на освобождение и бегство, чем у него самого. Эрагон снова посмотрел наверх и снова подергал цепь, на которой висел, но от этих усилий опять открылись раны на запястьях, и на плечи ему закапала теплая кровь. И тут он заметил, что прямо перед ними находившееся слева яйцо начинает раскачиваться — сперва совсем слабо, а потом все сильней, и внутри его словно стучит маленький молоточек.

Леденящий ужас охватил душу Эрагона. Из всех возможных *способов смерти, какие он* только мог себе представить, этот — быть заживо съеденным раззаками — был страшнее всего. Он задергался на цепи с удвоенной решимостью, кусая кляп, чтобы отвлечься от страшной боли в руках. Но вскоре боль стала настолько невыносимой, что в глазах у него помутилось, и он чуть не потерял сознание.

А рядом с ним точно так же билась и металась Арья, безмолвно, в мертвящей тишине, пытаясь вырваться из своих пут. Но тщетно.

А постукивание «молоточка» внутри иссиня-черной скорлупы все продолжалось.

«Бесполезно, все бесполезно, — понял Эрагон. Эти цепи им было не оборвать. И как только он с этим смирился, ему стало совершенно очевидно, что невозможно будет избежать и тех жутких и отвратительных мучений, которые им уготованы. Единственное — он хотел бы сам нанести себе

смертельную рану. — И потом, если уж ничего не выйдет, я должен хотя бы спасти Арью».

Он осмотрел свои наручники: «Если бы я смог сломать себе большие пальцы, то мне, наверное, удалось бы вытащить руки из наручников... Тогда я, по крайней мере, мог бы попробовать сражаться... А если удастся схватить осколок скорлупы и использовать ее в качестве ножа...»

Если бы у него в руках оказался хотя бы какой-то режущий предмет, он смог бы высвободить и ноги, хотя мысль об этом настолько ужасала его, что он пока решил ее отставить.

«Единственное, что мне придется сделать, это выползти из этого круга камней».

Тогда, возможно, ему удалось бы воспользоваться и магией, а может быть, остановить и эту боль, и кровотечение... Все это — то, на что он теперь должен был решиться, — займет совсем мало времени, должно быть, всего несколько минут, но он понимал: это будут *самые долгие* минуты в его жизни.

Эрагон набрал в грудь воздуха и приготовился: «Сперва левую руку...»

Но начать он не успел, потому что Арья пронзительно вскрикнула. Он дернулся в ее сторону и что-то беззвучно вскрикнул, увидев ее изуродованную окровавленную правую кисть, с которой была снята вся кожа до самых ногтей, точно перчатка. Среди алых мышц виднелись тонкие белые косточки. Арья безжизненно обвисла и, похоже, потеряла сознание; затем очнулась, снова потянула руку из наручника, и Эрагон неслышно вскрикнул, когда ее рука выскользнула из металлического полукруга, обдирая с костей кожу и мясо. Арья уронила изуродованную руку вниз, пытаясь скрыть ее от Эрагона, но он видел, как кровь ручьем течет на пол, собираясь в лужицу у ног эльфийки.

Слезы застилали ему глаза, и он все звал и звал ее по имени, но она его не слышала и не могла услышать.

Пока она собиралась с силами, явно собираясь сделать то же самое со второй рукой, дверь справа от алтаря приоткрылась, и в зал проскользнул один из одетых в золотую робу послушников. Увидев его, Арья замерла, хотя Эрагон

понимал: при малейшем намеке на опасность она и вторую руку выдернет из наручника.

Послушник искоса на нее глянул и осторожно двинулся к центру мозаичного диска, опасливо поглядывая в сторону того яйца, что раскачивалось на своем постаменте. Юноша был худощав, гибок и хорош собой — с большими глазами и тонкими чертами лица. Эрагону было совершенно ясно, что столь привилегированное положение в храме он занял именно благодаря своей привлекательной внешности.

— Вот, — прошептал вдруг юноша, — я тут кое-что принес. — И он вытащил из-под одежды пилку, напильник и деревянный молоток-киянку. — Но если я помогу вам, вы должны будете взять меня с собой. Я больше не в силах жить здесь, среди этих ужасов. Я эту жизнь ненавижу. Обещайте, что возьмете меня с собой!

Он еще не успел договорить, а Эрагон уже утвердительно кивнул. Но когда юноша направился к нему, Эрагон зарычал и мотнул головой в сторону Арьи. Послушник, хоть и не сразу, но понял его.

— Ох, да, — прошептал он и подошел к эльфийке. Эрагон даже зубами скрипнул, сердясь на его нерасторопность.

А внутри раскачивавшегося яйца послышался резкий *скрежет и царапанье.*

Эрагон не сводил глаз с их спасителя, который неумело перепиливал цепь на левой руке Арьи, и злился: «Да пили ты в одном и том же месте, болван!» Послушник, похоже, никогда и в руках не держал пилку для металла, и Эрагон не был уверен, что у него хватит сил или терпения, чтобы перепилить хотя бы одно звено проклятой цепи.

Арья безжизненно обвисла на цепях, длинные волосы, упав ей на лицо, полностью его скрывали. Но все то время, пока послушник трудился над ее цепью, кровь из ее правой, изуродованной, руки продолжала сочиться и капать на землю. Время от времени тело эльфийки сотрясала сильная дрожь.

К великому огорчению Эрагона, маленькая пилка явно не справлялась. Несмотря на все усилия послушника, на толстой цепи появилась лишь крошечная зарубка. «Что за чары защищают эту цепь?» — думал Эрагон. Во всяком

случае, этой жалкой пилке и этому неумелому парнишке с ними явно тягаться не под силу.

Послушник начинал сердиться; его, похоже, раздражали столь малые результаты его трудов. Он немного передохнул, вытер лоб и, нахмурившись, с новой силой принялся пилить. Локти его так и ходили, грудь вздымалась, рукава одеяния яростно хлопали.

«Неужели ты не понимаешь, что ничего не получится? — думал Эрагон. — Попытайся лучше напильником. Или попробуй перепилить оковы у нее на ногах».

Но юноша продолжал пилить цепь.

Раздался резкий треск, и Эрагон увидел на верхушке темного яйца маленькую трещинку, которая быстро увеличивалась. И вскоре уже целая сеть тонких, как волосок, трещинок тянулась от нее во все стороны.

Теперь начало раскачиваться и второе яйцо. Оттуда тоже стало доноситься ритмичное постукивание, которое, сливаясь со звуками, доносившимися из первого яйца, едва не сводило Эрагона с ума.

Послушник побледнел, уронил пилку и попятился прочь, качая головой.

— Прости... прости. Слишком поздно... — Лицо его исказилось, и слезы покатились из глаз. — Простите меня...

Тревога Эрагона стала почти невыносимой, когда юноша выхватил из-за пазухи кинжал и тихо сказал, словно обращаясь к самому себе:

— Больше я ничего для вас сделать не могу. Больше ничего... — И он, шмыгнув носом, как ребенок, двинулся к Эрагону. — Так будет лучше.

Эрагон яростно дернулся в своих путах, пытаясь вытащить из наручников хотя бы одну руку, но в очередной раз лишь повредил кожу на запястьях. Снова на шею ему закапала кровь.

— Прости, — в очередной раз прошептал молодой человек и, остановившись перед Эрагоном, взмахнул кинжалом.

«Нет!» — мысленно вскрикнул Эрагон.

Осколок сверкающего аметиста вылетел из туннеля, приведшего Эрагона и Арью в этот зал, и вонзился юноше

в затылок. Послушник рухнул прямо на Эрагона, и тот вздрогнул, когда острие кинжала скользнуло ему по ребрам. Затем послушник сполз на пол и то ли потерял сознание, то ли умер.

А в темном зеве туннеля возникла маленькая прихрамывающая фигурка. «Кто же это?» — Эрагон смотрел на нее во все глаза, но лишь когда незнакомец вышел на свет, понял наконец, что это не кто иной, как Солембум.

Чувство благодарности и облегчения охватило душу Эрагона.

Кот-оборотень был в своем человечьем обличье, однако одежды на нем не было никакой, если не считать рваной набедренной повязки, точнее, куска ткани, оторванной, похоже, от одеяния того, кто на него напал. Жесткие черные волосы на голове у Солембума стояли дыбом, губы искажала хищная, совершенно звериная улыбка. Его руки были покрыты глубокими порезами, левое ухо, явно поврежденное, свисало набок, а на черепе не хватало куска скальпа. В руке Солембум держал окровавленный нож.

И тут следом за ним из туннеля появилась травница Анжела.

ПУТЫ СОРВАНЫ

— Какой идиот! — провозгласила Анжела, поспешно подходя к краю мозаичного диска. Она была вся в крови — кровь сочилась из многочисленных порезов и царапин, одежду тоже покрывали кровавые пятна, хотя Эрагон и подозревал, что это не только ее кровь. Впрочем, в целом Анжела казалась практически невредимой. — Даже такой простой вещи сделать не сумел! Надо было всего-то сделать *вот так*! — И она взмахнула своим полупрозрачным мечом, с силой обрушив его рукоять на один из аметистов, окружавших мозаичный диск. Кристалл разлетелся вдребезги со странным щелчком, ударила волна какой-то странной энергии, и исходивший из аметиста свет померк. Но остальные кристаллы продолжали светиться.

Не медля, Анжела перешла к следующему камню и разбила его, затем еще один и так далее.

Никогда еще в жизни Эрагон не испытывал такой благодарности и не был так рад видеть травницу.

Впрочем, основное его внимание было приковано ко все расширявшимся трещинам на верхушке первого яйца. Раззак уже почти проклюнулся и, похоже, вполне это сознавал, потому что пищал и колотил клювом с удвоенной энергией. Между кусками скорлупы виднелась толстая белая внутренняя пленка, которую раззак уже продрал своим клювом.

«Какое жуткое чудовище! — думал Эрагон. — Скорей, Анжела, скорей!»

Кусок скорлупы размером с его ладонь со стуком упал на пол — точно тарелка из обожженной глины, — и юный раззак высунул из яйца голову, показывая свой

отвратительный, покрытый наростами фиолетовый язык и издавая победоносные скрипы. С черепа его стекала какая-то слизь, зал наполнился мощным запахом плесени.

Эрагон снова забился в своих путах, но и эта попытка освободиться оказалась тщетной.

Раззак снова заверещал и попытался выбраться из разбитого яйца. Ему удалось вытащить оттуда одну когтистую конечность, однако при этом он так раскачал яйцо, что свалил его с подставки. Яйцо упало набок, и по мозаичному диску растеклась густая желтоватая жидкость. Жуткий детеныш некоторое время полежал в полном оцепенении от страха, потом повозился и с трудом встал на ноги, покачиваясь и явно чувствуя себя весьма неуверенно. При этом он отвратительно пощелкивал, как перевозбужденное насекомое — видимо сам себя успокаивая.

Эрагон смотрел на него, исполненный ужаса и одновременно любопытства.

Грудь у детеныша раззака была впалой и ребристой настолько, что казалось, будто ребра у него расположены снаружи, а не изнутри. Конечности тонкие и узловатые, точно ветки. Талия невероятно тонкая. На ногах у него имелись дополнительные суставы, и они могли сгибаться в обратную сторону — ничего подобного Эрагон никогда раньше не видел и решил, что, по всей видимости, именно это и было причиной подпрыгивающей, как бы нервной, походки раззаков. Панцирь детеныша, похоже, был еще мягким и уязвимым, в отличие от панцирей взрослых раззаков, с которыми уже доводилось сталкиваться Эрагону. Но было ясно, что и у этого панцирь со временем затвердеет.

Раззак склонил голову набок — его огромные, выпуклые, лишенные, казалось, радужки и зрачка глаза отражали свет — и заверещал, словно обнаружив нечто весьма интересное. Затем он сделал осторожный шажок в сторону Арьи... потом еще один... и клюв его раскрылся, когда он потянулся к лужице крови у ног эльфийки.

Эрагон невольно закричал, забыв о кляпе во рту и надеясь отвлечь проклятую тварь, но раззак лишь быстро глянул в его сторону и тут же снова потянулся к лужице крови.

— Ну вот! — удовлетворенно воскликнула Анжела, расправившись с последним кристаллом.

И как только осколки аметиста рассыпались по полу, Солембум прыгнул на раззака, меняя в воздухе свое обличье. Мелькнуло тело хищного кота — уши прижаты, лапы подобраны, шерсть дыбом, — и он приземлился уже в своем привычном виде, а раззак с отвратительным шипением замахнулся на него когтистой конечностью. Солембум присел, уходя от удара, и уже в следующее мгновение ударил раззака по шее своей мощной широкой лапой.

Шея мерзкой твари с хрустом переломилась. Солембум ударил еще раз, и раззак, пролетев через весь зал, бесформенной кучкой приземлился под стеной, несколько секунд еще подергался, а потом затих.

Кот зашипел, прижимая к черепу здоровое ухо, затем вывернулся из набедренной повязки, которая теперь совершенно нелепо болталась у него где-то повыше задних лап, подошел ко второму яйцу, сел возле него и стал ждать.

— Что же ты с собой сделала? — ужаснулась Анжела, подбегая к Арье. Та устало подняла голову, но даже не попыталась ответить.

Тремя быстрыми взмахами своего бесцветного меча травница перерубила оставшиеся оковы с такой легкостью, словно закаленный металл был не прочнее обычной головки сыра.

Арья упала на колени и свернулась клубком, прижимая к животу искалеченную руку. Второй рукой она судорожно выдирала изо рта кляп.

Затем Анжела несколькими ударами меча освободила руки и ноги Эрагона, жжение у него в плечах сразу уменьшилось, и он наконец смог вытащить изо рта проклятую затычку.

— Мы думали, ты погибла, — хриплым голосом вымолвил он, еле ворочая языком.

— Им бы пришлось как следует постараться, чтобы меня прикончить. *Сапожники*, что с них возьмешь!

Арья, по-прежнему свернувшись на полу клубком, начала выпевать слова исцеляющего заклятия. Слова были

нежные и звучали несколько напряженно, но она ни разу не ошиблась, не произнесла ни одного неверного звука.

Пока она трудилась над своей искалеченной рукой, Эрагон залечил порез у себя на ребрах, а также ссадины на кистях рук и, махнув рукой Солембуму, попросил:

— Подвинься-ка.

Кот-оборотень недовольно вильнул хвостом, но все же немного подвинулся. И Эрагон, подняв правую руку, воскликнул:

— Брисингр!

Столб синего пламени охватил второе яйцо. Зародыш внутри его пронзительно заверещал: это был жуткий, совершенно неземной звук, более похожий на звук рвущегося металла, чем на крик живого существа.

Прищурившись и прикрывая глаза ресницами от страшного жара, Эрагон с удовлетворением смотрел, как догорает яйцо. «И пусть это будет последний из них», — думал он. Когда скрежет внутри яйца прекратился, он загасил огонь, и наступившая после этого тишина показалась ему неожиданно оглушительной. Даже Арья перестала выпевать свое исцеляющее заклятие. На несколько мгновений все в зале замерло.

Первой зашевелилась Анжела. Она подошла к Солембуму и наклонилась над ним, что-то шепча на древнем языке, оглаживая кота, приводя в порядок его поврежденное ухо *и залечивая прочие* раны.

Эрагон опустился возле Арьи на колени и осторожно коснулся ее плеча. Она подняла на него глаза, слегка шевельнулась и, медленно распрямив согнутое тело, показала ему свою изувеченную руку. Кожа вплоть до второго сустава большого пальца на всей внешней стороне ладони была ярко-красной, блестящей, но мышцы под нею, похоже, уцелели.

— Почему ты не залечила ее до конца? — спросил Эрагон. — Если ты слишком устала, то могу я...

Она покачала головой:

— Я повредила некоторые нервы... и сейчас, похоже, мне самой их не восстановить. Тут потребуется помощь Блёдхгарма, он куда искуснее меня умеет исцелять плоть.

— А сражаться ты можешь?

— Если буду осторожна.

Он благодарно стиснул ее плечо:

— То, что ты сделала...

— Я сделала только то, что было единственным логическим выходом из создавшейся ситуации.

— У большинства просто духу на такое не хватило бы... Я пытался, но у меня рука оказалась слишком велика. Видишь? — И он приложил свою руку к ее руке.

Она кивнула, потом вдруг схватила его руку и, опираясь на нее, медленно поднялась на ноги. Эрагон встал вместе с нею, постоянно ее поддерживая.

— Нам нужно отыскать наше оружие, — сказал он. — И мое кольцо, и мою перевязь, и ожерелье, которое подарили мне гномы...

Анжела нахмурилась.

— Какую еще перевязь? Она что, волшебная?

Поскольку Эрагон явно заколебался, не зная, стоит ли говорить травнице правду, Арья опередила его:

— Ты, возможно, не знаешь имени ее создателя, мудрая, но во время своих странствий ты наверняка слышала о знаменитой «перевязи двенадцати звезд».

Анжела, явно потрясенная словами Арьи, широко раскрыла глаза:

— *Та самая?!* Но я думала, что та перевязь пропала века четыре назад! Что она была уничтожена во время...

— Мы ее восстановили, — ровным тоном прервала ее Арья.

Эрагон видел, как сильно травнице хочется расспросить эльфийку, однако она сдержалась и сказала лишь:

— Ясно... Только нам нельзя терять время, обыскивая каждое помещение в этом кроличьем садке. Как только жрецы поймут, что вам удалось бежать, вся их стая ринется за нами в погоню.

Эрагон указал на послушника, по-прежнему лежавшего на полу без движения.

— А он не может сказать, куда жрецы унесли наши вещи?

Присев на корточки, Анжела приложила два пальца к яремной вене юноши, пытаясь нащупать пульс, потом

пошлепала его по щекам и приподняла веки, осматривая зрачки.

Но послушник в себя не приходил, и это явно раздражало травницу.

— Минутку, — сказала она и закрыла глаза. Маленькая морщинка пересекла ее лоб. Какое-то время она была совершенно неподвижна, потом вдруг ринулась вперед с неожиданной прытью. — До чего же самовлюбленный маленький хлюпик! Ничего удивительного, что родители отдали его на воспитание этим жрецам. Странно, что сами-то жрецы так долго его терпят!

— Он что-нибудь полезное знает? — спросил Эрагон.

— Только путь на поверхность. — И Анжела указала на дверцу слева от алтаря — ту самую, через которую приходили и уходили жрецы и их помощники. — Просто удивительно, что он пытался освободить тебя. Я подозреваю, что он впервые в жизни что-то сделал по собственному почину.

— Мы должны взять его с собой. — Эрагону страшно не хотелось этого говорить, но его заставило чувство долга. — Я обещал, что мы его возьмем с собой, если он нам поможет.

— Он же пытался убить тебя!

— Но я слово дал!

Анжела вздохнула и, закатив глаза, сказала эльфийке:

— Знаешь, Арья, по-моему, и ты его переубедить не сумеешь!

Арья покачала головой и, без какого бы то ни было усилия взвалив юношу на плечо, сказала:

— Я его понесу.

— Ладно, — сказала травница и повернулась к Эрагону. — Возьми-ка ты лучше это. Похоже, драться придется именно нам с тобой. — Она сунула ему в руку свой короткий меч, а сама вытащила откуда-то из складок платья кинжал с украшенной самоцветами рукоятью.

— Из чего он сделан? — спросил Эрагон, изучая прозрачное лезвие меча и заметив, как странно оно поглощает и отражает свет. Вещество, из которого было сделано лезвие, более всего напоминало алмаз, но Эрагон даже

представить себе не мог, как кто-то сумел изготовить боевое оружие из драгоценного камня. Он прекрасно понимал, какое количество энергии потребуется для того, чтобы предохранить такой камень от трещин и от возможности при ударе разлететься на множество осколков. На это, пожалуй, и у самого опытного мага сил не хватило бы.

— Это не камень и не металл, — сказала травница, словно читая его мысли. — Но должна тебя предупредить: обращаться с ним нужно очень осторожно. Ни в коем случае не касайся его острия и не позволяй никому из тех, кто тебе дорог, даже близко к нему подходить, иначе сильно об этом пожалеешь. А также не прислоняй этот меч к тому, что в ближайшее время может тебе понадобиться — к собственной ноге, например.

Эрагон испуганно отодвинул руку с мечом как можно дальше от собственного тела и спросил:

— Но почему?

— Потому, — с явным превосходством пояснила Анжела, — что это *самый острый меч* из всех существующих на свете. Ни один клинок, ни один боевой топор не может с ним сравниться. Даже твой Брисингр. Это *абсолютное воплощение* режущего инструмента. Это, — и она специально выдержала паузу, — *архетип судьбы*... Короче, подобного ему нет больше нигде. Этот меч способен разрубить все, что не защищено магией, а также многое из того, что ею защищено. Можешь его испытать, если мне не веришь.

Эрагон осмотрелся, ища, на чем бы испытать этот невероятный меч. Наконец он подбежал к алтарю и ударил клинком по одному из углов каменной плиты.

— Не так быстро! — крикнула Анжела.

Прозрачное лезвие дюйма на четыре вошло в камень, словно этот гранит был не тверже сорной травы, и продолжало углубляться, явно устремляясь к ноге Эрагона. Эрагон вскрикнул и отскочил, едва успев остановить меч, готовый уже рассечь ему ногу.

А угол алтаря отвалился и с грохотом откатился на середину зала.

И Эрагону показалось, что лезвие этого меча и впрямь сделано из алмаза. Потому ему и не нужна была никакая

особая защита, он так редко встречал на своем пути сколько-нибудь реальное сопротивление.

— Сюда, — сказала ему Анжела и, отстегнув от пояса ножны, протянула их ему. — Вот, возьми заодно и эти ножны. Это одна из немногих вещей, которые *невозможно* разрубить моим мечом.

Эрагон даже не сразу обрел дар речи. Потом спросил:

— А у этого меча есть имя?

Анжела рассмеялась:

— Разумеется! На древнем языке он называется Албитр, и это означает именно то, что ты про него подумал. Но я предпочитаю называть его Колокол Смерти.

— Колокол Смерти?

— Да. Из-за того звука, который издает его лезвие, когда ты слегка по нему постукиваешь. — И она продемонстрировала это, слегка постучав по лезвию кончиком ногтя; и улыбнулась, когда в ответ раздалась высокая, пронзительная нота, пронзившая темноватый зал точно луч солнечного света. — Ну что, теперь, может, пойдем?

Эрагон огляделся, проверяя, не забыли ли они чего, затем кивнул и быстро подошел к левой двери, открыв ее как можно тише.

За дверью оказался длинный и довольно широкий коридор, освещенный горящими факелами. Вдоль стен там двумя рядами выстроились десятка два облаченных в черное стражей храма.

Увидев Эрагона, воины выхватили оружие.

«Проклятье!» — Эрагон первым прыгнул вперед, намереваясь атаковать до того, как эти воины успеют выхватить свои мечи и построиться для отражения нападения. Он, однако, не сделал и двух шагов, когда перед ним мелькнула некая подвижная неясная тень, колыхавшаяся, точно флаг на ветру.

И воины, даже не вскрикнув, замерли и один за другим попадали на пол. Встревоженный, Эрагон резко затормозил, чтобы не налететь на их тела, и увидел, что каждый из стражников был поражен невероятно аккуратным колющим ударом точно в глаз. Он повернулся, чтобы спросить у Арьи и Анжелы, знают ли они, что здесь только что

произошло, и слова замерли у него в горле, когда он увидел травницу. Та стояла на четвереньках, прислонившись к стене и едва дыша от усталости. Лицо ее стало мертвенно-бледным, руки заметно дрожали. С ее кинжала капала кровь.

Восторг и ужас охватили душу Эрагона. То, что сотворила сейчас Анжела, было явно выше его понимания.

— Мудрая, — обратилась к ней Арья, и голос эльфийки тоже прозвучал не слишком уверенно, — как тебе это удалось?

Анжела негромко, устало рассмеялась и, тяжко вздыхая, чтобы перевести дыхание, сказала:

— Я воспользовалась одним трюком... которому научилась у своего учителя... Тенга... много столетий назад. Пусть тысячи пауков кусают его уши и узловатые пальцы!

— Да, но *как* все-таки у тебя это получилось? — потребовал более конкретного ответа Эрагон, думая о том, что такой прием мог бы оказаться весьма полезен в грядущих битвах, особенно в Урубаене.

Травница снова засмеялась.

— Что такое время, как не движение? А что такое движение, как не жар? И разве жар и энергия — это не разные названия одного и того же? — Она рывком оттолкнулась от стены, подошла к Эрагону, ласково потрепала его по щеке и сказала: — Когда ты поймешь, что я хотела выразить этими словами, то поймешь и *как* я это сделала... Сегодня я уже не смогу воспользоваться этим заклинанием, если не хочу себя убить. Это я тебе говорю на тот случай, если мы вновь наткнемся на целую толпу этих в черном. Вряд ли я тогда успею их всех разом прикончить.

Эрагон, с трудом подавив жгучее любопытство и желание задать ей еще несколько вопросов, согласно кивнул и, сняв с одного из убитых рубаху и мягкий стеганый колет, надел их на себя. А затем, возглавив их маленький отряд, двинулся к дальнему концу коридора.

Но больше они никого не встретили во всем этом сложном переплетении бесконечных комнат и коридоров. Правда и никаких следов своих исчезнувших вещей тоже не обнаружили. Эрагон, хоть и был рад, что они пока остаются незамеченными, все же с тревогой думал, что все это очень

странно — ведь в этих коридорах им не встретились даже слуги. Он очень надеялся, что, освобождаясь от оков, они случайно не включили какой-нибудь тайный механизм, способный оповестить жрецов, что их пленники бежали.

В отличие от тех, казавшихся заброшенными, помещений, которые они видели до того, как на них напали, теперь им попадались залы, обставленные красивой мебелью, с гобеленами на стенах и многочисленными странными приспособлениями, сделанными из бронзы и хрусталя, о назначении которых Эрагон даже не догадывался.

Не однажды увиденные им рабочие столы и книжные полки привлекали его внимание, искушая остановиться и посмотреть, но каждый раз он заставлял себя воспротивиться этому желанию. Сейчас, разумеется, было не время разбираться в пожелтевших старых свитках и документах, какими бы интересными и загадочными они ни казались.

Анжела сама выбирала, куда им идти, если перед ними открывался не один, а несколько проходов, но при этом впереди всегда оставался Эрагон. Он крепко сжимал в руке перевитую проволокой рукоять Колокола Смерти — настолько крепко, что порой у него даже руку начинало сводить.

Довольно скоро они добрались до прохода, заканчивавшегося винтовой каменной лестницей, постепенно сужавшейся кверху. У входа на лестницу стояли двое послушников, держа в руках точно такие рамы с колокольчиками, какие Эрагон видел и раньше.

Он бросился на них первым и поразил одного из них прямо в горло, прежде чем тот успел крикнуть или зазвенеть своим инструментом. Второй, однако, сделал и то и другое, пока на него не прыгнул Солембум. Котоборотень прижал послушника к полу, разрывая ему лицо когтями, и весь коридор тут же наполнился шумом.

— Скорей! — крикнул Эрагон, поднимаясь по лестнице и прыгая сразу через несколько ступеней.

Верхний край лестницы, как оказалось, упирается в стену шириной футов в десять. Стена стояла как бы совершенно отдельно и была покрыта причудливой вязью слов, вырезанных в камне. Эти слова показались Эрагону

знакомыми. Он заглянул за стену, и в глаза ему тут же ударил луч розового света такой интенсивности, что он даже споткнулся и поднял ножны Колокола Смерти, заслоняя ими глаза.

Не более чем в пяти футах от него сидел на своих носилках Верховный Жрец. Из очередной резаной раны у него капала кровь. Перед ним на коленях стояла жрица — у этой отсутствовали обе руки — и ловила капли крови в золоченую чашу, которую сжимала обеими культями. Верховный Жрец и безрукая жрица с изумлением воззрились на Эрагона.

Вдруг Эрагон увидел, точно во вспышках молний, массивные ребристые колонны, вздымавшиеся к куполообразной кровле и исчезавшие во мраке, и витражи на окнах, видневшихся между колоннами. Окна слева от него горели светом встающего солнца, а те, что справа, были темны и безжизненны. Между окнами стояли бледные фигуры статуй. Ряды скамей, сделанных из пестрого гранита, простирались до самого входа, находившегося в дальней стене центрального нефа. Первые четыре ряда этих скамей были заполнены целым выводком запакованных в кожу жрецов с поднятыми вверх лицами и открытыми в пении ртами. Жрецы напоминали армию нищих детей, умолявших о куске хлеба...

Эрагон с некоторым опозданием понял, что стоит в главном храме Драс-Леоны, по другую сторону от алтаря, перед которым когда-то давно с почтением преклонял колени.

Безрукая жрица уронила чашу с кровью и встала, широко раскинув в стороны обрубки рук и, как щитом, закрывая своим телом Верховного Жреца. У нее за спиной Эрагон успел заметить синие ножны Брисингра. Его меч лежал рядом с носилками, и рядом с ним, как ему показалось, было эльфийское кольцо Арен.

Он хотел уже ринуться за своим мечом, но не успел: с двух сторон к нему подскочили двое стражей, целясь своими тяжелыми пиками с красным оперением. Эрагон ловко ушел от удара и перерубил пику первого стражника пополам, а затем и самого стражника разрубил надвое. Колокол

Смерти прошел сквозь человеческую плоть с устрашающей легкостью.

Точно так же Эрагон обезвредил и второго стражника. Затем он развернулся, так как сзади к нему уже приближались еще двое. И тут к нему присоединилась Анжела, размахивая своим кинжалом, а где-то чуть левее грозно взвыл кот-оборотень Солембум. Арья держалась в стороне от схватки, по-прежнему не спуская с плеча юного послушника.

Кровь, пролившаяся из чаши, растеклась по полу у алтаря широкой лужей, и стражники то и дело в ней оскальзывались. В итоге один из них упал, сбив при этом с ног своего соседа, и Эрагон, воспользовавшись этим, скользнул к ним, стараясь не отрывать ног от пола, чтобы не потерять равновесия. Встать стражники не успели: он сразил их обоих, стараясь сдерживать мощь меча Анжелы, ибо тот как-то *слишком* быстро вошел в их тела.

Лишь после этого Эрагон заметил, что Верховный Жрец пронзительно и громко, словно жрецы находятся не рядом, а где-то на большом расстоянии от него, кричит:

— Убейте этих неверных! Убейте! Не дайте им, осквернившим Древнейших, сбежать! Они должны быть строго наказаны за свое преступление!

Жрецы зашевелились, начали завывать и топать ногами, и Эрагон почувствовал, как их мысли, словно когтистые лапы, впиваются в него. Их сознание вгрызалось в его сознание и рвало на части, точно стая волков, терзавшая ослабевшего оленя. Он постарался установить мысленные барьеры и спрятать свой разум как можно глубже, воспользовавшись теми приемами «поединка умов», которым научился у Глаэдра. Было очень трудно защищаться одновременно от стольких врагов, и Эрагон опасался, что у него не хватит сил, чтобы надолго сохранить установленные барьеры. Его единственным преимуществом было то, что впавшие в панику дезорганизованные жрецы нападали на него поодиночке. Если бы они объединили свои усилия, то, вполне возможно, одержали бы верх над Эрагоном.

И тут он почувствовал, что на помощь ему пришла Арья. Знакомое, успокоительное прикосновение ее

мыслей было истинным спасением от множества вражеских сознаний, когтями царапавших его душу. Эрагон с огромным облегчением открыл Арье доступ к своей душе, и они объединили свою внутреннюю энергию почти так же, как это было у Эрагона с Сапфирой. На какое-то время их личности как бы смешались, слились, и Эрагон уже не мог определить, чей именно разум породил то или иное чувство или действие.

Вместе они нанесли мысленный удар по сознанию одного из жрецов. Тот яростно сопротивлялся, пытаясь, точно пойманная рыба, ускользнуть от них, но они держали его крепко, усиливая давление. А он все повторял какую-то длинную, напыщенную, полную странных слов фразу, пытаясь избавить свое сознание от их присутствия. Эрагон догадывался, что это фраза из той же книги Тоска.

Однако жрецу все же не хватило самообладания. Его сосредоточенность на этой фразе вскоре была поколеблена, и в мозгу у него мелькнула мысль: «Эти неверные находятся слишком близко к Учителю. Мы должны убить их, прежде чем... Подождите! Нет! Нет!..»

Эрагон и Арья, воспользовавшись слабостью жреца, мгновенно подчинили его сознание своей воле. И лишь когда они оба убедились, что жрец прекратил всякое сопротивление, Арья рискнула воспользоваться заклинанием, действию которого, как она выяснила, изучив воспоминания жреца, его мысленные барьеры и магические стражи противостоять не смогут.

В третьем ряду скамей какой-то жрец вдруг пронзительно вскрикнул, и языки зеленого пламени вырвались у него из ушей, изо рта и из глаз, поджигая одежду сидевших с ним рядом людей, и те стали вскакивать и метаться по залу, нарушая усилия других жрецов, сопротивлявшихся действиям Эрагона и Арьи. Пламя с хрустом пожирало одежду и тела жрецов, и этот звук напоминал хруст ветвей под сильным ураганным ветром.

А травница Анжела, сбежав с алтаря, металась среди жрецов, направо и налево нанося удары кинжалом. За ней по пятам следовал кот Солембум, приканчивая тех, кого не удалось убить Анжеле.

Эрагон и Арья довольно легко сумели захватить власть над умами и душами оставшихся врагов. Продолжая действовать совместно, они умертвили еще четверых жрецов, и после этого остальные служители культа, окончательно сдавшись, бросились врассыпную. Некоторые попытались покинуть храм, выбегая в вестибюль, который, как помнил Эрагон, примыкал непосредственно к этому залу, а другие попросту скорчились под скамьями и закрыли голову руками.

Шестеро жрецов, однако, не стали ни убегать, ни прятаться, а, напротив, двинулись на Эрагона, размахивая кривыми ножами — конечно, те, у кого имелась хоть одна рука, чтобы держать нож. Первой на Эрагона замахнулась однорукая жрица, но он успел парировать ее удар, а потом попытался ее прикончить. К его большому разочарованию, жрица оказалась защищена магией, которая заставила Колокол Смерти остановиться примерно в футе от ее шеи. Наткнувшись на невидимую преграду, меч задрожал в руке Эрагона, и это болью отдалось у него в плече. Разгневанный, он ударил жрицу левой рукой. По неизвестной причине магическая защита оказалась бессильна перед его кулаком, который, с хрустом ломая злобной калеке ребра, отшвырнул ее назад.

Остальные нападавшие рассыпались в стороны и вскоре возобновили атаку. Быстро шагнув вперед, Эрагон блокировал весьма неуклюжий удар, нанесенный жрецом, оказавшимся ближе всего к нему, и с коротким «Ха!» направил свой кулак ему прямо в солнечное сплетение. Жрец отлетел на несколько шагов назад, с противным хрустом ударился о каменную скамью и затих.

Почти так же Эрагон расправился и еще с одним жрецом. Затем рядом с ним, чуть правее, в воздухе мелькнуло нечто вроде желто-зеленого дротика. Этот «дротик» вонзился следующему жрецу прямо в горло. Через мгновение Эрагон увидел неясное бурое пятно, а затем кота Солембума, который, взлетев в виртуозном прыжке, тут же бросился на следующую жертву.

Перед Эрагоном остался лишь один из последователей Тоска. Вернее, одна. Но тут его опередила Арья. Свободной рукой — ибо на плече у нее по-прежнему лежал

бесчувственный юноша — она схватила жрицу за ворот кожаного одеяния и отшвырнула футов на тридцать за ряды скамей.

Четверо послушников, подхватив с пола носилки с Верховным Жрецом, быстрой рысцой бросились вдоль восточной стены храма к главному входу.

Заметив, что они вот-вот удерут, Эрагон с грозным ревом прыгнул на алтарь, швырнув на пол чашу с кровью, и, перепрыгивая через тела павших жрецов, легко приземлился в проходе между рядами скамей, преграждая послушникам с носилками путь.

Все четверо тут же остановились.

— Поворачивайте назад! — взвизгнул Верховный Жрец. — Назад поворачивайте!

Послушники подчинились, развернулись, но тут же наткнулись на Арью, с плеча которой свисал один из их братии.

Послушники в ужасе завопили и бросились в разные стороны, стрелой пролетая между скамьями. Но далеко убежать им не удалось. Из-за последнего ряда скамей, мягко ступая мощными лапами, появился Солембум. Уши кота-оборотня были плотно прижаты к черепу, а из пасти исходило такое утробное грозное рычание, что у Эрагона мурашки по спине побежали. Следом за Солембумом наступала Анжела, держа в одной руке кинжал, а в другой желто-зеленый дротик.

«Интересно, — подумал Эрагон, — сколько же у нее еще таких дротиков и вообще — оружия?»

Надо отдать им должное — послушники все же не окончательно утратили мужество и не бросили своего наставника. Словно опомнившись, все четверо с громким криком бросились на Солембума — возможно, потому, что кот-оборотень показался им самым маленьким и самым слабым из их врагов. Они решили, что одолеть Солембума будет проще всего.

Но они ошибались. Один мощный прыжок — и Солембум взлетел с пола на скамью, а затем, не останавливаясь, ринулся на одного из послушников.

В тот момент, когда кот-оборотень еще находился в воздухе, Верховный Жрец выкрикнул несколько слов древнего

языка. Эрагон не понял, что именно он сказал, но звучало это очень похоже на родной язык эльфов. Впрочем, на Солембума это заклинание — если это действительно было заклинание — не оказало ни малейшего воздействия, однако Анжела вдруг споткнулась, словно ее сильно ударили.

А кот буквально слился со своей жертвой, и послушник вскоре упал на пол, испуская пронзительные вопли. Солембум продолжал терзать его, и остальные послушники, попытавшись бежать и споткнувшись о тело своего товарища, тоже попадали на пол. Носилки с Верховным Жрецом они, конечно, бросили, и тот, откатившись в сторону, оказался на одной из каменных скамей и лежал там, извиваясь, точно личинка мясной мухи.

Эрагон буквально в несколько секунд тремя быстрыми ударами прикончил остальных послушников, за исключением того, чью шею Солембум продолжал терзать когтями и клыками.

Убедившись, что противники мертвы, Эрагон повернулся к Верховному Жрецу, чтобы нанести ему последний, смертоносный удар. Вдруг он почувствовал, что в его сознание проникают мысли этого жалкого, лишенного конечностей существа. Жрец стремился пробраться в самые сокровенные уголки его души и завладеть ею, подчинить ее себе. Столь неожиданная и яростная мысленная атака вынудила Эрагона прекратить сражение и полностью сосредоточиться на защите от неожиданного «оккупанта».

Краешком глаза он видел, что Арья с Солембумом както странно застыли, словно лишившись способности двигаться. И только травница Анжела, хоть и задержалась на мгновение в начале этой новой атаки, но все же двигалась по направлению к Эрагону медленной, чуть шаркающей походкой.

Верховный Жрец не сводил с Эрагона глаз, глубоко сидящих, обрамленных темными кругами, горевших ненавистью и злобой. Эрагон не сомневался: если бы у жреца были руки и ноги, он наверняка попытался бы ногтями вырвать сердце у него из груди. Но и теперь во взгляде жреца

было столько злобы и ненависти, что Эрагон не удивился бы, если б тот соскользнул со скамьи и подполз к нему, яростно кусая за лодыжки.

Атака на его сознание усилилась, как только жрец заметил, что к Эрагону приблизилась Анжела. Верховный Жрец оказался куда более умелым противником, чем любой из его подчиненных. Вступить в поединок разума одновременно с четырьмя различными соперниками и представлять собой при этом весьма ощутимую угрозу для каждого из четырех — это было, безусловно, достойно уважения. Особенно если учесть, что против изувеченного жреца выступали эльфийка, Всадник, ведьма и котоворотень. Верховный Жрец явно обладал одним из самых мощных и заслуживающих восхищения разумов. Во всяком случае, Эрагон с таким еще никогда не сталкивался. И не без оснований подозревал: если бы не помощь товарищей, он вполне мог и не устоять под мощным натиском этого жуткого существа. Жрец оказался способен на такие вещи, которые самому Эрагону были пока недоступны. Он, например, связывал прямые мысли Эрагона, направленные Арье и Солембуму, и ухитрялся настолько их запутать, что в какое-то мгновение Эрагон утрачивал всякое представление даже о себе самом.

Наконец Анжела, пройдя между скамьями, обогнула разъяренного, распушившегося Солембума, по-прежнему сидевшего, скорчившись, над убитым послушником, и аккуратно переступила через тела тех троих, которых прикончил Эрагон. Как только она подошла ближе к Верховному Жрецу, тот начал биться, точно рыба на крючке, извиваясь всем телом и пытаясь отползти от нее как можно дальше. И сразу же его воздействие на сознание Эрагона существенно ослабело, хотя и не настолько, чтобы он рискнул нанести ему удар мечом.

А травница, подойдя к Верховному Жрецу, остановилась, пристально на него глядя, и тот, немало удивив Эрагона, полностью перестал сопротивляться. Он просто лежал, тяжело дыша, на скамье и с минуту, наверное, смотрел своими глубоко запавшими глазами на маленькую женщину с суровым лицом и всклокоченными кудрями.

Пока они испепеляли друг друга взглядами, между ними явно шла некая невидимая борьба воли и разума.

Затем Вёрховный Жрец вздрогнул и отвел глаза. Слабая усмешка появилась на устах Анжелы. Она бросила свой кинжал на скамью и откуда-то из складок платья извлекла другой, совсем маленький, кинжальчик с лезвием цвета темного заката. А потом, наклонившись над жрецом, едва слышно прошептала:

— Тебе следовало бы знать мое имя, безъязыкий! Если бы ты его знал, ты никогда бы не осмелился противостоять нам. Дай-ка я назову его тебе...

И она что-то очень тихо, чтобы стоявший рядом Эрагон не смог ее услышать, сказала на ухо Верховному Жрецу. Тот, услышав это, побелел. Рот его непроизвольно раскрылся, превратившись в страшноватый черный овал, и жуткий неземной вой вырвался из его глотки. И тут же весь храм ответил ему сводящим с ума громогласным эхом.

— Ох, да заткнись ты! — в сердцах воскликнула Анжела и вонзила тот маленький кинжал с лезвием цвета заката жрецу прямо в грудь.

Клинок вспыхнул белым светом, точно раскаленное железо, и исчез со звуком, напоминавшим отдаленный раскат грома. Плоть вокруг нанесенной им раны тоже вспыхнула, как сухое дерево, и стала быстро превращаться в тонкий темный порошок, похожий на золу, ссыпавшийся куда-то в глубь грудной клетки. И Верховный Жрец, *захлебнувшись клокочущим* хрипом, внезапно затих.

Магическое заклятие действовало быстро. Оно поглотило и все остальное тело жреца, превратив его в горстку черной пыли, отдаленно напоминавшую человеческую голову и торс.

— Ну, вот и дело с концом! — сказала Анжела и решительно кивнула.

ЗВОН КОЛОКОЛА

Эрагон встряхнулся, словно очнувшись от дурного сна. Теперь, когда ему больше уже не нужно было оказывать мысленное сопротивление Верховному Жрецу, он услышал громкий звон храмового колокола — громкий, настойчивый, сразу напомнивший ему, как раззаки преследовали их с Бромом в тот раз, когда они впервые посетили Драс-Леону.

«Муртаг и Торн вскоре будут здесь, — подумал он. — До этого нам надо успеть убраться из храма».

Он спрятал меч Анжелы в ножны и передал его травнице.

— Спасибо, — сказал он, — я думаю, теперь он тебе самой понадобится.

А сам, оттащив в сторону трупы послушников, вытащил из-под груды тел свой Брисингр. И как только он почувствовал в руке знакомую рукоять, душу его охватило невероятное облегчение. Меч Анжелы был, безусловно, замечательным и весьма опасным клинком, но это было *не его* оружие. Без Брисингра Эрагон неизменно чувствовал себя незащищенным, уязвимым — точно такое чувство он испытывал, когда их разлучали с Сапфирой.

Еще некоторое время ему понадобилось, чтобы отыскать свое кольцо, которое закатилось под одну из скамей, и ожерелье, подаренное ему гномами. Ожерелье оказалось намотанным на ручку носилок Верховного Жреца. Под телами убитых жрецов Эрагон отыскал также меч Арьи, чему она была очень рада. А вот от перевязи Белотха Мудрого не было и следа.

Эрагон заглянул под каждую скамью, внимательно осмотрел алтарь и все вокруг, но перевязи не нашел и с отчаянием воскликнул:

— Здесь ее точно нет! Они ее, должно быть, в своих проклятых туннелях спрятали! — И он повернулся к той стене, что скрывала ведущую вниз лестницу и проход в нижние залы и коридоры. — А может, и где-нибудь здесь, в храме... — Он озирался, не зная, куда в первую очередь отправиться на поиски.

Бормоча себе под нос заклинание, способствующее поискам нужного предмета, Эрагон бродил по храму, но *в ответ возникало лишь* ощущение некой гладкой серой пустоты. Как он и опасался, перевязь Белотха жрецы успели окутать магической защитой, которая не позволяла иным существам видеть или касаться ее; похожая магическая защита была у Брисингра, не позволяя чужим пользоваться этим мечом.

Эрагон нахмурился и сделал шаг к винтовой лестнице, явно собираясь спуститься в подземелье.

Колокол зазвонил еще громче.

— Эрагон, — окликнула его Арья с противоположного конца храма, поудобнее укладывая на плече безжизненное тело послушника, — нам надо идти.

— Но я...

— Оромис понял бы. Это не твоя вина.

— Но я...

— Оставь! Эта перевязь уже не раз терялась. И ее находили. И мы, конечно же, отыщем ее. Но сейчас мы должны спешить. Идем скорей!

Эрагон выругался, резко развернулся и бросился к Арье, Анжеле и Солембуму, которые уже стояли у дверей храма.

«И надо же было потерять самую ценную из своих вещей!» — Эрагону казалось почти святотатством бросить здесь перевязь после того, как столько жизней было отнято, чтобы наполнить ее энергией. И потом, его не оставляло предчувствие того, что эта энергия в ближайшее же время очень ему понадобится.

Когда они с Анжелой с огромным трудом отворили тяжелые двери, Эрагон тут же послал мысленную весть Сапфире о том, что с ними все в порядке. Он прекрасно знал, что драконица кружит где-то над городом, ожидая, когда

он сможет с нею связаться, и решил, что теперь уже можно и не скрываться. В общем-то, теперь Эрагону было все равно, почувствует ли его присутствие Муртаг или кто-то еще из магов Гальбаторикса.

И как только его мысли переплелись с мыслями Сапфиры, исчезло наконец то щемящее чувство, что сжимало ему грудь, не давая нормально дышать.

«Что вас так задержало?» — воскликнула Сапфира.

Эрагон прямо-таки физически ощущал ее волнение и знал, что она наверняка уже подумывала, не превратить ли ей этот город в руины, чтобы можно было спокойно отправиться на поиски своего «маленького брата».

Эрагон достаточно быстро рассказал ей о минувших событиях и увидел, что за это время Арья, Анжела и котоворотень уже успели сбежать с крыльца храма вниз по широким ступеням лестницы.

И он, не сделав ни малейшей паузы и не давая Сапфире возможности разобраться в его беспорядочных чувствах и воспоминаниях, сказал ей:

«Нам нужно, чтобы ты их отвлекла. Прямо сейчас!»

Сапфира сразу же все поняла, и он прямо-таки почувствовал, как она стрелой понеслась вниз.

«А также передай Насуаде, чтобы она немедленно начинала штурм. Через несколько минут мы будем у южных ворот. Если, когда мы их откроем, варденов там не окажется, то вряд ли нам удастся спастись», — успел напоследок сказать Эрагон.

ПЕЩЕРА ЧЕРНОГО СОРОКОПУТА

Холодный, влажный, полный утреннего тумана воздух так и свистел у Сапфиры в ушах, когда она, спикировав с высоты, устремилась к этой крысиной норе, к этому проклятому городу, уже наполовину освещенному встающим солнцем. Низкие солнечные лучи придавали несколько странный вид этим пропахшим древесным дымом домам. Казалось, будто они сделаны из двух половинок яичной скорлупы — черной и белой; черной казалась та половина, что находилась в тени.

Похожий на волка эльф, сидевший на спине у Сапфиры, что-то кричал ей, но голодный жадный ветер тут же хватал его слова и уносил их прочь, и она не могла понять, что он ей кричит. Тогда он принялся задавать ей вопросы с помощью своего эльфийского, полного странных песен, разума, но она не дала ему завершить этот нелепый допрос и быстренько прервала его, сообщив о просьбе Эрагона, и попросила поднять по тревоге Насуаду с ее варденами, ибо действовать нужно было незамедлительно.

Сапфира представления не имела, как та тень, которой придали облик Эрагона, сможет хоть кого-то обмануть. Этот «двойник» имел совсем иной запах, чем ее сердечный друг, и мысли у него были совсем иными, чем у Эрагона. Однако же на двуногих этот «Эрагон» производил должное впечатление, а им, собственно, и обмануть-то нужно было всего лишь двуногих.

У левой окраины крысиной норы под названием Драс-Леона Сапфира видела сверкающую красную тушу Торна, распростершегося на крепостной стене над самыми южными воротами. Торн как раз поднял свою алую башку,

явно заметив, как она стремительно — так что все кости можно было запросто переломать! — приближается к земле. Собственно, этого она и ожидала. Ее чувства по отношению к Торну были слишком сложны, чтобы их можно было передать в нескольких словах. И она каждый раз, думая о нем, испытывала какое-то странное смущение, какую-то неуверенность — в общем, нечто такое, к чему она совершенно не привыкла.

Тем не менее Сапфира отнюдь не собиралась ему уступать. Напротив, она была твердо намерена во что бы то ни стало одержать над ним верх.

Когда темные каминные трубы и островерхие крыши домов стали быстро к ней приближаться, Сапфира шире раскрыла крылья, чувствуя усилившееся напряжение в груди и плечах, и несколько замедлила спуск. Оказавшись всего в нескольких сотнях футов от крыш тесно стоящих городских домов, она вдруг снова резко взмыла вверх и тогда наконец полностью развернула крылья и воспарила, приостановив свое стремительное снижение, однако этот маневр дался ей нелегко: на мгновение ей показалось, что сейчас ей ветром попросту вывернет крылья из плечевых суставов.

Сапфира шевельнула в воздухе хвостом, восстанавливая равновесие, и стала плавно кружить над городом, пока не высмотрела внизу эту пещеру черного сорокопута, заросшую терном, где жуткие, совершенно обезумевшие жрецы в черном приносили кровавые жертвы своим еще более жутким богам. Сапфира снова сложила крылья и, стрелой пролетев вниз несколько десятков футов, с чудовищным грохотом приземлилась прямо на крышу храма.

Вонзив когти в черепицу, чтобы удержаться от скольжения и не рухнуть на проходившую внизу улицу, Сапфира, откинув голову назад, издала самый громкий рев, на какой была способна, бросая вызов всему окружающему миру и тем, кто этот мир населяет.

Рядом с логовом черного сорокопута, высоко на башне, продолжал звонить колокол, и этот звон действовал Сапфире на нервы. Изогнув шею, она выпустила в сторону назойливого колокола струю сине-желтого пламени, но башня не загорелась, поскольку была каменной. Зато веревка

и деревянные балки, поддерживавшие колокол, вспыхнули мгновенно, и через несколько секунд колокол с грохотом провалился куда-то внутрь.

Это доставило драконихе некоторое удовольствие. Впрочем, и смотреть, как двуногие с воплями бросаются врассыпную и удирают подальше от башни, тоже было приятно. В конце концов, она лишь показала им, что дракона им следует бояться, и это было вполне справедливо.

Один из двуногих, правда, помедлил, стоя на краю площади перед входом в пещеру черного сорокопута, и Сапфира услышала, что он выкрикивает какое-то заклинание, явно направленное в ее сторону. Голос его был подобен писку перепуганной мыши, а магическая защита, наложенная Эрагоном, надежно защищала Сапфиру — во всяком случае, она не заметила никакой разницы ни в своих ощущениях, ни в том, как выглядит мир вокруг нее.

Впрочем, эльф Блёдхгарм, больше похожий на волка, тут же прикончил этого мага, осмелившегося применить магию против дракона. Сапфира почувствовала, как Блёдхгарм овладел разумом этого двуногого круглоухого *заклинателя, полностью* подчинил себе его мысли, а потом произнес всего одно слово на волшебном древнеэльфийском языке, и круглоухий упал на землю, как подкошенный; из его разинутого рта текла кровь.

Затем этот эльф в волчьей шкуре потрепал Сапфиру по плечу и сказал:

«Готовься, Сверкающая Чешуя. Они идут».

И она увидела, как над коньками крыш поднимается Торн. На спине у него виднелась маленькая черная фигурка — Муртаг, который был Эрагону вроде бы наполовину братом. В свете восходящего солнца чешуя Торна так и сверкала, хотя Сапфире и казалось, что ее чешуя сверкает красивей — ведь она, готовясь к этому бою, заранее и с особой тщательностью ее почистила. Разве можно было начинать сражение и при этом не выглядеть наилучшим образом? Нет, враги должны не только бояться ее, но и восхищаться ею!

Она понимала, что это обыкновенное тщеславие, но ей было все равно. Ни одна раса не может соперничать

с великолепием и могуществом драконов! К тому же она была последней самкой в роду и хотела, чтобы все, кто ее видит, приходили в восторг, чтобы они запомнили ее навсегда, чтобы они, даже если драконы в Алагейзии исчезнут совсем, продолжали говорить о них с должным уважением и восхищением.

Когда Торн поднялся примерно на тысячу футов над этой крысиной норой, именуемой Хелгриндом, Сапфира быстро огляделась, желая убедиться, что ее сердечного дружка Эрагона нет вблизи проклятой пещеры черного сорокопута. Ей совсем не хотелось даже случайно задеть его во время схватки, которая вот-вот разразится. Эрагон тоже был свирепым охотником, как и она сама, однако он был так мал, что двум драконам ничего не стоило нечаянно раздавить его.

Сапфира все еще пыталась распутать клубок тех темных болезненных мыслей, которыми столь поспешно поделился с нею Эрагон, но ей уже было совершенно понятно, что события в очередной раз стали развиваться именно так, как она себе и представляла; каждый раз, когда она и ее сердечный друг Эрагон действовали порознь, у него все кончалось всевозможными неприятностями, порой даже целой цепью бед и несчастий. Эрагон, впрочем, наверняка с нею бы не согласился, но даже это его последнее не слишком удачное приключение доказывало, что она права; ей отчасти это было даже приятно, хоть она и понимала: то, что она опять оказалась права, в общем-то не слишком хорошо.

Как только Торн достиг нужной высоты, он резко развернулся и ринулся вниз, прямо на Сапфиру; из его разинутой пасти вырывались языки пламени.

Огня она, разумеется, не боялась — и потом, магическая защита, установленная Эрагоном, должна была заслонить ее от излишнего жара, — а вот огромный вес Торна и его физическая мощь вполне могли быть опасны, ибо способны довольно быстро истощить силу любых защитных заклятий. На всякий случай Сапфира присела, плотно прижавшись к крыше храма, и, вывернув шею, попыталась цапнуть Торна за бледное брюхо.

Целый вихрь огненных языков окутал ее с грохотом и ревом, точно гигантский водопад. Пламя было таким ярким, что она инстинктивно прикрыла глаза внутренним веком — точно так же она поступала и под водой, — и теперь свет уже не казался столь слепящим.

Вскоре языки пламени опали, и Торн снова стремительно пронесся у нее над головой, острым концом своего толстого, способного мгновенно переломать любому живому существу ребра хвоста прочертив кровавую полосу по мембране ее правого крыла. Но кровотечение было не особенно сильным, и Сапфира решила, что эта царапина вряд ли особенно затруднит полет, хотя больно было изрядно.

Торн снова ринулся на нее с высоты, стараясь заставить ее подняться над крышей, но она двигаться не желала, и после нескольких попыток он устал ее провоцировать, приземлился по ту сторону крыши, раскинув над пещерой черного сорокопута свои гигантские крылья, чтобы лучше сохранять равновесие.

Все здание храма содрогнулось, когда Торн плюхнулся на крышу; от сотрясения разбились многие прекрасные витражи, и теперь цветные стекла, похожие на самоцветы, со звоном осыпались на землю. Теперь Торн был значительно крупнее Сапфиры благодаря магическим ухищрениям этого негодяя Гальбаторикса, этого преступника, уничтожившего столько драконьих яиц. Но ее величина Торна ничуть не смущала. Она была куда опытней Торна, и потом, ее учителем был сам Глаэдр, рядом с которым этот Торн — все равно что жалкая ящерица. Да и вряд ли Торн осмелился бы убить ее... во всяком случае, она была почти уверена, что *ему-то* совсем этого не хочется.

Красный дракон оскалился и шагнул к ней, царапая острыми когтями черепицу. Она в ответ тоже оскалилась и немного отступила назад, пока не почувствовала, что уперлась хвостом в один из шпилей. Они торчали над этой пещерой, точно колючки дикобраза.

Кончик хвоста Торна сердито подергивался, и Сапфира понимала, что он сейчас на нее прыгнет.

Она с силой втянула воздух и выдохнула ему в морду струю мерцающего синего пламени, понимая, что

в данный момент самое главное — не дать Торну и Муртагу понять, что на спине у нее, Сапфиры, вовсе не Эрагон. А для этого ей нужно было либо держаться как можно дальше от Торна, чтобы Муртаг не смог прочесть мысли этого эльфа в волчьем обличье, принявшего облик Эрагона, либо совершать стремительные и частые атакующие броски, причем достаточно свирепые, чтобы у Муртага просто времени не было, чтобы читать чьи-то мысли. Хотя Муртаг, конечно, ко всему привык и, наверное, мог бы читать чужие мысли, даже если Торн начнет в воздухе переворачиваться вверх тормашками. С другой стороны, сейчас они оба — и она, и Торн — находились совсем близко от земли, а это было Сапфире на руку, если она пойдет в атаку. А она всегда предпочитала атаковать, всегда!

— Это что, самое лучшее, на что ты способна? — крикнул Муртаг, и его невероятно громкий голос, усиленный с помощью магии, донесся откуда-то из облака крутящегося огня.

Как только последний язык пламени погас у нее в пасти, Сапфира прыгнула на Торна, ударив его точно в центр груди. Шеи драконов переплелись; они били друг друга головой, и каждый старался первым вонзить клыки в горло соперника. Однако Торн, не удержавшись на крыше храма, сорвался с нее, судорожно хлопая крыльями, и упал на землю, увлекая за собой Сапфиру.

Они грохнулись с такой силой, что раскололись каменные плиты на мостовой, а по стенам соседних домов пошли трещины. Что-то хрустнуло в левом плечевом суставе Торна, а спина его как-то неестественно выгнулась дугой, и только магия Муртага не дала ему грохнуться на землю плашмя, всей тушей.

Сапфире было слышно, как ругается Муртаг, отчасти придавленный Торном, и она решила, что лучше всего было бы поскорей убраться отсюда, пока этот двуногий круглоухий маг со злости не начал сыпать всякими заклинаниями.

«Пусть пока друг с другом разбираются», — решила Сапфира, вполне довольная собой, и выпустила мощный язык

пламени, который тут же принялся с жадностью пожирать деревянные домишки.

Вернувшись на крышу этой проклятой пещеры черного сорокопута, Сапфира запустила когти под черепицу и принялась раздирать крышу храма точно таким же образом, как некогда крышу замка Дурзы в Гилиде. Только теперь она, Сапфира, стала гораздо крупнее и сильнее, так что каменные плиты были для нее все равно что речная галька для Эрагона. Эти ошалевшие от крови жрецы, которые кому-то там поклонялись в своей гнусной пещере сорокопута, нанесли ранения ее сердечному другу Эрагону и осмелились мучить Арью, сестру драконов по крови, и травницу Анжелу, юную лицом, но старую душой, и кота-оборотня по имени Солембум — у него, впрочем, имелось немало и других имен; и потом эти жрецы убили славного эльфа Вирдена! За все это Сапфира была намерена отомстить и в щепы разнести проклятую пещеру черного сорокопута!

За несколько секунд ей удалось проделать в кровле храма огромную дыру, и она выпустила внутрь струю *разящего пламени, а затем*, вцепившись когтями в бронзовые трубы органа, выдернула их из стены и швырнула вниз, на каменные скамьи.

Торн взревел, взлетая прямо с улицы, и завис над пещерой черного сорокопута, тяжело хлопая крыльями и стараясь удержаться на месте. На фоне сплошной стены огня он был виден только как бесформенный черный силуэт, и лишь его полупрозрачные крылья слегка отливали оранжевым и ярко-алым в отблесках пылавшего внизу пожара.

Вдруг Торн ринулся на Сапфиру, выставив вперед свои чудовищные когти. Она ждала до самого последнего момента, а потом резко отпрыгнула в сторону и бросилась с крыши вниз. Торн, естественно, свернуть не успел и врезался башкой прямо в центральный шпиль собора. Каменный шпиль высотой в четыреста футов содрогнулся, а его верхушка — прихотливо украшенная золоченая пика — согнулась и рухнула на площадь.

Взревев от огорчения, Торн попытался выправить полет, но тщетно: его задняя часть угодила прямо в дыру,

которую проделала в крыше храма Сапфира, и он судорожно царапал когтями по черепице, пытаясь выбраться.

А Сапфира тем временем перелетела на фронтон храма, устроилась по другую сторону шпиля, в который Торн только что врезался, и, собравшись с силами, ударила по шпилю правой передней лапой.

Статуи и резные изображения зашатались и потрескались; тучи пыли окутали Сапфиру, забивая ей ноздри; осколки камней и куски штукатурки дождем посыпались на площадь. Но шпиль держался, и она ударила снова.

Рев Торна приобрел истерический оттенок, когда он догадался, что задумала Сапфира. Он еще яростней завозился, пытаясь выбраться из дыры.

После третьего удара Сапфиры высокий каменный шпиль треснул у основания и с ужасающей медлительностью начал падать назад, на конек крыши. Торн успел лишь свирепо оскалиться, и на него обрушилась целая груда каменных обломков, увлекая его за собой внутрь разгромленного здания. От грохота рухнувшего шпиля по всему этому мерзкому городу, похожему на крысиную нору, разнеслось гулкое эхо.

Сапфира улыбнулась, показывая страшные клыки. Ее душа была охвачена какой-то дикарской радостью. Это была настоящая победа! Торн, конечно, выберется наружу, и довольно скоро, но пока что он был полностью в ее власти.

Встряхнув крыльями, Сапфира покружила над пещерой черного сорокопута и, летая вдоль ее стен, одну за другой смела изогнутые опоры кровли, служившие также для стока воды с крыши. Снова на землю посыпались куски камня, снова поднялись клубы густой пыли.

Уничтожив все опоры, Сапфира добилась того, что стены храма зашатались и начали медленно выпирать наружу. А попытки Торна выбраться только усугубляли ситуацию, и уже через несколько минут стены не выдержали и рухнули с грохотом горной лавины; ввысь взметнулся огромный столб темной пыли.

Сапфира с победоносным кличем взмыла в воздух, а потом, приземлившись возле той груды мусора, в которую превратился храм, поднялась на дыбы и стала поливать

развалины потоками испепеляющего огня. Пламя, конечно, можно было бы довольно легко остановить с помощью магии, но подобные действия требовали довольно много энергии. Заставляя Муртага заниматься этим, чтобы уберечь себя и Торна от опасности быть изжаренными живьем или попросту раздавленными осыпающимися каменными плитами, Сапфира рассчитывала истощить его силы и обеспечить Эрагону и его друзьям более легкую победу.

И она все выдыхала и выдыхала языки пламени, а эльф в волчьем обличье, что сидел у нее на спине, помогал ей, выпевая какие-то заклинания, хотя что это были за заклинания, она не знала. Впрочем, ей это было, в общем-то, безразлично: этим двуногим она доверяла и была уверена, что действия Блёдхгарма ей помогут.

И вдруг каменные плиты в центре словно взорвались, и с громким ревом из груды каменных обломков выбрался Торн. Сапфира шарахнулась. Крылья у Торна обвисли и имели весьма потрепанный вид, словно у бабочки, на которую кто-то наступил ногой; на лапах и на спине у него виднелись рваные раны, из которых обильно текла кровь.

Торн гневно воззрился на Сапфиру и страшно оскалился; его рубиновые глаза потемнели от бешенства. Впервые ей удалось по-настоящему разозлить его, и было ясно, что *сейчас он с большим удовольствием* разорвал бы ее на куски, а может, и кровь ее отведал.

«Это хорошо», — подумала она. Возможно, этот Торн все-таки не совсем забитая и запуганная дворняжка, как ей казалось раньше.

Сапфира заметила, как Муртаг сунул руку в мешочек, висевший у него на поясе, и вытащил оттуда небольшой круглый предмет. Она уже знала, что с помощью этого магического предмета он сейчас будет исцелять раны Торна.

Но дожидаться, что они предпримут после этого, Сапфира не стала. Взмыв в воздух, она стала быстро набирать высоту, стараясь подняться как можно выше, прежде чем Торн окажется в состоянии взлететь и броситься за нею в погоню. Несколько раз сильно взмахнув крыльями, она сделала круг и, посмотрев вниз, увидела, что Торн уже пришел в себя и поднимается вслед за нею с какой-то

невероятной скоростью, связанной, видимо, с охватившим его бешеным гневом. Сейчас он был похож на огромного красного ястреба с острыми страшными когтями.

Извернувшись в воздухе, Сапфира как раз собиралась войти в пике и атаковать Торна, когда где-то в глубине ее сознания прозвучал голос Эрагона:

«Сапфира!»

Эрагону явно была нужна ее помощь!

Встревоженная, она продолжила сложный разворот, но теперь уже устремилась в ином направлении — к южной арке городских ворот, где, как она знала, должны находиться Эрагон, Арья и остальные. Затем, сложив крылья, она стрелой, почти под прямым углом, ринулась вниз.

Торн тоже поспешно развернулся, увидев ее неожиданный маневр, и она, не оглядываясь, понимала, что теперь он следует за ней по пятам.

Оба дракона неслись прямо на крепостную стену, за которой прятался этот паршивый город, похожий на крысиную нору, и холодный утренний воздух выл в ушах Сапфиры, как раненый волк.

С молотом во главе войска

«Наконец-то!» — подумал Роран, когда трубы протрубили начало атаки.

Посмотрев в сторону Драс-Леоны, он увидел Сапфиру, стремительно снижавшуюся в сторону темной массы строений; чешуя драконихи ослепительно сверкала в лучах утреннего солнца. Увидев Сапфиру, Торн, валявшийся на стене, вдруг встрепенулся и ринулся за ней.

Рорана охватило необычайное волнение, он чувствовал мощный прилив сил. Наконец-то пришло время решительного сражения, и он был к этому сражению совершенно готов, хоть ему и не давали покоя тревожные мысли об Эрагоне, Роран рысцой бросился туда, где уже широким прямоугольником строились остальные вардены.

Он быстро оглядел их ряды, проверяя готовность войска. Люди прождали большую часть ночи и теперь чувствовали себя усталыми, но Роран знал, что страх и возбуждение вскоре прочистят им мозги. Он тоже устал, но единственное, о чем сожалел, так это о том, что не хватило времени на чашку горячего чая, чтобы успокоить желудок. Роран съел что-то нехорошее, и с тех пор его мучили колики и тошнота. Столь пустяшное недомогание, разумеется, не могло ему помешать.

Он надел шлем, покрепче надвинув его на стеганую мягкую шапочку, и вытащил из-за пояса свой молот. На левую руку он надел щит.

— По твоей команде выходим, — сказал, подходя к нему, Хорст.

Роран кивнул. Он сам выбрал кузнеца себе в заместители — и с его решением Насуада согласилась без колебаний.

Он понимал, что это эгоистично — у Хорста только что родилась дочка, да и варденам без кузнеца было никак не обойтись, — но представить себе кого-то другого, подходящего для выполнения данной задачи, он не мог. Хорст, похоже, особого восторга по поводу своего «продвижения по службе» не испытывал, но и расстроенным не казался. Как всегда уверенно и спокойно, он занялся тем, что поручил ему Роран: организацией полка.

Снова прозвучали трубы, и Роран, подняв молот над головой, громко крикнул: «Вперед!» — и побежал впереди, а с обеих сторон от его полка снялись с места и ринулись к воротам города еще несколько тысяч людей — четыре варденских полка.

Вскоре из города стали доноситься тревожные крики, чуть позже зазвучали колокола и призывные звуки труб и рогов, и вся Драс-Леона наполнилась сердитым звоном и грохотом защитников, собиравшихся у ее стен. Общий шум и суматоху усугубляли жуткие звуки, доносившиеся из центральной части города. Там в небесах, сверкая на солнце чешуей, со страшным ревом сражались два дракона. Время от времени Рорану удавалось увидеть их над крышами зданий.

Лабиринт жалких лачуг на окраинах города быстро приближался, и Рорану казалось, что эти узкие, мрачные улочки таят какую-то угрозу. На этих улицах противнику ничего не стоило устроить засаду. Да и просто сражаться в такой тесноте всегда тяжело, уличные бои — дело куда более страшное, сложное и кровавое, чем обычное сражение. Роран понимал: если сражение начнется на этих извилистых улочках, то мало кто из его воинов уйдет отсюда живым и невредимым.

Пробираясь по темной стороне очередного переулка, он чувствовал, как в душе его ворочается тугой колючий ком тревоги. У него снова заболел живот. Он облизнул губы, чувствуя подступающую к горлу тошноту.

«Только бы Эрагон сумел открыть эти ворота! Иначе мы тут напрочь застрянем, и нас попросту перережут, точно ягнят на бойне».

И ПАЛИ СТЕНЫ...

Грохот рушащихся каменных стен заставил Эрагона остановиться и оглянуться.

Между крышами двух домов был виден зубчатый шпиль храма. Точнее, то, что от него осталось, — огромный столб пыли, взметнувшийся к облакам.

Эрагон улыбнулся: молодец! Он был горд своей Сапфирой. Когда нужно посеять хаос в рядах противника, драконам нет равных.

«Ну, продолжай в том же духе, — думал он. — Разнеси весь Хелгринд на куски! Похорони их проклятое святилище под грудой камней в тысячу футов высотой!»

И он бросился по темной, извилистой улочке догонять Арью, Анжелу и Солембума. Город просыпался, на булыжных мостовых появилось уже довольно много людей: торговцы открывали свои лавки, ночные сторожа шли домой спать после службы, пьяные аристократы возвращались с ночных гулянок, а бродяги, которым пришлось ночевать у кого-то под дверью, расползались по своим углам. Немало попадалось и солдат, спешивших к городским стенам.

Но все эти люди то и дело останавливались и с ужасом смотрели в сторону храма — над ним в воздухе сражались два дракона, и шум этого сражения был слышен в каждом уголке города. И жители Драс-Леоны — от обшарпанного, нищего до закаленного в боях воина и богато одетого аристократа — были настолько поглощены этим жутким зрелищем, что на Эрагона и его спутников внимания никто не обращал. Ну что ж, решил Эрагон, значит, мы с Арьей вполне похожи на обычных горожан. Но это, конечно, только с первого взгляда.

Он настоял на том, чтобы Арья оставила несчастного послушника, который по-прежнему был без сознания, в одном из переулков на приличном расстоянии от храма.

— Я обещал, что мы возьмем его с собой, но я никогда не говорил, куда именно мы сами направляемся, — пояснил он. — Отсюда, надеюсь, он и сам сумеет найти дорогу, когда очнется. — Арья спорить не стала; похоже, она и сама испытала облегчение, освободившись от этой ноши.

Пока они поспешно пробирались к южным воротам, Эрагон все время озирался, узнавая и не узнавая знакомые места. Его последнее посещение Драс-Леоны завершилось бегством по таким же грязным улочкам между накрепко запертыми домами, и тогда его единственной надеждой на спасение было добраться до каких-нибудь городских ворот, прежде чем слуги Империи его обнаружат. Только теперь он боялся не каких-то раззаков, а чего-то, безусловно, куда более грозного.

Он снова посмотрел в сторону храма. Сапфире нужно было продержаться еще хотя бы несколько минут, отвлекая на себя Муртага и Торна, и тогда продвижение варденов будет уже не остановить. Однако минуты во время боя могут быть подобны часам, и Эрагон отлично понимал, как быстро и неожиданно может перемениться соотношение сил.

«Держись! — думал он, хоть и не посылал эту мысль Сапфире, чтобы ничем ее не отвлекать и самому не отвлекаться. — Ну, еще немного, а?»

Улочки становились все уже и извилистей: они явно приближались к городской стене; нависавшие над головой здания — в основном это были жилые дома — заслоняли собой небо, и лишь иногда можно было увидеть узкую лазурную полоску. Сточные канавы были полны до краев, и от них исходила такая вонь, что Эрагону и Арье приходилось закрывать нос рукавом, чтобы пощадить свое тонкое обоняние. А вот травницу Анжелу эта вонь, похоже, ничуть не трогала. Зато Солембум неумолчно ворчал и раздраженно дергал хвостом.

Внимание Эрагона привлекло какое-то движение на крыше ближайшего дома, но то, что там промелькнуло, тотчас же и исчезло. Однако он продолжал смотреть в том

же направлении и через некоторое время начал различать кое-какие странные признаки: белое пятно на покрытых черной сажей кирпичах каминной трубы; странные, заостренной формы силуэты на фоне ясного утреннего неба; какие-то маленькие округлые предметы размером с монету, ярко сверкавшие в тени.

Он был потрясен, догадавшись, что это такое: крыши домов буквально облеплены десятками котов-оборотней! Все они были в зверином обличье и ловко перепрыгивали с одной крыши на другую, безмолвно следуя за Эрагоном и его товарищами по темным городским закоулкам.

Эрагон понимал, что эти неуловимые существа соизволят помочь им разве что в самых отчаянных обстоятельствах; коты-оборотни хотели как можно дольше сохранить тайну их присоединения к варденам, опасаясь, что об этом узнают слуги Гальбаторикса. И все же ему сразу стало как-то спокойней.

Улица привела их к перекрестку, от которого в разные стороны расходилось еще пять улочек. Эрагон посоветовался с Арьей и Анжелой, и они решили не отступать от выбранного ранее направления.

Через полсотни шагов выбранная ими улочка вдруг резко свернула в сторону и вывела их прямо на площадь перед южными воротами Драс-Леоны.

Эрагон остановился.

Там уже собралось несколько сотен солдат, которые суетились, надевая доспехи и разбирая оружие; командиры покрикивали на них и отдавали приказы. Золотистая нить, которой были вышиты красные туники солдат, так и сверкала на солнце.

Присутствие такого количества воинов ошеломило Эрагона, но еще больше ошеломило его то, что горожане успели насыпать перед воротами огромную груду камней и щебня, чтобы не дать варденам вломиться в город.

Эрагон выругался. Да им и за несколько дней не разобрать эту груду! Сапфира, конечно, могла бы за несколько минут расчистить подход к воротам, вот только Муртаг и Торн ни за что ей такой возможности сейчас не предоставят.

«Нужно их чем-то отвлечь», — думал Эрагон. Но чем? В голову ему пока ничего не приходило, и он все же решил посоветоваться с Сапфирой. В том, что она услышала его мысленный призыв, он не сомневался, но объяснить ей ситуацию так и не успел: как раз в этот момент один из воинов Гальбаторикса вдруг замер и заорал, указывая остальным на Эрагона и его спутников:

— Повстанцы!

Эрагон выхватил из ножен Брисингр и прыгнул вперед, пока и все остальные солдаты не успели осознать это громогласное предупреждение. Выбора у него не было. Отойти назад означало бросить варденов на растерзание силам Империи. И потом, не мог же он оставить Сапфиру! Ей одной с Торном, и со стеной, и с солдатами ни за что не справиться.

С громким криком Эрагон бросился на врагов, и Арья последовала его примеру. В бешеной атаке они прорубили себе среди изумленных, растерявшихся солдат настоящую тропу; некоторые из них, похоже, так и не поняли, что Эрагон — это враг, пока он их не заколол.

На площадь посыпался дождь стрел — это стреляли лучники, находившиеся на стене. Несколько стрел отскочили от окутывавшего Эрагона магического панциря, убив или ранив стоявших с ним рядом солдат Империи.

Но хотя Эрагон поворачивался во все стороны чрезвычайно быстро, он все же не успевал одновременно блокировать удары всех мечей, копий и кинжалов, направленных в него, и чувствовал, как его силы тают с ужасающей скоростью. Ведь ему еще приходилось поддерживать собственную магическую защиту, иначе солдаты его давно бы прикончили. Он отлично понимал: если им в ближайшие минуты не удастся пробиться к воротам, то силы их вскоре кончатся, и тогда всякое сражение будет бесполезным.

Испустив свирепый воинственный клич, он завертелся волчком, держа Брисингр на уровне талии и разрубая пополам каждого, кто оказывался вблизи от него.

Сверкающее синее лезвие меча резало кости и плоть с одинаковой легкостью. Кровь так и струилась с его острия — казалось, за вращающимся мечом летят длинные

извивающиеся красные ленты. Кровь крупными каплями падала на землю и застывала подобно кусочкам полированного коралла. А солдаты, осмелившиеся приблизиться к Эрагону, сгибались пополам, зажимая распоротые животы или пытаясь руками соединить края страшных рубленых ран.

Каждая деталь этого боя мгновенно запечатлевалась в памяти Эрагона и казалась ему очень яркой и четкой, как сделанный на стекле рисунок. Он, казалось, мог бы различить даже отдельные волоски в бороде каждого воина, оказывавшегося напротив него; мог бы сосчитать все капли пота, выступившие на скулах у того, кого он только что сразил своим безжалостным мечом; мог заметить каждое пятно или прореху на доспехах врага.

Шум, поднятый схваткой, был чересчур резок для его чувствительных ушей, однако в душе он испытывал глубочайшее спокойствие. Не то чтобы он совсем не был подвержен тем страхам, которые терзали его прежде, но теперь они уже не так легко пробуждались в его душе, а потому и сражение он вел гораздо лучше.

На время Эрагону пришлось приостановить круговое движение меча — рядом с ним как раз оказался тот самый воин, с бородой, — ибо у него над головой молнией пронеслась Сапфира. Крылья ее были плотно прижаты к телу и слегка дрожали, точно листва над ручьем. Вызванный ею порыв ветра взлохматил волосы на голове у Эрагона, а его самого бросил на землю.

Мгновением позже следом за Сапфирой промчался Торн с оскаленными зубами и рвущимся из разинутой пасти пламенем. Оба дракона исчезли за желтой глиняной стеной Драс-Леоны и, пролетев с полмили и сделав петлю, понеслись обратно.

Из-за ворот донеслись громкие радостные крики, и Эрагон понял: *варденцы уже там!*

Вдруг его левое предплечье обожгло, как огнем; казалось, кто-то плеснул туда кипящим жиром. Эрагон даже взвыл от боли и сердито тряхнул рукой, но ощущение не исчезло, и он увидел, как на рубахе расплывается кровавое пятно. Ясно: это наверняка драконья кровь, но вот чья, Сапфиры или Торна?

Драконы снова приближались, и Эрагон, воспользовавшись замешательством солдат, прикончил еще троих. Затем его противники пришли в себя, и схватка возобновилась.

Внезапно перед Эрагоном возник здоровенный воин, размахивавший боевым топором. Однако нанести удар этот великан так и не успел — Арья опередила его, нанеся ему удар в спину и почти разрубив его пополам.

Эрагон кивнул ей в знак благодарности, и они, не сговариваясь, встали спиной к спине, отражая атаки солдат.

Арья дышала так же тяжело, как и он сам, и явно уже начинала уставать. Хоть оба они и были быстрее и сильнее большинства людей, но и у их выносливости имелся предел. Они уложили уже десятки воинов, но сотни их по-прежнему продолжали наступать, и было ясно, что вскоре из недр Драс-Леоны вынырнет новое подкрепление.

— Что теперь? — крикнул он, отражая удар копья, направленный ему в бедро.

— Магия! — кратко ответила Арья.

И Эрагон, непрерывно отражая новые атаки, начал произносить все заклинания подряд, какие, как ему казалось, способны погубить врагов.

Очередной порыв ветра взъерошил ему волосы, и снова над ним пронеслась темная тень: Сапфира, описывая над площадью круги, сбрасывала скорость, а потом, взмахнув крыльями, вдруг стала падать на крепостную стену.

Еще до того, как она успела приземлиться, ее настиг Торн и выдохнул в нее язык пламени длиной футов в сто. Сапфира, взревев от отчаяния, устремилась прочь от стены, лихорадочно хлопая крыльями и стараясь побыстрее набрать высоту. Затем оба дракона спиралью взмыли в небо, на лету беспощадно кусая и царапая друг друга.

Увидев, что Сапфира в опасности, Эрагон стал действовать более решительно и принялся быстрее выпевать древние слова заклинаний, очень стараясь не допускать в них никаких искажений. Но как он ни старался, ни его заклятия, ни заклятия Арьи никакого воздействия на воинов не оказывали.

А потом с небес вдруг послышался голос Муртага — казалось, это голос великана, попирающего головой облака:

— Все эти люди находятся под *моей* защитой, братец!

И Эрагон, подняв голову, увидел, что Торн стрелой несется прямо на площадь. Сапфира явно не ожидала, что он так быстро сменит направление. Сама она все еще висела высоко над городом — темно-синий силуэт ее был ясно виден на фоне голубого неба.

«Они знают», — понял Эрагон, и ужас сменил в его душе царившее там спокойствие.

А толпа воинов перед ним все увеличивалась. Солдаты Гальбаторикса сбегались к воротам из многочисленных улочек, расположенных справа и слева от площади. Травница Анжела, прижавшись спиной к двери одной из лавок, торговавших посудой, одной рукой швырялась в нападавших чашками, а в другой сжимала грозно сверкавший Колокол Смерти. Из чашек, когда они разбивались, вылетали облачка зеленого пара, и каждый воин, вдохнувший этого пара, замертво падал на землю, судорожно хватая себя за горло, а потом его тело — точнее, все открытые участки кожи — мгновенно покрывали маленькие коричневые грибочки. За спиной у Анжелы на ровной садовой ограде примостился Солембум. Кот-оборотень использовал столь удобную позицию для того, чтобы вцепляться когтями в лицо солдатам и сдергивать с них шлемы, если они подбирались слишком близко к травнице. Оба они — и кот, *и Анжела* — *выглядели* совершенно измученными, и Эрагон опасался, что долго им не продержаться.

В общем, ничто вокруг его не обнадеживало. Он скосил глаза на огромную тушу Торна — как раз в этот момент красный дракон, широко раскрыв крылья, замедлил снижение и нацелился на площадь.

— Нам придется отступить! — крикнула Арья.

Эрагон колебался. Ему было бы нетрудно с помощью магии перенести их всех — Арью, Анжелу и Солембума — через стену, где ждут вардены. Но если они сейчас покинут это поле боя, варденам надеяться будет не на что. Они и так уже ждали достаточно долго; еще несколько дней, и запасы провизии в армии подойдут к концу, люди начнут

дезертировать... Если это произойдет, то им, конечно же, никогда больше не удастся объединить все расы и народы Алагейзии в борьбе с Гальбаториксом!

— Эрагон! Идем! — крикнула Арья и, схватив его за руку, потянула за собой, но Эрагон все еще медлил, не желая признать свое поражение.

Арья потянула сильнее, и Эрагон невольно посмотрел себе под ноги, чтобы не споткнуться; взгляд его упал на средний палец правой руки, на котором он носил кольцо Арен.

Он надеялся сберечь энергию, заключенную в кольце, до того дня, когда ему придется сразиться с самим Гальбаториксом. По сравнению с мощью Гальбаторикса сила кольца была, конечно, очень мала, но иным запасом энергии Эрагон в данный момент не располагал и прекрасно понимал, что ему даже такого запаса уже не удастся собрать, прежде чем армия варденов достигнет Урубаена, если она сумеет этого города достигнуть. И потом, это кольцо было памятью о Броме, одной из тех немногих вещей, которые оставил Эрагону отец. Все эти причины и заставляли его колебаться.

Тем не менее иного выхода он не видел: придется все-таки пустить в ход кольцо.

Запас энергии, таившийся в Арене, всегда казался Эрагону огромным, но в данный момент он совсем не был уверен, хватит ли его для осуществления того, что он задумал.

Краем глаза он заметил, что Торн в полете уже тянет к нему когтистую лапу, а когти на ней длиной в человеческий рост. Что-то в душе Эрагона жалобно вскрикнуло, и он поспешно отскочил, пока это чудовище не схватило его и не сожрало живьем.

Судорожно выдохнув, Эрагон сломил драгоценную оправу Арена и крикнул: «Джиерда!»

Поток энергии, хлынувший в него, оказался куда мощнее, чем он ожидал. Такого ему еще не доводилось испытывать; этот поток был подобен бурной ледяной реке, мощное течение которой несло и швыряло его, точно щепку. Ощущение было одновременно и убийственным, и приятно возбуждающим.

По приказу Эрагона огромная куча щебня и камней, наваленная перед воротами, взлетела в небо единым столбом и ударила Торна точно в бок, повредив ему крыло и отшвырнув куда-то за пределы Драс-Леоны. Затем этот столб земли и камней словно взорвался, разлетаясь по всей округе и накрыв этим страшным «дождем» всю южную часть города.

Взрыв сотряс площадь, а людей побросал на землю. Эрагон, поднявшись на четвереньки, посмотрел вверх и сотворил новое заклинание, ибо энергия кольца почти иссякла. Он прошептал: «Ганга раэхта», что означало «иди направо», и, точно темная грозовая туча, подхваченная порывом сильного ветра, столб земли и камней двинулся вправо, в сторону доков и озера Леона. Эрагон продолжал подталкивать эту страшную «тучу» к центру города, пока хватало сил; затем, когда не осталось даже капли той энергии, что прошла через его тело, завершил заклятие.

И туча обломков с обманчиво мягким шелестом и стуком рухнула на землю. Наиболее тяжелые куски — камни, обломки дерева, комья глины — упали на землю отвесно, изрешетив поверхность озера, а более мелкие остались *висеть в воздухе*, образовав широкое бурое пятно, которое медленно поплыло дальше на запад.

Там, где раньше лежала груда каменного мусора, теперь зияла огромная дыра. Края разбитых каменных плит, которыми была вымощена площадь, были похожи на обломки зубов. Городские ворота, совершенно изуродованные взрывом, жалобно поскрипывая, болтались на погнутых петлях, распахнутые настежь; чинить их теперь вряд ли имело смысл.

За воротами Эрагон увидел толпу варденов, заполнивших узкие улочки. Вздохнув с облегчением, он устало уронил голову на грудь: он был до предела измучен. «Все получилось», — думал он, не в силах вымолвить ни слова. Потом он заставил себя медленно подняться на ноги, смутно сознавая, впрочем, что опасность еще далеко не миновала, ибо и воины Гальбаторикса тоже начинали подниматься с земли.

Но вардены уже хлынули внутрь города — испуская боевые кличи, размахивая мечами и прикрываясь щитами.

Через несколько секунд среди них приземлилась Сапфира, и то, что должно было стать ожесточенной схваткой, превратилось в побоище. Теперь солдаты Гальбаторикса прежде всего пытались спасти собственную жизнь.

Среди варденов и гномов Эрагон мельком заметил Рорана, но сразу же потерял его из виду, не успев подать ему никакого знака.

«Арья?..» Эрагон обернулся и встревожился, не обнаружив ее рядом с собой. Он стал оглядывать площадь и наконец увидел Арью, отбивавшуюся от двух десятков солдат. Потом ее все-таки схватили за руки и за ноги и попытались куда-то уволочь с площади. Арья, высвободив одну руку, ударила одного из солдат в нижнюю челюсть и сломала ему шею, но второй раз ударить не успела: место убитого тут же занял другой солдат.

Эрагон метнулся к ней. Но, чувствуя во всем теле прямотаки невероятную усталость, слишком низко опустил меч, и Брисингр, зацепившись за чью-то кольчугу, вылетел у него из рук и со звоном покатился по земле. Эрагон подхватил меч, но на секунду остановил свой бег — он не был уверен, что будет способен драться в таком состоянии, — но тут увидел, как на Арью навалились еще двое, и прибавил ходу.

В тот момент, когда он подбежал к Арье, ей как раз удалось на мгновение сбросить с себя солдат и вырваться, но те снова ринулись к ней. Однако схватить ее не успели: Эрагон ударил одного из них в бок, кулаком ломая ему ребра. Затем какой-то воин с роскошными нафабренными усами попытался нанести ему колющий удар в грудь, но Эрагон перехватил его клинок голыми руками и переломил пополам, а потом нанес усатому воину сильнейший удар тем же обломком. Через несколько секунд все те, кто угрожал Арье, уже лежали мертвыми или ранеными на земле, ибо тех, кого не успел сразить Эрагон, прикончила сама Арья.

Когда все было кончено, она сказала:

— Я бы вполне справилась и сама.

И Эрагон, с трудом переводя дыхание и для равновесия упершись руками в колени, ответил:

— Я знаю... — И кивнул в сторону ее правой руки — той, что была так жутко изуродована, когда она пыталась

вытащить ее из железного наручника. Арья тут же смутилась и спрятала искалеченную руку. — Можешь считать, что я сделал это в знак благодарности.

— Хорошенькая благодарность! — И Арья слабо улыбнулась.

Почти все солдаты уже успели разбежаться с площади; те же, кто еще там оставался, испуганно пятились к домам, со всех сторон теснимые варденами. Куда бы Эрагон ни глянул, повсюду воины Гальбаторикса бросали оружие и сдавались.

Он поднял меч и вместе с Арьей двинулся к желтой глиняной стене, выискивая местечко, где было относительно чисто и не видно крови и нечистот. Присев под самой стеной, они стали смотреть, как вардены входят в город.

Вскоре к ним присоединилась Сапфира. Она ласково тыкалась носом Эрагону в лицо, он с улыбкой гладил ее морду, а она в ответ мурлыкала, как кошка.

«Тебе все удалось!» — мысленно похвалила она его.

«*Нам* удалось!» — возразил он.

Блёдхгарм, по-прежнему сидевший у Сапфиры на спине, развязал крепежные ремни и соскользнул на землю, и у Эрагона на мгновение даже голова закружилась: перед ним была точная копия его самого. Но, приглядевшись, он решил, что ему не нравится, как курчавятся волосы у «копии» на висках.

Блёдхгарм сказал нечто невнятное на древнем языке, и тело его задрожало, окуталось дымкой, точно мираж в сильную жару, и он снова стал самим собой — высоким, покрытым шерстью, желтоглазым, длинноухим и острозубым эльфом. Если честно, Блёдхгарм никогда не был особенно похож ни на эльфа, ни на человека, однако сейчас на его напряженном, жестком лице все же читалась глубокая, почти человеческая печаль.

— Губитель Шейдов, — сказал он, кланяясь Эрагону, — Сапфира сообщила мне о гибели Вирдена. И я...

Но договорить он не успел: десять его верных помощников-эльфов, вынырнув из густой толпы, подбежали к ним с мечами в руках.

— Губитель Шейдов! — восклицали они восторженно. — Аргетлам! Сверкающая Чешуя!..

Эрагон устало приветствовал их и даже отчасти ответил на их многочисленные вопросы, хотя предпочел бы, чтобы его оставили в покое.

Но тут разговор их был внезапно прерван страшным ревом. Темная тень мелькнула над площадью, и Эрагон, подняв глаза, увидел Торна, целого и невредимого, который парил прямо над ними в восходящем потоке воздуха.

Эрагон выругался и вскочил на Сапфиру, выхватывая из ножен Брисингр. Арья, Блёдхгарм и другие эльфы тут же заняли возле драконихи круговую оборону. Их совместная мощь была поистине великолепна, и все же Эрагон не был уверен, хватит ли ее, чтобы отогнать Муртага.

Вардены дружно, как один, тоже задрали головы кверху. Они, может, и проявляли храбрость в бою, но все же любой храбрец мог спасовать при виде разъяренного дракона.

— Эй, братец! — крикнул Муртаг, и его усиленный магией голос прозвучал так оглушительно, что Эрагон невольно зажал уши. — Я возьму у тебя столько крови, сколько мне понадобится в уплату за те увечья, которые ты нанес Торну! Ты можешь захватить Драс-Леону — для Гальбаторикса этот город ничего не значит. Но это еще далеко не последнее наше сражение, Эрагон Губитель Шейдов, клянусь тебе в этом.

И с этими словами Муртаг развернул Торна и полетел над Драс-Леоной куда-то на север; вскоре они скрылись в клубах дыма, поднимавшегося над охваченными пожаром домами близ разрушенного храма.

На берегах озера Леона

Эрагон быстро шел через темный лагерь, стиснув зубы и решительно сжав кулаки.

Последние несколько часов он провел на совещании с Насуадой, Ориком, Арьей, Гарцвогом, королем Оррином и их многочисленными советниками, обсуждая события минувшего дня и оценивая сложившуюся ситуацию. Под конец собрания они связались с королевой Имиладрис и сообщили ей о смерти Вирдена и о том, что вардены захватили Драс-Леону.

Эрагону было чрезвычайно неприятно рассказывать королеве эльфов, как погиб один из ее старейших и наиболее могущественных заклинателей, да и сама королева весьма болезненно восприняла это известие. Она настолько опечалилась, что Эрагон даже немного удивился. Ему и в голову не приходило, что они с Вирденом могли быть так близки.

Разговор с Имиладрис привел Эрагона в отвратительное настроение, ибо он снова начал корить себя из-за нелепой и, в общем-то, бессмысленной смерти Вирдена. «Если бы это я шел во главе отряда, эти каменные пики проткнули бы меня... А что, если на месте Вирдена оказалась бы Арья?..»

Сапфира, зная о его планах, предпочла вернуться к палатке и немного поспать.

«Если я буду бродить тут среди палаток, то перебужу всех варденов, а они заслужили отдых», — заявила она.

Впрочем, мысленную связь с Эрагоном она поддерживала, и он знал, что если она ему понадобится, то уже через пару секунд окажется рядом.

Стараясь беречь глаза, способные хорошо видеть в темноте, Эрагон старался не подходить близко к сторожевым кострам и ярко горевшим факелам — они были, собственно, почти у каждой палатки, — однако он все же старался осматривать каждое световое пятно в поисках той, что была ему нужна.

Впрочем, он предполагал, что она может и вовсе от него скрыться. Он не испытывал к ней особо дружественных чувств, а значит, она легко могла определить, где именно в данный момент он находится, и по желанию избегать его. И все же Эрагон полагал, что она не струсит. Все-таки, несмотря на свою юность, она была одной из самых суровых и твердых людей, каких ему доводилось встречать как среди своих соплеменников, так и среди эльфов и гномов.

Наконец он ее высмотрел: Эльва сидела возле маленькой, неприметной палатки и плела колыбель для кошки. Рядом с ней горел умирающий костерок, а по ту сторону костра сидела ее «нянька» Грета, в узловатых руках которой с невероятной скоростью мелькали деревянные спицы.

Некоторое время Эрагон просто наблюдал. У старухи, похоже, вид был вполне довольный, и ему не хотелось нарушать ее покой.

Эльва заговорила первой:

— Что ж ты теперь-то боишься, Эрагон? Ты ведь уже так далеко забрался.

Голос девочки-ведьмы звучал как-то странно, приглушенно, словно она только что плакала. Однако когда Эльва вскинула на Эрагона глаза, взгляд ее был свиреп и в нем сквозил вызов.

Грета, похоже, немного удивилась, когда Эрагон вышел на свет; подобрав свою пряжу и спицы, она поклонилась ему и сказала:

— Приветствую тебя, Губитель Шейдов. Могу ли я предложить тебе что-нибудь поесть или выпить?

— Нет, спасибо. — Эрагон остановился прямо перед Эльвой, не сводя с нее глаз. Она тоже посмотрела ему прямо в глаза, а потом вернулась к прежнему занятию, ловко пропуская между пальцами шерстяную нить. Ее странные, фиалкового цвета глаза были почти того же цвета, с каким-то

сосущим чувством под ложечкой заметил вдруг Эрагон, что и те кристаллы аметиста, с помощью которых жрецы Хелгринда убили Вирдена, а его и Арью взяли в плен.

Он опустился на колени и перехватил спутанную нить посередине, останавливая движение пальцев Эльвы.

— Я знаю, что ты хочешь мне сказать, — заявила она.

— Это вполне возможно, — сердито возразил он, — но я все же намерен произнести это вслух. Ты убила Вирдена — ты убила его, как если бы сама вонзила в него кинжал! Если бы ты тогда пошла с нами, ты могла бы предупредить его об этой ловушке. Ты могла бы всех нас предупредить! Я видел, как умирал Вирден. Я видел, как Арья чуть полруки себе не оторвала — и все из-за *тебя*. Из-за твоего вечного гнева на меня. Из-за твоего упрямства. Из-за твоей гордыни... Ты можешь меня ненавидеть, но не смей заставлять других страдать из-за твоей ненависти ко мне. Или, может, ты хочешь, чтобы вардены эту войну проиграли? Что ж, тогда ступай, присоединяйся к Гальбаториксу, и покончим с этим. Ну, говори, ты этого хочешь?

Эльва медленно покачала головой.

— В таком случае я больше не желаю слышать, что ты отказываешься помогать Насуаде! Ведь причиной тому только твоя собственная злоба и ненависть ко мне. Если же ты будешь продолжать так вести себя, тебе придется иметь дело со мной, Эльва Ясновидящая! Но в таком случае я вовсе не уверен, что победа будет на твоей стороне.

— Тебе никогда меня не одолеть! — упрямо заявила Эльва, и голос ее зазвенел от сдерживаемых чувств.

— Но ведь тебя можно и врасплох застать, не правда ли? Пойми, Эльва, ты обладаешь ценным даром, и варденам очень нужна твоя помощь — и сейчас больше, чем когда-либо прежде. Я не знаю, как нам победить Гальбаторикса. Но если ты останешься с нами — если ты направишь свое умение против него, — мы еще могли бы рассчитывать на удачу.

Казалось, в душе Эльвы происходит яростная борьба. Затем она кивнула, и Эрагон увидел, что из глаз у нее ручьем льются слезы. Ему стало жаль ее, но он все же испытывал определенное удовлетворение, поскольку его слова так сильно на нее подействовали.

— Вы простите меня? — шепотом спросила она.

Эрагон выпустил шерстяные нитки, с которыми она возилась, и довольно сухо ответил:

— Даже если мы тебя и простим, это не поможет вернуть Вирдена. Постарайся в будущем вести себя более разумно, и тебе, возможно, удастся хоть как-то искупить свою вину.

Он кивнул старой Грете, все это время хранившей суровое молчание, и быстрыми шагами пошел прочь.

«Ты хорошо с ней поговорил, — услышал он голос Сапфиры. — Теперь, мне кажется, она изменит свое поведение».

«Хотелось бы надеяться».

Эрагон чувствовал себя как-то странно, выбранив Эльву. Он хорошо помнил, как Бром и Гэрроу честили его на все корки за совершенные ошибки, а теперь вдруг оказалось, что и сам он учит кого-то уму-разуму, и это дает странное... небывалое... ощущение... взрослости!

«Вот, значит, как поворачивается колесо судьбы», — думал он, медленно идя через весь лагерь к своей палатке и наслаждаясь прохладным ветерком, налетавшим с озера, совсем невидимого в темноте.

* * *

После захвата Драс-Леоны Насуада удивила всех, настояв на том, чтобы вардены на ночь в городе ни в коем случае не оставались. Она никак не объяснила свой приказ, но Эрагон подозревал, что чересчур длительная задержка во время осады Драс-Леоны заставила Насуаду потерять терпение, ибо всего на свете ей хотелось поскорее продолжить поход на Урубаен. А кроме того, она явно опасалась того, что в Драс-Леоне слишком много агентов Гальбаторикса.

Как только вардены обеспечили на улицах города относительный порядок, Насуада выделила довольно большой отряд под командованием Мартланда Рыжебородого, которому было поручено поддерживать в Драс-Леоне власть варденов. Сама она с остальным войском тут же покинула этот город и направилась на север по болотистому берегу озера Леона. Между находившимся на марше войском и оставшимся в Драс-Леоне отрядом Мартланда постоянно

сновали гонцы, так что Насуада и не думала совсем выпускать из рук управление только что захваченным городом.

Но прежде чем уйти вместе с варденами, Эрагон, Сапфира, Арья и заклинатели Блёдхгарма вернулись в разрушенный храм и извлекли оттуда тело Вирдена. Они также довольно долго искали перевязь Белотха Мудрого. Сапфира за несколько минут расшвыряла груду камней, закрывавшую вход в храм и в подземные помещения; примерно столько же времени понадобилось Блёдхгарму и эльфам, чтобы отыскать тело Вирдена. Но никакие их совместные поиски, никакие заклинания не смогли помочь им найти драгоценную перевязь.

Эльфы на своих щитах вынесли Вирдена за пределы города и поднялись на холм, где и похоронили его возле небольшого ручья под пение горестных эльфийских плачей; эти погребальные песни были столь печальны, что Эрагон плакал, не скрываясь, и все птицы и звери вокруг притихли, слушая их.

Эльфийка с серебряными волосами по имени Йаела опустилась на колени возле свежей могилы Вирдена, достала из мешочка, висевшего у нее на поясе, желудь и посадила его в точности там, где ныне покоилась грудь Вирдена. Затем все двенадцать эльфов, включая Арью, стали петь этому желудю, который под их пение пустил корни, выбросил первый побег и становился все выше и выше, устремляясь к небу, и вскоре могучие ветви его стали похожи на руки, сомкнутые над могилой славного эльфа.

Когда эльфы закончили петь, над могилой высился покрытый листвой молодой дубок высотой футов в двадцать, и на его ветвях висели желто-зеленые нити цветов.

Эрагон думал, что это, наверное, самые лучшие, самые прекрасные похороны, на каких ему когда-либо доводилось присутствовать. Прощание с телом Вирдена понравилось ему гораздо больше тех похорон, которые устраивали гномы, ибо они погребали своих мертвых в твердом холодном камне глубоко под землей. К тому же Эрагону была приятна мысль о том, что тело Вирдена дало пищу красивому живому дереву, дубу, который, возможно, проживет еще

тысячу лет, а может, и больше. Если мне суждено умереть, решил он, пусть надо мною тоже посадят дерево — яблоню, чтобы мои друзья и сородичи могли вкусить плодов, в которых есть частичка и моего тела.

В общем, ему очень нравилось то, что эльфы вкладывают в похороны близких именно такой смысл. Хотя, конечно, сами похороны от этого не становились менее печальными.

После осмотра храма и похорон Вирдена Эрагон, с одобрения Насуады, осуществил в Драс-Леоне и еще кое-какие преобразования. Он, например, объявил всех рабов свободными людьми и сам лично посетил все поместья, где имелись рабы, и все аукционы работорговцев, выпустив на свободу множество мужчин, женщин и детей. Он очень надеялся, что теперь жизнь этих несчастных людей существенно улучшится, и это давало ему огромное чувство удовлетворения.

Вернувшись в лагерь и подходя к своей палатке, Эрагон заметил, что у входа его поджидает Арья. Эрагон зашагал быстрее, но тут его кто-то окликнул:

— Губитель Шейдов!

Эрагон повернулся и увидел одного из юных пажей Насуады. Мальчик, рысью подбежав к ним и с трудом переводя дыхание и кланяясь Арье, выпалил:

— Губитель Шейдов! Госпожа Арья! Госпожа Насуада просит, чтобы вы завтра за час до восхода солнца пришли в ее шатер, дабы держать с нею совет. Что мне сказать ей, госпожа Арья?

— Ты можешь передать ей, что мы прибудем точно в то время, которое она назначила, — ответила Арья и слегка поклонилась пажу.

Паж покраснел, раскланялся и тут же умчался назад.

— Меня теперь что-то смущает в моем прозвище — ведь мы с тобой оба убили по шейду, — усмехнулся Эрагон.

Арья тоже улыбнулась, хотя и почти незаметно.

— Может, было бы лучше, если б я оставила Варога в живых? — спросила она.

— Нет, что ты... конечно нет!

— А что? Я могла бы держать его при себе в качестве раба, и он исполнял бы мои приказания.

— Ты шутишь?

Она только засмеялась тихонько.

— А может быть, мне называть тебя принцессой Арьей? — И он с огромным удовольствием повторил: — Принцесса Арья! — Казалось, произносить это было ему необычайно приятно.

— Нет, так меня называть вовсе не следует, — возразила Арья как-то очень серьезно. — Я не принцесса.

— А почему? Ведь твоя мать — королева. Значит, ты — принцесса. Как же ты можешь ею не быть? Ее титул — *дрёттнинг*, а твой — *дрёттнингу*. То есть «королева» и...

— Дрёттнингу вовсе не означает «принцесса», — возразила Арья. — Вернее, это не совсем точный перевод. В вашем языке нет эквивалента этому понятию.

— Но если твоя мать умрет или просто перестанет править, ты же займешь ее место и станешь во главе своего народа, разве не так?

— Нет. Это отнюдь не так просто, Эрагон.

Но объяснять что-либо более подробно Арья, похоже, расположена не была. И Эрагон предложил ей:

— Не хочешь ли зайти ко мне в гости?

— Хочу, — вдруг согласилась она.

Эрагон откинул полог палатки, и Арья проскользнула внутрь. Быстро глянув на Сапфиру, которая громко сопела во сне, лежа на своей «лужайке», Эрагон последовал за эльфийкой.

Первым делом он зажег фонарь, висевший на центральном столбе, шепнув ему: «Исталри». Слово «брисингр» он старался употреблять как можно реже, чтобы не тревожить напрасно свой меч. Неяркий, но ровный свет фонаря сразу сделал это убогое жилище почти уютным.

Они присели, и Арья сказала:

— Смотри, что я нашла, когда разбирала вещи Вирдена. Думаю, мы могли бы насладиться этим вместе. — И она достала из бокового кармана своих узких штанов резную деревянную фляжку размером с ладонь и протянула ее Эрагону.

Он вытащил затычку и, понюхав содержимое фляжки, удивленно поднял брови, уловив знакомый, чуть сладковатый запах крепкого эльфийского напитка.

— Это же фелнирв! — воскликнул он (так назывался знаменитый напиток, который эльфы готовят из ягод бузины и, как утверждал Нари, из лунных лучей).

Арья рассмеялась, и голос ее зазвенел, как хорошо закаленная сталь.

— Да, это фелнирв. Только Вирден и еще кое-что туда добавил.

— А что?

— Листья одного растения, которое растет на восточной опушке Дю Вельденвардена вдоль берегов озера Рёна.

Эрагон нахмурился:

— А я знаю название этого растения?

— Возможно, но это не имеет никакого значения. Пей. Тебе понравится, обещаю.

И она снова рассмеялась. Этот смех с призвуком стали заставил Эрагона медлить. Он никогда еще не видел Арью такой легкой и беспечной. С внезапным удивлением он понял, что она, должно быть, уже сделала несколько глотков из этой фляжки.

Эрагон колебался. Его смущало, что за ними, возможно, наблюдает Глаэдр. Потом он поднес фляжку к губам и сделал добрый глоток. Напиток на вкус оказался немного иным, чем тот, к которому привык Эрагон, и обладал сильным мускусным запахом, похожим на запах куницы или горностая. Он поморщился и, подавляя тошноту, в глотке остался неприятный, жгучий след. Но Эрагон все же сделал еще глоток, поменьше, и вернул фляжку Арье. Та тоже отпила немного.

Минувший день был для них обоих наполнен кровью и ужасом. Эрагон многих убил и чуть не был убит сам, и теперь ему очень нужно было расслабиться... немного забыть... Но напряжение засело в нем как-то слишком глубоко, и ему никак не удавалось снять его с помощью обычных упражнений. Требовалось и еще кое-что, привнесенное извне. Впрочем, то насилие, в котором он принял такое активное участие, и было по большей части привнесено как раз извне.

Арья вновь протянула ему фляжку, и он решительно сделал большой глоток, а потом вдруг его разобрал смех.

Арья подняла бровь и посмотрела на него задумчиво, но довольно весело.

— Что это тебя так развеселило?

— Это... ну... то, что мы до сих пор живы, а *они*... — И он махнул рукой в сторону Драс-Леоны. — Жизнь меня веселит, жизнь рядом со смертью. — Внутри у него уже начинало разгораться приятное тепло, но почему-то ужасно чесались кончики ушей.

— Да, это хорошо — остаться в живых, — сказала Арья.

Они продолжали передавать фляжку друг другу, пока она не опустела, после чего Эрагон снова заткнул ее пробкой — что получилось у него не сразу, потому что пальцы вдруг стали какими-то слишком толстыми и неуклюжими, и пробка попросту выскальзывала из них, как палуба из-под ног во время бури.

Эрагон протянул пустую фляжку Арье, и она взяла ее, а он перехватил ее руку — правую руку — и, повернув ее к свету, стал рассматривать. Кожа на руке вновь выглядела совершенно гладкой, неповрежденной, и на ней не было никаких следов того ужасного ранения.

— Тебя Блёдхгарм исцелил? — спросил Эрагон.

Арья кивнула, и он отпустил ее руку.

— В основном он, — поправилась она. — Во всяком случае, рука снова отлично действует. — Она продемонстрировала, как легко может сжимать и разжимать пальцы. — Только вот здесь, у основания большого пальца, есть местечко, которым я по-прежнему ничего не чувствую.

Эрагон осторожно дотронулся до ее пальца.

— Здесь?

— Здесь. — И она слегка отвела руку.

— И Блёдхгарм ничего не сумел сделать?

Она покачала головой:

— Он пробовал с полдюжины разных заклинаний, но нервы в этом месте никак не хотят срастаться. — Она отмахнулась. — Да ладно, это, в сущности, не так уж и важно. Мечом я владею, как раньше; лук тоже легко могу натянуть. Собственно, только это и имеет значение.

Эрагон помолчал, потом сказал:

— Ты знаешь... я очень благодарен за то, что ты сделала, за то, что ты пыталась сделать. Мне только ужасно жаль, что после этого у тебя навсегда осталась такая отметина. Если бы я как-то мог это предотвратить...

— Не кори себя. Это пустяки. Невозможно прожить жизнь без единой ссадины. Да вряд ли и тебе самому этого хочется. Получая синяки и ссадины, мы набираемся опыта, учимся соразмерять наши безумные желания и наши возможности.

— Анжела тоже говорила нечто подобное — только о врагах: мол, если у тебя нет врагов, то ты попросту трус или еще хуже.

Арья кивнула:

— Да, это, пожалуй, правда.

Они продолжали беседовать, смеяться, мечтать, а ночь все тянулась, однако веселящее действие фелнирва отнюдь не ослабевало, а, наоборот, усиливалось. Какая-то хмельная дымка окутывала сознание Эрагона, и ему даже казалось, что клочья мрака в палатке завиваются вихрем, а перед глазами мелькают странные колдовские огни — такие огни он порой видел, засыпая. Кончики ушей у него отчего-то стали болезненно горячими, и теперь чесались не только уши, но и шея, словно по ней бегают мурашки. И звуки, особенно некоторые, тоже приобрели необычайную громкость — например, пение озерных насекомых и потрескиванье факелов за стенами палатки совершенно заглушили все прочие шумы.

«Может, меня отравили?» — лениво думал он.

— В чем дело? — спросила Арья, заметив, что он как-то погрустнел.

Эрагон сделал несколько глотков воды, чувствуя, что в горле почему-то невыносимо пересохло, и честно рассказал Арье о своих ощущениях.

Она долго смеялась, откинувшись назад и прикрывая свои яркие глаза тяжелыми веками.

— Не волнуйся, так и должно быть. Эти ощущения к рассвету пройдут. А до тех пор просто расслабься и позволь себе наслаждаться внутренней свободой.

Но Эрагон еще некоторое время боролся с собой и даже подумывал, не применить ли ему заклятие, прочищающее мозги, но не был уверен, что ему это удастся. Потом он все же решил довериться Арье и последовал ее совету.

Мир тут же сомкнулся вокруг него, точно кокон, и ему вдруг пришло в голову, до чего же он все-таки зависит от своих органов чувств — ведь это, в сущности, они определяют, что рядом с ним реально, а что нет. Он, например, готов был поклясться, что те вспыхивающие огни вполне реальны, но разум твердил ему: нет, твое зрение ошибается, это всего лишь видения, вызванные воздействием фелнирва.

Их беседа с Арьей становилась все более бессвязной и дурашливой, но Эрагон тем не менее был убежден, что каждое их слово невероятно важно. Впрочем, он вряд ли смог бы объяснить, почему так считает, как не смог бы припомнить и того, что именно они обсуждали минуту назад.

Через некоторое время Эрагон услыхал негромкое горловое пение тростниковой дудочки — на ней играли где-то в глубине лагеря. Сперва он подумал, что эти звуки ему чудятся, но потом увидел, что Арья тоже встрепенулась и смотрит в ту сторону, откуда слышится музыка.

Кто там играл и почему, Эрагон понятия не имел. Впрочем, ему это было безразлично. Казалось, эта мелодия сама выпрыгнула из черноты ночи, точно ветерок, одинокая и всеми покинутая, и прилетела к ним.

Он слушал, закинув назад голову и прикрыв веками глаза, и фантастические образы возникали в его мозгу — эти образы навеял ему эльфийский напиток фелнирв, но форму они обрели благодаря тихому пению дудочки. А музыка все звучала, и мелодия, довольно жалобная прежде, становилась все более дикой, настойчивой, и звуки сменяли друг друга с такой быстротой и такой *тревогой*, что Эрагон начал уже бояться, не грозит ли что этому музыканту. Играть так быстро и так умело — это, пожалуй, слишком большое мастерство даже для эльфа.

Но Арья была спокойна и даже засмеялась, когда музыка приобрела какой-то совсем уж лихорадочный накал, а потом вскочила и встала в танцевальную позу, подняв

руки над головой. Потом топнула ногой, хлопнула в ладоши — раз, два и три, — и, к невероятному удивлению Эрагона, пустилась в пляс. Сперва ее движения были замедленными, текучими, но вскоре темп увеличился, и она стала двигаться в том же лихорадочном ритме.

Но вскоре, достигнув своего верхнего предела, музыка стала понемногу стихать, хотя музыкант все еще повторял, развивая прежнюю, главную, тему мелодии. Но еще до того, как он совсем перестал играть, Эрагон почувствовал, как дико чешется его правая рука — та, на которой был сверкающий знак гёдвей игнасия, — и даже поскреб ладонь. И в тот же миг почувствовал некий щелчок в мозгу — это проснулся к жизни один из его магических стражей, предупреждая его об опасности.

Секундой позже над головой у них раздался рев дракона.

И страх ледяной стрелой пронзил сердце Эрагона.

Это не Сапфира ревела в небесах над лагерем.

Слово всадника

Эрагон схватил меч, и они с Арьей выбежали из палатки.

Снаружи он тут же споткнулся и упал на колени, потому что земля отчего-то качалась у него под ногами. Эрагон даже вцепился в какой-то кустик травы, точно в якорь, выжидая, когда пройдет головокружение.

Когда же он осмелился снова поднять голову и посмотреть вверх, то даже зажмурился. Свет от находившихся поблизости факелов показался ему ослепительно-ярким; их пламя плавало у него перед глазами, точно стая рыб, и казалось совершенно не зависящим от пропитанной маслом тряпицы, которая его питала.

«Равновесие потеряно, — думал Эрагон. — И зрению доверять нельзя. Нет, я просто вынужден прочистить себе мозги. Просто вынужден...»

Какое-то движение привлекло его взгляд, он инстинктивно присел, и хвост Сапфиры пролетел у него над головой, едва не задев ее, зато угодил по палатке, и палатка рухнула, ломая деревянные опоры, точно сухие ветки.

Сапфира зарычала, цапнула ночную темноту зубами и с трудом поднялась на ноги. Она явно была смущена.

«Маленький-брат, что это...»

Звук, похожий на вой налетевшего урагана, не дал ей договорить, и откуда-то из небесной черноты вынырнул Торн, красный, как кровь, и сверкающий, как миллион падающих звезд. Торн приземлился рядом с шатром Насуады, и вся земля, казалось, содрогнулась под его весом.

Эрагон услышал, как закричали Ночные Ястребы, верные стражи Насуады, и увидел, как Торн, взмахнув правой

передней лапой, провел ею по земле, и половина криков тут же оборвалась.

Из корзин, подвешенных к бокам красного дракона, посыпались солдаты — их было несколько дюжин. Они выпрыгивали на землю и тут же разбегались в разные стороны, нанося колющие удары сквозь стены палаток и убивая бросившихся на них часовых.

По периметру лагеря завыли рога. И одновременно с ними на внешних подступах к лагерю послышались звуки сражения, а это означало, как догадался Эрагон, что второй отряд воинов Гальбаторикса наступает с севера.

«Сколько же там солдат? Неужели мы окружены?» Паника с такой силой взметнулась в его душе, что чуть не подавила разум, чуть не заставила его бежать во тьму, куда глаза глядят. И только понимание того, что за подобную реакцию ему следует винить выпитый фелнирв, заставило Эрагона остаться на месте.

Он прошептал коротенькое исцеляющее заклятие, надеясь, что оно как-то ослабит действие хмельного напитка, но особых результатов это не принесло. Тогда он вытащил из ножен Брисингр и бросился на помощь к Арье, отбивавшейся от пятерых солдат. Обычно они — тем более вдвоем — с легкостью бы справились с таким количеством противников, но сейчас Эрагон отнюдь не был так уверен, что им вообще удастся отбить эту атаку.

Воины Гальбаторикса наступали, но тут Сапфира, страшно взревев, с силой ударила по земле хвостом и буквально смела нападавших куда-то в сторону. Эрагон, понимая, что драконий хвост сейчас вернется, схватил Арью в охапку, а она вцепилась в него, и они, поддерживая друг друга, ухитрились все-таки устоять на ногах.

Затем из палатки выскочили Блёдхгарм и еще один эльф по имени Лауфин, которые прикончили сбитых с ног воинов, прежде чем те успели подняться. Вскоре прибежали и остальные эльфы.

И тут же новый отряд — на этот раз более двадцати человек — пошел в атаку на Эрагона и Арью, словно прекрасно зная заранее, где именно они находятся.

Эльфы выстроились перед нападающими живым щитом, но схватка не успела начаться, ибо полог одной из палаток распахнулся, и оттуда с воем вырвалась Анжела, которая ринулась прямо на солдат, явно застав их врасплох.

Анжела была в красном ночном капоте, ее курчавые волосы торчали во все стороны и имели совершенно дикий вид, а в каждой руке она держала по гребню для вычесывания шерсти. Эти огромные гребни были в три фута длиной, и из них под углом друг к другу торчали жуткого вида стальные зубцы, наверное, с локоть длиной и с острыми, как иглы, концами. Эрагон прекрасно знал, что если таким зубцом уколешься, то запросто можно получить заражение крови из-за всякой грязи, скопившейся на гребне после вычесывания немытой шерсти.

Двое воинов сразу рухнули на землю — Анжела вонзила им в бок свое необычное оружие, и тонкие острые зубцы легко прошли сквозь кольчугу. Травница была на добрый фут ниже большинства этих мужчин, но явно не испытывала перед ними никакого страха. Наоборот, она была воплощением ярости со своими дико развевающимися космами, жуткими воплями и свирепо сверкающими темными глазами.

Солдаты окружили Анжелу плотным кольцом, и на какое-то время Эрагон перестал видеть ее. Он даже подумал, что они могли одолеть старую ведьму.

Но тут откуда-то из недр лагеря примчался Солембум и сразу же, плотно прижав к черепу уши, бросился на солдат. Следом за ним прибежали и другие коты-оборотни — двадцать, тридцать, сорок, вся стая; все они были в своем зверином обличье.

Жуткая какофония — шипение, вой и пронзительные вопли — разорвала ночную тишь; коты валили солдат на землю, рвали их плоть когтями и зубами, и те, хоть и сопротивлялись изо всех сил, не могли противостоять натиску этих крупных мохнатых кошек.

Вся последовательность этих действий — от появления Торна до вмешательства Анжелы и котов-оборотней — развивалась с такой скоростью, что у Эрагона практически не было времени в чем-то разобраться и соответствующим образом отреагировать. Когда коты свирепой тучей налетели на

солдат, он лишь изумленно хлопал глазами да облизывал пересохшие губы – все это казалось ему абсолютно нереальным.

Затем он услышал голос Сапфиры: «Скорей, ко мне на спину!», и драконихa присела, чтобы ему легче было на нее взобраться.

– Погоди. – Арья, положив руку ему на плечо, прошептала несколько фраз на древнем языке, и через несколько секунд Эрагон перестал воспринимать действительность искаженно и вновь обрел полную власть над собственным телом.

Благодарно глянув на Арью, он швырнул ножны в полуразрушенную палатку и, держа Брисингр в руке, взобрался по правой передней лапе Сапфиры на свое обычное место у основания ее шеи. Седла на ней не было, и острые края драконьих чешуй тут же впились ему в ляжки. Это «замечательное» ощущение он хорошо запомнил еще со времен их первого совместного полета.

– Нам нужен Даутхдаэрт, – крикнул он Арье.

Она кивнула и бегом бросилась к своей палатке, которая находилась примерно в сотне футов оттуда на восточном краю лагеря.

Еще чьи-то мысли, но не Сапфиры, коснулись сознания Эрагона, и он тут же поставил защитный барьер, но потом понял, что это Глаэдр.

«Я помогу, – сказал старый дракон, и в его голосе Эрагон почувствовал жуткий клокочущий гнев, направленный на Торна и Муртага. Этот гнев, казалось, сам по себе способен дотла сжечь весь окружающий мир. – Эрагон и Сапфира, вы должны объединить ваши мысли с моими; а также и ты, Блёдхгарм, и ты, Лауфин, и все остальные эльфы. Дайте мне возможность видеть вашими глазами, слушать вашими ушами, чтобы я мог советовать вам, как поступить, чтобы я мог поделиться с вами своей силой в случае нужды».

Сапфира прыгнула вперед; она как бы полулетела над рядами палаток, устремляясь к огромной рубиновой туше Торна. Эльфы следовали за нею по земле, убивая тех солдат Гальбаторикса, что попадались им навстречу.

Драконихa вскоре взлетела, и теперь у нее было явное преимущество в высоте, поскольку Торн все еще оставался на земле. Она под углом ринулась на него сверху,

намереваясь, как понял Эрагон, упасть ему на спину и вцепиться ему в шею своими клыками, но красный дракон, заметив, что она пикирует на него, оскалился, изогнулся и повернулся ей навстречу, присев, как это делает маленькая собачонка, если на нее нападает более крупная.

У Эрагона хватило времени лишь заметить, что в седле у Торна никого нет, а потом красный дракон встал на дыбы и ударил Сапфиру мощной передней лапой. Раздался какой-то подозрительный шелестящий звук, во мраке блеснули странно белые когти Торна, и Сапфира метнулась в сторону, уходя от удара.

Земля и небо закачались перед Эрагоном и поменялись местами; он обнаружил, что висит над лагерем вниз головой, а острый шип, которым увенчаны были крылья Сапфиры, в клочья разодрал чью-то палатку.

Она так резко развернулась, что Эрагон опять чуть не слетел у нее со спины; ляжки его скользили по чешуе, и он, изо всех сил стиснув ноги, крепче вцепился в шип у нее на шее. И все же Сапфира совершала такие неожиданные повороты и кульбиты, что уже через пару секунд Эрагон почувствовал, что кувырком летит куда-то по воздуху, толком не понимая, где верх, а где низ.

Но даже падая, он не выпустил из рук Брисингр и ухитрился не напороться на его острие; несмотря на магическую защиту, этот меч все же способен был нанести ему тяжкое увечье, ибо такова была сложная магия, примененная к нему оружейницей Рюнён.

«Маленький брат!»

— Летта! — выкрикнул Эрагон и повис в воздухе футах в десяти над землей. Хотя мир вокруг еще продолжал вращаться, он все же сумел высмотреть сверкающий силуэт Сапфиры, которая кружила над ним, чтобы снова его подхватить.

Торн взревел, поливая ряды палаток, находившихся между ним и Эрагоном, потоками почти белого раскаленного пламени, которое взметнулось до небес. Жуткие крики донеслись из палаток: люди там сгорали заживо.

Эрагон поднял руку, заслоняя лицо от невыносимого жара. Магическая защита была способна избавить его от серьезных повреждений, но жар все же чувствовался.

«Со мной все в порядке. Не поворачивайте назад, — сказал он, обращаясь не только к Сапфире, но и к Глаэдру, а также к эльфам. — Вы должны остановить их. Встретимся у шатра Насуады».

Сапфира была явно недовольна этим, но все же возобновила свои атаки на Торна.

А Эрагон, освободив себя от заклятия, упал на землю. Он приземлился легко, прямо на ноги, и тут же бросился к шатру Насуады, пробираясь среди горящих палаток, многие из которых уже рухнули, и над ними поднимались столбы дыма и оранжевых искр.

Дым и вонь горелого войлока не давали дышать. Видно было тоже плоховато. Эрагон кашлял, глаза у него слезились.

Впереди, в нескольких сотнях шагов от него, сцепились два гигантских ящера — Сапфира и Торн. Жуткий, первобытный страх охватил душу Эрагона. Что же он делает? Зачем бежит *прямо к ним*? К этим двум клацающим зубами, рычащим существам, каждое из которых больше дома, больше двух домов, особенно Торн, и у каждого страшные когти, клыки и шипы, длиной больше самого Эрагона? Даже когда первая волна страха миновала, в теле еще ощущалась некоторая дрожь, но он уже снова бежал вперед.

Эрагон очень надеялся, что Роран и Катрина в безопасности. Их палатка была довольно далеко, на противоположном конце лагеря, но Торн и воины Гальбаторикса в любую минуту могли направиться и туда.

— Эрагон!

Арья прыжками пробиралась к нему между горящими палатками, держа в левой руке копье Даутхдаэрт. Слабое зеленоватое сияние исходило от зазубренного наконечника копья, хотя на фоне пожара сияние это и было почти неразличимо. Рядом с Арьей рысцой бежал Орик, который как бы прокатывался сквозь пламя, словно оно было для него не более опасно, чем укус горячего пара. На гноме не было ни шлема, ни даже рубахи. В одной руке он держал старинный боевой топор Волунд, а в другой — маленький круглый щит. С топора уже стекала чья-то кровь.

Эрагон радостным криком приветствовал обоих и махнул им рукой. Он и впрямь был очень рад, что верные

друзья сейчас оказались с ним рядом. Арья сунула ему копье, но Эрагон покачал головой.

— Оставь его у себя! — сказал он. — У нас еще вполне есть шанс остановить Торна только с помощью моего Брисингра и твоего Нирнена.

Арья кивнула и крепче сжала в руке копье. Впервые в жизни Эрагон задумался о том, сможет ли она, эльфийка, заставить себя убить дракона, но отбросил эту мысль: если он что-то понимает в Арье, то должен знать, что она всегда, как бы трудно это ни было, сделает то, что сделать необходимо.

Торн рванул когтями бок Сапфиры, и у Эрагона перехватило дыхание: ее боль он чувствовал, как свою собственную, благодаря их постоянной мысленной связи. Заглянув в мысли Блёдхгарма, он понял, что эльфы находятся сейчас совсем близко от драконов, сражаясь с воинами Империи, но все же не осмеливаясь подойти ближе к Сапфире и Торну из опасений, что те их попросту растопчут.

— Вон туда, — сказал Орик, указывая своим топором на горстку солдат, пробиравшихся среди разрушенных палаток.

— Да оставь ты их, — сказала Арья. — Сперва надо Сапфире помочь.

Орик проворчал:

— Ну ладно, пошли.

И они втроем ринулись вперед, но Эрагон и Арья вскоре сильно обогнали Орика — все же ни один гном не мог соревноваться с ними в скорости, даже такой сильный и умелый воин, как Орик.

— Вы бегите вперед! — крикнул он им. — Не ждите меня! А я постараюсь не отставать!

Уходя от обрывков горящего войлока, так и носившихся в воздухе, Эрагон заметил Нара Гарцвога, сражавшегося сразу с добрым десятком солдат Гальбаторикса. Рогатый кулл в ржавых отблесках пожара выглядел совершенно фантастическим образом: губы его были раздвинуты в жутком оскале, из-под них виднелись острые клыки, а тени на покрытом глубокими морщинами нахмуренном лбу и выступающие надбровные дуги придавали его физиономии жестокое, даже какое-то зверское выражение. Казалось,

огромная голова кулла вырублена из монолитного валуна всего лишь с помощью самого грубого инструмента. Сражался Гарцвог голыми руками — схватив солдата за ноги, он попросту раздирал его пополам, как жареного цыпленка.

Еще несколько шагов, и ряд горящих палаток кончился. Но и здесь царила полная сумятица.

Блёдхгарм и двое эльфийских заклинателей сражались с четырьмя воинами, закутанными в черные плащи. Как догадался Эрагон, это были маги Гальбаторикса. Собственно, это было сражение разумов и воли; никто из них не шевелился — ни эльфы, ни воины в черном, — но их лица выдавали предельное внутреннее напряжение. Вокруг на земле валялись десятки мертвых солдат и несколько раненых, но раны их были столь ужасны на вид, что Эрагон понял: эти люди не чувствуют боли.

Остальных эльфов видно не было, но Эрагон чувствовал их присутствие. По всей вероятности, они находились по ту сторону красного шатра Насуады, возвышавшегося посреди всего этого немыслимого хаоса.

Отдельные группки котов-оборотней упорно преследовали каждого солдата. Король Гримрр Полулапа и его королева, Охотница-За-Тенями, возглавляли два таких кошачьих отряда, кот Солембум встал во главе третьего.

Рядом с шатром Насуады травница Анжела сражалась с огромным волосатым воином — она размахивала своими чесальными гребнями, а он в одной руке держал палицу, а в другой — цеп. Они, казалось, удивительно подходили друг другу, несмотря на всю разницу в росте, весе, физической силе, длине рук и вооружении.

Эрагон несколько удивился, увидев там и Эльву, восседавшую на каком-то перевернутом бочонке. Девочка-ведьма обхватила себя руками и выглядела совершенно больной, однако продолжала участвовать в битве, хотя и по-своему, как никто другой. Перед нею сгрудилась добрая дюжина воинов, и Эльва что-то быстро им говорила; ее крошечный ротик двигался так проворно, что казался неясным пятном. На ее речи каждый из воинов реагировал по-разному: один застыл на месте, явно не в состоянии сделать ни шагу; другой корчился и в ужасе закрывал лицо

руками; а еще один упал на колени и сам пронзил себе грудь длинным кинжалом; его сосед, бросив оружие на землю, бросился бежать, петляя среди палаток; а стоявший с ним рядом принялся бормотать нечто явно бессмысленное, точно идиот. Но ни один не попытался напасть на Эльву, ни один даже меча не поднял и ни один не бросился ни на кого из варденов.

И надо всем этим хаосом, возвышаясь, как две горы, сражались Сапфира и Торн. Они несколько сдвинулись влево от шатра и кружили на земле, вытаптывая целые ряды палаток. Языки пламени вырывались у них из ноздрей и между клыками, похожими на белые сабли.

Эрагон не знал, как поступить. Шум оглушил его настолько, что соображал он плохо и не был уверен, где нужен более всего.

«Муртаг?» — спросил он у Глаэдра.

«Его еще нужно найти. Если он вообще здесь. Я его не чувствую. Хотя сказать наверняка невозможно: здесь собралось слишком много людей и действует слишком много магических заклятий».

Эрагон понимал, что золотистый дракон делает гораздо больше, чем просто дает ему советы; ведь Глаэдр одновременно был мысленно связан с Сапфирой и эльфами, а также помогал Блёдхгарму и его двум товарищам в их мысленном поединке с магами Гальбаторикса. Эрагон был уверен, что эльфам удастся одержать верх над этими магами-предателями, и точно так же он был уверен, что Анжела и Эльва прекрасно сумеют себя защитить. А вот Сапфира, к сожалению, уже получила несколько ранений, и ей приходилось нелегко, но она по-прежнему сражалась, стараясь не дать Торну уничтожить весь лагерь.

Он глянул на копье Даутхдаэрт, зажатое у Арьи в руке, и снова перевел взгляд на драконов. «Мы должны убить его», — подумал Эрагон и ощутил на душе страшную тяжесть. Затем его взгляд упал на Эльву, и новая идея осенила его. Слова этой девочки обладали куда большей силой, чем любое оружие; никто, даже Гальбаторикс, не смог бы им сопротивляться. Если бы она смогла заговорить с Торном... Возможно, она сумела бы и отогнать его?

«Нет! — прорычал у него в ушах Глаэдр. — Ты зря теряешь время, Эрагон. Ступай к своему дракону — немедленно! Ей нужна твоя помощь. Ты должен убить Торна, а не пугать и не прогонять его! Он сломлен. Сломлен Гальбаториксом и Муртагом. Теперь ты ничего не можешь сделать, чтобы его спасти».

Эрагон посмотрел на Арью, и она тоже на него посмотрела.

— Эльва подействовала бы быстрее, — сказал он ей.

— Но у нас есть Даутхдаэрт...

— Это слишком опасно. И слишком трудно.

Арья колебалась. Потом кивнула, и они вместе побежали к Эльве.

Однако добежать до нее они не успели. Эрагон услышал приглушенный крик, обернулся и, к своему ужасу, увидел, что из шатра выбегает Муртаг, крепко держа Насуаду за оба запястья и волоча ее за собой.

Волосы Насуады были в страшном беспорядке. На щеке глубокая рваная царапина. Ее красивое желтое платье было порвано в нескольких местах. Она лягалась, стараясь попасть Муртагу по колену, но натыкалась на его магическую защиту, и в итоге Муртаг попросту подтащил ее поближе к себе и сильно ударил в висок рукоятью меча. Насуада лишилась чувств.

Эрагон взвыл и ринулся на Муртага, а тот, быстро глянув в его сторону, выхватил из ножен меч, взвалил Насуаду на плечо и опустился на колено, склонив голову, словно в молитве.

Острое копье боли, пронзившей Сапфиру, пронзило и душу Эрагона, и он услышал вопль драконихи:

«Осторожней! Он ушел от меня!»

Перепрыгивая через груду мертвых тел, Эрагон рискнул все же поднять глаза и увидел над собой блестящее брюхо Торна; бархатистые крылья дракона закрывали, казалось, полнеба; он медленно, плавно, чуть покачиваясь, опускался на землю, точно лист с дерева.

Уходя от лап Торна, Эрагон нырнул в сторону, откатился за шатер и больно ударился плечом о какой-то камень.

Красный дракон еще в полете вытянул вперед правую лапу, мощную и узловатую, как ствол дерева, и подхватил

с земли их обоих — Муртага и Насуаду. Когти его при этом, коснувшись земли, успели вырыть яму в несколько футов глубиной.

Затем Торн победоносно взревел и, оглушительно хлопая крыльями, взмыл в небо и стал быстро удаляться от лагеря.

Сапфира, разумеется, тут же бросилась в погоню, хотя кровь ручьями текла по ее телу и лапам из ран, оставленных зубами и когтями Торна. Она летела быстрее, чем Торн, но даже если бы она его и настигла, Эрагон представить себе не мог, как она сумеет вырвать из его когтей Насуаду, не поранив или даже не погубив ее при этом.

Мимо него, точно порыв ветра, промчалась Арья. Она вскочила на груду пустых бочек и подпрыгнула так высоко, как даже эльф не смог бы подпрыгнуть без помощи, и успела схватить Торна за кончик хвоста, повиснув высоко над землей.

Эрагон невольно шагнул вперед, желая остановить ее, но, разумеется, не успел. Он выругался, прорычал: «Аудр!», и заклятие тут же подбросило его в небеса.

Чувствуя себя выпущенной из лука стрелой, Эрагон тут же воззвал к помощи Глаэдра, и старый дракон поделился с ним своей энергией, иначе он попросту вскоре рухнул бы на землю. Эрагон сжигал подаренную ему энергию без оглядки, не заботясь о том, насколько она ценна; им владело одно лишь желание — нагнать Торна, прежде чем с Насуадой или Арьей случится что-то ужасное.

Пролетая мимо Сапфиры и обогнав ее, Эрагон увидел, что Арья карабкается вверх по хвосту Торна, правой рукой цепляясь за шипы, росшие у него вдоль хребта, и используя их как ступеньки. Левой рукой она втыкала копье Даутхдаэрт в тело Торна и, опираясь на него, взбиралась все выше по извивающемуся телу дракона. Торн, изворачиваясь, пытался схватить ее зубами, точно лошадь надоедливую муху, но достать не мог.

Тогда красный дракон, сложив крылья, поджав лапы и прижав к груди свой драгоценный груз, вошел в штопор и стремительно понесся к земле. Для Арьи эта спираль должна была стать поистине смертоносной. Копье выскочило из тела Торна, а сама Арья вытянулась под углом к нему, одной лишь правой рукой уцепившись за шип

у дракона на спине — той самой *слабой* рукой, которую она так сильно поранила в катакомбах под Драс-Леоной.

И вскоре пальцы ее не выдержали и разжались. Она стала падать, раскинув в стороны руки и ноги подобно спицам колеса. Заклятие, несомненно, еще действовало, потому как ее вращательное падение замедлилось, и она как бы повисла в ночном небе, медленно паря над землей и освещаемая слабым сиянием Даутхдаэрта, который по-прежнему сжимала в руке. Арья казалась Эрагону огромным зеленоватым светлячком, блуждающим во тьме.

Торн взмахнул крыльями и, описав петлю, ринулся следом за нею. Арья быстро глянула в сторону Сапфиры и повернулась к Торну лицом. Смертоносный огонь сверкал в оскаленной пасти Торна, а через мгновение целый вихрь всепоглощающего пламени вырвался у него изнутри, скрыв Арью из виду. Эрагон был от нее всего в пятидесяти футах — достаточно близко, чтобы страшный жар опалил и его щеки.

Вскоре пламя опало, и снова стал виден Торн. Резко развернувшись и чуть ли не пополам согнув свою огромную тушу, он явно намеревался продолжить свой путь, но напоследок с такой силой и скоростью взмахнул хвостом, метя его концом в Арью, что вряд ли она успела бы уйти от удара.

— Нет! — крикнул Эрагон и почти сразу услышал страшный трéск — это драконий хвост ударил по Арье.

Она отлетела куда-то во тьму. Копье Даутхдаэрт выпало у нее из рук и, описав в воздухе арку, полетело на землю, испуская слабое сияние; потом оно превратилось в едва заметную светящуюся точку и вскоре совсем погасло.

Эрагону показалось, что грудь его стиснули железными оковами, не давая дышать. Торн явно уходил от погони, хотя Эрагон еще мог бы, наверное, попытаться его догнать, если бы Глаэдр дал ему еще немного своих сил. Однако связь с Глаэдром становилась все слабее, а в одиночку Эрагон не мог даже надеяться одолеть Торна и Муртага, тем более высоко над землей, тем более зная, что Муртаг имеет в своем распоряжении мощь десятков Элдунари.

Он выругался, прекратил действие заклятия, несшего его по воздуху, и нырнул головой вперед следом за Арьей.

Ветер выл и свистел у него в ушах, рвал волосы и одежду, леденил кожу на щеках, заставлял жмуриться. Какое-то крупное насекомое на лету врезалось ему в лицо; удар был таким сильным, словно в Эрагона выстрелили камешком из пращи.

Эрагон мысленно поискал Арью и почувствовал слабые проблески ее сознания где-то внизу, во тьме. Вдруг прямо перед ним мелькнула стрелой летящая к земле Сапфира; ее чешуя матово поблескивала в свете звезд. Перевернувшись на спину, она показала Эрагону какой-то маленький темный предмет, зажатый у нее между передними лапами.

Резкая боль — вот первое, что почувствовал Эрагон, снова коснувшись сознания Арьи; а затем погасло и его собственное сознание. Какое-то время он вообще ничего не чувствовал, потом в сознание его пробился голос Сапфиры: «Она у меня, маленький брат». Он очнулся, сказал: «Летта!», прекращая действие заклятия, и тут же снова уставился в небо, ища глазами Торна, но увидел лишь звезды и непроглядную черноту вокруг. Где-то на востоке, правда, еще слышалось затихающее вдали хлопанье мощных драконьих крыльев, а потом все стихло.

Только тут Эрагон окинул взглядом лагерь варденов и пришел в ужас. Полоски огня, оранжевого и неяркого, все еще змеились в кромешном дыму. Сотни палаток были сломаны или сожжены; в них сгорели и многие люди, а кое-кого Торн с Сапфирой во время своей яростной схватки попросту растоптали. Жертв этого нападения было очень много — ведь немало варденов успели убить и солдаты, застигнув их врасплох. Во рту Эрагон чувствовал вкус пепла. Его трясло. Слезы гнева, ужаса и отчаяния туманили глаза. Арья была серьезно ранена — возможно, даже мертва. Насуада исчезла, плененная Муртагом. Вскоре она окажется в руках самого умелого палача и мучителя — Гальбаторикса.

Эрагона охватила полная безнадежность.

Как же им теперь продолжать свою борьбу? Разве смогут вардены по-прежнему надеяться на победу, когда Насуада исчезла и некому вести их за собой?

КОНКЛАВ КОРОЛЕЙ

Увидев, что Сапфира опустилась на землю, Эрагон ринулся мимо нее туда, где она аккуратно уложила на траву Арью.

Эльфийка лежала лицом вниз, без движения, словно мертвая. Но когда Эрагон перевернул ее, она открыла глаза и прерывающимся шепотом спросила:

— Торн... Что известно о Торне?..

«Ему удалось уйти», — мысленно сообщила ей Сапфира.

— А... Насуада? Вы ее спасли?

Эрагон опустил глаза и покачал головой.

Печаль окутала лицо Арьи. Она закашлялась, поморщилась и попыталась сесть. Из уголка рта у нее стекала струйка крови.

— Подожди, — сказал ей Эрагон. — Не двигайся пока. Я поищу Блёдхгарма.

— В этом нет необходимости. — Арья сильно оперлась о его плечо и рывком поднялась на ноги. Но когда она выпрямилась во весь рост, у нее явно перехватило дыхание от боли в истерзанных мышцах. Эрагон видел, как старательно она пытается скрыть эту невыносимую боль. Она даже попыталась его успокоить: — Ничего страшного. Я только побилась сильно, но у меня ничего не сломано. От самых страшных ударов Торна меня спасла магическая защита.

Эрагон немного сомневался в этом, но принял ее слова на веру.

«Что теперь?» — спросила Сапфира, придвигаясь к ним ближе. Острый мускусный запах ее крови душил Эрагона.

Он огляделся — весь лагерь был в развалинах и следах пожарищ. Он снова подумал о Роране и Катрине: «Живы ли они? И действительно, что теперь?»

Обстоятельства сами дали ответ на этот вопрос. Сперва двое каких-то израненных солдат, выскочив из-за дымовой завесы, набросились на них с Арьей. А затем, когда Эрагон уже расправился с ними, из дыма появились восемь эльфов, наконец-то их отыскавшие.

Эрагон постарался убедить эльфов, что ему самому помощь совершенно не требуется, и попросил их основное внимание уделить Сапфире. Эльфы тут же принялись за дело, исцеляя нанесенные ей Торном укусы и рваные раны. Эрагон следил за этим с некоторой ревностью: он, безусловно, предпочел бы все это сделать сам, но в данный момент у него просто не осталось сил.

Зная, что для полного исцеления Сапфиры потребуется несколько минут, Эрагон поспешил к шатру Насуады, где Блёдхгарм и двое его заклинателей по-прежнему вели мысленный бой с четырьмя магами Гальбаторикса.

Точнее, из четверых в живых остался только один. Он стоял на коленях, низко наклонившись и почти прижимаясь лбом к своим ногам; руки его были закинуты назад и сцеплены на шее под затылком. Эрагон не стал соединять свои мысленные усилия с усилиями Блёдхгарма и других эльфов, а просто подбежал к магу, хлопнул его по плечу и крикнул: «Ха!»

Маг вздрогнул от изумления, выпрямился, уставился на Эрагона и... на мгновение забыл о своем мысленном поединке с эльфами. Это дорого ему стоило: эльфы тут же разрушили все его защитные барьеры, и маг, дергаясь в конвульсиях, рухнул на землю; глаза его закатились, изо рта пошла желтоватая пена, и вскоре он перестал дышать и затих.

Эрагон кратко рассказал Блёдхгарму и остальным эльфам, что произошло с Арьей и Насуадой. Вся шерсть на Блёдхгарме тут же встала дыбом, его желтые глаза вспыхнули бешеным гневом, однако он сказал довольно спокойно, воспользовавшись почему-то древним языком: «Черные времена настали, Губитель Шейдов» — и тут же отправил эльфийку Йаелу искать упавший на землю Даутхдаэрт.

Затем Эрагон, Блёдхгарм и еще один эльф, по имени Утхинарё, вместе обошли лагерь, отыскивая и убивая тех немногих солдат Гальбаторикса, которым удалось избежать

клыков котов-оборотней и клинков людей, гномов, эльфов и ургалов. Воспользовавшись магией, Эрагон и эльфы отыскали также наиболее опасные очаги пожара и затушили их с той же легкостью, с какой мы задуваем пламя свечи.

Однако убийственное ощущение того, что происходит нечто ужасное, непоправимое, продолжало преследовать Эрагона; эти предчувствия сдавливали ему грудь, словно он был обмотан слоями тяжелой мокрой ткани, они глушили его разум, и ему трудно было заставить себя думать о чем-то ином, кроме смерти и поражения. Ему казалось, что весь мир рушится вокруг него, что все то, чего они, вардены, с таким трудом добились, исчезает на глазах, и он ничего не может сделать, чтобы остановить этот процесс. Чувство собственной беспомощности изнуряло Эрагона, подавляло его волю; ему хотелось просто забиться в уголок и ничего не делать, предаваясь горестным мыслям. Однако он упорно сопротивлялся этому желанию, считая, что лучше уж тогда сразу умереть, и продолжал трудиться наравне с эльфами, несмотря на все сильнее охватывавшее его душу отчаяние.

Настроение у него не улучшилось, даже когда Глаэдр установил с ним мысленную связь.

«Если бы ты тогда послушался меня, мы, возможно, остановили бы Торна и спасли Насуаду», — сказал старый дракон.

«А может, и не спасли бы, — возразил Эрагон. Ему не хотелось больше обсуждать эту тему, однако он все же прибавил: — Как ты мог позволить гневу настолько затуманить твой взор! Ведь убийство Торна — это отнюдь не решение главной проблемы. И потом, разве ты имел право убивать одного из последних, во всяком случае очень немногих, представителей вашего народа?»

«Как ты смеешь учить меня, детеныш! — взревел Глаэдр. — Разве ты способен понять мое горе? Понять, ЧТО я утратил?»

«Я тебя понимаю, причем лучше многих других», — сказал Эрагон, но Глаэдр уже успел прервать с ним связь и вряд ли слышал его слова.

Они с эльфами как раз потушили небольшой пожар и принялись тушить следующий, когда их отыскал Роран. Схватив Эрагона за плечо, он с тревогой спросил:

— Ты не ранен?

Эрагон был страшно рад, видя двоюродного брата живым и невредимым.

— Нет, со мной все в порядке, — сказал он.

— А Сапфира?

— Эльфы, наверное, уже залечили раны, которые нанес ей Торн. Как там Катрина? Ей ничто не угрожает?

Роран сказал, что Катрина в безопасности, но почему-то продолжал смотреть на Эрагона с тревогой.

— Скажи мне честно, Эрагон, что случилось? — спросил он. — Что происходит в лагере? Я встретил Джормундура — он мчался, не разбирая дороги, точно цыпленок, которому голову уже отрубили, а он все еще бежит по двору. И стражники Насуады мрачны, как смерть; я так и не смог ни с кем из них толком поговорить. Нам что, грозит еще какая-то опасность? Неужели Гальбаторикс решил первым пойти в атаку?

Эрагон быстро огляделся и отвел Рорана в сторонку, где их никто не мог подслушать.

— Только ты пока никому ничего не говори, — предупредил он брата.

— Слово даю.

И Эрагон в нескольких коротких фразах описал Рорану создавшуюся ситуацию. К тому времени, как он умолк, лицо у Рорана стало совершенно белым, и помертвевшими губами он прошептал:

— Но не можем же мы распустить свою армию!

— Конечно не можем. И не должны. И этого, разумеется, не произойдет. Пусть король Оррин возьмет командование на себя, или же... — Эрагон помолчал, выжидая, когда мимо них пройдут несколько варденов, потом сказал: — Останься со мной. Останешься? Мне очень нужна твоя помощь.

— Моя помощь? А что тебе толку в моей помощи?

— Тебя в армии все любят, Роран. Даже ургалы. Ты для варденов — Роран Молотобоец, герой Ароуза. Твое мнение имеет вес. И это, возможно, вскоре окажется весьма важным.

Некоторое время Роран молчал, потом кивнул и сказал:

— Хорошо, я, конечно, помогу тебе всем, чем смогу.

— Пока что просто присматривай, чтобы эти солдаты тут снова не появились, — сказал Эрагон и снова направился тушить вместе с эльфами пожары.

Через полчаса, когда покой и порядок снова понемногу начали восстанавливаться в разоренном лагере варденов, Эрагона разыскал гонец и сообщил ему, что Арья просила его немедленно прийти в шатер короля гномов Орика, где уже находится и она сама.

Эрагон и Роран переглянулись и вместе двинулись в северную часть лагеря, где раскинулись палатки гномов.

— Выбора нет, — говорил Джормундур. — Насуада выразила свои пожелания достаточно ясно. Ты, Эрагон, должен теперь занять ее место и возглавить варденов.

Лица всех тех, что сидели кружком в центре палатки, были суровы и непоколебимы. Темные тени льнули к их впалым вискам, застревали в глубоких морщинах у них на лбу. Все это были весьма различавшиеся между собой «двуногие», как назвала бы их Сапфира. Единственным существом, которое не хмурилось, была сама Сапфира, которая тоже участвовала в этом высоком собрании, всунув в шатер голову; впрочем, и у нее настроение не было таким уж мирным: верхняя губа приподнята, видны клыки, и кажется, будто она вот-вот гневно зарычит.

На собрании, помимо Эрагона и Сапфиры, присутствовали: король Оррин в пурпурном плаще, накинутом прямо поверх ночной рубахи; Арья, выглядевшая несколько потрясенной, но тем не менее решительной; король Орик, прямо на голое тело надевший металлическую кольчугу; кот-оборотень Гримрр Полулапа с перевязанным белым бинтом плечом, куда он получил серьезную рубленую рану; кулл Нар Гарцвог, которому приходилось сильно горбиться, чтобы не прорвать рогами потолок шатра; и Роран, который скромно стоял у стены, слушал, но сам голоса пока не подавал.

Больше никого в шатер не допустили. Ни охрану Насуады, ни ее советников, ни даже Блёдхгарма с его командой заклинателей. Снаружи шатер плотной толпой обступили вардены — люди, гномы и ургалы; их задачей было не

допустить туда никого, каким бы могущественным или опасным нежданный гость ни оказался. Шатер Орика окружили также многочисленными, хотя и наспех составленными заклинаниями, не позволявшими ни подслушать, ни подсмотреть то, что происходит внутри.

— Но сам я никогда к этому не стремился, — сказал Эрагон, глядя на карту Алагейзии, расстеленную на столе в центре шатра.

— И никто из нас тоже, — неприязненным тоном заметил король Оррин.

Как все-таки мудро поступила Арья, думал Эрагон, что собрала всех именно в шатре Орика. Король гномов всегда был одним из надежнейших сторонников Насуады и варденов; он также был названым братом Эрагона и главой того клана, приемным сыном которого Эрагон теперь считался. Но именно Орика в самую последнюю очередь мог бы кто-то обвинить в том, что он стремится перехватить у Насуады инициативу и вместо нее возглавить варденов. Хотя, пожалуй, люди вряд ли захотели бы подчиняться гному, если бы Орик действительно занял этот пост.

И все-таки, назначив собрание в шатре Орика, Арья тем самым усилила позицию Эрагона и пресекла направленную против него критику, ни словом, ни действием сама этого не показывая. Хотя именно она, как считал Эрагон, лучше всех подходила на роль предводительницы варденов, среди которых было столько представителей самых различных народов. Ее предложение собраться у Орика имело только одну рискованную позицию: кое-кто мог подумать, что именно Орик теперь командует Эрагоном, но сам Эрагон вполне готов был пойти на такой риск, ибо знал, что его давний друг всегда его поддержит и никогда ему не изменит.

— Я никогда к этому не стремился, — повторил он и, подняв глаза, встретился с устремленными на него внимательными взглядами всех собравшихся. — Но раз уж так случилось, то я клянусь могилами всех тех, кого мы потеряли: я сделаю все, что в моих силах, чтобы жить так, как жила Насуада, и твердой рукой вести варденов к победе. — Эрагону очень хотелось создать в шатре атмосферу

доверия, а самому выглядеть несколько более уверенным, однако его пугала громадность поставленной перед ним цели; он совершенно не был уверен, что годится для ее достижения. Насуада всегда была поразительно собранной, в ней всегда ощущалась готовность справиться с любыми затруднениями, и Эрагона весьма смущала мысль о том, что он окажется не способным осуществить хотя бы половину задуманного ею.

— Высказывание, весьма достойное похвалы, — сказал король Оррин. — Но я должен заметить, что вардены всегда действовали в тесном контакте со своими союзниками, жителями Сурды, и с нашим августейшим другом королем Ориком и гномами с Беорских гор, а также с эльфами и еще — правда, с недавних пор — с ургалами, которыми командует славный Нар Гарцвог. Кроме того, к нам присоединились и отважные коты-оборотни под началом короля Гримрра Полулапы. — Он кивнул Гримрру, и тот также ответил ему коротким кивком. — Ничего хорошего не будет, если среди всех этих фракций начнутся разногласия и прилюдные споры. Или ты, Эрагон, со мной не согласен?

— Конечно согласен.

— Ну, разумеется. И я надеюсь, что ты намерен советоваться с нами по всем важным вопросам, как это делала Насуада. Я прав? — Эрагон колебался, и Оррин, не давая ему ответить, продолжил: — Все мы, — и он обвел рукой присутствовавших в шатре, — многим рисковали в этой длительной борьбе в Гальбаториксом, и вряд ли кто-то из нас будет доволен, если ему начнут просто диктовать решения, принятые без его участия. Вряд ли мы подчинимся подобной форме правления. Честно говоря, ты, Эрагон *Губитель Шейдов*, хоть и совершил уже немало подвигов, все еще слишком молод и неопытен, и эта твоя неопытность вполне может оказаться для нас смертельно опасной. Многие из нас имеют существенное преимущество перед тобою, ибо в течение долгого времени руководили значительной частью нашего общего войска. Мы могли бы помочь тебе избрать правильную тактику, а возможно, и совместными усилиями все же исправить нынешнее прискорбное положение дел и сбросить Гальбаторикса с трона.

Все сказанное Оррином вполне соответствовало действительности; Эрагон и впрямь был *слишком* молод, неопытен и нуждался в советах и подсказке, но он никак не мог сейчас в этом признаться, чтобы не показаться слабым. А потому он ответил так:

— Ты можешь быть совершенно уверен, Оррин, что я непременно посоветуюсь с тобой в случае необходимости, но свои решения я, как и всегда, буду принимать сам.

— Прости меня, Губитель Шейдов, но мне с трудом в это верится. Твоя излишне тесная дружба с эльфами, — и Оррин бросил взгляд на Арью, — всем известна. Мало того. Ты — приемный сын клана Ингеитум, а стало быть, обязан подчиняться вождю этого клана Орику, который, так уж получилось, является заодно и королем гномов. Возможно, я ошибаюсь, но мне представляется сомнительным, что свои решения ты будешь принимать самостоятельно.

— Сперва ты советуешь мне прислушиваться к союзникам варденов. Теперь говоришь обратное, но не потому ли, что предпочел бы, чтобы я прислушивался только к тебе? — Эрагон начинал сердиться.

— Я предпочел бы, чтобы твой выбор соответствовал интересам нашего народа, а не представителям иных рас!

— Он всегда этому соответствовал и будет соответствовать! — Эрагон уже не сдерживался. — Но я обязан быть верным не только варденам и клану Ингеитум, но и Сапфире, Насуаде, а также моей семье. Многие в этой войне ставили на меня, но многие делали ставку и на твое королевское величество. Но все это ерунда. Главная моя забота — это победить Гальбаторикса. Так было всегда, и если кто-то начинает спекулировать на тему, кому я в первую очередь должен быть верен, то мои исходные намерения все должны расставить по местам. Оспаривайте мои суждения сколько угодно, но не ставьте под вопрос мои намерения. А тебе, Оррин, я был бы очень благодарен, если бы ты воздержался от заявлений о том, что я предаю свой народ!

Оррин нахмурился, побагровел и явно хотел резко возразить Эрагону, но тут Орик с силой ударил своим молотом по щиту и гневно воскликнул:

— Довольно нести чушь! Какой смысл тревожиться насчет трещины в полу, если на нас вот-вот обрушится вся гора!

Оррин еще сильнее нахмурился, но промолчал. Снова взяв в руки свой золотой кубок с вином, он поудобней устроился в своем кресле, бросая на Эрагона испепеляющие взгляды.

«По-моему, он тебя ненавидит», — сказала Эрагону Сапфира.

«Точнее, он ненавидит то, что я собой представляю. Как ни крути, а я — препятствие на его пути. Теперь он глаз с меня не спустит!»

— Перед нами сейчас стоит достаточно простой и ясный вопрос, — сказал Орик уже гораздо спокойнее. — Мы должны решить, как нам быть теперь, когда мы лишились Насуады. — Он положил Волунд плоской стороной на стол, провел по волосам своей узловатой рукой и снова заговорил: — Мое мнение таково: в общем, с утра наше положение не особенно изменилось, если, конечно, мы не признаем своего поражения и не станем молить противника о перемирии. Короче, выбора у нас нет, и мы должны как можно скорее двигаться к столице. Сама Насуада никогда не собиралась выходить на поединок с Гальбаториксом. Сражаться с ним и его слугами в любом случае пришлось бы в основном вам, — он указал на Эрагона и Сапфиру, — и эльфам. Вместе с Насуадой мы проделали огромный путь, и хотя нам будет страшно ее не хватать, чтобы этот путь продолжить, она лично нам не так уж и нужна, ибо намеченный ею путь не предполагает никаких особых отклонений. Даже если бы сейчас она здесь присутствовала, то, скорее всего, сказала бы то же самое: надо идти на Урубаен! И точка. И конец разговорам!

Самым незаинтересованным из всех казался котоборотень Гримрр. В течение всего этого спора он помалкивал, забавляясь своим маленьким кинжалом с черным лезвием. А вот Арья сразу же поддержала Орика.

— Я с тобой полностью согласна, — сказала она. — Иного выбора у нас действительно нет.

Над Ориком возникла массивная голова Нара Гарцвога; кулл согласно кивал, отбрасывая на стены уродливые тени.

— Этот гном хорошо говорит, — проворчал Гарцвог. — Ургалы останутся с варденами до тех пор, пока возглавлять их будет Огненный Меч. Если в атаку нас поведет он и его дракон Огненный Язык, мы наконец вернем тот кровавый долг, который не желает нам возвращать этот безрогий Гальбаторикс!

После этих слов кулла Эрагон почувствовал себя совсем не в своей тарелке, а тут снова заговорил Оррин:

— Все это очень хорошо и правильно, но я все же хотел бы для начала услышать, как вы предполагаете победить Муртага? Или же их с Гальбаториксом вместе, если нам удастся добраться до Урубаена?

— У нас есть Даутхдаэрт, — вмешался Эрагон, зная, что эльфийка Йаела уже отыскала волшебное копье, — и с его помощью мы можем...

Король Оррин только отмахнулся.

— Да, да, Даутхдаэрт. Однако же он не помог тебе остановить Торна, и я просто представить себе не могу, что Гальбаторикс позволит тебе хотя бы приблизиться с этим копьем к нему и Шрюкну. Впрочем, дело даже не в этом. Ты, Эрагон, пока что совершенно не годишься в соперники этому предателю с черным сердцем. Черт побери, да ты не годишься в соперники даже своему родному брату, а ведь он стал Всадником гораздо позже тебя!

«Муртаг — мой сводный брат», — хотелось сказать Эрагону, но он сдержался, не находя аргументов, чтобы возразить Оррину, все заявления которого казались ему вполне осмысленными и весомыми. Мало того, они заставляли его испытывать стыд.

А Оррин между тем продолжал:

— Мы вступили в эту войну, понимая, что вы, варденны, найдете способ противостоять неестественной мощи Гальбаторикса. Так нам обещала Насуада, так она заверяла нас. И что мы имеем в итоге? Нам предстоит вот-вот столкнуться лицом к лицу с самым могущественным магом в истории Алагейзии, однако мы так и не нашли заветного способа, чтобы его уничтожить!

— А *мы* вступили в эту войну, — очень тихим и спокойным голосом сказал Эрагон, — потому что впервые со

времен падения Всадников у нас возник шанс на победу, хоть и небольшой. И мы решительно настроены этим шансом воспользоваться и сбросить власть Гальбаторикса. Впрочем, тебе все это хорошо известно.

— Какой еще шанс? — усмехнулся король. — О чем ты говоришь? Мы же просто марионетки в руках Гальбаторикса. Единственная причина того, что мы сумели так далеко продвинуться, — это *его высочайшее соизволение.* Да-да, это он, Гальбаторикс, позволил нам дойти почти до самого Урубаена. Он *хочет,* чтобы дошли до столицы и *привели к нему тебя.* Если бы он захотел остановить нас, он давно бы уже вылетел нам навстречу и всей своей мощью обрушился бы на нас еще на Пылающих Равнинах! И как только он сумеет до тебя дотянуться и обрести над тобой власть, он раз и навсегда разделается с нами.

Атмосфера в шатре стала такой напряженной, что это чувствовалось даже физически.

«Осторожней, — услышал Эрагон голос Сапфиры. — Он покинет армию варденов, если тебе не удастся его переубедить».

Арья, похоже, была обеспокоена тем же.

Эрагон, широко расставив руки, оперся ладонями о столешницу и некоторое время молчал, собираясь с мыслями. Лгать ему не хотелось, но в то же время необходимо было внушить Оррину твердую надежду, а как это сделать, Эрагон не знал: у него самого надежда таяла с каждым часом.

«Неужели то же самое бывало и с Насуадой, неужели и она страдала от неуверенности, в то же время постоянно призывая нас быть верными цели и, не поддаваясь сомнениям, идти вперед, даже если мы и недостаточно ясно видим тот путь, что лежит перед нами?»

— Наше положение не столь... безнадежно, как это хочешь изобразить ты, — сказал наконец Эрагон, глядя на Оррина. Тот лишь презрительно фыркнул и снова отхлебнул из своего бокала. — Даутхдаэрт представляет собой *реальную* угрозу для Гальбаторикса, — продолжал Эрагон, — и это наше безусловное преимущество. Он действительно боится этого копья и будет его бояться. А значит, мы тоже

можем подчинить его себе — пусть хотя бы отчасти. Даже если мы с помощью этого копья не сможем убить самого Гальбаторикса, то, вполне возможно, сумеем убить его дракона Шрюкна. Между ними не существует столь тесной связи, какая должна существовать между Всадником и его драконом, и все же, как мне кажется, гибель Шрюкна, возможно, ранит Гальбаторикса до глубины души.

— Он этого никогда не позволит нам сделать! — тут же возразил Оррин. — Теперь ему известно, что у нас есть Даутхдаэрт, и он предпримет соответствующие меры предосторожности.

— А может, и не предпримет. Я, например, совершенно не уверен, что Муртаг и Торн поняли, что это за копье.

— Они-то, может, и не поняли, зато Гальбаторикс сразу его узнает, стоит ему заглянуть в их память.

«А еще он узнает об Элдунари Глаэдра, если они ему сами уже об этом не сообщили», — сказала Эрагону Сапфира.

Настроение у Эрагона еще больше упало. Он об этом и не подумал, однако Сапфира была права, и он уныло признался ей:

«Значит, надежды застать его врасплох у нас совсем не осталось. Он уже знает все наши тайны».

«Жизнь полна тайн, — отвечала Сапфира. — И даже Гальбаторикс не в состоянии точно предсказать, что именно мы вздумаем предпринять, воюя против него. В этом, по крайней мере, мы могли бы постараться его убедить».

— А скажи мне, Губитель Шейдов, которое из смертоносных копий ты нашел? — спросил Гримрр Полулапа нарочито скучным тоном.

— Дю Нирнен... Копье Орхидеи.

Кот-оборотень моргнул, и Эрагону показалось, что он удивлен, хотя выражение его лица — в данном случае оно было почти человеческим — осталось по-прежнему равнодушно-непроницаемым. — Копье Орхидеи? Это правда? Как странно, что вам удалось найти именно его, тем более в нынешние времена такое оружие...

— А что в нем такого особенного? — спросил Джормундур.

Гримрр облизнулся, демонстрируя совсем не человеческие клыки.

— Нирнен — с-с-славное копье-с-с-с... — И в его голосе послышалось явственное кошачье шипение.

Но выжать из Гриммра еще хоть какие-то сведения об этом «с-с-славном копье» Эрагон не успел: в их разговор вмешался Гарцвог. Голос кулла гремел и скрежетал, как груда булыжников:

— Что это еще за смертоносное копье? О чем вы говорите, Огненный Меч? Не это ли копье ранило Сапфиру близ Белатоны? Мы слышали о нем разные сказки, только все это полная чепуха.

Эрагон с некоторым опозданием вспомнил, что Насуада никому — ни ургалам, ни котам-оборотням — не говорила, что на самом деле представляет из себя Нирнен.

«Ну, что ж, — подумал он, — теперь уже поздно молчать».

Он объяснил Гарцвогу, что такое Даутхдаэрт, а затем настоял на том, чтобы все присутствующие в шатре на древнем языке поклялись ни с кем и никогда не обсуждать это копье без особого на то разрешения. Кое-кто, разумеется, стал ворчать, но в итоге все подчинились, даже Гримрр. Прятать копье от Гальбаторикса, возможно, было и бессмысленно, и все же Эрагон полагал, что совершенно ни к чему решительно всем знать о магических свойствах Даутхдаэрта.

Когда последний из присутствующих принес требуемую клятву, Эрагон снова взял слово.

— Итак, первое: у нас есть Даутхдаэрт, и это гораздо больше, чем мы имели прежде. Второе: я вовсе не собираюсь и никогда не собирался одновременно сражаться и с Муртагом, и с Гальбаториксом. Когда мы прибудем в Урубаен, мы постараемся выманить Муртага из города, а затем, окружив его силами всей нашей армии, включая и эльфов, если будет необходимо, либо убьем, либо возьмем в плен. — Эрагон оглядел лица собравшихся, пытаясь понять, произвела ли на них впечатление сила его собственной убежденности. — Третье — и в это вы должны верить всем сердцем — Гальбаторикс не является неуязвимым, сколь бы он ни был могуществен. Он может использовать тысячи

самых разных магических средств защиты, но, несмотря на все его знания и хитрость, все-таки, несомненно, существуют и такие заклинания, которых он не знает, которые способны его погубить. Если, конечно, у нас самих хватит ума вспомнить или придумать эти заклинания. Возможно, именно мне суждено отыскать те магические слова или средства, которые послужат его уничтожению, а может быть, его губителем окажется кто-то из эльфов или же член Дю Вранг Гата. Гальбаторикс только *кажется* неприкосновенным и неуязвимым — я это твердо знаю. У каждого даже самого могущественного мага всегда найдется какая-то слабость, какая-то трещинка в доспехах, в которую можно просунуть острие клинка и заколоть его.

— Если уж Всадники не сумели обнаружить слабую сторону Гальбаторикса, то вряд ли нам это удастся, — сказал король Оррин.

Эрагон только руками развел:

— Может, и не удастся. В жизни, разумеется, нет ничего определенного, а уж в войне — тем более. Но если объединенные усилия заклинателей пяти наших рас не приведут к тому, что мы Гальбаторикса все-таки прикончим, тогда нам лучше сразу смириться с его властью и позволить ему править нами столько, сколько ему самому будет угодно. Неужели вы готовы смириться с тем, что ничто и никогда не поможет нам изменить существующее положение вещей?

Некоторое время в шатре царила глубокая тишина. Нарушил ее Роран. Шагнув вперед, он сказал:

— Я бы хотел, чтобы вы кое-что поняли.

Он умолк и обвел взглядом сидящих за столом. Эрагон заметил, как они переглядываются. Затем Орик, к явному неудовольствию короля Оррина, ободрил Рорана:

— Говори, говори, Молотобоец! Что ж ты молчишь?

— Так вот, я бы хотел, чтобы вы поняли: слишком много крови, слишком много слез было пролито, чтобы нам сейчас назад поворачивать. Это было бы неуважением — и не только к мертвым, но и к тем, кто их помнит и почитает. Эта последняя битва, возможно, и станет настоящей битвой богов... — Эрагону показалось, что Роран сказал это

совершенно серьезно. — Но я, например, буду сражаться до тех пор, пока эти боги не сразят меня, или же пока я сам не сражу кого-то из них. Дракон, как известно, может по очереди убить хоть десять тысяч волков, но десять тысяч волков, собравшись вместе, вполне могут убить даже дракона.

«Ну, это вряд ли!» — фыркнула Сапфира, но услышал ее только Эрагон.

А Роран вдруг улыбнулся, хотя и не слишком весело, и закончил так:

— А у нас, между прочим, свой собственный дракон имеется! В общем, решайте, как хотите, но я, например, решил идти на Урубаен и встретиться с Гальбаториксом лицом к лицу, даже если мне и придется сделать это в одиночку!

— Нет, не в одиночку, — сказала Арья. — Я говорю это от имени королевы эльфов Имиладрис. И я утверждаю: наш народ встанет плечом к плечу с тобой, Роран Молотобоец!

— Как и наш, — прогрохотал Гарцвог.

— Как и наш, — прогудел Орик.

— Как и наш, разумеется! — воскликнул Эрагон, очень надеясь, что это погасит все былые разногласия.

Возникла небольшая пауза, и все четверо дружно повернулись к Гримрру. Кот-оборотень с деланным равнодушием, стараясь ни на кого не глядеть, сказал:

— Что ж, полагаю, мой народ тоже там будет. — Он внимательно осмотрел свои острые когти и прибавил: — Кто-то же должен неслышно прокрадываться в расположение противника, верно? И уж конечно, не гномы — уж больно громко они своими железными башмаками топают.

Брови Орика поползли вверх, но если он и был задет, то ничем этого не показал.

Еще два раза наполнил Оррин свой бокал, а затем, утерев губы тыльной стороной ладони, все же сказал:

— Прекрасно! Раз вам так этого хочется, мы пойдем на Урубаен. — И поскольку кубок его снова был пуст, он потянулся за бутылкой, стоявшей перед ним на столе.

Остальное время было потрачено на обсуждение практических деталей: способов связи, распределения обязанностей, размещения сторожевых постов и часовых. Это теперь было особенно важно, поскольку требовалось максимально обезопасить себя от возможного нападения Торна или Шрюкна. Кроме того, нужно было понять, где и как раздобыть новое обмундирование, оружие и палатки для тех, чье имущество сгорело или было раздавлено драконами. Собравшиеся единодушно решили пока что всенародно не объявлять о пленении Насуады. Один день роли все равно не играл, а сейчас гораздо важнее было дать варденам хоть немного отдохнуть и поспать, тем более что даже рассвет пока еще не наступил.

И все же единственное, чего они так и не решились обсуждать — стоит ли им пытаться спасти Насуаду. Было очевидно, что вызволить ее можно будет, лишь захватив Урубаен, но к этому времени она, возможно, будет уже мертва или же намертво связана клятвой, которую Гальбаторикс заставит ее произнести на древнем языке. Так что этой темы никто даже не коснулся, словно она находилась под запретом.

Эрагон тем не менее постоянно думал об этом. Стоило ему закрыть глаза, и он видел перед собой, как Муртаг бьет Насуаду, как варварски тащит ее за волосы; он видел перед собой покрытую чешуей когтистую лапу Торна, который хватает Насуаду и Муртага и уносит свою добычу в ночную тьму. Воспоминания об этом были мучительны. Они каждый раз заставляли Эрагона чувствовать собственное ничтожество, но не вспоминать случившегося он не мог.

Когда участники высокого собрания разошлись, Эрагон сделал знак Рорану, Джормундуру и Арье, и те без лишних слов последовали за ним в его палатку. Там они еще некоторое время советовались, планируя завтрашний день. Эрагон, чувствуя себя крайне неуверенно, задал им немало вопросов.

— Совет Старейшин наверняка отнесется к тебе не слишком хорошо, — сказал ему Джормундур. — Они отнюдь не считают тебя столь же умелым политиком, как Насуада, и попытаются этим предлогом воспользоваться. — Джормундур казался неестественно спокойным, но Эрагон знал, как страшно потрясло его исчезновение Насуады, и понимал, что сейчас этот закаленный в боях воин находится на грани нервного срыва и вполне может неожиданно разрыдаться, или взорваться от гнева, или и то и другое.

— Но ведь политик из меня действительно никакой, — согласился Эрагон.

Джормундур кивнул:

— Да, это так, но ты тем не менее должен держаться. Кое в чем я постараюсь тебе помочь, но в основном все будет зависеть от того, как ты будешь держаться. Если ты позволишь им на тебя давить, они решат, что теперь во главе армии стоят они, а вовсе не ты.

Эрагон озабоченно глянул на Арью и Сапфиру.

«Ничего не бойтесь, — сказала Сапфира, обращаясь сразу ко всем. — Никто не сможет взять над ним верх, пока я стою на страже».

Когда их «маленькое» совещание закончилось, Эрагон выждал, когда Арья и Джормундур уйдут, а Рорана удержал, поймав за плечо, и спросил:

— Ты действительно *так* думал, когда говорил насчет битвы богов?

Роран удивленно уставился на него:

— Конечно! Ты, Муртаг, Гальбаторикс — все вы слишком могущественны, чтобы с вами мог справиться обычный человек. Это, в общем, неправильно. Несправедливо. Но это так. Мы, все остальные, словно муравьи у вас под башмаками. Ты хоть представляешь, скольких ты убил просто голыми руками?

— Увы, слишком многих!

— Вот именно. Я рад, что ты с нами, что сражаешься за нас, я рад, что могу считать тебя своим братом во всем, кроме фамилии, но я бы предпочел, чтобы нам, варденам, не нужно было полагаться ни на Всадника, ни на эльфа, ни на кого-то из магов, чтобы победить в этой войне. Мы не должны полностью зависеть от кого-то одного. Так, как это выходит сейчас. Это нарушает равновесие в мире.

И с этими словами Роран быстро вышел из палатки.

А Эрагон рухнул на лежанку с таким ощущением, словно его ударили в грудь. Но какое-то время спустя чрезвычайное внутреннее напряжение и перевозбужденный мозг заставили его вскочить, и он снова вышел из палатки наружу. Увидев его, шестеро Ночных Ястребов тут же встали, поправляя оружие, готовые сопровождать его повсюду, куда бы он ни вздумал пойти.

Он жестом велел им оставаться на месте. Когда Джормундур стал настаивать, чтобы теперь его, Эрагона, охраняли Ночные Ястребы Насуады, он бурно запротестовал и сказал, что ему вполне достаточно и Блёдхгарма с эльфами, но Джормундур сказал: «Слишком осторожным быть невозможно». И Эрагон был вынужден с ним согласиться, хотя ему совершенно не нравилось, когда за ним следует целая свита. Отделавшись от охраны, он поспешил туда, где, свернувшись клубком, лежала Сапфира.

Завидев его, драконица приоткрыла один глаз и приподняла крыло, чтобы он смог под него забраться. Что он и сделал, прижавшись к ее теплому животу.

«Маленький брат», — ласково сказала она и тихонько замурлыкала.

Эрагону было так спокойно лежать с нею рядом, слушать ее «пение» и тихое шуршание воздуха, вдыхаемого и выдыхаемого ее могучими легкими, ощущать ритмичное, в такт дыханию, покачивание ее брюха.

В любое другое время одного этого было бы уже достаточно, чтобы он взял себя в руки, но только не сегодня. Его разум отказывался отдыхать, сердце продолжало лихорадочно биться, а руки и ступни были неприятно горячими, как в лихорадке.

Свои чувства Эрагон, правда, держал при себе, не желая тревожить Сапфиру. Она устала после двух сражений с Торном и вскоре крепко уснула; ее монотонное мурлыканье сменилось громким сонным сопением.

А Эрагону по-прежнему не давали покоя всякие мысли. Снова и снова он возвращался к одному и тому же невозможному, неопровержимому факту: теперь именно он должен возглавить варденов. Он, мальчик из бедной фермерской семьи, теперь должен руководить второй по численности армией Алагейзии! Уже одно это казалось ему совершенно невероятным, словно судьба попросту решила поиграть с ним, как кошка с мышкой, а потом загнать его в ловушку, где он и погибнет. Нет, он никогда не хотел никем командовать, никогда к этому не стремился, и все же события сложились так, что на него пала именно эта обязанность.

«Что думала Насуада, когда выбирала меня в качестве своего последователя? — думал, пытаясь вспомнить те резоны, которые она ему когда-то приводила, однако их оказалось явно маловато, чтобы перевесить его сомнения. — Неужели она действительно считала, что я способен занять ее место? Но почему, скажем, не Джормундур? Он десятилетия посвятил делу варденов, он жил и воевал вместе с ними, и потом, он гораздо больше меня смыслит и в военной стратегии, и в командовании армией».

Эрагон вспомнил, как Насуада когда-то решила принять предложение ургалов о сотрудничестве, несмотря на всю ненависть, которую тогда к ним испытывала, — ведь именно ургалы убили ее отца.

«А смог бы я так поступить? — Ему казалось, что нет... во всяком случае, тогда точно нет. — Смогу ли я теперь принимать подобные решения, если именно они будут необходимы, чтобы победить Гальбаторикса?»

Он не был уверен.

Эрагон тщетно пытался как-то успокоить воспаленный разум. Закрыв глаза, он стал сосредоточенно считать вдохи и выдохи. Но удержать внимание на столь простом задании не сумел; каждые несколько секунд в голове зарождалась новая мысль или же душу охватывало новое чувство, и он, отвлекшись, забывал продолжить счет.

И все же через какое-то время тело его понемногу расслабилось, и он даже сам не понял, как сон, пусть даже очень легкий, поверхностный, все-таки взял над ним верх.

Сновидений было много — в основном мрачных и тревожных, поскольку сны всегда отражают события минувшего дня. Но были и другие сны, горько-сладкие, связанные либо с воспоминаниями о былом, либо с тем, о чем ему мечталось.

Затем, словно окрепнув под переменившимся ветром, сны его стали более материальными; теперь это были некие переменчивые реальности, до которых при желании он мог бы дотянуться. Все вокруг него померкло, и он оказался в ином времени и месте — в таком, которое казалось ему одновременно и чужим, и знакомым, словно он уже побывал здесь когда-то, а потом совсем об этом забыл.

Эрагон открыл глаза, но привидевшиеся ему образы никуда не исчезли; неясные, невнятные, они толпились вокруг, затмевая реальную действительность, и он понял, что только что видел необычный, возможно вещий, сон.

Перед ним расстилалась темная и пустынная долина, и через нее протекала река, медленно катившая свои воды на восток; в свете полной луны эта река была похожа на полосу черненого серебра... И по этой безымянной реке плыл корабль, высокий и горделивый, с белоснежными парусами, полностью поднятыми... Затем возникли ряды каких-то воинов, вооруженных копьями, и между этими рядами ходили двое в плащах с капюшонами, и все это было похоже на некий торжественный ритуал. В воздухе сильно пахло листвой ив и тополей. В душе царило странное ощущение миновавшего горя... Затем послышался крик мужчины, исполненный тоски и отчаяния, вспыхнула блестящая чешуя, и какое-то беспорядочное движение скрыло все вокруг.

И больше ничего — только тишина и чернота.

Эрагон протер глаза и обнаружил, что видит перед собой внутреннюю сторону крыла Сапфиры. Он вздохнул полной грудью — он и не заметил, что от волнения задерживает дыхание, — и дрожащей рукой вытер с глаз слезы.

Он не мог понять, почему этот сон так сильно на него подействовал.

«Не было ли это предчувствием? Или чем-то, что происходит в настоящий момент? И почему это так для меня важно?»

После этого уснуть он, разумеется, больше уже не мог. Былые тревоги нахлынули с новой силой, не давая ему передышки, вгрызаясь в душу, как стая голодных крыс, и каждый их укус, казалось, заражал его каким-то медленно действующим ядом.

Стараясь не разбудить Сапфиру, он выполз из-под ее крыла и побрел к себе в палатку.

Ночные Ястребы, естественно, тут же вскочили, увидев его. Их командир, крепко сколоченный мужчина с крючковатым носом, вышел вперед, приветствовал Эрагона и спросил:

— Не нужно ли тебе чего, Губитель Шейдов?

Эрагон смутно припоминал, что зовут этого человека Гарвен. Насуада вроде бы рассказывала ему, что этот Гарвен лишился чувств и чуть ли не рассудка, осмелившись заглянуть в мысли эльфов. Теперь он, похоже, был вполне здоров, хотя взгляд у него, пожалуй, и впрямь был несколько туманным. Но Эрагон не сомневался, что Гарвен вполне способен выполнять свои обязанности, иначе Джормундур никогда бы не позволил ему занять прежний пост.

— Спасибо, мне ничего не нужно, капитан Гарвен, — тихо сказал Эрагон, потом спросил: — Скольких Ночных Ястребов убили сегодня ночью?

— Шестерых. Всю ту смену. Нас, пожалуй, маловато осталось, но мы в самое ближайшее время постараемся найти нашим погибшим товарищам достойную замену. И потом, нам понадобятся еще люди: мы бы хотели удвоить твою охрану. — В туманных глазах Гарвена явственно читались боль и тоска. — Ее-то мы уберечь не сумели! Ах, Губитель Шейдов, если бы нас было больше, может быть, мы и...

— Мы все не сумели ее уберечь, — мягко возразил Эрагон. — А если бы вас там было больше, то больше бы и погибло.

Гарвен явно был с этим не согласен, но спорить не стал и согласно кивнул, хотя выражение лица у него осталось все таким же несчастным.

«Это я не сумел ее уберечь», — думал Эрагон, ныряя в свою палатку. Он присягал Насуаде на верность; его долг был защищать ее; и, может быть, это был скорее его долг, чем Ночных Ястребов. И все же в тот самый редкий миг, когда ей действительно нужна была его помощь, он оказался не в состоянии спасти ее.

Он злобно выругался про себя.

Будучи ее преданным слугой, он обязан был найти способ спасти ее, не взирая ни на что! Однако он понимал: Насуада ни за что не захотела бы, чтобы он ради нее оставил варденов без защиты. Она бы предпочла страдать и умереть, но не позволила бы, чтобы из-за ее отсутствия было уничтожено то, чему она посвятила всю свою жизнь.

Эрагон снова выругался и стал ходить взад-вперед по тесной палатке.

«Я — предводитель варденов».

Только теперь, когда Насуада была похищена, он по-настоящему понял, что она была не просто предводительницей варденов, не просто его госпожой и его командиром, она стала ему настоящим другом, и он испытывал ту же настоятельную потребность защищать ее, какую часто испытывал по отношению к Арье. Однако же, если бы он прямо сейчас попытался это сделать, это, скорее всего, стоило бы варденам поражения в войне с Гальбаториксом.

«Я — предводитель варденов».

И Эрагон подумал обо всех тех, за кого теперь нес ответственность: о Роране и Катрине, об остальных жителях Карвахолла, о сотнях воинов, вместе с которыми сражался, о гномах, о котах-оборотнях и даже об ургалах. Все они теперь находились под его командованием, все зависели от него и от того, насколько правильные решения он примет, чтобы победить Гальбаторикса.

От этих мыслей сердце у него забилось так быстро, что потемнело в глазах. Чтобы не упасть, он ухватился за центральный шест и постоял немного, вытирая пот, выступивший на лбу и над верхней губой.

Больше всего ему хотелось поговорить с кем-нибудь по душам. Он уже подумывал, не разбудить ли Сапфиру, но отбросил эту идею. Ее отдых был куда важнее; да и незачем ей выслушивать его жалобы. Не хотелось ему нагружать своими проблемами и Арью с Глаэдром, ведь они все равно никак не могли эти проблемы разрешить. Впрочем, Глаэдр вряд ли проявил бы должное сочувствие, слушая его; их последний обмен мнениями был довольно-таки колючим.

Эрагон снова принялся мерить шагами узкое пространство палатки; три шага вперед, поворот, три шага назад, поворот, и все сначала.

Перевязь Белотха Мудрого он утратил. Он позволил Муртагу и Торну захватить в плен Насуаду. А теперь еще и оказался во главе варденов!

Снова и снова одни и те же мысли продолжали крутиться у него в голове, и каждый новый их поворот усиливал его беспокойство. У него было такое ощущение, словно он попал в лабиринт, не имеющий конца, и за каждым поворотом там таятся чудовища, готовые на него прыгнуть. Несмотря на все то, что он говорил на совете с Ориком, Оррином и другими, он совершенно не представлял себе, как вардены и их союзники сумеют одолеть Гальбаторикса.

«Мне вряд ли удастся хотя бы спасти Насуаду. Даже если б у меня теперь была свобода выбора и я мог бы броситься следом за нею. — Горечь захлестывала его душу. Задача, стоявшая перед варденами, казалась абсолютно безнадежной. — Почему нам непременно должна была выпасть такая участь?» — Он снова выругался и с силой прикусил губу, чтобы заглушить невыносимую душевную боль.

Потом перестал мерить шагами палатку и рухнул на землю, обхватив голову руками.

— Нет, это невозможно осуществить, невозможно! — шептал он, качаясь из стороны в сторону. — Невозможно!

В отчаянии Эрагон даже подумал, уж не помолиться ли ему богу гномов Гунтере, не попросить ли у него помощи, как он это уже делал однажды. Сложить свои тревоги к ногам кого-то более могущественного, чем он сам, доверить ему свою судьбу — это было бы для него огромным облегчением. Это помогло бы ему принять свою судьбу — как

и судьбы тех, кого он любит, — спокойно и хладнокровно, ибо тогда уже не он непосредственно отвечал бы за то, что может с ними случиться...

Однако прибегнуть к этому Эрагон так и не решился — не смог себя заставить. Он ведь *действительно* отвечал теперь за судьбы варденов, нравилось это ему или нет, и чувствовал, что неправильно, недостойно перекладывать ответственность на кого-то другого, пусть даже и на некое божество.

Главное было в том, что Эрагон не был уверен, что справится, *сумеет* сделать все необходимое для победы. Он мог бы командовать варденами; в этом он как раз почти не сомневался. А вот как пойти на штурм Урубаена, как захватить этот город, как уничтожить Гальбаторикса? Тут он совершенно терялся. Ведь он не сумел одолеть даже Муртага, куда менее могущественного, чем Гальбаторикс. Вряд ли он сумеет найти лазейку в магической защите Гальбаторикса или хотя бы Муртага. А то, что он мог бы подчинить себе мысли врагов — хотя бы мысли Гальбаторикса, — тоже казалось ему невероятным.

Эрагон впился ногтями в ямку на шее под затылком, царапая кожу. Он мучительно искал любую возможность разрешить эту ситуацию, какой бы фантастической эта возможность с первого взгляда ни казалась.

Затем он вдруг вспомнил тот совет, который когда-то дал ему кот Солембум в городе Тирме. Солембум сказал ему тогда: «Слушай внимательно, и я скажу тебе две вещи. Во-первых, когда со временем тебе понадобится меч, поищи под корнями дерева Меноа. А во-вторых, когда тебе будет казаться, что все потеряно, что твои силы совершенно недостаточны для достижения цели, ступай к скале Кутхиана и назови свое имя, и перед тобой откроется Свод Душ».

Слова кота-оборотня насчет корней дерева Меноа оказались правдивыми; там Эрагон нашел сверкающую сталь, которая нужна была для изготовления Брисингра. И теперь отчаянная надежда вспыхнула в его душе, ибо он вспомнил второй совет Солембума.

«Если когда-либо мне и казалось, что моих собственных сил недостаточно, если когда-либо мне и казалось,

что все потеряно, так это сейчас!» – думал Эрагон. Однако у него по-прежнему не было ни малейшего представления, где находится эта скала Кутхиана и этот Свод Душ и что это вообще такое. Он, разумеется, спрашивал об этом – в разное время – и у Оромиса, и у Арьи, но ответа от них так и не получил.

И тогда Эрагон направил свои мысли на поиски кота-оборотня. Почувствовав, что прикоснулся к его сознанию, он мысленно обратился к нему:

«Солембум, мне очень нужна твоя помощь! Прошу тебя, приходи ко мне в палатку».

Через мгновение он почувствовал несколько ворчливую ответную реакцию Солембума, однако прийти к нему кот-оборотень согласился и тут же прервал с ним мысленную связь.

Так что Эрагону осталось только сидеть в темноте и ждать.

РАЗРОЗНЕННЫЕ, ПОЛУСТЕРТЫЕ ОБРЫВКИ ВОСПОМИНАНИЙ

Прошло не менее четверти часа, когда полог палатки шевельнулся и внутрь бесшумно просочился рыжевато-коричневый кот Солембум.

Даже не взглянув на Эрагона, кот вспрыгнул на лежанку и, уютно устроившись там среди одеял, принялся тщательно вылизывать подушечки пальцев на правой лапе. Потом, по-прежнему не глядя на Эрагона, мысленно сообщил ему:

«Учти, я не собака, чтобы прибегать по первому твоему зову».

«Я никогда так и не думал, — попытался оправдаться Эрагон. — Но ты действительно был мне очень нужен. Срочно!»

«М-м-м-да? — Солембум с еще большим усердием принялся вылизывать лапу. — Ну, говори, Губитель Шейдов, что тебе нужно?»

«Минутку».

Эрагон встал, подошел к центральному шесту, на котором висел фонарь, и предупредил Солембума:

«Сейчас я зажгу свет».

Он произнес нужное слово древнего языка, и в фонаре вспыхнул огонек, наполнив палатку теплым мерцающим светом.

Оба — и Эрагон, и Солембум — на мгновение зажмурились, а когда у него привыкли глаза, Эрагон сел на табурет возле лежанки и с изумлением увидел, что кот-оборотень внимательно за ним наблюдает голубыми, как льдинки, глазами.

«Разве у тебя глаза и раньше были голубые?» — спросил он.

Солембум моргнул, и глаза его тут же стали золотистыми. Затем он вновь принялся обрабатывать свою лапу.

«Чего ты хочешь, Губитель Шейдов? Ночь существует для того, чтобы заниматься делом, а вовсе не пустой болтовней». — Кончик полосатого кошачьего хвоста нервно подергивался из стороны в сторону.

Эрагон облизнул пересохшие губы — зародившаяся в его душе надежда заставляла его нервничать — и спросил:

«Помнится, ты, Солембум, когда-то сказал: если мне покажется, что все кончено и сил у меня больше не осталось, надо пойти к скале Кутхиана и открыть Свод Душ. Помнишь?»

«Ах, это...» — Тон у кота был равнодушный, но лапу он лизать перестал.

«Да, это. И теперь я бы очень хотел знать, что ты имел в виду. Если действительно *существует нечто такое, что* может помочь нам одержать верх над Гальбаториксом, то я должен узнать об этом прямо сейчас — не позже, когда я наконец сам разгадаю эту загадку. Именно *сейчас*. Скажи, где мне искать эту скалу Кутхиана? Как открыть этот Свод Душ? Что я могу там найти?»

Украшенные черными кисточками уши Солембума дрогнули и чуть отклонились назад; когти на старательно вылизанной лапе высунулись из своих мягких «ножен».

«Понятия не имею», — только и сказал он в ответ.

«Как это — понятия не имеешь?» — удивленно воскликнул Эрагон.

«Неужели так уж обязательно повторять за мной каждое слово?»

«Но как ты можешь этого не знать, если сам мне об этом рассказывал?»

«Понятия не имею».

Быстро наклонившись вперед, Эрагон схватил Солембума за широкую тяжелую лапу. Кот прижал уши к черепу и сердито зашипел, а потом, ловко повернув лапу, вонзил свои когти Эрагону в ладонь. Эрагон только усмехнулся, стараясь не обращать внимание на боль. Однако кот-оборотень оказался сильнее, чем он ожидал. При желании он, пожалуй, мог бы даже стащить его с табурета на пол. Отпускать его лапу Эрагон, впрочем, не собирался.

«Больше никаких загадок, — сказал он. — Мне нужна правда. Где ты раздобыл эти сведения? Что они означают? Говори!»

Шерсть на загривке у Солембума поднялась дыбом.

«Вот тупоголовый! Не понимаешь, что в загадках-то правда и заключена. Немедленно отпусти меня или я раздеру тебе в клочья все лицо и кишки выпущу, а потом воронам скормлю!»

И Эрагон не сразу, но все же выпустил его лапу. А сам с силой сжал пальцы, чтобы унять боль в разодранной ладони, которая к тому же довольно сильно кровоточила.

Солембум гневно посмотрел на него, прищурив глаза и совершенно забыв о прежней отрешенности.

«Я сказал, что не знаю, потому что — и ты можешь думать на сей счет все что угодно — *действительно не знаю*. Я понятия не имею, где находится скала Кутхиана и как открыть этот Свод Душ. И уж тем более не знаю, что в этом Своде находится».

«Скажи это на древнем языке».

Солембум опять сердито прищурился, но все же повторил эту фразу на языке эльфов, и только тогда Эрагон убедился, что кот-оборотень говорит правду.

Вопросы так и роились у Эрагона в голове, и он никак не мог решить, какой из них задать первым.

«Но как же все-таки ты узнал о скале Кутхиана? Ведь это же ты сказал мне о ней!»

И снова хвост Солембума нервно задергался из стороны в сторону.

«В последний раз говорю: я не знаю. Как не знают и мои соплеменники».

«Но как же...» — Эрагон был совершенно сбит с толку. И тут кот-оборотень неожиданно заговорил:

«Вскоре после падения Всадников у представителей нашей расы возникло некое... убеждение: если мы встретим нового Всадника — но такого, над кем Гальбаторикс не властен, — нам следует сообщить этому Всаднику то, что я некогда и сказал тебе о дереве Меноа и скале Кутхиана».

«Но... откуда вашему народу стало об этом известно?»

Вся морда Солембума пошла морщинами, так неприязненно он оскалился.

«Этого мы сказать не можем. Мы знаем только, что источник этих сведений желал нам добра».

«А почему ты так в этом уверен? — воскликнул Эрагон. — Может, это был сам Гальбаторикс? Может, это входило

в его коварные планы? Может, он пытался обмануть и вас, и нас с Сапфирой, чтобы взять нас в плен и обрести власть над нами?»

«Нет, — уверенно заявил Солембум, и когти его впились в одеяло, словно подтверждая это. — Котов-оборотней обмануть не так-то просто, в отличие от некоторых других. И Гальбаторикс ко всему этому никакого отношения не имеет. В этом я совершенно уверен. Тот, кто хотел, чтобы ты получил эти сведения, сделал так, чтобы ты и сверкающую сталь для своего меча отыскал, верно? Разве Гальбаторикс стал бы это делать?»

Эрагон кивнул и нахмурился.

«А ты не пытался узнать, кто за всем этим стоит?»

«Мы пытались и неоднократно».

«И что?»

«Нам не удалось. — Теперь кот заговорил спокойнее, шерсть у него на загривке улеглась. — И у нас есть два предположения на сей счет. Во-первых, наши воспоминания могли измениться вне зависимости от нашей воли, а значит, мы стали пешками в руках некоего бесчестного существа. А во-вторых, возможно, мы *сами* согласились забыть об этом по некой неизвестной нам ныне причине. Возможно, мы сами и удалили эти воспоминания из своей коллективной памяти. И я, например, нахожу весьма неприятным и недостойным даже предположение о том, что кому-то удалось исказить память нашего народа. Я еще способен понять, когда искажают мысли и воспоминания отдельных представителей нашей расы, но стереть воспоминания *всех* котов-оборотней... Нет! Этого просто не могло быть».

«А почему эти тайные знания вообще были доверены именно вам, котам-оборотням?»

«Потому что, осмелюсь предположить, мы всегда были друзьями Всадников и драконов. Мы ведь известные наблюдатели, слухачи, скитальцы. Мы ходим поодиночке и бываем в самых темных уголках нашего мира. К тому же у нас хорошая память — мы всегда помним, что было и что стало теперь».

Взгляд Солембума куда-то уплыл, явно затуманенный мыслями о славном прошлом. Потом он снова заговорил:

«Пойми, Эрагон, никто из нас, котов, недоволен сложившимся положением. Мы долго спорили, опасаясь, что

обрывки наших воспоминаний принесут больше вреда, чем пользы, если мы в критический момент кому-то передадим их. В конце концов в этом споре победил я. Это я изначально хотел сообщить тебе о дереве Меноа и скале Кутхиана. Мне, как и многим другим моим соплеменникам, казалось, что когда-нибудь эти сведения тебе понадобятся. А теперь делай с этим, что хочешь».

«Но что я должен делать? И как мне отыскать эту скалу?»

«Этого я сказать не могу».

«В таком случае какая мне польза от твоих сведений? Я с тем же успехом мог бы никогда об этой скале и не слышать!»

Солембум заговорщицки подмигнул ему:

«Кое-что я все-таки мог бы тебе, наверное, сообщить. Это, возможно, ничего особенного и не значит, но все-таки хоть какой-то путь сможет тебе указать».

«Ну? Говори же!»

«Если ты не будешь торопиться, я все тебе расскажу. Когда я впервые встретил тебя в Тирме, у меня возникло странное чувство, будто ты непременно должен иметь книгу «Домиа абр Вирда». Мне понадобилось некоторое время, чтобы это устроить, но именно меня следует благодарить за то, что в итоге Джоад подарил тебе эту книгу».

После этих слов кот-оборотень поднял вторую лапу, тщательно ее обследовал и принялся вылизывать.

«А в последние несколько месяцев у тебя, случайно, не возникало *других* странных чувств и желаний?» — спросил Эрагон.

«Только невероятная потребность съесть маленький красный гриб, но это желание довольно скоро прошло».

Эрагон что-то проворчал и полез под лежанку, где хранил и эту книгу, и все свои записи, а также письменные принадлежности. Вытащив толстый том в кожаном переплете, он, прежде чем его открыть, как всегда, долго на него смотрел. Затем открыл его наугад, и, как всегда, тесное переплетение рун сперва почти ничего ему не сказало, и он, лишь сосредоточившись хорошенько, начал разбирать отдельные слова и прочел:

— «И это, если верить Таладорусу, должно было бы означать, что те горы сами по себе явились результатом

применения заклятия, что, разумеется, полнейшая нелепость, ибо...»

Эрагон даже зарычал от отчаяния, закрыл книгу и сказал Солембуму:

«Нет у меня на это времени! Так я ничего и никогда не найду — книга слишком большая, а я так медленно читаю! Я уже прочел несколько глав, но не встретил там никаких упоминаний о скале Кутхиана или о Своде Душ».

Солембум некоторое время внимательно смотрел на него, потом предложил:

«А может быть, тебе попросить кого-нибудь побыстрее прочесть ее — для тебя. Хотя, если в «Домиа абр Вирда» и скрыта некая тайна, ты, скорее всего, единственный, кто сумеет ее раскрыть».

Эрагон с трудом сдержался, чтобы не выругаться, и, вскочив с табурета, снова начал мерить шагами палатку.

«Почему же ты мне сразу этого не сказал?»

«Мне это казалось неважным. Либо мой совет насчет этого Свода и скалы окажется полезным, либо не окажется. А будешь ли ты знать истоки полученных мною сведений — или, точнее, их отсутствие... — это не имеет значения. Все равно это... не изменило бы... ничего!»

«Но если бы я знал раньше, что в этой книге есть сведения о Своде Душ, я мог бы уделять чтению куда больше времени».

«Но мы отнюдь не уверены, есть ли там подобные сведения, — сказал Солембум и старательно облизал усы розовым язычком. — Возможно, никакая скала Кутхиана или Свод Душ в этой книге вовсе и не упоминаются. Кто может сказать наверняка? И потом, ты уже начал ее читать, так что скажи: смог бы ты и впрямь уделять чтению больше времени, если бы я сказал, что у меня есть некое... ощущение — учти, всего лишь *ощущение*! — будто в этой книге *может найтись* нечто для тебя важное?»

«Не знаю. Не уверен... И все же тебе следовало бы сказать мне!»

Кот-оборотень не ответил. Он устроился поудобнее и даже подогнул под грудь передние лапы, явно собираясь вздремнуть.

Эрагон нахмурился, листая книгу с такой яростью, словно хотел разорвать ее на части.

«Не может же быть, что это все! Должны быть еще какие-то сведения, которые ты позабыл!»

«Там очень много всяких сведений, — промурлыкал Солембум. — Но, по-моему, все они не имеют к этому никакого отношения».

«Ты ведь столько странствовал по Алагейзии вместе с Анжелой и без нее... Неужели ты ни разу не нашел ничего такого, что могло бы пролить свет на эту необъяснимую тайну? Или хотя бы что-то, что можно было бы использовать в борьбе с Гальбаториксом?»

«Я нашел тебя, разве не так?»

«Это не смешно! — проворчал Эрагон. — Черт побери, ты просто *должен* помнить что-то еще».

«Но я не помню».

«Так постарайся вспомнить! Если я сейчас не найду ничего такого, что могло бы оказать мне решительную помощь в этой войне, мы пропали, Солембум. Мы попросту проиграем эту войну. А тогда большей части варденов — а возможно, и котов-оборотней — суждена неминуемая гибель».

«Чего ты от меня хочешь, Эрагон? — сердито прошипел Солембум. — Сам я ничего такого изобрести не могу. Лучше читай книгу».

«Мы дойдем до Урубаена куда раньше, чем я успею прочитать ее хотя бы до половины. А раз так, этой книги с тем же успехом могло бы и вовсе не существовать».

Солембум разгневанно прижал уши к голове и прошипел:

«Ну, знаешь, это уж не моя вина!»

«Если и не твоя, мне-то что с того? Ты же отлично понимаешь, что нам необходимо найти способ победить Гальбаторикса и тем самым избежать рабства или смерти. Думай! Ты должен знать что-то еще!»

Солембум издал низкое злобное рычание:

«Но я ничего не знаю! И не помню...»

«Ты должен вспомнить, или мы приговорены!»

Эрагон еще не успел договорить, как с Солембумом произошли совершенно неожиданные перемены: уши снова

встали торчком, усы перестали гневно топорщиться, во взгляде погасла враждебность, глаза перестали сверкать. И в то же время Эрагон почувствовал, что у кота из головы словно исчезли все мысли. Казалось, его сознание кто-то подмял под себя или куда-то переместил. Эрагон замер, не зная, как поступить. Затем понял, что Солембум мысленно обращается к нему, и мысли кота показались ему столь же гладкими и бесцветными, как озерная гладь под зимним, пасмурным небом.

«Глава сорок седьмая. Страница третья. Начни со второго абзаца сверху», — отчетливо прозвучал у Эрагона в ушах голос Солембума.

Через минуту взгляд кота-оборотня стал более острым, уши снова прижались к голове, и он спросил с явным раздражением:

«Что такое? В чем дело? Почему ты так на меня уставился?»

«Но ты только что сказал...»

«Я сказал, *что больше ничего не знаю. И не...*»

«Нет, нет, другое! Насчет главы и страницы».

«Не выдумывай! Ничего подобного я не говорил».

«Говорил».

Солембум внимательно посмотрел на Эрагона, затем попросил — и мысли его при этом были какими-то даже чересчур спокойными:

«Скажи мне в точности то, что ты от меня услышал, Всадник».

И Эрагон повторил ему все слово в слово, стараясь ничего не упустить. Кот, явно потрясенный, некоторое время молчал, потом сказал:

«Но я ничего этого не помню».

«А как ты думаешь, что все это должно означать?»

«Это означает одно: мы должны прочесть то, что находится на третьей странице сорок седьмой главы».

Эрагон чуть помедлил, потом кивнул и начал перелистывать страницы. Он уже успел вспомнить, что это за глава. Она была посвящена последствиям раскола между Всадниками и эльфами и недолгой войне эльфов с людьми. Эрагон однажды уже заглядывал в начало этой главы, но ему показалось,

что там содержится всего лишь сухое изложение различных договоров и соглашений, и он отложил эту главу на потом.

Вскоре он нашел нужную страницу и, ведя пальцем по строкам, медленно прочел вслух:

— «Этот остров обладает на редкость умеренным климатом в сравнении с той частью материка, что расположена на той же широте. Лето там часто бывает холодным и дождливым, зато зимы мягкие; там редко бывают такие жестокие холода, как в северных отрогах Спайна, а значит, зерновые культуры на острове можно выращивать в течение большей части года. Судя по всему, почвы там довольно плодородные — этим они обязаны наличию вулканов, которые, как известно, время от времени извергаются, покрывая землю толстым слоем пепла. Значительная часть острова покрыта лесами, где в изобилии водится крупная дичь, которую как раз и предпочитают драконы; немало там и таких разновидностей животных, которые более нигде в Алагейзии не встречаются...»

Эрагон помолчал и мысленно сказал коту:

«По-моему, это не имеет к нашему вопросу никакого отношения».

«Продолжай читать».

Эрагон нахмурился и перешел к следующему абзацу:

— «Именно там, в глубокой котловине в самом центре Врёнгарда, Всадники и построили свой знаменитый город Дору Ариба.

Дору Ариба! Это единственный город в Алагейзии, созданный для удобства драконов, а не только людей и эльфов. Город магии, знаний и древних тайн! Дору Ариба! Само это название уже звучит подобно негромкой страстной песне. Никогда не было города, подобного Дору Ариба, и никогда уж не будет, ибо теперь он исчез, разрушен, стерт с лица земли узурпатором Гальбаториксом.

Здания там были построены в эльфийской манере — хотя в более поздние годы сказалось и влияние Всадников-людей. Сделаны они в основном из камня, а не из дерева. Деревянные строения плохо подходят для огнедышащих существ с острыми как бритва когтями. Самой знаменитой особенностью Дору Арибы, однако, являются его необычайные размеры. Каждая улица в нем достаточно широка,

чтобы на ней могли спокойно разойтись два дракона, а комнаты и дверные проемы в домах, за небольшим исключением, достаточно просторны, чтобы в них мог с удобством поместиться дракон любых размеров. В результате Дору Ариба и занял огромную, все разраставшуюся территорию. Дома стояли на значительном расстоянии друг от друга и отличались такими размерами, что это впечатлило бы даже гномов. А между домами — множество садов с фонтанами и прудами, созданными эльфами с их неизбывной любовью к природе. Над замками и крепостными стенами возвышались высоченные сторожевые башни.

На вершинах окрестных гор Всадники также построили сторожевые башни и так называемые орлиные гнезда — на случай непредвиденного нападения. Кроме того, многие Всадники с драконами проживали вдали от остальных членов ордена, высоко в горах, в удобных, отлично устроенных пещерах. Особенно любили жить в таких пещерах самые старые и крупные из драконов. *Они предпочитали* покой и уединение, да и с горы им было куда легче взлетать, чем из той котловины, где был расположен сам город...»

Эрагон прервал чтение, чувствуя, что окончательно приходит в отчаяние. Описание столицы Всадников было достаточно интересным, но в Эллесмере ему уже доводилось читать и другие, куда более детальные описания Дору Арибы. Кроме того, весьма утомительно разбирать спутанные, написанные от руки руны даже в самое спокойное и удобное время, а уж сейчас Эрагону было и вовсе не до того.

«Нет, это совершенно бессмысленно, — сказал он коту, опуская книгу. — Так мы ничего не найдем».

Солембум, хоть и выглядел столь же раздраженным, как и сам Эрагон, все же попытался его ободрить:

«Не сдавайся. Попробуй прочесть еще пару страниц. Если и там ничего не будет, тогда действительно придется прекратить поиски».

Эрагон вздохнул, пробежал пальцем по строкам, отыскал то место, где остановился, и снова начал медленно читать непривычные слова:

— «В этом городе было немало всяких чудес — например поющий фонтан Элдимирим, хрустальная крепость

Свеллхъёлл, горные «гнезда» драконов, — но при всем великолепии этих строений, на мой взгляд, самым значительным сокровищем Дору Арибы была библиотека. Отнюдь не из-за своих архитектурных достоинств, хотя здание действительно было весьма впечатляющим, даже, можно сказать, выдающимся, а потому, что там за долгие столетия Всадники собрали великолепную коллекцию самых разнообразных письменных источников. Ко времени расцвета и падения ордена Всадников в мире было всего три библиотеки, способных поспорить с библиотекой Дору Арибы — в Илирии, Эллесмере и Тронжхайме, — но ни одна из этих трех не обладала такой сокровищницей знаний в области магического искусства, как библиотека в столице Всадников.

Эта библиотека находилась на северной окраине города, рядом с садами, окружавшими пик Морета, также известный под названием «скала Кутхиана»...»

Эрагон невольно умолк, уставившись в книгу. Впрочем, через несколько секунд, точно очнувшись, он снова начал читать, но еще медленнее, чем прежде:

— «...также известный под названием «скала Кутхиана». Неподалеку от библиотеки была расположена «верхняя площадка» — место, где предводители ордена проводили собрания Всадников и торжественные встречи с правителями различных государств, когда те обращались к ним с различными прошениями».

Ощущение ужаса и восхищения охватило душу Эрагона. Значит, кому-то все-таки было угодно, чтобы он прочел именно эту главу! Чтобы он получил именно эти сведения! И это был явно тот же самый человек — или иное существо, — кто сделал все, чтобы он, Эрагон, сумел отыскать сверкающую сталь, необходимую для изготовления Брисингра. Мысль об этом смущала его душу, и теперь, когда Эрагон уже знал, куда ему нужно отправиться, он вдруг почувствовал, что ему туда как-то не очень хочется.

Что — или кто — может поджидать их на острове Врёнгард? Эрагон даже предполагать что-либо боялся, чтобы не пробуждать в душе надежд, которые вполне могут оказаться невыполнимыми.

ВОПРОСЫ, ОСТАВШИЕСЯ БЕЗ ОТВЕТА

Эрагон продолжал читать «Домиа абр Вирда» и в двенадцатой главе действительно отыскал упоминание о скале Кутхиана. Но, к его большому разочарованию, там было сказано всего лишь, что этот Кутхиан — один из первых Всадников, исследовавших остров Врёнгард.

После этого Эрагон закрыл книгу и долго сидел, уставившись на нее и водя пальцем по выпуклому узору на корешке. Солембум тоже молчал.

«Как ты думаешь, в этом Своде Душ заключены духи?» — мысленно спросил у него Эрагон.

«Духи — это не души».

«Но что же еще там может быть?»

Солембум встал, с силой потянулся — весь, от кончика носа до кончика хвоста, — и сказал:

«Когда ты это выяснишь, я с *большим интересом послушаю* твой рассказ».

«Значит, ты считаешь, что мы с Сапфирой должны туда отправиться?»

«Я не могу говорить тебе, что ты должен делать и чего не должен. Если это ловушка, значит, большая часть моего народа была сломлена и обманута, даже не осознав этого. Но тогда и вардены с тем же успехом могут сразу сдаваться, потому что им никогда не перехитрить Гальбаторикса. Если же эти разрозненные воспоминания соответствуют реальной действительности, тогда все мы, возможно, обретем некую помощь или неведомого могущественного союзника там, где, как казалось всем нам, никого и ничего уже нет. Нет, я ничего не могу тебе сказать по поводу необходимости такого путешествия.

Это ты должен решить сам. Возможно, это наш последний шанс, но я, повторяю, уже по горло сыт всякими тайнами».

Солембум спрыгнул с лежанки и направился к выходу из палатки. Потом вдруг остановился, оглянулся и снова внимательно посмотрел на Эрагона.

«В Алагейзии сейчас действует очень много странных сил, Губитель Шейдов, — мысленно сказал он ему. — Мне доводилось видеть такие вещи, в которые невозможно поверить: вихри света, вращавшиеся в темных пещерах глубоко под землей; людей, которые с возрастом не стареют, а молодеют; говорящие камни и ползучие тени; помещения, которые изнутри больше, чем снаружи... Гальбаторикс — не единственная сила в мире, с которой нужно считаться. Мало того, он, скорее всего, даже далеко не самая могущественная из этих сил. Думай хорошенько, Губитель Шейдов, и очень осторожно выбирай решение. А если все же решишь *туда* отправиться, то пусть твои лапы ступают неслышно!»

И с этим пожеланием кот-оборотень, выскользнув из палатки, исчез в ночи.

Эрагон, слушавший его с затаенным дыханием, с облегчением выдохнул, сел поудобнее и стал думать. Теперь он знал, что делать: надо немедленно отправляться на остров Врёнгард. Однако для начала было необходимо посоветоваться с Сапфирой.

Ласковым мысленным толчком он разбудил драконицу, и как только ему удалось убедить ее, что ничего страшного не случилось, он принялся рассказывать ей о визите Солембума и о том, что он узнал из книги «Домиа абр Вирда». Сапфира была удивлена всем этим не меньше, чем сам Эрагон, и сказала:

«Мне что-то совсем не хотелось бы стать марионеткой в руках того, кто сумел лишить памяти котов-оборотней — кто бы это ни был, это очень могущественный маг».

«Мне бы тоже очень этого не хотелось, — ответил Эрагон, — но разве у нас есть выбор? Это наш последний шанс. Но если за всем этим стоит Гальбаторикс, то мы попросту

сами отдадим себя ему в руки. С другой стороны, если мы не полетим на Врёнгард и останемся здесь, то, в общем-то, сделаем примерно то же самое, только чуть позже, когда доберемся до Урубаена».

«Разница в том, что в Урубаене с нами будут вардены и эльфы», — возразила Сапфира.

«Это правда».

Некоторое время оба молчали. Затем Сапфира сказала:

«Хорошо, я согласна; должно быть, нам и впрямь нужно лететь на Врёнгард. Нам нужно гораздо больше длинных когтей и острых клыков, если мы хотим победить Гальбаторикса и Шрюкна, а также Муртага и Торна. И потом, Гальбаторикс сейчас рассчитывает на то, что мы сразу же ринемся спасать Насуаду, и наверняка приготовит нам в Урубаене всяческие ловушки. При одной мысли об этом у меня прямо-таки чешуя начинает чесаться. Уж больно не хотелось бы делать именно то, чего от нас ожидают наши враги».

Эрагон кивнул:

«А если на острове Врёнгард нас тоже ожидает ловушка?»

Сапфира даже зарычала негромко.

«В таком случае мы постараемся научить того, кто эту ловушку поставил, впредь бояться даже самих наших имен!»

Эрагон улыбнулся. Впервые после похищения Насуады у него возникло ощущение конкретной цели точно выбранного направления. Это было действительно нечто такое, что они с Сапфирой сделать *могли*, — они могли попытаться обрести реальную помощь варденам, раздобыть некое средство, с помощью которого можно было бы изменить ход событий. Это было гораздо лучше, чем просто сидеть и ждать неизвестно чего.

«Хорошо, тогда летим», — сказал Эрагон, с облегчением вздыхая.

Арья явилась к нему почти сразу, стоило ему мысленно с ней связаться. Его это несколько удивило, но она объяснила, что стояла на страже вместе с Блёдхгармом

и другими эльфами на тот случай, если Муртаг и Торн вздумают вернуться.

Затем они вместе попытались уговорить Глаэдра побеседовать с ними, хотя старый дракон был настроен весьма мрачно.

И наконец, когда они вчетвером, включая Сапфиру, объединили свои мысли, Эрагон сообщил:

«Я знаю, где находится скала Кутхиана!»

«Что это еще за скала?» — проворчал Глаэдр.

«Название кажется мне знакомым, — сказала Арья, — но я понятия не имею, где эта скала находится».

Эрагон слегка нахмурился. Ведь он уже рассказывал им обоим о совете, который некогда дал ему Солембум. Вряд ли они успели это позабыть.

Тем не менее он напомнил им о своей первой встрече с Солембумом в Тирме, а потом рассказал и о последнем, сегодняшнем, откровении кота-оборотня, прочитав соответствующий кусок из книги «Домиа абр Вирда».

Арья, явно нервничая, засунула прядь волос за ухо и спросила — не только мысленно, но и вслух:

«Как-как называется это место?»

«Пик Морета или скала Кутхиана, — ответил ей Эрагон. Потом поколебался, сбитый с толку ее вопросом, и прибавил: — Лететь туда далеко, но...»

«Если мы с Эрагоном отправимся немедленно...» — начала Сапфира.

«Мы сможем слетать туда и обратно...»

«До того, как вардены доберутся до Урубаена. И это...»

«Наш единственный шанс на успех».

«Но у нас не хватит времени...»

«Думаешь?»

«И все же объясните наконец, куда именно вы собрались лететь?» — раздраженно спросил Глаэдр, когда Эрагон и Сапфира умолкли.

«Что?.. Неужели ты не понял?» — удивился Эрагон.

«А как я мог это понять? — еще сильней раздражаясь, прорычал старый дракон. — Из ваших беспорядочных восклицаний? Нет уж, объясните нам как следует, где это загадочное место находится!»

«Но я ведь уже объяснил! — воскликнул Эрагон. — На острове Врёнгард!»

«Ну, наконец-то прямой ответ!»

Арья нахмурилась:

«Но что ты будешь делать на Врёнгарде?»

«Не знаю! — начал сердиться Эрагон. Он все никак не мог решить, стоит ли ему спорить с Глаэдром. Дракон, похоже, нарочно злил его. — Это зависит от того, что мы там найдем. Когда мы туда прибудем, то попытаемся как-то проникнуть в недра этой скалы Кутхиана и выяснить, что за тайны она хранит. Если же это окажется ловушкой... — он пожал плечами, — тогда мы просто улетим».

Выражение лица Арьи стало еще более встревоженным.

«Скала Кутхиана... В этом названии, по-моему, заложен какой-то особый смысл, но я ничего не могу припомнить... Странно, у меня в памяти словно звучит некое эхо, отзвуки какой-то песни, которую я когда-то давно знала, но забыла... — Она тряхнула головой и стиснула пальцами виски. — Ну вот, теперь это эхо совсем исчезло... — Она растерянно посмотрела на Эрагона. — Извини, о чем это мы разговаривали?»

«О путешествии на остров Врёнгард», — медленно повторил Эрагон, глядя ей прямо в глаза.

«Ах, да... Но зачем тебе туда? Ты нужен здесь, Эрагон! Да и на Врёнгарде, по-моему, давно уже не осталось ничего ценного».

«Вот именно, — поддержал Арью Глаэдр. — Это мертвое и совершенно пустынное место. Когда была разрушена Дору Ариба, те немногие из нас, кому удалось спастись, летали туда, пытаясь найти хоть что-то, что могло бы нам пригодиться впоследствии, но Проклятые уже успели дочиста обчистить весь город».

Арья кивнула:

«Кто бы ни вложил эту идею тебе в голову, я просто не представляю, как ты можешь даже думать о том, чтобы сейчас, когда вардены наиболее уязвимы, оставить их и куда-то лететь! Это вряд ли разумно. Ради чего лететь на край света, не имея на то ни весомой причины, ни цели? Я была о тебе лучшего мнения, Эрагон. Ты не имеешь права

покинуть варденов только потому, что чувствуешь себя не в своей тарелке, поневоле став их предводителем!»

Эрагон отгородился мысленным барьером от Арьи и Глаэдра и велел Сапфире сделать то же самое, а потом с отчаянием воскликнул:

«Сапфира, они тоже ничего не помнят! Мало того, они даже мой рассказ о скале Кутхиана запомнить не смогли!»

«Это магия. Очень сильная магия, вроде той, что навсегда скрыла имена тех драконов, которые предали Всадников», — сказала драконiха.

«Но ты-то ведь не забыла того, что я рассказал тебе о скале Кутхиана?»

«Конечно нет! — И Эрагону показалось, что мысли Сапфиры вспыхнули ярким зеленым светом. — Как я могла это забыть — ведь мы так тесно связаны с тобой!»

У Эрагона даже голова закружилась, когда он представил себе возможные последствия подобной магии.

«Какой же силой должны были обладать те заклятия, которые стирали воспоминания каждого, кто знал об этой скале, кто когда-либо слышал или читал о ней! Даже теперь, столько веков спустя... Неужели... вся Алагейзия пребывает во власти этих чар? Неужели никто не может избежать их воздействия?»

«Никто, кроме нас».

«Да, кроме нас. И возможно, котов-оборотней».

«И наверное, Гальбаторикса».

Дрожь прошла по телу Эрагона. Было такое ощущение, словно у него по спине бегают какие-то ледяные пауки. Масштабы этого колдовства потрясли его, заставили почувствовать себя маленьким и беспомощным. Чтобы затуманить память эльфов, гномов, людей, драконов и даже котов-оборотней, но при этом не вызвав ни у кого из них ни малейшего беспокойства или подозрения, нужна была поистине виртуозная работа в высшей степени могущественных магов. Эрагону казалось невероятным, чтобы такая сложная задача оказалась по плечу кому-то одному. Возможно, впрочем, рассуждал он, это было сделано инстинктивно, в момент самозащиты, ибо подобное заклинание просто должно было быть слишком

сложным, чтобы его можно было выразить с помощью одних лишь слов.

Нет, ему *необходимо* было узнать, кто в ответе за манипулирование сознанием стольких обитателей Алагейзии и зачем ему это понадобилось! Если это дело рук Гальбаторикса — а Эрагон очень опасался, что это именно так, — тогда Солембум был прав, и поражение варденов неизбежно.

«А ты не думаешь, что это могло быть делом рук не Гальбаторикса, а самих драконов, как и Уничтожение Имен?» — спросил он, но Сапфира ответила не сразу.

«Возможно, — задумчиво сказала она. — Но тогда, как и сказал Солембум, в Алагейзии действует слишком много различных сил. И пока мы не отправимся на остров Врёнгард, мы о них ничего толком не узнаем».

«А там, ты думаешь, нам удастся что-то узнать?»

«Думаю, да».

Эрагон нервным движением взъерошил себе волосы и вдруг почувствовал себя невероятно усталым.

«Почему все должно непременно складываться... так сложно!» — невольно вздохнул он.

«Потому что каждому хочется есть, но никто не хочет быть съеденным», — мрачно пошутила Сапфира.

Эрагон только усмехнулся.

И только тут обратил внимание на то, что их «тайный» обмен мнениями несколько затянулся. Арья с Глаэдром явно были этим недовольны, потому что Арья спросила:

«Почему вы оба поставили от нас барьер? — И она глянула туда, где за стеной палатки, свернувшись клубком, лежала Сапфира. — Что-нибудь не так?»

«Ты, похоже, чем-то очень взволнован, детеныш?» — прибавил Глаэдр.

«Да, я взволнован. — Эрагон с трудом подавил усмешку, потому что Арья с тревогой следила за его лицом. Подойдя к лежанке, он присел на краешек и свесил руки между колен. Некоторое время он молчал, а потом, перейдя на язык эльфов и магии, спросил, обращаясь к Арье и Глаэдру: — Вы нам с Сапфирой доверяете?»

Возникшая после этого пауза оказалась, к счастью, весьма недолгой.

«Я — да», — ответила Арья тоже на древнем языке.

«И я», — сказал Глаэдр.

«Ну, кто из нас расскажет им, я или ты?» — спросил Эрагон у Сапфиры.

«Ты же сам хотел все рассказать, вот и рассказывай».

И Эрагон, глядя на Арью, но обращаясь одновременно и к ней, и к Глаэдру, сказал, по-прежнему пользуясь древним языком:

«Солембум назвал мне имя одного места на острове Врёнгард, где мы с Сапфирой, возможно, найдем кого-то или что-то, что поможет нам одолеть Гальбаторикса. Однако же название этого места заколдовано. Каждый раз, как я его произношу, вы сразу же его забываете. — По лицу Арьи он видел, как глубоко она всем этим потрясена. — Вы мне верите?»

«Я верю», — медленно, но не задумываясь, промолвила Арья.

«А я верю в то, что сам ты, безусловно, веришь собственным словам, — прорычал Глаэдр. — Но это совершенно не значит, что все действительно так и есть».

«Как еще я могу доказать это? Вы же не запомните это название, даже если я снова повторю его вам или поделюсь с вами всеми своими воспоминаниями! Вы могли бы спросить у Солембума, но опять же — вряд ли это поможет делу. А что касается этих чар, то, возможно, есть способ доказать, что они действительно существуют. Призовите сюда кота-оборотня, и мы посмотрим, что тут можно сделать».

И Эрагон попросил Сапфиру:

«Может быть, лучше тебе его позвать?»

Он не без оснований полагал, что Солембум явится куда скорее, если его позовет дракон.

Мгновением позже он почувствовал, как Сапфира мысленно обшаривает весь лагерь; затем она установила связь с Солембумом, кратко с ним переговорила и объявила всем:

«Солембум сейчас придет».

Ждали молча. Эрагон, потупившись, мысленно уже составлял список того, что нужно взять с собой, когда они отправятся на остров Врёнгард.

Когда Солембум вошел, откинув полог палатки, Эрагон с изумлением увидел, что на этот раз он явился в своем

человечьем обличье — юноши с дерзкими темными глазами. В левой руке он держал ножку жареного гуся и время от времени с аппетитом в нее вгрызался. Его губы и подбородок были перепачканы гусиным жиром, да и на обнаженной груди поблескивали капли не успевшего застыть жира.

Прожевав очередной кусок, Солембум мотнул своим острым подбородком в сторону того угла палатки, где в земле таилось Элдунари Глаэдра, и спросил:

«Что ты хотел у меня спросить, выдыхающий пламя?»

«Понять, тот ли ты, кем кажешься!» — прогрохотал Глаэдр, и его мощное сознание, казалось, поглотило сознание Солембума, подобно тому как плотные черные тучи с легкостью застилают свет ярко горящего, трепещущего на ветру костра. Золотистый дракон обладал поистине невероятной силой духа, и по личному опыту Эрагон знал: мало кто способен противостоять ей.

С каким-то задушенным мявом Солембум выплюнул непрожеванное мясо и отпрыгнул назад, словно наступил на гадюку. А потом замер, дрожа от усилий, обнажив острые клыки и не скрывая бешенства, которое так и горело в его карих глазах. Эрагон на всякий случай положил руку на рукоять Брисингра. Потом гнев Солембума несколько утих, но не погас; казалось, он светится в море черных клубящихся туч — мыслей Глаэдра — точно капля раскаленного добела металла.

Через минуту буря в душе Глаэдра утихла, тучи развеялись, хоть и виднелись еще где-то на горизонте.

«Прошу прощения, Солембум, — мысленно обратился Глаэдр к коту-оборотню, — но мне нужно было знать наверняка».

Солембум зашипел; волосы у него на голове встали дыбом, и он стал похож на цветок чертополоха.

«Если бы у тебя все еще было тело, старейший, я бы отрубил тебе хвост за такие штуки».

«Куда тебе, котик! Ты бы смог в лучшем случае меня оцарапать», — усмехнулся Глаэдр.

Солембум снова зашипел от злости, потом гневно поднял плечи чуть ли не к самым ушам, резко развернулся и двинулся к выходу.

«Погоди, — остановил его Глаэдр. — Не сердись. Ты действительно рассказывал Эрагону о некоем месте на острове Врёнгард, где полно всяких тайн, однако никто не запомнил названия этого места».

Кот остановился и, не оборачиваясь, что-то проворчал. Потом нетерпеливым жестом отмахнулся гусиной ножкой и подтвердил:

«Да, рассказывал».

«А ты называл ему некую страницу в «Домиа абр Вирда», где он и нашел описание этого места?»

«Похоже, что так, но я совершенно не помню, как это сделал. Однако я очень надеюсь, что эта штука — что бы вы там, на острове Врёнгард, ни нашли, — спалит вам усы и обожжет лапы!»

С этими словами, яростно хлопнув пологом палатки, Солембум вылетел во тьму и тут же исчез.

Эрагон встал и носком сапога вышвырнул недоеденную гусиную ножку из палатки.

«Тебе не следовало так грубо с ним разговаривать», — упрекнула Глаэдра Арья.

«У меня не было выбора», — возразил дракон.

«Правда? Но ты мог бы хоть разрешение у него спросить».

«И дать ему возможность подготовиться? Нет уж. Что сделано, то сделано, Арья, и оставь это».

«Не могу. Его гордость ранена. Ты должен попытаться как-то его задобрить. Было бы опасно получить такого врага, как кот-оборотень».

«Еще опаснее иметь врагом дракона. Оставь это, эльфийка, говорю тебе!»

Эрагон, сильно встревоженный, быстро переглянулся с Арьей; тон Глаэдра им обоим очень не нравился, но Эрагон не знал, как тут лучше поступить.

«Итак, Эрагон, — спросил золотистый дракон, — ты разрешишь изучить твои воспоминания о разговоре с Солембумом?»

«Если хочешь, но... зачем? Ты все равно потом их забудешь».

«Может, и не забуду. Там посмотрим. — И, обращаясь уже к Арье, Глаэдр сказал: — Отдели свое сознание и не позволяй воспоминаниям Эрагона замутнять его».

«Как пожелаешь, Глаэдр-элда». — И музыка ее мыслей стала слышаться все более глухо, а мгновением позже Эрагон и вовсе перестал ее слышать.

А Глаэдр потребовал:

«Покажи мне все, Эрагон».

И Эрагон, стараясь подавить растущую в его душе тревогу, возвратился в мыслях к тому моменту, когда Солембум появился у него в палатке, вскочил на лежанку и принялся старательно вылизывать лапу. Он тщательно припоминал каждую деталь того разговора, что произошел между ними, и мысли Глаэдра настолько переплелись с его собственными мыслями, что казалось, будто старый дракон вместе с ним заново переживает все эти события. Это было весьма неприятное ощущение. Эрагону казалось, что они с Глаэдром превратились в две стороны одной и той же монеты.

Когда его воспоминания иссякли, Глаэдр отчасти удалил свои мысли из сознания Эрагона, и тот наконец почувствовал, что вновь стал самим собой. Затем, обращаясь к Арье, золотистый дракон сказал:

«Когда я что-нибудь забуду — если я действительно сумею все это забыть, — повторяй мне такие слова: «Андумё и Фиронмас на холме печали, и плоть их подобна стеклу». Это место на острове Врёнгард... известно мне. Или когда-то было известно. Это было нечто очень важное, нечто... — И Эрагону показалось, что мысли Глаэдра на мгновение окутала некая серая пелена, заслоняя их, точно туман, прилетевший с холмов и долин его нынешнего печального существования. — Ну? — спросил он, обретая свою прежнюю резковатую уверенность. — Что же мы медлим, Эрагон? Покажи мне свои воспоминания».

«Я уже показал».

И не успел Глаэдр вновь разгневаться, как Арья сказала:

«Глаэдр, вспомни: «Андумё и Фиронмас на холме печали, и плоть их подобна стеклу»...»

«Как... — Глаэдр вздрогнул, а потом взревел с такой силой, что Эрагону показалось, что этот оглушительный рев

услышат все в лагере. — Агр-р-р! Ненавижу заклятия, стирающие чужую память! Это самая гнусная разновидность магии! Она всегда приводит к хаосу и смятению, и потом все только и делают, что убивают членов собственной семьи одного за другим, даже не сознавая этого».

«А что значит та фраза, которой вы с Арьей воспользовались?» — спросила Сапфира.

«Ничего. Она могла быть понятна только мне и Оромису. Но в том-то все и дело! Значит, никто ее не поймет, пока я сам этого не разъясню».

Арья вздохнула:

«Значит, эти чары реальны. В таком случае вам действительно придется отправиться на Врёнгард. Не обращать внимания на столь важные сведения было бы преступлением. Мы, по крайней мере, должны понять, что за паук сидит в центре всей этой паутины».

«Я тоже отправлюсь вместе с ними, — сказал Глаэдр. — Если кто-то задумал вас погубить, он, возможно, не ожидает, что ему придется сражаться не с одним, а с двумя драконами. Да и в любом случае вам понадобится проводник. Врёнгард стал весьма опасным местом после уничтожения ордена Всадников, а я вовсе не хочу, чтобы вы стали добычей какого-нибудь полузабытого злодея».

Эрагон ответил не сразу, заметив во взгляде Арьи какую-то странную мольбу. Потом догадался, что и она хотела бы сопровождать их, и тихо сказал ей:

— Но Сапфира сможет лететь гораздо быстрее, если у нее на спине будет только один всадник.

— Я понимаю... Но мне всегда так хотелось побывать на этом острове!

— Ты еще побываешь там, я уверен. Когда-нибудь.

Арья кивнула:

— Когда-нибудь.

Эрагон постарался полностью сосредоточиться, мысленно представляя себе то, что им еще нужно успеть сделать до отлета, потом глубоко вздохнул и решительно встал.

— Капитан Гарвен! — крикнул он. — Не мог бы ты к нам присоединиться?

ОТЛЕТ

Для начала Эрагон приказал Гарвену в обстановке полной секретности отправить одного из Ночных Ястребов за съестными припасами, которых должно было бы хватить для полета на Врёнгард. Сапфира поела после захвата Драс-Леоны, но не то чтобы досыта, иначе бы она отяжелела и не смогла сражаться, поэтому ее как следует накормили, чтобы она могла без остановки долететь до Врёнгарда. А там, как понимал Эрагон, ей все же придется самой искать себе пищу, и это *его тревожило.*

«Ничего страшного, я смогу долететь обратно и с пустым желудком», — заверила его Сапфира.

Затем Эрагон послал быстроногого гонца за Джормундуром и Блёдхгармом и велел привести их обоих к нему в палатку. Когда они прибыли, Эрагон, Арья и Сапфира еще целый час пытались объяснить им, в чем дело, и — что оказалось гораздо труднее — пытались убедить их, что этот полет совершенно необходим. Блёдхгарм все понял гораздо быстрее, чем Джормундур, который продолжал яростно возражать. И не потому, что сомневался в достоверности полученных от Солембума сведений, и даже не потому, что сомневался в их важности — тут он во всем и без вопросов принимал точку зрения Эрагона, — а потому, и тут он спорил со все возраставшей настойчивостью, что это разрушит единство варденов. Он считал, что если варденыы, проснувшись утром, узнают, что не только Насуада похищена, но и Эрагон с Сапфирой исчезли в неизвестном направлении, то в армии тут же начнется раскол.

— Мало того, я даже думать не осмеливаюсь о том, что будет, если Гальбаторикс узнает, что вы с Сапфирой нас

оставили, — говорил Джормундур. — Только не сейчас, когда мы так близко от Урубаена! И потом, Гальбаторикс ведь может послать Муртага и Торна перехватить тебя. Или, воспользовавшись вашим отсутствием, вообще раз и навсегда сокрушит варденов. Нет, нельзя идти на такой риск!

И Эрагон был вынужден признать, что опасения Джормундура не лишены оснований.

После долгих обсуждений решение в итоге было найдено: Блёдхгарм со своими заклинателями создадут двойников Эрагона и Сапфиры, как сделали это, когда Эрагон летал в Беорские горы на выборы и коронацию Орика.

Эти двойники будут казаться вполне живыми, дышащими, думающими существами, однако всяких мыслей они будут полностью лишены, и если кому-то удастся проникнуть в их сознание, эта подделка будет обнаружена. В результате решили, что двойнику Сапфиры лучше вообще не иметь возможности разговаривать; и хотя эльфы вполне могли сделать двойника Эрагона «разговорчивым», этого тоже решено было избежать, иначе какая-нибудь особенность его речи могла вызвать подозрения — особенно у шпионов, которые, как известно, слушают с особым вниманием. Подобные ограничения означали, что данная иллюзия будет хорошо работать только на расстоянии, и те люди, у которых будут причины и поводы для общения с Эрагоном и Сапфирой на личной основе — например, король Оррин и король Орик, — вскоре убедятся, что тут явно что-то не то.

Затем Эрагон приказал Гарвену разбудить всех Ночных Ястребов и привести их к нему, по возможности соблюдая строжайшую секретность. Когда вся честная компания собралась возле палатки, Эрагон объяснил своей разношерстной охране, состоявшей из людей, гномов и ургалов, почему он и Сапфира улетают, хотя и утаил от них подробности и цель этого путешествия. Затем он объяснил им, как именно эльфы намерены скрыть их отсутствие, и заставил всех поклясться на древнем языке, что все это будет сохранено в тайне. Ночным Ястребам он полностью доверял, но, как известно, лишняя осторожность никогда не помешает, если дело касается Гальбаторикса и его шпионов.

Затем Эрагон и Арья посетили Оррина, Орика, Рорана и колдунью Трианну. Как и Ночным Ястребам, каждому из них они объяснили ситуацию и от каждого потребовали соответствующей клятвы хранить молчание.

Король Оррин, как и ожидал Эрагон, оказался самым трудным орешком. Он выразил яростное возмущение по поводу отлета Эрагона и Сапфиры на Врёнгард и еще довольно долго на эту тему распространялся. Он поставил под вопрос храбрость Эрагона, а также ценность тех сведений, которые сообщил Солембум, и даже пригрозил, что вместе со своей армией покинет лагерь варденов, если Эрагон с Сапфирой будут продолжать заниматься «подобными глупостями». Понадобилось не менее часа всевозможных угроз, лести и уговоров, чтобы уговорить Оррина, но даже и после этого Эрагон отнюдь не был уверен, что взбалмошный король не выкинет еще какой-нибудь фортель.

Орика, Рорана и Трианну убедить удалось гораздо быстрее, однако Эрагону и Арье все же пришлось потратить неразумно много, с точки зрения Эрагона, времени на разговоры с ними. Нетерпение делало его резким и беспокойным; ему хотелось уже быть в пути, и каждая потраченная минута лишь усиливала это желание.

Пока они с Арьей ходили из палатки в палатку, Эрагон — благодаря мысленной связи с Сапфирой — понял, что Блёдхгарм и другие эльфийские заклинатели уже начали негромко и мелодично «выпевать» свои заклинания, лежавшие в основе всех их магических действий, подобно основе ткани, являющей собой поверхность реального мира.

Сапфира все это время оставалась возле палатки Эрагона, окруженная эльфами, которые *стояли, вытянув руки* и касаясь друг друга кончиками пальцев, и пели. Целью этого длинного и весьма сложного заклинания был сбор визуальных впечатлений, необходимых для создания наиболее правдоподобного двойника Сапфиры. Даже самому опытному магу сложно имитировать внешний облик эльфа или человека, а уж облик дракона достойным образом воспроизвести еще труднее, если учесть особенности синей сверкающей чешуи Сапфиры. Однако еще труднее, как объяснил Эрагону Блёдхгарм, воспроизвести то, как

воздействует Сапфира с ее немалым весом на окружающие предметы, чтобы каждый раз, когда ее двойник будет взлетать или приземляться, это выглядело достаточно правдоподобно.

Когда Эрагон с Арьей наконец обошли всех, ночь уже начала сменяться утренней зарей, и край солнца показался над горизонтом. При свете солнечных лучей нанесенный лагерю ущерб казался еще более ужасным.

Эрагону хотелось уже отправиться в путь, но Джормундур настоял на том, чтобы он обратился к варденам хотя бы один раз в качестве их нового предводителя.

И вскоре Эрагон обнаружил, что стоит на перевернутой повозке, а перед ним — огромное поле обращенных к нему лиц, и человеческих, и принадлежащих иным расам. Более всего в эти минуты ему хотелось оказаться как можно дальше от этого поля и ничего варденам не объяснять.

Он помнил, правда, что сказал ему Роран накануне:

«Ты только не думай, что они тебе враги, и ничего с их стороны не опасайся. Они же *готовы* любить тебя, Эрагон. Да они и так тебя любят. Скажи им все честно и прямо, но в любом случае держи свои сомнения при себе. Это самый простой способ завоевать их расположение. Они будут напуганы и растеряны, когда ты скажешь, что Насуада похищена. Дай им уверенность, в которой они так нуждаются, и они пойдут за тобой куда угодно, даже во дворец Гальбаторикса».

Но, несмотря на то что Роран искренне пытался подбодрить его, Эрагон по-прежнему чувствовал себя очень неуверенно. Ему редко доводилось обращаться к столь большому собранию народа, в лучшем случае перед ним оказывалось несколько рядов воинов. И сейчас, когда он смотрел на огромную толпу стоявших перед ним дочерна загорелых, истерзанных боями воинов, ему казалось, что легче в одиночку сразиться с сотней врагов, чем вот так стоять перед толпой и ждать, что непременно будешь обречен на всеобщее неодобрение.

Пока он не открыл рот и не начал говорить, он не знал, что именно скажет собравшимся. Но стоило ему начать,

и слова сами полились у него изо рта, но он был так напряжен, что не особенно запомнил, что именно сказал. Все выступление перед варденами казалось ему потом словно окутанным неким туманом; больше всего ему запомнились жара и стоны варденов, когда они узнали о судьбе Насуады. И пожалуй, одобрительные хриплые крики, которые переросли в оглушительный рев, когда он призвал их к победе и закончил свою речь. А потом, с облегчением спрыгнув с повозки, пошел туда, где ждали его Арья, Орик и Сапфира.

И стражники тут же окружили их всех плотным кольцом, заслонив от толпы и отгоняя тех, кто непременно желал лично поговорить с Эрагоном.

— Хорошо сказал, Эрагон! — похвалил его Орик, хлопнув по плечу.

— Правда? — с недоверием спросил Эрагон, испытывая легкое головокружение.

— Ты был в высшей степени красноречив, — подтвердила Арья.

Эрагон лишь пожал плечами; он *был растерян. Его* смущало то, что Арья знала почти всех предводителей варденов и прекрасно понимала, что Аджихад или Дейнор, предшественник Аджихада, выступили бы гораздо лучше, и не думать об этом он не мог.

Орик потянул его за рукав. Эрагон наклонился к нему, и гном очень тихо, так что шум толпы почти заглушал его голос, сказал:

— Я надеюсь, что цель твоего путешествия — что бы это ни было — стоит такого риска, дружище. Будь осторожен, береги себя и никому не позволяй прикончить ни тебя, ни Сапфиру. Договорились?

— Я постараюсь, — улыбнулся Эрагон, и тут Орик удивил его: он схватил его за руки и, притянув к себе, заключил в грубоватые объятия.

— Пусть Гунтера хранит тебя в пути и на острове, — сказал он. А потом, шлепнув ладонью по боку Сапфиры, прибавил: — И тебя, Сапфира, пусть хранит наш бог! Благополучного вам обоим путешествия!

Сапфира ответила ему негромким доброжелательным гудением.

Эрагон смотрел на Арью и никак не мог придумать, что бы сказать ей на прощание, кроме самых банальных слов. Красота ее глаз по-прежнему завораживала его; похоже, то воздействие, которое ее взгляд всегда производил на него, и не думало со временем ослабевать, напротив, становилось только сильнее.

А потом Арья взяла его обеими руками за щеки и один раз поцеловала — в лоб.

И Эрагон окончательно лишился дара речи.

— Гулиа вайзе медх оно, Аргетлам (Да пребудет с тобой удача, Серебряная Рука), — сказала Арья, потом опустила руки и чуть отступила назад, но Эрагон тут же снова схватил ее за руки и сжал их.

— Ты не волнуйся, — сказал он, — ничего плохого с нами не случится. Я просто этого не допущу. Даже если сам Гальбаторикс нас там поджидает. Если придется, я голыми руками перерою весь Врёнгард, но найду то, что хотел, и мы благополучно вернемся назад.

Прежде чем Арья успела ответить, Эрагон выпустил ее руки и взлетел Сапфире на спину. Толпа снова закричала, увидев, как он садится в седло. Он помахал варденам на прощание, и они радостно зашумели в ответ, топая ногами и стуча по щитам рукоятями мечей.

Эрагон заметил, что Блёдхгарм и его эльфы собрались, почти невидимые остальными, за его палаткой и кивнул им; они попрощались с ним точно так же. План Блёдхгарма был прост: Эрагон с Сапфирой поднимутся в воздух, словно намереваясь в очередной раз осмотреть окрестности — они это делали постоянно, пока армия пребывала на марше, — а потом, сделав над лагерем несколько кругов, Сапфира скроется за облаками, и Эрагон произнесет заклинание, которое сделает ее невидимой для тех, кто следит снизу за их полетом. Затем эльфы поднимут в воздух двойников, которые и займут место Эрагона и Сапфиры на все то время, пока будет продолжаться их путешествие. Так что именно двойников и увидят те, кто наблюдает за ними с земли. И эльфы очень надеялись, что никто не заметит подмены, когда дракон и его Всадник вновь вынырнут из облаков.

С привычной легкостью Эрагон затянул ремни на ногах и проверил, надежно ли закреплены седельные сумки у него за спиной. Особенно заботливо он проверил ту, что слева, ибо в ней, старательно закутанная в одежду и одеяла, находилась выстланная бархатом шкатулка с драгоценным «сердцем сердец» Глаэдра, с его Элдунари.

«Нам пора», — услышал он мысленный призыв старого дракона.

«На остров Врёнгард!» — воскликнула Сапфира, и весь мир завертелся и закачался перед Эрагоном, когда она, подпрыгнув, взлетела с земли, и громкий шелест заполнил все вокруг — это драконiха, развернув свои могучие крылья, так похожие на крылья летучей мыши, стала подниматься все выше и выше в небеса.

Эрагон крепче ухватился за острый шип у нее на шее и пригнул голову, защищая лицо от свирепого ветра, вызванного быстрым подъемом. Глубоко вздохнув, он попытался отогнать тревожные мысли о том, что оставил позади, и о том, что может ждать их впереди. Впрочем, теперь ему оставалось только надеяться. Надеяться, что Сапфира успеет долететь до острова Врёнгард и вернуться обратно, прежде чем Империя решит нанести варденам очередной удар. Надеяться, что Роран и Арья будут в безопасности. Надеяться, что впоследствии ему каким-то образом все-таки удастся спасти Насуаду. Надеяться, что этот полет на остров Врёнгард был правильным решением, ибо он понимал: неизбежно приближался тот день, когда ему все же придется лицом к лицу сразиться с Гальбаториксом.

ПЫТКА НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬЮ

Насуада открыла глаза. Сводчатый потолок был облицован плиткой и расписан угловатыми узорами красного, синего и золотистого цвета; это сложное переплетение линий надолго привлекло к себе ее внимание, заняв все мысли.

Наконец она заставила себя отвести глаза от этой сводящей с ума игры линий и красок.

Ровный оранжевый свет струился из какого-то источника у нее за спиной. Свет был достаточно сильным, и она смогла разглядеть все это странноватое помещение восьмиугольной формы, но все же этот свет не мог развеять тени, которые жались по углам, точно угрожая ей.

Насуада сглотнула, чувствуя, как сильно пересохло горло.

Она лежала на чем-то гладком, холодном и неприятно твердом — скорее всего, это был камень, которого она касалась голыми пятками и пальцами рук. Холод пробирал ее до костей, и она догадалась, что на ней ничего нет, кроме тонкой белой сорочки, в которой она спала.

«Где я?»

Воспоминания нахлынули все разом, лишенные какого бы то ни было смысла и порядка: и эта безумная каваль-када мыслей и образов вломилась в ее сознание с силой, ощутимой почти физически.

Насуада охнула и попыталась сесть. Надо немедленно вскочить и бежать отсюда, даже сражаться, если придется! Но обнаружила, что не может не только сесть, но сдвинуться хотя бы на пару сантиметров в сторону. Руки и ноги ее были перевиты мягкими, но прочными путами, а толстый

ремень не давал ни приподнять голову, ни повернуть ее вбок, прижимая ее к каменной плите.

Она попробовала рвануться, но путы были слишком прочны — не вырваться.

Выдохнув, она бессильно обмякла и снова уставилась в потолок. Стук сердца барабанным боем отдавался в ушах. Жара душила ее, иссушала тело, щеки горели, руки и ноги были словно налиты расплавленным свечным салом.

«Значит, вот как я умру?»

На мгновение отчаяние и жалость к себе чуть не свели ее с ума. Она ведь только начала жить, и все же ее жизнь вот-вот кончится, причем таким жалким образом! Она не успела сделать ничего из того, на что так надеялась. Ей не удалось ни завершить эту войну, ни полюбить кого-то, ни родить ребенка, ни просто пожить. Ее единственными «детьми» были сражения, трупы, дребезжащие хозяйственные обозы, бесконечные военные планы, клятвы верности, которые теперь ничего не стоят, и хромающая, неустойчивая, то и дело распадающаяся на отдельные фракции армия, предводителем которой теперь, наверное, стал Всадник, еще более юный, чем она сама. А от нее останутся только воспоминания. Она была последней в своем роду. Когда она умрет, не останется никого, чтобы его продолжить.

Думать об этом было больно, и Насуада ругала себя за то, что не родила детей, когда это вполне можно было сделать.

— Прости меня, — прошептала она, видя перед собой лицо отца.

И все же она постаралась взять себя в руки и отбросить все эти отчаянные мысли. Единственное, что может помочь ей в сложившейся ситуации, — это умение держать себя в руках, и она не намерена была терять контроль над собой во имя сомнительного удовольствия находить оправдание своим сомнениям, страхам и сожалениям. Пока она владеет собственными мыслями и чувствами, она не совсем беспомощна. Это самая маленькая из свобод — свобода ее собственной души, — но надо быть благодарной и за такую свободу, а понимание того, что даже это

могут у нее в любую минуту отнять, еще более укрепляло ее решимость непременно этой свободой воспользоваться.

И потом, у нее остался последний долг, который она обязана исполнить: она должна изо всех сил сопротивляться тем, кто будет ее допрашивать. А для этого нужно полностью владеть собой. Иначе долго ей не выдержать.

Насуада замедлила дыхание и сосредоточилась на спокойных вдохах и выдохах, позволив ощущению наполняющихся и освобождающихся легких доминировать надо всеми остальными ее чувствами. Когда она достаточно успокоилась, то попыталась решить, о чем ей сейчас можно думать без опаски. Увы, слишком многие темы были опасны — для нее самой, для варденов, для их союзников, для Эрагона и Сапфиры... Она понимала, что существует слишком большое разнообразие вопросов, с помощью которых ее пленители могут извлечь из нее именно те сведения, за которыми и охотились, и решила держаться той крошечной горстки воспоминаний, которые казались ей наиболее добрыми и невинными, стараясь ни к чему иному мысленно не возвращаться.

Короче говоря, она попыталась как бы создать себе новое, упрощенное сознание, чтобы, когда ее начнут допрашивать, можно было бы с неподдельной честностью изобразить полное неведение. Это был довольно опасный путь, ведь для этого ей нужно было поверить в созданную ею самой ложь, и она понимала: если ей когда-нибудь удастся освободиться, у нее могут возникнуть определенные трудности, когда она захочет вернуться к своему истинному «я».

Но, с другой стороны, у нее не было ни малейшей надежды на побег или освобождение. Единственное, на что она осмеливалась надеяться, — попытаться сбить своих изобретательных пленителей с толку.

«О, богиня Гокукара, дай мне сил вытерпеть те испытания, что ждут меня впереди! Следи за своим маленьким совенком, а если мне суждено умереть, унеси меня отсюда... унеси меня на поля моего отца!»

Взгляд Насуады блуждал по выложенным плиткой стенам и потолку комнаты; казалось, она старается не

упустить ни одной детали. Она, разумеется, догадывалась, что находится в Урубаене. Куда же еще могли отнести ее Муртаг и Торн. Скорее всего, именно этим и объяснялось эльфийское убранство этого странного помещения; большую часть Урубаена ведь построили эльфы, и раньше этот город назывался Илирия; то ли еще до войны эльфов с драконами — случившейся давным-давно, — то ли уже после этого, Илирия стала столицей королевства Броддринг, и в ней официально обосновались Всадники.

Примерно так рассказывал Насуаде отец. Сама же она ничего этого, конечно, помнить не могла.

Впрочем, Муртаг мог притащить и в совершенно иное место, например в один из частных дворцов Гальбаторикса. И возможно, эта комната на самом деле выглядит совершенно иначе, чем это кажется ей. Умелый маг, Гальбаторикс способен был манипулировать всем, что она видит, чувствует, слышит, обоняет; он мог полностью исказить ее представление об окружающем мире, и она сама никогда бы этого не заметила.

Но что бы с ней ни случилось — что бы с ней, *кажется*, ни случилось, — она не позволит себя обмануть. Даже если сейчас в эту дверь вломится Эрагон, разрежет ее путы, даст ей свободу, она, пожалуй, и это сочтет уловкой своих пленителей. Насуада не осмеливалась поверить даже в очевидность своих физических ощущений.

Когда Муртаг похитил ее из лагеря варденов, сам ее мир, похоже, в одно мгновение стал лживым, и теперь невозможно было сказать, где эта ложь кончается и есть ли у нее вообще какие-то пределы. Единственное, в чем Насуада могла быть уверена, что она еще *существует*. Все остальное, даже ее собственные мысли, вызывало у нее подозрения.

Когда несколько утихли первоначальное возбуждение и отчаяние, затянувшееся ожидание начало превращаться в истинное мучение. У нее не было иного способа определить, сколько уже прошло времени, кроме как по тому, хочется ли ей пить или есть, но ощущение голода или жажды возникало и пропадало как-то очень нерегулярно. Насуада

пыталась отсчитывать время, про себя считая секунды, но это ей быстро надоело, и потом она все время забывала, на чем остановилась, когда счет дошел до десятка тысяч.

Несмотря на уверенность в том, что ее ожидает нечто ужасное, она все же очень хотела, чтобы ее пленители наконец объявились, показали себя. Она кричала и звала их — порой по несколько минут подряд, — но в ответ слышала лишь жалобное эхо.

Окружавший ее неяркий свет никогда не менялся — не меркнул и не становился слабее, — и Насуада догадывалась, что это беспламенный светильник вроде тех, какие делают эльфы и гномы. Это сияние не давало ей уснуть, но потом усталость все же взяла свое, и она слегка задремала.

Она боялась крепкого сна, ибо во сне казалась себе наиболее уязвимой и опасалась, что ее бессознательный разум может выдать любые сведения, которые она так старается сохранить в тайне. Однако тут у нее выбора не было. Раньше или позже она все равно уснет, а если заставлять себя и дальше бодрствовать, будет, пожалуй, только хуже, ибо сил на сопротивление у нее тогда совсем не останется.

В общем, Насуада немного поспала. Однако этот сон, прерывистый, неспокойный, удовлетворения не принес, и, проснувшись, она снова почувствовала себя усталой.

Раздался глухой удар, и Насуада вздрогнула от неожиданности. Где-то выше нее, позади, с грохотом и лязгом отодвигались засовы. Затем послышался скрип открываемой двери. Сердце у нее забилось. Значит, прошел, по крайней мере, один день с тех пор, как она очнулась. Ей мучительно хотелось пить, язык распух и едва ворочался во рту; все тело болело из-за того, что она так долго оставалась неподвижной, распростертой на холодной каменной плите.

Кто-то спускался по лестнице. Мягкие башмаки неслышно ступали по каменным ступеням. Потом шаги стихли. Звякнул металл. Ключи? Ножи? Или что-то похуже? Затем шаги возобновились. Теперь они приближались. Все ближе... ближе... В поле зрения Насуады возник осанистый человек в серой шерстяной коте; в руках у него

был серебряный поднос с разнообразной едой — сыром, хлебом, мясом; там были также кувшины с вином и водой. Человек в сером наклонился, поставил поднос у стены и подошел к Насуаде. Она отметила про себя, какие у него быстрые и точные движения. Мало того, почти изящные.

Слегка присвистнув, человек в сером внимательно посмотрел на нее. Лысая голова его была похожа на тыкву-горлянку: на макушке и внизу расширялась, а посредине была значительно уже. Лицо чисто выбрито. Лысину на голове окаймлял аккуратный короткий ежик волос. Верхняя часть его лба и лысина так и сияли. На пухлых щеках играл румянец, но губы почему-то были такими же серыми, как и его одежда. Глаза же были и вовсе неприметельные: маленькие, карие, глубоко посаженные.

Человек в сером облизнул губы, и Насуада обратила внимание на то, что зубы у него смыкаются, точно створки дверной скобы, и сильно выступают вперед, придавая его лицу сходство с мордой животного.

Его теплое влажное дыхание пахло печенкой и луком. Несмотря на то что Насуада была страшно голодна, ей этот запах показался тошнотворным.

Она очень болезненно воспринимала то, что практически обнажена и взгляд этого мужчины блуждает по ее телу, и чувствовала себя под этим взглядом чрезвычайно уязвимой. Было оскорбительно лежать вот так, как кукла или беззащитный домашний зверек, которого распяли жестокие дети, желая повеселиться. И щеки Насуады вспыхнули от гнева и унижения.

А человек в сером досадливо поморщился, как-то непонятно вскрикнул и, к изумлению Насуады, принялся развязывать ее путы.

Едва почувствовав себя свободной, она тут же резко села и нанесла жесткий, рубящий удар краем ладони, метя человеку в сером прямо под ухо.

Он без малейшего усилия перехватил ее руку еще в воздухе. Она зарычала и попыталась выцарапать ему глаза второй рукой. Однако он снова перехватил ее руку. Она дергалась, но хватка у него была железная — не вырвешься; ей казалось, что руки ее зажаты каменными тисками.

В отчаянии она рванулась вперед и вцепилась зубами в его правое предплечье. Горячая кровь хлынула ей в рот; кровь была соленая, с привкусом меди. Насуада задохнулась от отвращения, но вонзала зубы все глубже, так что кровь уже текла у нее по подбородку. Зубами и языком она чувствовала, как трепещут мышцы ее жертвы — точно змейки, пытающиеся вырваться из ее хватки.

Но в целом он на ее укусы никак не реагировал.

Наконец она отпустила его руку, откинула голову назад и выплюнула его кровь ему же в лицо. Но и тогда человек в сером продолжал смотреть на нее ничего не выражающим взглядом, не моргая, не выказывая ни малейших признаков боли или гнева.

Насуада снова попыталась вырваться, а потом, извернувшись, попыталась ударить его ногами в живот. Но нанести удар она не успела: он выпустил ее левое запястье и с силой ударил по лицу.

Белый свет вспыхнул у нее перед глазами, тело, казалось, сотряс какой-то бесшумный взрыв. Голова ее упала набок, зубы клацнули, и боль стрелой пронзила позвоночник от основания черепа до копчика.

Когда зрение ее немного прояснилось, она села, гневно глядя на человека в сером и больше уже не пытаясь его атаковать. Она понимала, что находится целиком в его власти. Теперь, как ей представлялось, необходимо найти что-то такое, чем можно было бы перерезать ему горло или пырнуть его в глаз, а иначе ей, пожалуй, его не одолеть.

Человек в сером отпустил ее второе запястье и, сунув руку за пазуху, вытащил оттуда сероватый носовой платок. Он тщательно промокнул лицо, стер с него кровь и слюну, а затем аккуратно перевязал платком рану у себя на руке, помогая себе своими зубами-скобами, которыми зажимал один конец платка.

Насуада вздрогнула, когда он схватил ее за плечо. Его крупные толстые пальцы легко обхватывали ее руку. Когда он стащил ее с серой каменной плиты на пол, ноги у нее подогнулись, и она повисла у него в руках, точно тряпичная кукла. Одна ее рука оказалась при этом весьма неуклюже согнута и закинута за голову.

Человек в сером рывком поставил ее на ноги, и на этот раз она устояла. Поддерживая ее, он подвел ее к маленькой боковой дверце, которую, пока она лежала плашмя, ей видно не было. Рядом с дверью Насуада заметила небольшую лесенку, ведущую наверх, ко второй двери, побольше — через эту дверь и вошел к ней тюремщик. Дверь была закрыта, но в центре ее имелось маленькое окошко с металлической решеткой, за которой виднелись хорошо освещенные каменные стены, увешанные гобеленами.

Тюремщик толчком отворил еще какую-то боковую дверцу, за которой оказалась небольшая уборная. Там, к огромному облегчению Насуады, она наконец-то осталась одна и старательно обыскала все помещение в надежде найти хоть какое-то подобие оружия и предпринять новую попытку бегства. Но в пустой уборной, к своему глубочайшему разочарованию, имелись лишь толстые, древние слои пыли, древесные стружки да зловещего вида пятна на стенах — скорее всего, засохшая кровь.

Как только она вышла из уборной, человек в сером снова схватил ее за плечо и повел к серой каменной плите. Понимая, что он сейчас снова привяжет ее, Насуада принялась лягаться и вырываться из последних сил; она бы, наверное, предпочла, чтобы он избил ее до полусмерти, но не распинал снова на этой проклятой плите. Но, несмотря на все свои усилия, она так и не смогла ни остановить этого человека, ни хотя бы замедлить его действия. Казалось, он сделан из железа; даже его мягкое на первый взгляд брюхо было совершенно непробиваемым, хотя она несколько раз ухитрилась ударить в него ногой.

Легко, точно с младенцем, управившись с нею, человек в сером уложил ее на плиту, плотно прижав ее плечи, и снова защелкнул оковы на руках и ногах. В последнюю очередь он перекинул ей через лоб кожаный ремень и застегнул его достаточно туго, хотя и не причинив ей боли, так что теперь она совершенно не могла двигать головой.

Насуада ожидала, что теперь он от нее отойдет и будет есть свой обед, или ужин, или завтрак — она понятия не имела о времени суток, — но вместо этого он поднял

поднос, перенес его поближе к ней и предложил ей воды с вином.

Глотать, лежа на спине, оказалось невероятно трудно, и Насуада не пила, а крошечными глоточками высасывала драгоценную влагу из серебряной чаши, которую прижимал к ее губам человек в сером. Вкус растворенного в воде вина и прохладное прикосновение питья к стенкам пересохшей гортани был необыкновенно приятным и успокаивающим.

Когда чаша опустела, человек в сером отставил ее в сторону, нарезал хлеб и сыр маленькими кусочками и стал ее кормить.

— Как... — с трудом вымолвила она, чувствуя, что наконец-то обретает голос, — как твое имя?

Человек в сером смотрел на нее совершенно равнодушно, и в глазах его, казалось, не было ничего живого. Его тыквообразная голова сверкала в свете беспламенного светильника, как полированная слоновая кость.

Он сунул ей в рот еще кусочек хлеба с сыром.

— Кто ты?.. Это Урубаен?.. Если ты такой же пленник, как и я, мы могли бы помочь друг другу. Гальбаторикс не может знать все. Вместе мы могли бы отыскать путь к спасению. Это только кажется неосуществимым, но на самом деле выход всегда можно найти. — Насуада продолжала говорить тихим, спокойным голосом, надеясь, что какие-то ее слова либо пробудят в этом человеке сочувствие, либо вызовут в нем некий интерес к ее безумным планам.

Она знала, что умеет быть очень убедительной — долгие часы переговоров в качестве предводительницы варденов вполне это доказали, — но над человеком в сером ее слова, похоже, не имели никакой власти. Если бы он не дышал, его вполне можно было бы принять за мертвеца, хоть он и стоял возле нее, хоть и кормил ее хлебом и сыром. Ей пришло в голову, что он, возможно, глухой, однако он отлично ее услышал, когда она попросила еще воды, так что и эта идея оказалась ложной.

Насуада говорила до тех пор, пока не исчерпала все аргументы до единого, все возможные призывы и мольбы, а когда она умолкла — лишь для того, впрочем, чтобы

поискать еще какие-то подходы к своему тюремщику, — он буквально заткнул ей рот очередным куском хлеба. Он так долго держал его у самых ее губ, что она пришла в ярость, однако оттолкнуть его руку не могла. А человек в сером даже не дрогнул под ее бешеным, испепеляющим взглядом и продолжал смотреть на нее теми же, совершенно пустыми глазами.

По спине у Насуады даже мурашки поползли, когда она осознала, что его поведение вызвано не потрясением и не гневом; она действительно ничего для него не значила. Она бы еще поняла, если бы он ее ненавидел, или же испытывал извращенное наслаждение, мучая ее, или же он был бы рабом, который просто вынужден исполнять приказания Гальбаторикса. Но ни одно из этих предположений, похоже, не соответствовало действительности. Скорее, человек в сером был равнодушен ко всему, даже к самой жизни; лишен даже самого слабого намека на чувства. Он бы — и Насуада в этом совершенно не сомневалась — с такой же готовностью убил бы ее, с какой сейчас заботился о ней, и не испытал бы при этом ни малейших сожалений. Так человек, не замечая, убивает муравья, наступив на него или небрежно смахнув его с себя.

Проклиная себя за то, что есть ей необходимо, чтобы поддержать силы, Насуада открыла рот и позволила тюремщику положить туда кусочек хлеба с сыром, хотя *больше* всего ей хотелось откусить ему пальцы.

Он кормил ее, точно ребенка. Кормил с рук, бережно кладя каждый кусочек пищи прямо ей в рот, словно в некий хрустальный сосуд, который он может в любой момент нечаянно разбить своими толстыми пальцами.

Душа Насуады была охвачена ненавистью и гневом. Она, предводительница величайшей в истории Алагейзии армии варденов и их союзников, дошла до такого позора... Нет, ничего подобного! Она — дочь своего отца. И когда-то она жила в Сурде, на кишащей народом рыночной улице, где царили пыль и жара, а вокруг слышались громкие крики торговцев. Вот и все. И нет у нее никаких причин быть высокомерной, нет причин не признавать своего нынешнего падения.

И все же она ненавидела склонявшегося над нею человека в сером. Ненавидела за то, что он настойчиво продолжал кормить ее, хотя она и сама могла бы прекрасно с этим справиться. Она ненавидела его хозяина Гальбаторикса — или кто там еще был его хозяином? — который приказал держать ее распятой на этой каменной плите, лишая гордости и достоинства. Она ненавидела ощущение униженности, которое уже сумели у нее вызвать те, кто ее похитил.

Она должна убить этого человека в сером! Если она еще способна довести до конца хотя бы одно дело, то пусть это будет смерть ее тюремщика. Если не считать побега, ничто другое, пожалуй, не доставит ей большего удовлетворения. «Что бы для этого ни потребовалось, я найду способ с ним разделаться!»

Мысль об этом была ей так приятна, что она почти с удовольствием доела все, что он ей предлагал, все время думая только о том, как бы ей исхитриться и убить этого человека.

Когда Насуада поела, человек в сером взял поднос и ушел. Она слушала, как затихают вдали его шаги, как где-то позади ее ложа открывается и закрывается дверь, как лязгает задвигаемый засов, как с глухим ударом падает в пазы тяжелая стальная балка, намертво запирая вход в ее комнату.

А потом она снова осталась одна и развлекалась тем, что обдумывала различные способы убийства.

На какое-то время, правда, она отвлеклась от этих мыслей, следя за извивами одной из линий, нарисованных на потолке, и пытаясь определить, начало это ее или конец. Линия, которую она выбрала, была синей; этот цвет был ей особенно приятен из-за того, что ассоциировался у нее с тем единственным человеком, о котором она в первую очередь и думать не смела.

Потом отслеживание линий ей тоже надоело, как и фантазии на тему мести, и она, закрыв глаза, соскользнула в тревожный полусон, когда время, следуя парадоксальной логике ночных кошмаров, течет одновременно и быстрее, и медленнее, чем обычно.

Когда человек в сером появился вновь, Насуада была почти рада его видеть и сама себя проклинала за это, считая эту радость проявлением слабости.

Она не могла сказать точно, сколько времени прошло — и вряд ли здесь кто-нибудь скажет ей, который час, — но понимала, что на этот раз ожидание было короче предыдущего. И все же ожидание показалось ей нескончаемым, и она все время боялась, что ее так и оставят здесь в полном одиночестве, привязанной к этой каменной плите. И с отвращением вынуждена была признаться самой себе, что благодарна человеку в сером за то, что теперь он вроде бы станет навещать ее чаще.

Лежать без движения на гладкой каменной плите в течение многих часов уже было мукой, но не иметь никаких контактов с живыми существами — даже с такими невыразительными, почти неживыми, как ее тюремщик, — было настоящей пыткой, которую вынести было куда труднее.

Когда человек в сером освобождал Насуаду от пут, она заметила, что рана у него на руке совершенно зажила; кожа на месте укуса была гладкой и розовой, точно у молочного поросенка.

На этот раз сражаться с ним она не стала, но по дороге в уборную сделала вид, что споткнулась и упала, надеясь, что окажется достаточно близко от подноса с едой и сумеет украсть с него небольшой столовый нож, которым ее тюремщик нарезал для нее пищу. Однако поднос оказался слишком далеко. А подтащить к нему человека в сером она не смогла — он был слишком тяжел, да и наверняка сразу догадался бы, что у нее на уме. После того как эта проделка не удалась, Насуада заставила себя спокойно подчиниться всем последующим указаниям тюремщика; ей нужно было убедить его, что теперь она совершенно покорна; пусть расслабится — может, тогда ей повезет больше.

Пока он кормил ее, она изучала его ногти. В первый раз она испытывала слишком много различных эмоций, чтобы обратить на это внимание, но теперь, когда она успокоилась, ее поразила необычайная ухоженность его ногтей. Сами по себе его ногти ничем особым не отличались — толстые, сильно выгнутые, глубоко посаженные в плоть

пальца; широкие белые лунки отчетливо выделяются. В общем, ногти как ногти, такие же, как у большинства людей или гномов.

А с другой стороны, внимательно ли она рассматривала ногти гномов? Да и рассматривала ли их вообще когда-нибудь?

Ногти человека в сером привлекли ее внимание именно своей ухоженностью — слово «ухоженность» показалось ей наиболее подходящим, словно это были не ногти, а редкостные цветы, уходу за которыми садовник уделяет особенно много времени. Кутикулы были ровные, никаких следов заусениц; сами ногти аккуратно подстрижены по прямой — не слишком длинные и не слишком короткие; края их аккуратно подпилены, а поверхность отполирована до блеска. Кожа вокруг ногтей выглядела так, словно в нее регулярно втирают питательное масло.

Только у эльфов, пожалуй, Насуада видела столь же ухоженные ногти.

У эльфов? Злясь на себя, она выбросила из головы всякие мысли об этом. Не знает она никаких эльфов!

Да уж, эти ногти были загадкой; и ей очень хотелось эту загадку разгадать, хотя, возможно, даже пытаться было совершенно бесполезно.

Интересно, думала она, кому можно приписать столь идеальное состояние его ногтей? Неужели он сам за ними так ухаживает? Человек в сером казался ей не только холодным и равнодушным, но чрезмерно привередливым; даже представить себе было трудно, чтобы у такого человека была жена, или дочь, или служанка, или еще кто-то, достаточно близкий, чтобы возиться с его ногтями. Она, конечно, может и ошибаться. Сколько раз ее удивляли покрытые шрамами ветераны сражений, мрачные, неразговорчивые, любившие, казалось, только вино, женщин и войну, а при ближайшем знакомстве с ними выяснялось, что они обладают тонкой натурой, совершенно не соответствующей их внешнему облику: многие страстно увлекались художественной резьбой по дереву; другие любили читать наизусть длинные романтические поэмы; а некоторых отличала горячая страсть к гончим псам или же

почти свирепая преданность семье, которую они тщательно скрывали от всего мира. Например, прошло много лет, прежде чем Насуада узнала, что Джор...

Она оборвала эту мысль: нет, ни о ком из них думать сейчас нельзя!

И все же в голове у нее продолжал крутиться простой вопрос: зачем ему такие ногти и почему он так за ними ухаживает? Должна же быть какая-то причина. Ведь даже столь мелкая деталь явно играет в его жизни какую-то роль.

Если это результат еще чьих-то усилий, то этот «кто-то» должен либо питать к человеку в сером огромную любовь, либо испытывать перед ним огромный страх. Впрочем, вряд ли дело именно в этом; что-то тут явно не сходилось.

Если же подобная ухоженность ногтей — дело рук самого человека в сером, то этому можно найти сколько угодно объяснений. Такие ногти могут быть неким способом выразить свое отношение к той жизни, которая ему *навязана*. Или, возможно, он *воспринимает их как* то единственное, что в нем, с его точки зрения, является привлекательным. А может, постоянная забота о ногтях — это просто проявление некоего нервного тика или привычка, не имеющая иной цели, кроме желания скоротать долгие пустые дни.

Но факт оставался фактом: эти ногти *кто-то*, безусловно, чистил, подстригал и умащивал маслом, и это было явно не просто привычкой, а проявлением особой заботы и внимания.

Насуада продолжала размышлять на эту тему, едва ощущая вкус пищи, которую человек в сером вкладывал ей в рот. Время от времени она всматривалась в его тяжелое лицо, пытаясь отыскать там хоть какой-нибудь ключ к разгадке, но безуспешно.

Скормив Насуаде последний кусочек хлеба с сыром, человек в сером сразу же отошел от ее ложа, взял поднос и повернулся к ней спиной, собираясь уходить.

Она прожевала и проглотила еду как можно скорее, стараясь все же не задохнуться, а потом сказала хриплым от долгого молчания голосом:

— У тебя очень красивые ногти. Такие... блестящие!

Человек в сером вздрогнул и запнулся на полушаге; его большая тыквообразная голова повернулась к ней. И Насуаде на мгновение показалось, что сейчас он ее ударит, однако серые губы тюремщика медленно раздвинулись, и он улыбнулся, показывая все свои странные зубы-защелки.

Насуада с трудом подавила дрожь: он выглядел так, словно собирался откусить голову курице.

По-прежнему улыбаясь своей жутковатой улыбкой, человек в сером исчез из поля ее зрения, и через несколько секунд она услышала, как открылась и снова закрылась дверь ее темницы.

Теперь уже у нее самой на губах заиграла слабая улыбка. Гордость и тщеславие — вот чем она сможет в данном случае воспользоваться! Она знала, что обладает определенным умением, точнее, способностью подчинять других своей воле. Стоило человеку показать ей хотя бы самую малую лазейку в свою душу — не больше дырочки, в которую можно было бы просунуть ноготь мизинца! — и этого ей было вполне достаточно; она уже могла начинать действовать.

ЗАЛ ЯСНОВИДЯЩЕЙ

Когда человек в сером пришел в третий раз, Насуада спала. Ее разбудил громкий стук двери; она вздрогнула и проснулась с бешено бьющимся сердцем.

И не сразу поняла, где находится. Но, вспомнив, нахмурилась и заморгала глазами, поскольку протереть их не могла.

Еще сильней она нахмурилась, заметив, что на ее белой рубашке осталось небольшое пятно, где она нечаянно пролила немного воды с вином.

«Почему он вернулся так скоро?»

Сердце у нее упало, когда человек в сером прошел мимо нее, неся большую бронзовую жаровню, полную углей. Жаровню он поставил в нескольких шагах от ее каменного ложа. На раскаленных углях лежали три длинных железных прута.

Значит, тот момент, которого она так страшилась, настал.

Насуада попыталась перехватить взгляд человека в сером, но он всячески избегал смотреть на нее. Достав из кармана кремень и кресало, он поджег растопку, сложенную в центре жаровни. Искры разбежались во все стороны, а сама растопка вспыхнула и стала похожа на шар, скрученный из докрасна раскаленной проволоки. Человек в сером наклонился, облизнул губы, вытянул их дудкой и подул на неуверенное пламя нежно, как мать дует в лоб своему ребенку, отгоняя дурные сны. Искры вспыхнули с новой силой, превращаясь в языки пламени.

Несколько минут тюремщик возился с углями, сгребая их в кучку; дым от жаровни поднимался к куполообразному потолку, в котором, по всей видимости, имелось некое

отверстие. Насуада следила за его действиями с каким-то мертвящим восторгом; понимая, что ее ждет, она все же не в силах была оторвать взгляд от жаровни. Ни он, ни она не произнесли ни слова; такое ощущение, будто оба стыдились того, что должно было произойти здесь, и не желали признавать, что стыдятся этого.

Человек в сером снова раздул угли, потом повернулся, словно намереваясь подойти к ней.

«Не сдавайся», — сказала она себе и вся напряглась.

Сжав кулаки, она затаила дыхание, а он подходил к ней все ближе... ближе...

Легкий, как перышко, ветерок коснулся ее лица, когда он быстро прошел мимо нее, и она услышала, как шаги его затихают вдали, как он поднимается по лесенке, запирает дверь и уходит.

Только после его ухода Насуада смогла немного расслабиться и выдохнуть. Угли в жаровне сверкали, как россыпь драгоценных камней, невольно приковывая к себе ее внимание. И от железных прутьев, торчавших из жаровни, тоже стало исходить неяркое ржаво-красное свечение.

Насуада облизнула пересохшие губы и подумала: хорошо бы сейчас выпить глоток воды.

Один уголек вдруг подпрыгнул и с треском разлетелся в воздухе, но в комнате по-прежнему царила тишина.

И Насуада, лежа на своей плите, изо всех сил старалась не думать. Она не имела возможности ни сражаться, ни спасаться бегством, а если она будет думать, это лишь ослабило бы ее решимость. Что бы ни случилось с нею, это все равно теперь случится, и никакой страх, никакое беспокойство ничего не изменят.

За спиной у нее послышались еще чьи-то шаги: на этот раз сразу нескольких людей, причем некоторые явно шли не в ногу. Их шаги по каменному полу отдавались многократным эхом, и Насуада никак не могла понять, сколько же человек направляется к ней. Они остановились у дверей; она слышала их негромкие голоса; затем двое с каким-то клацаньем — она явственно слышала, что по полу ступают две пары сапог с прочной кожаной подметкой и шпорами, — проследовали в комнату, и за ними с негромким глухим стуком закрылась дверь.

Затем на лесенке прозвучали еще шаги, размеренные и решительные, и Насуада увидела, как кто-то ставит резное деревянное кресло почти в пределах ее поля зрения.

В кресло уселся какой-то человек.

Он был крупный и широкоплечий, но не толстый, хотя, пожалуй, несколько тяжеловесный. С его плеч красивыми складками ниспадал длинный черный плащ, выглядевший странно тяжелым, словно был подбит кольчужной сеткой. Свет от пылающих углей и беспламенного светильника окутывал фигуру сидящего золотым ореолом, однако лицо пребывало в глубокой тени, и рассмотреть его было совершенно невозможно. Однако тень не скрывала очертаний остроконечной короны, украшавшей его голову.

Сердце у Насуады на мгновение замерло, потом снова бешено забилось.

Второй человек — он был в светло-коричневом колете, вышитом по краю золотой нитью, и в узких штанах — подошел к жаровне и остановился спиной к Насуаде, помешивая угли одним из железных прутов.

Человек, сидевший в кресле, медленно, палец за пальцем, стянул с себя перчатки, и оказалось, что кожа у него на руках старая, цвета потемневшей от времени бронзы.

А потом он заговорил, и голос у него оказался низким, сочным, повелительным. Обладай какой-нибудь бард столь богатым голосом, он сумел бы прославить свое имя по всей Алагейзии. От звуков этого голоса у Насуады по всему телу поползли мурашки; он звучал почти ласково и точно омывал ее тело теплой волной, отвлекал ее от горестных мыслей, *связывал* ее. Слушая Гальбаторикса, она понимала: это столь же опасно, как слушать Эльву.

— Добро пожаловать в Урубаен, Насуада, дочь Аджихада, — сказал он. — Добро пожаловать в мой дом, под эти древние скалы, из которых он и построен. Давненько не было у нас здесь столь знатных гостей, занимающих достойное положение среди своих соотечественников. У меня, правда, немало всяких обязанностей, которые требуют приложения почти всех моих сил, но смею тебя заверить, что с этого момента я ни в коем случае не стану пренебрегать своими обязанностями гостеприимного хозяина. — И в этих последних словах Насуаде отчетливо

послышалась нотка угрозы — точно коготь, высунувшийся из лапы хищника и тут же снова спрятавшийся.

Она никогда прежде не видела Гальбаторикса, лишь слышала описания его внешности и изучала рисунки, но воздействие на нее речей этого человека оказалось столь мощным и столь... отравляющим, что у нее не было сомнений: перед ней действительно правитель Империи.

В его манере произносить слова и ставить ударения чувствовалось влияние какого-то *другого* языка, словно тот, на котором он сейчас говорил, вовсе не был для него родным. Разница была не слишком заметной, но Насуада не могла не обратить на нее внимание и решила, что это, возможно, происходит из-за того, что язык сильно изменился с тех пор, как Гальбаторикс появился на свет. Скорее всего, это было действительно так, поскольку его манера говорить напомнила ей... Нет, нет! Ни о чем она ей не напомнила!

Гальбаторикс наклонился вперед, и она почувствовала, как его взгляд проникает ей, казалось, в самое нутро.

— А ты моложе, чем я ожидал. Мне, конечно, было известно, что ты совсем недавно стала взрослой, но на вид ты еще совсем ребенок. Впрочем, мне многие кажутся детьми, безрассудно храбрыми детьми, которые весело прыгают, прихорашиваются, гордятся собой и понятия не имеют, что для них лучше; детьми, которые нуждаются в водительстве тех, кто старше и мудрее.

— Таких, как ты? — насмешливо и дерзко спросила Насуада. И услышала, как он добродушно рассмеялся.

— А ты бы предпочла, чтобы нами правили эльфы? Я — единственный представитель нашей расы, который способен держать их в узде. По их представлениям даже наши старейшие седобородые мудрецы ничем не отличаются от неопытных юнцов и совершенно не пригодны для того, чтобы нести ответственность за все человеческое общество в целом.

— По их представлениям и ты тоже был бы для этого непригоден. — Насуада и сама не знала, откуда у нее столько смелости и дерзости, но чувствовала себя сильной и исполненной презрения. Накажет ли он ее за эту дерзость или не накажет, она твердо решила говорить то, что думает.

— Ах, я богат не только прожитыми годами, но и памятью о сотнях иных жизней, о любви и ненависти, о победах и поражениях, о полученных в битвах уроках, о бесчисленных ошибках. Все это сохранилось в моей душе, и память постоянно нашептывает мне на ухо мудрые советы. В моей памяти хранятся *тысячелетия*, девочка. В истории Алагейзии не было другого такого, как я, даже среди эльфов.

— Как же это возможно? — прошептала она.

Гальбаторикс слегка шевельнулся в своем кресле.

— Не лукавь со мной, Насуада, и не вздумай притворяться. Я знаю, что Глаэдр отдал свое «сердце сердец» Эрагону и Сапфире и в настоящую минуту он сейчас там, среди варденов. Ты понимаешь, что я имею в виду?

Она с трудом подавила дрожь ужаса. То, что Гальбаторикс сам заговорил с нею о столь сокровенной тайне, что он, хоть и не в прямую, спокойно упомянул об источнике собственного могущества, уничтожило всякую надежду, еще теплившуюся в ее душе. Нет, он, разумеется, ни за что ее не отпустит!

И она краем глаза увидела, как он рукой с зажатой в ней латной перчаткой широким жестом обвел комнату и сказал:

— Прежде чем мы продолжим нашу беседу, я бы хотел кое-что рассказать тебе об истории этого места. Когда эльфы впервые появились здесь, они обнаружили некую щель или трещину, уходившую глубоко под те скалы, что высятся над равнинами, создавая некий естественный эскарп. Эти естественные укрепления весьма пригодились им для защиты от драконов, с которыми они тогда враждовали, а вот щель заинтересовала их по иной причине. Со временем они ее весьма оценили, случайно обнаружив, что пары, поднимавшиеся из нее, дают возможность тем, кто уснет где-нибудь неподалеку, хотя бы мельком, хотя бы не слишком ясно увидеть собственное будущее. И эльфы более двух с половиной тысяч лет назад построили прямо над той трещиной некое помещение, где в течение нескольких столетий — и даже после того, как эльфы покинули Илирию, — жила некая женщина-оракул. Обычно эта ясновидящая сидела точно на том же месте, где сейчас

лежишь ты, и целые дни проводила в мире грез и видений о том, что было и что могло бы быть.

Со временем испарения, правда, несколько утратили свою силу, и ясновидящая вместе со своими помощниками покинула это место. Кто она была такая и куда потом направилась, никто не может сказать наверняка. Она не имела иного имени, кроме данного ей титула Ясновидящей, и некоторые легенды привели меня к тому, что она, по всей вероятности, не была ни эльфом, ни гномом. Скорее всего, это была представительница какой-то совсем иной расы, нам неизвестной. И пока она жила здесь, этот зал стали называть, как ты и сама, наверное, догадываешься, залом Ясновидящей. Так он называется и теперь — только теперь ясновидящей станешь *ты*, Насуада, дочь Аджихада.

Здесь говорят правду... и слушают правду, — продолжал Гальбаторикс. — Я не потерплю в этих стенах никакой лжи, никакого, даже самого безобидного притворства. Каждый, кого по моему приказанию укладывают на эту каменную плиту, становится предсказателем, очередным предсказателем в долгой череде здешних оракулов; и хотя многим казалось, что им слишком трудно играть эту роль, никто из них все же от нее не отказался. Не сомневаюсь, что и с тобой будет то же самое.

Ножки кресла скрипнули по каменному полу, и Насуада почувствовала у своего уха теплое дыхание Гальбаторикса.

— Я знаю, для тебя это будет весьма болезненное испытание, Насуада. — Теперь он говорил вкрадчивым шепотом. — Возможно, тебе придется перенести невероятные муки. Придется переделать себя, заставить свою гордость смириться. Но ты подчинишься мне. Я лучше многих понимаю, что нет на свете ничего труднее, чем изменить себе, переделать собственное «я», ведь я проделывал это далеко не единожды. Но не бойся: я буду рядом, я буду держать тебя за руку, я помогу тебе преодолеть все эти, столь мучительные, изменения. Тебе не придется совершать это странствие в одиночку. И ты можешь утешать себя твердой уверенностью в том, что я никогда тебе не солгу. Никто из нас не солжет друг другу — во всяком случае, в стенах этой комнаты такое совершенно невозможно. Ты, разумеется,

имеешь полное право во мне сомневаться, но со временем сама придешь к пониманию того, что мне можно верить. Я считаю это место священным и скорее дам отсечь себе руку, чем захочу осквернить ту благородную идею, которая здесь воплощена. Ты можешь спрашивать все, что хочешь, и я обещаю тебе, Насуада, дочь Аджихада: ты на все получишь правдивый ответ. Как правитель этих земель, я клянусь тебе в этом.

Насуада стиснула зубы, пытаясь решить, что же сказать в ответ. Наконец сквозь стиснутые зубы она гневно прошипела:

— Я никогда не скажу тебе того, что ты хочешь знать!

Мощный, но какой-то замедленный хохот был ей ответом.

— Ты не поняла. Я не для того велел доставить тебя сюда, чтобы извлечь из тебя какие-то сведения. Да ты и не смогла бы сказать мне ничего такого, что уже не было бы мне известно. Я знаю все: численность и расположение ваших войск; количество *имеющихся у вас съестных припасов*; размещение ваших продовольственных обозов; то, как именно вы планируете осадить эту цитадель; обязанности Эрагона и Сапфиры, их привычки и возможности. Мне известно даже о копье Даутхдаэрт, которое вы получили в свое распоряжение в Белатоне; даже о возможностях той девочки-ведьмы по имени Эльва, которую ты с недавних пор держишь при себе. Мало того — мне известны и куда менее значительные подробности. Может, тебе назвать цифры или конкретные факты? Нет? Ну что ж. Уверяю тебя, мои шпионы куда более многочисленны и занимают куда более важное положение в ваших рядах, чем ты можешь себе представить. Кроме того, у меня есть и иные способы, которыми я пользуюсь в случае необходимости. Так что, Насуада, у тебя нет и не может быть от меня никаких тайн. Ни одной. А потому с твоей стороны совершенно бессмысленно обещать мне, что ты и впредь будешь держать язык за зубами.

Каждое слово Гальбаторикса было для нее точно удар молота, и все же она изо всех сил старалась не позволить ему полностью обескуражить ее.

— Но тогда зачем?..

— Зачем я велел притащить тебя сюда? Потому, моя дорогая, что ты обладаешь даром повелевать людьми, и порой этот дар куда опасней любого заклятия. Эрагон не представляет для меня никакой угрозы, как, впрочем, и эльфы. А вот ты... ты опасна — но в том смысле, в каком безвредны они. Без тебя варденов будут подобны разъяренному, но слепому быку; они могут сколько угодно рычать, фыркать, яриться, могут даже ринуться в атаку, не задумываясь о том, с чем им предстоит столкнуться. И тогда мне ничего не будет стоить поймать их в мои сети и уничтожить — благодаря их же собственной безумной беспечности. Однако подобная цель передо мной пока не стоит. Я велел похитить тебя вовсе не для того, чтобы уничтожить варденов. Ты оказалась здесь, ибо *достойна моего внимания*. Ты свирепа, упорна, честолюбива и умна — это те самые качества, которые я более всего ценю в своих слугах. Я бы хотел иметь тебя при себе, Насуада. Ты могла бы стать моим главным советником, генералом моей армии, и помочь мне воплотить в жизнь финальную стадию того великого плана, над которым я трудился почти целый век. В Алагейзии скоро установится новый порядок, и мне бы хотелось, чтобы ты стала частью этого порядка. С тех пор как умер последний из Тринадцати, я искал тех, кто был бы достоин занять их место. До недавнего времени все мои усилия оказывались тщетными. Дурза, правда, оказался весьма мне полезен, но, будучи шейдом, он обладал определенными недостатками — прежде всего, недостаточно внимательным отношением к собственной безопасности. Из всех, кого я подверг испытаниям и обследованиям, Муртаг оказался первым, кого я счел годным, и первым, кто эти испытания сумел выдержать. Ты будешь второй, я уверен. А Эрагон — третьим.

Ужас заполз в душу Насуады, когда она слушала эти речи. То, что предлагал Гальбаторикс, было куда хуже, чем она могла даже предположить.

Человек в светло-коричневом колете, стоявший возле жаровни, вдруг с такой силой ткнул железным прутом в угли, что конец прута загремел о бронзовое днище.

Насуада невольно вздрогнула, а Гальбаторикс продолжал как ни в чем не бывало:

— Если ты останешься в живых, то сможешь завершить куда больше дел, чем смогла бы, оставаясь на стороне варденов. Подумай об этом! Находясь у меня на службе, ты помогла бы установить во всей Алагейзии мир и порядок, ты стала бы моим главным архитектором по завершению столь благотворных перемен.

— Пусть меня лучше ужалит тысяча гадюк! Я никогда не соглашусь служить тебе! — И Насуада попыталась плюнуть в его сторону.

Негромкий смех Гальбаторикса снова гулким эхом разнесся по комнате: это был смех человека, который не боится ничего, даже смерти.

— Посмотрим.

И она вздрогнула, почувствовав, как его палец коснулся внутренней части ее предплечья, затем медленно описал круг возле ее локтя, скользнув вниз к первому из шрамов, и остановился там. Она чувствовала его тепло. Палец три раза постучал по этому шраму и перешел к следующему, *а затем принялся* водить по ее шрамам, как по ребрам стиральной доски.

— Ты победила своего противника во время Испытания Длинных Ножей, — сказал Гальбаторикс, — и нанесла себе куда больше болезненных ран, чем кто-либо прежде. Это означает, что ты, во-первых, обладаешь очень сильной волей, а во-вторых, способна приостановить полет собственного воображения — ибо именно воображение, если оно чрезмерно активно, и превращает порой стойких людей в трусов. Именно воображение, а вовсе не страх, как считает большинство. Однако ни *одна из твоих* замечательных черт характера тебе сейчас не поможет. Как раз наоборот: они тебе, скорее, помешают. У всего есть свой предел, физический или духовный. Вопрос лишь в том, сколько времени нужно, чтобы достигнуть этого предела. И ты его достигнешь, это я тебе обещаю. В твоей власти лишь немного оттянуть этот миг, но не отвратить его. И никакая магическая защита здесь тебе не поможет. Так зачем же зря страдать? Никто не ставит под вопрос твое мужество, ты уже и так продемонстрировала его всему миру. Сдайся, мирно сложи

оружие. Ничего постыдного в этом нет, ибо ты всего лишь примешь неизбежное. Продолжать — значит подвергнуть себя бесконечным мучениям, которые ни к чему не приведут. Чувство долга? Пусть оно пока отдохнет. Принеси мне клятву верности на древнем языке и вскоре обретешь все — дюжину слуг, сколько угодно нарядов из шелка и дамаска, роскошные покои и место за столом рядом со мною.

Гальбаторикс помолчал, ожидая ответа, но Насуада молчала, глядя в потолок, на пересекающиеся цветные линии.

А его палец продолжил свой путь по ее руке, продвигаясь от шрамов к ямке на запястье; там он остановился, с силой прижав вену.

— Молчишь? Прекрасно. Как тебе будет угодно. — Гальбаторикс убрал палец и велел: — Муртаг, подойди сюда, покажись. Ты ведешь себя невежливо по отношению к нашей гостье.

«Ах, неужели и он тоже!» — подумала Насуада, и ее вдруг охватила глубокая печаль.

Человек в светло-коричневом колете медленно повернулся, и, хотя лицо его было сверху закрыто серебряной маской, она сразу поняла, что это действительно Муртаг. Глаза его прятались в тени, а губы и зубы были плотно сжаты, придавая лицу мрачное выражение.

— Муртаг был в больших сомнениях, когда впервые поступил ко мне на службу, но с тех пор доказал, что ученик он весьма прилежный и способный. У него те же таланты, что и у его отца. Разве не так?

— Да, господин мой, — сказал Муртаг. Голос его звучал хрипло.

— Он удивил меня, когда убил старого короля Хротгара на Пылающих Равнинах. Я и не ожидал, что он проявит такое рвение в сражении со своими бывшими друзьями. С другой стороны, душа нашего Муртага полна ярости и жажды крови. Он готов голыми руками порвать горло даже куллу, если я ему это позволю. И я ему это позволил, ибо ничто не доставляет ему большего удовольствия, чем удовольствие убивать. Правда, Муртаг?

Мускулы на шее Муртага напряглись.

— Ничто, господин мой, — тихо подтвердил он.

Гальбаторикс снова засмеялся.

— Муртаг Убийца Королей... Между прочим, хорошее прозвище для будущих легенд, но не то, которое тебе стоило бы заслужить у меня на службе. — Гальбаторикс помолчал и обратился к Насуаде: — До сих пор я довольно небрежно относился к обучению Муртага тонкому искусству убеждения. Именно поэтому я и привел его сюда сегодня. Он получил кое-какой опыт в качестве объекта данного искусства, но никак не практика, хотя ему и самому давно пора овладеть этим искусством. А разве может он лучше постигнуть это умение, чем находясь в твоем обществе? В конце концов, именно он, Муртаг, убедил меня, что ты достойна того, чтобы пополнить ряды моих учеников.

Предательство! Именно ощущение предательства охватило душу Насуады. Несмотря ни на что, она была о Муртаге лучшего мнения. Она попыталась заглянуть ему в лицо, ища объяснений, но он замер, как сторож на часах, и на нее не смотрел, а по выражению его лица она ничего прочесть не сумела.

Затем Гальбаторикс махнул рукой в сторону жаровни и самым обыденным тоном велел Муртагу:

— Возьми прут.

Насуада заметила, как руки Муртага непроизвольно сжались в кулаки. Но помимо этого у него не дрогнул ни один мускул.

Этот приказ Гальбаторикса прозвучал для нее точно звон огромного колокола. Ей показалось, что некий великан-кукловод, дергая реальность за ниточки, заставляет ее вздрагивать и изменяться, а сама она, Насуада, словно куда-то падает, и воздух над нею дрожит, как покрытая рябью поверхность воды. Несмотря на всю силу этого приказа, сейчас она, пожалуй, не смогла бы вспомнить, как пишутся эти слова и к какому языку они относятся; они просто прошли сквозь ее разум, оставив лишь представление о том, что за ними последует.

Муртаг передернулся и резким движением выхватил из жаровни раскаленный железный прут. Искры так и посыпались. Несколько сверкающих угольков рассыпались по каменному полу, как рассыпаются по земле семена сосен из раскрывшихся шишек.

Конец прута ярко светился, но вскоре бледно-желтое свечение сменилось более тусклым, ржаво-оранжевым. Раскаленный металл отражался в серебряной полумаске Муртага, искажая его лицо и придавая ему какое-то нечеловеческое выражение. Насуада видела в полированной поверхности маски и собственное искаженное отражение. Ее тело напоминало отвратительную тушку краба с тонкими вытянутыми конечностями, которые тонкими черными линиями тянулись куда-то за скулы Муртага.

Хоть это и было бесполезно, она все же изо всех сил напряглась и попыталась, несмотря на тугие путы, отстраниться от приближавшегося к ней раскаленного прута.

— Я что-то не понимаю, — сказала она Гальбаторикcу с притворным спокойствием. — Разве ты не намерен подавить мою волю с помощью собственного разума и духовной мощи? — Не то чтобы она этого хотела, но в данный момент ей казалось, что лучше попытаться отразить атаки его разума, чем терпеть пытку каленым железом.

— Чуть позже — если это вообще понадобится, — сказал Гальбаторикс. — А сейчас хотелось бы проверить, действительно ли ты так мужественна и храбра, Насуада, дочь Аджихада. Я предпочел бы властвовать над твоей душой, не применяя воздействия собственной воли и разума, не *заставляя* тебя принести мне клятву верности. Нет, я хочу, чтобы ты приняла это решение сама, по своей доброй воле, полностью владея своими способностями.

— Но зачем? — хрипло выкрикнула она.

— Потому что мне так нравится. Ну что ж, спрашиваю в последний раз: ты подчинишься?

— Никогда!

— Значит, так тому и быть. Муртаг?

Раскаленный прут опустился еще ниже; его кончик сверкал, точно огромный искрящийся рубин.

Ей нечего было закусить зубами, чтобы сдержать пронзительные вопли. Она кричала так громко и так долго, что восьмиугольная комната стала вращаться вокруг нее в такт безумным крикам, а потом голос отказал ей, и всепоглощающая тьма окутала ее своим плащом.

НА КРЫЛЬЯХ ДРАКОНА

Эрагон поднял голову и глубоко вздохнул, чувствуя, что его бесконечные тревоги отчасти улеглись.

Лететь верхом на драконе отнюдь не так легко и просто, но Эрагон был рад, что находится так близко от Сапфиры; вместе они всегда чувствовали себя гораздо увереннее и спокойнее. Простое наслаждение физическим контактом было для них дороже едва ли не всего на свете. Кроме того, постоянный звук и движение воздуха, сопровождавшие ее полет, помогали ему отвлечься от черных мыслей, которые его одолевали.

Несмотря на всю срочность и необходимость их путешествия, несмотря на всю его рискованность, Эрагон покинул армию варденов не без удовольствия. Вспоминая недавнее кровопролитное сражение, он все чаще думал о том, как сильно он изменился. «Может, теперь это вовсе и не он, а совсем другой человек?»

С тех пор как Эрагон еще в Финстере присоединился к варденам, он большую часть времени проводил в сражениях или в ожидании сражений, и это постоянное напряжение начинало его изматывать. Особенно ужасной была та резня в Драс-Леоне. Там, сражаясь на стороне варденов, он убил сотни солдат, и мало у кого из его противников был хотя бы самый маленький шанс нанести ущерб ему самому. Он понимал, что его действия были вполне оправданными, но воспоминания об этом сильно тревожили его душу. Он вовсе не хотел, чтобы каждое сражение было столь же яростным, как не хотел и того, чтобы все его противники в бою оказывались равными ему по силе. Но в то же время то, как легко он совершал все эти многочисленные убийства, заставляло

его чувствовать себя скорее мясником, чем воином. Бойня, смерть — все это вещи крайне опасные, они разъедают душу, и чем чаще Эрагон соприкасался с такими вещами, тем сильнее он чувствовал, как разрушается его прежнее «я»; ему казалось, что смерть убитых им людей и от его души каждый раз отгрызает свои страшными зубами огромные куски.

Однако же пребывание наедине с Сапфирой и Глаэдром, хотя золотистый дракон своего присутствия пока что никак не проявлял, помогло Эрагону восстановить душевное равновесие, и теперь он чувствовал себя куда лучше. Он вообще всегда предпочитал жить вдали от большого скопления людей — и уж точно не в городах и даже не в таких крупных военных лагерях, как лагерь варденов. В отличие от большинства людей, Эрагон отнюдь не питал ни ненависти, ни страха к так называемым диким краям; хотя пустынные края эти и были достаточно суровы, они все же обладали — в его глазах — несомненным очарованием, а с красотой их не могли сравниться никакие искусственные сооружения; и потом, эти «дикие края» всегда оказывали на его душу поистине целительное воздействие.

В общем, он позволил себе полностью отдаться ощущению полета — пусть даже на крыльях Сапфиры — и большую часть дня ничего не делал, лишь любовался теми просторами, над которыми они пролетали.

Покинув лагерь варденов на берегу озера Леона, Сапфира сразу взяла курс на северо-запад и довольно долго летела над озерной гладью озера, поднимаясь порой так высоко, что Эрагону приходилось применять магию, чтобы защитить себя от холода.

Огромное озеро сверху казалось пятнистым, и особенно эти яркие пятна сверкали там, где угол волн отражал солнечные лучи. Но и когда водная гладь выглядела сверху монотонно серой, Эрагон не уставал ею любоваться. Для него не было на свете ничего более прекрасного, чем этот постоянно меняющийся рисунок световых пятен на воде.

Под ними часто пролетали другие птицы — ястребы-рыболовы, цапли, гуси, утки, скворцы, разные певчие пташки. В основном они не обращали на Сапфиру никакого внимания, хотя некоторые ястребы сперва спиралью

взмывали вверх, а потом некоторое время упорно сопровождали ее и при этом казались скорее любопытными, чем испуганными. Два ястреба даже настолько осмелели, что пролетели буквально в каком-то футе от острых, длинных клыков драконихи.

Во многих отношениях эти свирепые хищные птицы с острыми когтями и ярко-желтыми клювами напоминали Эрагону Сапфиру, и ей это сравнение даже нравилось: она любила ястребов за их смелость и охотничью смекалку.

Берег озера внизу постепенно превратился в туманную фиолетовую линию на горизонте, а затем и вовсе растаял вдали. В течение, наверное, получаса они летели над этим озером и видели только птиц да облака в небе, а внизу — безбрежное полотно сморщенной ветром воды.

Вскоре впереди и чуть слева показалась серая изломанная линия — вершины Спайна, радостный знак для Эрагона. Хотя это были еще не те горы, которые он знал с детства, они все же принадлежали к тому же горному массиву, и, стоило ему их увидеть, он сразу почувствовал, что где-то здесь, неподалеку, его дом.

А горы все росли и росли, и наконец перед ними встала настоящая стена украшенных снеговыми шапками горных пиков, похожих на огромную разрушенную крепость. Вниз по покрытым зеленью склонам бежали десятки белых от пены горных ручьев, которые, извиваясь меж валунами, искали путь к огромному озеру, своим боком будто прильнувшему к подножию гор. С полдюжины деревень стояло на берегу озера или чуть поодаль, но благодаря примененной Эрагоном магии люди внизу не замечали дракона, пролетавшего у них над головой.

Глядя на эти деревушки, Эрагон думал о том, до чего же они малы и заброшены, до чего же — если оглянуться назад — был крошечным и его родной Карваколл в сравнении с теми огромными городами, в которых он впоследствии побывал. Эти деревушки сверху казались скоплением жалких хижин, едва пригодных для жизни. Впрочем, жили в них по большей части действительно бедняки, которые за всю свою жизнь порой не бывали дальше чем на несколько миль от родной деревни и вечно обречены были

существовать в том крошечном мирке, который был ограничен пределами их зрительного восприятия.

«Какая убогая жизнь!» — думал Эрагон.

И все же ему казалось, что, может быть, это и к лучшему — жить всегда на одном месте и постоянно узнавать о нем что-то новое, а не бродить вечно по белу свету? Да и ценнее ли знания обширные, но поверхностные узких, но более глубоких?

Он вдруг вспомнил, как Оромис однажды сказал, что весь мир можно вывести из одной-единственной песчинки, если достаточно внимательно смотреть на нее.

Спайн был во много раз ниже Беорских гор, и все же его каменистые вершины вздымались на тысячу футов и даже выше того уровня, на котором летела Сапфира, и ей приходилось то и дело огибать их, следуя вдоль узких, полных тьмы ущелий и горловин. Время от времени она поднималась очень высоко, преодолевая голые заснеженные перевалы, и с такой высоты Эрагону казалось, что эти горы похожи на клыки, торчащие из коричневых десен земли.

Когда Сапфира скользила над одной особенно глубокой расщелиной, он увидел на дне этой пропасти тонкую ленточку ручья, извивавшегося по травянистой лужайке. По краям этой небольшой горной долины виднелись то ли дома, то ли палатки, скрытые низко свисающими тяжелыми ветвями могучих елей — такими елями заросли здесь все склоны. Сквозь темные ветви золотой искоркой мелькнул огонек костра, и Эрагону показалось, что он заметил одинокую фигуру какого-то человека, бредущего от берега ручья к жилищам. Фигура его показалась Эрагону странно громоздкой, а голова — слишком крупной для такого тела.

«Наверное, это ургал».

«Где?» — спросила Сапфира с явным любопытством.

«На поляне под нами. Жаль, что нет времени вернуться и выяснить. Мне бы хотелось посмотреть, как они живут».

Сапфира фыркнула. Горячий дым вырвался из ее ноздрей, и она, извернув шею, сказала Эрагону:

«Мне кажется, они не слишком дружелюбно отнеслись бы к дракону и Всаднику, которые без предупреждения вздумали приземлиться возле их селения».

От ее дыма Эрагон закашлялся, из глаз у него потекли слезы.

«Может, ты все-таки перестанешь дымить?» — сказал он ворчливо.

Сапфира не ответила, но дым из ноздрей выпускать перестала.

Вскоре горы Спайна стали приобретать знакомые Эрагону очертания, а когда он увидел внизу широкую расселину, то сразу догадался, что они летят над тем перевалом, где проходит дорога, ведущая в Тирм; этот перевал они с Бромом когда-то дважды пересекали на лошадях. И все вокруг него было почти таким же, каким Эрагон это помнил: западный приток реки Тоарк по-прежнему нес свои бурные воды к невидимому морю, сверкая белыми «барашками» на поверхности воды там, где путь ей преграждали могучие валуны; а вдоль берега тянулась та убогая дорога, по которой они с Бромом тогда ехали — даже не дорога, а просто пыльная тропа вряд ли шире оленьей. Ему показалось даже, что он узнает те деревья, под которыми они останавливались, чтобы перекусить.

Сапфира свернула на запад и летела над рекой до тех пор, пока горы не сменились полями, насквозь промокшими под дождем. Там она сменила направление, все больше отклоняясь к северу. Эрагон не задавал ей на этот счет никаких вопросов; она, похоже, никогда не теряла чувства направления — даже беззвездной ночью, даже глубоко под землей в Фартхен Дуре.

Солнце уже клонилось к горизонту, когда они вылетели за пределы Спайна. Когда над землей сгустились сумерки, Эрагон принялся развлекать себя мыслями о том, как поймать, убить или обмануть Гальбаторикса. Через некоторое время Глаэдр вышел из своего добровольного затворничества и присоединился к нему в этой игре. Они, должно быть, целый час обсуждали всевозможные планы, затем поупражнялись в мысленных атаках и защитах, и в этом Сапфира тоже пыталась участвовать, хотя ее возможности и были ограничены, ибо ей приходилось быть постоянно сосредоточенной на полете.

Затем Эрагон долго молчал, глядя на холодные белые звезды, и наконец спросил у Глаэдра:

«А не может ли Свод Душ содержать Элдунари, которые Всадники сумели скрыть от Гальбаторикса?»

«Нет, – без колебания ответил Глаэдр. – Это невозможно. Оромис и я знали бы, если бы Враиль одобрил нечто подобное. И потом, если бы сколько-то Элдунари и оставили на Врёнгарде, мы бы их нашли, когда вернулись туда и тщательно обыскали весь остров. Совсем не так просто, как тебе может показаться, скрыть живое существо».

«Почему?»

«Когда еж сворачивается в клубок, это ведь не означает, что он стал невидимым, верно? Ну и с живой душой примерно то же самое. Ты можешь заслонить свои мысли от других, но что сам ты по-прежнему существуешь, будет очевидно любому и особенно тем, кто ищет поблизости».

«Но с помощью магии, конечно же, можно было бы...»

«Если бы мы тогда почуяли магию, мы бы это сразу поняли, поскольку и сами защищены от ее воздействия определенными чарами».

«Значит, никаких Элдунари там нет?»

«К сожалению, нет».

Дальше они летели в молчании, глядя, как прибывающая луна встает над пиками Спайна. В ее свете земля казалась сделанной из свинца. Эрагон развлекался тем, что воображал, будто земля – это некая огромная скульптура, созданная гномами и помещенная ими в темную пещеру, величиной больше самой Алагейзии.

Он явственно ощущал, как наслаждается этим полетом Глаэдр. Как и самому Эрагону, старому дракону, похоже, было радостно хотя бы ненадолго оставить позади все земные заботы и свободно парить в небесах.

Молчание первой нарушила Сапфира. Неторопливо махая тяжелыми мощными крыльями, она попросила Глаэдра:

«Расскажи нам историю, Эбритхиль».

«Какую именно? О чем ты хотела бы послушать?»

«Расскажи, как вы с Оромисом попали в плен к Проклятым и как вам удалось спастись».

. Эрагон сразу же навострил уши. Ему всегда хотелось побольше узнать об этом, но спрашивать у Оромиса он не решался.

Глаэдр некоторое время молчал, собираясь с мыслями, потом заговорил:

«Когда Гальбаторикс и Морзан вернулись из диких краев и начали войну с нашим орденом, мы сперва не поняли, сколь велика эта угроза. Мы были, конечно, встревожены, но не больше, чем обнаружив, что по нашей земле бродит шейд. Гальбаторикс был не первым Всадником, утратившим разум, однако он первым заполучил такого опасного ученика и последователя, как Морзан. Уже одно это должно было насторожить нас, вызвать ощущение опасности, но все это мы, к сожалению, осознали уже задним умом. А тогда нам и в голову не приходило, что Гальбаторикс может обрести и других последователей и повторить свою безумную попытку. Нам казалось недопустимым, чтобы кто-то из наших братьев оказался восприимчивым к ядовитым нашептываниям Гальбаторикса. Морзан был еще учеником, и его слабость была понятна. Но те, кто уже стали полноценными Всадниками? Нет, мы никогда даже под вопрос не ставили их верность! И лишь когда столь многие уже оказались искушены, выяснилось, как сильно исказили их души зло и слабость. Некоторые хотели отомстить за нанесенные им некогда раны и обиды; другие надеялись, что наш орден обладает такой добродетелью, что заслуживает более высокого положения, и отныне драконы и Всадники должны *править всей Алагейзией*. А кое-кто — боюсь даже говорить об этом — просто наслаждался возможностью любого разорвать на куски и порой мечтал уничтожить на земле все живое, *целиком себя при* этом оправдывая».

Старый дракон помолчал, и Эрагон ощутил, как шевелится в душе Глаэдра древняя ненависть и глубокая печаль, туманя его душу и разум.

«События в тот период происходили... поистине ошеломительные, — снова заговорил Глаэдр. — Но достоверно мало что было известно, а те сообщения, которые мы получали, были до такой степени сдобрены слухами

и сплетнями, что оказывались практически бесполезными. Мы с Оромисом, правда, уже начинали подозревать, что грядет нечто ужасное, куда более опасное, чем это кажется многим нашим товарищам, и попытались убедить кое-кого из старших драконов и Всадников, но они нас слушать не пожелали и всячески старались развеять наши подозрения. Глупцами они, конечно же, не были, но столетия мирной жизни затуманили их восприятие, и они оказались не в состоянии заметить, как меняется мир вокруг нас. Оромис был в отчаянии; ему не хватало сведений, чтобы убедить остальных членов ордена, и мы с ним отправились в Илирию, желая самостоятельно изучить обстановку и разузнать все, что нам нужно. Мы взяли с собой еще двоих молодых Всадников, эльфов. Это были умелые воины, лишь недавно вернувшиеся из разведки, которую вели в северных отрогах Спайна. Отчасти именно по их настоянию мы и решились на подобную экспедицию. Их имена вы, возможно, знаете: Киаланди и Формора».

— Ах, вон оно что! — воскликнул Эрагон, вдруг начиная понимать.

«Да. Через полтора суток мы остановились в Эдур Нароч. Это сторожевая башня, построенная в незапамятные времена, дабы охранять подступы к Серебряному Лесу. Мы тогда не знали о том, что Киаланди и Формора в качестве вражеских разведчиков уже посещали эту башню и раньше и убили там троих эльфов, после чего поставили на скалах, окружавших башню, ловушку, в которую мы и угодили, едва мои когти коснулись травы на холме. Они воспользовались весьма хитроумным заклятием, которому научил их сам Гальбаторикс. У нас не было против него защиты, ибо оно не причиняло нам вреда, а лишь удерживало на месте, не давая двигаться; казалось, наши тела и души залило густым, вязким медом. Пока мы находились в этих силках, минуты пролетали, как секунды. Киаланди, Формора и их драконы кружили вокруг нас, точно колибри над цветком, но казались нам всего лишь темными расплывчатыми кляксами, ибо нашему зрительному восприятию были почти недоступны. А потом они хорошенько подготовились и освободили нас. Но до этого применили к нам десятки различных

заклятий — одни из них заставляли нас оставаться на месте, другие ослепляли, третьи не позволяли Оромису произнести ни звука, чтобы он не смог воспользоваться магией. Но опять же эти чары не наносили нам особого ущерба, а следовательно, мы и не имели против них никакой защиты... Как только представился удобный момент, мы, разумеется, атаковали Киаланди, Формору и их драконов с помощью мыслей, но и они не остались в долгу; и мы несколько долгих часов сражались с ними силой мысли. Это был... не слишком приятный опыт. Они были слабее и не столь умелые, как Оромис и я, но их было по двое на каждого из нас, и у них с собой было Элдунари одного дракона — ее звали Агаравель. Ее Всадника эти предатели убили, и ее сила прибавилась к их силе. В результате нам пришлось нелегко, и мы в основном просто оборонялись. Их главная цель, как мы поняли, заключалась в том, чтобы заставить нас помочь Гальбаториксу и Проклятым незаметно проникнуть в Илирию, чтобы они могли застать Всадников врасплох и захватить те Элдунари, которые тогда там хранились».

«И как же вы спаслись?» — спросил Эрагон.

«Со временем стало ясно, что нам их не одолеть. Так что Оромис решил рискнуть и воспользоваться магией, чтобы освободить нас, хоть и понимал, что это спровоцирует со стороны Киаланди и Форморы ответную магическую атаку. Это была отчаянная попытка, но иного выбора у нас не было.

В какой-то момент я, не зная о планах Оромиса, нанес ответный удар по нашим противникам, намереваясь причинить им серьезный ущерб. Оказывается, Оромис давно ждал именно такого момента. Он хорошо знал того Всадника, который обучал Киаланди и Формору искусству магии, а также был хорошо знаком с извращенным образом мыслей Гальбаторикса. Благодаря всем этим знаниям он и сумел догадаться, с помощью каких слов Киаланди и Формора составили свои заклятия и в чем заключаются слабые стороны этих чар.

На все у Оромиса было в лучшем случае несколько секунд, ибо в тот же миг, как он начал пользоваться магией, Киаланди и Формора догадались, что он намерен сделать,

запаниковали и начали сыпать своими собственными заклинаниями. Оромис лишь с третьей попытки сумел разорвать сковавшие нас путы. Как именно он это сделал, я сказать не могу. По-моему, он и сам этого по-настоящему тогда не понял. Короче говоря, он попросту *передвинул* нас на какой-то дюйм от того места, где мы только что стояли».

«Как это сделала Арья, когда отослала мое яйцо из Дю Вельденвардена в Спайн?» — спросила Сапфира.

«И да, и нет. Он действительно перенес нас из одного места в другое, почти не перемещая в пространстве, однако же ему удалось не просто слегка изменить наше местонахождение, он изменил даже самое нашу плоть таким образом, что мы перестали быть тем, чем были прежде. Многие мельчайшие частички нашего тела могут быть взаимозаменяемыми без каких бы то ни было дурных последствий, и он этим воспользовался, произведя соответствующие действия с каждым нашим мускулом, с каждой костью или внутренним органом».

Эрагон нахмурился. Такое заклинание было достижением высшего порядка, истинным чудом магического искусства; достигнуть такого уровня смогли лишь очень немногие маги, известные в истории Алагейзии. А потому Эрагон не смог удержаться и спросил:

«Как вам удалось стать точно такими же, какими вы были раньше?»

«Боюсь, что не смогу объяснить тебе этого. Скажу лишь, что разница между тем, какими мы были и какими стали после наложения чар, была минимальной; однако ее оказалось достаточно, чтобы все заклинания, которыми опутали нас Киаланди и Формора, совершенно перестали действовать».

«А как же те заклятия, которые они попытались применить, когда догадались, что сделал Оромис?» — спросила Сапфира.

И Эрагон вдруг отчетливо представил себе, как Глаэдр расправляет свои могучие крылья, словно устав так долго сидеть в одном положении.

«Первое заклинание — его создал Формора — должно было попросту убить нас, — сказал старый дракон, — но

его действию воспрепятствовала наша защита. Второе, созданное Киаланди, было иным; ему Киаланди научился у Гальбаторикса, а тот — у духов, завладевших душой Дурзы. Я об этом знаю, потому что проник в сознание Киаланди, когда он произносил это заклинание. Это чрезвычайно сложное, хитроумное заклинание, и его целью было помешать Оромису управлять тем потоком энергии, который его окружал, и не позволить ему самому прибегнуть к магии».

«А тебя Киаланди тоже окутал этими чарами?»

«Он бы сделал это, но побоялся, что это меня либо убьет, либо серьезно повредит мою связь с Элдунари и тем самым создаст две независимые сущности, которые им затем придется по очереди подчинять себе. Ведь драконы еще сильнее, чем эльфы, зависят от магии; мы обязаны ей уже самим своим существованием; без нее мы вскоре вымерли бы».

Эрагон чувствовал, что Сапфира прямо-таки сгорает от любопытства.

«А это когда-нибудь случалось? — спросила она. — Когда-нибудь случалось так, чтобы связь дракона и его Элдунари оказалась столь серьезным образом нарушена, когда его тело еще продолжало жить?»

«Случалось, но эту историю я расскажу в другой раз».

Сапфира покорилась, но Эрагон не сомневался: она непременно при первой же возможности снова спросит Глаэдра об этом.

«Но заклятия Киаланди не помешали Оромису воспользоваться магией?»

«Не помешали, хотя и могли помешать. Дело в том, что Киаланди произнес свое заклинание как раз в тот момент, когда Оромису уже удалось переместить нас в пространстве, так что воздействие новых чар оказалось существенно ослабленным. Но оно все же сказалось, и мы не смогли полностью от него защититься. Как вам известно, последствия этого Оромис ощущал всю оставшуюся жизнь, несмотря на усилия самых мудрых целителей».

«Почему же магические стражи не защитили его?» — спросил Эрагон.

Глаэдр вздохнул:

«Это осталось тайной. Никогда прежде ничего подобного не случалось. Из тех Всадников, что еще живы, только Гальбаторикс теперь владеет тайной этих чар. Они, по-моему, воздействовали непосредственно на разум Оромиса, а возможно — на окружавшее его энергетическое поле или же на его связь с другими энергетическими полями. Эльфы с незапамятных времен изучают магию, однако даже они пока что не способны толком понять, как взаимодействуют материальный и нематериальный миры. И в ближайшее время эта загадка, скорее всего, так и не будет разгадана. Однако же разумно было бы предположить, что духи знают о материальном и нематериальном гораздо больше, чем мы, учитывая то, что сами они как раз и являются воплощением нематериального, но порой занимают положение материальных существ, пребывая, например, в обличье шейдов.

Но в чем бы ни заключалась возможная истина, итог был таков: Оромис произнес свое заклинание и освободил нас, но это усилие оказалось для него чрезмерным; именно тогда у него и случился первый припадок, которых потом было множество. И с тех пор он никогда уже больше не мог создавать столь могущественные заклятия и каждый раз, применяя магию, испытывал сильнейшую слабость, которая могла бы убить его, если бы он не столь хорошо владел этим искусством. Впрочем, отчасти та физическая слабость уже владела им, когда Киаланди и Формора поймали нас в эту ловушку; но, *переместив* нас и перестроив структуру наших тел, он окончательно подорвал свои силы. Иначе болезнь еще долгие годы могла бы дремать в его теле.

А тогда Оромис упал на землю, точно беспомощный новорожденный птенец, и Формора со своим драконом, безобразным коричневым ящером, бросились на него. Я, разумеется, тут же заслонил тело Оромиса и нанес им ответный удар. Если бы они тогда догадались, что он болен и совершенно лишен сил, они могли бы воспользоваться этим состоянием и проникнуть в его сознание, подчинить себе его мысли, и я просто обязан был отвлечь их, пока Оромис не придет в себя...

Никогда не доводилось мне биться столь яростно, как в тот день. Их было четверо против меня, даже, можно сказать, пятеро, если считать Элдунари драконихи Агаравели. Оба дракона — коричневый дракон Форморы и пурпурный дракон Киаланди — были меньше меня, но клыки у них были острые, а мощные когтистые лапы наносили мне удар за ударом. И все же гнев придал мне сил, и я сумел нанести обоим страшные раны. Киаланди проявил большую глупость — он слишком близко подошел ко мне, и я, стиснув его когтями, швырнул в морду его же собственному дракону. — Глаэдр удовлетворенно хмыкнул. — И никакая магия не смогла защитить его от моего броска! Один из шипов на спине дракона проткнул его насквозь. Я мог бы тут же его и прикончить, но второй, коричневый, дракон заставил меня отступить.

Мы сражались уже добрых пять минут, когда я услышал, как Оромис кричит мне, что надо немедленно улетать. Я, ловко орудуя задними лапами, забросал землей физиономии своих врагов, подхватил Оромиса правой передней лапой и взлетел с Эдур Нароч. Киаланди и его дракон последовать за мной не могли, а вот Формора на своем коричневом драконе погнался за нами и настиг нас примерно в миле от сторожевой башни. Мы несколько раз сходились, а потом коричневый поднырнул под меня, и я понял, что сейчас Формора ударит меня мечом по правой лапе. Она, видимо, хотела заставить меня бросить Оромиса, а может, просто хотела его убить. Но я извернулся, и ее меч ударил меня не по правой, а по левой лапе и отсек ее».

Воспоминания об этом, промелькнувшие в памяти Глаэдра, вызвали у Эрагона ощущение чего-то твердого, холодного и одновременно обжигающего, словно клинок Форморы был сделан изо льда, не из стали. Ощущение меча, входящего в плоть Глаэдра, вызвало у Эрагона легкую тошноту, и он, судорожно сглотнув, покрепче ухватился за луку седла, благодарный судьбе за то, что Сапфира в безопасности.

«Больно было гораздо меньше, чем ты можешь себе вообразить, — сказал Глаэдр, догадываясь о его

переживаниях, — но я сразу понял, что вряд ли теперь смогу продолжать сражаться. Я быстро развернулся и полетел в сторону Илирии так быстро, как только могли нести меня мои крылья. На самом деле до некоторой степени победа, одержанная Форморой, обернулась против нее же: не имея лишнего груза в виде собственной лапы, я смог развить большую скорость и быстро оторвался от своих преследователей, это нас с Оромисом и спасло.

Оромис сумел все же остановить у меня кровотечение, но на большее у него сил не хватило; он не смог даже мысленно связаться с Враилем или с другими старшими Всадниками и предупредить их о намерениях Гальбаторикса. Мы с Оромисом понимали: как только Киаланди и Формора явятся к Гальбаторику со своими донесениями, он сразу же нападет на Илирию. Ждать он вряд ли станет, ведь тогда мы можем успеть несколько укрепить свои позиции, так что при его тогдашней силе внезапность удара была для него главным козырем.

Когда мы прибыли в Илирию, то, к большому своему разочарованию, увидели, что там осталось лишь несколько Всадников; в наше отсутствие многие члены нашего ордена отправились на поиски Гальбаторикса или же на остров Врёнгард, чтобы лично посоветоваться с Враилем. Мы убедили тех, кто еще оставался в Илирии, что всем нам грозит страшная опасность, и потребовали немедленно предупредить об этом Враиля и других старейших. Однако они никак не хотели поверить в то, что у Гальбаторикса достаточно сил, чтобы штурмовать Илирию, и даже в то, что он вообще осмелится это сделать; но, в конце концов, мы сумели показать им страшную суть этого предательства. В результате и было решено перенести все Элдунари, имевшиеся в Алагейзии, на остров Врёнгард для пущей сохранности.

Это, похоже, была разумная мера, но все же нам бы следовало переправить Элдунари не на Врёнгард, а в Эллесмеру. И по крайней мере, те Элдунари, что уже находились в лесу Дю Вельденварден, надо было там и оставить, тогда хоть некоторые из них не попали бы в лапы к Гальбаторику. Увы, никто из нас не подумал тогда, что среди эльфов Элдунари были бы в большей безопасности.

Враиль приказал всем Всадникам и драконам, находившимся на расстоянии нескольких дней пути от Илирии, поспешить на помощь нашей столице, но нам с Оромисом все же казалось, что они прибудут слишком поздно, а мы оба пребывали не в том состоянии, чтобы помочь защитникам Илирии. Так что мы решили, прихватив с собой кое-какие припасы, в ту же ночь покинуть столицу вместе с двумя нашими учениками — Бромом и твоей, Сапфира, тезкой Сапфирой. По-моему, вы видели тот фейртх, который создал Оромис на прощание».

Эрагон рассеянно кивнул, вспоминая изображение дивно прекрасного города, украшенного чудесными высокими башнями и словно прижавшегося к подножию мощной крепости, залитой светом встающей полной луны.

«Вот как получилось, что нас не было в Илирии, когда — уже через несколько часов после нашего отлета — ее атаковали Гальбаторикс и Проклятые. Именно поэтому нас не было и на острове Врёнгард, когда эти клятвопреступники, сумев нанести поражение *нашему войску, ра*зграбили славный город Дору Ариба. Дело в том, что из Илирии мы полетели прямиком в Дю Вельденварден, надеясь, что эльфийские целители сумеют излечить болезнь Оромиса и восстановят его способность пользоваться магическим искусством. А когда им это не удалось, мы *ре*шили там и остаться, потому что нам показалось бессмысленным лететь на далекий Врёнгард в таком ослабленном состоянии. Мы бы не только не смогли сражаться с врагом, но и осложнили бы жизнь остальным, ибо после всех нанесенных нам ран и повреждений ничего не стоило устроить засаду и прикончить нас обоих. Бром и Сапфира, правда, остаться с нами не пожелали. И, как мы их ни уговаривали, они все же полетели на помощь к нашим братьям, и в этом сражении твоя тезка, Сапфира, как раз и погибла... Вот и все. Теперь вам известно, как Проклятым удалось взять нас в плен и как мы сумели от них бежать».

Некоторое время все молчали. Потом Сапфира сказала:

«Спасибо тебе за эту историю, Эбритхиль».

«Пожалуйста, Бьяртскулар, но никогда больше не проси меня рассказывать об этом».

Когда луна уже почти достигла зенита, Эрагон увидел внизу в темноте некое созвездие неярких оранжевых огней и не сразу понял, что это факелы и фонари на улицах Тирма. А потом значительно выше всех этих огней в небе, точно огромный желтый глаз, вспыхнуло еще какое-то яркое световое пятно. Этот «глаз» гневно поглядел на них, потом исчез и появился снова, вспыхивая и исчезая согласно какому-то странному ритму; казалось, этот «глаз» моргает.

«Это же маяк Тирма!» — догадался Эрагон.

«Значит, идет буря!» — тут же откликнулся Глаэдр.

Сапфира перестала махать крыльями, и Эрагон почувствовал, что она начала медленно, по длинной дуге спускаться к земле.

Прошло, наверно, с полчаса, прежде чем она приземлилась. К этому времени Тирм был виден лишь как некое слабое свечение на юге, а лучи маяка стали светить не ярче обычной звездочки.

Сапфира приземлилась на пустом песчаном берегу, заваленном обломками плавника. При свете луны светлая полоса плотного влажного песка казалась почти белой, а волны, набегавшие на нее, серыми и черными, очень сердитыми, словно океан стремился с каждой волной, которую обрушивал на берег, откусить еще кусок суши.

Эрагон расстегнул ремни на ногах и соскользнул с седла. Хорошо было наконец-то размять затекшие мышцы! Вокруг чувствовался сильный запах морских водорослей; ветер был уже так силен, что плащ Эрагона так и хлопал, путаясь в ногах, когда он рысью пробежался по пляжу до большой груды плавника и обратно.

Сапфира осталась сидеть там же, где и приземлилась, неотрывно глядя в море. Эрагон постоял возле нее, полагая, что она хочет что-то сказать, ибо чувствовал, как сильно она напряжена, но она молчала, и он, развернувшись, снова пробежался по пляжу, понимая, что она заговорит, как только будет к этому готова.

Так Эрагон бегал несколько раз, пока не согрелся и не почувствовал в ногах прежнюю силу.

Однако Сапфира все продолжала неотрывно смотреть куда-то вдаль, и Эрагон, плюхнувшись с нею рядом на кучу

сухих водорослей, собрался уже сам заговорить с нею, когда вдруг мысленно услышал слова Глаэдра:

«...было бы глупо пытаться».

Эрагон склонил голову набок, не понимая, с кем разговаривает старый дракон, и тут же услышал, как Сапфира возразила старому дракону:

«Но я уверена, что смогу это сделать».

«Ты же никогда раньше не бывала на Врёнгарде, — сказал Глаэдр. — А если будет шторм? Ветер может унести тебя в открытое море или даже потопить. Далеко не один дракон погиб из-за чрезмерной самоуверенности во время полета над морем. Этот ветер тебе не друг, Сапфира. Он тебе помогать не станет. А вот погубить тебя вполне может».

«Я не какой-то птенец, которого надо учить, как обращаться с ветром!»

«Нет, ты — не птенец, но ты все еще очень молода, и я совсем не уверен, что ты готова к подобному перелету».

«А иначе это отнимет у нас слишком много времени!»

«Возможно, но, как известно, *тише едешь, дальше будешь*».

«О чем это вы говорите?» — не выдержал Эрагон.

Песок под передними лапами Сапфиры заскрипел, зашуршал, когда она, выпустив когти, глубоко вонзила их в землю.

«Нам нужно сделать выбор, — ответил ему Глаэдр. — Отсюда Сапфира может либо лететь прямо на Врёнгард, либо следовать вдоль побережья на север, пока не доберется до того выступа материка, который ближе всего к острову, и тогда уже — и только тогда! — она сможет повернуть на запад и перелететь через узкий пролив».

«А какой путь короче?» — спросил Эрагон, хотя уже догадался, каков будет ответ.

«Разумеется, лететь напрямик!» — сказала Сапфира.

«Но в таком случае весь полет будет проходить над морем», — сказал Глаэдр.

«Это не так уж и далеко, — тут же встрепенулась Сапфира, — не дальше, чем тот путь от лагеря варденов до этого берега, который мы только что благополучно проделали. Или я ошибаюсь?»

«Но теперь ты утомлена долгим перелетом, и если разразится буря...»

«Тогда я обойду ее стороной!» — воскликнула Сапфира и выдохнула из ноздрей узкий язык голубого и желтого пламени. Эта неожиданная вспышка настолько ослепила Эрагона, что некоторое время он тщетно тер глаза, пытаясь восстановить способность видеть.

«Неужели это действительно так опасно, если мы полетим прямо отсюда?» — думал он.

«Вполне возможно», — тут же прогрохотал в ответ на его мысли Глаэдр.

«А насколько дольше мы будем лететь вдоль побережья?»

«На полсуток, может, чуть больше».

Эрагон поскреб заросший щетиной подбородок, посмотрел на грозные волны, потом на Сапфиру и тихо спросил:

«Ты уверена, что сможешь это сделать?»

Она повернулась и тоже посмотрела на него, скосив один глаз. Зрачок в ее огромном глазу так сильно расширился, что стал почти круглым; он был таким большим и черным, что Эрагону казалось, будто он мог бы заползти туда и совсем там исчезнуть.

«Настолько, насколько я вообще могу быть в себе уверенной», — сказала она.

Он кивнул и задумчиво пригладил волосы, словно приучая себя к этой новой идее.

«Тогда нам, наверное, стоит попробовать... Глаэдр, если будет нужно, ты сможешь ее направить? Ты сможешь помочь ей?»

Некоторое время старый дракон молчал, а затем удивил Эрагона тем, что стал мысленно то ли напевать, то ли мурлыкать, в точности как мурлыкала Сапфира, когда бывала довольна или весела.

«Ладно, я согласен. Если уж мы решили испытать судьбу, так не будем трусить. Решено: летим через море».

И как только этот вопрос был решен, Эрагон снова уселся Сапфире на спину, и она, легко подпрыгнув, взлетела, оставив позади безопасную сушу и стрелой мчась над морским простором.

ЗВУК ЕГО ГОЛОСА, ПРИКОСНОВЕНИЕ ЕГО РУКИ

— А-а-а-а!..

— Ну что, ты готова поклясться мне на языке древних?

— Ни за что!

Вопрос Гальбаторикса и ответ Насуады стали уже почти ритуальными — вопрос — ответ, как в детской игре, вот только она в этой игре явно проигрывала.

Ритуал — вот то единственное, что позволяло Насуаде сохранять разум. С помощью самых разнообразных ритуалов она могла управлять собственным миром — с их помощью она могла выдержать промежуток от одного события до другого, будучи лишена любых других ориентиров. Ритуалы мыслей, ритуалы действий, ритуалы боли и облегчения — на них покоилась, от них зависела сейчас сама ее жизнь. Без них она бы совсем потерялась — овца без пастыря, верующая без веры, Всадник без дракона.

Этот ритуал, к несчастью, заканчивался всегда одинаково: очередным прикосновением раскаленного железного прута.

Вскрикнув, Насуада тут же прикусывала язык, и рот наполнялся кровью. Кровь заливалась в горло, Насуада мучительно кашляла, но крови было слишком много, и она начинала задыхаться. Легкие жгло от нехватки воздуха, линии на потолке извивались, становились неясными, а потом наступало беспамятство и сплошная чернота.

Когда она снова приходила в себя, Гальбаторикс, пока железные прутья накалялись в жаровне, начинал все сначала. И это тоже стало одним из ритуалов.

Язык он ей каждый раз залечивал. Во всяком случае, Насуада считала, что это делал именно он, а не Муртаг,

потому что он сказал: «Так не пойдет. Если ты не сможешь говорить, откуда же я тогда узнаю, что ты готова мне служить?»

Как и прежде, Гальбаторикс сидел справа от нее, и она по-прежнему видела его лишь частично; собственно, видела она всего лишь его силуэт в золотистом ореоле, а его лицо и тело, так или иначе, были скрыты от нее длинным тяжелым плащом и густой тенью.

— Я ведь знаком с твоим отцом. Я встречался с ним, когда он был управляющим в главном поместье Эндуриеля, — сказал Гальбаторикс. — Он тебе об этом рассказывал?

Она содрогнулась и закрыла глаза, чувствуя, что плачет. До чего же она ненавидела его голос! Он говорил так убедительно, так соблазнительно, что ей хотелось подчиниться ему, сделать все, что он хочет, лишь бы снова услышать этот сильный, мелодичный и *совершенно колдовской* голос.

— Да, — шепотом ответила она.

— Я тогда и внимания-то на него почти не обратил. Да и с какой стати? Он был слугой, персоной незначительной. Эндуриель давал ему довольно много свободы, считая, что так он лучше справляется с делами — пожалуй, *слишком* много свободы он ему давал, что потом и подтвердилось. — Гальбаторикс пренебрежительно махнул рукой, и свет упал на его гладкую согнутую кисть, похожую на отполированный временем коготь. — Эндуриель всегда слишком много позволял своим слугам. А вот дракон у него был хитрющий; Эндуриель всегда слушался его советов; как ему дракон скажет, так он и поступит... Какие, право, странные события оказались со всем этим связаны! Вот уж поистине шутки судьбы! Подумать только, человек, который заботился о том, чтобы мои сапоги к утру хорошенько вычистили, стал в итоге моим главным врагом после Брома; а теперь еще и ты, его дочь, явилась в Урубаен с какими-то претензиями. Впрочем, ты вот-вот поступишь ко мне на службу, почти как когда-то прислуживал мне твой отец. Какая ирония судьбы! Или ты со мной не согласна?

— Мой отец бежал оттуда и при этом чуть не убил Дурзу! — гневно возразила Насуада. — И он тебе никогда не

служил! И все твои чары и клятвы его удержать не сумели. И меня ты тоже удержать не сможешь!

Ей показалось, что Гальбаторикс нахмурился.

— Да, это получилось весьма неудачно, и Дурза на какое-то время оказался совершенно выбит из колеи. Когда человек обзаводится семьей, это, похоже, сильно помогает ему полностью перемениться, а порой даже переменить свое истинное имя. Именно поэтому я теперь выбираю себе слуг исключительно из тех, кто бесплоден и не состоит в браке. Но ты весьма прискорбно заблуждаешься, если рассчитываешь от меня ускользнуть. Единственная возможность для тебя покинуть зал Ясновидящей — это принести мне клятву верности.

— Лучше умереть!

— Как это недальновидно. — Золотистая тень Гальбаторикса склонилась к ней. — А тебе никогда не приходило в голову, что этот мир стал бы гораздо хуже, если бы я тогда не уничтожил орден Всадников?

— Всадники хранили в Алагейзии *мир, — сказала она,* — они ее защищали от войны, от чумы... от угрозы шейдов. Когда наступал голод, они приносили голодающим пищу. Как может наш мир быть лучше без них?

— Между прочим, за свою службу они получали очень высокую плату. Уж тебе-то следовало бы знать, что за все в мире приходится платить — когда золотом, а когда и кровью или временем. Все имеет свою цену, даже Всадники. Всадники *тем более.* Да, они хранили мир, но они же не давали нормально жить другим народам Алагейзии; они прямо-таки душили своими законами эльфов, гномов, да и людей тоже. Как обычно *прославляют* Всадников барды, в своих песнях оплакивая их уход? Они поют о том, что правление их длилось *тысячелетия,* однако в течение этого восхваляемого «золотого века» мало что менялось, кроме имен правителей, самодовольных, не знающих ни от кого угрозы, продолжавших спокойно сидеть на своих тронах. О да, тревожиться им было почти не о чем: то какой-то шейд появится, то ургалы вторгнутся, то между двумя кланами гномов междоусобица вспыхнет из-за шахты или туннеля, которые никому, кроме них самих, не нужны. Но

в целом порядок вещей оставался точно таким же, каким его установили Всадники, достигнув своего расцвета.

Насуада услышала звон металла — это Муртаг помешал угли в жаровне. Ей очень хотелось увидеть его лицо, чтобы понять, как он воспринимает слова Гальбаторикса, но он, как обычно, стоял к ней спиной и смотрел на угли. Единственные мгновения, когда он смотрел прямо на нее — когда Гальбаторикс приказывал ему приложить к ее телу раскаленный добела металл. Это был лично его ритуал, и Насуада подозревала, что он ему так же необходим, как и ей — ее ритуалы.

А Гальбаторикс все продолжал говорить:

— Разве это не кажется тебе одним из самых страшных зол, Насуада? Жизнь — это перемены, однако Всадники настолько ее подавили, что наша страна пребывала в какой-то странной дремоте и никак не могла стряхнуть с себя цепи, которыми они ее опутали, не могла ни идти вперед, ни вернуться назад, как того требует природа... Она оказалась совершенно не способна к обновлению. Я собственными глазами видел те старинные свитки — и на острове Врёнгард, и здесь, в храмах Илирии, — где подробно описывались самые разнообразные открытия в области магии, в механике и во всех прочих сферах натурфилософии; и эти открытия Всадники тщательно от всех скрывали, потому что боялись того, к чему это может привести. Эти открытия никогда не стали бы всеобщим достоянием, ибо Всадники были просто трусами, помешанными на старом образе жизни, на старых способах мышления и решившими защищать все это до последнего дыхания. Их правление — это тирания, нежная, мягкая, но все-таки тирания!

— Значит, единственным решением ты считал убийство и предательство? — спросила Насуада, не заботясь о том, что за такие слова он может ее и наказать.

Гальбаторикс рассмеялся; он был, похоже, чем-то страшно доволен.

— Какое лицемерие! — воскликнул он. — Ты обвиняешь меня в том, к чему стремилась сама. Ведь и ты без колебаний прикончила бы меня на месте, как бешеного пса — если б смогла, конечно.

— Ты — предатель, а я — нет.

— Я — победитель. А в конечном итоге только победа *и имеет значение. Мы с тобой не так уж сильно отличаем*ся друг от друга, Насуада. Ты мечтаешь убить меня, потому что считаешь, что моя смерть принесет Алагейзии некое «исцеление». А еще потому, что ты, будучи еще почти ребенком, веришь, что смогла бы куда лучше меня править Империей. И твоя спесь в итоге приведет к тому, что другие станут тебя ненавидеть и презирать. Но только не я. Я отлично тебя понимаю, ибо и сам я восстал против власти Всадников по тем же причинам, по каким и ты сражалась со мной; и я оказался совершенно прав, поступая так, и одержал над ними победу.

— Неужели месть не имела к этому никакого отношения?

Ей показалось, что он улыбнулся.

— Месть, возможно, действительно послужила отправной точкой, однако же ни ненависть, ни желание отомстить отнюдь не являлись определяющими мотивами моих действий. Я был обеспокоен тем, во что превратился орден, и не сомневался — как убежден в этом и сейчас, — что лишь с исчезновением Всадников мы сможем расцвести как раса.

На мгновение боль, которую постоянно испытывала Насуада, оказалась столь сильна, что лишила ее способности говорить, но уже через несколько секунд она все же сумела овладеть собой и прошептала:

— Если то, что ты говоришь, правда — у меня нет причин верить тебе, но если это действительно так, то ты и сам ничуть не лучше тех, кого погубил. Ты уничтожил прекрасные библиотеки, собранные членами ордена, и, по сути дела, украл собранные ими знания, но ни с кем из «твоей расы» так и не поделился ни каплей этой украденной мудрости.

Гальбаторикс придвинулся к ней чуть ближе, и она снова ощутила на виске и на ухе его дыхание.

— А это потому, — тихо сказал он, — что в куче столь тщательно охраняемых ими тайн и секретов мне удалось отыскать проблески величайшей истины, которая, возможно, даст ответ на один из самых сложных вопросов нашей истории.

Насуада почувствовала, что по спине у нее поползли мурашки:

— Что же это за вопрос?

Гальбаторикс, видимо, снова откинулся на спинку кресла. Краем глаза она увидела его руку, поправляющую край плаща.

— Это вопрос о том, как правителю с помощью внедренных им законов управлять теми своими подданными, которые владеют магией и постоянно ею пользуются. Когда я понял, что к чему, я отложил в сторону все остальные дела и полностью посвятил себя решению этого вопроса, ибо понимал, сколь важно найти на него ответ. Вот почему я держал при себе все тайны Всадников, занимаясь этими изысканиями. Ответ на этот вопрос должен быть найден и использован до того, как я обнародую хотя бы одно из сделанных ими открытий. Наш мир и без того достаточно беспокоен, и надо дать буре улечься, прежде чем она поднимется снова. Поиски столь необходимых мне сведений заняли у меня почти сто лет, и теперь, когда они у меня есть, я воспользуюсь ими для того, чтобы полностью переделать Алагейзию. Магия — это самая большая несправедливость нашего мира. Собственно, это не было бы так, если бы способностью к магии награждались только те, кто слаб — тогда это служило бы для них некой компенсацией за то, что удачу или обстоятельства у них отняли. Но в нашем мире этого, увы, не происходит. Именно сильные мира сего используют магию в своих интересах, и они же больше всех от этого выигрывают. Достаточно посмотреть на эльфов, чтобы убедиться, что это действительно так. И эта проблема касается не только отдельных личностей; она также искажает и разрушает отношения между расами и народами. Эльфам несколько проще, чем нам, поддерживать в своем обществе порядок, ибо почти каждый эльф является также и магом, а потому редко один из них оказывается во власти другого. В этом отношении им повезло. А вот нам — нет. Не повезло также и гномам, и даже этим проклятым ургалам. Мы смогли продолжать жить в Алагейзии только потому, что эльфы нам это разрешили. Если бы они захотели, то запросто

смели бы всех нас с лица земли, как мощный паводок сносит муравейник. Но теперь им это уже не удастся; теперь я готов противостоять их могуществу.

— Всадники никогда не позволили бы эльфам ни уничтожать, ни прогонять другие народы!

— Может, и не позволили бы. Но во времена Всадников мы полностью зависели от *их* милости и расположения, а это несправедливо. С какой стати мы во всем должны полагаться на других? Орден Всадников был создан как средство поддержания мира между эльфами и драконами, но в итоге его основной задачей стало поддержание правопорядка во всей Алагейзии. Однако же эта задача оказалась им не по силам. Как, впрочем, и моим собственным магам из Черной Руки. Эта задача слишком сложна, чтобы ее можно было решить с помощью победы одной из воюющих группировок. И моя собственная жизнь полностью это доказывает. Даже если б у меня имелась некая группа заклинателей, которым можно было бы доверять, которые были бы достаточно преданы мне, которых я мог бы поставить над всеми прочими магами Алагейзии — дабы они могли вмешаться при малейшем намеке на неповиновение, — мне и в этом случае пришлось бы опираться на тех, чье могущество я и стремился уменьшить. И тогда, в общем, жизнь в Алагейзии отнюдь не стала бы более безопасной, чем сейчас. Нет, чтобы решить эту проблему, нужно выходить на более глубокий уровень, подбираться к самым основам. Древние знали, как это можно сделать, а теперь знаю и я.

Гальбаторикс шевельнулся в своем кресле, и Насуада успела заметить острый блеск его глаз — словно фонари зажглись в глубине темной пещеры.

— Я сделаю так, что ни один маг не сможет навредить никому — ни человеку, ни гному, ни эльфу. Никто не сможет произнести ни одного заклятия, пока не получит на то особое разрешение, но разрешение это будут получать лишь самые добродетельные и полезные маги. Даже эльфы будут связаны этой силой и научатся тщательно соизмерять свои возможности и выбирать слова или же вообще больше не произнесут ни слова.

— И кто же будет давать подобные разрешения? — спросила Насуада. — Кто будет решать, что можно, а что нет? Ты?

— Кто-нибудь обязательно будет. Ведь именно я разгадал эту загадку, я понял, что сделать необходимо, я открыл новый способ управления обществом и применю этот способ! Тебе смешны подобные устремления? Тогда спроси себя, Наусада: разве я был плохим правителем? Будь честна. Каков я был по меркам моих предшественников? Разве я когда-либо переходил границы дозволенного?

— Ты был невероятно жесток!

— Это не одно и то же... Ты возглавляла варденов; ты знаешь, каковы тяготы такого труда. И конечно же, ты должна понимать, какую угрозу магия представляет для стабильности любого государства. Вот хотя бы один пример. Я немало времени потратил на создание таких чар, которые защитили бы деньги моего государства от подделки; да, я потратил на это гораздо больше времени, сил и средств, чем на любую другую из своих обязанностей! И все же время от времени попадается какой-то ловкий фальшивомонетчик, сумевший обойти все мои средства защиты, который мешками чеканит свинцовые монеты и обманом всучивает их вместо золотых и знати, и беднякам. Почему же еще я столь существенно ограничил использование магии во всей Империи?

— Потому что это представляет для тебя угрозу.

— Нет! Вот тут ты совершенно заблуждаешься. Для *меня* это никакой угрозы не представляет. Никто и ничто не представляет для меня угрозы. Однако же нормальной жизни государства все эти маги и заклинатели *действительно* угрожают, и я этого не потерплю. Как только я свяжу их всех строжайшим законом, в Алагейзии сразу установится мир и начнется всеобщее процветание. Ни людям, ни гномам уже не придется опасаться магии эльфов. Всадники больше не смогут навязывать другим свою волю. И те, кто магией пользоваться не способен, перестанут чувствовать себя жертвами тех, кто это умеет... Уверяю тебя, Алагейзия совершенно преобразится! Жизнь здесь станет совершенно безопасной, и мы построим новое, чудесное будущее,

частью которого станешь и ты, Насуада. Начни служить мне и сама увидишь, как создается новый мир, какого еще никогда не существовало. И в этом мире человек будет стоять, падать или идти только в зависимости от силы собственных ног и рук, от остроты собственного ума, а не по милости тех, кто владеет магическим искусством. Человек может укрепить свои члены и развить свой ум, но никогда не сможет овладеть приемами волшебства, если он родился, не имея к тому способностей. Как я уже сказал, магия — это великая несправедливость, и во имя всего сущего я положу конец ее разгулу и ограничу до предела деятельность всех магов на свете.

Насуада смотрела на разноцветные линии на потолке и пыталась не слушать Гальбаторикса. Многое из того, что он говорил, *весьма соответствовало* ее собственным мыслям. В общем, он был прав: магия и ей казалась самой разрушительной силой в мире, и если бы ее можно было как-то регулировать или ограничивать, Алагейзия действительно стала бы лучше. Насуаде, например, была крайне неприятна мысль о том, что Эрагону ничто не могло бы помешать...

Нет! Синяя полоса... Красная... Переплелись... Острая боль — новый ожог? Насуада отчаянно пыталась сосредоточиться на чем-нибудь другом, а не на... Да ни на чем она не хочет сосредотачиваться! И все ее воспоминания — сущая ерунда! Ничего этого никогда не существовало...

— Вот ты называешь меня воплощением зла, — вновь послышался голос Гальбаторикса. — Ты меня проклинаешь, мечтаешь меня уничтожить, но вспомни, Насуада: ведь не я начал эту войну, не я в ответе за тех, кто погиб во время нее. Я к войне не стремился. *А вот вы стремились!* Мне было достаточно моих исследований, но вардены потребовали, чтобы из моей сокровищницы было выкрадено яйцо Сапфиры, а стало быть, именно вардены — то есть ты и тебе подобные — в ответе за кровь и горе, которые за этой кражей последовали. В конце концов, *именно вы* прошли по всей стране, сея разорение, ибо *вы* грабили и жгли в свое удовольствие. Вы, а не я! И у тебя еще хватает наглости заявлять, что корень зла во мне! А ты пойди в крестьянские дома, пусть люди расскажут тебе, кого они больше всего

боятся. Варденов! О, простые люди расскажут, как искали защиты у моих солдат, как надеялись, что Империя одержит победу и все снова будет как прежде!

Насуада облизнула губы. Даже понимая, как дорого может стоить ей подобная дерзость, она все же сказала:

— А чем ты, собственно, недоволен? Если тебя так заботит благосостояние этих простых людей, твоих подданных, тебе давно уже следовало выступить против варденов, а не позволять их армии свободно продвигаться по территории твоей Империи, захватывая один город за другим. Но это, конечно, в том случае, если достаточно уверен в своих силах. Уверен так, как стараешься это показать. Или ты просто боишься оставить Урубаен? Боишься, что в твое отсутствие эльфы снова его захватят и превратят в Илирию? — Для нее уже стало почти привычным говорить о варденах так, словно она знает о них не больше любого случайного обывателя.

Гальбаторикс заерзал в кресле и, похоже, собрался уже ей ответить, но она снова заговорила:

— А как насчет ургалов? Ты никогда не убедишь меня в том, что твое дело правое, если ты готов уничтожить целый народ в отместку за гибель твоего дракона. Или у тебя нет ответа на этот вопрос? Ты — клятвопреступник, Гальбаторикс! Скажи мне, почему ты убил так много драконов, почему и этот народ обрек на медленное и неизбежное исчезновение? Объясни наконец, почему ты так жестоко обошелся с теми Элдунари, которые тебе удалось захватить в плен? — Охваченная гневом, Насуада все же допустила эту оговорку, но не остановилась.— Ты сломил их, ты сковал их цепями твоей воли и твоих желаний. Разве в том, что делаешь, есть справедливость и правда? Нет, это всего лишь проявление твоего эгоизма и бесконечной жажды власти!

Гальбаторикс довольно долго в молчании смотрел на нее, и ей стало совсем не по себе. Затем она увидела, как его силуэт изменил очертания — видимо, он скрестил руки на груди.

— Я думаю, — медленно проговорил он, — железо уже достаточно накалилось. Муртаг, не мог бы ты...

Насуада стиснула кулаки, глубоко вонзив ногти в ладони; каждый ее мускул напрягся и задрожал, сколько она ни пыталась заставить себя лежать спокойно. Железный прут с лязгом задел за край жаровни, и Муртаг, держа его в руках, повернулся к ней лицом. Некоторое время она видела перед собой только светящийся кончик прута, но потом все же посмотрела Муртагу прямо в глаза и внезапно увидела в них столько вины, столько ненависти к самому себе, что душу ее охватило глубочайшее чувство печали.

«Какие же мы глупцы, — думала она. — Какие несчастные, жалкие глупцы!»

А потом Насуада не думала больше ни о чем — у нее попросту не осталось на это сил, — и она обратилась к своим привычным и уже порядком надоевшим ритуалам, цепляясь за них, как тонущий человек цепляется за обломок плавника.

Муртаг и Гальбаторикс давно ушли, но нестерпимая боль по-прежнему терзала ее тело, и она могла лишь бессмысленно следить за линиями на потолке, стараясь не кричать и не плакать. Она взмокла от боли, тело ее сотрясал озноб, голова горела, как в лихорадке, и она ни на чем не могла сосредоточиться более чем на несколько секунд. Боль от ожогов не утихала, наоборот, становилась все мучительнее.

Насуада закрыла глаза и постаралась постепенно замедлить дыхание, чтобы хоть немного успокоиться.

Во время первой пытки она вела себя куда более мужественно. Она проклинала Гальбаторикса и Муртага, дразнила их, делала все, чтобы как-то задеть их своими высказываниями. Но это привело к тому, что Гальбаторикс — руками Муртага — стал мучить ее еще сильнее, и вскоре она утратила вкус к открытому сопротивлению. Раскаленное железо сделало ее скромной и молчаливой; при одном воспоминании о пытках ей хотелось свернуться в плотный маленький клубок. Уже во время второго визита своих мучителей она говорила значительно меньше и лишь сегодня позволила своему гневу снова прорваться наружу.

Насуада пыталась испытать Гальбаторикса, проверить, правда ли то, что ни он, ни Муртаг не станут ей лгать.

Она задавала вопросы о тайной деятельности Империи, о таких вещах, которые были ей известны от ее шпионов — впрочем, у Гальбаторикса не было причин предполагать, что она это знает, — и пока что, похоже, они действительно отвечали ей вполне правдиво. И все же Насуаде не хотелось им доверять, поскольку проверить их утверждения у нее не было никакой возможности.

Что же до Муртага, то тут она и вовсе ни в чем уверена не была, особенно когда рядом с ним находился Гальбаторикс. В таких случаях каждое слово Муртага казалось ей лживым. А вот когда он приходил к ней один...

Через несколько часов после первого мучительного «свидания» с Гальбаториксом — когда Насуада наконец забылась некрепким тревожным сном — Муртаг пришел в зал Ясновидящей один. От него сильно пахло вином, глаза были мутные. Он остановился возле каменной плиты, на которой лежала Насуада, и долго смотрел на нее странным измученным взглядом, и она представить себе не могла, что у него на уме.

Потом он отвернулся от нее, подошел к стене и уселся возле нее на полу, подтянув согнутые колени к груди и уронив на них голову. Почти все его лицо оказалось при этом скрыто длинными волнистыми волосами; из ссадин на косточках пальцев сочилась кровь. Просидев без движения несколько минут, Муртаг сунул руку за пазуху — одет он был все в тот же светло-коричневый колет, но маски на лице не было, — вытащил маленькую каменную бутылочку, отпил из нее несколько глотков и заговорил.

Он говорил, а Насуада слушала. Выбора у нее, собственно, и не было, вот она и слушала, не позволяя себе, однако, поверить ни одному его слову. Во всяком случае, сперва ей казалось, что это сплошной обман и он явился сюда только для того, чтобы попытаться завоевать ее доверие.

Начал Муртаг с того, что рассказал ей весьма неправдоподобную историю о человеке по имени Торнак, с которым они вместе участвовали в какой-то неудачной вылазке, и о совете, который этот Торнак дал ему, Муртагу, относительно того, как подобает жить достойному человеку. Насуада была не в состоянии понять, то ли этот Торнак был его

другом, то ли слугой, то ли дальним родственником, то ли и тем и другим вместе, но кем бы он ни был, было совершенно очевидно: в жизни Муртага он играл очень важную роль.

Закончив свой рассказ, Муртаг сказал:

— Гальбаторикс собрался устроить покушение на тебя. Он знал, что Эльва больше тебя не охраняет, и решил, что теперь самое время. Я совершенно случайно услышал об этом; я оказался рядом, когда он отдавал приказания одному типу из Черной Руки. — Муртаг покачал головой. — В общем, это я во всем виноват. Я уговорил его не убивать тебя, а доставить сюда. Ему эта идея понравилась; он знал, что так ему гораздо быстрее удастся заманить сюда Эрагона... Прости, но это был единственный способ не позволить ему убить тебя... Прости... Мне очень жаль, что так получилось. — И он уронил голову на руки.

— Лучше бы я умерла, — прошептала Насуада.

— Я понимаю, — хрипло откликнулся он, — но *такого* я не хотел. Ты простишь меня?

Она не ответила. Его *откровения не принесли ей облегчения*, лишь еще больше смутили душу. С какой стати он станет ее спасать? И чего он, собственно, теперь от нее хочет?

Некоторое время Муртаг молчал, потому вдруг заговорил снова и стал рассказывать ей — то плача, то приходя в бешенство, — как рос у Гальбаторикса при дворе; как в нем с раннего детства воспитывали недоверие и ревность к окружающим; как ему пришлось столкнуться с завистью и ненавистью тех, кто боялся его, сына Морзана; как аристократы пытались использовать его, желая выиграть расположение Гальбаторикса; как он тосковал по матери, которую едва помнил. Дважды он упомянул Эрагона, проклиная судьбу за то, что все ее подарки «достались такому дураку».

— Окажись Эрагон на моем месте, он никогда бы ничего путного не добился! Но наша мать выбрала *именно его*. И бежала с ним в Карвахолл. Почему она выбрала его, а не меня?! — И Муртаг в ярости сплюнул на пол.

Насуаде этот рассказ показался весьма сентиментальным, проникнутым жалостью к себе любимому, а проявленная Муртагом слабость вызывала в ней только презрение. Но затем он стал рассказывать о том, как близнецы

обманом выманили его из Фартхен Дура, как подло они обошлись с ним на пути в Урубаен и как Гальбаторикс сломил его, когда они туда прибыли. Некоторые из примененных к нему пыток, которые он, впрочем, описал довольно бегло, были куда страшнее того, что довелось испытать ей. И, честно говоря, в ее душе проснулось даже некое сочувствие к Муртагу.

— Торн стал для Гальбаторикса ключом ко мне, — признался Муртаг. — Когда Торн проклюнулся и между нами установилась тесная связь... — Он покачал головой. — Я люблю его. Разве я могу его не любить? Я люблю его так же, как Эрагон любит Сапфиру. Я пропал в ту же секунду, как коснулся его. И Гальбаторикс, прекрасно зная об этом, использовал Торна как оружие против меня. Хотя Торн оказался сильнее, чем я. Он так ему и не поддался. А вот я не смог вынести его мучений... Видя, как страдает *мой дракон*, я согласился принести Гальбаториксу клятву верности, а потом... — Муртаг даже поморщился от отвращения. — Потом Гальбаторикс проник в мои мысли. Он узнал обо мне все. И назвал мое истинное имя. И теперь я принадлежу ему... навсегда.

Он закрыл глаза и прислонился затылком к стене; по щекам его катились слезы.

Вскоре он, впрочем, поднялся и собрался уходить. Но мгновение помедлил возле Насуады и тронул ее за плечо. Скосив глаза, она увидела его руку: ногти у него были чистые, аккуратно подстриженные, но отнюдь не такие *ухоженные*, как ногти ее тюремщика. Муртаг прошептал несколько слов на древнем языке, и почти сразу терзавшая Насуаду боль словно растаяла, хотя ужасные раны выглядели по-прежнему.

Когда он убрал руку, она сказала:

— Я не могу простить... но я понимаю.

Он благодарно кивнул и неверной походкой побрел прочь, оставив ее в тяжких размышлениях: уж не появился ли у нее новый союзник?

МАЛЕНЬКИЙ БУНТ

Насуада лежала вся в поту на каменной плите. Ее сильно знобило от боли. Она вдруг поняла, что хочет, чтобы Муртаг вернулся — хотя бы для того, чтобы избавить ее от этих мучений.

Когда же дверь позади нее отворилась, Насуада вздохнула с облегчением и тут же испытала горькое разочарование, услышав знакомые шаркающие шаги своего тюремщика.

Как и в предыдущие разы, человек в сером заботливо обмыл ее раны влажной тряпицей и перевязал чистыми бинтами. Затем он освободил ее от пут, чтобы она могла посетить уборную, *но оказалось, что она слишком слаба,* чтобы нагнуться, так что от идеи схватить нож с подноса ей пришлось отказаться. Насуада просто поблагодарила тюремщика за помощь и в очередной раз осыпала комплиментами его ухоженные ногти, которые сегодня сверкали еще ярче, и он явно хотел, чтобы она это заметила, потому что постоянно держал руки у нее на виду.

Покормив ее, человек в сером ушел, и Насуада попыталась уснуть, но мучительная боль во всем теле не давала ей сделать это. Она смогла лишь погрузиться в какое-то болезненное забытье.

И в ужасе распахнула глаза, услышав, как снова отодвигают засов на двери, ведущей в ее комнату.

«Неужели опять они? — Ее охватила настоящая паника. — Но почему так скоро? Мне не вынести еще одной пытки... Я недостаточно сильна... — Затем она взяла себя в руки, подавила страх и сказала себе: — Не смей! Не смей так думать, иначе сама в это поверишь!»

И все же ей не удалось заставить сердце биться медленнее, и оно так стучало у нее в груди, словно хотело вырваться наружу.

Послышались шаги — но только одного человека, и Насуада, скосив глаза, увидела, что это Муртаг. Он был без маски и казался чрезвычайно мрачным.

Первым делом он избавил ее от боли. Облегчение, которое она при этом испытала, граничило с экстазом. За всю свою жизнь она не испытывала ощущения столь же приятного, как то, которое возникало, когда исчезала эта жгучая боль. У нее даже дыхание перехватило.

— Спасибо, — благодарно прошептала она.

Муртаг кивнул, отошел к стене и уселся на том же месте, что и в первый раз.

Насуада тоже молчала, изучая его. Кожа на косточках пальцев у него опять стала гладкой, те ссадины исчезли без следа, но в целом вид у него был весьма суровый, и к разговорам он сегодня, похоже, расположен не был. Его одежда, прежде такая красивая и опрятная, была порвана и перепачкана; Насуада заметила на внутренней стороне рукавов рубахи прорехи, похожие на порезы. Интересно, он что, подрался с кем-то? Или сражался на поединке?

— А Гальбаторикс знает, что ты здесь? — спросила она.

— Возможно. Впрочем, вряд ли: он сейчас занят — развлекается со своими наложницами. А может, спит. Сейчас ведь глубокая ночь. И потом, я воспользовался магией, чтобы нас никто не подслушал. Он, конечно, может нарушить эти чары, если захочет, но и я тогда сразу все пойму.

— А что, если он узнает? (Муртаг только плечами пожал.) Если он сумеет сломить меня, то, конечно же, узнает, что ты меня навещаешь.

— А ты не позволяй ему тебя сломить. Ты сильнее меня; и у тебя нет никого, кому он может угрожать. Ты можешь ему сопротивляться, в отличие от меня... Кстати, вардены быстро приближаются к Урубаену, а эльфы наступают с севера. Если ты сможешь продержаться еще хотя бы несколько дней, тогда у тебя есть шанс... Возможно, они успеют тебя освободить, прежде чем...

— Но ты ведь не веришь, что они успеют, правда?

Он снова пожал плечами и промолчал.

— Тогда помоги мне бежать! — не выдержала Насуада.

Хриплый, как лай, смех вырвался у него из горла.

— Как? Я ведь без разрешения Гальбаторикса разве что сапоги могу на ноги натянуть!

— Ты мог бы, например, немного ослабить мои путы. Или, уходя, *случайно* забыть хорошенько запереть дверь.

Муртаг презрительно усмехнулся:

— Там, снаружи, два стражника стоят! Да еще повсюду магические стражи поставлены. Гальбаториксу тут же будет известно, если ты вздумаешь хотя бы нос отсюда высунуть. К тому же все проходы к ближайшим воротам тщательно охраняются. Там сотни вооруженных воинов! Для тебя было бы огромной удачей, даже если б ты сумела до конца этого коридора добраться.

— Возможно, это и так, но я бы хотела попробовать.

— Ты добьешься только того, что тебя убьют.

— В таком случае помоги мне. Если бы ты захотел, то нашел бы способ обмануть любых стражников!

— Не могу. Данная мною клятва не позволяет мне использовать против него магию.

— А против сторожей? Если бы ты сумел задержать их хотя бы на несколько минут, я успела бы добраться до ворот, а потом спрятаться в городе. Тогда было бы уже неважно...

— Город у него в руках. И потом, куда бы ты ни пошла, он моментально отыщет тебя с помощью магии. Для тебя единственный способ спастись — это оказаться как можно дальше отсюда, прежде чем поднимется тревога, но это можно сделать только верхом на драконе.

— Должен же быть какой-то выход!

— Если бы он был... — Муртаг грустно улыбнулся и потупился. — Нечего и обсуждать.

В полном отчаянии Насуада некоторое время молча изучала линии на потолке.

— По крайней мере освободи меня от этих наручников! — сердито сказала она.

Муртаг только вздохнул и с отчаянием развел руками.

— Хотя бы для того, чтобы я могла встать, — пояснила она. — Мне осточертело лежать на этом ледяном камне! И потом, у меня уже глаза болят, так сильно их приходится скашивать, чтобы тебя там, на полу, увидеть!

Он колебался. Затем легко вскочил, подошел к Насуаде и принялся расстегивать путы на ее руках и лодыжках.

— Только не думай, что сможешь меня убить, — тихо сказал он. — Ты не сможешь.

Освободив ее, Муртаг снова отошел к стене и опустился на пол, уставившись куда-то в пространство и явно давая Насуаде возможность немного прийти в себя. Она села и осторожно спустила ноги на пол. Ее некогда белая сорочка была вся в пятнах и во многих местах прожжена насквозь; сквозь дыры проглядывало обнаженное тело. Ей стало не по себе, особенно если учесть, что она с самого начала была, в общем-то, почти раздета.

Мраморный пол под босыми ногами показался ей ледяным. Она осторожно подошла к Муртагу и села с ним рядом, плотно обхватив себя руками и тщетно пытаясь прикрыть наготу.

— А этот Торнак, с которым ты вырос, действительно был твоим единственным другом? — спросила она.

Муртаг ответил, по-прежнему на нее не глядя:

— Нет. Он скорее заменил мне отца, которого я, в общем, никогда не имел. Он учил меня, утешал... останавливал и бранил, если я вел себя слишком дерзко или беспечно, и спасал меня, когда я попадал впросак, столько раз, что я и не упомню... Если бы Торнак был жив, он бы вчера отлупил меня до беспамятства за то, что я так напился.

— Ты говорил, что он погиб, когда ты пытался бежать из Урубаена...

Муртаг фыркнул.

— Я думал, что поступаю очень умно, и подкупил одного из стражников. Тот оставил боковую дверцу открытой, и мы рассчитывали под покровом темноты незаметно выбраться из города, чтобы Гальбаторикс обнаружил наше исчезновение, когда будет уже слишком поздно ловить нас. Но оказалось, что он все знал с самого начала. Я не уверен, но мне кажется, что он постоянно читал мои мысли. Когда

мы с Торнаком прошли в ворота, то снаружи нас уже поджидали солдаты... Им было приказано привести нас к Гальбаториксу живыми и невредимыми. Но мы стали сражаться, и так получилось, что один из них убил Торнака. Самый лучший фехтовальщик во всей Империи пал, сраженный предательским ударом ножа в спину!

— Но тебе-то Гальбаторикс сбежать позволил!

— По-моему, он просто не ожидал, что мы окажем сопротивление. Кроме того, его внимание в ту ночь было приковано к чему-то другому.

Она нахмурилась, заметив на лице Муртага странную полуулыбку, и он пояснил:

— Я подсчитал — это был как раз тот день, когда раззаки явились в долину Паланкар в поисках яйца Сапфиры. Оказывается, Эрагон потерял своего приемного отца почти одновременно со мной. У судьбы порой бывают довольно жестокие шутки, тебе не кажется?

— Да, пожалуй... Но если Гальбаторикс постоянно читал твои мысли или наблюдал за тобой *посредством* магического кристалла, почему же он не смог сразу же выследить тебя и вернуть в Урубаен?

— Он играл со мной — знаешь, как кошка с мышью. Я тогда отправился в поместье одного человека, которому, как мне казалось, можно полностью доверять. Разумеется, я ошибался, но, увы, обнаружил это гораздо позже, после того, как близнецы вернули меня сюда. Гальбаторикс все это время знал, где я нахожусь. Он знал, что я все еще зол на него из-за смерти Торнака. Вот он и решил пока оставить меня в том поместье и между тем поохотиться на Эрагона и Брома... Однако я его удивил: я довольно скоро уехал оттуда, и к тому времени, как он узнал о моем исчезновении, я был уже на пути в Драс-Леону. Поэтому Гальбаторикс и отправился в Драс-Леону. Это было сделано вовсе не для того, чтобы наказать лорда Табора — хотя такой возможности он, безусловно, не упустил, — а для того, чтобы найти меня. Но и в Драс-Леону он опоздал. К тому времени, как он туда прибыл, я уже встретился с Эрагоном и Сапфирой, и мы отправились в Гилид.

— А почему ты уехал? — спросила Насуада.

— Разве Эрагон тебе не рассказывал? Мы отправились туда, потому что...

— Нет, я не о том. Я знаю, зачем вы отправились в Гилид. Я хотела спросить, почему ты уехал из того поместья? Ты же считал, что там безопасно. Так почему ты все-таки поспешил оттуда уехать?

Муртаг некоторое время молчал.

— Мне хотелось ответить Гальбаториксу ударом на удар. И стать известным тоже хотелось — чтобы мое имя связывали не только с «подвигами» Морзана. Всю жизнь меня воспринимали как-то неправильно только потому, что я сын Морзана. А мне хотелось, чтобы люди уважали меня за мои собственные подвиги. Не за те, которые совершил он. — Муртаг искоса глянул на Насуаду. — Полагаю, я получил то, что хотел. Но судьба опять же решила жестоко подшутить надо мною.

Насуаде очень хотелось спросить, был ли при дворе Гальбаторикса еще кто-нибудь небезразличный Муртагу, но она решила, что это слишком опасная тема, и задала совсем другой вопрос:

— А много ли Гальбаториксу известно о варденах?

— По-моему, все. У него куда больше шпионов, чем ты можешь себе представить.

У нее так похолодело под ложечкой, что она даже руки к животу прижала.

— А как ты думаешь, можно ли его как-то убить?

— Конечно. Нож. Меч. Стрела. Яд. Магия. Все годится. Но дело в том, что он настолько окутан самыми различными чарами, что нет ни малейшей возможности к нему подобраться и причинить ему какой бы то ни было вред. Эрагону повезло больше других: Гальбаторикс не хочет его убивать, так что он может и не один раз предпринять подобную попытку. Но даже если он сто раз нападет на Гальбаторикса, пытаясь застигнуть его врасплох, ему все равно не пробиться сквозь эту магическую защиту.

— У каждой загадки есть разгадка, а у каждого человека — какая-нибудь слабость, — стояла на своем Насуада. — Может быть, Гальбаторикс любит кого-то из своих наложниц?

Но Муртаг так на нее посмотрел, что она поняла: можно было и не спрашивать. А потом он вдруг спросил:

— Неужели будет так уж плохо, если Гальбаторикс будет продолжать править? Тот мир, которым он правит, пожалуй, даже хорош. Если он победит в этой войне с варденами, в Алагейзии наконец-то воцарится мир. А затем Гальбаторикс положит конец бесконтрольному использованию магии; эльфы, гномы и люди не будут больше иметь поводов для ненависти друг к другу. Мало того, если вардены проиграют эту войну, мы с Эрагоном сможем жить вместе, как и следует братьям. А вот если вардены победят, это будет означать для нас с Торном верную смерть.

— Вон как ты заговорил? А со мной что же будет? — спросила Насуада. — Ведь если Гальбаторикс выиграет войну, я стану его рабыней, и он будет приказывать мне все, что хочет! Так ведь? — Отвечать Муртагу явно не хотелось; она видела, как он напряжен, как сильно он сжал кулаки — так что выступили вены на тыльной стороне ладоней. — Ты не можешь сдаться, Муртаг! — воскликнула она.

— А разве у меня есть выбор? — крикнул он в ответ, и ему ответило гулкое эхо.

Насуада встала и посмотрела на него сверху вниз.

— Ты можешь сражаться! Посмотри на меня... Посмотри же! — Он неохотно поднял глаза. — Разве ты не можешь найти возможность ему сопротивляться? Можешь! Если даже данная тобой клятва помешает тебе, даже если она позволит тебе только самый крошечный бунт, то и это может оказаться ключом к уничтожению его власти над тобой. Ты говоришь, есть ли у тебя выбор? Можно, конечно, всю оставшуюся жизнь прожить, чувствуя себя беспомощным и жалким. Можно *позволить* Гальбаториксу окончательно превратить тебя в чудовище. А можно бороться! — Она, не стесняясь, раскинула руки, чтобы он мог видеть ожоги, покрывающие ее тело. — Неужели тебе нравится причинять мне боль?

— Нет, что ты! — вырвалось у него.

— Тогда сопротивляйся, черт тебя побери! Ты должен бороться, иначе *утратишь все*, даже собственное «я». И Торн тоже погибнет.

Она не отступила, когда Муртаг вскочил, ловкий и гибкий, как кот, и двинулся на нее. В итоге его лицо оказалось всего в нескольких дюймах от ее лица. На щеках у него ходили желваки, глаза гневно сверкали, дыхание со свистом вырывалось из груди. Таким Насуада не раз видела его и прежде и понимала: его гордость болезненно задета, и теперь ему более всего хочется стереть в порошок того, кто посмел его оскорбить. Ее, Насуаду. Было слишком опасно давить на него сейчас, но она понимала: иного такого шанса у нее не будет.

— Если я могу продолжать бороться, — сказала она, — то можешь и ты.

— Назад, на камень! — грубо приказал он, но она не умолкала:

— Я знаю, что ты не трус, Муртаг. Лучше умереть, чем жить рабом такого человека, как Гальбаторикс. По крайней мере, ты мог бы совершить доброе дело, и впоследствии люди всегда помнили бы твое имя.

— На камень! — прорычал он, хватая ее за руку и подтаскивая к серой плите.

Насуада не сопротивлялась. Он толкнул ее на каменное ложе, застегнул у нее на руках и ногах кандалы, затянул ремень на лбу и, выпрямившись, уставился на нее темными, какими-то дикими глазами. Сам он был более всего похож на туго натянутый канат.

— Ты должен решить, хочешь ли ты рискнуть своей жизнью, чтобы спасти себя, — снова заговорила Насуада. — Спасти себя и Торна. И это ты должен решить сейчас, пока еще есть время. Спроси себя: как бы Торнак поступил на твоем месте?

Не отвечая ей, Муртаг приложил ладонь к ее груди. Ладонь была очень горячей, и у нее внезапно перехватило дыхание. Почти шепотом он заговорил на древнем языке, и по мере того, как эти странные слова срывались с его губ, Насуаде становилось все страшнее.

Муртаг говорил, казалось, несколько минут, но, когда он умолк, она ничего особенного не почувствовала. Впрочем, это ничего не значило: она бы все равно не смогла определить, замешана ли тут какая-то магия.

Прохладный воздух коснулся ее груди в том месте, где только что лежала горячая рука Муртага. Он повернулся и пошел прочь, и она уже хотела его окликнуть — спросить, что он с нею сделал, — но тут он остановился и сказал:

— Это должно защитить тебя от боли. Почти при любых пытках. Но ты должна делать вид, что тебе по-прежнему больно, иначе Гальбаторикс обо всем догадается.

И с этими словами Муртаг исчез за дверью.

— Спасибо тебе! — прошептала ему вслед Насуада.

Она долгое время обдумывала этот разговор. Вряд ли его подослал Гальбаторикс. Хотя, конечно, такая возможность оставалась. Насуада чувствовала, что душа ее разрывается. Она не в силах была понять, хороший ли — хотя бы в глубине души — Муртаг человек или плохой? Она вспомнила короля Хротгара — в детстве он был для нее, как добрый дядюшка, — и то, как Муртаг убил его на Пылающих Равнинах. Затем она вспомнила рассказ Муртага о его детстве и о том, с чем ему пришлось столкнуться во дворце Гальбаторикса. А еще она вспомнила, как он отпустил Эрагона и Сапфиру, хотя легко мог тогда доставить их обоих в Урубаен.

И все же Насуада понимала: даже если Муртаг когда-то и был благороден и достоин доверия, то служба у Гальбаторикса — пусть и навязанная ему силой — вполне могла извратить его душу.

Под конец она решила, что не будет думать о прошлом Муртага и станет судить его по тем делам, которые он вершит сейчас, и только по ним. Хороший ли, плохой или и то и другое, но в данный момент он был ее потенциальным союзником, а ей очень нужна была его помощь. Прекрасно, если он ей поможет, но если он все-таки окажется обманщиком, то хуже, чем сейчас, ей уже не будет. Зато возможность с помощью Муртага бежать от Гальбаторикса, бежать из Урубаена стоила, безусловно, любого риска.

Боли больше не было. Впервые с тех пор, как Насуада оказалась во дворце Гальбаторикса, ей удалось хорошо выспаться. Она проснулась, исполненная надежд, и снова принялась следить за рисунком извилистых линий на

потолке. Тонкая синяя линия в итоге привела ее к какому-то белому пятну в углу, которого она раньше не замечала. Ей понадобилось некоторое время, чтобы понять: это белое пятно возникло там, где со стены просто отвалился кусок облицовки.

Это показалось ей забавным и даже немного успокоило: приятно было узнать, что великолепный дворец Гальбаторикса отнюдь не идеален. В нем имелись определенные недостатки, а это означало, что и сам хозяин дворца *не может быть абсолютно неуязвимым и всемогущим.*

Когда в комнату вошел тюремщик с обедом, Насуада спросила, нельзя ли ей сперва поесть, а уж потом заниматься своим туалетом. Это она объяснила тем, что есть ей хочется больше, чем всего остального, и это на самом деле вовсе не было такой уж неправдой. К ее тайной радости, человек в сером сразу же согласился, хоть и не произнес в ответ ни слова, только улыбнулся своей жутковатой улыбкой и, присев на край ее каменного ложа, стал ложкой вливать ей в рот теплый густой суп. Мысли Насуады лихорадочно метались. Она пыталась учесть все детали своего плана, так как понимала, что у нее будет только один шанс на успех.

От нетерпения горло ей сдавливали спазмы, так что трудно было глотать. Однако Насуада очень старалась, и вскоре миска была пуста. Затем она выпила все, что человек в сером предложил ей, и почувствовала, что готова действовать.

Тюремщик, как всегда, поставил поднос у дальней стены, рядом с тем местом, где обычно садился Муртаг, и шагах в десяти от двери в уборную.

Как только он освободил Насуаду от кандалов, она соскользнула на пол и, когда он хотел по привычке поддержать ее, сказала самым сладким своим голосом:

— Ничего, спасибо. Я теперь уже вполне могу и сама стоять на ногах.

Человек в сером несколько растерялся, потом снова улыбнулся и дважды щелкнул челюстями, словно говоря: «Вот и хорошо, я рад за тебя!»

Они двинулись к уборной — она впереди, а он чуть позади. Шаги Насуада рассчитала точно: на третьем шаге, якобы подвернув правую ногу, она рухнула на пол, растянувшись во весь рост. Человек в сером вскрикнул, попытался ее подхватить — его толстые пальцы схватили воздух, едва не коснувшись ее шеи, — но он оказался слишком медлительным, и ей удалось уйти от его хватки.

Насуада специально упала так, чтобы задеть поднос, и даже ухитрилась разбить кувшин, в котором еще оставалось немного воды с вином, а деревянную плошку заставила с грохотом отлететь в противоположный угол. В точности следуя собственному плану, она упала почти точно на поднос, при этом как бы неловко подогнув под себя правую руку, и сразу же принялась шарить пальцами, нащупывая металлическую ложку.

— Ох! — воскликнула она, старательно изображая огорчение и боль, и повернулась, чтобы посмотреть, как отреагирует человек в сером. — Возможно, вы были правы: я еще не готова передвигаться самостоятельно. — И она с извиняющимся видом улыбнулась своему тюремщику. Ее большой палец как раз в эту минуту нащупал ручку ложки, и она крепко стиснула ее в ладони, когда человек в сером поставил ее на ноги.

Он оглядел ее с ног до головы и недовольно поморщился: у него явно вызывала отвращение ее грязная ночная сорочка, теперь еще и насквозь промокшая в луже воды с вином. Но пока он ее разглядывал, Насуада успела мгновенно завести руку за спину и сунуть ложку в одну из дыр у самого подола. Тюремщик подозрительно на нее посмотрел, но она вытянула перед ним руки ладонями вверх, показывая, что ничего с подноса не взяла.

Он что-то проворчал, за руку отвел ее в уборную, а сам, шаркая ногами, вернулся к подносу и принялся собирать рассыпавшиеся вещи, что-то невнятно бормоча себе под нос.

Стоило Насуаде закрыть за собой дверь, как она, быстро сунув ложку себе в рот, вырвала на затылке несколько прядей волос — там они были длиннее всего — и принялась с невероятной быстротой сплетать из волос некое подобие

веревки. Но веревка получалась слишком короткой, и Насуада вся похолодела от волнения. Вырвав еще несколько прядей, она торопливо связала еще одну такую же веревку и привязала ее к первой. Понимая, что в распоряжении у нее всего несколько секунд, она опустилась на колени, вытащила ложку изо рта и своей жалкой веревкой привязала ее к внешней стороне левой голени, где ее должен был закрывать подол рубашки.

К *левой* — потому что Гальбаторикс всегда сидел *справа* от нее.

Выпрямившись, она проверила, не видна ли ложка, и даже сделала несколько шагов.

Ложка была привязана достаточно крепко и осталась на месте.

Вздохнув с облегчением, Насуада собралась выходить, понимая, что теперь главное — так добраться до каменной плиты и лечь на нее, чтобы человек в сером ничего не заметил.

Когда она открыла дверь, он уже поджидал ее. Он так хмуро смотрел на Насуаду, что его редкие брови сошлись, образовав прямую линию. Человек с трудом вымолвил: «Ложка!», словно вытолкнув это слово изо рта, как кусок противного разваренного турнепса.

Насуада надменно вздернула подбородок и мотнула головой в сторону уборной. Человек в сером еще сильней нахмурился, прошел в уборную и старательно обследовал стены, пол, потолок и все остальное. Громко топая ногами, он вышел оттуда, грозно щелкнул челюстями и поскреб свою шишковатую тыквообразную голову с таким несчастным видом, что Насуаде показалось, будто он обижен ее недостойным поведением и тем, что она выбросила в уборную такую ценную вещь, как ложка. До сих пор пленница была покорна и даже добра к нему, и этот маленький жест неповиновения озадачил и рассердил его.

Насуада с трудом удержалась от желания отшатнуться, когда тюремщик шагнул к ней и, обхватив своими ручищами ее голову, стал прочесывать волосы пальцами. Разумеется, никакой ложки он не обнаружил, и лицо у него печально вытянулось. Человек в сером схватил Насуаду за

руку, подвел к каменной плите, уложил и снова надел на нее кандалы.

Затем с крайне недовольным видом он поднял поднос и, шаркая ногами, вышел из комнаты.

Она выждала достаточно долго, пока не убедилась, что он совсем ушел; лишь после этого пальцами левой руки дюйм за дюймом она подтянула вверх подол сорочки и кончиком указательного пальца коснулась черенка ложки. Широкая улыбка расплылась на ее лице: теперь у нее было оружие!

КОРОНА ИЗ СНЕГА И ЛЬДА

Первые бледные лучи солнца полосами легли на воду, покрытую крупной рябью. На свету гребешки волн сверкали, как хрусталь. Проснувшись, Эрагон сразу посмотрел на северо-запад: не видно ли в морском просторе долгожданной земли?

То, что он увидел, особой радости ему не принесло: груда облаков закрывала почти половину горизонта, и эти облачные горы казались столь высокими, что даже Сапфире было бы через них не перелететь. Чистое небо виднелось только позади, на юге, но было ясно, что и там его вскоре закроют тучи неумолимо надвигавшейся бури.

«Нам придется лететь в грозу», — сказал Глаэдр, и Сапфира, явно волнуясь, спросила:

«А может, попробовать ее облететь?»

Глаэдр не ответил, и Эрагон понял, что старый дракон изучает характер облачности. Наконец он с явным сомнением в голосе сказал:

«Нет, лучше не слишком отклоняться от заданного направления. Нам еще далеко до цели, и если у тебя не хватит сил...»

«Тогда ты одолжишь мне немного, и мы полетим дальше».

«Хм... Даже если и так, лучше все же проявить осторожность. Мы и так были достаточно беспечны. Я видел подобные штормы и раньше. На самом деле он гораздо сильнее, чем тебе кажется. И грозовой фронт у него очень широкий. Чтобы его облететь, тебе пришлось бы так сильно отклониться к западу, что вполне можно и мимо Врёнгарда пролететь. Если бы это случилось, мы бы еще по крайней мере день до суши добирались».

«Но ведь до Врёнгарда не так уж и далеко», — сказала Сапфира.

«Да, не очень далеко, но этот ветер наверняка сильно замедлит наш полет. И потом, чутье подсказывает мне, что шторм бушует сейчас на всем протяжении пути до Врёнгарда. Как ни крути, придется лететь сквозь бурю. Впрочем, нырять в так называемое око бури нет никакой необходимости. Видишь впадину между вон теми двумя небольшими вихрями на западе?»

«Вижу».

«Держи курс прямо на нее, тогда нам, возможно, удастся благополучно пройти между самыми мощными тучами».

Эрагон крепче ухватился за луку седла, и Сапфира, резко опустив левое крыло, свернула на запад, направляясь к указанной впадине, и вскоре вновь выровняла полет. Эрагон зевнул, протер глаза и вытащил из седельной сумки яблоко и несколько полосок вяленого мяса. Завтрак, конечно, довольно скудный, но есть ему не очень-то хотелось. Во время полета он вообще старался не есть досыта, чтобы потом не мучила тошнота.

Он неторопливо жевал, глядя то на клубившиеся впереди тучи, то на сверкающую поверхность моря под ними. Ему становилось немного не по себе, когда он вспоминал, что вокруг одна вода и ближайшая суша — покинутый ими материк — находится примерно милях в пятидесяти от них. Эрагон представил себе, что падает и погружается все глубже и глубже в эти холодные тяжелые воды. Его даже озноб пробрал. Интересно, что там, на дне? А ведь, наверное, с помощью магии можно было бы совершить путешествие на дно морское и все выяснить. Впрочем, особого энтузиазма у него эта мысль не вызвала. Бездонные морские глубины казались ему слишком темными и опасными. Он чувствовал, что ему там совершенно не место. Лучше уж пусть в этой бездне спокойно живут те странные существа, которые всегда там обитали.

К полудню стало ясно, что мощная гряда облаков находится дальше от них, чем это казалось сначала, а грозовой

фронт, как и говорил Глаэдр, гораздо шире, чем это представлялось Эрагону и Сапфире.

Поднялся небольшой встречный ветерок, несколько замедливший полет Сапфиры, однако она по-прежнему летела с весьма неплохой скоростью.

Когда они находились все еще далеко от переднего края бури, Сапфира удивила Эрагона и Глаэдра тем, что резко спустилась и полетела совсем низко, скользя над самой поверхностью воды.

Когда она выровняла полет, Глаэдр спросил:

«Ты что это задумала?»

«Мне интересно, — ответила она. — И потом, я хочу дать крыльям отдых, прежде чем нырять в бурю».

И она продолжала скользить над волнами, а отражение в воде повторяло все ее движения, как некий призрачный двойник. Казалось, летят два дракона — один светлый, другой темный. Затем Сапфира, сложив крылья, аккуратно села на воду и, взметнув тучу брызг, поплыла, рассекая грудью волны.

В результате Эрагон оказался мокрым с головы до ног. Но хоть вода и была весьма прохладной, воздух после долгого полета на большой высоте казался приятно теплым — Эрагон даже расстегнул плащ и стащил с рук перчатки.

Сапфира мирно плыла, покачиваясь в такт волнам, и Эрагон, поглядывая по сторонам, заметил справа несколько пуков коричневатых морских водорослей, ветвистых, как деревья. Концы ветвей были украшены метелками и какими-то странными пузырьками, похожими на ягоды.

А высоко над головой, примерно на той высоте, где до этого летела Сапфира, Эрагон увидел пару альбатросов. Их широкие крылья по краю были украшены черной полосой. Птицы явно уходили от надвигающейся грозы, и это усилило его беспокойство. Альбатросы напомнили ему, как однажды в Спайне он видел бегущих рядом оленей и волков, вместе удиравших от лесного пожара.

«Если бы мы были достаточно благоразумны, — мысленно сказал он Сапфире, — мы бы повернули назад».

«Если бы мы были достаточно благоразумны, мы бы навсегда покинули Алагейзию и никогда больше туда не возвращались», — ответила она.

Изогнув шею, она коснулась мордой поверхности воды и тут же недовольно тряхнула головой и принялась облизываться, словно попробовала нечто чрезвычайно неприятное на вкус.

И вдруг Эрагон почувствовал, как в душе Глаэдра волной поднимается страшная паника.

«Взлетай! Немедленно взлетай! Слышишь? Немедленно!» — взревел старый дракон, и Сапфира не стала задавать лишних вопросов. С громовым грохотом распахнув свои огромные крылья, она забила ими, чтобы поскорей подняться с поверхности воды, и подняла в воздух целые тучи водяной пыли.

Эрагон наклонился вперед и вцепился в луку седла, чтобы не упасть. Густая, как туман, водяная пыль слепила глаза, и ему пришлось воспользоваться внутренним видением, чтобы выяснить, что же так встревожило Глаэдра.

Откуда-то из невероятных глубин прямо к Сапфире с огромной скоростью поднималось нечто холодное, огромное, исполненное хищного, неутолимого голода! Эрагон попытался заклятием спугнуть неведомую тварь, заставить ее повернуть назад, однако она, похоже, не замечала его усилий и казалась совершенно неуязвимой. На мгновение проникнув в лишенные света глубины сознания странного существа, Эрагон мельком успел прочесть его воспоминания о бесчисленных годах, проведенных в полном одиночестве в *ледяных морских глубинах*, где оно охотилось или уходило от преследования других, еще более крупных охотников.

Эрагону стало страшно. Он уже почти выхватил из ножен Брисингр, но как раз в этот момент Сапфира окончательно вырвалась из объятий морских волн и стала быстро подниматься к облакам.

«Скорей, Сапфира! Скорей!» — мысленно кричал Эрагон.

Вдруг на том месте, где они только что были, взлетел белый от пены фонтан воды, и Эрагон успел заметить лишь две сверкающие серые челюсти, разинутые так широко, что меж ними легко мог пройти всадник вместе с конем. Челюсти были буквально усеяны сотнями сверкающих белых зубов.

Сапфира, глазами Эрагона увидев страшного преследователя, резко метнулась в сторону, уходя от разинутой пасти подводного хищника, и невольно задела крылом поверхность воды. Тут же с громким щелканьем захлопнулись чудовищные челюсти, и острые как иглы зубы морского чудовища на какой-то дюйм промахнулись мимо хвоста Сапфиры.

Хищник снова рухнул в воду, и теперь стала видна большая часть его туши и длинная, какая-то угловатая голова. Над глазами монстра торчал, как гребень, костистый нарост, из которого во все стороны вились толстые, как канат, длинные щупальца. Шея чудовища напоминала тело огромного удава и, как и все его тело, была очень гладкой и мускулистой. По обе стороны груди торчали крупные ласты, похожие на весла, которые довольно беспомощно колотили по воздуху.

Перевернувшись набок, чудовище взметнуло в воздух еще одну тучу брызг и скрылось в волнах. Перед этим Эрагон успел заглянуть в его единственный, обращенный вверх, глаз, черный, как капля дегтя. В этом немигающем глазу было столько злобы, ненависти, бешеного гнева и разочарования, что Эрагона пробрал озноб, и ему вдруг захотелось оказаться где-нибудь в самом центре пустыни Хадарак, где они уж наверняка были бы в полной безопасности от этой твари, измученной многовековым голодом в своих темных глубинах.

С бешено бьющимся сердцем он сунул в ножны Брисингр и, навалившись на луку седла, спросил:

«Что это было?»

«Нидхвал», — ответил Глаэдр.

Эрагон нахмурился. Он не помнил, чтобы в Эллесмере ему доводилось читать о подобных существах.

«А что такое нидхвал?» — спросил он.

«Они крайне редки, и о них почти нигде не упоминается. В море они примерно то же самое, что фангхуры — в воздухе. Те и другие — родственники драконов. Хотя различия в их внешнем облике весьма велики. Пожалуй, нидхвалы все же ближе к драконам, чем визгливые фангхуры. Они очень умны, и у них даже есть в груди нечто,

подобное Элдунари, которое, как мы полагаем, и позволяет им большую часть времени находиться не только под водой, но и на невероятной глубине».

«А они огнедышащие?»

«Нет, но, как и фангхуры, они часто используют силу мысли, желая обездвижить свою жертву. Это довелось испытать на себе далеко не одному дракону».

«Так они поедают себе подобных?!» — воскликнула Сапфира.

«Нидхвалы отнюдь не считают нас себе подобными, — возразил Глаэдр. — Впрочем, они действительно порой поедают и своих собратьев. Кстати, именно поэтому они так редко встречаются. Они не питают ни малейшего интереса к тому, что происходит за пределами их водного царства, и каждая наша попытка вступить с ними в диалог заканчивалась неудачей. Очень странно, что мы повстречались с нидхвалом так близко от берега. В мое время они встречались только на расстоянии нескольких дней полета от суши, где море особенно глубоко. Похоже, после падения Всадников они *либо слишком осмелели, либо окончательно впали в отчаяние*».

Эрагону стало не по себе, когда он вспомнил свое прикосновение к сознанию нидхвала.

«Почему же ни ты, ни Оромис никогда нам о них не рассказывали?»

«Мы еще много чего тебе не рассказывали, Эрагон. Если ты помнишь, у нас тогда было слишком мало времени для того, чтобы хоть как-то вооружить тебя самыми необходимыми знаниями для борьбы с Гальбаториксом. Мы не могли тратить это драгоценное время на разговоры о всяких мрачных тварях, наводящих ужас на дальние пределы Алагейзии».

«Значит, есть и другие? Не только этот нидхвал?»

«Не очень много, но есть».

«А ты нам о них расскажешь, Эбритхиль?» — спросила Сапфира.

«Давайте договоримся так: подождем неделю, и если по-прежнему будем живы и свободны, я с удовольствием

в течение последующих десяти лет буду рассказывать вам обо всех известных мне народах, включая все великое разнообразие жуков. Но до тех пор давайте сосредоточимся на нашей основной задаче. Согласны?»

Эрагон и Сапфира, хоть и без особой охоты, согласились с ним и более разговоров на эту тему не заводили.

...Встречный ветер заметно усилился, и его порывы становились все более яростными по мере того, как они подлетали все ближе к грозовому фронту; порой этот ветер настолько замедлял полет Сапфиры, что скорость ее снижалась вдвое. Время от времени ветер вдруг начинал так раскачивать ее, словно хотел опрокинуть, а иногда она словно повисала в воздухе на несколько секунд. Они, правда, всегда знали, в какой момент налетит очередной порыв ветра, потому что с высоты им было видно, как по серебристой, похожей на чешую поверхности воды к ним приближается новая воздушная волна.

С самого утра количество облаков в небе постоянно увеличивалось, и теперь, в непосредственной близости, они казались особенно грозными. Брюхо этой облачной горы было почти черным с красноватым отливом, и из этого брюха свисала завеса плотного дождя, как соединявшая грозовую тучу с морем прозрачной пуповиной. Выше грозы облака были цвета тусклого серебра, а самые их верхушки сияли ослепительным белым светом и казались твердыми, как отроги Тронжхайма. На севере, над самым центром бури, облака образовали нечто вроде гигантской плоской наковальни, тяжело повисшей над миром — казалось, сами боги выковали этот необычный гигантский инструмент для своей небесной кузницы.

Когда Сапфира летела между двумя гигантскими белыми колоннами облаков — рядом с которыми она казалась не более чем песчинкой, — а моря не было видно из-за скрывавшей его сплошной облачности, встречный ветер еще усилился, а воздух стал невероятно холодным и каким-то хрустким. Холод окутывал Эрагона со всех сторон, и он стиснул зубы, чтобы ими не лязгать. В животе у него противно екало, когда Сапфира то резко падала вниз, то столь же резко взмывала вверх.

«Вам еще когда-нибудь доводилось попадать в грозу кроме того раза, когда вы летели из долины Паланкар в Язуак?» — спросил Глаэдр.

«Нет», — коротко и мрачно буркнула Сапфира.

Глаэдр, казалось, ожидал подобного ответа, ибо тут же начал давать ей всякие советы насчет того, как пробиться сквозь такую густую облачность и не потерять ориентации.

«Следи за направлением и примечай каждое крупное скопление облаков поблизости, — говорил он. — С их помощью ты сможешь догадаться, в каком направлении дует ветер и где он сильнее всего».

Многие из этих правил были Сапфире уже известны, но, поскольку Глаэдр продолжал свой неторопливый урок, спокойствие и самообладание старого дракона передались и Сапфире с Эрагоном. Если бы они почувствовали в мыслях Глаэдра тревогу или страх, то и сами, несомненно, заразились бы этими чувствами, и он, похоже, отлично это понимал.

Клок облака, оторванный ветром от основной груды, пересек путь Сапфиры, и она, вместо того чтобы его облететь, пронзила его, точно сверкающее синее копье. Серый туман окутал их со всех сторон, даже вой ветра вроде бы стал звучать глухо; сморщившись, Эрагон прикрыл рукой лицо, защищая от излишней слепящей влаги глаза.

Когда они стрелой вылетели из облака, оказалось, что тело Сапфиры покрыто миллионами крошечных капелек, и теперь она сверкала так, словно ее и без того ослепительную чешую усыпали алмазной крошкой.

Но по-настоящему выровнять полет она так и не могла; то недолго летела по прямой, то порыв яростного ветра швырял ее резко в сторону, то неожиданный восходящий поток воздуха заставлял ее подняться вверх, а потом на одном крыле сворачивать вбок и вниз. Даже просто сидеть у Сапфиры на спине, когда она сражалась с бесконечной турбуленцией, было достаточно непросто, а уж для нее самой эти хаотические воздушные потоки и вовсе стали чистым мучением. Бороться с ними ей становилось все труднее, однако Сапфира понимала, что эта буря и не думает

кончаться, так что у них нет иного выхода, кроме продолжения полета.

Часа через два Глаэдр сказал:

«Нам придется повернуть. Ты и так уже слишком сильно отклонилась к западу, и если мы все еще намерены преодолеть бешеный напор этой бури, то лучше сделать это сейчас, пока ты совсем не выбилась из сил».

Не говоря ни слова, Сапфира повернула на север, навстречу огромным, громоздящимся друг над другом грудам облаков, верхушки которых были ярко освещены солнцем. Эта облачная гора находилась как раз над сердцем бури. Эрагон ничего подобного в жизни не видал; груда облаков была выше и больше даже Фартхен Дура; в ее складках мелькали голубые вспышки молний, зигзагами пронзавших самую верхнюю часть темной «небесной наковальни».

Следом за вспышками молний чудовищные удары грома сотрясали небеса, и Эрагону приходилось затыкать уши руками. Он знал, что магические стражи защитят его от молний, но ему все-таки страшновато было находиться так близко от этих трескучих сгустков энергии.

Если Сапфира и была напугана, то он этого не чувствовал. Он чувствовал только ее решимость. Набирая скорость, она быстрее замахала крыльями, и через несколько минут они оказались уже перед самим этим грозовым «утесом», а потом и нырнули в него, очутившись в самом центре бури.

Их со всех сторон окутали сумерки, серые и единообразные.

Казалось, весь остальной мир перестал существовать. Серый туман был таким плотным, что Эрагон не видел ни носа Сапфиры, ни ее хвоста, ни крыльев. Они летели абсолютно вслепую, и лишь сила тяжести позволяла им определять, где верх, а где низ.

Эрагон, открыв свои мысли, позволил им охватить как можно большее пространство вокруг, но не ощутил рядом ни одного живого существа. Поблизости не было даже ни одной птицы, случайно угодившей в бурю. К счастью, Сапфира полностью сохраняла чувство направления, так что они вряд ли сбились бы с курса. Но Эрагон все же продолжал мысленно

«ощупывать» все вокруг в поисках любой живой души, хотя бы растения или животного, опасаясь, что при такой видимости они запросто могут врезаться в какую-нибудь гору.

Он также произнес заклинание, которому научил его Оромис; это заклинание давало ему и Сапфире возможность понять, насколько близко к поверхности воды — или земли — они в данный момент находятся.

С той минуты, как они вошли в сердцевину огромной тучи, постоянно висевшая в воздухе влага насквозь пропитала шерстяную одежду Эрагона, сделав ее страшно тяжелой. Это было очень неприятно, но он смог бы, наверное, не обращать на это внимания, если бы влага не начала, скапливаясь на коже, стекать ему за шиворот, что в сочетании с ветром давало ощущение прямо-таки смертного холода. Казалось, этот холод вот-вот высосет из него остаток жизни. И Эрагон, не выдержав, произнес еще одно заклинание, как бы фильтровавшее воздух вокруг него, освобождая его от мелких, но заметных капелек влаги; а также — по просьбе Сапфиры — он оградил тем же заклятием ее глаза, потому что скапливавшаяся на веках влага заставляла ее слишком часто моргать, сбивая с толку.

А вот внутри той черной «наковальни» ветер оказался на удивление слабым. Эрагон попросил Глаэдра объяснить это явление, но старый дракон был мрачен и отделался кратким замечанием:

«Самое страшное нам еще предстоит».

Правдивость его слов вскоре стала очевидна, ибо яростный восходящий поток воздуха с такой силой ударил Сапфире в брюхо, что подбросил ее аж на тысячу футов; воздух там оказался настолько разреженным, что Эрагону стало трудно дышать. Туман тут же превратился в бесчисленное множество ледяных иголок, коловших ему нос и щеки, а также мягкие перепонки на крыльях Сапфиры.

Прижав крылья к бокам, Сапфира плавно нырнула вперед, пытаясь уйти от этого восходящего потока, и через несколько секунд стало ясно, что ей это удалось. Однако она тут же попала в новый поток, на этот раз нисходящий, и его мощное давление стало с пугающей скоростью прижимать ее к самой воде.

Стремительный спуск заставил ледяные кристаллы растаять, и они превратились в крупные круглые дождевые капли, которые, казалось, плыли в невесомости рядом с Сапфирой. Совсем рядом сверкнула молния — фантастическим голубым светом вспыхнули облака, и Эрагон вскрикнул от боли в ушах, такой оглушительный гром раздался вслед за этим. В ушах у него все еще стоял звон, когда он решительно оторвал край своего плаща, разделил этот кусок ткани пополам и засунул затычки как можно глубже в уши.

Лишь у самого нижнего края облака Сапфире удалось свернуть и вырваться из-под нисходящего потока, и ее сразу же подхватил следующий восходящий поток — точно чья-то гигантская рука швырнула ее ввысь, и Эрагон надолго утратил всякое ощущение времени.

Бешеные порывы ветра были так сильны, что у Сапфиры не хватало сил им сопротивляться; она то взлетала вверх, то резко падала вниз в сменявших друг друга воздушных потоках. Ее швыряло, как кусок плавника, угодивший в водоворот. Она, правда, сумела немного продвинуться вперед — на какие-то несколько жалких миль, выигранных дорогой ценой и огромной затратой сил, — но воздушные потоки продолжали играть с ней, как с игрушкой.

На Эрагона это действовало весьма удручающе. Оказалось, что все они — он сам, Сапфира и Глаэдр — совершенно беспомощны перед этой бурей и при всем их общем могуществе даже надеяться не могут справиться с силами природы.

Дважды ветер едва не швырнул Сапфиру прямо в бушующие волны. Оба раза нисходящим потоком воздуха ее вырывало из подбрюшья грозовой тучи и бросало под потоки чудовищного ливня, яростно молотившего по поверхности моря. Когда это случилось во второй раз, Эрагону показалось, что он видит среди волн длинное темное тело нидхвала. Однако когда снова блеснула молния, темный силуэт чудовища исчез, и Эрагону осталось только размышлять, не сыграли ли с ним шутку быстро движущиеся по воде тени.

Силы Сапфиры истощались; она все слабее сопротивлялась порывам ветра; теперь уже ветер сам тянул ее, куда ему хочется, а она пыталась ему противодействовать, лишь

когда ее прибивало уж слишком близко к поверхности воды. Во всех остальных случаях она почти переставала махать крыльями и старалась экономить силы. Эрагон чувствовал, что Глаэдр начинает подпитывать Сапфиру своей энергией, давая ей возможность как-то продержаться, но этого ей хватало лишь на то, чтобы просто поддерживать высоту.

Вскоре даже тот слабый свет, что их окружал, стал меркнуть, и Эрагона охватило отчаяние. Большую часть дня они потратили на борьбу с этой бурей, а она по-прежнему швыряла их, как игрушку, и не думала успокаиваться; да и Сапфире, похоже, никак не удавалось хотя бы приблизиться к краю грозовой тучи.

Когда солнце село, вокруг воцарилась такая темнота, что Эрагон не мог разглядеть даже собственного носа. Собственно, было все равно, открыты его глаза или закрыты. Ему казалось, будто их с Сапфирой закатали в плотные слои черной шерсти; окружавшая их непроницаемая тьма действительно давила на них физически, словно некая вполне ощутимая субстанция.

Каждые несколько секунд очередная вспышка молнии вспарывала мрак, порой скрываясь за пеленой облаков, а порой сверкая прямо перед Эрагоном и Сапфирой, ослепляя их своим сиянием, равным дюжине солнц; после такой вспышки во рту оставался железистый привкус, а ночь казалась в два раза темнее. Эрагон с Сапфирой не знали уже, что хуже — этот ослепляющий свет или кромешная тьма. Но как бы близко ни ударяли молнии, ни одна из них не задела Сапфиру, хотя постоянные раскаты грома уже вызывали у них обоих дурноту. Сколько им еще так лететь, Эрагон даже представить себе не мог.

Затем где-то среди ночи Сапфира угодила в бешеный восходящий вихрь, который оказался сильнее и обширнее всех тех, с которыми они встречались до того. Как только они в него попали, Сапфира сразу начала яростно ему сопротивляться, пытаясь из него выбраться, но сила ветра была так велика, что ей едва удавалось удерживать крылья в горизонтальном положении.

Наконец, отчаявшись, она выбросила из пасти длинный язык пламени, осветив небольшое пространство

вокруг, полное ледяных кристалликов, которые сверкали, как драгоценные камни, и взревела:

«Помогите! Мне самой с этим не справиться!»

И все трое объединили свои усилия, а Глаэдр еще и уделил Сапфире очередную порцию своей энергии.

«Ганга фрам!» — воскликнул Эрагон, и это заклинание буквально швырнуло Сапфиру вперед, однако ее движение почти сразу снова замедлилось, потому что лететь под нужным углом к ветру было столь же трудно, как переплывать через Анору во время весеннего паводка. Даже когда Сапфира летела параллельно земле, восходящий поток воздуха упрямо толкал ее вверх. Вскоре Эрагон заметил, что начинает задыхаться, ему не хватало кислорода, но выбраться из этого воздушного потока им никак не удавалось.

«Это отнимает у тебя слишком много сил и слишком долго продолжается, — сказал ему Глаэдр. — Останови действие заклятия».

«Но ведь...»

«Останови. Мы ничего не выиграем, если вы с Сапфирой окончательно лишитесь сил. Придется оседлать этот ветер и скакать на нем до тех пор, пока он сам не устанет и не даст Сапфире возможность с него соскочить».

«Как это сделать?» — спросила Сапфира. Усталость и ощущение близкого поражения явно затуманили ей мозги, и Эрагону стало жаль ее. Он сделал то, что велел ему Глаэдр, и золотистый дракон сказал:

«Теперь ты должен усилить действие того заклинания, с помощью которого согреваешь себя, и распространить его действие на Сапфиру и на меня, ибо сейчас нам всем станет еще холодней, куда холодней, чем самой суровой зимой в Спайне, и без магической защиты мы попросту замерзнем до смерти».

«Даже ты?»

«Мое Элдунари попросту треснет и расколется, точно кусок горячего стекла, если его бросить в снег. Затем тебе с помощью заклинания нужно собрать воздух вокруг тебя и Сапфиры в некий пузырь и удерживать его там, чтобы вы оба имели возможность дышать. Но из этого пузыря обязательно нужно удалять уже использованный воздух, иначе

вы задохнетесь. Произносить такое заклинание нужно очень внимательно и осторожно, ты ни в коем случае не должен сделать ни одной ошибки. Слушай внимательно. Начинается оно так...»

И Глаэдр произнес все нужные фразы древнего языка, а Эрагон старательно повторил их, и лишь после этого старый дракон разрешил ему применить магию. Затем он по совету Глаэдра усилил согревающее заклятие, чтобы защитить всех троих от смертоносного холода.

А ветер тем временем поднимал их все выше и выше, и Эрагон уже начинал думать, что это никогда не кончится, они так и будут подниматься по спирали все выше и выше, пока не достигнут луны и звезд.

Эрагону вдруг пришла в голову мысль, что, возможно, так и создавались кометы: птицу, дракона или еще какое-то вполне земное существо с такой скоростью уносил ввысь безжалостный ветер, что они вспыхивали, точно огненные стрелы, которые используют при осаде крепости. Если это так, решил Эрагон, то мы трое окажемся одной из самых *ярких и прекрасных комет в истории* земли, если, конечно, кому-нибудь удастся увидеть ее полет, а это вряд ли возможно над бушующим морем, вдали от всех берегов.

Постепенно вой ветра стал стихать. Даже зубодробительные раскаты грома стали, похоже, звучать несколько глуше, и Эрагон, осмелившись наконец вытащить из ушей затычки, был поражен тем, какая тишина их теперь окружала. Где-то далеко позади еще слышалось слабое бормотание грома, точно журчание лесного ручья по каменистому ложу, но в целом вокруг установилась благословенная тишина.

Когда умолк грохот и свист сердитой бури, Эрагон заметил, что созданные им заклятия забирают у него слишком много сил — меньше то, которое их согревало, но значительно больше то, которое собирало и удерживало в «пузыре» вокруг них пригодный для дыхания воздух. По неведомой причине энергии на поддержание действия этого заклятия требовалось во много раз больше. Вскоре Эрагон почувствовал, что использованная им магия лишила его последних сил: руки у него стали ледяными, сердце

билось неровно, и страшно хотелось спать, что было, пожалуй, самым тревожным признаком.

И тут он ощутил помощь Глаэдра — казалось, с его плеч будто сняли тяжкую ношу. Энергия старого дракона стала вливаться в него, точно прилив лихорадочного жара, и мгновенно унесла прочь всю сонливость и восстановила в теле нормальное кровоснабжение. Полет продолжался.

Через некоторое время Сапфира заметила ослабление ветра, хоть пока и незначительное, и стала готовиться к выходу из восходящего потока.

Тем временем облака над ними почти развеялись, и Эрагон заметил несколько крупных сверкающих звезд, белых и серебристых, светивших, как ему показалось, гораздо ярче, чем когда-либо.

«Смотрите!» — воскликнул он, и вдруг облака окончательно расступились, и грозовой фронт остался далеко под ними, а Сапфира словно повисла в воздухе, балансируя на вершине восходящего потока.

Глянув вниз, Эрагон увидел весь грозовой фронт целиком. Он простирался на сотню миль в каждую сторону. Центр его был похож на выгнутую шляпку гигантского гриба, гладкую, но несколько разлохмаченную по краям злобными перекрещивающимися потоками ветра, с бешеной скоростью летевшими с запада на восток и угрожавшими сбросить Сапфиру с ее не слишком надежного воздушного «шеста». Облака как вблизи, так и вдали были молочного цвета и светились так, словно внутри каждого был эльфийский беспламенный фонарь. Сейчас эти облака казались прекрасными, мирными, спокойными, а не грозными громадами, мгновенно меняющими свои очертания. Но по их виду невозможно было предположить, что творится у них внутри и за ними.

Когда Эрагон посмотрел вверх, у него просто перехватило дыхание от восторга: там было столько звезд! Куда больше, чем, как ему казалось, может вообще существовать. Красные, синие, белые, золотистые звезды всех размеров были разбросаны по небесному своду, точно горсти сверкающей пыли. Там были и знакомые ему созвездия, но

теперь они были окружены тысячами более мелких звездочек, которые он видел впервые. Здесь не только звезды светились ярче, но тьма между ними казалась гораздо темнее. У Эрагона было ощущение, что раньше, когда он смотрел на звездное небо, глаза его застилала некая пелена, не дававшая ему насладиться всей красотой и великолепием этого зрелища.

Он был до глубины души потрясен неожиданно открывшимся ему миром бескрайнего космоса. А когда он опустил глаза и посмотрел вниз, его поразило нечто необычное, связанное с изгибом линии горизонта, скрывавшейся в пурпурной дымке. Да, та знакомая линия, где море и небо как бы сливаются воедино, странным образом закруглялась, словно край какой-то невообразимо большой окружности.

Это было так неожиданно, что Эрагону понадобилось несколько секунд, чтобы понять, что именно он видит вдали, и когда он это понял, волосы у него на голове зашевелились, а в груди вдруг перехватило дыхание.

— Наш мир круглый! — прошептал он. — Небо пустое, а наша земля круглая!

«Похоже на то, — согласился с ним Глаэдр, похоже, не меньше Эрагона впечатленный этим зрелищем. — Я слышал, как об этом рассказывал один из диких драконов, но никогда не думал, что увижу это собственными глазами».

На востоке слабое желтое сияние окрасило часть горизонта, предвещая возврат солнца, и Эрагон понял, что если Сапфира удержится в том же положении еще минут пять, то они увидят, как солнце поднимается над краем земли, хотя там, внизу, пройдут еще долгие часы, прежде чем теплые, дающие жизнь солнечные лучи достигнут поверхности моря.

Сапфира еще несколько секунд балансировала на вершине воздушного столба, как бы повиснув между звездным небом и землей. Эрагону казалось, что они плывут в этих безмолвных сумерках, точно вольные духи, находясь как бы *нигде*. Что они — просто пылинка, пролетающая по границе, разделяющей два необозримо огромных пространства...

Затем Сапфира, резко нырнув вперед, стала спускаться к земле, держа курс точно на север. Воздух на такой высоте

был настолько разреженным, что даже ее мощные крылья не в силах были должным образом поддерживать ее вес, как только она вышла из восходящего потока.

Теперь она осторожно, хотя и несколько неровными рывками, спускалась все ниже и ниже, и Эрагон со вздохом заметил:

«Если бы у нас было много драгоценных камней, можно было бы собрать в них большой запас энергии и попытаться взлететь еще выше. Как ты думаешь, Глаэдр, мы могли бы долететь до Луны?»

«Кто знает, что еще возможно на этом свете?» — сказал Глаэдр.

В детстве Эрагону казалось, что Карвахолл и долина Паланкар — это и есть весь мир, во всяком случае тот мир, что ему понятен и известен. Он, конечно, слышал об Империи, но она не казалась ему реально существующей, пока он не начал странствовать. Потом его представления о мире значительно расширились, включив всю Алагейзию, а также, пусть и не слишком отчетливо, иные земли, о которых он успел прочесть в книгах. Но только теперь он понял: то, что казалось ему чем-то невероятно большим, бескрайним, на самом деле является лишь малой частью неизмеримо большей Вселенной, словно само его мировоззрение в течение нескольких мгновений изменилось от мировоззрения муравья до мировоззрения орла. Ибо небо оказалось пустым, бескрайним и бездонным, а земля — круглой.

Это заставляло Эрагона переоценивать все и для всего определять в жизни новое место. Война между варденами и Империей уже не казалась ему такой уж значительной по сравнению с истинными размерами мира. А какими незначительными и мелкими могли бы показаться людям те беды и заботы, которые порой сводят их с ума, если бы они посмотрели на все это с такой высоты!

И он сказал Сапфире:

«Если бы каждый смог увидеть то, что видели мы! Возможно, тогда в мире было бы куда меньше войн и сражений».

«Вряд ли можно ожидать, что волки станут овцами».

«Нет, не станут. Но даже волки могут быть не столь жестокими по отношению к овцам».

...Вскоре Сапфира вновь нырнула в черные тучи, успешно избежав при этом как восходящих, так и нисходящих потоков воздуха. Она стрелой промчалась с десяток миль, лишь изредка задевая верхушки воздушных потоков, прятавшихся в недрах бури, и отчасти используя их как трамплины, которые давали ей возможность поберечь собственные силы.

Через час или два туман вокруг них почти рассеялся. Сапфира вылетела из густых облаков, собравшихся вблизи центра бури, опустилась на невесомые «предгорья» той гигантской облачной горы, которую ветры постепенно превращали в нечто, более похожее на рваное одеяло, не затрагивая при этом лишь ту страшную черную «наковальню», что осталась позади.

К тому времени, как солнце наконец появилось над горизонтом, ни у Эрагона, ни у Сапфиры не осталось сил, чтобы обращать внимание на то, что происходит вокруг. Да, собственно, в монотонной поверхности моря внизу и не было ничего такого, что могло бы привлечь их внимание.

Глаэдр первым заметил остров и сказал:

«Сапфира, вон туда, правее. Ты его видишь?»

Эрагон моментально встрепенулся, поднял голову, лежавшую на скрещенных руках, и, прищурившись на ярком свету, посмотрел на север. В нескольких милях от них из облаков поднималось кольцо горных вершин, покрытых снегом и льдом. Все вместе это было похоже на старинную зубчатую корону, покоившуюся на мощных слоях тумана. Склоны гор, обращенные на *восток, ярко сверкали в лучах* утреннего солнца, а западные их склоны были еще окутаны темно-синим плащом сумерек. Горные отроги темными кинжалами с извилистым лезвием пересекали заснеженные долины.

Эрагон выпрямился в седле, едва осмеливаясь поверить, что их путешествие подходит к концу.

«Осторожней, — сказал Глаэдр, — берегитесь Арас Тхелдуин, тех огненных гор, что стерегут сердце Врёнгарда. Быстрее, Сапфира, нам осталось совсем немного».

ХИЩНЫЕ ЛИЧИНКИ

Ее поймали на пересечении двух совершенно одинаковых коридоров — с одинаковыми колоннами, одинаковыми канделябрами и алыми знаменами на стенах. На знаменах были изображены пересекающиеся языки золотого пламени — эмблема Гальбаторикса.

Насуада, в общем-то, и не надеялась, что ей действительно удастся от них сбежать, и все же испытывала глубокое разочарование, когда ее побег не удался. Уж во всяком случае, она рассчитывала убежать гораздо дальше, прежде чем ее схватят.

И пока солдаты тащили ее обратно в зал Ясновидящей, ставшей ее тюрьмой, она упорно им сопротивлялась. Солдаты были в доспехах и латных перчатках, однако она все же ухитрилась здорово исцарапать им физиономии, а кое-кому и искусать руки.

Войдя в зал, солдаты в ужасе закричали, ибо увидели, что Насуада сотворила со своим тюремщиком. Очень стараясь не ступать в огромную лужу крови, они подтащили ее к серой каменной плите, привязали и поспешно ушли, оставив наедине с трупом.

Она кричала, глядя в потолок, рвалась в своих путах и сама на себя злилась, ибо из ее побега все-таки ничего не вышло. Потом она глянула на тело тюремщика и тут же отвела глаза. После смерти лицо его приобрело какое-то обвиняющее выражение, и смотреть на него было просто невыносимо.

После того как Насуаде удалось украсть ту ложку, она потратила немало времени, затачивая конец черенка о каменную плиту. Ложка была из мягкого металла, и придать черенку соответствующую форму оказалось нетрудно.

Она полагала, что теперь к ней заявятся Гальбаторикс и Муртаг, но вместо них пришел все тот же человек в сером и принес ей нечто вроде позднего обеда. Он начал расстегивать ее кандалы, готовясь сопроводить ее в уборную, но в ту же минуту, как ее левая рука оказалась на свободе, она ударила его под подбородок заостренным концом своего оружия и до упора погрузила черенок ложки в мягкую плоть. Тюремщик завизжал — жутко, пронзительно, как поросенок, когда его режут, — три раза крутанулся вокруг собственной оси, взмахнул руками и упал на пол, дергаясь, суча ногами и отбивая пятками барабанную дробь.

Все это продолжалось как-то невероятно долго и здорово выбило Насуаду из колеи. Ей этот человек в сером вовсе не казался таким уж плохим или злым — она вообще представления не имела, какой он на самом деле, — и было в нем еще некое простодушие, заставлявшее ее думать, что она, по сути дела, воспользовалась им по праву более сильной. И все же она сделала то, что сделать было необходимо, и хотя теперь ей даже думать об этом не хотелось, она по-прежнему была убеждена, что действовала вполне оправданно.

Пока тюремщик дергался в предсмертных конвульсиях, Насуада расстегнула свои путы и спрыгнула с плиты. Затем, взяв себя в руки, выдернула острый черенок ложки из шеи убитого — точно затычку из бутылки вытащила: кровь хлынула фонтаном, забрызгав ей ноги и заставив отскочить назад. Насуада шепотом выругалась и двинулась к двери.

С двумя стражниками, стоявшими снаружи, она расправилась довольно легко. Того, что стоял справа, ей удалось застигнуть врасплох и прикончить тем же способом, что и человека в сером. Затем она выхватила у него из-за пояса кинжал и бросилась на второго стражника, пока тот возился с копьем, тщетно пытаясь ее проткнуть. Однако Насуада находилась от него так близко, что орудовать копьем было куда труднее, чем кинжалом, и она заставила его замолчать, прежде чем он успел убежать или поднять тревогу.

После этого ей удалось пробежать довольно далеко. Но то ли благодаря магии Гальбаторикса, то ли из-за простого

невезения в одном из коридоров она налетела на пятерых солдат, которые довольно быстро, хотя и не без ущерба для себя, скрутили ее.

Должно быть, через полчаса она услышала топот множества подкованных железом сапог у дверей своей комнаты, и туда ворвался Гальбаторикс в сопровождении стражи.

Как и всегда, он остановился почти за пределами ее видения — высокая темная фигура с угловатым лицом. Насуада видела лишь часть его силуэта, но все же заметила, как он поворачивается, осматривая то, что творится в зале Ясновидящей. Затем он ледяным тоном спросил:

— Как это могло случиться?

Один из воинов в украшенном плюмажем шлеме упал перед ним на колени, протягивая заостренный черенок ложки.

— Сир, мы нашли это в теле одного из стражников.

Гальбаторикс взял черенок, задумчиво повертел его в руках и промолвил:

— Ясно. — Затем он повернулся к Насуаде и, стоя так, чтобы ей было видно, легко согнул черенок и сломал его пополам. — Ты же понимала, что сбежать тебе не удастся, и все же из упрямства предприняла такую попытку, — сказал он ей. — Я не позволю тебе убивать моих людей только для того, чтобы досадить мне. Ты не имеешь права отнимать у них жизнь. Ты *вообще ни на что не имеешь права*, пока я тебе этого не позволю! — Он швырнул на пол обломки ложки, развернулся и, широко шагая, удалился из зала Ясновидящей, хлопая своим тяжелым плащом.

Двое солдат унесли тело тюремщика, убрали кровавую лужу на полу и, осыпая Насуаду проклятиями, ушли.

Оставшись одна, она наконец-то вздохнула с облегчением и позволила себе немного расслабиться.

Ей очень хотелось есть. Особенно сильно она это почувствовала теперь, когда несколько улеглось возбуждение, владевшее ею. Насуада, правда, подозревала, что поесть ей дадут скорее всего нескоро. Если вообще дадут. Гальбаторикс вполне может наказать ее пыткой голодом.

Впрочем, мечты о хлебе, жареном мясе и вине в высоких бокалах оказались недолговечны, ибо за дверью зала вновь послышался грохот сапог. Сильно этим удивленная, Насуада попыталась внутренне собраться и подготовиться к любым неприятностям — в том, что ее ждут исключительно неприятные вещи, она не сомневалась.

Затем двери с грохотом распахнулись, и вошли двое — Муртаг и Гальбаторикс. Муртаг остановился там же, где и всегда, но без жаровни ему явно нечем было заняться, и он, скрестив руки на груди, прислонился к стене и уставился в пол. Та часть его лица, которая была видна Насуаде, не внушила ей никаких особых надежд: его черты показались ей еще более резкими, чем обычно, а в изгибе губ было что-то поистине сатанинское, у нее даже мурашки по всему телу поползли.

Гальбаторикс не сел, как обычно, *в кресло, а остался* стоять, находясь где-то чуть в стороне от ее виска, и она скорее чувствовала его присутствие, но самого его почти не видела.

Затем он простер над *нею руки с длинными, тонкими*, похожими на когти пальцами, и она увидела, что в руках у него какой-то маленький ларчик, украшенный инкрустацией из резного рога, очень похожей на иероглифы древнего языка. Из ларчика доносился какой-то в высшей степени неприятный, хотя и довольно слабый скрежет; казалось, там скребется мышь.

Одним движением большого пальца Гальбаторикс открыл крышку и вытащил из ларчика нечто, похожее на крупную личинку цвета слоновой кости. Тварь была почти три дюйма в длину, и на одном ее конце виднелась крошечная пасть, с помощью которой личинка и издавала тот противный скрежет, словно выражая крайнее неудовольствие миром, в который попала. Личинка была пухлая и складчатая, как гусеница; если у нее и имелись какие-то ножки, то глазу они были почти незаметны; и она отвратительно извивалась, тщетно пытаясь освободиться из цепких пальцев Гальбаторикса. А он сказал, обращаясь к Насуаде:

— Это весьма занятная и весьма хищная личинка. Мало что на свете действительно соответствует своему

внешнему облику, но в данном случае это особенно очевидно. Эти твари очень редки, и найти их можно только в одном месте, а поймать гораздо труднее, чем может показаться с первого взгляда. Можешь считать, Насуада, дочь Аджихада, что это знак моего особого к тебе расположения, ибо сейчас я намерен воспользоваться одной из этих личинок, применив ее к тебе. — И он гораздо тише, почти интимным тоном прибавил: — Признаюсь, не хотелось бы мне сейчас оказаться на твоем месте!

Скрежет, издаваемый мерзкой тварью, стал громче, когда Гальбаторикс посадил ее на правую обнаженную руку Насуады чуть пониже локтя. Она вздрогнула, ибо личинка оказалась гораздо тяжелее, чем с виду, и цеплялась за кожу сотней каких-то острых маленьких крючков.

Личинка еще немного поскрежетала, а потом, собравшись в плотный комок, *прыгнула* вверх по руке Насуады, разом преодолев несколько дюймов.

Насуада дернулась, пытаясь сбросить личинку, но та держалась крепко, глубоко вонзая в кожу свои ножки-крючочки.

А потом снова прыгнула.

И еще раз, и вскоре уже оказалась у Насуады на плече; крючки на брюшке цеплялись за гладкую кожу, точно колючки репья. Краем глаза Насуада заметила, что личинка подняла свою безглазую головку, словно принюхиваясь, и нацелилась прыгнуть прямо ей на лицо. Крошечная пасть приоткрылась, и Насуада увидела там острые режущие жвала.

«Скри-скри? — как бы спросила личинка. — Скри-скра?»

— Не туда, — сказал ей Гальбаторикс и еще что-то прибавил на древнем языке.

Услышав знакомые звуки, личинка повернула в сторону от лица Насуады — к огромному облегчению девушки — и снова стала спускаться по ее руке.

Мало что могло действительно вызвать у Насуады страх. Прикосновение раскаленного железа. Мысль о том, что Гальбаторикс будет править в Урубаене вечно. Смерть... Ну, смерть, конечно, тоже ее пугала, хотя и не так сильно; скорее уж, она боялась, что завершит свое существование

раньше, чем закончит все те дела, которые надеялась довести до конца.

Однако по какой-то неведомой причине уже один только вид этой личинки, не говоря уж о ее прикосновениях к телу, пугал и нервировал Насуаду куда больше, чем что-либо другое. Каждый мускул ее тела прямо-таки жгло от напряжения; ей невыносимо хотелось вскочить и убежать, спрятаться, спастись от этого жуткого существа. Было нечто *глубоко неправильное и непонятное* в самом поведении личинки: она и двигалась как-то не так; и ее отвратительная маленькая, но хищная пасть странным образом напоминала ротик ребенка; и звуки, которые она издавала, вызывали в душе какие-то первобытные страхи.

Личинка остановилась на сгибе локтя и что-то проскрежетала.

Затем ее толстое безногое тело собралось, содрогнулось, и она, подпрыгнув дюймов на пять вверх, как бы нырнула вперед головой и приземлилась на внутренней стороне руки Насуады ближе к плечу.

И там хищная тварь вдруг разделилась на дюжину маленьких ярко-зеленых сороконожек, *которые моментально* расползлись по руке Насуады и впились в ее плоть своими жвалами, прогрызая себе путь под кожу.

Боль была невыносимой. Насуада забилась, пронзительно закричала, глядя в потолок, но вырваться и прекратить эту пытку не могла. Этот кошмар, как ей показалось, продолжался бесконечно долго. Раскаленное железо, возможно, причиняло ей более острую боль, но сейчас Насуада предпочла бы даже прикосновения раскаленного прута, ибо железо было безликим, неживым, да и боль от него — вполне предсказуемой, а от этих тварей можно было ожидать чего угодно. Особый ужас вызывало то, что источником боли являлось *нечто живое*, и эта неведомая тварь *пожирала* ее плоть; мало того, *вгрызалась в нее*, проникая внутрь!

Наконец, забыв о гордости и умении держать себя в руках, Насуада громко закричала, призывая на помощь богиню Гокукару и умоляя ее о милосердии, а потом забормотала, точно малое дитя, прося пощады и не в силах остановить поток жалких слов, так и рвавшихся изо рта.

Она услышала, как рядом с нею смеется Гальбаторикс, явно наслаждаясь ее мучениями, испытала невероятный прилив ненависти к нему и потеряла сознание.

Насуада приподняла веки и моргнула, медленно приходя в себя.

Через несколько секунд ей стало ясно, что Муртаг и Гальбаторикс ушли. Но как они уходили, она не помнила.

Боль перестала быть такой острой, но все-таки здорово чувствовалась. Насуада скосила глаза, чтобы осмотреть себя, и тут же отвела взгляд, чувствуя, что вот-вот снова потеряет сознание. Сердце лихорадочно забилось: там, где хозяйничали эти многоножки — она не была уверена, что всех их по отдельности можно называть личинками, — плоть сильно вспухла, и наполненные кровью бороздки отмечали путь этих тварей, проложенный у нее под кожей. Каждый такой след жгло, как огнем. Насуаде казалось, что всю верхнюю часть ее тела исхлестали металлическим бичом.

А что, если эти личинки все еще у нее внутри? Что, если они просто уснули, переваривая ее плоть? Или просто проходят некие метаморфозы? Ведь превращаются же обычные личинки в мух. Впрочем, эти могут превратиться и во что-нибудь похуже. А может — и это казалось Насуаде наихудшей из всех возможностей, — они просто откладывают внутри ее свои яички? Тогда вылупится *еще больше* таких тварей, и все они начнут пировать в ее теле...

Насуада содрогнулась от отвращения и страха и беспомощно заплакала.

Вид этих кровавых бороздок, этих *ходов*, не позволял ей сохранять здравомыслие. Перед глазами у нее все плыло, слезы текли ручьем, и как она ни старалась, как ни ругала себя, но плакать не переставала. Чтобы хоть как-то отвлечься, она стала разговаривать сама с собой — в основном говорила всякие глупости, лишь бы хоть немного полегчало, лишь бы внимание переключилось на что-то другое. Это немного помогло, хотя и не очень.

Насуада понимала, что убивать ее Гальбаторикс пока что не хочет, но все же боялась, что в гневе он зашел несколько дальше, чем намеревался. Ее бил озноб, тело

горело огнем — казалось, ее покусали сотни пчел. В таких обстоятельствах силы воли ей явно хватит ненадолго. Как бы решительно она ни была настроена, даже у ее выдержки имелся определенный предел, и она чувствовала, что давно уже этот предел преодолела. Что-то словно надломилось в глубине ее души, и ей казалось, что после всех этих пыток ей уже не оправиться.

Дверь в зал Ясновидящей тихо приотворилась...

Насуада вся напряглась, пытаясь разглядеть сквозь пелену слез, кто к ней приближается теперь.

Оказалось, что это Муртаг.

Он смотрел на нее, плотно сжав губы, и ноздри его гневно раздувались, а между бровей пролегла глубокая сердитая складка. Сперва Насуада решила, что сердится он на нее, но потом поняла: его страшно тревожит ее состояние, и он, пожалуй, чуть ли не смертельно испуган тем, что Гальбаторикс сотворил с ее бедным телом. Сила его искреннего сочувствия удивила ее, хотя она давно уже поняла, что он *относится к ней с явной приязнью — по*чему же иначе он убедил Гальбаторикса оставить ее в живых? — но не подозревала, что до такой степени ему не безразлична.

Она попыталась подбодрить его улыбкой. Но, должно быть, улыбка у нее не очень-то получилась, потому что при виде ее улыбки Муртаг стиснул зубы, и у него так и заходили желваки на щеках. Затем, явно стараясь сдерживаться, он сказал ей: «Постарайся не двигаться», — и простер над нею руки, что-то шепча на древнем языке.

Словно она может двигаться!

Магия вскоре подействовала, и боль утихла, но не совсем.

Насуада нахмурилась и вопросительно посмотрела на Муртага.

— Прости, но больше я ничего не могу сделать, — сказал он. — Гальбаторикс, конечно, мог бы, а мне такое не под силу.

— А как же... твои Элдунари? — спросила она. — Они, наверно, могли бы тебе помочь.

Он покачал головой:

— В моем распоряжении только Элдунари молодых драконов, то есть они были молодыми, когда умерли их тела, и они довольно плохо разбираются в магии. Гальбаторикс их тогда почти ничему не учил... Прости.

— А эти... *штуки* все еще во мне?

— Нет! Конечно же нет! Гальбаторикс сразу их удалил, как только ты сознание потеряла.

Насуаде сразу же стало значительно легче.

— Почему же тогда боль не проходит? Даже твое заклинание не помогло. — Она очень старалась, чтобы это не прозвучало как обвинение, но все же не сумела сдержать себя, и Муртаг, заметив в ее голосе легкое раздражение, поморщился.

— Я и сам не знаю, почему оно не помогает, — сказал он. — Должно было помочь. Видимо, эта тварь, кем бы она ни была, просто не соответствует законам нашей природы.

— А ты знаешь, откуда она взялась?

— Нет. Я сам только сегодня впервые ее увидел, когда Гальбаторикс ее из своих личных покоев вынес.

Боль все-таки была еще очень сильной, и Насуада на мгновение зажмурилась, а потом попросила:

— Помоги мне встать.

— А ты...

— Пожалуйста, помоги мне встать.

Муртаг без лишних слов снял с нее кандалы и помог подняться. Некоторое время она постояла, чуть покачиваясь, возле своего каменного ложа, пережидая приступ головокружения.

— Вот, возьми. — Он подал ей свой плащ, и она с благодарностью его приняла и тут же в него завернулась. Ею руководили самые разнообразные чувства — и чувство скромности, и желание согреться, и ужас, который вызывали в ее душе следы от ожогов, и особенно эти наполненные кровью бороздки в ее плоти.

Прихрамывая — ибо проклятые многоножки «посетили» и подошвы ее ног, — Насуада добрела до стены и по ней медленно опустилась на пол.

Муртаг сел с нею рядом, и некоторое время оба молчали, глядя прямо перед собой на противоположную стену.

А потом Насуада, сама не зная почему, вдруг расплакалась.

Через несколько минут она почувствовала, что Муртаг тронул ее за плечо, и резко отстранилась. А что она могла с собой поделать? В конце концов, именно он за эти несколько дней причинил ей столько боли, сколько она за всю свою жизнь не испытала! Даже понимая, что он делал это не по своей воле, она не могла забыть, что это он *жег ее каленым железом*!

И все же, заметив, как больно ужалила Муртага ее неприязненная реакция, она не выдержала: коснулась его руки, словно извиняясь, и он в ответ ласково пожал ее пальцы. А потом вдруг обнял за плечи и притянул к себе. Она хотела было вырваться, но потом, смирившись, прижалась к нему и, положив голову ему на грудь, продолжала плакать; ее тихие рыдания гулким эхом отдавались в пустой комнате.

Через несколько минут Муртаг шевельнулся и сказал:

— Я найду способ освободить тебя! Пока ты не принесла Гальбаториксу клятву верности, у меня еще есть шанс выкрасть тебя из Урубаена.

Насуада изумленно на него посмотрела и поняла, что он действительно собирается это сделать.

— Но как? — прошептала она.

— Понятия не имею! — Он пожал плечами и грустно усмехнулся. — И все же я это сделаю, чего бы мне это ни стоило. Но и ты должна пообещать мне, что не сдашься — по крайней мере до тех пор, пока я не попытаюсь тебя отсюда вытащить. Договорились?

— Но я вряд ли смогу снова вынести... *это*. Если он снова *это* принесет и посадит на меня, я скажу ему все, что он захочет, и принесу любую клятву.

— Этого ты можешь больше не опасаться. Гальбаторикс больше не собирается использовать ту мерзкую личинку.

— А *что* же он собирается использовать?

Муртаг помолчал. Потом все же сказал:

— По-моему, он хочет попробовать манипулировать твоим зрительным восприятием, а также твоим слухом, вкусом и прочими органами чувств. Если этого будет мало,

он атакует твой разум. И в таком случае ты наверняка не сможешь долго ему сопротивляться. Да и вообще не сможешь. Никто и никогда этого не мог. Но пока что до этого еще не дошло, и я уверен, что сумею тебя спасти. Ты только не сдавайся! Продержись еще несколько дней. Да, хотя бы несколько дней.

— Как же я смогу продержаться, если сама себе теперь не доверяю?

— Есть одно ощущение или чувство, которого Гальбаторикс ни изменить, ни исказить не в силах. — Муртаг повернулся и посмотрел ей прямо в глаза. — Ты позволишь мне проникнуть в твое сознание? Обещаю, что не стану читать твои мысли. Я хочу лишь, чтобы ты поняла, что именно чувствую я сам — по-настоящему, в глубине души. Чтобы ты смогла узнать мою душу... *потом*; чтобы ты смогла узнать *меня самого*... Это, возможно, понадобится нам обоим.

Насуада колебалась. Она понимала, что это поворотный момент в ее судьбе. Либо она согласится ему довериться, либо откажется, и тогда, возможно, потеряет свой последний шанс на спасение и будет вынуждена стать рабыней Гальбаторикса. Однако она всегда опасалась чьих бы то ни было проникновений в ее душу и никому этого не позволяла. А что, если Муртаг попытается убаюкать ее сознание и убедит ее снять оборону? Или, может, он просто надеется выудить нужные ему сведения, шаря в ее мыслях?

Но потом она подумала: «А зачем Гальбаториксу прибегать к подобным хитростям? Он все это с легкостью может проделать и сам. Муртаг прав. А я вряд ли смогу долго сопротивляться Гальбаториксу... Если я приму предложение Муртага, это, возможно, станет моим приговором, но если я откажусь, тогда мой смертный приговор неизбежен. Гальбаторикс в любом случае сломит меня. Это всего лишь вопрос времени...»

— Поступай, как считаешь нужным, — сказала она Муртагу. Тот кивнул и прикрыл глаза веками.

А Насуада принялась вспоминать про себя кусок одной поэмы, который всегда повторяла, желая скрыть свои истинные мысли или защитить свое сознание от чьего-то вторжения. Она сосредоточенно повторяла эти строки,

готовясь в случае чего оказать Муртагу решительный отпор, и очень старалась не думать ни об одной из тех тайн, хранить которые было ее священным долгом.

Жил в Эльхариме человек желтоглазый.
Меня он учил: — Слухи — это проказа;
Слухи — демоны тьмы,
Они губят умы.
Ты не слушай тех демонов, детка,
Вот и будешь ты ночью спать крепко.

Когда Муртаг коснулся ее сознания, Насуада вздрогнула, замерла и снова, еще быстрее, начала повторять знакомый стишок. К ее удивлению, мысли Муртага показались ей странно знакомыми. Его сознание удивительно напоминало ей сознание... Нет, нет, она не должна вспоминать об этом человеке! И все же сходство было поразительным, как, впрочем, и отличия. И самое яркое из этих отличий — гнев, который, казалось, лежал в основе характера Муртага, как некое холодное черное сердце, зажатое в кулак, неподвижное, но порождающее такое количество ненависти и гнева, что эти чувства, растекаясь по венам, змеями опутывали его душу и разум. И все же его тревога, его искренняя забота о Насуаде сияли ярче этого гнева. И это ее окончательно убедило. Невероятно трудно, почти невозможно притворяться, лицемерить, показывая кому-то свое внутреннее «я». И Насуаде не верилось, что Муртаг способен так ее обманывать.

Как и обещал, он не предпринял ни единой попытки проникнуть в ее мысли или в ее воспоминания и уже через несколько секунд прервал их мысленную связь, вновь оставив ее наедине с собственными мыслями.

Открыв глаза, он посмотрел на нее и сказал:

— Ну вот. Теперь-то ты, наверное, сможешь меня узнать, если я вновь проникну в твои мысли?

Она молча кивнула.

— Это хорошо. Гальбаторикс способен на многое, но даже он не умеет имитировать чужое сознание. Я попытаюсь предупредить тебя до того, как он предпримет попытку изменить твое восприятие действительности,

и мысленно свяжусь с тобой, как только он эти попытки прекратит. Таким образом, ему не удастся окончательно тебя запутать, и ты, надеюсь, все же сумеешь отличить реальное от вымышленного.

— Спасибо тебе! — Насуада попыталась вложить в эту короткую фразу всю силу своей благодарности.

— К счастью, немного времени в запасе у нас пока есть, — сказал Муртаг. — Вардены отсюда всего в трех днях пути, а с севера к Урубаену быстро приближаются эльфы. Гальбаторикс сейчас наблюдает за подготовкой к обороне столицы, а потом будет обсуждать различные стратегические планы с лордом Барстом, командующим столичного войска.

Насуада нахмурилась. Она много слышала о лорде Барсте. Он пользовался поистине устрашающей репутацией среди придворных Гальбаторикса, хотя все считали, что ум у него весьма острый. Однако он был на редкость кровожаден и жесток. Тех, кто имел глупость ему противиться, он без малейших сожалений попросту стирал в порошок.

— А почему во главе его войска стоишь не ты? — спросила она.

— На мой счет у Гальбаторикса иные планы. Вот только со мной он ими пока что не делился.

— Долго он будет занят на подготовительных работах?

— Весь сегодняшний день и весь завтрашний.

— И ты думаешь, что успеешь спасти меня до его возвращения?

— Не знаю. Возможно, и не успею. — Они помолчали. Затем Муртаг сказал: — Знаешь, я бы хотел задать тебе один вопрос: зачем ты убила этих людей? Ведь ты же понимала, что выбраться из цитадели не сможешь. Неужели только для того, чтобы насолить Гальбаториксу? Он так и сказал.

Насуада вздохнула и, оттолкнувшись от груди Муртага, села прямо. Он с некоторой неохотой убрал с ее плеча руку, и она, шмыгнув напоследок носом, посмотрела ему прямо в глаза.

— Не могла же я просто так лежать, как бревно, и позволять ему делать со мной все, что он захочет! Я должна была сопротивляться, драться; я должна была показать ему, что он меня не сломил. Да, я действительно хотела причинить ему боль — любым способом, каким только смогу!

— Значит, тобой действительно руководила просто злоба?

— Отчасти. Ну и что? — Она ожидала от него презрения, возмущения или еще чего-то подобного, однако он оценивающе посмотрел на нее, и губы его изогнулись в понимающей усмешке.

— Ну что ж, тогда я вынужден признать, что это была отличная работа! — сказал он.

Она не сразу, но все же улыбнулась в ответ и пояснила:

— И потом, все-таки в глубине души я надеялась, что у меня есть хоть какой-то шанс и я *смогу* убежать.

Муртаг фыркнул:

— Ну да, а драконы смогут начать травой питаться!

— И все равно я должна была попытаться!

— Да, я понимаю... И я бы сделал то же самое, если б мог. И пробовал — когда близнецы еще только притащили меня сюда.

— А потом? А теперь?

— Нет, теперь не могу. Но даже *если б мог* — какова была бы цель моего освобождения?

На это у Насуады ответа не было. Они помолчали; потом она попросила:

— Муртаг, если ты не сможешь освободить меня, тогда пообещай, что поможешь мне спастись... иным способом, хорошо? Я бы не стала просить тебя... не стала бы взваливать тебе на плечи столь тяжкое бремя, но твоя помощь может оказаться бесценной, особенно если у меня не будет возможности сделать это самостоятельно. — Она сурово поджала губы, но он и не думал прерывать ее. — Что бы ни случилось, я не позволю себе стать игрушкой Гальбаторикса, его рабыней! Я пойду на все, лишь бы избежать подобной участи. Ты можешь это понять? — Он слегка кивнул. — Ты мне поможешь? Ты даешь мне слово?

Муртаг потупился, сжимая кулаки; дыхание его стало хриплым.

— Да, я даю тебе слово, — выдохнул он.

Муртаг был не особенно разговорчив, однако Насуада вскоре сумела его разговорить, и они довольно долго болтали о всяких пустяках. Муртаг рассказал ей, как он переделал

седло для Торна, которое подарил ему Гальбаторикс, — этими усовершенствованиями он по праву гордился. Они позволяли ему гораздо быстрее вскакивать в седло и спрыгивать с него, а также без малейшего неудобства пользоваться в полете мечом. А Насуада рассказывала ему о лабиринте рыночных улиц Аберона, столицы королевства Сурда, и о том, как в детстве частенько удирала от няньки, чтобы этот лабиринт исследовать. Ее любимцем был один торговец-кочевник по имени Хадаманара-но Дачу Таганна, хотя он настоял, чтобы она называла его просто Таганна, как звали его в семье. Этот Таганна торговал всякими ножами и кинжалами и с огромным удовольствием показывал ей свои товары, хотя она никогда ничего не покупала.

Чем дольше они с Муртагом беседовали, тем легче и свободней текла их беседа. Несмотря на весьма неприятные обстоятельства, Насуада обнаружила, что ей очень приятно с ним разговаривать. Он был умен, хорошо образован и обладал цепким умом и житейской смекалкой, что было особенно ценно в нынешнем ее, весьма затруднительном, положении.

Муртагу, похоже, беседовать с нею было ничуть не менее приятно. И все же в какой-то момент оба поняли, что ведут себя глупо и беспечно, продолжая болтать о пустяках. Их вполне могли застать врасплох, и Насуада нехотя вернулась на свое каменное ложе, позволила Муртагу застегнуть ее оковы и прикрепить голову ремнем к проклятой серой плите.

Когда он собрался уходить, она вдруг окликнула его. Он замер в дверях, потом обернулся и вопросительно посмотрел на нее. Насуада, собрав все свое мужество, все-таки задала вопрос, который давно вертелся у нее на языке:

— Почему? — Ей казалось, он непременно должен понять, какой смысл она вкладывает в это слово: почему именно ее? Почему он спасает именно ее? Почему хочет помочь ей бежать, рискуя всем на свете? Она, конечно, догадывалась, но все же хотела услышать его ответ.

Муртаг долго смотрел на нее, потом тихо, с трудом, вымолвил:

— Ты сама знаешь *почему*.

Среди развалин

Плотные серые облака расступились, и Эрагон увидел с высоты почти весь остров Врёнгард.

Остров имел форму чаши, в центре которой расстилалась огромная долина, со всех сторон окруженная крутыми горами, вершины которых уходили за облака. Склоны гор были покрыты густым лесом, состоявшим в основном из елей и сосен. Лес спускался и в холмы предгорий, точно огромная армия колючих воинов в остроконечных шлемах. Деревья были высокими и какими-то сумрачно-печальными, даже с такого расстояния Эрагону были видны густые бороды моха и лишайников, свисавшие с мощных ветвей. Кое-где к щекам гор будто прилипли клочки белого тумана, а в некоторых местах над долиной из проплывающих облаков тянулись нити дождя.

Высоко над днищем этой огромной чаши среди деревьев Эрагон заметил немало каменных строений, стоявших весьма обособленно друг от друга, а также обрушившиеся, заросшие молодняком входы в некогда жилые пещеры. На склонах гор виднелись остатки сожженных сторожевых башен и огромные замки с провалившимися крышами; внизу были здания поменьше, и они выглядели так, словно все еще были обитаемыми.

Более десятка рек стекало со склонов гор и, извиваясь, пробиралось сквозь заросли на дне чаши, пока не попадало в большое спокойное озеро, находившееся почти в самом ее центре. Вокруг озера лежали развалины главного города Всадников — Дору Арибы. Столичные строения почти все отличались гигантскими размерами — в этих опустевших полуразрушенных замках поместился бы, наверное,

весь Карвахолл. Каждый вход был точно зев огромной неисследованной пещеры. Каждое окно было размером с въездные ворота, а стены напоминали отвесные утесы.

Толстый, упругий слой вьющихся растений порой полностью скрывал каменные плиты, а там, где не было плюща, плиты поросли мохом, и благодаря этому здания словно растворялись в пейзаже, сливались с ним; казалось, они и сами выросли прямо из земли. Немногочисленные участки обнаженного камня чаще всего имели бледно-охристую окраску, хотя встречались и пятна красного, коричневого и мутно-синего цвета.

Как все прочие эльфийские строения, здания эти, несмотря на свои размеры, отличались определенным изяществом и некой текучестью формы. Дома эльфов всегда казались Эрагону более стройными, чем дома гномов или людей. Но здесь, в Дору Арибе, этим домам, безусловно, была свойственна особая прочность и некое благородное достоинство, чего не хватало, пожалуй, тем домам-деревьям, которые Эрагон видел в Эллесмере. Впрочем, некоторые здешние дома показались ему похожими на дома жителей долины Паланкар, и он вспомнил, что самые первые из Всадников-людей как раз и были родом из его родных мест. В общем, архитектура этого города имела свой уникальный, неповторимый стиль — не совсем эльфийский, но и не совсем человеческий.

К сожалению, почти все здания были сильно разрушены, а некоторые почти стерты с лица земли. Эти разрушения, похоже, расходились радиусами от некоего центра на южной окраине города — глубокой, более чем на тридцать футов уходящей в землю воронки. Несколько березок уже успели пустить там корни и шелестели листвой под легкими порывами ветерка.

Все площади и прочие открытые городские пространства заросли сорными травами и кустарником, а вдоль улиц, где некогда были тротуары, вымощенные плиткой, тянулись полоски зеленой травы. Там, где стены зданий сумели защитить чудесные сады Всадников от страшного взрыва, уничтожившего весь город, еще виднелись на заросших клумбах бледные неяркие цветы, несомненно

созданные некогда с помощью давным-давно забытых заклинаний.

А вот круговая аллея являла собой весьма печальное зрелище — ее едва можно было различить среди развалин, сорных трав и кустарника.

«Вот они, руины нашей гордости и славы! — воскликнул Глаэдр. Затем, помолчав, велел Эрагону: — А теперь произнеси следующее заклинание, повторяй за мной...»

И Глаэдр произнес несколько фраз на древнем языке. Это было очень странное заклинание, и слова в нем показались Эрагону непонятными и какими-то путаными; он даже толком не понял, что именно должен совершить, произнося его.

Когда же он спросил об этом Глаэдра, старый дракон сказал:

«Здесь повсюду невидимый яд. И в том воздухе, которым вы дышите, и в земле, по которой вы ступаете, и в пище, которую вы случайно можете съесть, и в воде, которую можете выпить. Это заклинание защитит нас от яда».

«Что? Какой еще яд?» — переспросила Сапфира, ибо ее мысли работали так же медленно, как ее усталые крылья.

И Эрагон, благодаря мысленной связи с Глаэдром, снова увидел перед собой ту страшную воронку и услышал голос старого дракона:

«Во время битвы с Проклятыми один из наших, некий эльф по имени Тхувиель, убил себя с помощью магии. То ли это произошло случайно, то ли осознанно, так никто толком и не понял, но результат вы можете видеть сами. Хотя, конечно, не весь результат, ибо вызванный заклятиями Тхувиеля взрыв сделал всю эту местность непригодной для жизни. Те, кто здесь оставались, вскоре покрылись язвами, у них стали выпадать волосы, и многие вскоре умерли».

Встревожившись, Эрагон поспешно произнес заклинание — оказалось, что оно требует не так уж много сил, — а потом спросил:

«Как же мог один человек или даже эльф нанести такой ущерб целому острову? Даже если этому Тхувиелю помогал его дракон! Я даже представить себе этого не могу, разве что его дракон был величиной с гору!»

«Его дракон не помогал ему, — сказал Глаэдр. — Его дракон был мертв. И весь этот ущерб Тхувиель нанес вполне самостоятельно».

«Но как?»

«Единственным доступным для него способом: превратил свою плоть в энергию».

«Он превратил себя в духа?»

«Нет. Эта энергия не обладала ни мыслью, ни конкретной структурой, и как только он ее высвободил, она сеяла разрушения до тех пор, пока не иссякла».

«Я как-то не сознавал, что в одном-единственном теле может содержаться такое количество энергии».

«Это не слишком хорошо изучено, но известно, что даже самая маленькая частица материи способна выделить огромное количество энергии. Материя, похоже, вообще являет собой некую застывшую, замороженную энергию. Растопи ее, и получишь паводок, которому мало что способно противостоять... Говорят, здешний взрыв был слышен даже в Тирме, а облако дыма, которое за этим последовало, достигло вершин Беорских гор».

«Значит, в результате этого взрыва и погиб Глаэран?» — спросил Эрагон, имея в виду одного из Проклятых, который, как ему было известно, умер еще на острове Врёнгард.

«Да, Глаэран погиб здесь. А вот Гальбаторикс и остальные Проклятые сумели себя защитить, поскольку были предупреждены заранее. В результате взрыва погибло и немало Всадников — из тех, кому не повезло».

Пока Сапфира, скользя под низко висящими облаками, кружила над островом, Глаэдр постоянно руководил ее полетом, подсказывая, куда ей направиться, и в итоге она повернула четко на северо-запад. Глаэдр называл каждую гору, мимо которой она пролетала: Илтхиарос, Феллсверд, Намменмаст, Хилдрим, Тирнадрим. Он также перечислял названия многих крепостей и сторожевых башен, теперь лежавших в развалинах, успевая поведать Эрагону и Сапфире кое-что из их истории. Впрочем, повествования старого дракона с должным вниманием слушал один Эрагон.

Он чувствовал, как старая печаль вновь проснулась в душе Глаэдра. И печаль эта была связана не столько с гибелью прекрасного города Дору Арибы, сколько с гибелью Всадников, с почти полным уничтожением драконов, с утратой тысячелетних знаний и мудрости. Память о том, что было раньше — память о той великой дружбе, которая когда-то существовала между членами ордена, — была для Глаэдра чрезвычайно мучительной, ибо усугубляла чувство глубокого одиночества, владевшее им. И Эрагон, чувствуя все это, и сам невольно начал печалиться.

Он слегка отдалил свое сознание от сознания Глаэдра, но это не помогло: долина по-прежнему казалась ему мрачной, исполненной меланхолии, словно сама эта земля оплакивала падение и гибель Всадников.

Чем ниже летела Сапфира, тем крупнее выглядели здания внизу. Когда Эрагону стали очевидны их реальные размеры, он понял: то, о чем он читал в «Домиа абр Вирда», вовсе не было преувеличением; некоторые из этих зданий были поистине невероятной величины, и Сапфира могла бы свободно пролететь их насквозь или летать внутри их.

По окраинам этого заброшенного города Эрагон все чаще стал замечать лежащие на земле груды гигантских белых костей: все, что осталось от драконов. Это прискорбное зрелище наполнило его душу негодованием, и все же он не мог не смотреть туда. Более всего его поразили размеры этих древних костей. Лишь очень немногие драконы были меньше Сапфиры, зато большая их часть была значительно ее крупнее. Самый большой скелет, который заметил Эрагон, был по его прикидкам футов восемьдесят в длину и, наверно, футов пятнадцать в ширину в районе грудной клетки. Один только череп — огромный, с яростным оскалом, покрытый пятнами лишайников и от этого напоминавший крупный осколок скалы, — был длиннее и выше, чем вся центральная часть туловища Сапфиры. Даже Глаэдр, когда он еще обладал плотью, показался бы, наверное, не таким уж большим по сравнению с этим погибшим драконом-великаном.

«Там лежит Белгабад, величайший из нас», — сказал Глаэдр, заметив объект пристального внимания Эрагона.

Эрагон смутно помнил это имя благодаря одной истории, которую читал еще в Эллесмере. Правда, автор написал лишь о том, что Белгабад погиб во время сражения с Проклятыми, как и многие другие драконы.

«А кто был его Всадником?» — спросил Эрагон.

«У него не было Всадника. Белгабад был диким драконом. Много веков он жил один в ледяных просторах Севера, но когда Гальбаторикс и Проклятые начали убивать драконов, он полетел нам на помощь».

«А он всегда считался самым большим из драконов?»

«Всегда ли? Нет. Но в то время — да, он был, пожалуй, самым большим».

«Как же он на Севере находил себе достаточно пропитания?»

«В те времена драконы таких размеров большую часть времени проводили в некоем сонном полузабытьи, мечтая о самых разнообразных вещах, — о движении звезд, или о том, как в течение тысячелетий возникают и разрушаются горы, или даже о чем-то столь малом, как движение крыльев бабочки. Я отлично понимаю, сколь соблазнительно подобное времяпрепровождение, но пока я нужен бодрствующим, я бодрствующим и останусь».

«А ты... знал... Белгабада?» — спросила Сапфира, и чувствовалось, что мысли ее ворочаются с трудом из-за крайней усталости.

«Я с ним встречался, но близко его не знал. Дикие драконы, как правило, неохотно общались с теми из нас, что были связаны с Всадниками. Они смотрели на нас сверху вниз, немного даже презрительно, считая слишком «ручными», слишком зависимыми, а мы, в свою очередь, тоже посматривали на них с известной долей презрения, считая, что они полностью находятся во власти собственных инстинктов. Хотя, если честно, порой из-за того же мы ими и восхищались. А также, если вы помните, у диких драконов не было собственного языка, и одно уже это создавало между нами куда большие различия, чем вы можете себе представить. Язык меняет разум до такой степени, что это даже объяснить трудно. Дикие драконы, разумеется, способны объясняться не менее эффективно, как и любой

гном или эльф, только они делают это, обмениваясь воспоминаниями, образами и ощущениями, а не словами. Лишь самые хитроумные из них все же решились выучить язык того или иного народа. — Глаэдр помолчал и прибавил: — Если я правильно помню, Белгабад был дальним предком Раугмара Черного, а Раугмар, как ты, конечно же, помнишь, Сапфира, был очень-очень-очень далеким предком твоей матери Вервады».

Измученная долгим полетом, Сапфира реагировала крайне медленно, но все же изогнула шею, чтобы снова взглянуть на скелет дракона-великана.

«Он, наверно, был отличным охотником, раз вырос таким огромным».

«Он был самым лучшим!» — ответил Глаэдр.

«Тогда... я очень рада, что являюсь его потомком».

Количество костей, разбросанных по земле, потрясло Эрагона. До этого момента он все-таки полностью не сознавал ни того, сколь велика была эта битва, ни того, как много драконов некогда существовало на земле. Это зрелище вызвало в его душе новую вспышку ненависти к Гальбаторикcу, и он в очередной раз поклялся, что увидит правителя Империи мертвым.

Сапфира нырнула в полосу тумана, и по краям ее крыльев возникли белые водовороты — точно в небе вдруг забили пенные ключи. Затем навстречу ей понеслась полоса заросшей травой земли, и она тяжело приземлилась, неловко подогнув правую лапу и завалившись набок. Никогда еще она не садилась так неуклюже, ударившись плечом и грудью и с такой силой вспахав когтями землю, пытаясь затормозить, что Эрагон наверняка наделся бы на торчавший перед ним шип, если бы его не спасла магическая защита.

Сумев наконец остановить скольжение вперед, Сапфира некоторое время лежала без движения — она была оглушена столь резкой посадкой, — потом медленно повернулась, встала на лапы, свернула крылья и низко присела, нахохлившись. Ремни седла так и заскрипели, и этот звук показался Эрагону неестественно громким в той тишине, что царила здесь, в центральной части острова Врёнгард.

Эрагон распустил ремни на ногах и спрыгнул на землю. Земля была мягкой и влажной. Поскользнувшись, он упал на колени и с некоторым удивлением воскликнул: «Мы долетели!», а потом подошел к Сапфире, ласково погладил ее длинную морду обеими руками, прижался к ней лбом и сказал: «Спасибо тебе».

Она посмотрела ему прямо в глаза, затем веки ее с легким щелчком сомкнулись, и где-то глубоко в горле и в груди у нее стало зарождаться довольное пение-мурлыканье.

Приласкав Сапфиру, Эрагон отпустил ее и огляделся. Поле, на котором приземлилась Сапфира, находилось где-то на северной окраине Дору Арибы. В траве валялись куски потрескавшихся каменных плит — некоторые из них были величиной с Сапфиру, — и Эрагон вздохнул с облегчением, понимая, как им повезло, ведь, задев за такой «камешек», драконiха могла сильно пораниться.

Дальше от города поле, простиравшееся вверх по склону холма, сменялось лесом. У подножия холма виднелась просторная, выложенная плитами площадь, а на дальнем, северном, краю площади высилась огромная груда обтесанных каменных плит, занимавшая, наверное, с полмили. Некогда это гигантское здание, видимо одно из самых больших на острове, было, возможно, и самым красивым: среди квадратных плит, из которых были сложены его стены, Эрагон заметил десятки рифленых колонн и чудесные резные панели с резными изображениями виноградных лоз и цветов. Там же было множество статуй, правда, у большей части не хватало какой-нибудь части тела, словно и статуи тоже участвовали в том грандиозном сражении.

«Здесь была наша библиотека, величайшая в мире, — сказал Глаэдр. — И вот что от нее осталось после того, как Гальбаторикс ее разграбил и уничтожил».

Эрагон медленно поворачивался, осматривая все вокруг. К югу от библиотеки он заметил скрывающиеся в густой дикой траве тропинки, явно кем-то недавно протоптанные. Тропинки вели от библиотеки в яблоневый сад, так разросшийся, что за ним ничего не было видно, кроме каменной скалы, похожей на зазубренный наконечник

копья; скала возвышалась над землей футов на двести, и на ее колючих выступах виднелись узловатые кусты можжевельника.

Испытывая неожиданно сильное возбуждение, Эрагон спросил, уже почти уверенный, что это так и есть:

«Это она? Это скала Кутхиана?»

Он прямо-таки чувствовал, как Глаэдр его глазами вглядывается в скалу. Потом старый дракон сказал:

«Она кажется мне смутно знакомой, но я никак не могу вспомнить, где я мог ее видеть раньше...»

Дальнейших подтверждений Эрагону не потребовалось.

«Пошли!» — решительно сказал он и двинулся сквозь густую высокую траву к ближайшей тропинке.

Собственно, это была даже не тропинка, а садовая дорожка, некогда вымощенная камнями, так что трава там оказалась не такой густой, да и земля, насквозь пропитанная дождями, под ногами больше не разъезжалась. Сапфира следовала за ним по пятам, и они вместе прошли через тенистый яблоневый сад, ступая очень осторожно, потому что им обоим показалось, будто деревья вокруг напряженно прислушиваются. Мало того, было что-то зловещее в форме их ветвей, словно они только и ждали возможности схватить незваных гостей, как крючковатыми когтями, концами своих ветвей.

Эрагон невольно вздохнул с облегчением, когда наконец этот странный сад остался позади.

Скала Кутхиана высилась на краю просторной поляны, покрытой зарослями спутанных розовых кустов, чертополоха, ежевики и болиголова. А дальше, за скалой, рядами стояли высоченные ели с тяжелыми поникшими ветвями, и этот темноватый лес простирался до подножия одной из гор, буквально нависавшей и над скалой, и над поляной. Из леса доносилось сердитое стрекотание белок, но самих зверьков видно не было; Эрагон не заметил ни одной усатой беличьей мордочки.

По краям поляны на равных расстояниях друг от друга стояли три каменные скамьи, полускрытые выступающими из земли корнями и плющом. А чуть в стороне стояла ива, чей изрезанный временем ствол и мощная крона

некогда служили для Всадников тенистым шатром; здесь они, видимо, любили посидеть, наслаждаясь чудесным видом.

Эрагон остановился на краю поляны, не сводя глаз со скалы Кутхиана. Сапфира, отдуваясь, плюхнулась рядом с ним на брюхо, и земля при этом вздрогнула так, что Эрагону пришлось присесть, чтобы сохранить равновесие. Он погладил драконихи по плечу и снова уставился на остроконечную скалу. Какое-то нервозное предчувствие не давало ему покоя.

Затем, полностью открыв свою душу, Эрагон мысленно обследовал поляну и деревья на той стороне, пытаясь проверить, нет ли здесь засады. Но единственными живыми существами, которых он сумел почувствовать, были растения, насекомые, кроты, мыши и неядовитые ужи, которые во множестве обитали в кустах.

Тогда он решил составить заклятие, которое, как он надеялся, поможет ему определить, есть ли поблизости какие-либо магические ловушки. Однако не успел он сложить и нескольких слов, как Глаэдр сказал ему:

«Стоп. Вы оба с Сапфирой сейчас слишком устали для занятий магией. Сперва отдохните, а завтра мы спокойно сюда вернемся и посмотрим, что здесь есть и чего нет».

«Но ведь...»

«Вы оба сейчас не в состоянии даже защитить себя, если вам придется сражаться. А то, что мы могли бы тут обнаружить, наверняка будет здесь и завтра».

Эрагон колебался. Затем неохотно завершил незаконченное заклятие, понимая, что Глаэдр прав, хотя ждать до завтра было невыносимо — ведь они благополучно долетели до Врёнгарда и были уже почти у цели... Тяжело вздохнув, Эрагон взобрался Сапфире на спину, и она, тоже тяжко вздыхая, поднялась с земли, медленно развернулась и побрела через яблоневый сад обратно.

Ветви яблонь вздрагивали от ее тяжелых шагов, и с них падали последние листочки; один лист приземлился прямо на колени к Эрагону, и он хотел было уже бросить листок на землю, но тут заметил нечто странное: форма листка была совершенно иной, чем у обычных яблоневых

листьев. По краям листка были острые длинные зубчики, а жилки на поверхности образовывали какой-то путаный рисунок, в отличие от простого и четкого расположения жилок на обычных листьях. Эрагон сорвал еще листок, на этот раз вполне зеленый, но и этот, как и его увядший собрат, имел такие же изрезанные края и паутину ярких жилок на поверхности.

«После того сражения здесь все стало не таким, как прежде», — послышался голос Глаэдра.

Эрагон нахмурился и выбросил листья. И снова услышал стрекот белок, и снова не смог разглядеть среди ветвей ни одной из них, как не сумел и мысленно почувствовать их присутствие. Все это весьма его озадачило и встревожило.

«Если бы у меня была чешуя, — сказал он Сапфире, — она бы, наверное, тоже чесалась от одного вида этого странного места».

Сапфира в ответ фыркнула, словно засмеялась, и маленькое облачко дыма вылетело у нее из ноздрей.

Миновав яблоневый сад, *она двинулась на юг и вскоре* вышла к одному из ручьев, что текли с гор: тоненькая белая струйка тихо журчала по каменистому руслу. Сапфира еще немного прошла вверх по течению ручья, выбрала укромный лужок на опушке вечнозеленого леса, сказала: «Здесь» — и рухнула на землю.

Пожалуй, это и впрямь было неплохое место для стоянки, да и Сапфира уже совсем обессилела. Спрыгнув на землю, Эрагон осмотрелся — хорошо ли отсюда видна долина — и стал снимать с Сапфиры *седло и седельные сумки,* а она, выгнув шею, стала пощипывать то место на груди, которое натерло постромками.

Потом она быстро свернулась на траве клубком и сунула голову под крыло.

«Разбудишь меня только в том случае, если кто-нибудь захочет нас съесть», — сказала она Эрагону и уснула.

Эрагон улыбнулся и погладил ее по хвосту, а сам опять принялся осматривать долину и стоял так довольно долго, почти ни о чем не думая и, в общем, даже не пытаясь понять, есть ли в том, что их окружает, какой-то особый смысл.

Наконец и он, чувствуя сильную усталость, вытащил свой спальный мешок, устроился возле Сапфиры и попросил Глаэдра:

«Ты нас посторожишь?»

«Посторожу. Спи и ни о чем не беспокойся».

Эрагон кивнул, хотя Глаэдр и не мог его видеть, и почти сразу провалился в глубокий сон, как всегда полный самых разнообразных сновидений.

Скалли на двоих

Уже миновал полдень, когда Эрагон наконец открыл глаза и увидел, что плотная облачность во многих местах прорвана и в прорехах виднеется голубое небо. Золотистые пятна солнечного света лежали на поверхности долины. Солнце ярко освещало вершины полуразрушенных зданий. И хотя сама долина по-прежнему выглядела неприветливой, сырой и холодной, солнечный свет придавал ей некое вновь обретенное величие. Впервые Эрагон понимал, почему Всадники выбрали для своей столицы именно этот остров.

Он зевнул и посмотрел на спящую Сапфиру; потом тихонько коснулся ее сознания. Она была погружена в глубокий сон, и ей ничто не снилось; ее сознание было подобно костру, в котором остались лишь едва светящиеся угли, которые, впрочем, легко можно раздуть, и тогда снова вспыхнет пламя.

Ощущение почти потухшего костра вызвало в душе Эрагона смутное беспокойство — слишком сильно оно напоминало о смерти, — и он прервал мысленную связь с драконихой. Ему достаточно быть уверенным, что в данный момент Сапфира в безопасности.

В лесу у него за спиной бранилась пара белок, осыпая друг друга градом пронзительных воплей. Эрагон нахмурился: голоса этих белок звучали как-то чересчур пронзительно, торопливо и трескуче, чем-то напоминая трескотню птиц. Странно, но ему почему-то казалось, что крикам белок подражает какое-то другое существо. И от этой мысли у него даже волосы на голове зашевелились.

Он, наверное, еще с час пролежал, прислушиваясь к пронзительным крикам белок, которым отвечал звонким эхом весь лес. На холмах, полях и окаймлявших эту

долину-чашу горах по-прежнему играли пятна солнечного света; затем просветы в облаках исчезли, небо опять потемнело, и пошел снег, особенно густой, видимо, над горами, потому что их вершины сразу стали белыми.

Эрагон встал и сказал Глаэдру:

«Я, пожалуй, соберу немного топлива для костра. Скоро вернусь».

Дракон выразил согласие, и Эрагон осторожно двинулся к лесу, стараясь ступать как можно тише, чтобы не потревожить Сапфиру. Войдя в лес, он несколько ускорил шаг и углубился в чащу, хотя на опушке было полно хвороста. Ему хотелось немного размять ноги и, если это окажется возможным, обнаружить источник беличьего гомона.

Под деревьями лежали густые тени. Воздух был холодный и какой-то застывший, как в глубокой подземной пещере; пахло плесенью, мхом, гнилой древесиной и древесной смолой. Мох и лишайники, свисавшие с ветвей, были похожи на рваные кружева, испачканные и промокшие, но все еще сохранявшие остатки былого изящества и красоты. Эти «занавеси» как бы делили внутреннее пространство леса на пещерки разного размера, мешая разглядеть то, что находилось более чем в пятидесяти футах в любую сторону.

Эрагон, по журчанию ручья определяя направление, забирался все глубже в лес. Теперь, увидев вблизи эти вечнозеленые деревья, он понял, что они совершенно не похожи на те, что росли в Спайне или даже в Дю Вельденвардене; каждая «кисточка» состояла не их трех иголок, как обычно, а из семи, и потом — хотя это, разумеется, могло быть просто игрой света, — ему казалось, что тьма так и льнет к этим деревьям, обвивая их стволы и ветви своим плащом. Все в этих деревьях — трещины в коре, выступавшие из земли корни, чешуйчатые шишки — обладало некой странной угловатостью, жесткостью, даже, пожалуй, свирепостью очертаний; порой Эрагону казалось, что эти деревья вот-вот выдернут себя из земли и ринутся на раскинувшийся внизу город.

От этих мыслей его даже дрожь пробрала, и он расстегнул ножны Брисингра — на всякий случай. Он никогда еще не бывал в лесу, который производил бы столь *угрожающее* впечатление. Казалось, эти деревья *сердятся* на него

и готовы — как и те яблони в саду — своими могучими ветвями разорвать его на куски.

Эрагон тыльной стороной ладони отвел в сторону бороду желтоватого мха и осторожно двинулся дальше.

Пока что он не заметил никаких следов какой бы то ни было дичи; не было и никаких свидетельств присутствия в лесу волков или медведей. Все это его несколько озадачило: так близко от ручья *должны* были быть следы животных!

«Может, звери попросту избегают этой части леса? — подумал он. — Но почему?»

Тропинку, по которой он шел, перегораживало упавшее дерево. Он перешагнул через него и почти по колено погрузился в мягкий мох. А еще через мгновение гёдвей игнасиа у него на руке стало чесаться, предупреждая его об опасности, и он услышал целый хор негромких скрипучих голосов — «скри-скри!.. скри-скра!» — и с полдюжины белых крупных личинок размером с его большой палец высыпали из зарослей мха и скачками бросились от него во все стороны.

Повинуясь старым охотничьим инстинктам, Эрагон замер на месте, словно наткнувшись на змею. Он даже глазами не моргал. Он даже не дышал, глядя, как *удирают* от него эти отвратительные толстые твари. В то же время он лихорадочно рылся в памяти, пытаясь вспомнить хоть одно упоминание о них в прочитанных им в Эллесмере книгах, но ничего вспомнить так и не смог.

«Глаэдр! Что это за твари? И как они называются на древнем языке?»

К полному разочарованию Эрагона, Глаэдр ответил:

«Мне они не известны. Я таких никогда раньше не видел и не слышал, чтобы кто-то о подобных существах рассказывал. Скорее всего, это новые обитатели Врёнгарда. Не знаю, есть ли они еще где-нибудь в Алагейзии. На всякий случай не позволяй им прикасаться к тебе; они могут оказаться куда опаснее, чем кажутся».

Оказавшись от Эрагона на расстоянии нескольких шагов, безымянные личинки стали вдруг высоко подскакивать и с громким «скрии-скро!» нырять обратно в мох. Приземляясь, они разделялись на множество зеленых сороконожек, моментально исчезавших в зеленой спутанной массе мха.

Эрагон смотрел на это, затаив дыхание; потом все же позволил себе выдохнуть и услышал, как Глаэдр встревоженно пробормотал:

«Быть такого не может!..»

Эрагон, медленно и осторожно ступая обутыми в сапоги ногами, отступил обратно за упавшее дерево и уже оттуда более внимательно осмотрел заросли мха. То, что он сперва принял за концы старых ветвей, торчащих из густой зеленой подстилки, оказалось вовсе не хворостом, а костями и рогами нескольких оленей и косуль.

Подумав с минуту, Эрагон развернулся и пошел обратно по своим следам, старательно избегая каждой полоски мха, что оказалось в этом лесу совсем не так уж просто.

Что бы там ни верещало в лесу, оно явно не стоило того, чтобы рисковать своей жизнью. Каков бы ни был источник этих «беличьих» воплей, Эрагон сильно подозревал, что в этом лесу есть вещи и похуже тех отвратительных личинок. Серебристое пятно у него на ладони по-прежнему сильно чесалось, и он по опыту знал, что где-то поблизости существует *опасность*.

Когда сквозь ветви стал виден луг и блеснула синяя чешуя Сапфиры, Эрагон свернул чуть в сторону и подошел к ручью. Берега ручья поросли мхом, так что он старался ступать только по стволам упавших деревьев или по камням, пока не добрался до плоской скалы прямо посреди ручья.

Там он присел на корточки, снял перчатки и вымыл руки, лицо и шею. Прикосновение ледяной воды подбодрило его, уши у него стали гореть, и все тело охватило приятное тепло.

Громкий стрекот пролетел над ручьем, когда он в очередной раз протирал шею влажными руками.

Стараясь не особенно крутить головой, Эрагон осторожно посмотрел на тот берег ручья и увидел, что футах в тридцати от него на ветвях сидят четыре... *тени*. У «теней» были черные, овальной формы головы, из которых во все стороны торчали длинные зазубренные перья. А из центра каждого овала на Эрагона смотрели, поблескивая и то и дело щурясь, два белых глаза; взгляд этих глаз был столь неподвижным и исполненным такого равнодушия, что невозможно было понять, живые ли эти «тени». Еще сильней смущало Эрагона

то, что эти «тени», как, впрочем, и любые тени, не имели объема и были видны только в одном измерении. Стоило неведомым тварям повернуться вбок, и они *исчезали.*

Не сводя с них глаз, Эрагон осторожно расстегнул ножны и взялся за рукоять Брисингра.

Левая «тень» тряхнула перьями, торчавшими у нее из башки, и вдруг испустила тот самый пронзительный стрекот, который Эрагон ошибочно принял за крик белки. Ей ответили еще две твари, а лес откликнулся на их вопли звонким эхом.

Эрагон уже подумывал, не установить ли с неведомыми «тенями» мысленную связь, но, вспомнив встречу с фангхурами на пути в Эллесмеру, решил от подобной попытки отказаться: сейчас нельзя было подвергать себя бессмысленному риску.

Тихим голосом он произнес:

— Эка аи фрикаи ун Шуртугал (это означало «я — Всадник и друг»).

«Тени», как ему показалось, уставились теперь прямо на него, и на мгновение в лесу стало совсем тихо, если не считать нежного бормотания ручья. Затем «тени» снова принялись трещать, а глаза их засверкали, как раскаленное добела железо.

Но и через несколько минут черные «тени» по-прежнему не сделали ни одной попытки напасть на Эрагона, как, впрочем, и удаляться никуда не собирались. Эрагон выпрямился и осторожно занес ногу, намереваясь перепрыгнуть с плоского камня на берег.

Это движение, похоже, встревожило жутких тварей, и они пронзительно заорали в унисон, пожимая плечами и отряхиваясь. И Эрагон вдруг понял, что на ветвях дерева сидят не «тени», а четыре крупных филина, и на круглых головах у них «рожки» из пышных перьев, а сами они вовсе не черные, а покрыты пестрым, пятнистым оперением. Филины открывали свои желтые клювы и что-то сердито ему кричали — в общем-то, ругались они действительно в точности, как белки. Потом филины расправили мощные крылья, бесшумно взлетели и вскоре исчезли в темной лесной чаще.

— Барзул! — выругался Эрагон, перепрыгнул на берег и поспешил на стоянку, помедлив немного лишь для того, чтобы собрать на опушке полную охапку хвороста.

Присоединившись к ожидавшей его Сапфире, он положил хворост на землю и стал создавать магических стражей — столько, сколько сумел придумать. Даже Глаэдр подсказал ему одно заклинание и сочувственно заметил:

«Никого из этих существ здесь не было, когда — вскоре после сражения — мы с Оромисом здесь побывали. Все они не такие, какими должны быть! Магия, которая насквозь пропитала эту землю, исказила и извратила всех, кто здесь живет. Теперь Врёнгард стал очень плохим местом, исполненным зла!»

«О каких существах речь? — спросила Сапфира, зевая так, что становилось страшно. Эрагон поделился с нею своими впечатлениями, и она сказала: — Надо было тебе взять меня с собой. Я могла запросто слопать и эти личинки, и этих птиц, похожих на тени. Тогда тебе нечего было бы бояться».

«Сапфира!»

Она скосила на него один глаз:

«Я голодна, маленький брат. Магия там или не магия, но почему бы мне и не позавтракать этими тварями, даже если они кажутся тебе странными?»

«Потому, что *как раз они-то и могут тебя съесть*, Сапфира Бьяртскулар, — сказал ей Глаэдр. — Ты не хуже меня знаешь первое правило охоты: не выслеживай добычу, пока не убедишься, что это действительно добыча, иначе сама легко в чью-то добычу превратишься».

«Я бы тут даже на оленя остерегся охотиться, — прибавил Эрагон. — Сомневаюсь, правда, что их тут много осталось. И потом, в этом лесу почти темно, но даже если бы там было светло, все равно, по-моему, охотиться на этом острове небезопасно».

Сапфира тихо проворчала:

«Ну ладно, тогда я еще посплю. Но учти: утром я все-таки отправлюсь на охоту, как бы это ни было опасно. В брюхе у меня совершенно пусто, и я должна поесть, прежде чем снова лететь через море».

И Сапфира, закрыв глаза, тут же снова погрузилась в сон. Эрагон развел небольшой костерок, немного поел и стал смотреть, как вечерние сумерки постепенно

окутывают долину. Затем они с Глаэдром обсудили планы на завтрашний день, и Глаэдр еще немного рассказал ему об истории этого острова и о тех временах, когда эльфы еще не прибыли в Алагейзию и на Врёнгарде обитали исключительно драконы.

Когда в небе погас последний луч света, старый дракон сказал:

«Ты хотел бы увидеть Врёнгард, каким он был в эпоху Всадников?»

«Конечно!» — ответил Эрагон.

«Тогда смотри».

И Эрагон почувствовал, как старый дракон, завладев его сознанием, как бы влил в него целую реку различных образов и ощущений. Благодаря живым воспоминаниям Глаэдра Эрагон видел теперь перед собой некоего двойника нынешней долины, и эта долина тоже была окутана сумерками, но небо над ней было чистым, и множество звезд сверкали и сияли над вершинами окрестных вулканов Арас Тхелдуин. Те, давние, деревья показались Эрагону более высокими и стройными и не такими мрачными, как полные дурных предвестий деревья в нынешнем лесу.

По всей долине были разбросаны просторные дома Всадников и их драконов. Целые и невредимые, сверкая в сумерках, точно белые маяки, эти здания как бы светились, благодаря мягкому свету эльфийских беспламенных светильников, лившемуся из окон. Охряные стены зданий были увиты плющом, но его было значительно меньше, чем теперь, а мха возле них на земле не было совсем. Над долиной высились благородные силуэты горных крепостей и сторожевых башен, ныне превратившихся в руины, а над вымощенными булыжником дорогами и высоко в небесах Эрагон видел сверкающих великолепной чешуей драконов, этих грациозных великанов, красота которых затмевала блеск любых сокровищ.

Через несколько минут это дивное видение исчезло, и Глаэдр выпустил на волю сознание Эрагона. Долина вновь обрела свой прежний вид, и Эрагон, не скрывая восхищения, воскликнул:

«Это было прекрасно!»

«Да, это был прекрасный остров, — откликнулся Глаэдр, — но его, увы, больше не существует».

Эрагон, продолжая внимательно вглядываться в очертания темной долины и сравнивая их с тем, что показал ему Глаэдр, вдруг нахмурился: он заметил на улицах заброшенного города цепочку каких-то скачущих огоньков — фонарей, как ему показалось. Он прошептал заклинание, делая свое зрение более острым, и сумел различить фигуры в темных одеждах, медленно направляющиеся куда-то, лавируя среди развалин. Фигуры казались совершенно неземными, но выглядели чрезвычайно торжественно. Казалось, они участвуют в отправлении некого ритуала — во всяком случае, если судить по размеренности и четкому рисунку их движений, о чем свидетельствовало покачивание светильников у них в руках.

«Кто это?» — спросил Эрагон у Глаэдра. У него было такое ощущение, словно он подсмотрел нечто такое, что ни в коем случае не предназначалось для чужих глаз.

«Не знаю. Возможно, это потомки тех, кто сумел спрятаться во время того сражения. Может быть, это даже представители твоей расы, решившие остаться здесь после падения Всадников. А может быть, те, кто почитает драконов и Всадников как богов».

«А такие действительно есть?»

«Были. Мы этого не одобряли, однако подобный культ был широко распространен в глухих местах Алагейзии... Это хорошо, что ты поставил мощную магическую защиту».

А Эрагон продолжал следить за темными фигурами в плащах, продолжавшими свой извилистый путь через город, это заняло у них не менее часа. Когда они добрались до одной из дальних окраин, их светильники один за другим мигнули и погасли, а сами они исчезли — но даже с помощью магии Эрагону не удалось увидеть, куда именно. Он затушил костер, забросав его землей, и заполз под одеяло: пора было отдохнуть.

«Эрагон! Сапфира! Проснитесь! Вставайте!»

Эрагон мгновенно открыл глаза, сел и схватился за Брисингр.

Было совершенно темно, если не считать тусклого свечения почти погасшего костра и неровной полоски звездного неба на востоке, на фоне которой видны были вершины гор. Но даже в такой темноте Эрагон все же сумел различить очертания леса, луг... и какую-то чудовищно громадную улитку, скользившую по траве прямо к нему.

Эрагон вскрикнул и отполз назад. Улитка — ее раковина была высотой футов в пять с половиной! — остановилась, словно колеблясь, и снова устремилась к нему. Двигалась она со скоростью бегущего человека, а из ее пасти, похожей на черную щель, доносилось змеиное шипение; глаза чудовищной улитки, качавшиеся на концах ее «рожек», были размером с мужской кулак.

Эрагон понял, что встать на ноги он не успеет, а в таком положении вытаскивать Брисингр и замахиваться им было неудобно. Он уже приготовился произнести заклинание, но не успел: голова Сапфиры выдвинулась вперед, мимо него, и драконихa, схватив улитку поперек туловища, сдавила ее своими мощными челюстями. Хрустнула раковина, жуткая тварь издала слабый дрожащий писк, а Сапфира одним движением гибкой шеи подбросила улитку в воздух, открыла пасть пошире и проглотила ее целиком, два раза тряхнув при этом головой, точно малиновка, пожирающая земляного червяка.

Чуть дальше по склону холма Эрагон заметил еще четырех гигантских улиток. Одна из них спряталась в раковину, остальные спешили удрать подальше, скользя на своих брюшках, обрамленных бахромой, точно юбка.

— Вон там! — заорал Эрагон.

Сапфира прыгнула вперед, на мгновение оторвавшись от земли и приземлившись на все четыре лапы. Недолго думая она цапнула первую улитку, потом вторую и третью. Четвертую, ту, что пряталась в своем «домике», Сапфира есть не стала; откинув голову назад, она окатила ее потоком своего желто-голубого пламени, так что вокруг на несколько сотен футов стало светло как днем.

Сапфира еще разок полила огнем гигантскую улитку, потом подняла ее, дымящуюся, исходящую паром, зубами так нежно, как кошка-мать берет за шиворот своего

котенка, и бросила ее к ногам Эрагона. Он смотрел на опаленную огнем тварь с отвращением, зато теперь улитка уж точно выглядела мертвой.

«Вот, теперь и ты можешь как следует позавтракать», — сказала Сапфира, явно довольная собой.

Эрагон посмотрел на нее и расхохотался; он даже пополам согнулся от смеха, упираясь руками в колени и хватая ртом воздух.

«Что тут такого смешного?» — спросила драконица и понюхала обуглившуюся раковину.

«Действительно, Эрагон, почему ты смеешься?» — поинтересовался Глаэдр.

Но Эрагон только головой потряс, продолжая хохотать. Потом с трудом выговорил:

«Потому что... — и перешел на мысленное общение с драконами, — потому что... улитка и яичница! — И он снова принялся хихикать, чувствуя себя полным дураком. — А улитка прилипает... Голоден? Съешь ножку! Устал? Подкрепись глазным яблоком! Да кому нужен ваш мед, если есть прекрасная слизь?! Я мог бы поставить эти ножки в вазу, как букет, и они бы...»

Его разбирал такой смех, что он не мог продолжать и упал на колени, задыхаясь и вытирая слезы.

Сапфира раскрыла пасть, изобразив улыбку, хотя и весьма зубастую; в горле у нее что-то заклокотало, и она сказала:

«Ты порой ведешь себя очень странно, Эрагон. — Она явно не сердилась — похоже, он заразил ее своим весельем. Она снова понюхала раковину и заметила: — А что, неплохо было бы сейчас выпить немного того медового напитка, который варят гномы!»

«Ну, по крайней мере, ты хоть сыта теперь?» — спросил у нее Эрагон.

«Не совсем. Такого количества мне маловато, чтобы в обратный путь пускаться».

Наконец перестав смеяться, Эрагон ткнул улитку концом сапога:

«Наверное, слишком много времени прошло с тех пор, как на Врёнгарде были драконы, и эта улитка, должно

быть, просто не поняла, кто ты такая. А ведь она явно собиралась меня слопать... Вот ведь жалкая смерть — попасть в пасть к улитке!»

«Зато какая запоминающаяся!» — сказала Сапфира.

«Это точно!» — Эрагон почувствовал, что к нему опять возвращается веселое настроение.

«А что я говорил вам насчет первого правила охоты, детеныши?» — спросил Глаэдр.

И Эрагон с Сапфирой хором ответили:

«Не преследуй свою добычу, пока не убедишься, что это добыча».

«Вот именно!» — сказал Глаэдр.

«Прыгающие личинки, птицы-тени, гигантские улитки... — начал перечислять Эрагон. — Неужели заклятия, произнесенные во время сражения, могли создать такое?»

«Всадники, драконы и Проклятые во время боя высвободили огромное количество магической энергии, и большая ее часть была, разумеется, связана тем или иным заклятием. Но какая-то часть вообще ничем связана не была. Те, кто прожил достаточно долго, рассказывали, что вскоре после этого сражения мир вокруг словно сошел с ума. Ничему из того, что они видели или слышали, верить было нельзя. Какая-то часть той энергии поселилась в душах и телах предков тех личинок и птиц, которых ты видел сегодня, и со временем полностью их изменила. Но ты зря включил в этот перечень и улиток. Сналгли — это имя, под которым они были известны всегда, — с давних времен жили на острове Врёнгард и были нашей — я имею в виду драконов — излюбленной пищей. И причина этого, не сомневаюсь, уже ясна Сапфире».

Сапфира что-то ласково пропела в ответ и облизнулась.

«Кстати, — продолжал Глаэдр, — не только плоть их мягка и вкусна, но и раковины весьма полезны для нашего пищеварения».

«Но если это самые обычные животные, то почему же мои магические стражи их не остановили? — спросил Эрагон. — По крайней мере, я должен был бы хоть предупреждение о приближающейся опасности получить».

«А это, — ответил Глаэдр, — как раз и есть, скорее всего, последствие того сражения. Магия не участвовала в создании сналгли, но это вовсе не значит, что она не повлияла и на них, когда исказила здесь все. И нам, пожалуй, не следует задерживаться здесь. Чем раньше мы отсюда уберемся, тем лучше. Иначе еще кто-нибудь неведомый вздумает попробовать, хороши ли Эрагон или Сапфира на вкус».

С помощью Сапфиры Эрагон расколол обожженную раковину улитки и при свете красноватого волшебного огонька извлек ее бескостную тушку, что оказалось мало приятным занятием, и в итоге он по локоть выпачкался липкой слизью. Затем Эрагон попросил Сапфиру раздуть угли и закопал мясо улитки под них.

Сапфира вновь свернулась клубком на траве и уснула. Эрагон перенес свои одеяла, спальный мешок и ту сумку, где хранилось «сердце сердец» Глаэдра, поближе к Сапфире, под ее крыло, и в этом теплом уголке он провел остаток ночи, думая, время от времени засыпая, просыпаясь и снова начиная думать.

Следующий день был таким же серым и мрачным, как предыдущий. Склоны гор и холмы слегка припорошило снежком, в воздухе висела холодная сырость. Все это наводило Эрагона на мысли о том, что снег наверняка вскоре пойдет снова.

Сапфира настолько устала, что даже не пошевелилась, пока солнце не поднялось над вершинами гор. Эрагон горел нетерпением, но дал ей выспаться. Куда важнее было, чтобы она пришла в себя после перелета на Врёнгард, чем выйти в путь как можно раньше.

Проснувшись, Сапфира откопала в углях тушку улитки, и Эрагон приготовил себе сытный завтрак. Он не был уверен, как это блюдо можно назвать. Ростбиф из улитки? Жаркое из улитки? Но как ни называй, а кусочки жареного мяса оказались очень вкусными и нежными, и он съел даже больше, чем нужно. Остальное с удовольствием проглотила Сапфира, и пришлось еще целый час ждать, поскольку неразумно пускаться в путь с набитым брюхом. Вскоре они все вместе направились к скале Кутхиана.

Скала Кутхиана

На этот раз путь до яблоневой рощи показался Эрагону короче, чем накануне. Однако вид у этих старых корявых деревьев был по-прежнему угрожающим, и он не спускал руки с рукояти Брисингра.

Как и в первый раз, они с Сапфирой остановились на краю той заросшей поляны. На острых выступах скалы Кутхиана сидела стая ворон, которые при виде Сапфиры с карканьем поднялись в воздух, и Эрагону это показалось недобрым предзнаменованием.

Примерно полчаса он стоял, произнося одно заклинание за другим и пытаясь определить, нет ли здесь какой-то магии, способной нанести вред ему, Сапфире или Глаэдру. Вокруг скалы Кутхиана, а также — насколько он сумел понять — и по всему острову была раскинута невидимая сеть магических чар. Некоторые таились в земле — он ощущал их под ногами, как некий поток энергии. Другие были не особенно сильны и могли показаться незначительными; порой их действие ограничивалось каким-то одним цветком или веткой дерева. Более половины чар пребывали как бы в спящем состоянии — им не хватало энергии и объекта воздействия, а может быть, они ждали определенного стечения обстоятельств. Иные заклятия пребывали в конфликте друг с другом; казалось, Всадники, или их противники, или кто-то еще накладывали заклятия, пытаясь умерить воздействие других, ранее наложенных чар.

Чаще всего Эрагон оказывался не в силах определить ни цель наложения этих заклятий, ни их магическую природу. Теперь уже никто не знал — так как никаких

свидетельств этого не осталось, — какие именно слова древнего языка были использованы для составления этих заклинаний. Остались лишь сгустки магической энергии, выпущенной на волю давным-давно умершими магами, и разобраться в том, из чего они состоят, было невероятно трудно, а может, и невозможно. Глаэдр, конечно, мог помочь ему в этом разобраться, поскольку был знаком со старинными, поистине всеобъемлющими областями магии, которая применялась на Врёнгарде, но в большей части случаев Эрагону приходилось просто догадываться. Даже если он не всегда мог определить, для чего создано то или иное заклинание, он чаще всего знал, какое воздействие оно способно оказать на него или на Сапфиру. Но все это было очень сложно, и Эрагону потребовался не один час и множество различных магических действий, чтобы хоть немного разобраться в тех чарах, что царили на острове.

Более всего он — как, впрочем, и Глаэдр — был обеспокоен тем, что некоторые чары им так и не удастся обнаружить. Выяснить, к чему ведут результаты магической деятельности неведомых магов, особенно если они всеми силами старались это скрыть, оказалось невероятно сложной задачей.

Наконец Эрагон почувствовал, что хотя бы относительно может быть уверен: ни скала Кутхиана, ни ее ближайшие окрестности не таят для них никаких особых ловушек. Только тогда они с Сапфирой решились пересечь заросшую поляну и осторожно приблизиться к подножию этой острозубой, покрытой лишайниками скалы.

Закинув голову, Эрагон посмотрел на ее вершину, показавшуюся ему вдруг невероятно далекой. Ничего особенного в этой скале они с Сапфирой пока что не заметили.

«Давай назовем свои имена, и дело с концом», — предложила драконица.

Эрагон решил все же посоветоваться с Глаэдром, и тот поддержал Сапфиру:

«Она права. Нет причин с этим тянуть. Назови свое имя, и пусть Сапфира сделает то же самое. А потом и я».

Эрагон нервно хрустнул пальцами, потом отстегнул и снял со спины щит, вытащил Брисингр, положил его перед собой и, присев на корточки, громко и внятно сказал:

— Мое имя — Эрагон Губитель Шейдов, сын Брома.

И услышал, как Сапфира и Глаэдр мысленно произносят свои имена:

«Мое имя — Сапфира Бьяртскулар, дочь Вервады».

«Мое имя — Глаэдр Элдунари, сын Нитхринг Длиннохвостой».

А потом они стали ждать.

Где-то вдали каркали вороны, словно смеялись над ними. Эрагону все сильнее становилось не по себе, но он гнал дурные предчувствия. В общем-то, трудно было ожидать, что этот Свод Душ так уж сразу для них откроется.

«Попытайся снова, но на этот раз скажи все на древнем языке», — посоветовал Глаэдр.

И Эрагон повторил:

— Нам йет ер Эрагон Сундавар-Верганди, сонр абр Бром».

Точно так же и Сапфира повторила свое имя и имя своей матери на древнем языке, а затем это сделал и Глаэдр.

И ничего не произошло.

Тревога Эрагона все усиливалась. Если все их усилия оказались напрасными... Нет! Просто невыносимо было думать, что они зря пустились в такое далекое путешествие! Пока еще рано было делать выводы.

«Может быть, нам всем нужно произносить свои имена вслух?» — предположил он.

«Это как же? — изумилась Сапфира. — Мне что, рычать, глядя на эту скалу? А Глаэдру как быть?»

«Я мог бы произнести ваши имена вместо вас», — сказал Эрагон.

«По-моему, тут требуется нечто иное, хотя, конечно, можно попробовать», — сказал Глаэдр.

«На древнем языке?»

«Я думаю, да. Но ты произнеси их и на своем, и на древнем — чтобы уж наверняка».

Дважды после этого Эрагон произнес вслух их имена, но скала оставалась столь же неколебимой и равнодушной. Отчаявшись, Эрагон воскликнул:

«Может быть, мы просто стоим не там, где нужно? Может, вход в этот Свод Душ находится по ту сторону скалы? Или на ее вершине?»

«Если бы это было так, это наверняка было бы упомянуто в тех указаниях, что содержатся в "Домиа абр Вирда"», — возразил Глаэдр.

«А разве бывают у загадок легкие отгадки?» — сказал Эрагон.

«Может быть, тебе было нужно произнести только твое имя? — предположила Сапфира. — Разве Солембум не сказал, «когда тебе покажется, что все потеряно и сил твоих недостаточно, ступай к скале Кутхиана и назови свое имя, чтобы открыть Свод Душ»? *Твое* имя, Эрагон! Не мое и не Глаэдра»!

Эрагон нахмурился:

«Может, и так. Но если требуется только мое имя, то мне, наверное, нужно произносить его в полном одиночестве?»

Сапфира тут же с рычанием подпрыгнула и взлетела, растрепав Эрагону волосы и сильно примяв кусты на поляне.

«Давай скорее! Пробуй!» — крикнула она и примерно на четверть мили отлетела от скалы на восток.

И Эрагон, окинув взглядом неровную зубчатую поверхность скалы, поднял с земли щит и меч и громко произнес свое имя — и на своем родном языке, и на языке эльфов. Но в твердой скальной породе по-прежнему не появилось ни трещинки, не говоря уж о двери или проходе. На поверхности скалы не выступило никаких символов. Перед ними высилась самая обыкновенная скала с остроконечной вершиной, и ее гранитная основа, сверху покрытая ковром лишайников, явно не таила в себе никаких тайн.

«Сапфира!» — мысленно окликнул драконихуЭрагон и, сердито выругавшись, принялся ходить взад-вперед по поляне, отшвыривая ногой камешки и ветки.

Сапфира приземлилась у подножия скалы, когтями оставляя в мягкой земле глубокие борозды и подняв вокруг себя целый вихрь из сорванной травы и листьев.

Когда она окончательно остановилась после столь резкого торможения, упершись всеми четырьмя лапами

и сложив крылья, Эрагон подошел к ней, и Глаэдр спросил у него:

«Ну что? Похоже, по-прежнему никаких результатов?»

«Нет!» — сердито буркнул Эрагон, сверкнув глазами в сторону остроконечной скалы.

Старый дракон тяжко вздохнул:

«Этого я и боялся. Есть только одно объяснение...»

«Ты думаешь, Солембум все наврал? Неужели он послал нас не-знаю-куда искать не-знаю-что, желая, чтобы Гальбаторикс смог в наше отсутствие уничтожить варденов?»

«Нет. Конечно же я так не думаю! Просто мне кажется, что для того, чтобы открыть эту... этот...»

«Свод Душ», — подсказала Сапфира.

«Да, Свод Душ, о котором тебе говорил Солембум... Короче, для этого мы должны назвать свои истинные имена».

Слова старого дракона упали на душу Эрагону, точно тяжелые камни. Мысль о подобной необходимости страшно его смущала. Ему не хотелось даже думать об этом и казалось, что это неким образом может лишь ухудшить создавшуюся ситуацию.

«А если это ловушка?» — спросила Сапфира.

«В таком случае это поистине дьявольская ловушка, — сказал Глаэдр. — Вот что вы должны решить прежде всего: доверяете ли вы Солембуму? Нам придется рискнуть не только своей жизнью, но и свободой. Если вы ему доверяете, то сможете ли быть достаточно честны по отношению к самим себе и друг к другу, чтобы открыть ваши истинные имена? Сделать это нужно без особых промедлений. Захотите ли вы и дальше жить с этими знаниями, ведь они могут иметь весьма неприятные последствия? Если же вы Солембуму не доверяете, то мы должны незамедлительно покинуть этот остров. Я сильно переменился с тех пор, как погиб Оромис, но я все еще помню, кто я такой. А ты это знаешь, Сапфира? И ты, Эрагон? Вы действительно можете сказать мне, *что* делает вас драконом и Всадником?»

Растерянность охватила Эрагона, и он снова посмотрел на скалу Кутхиана, думая: «Кто же я?»

И весь мир — сон

Насуада засмеялась, когда звездное небо завертелось вокруг нее, и кувырком полетела куда-то в бездонную пропасть, навстречу сверкающему белому огню.

Ветер трепал ей волосы, срывал с нее одежду, рваные края широких рукавов щелкали, как бичи. Огромные летучие мыши, черные и отчего-то промокшие, хлопая крыльями, на лету вгрызались в ее раны, и Насуаде казалось, что ее тело насквозь прокалывают острые льдинки. Но она по-прежнему смеялась.

Пропасть стала шире, и она словно растворилась в том ярком белом свете, на мгновение совершенно ослепнув. Когда зрение ее вновь прояснилось, она обнаружила, что стоит в зале Ясновидящей и смотрит на себя, распростертую на каменной плите цвета золы. А рядом с ее безжизненным телом стоит Гальбаторикс, высокий, широкоплечий, с черной тенью вместо лица и с алой огненной короной на голове.

Он повернулся к ней, стоящей, и протянул руку в перчатке.

— Иди сюда, Насуада, дочь Аджихада. Смири свою гордыню, принеси мне клятву верности, и я дам тебе все, чего бы ты ни пожелала.

Она только усмехнулась и бросилась на него, вытянув вперед руки. Но вцепиться ему в горло она не успела: он исчез, превратившись в облачко черного тумана.

— Более всего на свете я хочу прикончить тебя! — крикнула она куда-то в потолок.

И ей ответил громкий голос Гальбаторикса, звучавший, казалось, со всех сторон одновременно:

— В таком случае ты останешься здесь, пока не осознаешь, что горько заблуждалась.

...Насуада открыла глаза. Она по-прежнему лежала на каменной плите со связанными руками и ногами; и страшные раны, нанесенные ей теми жуткими личинками, по-прежнему причиняли ей невыносимые страдания.

Она нахмурилась. Она что, была без сознания? Или в забытьи? Или все-таки действительно разговаривала с Гальбаториксом? Было так трудно отличить сон от яви...

Насуада вдруг заметила, что в углу зала толстый упругий кончик стебля плюща пробился сквозь разрисованные плиты облицовки, и они от этого даже потрескались. Затем рядом с этим первым побегом появились и другие; побеги, извиваясь, как змеи, вползали в зал откуда-то снаружи и растекались по полу, покрывая его зеленым ковром.

Глядя, как побеги ползут к ней, Насуада засмеялась:

«Неужели это все, что он способен придумать? У меня каждую ночь сны бывают куда интереснее».

Словно в ответ на ее мысли, каменная плита под нею растаяла, и она оказалась на полу, а побеги хищного плюща, точно пытливые щупальца, мгновенно опутали ее всю, обвились вокруг ног и рук, *удерживая их крепче любых* кандалов. Насуада уже плохо видела, что творится вокруг, а побеги все множились, покрывая ее тело, и единственное, что она теперь слышала, это шуршание листьев плюща, напоминавшее сухой шелест сыплющегося песка.

Стало жарко и трудно дышать; она чувствовала, что ей с трудом удается наполнить легкие воздухом. Если бы она не знала, что эти побеги — всего лишь иллюзия, она могла бы уже впасть в панику. Однако она этого не сделала. Наоборот, плюнув куда-то в темноту, она громко прокляла Гальбаторикса. Прокляла далеко не в первый, но и не в последний раз, в этом она не сомневалась. Нет, она не доставит ему такого удовольствия — он никогда не узнает, что ему удалось поколебать ее душевное равновесие!

Свет... Золотые солнечные лучи лились на склоны округлых холмов, на которых разноцветными пятнами были разбросаны возделанные поля и виноградники. Насуада стояла на краю дворика под решетчатым навесом, увитым цветущими вьюнками. Отчего-то побеги этих

вьюнков показались ей знакомыми; они словно напоминали ей о чем-то крайне неприятном. На ней было красивое желтое платье. В правой руке она держала хрустальный бокал с вином, ощущая на языке густой вишневый привкус этого вина. С запада дул приятный легкий ветерок. В теплом воздухе по-домашнему пахло только что вскопанной землей...

— Ах, вот ты где! — услышала она у себя за спиной голос Муртага и обернулась к нему.

Он широкими шагами приближался к ней со стороны их чудесного сельского дома и тоже держал в руке бокал с вином. Муртаг был в красивой черной блузе и дублете из красно-коричневого атласа, отделанного золотом. С мягкого ремня свисал кинжал с инкрустированной самоцветами рукоятью. Отчего-то ей показалось, что волосы у него длиннее, чем ей помнилось; и сам он был как-то спокойней, уверенней, чем прежде. Таким она его еще никогда не видела. Эта его спокойная уверенность и падавший ему на лицо свет делали его облик на редкость привлекательным, пожалуй, даже благородным.

Муртаг подошел к ней и положил руку на ее обнаженное плечо. И ей этот интимный жест показался совершенно обычным.

— Что ж ты, шалунья, бросила меня на растерзание лорду Ферросу с его бесконечными историями? Я добрых полчаса не мог от него отделаться! — Он умолк, посмотрел на нее более внимательно, и выражение его лица стало озабоченным. — Ты что, плохо себя чувствуешь? Что-то ты бледная сегодня...

Насуада открыла рот, но не смогла произнести ни слова. Да она и не знала, как ей на все это реагировать.

Брови Муртага сдвинулись:

— У тебя был очередной приступ, ведь так?

— Я... я не знаю... я не помню, как попала сюда и как... — Она запуталась и увидела, какая боль отразилась в глазах Муртага, но он постарался побыстрее скрыть эту боль, обнял ее за талию и стал вместе с нею смотреть на покрытые виноградниками склоны холмов. Затем одним глотком осушил свой бокал и тихо сказал:

— Я понимаю, все это для тебя непривычно... Но ведь уже не впервые случилось, и ты... — Он горестно вздохнул и покачал головой. — Что последнее ты помнишь? Тирм? Аберон? Осаду Китхри?.. Тот подарок, что я сделал тебе в ту ночь в Эоме?

И Насуаду вдруг охватило жуткое ощущение неуверенности.

— Урубаен, — прошептала она. — Зал Ясновидящей. Вот что я помню.

И она почувствовала, как вздрогнула обнимавшая ее рука Муртага. Но на лице у него ничего не отразилось.

— Урубаен... — повторил он и посмотрел на нее. — Насуада... с тех пор прошло уже восемь лет...

«Нет, — думала она. — *Этого не может быть*». Но тем не менее все, что она видела и ощущала, казалось ей абсолютно реальным. То, как шевелились волосы на голове Муртага, когда их касался ветер; запах полей; то, как льнула нежная ткань платья к ее коже — все это казалось именно таким, каким и должно быть. Но если она действительно там, то почему Муртаг не убедит ее в этом, проникнув в ее мысли, как делал это и прежде? Неужели он забыл? Хотя, конечно, если с тех пор промелькнуло уже восемь лет, он мог и забыть о том обещании, которое дал ей давным-давно в зале Ясновидящей.

— Я... — начала было Насуада, и тут женский голос окликнул ее:

— Госпожа!

Она оглянулась через плечо и увидела пухленькую девушку-служанку, спешившую к ней от дома; белый фартук служанки так и хлопал на ветру.

— Госпожа, прошу прощения за беспокойство, — сказала девушка и сделала книксен, — но дети надеялись, что вы посмотрите, какое представление они приготовили для гостей.

— Дети... — растерянно прошептала Насуада. И снова посмотрела на Муртага. В его глазах блестели слезы.

— Да-да, — подтвердил он, — дети. У нас их четверо. Все крепкие, здоровые, полные самых лучших намерений.

Насуада вздрогнула, не в силах скрыть охватившие ее чувства. Она ничего не могла с собой поделать. Потом гордо вскинула подбородок и сказала:

— Покажи мне то, что я позабыла. Покажи мне, *почему* я это позабыла.

Муртаг улыбнулся ей с каким-то странным чувством, похожим на гордость.

— С огромным удовольствием! — сказал он и поцеловал ее в лоб. Затем взял у нее из рук бокал, отдал оба их бокала горничной. А ее, Насуаду, взял за руки, закрыл глаза и склонил голову.

И через мгновение она почувствовала, как чье-то *сознание* проникает в нее и касается ее мыслей, и сразу поняла: это не он! Это и не мог бы быть он.

Разгневанная обманом и утратой той жизни, которая у нее могла бы быть, она вырвала у Муртага свою правую руку, схватила его кинжал и вонзила ему в бок. И громко закричала:

— Жил в Эльхариме человек желтоглазый. Меня он учил, что слухи — это проказа...

Муртаг смотрел на нее с каким-то странно-равнодушным выражением лица, а потом вдруг взял и растаял в воздухе. И все вокруг нее — эта решетка, увитая вьюнками, сам двор, их сельский дом, эти холмы и виноградники — тоже исчезло, и она обнаружила, что плывет в некой пустоте, где нет ни света, ни звуков. Она попыталась продолжить свой спасительный стишок, но из уст ее не исходило ни звука. Она не могла расслышать даже биение собственного сердца.

А потом окружавшая ее тьма как-то странно *исказилась*, и она...

Споткнувшись, она упала на четвереньки. Острые каменные осколки впились в ладони. Моргая непривыкшими к свету глазами, она поднялась на ноги и огляделась.

Дымка окутывала ее со всех сторон. Ленты дыма тянулись над каким-то выжженным полем, очень похожим на Пылающие Равнины. Насуада снова была в своей старой рваной рубашке и босиком.

Вдруг у нее за спиной раздался рев, и она резко обернулась. И увидела мчащегося прямо на нее двенадцатифутового кулла, который размахивал своей кованой дубинкой, размером, наверное, с нее, Насуаду. Слева от нее еще кто-то

взревел, и она увидела еще одного кулла и с ним четверых ургалов, поменьше. Затем из белесой дымки вынырнули еще две фигуры, горбатые, закутанные в плащи, и тоже метнулись к ней, что-то вереща и размахивая странными, сделанными в форме листьев деревьев мечами. И хотя Насуада никогда не видела раньше подобных существ, она сразу поняла: это раззаки.

И снова рассмеялась. Ну, теперь Гальбаторикс пытается ее попросту наказать.

Не обращая внимания на приближающихся к ней врагов — которых, как она знала, ей никогда не удастся убить, как не удастся и уйти от них, — она села на землю, скрестив ноги, и принялась напевать одну старинную песенку, которую выучила у гномов.

Первоначальные попытки Гальбаторикса обмануть ее вполне могли бы стать и удачными, могли бы совершенно запутать ее, если бы Муртаг заранее не предупредил ее. Чтобы сохранить в тайне то, что Муртаг помог ей, она сперва притворилась, будто ничего не понимает, когда Гальбаторикс начал манипулировать ее восприятием реальной действительности; но, независимо от того, что она видела или чувствовала, она не желала, чтобы он обманом заставил бы ее думать о тех вещах, о которых ей думать было нельзя, или же, что было бы еще хуже, заставил бы ее принести ему клятву верности. Ей не всегда удавалось ему сопротивляться, но она продолжала упорно придерживаться придуманных ею самой ритуалов и с их помощью все-таки ухитрялась противостоять действиям Гальбаторикса.

Первой иллюзией оказалась женщина по имени Риала, которая, как и Насуада, стала узницей зала Ясновидящей. Риала рассказала ей, что тайно обручилась с одним из шпионов варденов в Урубаене и как раз несла ему записку, когда ее выследили и схватили. Потом — Насуаде показалось, что продолжалось это никак не меньше недели — эта Риала попыталась втереться в доверие к Насуаде и окольными путями убедить ее, что военная кампания варденов безнадежно проиграна, что их борьба с Гальбаториксом не имеет смысла и самое правильное — это подчиниться его власти.

Сперва Насуада не поняла, что и сама по себе эта Риала — всего лишь иллюзия. Она решила, что это Гальбаторикс заставил эту женщину лгать, что он изменил ее внешность, что он, возможно, играет ее чувствами, чтобы те аргументы, которыми она пользуется в разговорах с Насуадой, звучали более убедительно.

Но прошло несколько дней, и Муртаг в зале Ясновидящей ни разу не появился, не попытался установить с нею и мысленную связь, и Насуада начала опасаться, что он ее попросту бросил, оставил одну в цепких лапах Гальбаторикса. Эта мысль причинила ей куда больше боли и горя, чем ей хотелось бы в этом себе признаться, и она все сильнее тревожилась.

А потом начала размышлять: странно, почему Гальбаторикс целую неделю тоже у нее не появляется? Почему он больше не подвергает ее пыткам? А что, если *действительно* прошла уже целая неделя и две армии — варденов и эльфов — предприняли попытку взять Урубаен? Но если бы это *действительно* произошло, то Гальбаторикс наверняка упомянул бы об этом, хотя бы из хвастовства. И потом, эта Риала начала вести себя как-то странно, у нее появлялись какие-то необъяснимые провалы в памяти, да и Гальбаторикс по-прежнему не появлялся, а Муртаг продолжал молчать и не пытался установить с нею мысленную связь — Насуада не могла поверить, что он осмелится нарушить данное ей честное слово. Все это — хоть и казалось в высшей степени необычным — постепенно привело ее к мысли, что Риала — всего лишь призрак, видение, а со времени последнего визита Муртага прошло совсем немного времени, а вовсе не неделя.

Более всего Насуаду потрясло то, что Гальбаторикс оказался способен изменять ее представления о времени. Это казалось ей особенно отвратительным. Она и так отчасти утратила ощущение времени, будучи в заключении, но в целом все же примерно представляла себе, сколько дней или часов прошло. Утратить это ощущение, заблудиться в потоке времени означало бы для нее безусловное усиление власти Гальбаторикса, который мог по собственной

воле либо продлевать прожитые ею часы и дни, либо сокращать их.

И все же Насуада по-прежнему была твердо намерена сопротивляться его попыткам подчинить ее своей воле. Сколько бы времени она ни провела уже в этом зале Ясновидящей, сколько бы лет ни пришлось терпеть эти мучения, ничего, она вытерпит и сто лет!

Когда на нее не подействовали настойчивые нашептывания Риалы — на самом деле Насуада в итоге даже обвинила эту особу в трусости и предательстве, — Риалу убрали, и Гальбаторикс перешел к новым хитростям, пытаясь обмануть свою упрямую пленницу.

Теперь его уловки становились все более изощренными, но ни одна из этих невообразимых уловок не нарушала законов разумного и ни одна не вступала в противоречие с тем, что он уже показал ей, ибо он все еще пытался держать ее в неведении относительно своих действий.

Усилия Гальбаторикса достигли наивысшей точки, когда он якобы переместил Насуаду в какой-то донжон, где она увидела Эрагона и Сапфиру, прикованными цепями, и самого Гальбаторикса, который грозил убить Эрагона, если она, Насуада, не принесет ему клятву верности. Когда же она опять отказалась это сделать, чем явно его разозлила и, как ей показалось, удивила, Эрагон вдруг выкрикнул какое-то заклинание и каким-то образом освободил их после короткого поединка с Гальбаториксом (тот трусливо бежал, что показалось Насуаде в высшей степени сомнительным), и они с Эрагоном верхом на Сапфире полетели прочь.

Все эти видения были весьма мучительными. Они возбуждали ее и искушали желанием узнать, чем же закончится случившееся с нею, но к этому времени она уже почувствовала, что, пожалуй, заигралась с Гальбаториксом в придуманные им игры. Так что уцепилась за первое же несоответствие, которое ей удалось заметить — за необычную форму чешуи вокруг глаз Сапфиры, — и воспользовалась этим для того, чтобы стряхнуть с себя наваждение и полностью осознать, что все это ей только *кажется*.

— Ты обещал, что не будешь лгать мне, пока я нахожусь в зале Ясновидящей! — крикнула она куда-то в воздух. — Или и это тоже было всего лишь ложью, клятвопреступник?

Гнев Гальбаторикса по поводу того, что она раскрыла его обман, был поистине неописуем; он рычал, как гигантский дракон, и, отбросив всякую обходительность, в течение нескольких дней подвергал ее зверским пыткам.

Но видения прекратились. Муртаг сразу же установил с ней мысленную связь, желая предупредить ее, что она может доверять собственным чувствам. И Насуада невероятно обрадовалась соприкосновению их мыслей.

А ночью Муртаг пришел в зал Ясновидящей, и они несколько часов проговорили. Он сообщил Насуаде об успехах варденов — они находились уже на подступах к столице — и о подготовке Империи к войне, а потом сказал, что у него, похоже, появилась возможность освободить ее. Когда же она потребовала объяснить более подробно, он отказался это сделать, сказав:

— Мне нужно еще день или два, чтобы проверить, сработает ли мой план. Но такая возможность *действительно* есть, можешь не сомневаться.

И Насуада поверила, чувствуя его искреннее желание помочь ей. Она была очень благодарна ему за заботу, за то, что он не давал ей почувствовать себя совершенно одинокой. Даже если ей и не удастся бежать, она все равно никогда этого не забудет!

Она рассказала Муртагу о тех видениях, которые вызывал у нее Гальбаторикс, и о том, с помощью чего ей удалось оказать ему сопротивление. Муртаг посмеялся и сказал:

— Ты доказала, что гораздо сильнее, чем он рассчитывал. Давно уже никто столь успешно не давал ему сдачи! Я-то уж точно нет... Честно говоря, в иллюзиях я смыслю мало, но знаю, что правдоподобные иллюзии создавать невероятно сложно. Любой умелый маг может запросто создать ощущение, будто ты плывешь в облаках, что тебе холодно или жарко, что прямо перед тобой вдруг вырос прекрасный цветок, но все это фокусы, более или менее сложные вещи. Однако и создание такой иллюзии требует значительной концентрации внимания и сил. Если хоть

немного отвлечешься, то у цветка может оказаться четыре лепестка, а не десять. Или он может совсем исчезнуть. Детали — вот что труднее всего воспроизвести. Природа полна бесконечного множества деталей, и наш разум зачастую не способен запомнить их все. И если тебе покажется, что ты видишь нечто не совсем реальное, присмотрись повнимательней — особенно к тем местам, где находятся швы нашего привычного мира. Там заклинатели чаще всего оставляют всякие мелочи без внимания либо по забывчивости, либо по незнанию, либо просто желая сэкономить силы.

— Но если даже создать обычные иллюзии так сложно, то как же Гальбаториксу удавалось меня обманывать?

— Он использует Элдунари.

— Все сразу?

Муртаг *кивнул:*

— Они обеспечивают его необходимой энергией и знаниями деталей. А он может распоряжаться ими, как ему самому заблагорассудится.

— Значит, те вещи, которые я видела, основаны на воспоминаниях драконов? — спросила Насуада, испытывая даже некоторую робость.

— Да, — сказал Муртаг, — драконов и их Всадников.

На следующее утро Муртаг разбудил Насуаду коротким мысленным толчком, предупреждая, что Гальбаторикс намерен снова попытаться *ввести ее в заблуждение.* После этого всевозможные фантомы и иллюзии весь день буквально преследовали Насуаду, но к вечеру она заметила, что видения — за небольшим, но заметным исключением, вроде их с Муртагом жизни в каком-то поместье, — становятся все более путаными и упрощенными, словно сам Гальбаторикс и его ручные Элдунари начинают уставать.

Она снова видела, как сидит на холме, созерцая какую-то пустынную равнину и напевая старинную песенку гномов, а к ней со всех сторон подкрадываются куллы, ургалы и раззаки. В итоге они вроде бы даже ее схватили и стали мучить — во всяком случае, у нее возникло ощущение, словно ее жестоко бьют и режут ножами, она даже вскрикивала

порой, не в силах терпеть эту боль, но ни разу ей даже в голову не пришло сдаться на милость Гальбаторикса.

Затем холмистая равнина исчезла — вместе со всеми мучениями Насуады, — и она тут же вновь напомнила себе: «Это мне только кажется. Я не поддамся на этот обман. Я не животное, я сильнее, чем моя слабая плоть».

Теперь она оказалась в темной пещере, освещенной мерцанием каких-то зеленоватых грибов. Где-то рядом, за рядами сталагмитов, слышалось фырканье и шаги какого-то крупного существа, а потом Насуада почувствовала на затылке теплое дыхание этой твари; в нос ударил отвратительный запах падальщика.

И тогда она снова начала смеяться и продолжала смеяться, когда Гальбаторикс начал вызывать у нее одно ужасное видение за другим, словно пытаясь найти некое оптимальное сочетание боли и страха, которое поможет ему сломить эту упрямицу. Насуада смеялась, твердо зная, что ее воля сильнее, что созданные его воображением образы и обстоятельства не в силах сломить ее. Она теперь была уверена, что может рассчитывать на помощь Муртага и, если он, ее друг и союзник, будет с нею рядом, ей нипочем любые кошмарные видения, созданные Гальбаториксом.

ВОПРОС ХАРАКТЕРА

Эрагон неожиданно поскользнулся в жидкой грязи, подвернул ногу и неуклюже, боком, упал прямо в мокрую траву. Он поморщился от боли — наверняка на бедре будет здоровенный синяк — и выругался: «Барзул!» Потом осторожно поднялся с земли.

«Еще хорошо, что я на Брисингр не приземлился», — подумал он, счищая со штанов грязь.

Настроенный весьма мрачно, он двинулся дальше, к тому разрушенному зданию, где они решили устроиться на ночлег, надеясь, что там будет безопаснее, чем в лесу.

Пробираясь в густой траве, Эрагон вспугнул несколько лягушек-быков, которые тут же попытались спрятаться или, совершая крупные прыжки, удрать от него подальше. Здешние лягушки-быки тоже были достаточно странными: у каждой в центре лба, над красными глазками, торчал некий выступ, похожий на рог и переходящий в гибкий стебель, больше всего напоминающий удочку рыболова, на конце которого висел маленький мясистый орган, ночью испускавший белый или желтый свет. Этот свет позволял лягушкам-быкам подманивать сотни летучих насекомых, которых они ловили своим длинным языком; в результате благодаря такой доступности пищи лягушки вырастали до невероятных размеров. Он видел особей величиной с голову медведя — это были огромные мясистые комки плоти с вытаращенными глазами и широченными ртами в две его ладони длиной.

Эти лягушки напомнили Эрагону о травнице Анжеле, и он вдруг пожалел, что они не взяли ее с собой на остров Врёнгард. «Если кто-нибудь и мог бы назвать нам

с Сапфирой наши истинные имена, так, по-моему, только Анжела», — думал он. По какой-то причине ему всегда казалось, будто Анжела видит его насквозь, знает о нем все, понимает каждую его мысль и каждый поступок. Обычно это было не слишком приятное ощущение, но сейчас Эрагон был бы рад, если бы Анжела здесь появилась.

Они с Сапфирой решили поверить Солембуму и провести на Врёнгарде еще дня три, а за это время попытаться выяснить свои истинные имена. Глаэдр предоставил им самим решить этот вопрос. Он сказал лишь:

«Вы лучше меня знаете Солембума. Останемся мы здесь или нет — в обоих случаях риск достаточно велик. Больше безопасных путей у нас не существует».

Собственно, выбор в итоге сделала Сапфира.

«Коты-оборотни никогда не стали бы *служить Гальбаториксу*, — сказала она. — Они слишком высоко ценят собственную свободу. И в данном случае я бы поверила скорее их словам, чем словам любого другого существа, даже *эльфа*».

Так что они остались.

Остаток того дня и большую часть следующего они провели в размышлениях, изредка переговариваясь, делясь соображениями и воспоминаниями, изучая мысли друг друга и пытаясь использовать различные комбинации слов древнего языка — все это в надежде, что им удастся либо сознательно прийти к пониманию своих истинных имен, либо, если повезет, случайно на них наткнуться.

Глаэдр предложил свою помощь, и время от времени они обращались к нему с вопросами, но большую часть он помалкивал, представляя Эрагону и Сапфире полную свободу обмена мнениями. Надо сказать, Эрагон был бы весьма смущен, если бы кто-то другой услышал их с Сапфирой разговоры.

«Поиски истинного имени — это нечто такое, что каждому следует делать самостоятельно, — сказал Глаэдр. — Если я хорошенько подумаю, то смогу, наверное, назвать вам ваши имена — но только потому, что у нас совсем мало времени и мы не можем тратить его зря, — но все-таки лучше бы вы отыскали их самостоятельно».

Но пока что ни Эрагону, ни Сапфире это не удалось.

С тех пор как Бром разъяснил Эрагону природу истинных имен, Эрагон мечтал узнать свое имя. Знания вообще, и особенно знание самого себя, всегда казались ему вещью чрезвычайно полезной, и он надеялся, что знание своего истинного имени позволит ему лучше владеть собой, своими мыслями и чувствами. И все же он ничего не мог с собой поделать: его до нервной дрожи пугало то, *какое* имя ему может открыться.

Эрагон очень надеялся, что в течение ближайших дней им с Сапфирой удастся отыскать свои имена, но уверен в этом не был. Его беспокоил не только успех экспедиции на Врёнгард. Ему очень не хотелось, чтобы Глаэдр или Сапфира первыми назвали ему его истинное имя. Если ему предстояло услышать, как все его существо заключают в рамки одного слова или выражения, то услышать это слово ему все же хотелось первым, не доверяя его поиски чужим умам.

Эрагон вздохнул и стал подниматься по пяти обвалившимся каменным ступеням на просторное крыльцо перед входом в здание. Это был так называемый дом-гнездо, как выразился Глаэдр. По меркам Врёнгарда, дом был небольшой, почти незаметный, однако же в нем было три этажа, а во внутренних помещениях Сапфира передвигалась без особого труда. Юго-восточный угол дома обвалился внутрь вместе с частью потолка, но в целом этот дом-гнездо сохранился неплохо.

Шаги Эрагона гулким эхом отдавались в пустых помещениях, когда он, пройдя под аркой главной двери, двинулся по некогда очень красивому, гладкому и сверкающему, полу в главный зал. Пол был сделан из какого-то прозрачного материала, в который были как бы вмурованы сверкающие извилистые лезвия разноцветных клинков, создававшие удивительный и довольно сложный орнамент. Каждый раз, глядя на него, Эрагон думал, что эти пересекающиеся линии вот-вот сложатся в некую узнаваемую форму, но этого никогда не происходило.

Гладкая поверхность пола была покрыта паутиной мельчайших трещинок. Трещинки расходились в разные

стороны, и от груды мусора, образовавшейся там, где обвалилась часть стены и потолка. В пролом уже пробрались длинные щупальца плюща, свисавшие с потолка, словно куски узловатых веревок. С них капала вода, собираясь на полу в мелкие, но довольно широкие лужи; звук падающих в лужи капель эхом разносился по всему зданию, напоминая неумолчный, хотя и не слишком ритмичный барабанный бой, и Эрагону порой казалось, что он просто сойдет с ума, если так и будет все это время слушать этот бой.

Перед северной стеной полукругом были выложены камни, которые притащила Сапфира, пытаясь как-то защитить их стоянку. Ей в итоге удалось сложить стенку высотой более шести футов. Преодолев этот барьер, Эрагон спрыгнул на пол, снова приземлившись не слишком удачно, и выругался себе под нос.

Сапфира вылизывала переднюю лапу, но тут же перестала этим заниматься и посмотрела на него. Эрагон чувствовал, какой вопрос она хочет ему задать, и отрицательно помотал головой. Сапфира тут же вернулась к прежнему занятию, а он, сняв с себя плащ, подошел к костру — кострище они устроили у самой стены, — расстелил на полу возле него промокший плащ, стащил покрытые коркой грязи сапоги и тоже пристроил их поближе к огню.

«Похоже, дождь так и будет идти?» — спросила Сапфира.

«Возможно».

Эрагон присел на корточки у огня, погрелся немного и перебрался на свой спальный мешок, удобно прислонившись к стене и наблюдая за тем, как ловко Сапфира работает своим алым языком, вылизывая мягкие кожистые складки у основания когтей. Ему вдруг пришла в голову одна мысль, и он пробормотал заклятие на древнем языке, но, к своему разочарованию, не ощутил от этих слов ни малейшего прилива энергии, да и Сапфира никак на это заклятие не отреагировала, в отличие, например, от Слоана, когда Эрагон произнес вслух его истинное имя.

Эрагон закрыл глаза и откинул голову назад.

Его приводило в отчаяние то, что он не в состоянии даже истинное имя Сапфиры разгадать. Он мог бы

согласиться с тем, что толком не понимает самого себя, но Сапфиру-то он знал с того мгновения, как она проклюнулась из яйца, он делил с нею почти все ее мысли и воспоминания. Разве могли быть какие-то уголки в ее душе, где она хранила бы от него какую-то тайну? Как ему удалось разобраться в сути такого убийцы и предателя, как Слоан, если в своей собственной душе и в душе Сапфиры, связанной с ним и любовью, и магией, он разобраться не может? Неужели потому, что Сапфира — дракон, а он, Эрагон, — человек? А может, потому, что Слоан в целом куда примитивней Сапфиры?

Нет, этого ему никогда не понять!

Одно из упражнений, которые они с Сапфирой — по совету Глаэдра — выполняли, заключалось в следующем: они рассказывали друг другу о тех недостатках и промахах, которые успели заметить. Это упражнение здорово сбивало спесь. Глаэдр также делился с ними своими соображениями на этот счет, и, хотя старый дракон всегда был достаточно великодушен, Эрагона мучило чувство уязвленной гордости, когда Глаэдр перечислял его разнообразные промахи. И это тоже, как прекрасно понимал Эрагон, следовало принять во внимание, пытаясь отыскать свое истинное имя.

Для Сапфиры самым сложным оказалось смирить собственное тщеславие — эту свою черту она дольше всего отказывалась за собой признавать. А для Эрагона камнем преткновения оказалась его чрезмерная самоуверенность, в которой его не раз обвинял Глаэдр; среди его недостатков, впрочем, были и легкомысленное отношение к тем, кого он убивал на поле брани, и чрезмерная раздражительность, и эгоизм, и гневливость — словом, масса пороков, которым он, как и многие другие, был подвержен.

И все же, хотя они старались разобрать характеры друг друга по косточкам и так честно, как только могли, особых результатов это по-прежнему не давало.

«Сегодня и завтра — у нас осталось только два дня. — Мысль о том, что они вернутся к варденам с пустыми руками, была для Эрагона мучительной. — Как же нам тогда

победить Гальбаторикса? Еще несколько дней, и наши жизни, вполне возможно, перестанут нам принадлежать. Мы станем его рабами, как Муртаг и Торн».

Он еле слышно выругался и невольно стукнул кулаком по полу.

«Спокойней, Эрагон», — услышал он голос Глаэдра и заметил, что старый дракон заслонил свои мысли от Сапфиры, чтобы она их не услышала.

«Как я могу быть спокоен?!» — прорычал в ответ Эрагон.

«Легко быть спокойным, когда не о чем тревожиться. Но истинное проявление самообладания — это умение оставаться спокойным в любой, даже самой мучительной, ситуации. Ты не можешь позволить гневу или отчаянию затуманить твой разум. Сейчас это совершенно недопустимо. Сейчас тебе особенно необходимо, чтобы голова твоя оставалась ясной».

«А ты всегда мог оставаться спокойным? В любых обстоятельствах?»

Старый дракон, похоже, усмехнулся:

«Нет. Я частенько рычал от бешенства, кусался, ломал деревья, рыл землю, а однажды снес вершину одной горы в Спайне. Многие драконы тогда выразили мне свое порицание. Но я прожил уже достаточно долго, так что у меня хватило времени понять, что вспыльчивость — плохой союзник. У тебя пока что нет за плечами такого жизненного опыта, но позволь мне поделиться с тобой своим. Отпусти все свои тревоги и сосредоточься только на одной насущной задаче. Пусть будущее будет таким, каким ему суждено быть; излишняя суета по этому поводу только способствует воплощению твоих страхов в жизнь. Во всяком случае, вероятность этого существенно возрастает».

«Я понимаю, — вздохнул Эрагон. — Но до чего же это нелегко!»

«Конечно нелегко. Мало что из стоящих знаний дается легко». — И Глаэдр умолк, погрузившись в собственные мысли.

А Эрагон выудил из седельной сумки миску, перебрался через наваленные Сапфирой камни и босиком добрался до одной из луж, скопившихся под проломом. Снова начался

моросящий дождь, и лужа успела существенно расшириться, а весь пол вокруг стал мокрым и скользким. Присев возле лужи на корточки, Эрагон принялся руками зачерпывать воду и выливать ее в миску.

Как только миска наполнилась, он отошел от лужи на пару шагов, поставил ее на большой камень и, мысленно представив себе Рорана, прошептал: «Драумр копа!»

Вода в плошке задрожала, покрылась рябью, затем успокоилась и стала совершенно белой. На этом чисто-белом фоне появилось изображение Рорана, который шел рядом с Хорстом и Олбрихом, ведя под уздцы жеребца Сноуфайра. Все трое выглядели усталыми и прихрамывали, поскольку у всех были явно в кровь стерты ноги. Но все они были по-прежнему при оружии, и Эрагон понял, что в плену никто из них пока не оказался и противостояние Империи продолжается.

Затем он точно так же с помощью своего «магического зеркала» вызвал образ Джормундура, затем — Солембума, который терзал только что пойманную малиновку, а затем — Арьи, но тут ему не повезло: магическая защита скрыла Арью от его глаз, и он сумел увидеть только какое-то черное пятно.

Остановив действие заклинания, Эрагон выплеснул воду обратно в лужу, снова перебрался через барьер, ограждавший их «лагерь», и увидел, что Сапфира сонно потягивается, выгибая спину, как кошка, и зевая во всю пасть.

«Как они?» — спросила она у Эрагона.

«Вне опасности, насколько я могу судить».

Он сунул плошку в седельную сумку, снова устроился на спальном мешке и, прикрыв глаза, вернулся к попыткам отыскать или угадать свое истинное имя. Каждые несколько минут в голову ему приходил очередной вариант, но ни один из них не затрагивал в его душе нужной струны, и он отвергал их один за другим, начиная все снова. Все имена, которые он оказался способен выдумать, обладали определенными константами: он — Всадник; он очень любит Сапфиру и Арью; он страстно мечтает победить Гальбаторикса; он тесно связан родственными узами с Рораном, Гэрроу и Бромом; он — сводный брат Муртага, и в жилах

у них течет немало родственной крови. Но в какой бы комбинации Эрагон ни сопоставлял эти элементы, ничто в его душе на это не откликалось. Было совершенно очевидно, что он упускает некий важнейший аспект собственного «я», так что имена, которые он составлял, становились все длиннее, потому что ему казалось, что так он может случайно наткнуться именно на ту характеристику собственной натуры, которую ищет.

Когда произнесение каждого из этих имен стало занимать более минуты, Эрагон понял, что зря тратит драгоценное время. Пришлось снова пересмотреть все исходные данные. Он был убежден, что его ошибка заключается в том, что он попросту что-то просмотрел или же не придал значения некоему совершенному ранее просчету. Люди, встречавшиеся ему на жизненном пути, крайне редко сами соглашались признать собственное несовершенство, и он понимал, что тоже грешит этим. Необходимо было как-то излечить себя от подобной слепоты, пока еще есть немного времени. Эта слепота, несомненно, была порождена его гордыней и самоуверенностью, ибо он всегда был о себе высокого мнения, даже когда это и было совершенно неоправданным. Но теперь он больше не имел права допускать столь завышенной самооценки, не мог дольше обманывать себя.

И он продолжал думать, а день все тянулся, и по-прежнему все попытки заканчивались неудачей.

Дождь усилился, проклятый барабанный бой дождевых капель по лужам тоже. Это страшно раздражало Эрагона — в таком шуме очень трудно было еще хоть что-нибудь услышать, и к ним мог незаметно подкрасться кто угодно. После той первой их ночи на Врёнгарде он больше ни разу не видел тех странных фигур в темных плащах с капюшонами, пересекавших город извивающейся вереницей; не сумел он также обнаружить ни их следов, ни даже проблеска их мыслей. Тем не менее он постоянно ощущал их присутствие, а потому ему все время казалось, что на них с Сапфирой в любой момент могут напасть.

Серый свет дня постепенно померк, сменившись сумерками, а потом и темной, беззвездной ночью. Эрагон подбросил в костер дров; собственно, костер служил им

единственным источником света; его желтое пламя казалось просто большой свечой в этом огромном, полном гулкого эха, старинном доме. Отблески костра отражались в полированных плитах пола, сверкавшего, как гладкий лед; резкие, как клинки, цветные лезвия, вмурованные в плиты пола, постоянно отвлекали Эрагона от его основного занятия.

Ужинать он не стал, хоть и был голоден. Он чувствовал, что слишком напряжен и не сможет спокойно переваривать пищу. Кроме того, ему казалось, что полный желудок замедлит работу мысли. Он давно заметил, что лучше всего голова работает, когда в желудке пусто.

И Эрагон решил не есть до тех пор, пока не узнает свое истинное имя. Или до тех пор, пока не придется улетать с острова.

Прошло еще несколько часов. Они с Сапфирой почти не разговаривали, но он чувствовал ее настроение и основное направление ее мыслей, как и она — его мысли и настроение.

Когда Эрагон, потеряв надежду, решил лечь спать — с одной стороны, он устал и хотел отдохнуть, а с другой стороны, надеялся, что во сне ему что-нибудь откроется, — Сапфира вдруг взвыла и, вытянув правую лапу, громко постучала ею об пол. От этого в костре подскочили и рассыпались горящие ветки, и к почерневшему потолку взвился целый сноп ярких искр.

Эрагон в тревоге вскочил на ноги, выхватывая Брисингр и напряженно вглядываясь во тьму, лежавшую за пределами ограждавшей их каменной стенки. Но мгновением позже он понял: Сапфира вовсе не встревожена и не рассержена; она была вне себя от восторга.

«У меня получилось! — воскликнула она, аркой изгибая шею и выпуская в соседнюю комнату струю синего пламени. — Я узнала его, свое истинное имя!»

И она произнесла что-то на древнем языке. В глубине души Эрагона словно колокол ударил, и он заметил, как чешуя Сапфиры словно вспыхнула, освещенная неким ярким внутренним светом — в эти мгновения казалось, что ее чешуя сделана из звездной пыли.

Имя Сапфиры было поистине великолепно, но была в нем и некая затаенная печаль, ибо оно называло ее последней самкой в роду. В этом имени Эрагону слышались ее любовь и преданность, которые она испытывала к нему; в нем также чувствовались многие черты ее характера, свойственные ей как незаурядной личности. Большую их часть он узнавал, но некоторые — нет. Ее недостатки были столь же очевидны, как и ее достоинства, но в целом впечатление было прекрасное: огонь, красота, величие.

Сапфира, вздрагивая от восторга, пошевелила крыльями и гордо заявила Глаэдру:

«Теперь я знаю, кто я такая!»

«Молодец, Бьяртскулар! — похвалил ее Глаэдр, и Эрагон почувствовал, как сильно он за нее рад. — Твоим именем действительно можно и нужно гордиться. Но я не стану снова повторять его даже тебе самой, пока мы не окажемся... у той скалы, которую здесь искали и нашли. Ты теперь должна быть очень осторожна, должна тщательно скрывать свое имя — особенно теперь, когда ты его узнала».

Сапфира моргнула и снова пошевелила крыльями:

«Да, Учитель».

Охватившее ее возбуждение ощущалось почти физически.

Эрагон сунул Брисингр в ножны и подошел к ней. Она склонила к нему голову, а он погладил ее и прижался лбом к ее твердой колючей чешуе, чувствуя, как острые края чешуи впиваются ему в пальцы и в кожу на лице. Горячие слезы текли у него по щекам.

«Почему ты плачешь?» — с тревогой спросила Сапфира.

«Потому что... мне так повезло, что мы с тобой единое целое!»

«Ах, маленький брат...»

Они еще немного поговорили — Сапфире не терпелось обсудить то, что она о себе узнала, да и Эрагон слушал ее с удовольствием, хотя душу его и терзало горькое чувство собственной беспомощности. Ведь он-то свое истинное имя угадать так и не сумел!

Затем Сапфира свернулась клубком на своей половине и заснула, оставив Эрагона предаваться печальным мыслям у гаснущего костра. Глаэдр не спал, и порой Эрагон обращался к нему с вопросами, но по большей части старый дракон предпочитал хранить молчание.

Медленно текли часы, и Эрагона все сильней охватывало отчаяние. Его время истекало — в идеале они с Сапфирой должны были бы улететь обратно еще вчера, — однако, сколько он ни старался, ему не удавалось правильно описать свой характер с помощью слов древнего языка.

Было уже далеко за полночь, когда дождь прекратился.

Эрагон решил прервать свои мучительные попытки, вскочил — он был слишком возбужден, чтобы спать, да и просто сидеть был уже не в силах, — и сказал Глаэдру:

«Пойду прогуляюсь».

Он ожидал, что тот станет возражать, однако старый дракон сказал лишь:

«Оставь здесь оружие и доспехи».

«Почему?»

«Что бы тебе ни встретилось, ты должен предстать перед ним один и безоружный. Ты не сможешь понять, из чего ты сделан, если станешь полагаться на чью-то помощь или хотя бы на помощь оружия».

Слова Глаэдра показались Эрагону весьма разумными, но все же он колебался. Затем отстегнул меч и кинжал, снял с себя *металлическую кольчугу и положил все это на* пол. Потом натянул сапоги, накинул плащ, по-прежнему влажный, и на всякий случай подтащил седельные сумки поближе к Сапфире, особенно ту, где хранилось «сердце сердец» Глаэдра.

Когда Эрагон уже готовился перепрыгнуть через кольцо камней, окружавших их «лагерь», Глаэдр сказал ему:

«Делай все, что нужно, но будь осторожен».

Снаружи Эрагон с удовольствием увидел куски чистого звездного неба. Даже луна светила достаточно ярко в просветы меж облаками, и окрестности были хорошо видны. Он немного постоял, качаясь с пятки на носок и не зная,

в какую сторону направиться, а потом рысцой побежал к центру разрушенного города. Через несколько секунд мрачное настроение вернулось к нему, охватив его с новой силой, и он перешел на быстрый бег.

Слушая собственное дыхание и стук сапог по мощеным улицам, Эрагон спрашивал себя: «*Кто же я?*» Но ответа не получал.

Он бежал, пока хватало дыхания, но, даже начав задыхаться, все-таки еще немного пробежал, а потом, когда стали отказывать не только легкие, но и ноги, остановился возле заросшего сорняками фонтана и оперся руками о его бортик, восстанавливая дыхание.

Вокруг высились громады полуразрушенных зданий: темные и нахохлившиеся, они выглядели точно гряда старых, осыпающихся гор. Фонтан находился в центре просторной площади или двора какого-то дворца, превратившегося в груду каменных обломков.

Эрагон рывком оттолкнулся от края фонтана и медленно сделал круг. Вдалеке слышалось утробное пение лягушек-быков, и этот странный гулкий хор звучал особенно мощно, когда выступали наиболее крупные особи.

Внимание Эрагона привлекла потрескавшаяся каменная плита в нескольких шагах от него. Он подошел ближе, взялся за ее край и с некоторым напряжением приподнял. Хотя мускулы у него на руках горели от напряжения, он отнес плиту на край площади и бросил в траву.

Она приземлилась с мягким, но приятным стуком.

Эрагон быстро вернулся к фонтану, расстегнул плащ, надел его на какую-то статую и подбежал к следующему каменному обломку с острыми краями, явно отколовшемуся от крупной плиты. Он подсунул под его край пальцы, приподнял и взвалил на плечо.

Примерно час он возился с расчисткой площади. Некоторые куски были такими большими, что ему пришлось воспользоваться магией, чтобы поднять их, но в основном он справлялся собственными силами. Работал он методично, двигаясь взад-вперед и останавливаясь, чтобы подобрать любой кусок мусора, который попадался ему на глаза, большой или маленький.

Вскоре он весь взмок и с удовольствием снял бы рубаху, но у обломков порой были такие острые края, что он вполне мог порезаться, а у него и так хватало ссадин и порезов и на груди, и на плечах, и на руках.

Тяжелая работа помогала прояснить мысли, поскольку требовала крайне мало умственных усилий и позволяла сосредоточиться на чем-то главном.

Эрагон, поглощенный проблемами самооценки, отдыхал после переноса очередного, особенно тяжелого, куска каменного карниза, когда послышалось угрожающее шипение, и он, подняв глаза, увидел огромную улитку сналгли — на этот раз вместе с раковиной она была добрых шесть футов высотой! — которая выкатилась из темноты с поразительной быстротой. Мягкая, бесформенная тварь сильно вытянула вперед шею, ее безгубый рот казался черной щелью, перерезавшей ее плоть, выпученные глаза смотрели прямо на Эрагона. При свете луны мякоть сналгли сверкала, как серебро, и точно так же сверкала дорожка слизи, тянувшаяся за улиткой.

— Летта, — сказал Эрагон, выпрямляясь и стряхивая с израненных рук капли крови. — Оно ач неат трейя еом веррунсмал едта, о, сналгли! (что означало: «Ты же не хочешь сражаться со мной, о, сналгли!»)

После такого предостережения улитка несколько замедлила ход, втянула внутрь свои глаза на стебельках и остановилась всего в нескольких шагах от Эрагона. Затем она снова зашипела и свернула влево, явно намереваясь напасть на него с фланга.

— Э нет, не вздумай! — пробормотал он, поворачиваясь следом за нею и поглядывая через плечо, не подползают ли к нему и другие сналгли.

Гигантская улитка, похоже, поняла, что застать добычу врасплох ей не удастся, и снова остановилась, шипя и наставив на Эрагона свои глазищи размером с добрый кулак.

— Ну что ты свистишь, как забытый на огне чайник? — спросил он.

Глаза сналгли вдруг стали довольно быстро вращаться, и она бросилась на Эрагона, колыша краями своего плоского брюха, точно подолом юбки.

Эрагон выждал и в самую последнюю секунду отскочил в сторону. Улитка, разумеется, промахнулась. А он рассмеялся, шлепнул ее по раковине и сказал: «Ты у нас не слишком большого ума, верно?» — а потом, пританцовывая и уворачиваясь от сналгли, принялся дразнить ее, произнося на древнем языке всякие оскорбительные прозвища.

Улитка, казалось, вот-вот взорвется от злости — шея у нее раздулась, ротовая щель стала еще шире, и она теперь не только шипела, но и начала плеваться, продолжая с редкостной свирепостью бросаться на Эрагона. Однако он каждый раз в последний момент отпрыгивал в сторону, и сналгли наконец устала от этой борьбы. Она отползла на десяток шагов и остановилась, глядя на Эрагона выпученными глазищами.

— Как тебе только вообще удается кого-то поймать, такой неповоротливой? — спросил Эрагон насмешливым тоном и показал улитке язык.

Она снова зашипела, развернулась и поползла во тьму.

Эрагон выждал несколько минут, удостоверился в том, что сналгли окончательно ушла, и снова принялся за расчистку мусора.

— Может, мне назвать себя Победителем Улиток? — пробормотал он, катя кусок разбитой колонны. — Эрагон Губитель Шейдов и Победитель Улиток... Да все просто со страху помрут, услышав такое имя!

Близилось утро, когда Эрагон наконец бросил последний кусок каменной плиты в траву, росшую вокруг расчищенной им площади. Он немного постоял, чтобы отдышаться, и вдруг почувствовал, что замерз, проголодался и просто устал; к тому же здорово саднило царапины на руках.

Ему удалось расчистить всю ту часть площади, что примыкала к северному краю огромного замка, почти полностью разрушенного во время сражения; уцелели лишь часть его задней стены и одна увитая плющом колонна там, где раньше был вход.

Дольше всего взгляд Эрагона задержался именно на этой колонне. Над ней ярко сияли звезды — красные, синие, белые, — выглянув в прореху меж облаков; звезды

сверкали, как бриллианты, и Эрагона охватило странное чувство близости к этим звездам, ощущение того, что они что-то значат для него и он должен обязательно это учесть.

Не заботясь о последствиях, он подошел к основанию этой колонны, перебравшись через очередную груду мусора, и, подняв руку как можно выше, ухватился за самый толстый стебель обвивавшего колонну плюща.

Стебель был ворсистый, толщиной, наверно, с его предплечье.

Эрагон потянул за него, но тот держался крепко, и тогда он, подпрыгнув, начал карабкаться по колонне вверх. В ней было, должно быть, сотни три футов, но он упорно полз вверх, понимая, что поступает безрассудно, но, с другой стороны, именно безрассудным он себя сейчас и чувствовал.

Примерно на середине колонны побеги плюща стали более тонкими и начали отрываться под весом Эрагона, так что ему пришлось вести себя более осторожно и хвататься только за *основной стебель или самые крупные его* ответвления.

Усталые руки уже почти отказывали, когда он наконец добрался до верхушки, которая была еще относительно целой и являла собой просторную квадратную площадку, на которой вполне можно было передохнуть, даже для обеих ног места хватало.

Чувствуя, что конечности у него дрожат от усталости, Эрагон сел, скрестил ноги и положил руки на колени исцарапанными ладонями вверх, чтобы прохладный воздух немного остудил их.

Под ним раскинулся разрушенный город — настоящий лабиринт, где порой гулким эхом отдавались какие-то странные вопли, а в некоторых местах, особенно возле заросших искусственных прудов, словно волшебные фонарики, мерцали огоньки на мордах лягушек-быков.

«Лягушки-удильщики, — вдруг подумал он, вспомнив слова древнего языка. — Вот как их настоящее имя: лягушки-удильщики». И понял, что прав, потому что это имя как-то сразу вошло в его душу, точно ключ в замок.

Затем он переместил свой взгляд на то скопление разноцветных звезд, из-за которого, собственно, и полез на колонну. Затаив дыхание, он сосредоточился и замер, чтобы сияние звезд казалось ровным и непрерывным. От холода, голода и усталости голова работала как-то удивительно ясно и четко; ему казалось, что он, отделившись от собственного тела, плывет над землей, чутко прислушиваясь к настороженной тишине этого города и этого острова, остро чувствуя каждый вздох ветерка, каждый звук и каждый запах.

Сидя на вершине колонны, Эрагон снова перебрал в уме множество разных имен, и, хотя ни одно из них полностью его не удовлетворяло, это отчего-то не особенно его огорчило, ибо та ясность ума, которую он ощущал, была слишком глубока, а его душевное спокойствие не могла, казалось, смутить ни одна неудача.

«Как же можно уместить все то, что ты собой представляешь, в несколько слов?» — думал он. И продолжал размышлять над этим, когда вдруг заметил некоторые перемены в звездном небе у себя над головой.

Три весьма уродливые тени мелькнули в вышине — точно клочки темного облака — и приземлились на крышу слева от Эрагона. Стали видны знакомые, похожие на филинов, силуэты. «Филины» встопорщили колючие перья и уставились на юношу сверкающими злобными глазищами, тихо переговариваясь о чем-то друг с другом. Затем два «филина» расправили крылья, казавшиеся во тьме как бы лишенными объема, однако же на краях снабженные острыми когтями, как у драконов. Пока эти двое потягивались и скребли когтями, третий «филин» не шевелился, прижимая лапами останки лягушки-быка.

Эрагон несколько минут наблюдал за грозными птицами, и они, судя по всему, тоже за ним наблюдали, потом они разом взлетели — причем совершенно бесшумно, как призраки, — и исчезли где-то на западной окраине города.

Ближе к рассвету, когда на востоке меж двух горных вершин загорелась утренняя звезда, Эрагон спросил себя: «Так чего же я, собственно, хочу?»

Странно, но до сих пор он себе этого вопроса не задавал. Да, он, как все вардены, хотел свергнуть власть Гальбаторикса. А потом? Если бы им действительно удалось победить — что дальше? С тех пор как они с Бромом и Сапфирой покинули долину Паланкар, Эрагон всегда считал, что когда-нибудь они с Сапфирой туда вернутся и будут жить вблизи его любимых гор. Однако же, обдумывая подобную перспективу, он все чаще понимал, что она уже не кажется ему столь привлекательной, как в ранней юности.

Он вырос в долине Паланкар, и она навсегда останется для него родным домом. Но разве там осталось что-то дорогое для него или для Сапфиры? Карвахолл разрушен, и даже если его когда-нибудь отстроят заново, прежним ему никогда уже не стать. Кроме того, большая часть друзей, которых они с Сапфирой успели приобрести, проживает в иных местах; все это представители различных рас, и всем им они с Сапфирой чем-то обязаны, и эти обязательства никак нельзя сбрасывать со счетов. После всего того, что они видели и совершили, Эрагону с трудом представлялось, что им с Сапфирой будет достаточно жизни в самом обычном, захолустном селении. Ведь небо — не плоскость, а бескрайнее пустое пространство. И земля, оказывается, круглая...

Если бы даже они и вернулись в Карвахолл, то чем они могли бы там заниматься? Выращивать коров или возделывать пшеничные поля? У Эрагона не было никакого желания жить землепашеством, как та семья, в которой он вырос. Он — Всадник, а Сапфира — его дракон; их судьба и вечная обязанность — всегда быть на переднем крае истории, защищать мир и покой Алагейзии, а не сидеть у камина, толстея и становясь ленивыми.

И потом еще Арья... Если они с Сапфирой поселятся в долине Паланкар, Арью он будет видеть крайне редко, а может, и никогда больше не увидит.

— Нет! — громко сказал Эрагон, и это слово прозвучало в тишине, точно удар молота. — Я не хочу возвращаться назад.

Холодок пробежал у него по спине. Он давно уже понимал, как сильно изменился с тех пор, как вместе с Бромом

и Сапфирой отправился выслеживать тех раззаков, но все это время он цеплялся за представления о том, что где-то в глубине, в самой своей сути остается тем же мальчиком из Карвахолла. Только теперь он окончательно понял, что это не так. Того мальчика, каким он был, когда впервые покинул пределы долины Паланкар, давно уже нет. Он, Эрагон, даже выглядит теперь совсем иначе, действует иначе, думает иначе; он больше не намерен возвращаться к прежней своей жизни.

Эрагон глубоко вздохнул и медленно, с каким-то дрожащим придыханием, выпустил воздух из легких, так же медленно осознавая открывшуюся ему истину.

— Я больше не тот, кем был.

Когда он произнес это вслух, мысль его, казалось, стала материальной, ощутимой физически.

А когда первые лучи солнца осветили восточный край неба над древним островом Врёнгард, некогда служившим обителью драконам и Всадникам, Эрагону пришло в голову одно имя, и, как только он об этом имени подумал, его вдруг охватило чувство уверенности.

Он произнес его про себя, чтобы пока что оно могло прозвучать лишь в самых сокровенных глубинах его души, и все его тело разом откликнулось на этот призыв, ожило — казалось, Сапфира одним ударом разрушила некое препятствие, вставшее у него на пути.

У Эрагона от волнения перехватило дыхание. Он то плакал, то смеялся — смеялся от радости, ибо ему наконец-то удалось найти это имя, и плакал, вспоминая все свои неудачи, все свои ошибки, которые теперь стали ему совершенно очевидны, и он лишился спасительных заблуждений, способных его утешить.

— Я не тот, кем был когда-то, — шептал он, стиснув руками край площадки на вершине колонны, — но теперь я знаю, кто я есть!

Это имя — его истинное имя — оказалось слабее и обладало большим количеством изъянов, чем ему хотелось бы, и он проклинал себя за это. Однако оно проявило в нем и много такого, чем с полным правом можно было восхищаться. И чем больше Эрагон думал обо всем этом, тем

отчетливее воспринимал суть своего характера, суть своего внутреннего «я» — свое истинное имя. Нет, он был далеко не самым лучшим человеком в мире, но и самым худшим он тоже не был.

— И я *ни за что* не сдамся! — прорычал он.

Его утешало то, что суть его личности отнюдь не казалась ему неизменной; он, безусловно, мог ее исправить, исправить самого себя — нужно было только захотеть. И он, сидя высоко над городом, поклялся себе, что в будущем непременно постарается стать лучше, даже если это будущее и окажется к нему слишком суровым.

По-прежнему то смеясь, то плача, Эрагон поднял лицо к небу, широко раскинул руки и вскоре ощутил в душе глубокий покой, на дне которого притаились радость и смирение. Несмотря на запрет Глаэдра, он еще раз, уже шепотом, произнес свое истинное имя, и снова все его существо всколыхнулось под воздействием этих слов.

Некоторое время он постоял на вершине колонны с широко раскинутыми в стороны руками, словно приветствуя свою судьбу, а потом головой вперед нырнул вниз, к земле, и за мгновение до удара произнес: «Вёохт», замедляя падение, и аккуратно приземлился на потрескавшуюся каменную плиту, точно выйдя из доставившей его кареты.

Затем он вернулся к фонтану в центре площади, отыскал свой плащ и, видя, что солнечные лучи уже освещают весь разрушенный город, поспешил к своему дому-гнезду, мечтая поскорее рассказать Сапфире и Глаэдру о своем открытии.

Свод душ

Эрагон подхватил с земли меч и щит; ему не терпелось применить свои знания, однако опасения все же таились в его душе.

Как и в прошлый раз, они с Сапфирой остановились у подножия скалы Кутхиана; Элдунари Глаэдра было спрятано в маленьком ларце, который находился в одной из седельных сумок на спине Сапфиры.

Было все еще довольно рано; солнце ярко светило сквозь мокрые от дождя ветви и редкие облака. Собственно, когда Эрагон вернулся в лагерь, они с Сапфирой хотели сразу же отправиться к скале Кутхиана, но Глаэдр настоял на том, чтобы Эрагон сперва поел и немного передохнул.

И вот теперь они наконец вновь стояли перед этой зубчатой скалой, и Эрагон чувствовал себя чрезвычайно уставшим от ожидания, как, впрочем, и Сапфира.

С тех пор как они назвали друг другу свои истинные имена, связь между ними, похоже, стала еще крепче — возможно, потому, что оба услышали в этих именах искреннюю любовь и привязанность друг к другу. Они, в общем-то, знали это раньше, и все же столь основательное доказательство еще больше усилило ощущение этой взаимной любви и близости.

Где-то к северу от скалы прокаркал ворон.

«Я пойду первым, — сказал Глаэдр. — Если это ловушка, мне, возможно, удастся ее обнаружить до того, как вы оба туда угодите».

Эрагон начал возводить мысленный барьер, чтобы Глаэдр мог спокойно произнести свое истинное имя, и Сапфира последовала его примеру. Но старый дракон сказал им:

«Не надо. Вы же назвали мне свои истинные имена, и теперь было бы только справедливо, если бы вы оба узнали и мое имя».

Эрагон переглянулся с Сапфирой, и оба сказали:

«Благодарим тебя, Эбритхиль».

И Глаэдр мысленно произнес свое истинное имя. Оно звучало, точно победоносные, царственные звуки труб, но в их пение диссонансом вливались горестные и гневные ноты, связанные с гибелью Оромиса. Имя старого дракона было длиннее, чем имена Эрагона или Сапфиры, и состояло из нескольких предложений, в которых содержалось как бы краткое описание его жизни, продолжавшейся несколько столетий. В этом имени, как и в этой жизни, были и радость, и горе, и бесконечные героические подвиги, и мудрость Глаэдра. Впрочем, в имени его отчетливо звучали и определенные противоречия и сложности, не позволявшие сразу понять характер этого дракона, суть его натуры.

Слушая, как звучит истинное имя Глаэдра, Сапфира, судя по всему, испытала то же смешанное чувство восторга и ужаса, что и Эрагон. Это имя заставило их обоих понять и почувствовать, до чего же они еще молоды и неопытны, как много им еще нужно пережить, чтобы иметь право сравнивать себя с Глаэдром, обладающим поистине неисчерпаемыми знаниями и опытом.

«Интересно, а каково истинное имя Арьи?» — подумал вдруг Эрагон.

Между тем имя Глаэдра *никаких изменений в скале* Кутхиана не вызвало.

Следующей была Сапфира. Изогнув шею и ступая грозно, точно кому-то бросая вызов, она вышла вперед и с достоинством произнесла свое истинное имя. Даже в дневном свете стало видно, как при этом замерцала, засверкала, точно звезды, ее чешуя.

Слушая истинные имена драконов, Эрагон почувствовал некоторую неуверенность относительно значимости своего собственного имени. Разумеется, ни одно из их истинных имен нельзя было назвать идеальным, и все же они не обвиняли друг друга в недостатках, а скорее признавали эти недостатки и прощали их.

И снова ничего не произошло.

Последним вперед вышел Эрагон. Холодный пот выступил у него на лбу. Понимая, что это может оказаться его последним деянием в качестве свободного человека, он мысленно произнес свое истинное имя, как это сделали и Глаэдр с Сапфирой. Они заранее договорились, что будет безопаснее не произносить своих имен вслух, чтобы уменьшить возможность того, что кто-то их подслушает.

И стоило Эрагону произнести последнее слово, как у основания остроконечной скалы появилась тонкая черная линия. Трещина!

Трещина пробежала по поверхности скалы футов на пятьдесят вверх и раскололась на две, образовав как бы две арки, расходящиеся в разные стороны и обозначавшие очертания двух широких дверных створок. А над этими арками один за другим стали появляться ряды иероглифов, написанных золотом — это был старинный способ магической защиты как от физического, так и от магического воздействия.

Как только очертания дверей стали видны отчетливо, створки распахнулись на невидимых петлях, сдирая верхний слой земли вместе с растениями, успевшими там вырасти с тех пор, как эти двери открывались в последний раз. За дверями открылся огромный сводчатый туннель, почти отвесно уходивший куда-то в недра земли.

Двери отворились и замерли; на поляне вновь установилась полная тишина.

Эрагон не сводил глаз с темного туннеля; душу его терзали самые мрачные предчувствия. Они нашли то, что искали, но он отнюдь не был уверен, что это все-таки не ловушка.

«Солембум не солгал», — сказала Сапфира, высовывая язык и пробуя воздух на вкус.

«Да, но что ждет нас внутри?» — ответил Эрагон.

«Этого места не должно было существовать, — заявил Глаэдр. — Мы спрятали на Врёнгарде немало тайн, но этот остров слишком мал для туннеля такой глубины, который вряд ли можно было построить так, чтобы об этом никто ничего не знал. Однако я никогда даже не слышал о нем!»

Эрагон нахмурился и огляделся. Они по-прежнему были одни; никто за ними не следил и не крался.

«А что, если этот туннель был построен до того, как Всадники превратили Врёнгард в свою обитель?» — спросил он.

Глаэдр ответил не сразу:

«Не знаю... Возможно. Во всяком случае, это единственное объяснение, которое имеет какой-то смысл. Но если это так, то строительство здесь велось очень, очень давно».

Все трое мысленно обследовали туннель, но ничего живого внутри не обнаружили.

«Ну, тогда вперед!» — сказал Эрагон. Во рту у него был кислый привкус, руки в перчатках стали влажными от пота. Ему было уже все равно, что они найдут в конце этого туннеля; он желал выяснить это раз и навсегда. Сапфира тоже явно нервничала, хотя, *пожалуй, несколько меньше*, чем он.

«Вперед! Выкопаем крысу, что прячется в своей глубокой норе!» — заявила она.

И они вместе шагнули в дверной проем и двинулись по туннелю.

Но как только последний дюйм хвоста Сапфиры скользнул через порог, двери у них за спиной захлопнулись с грохотом горного обвала, и тьма окутала их со всех сторон.

— О нет! Нет, нет, нет! — зарычал Эрагон, бросаясь назад, к дверям, и крича: — Наина хвитр!

Магический свет, разумеется, сразу же вспыхнул, освещая часть туннеля и внутреннюю поверхность дверей. Эта поверхность была абсолютно гладкой, без малейших зазоров, и сколько бы Эрагон ни бил и ни стучал по ней, все было бесполезно.

— Черт побери! Надо было подложить бревно или камень, чтобы не дать этим дверям закрыться! — Он страшно сердился на себя — надо было, конечно, вовремя об этом подумать!

«Ничего страшного, в крайнем случае мы их взломаем», — попыталась утешить его Сапфира.

«А вот в этом я очень сильно сомневаюсь», — возразил ей Глаэдр.

Эрагон снова схватился за рукоять Брисингра.

«Ну, тогда нам остается только идти вперед!» — воскликнул он.

«По-моему, мы всегда именно так и поступали», — спокойно заметила Сапфира.

Эрагон несколько изменил заклинание, сделав так, чтобы волшебный огонь светил из одной точки под потолком, иначе полное отсутствие теней делало для него и Сапфиры невозможным определить глубину туннеля, и они двинулись дальше.

Каменный пол в туннеле был неровным, и это делало довольно-таки крутой спуск значительно легче, поскольку никаких ступенек там предусмотрено не было. Стены, встречаясь с полом, как бы перетекали в него; казалось, в этих местах камень был растоплен и сплавлен воедино; это вызвало у Эрагона догадку о том, что строили этот туннель скорее всего эльфы.

А спуск все продолжался, и туннель уходил все глубже в недра земли; Эрагон догадывался, что они, должно быть, уже миновали те холмы, что находились за скалой Кутхиана, и теперь погружаются под основания гор. Проход был почти прямым, он никуда не сворачивал и не разветвлялся; и в каменных стенах его по-прежнему не было ни дверей, ни боковых коридоров; на них вообще не было ничего.

Наконец с дальнего конца туннеля потянуло теплом, и Эрагон заметил там слабое оранжевое свечение.

— Летта, — прошептал он и погасил волшебный огонек.

Воздух становился все теплее, а спуск все продолжался. Свечение впереди становилось все ярче, и вскоре стал виден конец туннеля — огромная черная арка, вся покрытая резными иероглифами, похожими на спутанные ветви терна. В воздухе довольно сильно запахло серой; Эрагон чувствовал, что у него начинают слезиться глаза.

Они остановились перед аркой; за ней был виден плоский серый пол какого-то просторного помещения.

Эрагон оглянулся назад и снова посмотрел на арку. Эти иероглифы над нею отчего-то заставляли его нервничать. Похоже, у Сапфиры они вызывали аналогичные чувства. Прочесть высеченные в камне значки Эрагону не удалось:

они были слишком тесно расположены друг к другу, переплетались, и даже отдельные иероглифы разобрать было почти невозможно, не говоря уж о смысле всей надписи. Впрочем, никакой магической силы, спрятанной внутри этой черной арки, Эрагон не чувствовал. И все же ему с трудом верилось, что никакой магической защиты там нет. Тот, кто построил этот туннель — кто бы это ни был, — отлично сумел запереть входные двери с помощью магии; а значит, он вполне мог наложить подобное заклятие и на эту арку.

Эрагон переглянулся с Сапфирой, облизнул губы и вспомнил слова Глаэдра о том, что безопасных путей для них больше не существует.

Сапфира фыркнула, выпустив из ноздрей по небольшому языку пламени, и они с Эрагоном вместе ступили под резную арку.

ПОДЗЕМЕЛЬЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Несколько необычных вещей Эрагон заметил сразу. Во-первых, они стояли на краю округлого помещения примерно двести футов в диаметре, в центре которого было нечто вроде огромной ямы или шахты, из которой исходило приглушенное оранжевое сияние. Во-вторых, над этой ямой дрожал раскаленный воздух, а в самом помещении стояла удушливая жара. В-третьих, вдоль внешних стен помещения тянулись в два ряда какие-то каменные скамьи, причем задний ряд был выше переднего, и на этих скамьях стояло множество каких-то странных темных предметов. В-четвертых, стены за рядами скамей сверкали, точно в них были вделаны самоцветы или узор из цветного стекла. Эрагону очень хотелось рассмотреть поближе и эти стены, и непонятные темные предметы на скамьях, но подойти к ним у него никакой возможности не было, потому что путь ему перегораживал человек с головой дракона, стоявший рядом с ямой, из которой исходили жар и оранжевый свет.

Этот человек, казалось, был целиком сделан из сверкающей полированной стали. На нем не было никакой одежды, кроме узенькой набедренной повязки, сделанной из того же сверкающего металла; его грудь, руки и ноги бугрились мощными, как у кулла, мускулами. В левой руке он держал металлический щит, а в правой — меч с переливающимся всеми красками радуги лезвием, в котором Эрагон сразу узнал работу эльфийской оружейницы Рюнён, создавшей мечи для всех членов ордена Всадников.

Позади человека с головой дракона у дальней стены виднелся высокий трон, на спинке и сиденье которого были явственно видны отпечатки тела этого невероятного существа.

Человек с головой дракона широкими шагами двинулся к ним. Его тело в металлической шкуре двигалось весьма пластично, но каждый шаг звучал так, словно на пол роняли нечто очень тяжелое. Он остановился шагах в пятнадцати от Эрагона и Сапфиры и молча уставился на них; глаза его горели, точно два алых костра. Затем он вскинул свою мощную чешуйчатую голову и издал жуткий, какой-то металлический рев, которому ответило такое громкое эхо, словно в подземелье разом взревсла дюжина подобных существ.

Пока Эрагон соображал, нужно ли им будет сражаться с этим существом, его сознания неожиданно коснулся чей-то чужой, куда более обширный разум, совершенно не похожий ни на один из тех, с которыми ему уже доводилось сталкиваться. В мыслях этого существа, казалось, слышится одновременно множество различных голосов, и все они кричат что-то свое — этот странный несобранный хор напомнил ему голоса ветра внутри той могучей бури, в которую они попали по пути на остров.

Поставить мысленные барьеры он не успел, ибо чужой разум почти мгновенно преодолел всю его защиту и завладел его сознанием. Несмотря на долгие упражнения с Глаэдром, Арьей и Сапфирой, Эрагон ничего не мог с этим поделать; он не мог даже замедлить эту мысленную атаку. С тем же успехом можно было бы попытаться голыми руками остановить морской прилив.

Теперь его со всех сторон окутывал некий неясный свет и рев разноголосых существ; этот настойчивый хор проникал все глубже в его душу, в самые потайные ее уголки, в каждую ее складку. Затем у него возникло ощущение, будто захватчик разрывает его мозг на десять, двадцать, сто кусков — причем каждый из этих кусков прекрасно соображает и чувствует присутствие остальных, но действовать по собственной воле совершенно не способен. И еще что-то, похоже, произошло с его зрением: ему казалось, что он видит это помещение как бы сквозь грани драгоценного камня.

Шесть различных потоков воспоминаний на огромной скорости пронеслись сквозь его расщепленное сознание. Эрагон даже и не пытался их запомнить; они просто появлялись и пролетали сквозь его мозг быстрее, чем он способен был воспринимать. Одновременно с этим тело его по воле «захватчика» наклонялось, нагибалось, меняло позы, а потом его собственная рука подняла Брисингр на уровень глаз, и он увидел шесть идентичных изображений своего меча. «Захватчик» даже заставил его произнести некое заклинание, цели которого он не понял и не мог понять, потому что в голове у него были только те мысли, которые позволял ему иметь неведомый разум. И чувств Эрагон тоже никаких не испытывал — лишь постепенно гаснущее чувство тревоги.

Казалось, несколько часов этот чужой мозг изучал каждое из его воспоминаний с того момента, как он отправился из родного дома в Спайн охотиться на оленей — за три дня до того, как нашел яйцо Сапфиры, — и до сегодняшнего дня. Где-то в глубине души Эрагон понимал: то же *самое происходит сейчас* и с Сапфирой, но понимание этого ровным счетом ничего ему не давало и никак его не успокаивало.

Наконец, когда он уже перестал надеяться на то, что разум его сможет вновь обрести свободу — если, конечно, после этого ему вообще удастся управлять собственными мыслями! — вихреобразный хор голосов утих, и чуждый разум осторожно воссоединил разрозненные части сознания Эрагона, а потом покинул его.

Эрагон пошатнулся и, сделав шаг вперед, невольно упал на одно колено. Рядом с ним Сапфира нервно подпрыгнула и щелкнула в воздухе зубами.

«Как? — думал он. — Кто?» Ему казалось, что для того, чтобы вот так взять в плен сознания сразу их обоих, а заодно и Глаэдра, нужно такое могущество, которым вряд ли обладает даже сам Гальбаторикс.

И снова чужое сознание коснулось его мыслей, но на этот раз никакой атаки предпринято не было. И в ушах его прозвучал странный гулкий голос:

«Примите наши извинения, ты, Сапфира, и ты, Эрагон. Но мы обязаны были проверить истинность ваших

намерений. Добро пожаловать в Свод Душ. Мы уже давно ждем вас. Здравствуй и ты, брат, добро пожаловать снова в нашу обитель. Мы рады, что ты еще жив. Прими же назад все свои воспоминания и знай, что теперь ты близок к заветной цели!»

Эрагону показалось, будто некий сгусток энергии молнией сверкнул в сознании Глаэдра, вызванный волей неведомого существа. И мгновением позже Глаэдр издал такой рев, что виски Эрагона пронзила боль. Он чувствовал, какой поток смешанных чувств рвется из души Глаэдра: печаль, торжество, неверие, сожаление... Но наиболее отчетливым было испытанное старым драконом чувство радостного облегчения, и Эрагон понял, что невольно улыбается, сам не зная почему. И, пытаясь найти ответ на этот вопрос, он слегка коснулся сознания Глаэдра и ощутил там не только его мысли, но и множество чужих, и все эти неведомые существа что-то нашептывали, что-то бормотали...

— Кто это? — шепотом спросил Эрагон у стоявшего перед ним человека с головой дракона, но тот не ответил; он даже не пошевелился.

«Эрагон, — услышал он голос Сапфиры, — посмотри на стены, на стены...»

Он посмотрел и увидел, что стены округлого помещения вовсе не украшены разноцветными витражами или драгоценными каменьями, как ему показалось сперва. В стенах виднелись десятки, десятки десятков крошечных альковов, и внутри каждого покоился некий сверкающий округлый предмет овальной формы. Одни из них были больше, другие меньше, но во всех пульсировал живой внутренний свет, точно угли догорающего костра.

Сердце Эрагона сперва остановилось, а потом бешено забилось: он начинал понимать, ЧТО видит перед собой.

А потом он внимательно посмотрел на те темные предметы, что стояли на каменных скамьях; гладкие, яйцевидной формы, они казались высеченными из камня различных цветов. Как и округлые предметы в нишах, они были разной величины, но вне зависимости от размера форма их была той самой, которую Эрагон узнал бы где угодно.

Волнение жаркой волной охватило его душу; колени подгибались от внезапной слабости. *Этого не может быть!* Ему и хотелось верить в то, что он видел собственными глазами, и страшно было, что все это может оказаться иллюзией, созданной, чтобы обмануть его надежды. И все же возможность того, что предметы, которые он видит перед собой, вполне реальны, вызывала в нем такую бурю чувств, что он, шатаясь, хватал ртом воздух и не мог вымолвить ни слова, настолько был ошеломлен и переполнен эмоциями. Сапфира реагировала примерно столь же бурно.

Затем уже знакомое Эрагону чужое сознание вновь коснулось его мыслей, и он услышал:

«Вы не ошиблись, птенчики. И глаза ваши вас не подводят. Мы — это тайная надежда нашего народа. Здесь лежат наши «сердца сердец» — последние свободные Элдунари на этой земле. А еще здесь более ста лет бережно хранятся яйца драконов, о которых мы все это время нежно и преданно заботились».

ПОДЗЕМЕЛЬЕ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Несколько мгновений Эрагон не мог ни пошевелиться, ни вздохнуть.

Потом прошептал:

«Яйца, Сапфира... *Яйца драконов!*»

Она вздрогнула, и чешуя у нее на спине встала дыбом, словно от холода.

«Кто вы? — спросил Эрагон мысленно у незнакомого существа. — Откуда нам знать, правду ли вы нам говорите?»

«Они говорят правду, Эрагон, — услышал он голос Глаэдра. Золотистый дракон говорил с ним на древнем языке. — Я это знаю, ибо Оромис был среди тех, кто как раз и придумал план этого хранилища».

«Оромис?..»

Но ответить Глаэдр не успел — снова вмешался тот чужой разум.

«Мое имя Умаротх, — услышал Эрагон, и от этих слов у него голова пошла кругом. — Моим Всадником был эльф Враиль, возглавлявший наш орден, пока его не настигла злая судьба. Я говорю сейчас от имени всех остальных, но я не командую и не управляю ими. Многие из них были связаны с Всадниками, а многие и не были, и наши дикие собратья не признают ничьего авторитета, кроме своего собственного. — Это Умаротх сказал с легкой ноткой раздражения. — Было бы слишком сложно и неудобно, если бы все мы заговорили разом, так что мой голос — всего лишь инструмент, которым пользуются все остальные».

«Так ты... там?» — И Эрагон указал на серебристого человека с драконьей головой, по-прежнему стоявшего перед ним и Сапфирой.

«Да нет, конечно, — ответил Умаротх. — Это Куарок. Охотник на нидхвалов, проклятие ургалов. Чаровница Сильвари придумала и создала ему то тело, которым он теперь пользуется, ибо нам нужен был свой защитник на тот случай, если бы Гальбаторикс или еще кто-то из наших врагов вздумал пробраться в Свод Душ».

Пока Умаротх говорил, человек с головой дракона поднес правую руку к груди и открыл ее переднюю часть, словно дверцу буфета. Внутри у Куарока уютно устроилось пурпурное Элдунари, окруженное тысячами тонких, не толще волоса, серебристых проволочек. Затем Куарок снова закрыл дверцу у себя на груди, и Умаротх сказал:

«Нет, я вот здесь». — И он направил зрение Эрагона в сторону алькова, где лежало большое белое Элдунари.

Эрагон медленно убрал Брисингр в ножны.

Яйца и Элдунари. Эрагон просто не в состоянии был разом охватить всю огромность этого открытия. Мысли его текли медленно и казались какими-то вязкими, словно кто-то здорово огрел его по башке — что, в общем, и впрямь было недалеко от правды.

В полном восхищении он двинулся к тем скамьям, что были справа от него, потом, опомнившись, остановился перед Куароком и спросил у него как вслух, так и мысленно:

— Можно?

Человек с драконьей головой щелкнул зубами и слегка отступил, сделав пару сокрушительных шагов в сторону сияющей ямы в центре зала. Но меч свой он в ножны не убрал, и Эрагон постоянно помнил об этом.

Восхищение, удивление, восторг и чрезвычайная почтительность — все это смешалось в душе Эрагона, когда он приблизился к драконьим яйцам. Наклонившись над нижней скамьей, он судорожно выдохнул, не сводя глаз с золотисто-красного яйца высотой около пяти футов. Повинуясь внезапному порыву, он стащил с руки перчатку и приложил ладонь к поверхности яйца. Оно было теплым на ощупь, и когда он попытался установить с зародышем

мысленный контакт, то почувствовал слабый невнятный ответ не успевшего еще проклюнуться детеныша.

Горячее дыхание Сапфиры коснулось его шеи, и он сказал ей:

«А твое яйцо было меньше этого».

«Это потому, что моя мать была не такой старой и огромной, как та драконiха, что отложила это яйцо».

«Да, верно, это мне и в голову не пришло».

Эрагон обошел все выставленные на скамьях яйца, чувствуя, как от волнения у него сжимается горло.

— Как их много! — восторженно шептал он, прислоняясь к мощному плечу Сапфиры и чувствуя, что и она вся дрожит, с трудом сдерживая желание хотя бы мысленно обнять всех этих представителей ее расы. Однако же и ей тоже никак не верилось, что все это — реальная действительность, что глаза не обманывают ее.

Фыркнув, Сапфира мотнула головой, словно заставляя себя прийти в себя и осмотреть все вокруг более внимательно. Потом она вдруг издала такой рев, что с потолка посыпалась пыль.

«Как?! — мысленно восклицала она. — Как вы все сумели спастись от Гальбаторикса? Ведь мы, драконы, не прячемся, когда вступаем в сражение. Мы — не трусы, чтобы бежать от опасности. Объясните, как это получилось!»

«Не так громко, Бьяртскулар, или ты расстроишь малышей», — пожурил ее Умаротх.

Морда Сапфиры исказилась, и она прорычала:

«Тогда ты, старый дракон, расскажи нам, как это могло случиться».

Умаротх, казалось, некоторое время молча посмеивался, но, когда он начал отвечать, слова его прозвучали сурово, даже мрачно:

«Ты права, Сапфира: мы — не трусы, мы не прячемся, если уж начали сражаться, но даже драконы умеют лежать в засаде, выжидая, когда можно будет застать свою добычу или врага врасплох. Или ты с этим не согласна?»

Она снова фыркнула, но ничего не ответила, только поводила хвостом из стороны в сторону, как бы в знак согласия.

«И мы, в отличие от жалких фангуров или еще более жалких гадюк, не бросаем своих малышей на произвол судьбы, — продолжал Умаротх. — Если бы все мы тогда вступили в сражение за нашу столицу, нас бы всех и уничтожили. И тогда победа Гальбаторикса была бы абсолютной — как он, собственно, и полагает, — и наша раса навсегда была бы стерта с лица земли».

«Но когда стало ясно, сколь велика мощь Гальбаторикса, сколь всеобъемлюще его честолюбие, — вступил в разговор Глаэдр, — и когда мы поняли, что эти предатели намерены атаковать Врёнгард, мы — Враиль, Умаротх, Оромис и я, а также некоторые другие — решили, что необходимо спрятать яйца драконов, а также определенное количество Элдунари. Убедить диких драконов в необходимости этого оказалось легко; Гальбаторикс охотился на них, и у них не было никакой защиты от его магии. Они прилетели сюда и сами передали своих непроклюнувшихся детенышей Враилю; а также те, кто мог отложить яйцо, хотя в ином случае, наверное, повременили бы с этим, тоже передали своих детенышей Враилю, ибо все мы понимали, что выживание самой нашей расы находится под угрозой. Как выясняется, мы весьма неплохо все это тогда придумали».

Эрагон потер виски:

«Но почему же ты не знал об этом раньше? И почему не знал Оромис? И как это возможно — спрятать их мысли? Ты же говорил мне, что сделать это невозможно!»

«Невозможно, — подтвердил Глаэдр. — Во всяком случае, с помощью одной лишь магии. Но в данном случае, даже если магия окажется бессильна, ее роль вполне успешно может сыграть расстояние. Именно поэтому мы сейчас и находимся так глубоко под землей, на целую милю ниже уровня горы Эролас. Даже если бы Гальбаторикс или Проклятые вздумали мысленно искать спрятанные яйца в столь вроде бы непригодной для этого местности, сама скальная порода помешала бы им почувствовать нечто большее, чем некий непонятный и невнятный поток энергии, который они приписали бы вихревым движениям в глубинах земли. Более того, еще до сражения при Дору

Арибе, случившегося более ста лет назад, все Элдунари были погружены в некий транс, настолько глубокий, что он был подобен смерти, и это сделало бы еще более затруднительными любые попытки их обнаружить. Мы собирались разбудить их сразу же после того, как сражение закончится, но те, кто построил это место, наложили на него дополнительные чары, действие которых должно было закончиться не ранее чем через несколько лунных месяцев. Только тогда спящие Элдунари смогли бы проснуться».

«Так оно и случилось, — снова заговорил Умаротх. — Свод Душ устроили здесь и еще по одной причине. Та шахта, которую вы видите перед собой, открывается прямо в озеро расплавленной скальной породы, магмы, существовавшее под этими горами с самого начала времен. Благодаря этой шахте сюда поступает достаточное количество тепла, чтобы яйцам драконов было комфортно, и обеспечивает нас, Элдунари, светом, который совершенно необходим нам для поддержания сил».

И Эрагон, обращаясь к Глаэдру, спросил:

«Ты так и не ответил на мой вопрос: почему ни ты, ни Оромис ничего не помнили о Своде Душ?»

Ответил ему Умаротх:

«Потому что все, кто знал о Своде Душ, согласились, чтобы воспоминания об этом были удалены из их сознания и заменены некими фальшивыми представлениями о случившемся. На это согласился и Глаэдр. Принять такое решение было далеко не просто — особенно для матерей; но мы не могли позволить, чтобы хоть кто-то за пределами этого хранилища сохранил о нем правдивые сведения, ведь тогда и Гальбаторикс смог бы узнать о нас и о сохранившихся яйцах. Так что мы попрощались с нашими друзьями и боевыми товарищами, прекрасно понимая, что можем никогда больше их не увидеть. А если бы случилось самое худшее, они так и умерли бы, считая, что мы ушли в пустоту... Как я уже говорил, это было нелегкое решение. Мы также стерли из памяти всех названия тех скал, что отмечают вход в это убежище, точно так же мы ранее стерли из памяти всех имена тех тринадцати драконов, которые нас предали».

«Я прожил последние сто лет в уверенности, что наша раса обречена на полное исчезновение, — сказал Глаэдр. — И теперь мне, конечно же, больно сознавать, что все мои печали и страдания были напрасны... Но я все равно рад! Я рад, что сумел помочь сохранить нашу расу — хотя отчасти и благодаря своему неведению».

Тут к Умаротху обратилась Сапфира:

«А почему Гальбаторикс не заметил, что многие Элдунари и яйца исчезли?»

«Он решил, что нас уничтожили во время сражения. Мы ведь были лишь небольшой частью тех Элдунари, что хранились на Врёнгарде, так что это не вызвало у него особых подозрений. Что же касается яиц, то он, разумеется, пришел в ярость, узнав, что они исчезли, и все же у него не зародилось даже мысли о том, что мы сумели его обхитрить».

«О да! — печально вздохнул Глаэдр. — Именно поэтому Тхувиель и согласился пожертвовать собой. Он хотел скрыть эту хитрость от Гальбаторикса».

«Но разве при этом Тхувиель не убил многих своих сородичей?» — спросил Эрагон.

«Убил, — печально подтвердил Умаротх, — и это была одна из величайших трагедий. Однако же мы заранее договорились, что он не станет ничего предпринимать, пока наше поражение не станет неизбежным. Принеся себя в жертву, он разрушил то здание, которое служило хранилищем драконьих яиц, и отравил весь остров, чтобы Гальбаторикс уж наверняка не вздумал здесь поселиться».

«А он знал, ради чего убивает себя?»

«В тот момент — нет, не совсем. Он знал лишь, что это необходимо. Один из Проклятых за месяц до этого убил его дракона, и хотя сам Тхувиель удержался от шага в пустоту, поскольку у нас тогда на счету был каждый воин, жить он все равно больше не хотел. Он тогда даже обрадовался, получив подобное задание; оно давало ему долгожданное освобождение от жизни, ставшей для него постылой, а также возможность послужить нашему общему делу. Принеся себя в жертву, он сохранил будущее нашей расы, будущее Всадников. Тхувиель был настоящим героем, он был смел и отважен, и его имя еще будут воспевать по всей Алагейзии».

«А после того сражения вы ждали», — сказала Сапфира.

«Да, после сражения мы ждали, — подтвердил Умаротх. — Долго ждали. — Мысль о том, что они провели в этой комнате более ста лет, глубоко под землей, была так ужасна, что Эрагон похолодел. А Умаротх продолжал: — Но мы отнюдь не бездействовали. Когда мы очнулись от транса, то сразу же начали мысленный поиск, сперва очень медленно и осторожно, но потом уверенность наша окрепла, ибо мы поняли, что Гальбаторикс и Проклятые остров покинули. Соединенные вместе, наши возможности чрезвычайно велики, так что мы сумели узнать большую часть того, что происходило за эти годы там, наверху. Чаще всего мы не можем читать по магическому кристаллу, зато мы способны видеть те спутанные потоки энергии, что струятся над Алагейзией, и слышать мысли тех, кто не пытается защитить свой разум. Так мы и собирали нужные нам сведения.

Но проходили десятилетия, и мы уже начали отчаиваться — казалось невозможным, что Гальбаторикса можно уничтожить. Мы были готовы ждать еще столетия, если понадобится, но чувствовали, как с каждым годом растет могущество этого Губителя Яиц, и боялись, что наше ожидание продлится не сотни, а тысячи лет. А это было совершенно неприемлемо как с точки зрения сохранения нашего душевного здоровья, так и с точки зрения здоровья малышей, находящихся в яйцах. Они окутаны чарами, которые замедляют развитие их тел, и могут оставаться в таком положении еще многие годы, но все же им не стоит оставаться внутри яиц слишком долго, ибо тогда их разум может оказаться поврежденным, и они станут совершать странные, а то и совершенно дикие поступки.

И мы, посовещавшись, пришпоренные озабоченностью нашим общим будущим, решили потихоньку начать вмешиваться в те события, что происходили в Алагейзии. Сперва совсем понемногу — там подтолкнуть, тут подсказать нужное решение или внушить ощущение опасности тем, на кого устроена засада. Нам не всегда это удавалось, но все же мы оказались в состоянии помочь тем, кто сражался с Гальбаториксом. А со временем мы и вовсе

приспособились и обрели определенную уверенность в себе. В некоторых случаях наше присутствие замечали, но никто ни разу так и не смог определить, кто или что вмешалось в те или иные действия. Три раза мы сумели подстроить гибель одного из Проклятых. Кстати сказать, Бром, когда его не обуревали собственные страсти, оказался весьма полезным орудием в наших руках».

«Вы помогали Брому!» — воскликнул Эрагон.

«Помогали. И многим другим тоже. Когда человек, известный под именем Хефринг, украл у Гальбаторикса из сокровищницы яйцо Сапфиры — это случилось лет двадцать назад, — мы помогли ему бежать, но зашли слишком далеко, ибо он нас заметил, стал бояться и в итоге скрылся, не пожелав более иметь дело с варденами. Вскоре после того, как Брому удалось спасти твое яйцо, Сапфира, вардены и эльфы стали приводить к нему свою молодежь, надеясь, что ради кого-то из этих юных ты захочешь проклюнуться. И тогда мы решили, что нам нужно к этому соответствующим образом подготовиться. Мы связались с котами-оборотнями, которые издавна были в дружбе с драконами, поговорили с ними, и коты согласились помочь нам. Именно им первым мы сообщили о скале Кутхиана и о сверкающей стали под корнями дерева Меноа, а потом убрали из их памяти все, что касалось нашего с ними разговора об этом».

«И все это вы проделали, находясь здесь, в хранилище?!» — изумился Эрагон.

«Конечно. И не только это. Тебе никогда не приходило в голову, почему яйцо Сапфиры оказалось прямо у тебя перед носом, когда ты бродил по склонам гор?»

«Так это было ваших рук дело!» — воскликнула Сапфира, удивленная не меньше Эрагона.

«Я всегда считал, что похож на Брома, ведь это он был моим отцом, и Арья случайно приняла меня за него», — сказал Эрагон.

«Нет, — сказал Умаротх. — Эльфийские чары так просто не развеять. Мы просто немного изменили их направление, чтобы вы с Сапфирой могли встретиться. Мы надеялись — хоть, честно говоря, и не слишком, — что ты

сможешь оказаться для нее подходящим Всадником. И оказались правы».

«Но почему же вы все-таки раньше нас сюда не вызвали?» — спросил Эрагон.

«Потому что тебе нужно было кое-чему сперва научиться. И потому что мы не хотели рисковать тем, что Гальбаторикс раньше времени может узнать о нас, когда ни вы с Сапфирой, ни вардены еще не будут готовы ему противостоять. Если бы мы связались с вами сразу после сражения на Пылающих Равнинах, толку от этого, скорее всего, не было бы никакого, ведь тогда вардены находились еще очень далеко от Урубаена».

Некоторое время все молчали. Потом Эрагон медленно промолвил:

«А что еще вы для нас сделали?»

«Не так уж много. В основном мы вас предупреждали. Те видения, что были у Арьи в Гилиде, когда она была в плену и так нуждалась в твоей помощи, и исцеление твоей спины во время Агёти Блёдхрен...»

Умаротха прервал Глаэдр, и Эрагон почувствовал, как разгневан золотистый дракон:

«Вы послали их в Гилид, необученных, без магической защиты, зная, что им придется сразиться с шейдом?»

«Мы думали, что с ними будет Бром, но Бром погиб в пути. А Эрагона с Сапфирой нам было уже не остановить. К тому же им все равно необходимо было попасть в Гилид, чтобы встретиться с варденами».

«Погодите, — сказал Эрагон. — Так это вы были ответственны за то, что я... так сильно изменился внешне во время Агёти Блёдхрен?»

«Отчасти. Мы установили связь с тем призрачным представителем нашей расы, которого эльфы призывают во время этого праздника. Мы *вдохновили* эльфов, а уж потом кто-то из них обеспечил силу заклятия».

Эрагон опустил глаза и стиснул кулаки; нет, гнева он не чувствовал, но был настолько полон самыми разнообразными чувствами, что не мог стоять спокойно. Сапфира, Арья, его меч, сама форма его тела — всем этим он был обязан Элдунари этих драконов из подземного хранилища.

«Элрун оно, спасибо вам», — с чувством сказал он.

«Пожалуйста, Губитель Шейдов».

«Значит, вы и Рорану помогали?»

«Твоему двоюродному брату наша помощь не требовалась. — Умаротх помолчал. — А вот за вами обоими мы следили много лет, Эрагон и Сапфира, и видели, как из птенцов вы превратились в могучих воинов. Мы гордимся вашими успехами! Ты, Эрагон, оказался именно таким, каким мы и надеялись видеть нового Всадника. А ты, Сапфира, доказала, что стоишь того, чтобы считаться одной из величайших представительниц нашей расы».

Радость и гордость переполняли Эрагона и Сапфиру; он преклонил перед Элдунари колено, а она, подогнув обе передние лапы, низко склонила голову в знак глубокой благодарности. Эрагон же — хотя ему, точно мальчишке, хотелось прыгать и кричать от восторга — просто сказал:

«Мой меч всегда в вашем распоряжении».

«И мои зубы и когти!» — подхватила Сапфира.

«До конца наших дней! — закончили они хором. — Что бы вы хотели от нас, Эбритхилар?»

В голосе Умаротха явственно чувствовалось удовлетворение.

«Теперь, когда вы нас нашли, наша игра в прятки закончилась. Мы вместе с вами отправимся в Урубаен и приложим все силы, чтобы наконец уничтожить Гальбаторикса. Пора и нам покинуть наше логово, пора разделаться с этим предателем, губителем драконьих яиц! Мы будем вам полезны, ибо он, если нас не будет рядом, так же легко сможет проникнуть в ваши мысли, как это делали мы, ведь у него в распоряжении очень много Элдунари».

«Но я не смогу унести всех вас!» — Сапфира явно была озадачена.

«А это и не нужно, — сказал Умаротх. — Пятеро из нас останутся и будут помогать Куароку присматривать за яйцами. В том случае, если нам не удастся победить Гальбаторикса, они затаятся и ни во что не станут вмешиваться, а будут просто ждать тех времен, когда драконам вновь будет безопасно летать над просторами Алагейзии. Но вы не должны беспокоиться: для вас мы бременем не станем. Мы

способны сами обеспечить себя нужной для этого перелета энергией».

«Сколько же вас здесь?» — спросил Эрагон, оглядывая стены комнаты.

«Сто тридцать шесть. Но этого слишком мало, чтобы одержать верх над теми Элдунари, которых Гальбаторикс взял в плен и превратил в своих рабов. Кроме того, те, что были избраны и заняли место под этими сводами, либо слишком стары и мудры, чтобы рисковать ими в бою, либо слишком юны и неопытны. Вот почему управлять ими выбрали меня; я обеспечиваю связь между отдельными группами различных Элдунари, между старыми и молодыми, между дикими драконами и теми, что служили Всадникам. Наиболее старые из них действительно очень мудры и могущественны, однако мысли их порой движутся по каким-то весьма странным, извилистым путям, и тогда довольно трудно убедить их сосредоточиться на чем-то ином, а не только на собственных мечтах и видениях. Тем, кто помоложе, повезло значительно меньше: они расстались со своими телами раньше срока, и разум их ограничен размерами их Элдунари, которое, как известно, не может ни расти, ни расширяться после того, как покинет бренное тело. Пусть это будет для тебя уроком, Сапфира. Ты не должна исторгать свое Элдунари, пока не достигнешь должного возраста и размеров, — это возможно лишь в самом крайнем случае, если тебе придется столкнуться с неразрешимыми обстоятельствами».

«Значит, противник по-прежнему превосходит нас силами», — мрачно подытожил Эрагон.

«Да. Но теперь Гальбаторикс уже не сможет с прежней легкостью поставить тебя на колени. Нам, возможно, и не удастся его победить, но мы сумеем противостоять порабощенным им Элдунари, а потом вы с Сапфирой все же совершите то, что должны совершить. И ни в коем случае не оставляй надежду! Мы знаем много разных вещей, много разных секретов, касающихся как войны, так и магии, а также того, как устроен мир. Мы научим тебя тому, чему сможем, и, вполне возможно, какая-то часть наших знаний позволит тебе убить этого предателя».

Через некоторое время после разговора с Умаротхом Сапфира обследовала яйца и выяснила, что спасено было всего двести сорок три. Из них двадцать шесть предназначались для того, чтобы впоследствии принадлежать Всадникам; остальные же ничем связаны не были. Затем Умаротх, Глаэдр и Сапфира принялись обсуждать полет в Урубаен; старшие драконы советовали Сапфире, как кратчайшим путем добраться до столицы. Тем временем Куарок, человек с драконьей головой, сунул в ножны меч, отложил в сторону щит и принялся осторожно, одно за другим вынимать Элдунари из ниш в стене. Он помещал каждый сверкающий, как драгоценный камень, овал в шелковый кошелек, а затем бережно клал его на пол возле того колодца, из которого исходили жар и сияние. Последнее Элдунари было столь велико, что Куарок лишь с трудом смог обхватить его руками.

Пока Куарок трудился, а драконы что-то деловито обсуждали, Эрагона не оставляло чувство какой-то головокружительной невероятности происходящего. Он ведь даже и мечтать не осмеливался о том, чтобы еще где-то в Алагейзии обнаружились драконы. И все же вот они, прямо перед ним, пережившие столько лет и трагедий! Казалось, ожили вдруг древние предания, и они с Сапфирой неведомым образом угодили прямо в сказку.

Чувства Сапфиры были сложнее. Понимая то, что ее раса больше не обречена на исчезновение, она чувствовала, что с ее разума словно спала некая пелена, и теперь мысли ее воспарили широко и свободно, и Эрагону казалось, будто даже глаза и чешуя у нее сверкают и сияют ярче обычного. И все же ее восторги умеряло некое странное желание защититься; казалось, ее смущает присутствие стольких Элдунари.

Эрагон заметил, как переменилось и настроение Глаэдра; несмотря на дымку печали, по-прежнему окутывавшую все его чувства, золотистый дракон, похоже, был счастливее, чем когда-либо, с тех пор, как погиб Оромис. И хотя Глаэдр не выказывал Умаротху никакого особого почтения, он все же обращался с ним с должным — уважительным! — вниманием; такого в нем Эрагон никогда у него

не замечал; даже с королевой Имиладрис Глаэдр разговаривал достаточно равнодушно.

Когда Куарок почти завершил свою работу, Эрагон подошел к краю светящейся ямы и заглянул в нее. Перед ним была округлая шахта, высеченная в скальной породе на глубину более ста футов и ведущая в пещеру, до половины заполненную светящейся расплавленной массой. Густая желтая магма пузырилась и плевалась, точно кипящий клей в горшке, и над ее тяжко вздымавшейся поверхностью поднимались хвосты вихреобразных испарений. Эрагону показалось, что он заметил некий свет — такой свет обычно исходит от духов, — промелькнувший над этим кипящим озером, но он так быстро исчез, что Эрагон не был уверен, не показалось ли ему это.

«Идем, Эрагон, — окликнул его Умаротх, когда человек с головой дракона сообщил ему, что закончил свои приготовления. — Теперь тебе нужно произнести заклинание, с помощью которого мы, Элдунари, отправимся в путь. Слова такие...»

Слушая его, Эрагон нахмурился:

«А что это за странная... *извилина* во второй фразе? Я что, должен *изогнуть* воздух?»

Объяснения Умаротха смутили Эрагона еще больше. Дракон начал снова, но Эрагон по-прежнему не улавливал смысла. Другие, более старые, Элдунари присоединились к их разговору, но их объяснения имели для Эрагона еще меньше смысла; их мысли обрушивались на него в виде потока ошеломительных образов, ощущений и странных эзотерических сравнений, в итоге погружая Эрагона еще глубже в состояние беспомощной растерянности.

Отчасти его утешало то, что и Сапфира с Глаэдром, похоже, были озадачены не меньше. Хотя Глаэдр сказал:

«Я, по-моему, понимаю, в чем тут дело. Но это очень похоже на попытку удержать в пасти испуганную рыбку: как только тебе покажется, что ты ее поймал, она тут же проскользнет у тебя между зубами».

Наконец Умаротх сказал:

«Это тебе урок на будущее. Ты знаешь, что это заклинание должно сделать, но пока не можешь понять, как именно

это произойдет. Придется этим удовлетвориться. Возьми у нас силу, необходимую для наложения чар, и в путь!»

Эрагон, нервничая, повторил про себя слова заклинания, чтобы не сделать ошибки, и начал его произносить, черпая силы у Элдунари. Вся кожа на нем покрылась мурашками от невероятного прилива энергии, которая обрушивалась на него, как водопад, и казалась одновременно и горячей, и ледяной.

Воздух над Элдунари, сложенными на полу пещеры, дрожал и светился; они, казалось, движутся сами собой, время от времени совсем исчезая из виду. Странный порыв ветра взлохматил Эрагону волосы, а потом по подземному убежищу словно прокатилось гулкое эхо взрыва.

Изумленный Эрагон видел, как Сапфира резко повернула голову к тому месту, где только что лежали Элдунари. Они исчезли, испарились без следа, словно никогда и не существовали, однако и Сапфира, и Эрагон по-прежнему чувствовали разум драконов, как если бы те находились рядом с ними.

«Как только вы покинете Свод Душ, — услышали они голос Умаротха, — вход в эту часть пространства останется на постоянном расстоянии от вас и будет там все время, за исключением тех моментов, когда вы окажетесь в слишком тесном замкнутом пространстве или же чье-то тело случайно пересечет это пространство. Вход туда не больше булавочного укола, но он смертельно опасен, куда опаснее любого меча; прикосновение к нему уничтожит всякого, кто вздумает в него проникнуть».

Сапфира фыркнула:

«Даже твоего запаха больше не чувствуется...»

«А кто сделал это открытие? Кто догадался, как это сделать?» — спросил Эрагон.

«Один отшельник, который жил на северном побережье Алагейзии тысячу двести лет назад, — ответил Умаротх. — Это весьма ценный трюк, особенно если нужно скрыть что-то, находящееся на виду, но очень опасный. Да и исполнить его правильно очень сложно. — Дракон помолчал. Эрагон почувствовал, что он собирается с мыслями, затем он сказал: — Есть и еще кое-что, и это вам с Сапфирой

обязательно нужно знать. Как только вы пройдете под той высокой аркой, что у вас за спиной — она называется Врата Вергатхоса, — вы начнете забывать все, что связано с Куароком и спрятанными здесь драконьими яйцами, а к тому времени, как вы достигнете каменных дверей в конце туннеля, всякая память об этом исчезнет напрочь. Даже мы, Элдунари, забудем о существовании этих яиц. Если нам удастся победить и уничтожить Гальбаторикса, Врата восстановят нашу память о подземном хранилище, но до тех пор мы должны оставаться в неведении. Это... неприятно, я понимаю. Но мы не можем допустить, чтобы Гальбаторикс узнал о сохранившихся яйцах драконов».

Эрагону все это не слишком нравилось, но ничего более разумного он предложить не мог.

«Спасибо, что предупредил», — сказала Сапфира. Эрагон тоже поблагодарил старого дракона.

Металлический воин-дракон Куарок подобрал свой щит, выхватил меч, подошел к древнему трону и уселся на него. Затем он положил обнаженный клинок на колени, прислонил щит к трону, сложил на коленях руки ладонями вниз и застыл, как статуя; если не считать пляшущих искр в его алых глазах, устремленных на драконьи яйца, его вполне можно было бы счесть неживым.

Эрагона пробрала дрожь, когда он повернулся к нему спиной. Было что-то ужасное, трагическое в одинокой фигуре, застывшей на троне в дальнем конце зала. Понимая, что Куарок и другие Элдунари, остающиеся здесь, могут пробыть в пещере совершенно одни еще лет сто, а может, и дольше, Эрагон никак не решался уйти.

«Прощайте», — мысленно сказал он и услышал шепот пяти Элдунари:

— Прощай, Губитель Шейдов, прощай, Сверкающая Чешуя. Да сопутствует вам удача!

Затем Эрагон расправил плечи, вместе с Сапфирой быстрым шагом прошел под Вратами Вергатхоса и покинул Свод Душ.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Эрагон хмурился, выбравшись из туннеля на яркий свет утреннего солнца, который прямо-таки заливал поляну перед скалой Кутхиана.

У него было такое ощущение, словно он забыл нечто очень важное. Он попытался вспомнить, что именно, но в голову ничего не приходило, лишь возникало какое-то тревожное ощущение пустоты. Имело ли это отношение к... Нет, он не должен вспоминать!

«Сапфира, ты не...» — начал он и тут же умолк.

«Что?»

«Ничего. Я просто подумал... Ладно, не обращай внимания. Это неважно».

У них за спиной с глухим стуком захлопнулась ведущая в туннель дверь, и иероглифы над нею медленно померкли, после чего суровая, поросшая мохом скала обрела свой прежний вид.

«Идемте, — сказал Умаротх, — нам пора. День будет долгий. От острова до Урубаена много лиг пути».

Эрагон оглядел поляну, по-прежнему чувствуя, что ему чего-то не хватает; затем тряхнул головой и взобрался Сапфире на спину.

Затянув ремни на ногах, он вдруг услышал призрачное бормотание птицы-тени и долго вглядывался в гущу могучих еловых ветвей. Но этого фантастического существа так и не разглядел. Эрагон поморщился. Он был рад, что побывал на Врёнгарде, но не менее рад он был и тому, что улетает отсюда. Это все-таки было чрезвычайно недружелюбное место!

«Ну что, подъем?» — спросила Сапфира.

«Вперед!» — сказал он, испытывая странное облегчение.

Одним мощным взмахом крыльев Сапфира взмыла в воздух, пролетела над яблоневым садом и стала быстро подниматься, кружа над чашеобразной равниной, а когда поднялась достаточно высоко, чтобы перелететь через горы, то повернула на восток и направилась в сторону материка и города Урубаена, оставив позади развалины Дору Арибы, бывшей некогда славной столицей ордена Всадников.

ГОРОД ГОРЯ

Солнце было еще в зените, когда вардены подошли к стенам Урубаена.

Роран слышал крики тех, что шли впереди и первыми поднялись на вершину холма. Он с любопытством посмотрел туда поверх головы гнома, идущего перед ним, а когда и сам добрался до вершины холма, то остановился на минуту, как и все прочие воины до него, чтобы полюбоваться открывающимся видом.

Склон холма был пологим и мягко спускался в обширную равнину, усеянную бесчисленным множеством ферм, мельниц и просторных усадеб, напомнивших ему усадьбы близ Ароуза. А где-то на расстоянии пяти миль, на том краю равнины, виднелись внешние крепостные стены Урубаена.

В отличие от Драс-Леоны, столица была целиком окружена мощными высокими стенами. Даже с такого расстояния Рорану было ясно, что стены Драс-Леоны и Ароуза по сравнению с этими — просто детские игрушки. По его прикидкам, они были по меньшей мере футов триста в высоту. На широком верхнем крае стены виднелись баллисты и катапульты, расставленные на одинаковом расстоянии друг от друга.

Все это весьма встревожило Рорана. Эти орудия будет весьма сложно убрать — они, несомненно, защищены магией, — к тому же он по опыту знал, какими смертельно опасными могут быть эти метательные машины.

За стенами виднелся густой лабиринт городских строений, созданных и людьми, и, как догадывался Роран, эльфами. Самые выдающиеся из эльфийских строений — шесть

высоких, изящных башен из зеленого малахита — образовывали как бы некую арку, за которой, видимо, находилась самая старая часть города. У двух башен не было крыши, и Рорану показалось, что, кроме этих шести, там есть еще две, точнее, то, что от них осталось, но развалины их почти полностью скрыты нагромождением домов, построенных значительно позже.

Впрочем, более всего Рорана интересовали не городская стена и не здания, а то, что большая часть города лежала в тени огромного каменного выступа, должно быть, более полумили в ширину и футов в пятьсот в толщину. Этот навес образовался на одном из отрогов мощной, пологой горы, раскинувшихся к северо-востоку от города. На этом скалистом отвесном утесе виднелась еще одна стена, такая же, как и та, что окружала весь город, и несколько сторожевых башен.

А в задней части углубления, похожего на гигантскую пещеру и образованного нависающим выступом, спряталась гигантская цитадель со множеством сторожевых башен и парапетов. Цитадель значительно возвышалась над остальным городом и почти царапала своими крышами «брюхо» скалистого выступа. Самыми впечатляющими были ворота в передней стене крепости: огромные и глубокие, как пещера; казалось, в них с легкостью могли бы пройти рядом Сапфира и Торн.

У Рорана екнуло под ложечкой. Если воспринимать эти ворота как некий указатель, то черный дракон Шрюкн достаточно велик, чтобы даже в одиночку стереть с лица земли всю их армию. «Ох, лучше бы Эрагону с Сапфирой поторопиться! — думал Роран. — И эльфам тоже». Судя по тому, что он уже видел, эльфы, может, и способны противостоять атакам черного дракона, однако даже им пришлось бы туго, если бы они захотели убить Шрюкна.

Все это и еще многое другое промелькнуло в мыслях Рорана, пока он стоял на вершине холма, глядя на цитадель Гальбаторикса. Затем он развернулся и потянул за повод Сноуфайра. Белый жеребец всхрапнул и пошел за хозяином, усталой походкой спускавшимся по извилистой дороге в низину.

Роран, разумеется, мог бы ехать верхом — собственно, так и предполагалось, поскольку он был командиром полка, — но после той вылазки в Ароуз он прямо-таки возненавидел езду в седле.

А потому шел пешком, на ходу пытаясь решить, как лучше штурмовать этот неприступный город. Каменный карман, в котором так уютно устроился Урубаен, не позволял напасть на него ни с флангов, ни с тыла, да и сверху, пожалуй, тоже, и это наверняка послужило причиной того, что эльфы некогда выбрали именно это место для своей столицы.

«Если бы нам удалось как-то взорвать этот скальный навес, мы могли бы сокрушить цитадель и большую часть города, — думал Роран, но это казалось ему нереальным, поскольку нависавший выступ был слишком мощным. — Также можно попытаться взять стену, что высится на холме, а потом оттуда забросать камнями и залить кипящим маслом тех, кто внизу... Хотя это, пожалуй, нелегко сделать. Сражение придется вести, поднимаясь по склону, и потом еще эти стены... Возможно, эльфы смогут. Или куллы. Куллам эта идея, наверно, даже по душе придется...»

Река Рамр протекала в нескольких милях к северу от Урубаена — слишком далеко, чтобы помочь варденам. Сапфира смогла бы, конечно, прорыть достаточно глубокий канал и отвести воды реки, но даже ей на это потребовалась бы не одна неделя, а варденам, не имевшим достаточного запаса провизии, несколько недель здесь было не продержаться. В лучшем случае несколько дней. А потом пришлось бы голодать или распустить войско.

Таким образом, единственная возможность — это нанести удар первыми, не дожидаясь удара Империи. Хотя Роран вовсе не был уверен, что Гальбаторикс *действительно* ударит первым. Пока что он, как ни странно, позволил варденам подойти к его столице почти вплотную. «С какой стати ему рисковать собственной головой? Чем дольше он выжидает, тем слабее становимся мы», — думал Роран.

А это означало фронтальный штурм — безумную, наглую атаку на открытом пространстве, и это при наличии таких мощных стен, которые ничем не пробьешь, которые

слишком высоки, чтобы с легкостью на них взобраться — особенно когда в твоих воинов непрерывно стреляют из луков и различных боевых машин. Когда Роран себе это представил, холодный пот выступил у него на лбу. Ведь варденыпросто полягут там, точно стадо скота! Роран выругался:

— Нас тут будут разносить в клочья, а Гальбаторикс будет сидеть на троне да посмеиваться! Если бы мы сумели подобраться к стенам достаточно близко, тогда солдатам на них невозможно было бы в нас стрелять, но тогда они запросто могли бы поливать нас кипящим маслом и осыпать градом камней.

Даже если бы варденам и удалось проломить стены и ворваться в город, там предстояли бы кровопролитные сражения с немалой армией Гальбаторикса. А кто его знает, каких воинов он сумел себе создать с помощью своей магии? И какова стойкость обычных солдат из его войска? Станут ли они сражаться до последнего вздоха? Или их можно чем-то испугать? Устоят ли они или побегут с поля боя, если наступление варденов окажется слишком мощным? И главное, какие магические средства использует Гальбаторикс?

Согласно сообщениям шпионов, во главе армии Урубаена Гальбаторикс поставил какого-то графа Барста. Роран никогда прежде об этом лорде Барсте не слышал, а вот Джормундур после рассказов шпионов сильно встревожился, да и люди в полку порассказали Рорану немало всяких историй, которые убедили его, что это настоящий злодей. Говорили, что лорд Барст владел обширным поместьем неподалеку от Гилида, но вторгшиеся туда эльфы заставили его это поместье оставить. Говорили также, что вассалы Барста всегда испытывали перед ним смертельный ужас, поскольку он вмешивался в любые споры, жестоко наказывая спорящих, а преступников или тех, кого считал в чем-то неправыми, предпочитал попросту казнить без суда и следствия. Правда, ничего особенного в этом не было: многие лорды в Империи пользовались репутацией жестокосердных злодеев. Но Барст, похоже, был не только безжалостен, но и впечатляюще силен, а также невероятно

хитер. Судя по тому, что Роран успел о нем услышать, он отличался незаурядным умом, хотя и был явно полным мерзавцем. Было ясно: недооценивать такого врага недопустимо. Кроме того, вряд ли Гальбаторикс поставил во главе своего войска слабака или тупицу.

И потом, нельзя было забывать о том, что в Урубаене имеются еще Муртаг с Торном. Гальбаториксу, возможно, и выходить из своей крепости не придется, ведь город наверняка будут защищать красный дракон и его Всадник.

«Эрагону и Сапфире придется выманить их и увлечь за собой, иначе нам Урубаен ни за что не взять».

Роран нахмурился. Это будет действительно проблема. Муртаг сейчас сильнее Эрагона, а значит, Эрагону непременно понадобится помощь эльфов...

И снова горькое чувство досады и гнева охватило Рорана. До чего же противно было вечно зависеть от тех, кто способен использовать магию! Когда речь идет о силе и хитрости, соперники могут восполнить нехватку одного за счет другого. Но если тебе не дано пользоваться магией, а твой противник это умеет, тут уж ничего не поделаешь.

В отчаянии Роран поднял с земли камешек и, как учил его Эрагон, сказал: «Стенр риза», требуя, чтобы камень поднялся в воздух, но камень так и остался лежать у него на ладони.

В его руках камешек *всегда* оставался неподвижен.

Роран фыркнул и отшвырнул камешек на обочину дороги.

Его жена и будущий ребенок находились сейчас в лагере, им грозила нешуточная опасность, а он ничего не мог поделать. Не мог же он убить Муртага или Гальбаторикса! Роран стиснул кулаки и представил себе, что ломает своим врагам кости.

«Может, нам лучше сбежать отсюда, пока не поздно? — впервые в голову ему пришла подобная мысль. Он знал, что на востоке есть земли, куда Гальбаториксу не дотянуться — плодородные равнины, где обитают только кочевые племена. Если бы и другие жители Карвахолла пошли с ними вместе, можно было бы все начать сначала и быть свободными от власти Империи и Гальбаторикса. Роран отогнал

эти мысли, чувствуя себя отвратительным предателем. Неужели он покинет Эрагона, свой полк, людей, которые ему верят, землю, которую считает своей родиной? — Нет! Я не позволю, чтобы мой ребенок родился и жил в таком мире, где правит Гальбаторикс. Лучше уж умереть, чем вечно жить в страхе!»

Это, разумеется, по-прежнему не решало вопроса о том, как варденам взять Урубаен. Во всех прежних случаях Рорану всегда удавалось отыскать некое слабое звено в обороне неприятеля, и эту слабину он с успехом использовал. В Карвахолле неудачная атака раззаков позволила ему убедить односельчан, что и они могут успешно сражаться. В сражении с ургалом Ярбогом таким слабым местом оказались страшные рога этого чудовища. В Ароузе им помогли каналы. Но здесь, в Урубаене, Роран не видел ни одного слабого места, ничего такого, где можно было бы обратить мощь противника против него же самого.

«Если бы у нас было больше провизии, я бы просто подождал и уморил их голодом. Это было бы лучше всего. Все остальное — чистое безумие. — Но, как и сам уже прекрасно понимал Роран, любая война, по сути дела, это бесконечная череда безумств. — Магия — вот единственный способ, — в итоге решил он. — Магия и Сапфира — только это может спасти нас. Если нам удастся убить Муртага, тогда либо Сапфире, либо эльфам с их магией придется помочь варденам пробиться внутрь этой цитадели».

Роран сердито сдвинул брови, чувствуя во рту противный, кислый привкус, и ускорил шаг. Чем скорее они разобьют лагерь, тем лучше. Он сильно натер себе ноги, постоянно идя пешком, и если уж ему суждено умереть во время бессмысленного штурма этой твердыни, то, по крайней мере, перед этим он хотел бы получить горячий обед и хорошенько выспаться.

Вардены раскинули свои палатки примерно в миле от Урубаена возле небольшого ручья, впадавшего в реку Рамр. И почти сразу же люди, гномы и ургалы принялись строить оборонительные укрепления — этот процесс должен был продолжаться до темноты, а утром начаться снова.

Каждый раз, закрепляясь на каком-то одном месте, они первым делом укрепляли свои позиции. Это была тяжелая, утомительная и всем страшно надоевшая работа, однако же именно эти укрепления порой спасали им жизнь, а кроме того, избавляли от ничегонеделания.

Вардены по-прежнему считали, что все эти приказы исходят от Эрагона — хотя в лагере оставался лишь его двойник, созданный магией, — но Роран знал: на самом деле всем командует Джормундур. После похищения Насуады и отлета Эрагона и Сапфиры он как-то особенно зауважал этого старого вояку. Джормундур, можно сказать, жизнь положил на борьбу с Империей; кроме того, он действительно был опытным военным и обладал глубокими познаниями и в тактике, и в логистике. Да и с Рораном они отлично ладили; оба они были воинами стального клинка, а не магии.

Зато с королем Оррином Роран постоянно спорил и ссорился. Оррин никогда не упускал возможности позлить его, и Роран не сомневался: если кто и может погубить их всех, так это именно Оррин. Он понимал, конечно, что оскорблять главу королевства Сурда нехорошо, но не мог не назвать Оррина дураком, когда тот выразил желание отправить к главным воротам Урубаена герольдов, чтобы те возвестили о начале наступления варденов, как это было сделано в Драс-Леоне и Белатоне.

— Ты что, хочешь спровоцировать Гальбаторикса? — прорычал Роран. — Он ведь может нам и ответить!

— Но это было бы только справедливо, — горделиво выпрямившись, заявил Оррин, — если бы мы заранее объявили о своих намерениях и дали ему возможность вступить с нами в мирные переговоры.

Роран так и уставился на него. Потом с отвращением отвернулся и сказал Джормундуру:

— Не мог бы ты заставить его понять, почему это в высшей степени неразумно?

Они втроем сидели в шатре Оррина, куда он же сам их и пригласил.

— Ваше величество, — сказал Джормундур, — Роран прав. Лучше всего было бы подождать и не вступать с Империей ни в какие переговоры.

— Но они же могут нас увидеть! — запротестовал Оррин. — Ведь мы разбили лагерь у самых стен города. И, в конце концов, это было бы... *просто грубо* — не послать гонца и не объявить о наших намерениях. Правда, вы оба простолюдины, я и не ожидал, что меня поймете. Взаимоотношения царствующих особ требуют соблюдения определенной куртуазности — даже в условиях войны.

Рорану вдруг страшно захотелось стукнуть эту «царствующую особу» по башке.

— Неужели ты настолько самодоволен, что веришь, будто Гальбаторикс считает тебя равным себе? Ха! Да мы для него просто насекомые! И на куртуазность твою ему плевать! Ты что, забыл: ведь и Гальбаторикс был таким же простолюдином, как мы, до того, как одержал победу над Всадниками. И я бы сказал, ведет он себя *несколько иначе*, чем ты. Да такого, как он, больше и в мире-то нет! И ты еще всерьез полагаешь, что можно предугадать его поступки? Ты считаешь, что его можно как-то умиротворить? Ха-ха-ха!

Оррин вспыхнул, оттолкнул бокал с вином, и тот упал на расстеленный ковер.

— Ты слишком много себе позволяешь, Молотобоец! Никто не смеет оскорблять меня, правителя Сурды!

— Я имею полное право делать то, что считаю нужным, — прорычал Роран. — Я не твой подданный. И не обязан перед тобой отчитываться. Я свободный человек — могу любого оскорбить, а могу и похвалить. Даже тебя. Говорю тебе еще раз: посылать к воротам глашатаев было бы непростительной ошибкой.

Прошелестела сталь — это король Оррин выхватил из ножен меч, но застать Рорана врасплох не сумел. Тот, услыхав знакомый звук, уже успел отстегнуть от пояса свой молот и замахнуться им.

Клинок Оррина голубоватой вспышкой мелькнул в полумраке шатра. Роран, видя, куда метит Оррин, ловко увернулся и плашмя ударил молотом по лезвию меча; тот согнулся и со звоном вылетел у Оррина из рук.

Оррин растерянно посмотрел на свой клинок, упавший на ковер; лезвие все еще дрожало после удара Рорана.

— Сир, — крикнул один из стражников у входа в палатку, — с вами ничего не случилось?

— Я просто уронил свой щит, — ответил стражнику Джормундур. — Беспокоиться не о чем.

— Хорошо, господин мой.

Роран не сводил глаз с Оррина, на лице которого появилось какое-то загнанное выражение, как у дикого зверя. По-прежнему пристально на него глядя, Роран пристегнул молот к поясу и повторил:

— Выходить на связь с Гальбаториксом глупо и опасно. Если ты попытаешься это сделать, я убью всякого, кого бы ты туда ни послал, еще до того, как он успеет приблизиться к городским воротам.

— Ты не посмеешь! — возмутился Оррин.

— Посмею. И сделаю, как сказал. Я не позволю тебе подвергать опасности всех нас ради того, чтобы удовлетворить свою королевскую... *гордость и спесь*. Если Гальбаторикс захочет с нами поговорить, он и без того знает, где нас найти. А если нет — пусть сидит в своей цитадели.

И Роран вихрем вылетел из шатра. Снаружи он остановился, подбоченился и стал смотреть на пухлые облака в небе, выжидая, когда успокоится бешено бьющееся сердце. Этот Оррин похож на годовалого мула! Такой же упрямый и самоуверенный. Только и мечтает, как бы лягнуть тебя побольнее!

А еще он слишком много пьет...

Роран мерил шагами пространство перед шатром, пока оттуда не появился Джормундур. Не успел старый вояка и рта раскрыть, как Роран бросился к нему и сказал:

— Извини, что так получилось. Мне правда очень жаль!

— Еще бы тебе не жаль было. — Джормундур сокрушенно покачал головой, потом вытащил свою глиняную трубку и принялся набивать ее сушеной травой кардус, уминая «табачок» подушечкой большого пальца. — Вон сколько времени мне пришлось уговаривать Оррина не посылать людей к воротам назло тебе! — Он помолчал. — А что, ты и впрямь убил бы кого-то из его людей?

— Я просто так угрозами не бросаюсь, — буркнул Роран.

— Нет, не бросаешься... Ну ладно, будем надеяться, что до этого не дойдет. — Джормундур неторопливо двинулся по тропе между палатками. Роран шел с ним рядом, и люди уступали им дорогу, вежливо с ними раскланиваясь. Взмахнув нераскуренной трубкой, Джормундур вдруг сказал: — В общем-то, и мне не раз хотелось укоротить Оррину язык, — он усмехнулся, — да только осторожность, к сожалению, всегда надо мной верх брала.

— Он что, всегда был таким... упертым?

— Мм? Нет, пожалуй. В Сурде он вел себя куда более разумно.

— И что же с ним случилось потом?

— Страх, я думаю. Страх порой людей сильно меняет, странные вещи с ними делает.

— Это правда.

— Может, тебя это обидит, но ты ведь и сам вел себя глупо.

— Да знаю я! Не совладал с собой.

— И заполучил себе врага. Да еще в виде короля Сурды!

— Ты хочешь сказать, в виде *еще одного* короля.

Джормундур негромко рассмеялся:

— Вот именно! Только если твоим личным врагом станет Гальбаторикс, все остальные покажутся тебе просто безобидными мошками. И тем не менее... — Джормундур остановился у костра, вытащил оттуда горящую ветку, сунул ее конец в набитую трубку, раскурил ее, несколько раз затянулся и бросил ветку обратно в костер. — Тем не менее на твоем месте я бы не стал игнорировать обидчивый нрав Оррина. Он пришел в такое бешенство, что прямо там, в своем шатре, чуть тебя не прикончил. Если он затаит обиду, то захочет отомстить. На всякий случай я поставлю возле твоей палатки часового. Хотя бы на несколько дней. А потом... — Джормундур пожал плечами.

— А потом мы, возможно, все либо сложим тут свои кости, либо превратимся в рабов Гальбаторикса.

Оба некоторое время молчали; Джормундур пыхтел своей трубкой, и лишь когда им пора было расходиться в разные стороны, Роран сказал:

— Когда ты в следующий раз увидишь Оррина...

— Да?

— Может быть, дашь ему понять, что если он или его люди что-нибудь сделают с Катриной, я выпущу ему кишки на глазах у всего лагеря?

Джормундур опустил подбородок на грудь и некоторое время стоял, словно обдумывая слова Рорана; потом серьезно посмотрел на него и кивнул:

— Ладно, Молотобоец. Я, пожалуй, найду способ сообщить ему это.

— Спасибо.

— Пожалуйста. Как всегда с удовольствием.

— Пока.

Роран нашел Катрину и убедил ее отойти от палаток подальше, в северную часть лагеря. Там было проще проследить, не послал ли Оррин кого-нибудь по его душу. Они поели, а потом долго сидели рядышком, глядя, как тени становятся длиннее, а в небе начинают загораться первые звезды. Нависшего над Урубаеном мрачного утеса Роран старался не замечать.

— Как хорошо, что мы сюда пришли, — сказала Катрина, кладя голову ему на плечо.

— Ты правда рада?

— Тут так красиво! И потом, сегодня ты только со мной. — Она сжала его руку.

Роран прижал ее к себе, но какая-то тень по-прежнему смущала его душу. Он не мог забыть о том, какая опасность грозит его жене и ребенку; не мог забыть, что самый страшный и опасный их враг находится всего лишь в нескольких милях отсюда. Понимание этого жгло душу Рорана; и больше всего ему хотелось вскочить, броситься в Урубаен, пробраться в проклятую цитадель и убить Гальбаторикса.

Но это, увы, было недостижимо. И он улыбался, даже смеялся, скрывая свои страхи и тайные желания, прекрасно понимая, что и Катрина точно так же скрывает свои опасения.

«Черт побери, Эрагон, — думал он, — лучше бы тебе поторопиться! Не то, клянусь, я стану являться тебе из могилы и не дам ни минуты покоя!»

ВОЕННЫЙ СОВЕТ

На обратном пути Сапфире не пришлось сражаться с бурей; мало того, ей даже повезло, ибо ветер был попутный, и она летела гораздо быстрее, да и Элдунари подсказывали ей, где найти подходящий поток воздуха, а также понемногу подпитывали ее своей силой. По словам драконов, ветры на Врёнгарде дули почти постоянно в течение всего года, и Сапфира ни разу даже не замедлила полет и говорила, что совершенно не чувствует себя усталой.

В результате Урубаен появился на горизонте всего через два дня после их отлета с острова.

Дважды за время полета, когда солнце светило ярче всего, Эрагон, как ему казалось, успевал разглядеть мельком вход в тот пространственный карман, где следом за Сапфирой летели невидимые Элдунари. Собственно, это была всего лишь одна-единственная черная точка, такая крошечная, что ее трудно было удержать в поле зрения дольше секунды. Сперва Эрагон решил, что это просто пылинка, но затем заметил, что точка эта всегда находится на неизменном расстоянии от Сапфиры.

Во время полета драконы, пользуясь Умаротхом как посредником, передали Эрагону и Сапфире множество всевозможных знаний — воспоминаний и просто полезных сведений; на них обрушилась прямо-таки лавина опыта — выигранные и проигранные сражения, любовь, ненависть, заклинания, памятные события, свидетелем которых тот или иной дракон явился, сожаления, надежды и всевозможные раздумья по поводу нового миропорядка. Драконы обладали поистине неисчерпаемым запасом

знаний, накопленных за многие тысячелетия, и, похоже, им не терпелось хоть с кем-то ими поделиться.

«Это слишком много! — протестовал Эрагон. — Нам всего не упомнить! И уж тем более — не понять!»

«Понять все это вы, конечно, не сможете, — сказал Умаротх, — но кое-что запомнить сумеете; может быть, как раз это и пригодится вам в сражении с Гальбаториксом. Итак, продолжим...»

Поток всевозможных сведений был поистине оглушительным; порой Эрагону казалось, что он забывает, кто он сам такой — еще бы, у драконов воспоминаний было во много раз больше, чем у него самого. Когда он чувствовал, что начинает забывать себя, то просто ставил мысленный барьер и повторял про себя свое истинное имя, пока окончательно не приходил в себя.

То, что они с Сапфирой узнали во время этого полета, удивило его и встревожило, а кое-что даже заставило поставить под вопрос свои прежние убеждения. Но на особые раздумья времени у него попросту не было. Каждый раз на него обрушивалась новая порция драконьих воспоминаний, и он понимал: потребуется немало лет, даже десятилетий, прежде чем он начнет действительно понимать смысл того, что сейчас показывали ему драконы.

Чем больше он узнавал об этих удивительных существах, тем большее восхищение, смешанное с почтительным трепетом, испытывал. Те из них, что прожили многие сотни лет, обладали весьма странным образом мышления, а самые старые столь же сильно отличались от Глаэдра и Сапфиры, как Глаэдр и Сапфира — от фангуров из Беорских гор. Общение с этими старейшими из драконов смущало душу Эрагона, внушая ему какое-то смутное беспокойство; они легко совершали прыжки во времени, их сравнения и ассоциации были столь широки, что порой казались ему бессмысленными; и все же он понимал: каждое их слово, каждая ассоциация полны смысла на самом глубоком уровне. Ему редко удавалось достаточно четко представить себе, что именно драконы пытаются ему сказать, тем более что самые древние из них и затрудняли себя попытками что-либо ему объяснить или подсказать.

Через какое-то время Эрагон понял, что они и *не могут* изъясняться иначе. За минувшие века их разум изменился; то, что ему казалось простым и ясным, для них зачастую было слишком сложным, или же совершенно наоборот, и тогда они как бы менялись местами. Слушая их мысли, он чувствовал, что это, наверное, то же самое, что слушать мысли богов.

Когда он позволил себе высказать эту мысль, Сапфира презрительно фыркнула и заявила:

«Тут есть большая разница!»

«Какая?»

«В отличие от богов, мы принимаем самое активное участие в событиях, происходящих на земле».

«Возможно, боги тоже порой принимают в них участие, оставаясь невидимыми».

«Тогда какой в них прок?»

«Ты считаешь, что драконы лучше богов?» — заинтересованно спросил он.

«Взрослые драконы, безусловно, да, — совершенно серьезно ответила она. — Кто на свете могущественнее драконов? Даже могущество Гальбаторикса полностью зависит от нас!»

«А как же нидхвалы?»

Сапфира презрительно чихнула:

«Ну что нидхвалы? Мы можем и плавать, а вот они летать совершенно не умеют».

Лишь однажды к ним напрямую, без посредника, обратился самый старый и самый могущественный из драконов по имени Валдр, что на древнем языке означает «правитель». Валдр подарил им некое видение, а может, сон, в котором лучи света превращались в песчаные волны, а то, что казалось прочным и незыблемым, превращалось в некую пустоту, в *ничто*. Затем Валдр показал им гнездо со спящими скворцами, и Эрагон смог ощутить, как мелькают в птичьих головках быстрые сны-видения. Сперва Валдр, казалось, не испытывал к скворцам ничего, кроме презрения: их сны он воспринимал как нечто смехотворно маленькое, пустое, бессмысленное; но затем его настроение переменилось, и отношение к птичкам стало теплым,

сочувственным; даже самая мелкая из тревоживших скворцов забот выросла в цене настолько, что стала как бы равной заботам и тревогам королей.

Валдр довольно долго показывал им это, словно желая убедиться, что Эрагон и Сапфира все запомнят и бережно сохранят. Однако они оба так толком и не поняли, что именно хотел сказать им старый дракон, а Валдр разъяснять свои намерения отказался.

Когда наконец вдали стал виден Урубаен, Элдунари драконов умолкли, перестав делиться с Эрагоном и Сапфирой своими воспоминаниями, и Умаротх сказал:

«Ну вот, теперь вам стоит внимательно ознакомиться с логовом нашего главного врага».

И Сапфира сделала несколько кругов над городом, но то, что они увидели, отнюдь не прибавило им бодрости, особенно когда Глаэдр сказал:

«Похоже, Гальбаторикс немало построил с тех пор, как изгнал нас отсюда. В наши дни эти стены не были ни такими толстыми, ни такими высокими».

А Умаротх прибавил:

«Да и сама Илирия никогда не была так укреплена, даже во время нашей войны с эльфами. Этот предатель выкопал себе глубокую нору, да еще и целую груду камней сверху навалил. По-моему, по собственной воле он оттуда ни за что не вылезет. Он, как барсук, забился поглубже в свое логово и готов расквасить нос любому, кто попытается свой нос туда сунуть».

В миле от прячущейся под скалистым выступом цитадели Гальбаторикса и самой столицы Империи, на юго-западе от нее, раскинулся лагерь варденов. Он стал значительно больше, чем помнилось Эрагону, что несколько его озадачило, пока он не понял, что это, должно быть, королева эльфов Имиладрис со своим войском наконец-то присоединились к варденам. Он с облегчением вздохнул: даже Гальбаторикс опасался могущества эльфов.

Когда Сапфира была примерно в лиге от лагеря, Элдунари помогли Эрагону расширить свое мысленное восприятие, чтобы он смог охватить мысли варденов — людей,

гномов, эльфов и ургалов. Его мысленное прикосновение было слишком легким и мимолетным, чтобы кто-то успел его заметить, если только специально не ждал этого; однако он почти сразу уловил знакомое, довольно-таки напряженное звучание диковатой эльфийской музыки, которая всегда звучала в мыслях Блёдхгарма, и решил сосредоточиться только на сознании этого эльфа.

«Приветствую тебя, Блёдхгарм, — мысленно сказал он ему, — это я, Эрагон».

Более пышное приветствие показалось ему чрезмерным — все-таки они с Блёдхгармом столько уже пережили вместе.

«Губитель Шейдов! — тут же откликнулся Блёдхгарм. — Ты жив-здоров? Твои мысли оставляют в высшей степени странное ощущение. Сапфира с тобой? Она что, ранена? Или что-то случилось с Глаэдром?»

«С ними все хорошо. И со мной тоже».

«Тогда...» — Блёдхгарм был явно смущен.

И Эрагон, не давая ему продолжить, сказал:

«Мы тут неподалеку. Но пока что невидимы. Та иллюзия, которую вы создали, все еще видна?»

«Да, Губитель Шейдов. «Наша Сапфира» кружит над лагерем на высоте примерно мили. Порой мы скрываем ее за облаками или же делаем вид, будто вы с ней отправились патрулировать территорию, но мы решили не допускать возможности, чтобы Гальбаторикс хотя бы предположил, что вы надолго оставили лагерь. Сейчас мы отошлем ваших двойников прочь, чтобы вы смогли спокойно приземлиться, не вызывая ничьих подозрений».

«Нет. Лучше подождите немного; пусть ваши чары еще немного продлятся».

«Но почему, Губитель Шейдов?»

«Мы сразу в лагерь не вернемся. — Эрагон быстро огляделся. — В двух милях от него, если идти на юго-восток, есть небольшой холм. Ты знаешь это место?»

«Да, я его даже вижу».

«Сапфира приземлится за этим холмом. Возьми с собой Арью, Орика, Джормундура, Рорана, королеву Имиладрис и короля Оррина и приводи их всех туда, но обязательно

постарайтесь сделать так, чтобы уйти из лагеря в разное время и поодиночке. И если сможешь, лучше спрячь их с помощью магии; так будет спокойней. И сам, разумеется, тоже приходи».

«Как скажешь, Губитель Шейдов... А что вы нашли на...»

«Нет! Не спрашивай меня. Здесь опасно даже думать об этом. Приходи, и я все вам расскажу, но сейчас на твои вопросы отвечать не стану — ведь нас может кто угодно подслушать».

«Понимаю. Мы придем, как только сможем. Хотя, возможно, придется потратить какое-то время на то, чтобы все вышло надлежащим образом».

«Конечно. Не сомневаюсь, ты все сделаешь как можно лучше».

Эрагон свернул их мысленный разговор и откинулся в седле, слегка улыбаясь и представляя себе, какое выражение лица будет у Блёдхгарма, когда он узнает об Элдунари.

Подняв небольшой вихрь, Сапфира приземлилась в низине у подножия холма, вспугнув отару пасшихся поблизости овец, которые с жалобным блеянием бросились врассыпную.

Сложив крылья, Сапфира посмотрела овцам вслед, облизнулась и сказала:

«Ничего не стоило бы поймать их, пока они меня не видят».

«Да, но что за удовольствие от такой охоты?» — спросил Эрагон, высвобождая ноги из ремней.

«Удовольствием брюхо не наполнишь».

«Нет, не наполнишь. Но ты ведь не так уж и голодна, верно?»

Энергия, которой Элдунари делились с драконихой, хоть и была нематериальной, но все же подавляла у нее чувство голода.

Сапфира с силой выпустила воздух из легких — видимо, это должно было означать тяжкий вздох — и призналась:

«Ну да, не особенно...»

Пока они ждали, Эрагон размял затекшие конечности, немного поел — у него еще осталось кое-что из припасов. Он знал, что Сапфира, вытянувшись во всю свою немаленькую длину с ним рядом, сейчас отдыхает, хотя ее

присутствие выдавала лишь слабая тень, напоминавшая очертания ее тела, да примятая трава. И эта «впадина» на траве, имевшая довольно-таки причудливую форму, отчего-то развеселила Эрагона.

Он ел и не сводил глаз с чудесных полей, раскинувшихся вокруг холма; в полях под слабым ветерком колыхались колосья пшеницы и ячменя. На межах были выложены длинные невысокие стены из крупных камней, отделявшие одно поле от другого, и Эрагон подумал, что, должно быть, здешним крестьянам понадобилось не одно столетие, что выкопать из земли столько камней.

«По крайней мере, у нас, в долине Паланкар, такой проблемы не существует», — думал он.

А потом вдруг вспомнил, что в полете «рассказывал» ему один из драконов, и теперь мог совершенно точно сказать, сколько лет этим каменным изгородям. Они относились к тем временам, когда люди впервые поселились здесь, на развалинах города Илирия, после того как эльфы разгромили войско короля Паланкара. Эрагону казалось, что он собственными глазами видит вереницы мужчин, женщин и детей, которые брели по только что вспаханным полям, собирали камни и относили их к межам, где потом и были построены эти стены.

Через некоторое время Эрагон позволил этим воспоминаниям растаять, а потом открыл свой разум тому потоку энергии, что кипела вокруг него. Он прислушался к мыслям мышей в траве, червей в земле и птиц, что порхали у него над головой. Это было немного рискованно, потому что он мог вызвать тревогу у кого-то из вражеских заклинателей, находившихся поблизости, и привлечь к себе его внимание, но ему хотелось знать, что и кто находится рядом, чтобы никто из врагов не смог напасть на него и застать врасплох.

Таким образом, он заранее почувствовал и приближение Арьи, Блёдхгарма и королевы Имиладрис, и совершенно не встревожился, услышав на западном склоне холма шорох их шагов.

Воздух задрожал, точно марево в пустыне или мелкая рябь на поверхности озера, и все трое предстали перед ним. Королева Имиладрис стояла впереди, царственная,

как всегда. Она была в изящных позолоченных, каких-то чешуйчатых, доспехах и в украшенном самоцветами шлеме; с ее плеч ниспадал скрепленный драгоценной застежкой красный плащ с белой оторочкой. Длинный, тонкий меч свисал со стройной талии. В одной руке у нее было длинное копье с белым наконечником, а в другой — щит, имевший форму березового листа; у него даже края были зубчатыми, как у настоящего листка.

Арья тоже была облачена в доспехи, тоже чудесные. Она сменила привычную темную и простую одежду на такую же короткую чешуйчатую кольчужку, как и у ее матери, только стального, светло-серого цвета; ее шлем был украшен финифтью и отчасти закрывал не только переносицу, но и нос; виски тоже были прикрыты изящными выступами в виде стилизованных орлиных крыльев. В сравнении с великолепием Имиладрис, облик Арьи был довольно суровым; однако именно то, что она выглядела как настоящий воин и вызывало к ней должное уважение; сейчас она казалась смертельно опасной, и вместе они, мать и дочь, были точно пара одинаковых клинков, только один служил для украшения, а второй — для боя.

Как и обе эльфийки, Блёдхгарм был тоже облачен в чешуйчатую кольчугу, но шлема у него на голове не было, а в руках он не держал никакого оружия; только на поясе висел небольшой нож.

— Покажись, Эрагон Губитель Шейдов, — сказала Имиладрис, глядя точно туда, где он и стоял.

Эрагон снял чары, скрывавшие его и Сапфиру, и поклонился королеве эльфов.

Она оглядела его с ног до головы своими темными очами так, словно он был призовой лошадью. В отличие от прежних лет, теперь он без труда выдерживал ее взгляд. Через несколько секунд королева промолвила:

— Ты во многом преуспел, Губитель Шейдов.

Эрагон снова поклонился:

— Благодарю вас, ваше величество. — Как и всегда, от одного звука ее голоса все его тело начинало трепетать; казалось, оно поет в такт исходящей от нее музыки и магии; казалось, каждое ее слово — это часть эпической поэмы. — Такая похвала дорогого стоит, особенно когда она звучит

из уст столь мудрой и прекрасной эльфийки, как ты, госпожа моя.

Имиладрис засмеялась, показывая красивые крупные зубы; холм и окрестные поля откликнулись ей веселым, звонким эхом.

— А ты стал еще и красноречив к тому же! Ты не рассказывала мне, Арья, как хорошо он научился говорить комплименты!

Слабая улыбка скользнула по лицу Арьи.

— Он еще только учится, — сказала она и, повернувшись к Эрагону, улыбнулась гораздо шире. — Я очень рада вашему благополучному возвращению, Эрагон!

Эльфы засыпали его, Сапфиру и Глаэдра немыслимым количеством вопросов, но те отвечать на эти вопросы отказались, объяснив, что все расскажут, когда прибудут все остальные. И все же Эрагону показалось, что эльфы чувствуют Элдунари; он заметил, как они время от времени поглядывают в ту сторону, где в своем воздушном «пузыре» прятались драконьи «сердца сердец».

Следующим пришел Орик. Точнее, прискакал на лохматом пони с южной стороны холма. Бедный пони был весь в мыле и тяжело дышал.

— Хо, Эрагон! Хо, Сапфира! — еще издали закричал король гномов, приветствуя их поднятой рукой со сжатым кулаком. Спрыгнув с измученного пони, он протопал к Эрагону и заключил его в медвежьи объятия, увесисто хлопая по спине.

Потом Орик ласково почесал Сапфиру по носу, и она в ответ замурлыкала, а Эрагон спросил:

— Где же твоя охрана?

Орик махнул куда-то через плечо.

— Заплетают свои бороды неподалеку от одной фермы — примерно в миле к западу отсюда. И, осмелюсь заметить, никакого восторга по этому поводу не испытывают. Я-то доверяю каждому из них, как себе — они мои братья по клану, — но Блёдхгарм велел мне приехать одному, вот я один и приехал, а их там оставил. А теперь скажи мне, к чему вся эта таинственность? Что ты там такое обнаружил, на Врёнгарде?

— Тебе придется подождать, пока не соберется весь наш военный совет, — сказал Эрагон. — Но я очень рад снова тебя видеть. — И он хлопнул Орика по плечу.

Роран пришел пешком вскоре после Орика. Он был весь в пыли, и вид у него был весьма мрачный. Он пожал Эрагону руку, потом оттащил его в сторонку и сказал:

— Ты можешь сделать так, чтобы они нас не слышали? — Он мотнул головой в сторону Орика и эльфов.

Эрагону понадобилось несколько секунд, чтобы произнести заклятие, отгородившее их от нежеланных слушателей.

— Готово, — сказал он, заодно мысленно отгораживаясь и от Глаэдра и остальных Элдунари, но не от Сапфиры.

Роран кивнул и посмотрел куда-то за поля.

— У меня тут разговор вышел с королем Оррином, пока тебя не было.

— Разговор? О чем же?

— Он вел себя, как дурак, а я так ему и сказал.

— Полагаю, он от этого в восторг не пришел?

— Это точно. Он пытался меня насквозь проткнуть.

— Он — *что?*

— Только ему это не удалось: я выбил меч у него из рук. Но если б ему все-таки удалось нанести удар, он бы меня точно прикончил.

— Оррин? — Эрагон с трудом представлял себе короля Сурды убивающим Рорана. — Ты что, так сильно его задел?

Впервые Роран улыбнулся; впрочем, его мимолетная улыбка тут же скрылась в густой бороде.

— Я его напугал. А это, похоже, гораздо хуже.

Эрагон что-то проворчал и стиснул рукоять Брисингра. Он только сейчас обратил внимание на то, что они с Рораном ведут себя совершенно одинаково: оба держались за оружие, оба стояли, чуть отставив ногу назад.

— Кто еще знает об этом?

— Джормундур... он там был. Ну и те, кому Оррин мог рассказать.

Эрагон, нахмурившись, принялся шагать взад-вперед, пытаясь решить, что делать.

— Ну и время ты для этого выбрал — хуже не придумаешь!

— Я понимаю. Я бы не стал так грубить Оррину, но он собирался послать «королевские приветствия» Гальбаториксу и нес еще всякую *куртуазную* чепуху. Мы все могли оказаться в страшной опасности. А я этого допустить не мог. Ты бы на моем месте тоже так поступил.

— Может быть. Но это все усложняет. Я теперь возглавляю варденов. Нападение на тебя или еще на кого-то из моих подчиненных, это все равно что нападение на меня. Оррин это прекрасно понимает; к тому же ему известно, что мы с тобой двоюродные братья. Он с тем же успехом мог бы и меня самого вызвать на поединок.

— Он был пьян, — сказал Роран. — Я не уверен, что он думал о поединке, когда выхватил меч.

Эрагон заметил, что Арья и Блёдхгарм посматривают на них с любопытством, перестал ходить и повернулся к ним спиной.

— Я беспокоюсь из-за Катрины, — прибавил Роран. — Если Оррин так уж разозлился на меня, он может послать своих людей, чтобы они что-нибудь сделали с ней — ранили там или убили. В общем, нанесли ей вред. Джормундур уже поставил охрану возле нашей палатки, но, по-моему, этого совершенно не достаточно.

Эрагон покачал головой:

— Оррин не посмеет причинить вред Катрине.

— Нет? Это тебе он не посмеет причинить вред! И у него, пожалуй, не хватит смелости схватиться со мной, и что ему остается? Засада? Удар ножом в темноте? Нет, убить Катрину — самый простой для него способ мести!

— Сомневаюсь, что он может опуститься до подосланных убийц с ножами. И вряд ли станет вредить Катрине.

— А все-таки наверняка нельзя быть уверенным!

Эрагон подумал и сказал:

— Хорошо, я окутаю Катрину кое-какими чарами, и она будет в полной безопасности. А потом дам Оррину понять, что позаботился о ней. Это должно поставить точку в любых планах, какие бы он ни строил.

Напряжение Рорана, похоже, несколько спало.

— Буду очень тебе благодарен, — сказал он.

— Я и к тебе кое-каких магических стражей приставлю.

— Нет, не надо. Побереги свои силы. Я и сам могу о себе позаботиться.

Эрагон настаивал, но Роран упорно отказывался, и Эрагон наконец рассердился:

— Черт побери, Роран! Послушай меня! Нам вот-вот предстоит сразиться с воинами Гальбаторикса. Ты непременно должен иметь *какую-то дополнительную защиту*, хотя бы против магии, и я намерен обеспечить тебе эту защиту, хочешь ты этого или нет, так что можешь улыбнуться и сказать мне спасибо!

Роран сверкнул глазами, что-то проворчал и поднял руки, сдаваясь.

— Ладно, делай, как знаешь. Хотя сам ты никогда не сдаешься.

— А ты сам?

Из зарослей бороды раздалось сдержанное хихиканье.

— Пожалуй, нет. Это у нас, наверно, фамильное.

— Угу. А если вспомнить Брома и Гэрроу, то я даже не знаю, кто из них был упрямее.

— Отец, пожалуй, — сказал Роран.

— А... Бром... Да, наверное, ты прав. Пожалуй, Гэрроу.

Они улыбнулись друг другу, вспомнив жизнь на ферме, и вдруг Роран, несколько изменившись в лице, искоса глянул на Эрагона и сказал:

— А ты как-то иначе выглядишь, чем прежде.

— Правда?

— Правда. Такое ощущение, будто ты стал куда самоуверенее.

— Возможно. Просто я теперь стал лучше понимать себя самого.

И на это Рорану нечего было ответить.

Через полчаса прибыли Джормундур и король Оррин. Эрагон приветствовал Оррина как всегда вежливо и с должной почтительностью; Оррин ответил ему кратко и в глаза не смотрел. Даже на расстоянии чувствовалось, что он изрядно выпил.

Как только они собрались перед Сапфирой, Эрагон начал свой рассказ, но сперва заставил каждого поклясться

на древнем языке хранить в тайне все, что здесь услышит. Затем объяснил принцип сохранения драконьих Элдунари Орику, Рорану, Джормундуру и Оррину и кратко пересказал историю тех Элдунари, что хранились у Всадников, и тех, что были украдены Гальбаториксом.

Эльфам, похоже, было не по себе, когда Эрагон стал рассказывать о столь сокровенной тайне в присутствии других, но никто из них возражать не стал. Во всяком случае, уж какое-то доверие он у них завоевал! Орик, Роран и Джормундур были не только потрясены, но и выразили недоверие, засыпав Эрагона десятками вопросов. Особенно ярко блестели глаза у Рорана, словно полученные им сведения пробудили в его душе множество новых идей, связанных с уничтожением Гальбаторикса.

А вот Оррин выглядел недовольным; похоже, он по-прежнему не был убежден в существовании каких-то невидимых Элдунари. Однако Эрагону удалось поколебать его сомнения: он вытащил из седельной сумки «сердце сердец» Глаэдра и представил золотистого дракона всем присутствующим.

Восхищение и невероятное почтение, которое они выразили, познакомившись с Глаэдром, послужило Эрагону высочайшей наградой. Даже Оррин, похоже, был впечатлен, хотя, обменявшись с Глаэдром несколькими словами, он повернулся к Эрагону и с подозрением спросил:

— А Насуада знала об этом?

— Да. Я рассказал ей еще в Финстере.

Как и ожидал Эрагон, это признание вызвало у Оррина новую обиду:

— Значит, вы оба в очередной раз решили меня проигнорировать! А ведь без поддержки моей армии, без тех припасов, которые поставляло мое государство, вардены и надеяться не могли бы начать войну с в Империей. Я — полновластный правитель Сурды, моя армия составляет весомую часть наших общих войск, и все же ни ты, ни Насуада не сочли нужным сообщить мне... *об этом*!

Прежде чем Эрагон успел ему ответить, вперед вышел Орик.

— Они и мне тоже ничего *об этом* не сказали, Оррин, — прогрохотал король гномов. — Мои люди помогают

варденам дольше, чем твои. Ты не должен обижаться, Эрагон и Насуада делали то, что считали наиболее выгодным для нашего общего дела, и уж точно не пытались никого унизить или кому-то выразить свое неуважение.

Оррин нахмурился; вид у него был такой, словно он намерен продолжать этот спор, но его остановил Глаэдр, мысленно сказав ему:

«Король Сурды, они поступили так, как просил я. Элдунари — это величайшая тайна нашего народа, и мы так просто не делимся ею ни с кем, даже с королями».

— В таком случае, почему же вы теперь решили этой тайной поделиться чуть ли не со всеми? — раздраженно спросил Оррин. — Ведь вы могли бы участвовать в сражении, ничем себя не обнаруживая.

Эрагон не стал отвечать ему. Вместо этого он рассказал, как они летели на Врёнгард, как попали в бурю и что увидели, поднявшись выше облаков. Арью и Блёдхгарма, похоже, более всего заинтересовала именно эта часть истории, а вот Орику явно стало не по себе.

— Барзул! До чего же неприятным оказалось это путешествие! — воскликнул он. — У меня просто мороз по коже, когда я себе это представляю. Для гнома самое подходящее место — это земля, ее глубины, а вовсе не небо.

«Согласна», — мысленно сказала ему Сапфира, и Орик, невольно услышав ее, подозрительно нахмурился и стал задумчиво крутить конец своей заплетенной в косу бороды.

А Эрагон возобновил свое повествование и рассказал о том, как он, Сапфира и Глаэдр проникли в Свод Душ, однако воздержался от того, чтобы объяснять, *что* для этого от них потребовалось. А когда он сообщил об Элдунари, спрятанных в Своде Душ, вокруг воцарилось потрясенное молчание.

Затем Эрагон сказал:

— Откройте свои мысли.

И через мгновение воздух вокруг словно наполнился шепотом; Эрагон явственно ощущал присутствие Умаротха и других скрытых от глаз драконов.

Эльфы зашатались, Арья упала на колени, прижимая руку к виску, словно ее ударили. Орик издал вопль и стал

озираться с широко раскрытыми от изумления глазами. А Роран, Джормундур и Оррин застыли на месте.

Королева Имиладрис медленно опустилась на колени, приняв почти ту же позу, что и ее дочь, и Эрагон услышал, как она мысленно ведет разговор с драконами, приветствуя многих, как старых друзей, и называя их по именам. Блёдхгарм вел себя примерно так же. Несколько минут продолжался весьма оживленный обмен мыслями между драконами и эльфами, и Эрагон, желая защитить себя от этой какофонии звуков и образов, поставил мысленный барьер, отошел в сторону и уселся на переднюю лапу Сапфиры, пережидая, когда утихнет этот взрыв всеобщего энтузиазма. Особенно сильно его сообщение подействовало на эльфов: Блёдхгарм смотрел перед собой с выражением неземной радости и удивления; Арья все продолжала стоять на коленях, и Эрагону показалось, что он видит у нее на щеках дорожки слез; Имиладрис была вне себя от счастья и восторга, и Эрагон впервые с тех пор, как он с ней познакомился, видел ее по-настоящему счастливой.

Потом Орик, встряхнувшись и словно приходя в себя после крепкого сна, сказал, глядя куда-то мимо Эрагона:

— Клянусь молотом Морготала, это будет новым поворотом в развитии событий! С их помощью мы ведь, пожалуй, и впрямь сможем прикончить Гальбаторикса!

— А раньше ты считал, что не сможем? — вкрадчиво спросил Эрагон.

— Нет, конечно, я и раньше думал, что сможем, только теперь у меня уверенности куда больше.

Роран тоже встряхнулся, точно со сна.

— Я и не... Я знал, что ты и эльфы стали бы сражаться изо всех сил, но я не верил, что вы можете победить. — Он посмотрел Эрагону прямо в глаза. — Гальбаториксу удалось победить и погубить стольких Всадников, а ты один, да и опыта у тебя пока маловато. Если честно, наша победа казалась мне почти невозможной.

— Я знаю.

— А вот теперь... — В глазах Рорана появилось какое-то волчье, хищное выражение. — Теперь у нас есть шанс!

— О да! — сказал Джормундур. — И только подумайте: нам больше не нужно так уж тревожиться насчет Муртага.

Теперь он вам с Сапфирой и со всеми этими... бывшими драконами не соперник!

Эрагон побарабанил пятками по лапе Сапфиры и ничего не ответил. Насчет Муртага у него имелись свои соображения. Ему почему-то совсем не хотелось обсуждать, как будет лучше его убить.

Затем заговорил Оррин:

— Умаротх сказал, что вы выработали некий план сражения. Ты намерен поделиться им с нами, *Губитель Шейдов*?

— И я бы хотела послушать, — сказала Имиладрис, хотя и куда более доброжелательным тоном.

— И я, — сказал Орик.

Эрагон некоторое время смотрел на них, потом кивнул и сказал, обращаясь к Имиладрис:

— Твоя армия готова к бою?

— Готова. Долго же мы ждали этого момента. Но теперь месть близка!

— А вардены? — Этот вопрос Эрагон адресовал Оррину, Джормундуру и Орику.

— Мои кнурлан рвутся в бой, — провозгласил Орик.

Джормундур, глянув на короля Оррина, пожал плечами и сказал:

— Люди, конечно, устали, да и еды в лагере маловато, но воля их тверда.

— А как ургалы?

— Ургалы рвутся в бой.

— В таком случае мы идем на штурм.

— Когда? — спросил Оррин.

— На рассвете.

Некоторое время все молчали. Первым заговорил Роран:

— Легко сказать, да сделать трудно. И как же мы этот штурм начнем?

Эрагон объяснил. Когда он умолк, вокруг воцарилась тишина. Роран присел и принялся что-то чертить на земле указательным пальцем. Потом сказал:

— Это очень рискованно.

— Зато смело! — возразил Орик. — Очень смело!

— А безопасных путей у нас больше и не осталось, — поддержал его Эрагон. — Если удастся застать Гальбаторикса

врасплох — и выиграть несколько мгновений, — этого будет достаточно, чтобы чаша весов качнулась в нашу сторону.

Джормундур потер подбородок.

— А почему бы сперва не убить Муртага? Почему ты не хочешь сперва прикончить его и Торна, раз у нас есть такая возможность?

— Потому, — ответил Эрагон, — что Гальбаторикс тогда узнает *о них*. — И он махнул рукой в сторону скрытых ото всех глаз Элдунари. — И мы потеряем свое главное преимущество — внезапность.

— А почему ты вдруг решил, что эта девчонка, эта маленькая ведьма, станет тебе помогать? — неприязненным тоном спросил Оррин. — Что-то раньше она к этому отнюдь не стремилась.

— На этот раз она нам поможет! — твердо пообещал Эрагон, хотя в душе вовсе не был так уж в этом уверен.

Оррин что-то пробурчал.

Затем в разговор вступила Имиладрис:

— Эрагон, на мой взгляд, это замечательный план, но то, что ты предлагаешь, очень опасно. Ты действительно хочешь так поступить? Я спрашиваю не потому, что сомневаюсь в твоей преданности долгу или в твоей храбрости, а потому, что на такое можно было решиться только после долгих раздумий. Итак, ответь мне: ты действительно хочешь так поступить? Ты ведь понимаешь, чего это может стоить?

Эрагон не встал, но ответил ей твердо:

— Да, я хочу поступить именно так. Эта задача должна быть решена, и мы те, кому выпало ее решить. Какова бы ни была цена этого решения, нам *теперь невозможно* повернуть назад.

И Сапфира в знак полного согласия с ним слегка приоткрыла свою пасть и тут же резко ее захлопнула, словно ставя точку.

Имиладрис подняла лицо к небесам и спросила:

— А ты, Умаротх-элда, и все те, от чьего имени ты говоришь, тоже одобряете план Эрагона?

«Да, мы его одобряем», — был ответ.

— Ну, тогда все. Значит, завтра идем на штурм, — тихо сказал Роран.

Суть долга

Все десятеро, включая Умаротха, продолжали беседу еще около часа. Оррина пришлось убеждать дольше других. Затем они обсудили еще кое-какие детали: точное время и место начала сражения, сигналы к бою и тому подобное. После чего — к невероятному облегчению Эрагона — Арья сказала:

— Если вы с Сапфирой не возражаете, я завтра пойду вместе с вами.

— Мы будем этому очень рады, — ответил Эрагон.

Но Имиладрис так и застыла.

— Что хорошего это даст? Твои способности, Арья, могут пригодиться повсюду. Блёдхгарм и его заклинатели, которых я приставила к Эрагону и Сапфире, куда более умелые маги, чем ты, да и в бою куда более опытны. Вспомни, они ведь сражались еще с Проклятыми и, в отличие от очень многих, сумели остаться в живых и потом рассказать об этом сражении. Многие старшие эльфы с удовольствием пойдут с Эрагоном вместо тебя. С твоей стороны было бы чистым эгоизмом настаивать на том, чтобы самой отправляться туда, когда есть другие, куда лучше подготовленные для выполнения этой задачи, и все они готовы к этому и находятся под рукой.

— Я думаю, никто лучше не подготовлен для выполнения этой задачи, чем Арья, — спокойно возразил Эрагон. — Да и я никого, пожалуй, кроме Сапфиры, не хотел иметь рядом с собой в таком деле.

Имиладрис ответила ему, не сводя глаз с лица Арьи:

— Ты еще очень молод, Губитель Шейдов, а потому позволяешь чувствам туманить твой разум.

— Нет, мама, — сказала Арья. — Это ты позволяешь чувствам туманить твой разум. — И она широким изящным шагом приблизилась к Имиладрис. — Ты права: есть немало эльфов, которые гораздо сильнее, мудрее и опытнее меня. Но именно я спасала яйцо Сапфиры, перенося его из одного места в другое. Я помогла Эрагону убить шейда Дурзу, а потом мы с ним вместе убили в Финстере шейда Варога. Как и Эрагон, я теперь тоже Губительница Шейдов. И тебе прекрасно известно, как давно я поклялась служить своему народу. Кто еще из эльфов может предъявить столько же аргументов? Даже если б я и хотела, я бы все равно не смогла свернуть с этого пути. Я бы, наверное, скорее умерла. Я готова к этому сражению — готова не хуже старших представителей нашей расы, ибо именно этой цели я посвятила всю свою жизнь. Как и Эрагон.

— Но твоя жизнь пока еще так коротка. — Имиладрис нежно коснулась щеки Арьи. — Ты посвятила себя борьбе с Гальбаториксом после смерти отца, но как мало ты знаешь о тех радостях, которые может дать жизнь. И мы с тобой так мало были вместе — за целое столетие не наберется и жалкой горстки дней... Лишь после того, как ты привела Сапфиру и Эрагона в Эллесмеру, мы снова начали разговаривать с тобой как мать и дочь. Я не хочу так скоро потерять тебя, Арья!

— Но это не я воздвигла между нами стену непонимания, — сказала Арья.

— Нет, не ты. — Имиладрис убрала руку. — Ты предпочла просто покинуть Дю Вельденварден. — И она более мягким тоном прибавила: — У меня нет ни малейшего желания спорить с тобой. Я прекрасно понимаю, в чем ты видишь свой долг, но, пожалуйста, ради меня, позволь кому-нибудь другому на этот раз занять твое место.

Арья потупилась и некоторое время молчала. Потом сказала:

— Нет. Я не могу допустить, чтобы Эрагон и Сапфира отправились туда без меня. Ведь ты же не можешь позволить своей армии вступить в сражение, пока сама не встанешь во главе ее. И я не могу. Неужели ты хочешь, чтобы меня обвинили в трусости? Никто в нашей семье не отказывался от исполнения своего долга. Не проси же меня делать это! Я не хочу себя позорить.

Глаза Имиладрис подозрительно заблестели; Эрагону показалось, что она сейчас заплачет.

— Да, — сказала она, — ты права. Но сражаться с Гальбаториксом...

— Если ты так боишься за меня, мама, — мягко сказала Арья, — так пойдем вместе с нами.

— Я не могу. Я должна остаться во главе своей армии.

— А я должна пойти вместе с Эрагоном и Сапфирой. Но я обещаю тебе: я не умру. — И Арья тем же ласковым жестом коснулась щеки матери. — *Я не умру.* — И теперь она сказала это на древнем языке.

Решимость Арьи произвела на Эрагона сильное впечатление; поклясться на древнем языке — значит безоговорочно в это верить. Имиладрис тоже потрясла эта клятва, но она, безусловно, была горда своей дочерью. Улыбнувшись, она расцеловала Арью в обе щеки и сказала:

— Хорошо, иди. Я благословляю тебя на этот подвиг. Но постарайся не рисковать. Во всяком случае, не больше, чем это будет необходимо.

— Ты тоже. — И они обнялись. А потом Имиладрис посмотрела на Эрагона и Сапфиру и попросила их:

— Берегите ее, заклинаю вас. Ведь у нее нет ни дракона, ни Элдунари.

«Мы будем беречь ее, как зеницу ока!» — торжественно поклялись Эрагон и Сапфира на древнем языке.

Решив все необходимые вопросы, члены военного совета начали потихоньку расходиться. Сидя рядом с Сапфирой на холме, Эрагон видел, как их силуэты постепенно исчезают в темноте. Сапфира намеревалась до начала штурма прятаться здесь, за холмом, а Эрагон хотел все же пробраться в лагерь.

Орик ушел сразу после Рорана, но перед уходом подошел к Эрагону и крепко его обнял.

— Ах, как бы и я хотел с вами туда отправиться! — сказал он, глядя на Эрагона серьезно и торжественно.

— Я бы тоже очень этого хотел, — признался Эрагон.

— Ну что ж, после боя увидимся. И выпьем тогда за нашу победу. Опустошим немало бочонков меда, договорились?

— Буду с нетерпением ждать этого дня!

«И я тоже», — сказала Сапфира.

— Отлично! — Орик решительно тряхнул головой. — Значит, договорились. Только вы уж постарайтесь — не дайте Гальбаторикcу вас одолеть. Мне что-то совсем не хочется, Эрагон, тебя оплакивать и за твоим гробом тащиться!

— Мы будем очень осторожны, — улыбнулся Эрагон.

— Хотелось бы надеяться. Хотя я бы с удовольствием щелкнул Гальбаторикса по носу!

«А я бы с удовольствием на это посмотрела!» — не удержалась Сапфира.

— Пусть хранят наши боги тебя, Эрагон, и тебя, Сапфира, — сказал Орик на прощание.

— И тебя, Орик, сын Тхрифка.

Орик еще раз хлопнул Эрагона по плечу и протопал к тому кусту, возле которого привязал своего пони.

Затем ушли Имиладрис и Блёдхгарм, но Арья осталась — она о чем-то оживленно беседовала с Джормундуром. Эрагон не придал этому *особого значения, но, когда Джормундур* вскочил на коня и исчез во тьме, а Арья снова осталась, он догадался, что она хочет поговорить с ним наедине.

И действительно, когда все наконец разошлись, Арья посмотрела на него, на Сапфиру и спросила:

— Скажи, что с вами случилось во время этого путешествия? По-моему, ты просто не захотел говорить об этом в присутствии Оррина, Джормундура и... моей матери.

— Почему ты так решила?

Арья ответила не сразу:

— Потому что... вы оба как-то переменились. Может, это воздействие Элдунари? Или сказалась та буря, в которую вы попали?

Эрагон улыбнулся ее проницательности. Он мысленно посовещался с Сапфирой и, когда она выразила свое одобрение, признался:

— Просто мы узнали свои истинные имена.

Арья широко раскрыла глаза.

— Вот как? И они... вам понравились?

«Отчасти», — честно сказала Сапфира.

— Но мы не только узнали свои имена, — снова заговорил Эрагон, — но еще и увидели, что земля круглая. А во время

обратного полета Умаротх и другие Элдунари обрушили на нас целый ворох своих знаний и воспоминаний. — Он даже слегка улыбнулся, вспоминая свое тогдашнее состояние. — Не могу сказать, что мы все из этого поняли, но эти сведения позволили нам на многое посмотреть... совершенно иначе.

— Ясно... — прошептала Арья. — И как тебе кажется, это переменило вас к лучшему?

— Конечно. Сами по себе перемены ни хороши, ни плохи, но знания всегда полезны.

— А вам было трудно отыскать свои имена?

И Эрагон рассказал ей, как они этого добивались. А потом поведал и о том, с какими странными существами они встречались на Врёнгарде, и это страшно ее заинтересовало.

Рассказывая Арье об этом, он вдруг решил, что ему непременно нужно сделать одну вещь, и тут же объяснил Сапфире свои намерения. Та, хоть и не слишком охотно, все же дала свое согласие, но спросила:

«А ты обязательно должен ей это сказать?»

«Да».

«Тогда поступай, как знаешь, но только если она сама согласится».

Закончив свой рассказ о путешествии на Врёнгард, Эрагон посмотрел Арье прямо в глаза и спросил:

— Хочешь узнать мое истинное имя? Я бы с радостью им с тобой поделился.

Она, казалось, была потрясена до глубины души.

— Нет, что ты! Этого нельзя говорить никому! Ни мне, ни кому бы то ни было еще! Особенно теперь, когда мы так близко от Гальбаторикса. Он может выкрасть эти сведения, даже из моего сознания. Свое истинное имя можно доверить только тому, кому ты доверяешь более всех прочих.

— Я доверяю тебе именно так.

— Эрагон! Даже мы, эльфы, обмениваемся истинными именами только в том случае, если знаем друг друга много-много лет и очень близко. Знания, которые дает истинное имя о той или иной личности, слишком личные, слишком интимные, чтобы ими разбрасываться. Нет большего риска, чем поделиться этими знаниями с кем-то еще. Когда ты

называешь кому-то свое истинное имя, ты как бы передаешь ему в руки и самого себя, все то, что ты из себя представляешь.

— Я знаю. И все же боюсь, другой такой возможности у меня не будет. И потом, это самое ценное, что у меня есть, и я хотел бы отдать это тебе.

— Эрагон... Так нельзя! Подумай...

— Я уже подумал.

Арью, похоже, слегка знобило. Обхватив себя руками, она некоторое время сосредоточенно молчала, потом сказала:

— Никто никогда еще не предлагал мне такого дара. Для меня твое доверие, Эрагон, огромная честь, и я понимаю, как много это для тебя значит, но — нет, я должна отклонить твое предложение. Это было бы неправильно как с твоей стороны, так и с моей — если бы я приняла твой дар. Нельзя совершать такие значимые поступки просто потому, что завтра нас могут убить в бою или обратить в рабство. Даже перед лицом самой большой опасности не следует вести себя глупо.

Эрагон склонил голову. Доводы Арьи были справедливы, и потом, он обязан был уважать ее выбор.

— Хорошо, как хочешь, — сказал он.

— И все равно... спасибо тебе, Эрагон!

Несколько секунд он молчал, потом спросил:

— А ты кому-нибудь называла свое истинное имя?

— Нет.

— Даже матери?

Лицо ее исказилось.

— Нет.

— А оно тебе известно?

— Конечно. Как ты мог предположить, что я могу не знать собственного имени?

Он слегка пожал плечами.

— Я ничего не предполагал. Я просто не был уверен. — Они снова помолчали. Потом он спросил: — Когда... и как ты узнала свое истинное имя?

Арья так долго молчала, что он уже решил, что она откажет ему в ответе. Затем она вздохнула и сказала:

— Это случилось через несколько лет после того, как я покинула Дю Вельденварден. Я тогда наконец начала

привыкать к своей роли посредницы между варденами и эльфами. Фаолин и другие мои друзья находились далеко, и у меня было довольно много свободного времени. И большую часть этого времени я посвящала тому, что обследовала Тронжхайм. Я бродила по таким уголкам, куда редко кто отваживался заглядывать. Тронжхайм ведь гораздо больше, чем это кажется многим, и там полно всяких странных вещей: странные помещения, странные существа, очень странные, полузабытые артефакты... И вот однажды, бродя в тех уединенных местах, я вдруг поняла, что теперь знаю себя гораздо лучше, чем прежде. А потом я нашла одну комнату в верхних этажах Тронжхайма — сомневаюсь, что смогла бы теперь определить, где она находится. Лучи солнца вливались туда потоком, хотя потолок был цел, а в центре комнаты высился некий пьедестал, и на нем рос один-единственный цветок. Я не знаю, что это был за цветок, я никогда прежде таких цветов не видела, да и потом тоже. Лепестки у него были пурпурные, сердцевинка — как капля крови, а стебель покрыт крупными шипами. И от этого цветка исходил такой чудный аромат, что казалось, будто он весь звенит, будто он поет некую дивную мелодию... Это было так удивительно и неожиданно, что я надолго застряла там, любуясь цветком. Не знаю, сколько прошло времени, но потом — и именно там — я и сумела выразить в словах то, что собой представляю.

— Хотелось бы мне когда-нибудь увидеть этот цветок.

— Может, и увидишь. — Арья посмотрела в сторону лагеря. — Мне бы надо идти. Еще так много нужно сделать.

Эрагон кивнул.

— Тогда до завтра.

— До завтра. — Она пошла было прочь, но, сделав несколько шагов, остановилась и оглянулась. — Я рада, что Сапфира выбрала своим Всадником именно тебя, Эрагон. И я горда, что мы с тобой столько раз сражалась бок о бок. Ты очень... вырос за это время. Ты теперь значишь гораздо больше, чем мы оба могли хотя бы надеяться. И что бы завтра ни случилось, я хочу, чтобы ты это знал.

И с этими словами Арья решительно двинулась к лагерю, вскоре исчезнув за холмами.

ОГОНЬ В НОЧИ

Когда спустилась ночь, Эрагон произнес скрывающее его заклятие, погладил Сапфиру по носу и пешком двинулся к лагерю варденов.

«Будь осторожен», — сказала ему драконица.

Поскольку Эрагон был невидим, ему ничего не стоило проскользнуть мимо часовых, которых предусмотрительно расставили по всему периметру лагеря. Двигался он бесшумно и, пока часовые *не замечали его следов или тени,* которую он по-прежнему отбрасывал, он мог совершенно беспрепятственно пройти куда угодно.

Пробравшись меж войлочных палаток, он отыскал жилище Рорана и Катрины и постучался. Роран тут же высунул голову наружу.

— Ты где? — спросил он. — Скорей входи!

Остановив действие заклятия, Эрагон стал видимым, и Роран даже слегка вздрогнул. Потом схватил его за руку и потащил в темную глубину палатки.

— Здравствуй, Эрагон! — Катрина встала ему навстречу с небольшой лежанки.

— Здравствуй, Катрина.

— Рада снова тебя видеть. — Она быстро обняла его.

— Ну что, много времени это займет? — спросил Роран.

Эрагон покачал головой.

— Не должно бы. — Присев на корточки, он немного подумал, а потом начал тихонько напевать что-то на древнем языке. Сперва он окутал защитными чарами Катрину, сделав эти чары более сильными, чем собирался вначале, чтобы обеспечить ей и ее будущему ребенку в случае чего спасение от воинов Гальбаторикса. — Эти магические

стражи защитят тебя от определенного количества нападений, — пояснил Эрагон. — Не могу сказать, от скольких точно, потому что это зависит от силы нанесенных ударов или от могущества примененных заклятий. Но я дам тебе и другую защиту. Если окажешься в опасности, скажи просто слово «фретхья», то есть «спрячь». Если его повторить два раза, станешь невидимой.

— Фретхья, — прошептала Катрина.

— Вот именно. Впрочем, полностью оно тебя не скроет. Тебя по-прежнему можно будет услышать, да и следы твои будут по-прежнему видны. Главное, что бы ни случилось, не входи в воду, иначе сразу же будешь обнаружена. Это заклятие забирает довольно много сил, а это значит, что ты быстрее обычного почувствуешь усталость. И пока действует это заклятие, постарайся не спать, иначе можешь и не проснуться. Чтобы завершить его действие, нужно просто сказать: «Фретхья летта».

— Фретхья летта.

— Хорошо.

Затем Эрагон переключил все свое внимание на Рорана. Наложение этих чар потребовало гораздо больше времени — ведь Рорану в самое ближайшее время могла грозить любая, даже самая страшная, опасность. Эрагон вкладывал в эти заклинания куда больше энергии, чем предполагал Роран; тот вряд ли одобрил бы подобное расточительство. Однако Эрагону невыносимо было думать о том, что в завтрашней схватке Роран может погибнуть, даже если они и сумеют победить Гальбаторикса.

Наконец он сказал:

— Теперь все. Я наложил несколько иные чары, которые, впрочем, следовало бы применить и раньше. В дополнение к обычным стражам я дал тебе еще несколько таких, на которые тебе придется расходовать и собственные силы. Но пока ты жив, они будут защищать тебя от опасности. Впрочем, — и Эрагон многозначительно поднял палец, — учти: они вступят в действие только после того, как будет истощена вся остальная защита, так что на них не следует возлагать слишком большие надежды. И потом, если они будут действовать постоянно, то ты

быстро лишишься сил и упадешь без чувств, а можешь и умереть.

— Значит, пытаясь меня спасти, они могут убить меня? — спросил Роран.

Эрагон кивнул.

— Не позволяй больше никому обрушивать на тебя стену, и все будет в порядке. Это, конечно, риск, но риск оправданный. Такая защита не позволит взбесившейся лошади сбросить тебя себе под копыта и заставит брошенный в тебя дротик пролететь мимо. Кроме того, тебе, как и Катрине, достаточно будет дважды произнести слова «фретхья» или «фретхья летта», чтобы стать невидимым или же снова видимым. Вот увидишь, во время битвы это тебе пригодится.

Роран усмехнулся.

— Да уж, наверно.

— Главное, чтобы эльфы не приняли тебя за одного из заклинателей Гальбаторикса, — пошутил Эрагон и поднялся, собираясь уходить. Катрина тоже встала и вдруг схватила его за руки и с нежностью прижала их к своей груди.

— Спасибо тебе, Эрагон! — тихо сказала она. — Ты очень хороший!

Он вспыхнул, совершенно растерявшись.

— Да ладно, это же ерунда...

— Завтра береги себя, очень тебя прошу. Ты очень много значишь для нас обоих, и я надеюсь, что вскоре мы все снова будем вместе, а ты станешь любящим дядюшкой для нашего малыша. Я просто не переживу, если ты позволишь себя убить!

Он засмеялся.

— Не тревожься. Сапфира не позволит мне делать глупости.

— Это хорошо. — Катрина расцеловала его в обе щеки и выпустила его руки. — До свиданья, Эрагон.

— До свиданья, Катрина.

Роран немного проводил его. Махнув рукой в сторону своей палатки, он сказал Эрагону:

— Спасибо тебе за нее.

— Я только рад, что сумел вам немного помочь.

Они крепко обнялись, потом Роран сказал:

— Ну, удачи тебе.

Эрагон судорожно вздохнул.

— И тебе удачи. — Он крепче сжал плечо брата; ему не хотелось с ним расставаться, ведь они могли больше и не увидеться. — Если мы с Сапфирой не вернемся, — сказал он, — ты позаботишься о том, чтобы нас похоронили дома? Я не хочу, чтобы наши кости покоились здесь.

Роран удивленно поднял брови.

— Сапфиру, пожалуй, тяжеловато будет тащить так далеко.

— Ничего, эльфы наверняка помогут.

— Ну, тогда ладно. Конечно обещаю. А ты хотел бы... покоиться в каком-нибудь определенном месте?

— На вершине того лысого холма, помнишь? — Эрагон имел в виду холм неподалеку от их родной фермы. Этот холм с голой вершиной в предгорьях Спайна всегда представлялся ему идеальным местом для строительства замка, и они с Рораном в детстве частенько обсуждали такую возможность.

Роран кивнул и сказал:

— А если я не вернусь...

— Мы сделаем для тебя то же самое.

— Нет, я не об этом хотел попросить. Если я не... ты позаботишься о Катрине?

— Конечно. И ты это знаешь.

— Да, но мне нужно быть уверенным. — Они еще с минуту смотрели друг на друга. Наконец Роран сказал: — Мы ждем тебя завтра к обеду.

— Я обязательно приду.

И Роран нырнул в палатку, а Эрагон еще некоторое время стоял один и смотрел на звезды. Им вдруг овладела такая глубокая печаль, словно он уже потерял кого-то из близких.

Потом он неслышно отошел в тень, полагая, что тьма скроет его надежней любых чар.

Очнувшись от грустных мыслей, Эрагон еще довольно долго бродил по лагерю, пока не отыскал ту палатку, где теперь поселились Хорст с Илейн и новорожденной

Надеждой. Все трое еще не спали, поскольку девочка раскапризничалась.

— Эрагон! — обрадовался Хорст, когда Эрагон, остановив действие чар, предстал перед ними. — Входи-входи! Давненько мы с тобой не видались! С самой Драс-Леоны, пожалуй! Как ты?

Эрагон проболтал с ними почти час — он ничего не сказал им об Элдунари, но о путешествии на Врёнгард рассказал, — и когда девочка наконец уснула, распрощался с ее родителями и снова вышел в ночную тьму.

Затем он разыскал Джоада. Тот увлеченно читал при свете свечи какие-то свитки, а его жена Хелен спала рядом. Когда Эрагон постучался и всунул голову в палатку, старый ученый, покрытый боевыми шрамами, тут же отложил свои свитки в сторону и вышел к нему.

У Джоада, разумеется, было много вопросов, и хотя Эрагон ответил далеко не на все, он все же рассказал достаточно, чтобы Джоад смог кое о чем догадаться. И старик, положив руку ему на плечо, сказал:

— Ох и сложная задача тебе предстоит! Но Бром бы тобой гордился.

— Надеюсь...

— А я уверен. Если мы с тобой больше не увидимся, то вот что тебе следует знать: я кратко описал все твои приключения и деяния, а также предшествующие им события — в основном наши с Бромом странствия в поисках яйца Сапфиры. — Эрагон удивленно посмотрел на Джоада, но тот продолжал: — Даже если у меня не будет возможности все это закончить, это, по-моему, стало бы неплохим дополнением к работе Хесланта «Домиа абр Вирда», ты как думаешь?

Эрагон засмеялся.

— По-моему, это просто здорово! Но если все же мы с тобой завтра останемся не только живы, но и по-прежнему будем на свободе, то я бы хотел и еще кое-что сообщить тебе, чтобы твои записи стали не только более полными, но и значительно более интересными.

— Ловлю тебя на слове! — обрадовался Джоад.

Эрагон еще примерно час гулял по лагерю, время от времени останавливаясь у костров, где коротали время

часовые — люди, гномы и ургалы, — и всех расспрашивал, хорошо ли к ним относятся в полку, не натер ли кто ноги на марше, не слишком ли скуден рацион. Все отвечали ему довольно бодро, а зачастую обменивались с ним и парочкой шуток. Эрагону казалось, что, беседуя так с людьми, он поднимает их боевой дух, укрепляет их решимость и надежду на благополучный исход завтрашнего сражения. Самое боевое настроение было, естественно, у ургалов; эти рогачи, похоже, даже рады предстоящей битве и возможности обрести воинскую славу.

У Эрагона, впрочем, была и еще одна цель: он хотел распространить неверные слухи о своем участии в будущем штурме Урубаена. Как только кто-нибудь задавал ему вопрос об этом, он намекал, что, скорее всего, он и Сапфира будут в том полку, которому предстоит осаждать столицу с северо-запада, и очень надеялся, что шпионы Гальбаторикса передадут ему эти лживые сведения.

И каждый раз, вглядываясь в лица окружавших его людей, Эрагон с изумлением думал: неужели среди них есть такие, кто предан Гальбаториксу? Кто же они? Эти неприятные мысли вселяли тревогу, и он постоянно ловил себя на том, что прислушивается к шагам за спиной, когда шел от одного сторожевого костра к другому.

Наконец, удовлетворенный тем, что ему удалось поговорить со многими — во всяком случае, с достаточным количеством, чтобы внушить шпионам, если они там были, ложные сведения о своем участии в завтрашнем штурме, — Эрагон направился в южный конец лагеря, где в стороне от остальных стояла маленькая палатка.

Три раза постучавшись, он ответа не получил, и стал стучаться громче и настойчивей.

Послышался сонный зевок, шуршание одеял, и из-под полога палатки показалась чья-то маленькая рука, а затем оттуда выползла и сама девочка-ведьма Эльва, одетая в черное платье, которое явно было ей слишком велико. В неярком свете горевшего поблизости факела Эрагон заметил, как сердито насуплено ее остренькое личико.

— Чего тебе нужно, Эрагон? — неприязненным тоном спросила Эльва.

— А ты разве не знаешь?

Она еще сильней сдвинула брови.

— Понятия не имею. Знаю только, что тебе что-то действительно очень нужно, раз ты разбудил меня среди ночи. Только об этом любой дурак догадался бы. Ну, в чем дело? Я и так слишком мало сплю, так что говори поскорей. Должно быть, это что-то важное?

— Да, очень.

И Эрагон постарался побыстрее изложить Эльве свой план, но все же говорил без перерыва несколько минут.

— Вот. А без тебя ничего не получится, — сказал он наконец. — Ты как бы поворотная точка всего этого.

Эльва усмехнулась.

— Надо же, «поворотная точка»! Какая ирония судьбы! Могучий воин, Всадник полагается на ребенка, ибо не может сам убить того, кого нужно!

— Ты нам поможешь?

Девочка опустила глаза и поковыряла землю пальцем босой ноги.

— Если поможешь, то все это, — и Эрагон махнул рукой в сторону лагеря и раскинувшегося вдали Урубаена, — может закончиться гораздо быстрее, и тогда тебе не придется так много терпеть...

— Да помогу я! — Эльва топнула ногой и сердито на него посмотрела. — И не пытайся меня подкупить всякими обещаниями! Я так или иначе собиралась помочь. Я вовсе не желаю, чтобы Гальбаторикс уничтожил варденов. Но помогу вам не потому, что ты для меня так уж важен, Эрагон. Просто я дала обещание Насуаде и намерена его сдержать. — Она наклонила голову набок и лукаво на него посмотрела. — А между прочим, ты кое-чего не договариваешь! Боишься, что Гальбаторикс может кое-что узнать до того, как мы пойдем в атаку. И это связано...

Звон цепей и какой-то жуткий лязг не дал ей договорить.

На мгновение Эрагон опешил. Потом понял, что этот звук донесся из города, и, положив руку на рукоять меча, сказал Эльве:

— Готовься. Нам, возможно, придется выступить прямо сейчас.

На этот раз девочка спорить не стала, а развернулась и исчезла в палатке.

«Ты слышала?» — мысленно спросил Эрагон у Сапфиры.

«Конечно».

«Если нужно, мы встретим тебя у дороги».

Звон цепей все продолжался, затем послышался глухой грохот, и наступила тишина.

Эрагон еще некоторое время прислушивался, но больше ничего не услышал. Он уже собирался произнести заклинание, чтобы сделать свой слух более острым, но тут снова послышался тот же глухой грохот, а за ним — как бы череда звонких щелчков.

Затем еще и еще...

От ужаса у Эрагона по спине побежали мурашки. Он догадался, что это за «щелчки»: это цокали по камням когти огромного дракона. Но что это за дракон, если его шаги слышны за целую милю?

«Это может быть только Шрюкн», — подумал Эрагон, чувствуя под ложечкой ледяной комок страха. А по всему лагерю уже звучали сигналы тревоги, блеяли горны, варды зажигали факелы — армия просыпалась, готовясь к атаке.

Эрагон краем глаза заметил выбежавшую из палатки Эльву; следом за ней вышла и Грета, та пожилая женщина, которая о ней заботилась. Эльва была в короткой красной тунике, поверх которой она натянула маленькую, в точности своего размера, металлическую кольчугу.

Шаги дракона смолкли. Его гигантский сгорбленный силуэт был отчетливо виден на фоне горевших в городе фонарей и сторожевых костров.

«Как же он велик! — думал Эрагон, испытывая крайнее смущение. Шрюкн был явно больше Глаэдра. — Неужели он столь же огромен, как Белгабад?» Впрочем, пока что ничего конкретного Эрагон сказать не мог.

Затем дракон слегка подпрыгнул и развернул свои массивные крылья; теперь он стал похож на судно с сотней гигантских черных парусов, надутых ветром. С громоподобным грохотом он взмахнул крыльями, и тут же по всей округе залаяли собаки, закричали разбуженные петухи,

а Эрагон невольно присел и скорчился, точно мышь, пытающаяся спрятаться от орла.

Эльва дернула его за край туники и настойчиво потребовала:

— Нам надо идти!

— Погоди, — прошептал он. — Еще не пора.

Яркие звезды в небе на мгновение скрылись за темной тенью Шрюкна, пролетавшего прямо над ними. Он поднимался все выше и выше, и Эрагон попытался определить его размеры по силуэту на фоне звездного неба, однако ночь была слишком темна, а расстояние слишком велико. Впрочем, каковы бы ни были реальные размеры Шрюкна, его величина способна была навести оторопь на любого. Эрагон знал, что этот дракон не так уж стар, ему всего около ста лет, так что он должен был бы значительно уступать в размерах Глаэдру, но Гальбаторикс, видимо, ускорил его рост с помощью магии, как сделал это и с совсем молодым Торном.

Глядя на проплывающую *над ними гигантскую черную* тень, Эрагон изо всех сил надеялся, что сам Гальбаторикс полететь на драконе не удосужился, а если все-таки полетел, то вряд ли станет утруждать себя чтением мыслей каких-то жалких существ внизу. Ведь в ином случае он сразу же обнаружил бы...

— Элдунари! — вырвалось у Эльвы. — Так вот что ты скрываешь!

Нянька у нее за спиной озадаченно нахмурилась и уже задала какой-то вопрос, но Эрагон прорычал:

— Тихо! — А когда Эльва снова открыла рот, он попросту прикрыл его ладонью. — Помолчи. Сейчас не время. Потом. — Эльва кивнула, и он убрал руку.

И тут полоса огня шириной с реку Анору выгнулась в небе сверкающей аркой. Шрюкн мотал башкой из стороны в сторону, исторгая потоки слепящего пламени и освещая лагерь варденов и окрестные поля; ночь сразу наполнилась такими звуками, словно где-то рядом возник могучий водопад. В лицо Эрагону ударила волна жара. Затем пламя исчезло — испарившись, точно туман под лучами солнца, и оставив после себя дрожащее марево и дымный запах с примесью серы.

Шрюкн развернулся, громко хлопая крыльями, и огромной черной тенью скользнул обратно к городу, скрывшись где-то за домами. Затем снова послышались тяжелые шаги, цоканье когтей по камням, звон цепей, скрип ворот, и ворота с грохотом захлопнулись, отчего по холмам прокатилось громкое эхо.

Эрагон судорожно выдохнул и сглотнул слюну; горло у него совершенно пересохло, а сердце стучало так, что было больно. «Нам придется сражаться... с этим?» — думал он, чувствуя, как его охватывают прежние страхи.

— Почему он не напал на нас? — испуганно спросила Эльва совершенно детским, тоненьким голоском.

— Он просто хотел нас попугать. — Эрагон нахмурился. — Или отвлечь. — Он мысленно поискал Джормундура, нашел его и приказал немедленно проверить, все ли часовые на месте, и удвоить их число до утра. Потом снова повернулся к Эльве и спросил: — Ты смогла что-то почувствовать, когда Шрюкн пролетал над нами.

Девочку передернуло.

— Боль. Очень сильную боль. И еще гнев. Он был готов убить любого, кто ему на глаза попадется! Любое существо! И сжечь все вокруг, чтобы уже ничего не осталось... Он совершенно безумен!

— И с ним никак нельзя было мысленно связаться?

— Никак. Самое доброе, что можно было бы сделать, это навсегда избавить его от столь жалкого существования.

Все это сильно опечалило Эрагона. Он всегда надеялся, что им удастся спасти Шрюкна, если они сумеют избавить его от власти Гальбаторикса. Видимо, придется отказаться от этой идеи и смириться с реальной действительностью.

— Ладно, — сказал он, — нам пора идти. Ты готова?

Эльва объяснила своей няньке, что уходит, и это весьма огорчило старуху, но Эльва сумела ее утешить, что-то быстро шепнув ей на ухо. Способность этой девочки читать в сердцах других была просто поразительна и не переставала удивлять Эрагона, однако не переставала его и тревожить.

Как только Грета согласно кивнула и отпустила девочку, Эрагон сделал их обоих невидимыми, и они направились к тому холму, где ждала их Сапфира.

ЧЕРЕЗ СТЕНУ И ПРЯМО В ПАСТЬ

— Ты обязательно должен это делать? — спросила Эльва.

Эрагон перестал возиться с ремнями седла и посмотрел вниз, где на траве, крестив ноги, сидела Эльва, играя краем своей кольчуги.

— Что именно? — спросил он.

Она постучала себя по губе остреньким ногтем.

— Ты все время жуешь внутреннюю сторону щеки. Это меня отвлекает. И потом, это так отвратительно!

С некоторым удивлением Эрагон понял, что от волнения действительно все это время грызет изнутри собственную щеку и на ней уже образовались болезненные кровоточащие ранки.

— Извини, — сказал он и быстро произнес заклинание, исцеляя себя.

Самую глухую часть ночи он провел в медитации, думая не о том, что вскоре случится, и не о том, что с ним было, а только о настоящем моменте; он чувствовал лишь прикосновение холодного воздуха к своей коже и землю под ногами и слушал лишь свое спокойное дыхание и мерное биение сердца, отстукивавшее мгновения его жизни.

Но теперь утренняя звезда Айедейл уже сияла на востоке, возвещая скорый рассвет, и пора было готовиться к битве. Эрагон внимательнейшим образом осмотрел свое вооружение, поправил седло так, чтобы Сапфире было как можно удобнее, и вынул из седельных сумок почти все, кроме ларца с Элдунари Глаэдра и одеяла , чтобы подложить его под ремни для мягкости; затем раз пять пристегнул, отстегнул и снова пристегнул свой меч.

Завершив осмотр крепежа, он спрыгнул на землю и сказал Эльве:

— Вставай. — Она с раздражением на него посмотрела, но подчинилась: встала и стряхнула со своей туники прилипшую траву. Он быстро провел руками по ее худеньким плечикам и даже подергал за кольчугу, проверяя, достаточно ли хорошо она на ней держится. — Кто это тебе такую кольчугу сделал? — спросил он.

— Парочка очаровательных братьев-гномов, которых зовут Умар и Улмар. — Когда Эльва улыбалась, на щеках у нее появлялись ямочки. — Они, правда, считали, что кольчуга мне ни к чему, но я была *очень* убедительна.

«Уж в этом я не сомневаюсь», — сказала Сапфира, и Эрагон с трудом подавил улыбку. Эта малышка большую часть ночи провела в беседах с драконами, постоянно требуя их внимания и задавая им столько вопросов, сколько могла задать только она, и Эрагон чувствовал, что драконы, пожалуй, даже побаиваются ее — даже самые старшие, например Валдр. Даже у них не было никакой защиты от Эльвы.

— А эти Умар и Улмар меч тебе, случайно, не сделали? — спросил Эрагон.

Эльва нахмурилась.

— А зачем мне меч?

Он внимательно на нее посмотрел, вытащил свой старый охотничий нож, которым пользовался во время еды, прицепил к нему кожаный ремешок и заставил ее им опоясаться.

— Просто на всякий случай, — сказал он, когда Эльва попыталась протестовать. — Ну, теперь полезай-ка!

Девочка послушно забралась к нему на плечи и обхватила за шею руками. Собственно, он и до холма донес ее точно так же, хоть это и было ему не слишком удобно, но иначе она попросту за ним не поспевала.

Эрагон осторожно поднял Эльву на спину Сапфире и уселся в седло, тесно прижимаясь к шипу у драконихи на шее и оставляя позади место для Эльвы; вдвоем в седле было несколько тесновато.

Как только девочка устроилась, он снова спрыгнул на землю и подал ей свой щит. Ему пришлось вытянуться во

весь рост и встать на цыпочки, помогая ей, потому что под тяжестью щита она чуть не упала вниз. Наконец ей удалось втащить щит, и она уложила его себе на колени. Потом слегка отмахнулась, словно отгоняя курицу, и велела Эрагону:

— Иди, иди! Все в порядке!

Придерживая рукоять Брисингра, чтоб не звенела о кольчугу, Эрагон взбежал на вершину холма и опустился на колени, стараясь пригнуться как можно ниже. Сапфира последовала за ним, прижимаясь брюхом к земле и вытянув длинную шею так, что голова ее касалась травы. Ей тоже хотелось видеть, что происходит в лагере.

Оттуда вытекала мощная колонна людей, гномов, ургалов и котов-оборотней. В ровном сером свете предрассветных сумерек было трудно различить отдельные фигуры воинов, тем более что факелов они не зажигали. Колонна двинулась через холмистые поля прямо к Урубаену и примерно в полумиле от него разделилась на три отдельных отряда. Один занял позицию перед центральными воротами, второй повернул на юго-восток вдоль крепостной стены, а третий — на северо-запад.

Именно третью группу, как старательно намекал всем Эрагон, они с Сапфирой и должны были бы сопровождать.

Вардены обернули сапоги и босые ноги тряпками, точно так же они поступили и с оружием; между собой они говорили только шепотом. И все же до Эрагона доносились порой то вопль осла, то ржание лошади, то лай собак, мчавшихся вдогонку за войском. Солдаты на стенах наверняка вскоре должны были заметить, что вблизи крепости наблюдается некая активность — особенно когда вардены начнут устанавливать катапульты, баллисты и осадные башни; все это было заранее подготовлено и размещено в полях поблизости от города.

На Эрагона большое впечатление произвела готовность варденов идти в бой даже после ночного визита Шрюкна.

«Они, должно быть, очень в нас с тобой верят», — сказал он Сапфире. И ответственность за эти жизни тяжким бременем легла ему на плечи, поскольку он отчетливо

понимал: если его план не удастся, мало кто из варденов останется сегодня в живых.

«Верят, конечно, — ответила Сапфира, — да только если Шрюкн снова вылетит за пределы города, они тут же рассыплются по всему полю, точно стая перепуганных мышей».

«В таком случае мы должны это предотвратить».

В Урубаене прохрипел рог, потом второй, третий; по всему городу стали загораться огни — факелы и светильники в домах.

— Ну вот, началось, — прошептал Эрагон, чувствуя, как бешено бьется сердце.

Теперь, когда в городе была поднята тревога, вардены отбросили все попытки сохранять свои действия в тайне. На востоке появился отряд эльфийской кавалерии, мчавшийся галопом к нависавшему над столицей утесу; эльфы намеревались, взлетев по крутому склону, оттуда штурмовать стену цитадели, прятавшейся под каменным выступом.

В центре почти опустевшего лагеря виднелась блестящая туша двойника Сапфиры. На драконе-призраке восседала точная копия самого Эрагона со щитом и мечом в руках.

Сапфира-призрак подняла голову, раскрыла крылья и взлетела с оглушительным, леденящим душу ревом.

«А здорово они над этими двойниками поработали!» — сказал Эрагон Сапфире.

«Просто эльфы, в отличие от некоторых людей, знают, как должен выглядеть дракон и как должен вести себя».

Двойник Сапфиры приземлился неподалеку от северного отряда варденов, и Эрагон заметил, что эльфы сделали так, чтобы эта нематериальная «драконихa» особенно не приближалась ни к людям, ни к гномам, иначе, случайно коснувшись ее, они поймут, что она не страшнее радуги в небе.

Стало уже почти совсем светло, когда вардены и их союзники выстроились в боевом порядке перед тремя основными воротами города. А в самом Урубаене продолжалась

подготовка к обороне, но, судя по тому, как беспорядочно солдаты носятся по крепостным стенам, там явно господствовала паника, да и организация войска была поставлена из рук вон плохо. Впрочем, Эрагон понимал, что первоначальная растерянность долго не продлится.

«Сейчас! — думал он. — Прямо сейчас! Больше не тяни! — Он снова обежал взглядом весь Урубаен, пытаясь отыскать среди зданий знакомый отблеск красной чешуи, но Торна так и не обнаружил. — Где же ты, черт тебя побери! Покажись, наконец!»

Снова трижды прозвучал рог, на этот раз среди варденов. Мощный хор голосов взлетел над войском, и осадные машины выпустили в цель первую порцию снарядов, а лучники осыпали городские стены дождем стрел. Стройные ряды атакующих рассыпались и ринулись на штурм этих могучих, казавшихся абсолютно неприступными стен.

Эрагону казалось, что камни, дротики и стрелы летят как-то очень медленно, с трудом преодолевая то пространство, что отделяло варденов от города. Ни один из снарядов не попал во внешнюю стену, и было ясно: бессмысленно даже пытаться разрушить ее обычными средствами. Теперь стрелки целились так, чтобы снаряды и стрелы пролетали над стеной и попадали в тех, кто за ней скрывался. Некоторые камни, ударившись о стену, разлетались на множество острых осколков, которые, как кинжалы, разили всякого, кто случится поблизости. Выпущенные из катапульт снаряды сокрушали стены жилых зданий, и Эрагон подумал, как это ужасно — проснуться под утро среди шума и грохота и понять, что на тебя дождем сыплются каменные обломки стен твоего же дома. Затем он заметил, как оживились варденыв том месте, куда полетел двойник Сапфиры. Раза три взмахнув крыльями, дракон-призрак взгромоздился на стену и полил укрепления струей пламени. И хотя Эрагону показалось, что пламя это выглядит несколько ярче обычного, но пожар получился самый настоящий благодаря усилиям тех эльфов, которые находились неподалеку от северных ворот крепости и старательно поддерживали созданную ими иллюзию.

Дракон-призрак, наклоняясь то в одну сторону, то в другую, поливал огнем стену, очищая ее от солдат. Когда он с этим покончил, два десятка эльфов взлетели с земли на вершину одной из крепостных башен, чтобы оттуда продолжать наблюдение за искусственной Сапфирой, которая снялась с места и полетела над самим Урубаеном.

«Если Муртаг и Торн вскоре не покажутся, то воины Гальбаторикса начнут подозревать что-то неладное, им покажется очень странным, что мы не пытаемся идти на штурм и в остальных местах», — сказал Эрагон Сапфире.

«Да нет, они, скорее, подумают, что мы защищаем тех, кто пытается пробить брешь в этой части стены, — ответила она. — Вот и пусть себе так думают».

Во всех прочих местах сопротивление, оказываемое армией Гальбаторикса, шло куда более успешно. Солдаты, находившиеся на стенах, осыпали варденов градом стрел и дротиков, и те гибли десятками. Это было неизбежно, но Эрагону до боли в сердце было жаль погибших — ведь эта атака была всего лишь способом отвлечь врага, и у этих варденов не было почти никаких шансов выжить, не говоря уж о том, чтобы взобраться на стену и продолжить штурм города. Между тем осадные башни подползали все ближе к стене, а с нее так и летели стрелы и дротики.

Откуда-то сверху, сверкнув в воздухе, вылетела яркая лента расплавленной смолы и исчезла среди прилепившихся к стене домишек. Эрагон заметил вспышки огня на верхней площадке той стены, что ограждала скалистый выступ над цитаделью. Через край стены перелетели четыре тела, кувыркаясь в воздухе, точно набитые опилками куклы, а потом тяжело рухнули на землю. Эрагон сразу воспрянул духом: это означало, что эльфам удалось занять верхний участок стены.

А двойник Сапфиры все кружил над городом, поджигая одно здание за другим. По двойнику стреляли одновременно несколько лучников, устроившихся на ближайшей крыше, но «Сапфира» ловко уходила от стрел и дротиков, а потом, как бы случайно, врезалась в одну из шести зеленых эльфийских башен.

Это столкновение выглядело настолько натурально, что Эрагон даже сочувственно поморщился, когда

«Сапфира» ударилась о башню левым крылом и кости крыла хрустнули, точно стебли сухой травы, а она взревела от боли и, крутясь в воздухе, ринулась вниз, на улицы города. Вскоре она скрылась вдали за высокими зданиями, но рев ее был слышен еще долго, и пламя, которое она выдыхала, окрасило стены домов и осветило подбрюшье того каменного выступа, что нависал над городом.

«Я бы никогда не позволила себе быть такой неловкой!» — фыркнула Сапфира.

«Еще бы»..

Прошла еще минута. Напряжение в душе Эрагона все росло и стало почти невыносимым.

— Да где же они? — прорычал он, стискивая кулаки.

С каждой секундой становилось все опаснее продолжать эту игру с двойником, ибо солдаты на стенах вот-вот должны были обнаружить, что того дракона, с которым они так упорно сражались и которого, как им казалось, заставили сесть где-то в городе, вообще не существует.

Сапфира первой увидела Муртага и Торна.

«Вон они!» — И она мысленно указала Эрагону, куда нужно смотреть.

Казалось, с вышины на город упал гигантский рубиновый меч — это Торн спикировал с какой-то высоты, скрытой тем каменистым выступом. Пролетев несколько сотен футов почти перпендикулярно земле, он развернул крылья, замедлил свое пике до безопасной скорости и приземлился на площади, неподалеку от того места, где «упал» двойник Сапфиры с «Эрагоном» на спине.

Эрагону казалось, что он видит Муртага верхом на красном драконе, но расстояние было слишком велико, и уверенным он быть не мог. Оставалось только надеяться, что это действительно Муртаг. Если бы это оказался Гальбаторикс, то все их планы почти наверняка были бы обречены на провал.

«Там, должно быть, прямо в скале есть широкие туннели», — сказал он Сапфире.

Но тут где-то в центре города вновь вспыхнуло пламя, выпущенное драконом-призраком, а потом «Сапфира», подпрыгивая, точно птица с подбитым крылом, неловко

взлетела и снова рухнула на землю. Торн, разумеется, сразу бросился туда.

И Эрагон не стал больше ждать.

Он мгновенно развернулся, подбежал к Сапфире и взлетел в седло позади Эльвы. Ему потребовалось всего несколько секунд, чтобы сунуть ноги в ременные петли и затянуть ремни. Остальной крепеж он застегивать не стал — это впоследствии только мешало бы его движениям. Самая верхняя ременная петля удерживала ноги Эльвы.

Быстро пропев нужные слова заклятия, он скрыл их троих из виду, испытывая при этом уже ставшее привычным ощущение утраты направления, поскольку само его тело исчезло. Ему казалось, будто он висит в десятке футов от земли над некой темной, слегка напоминающей форму драконьей спины тропой, вьющейся среди растительности на склоне холма.

Как только он завершил наложение чар, Сапфира рванулась вперед, на вершину холма, и, с силой работая крыльями, стала быстро набирать высоту.

— Тебе не слишком неудобно? — спросила Эльва, передавая Эрагону щит.

— Нет, ничего! — крикнул он, перекрывая вой ветра.

Где-то в потайном уголке его сознания постоянно присутствовали Глаэдр, Умаротх и остальные Элдунари; его глазами они следили, как Сапфира под резким углом ныряет вниз, к лагерю варденов.

«Теперь мы наконец отомстим!» — услышал Эрагон голос Глаэдра и ниже пригнулся к шее Сапфиры, закрывая собой Эльву, ибо драконица набирала скорость. В центре лагеря варденов он успел заметить Блёдхгарма и его заклинателей, а также Арью со смертоносным копьем Даутхдаэрт в руках. Все эльфы обвязали себя вокруг груди длинными кусками веревки, пропустив ее под мышками, а второй конец каждой из веревок был привязан к бревну, толщиной с ляжку Эрагона и длиной со взрослого ургала.

Когда Сапфира пролетала над лагерем, Эрагон послал эльфам мысленное предупреждение, и двое из них подбросили бревно в воздух, а драконица схватила его когтями. Эльфы дружно подпрыгнули, Эрагон ощутил резкий

рывок — это Сапфира сбавила высоту, подняв в воздух разом и бревно, и эльфов.

Со спины Сапфиры Эрагон успел заметить, как исчезли из виду и эльфы, и веревки, и бревно — это эльфы сделали себя невидимыми точно так же, как только что и он сам.

Взмахивая могучими крыльями, Сапфира поднялась на тысячу футов над землей — достаточно высоко, чтобы ей и эльфам были хорошо видны стены и здания города.

Слева, в северной части города, Эрагон заметил Торна и призрак Сапфиры, которые гонялись друг за другом по земле. Эльфы, управлявшие двойником, старались как можно сильней увлечь Муртага и Торна этой погоней, чтобы ни у того, ни у другого не возникло даже возможности произвести мысленную атаку. Если бы они это сделали, обман был бы моментально раскрыт.

«Еще хотя бы несколько минут!» — думал Эрагон.

А Сапфира летела над полем боя — над катапультами, возле которых стояли заряжающие, над лучниками, утыкавшими землю перед собой целым лесом стрел, ожидавших своей очереди, над осадными башнями, над пехотой, состоявшей из людей, гномов и ургалов, которая, прикрываясь щитами, пыталась приставить к стенам лестницы. Среди пехотинцев, впрочем, попадались и эльфы. Высокие, стройные, в светлых шлемах, они держали в руках копья с длинными наконечниками и легкие узкие мечи.

Затем Сапфира перелетела через стену, и Эрагон испытал странное головокружение, когда перед ним неожиданно возникло тело драконихи и затылок Эльвы. Вероятно, и Арья, и остальные эльфы тоже стали видимыми. Проглотив готовое сорваться с языка проклятие, Эрагон прекратил действие скрывающего заклятия. Похоже, Гальбаторикс опутал свою столицу таким количеством магических чар, что невидимыми им туда проникнуть никак не удастся.

Сапфира прибавила скорости, направляясь прямо к массивным воротам цитадели. Под собой Эрагон слышал крики ужаса и изумления, но не обращал на это внимания. Муртаг и Торн — вот единственное, чего он сейчас опасался, а не каких-то там солдат.

Не складывая крыльев, Сапфира продолжала лететь к воротам, словно намереваясь их протаранить, и когда уже казалось, что она сейчас в них врежется, она резко свернула в сторону и взмыла вверх, выгибая спину и стараясь замедлить взлет. Затем она почти остановилась и медленно поплыла в воздухе, постепенно снижаясь, чтобы эльфы смогли благополучно ступить на землю.

Как только им это удалось, они перерезали веревки и разбежались в стороны, а Сапфира приземлилась прямо на площадь перед воротами, здорово тряхнув при этом Эрагона с Эльвой, которые удержались в седле только благодаря крепежным ремням. Эрагон помог девочке слезть со спины драконихи, и они следом за эльфами побежали к воротам.

Двери, ведущие в цитадель, были огромные, двустворчатые, где-то в вышине сходились в одной точке под гигантской аркой. Сделаны они были, похоже, из прочной стали, проклепанной сотнями, если не тысячами остроконечных заклепок, каждая размером с голову Эрагона. Впечатление это производило весьма внушительное; более негостеприимного входа невозможно было вообразить.

Держа копье в одной руке, Арья подбежала к боковой дверце, находившейся слева от ворот и почти незаметной. Ее прямоугольный контур был обозначен лишь тонкой темной линией, и на фоне этого прямоугольника виднелась более светлая горизонтальная металлическая полоска шириной, наверное, пальца в три. Дверца была совсем узкая, туда едва мог проскользнуть один человек.

Как только Арья приблизилась к дверце, полоска провалилась внутрь примерно на полдюйма, а затем с ржавым скрежетом скользнула вбок. В образовавшейся щели появились круглые, как у совы, глаза, и кто-то тенорком спросил:

— Ну, чего тебе надо? Ты кто такая? Говори скорей или проваливай!

Арья не медлила ни секунды. Она метнула Даутхдаэрт прямо в щель, за дверью что-то забулькало, и раздался стук упавшего на пол тела.

Вытащив копье и стряхнув с зазубренного наконечника кровь и клочья плоти, Арья взялась за древко копья

обеими руками, приложила его конец к правому краю металлической пластины и сказала: «Верма!»

Эрагон знал, что это слово означает «жар», и поскорей зажмурился, потому что в ту же секунду свирепое синее пламя взметнулось над копьем. Даже на расстоянии нескольких шагов чувствовался его страшный жар.

Лицо Арьи исказилось от напряжения, когда она, приложив наконечник копья к металлической пластине и медленно его вращая, вскрывала дверь. Искры и капли расплавленного металла так и летели из-под острого лезвия, с шипением, точно жир со сковородки, падая на каменные плиты двора. Эрагон и все остальные даже немного отступили назад.

Пока Арья работала, Эрагон постоянно поглядывал в том направлении, куда скрылись Торн и двойник Сапфиры. Видеть их он не мог, но слышал рычание и грохот разбиваемых ими каменных плит.

Эльва как-то бессильно осела, привалившись к нему, и он увидел, что девочка дрожит, а лицо у нее покрыто крупными каплями пота, как если бы у нее был сильный жар. Опустившись возле нее на колени, Эрагон предложил ей:

— Хочешь, я тебя понесу?

Она помотала головой.

— Мне сразу станет лучше, как только мы войдем туда и будем подальше от... этого. — Она мотнула подбородком в сторону сражающихся.

На краю площади Эрагон заметил довольно большое скопление людей, не похожих на солдат — скорее всего, это были обычные горожане, которые с любопытством смотрели, как Арья вскрывает дверь.

«Пугни их, пусть уберутся подальше», — попросил он Сапфиру. Та кивнула, огляделась и испустила негромкий, но грозный рык; любопытствующие, разумеется, тут же бросились врассыпную.

Наконец фонтан искр и раскаленного добела металла иссяк; Арья несколько раз пнула дверцу ногой, и та в итоге упала внутрь, накрыв собой тело мертвого привратника. Секундой позже запах горящей шерсти и кожи наполнил площадь.

По-прежнему не выпуская из рук копье Даутхдаэрт, Арья шагнула в темный дверной проем, и Эрагон затаил дыхание. Каких бы стражей Гальбаторикс ни поставил вокруг своей цитадели, Даутхдаэрт должен был позволить храброй эльфийке беспрепятственно пройти внутрь; ведь позволил же он ей открыть эту дверцу. Однако полностью быть уверенными в этом было нельзя; всегда существовала возможность такого заклятия, которое даже Даутхдаэрту окажется не под силу.

Но ничего страшного не произошло, и Эрагон вздохнул с облегчением.

Как только Арья вошла в цитадель, к ней сразу бросился, выставляя пики, целый отряд из двадцати солдат. Эрагон выхватил Брисингр и подбежал к дверце, но перешагнуть через порог и броситься к Арье все еще не решался.

Орудуя копьем с той же ловкостью, с какой она орудовала мечом, Арья проложила себе путь среди нападающих, моментально разбросав их в стороны, и Эрагон сердито спросил у Эльвы, стоявшей с ним рядом у дверного проема:

— Почему же ты ее не предупредила?

— Потому что они ей ничего не сделают.

И это оказалось чистой правдой: ни один из воинов не сумел нанести Арье ни одного удара. Последние двое попытались удрать, но Арья бросилась вдогонку и уложила обоих еще до того, как они успели добежать до противоположной стены весьма просторного вестибюля, своими размерами превосходившего, пожалуй, даже главный вестибюль Тронжхайма.

Арья оттащила тела солдат в сторону, освобождая подход к дверце, затем подошла к ней сама и выставила конец копья наружу, чтобы Эрагон мог за него ухватиться и тоже пройти внутрь.

Но стоило ей самой выпустить копье, как она сразу напряглась, словно ожидая удара. Впрочем, на нее, похоже, никакие чары не действовали, хотя все здесь явно было прямо-таки опутано магией.

— Ты что-нибудь чувствуешь? — громко спросил Эрагон, и ему тут же ответило гулкое эхо.

Арья покачала головой и сказала:

— Если не подходить близко к самим воротам, все будет нормально.

Эрагон передал копье Блёдхгарму; тот взял его, прошел в дверцу, и они с Арьей принялись осматривать помещения, находившиеся по обе стороны от ворот. Потом они попытались открыть ворота с помощью потайного механизма — с такой задачей вряд ли справилось бы и куда большее число людей, но у эльфов дело явно шло на лад.

Вскоре в воздухе послышался звон цепей, и гигантские створки начали медленно отворяться.

Когда проход оказался достаточно широким, чтобы в него смогла пройти Сапфира, Эрагон крикнул: «Стоп!», и створки остановились и замерли.

Блёдхгарм вышел из караульного помещения, находившегося справа от ворот, и, стараясь держаться как можно дальше от порога, передал Даутхдаэрт следующему эльфу.

Вскоре все эльфы один за другим проникли в цитадель, и снаружи остались только Эрагон, Эльва и Сапфира. Вдруг из северной части города донесся ужасающий рев, и на мгновение весь Урубаен разом затих.

— Они раскрыли наш обман! — крикнул эльф Утхинарё и бросил копье Эрагону. — Скорей, Аргетлам!

— Теперь ты, — сказал Эрагон, вручая копье Эльве.

Прижав его к себе согнутыми руками, девочка поспешила присоединиться к эльфам и сунула Даутхдаэрт Эрагону. Тот схватил его и перебежал через порог, но, обернувшись в тревоге, он успел увидеть, что Торн уже взлетел над дальним краем города. Упав на колено, Эрагон поспешно откатил копье по полу в сторону Сапфиры и крикнул:

— Скорей!

Но пара секунд все же была потеряна — Сапфире не сразу удалось ухватить копье зубами. Наконец она тоже ринулась в ворота и после гигантского прыжка приземлилась посреди огромного вестибюля, разбрасывая лапами трупы солдат.

Где-то вдали страшно взревел Торн, а потом, громко хлопая крыльями, устремился к цитадели.

Арья и Блёдхгарм в унисон стали произносить какое-то заклинание, и вскоре оглушительный грохот сотряс

каменные стены, а железные створки ворот мгновенно захлопнулись с таким жутким лязгом, что у Эрагона онемело все тело. Затем металлический засов — три фута толщиной и шесть футов длиной — скользнул в прикрепленные по обе стороны от ворот скобы, и Арья удовлетворенно сказала:

— Ну вот! На какое-то время это их задержит.

— Боюсь, что не слишком, — заметил Эрагон, глянув в сторону распахнутой боковой дверцы.

А потом они повернулись и увидели, что перед ними в глубь цитадели — а может, и самого утеса, нависавшего над Урубаеном, — уходит огромный коридор, длиной, наверное, с четверть мили, и в том конце коридора виднеются еще двери, почти такие же большие, как и входные ворота крепости, и покрытые резными золочеными пластинами, красиво блестевшими в свете беспламенных светильников, развешанных по стенам на равном удалении друг от друга. По обе стороны коридора виднелись десятки других, более узких проходов, ведущих куда-то в недра крепости, но ни один из них не был достаточно велик для Шрюкна, хотя Сапфира, пожалуй, могла бы пройти почти по любому из них. Красные знамена с эмблемой Гальбаторикса — переплетающееся языками золотистое пламя — висели на стенах через каждые сто футов, а больше в коридоре ничего не было.

Однако он сам по себе был так велик, что это уже внушало оторопь, а то, что в нем никого и ничего не было, заставляло Эрагона нервничать. Он предполагал, что тронный зал находится как раз за этими золочеными дверями, но был совершенно уверен, что добраться до этих дверей будет весьма нелегко. Если Гальбаторикс хотя бы вполовину так хитер, как ему приписывает молва, то этот проход к заветным дверям должен быть начинен десятками, если не сотнями разнообразных ловушек.

Эрагона несколько озадачивало то, что Гальбаторикс до сих пор никак не проявил себя. Даже не попытался проникнуть в их мысли; он по-прежнему ощущал лишь связь с Сапфирой и с эльфами, однако отчетливо чувствовал, как близко они находятся от Гальбаторикса. А еще ему казалось, что за ними наблюдает вся цитадель.

— Он, должно быть, знает, что мы здесь, — сказал он Арье. — Он *все* про нас знает.

— Тогда нам лучше поторопиться. — Арья вынула из пасти Сапфиры копье Даутхдаэрт, покрытое драконьей слюной, сказала: «Тхурра!», и слюна тут же высохла и обсыпалась с копья на пол.

И тут они услышали за спиной, с наружной стороны железных ворот, чудовищный грохот — это Торн приземлился на площадь, взревел от разочарования и с такой силой ударил по воротам, что даже каменные стены, казалось, вздрогнули и зазвенели.

Арья встала во главе их маленького отряда, и Эльва пошла с нею рядом, крепко держась за древко копья и вместе с Арьей пользуясь его защитными силами; теперь им оставалось лишь преодолеть этот длинный коридор, ведущий в глубь логова Гальбаторикса.

ШТУРМ В РАЗГАРЕ

— Господин мой, пора.

Роран открыл глаза и кивнул мальчишке, который просунул в палатку голову и руку с зажженным фонарем. Мальчик тут же убежал, а Роран наклонился и поцеловал Катрину в щеку; она тоже поцеловала его. Ни он, ни она толком не спали.

Они вместе встали и оделись. Катрина была готова первой, потому что Рорану куда дольше пришлось возиться с доспехами и оружием.

Когда он натянул латные перчатки, она подала ему ломоть хлеба, немного сыра и чашку чуть теплого чая. На хлеб он даже не посмотрел, съел лишь кусочек сыра и одним глотком выпил чай.

Минутку они постояли, обнявшись, и он сказал:

— Если это будет девочка, дай ей какое-нибудь свирепое имя, хорошо?

— А если мальчик?

— И ему тоже. Мальчик или девочка — они должны быть очень сильными, чтобы выжить в этом мире.

— Хорошо. Обещаю. — Они разомкнули объятия, и Катрина посмотрела ему прямо в глаза. — Сражайся, как это и подобает воину, муж мой.

Он кивнул, повернулся и торопливо вышел, опасаясь, что выдержка и решимость могут ему изменить.

Его полк уже почти собрался на северном краю лагеря. Площадка была освещена лишь неярким светом небес да факелами, прикрепленными к внутренним стенам палаток. В неясном мерцающем свете фигуры варденов

казались похожими на неведомых чудовищ, грозных и враждебных.

В полку Рорана, кстати, было немало ургалов и даже несколько куллов. Насуада считала, что эти рогатые существа скорее послушаются Рорана, чем кого бы то ни было другого. Ургалы несли длинные и тяжелые осадные лестницы, которыми пользуются для того, чтобы перебираться через крепостные стены.

Была в его полку и группа эльфов. В основном эльфы, конечно, сражались в армии Имиладрис, но некоторым королева разрешила служить в различных отрядах варденов, предохраняя их от возможных магических атак, которые вполне способны были предпринять заклинатели Гальбаторикса.

Роран поздоровался с эльфами и не пожалел времени, спрашивая у каждого, как его зовут. Эльфы отвечали довольно вежливо, и все-таки ему казалось, что о нем они не слишком высокого мнения. Впрочем, Роран на это не обижался: в какой-то степени это было даже справедливо. Да и эльфы, в общем, ему безразличны. Он, пожалуй, даже не совсем доверял им; какие-то они были чересчур ловкие, чересчур умелые, чересчур умные и, самое главное, *совершенно другие*, чем он сам. Гномов и ургалов он, по крайней мере, понимал. А вот эльфов не понимал совершенно. И никогда не мог сказать, действительно ли они думают то, что говорят вслух.

— Приветствую тебя, Молотобоец! — шепотом, который был слышен и за тридцать шагов, поздоровался с ним кулл Нар Гарцвог. — Сегодня мы завоюем немало славы для наших племен!

— Да, сегодня мы завоюем немало славы для наших племен, — согласился Роран и двинулся дальше.

Воины нервничали, а у самых молодых был такой кислый вид, словно их вот-вот вырвет; впрочем, некоторых желудок уже подвел, чего, собственно, и следовало ожидать перед такой ответственной и опасной операцией. Но даже самые старшие и опытные из воинов казались напряженными, раздражительными и были либо чересчур разговорчивы, либо чересчур молчаливы. Причина тому была вполне ясна: Шрюкн. И Роран мало что мог сделать, чтобы

помочь им, оставалось только скрывать свой собственный страх и надеяться, что его воины не утратят мужества, когда начнется штурм.

Впрочем, недобрые предчувствия терзали и его самого. Сумрачное настроение царило в войске варденов, и это было ужасно. Они столь многим пожертвовали, чтобы достигнуть этой цели, но понимали, что в сегодняшнем сражении риску будут подвергнуты не только их жизни, но и безопасность и благополучие их жен и детей, будущее всей Алагейзии. Предыдущие битвы были также полны опасностей, но эта битва была завершающей. Она все решала. И если им придет конец, то больше никаких сражений с Империей уже не будет.

Все это понимали, в том числе и Роран, однако подобный финал казался ему каким-то нереальным. Неужели у них никогда больше не будет возможности пойти против Гальбаторикса и убить его? Однако если тема сражения с Гальбаториксом постоянно была одной из излюбленных во время поздних ночных бесед, то теперь, когда этот момент почти настал, их страшила даже сама возможность подобного сражения.

Роран разыскал Хорста и других своих односельчан, и они образовали внутри его полка некое надежное ядро. Биргит тоже была среди них, как и воины-мужчины, она сжимала в руках отлично наточенный боевой топор. Роран приветствовал ее, подняв щит, и она ответила ему тем же; он даже позволил себе мрачно улыбнуться.

Вардены обматывали свои сапоги — а кто и босые ноги — тряпками, чтобы заглушить шаги, и строились, ожидая приказа к отправке.

И он вскоре последовал. Полк вышел из лагеря, стараясь двигаться совершенно бесшумно и не греметь ни доспехами, ни оружием. Роран вел своих людей через поля к тому месту перед центральными воротами Урубаена, где они должны были воссоединиться с двумя другими полками — одним из них командовал старый Мартланд Рыжебородый, а другим — Джормундур.

Вскоре после их выхода из лагеря и в Урубаене прозвучали сигналы тревоги, и вардены поспешно поснимали

с ног тряпье и приготовились к атаке. Через несколько минут рога протрубили начало штурма, и вардены бегом ринулись через темное поле к высоченной городской стене.

Роран бежал впереди всех. Это, конечно, был самый скорый способ подставить себя под удар, но он понимал: людям нужно видеть, что их командир не боится опасности, не прячется за их спинами. Он очень надеялся подбодрить их, заставить поднять голову выше, держать ряды сомкнутыми, а не разбегаться при первых же признаках серьезного отпора. Ибо он ничуть не сомневался: в любом случае взять Урубаен будет *ох как нелегко*!

Они пробежали мимо одной из осадных башен; ее колеса были чуть ли не двадцать футов высотой и скрипели, как ржавые дверные петли; потом между ними и городской стеной оказалось совершенно открытое пространство, на которое дождем сыпались стрелы и дротики.

Эльфы что-то прокричали на своем странном языке, и в слабом утреннем свете Роран увидел, что большая часть стрел и дротиков как-то странно сворачивает на лету и втыкается в землю, никому не нанося ущерба. Но некоторые все же попадали в цель: бежавший следом за Рораном варден вдруг отчаянно вскрикнул и упал. Роран слышал, как столкнулось на бегу несколько людей и ургалов, в тяжелых доспехах перепрыгивая через своего упавшего товарища, но даже не оглядываясь на него. И Роран тоже не оглянулся. И не замедлил бег. Вместе со всеми он стремился к своей главной цели — крепостной стене.

Стрела ударила в щит, которым он прикрывал голову, но этого удара он почти не почувствовал.

Когда они наконец оказались возле стены, Роран, немного отступив в сторону, крикнул:

— Лестницы давайте! Дайте дорогу лестницам!

Люди расступились, и ургалы подтащили осадные лестницы к стене. Для того чтобы сделать лестницы такой длины, куллам пришлось связать вместе стволы деревьев, но как только лестницы ставили вертикально и пытались прислонить к стене, они тут же оседали под собственным весом и ложились на стену, начиная скользить в сторону и угрожая рухнуть.

Роран, растолкав своих воинов локтями, схватил за плечо кого-то из эльфов. Это оказалась эльфийка Отхиара, которая сердито на него глянула, но он, не обращая на это внимания, потребовал:

— Сделай скорее что-нибудь, чтобы эти лестницы стояли нормально, иначе солдаты, что наверху, их столкнут, и они попросту развалятся!

Эльфийка кивнула и принялась что-то напевать на древнем языке; к ней тут же присоединились другие эльфы.

А Роран снова бросился к стене. Кто-то из варденов уже начал карабкаться по лестнице, но он схватил его за ремень, стащил на землю и заявил:

— Первым пойду я!

Забросив щит за спину, Роран начал подниматься по лестнице, сжимая молот в руке. Он никогда не испытывал особой любви к высоте, и по мере того, как люди и ургалы, оставшиеся внизу, становились все меньше, ноги его начинали дрожать все сильнее. Ощущение крайней неуверенности еще усилилось, когда он достиг того места, где лестница почти лежала на каменной стене; здесь невозможно было ни толком схватиться за перекладины руками, ни как следует поставить ногу — разве что носки его сапог помещались на этих перекладинах, представлявших собой самые обыкновенные покрытые корой ветки, и приходилось вести себя предельно осторожно, иначе можно было запросто соскользнуть.

Мимо него просвистело копье — достаточно близко, чтобы он щекой почувствовал движение воздуха.

Роран выругался, но продолжал подъем.

Он был менее чем в метре от верхушки стены, когда какой-то солдат с голубыми глазами наклонился над краем и посмотрел прямо на него.

— Ба! — радостно вскричал Роран; солдат, вздрогнув от неожиданности, отступил назад, и, прежде чем он успел прийти в себя, Роран рывком преодолел последние перекладины и спрыгнул на площадку, тянувшуюся по всему верхнему краю стены.

Солдат, которого он так напугал, стоял от него в нескольких футах, держа в руках короткий меч, каким

обычно вооружены лучники, и, не глядя на Рорана, что-то кричал другим воинам, находившимся несколько дальше.

Щит Рорана по-прежнему висел у него за спиной, и он, размахнувшись молотом, ударил солдата по запястью, понимая, что это самый безопасный способ обезоружить противника, ибо без щита ему было бы довольно сложно обороняться от любого опытного фехтовальщика.

Солдат, догадавшись о его намерениях, парировал и нанес Рорану колющий удар в живот.

Точнее, попытался нанести, ибо чары, наложенные Эрагоном, остановили острие меча в четверти дюйма от брюха Рорана. Он зарычал, вышиб у изумленного противника меч из рук и тремя быстрыми ударами размозжил ему голову.

И выругался. Это было плохое начало.

Все больше варденов пыталось взобраться на стену, но удавалось это немногим. У верхушки каждой из лестниц собрались солдаты Гальбаторикса, поджидая тех, кто предпримет попытку подняться наверх. Роран видел, что на помощь защитникам крепости *постоянно прибывает подкрепление* из города, поднимаясь на стены по внутренним лестницам.

К Рорану присоединился Балдор — он сумел подняться по той же лестнице, что и Роран, — и вместе они бросились к одной из баллист, возле которой копошились восемь солдат. Баллиста стояла у подножия одной из сторожевых башен, которые торчали над стеной на расстоянии футов двести друг от друга. Над головой у солдат, занятых баллистой, Роран заметил двойника Сапфиры, созданного эльфами; эта «Сапфира» летала над стенами, поливая их языками огня.

Солдаты моментально догадались о намерениях Рорана и Балдора; они схватили копья и выставили их перед собой, держа противника на расстоянии. Роран попытался перехватить одно из копий, однако державший его воин оказался весьма ловок и проворен, и в итоге Роран чуть снова не получил удар в живот. Он понимал, что еще несколько минут, и солдаты, пожалуй, с ними расправятся.

Однако этого не произошло. Через край стены перевалился ургал, сумевший как-то взобраться наверх; оказавшись позади этой группы солдат, он нагнул рогатую голову

и с диким ревом кинулся в атаку, размахивая окованной металлом боевой дубинкой.

Ургал ударил одного из солдат в грудь, переломав ему ребра, а второго в бедро так, что тот рухнул, как подкошенный. Оба ранения, казалось бы, должны были лишить этих солдат способности сопротивляться, но, как только ургал пробежал мимо них, они оба снова поднялись на ноги и как ни в чем не бывало с мечами бросились на ургала с тыла.

Ощущение безнадежности охватило Рорана.

— Да, чтобы их остановить, придется им либо головы размозжить, либо начисто эти головы отрубить! — крикнул он Балдору и, не сводя глаз с наступавших на них солдат, крикнул варденам, находившимся позади: — Осторожней! Они не чувствуют боли!

А Сапфира-призрак, продолжая кружить над городом, тем временем налетела на какую-то башню, и все, кроме Рорана, остановились и стали на это смотреть; но он знал, что так и было задумано эльфами.

Воспользовавшись всеобщим замешательством, он прыгнул вперед и прикончил одного из солдат, сильным ударом в висок, размозжив ему голову. Затем с помощью щита отшвырнул в сторону второго и перекинул его через перила, а потом он оказался слишком близко от них, чтобы они смогли воспользоваться своими копьями, и довольно быстро разделался со всеми, уверенно нанося смертоносные удары своим тяжелым молотом.

Когда Роран с помощью Балдора прикончил всех тех, что защищали подступы к баллисте, Балдор остановился и с отчаянием посмотрел на него:

— Ты видел? Сапфира...

— С ней все хорошо.

— Но ведь...

— Не беспокойся. С ней все в порядке.

Балдор явно не был в этом так уж уверен, но расспрашивать Рорана не стал, ибо на них надвигалась новая группа солдат Гальбаторикса.

А тут и Сапфира — *настоящая Сапфира!* — появилась над южной частью стены и полетела прямиком к цитадели, вызывая у варденов крики облегчения и радости.

Роран нахмурился. По плану Сапфира вроде бы должна была оставаться невидимой?

— Фретхья! Фретхья! — быстро прошептал он, но отчего-то так и остался видимым.

«Ну и черт с ним!» — подумал он и, повернувшись к Балдору, сказал:

— Назад, к лестницам!

— Почему? — задыхаясь, спросил Балдор, отбивая атаки противника, а потом со свирепым воплем приподнял его и швырнул через стену вниз.

— Перестань задавать вопросы! Шевелись!

Бок о бок они прорубали себе путь среди воинов, мешавших им пройти к лестницам. Кровь лилась рекой. Балдор получил резаный удар в левую голень, чуть ниже наколенника, и серьезное ранение плеча — его чуть ли не насквозь проткнуло вражеское копье, пробив металлическую кольчугу.

Невосприимчивость воинов Гальбаторикса к боли означала, что вывести их из строя можно было, лишь убив их, а это не всегда удавалось. Кроме того, нельзя было проявлять ни капли милосердия, и вот это оказалось для Рорана особенно тяжело. Не раз он думал, что уже расправился с тем или иным солдатом, но оказывалось, что «убитый» снова поднялся и кинулся на него как раз в тот момент, когда Роран уже повернулся к нему спиной, сражаясь с другим воином. И вообще солдат было слишком много! Рорану уже начинало казаться, что им с ними никогда не справиться.

Когда они добрались до ближайшей лестницы, он сказал:

— Вот! Стоим здесь и никого к лестнице не подпускаем!

Если Балдор и был озадачен, то не показал этого. И они стали вдвоем удерживать натиск солдат, пока на стену не поднялись еще двое варденов и не бросились им на подмогу. Затем влез еще один и еще, и Роран наконец почувствовал, что сил прибавилось, и теперь, пожалуй, вполне могут не только оттеснить солдат, но и полностью захватить этот участок стены.

Несмотря на то что, согласно первоначальному плану, эта атака была задумана всего лишь как отвлекающий

маневр, Роран не видел причин воспринимать ее именно так. Если уж они рискуют собственной жизнью, так надо извлечь из этого как можно больше пользы, считал он. Да и в любом случае стены все равно нужно было очистить от солдат.

И тут у них над головой раздался яростный рев Торна. Красный дракон повис над крышами домов, но летел как-то неровно и явно направлялся к цитадели. На спине у него виднелся какой-то человек, и Роран решил, что это, должно быть, Муртаг со своим алым мечом.

— Что это значит? — крикнул Балдор, продолжая направо и налево наносить рубящие удары мечом.

— Это значит, что игра началась! — ответил Роран. — Соберись! Эти ублюдки только и мечтают застать нас врасплох!

Он едва успел закончить эту фразу, когда, перекрывая шум сражения, послышались голоса эльфов, неземные, прекрасные, поющие что-то на древнем языке.

Роран присел, уходя от удара копья, и с силой ткнул своим молотом в живот нападавшему, так что у того перехватило дыхание. Эти воины, возможно, и не чувствовали боли, но дышать им все-таки было необходимо. И пока этот бедолага пытался очухаться и вздохнуть, Роран, воспользовавшись этим, прикончил его, с силой ударив в горло ребром своего щита.

Он уже собирался вступить в схватку со следующим противником, когда почувствовал, что каменная стена задрожала у него под ногами. Он отступил от края, насколько это было возможно, и уперся спиной в противоположный парапет, широко расставив ноги и стараясь не терять равновесия.

Но один из воинов Гальбаторикса, видно по глупости, решил воспользоваться моментом и бросился на Рорана; однако камни задрожали еще сильней, и вся верхняя часть стены словно рябью пошла; напавший на Рорана солдат, как многие другие, не удержался на ногах, рухнул да так и остался лежать, будучи не в силах подняться, потому что стена ходила ходуном, и с нее уже посыпались камни.

Из-за сторожевой башни, отделявшей то место, где находился Роран, от главных ворот Урубаена, донесся звук, более всего похожий на извержение вулкана или на горный обвал. Огромный фонтан воды ударил вверх, и брызги веером разлетелись от него во все стороны, а потом стена с чудовищным грохотом задрожала и стала обваливаться внутрь.

А эльфы все пели.

Когда камни у него под ногами немного успокоились и перестали двигаться, Роран бросился вперед и убил сразу троих солдат, прежде чем те успели встать. Остальные повернулись и побежали прочь, суматошно спускаясь по лестницам, ведущим в город.

Роран помог Балдору подняться и крикнул: «За ними!» И усмехнулся, чувствуя на губах кровь. Возможно, это все-таки было не самое плохое начало!

ТО, ЧТО НЕ УБИВАЕТ...

— Стой, — сказала Эльва.

Эрагон замер на месте, подняв одну ногу. Девочка махнула ему рукой, и он вернулся к ней.

— Прыгай вон туда, — сказала Эльва и указала ему на какое-то местечко примерно в метре от него. — Вон к тем завитушкам.

Эрагон присел, собираясь прыгнуть, потом раздумал, ожидая, что Эльва опять скажет, что это опасно.

Девочка-ведьма в гневе топнула ногой и воскликнула:

— У меня же ничего не получится, если ты сам не захочешь подвергнуть себя опасности! Иначе я не смогу сказать, нанесет ли тебе это вред. Ну, давай! — Она улыбнулась Эрагону, но улыбка у нее вышла отнюдь не ободряющая. — Да ладно, не бойся, я не допущу, чтобы с тобой что-нибудь случилось.

Все еще сомневаясь, Эрагон снова согнул ноги в коленях, напружинил их, и тут она снова крикнула:

— Стой!

Он выругался и судорожно взмахнул руками, пытаясь удержаться и не упасть туда, откуда тут же выскочили бы острые пики, спрятанные как под полом, так и под потолком.

Эти пики были третьей ловушкой, с которой Эрагон и его спутники столкнулись в коридоре, ведущем к золоченым дверям. Первая ловушка представляла собой потайные колодцы. Вторая — тяжелые плиты, которые внезапно падали сверху, грозя любого превратить в лепешку. А теперь вот пики, очень, кстати, похожие на те, что погубили Вирдена в туннелях под Драс-Леоной.

Они видели, как Муртаг вошел в вестибюль, но не сделал ни малейшей попытки пуститься за ними в погоню. Торна с ним не было. Муртаг несколько мгновений смотрел им вслед, а потом исчез в одном из боковых помещений, куда только что заходили Арья и Блёдхгарм, чтобы повредить подъемные механизмы, с помощью которых открывались и закрывались главные ворота крепости.

Муртагу понадобилось бы не менее часа, чтобы эти механизмы восстановить. А впрочем, кто его знает? Может, ему хватило бы и нескольких минут? Короче, медлить было нельзя.

— Попробуй чуть дальше, — сказала Эльва.

Эрагон поморщился, но сделал, как она предлагала.

— Стой!

На этот раз он бы точно упал, если бы Эльва не схватила его за рубаху.

— Еще дальше, — сказала она. И снова. — Стой! Еще дальше.

— Я больше не могу, — прорычал Эрагон, чувствуя уже не просто раздражение, а настоящее отчаяние. — Без разбега мне не прыгнуть. — Но ни о каком разбеге и речи быть не могло, да и сам он не сумел бы мгновенно остановиться, если бы Эльва сочла, что и этот прыжок опасен. — Что теперь? Если эти пики тут повсюду до самой двери, то нам до нее никогда не добраться.

Они уже подумывали, не применить ли магию, не попытаться ли просто «проплыть» над опасным местом, но, как утверждала Эльва, даже самое маленькое заклинание моментально заставит *ловушку сработать, так что им* оставалось лишь полностью полагаться на ее чутье.

— Возможно, эта ловушка предназначена для идущего дракона? — сказала Арья. — Если она шириной всего ярд или два, тогда Торн или Сапфира перешагнули бы через нее, даже не заметив. А вот если она в сто футов длиной, дракон в нее наверняка угодил бы.

«Нет, — сказала Сапфира, — для прыжка сто футов — сущие пустяки».

Эрагон озабоченно переглянулся с Арьей и Эльвой.

«Ты, главное, старайся пола хвостом не касаться, — сказал он Сапфире. — И дальше ни шагу, иначе в следующую ловушку угодишь».

«Хорошо, маленький брат».

Сапфира присела, собралась и низко опустила голову — теперь ее голова была всего в футе от пола. Потом, с силой царапнув когтями пол, она прыгнула вперед, чуть приоткрыв крылья, чтобы облегчить прыжок.

И Эрагон с облегчением заметил, что Эльва молчит.

Когда Сапфира пролетела по воздуху расстояние, равное примерно двум ее длинам, она сложила крылья и плюхнулась на пол, громко скрежеща по нему когтями.

«Безопасно, — сказала она, оборачиваясь. А потом вдруг она прыгнула обратно. Эрагон и все остальные шарахнулись в сторону, освобождая ей место для приземления. — Ну? — бодро спросила Сапфира. — Кто первый?»

Ей понадобилось совершить четыре прыжка, чтобы переправить всех через опасный участок. Затем они двинулись дальше бодрой рысцой, и впереди опять шли Арья с Эльвой. Пожалуй, они прошли уже три четверти пути, но пока не встретили больше ни одной ловушки. Вдруг Эльва сильно вздрогнула и подняла руку. Все тут же остановились, а она сказала:

— Если мы сделаем хоть шаг, что-то перерубит нас пополам — не знаю, что это такое и откуда оно появится... из стен, мне кажется.

Эрагон нахмурился. Это означало, что предмет, который должен был перерубить их пополам, должен обладать достаточным весом или силой, чтобы преодолеть сопротивление их магических стражей — то есть перспектива была совсем удручающая.

— А что, если мы... — Он не договорил: двадцать одетых в черное людей, как мужчин, так и женщин, выскользнули из какого-то бокового прохода и выстроились перед ними стеной, загораживая им путь. Это были вражеские заклинатели.

Эрагон ощутил, как чье-то сознание клинком врезалось в его мысли, когда заклинатели разом запели на древнем языке. Открыв пасть, Сапфира полила их мощной

струей пламени, но огонь не причинил им вреда — он как бы обтекал эти черные фигуры, — зато вспыхнуло одно из знамен на стене, и куски тлеющей ткани упали на пол.

Эрагон сумел защитить свои мысли, но сам мысленной атаки не предпринял; слишком много времени потребовалось бы, чтобы подчинить своей воле одного заклинателя за другим. Мало того, их пение вызывало у него тревогу: если они хотели наложить чары еще до того, как возьмут власть над его мыслями — а может, и над мыслями его спутников, — то им должно быть все равно, останутся незваные гости в живых или нет; им важно только остановить их.

Эрагон опустился на колени возле Эльвы. Она разговаривала с одним из заклинателей — что-то рассказывала ему о его дочери.

— Они что, стоят над очередной ловушкой? — шепотом спросил он, и Эльва кивнула, не переставая говорить.

Эрагон осторожно вытянул руку, приложив ладонь к полу.

Он ожидал чего-то ужасного, но все же невольно вздрогнул и отшатнулся, когда горизонтальные *металлические* полотна — тридцать футов в ширину и четыре дюйма в толщину — вылетели из обеих стен с ужасающим скрежетом, точно гигантские металлические «ножницы», перерезали заклинателей пополам и мгновенно исчезли в невидимых щелях.

Эрагон был потрясен. Он отвел глаза, стараясь не смотреть на половинки человеческих тел, лежащие перед ними. Какая ужасная смерть!

Рядом с ним Эльва захрипела, захлебнулась и упала ничком без чувств. Арья успела подхватить ее, прежде чем она ударилась головой об пол, и, прижимая девочку к себе, принялась что-то шептать ей на древнем языке.

Эрагон посоветовался с другими эльфами, и они решили, что наиболее безопасный способ миновать данную ловушку — это через нее перепрыгнуть, как и на участке с пиками.

Все четверо уже влезли Сапфире на спину, и она собиралась прыгнуть, когда Эльва вдруг вскрикнула слабым голосом:

— Стойте! Не надо!

Сапфира нервно дернула хвостом, но осталась на месте.

Эльва выскользнула из объятий Арьи, отошла, пошатываясь, на несколько шагов, наклонилась, и ее вырвало. Она вытерла рот тыльной стороной ладони, а потом некоторое время смотрела на изуродованные тела, грудой лежавшие перед нею, словно запоминая эту страшную картину.

А затем, не сводя глаз с изувеченных тел, сказала:

— Там еще один спусковой механизм — на полпути, в воздухе. Если ты, Сапфира, прыгнешь, — Эльва, громко хлопнув в ладоши, состроила страшную гримасу, — эти лезвия выскочат не только из стен, но и из пола и потолка.

Эрагон встревожился.

— Странно, почему Гальбаторикс вдруг захотел нас прикончить?.. Ведь если бы не ты, — и он посмотрел на Эльву, — Сапфира могла бы уже погибнуть. А ведь он так хотел заполучить ее живой. Так зачем же все это? — Он указал на залитый кровью пол. — К чему все эти пики и падающие каменные плиты?

— Может быть, — сказала эльфийка Инвидия, — он рассчитывал, что мы сразу провалимся в те колодцы и попросту не доберемся до следующих ловушек?

— А может, — мрачно прибавил Блёдхгарм, — он знает, что с нами Эльва, и знает, на что она способна?

Девочка пожала плечами:

— Ну и пусть знает! Ему меня не остановить!

У Эрагона по спине поползли мурашки.

— Нет, но если он о тебе знает, то, возможно, просто *боится* тебя. А раз он боится...

«То, возможно, и впрямь пытается нас убить», — мысленно закончила эту фразу Сапфира.

Арья покачала головой:

— Это все неважно. Нам, так или иначе, нужно его найти.

Они еще с минуту обсуждали, как им лучше миновать страшные лезвия, и в итоге Эрагон предложил:

— А что, если я воспользуюсь магией, чтобы перенести нас туда, как это сделала Арья, когда переправила яйцо

Сапфиры в Спайн? — И он махнул рукой туда, где вроде бы не было никаких смертоносных лезвий и мертвых тел.

«На это потребуется слишком много энергии», — возразил Глаэдр.

«Лучше поберечь силы на тот момент, когда мы встретимся с Гальбаториксом», — поддержал его Умаротх.

Эрагон прикусил губу. Он оглянулся через плечо и заметил вдали Муртага; тот бежал к ним, описывая при этом какую-то странную извилистую линию — его словно швыряло от одной стены до другой.

«Немного же времени у нас осталось!» — подумал Эрагон и сказал:

— А что, если с помощью магии воспрепятствовать этим лезвиям вылетать из стен?

— Они наверняка имеют защиту от магического воздействия, — возразила Арья. — А у нас нет с собой ничего такого, чем мы могли бы воздействовать на них чисто механически. Ну, что у нас есть? Ножи? Доспехи? Эти металлические пластины слишком велики и тяжелы. Они вдребезги разнесут любое подобное препятствие.

Некоторое время все молчали, потом Блёдхгарм, облизнувшись и показав клыки, сказал:

— Они совсем не обязательно разнесут все. — И он, положив на пол перед Эрагоном свой меч, жестом приказал своей команде магов сделать то же самое.

Одиннадцать клинков тут же были выложены перед Эрагоном, и тот запротестовал:

— Я не могу просить вас о таком одолжении! Это же ваши мечи...

Блёдхгарм остановил его, подняв руку; его шерсть красиво поблескивала в свете беспламенных светильников.

— Мы сражаемся с помощью наших мыслей, а не тел, Губитель Шейдов. Если нам попадутся воины Гальбаторикса, мы сможем отнять у них любое оружие, которое нам понадобится. Если наши мечи могут быть здесь полезны, то с нашей стороны было бы глупостью оставить их у себя из чистой сентиментальности.

Эрагон поклонился ему:

— Как тебе будет угодно.

А Блёдхгарм сказал, обращаясь к Арье:

— Стоило бы сделать число клинков четным, чтобы было как можно больше шансов на успех.

И она, поколебавшись, вытащила из ножен свой тонкий, изящный меч и положила его к остальным.

— Обдумай хорошенько, что ты собираешься делать, Эрагон, — сказала она. — Каждый из этих славных мечей имеет свою историю, и было бы стыдно уничтожить их, ничего при этом не выиграв.

Он кивнул, нахмурился, сосредотачиваясь и вспоминая свои занятия с Оромисом.

«Умаротх, — сказал он старому дракону, — мне понадобится твоя сила».

«Все, что принадлежит нам, принадлежит и тебе», — ответил тот.

Иллюзия, с помощью которой были скрыты щели, в которые исчезали страшные рубящие полотнища, была слишком искусной, чтобы Эрагон смог ее развеять. Именно этого он и ожидал от Гальбаторикса — тот вряд ли оставил бы без внимания подобные «мелочи». С другой стороны, чары, создававшие эту иллюзию, обнаружить оказалось не так уж трудно, и благодаря этому Эрагон смог определить точное местонахождение и размеры тайных отверстий.

Он, правда, не смог бы с точностью сказать, как глубоко уходят в щели эти стальные листы. И надеялся, что не глубже чем на дюйм или два от внешней стороны стены. Если же ближе, то вся его затея потерпит неудачу, потому что Гальбаторикс наверняка защитил свое оружие от внешних помех.

Собрав в памяти все необходимые ему слова древнего языка, Эрагон произнес первое из двенадцати заклинаний, которыми собирался воспользоваться. И один из клинков — эльфа Лауфина, как ему показалось, — исчез с легким вздохом, точно кто-то встряхнул в руках снятую тунику. Еще мгновение — и тяжелый глухой удар донесся из стены слева от них.

Эрагон улыбнулся. Сработало! Если бы он попытался послать этот клинок сквозь металлическое полотно, последствия могли бы быть куда более драматичными.

Остальные заклинания он произнес гораздо быстрее, и шесть клинков вонзились в стены на расстоянии пяти футов друг от друга. Эльфы внимательно следили за ним; если им и горько было расставаться со своим оружием, то они этого не показывали.

Когда Эрагон закончил, он опустился на колени возле Арьи и Эльвы — обе они крепко держали волшебное копье Даутхдаэрт — и сказал:

— Готовьтесь. Бежать придется быстро.

Сапфира и эльфы напряженно ждали. Арья и Эльва взобрались на спину драконихе, не выпуская из рук зеленое копье; затем Арья сказала:

— Готовы.

И Эрагон, вытянув руку, снова похлопал ладонью по полу.

Отвратительный скрежет раздался из обеих стен, а с потолка посыпались клочья пыли, похожие на странные перья.

Как только Эрагон понял, что клинки выдержали, он ринулся вперед. Но не успел сделать и двух шагов, когда Эльва пронзительно вскрикнула: «Скорей!»

Взревев от напряжения, Эрагон заставил себя двигаться еще быстрее. Справа от него черной, едва видимой тенью промелькнула Сапфира, низко опустив голову и хвост.

Едва он достиг дальнего края ловушки, как раздался резкий хруст ломающейся стали, а потом зубодробительный визг металла, ударившегося о металл.

Кто-то позади него вскрикнул.

Он извернулся, заставляя себя отпрыгнуть как можно дальше, и увидел, что все успели пересечь опасное пространство вовремя, за исключением эльфийки с серебристыми волосами Йаелы, которая как бы застряла между краями металлических челюстей, до которых было не более шести дюймов. Вокруг нее сияли голубые и желтые огни; казалось, сам воздух горит. Лицо эльфийки исказилось от боли.

— Флауга! — крикнул Блёдхгарм, и Йаела вылетела из щели между металлическими полотнищами. Страшные

челюсти тут же защелкнулись и с жутким визгом исчезли в стенах.

Йаела приземлилась на четвереньки рядом с Эрагоном. Он помог ей подняться; к его удивлению, она была совершенно невредима.

— Ты не ранена? — спросил он.

Эльфийка покачала головой.

— Нет, но... моя магическая защита исчезла. — Она подняла руки и посмотрела на них с выражением, близким к изумлению. — Я не была без защиты с тех пор... с тех пор... с детства! Когда была еще моложе тебя! Каким-то образом этот металл лишил меня...

— Ничего, тебе повезло, что ты вообще жива осталась, — сказал Эрагон и нахмурился.

Эльва, пожав плечами, указала на Блёдхгарма:

— Если бы не *он*, мы бы все погибли. И если бы я не велела тебе двигаться быстрее.

Эрагон что-то пробурчал в ответ.

Они продолжили путь, на каждом шагу ожидая очередной ловушки. Но больше пока что не встречали никаких препятствий и вскоре благополучно добрались до золоченых дверей.

Эрагон, задрав голову, смотрел на это сверкающее великолепие. На дверных створках был высечен в полный рост ствол дуба с мощной округлой кроной, края которой как бы соединялись с корнями, и дерево оказывалось заключенным в некую окружность. В обе стороны от середины ствола отходили толстые могучие ветви с множеством отростков, которые делили описанную окружность на четыре части. В верхней левой четверти круга имелось резное изображение армии эльфов, вооруженных копьями и идущих сквозь густой лес. В верхней правой четверти люди строили замки и ковали мечи. В нижней левой ургалы — в основном куллы — жгли какую-то деревню и убивали ее обитателей. В нижней правой четверти были видны шахты гномов, добывающих драгоценные камни и разрабатывающих рудные жилы. Среди корней и ветвей резного дуба Эрагон разглядел котов-оборотней и раззаков,

а также несколько мелких существ весьма странной внешности, которых он не узнал. И наконец, свернувшись кольцом в самом центре перевернутой чаши, образованной кроной дерева, возлежал дракон, держа в пасти конец своего хвоста — словно мифический символ Вечности, змей, прикусивший свой хвост. Это была поистине мастерская работа, и при иных обстоятельствах Эрагон с удовольствием просидел бы денек возле этих дверей, изучая эти прекрасные изображения.

Но сейчас один их вид наполнял его душу ужасом: он представлял себе, *что* может ждать их за этими дверями. Если там действительно находится Гальбаторикс, тогда их жизни, скорее всего, переменятся раз и навсегда, и ничто уже не будет прежним — ни для них самих, ни для всей остальной Алагейзии.

«Я не готов», — мысленно сказал Эрагон Сапфире.

«Когда же в таком случае *мы наконец будем готовы?* — ответила она и *высунула язык, пробуя воздух. Он* чувствовал ее нервозность: она явно что-то предчувствовала. — Гальбаторикса и Шрюкна нужно уничтожить, и мы единственные, кто смог бы это сделать».

«А если не сможем?»

«Значит, не сможем. И будь что будет».

Он кивнул и, глубоко вздохнув, сказал:

«Я люблю тебя, Сапфира».

«И я тебя люблю, маленький брат».

Эрагон сделал шаг вперед и спросил, пытаясь скрыть свое волнение:

— Ну, что теперь? Может быть, постучимся?

— Сперва давайте проверим, не откроются ли они, — сказала Арья.

Они выстроились, словно готовясь к бою. Затем Арья вместе с Эльвой взялись за ручку, вделанную в левую створку двери, и потянули за нее.

И тут же некий столб дрожащего воздуха возник над Блёдхгармом и надо всеми его заклинателями. Эрагон предостерегающе крикнул, Сапфира зашипела, словно наступив на что-то острое, но эльфы, казалось, застыли, не в состоянии хотя бы пошевелиться внутри этих воздушных

столбов; у них даже глаза не двигались, они так и смотрели в одну точку.

С тяжелым лязгом левая створка двери открылась, и эльфы стали двигаться по направлению к ней, точно вереница статуй, скользящих по льду.

Арья прыгнула к ним, выставив перед собой копье с зазубренным наконечником, и попыталась разрубить волшебные путы, сковавшие эльфов, но не успела.

— Летта! — закричал Эрагон. Это было простейшее заклинание, но он почему-то надеялся, что именно оно и может помочь. Но те чары, что взяли эльфов в полон, оказались слишком сильны, и все одиннадцать эльфов исчезли в темном дверном проеме, а дверь с грохотом захлопнулась за ними.

Сильнейшая растерянность овладела Эрагоном. Без Блёдхгарма и его заклинателей...

Арья забарабанила по двери кулаками, потом принялась стучать по ней древком Даутхдаэрта; она попыталась даже отыскать какую-нибудь щель или шов между дверной створкой и стеной и всунуть туда кончик наконечника копья, но стена казалась монолитной, и никаких зазоров между нею и дверью не было.

Когда Арья повернулась к своим спутникам, на лице ее явственно читалась холодная ярость.

«Умаротх, — мысленно обратилась она к дракону, — мне нужна твоя помощь, чтобы вскрыть эту стену».

«Нет, — ответил тот. — Гальбаторикс наверняка хорошо спрятал твоих спутников. Если ты будешь пытаться их отыскать, то лишь зря растратишь силы и поставишь нас всех в еще более опасное положение».

Разлетающиеся брови Арьи на мгновение почти совершенно сошлись на переносице, так сильно она нахмурилась.

«В таком случае мы будем действовать ему на руку, Умаротх-элда. Он хочет разделить нас, сделать нас слабее. Если мы пойдем дальше без эльфов, Гальбаториксу будет куда легче победить нас».

«Да, ты права. Но не кажется ли тебе, что этот Губитель Яиц как раз и *хочет*, чтобы мы попытались отыскать эльфов и последовали за ними? Что он *хочет* заставить

нас, охваченных гневом и тревогой, позабыть о нем и ринуться навстречу опасности, то есть слепо угодить в очередную ловушку?»

«Зачем же ему столько беспокойства? Он запросто мог бы взять в плен Эрагона, Сапфиру, тебя и всех остальных, как только что сделал это с Блёдхгармом и остальными эльфами. Однако же он почему-то этого не сделал!»

«Возможно, потому, что хотел заставить нас истощить свои силы, прежде чем мы перед ним предстанем. Или — прежде чем он предпримет попытку окончательно нас сломить».

Арья опустила голову, задумалась, а когда вновь подняла ее, вся ее ярость словно куда-то испарилась, сменившись привычной, чуть настороженной сдержанностью.

«Как же нам следует поступить, Эбритхиль?»

«Мы надеемся, что Гальбаторикс не убьет Блёдхгарма и его заклинателей, — сказал Умаротх. — Во всяком случае, сразу не убьет. Так что нам просто нужно идти дальше, пока мы его не отыщем».

Арья кивнула, но Эрагон был уверен: ей все это кажется отвратительным предательством. Он и сам чувствовал примерно то же самое.

— Как случилось, что ты не заметила ловушки? — тихо спросил он у Эльвы. Ему казалось, что он понимает, почему это произошло, но ему хотелось услышать ее ответ.

— Потому что она не причинила им вреда, — сказала девочка, и Эрагону осталось лишь согласно кивнуть.

Арья снова подбежала к золоченым дверям и схватилась за ручку на левой створке. Эльва, присоединившись к ней, второй рукой ухватилась за древко Даутхдаэрта.

Отклоняясь все дальше от двери, Арья изо всех сил тянула на себя массивную створку двери, и она начала потихоньку приотворяться наружу. Ни один человек — в этом Эрагон был уверен — не смог бы ее открыть, да и у Арьи сил на это едва хватало.

Наконец створка открылась, и Арья, выпустив ручку, вместе с Эльвой подошла и встала рядом с Эрагоном и Сапфирой.

По ту сторону огромного, как зев пещеры, дверного проема открывалось просторное темное помещение. Эрагон не смог бы точно определить его размеры, ибо стены его были окутаны бархатной мглой.

На железных столбах по обе стороны от входа висели эльфийские беспламенные светильники, освещая мозаичный пол у порога; кроме того, некое слабое свечение исходило еще откуда-то сверху, из хрустальных шаров, как бы вделанных в далекий потолок. Теперь постепенно становилось ясно, сколь огромен этот зал: два ряда светильников заканчивались где-то сотнях в двух шагов от входа, у основания округлого возвышения, на котором стоял трон. На троне виднелась фигура в черном. Больше в зале не было ни души. На коленях у человека в черном лежал обнаженный меч — длинный белый клинок, от которого исходило слабое сияние.

Эрагон судорожно вздохнул и крепче стиснул рукоять Брисингра. Потом быстро почесал челюсть Сапфиры краем щита, и она в ответ благодарно его лизнула. Затем все четверо, не сговариваясь, дружно шагнули вперед. Как только они переступили порог тронного зала, золоченые двери с грохотом захлопнулись у них за спиной. Эрагон, собственно, ожидал этого, и все же грохот дверей заставил его вздрогнуть.

Когда улеглось гулкое эхо, сменившись полной тишиной, человек в черном шевельнулся, словно пробуждаясь ото сна, и таким голосом, какого Эрагону никогда еще не доводилось слышать — глубоким, богатым, куда более звучным, чем даже голоса Аджихада, Оромиса или Хротгара, и таким мелодичным, что, пожалуй, даже голоса эльфов могли в сравнении с ним показаться резкими и немузыкальными, — промолвил с невероятным достоинством и в то же время весьма милостиво:

— Ах, я давно вас поджидаю! Добро пожаловать в мою обитель, Эрагон Губитель Шейдов, и ты, Сапфира Сверкающая Чешуя. Я весьма рад встрече с вами. Рад я видеть и тебя, Арья, дочь Имиладрис, тоже ставшая Губительницей Шейдов, и тебя, Эльва Сияющий Лоб. Я также

приветствую вас, Глаэдр, Умаротх, Валдр и всех остальных, кто путешествует, оставаясь невидимым. Я давно уже считал всех вас мертвыми, но страшно рад, что это оказалось не так. Добро пожаловать! Нам с вами есть о чем поговорить!

В ГУЩЕ СХВАТКИ

Вместе со своим полком Роран, перебравшись через внешние стены Урубаена, прокладывал путь по улицам столицы. Затем они остановились, перегруппировались, и он крикнул: «К воротам!», молотом указывая варденам направление.

Вместе с несколькими жителями Карвахолла, в том числе Хорстом и Дельвином, Роран возглавил наступление варденов и первым ворвался в ту брешь, которую эльфы проделали с помощью магии. Стрелы так и свистели у них над головой, но ни одна, казалось, не была нацелена вполне точно; во всяком случае, Роран не слышал, чтобы хоть кто-то в его отряде был ранен.

Они встречались с десятками солдат в узком пространстве между стеной и каменными домами. Некоторые вступали с ними в схватку, но большинство старалось удрать, и даже те, что только что дрались, вскоре начинали отступать куда-то в узкие кривые переулки.

Сперва эта безумная рубка, быстрое продвижение и ощущение близкой победы словно ослепили Рорана; он почти ничего не замечал вокруг себя, стремясь только вперед. Но вскоре до него стало доходить, что есть нечто странное в том, что почти все солдаты, с которыми они сталкивались, стараются от них убежать. В душе его возникли подозрения, и он стал настороженно озираться, пытаясь понять, в чем тут дело.

Что-то было не так, он был в этом уверен.

— Гальбаторикс не позволил бы им так легко сдаваться! — пробормотал он себе под нос.

— Что ты сказал? — переспросил Олбрих, шедший с ним рядом.

— Я сказал, что Гальбаторикс никогда не позволил бы своим солдатам так легко сдаться нам. — И Роран, резко обернувшись, крикнул остальному полку: — Держите ушки на макушке и по сторонам глядите во все глаза! У Гальбаторикса явно для нас парочка сюрпризов приготовлена. Но мы не позволим ему застать нас врасплох, верно?

— Верно, Молотобоец! — крикнули его бойцы, в знак поддержки грохнув по щитам рукоятями мечей. Промолчали только эльфы. Удовлетворенный, Роран ускорил шаг, продолжая внимательно осматривать каждую крышу.

Вскоре они вышли на заваленную мусором и каменными обломками улицу, которая вела к той площади, где некогда находились главные городские ворота. Теперь, правда, там зияла огромная брешь в несколько сотен футов высотой. А под этим провалом виднелась огромная яма, на дне которой была груда мертвых тел. В брешь рекой текли вардены и их союзники — люди, гномы, ургалы, эльфы и даже коты-оборотни в кои-то веки сражались плечом к плечу.

Стрелы дождем сыпались на них со стен, но магия эльфов останавливала и стрелы, и дротики, и они падали на землю, никому не причиняя вреда. А вот воинам Гальбаторикса повезло меньше; Роран видел, как они один за другим падают, сраженные стрелами лучников, хотя, похоже, у некоторых из них тоже имелась магическая защита, предохранявшая их от вражеских стрел. Видимо, это любимчики Гальбаторикса, решил Роран.

Когда его полк влился в ряды остальной армии, Роран высмотрел Джормундура, как всегда находившегося в самой гуще войска, приветствовал его и спросил, каковы дальнейшие планы. Джормундур крикнул в ответ:

— Как только доберемся до того фонтана... — и он указал мечом в сторону большого, нарядного сооружения, возвышавшегося посреди площади в нескольких сотнях ярдов от них, — бери своих людей и сворачивай направо, к югу. Очистите южную часть города, а потом снова встретимся — уже у ворот цитадели.

Роран усиленно закивал, показывая, что понял приказ, и Джормундур поскакал дальше.

Теперь, когда вокруг снова было так много своих, Роран чувствовал себя чуть ли не в безопасности. Однако ему по-прежнему казалось, что в этом городе что-то не так. «*Где они все?*» — пытался он понять, глядя на разинутые рты пустых улиц. Гальбаторикс, по прикидкам варденов, должен был собрать в Урубаене почти всю свою армию, однако пока что здесь не было заметно никаких свидетельств присутствия большого количества людей. И на городских стенах тоже было как-то подозрительно мало охраны, да и то большая часть воинов почти сразу бросилась спасаться бегством.

«Он же заманивает нас вглубь города! — с неожиданной уверенностью понял Роран. — Это все просто подстава, чистый обман!» — Он снова нагнал Джормундура и постарался привлечь к себе его внимание, громко крикнув:

— Тут что-то не так! Где их солдаты?

Джормундур кивнул и нахмурился. А потом подъехал к королю Оррину и королеве Имиладрис, чтобы с ними посоветоваться. Странно, но на плече Имиладрис так и продолжал сидеть ее белый ворон, крепко вцепившись когтями в золотые доспехи.

А вардены между тем продолжали углубляться в город...

— В чем дело, Молотобоец? — прорычал кулл Нар Гарцвог, налетев на неожиданно остановившегося Рорана.

— Точно не знаю. Но Гальбаторикс явно...

Он сразу забыл, что именно собирался сказать; впереди среди зданий вдруг протрубил рог. Он блеял, наверное, целую минуту, и эти хриплые, но грозные звуки заставили варденов остановиться. Многие стали озабоченно озираться, и у Рорана упало сердце.

— Вот оно! — сказал он Олбриху и, повернувшись, взмахнул молотом, указывая на обочину улицы: — Уходите с дороги! — проревел он. — Уходите и прячьтесь среди зданий! Постарайтесь непременно найти укрытие!

Его полк начал с трудом выбираться из гущи войска. Роран в отчаянии продолжал кричать, пытаясь заставить своих людей двигаться живее:

— Да скорей вы, псы ленивые! Скорей!

Снова хрипло провыл рог, и Джормундур наконец приказал войску остановиться.

К этому времени полк Рорана благополучно рассредоточился на трех улицах, и люди группками попрятались за стены домов, ожидая дальнейших распоряжений. Сам он стоял у стены дома вместе с Гарцвогом и Хорстом, выглядывая из-за угла и пытаясь понять, что происходит.

Снова провыл рог, а потом топот множества ног наполнил притихший Урубаен.

Ужас охватил Рорана, когда он увидел, как ряды солдат один за другим вытекают из цитадели и заполняют улицы. На этот раз войско Гальбаторикса выглядело весьма организованным, а жестокие лица воинов были лишены даже малейшего намека на страх. Впереди ехал широкоплечий, почти квадратный, человек на сером жеребце. Нагрудная пластина его блестящих доспехов на целый фут, наверное, выдавалась вперед, скрывая немалое брюхо. В левой руке он держал щит с изображением башни, падающей с какой-то голой каменистой скалы. А в правой руке у него была шипастая булава таких размеров, что ее, пожалуй, обычному человеку и поднять было бы трудно. Однако этот воин с легкостью размахивал своим страшным оружием.

Роран облизал пересохшие губы. Он догадывался: это, по всей видимости, и есть сам лорд Барст. Если хотя бы половина того, что он слышал об этом человеке, окажется правдой, то Барст со своим войском никогда не пошел бы в лобовую атаку, если бы не был полностью уверен, что сможет разгромить противника.

Роран, впрочем, и сам повидал немало. Оттолкнувшись от угла здания, он спрятался за стеной и сказал:

— Ждать не будем. Скажите остальным, чтобы следовали за нами.

— Ты хочешь бежать, Молотобоец? — грозно прогрохотал Нар Гарцвог.

— Нет, — ответил Роран. — Я хочу напасть на них с фланга. Только дурак стал бы атаковать *такую* армию в лоб. Ну, вперед! — Он хлопнул кулла по плечу и поспешил к перекрестку, чтобы встать во главе своего войска.

Пробираясь по узкой улочке, Роран услышал, как воины Гальбаторикса скандируют: «Лорд Барст! Лорд Барст!

Лорд Барст!», топая при этом подкованными железом сапогами и стуча по щитам мечами.

«Только это еще не хватало!» Рорану вдруг захотелось оказаться как можно дальше от этого города.

Затем вардены тоже закричали, словно в ответ: «Эрагон!», «Всадники!», и весь город зазвенел от криков, а потом послышался звон металла о металл, и стали раздаваться пронзительные вопли раненых.

Когда полк Рорана оказался примерно на одной линии с центральной частью возглавляемого Барстом войска, он приказал своим людям развернуться и двигаться на врага.

— Главное, не размыкайте ряды и прикройтесь щитами! Создайте стенку. И в любом случае старайтесь сберечь и защитить наших заклинателей.

Вскоре перед ними появились крайние ряды войска Барста — в основном это были копейщики, в плотном строю нагонявшие первые ряды воинов, уже вступившие в бой с варденами.

Нар Гарцвог издал яростный рев, Роран и другие вардены подхватили его боевой клич и ринулись на врага. Солдаты закричали, явно охваченные паникой, и стали отступать, налетая друг на друга и пытаясь как-то развернуться, но сражаться с таким неуклюжим оружием, как копья, практически не могли.

Роран с каким-то диким воем размахивал молотом, крутил им над головой, и брызги крови разлетались во все стороны; он чувствовал, что с одинаковой легкостью крушит и людские кости, и металл. Воины Гальбаторикса шли таким плотным строем, а улица была так узка, что несчастные копейщики оказались, по сути дела, беспомощными. Роран сразу убил четверых, и ни один из них не успел нанести ему ответного удара.

А Нар Гарцвог, добравшийся уже почти до конца улицы, одним ударом дубинки положил сразу шестерых. Правда, многие воины уже начинали подниматься с земли, хотя, если бы они были способны чувствовать боль, сделать этого никак не смогли бы, ибо своими чудовищными ударами Нар Гарцвог превращал людей в кровавое месиво.

Роран ничего больше не видел, кроме вражеских солдат перед собой и скользкой от крови булыжной мостовой под ногами. И ничего не чувствовал, кроме привычной тяжести молота в руке. Он бил и крушил направо и налево; он приседал, замахивался и вдребезги разбивал человеческие головы; он рычал и орал; он убивал, убивал, убивал, пока, к собственному удивлению, не обнаружил, что перед ним никого нет. Молот с глухим стуком ударил в землю, высекая из булыжника искры, и от этого удара всю его руку до плеча пронзила боль.

Роран тряхнул головой, пытаясь прояснить затуманенные кровавой схваткой мозги; он в прямом смысле *прорубил* себе проход в гуще людей.

И, обернувшись, увидел, что большинство варденов по-прежнему яростно сражаются с воинами Гальбаторикса, которых отчего-то никак не становится меньше. С устрашающим воплем Роран вновь ринулся на врага.

На него тут же разом напали трое солдат — двое с копьями и один с мечом. Роран хотел выбить у него меч, но поскользнулся, наступив на что-то мягкое и мокрое и сумел нанести удар лишь по коленям противника. Тот подпрыгнул, отступил, снова замахнулся мечом и, наверное, успел бы рубануть Рорана, но тут к ним подскочил какой-то эльф и несколькими взмахами меча обезглавил всех троих.

Лишь после этого Роран понял, что это не эльф, а эльфийка, та самая, с которой он разговаривал у городских стен; теперь она была настолько покрыта вражеской кровью, что ее было не узнать. Он не успел даже поблагодарить ее — она тут же метнулась назад, и ее меч, точно призрак, вновь со свистом взметнулся в воздух.

Роран уже не впервые видел эльфов в бою и давно пришел к выводу, что каждый из них стоит по крайней мере пятерых людей, и при этом эльфы еще и магией владеют. Что же касается ургалов, то даже своим не стоило попадаться им на пути. Особенно страшны были куллы, которые в пылу сражения, похоже, не в состоянии были различить, кто его враг, а кто союзник. Этим огромным рогачам ничего не стоило прикончить кого угодно, даже не заметив этого. Роран видел, как один ургал раздавил вражеского

солдата, просто прижав его коленом к стене здания. А куллы запросто сносили вражеским солдатам голову, ударив их в шею ребром щита.

Уличный бой продолжался всего несколько минут, и вскоре на мостовой остались только мертвые.

Смахнув пот со лба, Роран осмотрел опустевшую улицу из конца в конец. На ее дальнем конце еще виднелись остатки того отряда, который они только что наголову разгромили, внезапно вынырнув из боковых переулков; оставшиеся в живых солдаты спешили присоединиться к основному войску. Их, конечно, нетрудно было бы и догнать, но Роран решил, что более выгодно будет направиться туда, где, по всей видимости, состоится основное сражение, и напасть на врага с тыла, тем самым ошеломив его и нарушив целостность его рядов.

— Сюда! — крикнул он, поднимая молот и устремляясь по боковой улице к окраине города.

Мимо просвистела стрела, со звоном вонзившись в край его щита. Он поднял глаза и успел заметить чей-то силуэт, мгновенно исчезнувший за коньком крыши.

Когда улица вывела их на площадь перед разрушенными городскими воротами, глазам Рорана открылось столь ошеломительное зрелище, что он на мгновение замер на месте, не зная, как быть дальше.

Обе армии сошлись и настолько смешались друг с другом, что невозможно было определить, кто где; все ряды были нарушены, не было даже понятно, где передний край сражения. Алые туники воинов Гальбаторикса рассыпались по всей площади поодиночке и группами; бой шел на всех прилегающих к площади улицах, обе армии расплылись по городу, точно пятна краски на воде. В гуще сражающихся Роран заметил и несколько котов — самых обыкновенных, не котов-оборотней! — которые нападали на воинов Гальбаторикса с такой пугающей, дикой свирепостью, какой мог бы позавидовать даже кулл. Эти обыкновенные коты, как догадался Роран, следовали указаниям котов-оборотней.

А в центре площади на большом сером жеребце восседал лорд Барст, и в округлой нагрудной пластине его доспехов отражался огонь пожарищ. Барст время от времени,

как бы лениво, взмахивал своей чудовищной булавой, но каждый раз убивал по крайней мере одного вардена. Стрелы, выпущенные в него, вспыхивали оранжевым пламенем и исчезали; мечи и копья отскакивали от него, словно он был сделан из камня, и даже могучему куллу оказалось не под силу вышибить его из седла. Роран с изумлением увидел, как Барст одним взмахом булавы размозжил этому куллу голову, и под этим ударом огромные рога кулла хрустнули, точно яичная скорлупа.

Роран нахмурился: «Как он мог стать таким сильным и быстрым?» Очевидный ответ — магия, но ведь всякая магия должна иметь свой источник. На палице Барста, как и на его доспехах, не было видно никаких самоцветов; Рорану также казалось сомнительным, чтобы Гальбаторикс, находясь на большом расстоянии от Барста, смог питать его магической энергией. Он хорошо помнил свой ночной разговор с Эрагоном — накануне того дня, когда им удалось спасти Катрину из Хелгринда. Эрагон тогда рассказал ему, что невозможно настолько изменить природу человеческого тела, чтобы он, например, обрел те же физические возможности — скорость и силу, — что и эльф; даже если этот человек — Всадник; именно поэтому он, Эрагон, и был так поражен тем, как изменили его драконы во время праздника Клятвы Крови. Вряд ли возможно, чтобы и Гальбаторикс проделал с Барстом нечто подобное, и все же Роран никак не мог понять, откуда у этого закованного в металлические доспехи и довольно неповоротливого человека такая сила и быстрота реакции.

Барст, натянув поводья, развернул своего жеребца, и по его чрезмерно выпуклой, точно распухшей, нагрудной пластине доспехов скользнул луч света.

У Рорана даже во рту пересохло от неожиданной догадки, но одновременно его охватило отчаяние. Было ясно, что Барст — типичный вояка, а такие люди не склонны отращивать брюхо и позволять себе размякнуть. Да и Гальбаторикс не поставил бы во главе армии Урубаена такого командующего. Так что единственным разумным объяснением Рорану казалось то, что к телу Барста под его странной формы доспехами привязаны Элдунари.

Улица вдруг содрогнулась; по ней прошла темная широкая трещина, и Барст вместе со своим жеребцом должны были, казалось бы, неминуемо туда провалиться, но конь остался стоять... в воздухе словно на твердой земле! Вокруг Барста полыхали странные пятнистые огни, возникали радуги; от него исходили волны то жара, то холода, а потом Роран увидел, как из земли к нему тянутся щупальца льда, пытающиеся обвиться вокруг ног жеребца. Но даже лед оказался над ним не властен. Никакие чары не действовали ни на этого человека, ни на его коня!

Барст снова натянул поводья, пришпорил жеребца и погнал прямо на группу эльфов, стоявших под стеной дома. Эльфы что-то пели на древнем языке, и Роран догадался, что это они пытались воздействовать на Барста с помощью магии.

Размахивая своей палицей, Барст врезался прямо в толпу эльфов, и те бросились в рассыпную, тщетно пытаясь защитить себя, но Барст вдребезги разносил их щиты, ломал мечи и конечности, как тонкие птичьи косточки.

«Почему же не действует магическая защита эльфов? — недоумевал Роран. — Почему они не остановят Барста силой своего духа? Это же всего один человек, и при нем только одно Элдунари».

В нескольких шагах от него большой камень, явно пущенный из катапульты, врезался в гущу сражающихся людей и, оставив за собой яркий красный след, покатился дальше, вдребезги разбив прекрасные статуи у входа в какое-то здание.

Роран присел, выругался, а потом посмотрел туда, откуда был выпущен этот камень. На городской стене продолжалось сражение, и воинам Гальбаторикса удалось отбить у варденов катапульты и другие военные машины.

«Они же обстреливают свой собственный город, — мелькнуло у Рорана в голове. — Они же в своих стреляют!»

Взвыв от отвращения, он отвернулся.

— Мы тут ничем помочь не сможем! — крикнул он воинам своего полка. — Оставьте этого Барста и ступайте по улице вон туда! — Он махнул рукой влево. — Надо пробиться к городской стене и закрепиться на ней!

Если вардены что-то и кричали ему в ответ, то он этого не услышал, потому что сам сразу бросился к стене. А у него за спиной еще один здоровенный камень врезался в гущу сражающихся, и снова послышались крики боли и ужаса.

Та улица, которую выбрал Роран, была битком забита солдатами, с которыми сражались вардены, эльфы и несколько котов-оборотней; вардены сгрудились у двери шляпной мастерской, оказывая яростное сопротивление теснившим их врагам. Вдруг эльфы что-то закричали в один голос, и дюжина солдат Гальбаторикса осталась лежать на земле. Но остальные продолжали наступать.

Нырнув в самую гущу сражения, Роран тут же утратил всякое ощущение времени и пространства, полностью погрузившись в кроваво-красную пелену яростной схватки. Перепрыгивая через лежавших на земле солдат, он нанес удар молотом по шлему того воина, что стоял к нему спиной, и, уверенный, что убил его, щитом отшвырнул другого солдата, а потом вонзил острый конец своего молота ему в горло.

Рядом с ним закричал от боли Дельвин, получив удар копьем в плечо. Размахивая молотом, Роран отогнал копейщика, и Дельвин, вытащив копье из раны, с трудом поднялся с колен.

— Отходи назад! — крикнул ему Роран.

Дельвин только головой помотал и оскалился:

— Нет!

— Отходи назад, черт тебя побери! Это приказ.

Дельвин выругался, но подчинился, и его место занял Хорст.

Могучий кузнец был весь в крови, сочившейся из многочисленных резаных ран на руках и ногах, но, похоже, даже не замечал этих ранений.

Уйдя от удара меча, Роран прыгнул вперед, услышал за спиной какой-то слабый шорох, потом оглушительный удар грома, и земля завертелась у него перед глазами, а сам он погрузился во тьму.

Очнулся он от страшнейшей боли в голове. Над ним было небо, яркое, освещенное лучами восходящего

солнца, и темное подбрюшье скалистого утеса, нависшего над цитаделью.

Роран застонал, но все же заставил себя встать. Оказалось, что упал он у подножия внешней стены города, и рядом с ним виднелось кровавое месиво, оставшееся там, где в людей угодил камень из катапульты, задевший и самого Рорана. Щит его куда-то исчез, исчез и молот, что несколько его огорчило, но как-то невнятно.

Пока он пытался отыскать свое оружие, к нему кинулись сразу пятеро солдат, и один из них ударил его в грудь копьем, отшвырнув к стене; однако острие копья не только не пробило его кольчугу, но даже не царапнуло его.

— Хватайте его! — кричали солдаты.

Роран чувствовал, что они пытаются схватить его за ноги и за руки, и вырывался изо всех сил, но был еще очень слаб, да и голова у него сильно кружилась, а солдат было слишком много. Они наносили ему удар за ударом и все крепче держали его, и он чувствовал, как силы покидают его, а вместе с ними тают и те магические стражи, что заслоняли его от ударов. Мир вокруг словно затянула серая пелена, и Роран, уже почти теряя сознание, вдруг увидел, что изо рта одного из нападающих торчит острие меча.

А потом солдаты и вовсе бросили его и разбежались. Роран, немного придя в себя, увидел какую-то темноволосую женщину, волчком вертевшуюся в гуще вражеских воинов и вращавшую мечом с легкостью опытного воина. За несколько секунд ей удалось положить пятерых, хотя один из них все же успел нанести ей неглубокий порез на левом бедре.

Завершив эту яростную схватку, темноволосая женщина протянула Рорану руку, помогая ему встать, и сказала:

— Приветствую тебя, Молотобоец.

И он увидел, что ее запястье — там, где его не прикрывали изрядно потрепанные наручные доспехи, — покрыто жуткими шрамами, словно было сожжено или иссечено до кости. За спиной у женщины стояла бледнолицая девочка-подросток в доспехах, явно собранных по частям и не слишком ей подходящих, и мальчик, годом или двумя младше.

– Ты кто? – спросил Роран.

Лицо у женщины было впечатляющим: широкое, с крепкими скулами, с бронзовой, исхлестанной ветрами кожей – лицо человека, который большую часть жизни провел под открытым небом.

– Так, случайная прохожая, – сказала она. Потом наклонилась, подняла одно из копий и сунула его Рорану.

– Спасибо тебе!

Она молча кивнула и вместе со своими юными спутниками рысцой побежала к центру города и исчезла между домами.

Роран, потрясенный этой встречей и своим неожиданным спасением, некоторое время смотрел им вслед, потом встряхнулся и поспешил к своим.

Воины его полка приветствовали его изумленными криками и сразу несколько воодушевились. Когда Роран вместе с ними снова ринулся в атаку, кто-то из жителей Карвахолла сказал ему, что тот же камень, что так сильно его задел, убил Дельвина на месте. Это печальное известие пробудило в душе Рорана еще большую ярость и ненависть к врагу, и он с удвоенной свирепостью стал крушить воинов Гальбаторикса, стремясь как можно скорее завершить эту битву и добиться победы.

ИМЯ ВСЕХ ИМЕН

Эрагон, подавляя страх, решительно двинулся вместе с Арьей, Эльвой и Сапфирой к тому возвышению, на котором стоял трон. Гальбаторикс смотрел на них, по-прежнему расслабленно раскинувшись и опираясь руками о подлокотники.

Шли они достаточно долго, и у Эрагона хватило времени кое-что обдумать, однако большую часть возникших у него идей он тут же и отмел как неосуществимые. Он прекрасно понимал: одной силы недостаточно, чтобы победить Гальбаторикса, нужна еще и хитрость, а вот хитрости-то в нем, Эрагоне, как раз и было недостаточно. Впрочем, выбора у него не было — теперь оставалось только сразиться со своим главным противником.

С обеих сторон ярко освещенный беспламенными светильниками, проход к тронному возвышению был достаточно широк, чтобы они все четверо смогли по нему пройти бок о бок. И Эрагон был этому очень рад: ему всегда становилось легче, если Сапфира оказывалась рядом.

Тем временем он продолжал изучать обстановку. Странный это был зал — во всяком случае, для приема гостей столь великим правителем он был, по мнению Эрагона, чересчур мрачен. Помимо ярко освещенного прохода к трону, большая его часть скрывалась во мраке, местами непроницаемом; этот зал был даже мрачнее подземных залов Тронжхайма и Фартхен Дура; в воздухе чувствовался сухой мускусный запах, который показался Эрагону знакомым, однако он никак не мог понять, чей это запах.

«А где же Шрюкн?» — спросил он у Сапфиры. Она фыркнула:

«Я чую его запах, но не слышу его».

Эльва нахмурилась и прошептала:

— Я тоже его не чувствую.

Им оставалось шагов десять — пятнадцать, когда висевшие за троном тяжелые черные занавеси, сделанные из какого-то бархатистого материала, вдруг взметнулись до самого потолка. Эрагон и его товарищи тут же остановились и замерли на месте.

Тень упала на лицо Гальбаторикса, но он наклонился вперед, и Эрагону удалось наконец его рассмотреть. У правителя Империи было продолговатое, худощавое лицо, гладко выбритое, с густыми бровями и острым, как клинок, носом. Глаза у него были жесткие, как камни, а радужки такие большие, что белков почти не было видно. Губы тонкие, рот довольно большой, с чуть опущенными книзу уголками; аккуратно подстриженная бородка и усы его были черны как уголь. Одет он был тоже во все черное. Возраст его было трудно определить, но выглядел он лет на сорок — как человек в самом расцвете сил, но уже начинающий чувствовать груз прожитых лет. Его лоб пересекали довольно глубокие морщины, и по обе стороны от носа вниз тоже спускались морщины; кожа была очень загорелая, но какая-то странно истонченная, увядшая, словно он всю зиму питался только кроличьим мясом и вареным турнепсом. Плечи у Гальбаторикса были широкие, талия стройная, подтянутая, и вообще сложен он был хорошо.

Его голову украшала корона из красноватого золота, усеянная самоцветами. Корона, похоже, была старинной — куда старше, чем этот зал, и Эрагон подумал: уж не королю ли Паланкару когда-то принадлежала эта корона?

На коленях у Гальбаторикса *лежал меч. Совершенно* очевидно, это был меч Всадника. Но Эрагону никогда прежде не доводилось видеть *таких* мечей: его лезвие, рукоять и гарда были белоснежными, а драгоценный бриллиант, вделанный в рукоять, был совершенно прозрачен и чист, как горный ручей. И потом, было в этом мече нечто такое, что вызывало в душе Эрагона смутное беспокойство. Его цвет — точнее, *отсутствие цвета* — напоминал выбеленные солнцем мертвые кости. Это был цвет смерти, не жизни.

Он казался куда более опасным, чем любой темный оттенок, пусть даже совсем черный.

Гальбаторикс на каждого по очереди пристально глянул своими острыми, но как-то странно застывшими глазами и сказал:

— Итак, вы явились, чтобы меня убить. Ну что ж, тогда начнем? — Он поднял с колен свой меч и широко раскинул руки, словно приветствуя дорогих гостей.

Эрагон прочнее уперся ногами в пол и поднял свой меч и щит. Радушное приглашение Гальбаторикса встревожило его: «Да он же с нами играет!»

По-прежнему не отпуская конец копья Даутхдаэрт, Эльва шагнула вперед и стала что-то говорить, обращаясь к Гальбаториксу, однако из уст ее не вырвалось ни звука, и она испуганно оглянулась на Эрагона.

Эрагон попробовал ее успокоить, связавшись с нею мысленно, но отчего-то не почувствовал ни одной ее мысли; казалось, Эльва куда-то из этой комнаты исчезла.

Гальбаторикс рассмеялся, снова положил меч на колени и с явным удовлетворением откинулся на спинку трона.

— Неужели ты, детка, думала, что я не знаю о твоих способностях? Неужели ты надеялась с помощью своей жалкой уловки сделать меня беспомощным? О, я не сомневаюсь: твои слова могли бы навредить мне, но только в том случае, если бы я их услышал. — Его бескровные губы изогнулись в жестокой усмешке. — Какая глупость! Значит, *это* и есть твой план, Эрагон? Девочка, которая и рта открыть не сможет, пока я ей этого не позволю? Копье, которому место скорее на стене, чем в бою? Коллекция Элдунари, выживших из ума от старости? Ц-ц-ц! А о тебе, Арья, я был о тебе более высокого мнения. Как и о тебе, Глаэдр. Впрочем, чувства, видно, помутили твой разум с тех пор, как Муртаг по моему приказу уничтожил Оромиса.

И Эрагон, Сапфира и Арья услышали мысленный приказ Глаэдра: «Убейте его!» Тон золотистого дракона казался спокойным, но под этой кажущейся безмятежностью таился гнев такой силы, что все прочие чувства меркли в сравнении с ним.

Эрагон быстро переглянулся с Арьей и Сапфирой, и все трое ринулись в атаку; Глаэдр, Умаротх и остальные Элдунари попытались подчинить себе мозг Гальбаторикса.

Но прежде чем Эрагон успел сделать каких-то два шага, Гальбаторикс, вскочив со своего бархатного сиденья, громко выкрикнул какое-то Слово. Эти звуки с такой силой отдались в душе Эрагона, что каждая клеточка его существа, казалось, задрожала в ответ; казалось, он стал неким инструментом, по струнам которого ударил умелый музыкант. И все же, несмотря на столь бурную реакцию души и тела, Эрагон не смог вспомнить и воспроизвести это Слово; оно словно растаяло в его памяти, оставив лишь понимание того, что оно действительно было произнесено и подействовало на него удивительно сильно.

Затем Гальбаторикс изрек и некоторые другие слова, но ни одно из них, похоже, не обладало могуществом первого. Впрочем, Эрагон был слишком ошеломлен и даже не пытался понять смысл его последующих высказываний. И когда на устах правителя умолк последний звук, Эрагон почувствовал, что полностью находится во власти некой неведомой силы, заставившей его остановиться, так и не завершив начатый шаг. От неожиданности он охнул и попытался поставить на пол поднятую ногу, но не смог. Он не мог даже пошевелиться — казалось, тело его вмуровано в каменную глыбу. Он мог только дышать, смотреть и, как выяснилось впоследствии, говорить.

Он не понимал: как же так? Ведь магические стражи должны были защитить его от чар Гальбаторикса. У него было такое ощущение, словно он с трудом удерживается на самом краешке бездонной пропасти.

Рядом с ним Сапфира, Арья и Эльва тоже застыли — похоже, и они были точно так же обездвижены.

Эрагон, злясь на себя за то, что Гальбаториксу удалось так легко его поймать, мысленно связался с Элдунари и понял, что им не удается атаковать сознание Гальбаторикса: им противостояли слишком многочисленные Элдунари других драконов, и все эти плененные души что-то ворчали, напевали и пронзительно вскрикивали, создавая такой безумный, хаотический хор, и в голосах этих драконов

слышалась такая боль и печаль, что Эрагону захотелось немедленно прервать связь, пока они и его не втянули в этот водоворот безумия. Подчиненные Гальбаториксу души драконов тоже были очень сильны; по всей видимости, когда они были живы, большинство было даже крупнее Глаэдра.

Благодаря их защите мысленно атаковать Гальбаторикса также не удавалось. Каждый раз, когда Эрагону казалось, что он вот-вот коснется его сознания, в его мысли злобно врывался кто-то из драконов-рабов и заставлял его отступать. Сражаться с Элдунари этих драконов было невероятно трудно — и в первую очередь из-за их диких, неадекватных мыслей, а пытаться подчинить себе сознание кого-то из них Эрагону и вовсе не удавалось: это было похоже на попытку удержать руками бешеного волка. К тому же этих Элдунари было куда больше, чем тех, кого Всадники успели спрятать в Своде Душ.

Но Гальбаторикс не стал ждать, когда та или иная сторона добьется преимущества в схватке; собственно, его вообще почти не занимала эта невидимая битва. Он вдруг воскликнул:

— Ну, дорогие мои, выходите, встречайте наших гостей!

И откуда-то из-за трона вышли мальчик и девочка, которые остановились по правую руку правителя. Девочке на вид было лет шесть, а мальчику — лет восемь или девять. Они были очень похожи друг на друга, и Эрагон догадался, что это брат и сестра. Оба были в ночных рубашках, и девочка цеплялась за руку брата и пряталась за него. Мальчик, хоть и был тоже испуган, держался более мужественно. Даже сопротивляясь воздействию, которое начинали оказывать на него Элдунари Гальбаторикса, Эрагон сумел почувствовать мысли этих детей — оба пребывали в ужасе и смятении — и понял, что они настоящие.

— Разве она не очаровательна? — спросил Гальбаторикс, одним длинным пальцем приподнимая за подбородок лицо девочки. — Такие большие глазки, такие чудесные волосы. Да и парнишка — настоящий красавец! — Он положил руку мальчику на плечо. — Дети, как говорится, наше

общее благословение, хоть я лично этой точки зрения и не разделяю, ибо на собственном опыте убедился: дети ничуть не менее жестоки и мстительны, чем и взрослые. У них просто пока не хватает сил, чтобы подчинить своей воле других.

Возможно, вы со мной согласитесь, а может, и нет, но вне зависимости от этого я знаю, что вы, вардены, гордитесь собой и своей добродетелью. Вы считаете себя носителями справедливости, защитниками невинных — как будто есть по-настоящему невинные! — благородными воителями, сражающимися с неким древним злом. Ну что ж, прекрасно! Давайте испытаем ваши убеждения и посмотрим, действительно ли они таковы. Если вы немедленно не прекратите ваши попытки меня атаковать — как физически, так и с помощью мысленного воздействия, — я убью их обоих. — И он сильно тряхнул мальчика за плечо. — На самом деле, если вы как-то особенно станете мне досаждать или просто чем-то меня расстроите, я этих детей все равно убью, так что советую вам быть со мной более вежливыми и осторожными. — От этих его слов мальчик и девочка, казалось, совсем сникли, но никакой попытки убежать не сделали.

Эрагон посмотрел на Арью и увидел, что его отчаяние отражается и в ее глазах.

«Умаротх!» — мысленно воззвали они оба.

«Нет», — прорычал белый дракон, сражаясь с мощным Элдунари-рабом.

«Тебе придется нам помочь!» — воскликнула Арья.

«Нет!»

«Он же убьет их», — сказал Эрагон.

«Нет! Мы не намерены отступать! Только не теперь!»

«Довольно! — проревел Глаэдр. — Детеныши в опасности!»

«Еще большее число детенышей окажется в опасности, если мы не прикончим этого Губителя Яиц!»

«Да, но сейчас не самый подходящий момент, — возразила Арья. — Подождите еще немного, и, возможно, мы сумеем найти способ получше, не рискуя жизнью этих несчастных детей».

«А если не найдете?» — спросил Умаротх.

Ни Эрагон, ни Арья на этот вопрос ответить, разумеется, не смогли.

«Тогда мы сами сделаем то, что считаем нужным», — сказала Сапфира, и Эрагон вздрогнул от ужаса, понимая при этом, что Сапфира права. Невозможно было сопоставлять судьбу этих детей с судьбой всей Алагейзии. Если будет возможно, они, конечно, спасут их обоих, но такой возможности у них не возникнет, они снова пойдут в атаку на Гальбаторикса. Иного выбора он не видел.

Когда возмущение Умаротха и других Элдунари несколько стихло, Гальбаторикс улыбнулся и сказал:

— Так-то лучше. Теперь можно и поговорить, как цивилизованные существа, не тревожась о том, кто кого пытается убить. — Он погладил мальчика по голове и указал ему на ступени тронного возвышения. — Сядьте. — Дети, не споря, тут же уселись на самой нижней ступеньке — как можно дальше от Гальбаторикса. А он, взмахнув рукой, промолвил: — Кауста! — как бы подзывая к себе Эрагона и всех остальных, и через секунду они уже стояли у подножия тронного возвышения.

Более всего Эрагона смущало то, что ни у кого из них не действует магическая защита. Он вспомнил то Слово — что бы оно ни обозначало, — и страшное подозрение возникло в его душе. А за ним — и безнадежность. Несмотря на все их заранее продуманные планы, несмотря на все их тревоги и страдания, несмотря на все их жертвы, Гальбаторикс взял их в плен с той же легкостью, с какой жестокий хозяин складывает в шапку выводок новорожденных котят, чтобы их утопить. И если подозрение Эрагона имело основания, значит, этот бывший Всадник обладал куда большим могуществом, чем это можно было предположить.

И все же они не были совершенно беспомощны. Их мысли, их сознание пока что принадлежали им самим. И насколько мог судить Эрагон, в какой-то степени они по-прежнему могли пользоваться магией, а значит...

Он вдруг почувствовал, что Гальбаторикс смотрит прямо на него.

— Значит, это ты доставил мне столько неприятностей, Эрагон, сын Морзана. Мы с тобой давным-давно должны были бы встретиться. Если бы твоя мать не проявила такой глупости и не спрятала тебя в Карвахолле, ты бы вырос здесь, в Урубаене, как сын знатного семейства, и обрел бы соответствующее богатство и ответственность, с таким положением связанную. Ты не тратил бы время зря, вместе с варденами копаясь в грязи. Но, как бы то ни было, теперь ты здесь, и все это наконец станет твоим. Все это принадлежит тебе по праву рождения, это твое наследие, и я позабочусь, чтобы ты его получил. — Он вглядывался в Эрагона со все возрастающим вниманием, а потом сказал: — Ты, пожалуй, больше похож на мать, чем на отца. А вот у Муртага все наоборот. Впрочем, это неважно. На кого бы из своих родителей вы ни были похожи, по справедливости ты и твой брат просто обязаны служить мне, как это делали и ваши родители.

— Никогда! — прошипел Эрагон сквозь стиснутые зубы.

Тонкая усмешка искривила губы Гальбаторикса.

— Никогда? Это мы посмотрим. — Он посмотрел на Сапфиру. — А ты, Сапфира? Тебя я рад видеть более всех моих сегодняшних гостей. Ты отлично выглядишь и стала вполне взрослой. Ты помнишь это место? Помнишь мой голос? Я немало ночей провел в беседах с тобой и другими детенышами, находившимися в яйцах. Я заботился о вас, даже когда еще только утверждал свое господство в Алагейзии.

«Я... я кое-что помню», — сказала Сапфира, и Эрагон передал ее слова Гальбаторикcу. Сама она не захотела мысленно общаться с ним. Впрочем, и Гальбаторикс ей бы этого не позволил. То, что их мысли оставались независимыми друг от друга, лучше всего защищало их обоих, пока дело не дошло до открытого противостояния.

Гальбаторикс кивнул.

— И я уверен: ты еще многое сумеешь вспомнить, когда подольше пробудешь в этих стенах. Ты, возможно, в те времена этого и не сознавала, но большую часть своей жизни ты провела в комнате, которая находится неподалеку отсюда. Это твой *дом*, Сапфира. Твой родной дом. Здесь ты построишь свое гнездо, здесь отложишь свои яйца.

Сапфира прищурилась, и Эрагон почувствовал в ее душе некое страстное желание, смешанное с обжигающей ненавистью.

А Гальбаторикс продолжал говорить, обращаясь уже к Арье:

— Арья Дрёттнингу, похоже, судьба сыграла с тобой злую шутку. Вот ты и сама сюда явилась. Помнишь, как я когда-то приказал тебя сюда доставить? Тебе пришлось идти окольным путем, но ты все же оказалась здесь. Да к тому же пришла по собственной воле. Я нахожу это довольно забавным. А ты?

Арья лишь крепче сжала губы и ничего не ответила.

Гальбаторикс усмехнулся:

— Признаюсь, достаточно долго ты была для меня настоящей колючкой в заднице. Ты, правда, причинила мне несколько меньше неприятностей, чем этот смутьян Бром, но тоже времени даром не теряла. Можно было бы даже сказать, что вся эта ситуация — это, в известной степени, твоих рук дело. Ведь это ты отправила яйцо Сапфиры Эрагону. Но я не держу на тебя зла. Если бы не ты, Сапфира могла и вообще не проклюнуться, а я не смог бы выманить последнего моего врага из его логова в Карвахолле. Уже за одно это я должен быть тебе благодарен. Теперь ты, Эльва, девочка с печатью Всадника на лбу, отмеченная драконами и благословенной способностью воспринимать боль ближнего и чувствовать все то, что *имеет намерение* причинить ему боль. Как ты, должно быть, страдала из-за этой непростительной ошибки! Как презирала всех за их слабость, ибо была вынуждена волей-неволей разделять с ними все их беды! Впрочем, вардены весьма убого использовали твои возможности. Но ничего. Сегодня я положу конец всем сражениям, которые так истерзали твою душу, и тебе больше не придется терпеть чужую боль, чужие страдания и чужие ошибки. Это я тебе обещаю. Порой, возможно, и мне понадобится твое умение, но в основном ты сможешь жить в мире и покое и заниматься всем, чем твоей душе угодно.

Эльва нахмурилась; было заметно, что предложение Гальбаторикса искушает ее неокрепшую душу. Слушать

его, понял Эрагон, может быть, не менее опасно, чем слушать Эльву.

Гальбаторикс помолчал, водя пальцем по украшенной финифтью рукояти своего меча и поглядывая исподлобья на Эльву и Эрагона. Затем он повернулся в том направлении, где в воздухе плавали невидимые глазу Элдунари, и на лицо его набежала мрачная тень.

— Передай мои слова Умаротху в точности так, как я произнесу их, — сказал он Эрагону. — Мы с тобой снова встретились, как враги, Умаротх, хоть я и был уверен, что убил тебя тогда, на острове Врёнгард.

Умаротх ответил, и Эрагон уже начал передавать его ответ вслух:

— Он говорит, что...

Но тут вмешалась Арья и закончила вместо него:

— Что ты убил лишь его тело.

— Ну, это-то очевидно! — воскликнул Гальбаторикс. — Где же Всадники прятали тебя и тех, что явились с тобой? На Врёнгарде? Или где-то еще? Мои слуги — да и сам я — самым тщательным образом обыскали руины Дору Арибы, но ничего там не обнаружили.

Эрагон колебался, не решаясь произнести вслух ответ Умаротха, поскольку этот ответ наверняка разозлил бы Гальбаторикса, но выбора у него не было:

— Он говорит, что... никогда по своей воле тебе об этом не расскажет!

Гальбаторикс так насупился, что брови его совсем сошлись на переносице.

— Это он сейчас так говорит. Ну что ж, достаточно скоро он все мне расскажет — хочет он этого или нет. — Гальбаторикс погладил рукоять своего ослепительно-белого меча. — Я взял этот меч у его хозяина, Всадника Враиля, когда убил его в той сторожевой башне, что смотрит на долину Паланкар. Враиль дал своему мечу имя Ислингр, что означает «приносящий свет», но я решил, что ему больше подходит имя Врангр.

«Врангр», «искаженный, неправильный», и тут Эрагон был, пожалуй, согласен: это имя больше подходило мечу, который теперь служил человеку, убившему его хозяина.

У них за спиной раздался глухой удар, и Гальбаторикс улыбнулся.

— Ага! Вот это хорошо. Итак, вскоре к нам присоединятся Муртаг и Торн, тогда-то мы и начнем настоящие переговоры. — После этих его слов в зале послышался еще один звук, более всего напоминавший шелест сильного ветра и исходивший, казалось, со всех сторон. Гальбаторикс глянул через плечо и сказал: — Кстати, весьма неразумно с вашей стороны было начать атаку с утра пораньше. Я-то уже не спал — я обычно встаю еще до рассвета, — но вы разбудили Шрюкна. А он, если его не вовремя разбудить, становится весьма раздражительным; а когда он раздражен, то обычно закусывает людьми, желая себя утешить. Моя стража давным-давно усвоила, что Шрюкна нельзя тревожить, когда он отдыхает. Жаль, что вы не последовали их примеру.

И тут занавеси за троном Гальбаторикса шевельнулись, потом взметнулись до самого потолка, и Эрагон с ужасом понял, что на самом деле это крылья дракона!

Черный дракон лежал, свернувшись на полу и обвивая телом трон; голова его была, оказывается, почти рядом с лицом Гальбаторикса, а мощное тело казалось стеной невероятной высоты и крутизны. Чешуя Шрюкна не сверкала, как чешуя Сапфиры, а скорее вспыхивала искрами и была похожа на темную жидкость. То, что его черные, как чернила, чешуи были почти непрозрачными, делало их еще более прочными на вид. Такой прочной чешуи Эрагон еще ни у кого из драконов не видел; казалось, Шрюкн облачен в кольчугу из камня или сверхпрочного металла.

И он был невероятно огромен! Эрагон сперва даже не сумел до конца оценить размеры этого существа. Он видел лишь часть изогнутой шеи Шрюкна, но ему казалось, что это большая часть его тела; он видел сустав его задней лапы, но полагал, что это лопатка. Одну лишь складку драконьего крыла он принял за целое крыло. И лишь когда он посмотрел вверх и увидел шипы, торчавшие вдоль хребта Шрюкна, до него стало доходить, каков этот ящер на самом деле. Каждый шип был толщиной со ствол старого дуба, а чешуи на хребте вокруг шипов в ширину были никак не меньше фута.

Шрюкн, приоткрыв один глаз, посмотрел на незваных гостей. Радужка в этом глазу была бело-голубой, цвета высокогорных ледников, и на фоне черной чешуи глаз казался каким-то особенно ярким.

Прищуренный глаз дракона скользил по их лицам, явно изучая, но в глубине его взгляда таились ярость и безумие, и Эрагон совершенно отчетливо почувствовал: Шрюкн тут же убил бы их, если бы Гальбаторикс ему это позволил.

Взгляд громадного драконьего глаза, прямо-таки источавшего злобу, вызывал у Эрагона желание убежать и спрятаться в какую-нибудь щель глубоко-глубоко под землей. Так, наверное, кролик чувствует себя, оказавшись перед огромным зубастым хищником, от которого нет спасения.

Сапфира, стоявшая рядом с Эрагоном, негромко зарычала, и чешуи у нее на спине задрожали и встали дыбом.

В ответ язычки пламени появились в зияющих провалах ноздрей Шрюкна, и он тоже зарычал в ответ, совершенно заглушив голос Сапфиры и наполнив зал гулом горного обвала.

Сидевшие на ступеньках тронного возвышения дети дружно пискнули и свернулись клубком, спрятав головы между коленями.

— Тихо, Шрюкн, — сказал Гальбаторикс, и черный дракон умолк и снова прикрыл свой глаз веком, но не до конца: он продолжал наблюдать за «гостями», словно выбирая подходящий момент для прыжка.

— Вы ему не понравились, — сказал Гальбаторикс. — Но, с другой стороны, ему никто не нравится, верно, Шрюкн? — Дракон всхрапнул, и в воздухе сильно запахло дымом.

Эрагона снова охватило чувство безысходности. Этот Шрюкн был способен убить Сапфиру одним ударом лапы. И хотя этот зал весьма просторен, вряд ли она сумела бы долго уходить от его ударов. Затем безысходность сменилась какой-то отчаянной яростью, почти бешенством, и Эрагон рванулся в своих невидимых путах и крикнул, напрягая каждый мускул:

— Как ты сумел сотворить с нами такое?

— Мне бы тоже очень хотелось это знать, — поддержала его Арья.

Глаза Гальбаторикса блеснули из-под густых бровей.

— Разве ты не догадываешься, эльфийка?

— Я бы предпочла не догадываться, а получить прямой ответ, — сказала Арья.

— Ладно. Но сперва вы должны кое-что сделать, чтобы полностью убедиться в том, что я говорю правду. Попытайтесь оба произнести какое-нибудь заклинание, и после этого я скажу вам, в чем тут дело. — Поскольку и Эрагон, и Арья продолжали молчать, Гальбаторикс, сделав приглашающий жест, повторил: — Ну же, произнесите любое заклинание. Обещаю, что не стану вас наказывать, чего бы вы ни пожелали. Ну, давайте... Я настаиваю!

Арья попыталась первой.

— Тхраутха, — сказала она негромко, но твердо, и Эрагон догадался, что она пытается послать копье Даутхдаэрт в Гальбаторикса. Однако оружие так и осталось у нее в руке.

Затем заговорил Эрагон.

— Брисингр! — воскликнул он, надеясь, что его тесная связь с мечом позволит применить магию, тем более что это не удалось сделать Арье. Но, к его огромному разочарованию, клинок остался недвижим, мертво поблескивая в неярком свете светильников.

Взгляд Гальбаторикса стал более пристальным.

— Ответ должен быть вам очевиден. Особенно тебе, эльфийка. Я потратил большую часть минувшего столетия, чтобы добиться таких результатов, но все же нашел то, что искал: способ управлять всеми заклинателями Алагейзии. Это были нелегкие поиски; большая часть моих помощников в отчаянии сдавалась, или же, если у них все же хватало терпения, их побеждал страх. Но я не сдавался. Я был настойчив. И в итоге сумел отыскать то, к чему давно стремился: некую табличку с надписью, сделанной в других землях и в другие времена руками тех, кого нельзя назвать ни эльфами, ни гномами, ни людьми, ни ургалами. И на этой табличке было написано некое Слово — некое Имя. За этой табличкой маги всех времен и народов охотились долгие века, но тщетно, обретая лишь горькое разочарование. — Гальбаторикс поднял палец. — Это имя всех имен. Имя древнего языка.

Эрагон с трудом сдержал рвущееся с языка проклятие. Значит, это правда! «Значит, именно это пытался сказать мне в подземельях Хелгринда тот раззак», — думал он, вспоминая слова одного из этих чудовищных полулюдей-полужуков: «Он уже почти нашел это имя... Истинное имя!»

Но каким бы обескураживающим ни было откровение Гальбаторикса, Эрагон все же цеплялся за ускользающую надежду на то, что даже имя всех имен не сможет помешать ему, Арье или Сапфире воспользоваться магией, если они не будут *употреблять слова древнего языка.* Хотя проку от этого, наверное, будет немного. Наверняка магия защищает Гальбаторикса и Шрюкна от любых заклинаний. И все же, если Гальбаторикс не знает, что магией можно воспользоваться, и не употребляя слов древнего языка, или же если он считает, что *это неизвестно им самим,* тогда они, возможно, и сумеют застать его врасплох и, может быть, на несколько мгновений отвлечь. Впрочем, Эрагон не был уверен, что это им так уж поможет.

А Гальбаторикс продолжал:

— С помощью этого Слова я могу полностью перестраивать чужие заклинания с той же легкостью, с какой некоторые маги могут повелевать силами природы. В итоге все заклинания подчинятся только моей воле, и ни одно из них не сможет оказать на меня воздействие. За исключением тех, которые выберу я сам.

«Возможно, он все-таки этого не знает», — думал Эрагон, и в сердце его зародилась искра отчаянной надежды и решимости.

— Именно этим Словом я и воспользуюсь, — гордо заявил Гальбаторикс, — чтобы держать в узде всех магов Алагейзии. Ни один из них не посмеет произнести заклятие без моего на то соизволения! Ни один — даже эльфы! И между прочим, как раз в данный момент ваши заклинатели открывают для себя эту истину. Как только они осмелились отойти от центральных ворот и углубиться в город, их магия перестала действовать. У некоторых это произошло сразу, а у других заклятия полностью исказились, так что все их усилия оказались направленными *против своих.* — Гальбаторикс помолчал, чуть склонив голову набок; взгляд его даже

приобрел некий оттенок мечтательности; казалось, он слушал кого-то невидимого, шепчущего ему на ухо. — Это вызвало величайшее смятение в рядах варденов.

Эрагон с трудом подавил желание плюнуть ему в рожу.

— Ничего, мы еще сумеем найти способ не только остановить тебя, но и победить!

Гальбаторикс глянул на него с каким-то мрачным весельем:

— Вот как? Ты действительно так думаешь? Но как вы сможете это сделать? И зачем это вам? Подумай, что ты говоришь. Неужели ты хочешь лишить Алагейзию первой в ее истории возможности обрести настоящий мир и покой исключительно ради того, чтобы удовлетворить собственную жажду мести? Неужели ты хочешь, чтобы маги повсеместно продолжали делать все, что им заблагорассудится, не заботясь о том вреде, который они наносят другим? На мой взгляд, это гораздо хуже того, что сделал я. А впрочем, все это пустые разговоры. Самые лучшие из Всадников не сумели меня победить, на что же ты-то надеешься? Разве ты можешь равняться с ними? Нет, никому из вас никогда меня не победить!

— Я убил Дурзу, я убил раззаков, — спокойно сказал Эрагон, — так почему бы мне и тебя не убить?

— Я не столь слаб, как те, что мне служат. Ты же не сумел победить Муртага? А ведь он всего лишь тень моей тени. Кстати, твой отец, Морзан, был куда сильнее вас обоих. Но и он не смог мне противиться. И потом, — на лице Гальбаторикса появилась жестокая злая усмешка, — ты зря считаешь, что уничтожил раззаков. Те яйца в Драс-Леоне были далеко не единственными, отнятыми мною у Летхрблака. У меня имеются и другие, и немало. Все они спрятаны в надежном месте и вскоре проклюнутся. Вот тогда раззаки вскоре вновь станут бродить по всей земле, подчиняясь моей воле. Что же касается Дурзы, то шейдов сделать нетрудно, и они зачастую приносят больше беспокойства, чем нужно, так что я уже не уверен, что с их *изготовлением* стоит возиться. Как видишь, ты ничего не выиграл; мой мальчик, совершив столько подвигов, и все твои победы — пшик, пустяк!

Отвратительней всего было именно это самодовольство Гальбаторикса, его ощущение полного превосходства надо всеми. Эрагону страшно хотелось наброситься на него с кулаками, проклиная его самыми страшными из известных ему проклятий, но ради детей, скорчившихся у подножия трона, он прикусил язык и лишь мысленно спросил у Сапфиры, Арьи и Глаэдра:

«У вас есть какие-нибудь идеи?»

«Нет», — сказала Сапфира. Остальные промолчали.

«Умаротх, а у тебя?»

«Мы должны напасть на него, пока еще в силах сделать это!» — прорычал старый дракон.

Минута прошла в молчании. Гальбаторикс, опершись о локоть и положив на руку подбородок, внимательно наблюдал за ними. У его ног тихо плакали мальчик и девочка. А над ним точно огромный льдисто-голубой фонарь светился глаз Шрюкна.

Затем они услышали, как двери зала открылись и закрылись, затем послышались *приближающиеся шаги* — шаги человека и дракона, — и в поле *их зрения появились* Муртаг и Торн. Они остановились рядом с Сапфирой, и Муртаг поклонился Гальбаториксу:

— Господин мой...

Тот слегка махнул рукой, и Муртаг с Торном подошли к трону и встали справа от него.

Муртаг, посмотрев на Эрагона с нескрываемым отвращением, сцепил руки за спиной и уставился куда-то в дальний угол зала, более не обращая внимания на своего сводного брата.

— Ты что-то задержался, — сказал Гальбаторикс обманчиво-ласковым тоном.

Муртаг, не глядя на него, ответил:

— Ворота оказались повреждены значительно сильнее, чем я предполагал, а те заклинания, которые ты, господин мой, на них наложил, лишь мешали приводить их в порядок.

— Ты хочешь сказать, что это я виноват в твоей задержке?

На щеках у Муртага заиграли желваки, но он спокойно ответил:

— Нет, господин мой. Я просто хотел объяснить. Кроме того, половина коридора, ведущего в тронный зал, была... в некотором беспорядке, и это тоже немного нас задержало.

— Ясно. Поговорим об этом позже. Сейчас у нас есть и более неотложные дела. Во-первых, пора нашим гостям встретиться с последним членом нашего собрания. А для этого неплохо бы прибавить тут освещения.

И Гальбаторикс, плашмя ударив лезвием меча по подлокотнику трона, глубоким звучным голосом произнес: «Найна!»

Повинуясь его приказу, на стенах ожили сотни светильников, заливая все вокруг теплым светом, похожим на пламя свечей. В углах зала, правда, по-прежнему таилась мгла, но впервые Эрагон смог более подробно рассмотреть то, что их окружает, — например, множество колонн и дверей, а также статуи, стоявшие вдоль стен, разнообразные живописные полотна и красивые, выполненные золотом на пергаменте надписи в рамах. Золота, серебра и сверкающих самоцветов в зале было с избытком. Здешнее богатое убранство, пожалуй, даже превосходило роскошные залы Тронжхайма и Эллесмеры.

Через какое-то время Эрагон заметил еще какую-то странную каменную плиту, похоже из серого гранита. Раньше эта плита совершенно скрывалась во тьме, но теперь Эрагон смог ее рассмотреть и, к ужасу своему, увидел, что к ней цепями прикована Насуада! Она была в одной ночной рубахе, изорванной и покрытой страшноватыми пятнами, и смотрела на них широко открытыми глазами. Говорить она не могла — рот ее был заткнут кляпом — и выглядела измученной и безмерно усталой, но все же явно была цела.

Эрагону сразу стало легче. Ведь он и не надеялся уже увидеть Насуаду живой.

— Насуада! — крикнул он. — Ты как? Ты здорова?

Она кивнула.

— Он заставил тебя принести ему клятву верности?

Она помотала головой.

— Неужели ты думаешь, что я позволил бы ей сказать тебе, если б мне удалось заставить ее сделать это? — усмехнулся Гальбаторикс. И Эрагон заметил, как Муртаг бросил быстрый озабоченный взгляд в сторону Насуады.

«Интересно, — подумал он, — что означает этот взгляд?»

— Значит, тебе это не удалось? — с вызовом спросил Эрагон.

— Пока что нет. Я решил подождать и для начала собрать всех вас вместе. Теперь вот собрал, и ни один отсюда не выйдет, пока все не поклянутся мне в верности, а также — пока я не узнаю ваши истинные имена. *Именно по этой причине* я и собрал вас здесь. Так что вам было позволено проникнуть в мой дворец вовсе не для того, чтобы убить меня; нет, я пропустил вас, чтобы вы могли преклонить передо мной колени и завершить наконец этот изрядно мне надоевший бунт.

Сапфира снова зарычала, и Эрагон сказал:

— Мы тебе не подчинимся! — Но даже ему самому показалось, как слабо и беззубо прозвучали в его устах эти слова.

— Тогда они умрут, — пожал плечами Гальбаторикс и указал на детей. — Неужели вы не понимаете, что уже проиграли? Там, снаружи, битва не приносит вашим сообщникам никакого успеха. Вскоре мои люди заставят их сдаться, и эта война подойдет наконец к своему логическому завершению, предначертанному судьбой. Если хотите, можете, конечно, сражаться. Можете отрицать неизбежность судьбы, если вас это утешает. Но ничто, что бы вы ни делали, не изменит ее велений. Как не изменит и судьбы всей Алагейзии.

Эрагон не желал даже думать о том, что ему и Сапфире до конца дней своих предстоит подчиняться приказам Гальбаторикса. Сапфира испытывала те же чувства, и ее гнев, слившись с его гневом, испепелил без остатка весь его страх и осторожность. И Эрагон сказал на древнем языке:

— Ваэ веохната оно вергари, эка тхаёт отхерум! (Мы убьем тебя, клянусь в этом!)

Несколько секунд Гальбаторикс то ли озадаченно, то ли огорченно смотрел на него, а затем снова произнес то Слово — и еще какие-то слова древнего языка, — и клятва, которую только что произнес Эрагон, полностью утратила свой смысл; и слова ее, лишенные силы и вдохновения, упали ему на душу, словно горсть мертвых листьев.

Верхняя губа Гальбаторикса изогнулась в хищном оскале.

— Можешь давать любые клятвы, какие захочешь! Они ничем тебя не свяжут, пока я этого не позволю.

— И все-таки я убью тебя, — пробормотал Эрагон. Он понимал, что если будет продолжать сопротивляться, то хоть дети пока что останутся в живых. С другой стороны, он знал: Гальбаторикса *необходимо* убить, и если цена его смерти — смерть этих мальчика и девочки, то эту цену им уплатить придется, хоть впоследствии он, скорее всего, возненавидит себя за это, и лица несчастных детей до конца жизни будут являться ему во сне. Но если он не бросит вызов Гальбаториксу, тогда все пропало.

«Не сомневайся, — услышал он голос Умаротха. — Самое время нанести удар».

Эрагон возвысил голос:

— А почему бы тебе не сразиться со мной? Или ты трусишь? Или, может, слишком слаб, чтобы биться со мною? Уж не потому ли ты прячешься за спинами детей, как перепуганная старуха?

«Эрагон...» — услышал он предостерегающий голос Арьи.

— Не только я сегодня привел сюда детей, — возразил Гальбаторикс, и Эрагону показалось, что морщины у него на лице стали еще глубже.

— Тут есть некоторая разница. Эльва сама согласилась пойти со мной. Однако ты не ответил на мой вопрос. Почему ты не хочешь сразиться со мной на поединке? Может, причина в том, что ты слишком долго просидел на троне, объедаясь сластями, и попросту забыл, как мечом махать?

— Ты и сам не захочешь сражаться со мной, птенчик! — прорычал Гальбаторикс.

— А если ты ошибаешься? Освободи меня! Встретимся в честном поединке, и ты докажешь, что ты по-прежнему воин, с которым нужно считаться. Хотя, конечно, ты можешь и дальше продолжать жить, как дрожащий трус, который без помощи своих Элдунари не решается сойтись даже с одним-единственным противником. Ты же убил самого Враиля! Что же ты меня-то боишься? Что же ты...

— Довольно! — рявкнул Гальбаторикс.

По его впалым щекам яркой вспышкой пробежал и исчез румянец. Затем мгновенно, точно меняющая свою форму ртуть, он переменил настроение и обнажил зубы в некой страшноватой улыбке и, пристукнув костяшками пальцев по подлокотнику трона, сказал:

— Я этот трон завоевал не благодаря тому, что принимал каждый брошенный вызов. И удержал его не тем, что с каждым сражался в «честном поединке». Тебе, детеныш, стоит понять одну вещь: не важно, *как* ты достиг победы, важно то, что ты ее достиг!

— Ты ошибаешься. *Как* — это тоже очень важно, — сказал Эрагон.

— Я тебе непременно напомню об этом, когда ты присягнешь мне на верность. Однако... — и Гальбаторикс погладил рукоять своего меча, — раз уж ты так сильно хочешь со мной сразиться, я удовлетворю твою просьбу. — Искорка надежды, вспыхнувшая в душе Эрагона, тут же и погасла, потому что Гальбаторикс прибавил: — Только сражаться ты будешь не со мной. С Муртагом.

При этих словах Муртаг метнул на Эрагона разъяренный взгляд.

А Гальбаторикс погладил свою аккуратную бородку и заявил:

— Я бы хотел понять раз и навсегда, кто из вас лучший воин. Вы будете сражаться без помощи магии или Элдунари и до тех пор, пока один из вас будет просто не в состоянии продолжать поединок. Вы не сможете убить друг друга — это я вам запрещаю, — но сможете наносить друг другу сколько угодно тяжелых, почти смертельных ран. По-моему, это будет довольно забавно — посмотреть, как родные братья убивают друг друга.

— Не родные, — поправил его Эрагон. — Сводные. Моим отцом был Бром, а не Морзан.

Впервые Гальбаторикс был по-настоящему удивлен. Затем рот его снова исказился в усмешке.

— Ну конечно! Мне бы следовало это заметить; истина написана у тебя на лице, если, конечно, знаешь, куда смотреть. Тем более! Тогда этот поединок будет еще интересней. Сын Брома против сына Морзана! Нет, судьба порой и впрямь шутит весьма неплохо!

Муртаг тоже, казалось, был удивлен. Он, правда, слишком хорошо владел собой, чтобы Эрагон смог что-то прочесть по его лицу, и было непонятно, обрадовало его это известие или огорчило. Но душевное его равновесие было явно поколеблено. Собственно, это и входило в планы Эрагона. Если Муртаг станет думать о чем-то другом, его будет легче победить. А Эрагон был твердо намерен его победить, каких бы усилий ему это ни стоило!

— Летта, — сказал Гальбаторикс, слегка шевельнув рукой.

Эрагон споткнулся, зашатался и чуть не упал, когда исчезли сковывавшие его чары.

Затем Гальбаторикс сказал: «Ганга аптр», и Арья, Эльва и Сапфира сами собой скользнули к стене, освобождая пространство перед тронным возвышением. Гальбаторикс пробормотал еще несколько слов, и большая часть светильников стала гореть вполсилы, зато площадка перед троном оказалась ярко освещена.

— Ну, теперь приступайте! — сказал Гальбаторикс, обращаясь к Муртагу. — Покажите нам, кто из вас более умелый боец.

Муртаг, нахмурившись, вышел в световое пятно и, остановившись в нескольких шагах от Эрагона, выхватил из ножен свой Заррок — лезвие алого меча влажно блеснуло, словно его уже окунули в кровь. Затем Муртаг поднял щит и чуть согнул колени, готовясь к бою. Эрагон, быстро глянув на Сапфиру и Арью, сделал то же самое.

— Сходитесь! — крикнул Гальбаторикс и хлопнул в ладоши.

И Эрагон, чувствуя, как весь покрылся испариной, пошел навстречу Муртагу.

Мускулы против стали

Роран вскрикнул и отскочил в сторону, когда прямо перед ним с грохотом рухнула на землю кирпичная труба; за ней последовало тело одного из солдат.

Он обошел убитого, вытер лоб и перебрался через груду битого кирпича, прыгая с одного камня на другой — в точности как когда-то, перебираясь по камням через бурную, но неглубокую реку Анору.

Битва шла неудачно. Это, по крайней мере, было совершенно ясно. Роран со своим полком оказались прижаты к внешней стороне городской стены, одну за другой отражая накатывавшиеся на них волны солдат Гальбаторикса. Затем им это надоело, и они сделали вид, что удирают, разбегаясь по узким улочкам города и позволяя солдатам гнаться за ними. Оглядываясь назад, Роран понимал, что это было ошибкой. Уличные бои — это всегда слишком много крови и сумятицы, слишком много отчаяния и беспорядка. Вот и теперь его полк рассыпался, и с ним рядом осталась лишь небольшая горстка бойцов — в основном жители Карвахолла, четверо эльфов и несколько ургалов. Остальные сражались где-то на близлежащих улицах сами по себе, не имея ни конкретной цели, ни направления.

Хуже всего было то, чего не могли объяснить ни эльфы, ни другие заклинатели: магия, похоже, больше не действовала. Во всяком случае, действовала не так, как следовало. Они обнаружили это, когда один из эльфов попытался убить солдата с помощью заклинания, а в итоге мертвым упал варден, и его мгновенно пожрали мириады жуков, созданных магией эльфа. Это была ужасная, отвратительная смерть, но, главное, совершенно бессмысленная, и Рорану

до сих пор было не по себе: ведь такое могло случиться с любым из них.

В стороне от них, справа, ближе к главным воротам, лорд Барст по-прежнему успешно прокладывал себе путь сквозь ряды варденов. Роран несколько раз замечал его: теперь Барст слез с коня и широко шагал, отшвыривая людей, эльфов и гномов в разные стороны своей огромной черной булавой. Все отлетали от него, как деревянные кегли. Ничто, казалось, не может остановить этого неуклюжего человека в блестящих доспехах; он даже ни разу не был ранен; а те, что оказывались у него на пути, старались поскорее убежать или хотя бы уползти, лишь бы оказаться вне досягаемости для его устрашающего оружия.

Роран также заметил Орика и его отряд гномов, боевыми топорами прорубавшихся сквозь ряды имперских солдат. Украшенный самоцветами королевский шлем Орика сверкал в солнечных лучах, а сам он размахивал своим боевым молотом Волундом, и гномы кричали, неотступно следуя за ним: «Вор Орикз корда!», что на их языке означало: «Слава молоту Орика!»

Шагах в сорока от Орика сражалась королева эльфов Имиладрис. Она подобно урагану обрушивалась на врага; красный плащ летел за нею, как крылья; ее сверкающие доспехи сияли, как звезды, на фоне темных тел. Точно у нее над головой висел в воздухе белый ворон, никогда ее не покидавший. Роран пока что успел не так уж много видеть ее в бою, но это сильно его впечатлило; Имиладрис прямо-таки потрясла его воображение своим мастерством, свирепостью и храбростью. Она чем-то напоминала Арью, но, как показалось Рорану, была, пожалуй, куда более воинственной, чем Арья.

Пятеро солдат, выскочив из-за угла дома, бросились на Рорана, чуть не сбив его с ног. Они что-то кричали, держа свои копья наперевес, и все пытались надеть его на них, точно жареного цыпленка на вилку. Роран пригнулся, ушел в сторону и, метнув копье, сумел пронзить одному из солдат горло. Тот некоторое время простоял на ногах, но, поскольку дышать он не мог, потом все же упал под ноги своим соратникам.

Роран, воспользовавшись их временным замешательством, принялся колоть и рубить направо и налево. Но один из солдат все же сумел нанести ему удар копьем в правое плечо, и Роран ощутил знакомый отлив энергии, поскольку его магическая защита неожиданно сработала.

Он был несколько удивлен этим. Всего несколько мгновений назад никакая магическая защита не помешала какому-то солдату ребром щита разнести ему всю левую щеку. Совершенно непонятно было, что творится, и хорошо бы, думал Роран, все это как-то разрешилось в ту или иную сторону. А пока он решил не рисковать и старался не оставаться без прикрытия ни на секунду.

Однако прикончить двоих оставшихся солдат Роран не успел: в воздухе засвистела сталь меча, ставшего почти невидимым, так быстро его вращали над головой, и головы солдат покатились по мостовой, сохранив на лицах прежнее удивленное выражение. А перед Рораном возникла травница Анжела в каких-то странных, зелено-черных доспехах; в руках она держала меч, а рядом с нею, как всегда, обреталась пара котов-оборотней — один в обличье девушки со странными полосатыми волосами, острыми, совершенно кошачьими, окровавленными зубами и с длинным кинжалом в руках, а второй в зверином обличье. Рорану показалось, что это, наверно, Солембум, но уверен он не был.

— Роран! Как я рада тебя видеть! — воскликнула с улыбкой травница, хотя улыбка эта показалась ему какой-то чересчур радостной, если учесть дергавшиеся у них под ногами обезглавленные тела. — Надо же было здесь встретиться!

— Уж лучше здесь, чем в могиле! — крикнул он, подбирая с земли еще одно копье, про запас. Впрочем, он тут же и метнул его в какого-то очередного воина Гальбаторикса.

— Отлично сказано! — обрадовалась Анжела.

— А я думал, ты с Эрагоном пошла, — сказал Роран. Анжела поджала губы и покачала головой:

— Он меня об этом не просил. Но даже если б и просил, я не пошла бы. Я Гальбаториксу не соперница. Ничего, Элдунари ему помогут.

— Ты знаешь о них? — Роран был потрясен.

Анжела подмигнула ему из-под опущенного забрала:

— Я много чего знаю!

Он что-то проворчал и, прикрыв плечо щитом, вступил в сражение с очередной группой солдат. Анжела и коты присоединились к нему, а потом подбежали и Хорст с Манделем и еще кое с кем из Карвахолла.

— Где же твой молот? — крикнула ему Анжела, вращая над головой обоюдоострый меч и не только блокируя этим удары противника, но и нанося их сама.

— Потерял! У меня его выбили.

Кто-то взвыл от боли у него за спиной. Оглянувшись при первой же возможности, Роран увидел, что Балдор воет, зажимая рукой обрубок правой руки, а сама рука, подергиваясь, валяется на земле.

Он бросился к другу, перепрыгивая через трупы солдат. Хорст был уже там и мечом отгонял от сына того воина, который и отсек Балдору руку.

Отрезав от туники упавшего воина кусок ткани, Роран туго перетянул страшный обрубок, останавливая кровотечение, и заметил, что Анжела тоже подошла к ним и опустилась возле Балдора на колени.

— Сможешь помочь? — спросил Роран.

Травница покачала головой.

— Не здесь. Боюсь, если здесь воспользоваться магией, она может попросту убить его. А вот если бы ты вытащил его из города, там эльфам, возможно, и удалось бы спасти ему жизнь.

Роран колебался. Он опасался выводить своих бойцов из схватки, кроме того, не был уверен, что кто-то сумеет благополучно доставить Балдора к эльфам. Однако же без руки Балдору, даже если он выживет, предстояла нелегкая жизнь, и Роран вовсе не хотел его к этому приговаривать.

— Если ты сам его не выведешь, так пойду я! — в отчаянии вскричал Хорст.

Роран присел, и камень размером с крупного ежа просвистел прямо у него над головой и угодил в стену ближайшего дома; было слышно, как в доме разбивается посуда и кто-то пронзительно кричит.

— Нет, — сказал Роран Хорсту, — ты здесь нужен. — И он выбрал в провожатые Балдору двух других воинов: старого сапожника Лоринга и одного из ургалов. — Отведите его поскорей к эльфийским целителям, — велел он, подталкивая к ним Балдора. Тот на ходу подхватил с земли собственную руку и сунул ее под кольчугу.

Ургал оскалился и невнятно прорычал, так что Роран едва его понял:

— Нет! Я остаюсь. Я сражаюсь! — И он ударил рукоятью меча по своему щиту.

Роран шагнул к нему, схватил за один из рогов и так дернул, что чуть не свернул ургалу башку.

— Ты будешь делать то, что я тебе прикажу! — прорычал он. — И потом, это вовсе не простое задание. Защити его, и обретешь много славы для себя и своего племени.

Глаза ургала вспыхнули.

— Много *славы*? — переспросил он, словно пережевывая это слово здоровенными *зубищами*.

— Да, славы! — подтвердил Роран.

— Ладно, Молотобоец, я его отведу!

Роран с облегчением вздохнул, глядя им вслед; они пробирались к стене, старательно обходя наиболее опасные места и стараясь не попасть в гущу рубки. За ними последовал и тот кот-оборотень, что был в человечьем обличье — девушки с полосатыми волосами и звериным оскалом; девушка совершенно по-кошачьи водила носом, настороженно принюхиваясь.

Затем на Рорана снова ринулись враги, и всякие мысли о Балдоре и кошке-оборотне исчезли у него из головы. До чего же он тосковал по своему молоту! Сражаться с помощью копья было в десять раз хуже! Но он все-таки справлялся, и через некоторое время вокруг него опять стало тихо. Впрочем, было ясно, что передышка будет недолгой.

Пытаясь отдышаться, Роран присел на ступеньку какого-то крыльца, думая о том, что солдаты Гальбаторикса, похоже, не только не чувствуют боли, но и не знают усталости. У него-то самого к ногам и рукам будто гири были привешены, и он понимал, что в таком состоянии

ему долго не продержаться и вскоре он все же совершит какую-нибудь фатальную ошибку.

С той стороны, где находились разрушенные ворота, доносились крики и вопли, но трудно было сказать, что именно там происходит, поскольку кругом царил невообразимый шум. Роран подозревал, что варденов пытаются вытеснить за ворота, ибо этот шум как бы постепенно удалялся. В грохоте схватки он мог разобрать уже знакомый ему жуткий треск, который издавала палица лорда Барста, когда он с ее помощью разбивал кому-то кости. За хрустом сломанных костей неизменно слышался пронзительный вопль.

Роран заставил себя встать, понимая, что, если еще немного посидит, мускулы у него окончательно одеревенеют. И не успел он сделать и нескольких шагов, как на то место, где он только что сидел, кто-то вылил сверху содержимое ночного горшка.

— Убийцы! — раздался у него над головой женский голос, и тут же с грохотом захлопнулись ставни.

Роран фыркнул, нагнал тех, что еще остались от его отряда, и повел их к ближайшему перекрестку. Все окрестные улицы были буквально завалены телами.

Варденыы настороженно замерли, когда мимо них, не разбирая дороги, промчался какой-то солдат с искаженным от ужаса лицом. Солдата по пятам преследовала стая котов-оборотней; с мохнатых кошачьих морд капала свежая кровь.

Роран улыбнулся, и они снова побежали вперед, но вскоре путь им преградила группа рыжебородых гномов, крича:

— За нами целый отряд гонится! Там их несколько сотен!

Роран оглянулся на пустой перекресток.

— Может, вы просто заблудились... — И он мгновенно умолк, увидев, как из-за ближайшего угла выныривают воины Гальбаторикса в алых туниках. Их становилось все больше, они вытекали из ближайших улиц, точно полчища красных муравьев. — Назад! — крикнул Роран. — Назад!

«Надо отыскать место, где можно было бы держать оборону», — думал он. Внешняя стена была слишком

далеко, а все ближайшие дома маловаты, да и закрытого двора нигде видно не было.

Вслед им уже летели десятки стрел.

Почувствовав, как острая боль пронзила позвоночник, Роран споткнулся и упал. Ему казалось, что по спине его огрели металлической балкой.

Через секунду его догнала травница Анжела. Она что-то выдернула у него из спины, и Роран пронзительно вскрикнул. Вскоре боль немного отступила, и он снова обрел способность видеть, и травница показала ему стрелу с окровавленным наконечником, отшвырнула ее в сторону и помогла ему подняться.

— Твоя кольчуга, к счастью, не дала ей войти глубоко, — сказала она.

Скрипнув зубами, Роран вместе с нею бросился нагонять свой отряд, но теперь каждый шаг причинял ему сильную боль, а если он слишком резко наклонялся, спину просто судорогой сводило.

И он по-прежнему *не видел ни одного места, где варды* ны могли бы закрепиться, а солдаты подходили к ним все ближе, так что приходилось действовать иначе.

— Стой! Стройся! Эльфы на фланги! Ургалы в центр! — крикнул Роран.

Сам он встал впереди вместе с Дарм меном, Олбрихом, ургалами и одним из рыжебородых гномов.

— Значит, ты есть Молотобоец? — спросил гном, глядя на приближающихся солдат. — В Фартхен Дуре я сражался вместе с твоим братом, а теперь сочту для себя за честь сражаться рядом с тобой.

Роран кивнул и проворчал в ответ нечто невразумительное, надеясь, что хоть на ногах-то удержаться сумеет.

И тут на них налетели солдаты Гальбаторикса, легко тесня их, поскольку имели значительно численное преимущество. Роран уперся плечом в щит, сопротивляясь натиску изо всех сил. Мечи и копья так и мелькали в щелях между выставленными вперед щитами; одно копье оцарапало ему бок, но кольчуга снова спасла его от более серьезного ранения.

Эльфы и ургалы в очередной раз доказывали свою незаменимость в рукопашном бою. Проламываясь сквозь

ряды противника, они отвоевывали для Рорана и других варденов, вооруженных копьями, пространство, на котором можно было воспользоваться копьем или мечом. Краем глаза Роран заметил, как рубится с врагами тот рыжебородый гном; он наносил им колющие удары в пах или рубящие по ногам, и многие сразу же падали на землю.

Но солдаты все прибывали, их поток казался поистине неиссякаемым, и Роран чувствовал, что так и придется шаг за шагом отступать, ибо даже эльфы не могли сдержать натиск врага. Роран видел, как погибла Отхиара, та эльфийка, с которой он разговаривал на подступах к городской стене: стрела пронзила ей шею. Да и остальные эльфы были страшно изранены.

Рорана тоже несколько раз успели ранить; он получил резаную рану на правой голени, которая напрочь лишила бы его способности двигаться, будь она чуточку выше; еще одну резаную рану на бедре, где меч проскользнул под самый край его доспеха; весьма неприятную царапину на шее, где он сам задел себя краем щита; колотую рану на внутренней стороне правого бедра, но, к счастью, острие не задело артерию, и еще бесчисленное множество синяков и ссадин. У него было такое ощущение, словно все его тело хорошенько отбили тяжелой деревянной киянкой, собираясь целиком поджарить, а затем решили использовать в качестве мишени для метания ножей.

Несколько раз ему приходилось даже отступить в задние ряды, чтобы дать плечам немного передохнуть, но он каждый раз возвращался на передовую.

Затем здания вокруг них расступились, и Роран понял, что солдаты все-таки выгнали их на площадь перед сломанными воротами. Теперь враг окружал их со всех сторон.

Глянув через плечо, Роран увидел, как под натиском Барста и его воинов отступают вардены и эльфы, и закричал:

— Вправо! Отходите правее и вверх, за дома! — И он указал окровавленным копьем, куда именно варденам следует отступать.

Собравшись у него за спиной в единый кулак, вардены стали пятиться, отступая к стене и крыльцу большого каменного дома, фронтон которого был украшен двойным

рядом колонн, высоких, как деревья на склонах Спайна. Между этими колоннами Роран мельком успел увидеть зияющий арочный проход, в котором поместилась бы, наверное, даже Сапфира, а может, и Шрюкн.

— Вверх! Вверх! — кричал Роран, и люди, гномы, эльфы и ургалы бросились следом за ним на крыльцо и, укрываясь за колоннами, стали отражать натиск солдат Гальбаторикса. С крыльца, которое возвышалось над улицей футов на двадцать, Рорану было видно, что имперские войска почти вытеснили варденов за пределы городских стен, и сражение шло у той зияющей дыры, что была на месте главных ворот.

«А ведь мы, пожалуй, проиграем это сражение!» — с неожиданным отчаянием подумал он.

Солдаты снова пошли на приступ, пытаясь взять крыльцо. Роран перехватил у одного из них копье и с силой ударил солдата ногой в живот, сбив его с ног, а заодно повалив и еще двоих.

Из ближайшей к ним сторожевой башни на стене в лорда Барста полетел дротик, но, оказавшись *на расстоянии пары* футов от цели, дротик вспыхнул и рассыпался в прах; собственно, так случалось со всеми стрелами и дротиками, пущенными в Барста. Его блестящие латы были явно заколдованными.

«Нужно непременно его убить», — думал Роран. Если падет Барст, солдаты, скорее всего, утратят самообладание, и тогда их сопротивление можно будет сломить. Но пока что ни эльфам, ни куллам не удавалось остановить Барста, и Роран сомневался, что это удастся кому-то еще, кроме Эрагона.

И все же он даже в пылу схватки не сводил глаз с этого воина в блестящих доспехах. Он надеялся заметить хоть какую-то подсказку и вскоре увидел, что Барст немного подскакивает при ходьбе, словно у него повреждено левое колено или бедро. И потом Рорану казалось, что теперь лорд вообще стал двигаться несколько медленнее.

«Значит, и у него есть какие-то пределы. Точнее, не у него, а у Элдунари».

С громким криком он отразил удар меча, а потом с такой силой ударил своим щитом теснившего его солдата, что, попав ему под нижнюю челюсть, убил его на месте.

Но и сам Роран чуть не падал с ног от усталости и слабости, вызванной многочисленными ранениями, так что ему пришлось на несколько секунд отступить за колонну и прислониться к ней, чтобы отдышаться. Он кашлял и сплевывал кровавую слюну, но надеялся, что просто в пылу сражения прикусил себе губу или щеку, а не потому, что у него пробито легкое, хотя грудь у него сильно болела; возможно, было сломано одно из ребер.

Громкий крик донесся до него — это кричали вардены, и Роран, выглянув из-за колонны, увидел, что прямо на лорда Барста сквозь гущу схватки скачут королева Имиладрис и еще одиннадцать эльфов, а на левом плече Имиладрис сидит белый ворон и, каркая, хлопает крыльями, чтобы сохранить равновесие. В руке Имиладрис держала меч, а остальные эльфы были вооружены копьями с флажками, прикрепленными близко от лезвий, выполненных в форме зубчатых листьев.

Роран прислонился к колонне и с возрождающейся надеждой в душе прорычал:

— Убейте его!

Барст не сделал ни шагу. Он не попытался уйти в сторону от атакующих эльфов; он просто стоял и ждал, широко расставив ноги и держа в руках палицу и щит, словно не видел ни малейшей необходимости защищаться.

На всех прилегающих к площади улицах сражение замерло; все повернулись, желая увидеть, чем закончится эта сцена.

Двое эльфов, скакавшие впереди, опустили копья и погнали своих коней бешеным галопом; мускулы так и ходили под блестящими конскими шкурами. На мгновение Рорану показалось, что Барста сейчас попросту собьют с ног — невозможно было даже предположить, что кто-то способен устоять под таким натиском.

Но копья эльфов даже коснуться Барста не смогли. Они остановились в воздухе на расстоянии вытянутой руки, и древки их рассыпались в прах, так что у эльфов в руках остались лишь совершенно бесполезные острия. А Барст, взмахнув одновременно палицей и щитом, ударил обоих коней по голове и убил их на месте.

Эльфы, впрочем, успели соскочить с седла и, извернувшись в воздухе, успешно приземлились на ноги.

Следовавшая за ними пара эльфов не успела сменить направление; они налетели прямо на Барста, но, как и у их предшественников, копья их под воздействием магии рассыпались в воздухе, а их несчастных коней Барст также сразил одним ударом.

К этому времени восемь остальных эльфов, включая и королеву Имиладрис, ухитрились развернуться и удержать своих скакунов. Затем они окружили Барста, нацелив на него свое оружие, а те четверо эльфов, что оказались на земле, выхватили мечи и стали осторожно приближаться к врагу.

Барст рассмеялся и поднял свой щит, готовясь к их нападению. Свет упал ему на лицо, проникнув под шлем, и даже издали Роран увидел, какое у него широкое лицо с тяжелыми бровями и сильно выдающимися скулами, отчасти похожее на физиономию ургала.

А те четверо эльфов уже бросились на Барста с четырех сторон и стали в унисон наносить ему колющие и режущие удары. Один из мечей Барст легко отбил щитом, второй — палицей, а остальные два остановили его магические стражи. Лорд засмеялся и снова взмахнул своим страшным оружием.

Но эльф с серебряными волосами успел уклониться от удара, и палица просвистела мимо, не причинив ему вреда.

Еще дважды замахивался Барст, и оба раза эльф уходил от удара. Впрочем, лорд не проявлял ни малейших признаков разочарования или неуверенности, хотя все же прикрывался щитом и, похоже, тянул время — так пещерный медведь выжидает, когда первый из нападающих проявит достаточно глупости и сам полезет к нему в логово.

Снаружи стоявших кольцом эльфов окружили солдаты, вооруженные алебардами, на бегу наставляя их на королеву Имиладрис. Но и она медлить не стала: подняла над головой меч, и по этому сигналу вардены осыпали атакующих солдат градом стрел.

Роран даже вскрикнул от неожиданности и восторга.

А эльфы все теснили Барста, но он сумел встать так, что трупы убитых им четырех коней образовали как бы

коридор по обе стороны от него, и теперь эльфам приходилось преодолевать это препятствие.

«*Умно*», — подумал Роран и нахмурился.

Вдруг один из эльфов метнулся вперед, выкрикнув что-то на древнем языке. Барст, казалось, на мгновение растерялся, и эта его неуверенность побудила эльфа подойти еще ближе. И тогда Барст прыгнул вперед и, нанеся сокрушительный удар своей палицей, размозжил несчастному череп.

Остальные эльфы застонали, но не отступили.

Зато трое из них — те, что находились ближе всего к Барсту, — стали вести себя гораздо осторожней. Они продолжали кружить возле него, время от времени делая выпады, но все же стараясь держаться на должном расстоянии.

— Сдавайся! — крикнула ему Имиладрис, и ее звонкий голос разнесся по всем окрестным улицам. — Нас гораздо больше, чем вас! И сколь бы ни был силен ты сам, но со временем устанешь и ты, и твоя магическая защита иссякнет. Нас ты победить не сможешь!

— Нет? — издевательским тоном переспросил Барст. Он выпрямился, бросил щит, и тот с громким грохотом покатился по камням.

Внезапно Рорана охватил ужас. *Беги!*

И он громко крикнул Имиладрис:

— Беги! — Но было уже поздно.

Согнув ноги в коленях, Барст одной рукой схватил за шею павшего коня и с невероятной силой швырнул его тушей в Имиладрис.

Если королева эльфов что-то и произнесла, то Роран этого не услышал, однако увидел, как она подняла руку — и туша коня остановилась в воздухе и упала на булыжную мостовую. Ворон у Имиладрис на плече пронзительно вскрикнул.

Однако Барст на них уже не смотрел. Швырнув тушей коня в Имиладрис, он тут же подхватил с земли свой щит и ринулся на ближайшего из конных эльфов. На него тут же попыталась напасть сзади пешая эльфийка с красной лентой на рукаве; она нанесла ему в спину рубящий удар мечом, но Барст на нее даже внимания не обратил.

На свободном пространстве эльфийский конь легко мог бы увернуться от любого удара, но здесь, на крохотном пятачке, окруженном плотной толпой воинов, преимущество явно было на стороне Барста. Он плечом ударил коня в грудь, и тот рухнул на землю; затем Барст замахнулся булавой и выбил из седла второго эльфа. Его конь пронзительно заржал, шарахнулся, и круг эльфийских кавалеристов распался. Каждый из них пытался теперь успокоить своего коня и снова повернуться лицом к страшному врагу.

Теперь уже шестеро эльфов, оказавшись пешими, окружили Барста и с какой-то лихорадочной быстротой размахивали мечами, пытаясь поразить его. На мгновение их спины скрыли Барста от глаз Рорана, а потом он увидел, как страшная булава снова взметнулась вверх, и трое эльфов покатились по земле. Затем и еще двое, и Барст вырвался из окружения; со страшных шипов палицы капали кровь и мозг.

— Вперед! — взревел Барст, и по его приказу сотни солдат ринулись вперед, заставляя оставшихся эльфов яростно обороняться.

— Нет! — взвыл Роран, готовый вместе со своими людьми броситься на помощь эльфам. Но путь им преграждало слишком много тел — как живых, так и мертвых, — и к Барсту им теперь было попросту не пробраться. Травница Анжела выглядела не менее встревоженной, когда Роран с отчаянием спросил у нее: — Неужели ты ничего не можешь сделать?

— Могла бы, но это отняло бы и мою жизнь, и жизнь всех, кто здесь находится.

— И Гальбаторикса тоже?

— Нет. Он слишком хорошо защищен. А вот наша армия погибла бы, как и почти все жители Урубаена. Могли бы умереть даже те, что остались в лагере. Ты этого хочешь?

Роран покачал головой.

— Нет... Конечно же нет.

Барст, двигаясь с невероятной быстротой и ловкостью, наносил эльфам один удар за другим. Замахнувшись палицей, он задел по плечу эльфийку с красной лентой на рукаве и сбил ее с ног. Упав на спину, она указала пальцем на

Барста и что-то пронзительно вскрикнула на древнем языке, но ее заклинание подействовало как-то неправильно, ибо один из эльфов вдруг осел в седле и неловко свалился на землю, разрубленный пополам, точно ударом меча.

Барст прикончил эльфийку ударом своей шипастой дубинки и вскоре, перебегая от одного всадника к другому, подобрался к Имиладрис, восседавшей на своей белой лошадке.

Эльфийская королева не стала дожидаться, пока Барст прикончит ее коня, и сама спрыгнула с седла. Красный плащ взметнулся за нею, как мощные крылья, а ее вечный спутник, белый ворон, слетел с ее плеча.

Имиладрис, казалось, еще и земли коснуться не успела, но уже ринулась на Барста. Меч ее был подобен струящемуся потоку стали и яростно звенел, ударяясь о стену его невидимой защиты.

Барст отвечал ей контрударами, которые Имиладрис парировала ловкими движениями кисти, и в итоге ей удалось выбить у него из рук булаву, которая с грохотом покатилась по мостовой. Вокруг сражающихся тут же образовалось тесное кольцо зрителей; враги и друзья вместе следили за этим решающим поединком. А над головой у Имиладрис по-прежнему с пронзительными криками кружил белый ворон.

Никогда еще не видел Роран такого сражения. Удары с обеих сторон сыпались с невероятной быстротой, за ними невозможно было уследить; лишь какое-то неясное пятно возникало в воздухе в момент очередного удара да слышался звон мечей, перекрывавший все прочие звуки в городе.

Снова и снова Барст пытался сокрушить Имиладрис своей булавой, но она была слишком ловка и быстра; если она и не была равна ему по силе, то, во всяком случае, вполне была способна с легкостью отбивать его удары. Казалось, ей помогают другие эльфы, потому что она и не думала уставать, хотя тратила силы, не задумываясь.

На помощь Имиладрис бросился кулл, к которому присоединились двое эльфов. Но их Барст словно не замечал. Впрочем, с ними он довольно быстро разделался — как

только кто-то из них совершал ошибку и приближался к нему на расстояние вытянутой руки, он приканчивал его ударом своей смертоносной палицы.

От волнения Роран с такой силой вцепился в колонну, что у него начало сводить руки.

Минута проходила за минутой, а Имиладрис и Барст все продолжали сражаться, перемещаясь с одной стороны площади на другую. В движении королева эльфов была поистине великолепна — сильная, быстрая, невероятно легкая. В отличие от Барста, она не могла позволить себе ни единой ошибки — да она и не позволяла, — ибо ее магическая защита не действовала. С каждым мгновением Роран все сильней восхищался Имиладрис; он чувствовал, что является свидетелем битвы, которую потом веками будут воспевать в песнях и балладах.

Белый ворон то и дело пикировал на Барста, стремясь отвлечь его внимание, но тот уже после нескольких подобных попыток перестал обращать на птицу внимание. Обезумевшая птица *все равно ничего не могла ему сделать,* а отгонять ее не стоило усилий.

Ворон, похоже, впал в отчаяние; он кричал все громче и пронзительней, все чаще смело бросался в атаку, с каждой новой попыткой подбираясь к шее Барста.

И когда он в очередной раз ринулся вниз, Барст крутанул своей булавой и ударил ворона по правому крылу. Птица, вскрикнув от боли, упала на землю и забила крыльями, тщетно пытаясь снова взлететь.

Барст снова замахнулся, желая добить ворона, но Имиладрис остановила его булаву мечом; так они и стояли, скрестив оружие, лицом к лицу, поскольку лезвие ее меча застряло между шипами булавы.

Эльфы и люди, плотно стоявшие плечом к плечу, невольно покачнулись. В данный момент у обоих соперников не было преимущества. Затем королева Имиладрис выкрикнула какое-то слово древнего языка, и в том месте, где скрестились меч и булава, вспыхнул ослепительно-яркий свет.

Роран зажмурился и даже прикрыл глаза рукой от слепящего огня.

Ему показалось, что на минуту воцарилась полная тишина; слышались только стоны раненых да какой-то странный звон, похожий на колокольный. Этот звон становился все громче и громче, потом стал поистине оглушительным, и Роран увидел, что рядом с ним коты-оборотни, а вместе с ними и Анжела скорчились, закрывая уши.

Когда звон достиг максимальной громкости, меч Имиладрис с треском раскололся, яркий свет померк, звон прекратился, и королева эльфов, швырнув Барсту в лицо обломки своего меча, воскликнула:

— Я проклинаю тебя, Барст, сын Беренгара!

Обломки меча, ударившись о магическую защиту, рухнули на землю, а Барст снова взмахнул своей булавой и ударил королеву Имиладрис по ключице. Она рухнула на землю, и кровь залила ее прекрасные золотые доспехи.

Все вокруг замерло.

Белый ворон кружил над телом Имиладрис, издавая печальные, полные боли крики, а потом медленно полетел к бреши во внешней стене; было видно, что его раненое крыло сильно помято и покрыто кровью.

Жуткий вопль взлетел над войском варденов. Они бросали оружие и бежали прочь. Эльфы плакали от ярости и горя — это был самый жуткий плач, какой доводилось слышать Рорану. Потом все эльфы, у кого за спиной висели луки, начали стрелять в Барста, но их стрелы вспыхивали в воздухе, даже не долетев до него. Дюжина эльфов ринулась на него, но он ударами булавы расшвырял их, точно малых детей. А пятеро эльфов, прорвавшись вперед, подняли Имиладрис и понесли ее прочь на своих щитах, имеющих форму листьев.

Ощущение невероятности происходящего охватило Рорана. Менее всего он ожидал, что погибнет именно Имиладрис. Он гневно смотрел, как вардены в страхе покидают поле боя, про себя проклиная этих предателей и трусов. А Барст между тем уже снова строил свое войско, готовясь к окончательному разгрому противника.

У Рорана засосало под ложечкой. Эльфы, возможно, готовы продолжать сражение, но люди, гномы и ургалы, похоже, и впрямь готовы отступить. Это читалось по их

перепуганным лицам. Сейчас они сломят свои ряды, и тогда Барст перебьет их на площади сотнями. Впрочем, Роран вовсе не был уверен, что Барст захочет остановиться, достигнув городских ворот. Нет, он наверняка двинется дальше и станет преследовать варденов до самого их лагеря, и там тоже положит столько, сколько будет возможно.

Во всяком случае, он, Роран, поступил бы именно так.

Но если Барст действительно достигнет лагеря, то в опасности окажутся и все, кто там остался, в том числе и Катрина. У Рорана не было сомнений на тот счет, что с ней случится, если солдаты ее поймают.

Он посмотрел на свои окровавленные руки: «Барста необходимо остановить!» Но как? Роран думал, думал и думал, перебирая в памяти все, что было ему известно о магии, пока не припомнил, какое ощущение возникло у него, когда солдаты схватили его и стали избивать.

И Роран глубоко судорожно вздохнул.

Был один способ, но очень опасный, невероятно опасный. Если он сделает то, что задумал, ему, вполне возможно, никогда больше не удастся увидеть Катрину и уж тем более их будущего ребенка. И все же сознание того, что он *может это сделать*, принесло ему некоторое душевное спокойствие. Его жизнь за их жизни — что ж, это справедливый обмен, а если ему удастся заодно спасти кого-то из варденов, тогда он с радостью пожертвует собственной жизнью.

Катрина...

Это решение далось ему легко.

Подняв голову, он широкими шагами ринулся к травнице Анжеле. Она выглядела столь же потрясенной, как и все эльфы. Роран тронул ее за плечо и сказал:

— Мне нужна твоя помощь.

Она подняла на него покрасневшие глаза:

— Что ты собираешься делать?

— Убить Барста. — Его слова заставили замереть на месте всех, кто был поблизости.

— Роран, нет! — воскликнул Хорст.

Но травница согласно кивнула:

— Хорошо, я помогу, если смогу.

— Мне нужно, чтобы ты призвала сюда Джормундура, Орика, Гримрра и кого-то из эльфов. Лучше того, кто пользуется у них авторитетом.

Анжела шмыгнула носом, вытерла заплаканные глаза и спросила:

— Где именно ты хочешь с ними встретиться?

— Прямо здесь. И поспеши, иначе все вардены бросятся спасаться бегством!

Анжела кивнула и вместе со своей свитой из котов-оборотней бросилась бежать, стараясь держаться ближе к стенам домов, где было безопаснее.

— Роран, — сказал Хорст, сжимая его плечо, — что ты такое задумал?

— Я вовсе не собираюсь сражаться с ним в одиночку, если ты об этом, — сказал Роран, мотнув головой в сторону Барста.

Хорст, казалось, вздохнул с облегчением.

— Тогда скажи, что именно ты собираешься предпринять?

— Увидишь.

Несколько солдат Империи с пиками наперевес попытались взбежать на крыльцо, где за колоннами прятались вардены, но рыжебородые гномы легко отбили их атаку: ступени высокого крыльца обеспечили им, несмотря на *их собственный малый* рост, существенное преимущество перед противником.

Пока гномы сражались с солдатами, Роран подошел к стоявшему неподалеку эльфу, который, яростно оскалившись, с немыслимой скоростью доставал из колчана стрелы и одну за другой выпускал их в Барста. Но ни одна, разумеется, цели так и не достигла.

— Довольно, — сказал ему Роран и, поскольку темноволосый эльф внимания на него не обратил, схватил его за руку и с силой потянул к себе. — Хватит, я сказал! Побереги стрелы.

Последовало злобное рычание, и эльф вцепился Рорану в горло.

— Не тронь меня, человек!

— Послушай! Я могу помочь вам убить Барста. Только... отпусти меня!

Секунды через две пальцы, сжимавшие его горло, расслабились.

— Как ты сможешь сделать это, Молотобоец? — Кровожадный тон эльфа странно сочетался со слезами, текшими у него по щекам.

— Через пару минут поймешь. Но сперва я хочу задать тебе один вопрос: почему вам не удается убить Барста силой своих мыслей? Он ведь один, а вас так много.

Горестное выражение появилось у эльфа на лице:

— Потому что его разум скрыт от нас!

— Как это?

— Не знаю. Мы не можем до него добраться. Такое ощущение, что его мозг окружен какой-то непроницаемой оболочкой. И внутри этой сферической оболочки мы ничего не видим и не чувствуем и пробить ее тоже не можем.

Собственно, чего-то в этом роде Роран и ожидал.

— Спасибо, — *поблагодарил он эльфа, и тот слегка поклонился в ответ.*

Гарцвог первым примчался к дому с колоннами. Вынырнув из ближайшей улочки, он в два прыжка взлетел на крыльцо и остановился рядом с Рораном; потом что-то проревел, оглядываясь на три десятка преследовавших его солдат, и те, увидев, что кулл благополучно добрался до своих, разумно ретировались.

— Молотобоец! — воскликнул Гарцвог. — Ты меня звал, и вот я здесь.

Через несколько минут прибыли и все остальные; Анжела полностью выполнила просьбу Рорана. Эльф с серебряными волосами был Рорану уже знаком — он несколько раз видел его вместе с Имиладрис. Лорд Датхедр — так его звали. Все шестеро прибывших, окровавленные и до предела измученные, стояли тесной кучкой среди изящных колонн.

— У меня есть один план, и я рассчитываю с его помощью убить Барста, — сказал им Роран. — Но мне понадобится ваша помощь, да и времени у нас маловато. Могу я на вас рассчитывать?

— В зависимости от того, каков твой план, — сказал Орик. — Сперва расскажи нам о нем.

И Роран рассказал, стараясь говорить как можно быстрее. Закончив, он спросил у Орика:

— А твои гномы сумеют нацелить катапульты и баллисты с необходимой нам точностью?

Гном что-то пробулькал, потом сказал:

— Нет, учитывая, что люди несколько иначе строят свои боевые машины. Мы сможем, я думаю, попасть в цель в пределах двадцатифутовой погрешности. Но точнее — это уже вопрос везения.

Роран посмотрел на эльфийского лорда Датхедра.

— А представители вашего народа захотят за тобой последовать?

— Да, они подчинятся моим приказам. Не сомневайся в нас, Молотобоец.

— А не мог бы ты послать кого-то из ваших эльфийских магов, чтобы они помогли гномам направить пущенные камни точно в цель?

— Тут нè может быть никакой гарантии успеха. В нынешних условиях наши заклинания могут и не сработать или сработают против нас же самих.

— Значит, нам придется рискнуть. — Роран быстро окинул взглядом собравшихся. — Итак, я снова спрашиваю: могу я на вас рассчитывать?

С той стороны городской стены донесся целый хор пронзительных криков — это Барст прокладывал себе путь, круша варденов направо и налево.

Гарцвог ответил на вопрос Рорана первым:

— Тебя, похоже, это сражение совсем рассудка лишило, но я пойду с тобой, Молотобоец! — И кулл как-то странно хрюкнул — видимо засмеялся. — Будет много славы, если нам удастся прикончить этого Барста!

Затем высказался Джормундур:

— Да, я тоже пойду с тобой, Роран. Да, собственно, у нас и выбора-то иного не остается.

— Согласен, — сказал Орик.

— С-с-согласссен, — прошипел Гримрр, король котов-оборотней, и завершил это слово хриплым рычанием.

— Согласен, — сказал лорд Датхедр.

— Тогда пошли! — сказал Роран. — Каждый из вас знает, что ему нужно делать! Пошли!

...Когда они разошлись, Роран, собрав остатки отряда, изложил им свой план. Затем они притаились среди колонн. Ждать пришлось минуты три или четыре — драгоценные минуты, во время которых Барст со своими солдатами все сильней теснил варденов, — и наконец Роран увидел, как гномы и эльфы бегут по стене к расположенным на ней двенадцати ближайшим баллистам и катапультам. Со стрелявшими из этих орудий солдатами они расправлялись достаточно быстро.

Прошло еще несколько напряженных минут, и на крыльцо взбежал Орик в сопровождении тридцати гномов и сообщил Рорану:

— Все готово!

Роран кивнул и велел своему отряду занять места, готовясь к бою.

Все, кто еще остался в полку Рорана, выстроились плотным клином, *острие которого возглавлял он сам, а сразу за* ним шли эльфы и ургалы. Орик и другие гномы замыкали построение.

Затем Роран крикнул: «Вперед!» — и рысцой сбежал по ступенькам прямо в гущу вражеских солдат, зная, что «клин» следует за ним по пятам.

Солдаты такого не ожидали и рассыпались в разные стороны, расступаясь перед движущимся клином, точно вода под носом плывущего судна.

Кто-то, правда, попытался преградить ему путь, и Роран, не замедляя хода, ударил его копьем прямо в глаз.

Они довольно быстро сумели настигнуть Барста и, оказавшись футах в пятидесяти от него, стоявшего к ним спиной, остановились. А Роран попросил одного из эльфов:

— Сделай так, чтобы все на площади могли меня услышать.

Эльф пробормотал что-то на древнем языке и сказал:

— Готово.

— Барст! — рявкнул Роран и с облегчением услышал, что его голос гулко разносится по всему полю битвы.

Сражение на улицах тут же приостановилось, лишь отдельные его очаги все еще продолжали тлеть.

Пот каплями стекал у Рорана по вискам, сердце молотом стучало в груди, но он не позволял себе почувствовать ни капли страха.

— Барст! — снова крикнул он и с силой ударил копьем о щит. — Повернись и сражайся со мной, а не веди себя, как больная глистами дворняжка!

На него бросился какой-то солдат с мечом, но Роран, блокировав его удар, одним движением швырнул солдата на землю и прикончил его. Вытащив копье из его тела, он повторил вызов:

— Барст!

Широкоплечая тяжелая туша лорда Барста медленно развернулась. Теперь они стояли лицом к лицу, и Роран увидел наконец, какой скользкий ум таится в глазах Барста и в легкой насмешливой улыбке, приподнявшей уголки его пухлых, как у ребенка, губ. Шея у него была поистине могучей, толщиной, наверное, с ляжку Рорана; плечи под металлической кольчугой бугрились мускулами. Предметы, отражавшиеся в его блестящей нагрудной пластине, постоянно отвлекали Рорана, и он старался туда не смотреть.

— Барст! Я — Роран Молотобоец, двоюродный брат Эрагона Губителя Шейдов! Сразись со мной, или же мне сегодня при всех придется назвать тебя трусом.

— Ты что, запугать меня пытаешься, Молотобоец? Или, может, тебя теперь зовут «лишившимся молота»? Что-то никакого молота я у тебя не вижу!

Роран вскинул голову:

— А мне и не нужен никакой молот, чтобы тебя прикончить, безбородый урод! Сам-то ты годишься только сапоги своему хозяину вылизывать!

— Да неужели? — Усмешка Барста стала шире. — А ну расступись! — крикнул он и замахнулся своей булавой.

С дружным шорохом и топотом огромная толпа расступилась, образовав широкий круг. Барст, указывая своей булавой на Рорана, сказал:

— Гальбаторикс говорил мне о тебе, Лишенный Молота. И советовал переломать тебе все кости, прежде чем окончательно убить.

— А что, если это я переломаю тебе все кости? — ответил Роран. «*Пора!*» — И он изо всех сил постарался передать эту мысль эльфам, надеясь, что их заклинатели сумеют ее прочесть и сделают то, что обещали.

Барст нахмурился и хотел что-то сказать, но тут в воздухе что-то громко просвистело, и шесть каменных снарядов, пущенных из катапульт — каждый размером с добрый бочонок, — пролетели, вращаясь, над крышами домов. Следом за камнями просвистели еще шесть дротиков.

Пять камней угодили точно в Барста. Шестой пролетел мимо цели и грохнулся на площадь, точно валун, скатившийся с горы в воду, подминая и людей, и гномов.

Камни продолжали лететь в Барста, с треском ударяясь о невидимую магическую защиту и разлетаясь на множество острых осколков. Роран присел, прикрывшись щитом, и чуть не упал, когда такой осколок размером с кулак с силой врезался ему в щит. Дротики, правда, до цели не долетали — таяли в воздухе, вспыхивая желтым пламенем в клубах пыли, окутывавших то место, где стоял Барст.

Потом камни взрываться перестали, и Роран, выглянув из-за щита, увидел, что Барст лежит на спине, заваленный обломками камней, а его булава валяется рядом.

— Взять его! — взревел Роран и ринулся вперед.

Многие из собравшихся на площади варденов тоже бросились к Барсту, но солдаты оказали им яростное сопротивление, и оба войска вновь с диким ревом и криком сошлись в рукопашной, пылая отчаянным гневом.

Как раз в этот момент из боковой улицы вынырнул Джормундур с отрядом из ста человек, которых успел собрать после предыдущей схватки. Они помогли сдержать натиск солдат, пока Роран и его помощники были заняты Барстом.

С противоположной стороны площади из-за домов выскочили Нар Гарцвог и еще шестеро куллов. Их тяжелые шаги гулко раздавались на притихшей площади, и все — и солдаты, и вардены — бросались врассыпную, стараясь не попадаться этим рогатым существам на пути.

Затем на площадь, откуда ни возьмись, высыпали сотни котов-оборотней — в основном в зверином обличье — и, смешавшись с толпой, с оскаленными зубами стали пробираться к тому месту, где лежал Барст.

Барст как раз начинал шевелиться, когда Роран подбежал к нему. Ухватившись за древко обеими руками, Роран с силой ударил его копьем в шею, но острие остановилось в футе от него и от удара о невидимую преграду согнулось и треснуло, словно налетев на гранитную глыбу.

Роран выругался, но продолжал наносить удары, стараясь не дать Элдунари, спрятанным под нагрудной пластиной Барста, обрести прежнюю силу.

Барст застонал.

— Скорей! — взревел Роран, оглядываясь на ургалов.

Когда те подбежали ближе, он отскочил в сторону, обеспечивая им как можно больше свободы для действий. Куллы принялись молотить Барста своими дубинками, по очереди нанося ему чудовищные удары, но магическая защита сдерживала даже их натиск. Впрочем, это куллов не останавливало, и они продолжали дубасить Барста.

Коты-оборотни и эльфы собрались вокруг Рорана. У них за спиной его воины и те, кого привел с собой Джормундур, продолжали сдерживать напор солдат.

Рорану уже начинало казаться, что им так и не удастся разрушить магическую защиту Барста, но тут один из куллов издал торжествующий вопль, и Роран увидел, что его топор пробил-таки нагрудную пластину Барста и застрял в ней.

— Еще удар! — заорал Роран. — Давай! Убей его!

Кулл снова замахнулся топором, и в эту минуту Нар Гарцвог с размаху опустил окованную железом дубинку на голову Барсту.

Роран, собственно, увидел лишь мелькнувшую дубинку, а потом услышал глухой удар: дубинка ударила по щиту Барста, которым тот успел прикрыться.

«Черт побери!»

Прежде чем ургалы смогли вновь броситься в атаку, Барст успел перекатиться на живот и рубануть по правому колену одного из куллов. Тот взревел от боли, отскочил

назад и как бы разорвал плотное кольцо куллов, обступивших Барста.

Но к ургалам тут же присоединились двое эльфов, вновь окружив врага, и Рорану даже показалось, что им вот-вот удастся его скрутить.

И вдруг один из эльфов — это была эльфийка — взлетел в воздух со свернутой под странным углом шеей. А один из куллов рухнул на бок, что-то крича на своем языке. Из его левого предплечья торчал острый обломок кости. Затем злобно зарычал Нар Гарцвог и отскочил в сторону; в боку у него была дыра размером с кулак, и оттуда ручьем лилась кровь.

«Нет! — подумал Роран, холодея. — Это не может так закончиться! Я этого не допущу!»

С криком он бросился вперед, проскользнув между двумя ургалами-гигантами, и едва успел разглядеть Барста — окровавленного и разъяренного, со щитом в одной руке и мечом в другой, — когда тот, взмахнув щитом, ударил им Рорана в левый бок.

У Рорана перехватило дыхание, небо и земля завертелись перед глазами, и последнее, что он почувствовал, как его голова в шлеме с силой ударилась о булыжную мостовую.

Земля под ним продолжала двигаться, даже когда сам он, откатившись в сторону, остановился.

Несколько мгновений он полежал, тщетно пытаясь вздохнуть, потом наконец ему это удалось, и он, набрав в легкие воздуха, подумал, что никогда еще не испытывал большего наслаждения. И почти сразу тело его пронзила такая боль, что он невольно взвыл. Левая его рука совершенно онемела, а прочие мышцы и сухожилия буквально во всем теле горели от невыносимой боли.

Он попытался заставить себя встать, но снова упал, уже на живот. Слишком сильной оказалась боль, слишком сильно кружилась голова. Перед носом он видел осколок желтоватого камня, пронизанный кольцевидными вкраплениями красного агата. Некоторое время он тупо смотрел на этот камень, задыхаясь и без конца повторяя про себя одно и то же: *«Я должен встать. Должен встать. Должен встать...»*

Потом предпринял еще одну попытку. Но левая рука действовать отказывалась, и ему пришлось опираться только на правую. Однако он все же сумел подтянуть под себя ноги и медленно подняться; его била дрожь, он не мог нормально дышать и делал лишь крошечные поверхностные вдохи.

Выпрямившись, Роран ощутил жуткую боль в левом плече: казалось, в сустав ему воткнули раскаленный докрасна нож. Плечо было вывихнуто, а от щита, прикрепленного к левой руке, вообще ничего не осталось, кроме осколка доски, по-прежнему державшегося на ременной петле.

Роран повернулся, ища глазами Барста; тот находился в тридцати шагах от него, почти невидимый под сворой котов-оборотней, яростно рвавших его когтями и зубами.

Довольный тем, что коты еще хотя бы на несколько секунд полностью отвлекут внимание Барста, Роран решил заняться вывихнутым плечом. Хотя и не сразу, ему все же удалось вспомнить, чему мать учила его в раннем детстве. Отшвырнув жалкие остатки своего щита, он пробормотал, словно повторяя вслух ее указания:

— Сожми кулак. — И сжал левую руку в кулак. — А теперь согни руку так, чтобы кулак смотрел вперед. — И это он ухитрился сделать, хотя больно было ужасно. — Теперь как бы выверни руку наружу, от себя... Роран пронзительно вскрикнул, выругался, в плече что-то хрустнуло, мышцы и сухожилия натянулись так, словно вот-вот порвутся, но он все продолжал выворачивать руку, сжимая кулак, и через несколько секунд плечо с треском встало на место.

Облегчение наступило моментально. Во всем теле по-прежнему чувствовалась боль — особенно в нижней части спины и ребер, — но Роран, по крайней мере, снова мог пользоваться рукой, не теряя сознания от боли.

И он снова посмотрел в сторону Барста.

И увидел такое, что у него снова перехватило дыхание, а к горлу подступила тошнота.

Барст стоял в кольце мертвых котов-оборотней. Кровь стекала с его зазубренной изломанной нагрудной пластины; булава, которую он, видно, успел подобрать, была вся

облеплена комками окровавленной шерсти. Лицо Барста покрывали глубокие царапины, правый рукав кольчуги был оторван, но в остальном он казался целым и невредимым. Немногие оставшиеся в живых коты вели себя осторожно и старались к нему не приближаться; Рорану даже показалось, что они вот-вот развернутся и побегут прочь. За спиной у Барста лежали тела кулла и эльфов, с которыми он сражался до этого. Все воины Рорана, похоже, куда-то исчезли, потому что вокруг он видел только солдат Империи в алых туниках, которым не терпелось узнать, чем закончится это сражение.

— Застрелите его! — крикнул Роран, но его, похоже, никто не слышал.

Барст, однако, его заметил и стал неторопливо к нему приближаться.

— Ну что, Лишенный Молота! — проревел он. —Ты мне головой за это ответишь!

Роран, заметив на земле чье-то копье, быстро наклонился и поднял его. И тут же все поплыло у него перед глазами. Но он не сдавался.

— Посмотрим, как у тебя это получится! — крикнул он в ответ. Но голос его прозвучал глухо, а в голове крутились лишь мысли о Катрине и их будущем ребенке.

Затем один из котов-оборотней — в данный момент он принял обличье маленькой седоволосой женщины ростом Рорану по локоть — выбежал вперед и ударил Барста кинжалом в бедро, нанеся ему глубокую резаную рану.

Барст зарычал и резко повернулся к коту, но тот уже отскочил, злобно шипя. Барст выждал несколько секунд, чтобы убедиться, что кот — а может, разъяренная старуха — не кинется на него снова, и продолжил свое неторопливое шествие в сторону Рорана; теперь он сильно прихрамывал, ему мешала только что нанесенная рана, из которой сильно текла кровь.

Роран облизнул губы, не в силах отвести взгляд от приближавшегося к нему врага. У него было только одно копье, не было даже щита. Он не мог убежать, не мог надеяться, что окажется столь же силен, как его противник. И не было рядом с ним никого, кто мог бы ему помочь.

Ситуация была совершенно безнадежная, но Роран по-прежнему не желал признавать поражения. Однажды он уже сдался, но больше такого допускать был не намерен, даже если разум станет твердить ему, что гибель неизбежна.

Барст бросился на него, и Роран ударил его острием копья в правое колено в отчаянной надежде, что ему вдруг повезет и он сумеет как-то обездвижить противника. Но Барст по-прежнему был неуязвим; отразив удар копья булавой, он замахнулся ею на Рорана, и тот, заранее предполагая, что так и будет, успел все же — хоть и с трудом переставлял ноги — отшатнуться. Булава, точно мощный порыв ветра, просвистела в каком-то дюйме от его щеки.

А Барст мрачно оскалился и собрался уже нанести следующий удар, когда вдруг сверху на него упала странная тень. Он поднял глаза, и белый ворон Имиладрис молнией упал с небес, вцепившись когтями ему в лицо. Яростно вереща, ворон терзал физиономию Барста, а потом Роран с изумлением услышал, как ворон отчетливо произнес: «Умри! Умри! Умри!»

Барст выругался, бросил щит и свободной левой рукой сбросил с себя ворона, окончательно сломав ему и без того поврежденное крыло. Со лба у Барста клочьями свисала разодранная плоть, щеки и подбородок были алыми от крови.

Собрав все силы, Роран бросился к нему и пронзил ему правую руку копьем. Барст выронил булаву, и Роран, воспользовавшись неожиданной удачей, нанес ему удар в незащищенное горло. Но тут Барст сумел все же одной рукой перехватить копье, вырвал его у Рорана и сломал, точно сухой прутик.

— А теперь умри ты! — сказал Барст и плюнул в Рорана кровавой слюной. Губы у него были разорваны, правый глаз сильно поврежден, но левый видел нормально.

Он потянулся к Рорану, собираясь заключить его в смертельные объятия, и Роран никуда не мог уже от него деться. Но когда руки Барста уже сомкнулись на его теле, он тоже изо всех оставшихся у него сил обхватил его за талию и стиснул, стараясь как можно сильнее навалиться своим весом на раненую ногу Барста.

Барст какое-то время держался, потом колено его словно подломилось, и он, закричав от боли, упал лицом вперед, опершись на левую руку. Роран тут же ловко вывернулся из его объятий. Перепачканные скользкой кровью доспехи Барста облегчили для него это действие, хотя силищи даже в одной правой руке этого могучего воина хватало с избытком.

Роран попытался, навалившись сзади, сдавить Барсту горло, но тот прижал подбородок к груди, не позволяя сделать захват. Так что Рорану пришлось просто обхватить противника поперек груди и удерживать в надежде, что кто-нибудь придет ему на помощь.

Барст зарычал, рванулся и сбросил с себя Рорана, задев его вывихнутое плечо и заставив тоже зарычать от боли. Булыжники впивались Рорану в плечи и в спину, пока они, сцепившись друг с другом, три раза перекатывались по мостовой. Когда Барст всей тушей наваливался на Рорана, тому становилось попросту нечем дышать. И все же он не разжимал рук. Потом Барст как-то *ухитрился сильно ударить* его локтем в бок, и Рорану показалось, что у него сломано по крайней мере несколько ребер.

Но он, стиснув зубы, еще крепче стискивал руки.

«*Катрина*», — думал он.

Барст снова ударил его *локтем в бок*.

Роран взвыл; перед глазами у него замигали ослепительные вспышки, но Барста он не выпустил.

И снова Барст ударил его.

— Тебе... меня... не... победить, *Лишенный Молота*, — прохрипел Барст. И, шатаясь, поднялся на ноги, волоча Рорана за собой.

Но Роран — хотя ему казалось, что у него сейчас лопнут все мышцы, а сухожилия оторвутся от костей, — только сильней стиснул врага в смертельных объятиях. Он что-то кричал, но голоса своего не слышал, лишь чувствовал, как вздуваются вены у него на шее, как напрягаются связки.

И вдруг нагрудная пластина Барста прогнулась внутрь — в том самом месте, где ее проломил кулл. Послышался звук бьющегося стекла, и чистое белое пламя вырвалось из-под доспехов.

— Нет! — крикнул Барст, вдруг застыл, словно его сковали невидимые цепи, и как-то странно, непроизвольно задергался.

Белое пламя ослепило Рорана и обожгло ему руки и лицо. Он выпустил Барста и упал на землю, закрывая глаза рукой.

А пламя все продолжало выбиваться из-под нагрудной пластины Барста, и раскаленные края пластины уже начали светиться. Затем пламя погасло, сияние прекратилось, и вокруг сразу стало куда темнее, чем прежде, а то немногое, что осталось от лорда Барста, упало, дымясь, на булыжную мостовую.

Роран, моргая, смотрел в ровное серое небо над головой, сознавая, что должен встать, что рядом целая толпа вражеских солдат, но булыжники под ним казались такими мягкими, и хотелось ему одного: закрыть глаза и немного отдохнуть...

Очнувшись, он увидел наклонившихся над ним Орика и Хорста; рядом также стояли несколько эльфов.

— Роран, ты меня слышишь? — озабоченно спрашивал Хорст.

Роран попытался что-то сказать, но не мог выговорить ни слова.

— Ты меня слышишь? Послушай меня: ты не должен спать! Роран! Роран!

И снова Роран почувствовал, что погружается во тьму. Это было такое приятное, успокаивающее ощущение, словно его накрыли теплым и мягким шерстяным одеялом. Тепло растекалось по всему телу, и последнее, что он запомнил, это лицо склонившегося над ним Орика, что-то произносившего на языке гномов — похоже, какую-то молитву.

ДАР ЗНАНИЙ

Пристально глядя друг другу в глаза, Эрагон и Муртаг медленно кружили по залу, и каждый пытался заранее предвидеть любое движение противника. Муртаг был таким же ловким и собранным, как всегда, но под глазами у него были черные круги, лицо осунулось, и Эрагон чувствовал, в каком душевном напряжении он пребывает. На нем были примерно такие же доспехи, что и на Эрагоне: металлическая кольчуга, наручи, поножи, но щит был более продолговатым и тонким, чем у Эрагона. Что же касается мечей, то Брисингр с его рукоятью в полторы ладони несколько выигрывал в длине, тогда как Заррок, имевший более широкое лезвие, выигрывал в весе.

Они начали сходиться, и, когда между ними осталась пара шагов, Муртаг, стоявший спиной к Гальбаториксу, сказал сердитым шепотом:

— Ну, что ты делаешь?!

— Время тяну, — буркнул Эрагон, стараясь не шевелить губами.

Муртаг нахмурился:

— Дурак ты! Он же с удовольствием будет любоваться тем, как мы друг друга на куски режем! И что от этого изменится? *Ничего*!

Эрагон, не отвечая, сделал бросок и так крутанул мечом, что Муртагу пришлось должным образом отвечать.

— Да черт тебя побери! — прорычал Муртаг. — Если б ты еще хоть день подождал, я бы сумел освободить Насуаду.

Эрагон удивился:

— С какой стати мне верить твоим словам?

Этот вопрос еще сильней разозлил Муртага. Его губы изогнулись в злой усмешке, и он ускорил движения, заставляя Эрагона делать то же самое. Потом, чуть громче, Муртаг заметил:

— Значит, тебе все-таки удалось отыскать для себя достойный меч? Это ведь эльфы тебе его выковали?

— Ты прекрасно знаешь, что эльфы...

Муртаг сделал резкий выпад и чуть не проткнул Эрагона насквозь. Тот едва успел, увернувшись, парировать удар, а потом и сам ответил хитрым крученым ударом, описав мечом петлю над головой. Эрагон позволял руке как бы скользить по рукояти Брисингра, чтобы волшебный меч имел больше свободы для действий. Муртаг, точно танцуя, грациозно отскочил в сторону.

И снова оба помедлили, выжидая, кто первым ринется в атаку. Но поскольку ни тот ни другой этого не сделали, кружение возобновилось, и Эрагон на этот раз вел себя гораздо осторожней, чем прежде.

Судя по первому схождению, Муртаг по-прежнему был столь же быстр и силен, как Эрагон. А может, даже и как эльф. Запрет Гальбаторикса на использование магии явно не распространялся на те заклинания, что так укрепили руки и ноги Муртага. Эрагону этот эдикт очень не нравился, хотя он понимал, что в нем есть разумное зерно, иначе вряд ли их схватку можно было бы назвать честной. Но Эрагон не хотел честной схватки. Он хотел держать в своих руках ход поединка, сам определять, когда и как его следует завершить. К сожалению, подобная возможность не могла быть ему предоставлена, Муртаг ведь мастерски владел мечом. Да и если бы это произошло, Эрагон не был уверен, как именно следовало поступить с Муртагом — ведь, по сути дела, он воевал не с ним, а с Гальбаториксом. Но времени на размышления не было, хотя он очень надеялся, что Сапфира, Арья и драконы попытаются придумать какой-нибудь выход.

Муртаг попытался нанести ему удар в левое плечо, и Эрагон присел, прикрываясь щитом. Но мгновением позже понял, что это была всего лишь уловка, ибо Муртаг тут же обошел его справа, надеясь застать врасплох.

Эрагон резко изогнулся, увидев красное острие Заррока, нацеленное ему в шею, и отбил удар, хотя и довольно неуклюже, гардой Брисингра, а затем попытался ответить, полоснув лезвием меча по руке Муртага. И испытал мрачноватое удовлетворение, увидев, что ему это удалось. Правда, Брисингр не смог прорезать перчатку Муртага и рукав его кольчуги. Но удар оказался достаточно силен. Он явно причинил Муртагу боль и заставил его отбросить руку в сторону, открыв грудь. Эрагон тут же нанес ему в грудь колющий удар, но Муртаг успел прикрыться щитом.

Еще три раза подряд Эрагон наносил такие удары, но каждый раз Муртаг реагировал вовремя. А когда он в четвертый раз занес руку, Муртаг сумел извернуться и попытался нанести ему предательский удар под колено, который изувечил бы его, если бы попал в цель. Но Эрагон успел остановить свой замах, крутанулся и остановил Заррок в каком-то дюйме от своей ноги. И тут же ответил ударом на удар.

Так они обменивались ударами еще несколько минут, пытаясь сбить *друг другу ритм, но безуспешно. Слишком* хорошо они знали друг друга. Что бы ни предпринимал Эрагон, Муртаг оказывался способен предотвратить это. И у Муртага тоже ничего не получалось. Это было похоже на игру, в которой обоим приходилось заранее продумывать множество ходов, что создавало во время поединка некую атмосферу интимности, поскольку оба, сосредоточившись на мыслях противника, старались предвидеть следующие его действия.

С самого начала Эрагон заметил, что Муртаг ведет поединок как-то иначе, чем во все предыдущие разы. Он атаковал с какой-то безжалостностью, которой раньше в нем не ощущалось. Казалось, впервые в жизни он действительно хочет во что бы то ни стало победить Эрагона. Мало того, после первой вспышки гнева он вдруг стал на удивление спокойным, и в нем теперь чувствовалась лишь холодная неколебимая решимость.

Эрагон понимал, что сражается на пределе своих возможностей, так что вскоре — хотя он пока что мог удерживать Муртага на расстоянии и отражать его атаки — перешел в основном к обороне.

Через некоторое время Муртаг опустил свой меч и повернулся к трону, на котором восседал Гальбаторикс.

Эрагон продолжал стоять в оборонительной позиции, не зная, достойно ли в такой ситуации нападать.

И Муртаг, явно воспользовавшись его растерянностью, вдруг прыгнул на него. Эрагон не отступил и тоже нанес удар. Муртаг отразил его щитом и, вместо того чтобы в свою очередь нанести удар, изо всех сил толкнул этим щитом Эрагона.

Эрагон зарычал и тоже толкнул его. Он вполне мог бы достать Муртага из-за щита и нанести ему режущий удар по спине или по ноге, но противник напирал слишком сильно. Муртаг был дюйма на два выше Эрагона, так что рост позволял ему налегать на щит как бы сверху и под таким углом, что Эрагону не удавалось удержаться на месте, и он понемногу скользил назад по полированным каменным плитам пола.

Наконец, взревев, Муртаг мощным броском отшвырнул Эрагона назад, тот потерял равновесие, и Муртаг успел ударить его в шею, пока он судорожно пытался удержаться на ногах.

— Летта! — произнес Гальбаторикс.

Острие Заррока остановилось в нескольких миллиметрах от кожи Эрагона. Тот замер, задыхаясь и не понимая, как это с ним случилось.

— Сдерживай себя, Муртаг, или мне придется сдерживать тебя, — заметил Гальбаторикс. — Я не люблю без конца повторять одно и то же. Ты не должен убивать Эрагона, как и он тебя. А теперь продолжайте.

Эрагон был потрясен тем, что Муртаг только что действительно пытался его убить. И убил бы, если бы не вмешательство Гальбаторикса. Он пытался по лицу Муртага понять, чем объясняется его стремление, но Муртаг явно запер все свои чувства на замок. У него был такой вид, словно Эрагон ровным счетом ничего для него не значил.

Муртаг явно вел игру совсем не так, как был бы должен. Что-то в нем переменилось, но что, Эрагон понять не мог. Его уверенность в себе была поколеблена ощущением того, что он проиграл эту схватку и по всем правилам должен

сейчас быть мертв. Он, разумеется, не раз сталкивался со смертью лицом к лицу, но никогда в столь решительной и бескомпромиссной манере, так как совершенно не сомневался, что спасло его лишь милосердие Гальбаторикса — если это, конечно, действительно было милосердие.

«Эрагон, не думай об этом, — мысленно услышал он голос Арьи. — У тебя нет причин думать, что Муртаг попытается тебя убить. Ведь ты же его убить не пытаешься. Если бы это было иначе, то и весь ваш поединок носил бы иной характер, и тогда Муртаг не получил бы возможности атаковать тебя так, как он это сделал».

Полный сомнений, Эрагон глянул в ту сторону, где стояла Арья, — рядом с Эльвой и Сапфирой, на краю яркого светового пятна. Затем заговорила Сапфира:

«Если уж Муртагу так хочется распороть тебе глотку, так подрежь ему коленные сухожилия, чтобы он перестал так скакать».

Эрагон улыбнулся, признавая правоту обеих.

Затем они с Муртагом спокойно разошлись в разные стороны и встали в позицию напротив друг друга. Гальбаторикс смотрел на них вполне одобрительно. На этот раз атаковать первым предстояло Эрагону.

Похоже, они сражались уже несколько часов, и Муртаг больше не пытался нанести Эрагону смертельный удар, а вот Эрагону — к его глубочайшему удовлетворению — удалось-таки уколоть Муртага в ключицу, хотя он остановил свою руку еще до того, как Гальбаторикс счел необходимым ее остановить. Муртаг был, похоже, взволнован этим уколом, и Эрагон позволил себе даже чуть-чуть улыбнуться, видя его реакцию.

Были и другие выпады, которые оба заблокировать не успели. При всей быстроте их реакции, при всем их мастерстве они не могли не допускать ошибок. И Эрагон думал, что, если этот поединок не прекратить, они неизбежно начнут совершать все больше и больше ошибок, которые в итоге могут привести к увечьям.

Первым ранением был порез, нанесенный Муртагом — он задел правое бедро Эрагона, попав лезвием точно в ту

щель, что была между подолом его кольчуги и краем поножей. Порез был неглубокий, но довольно болезненный. Каждый раз, как Эрагон опирался на эту ногу, из раны сочилась кровь. Вторую рану также получил Эрагон: царапину над бровью, когда Муртаг обрушил удар ему на шлем и край шлема врезался в лоб. Второе ранение было более неприятным, потому что с брови все время капала кровь, мешая видеть.

Затем Эрагон сумел снова нанести режущий удар по запястью Муртага. На этот раз он прорезал и перчатку, и кожу до кости, не повредив, правда, ни мышцы, ни связки. Однако рана оказалась довольно болезненной, а кровь, стекавшая в перчатку, два раза, по крайней мере, помешала Муртагу как следует удержать в руке меч.

Эрагон слегка присел на правую ногу, а потом — пока Муртаг приходил в себя после очередной неудачной атаки — обогнул противника слева, где он был прикрыт щитом, и изо всех сил ударил Брисингром в центр левого наголенника Муртага, пробив сталь насквозь.

Муртаг взвыл и отпрыгнул назад на одной ноге. Эрагон немедленно последовал за ним и взмахнул мечом, намереваясь повалить его на пол, но Муртаг, несмотря на ранение, оказался вполне способен защитить себя и уже через несколько секунд теснил Эрагона так, что уже тот едва держался на ногах.

Какое-то время их щиты сопротивлялись яростным и безжалостным ударам мечей. Гальбаторикс, как догадался Эрагон, не тронул защитные чары, наложенные на их оружие и доспехи. Но затем магия, защищавшая щит Эрагона и щит Муртага, вдруг исчезла. Это стало ясно, когда от щитов при каждом ударе полетели осколки. Вскоре Эрагон мощным ударом заставил щит Муртага треснуть. Но одержанная им маленькая победа была недолговечной. Муртаг, схватив Заррок обеими руками, два раза подряд с силой ударил по щиту Эрагона и тоже расколол его, так что теперь они оба снова оказались в одинаковом положении.

За время поединка пол у них под ногами стал скользким от крови, и становилось все труднее удерживать равновесие. Огромный зал звенел от гулкого эха — казалось,

это отзвуки какой-то давнишней битвы. А еще казалось, будто они находятся в центре всего сущего и только над ними царит свет, а все остальное погружено во тьму.

И где-то за пределами этого светового круга Гальбаторикс и Шрюкн неустанно наблюдали за ними.

Без щитов, как обнаружил Эрагон, сражаться оказалось даже легче, только теперь они с Муртагом наносили друг другу удары в основном по рукам и ногам. Доспехи защищали их от режущих ударов, но от синяков и ссадин не спасали, и на теле у обоих буквально места живого не осталось.

Эрагон подозревал, что, хотя ему и удалось нанести Муртагу достаточно серьезные ранения, все же лучшим фехтовальщиком является Муртаг. Вряд ли он был намного лучше самого Эрагона, но по-настоящему взять над ним верх Эрагону так ни разу и не удалось. Ему казалось, что, если этот поединок будет продолжаться, Муртаг в конце концов сумеет истощить его силы, и он, Эрагон, не сможет продолжать сражение, *ослабев от многочисленных ран*ений. Похоже, подобный финал приближался. С каждым шагом Эрагон чувствовал, как горячая кровь ручейком устремляется из раны на бедре вниз, к колену. С каждой минутой ему становилось все труднее защищать себя.

Он понимал, что надо прямо сейчас завершить этот поединок, иначе он не сможет сражаться с Гальбаториксом. Эрагон и сейчас уже сомневался, сумеет ли оказать Гальбаториксу достойное сопротивление, но попытаться был обязан. Да, хотя бы попытаться!

Однако ему так и остались непонятны причины, побудившие Муртага с ним сражаться, и он знал, что так и будет пытаться разгадать эту загадку, а Муртаг будет благодаря этому ловить его на рассеянности. И Эрагон вспомнил слова Глаэдра, которые старый дракон сказал ему когда-то на подступах к Драс-Леоне: «Ты должен научиться видеть то, что у тебя перед глазами». И еще одно высказывание Глаэдра запомнилось ему: «Путь воина — это путь познания».

И он посмотрел на Муртага столь же внимательно и пристально, как смотрел на Арью во время их тренировочных боев, как смотрел и на себя самого, пытаясь

понять собственную сущность в ту долгую ночь на острове Врёнгард. Сейчас он надеялся, что сумеет уловить какие-то признаки, которые помогут ему расшифровать тайный язык тела Муртага.

И действительно кое-что понял. Ему, например, стало ясно, что Муртаг измучен и почти без сил, что он сутулится под бременем глубоко укоренившегося гнева или, может быть, страха. И потом, эта его безжалостность... Вряд ли ее можно было назвать новой чертой его характера, но такой безжалостности по отношению к нему, Эрагону, раньше не было. Он заметил и кое-какие более мелкие детали, а когда попытался соединить все это с теми знаниями о Муртаге, которые сохранились с былых времен — с его дружбой, верностью, отвращением к тому, что Гальбаторикс силой подчинил его себе, — он, казалось, добрался и до истины.

Это заняло всего несколько секунд — секунд, полных напряжения, тяжелого дыхания и стоивших ему нескольких неловких ударов и очередной ссадины на локте. Но причина такого поведения Муртага стала для него вполне очевидной.

Что-то очень важное произошло в жизни Муртага. На решение этого важного вопроса их поединок мог оказать решающее влияние. Мало того, это оказалось настолько важным для него, что он был намерен победить любым способом и, если будет нужно, даже убить своего сводного брата. То есть, какова бы ни была реальная причина этого — а у Эрагона на сей счет имелись свои соображения, весьма, кстати, тревожившие его, — он понимал одно: Муртаг никогда не сдастся. Он будет, подобно загнанному в угол зверю, биться до последнего вздоха, а это значит, что и ему, Эрагону, никогда не добиться победы — во всяком случае, обычным способом. Если для него этот поединок — всего лишь отвлекающий маневр, то для Муртага он явно имеет жизненно важное значение. Такую решимость, какая сейчас владеет Муртагом, преодолеть очень трудно или даже вообще невозможно. Во всяком случае, с помощью силы. Надо было как-то остановить человека, который настроен продолжать бой во что бы то ни стало и непременно одержать победу.

Пока что Эрагон этого не знал, но понимал, что единственный способ остановить Муртага — это дать ему то, что он хочет: победу. А значит, он, Эрагон, должен согласиться с поражением. Но полностью принять поражение он не мог. Не мог же он позволить Муртагу безнаказанно выполнить любое требование Гальбаторикса, касающееся его жизни! Он готов был подарить Муртагу *эту* победу, но потом одержать и свою собственную.

Слушая его мысли, Сапфира горевала и тревожилась все сильнее, а потом сказала:

«Нет, Эрагон. Должен быть какой-то другой путь».

«Так скажи мне какой, — возразил он, — потому что я его не вижу».

Она зарычала, и Торн откликнулся ей тоже рычанием с того края светового круга.

«Выбирай мудро», — сказала Арья, и Эрагон понял, что она имела в виду.

Муртаг снова кинулся на него, клинки их скрестились с оглушительным звоном, затем они разошлись и некоторое время собирались с силой. А во время следующего схождения Эрагон нарочно чуть отклонился вправо, позволив своей правой руке с мечом тоже отклониться словно из-за сильной усталости или по небрежности и открыть доступ к телу. Это было почти незаметное движение, но он знал: Муртаг непременно его заметит и непременно воспользуется подобной оплошностью противника.

В эти мгновения Эрагон ничего не чувствовал. Нет, он чувствовал, конечно, ту боль, которую вызывали его многочисленные раны, но как бы отдаленно, словно эта боль вовсе и не была его болью. Его разум был точно озеро с глубокой водой в безветренный день, ровное и спокойное, но все же полное отражений того, что находится с ним рядом. То, что он видел, он замечал совершенно бессознательно, не задумываясь. Необходимость в тщательном обдумывании каждого движения миновала. Главное — он понимал все, что происходит с ним и «у него перед глазами», и дальнейшие размышления могли ему только помешать.

Как и ожидал Эрагон, Муртаг бросился на него и попытался ударить его мечом в живот.

Но в самый последний момент Эрагон ушел от удара. Двигался он не слишком быстро и не слишком медленно, но именно с той скоростью, какой требовала данная ситуация. Он чувствовал, что это было предопределено и являлось тем единственным, что он теперь только и мог предпринять.

А потому Муртаг и не попал ему в живот, как намеревался, и меч его лишь скользнул ему по ребрам правого бока. Удар был достаточно силен, и сталь противно взвизгнула, когда Заррок прошел сквозь перерубленные звенья кольчуги и вонзился Эрагону в тело. Однако это прикосновение ледяного металла оказалось, пожалуй, даже страшнее боли. На мгновение у Эрагона перехватило дыхание. А Заррок застрял в кольцах кольчуги, сумев лишь острием задеть ему бок.

Муртаг смотрел на него во все глаза, он был явно потрясен случившимся.

И Эрагон, не давая Муртагу опомниться, с размаху вонзил ему Брисингр в живот ближе к пупку. И это оказалось куда более серьезной раной, чем та, которую только что получил сам Эрагон.

Лицо Муртага как-то странно расслабилось, рот приоткрылся, словно он хотел что-то сказать. И он упал на колени, глядя на Эрагона и по-прежнему сжимая в руке Заррок.

Где-то в темноте, сбоку, гневно взревел Торн. Эрагон выдернул Брисингр из тела Муртага, резко отклонился назад и оскалился в безмолвном вопле, заставив этим движением Заррок выскользнуть у него из бока.

Затем раздался грохот — это Муртаг выронил меч и скорчился на полу, обхватив себя руками и прижавшись лбом к холодным каменным плитам. Эрагон смотрел на брата, а теплая кровь по-прежнему капала с его брови прямо в глаз.

Гальбаторикс, не вставая с трона, сказал: «Найна!», и десятки светильников вновь вспыхнули на стенах зала, осветив колонны и резные украшения на стенах, а также ту каменную плиту, к которой была прикована Насуада.

Эрагон пошатнулся и опустился на колени возле Муртага.

— Победа за Эрагоном! — объявил Гальбаторикс, и его звучный голос заполнил, казалось, весь притихший зал.

Муртаг искоса глянул на Эрагона. Его лицо, покрытое крупными каплями пота, исказилось от боли.

— Неужели ты не мог просто дать мне победить, а? — сердито прошипел он. — Ты же все равно не сможешь одолеть Гальбаторикса! Зачем же тебе понадобилось доказывать, что ты лучше меня? Ах!.. — Он содрогнулся и еще крепче обхватил себя руками. Чувствовалось, что он вот-вот начнет кататься по полу от нестерпимой боли.

Эрагон положил руку ему на плечо.

— Но зачем?.. — спросил он, зная, что Муртаг поймет смысл этого вопроса.

Ответ прозвучал, как едва различимый шепот:

— Затем, что я надеялся заслужить его расположение и получить возможность спасти *ее*. — Слезы выступили у Муртага на глазах, и он отвернулся.

И Эрагон понял: Муртаг и раньше говорил ему правду. Ему стало не по себе, и он не сразу вспомнил, что Гальбаторикс по-прежнему с острым интересом наблюдает за ними.

Перетерпев очередной приступ боли, Муртаг сказал:

— Как это тебе удалось меня провести!

— Пришлось. Это был единственный способ.

— В том-то всегда и была разница между тобой и мной, — проворчал Муртаг и искоса глянул на Эрагона. — Тебе всегда хотелось принести себя в жертву. А мне нет... Тогда — нет, не хотелось.

— А теперь?

— А теперь я уже не тот, каким был когда-то. Теперь у меня есть Торн и... — Муртаг явно колебался. Плечи его приподнялись и опустились, словно он слегка пожал ими. — Я больше уже не только за себя одного сражаюсь... А это ко многому обязывает. — Он слегка вздохнул и застонал. — Я всегда думал, что ты просто дурак, раз продолжаешь так рисковать собственной жизнью... Теперь я лучше это понимаю. Я понимаю... *зачем*. Я понимаю... — Глаза его расширились, лицо, искаженное болью, разгладилось, и какой-то внутренний свет осветил его. — Я понимаю...

мы понимаем. — И Торн, словно отвечая ему, издал какой-то странный звук — то ли заскулил, то ли зарычал.

Гальбаторикс беспокойно шевельнулся на своем троне и резким голосом сказал:

— Довольно болтать! Ваш поединок окончен. Эрагон победил. А теперь пришло время всем вам, преклонив колени, принести мне клятву верности. Подойдите ближе, вы оба, и я исцелю ваши раны, а затем мы продолжим.

Эрагон начал было вставать, но Муртаг дернул его за руку.

— Ну же! — прогремел Гальбаторикс, сдвигая свои тяжелые брови. — Или я так и оставлю вас страдать от ран, пока мы со всем не покончим.

— *Приготовься,* — одними губами прошептал Муртаг Эрагону.

Эрагон колебался, не зная, чего ему ожидать; затем кивнул и мысленно предупредил Арью, Сапфиру, Глаэдра и остальных Элдунари.

Оттолкнув Эрагона в сторону, Муртаг поднялся на колени, по-прежнему зажимая руками рану, посмотрел на Гальбаторикса и вдруг выкрикнул то Слово.

Гальбаторикс дернулся и поднял руку, словно защищая себя. А Муртаг стал выкрикивать и еще какие-то слова древнего языка, но слишком быстро, и Эрагон не успевал понять их смысл.

Вокруг Гальбаторикса вспыхнули языки красного и черного пламени. Казало́сь, все его тело охвачено этим колдовским огнем. Затем по залу пролетел шелест — так шелестит ветер в еловом лесу в летнее время, — послышались какие-то странные повизгивания, и вокруг головы Гальбаторикса стали кружить двенадцать светящихся шариков, а потом по одному начали уплывать в сторону и, проходя сквозь стены зала, исчезать совсем. Они чем-то напоминали духов, но были видны так недолго, что сказать с уверенностью Эрагон не мог.

Вдруг Торн, крутанувшись вокруг собственной оси точно кошка, которой наступили на хвост, подпрыгнул и вцепился в мощную шею Шрюкна. Черный дракон взревел

и попятился, тряся башкой и пытаясь сбросить с себя Торна. Его рычание было поистине оглушительным. Пол в зале дрожал от веса дерущихся драконов.

Дети, сидевшие на ступенях тронного возвышения, пронзительно закричали и закрыли уши ладошками.

Эрагон заметил, что Арья, Эльва и Сапфира рванулись вперед. Их более не сдерживала магия Гальбаторикса. С Даутхдаэртом в руке Арья бросилась к трону, а Сапфира — на помощь Торну, по-прежнему терзавшему шею Шрюкна. Между тем Эльва поднесла руку ко рту и что-то шептала как бы самой себе. Что именно она говорила, Эрагон, разумеется, расслышать не мог, такой страшный шум подняли драконы.

Огромные, с кулак величиной, капли драконьей крови разлетались вокруг и, дымясь, падали на каменный пол.

Эрагон вскочил и следом за Арьей бросился к трону.

И тут Гальбаторикс что-то сказал на древнем языке; Эрагон сумел разобрать только слово «летта», что значит «остановись». Мгновенно невидимые путы вновь сковали его руки и ноги, и в зале воцарилась *полная тишина. Ма*гия Гальбаторикса сковала всех, даже Шрюкна.

Бешеный гнев и отчаяние кипели в душе Эрагона. Они были так близки к цели, но все же оказались бессильны перед чарами Гальбаторикса. «Взять его!» — выкрикнул он и мысленно, и вслух. Они ведь все равно уже нарушили требование Гальбаторикса и попытались атаковать его и Шрюкна, и теперь он так или иначе убьет этих детей. А потому им остался только один путь — и единственная надежда на победу: сражаться, пытаясь прорваться сквозь мысленные барьеры Гальбаторикса и завладеть его разумом.

Вместе с Сапфирой, Арьей и теми Элдунари, которых они взяли с собой, Эрагон всей силой своего сознания пытался разрушить эти мысленные барьеры, изливая всю свою ненависть, весь свой гнев и всю свою боль в едином обжигающем стремлении проникнуть в самую сердцевину черной души Гальбаторикса.

На мгновение он ощутил прикосновение его сознания, его ужасных, черных мыслей. То была целая вереница

воспоминаний, и от них веяло то мертвящим холодом, то испепеляющим жаром. Казалось, мысли и воспоминания Гальбаторикса отделены в его душе друг от друга чем-то вроде металлических балок или перегородок, твердых и несгибаемых, не позволяющих отдельным областям его сознания пересекаться между собой.

Затем сознание Эрагона атаковали Элдунари тех драконов, что находились во власти Гальбаторикса. Их безумные, воющие, истерзанные горем души заставили его покинуть сознание Гальбаторикса и спрятаться внутри собственного «я». Эрагону казалось, что иначе его разум просто будет разорван на куски.

Вдруг он услышал, как Эльва начала что-то говорить у него за спиной, но успела произнести всего несколько слов, когда Гальбаторикс велел ей: «Тхейна! Молчи!», и она умолкла, захлебнувшись собственными словами.

— Я же лишил его магической защиты! — воскликнул Муртаг. — Он же...

Что бы ни произнес в этот момент Гальбаторикс, он делал это так тихо и так быстро, что Эрагон ничего не успел ни расслышать, ни понять. Муртаг тут же умолк, и мгновением позже Эрагон услышал, как он рухнул на пол, звеня кольчугой и громко ударившись головой в шлеме о каменный пол.

— У меня очень много магических стражей, — сказал Гальбаторикс, и его горбоносое лицо, чем-то напоминавшее коршуна, потемнело от ярости. — Ты не сможешь причинить мне вреда. — Он поднялся и крупными шагами спустился с тронного возвышения к Эрагону. За спиной у него крыльями вился плащ, а в руке сверкал белый смертоносный меч Врангр.

Эрагон попытался установить мысленную связь хотя бы с одним из своих Элдунари, но преодолеть сопротивление магии Гальбаторикса не смог. Он сумел лишь отчасти отогнать от себя мысли враждебных драконов, чтобы они не смогли подчинить себе его сознание.

Гальбаторикс, остановившийся примерно в шаге от него, был явно разгневан. На лбу у него надулась толстая разветвленная вена, на щеках ходили желваки.

— Неужели ты, мальчишка, думал, что сможешь бросить вызов *мне*? — прорычал он, брызгая в бешенстве слюной. — Или ты возомнил себя равным мне? Решил, что способен одержать надо мной победу и отнять у меня трон? — Жилы на шее у Гальбаторикса вздулись, точно переплетенные канаты. Он дернул себя за край плаща. — Я вырезал этот плащ из крыльев самого Белгабада. Как и эти перчатки. — Он поднял меч Врангр и поднес его почти прозрачное лезвие к глазам Эрагона. — А этот меч я вынул из рук Враиля. Корону, которая украшает ныне мою голову, я снял с той жалкой мяукающей твари, которая имела наглость называть себя королем. И ты еще надеялся одолеть меня? *Меня*! Ты явился в мой замок, ты убил моих слуг, ты ведешь себя так, словно ты *лучше* меня. Словно ты *благородней* или *добродетельней* меня. Да как ты смеешь, червяк!

У Эрагона загудело в голове, и целый рой противных крутящихся алых мошек возник перед глазами, когда Гальбаторикс ударил его по лицу рукоятью Врангра, ободрав на скуле кожу.

— Пора преподать тебе урок, мальчишка, — прошипел Гальбаторикс, придвигаясь к Эрагону совсем близко, и его сверкающие глаза оказались в паре дюймов от глаз Эрагона.

Он ударил его по второй щеке, и на мгновение все вокруг Эрагона поглотила чернота, в которой мерцали яркие вспышки огней.

— Мне доставит *удовольствие*, когда ты станешь исполнять любой мой приказ, — сказал Гальбаторикс. И чуть тише прибавил: — Ганга!

Воздействие Элдунари на сознание Эрагона тут же прекратилось, и он вновь обрел возможность думать свободно. Однако порабощенные Гальбаториксом Элдунари продолжали терроризировать всех остальных — Эрагон видел это по напряженным лицам своих друзей.

Затем некая острая, заточенная до предела мысль пронзила его сознание, внедряясь в самую суть его «я». Вращаясь, точно раковина сердцевидки, она рвала материю его сознания, стремясь разрушить его волю, извратить его восприятие жизни...

Такой атаки Эрагон еще никогда не испытывал. Он весь внутренне съежился, сосредоточившись на одной-единственной мысли — мысли о мщении, — полагая, что только так сможет защитить себя. Благодаря возникшей между ними мысленной связи он чувствовал, какие эмоции владеют в этот миг Гальбаториксом. Это были гнев и дикая радость, вызванная тем, что он сумел причинить Эрагону столь сильную душевную боль и теперь может любоваться его муками.

Эрагон наконец понял, почему Гальбаторикс так легко справлялся со своими врагами, разрушая их разум: просто это доставляло ему извращенное наслаждение.

Острие враждебной мысли проникало все глубже в сознание Эрагона, и он взвыл, не в силах сам справиться с этим. А Гальбаторикс, заметив это, улыбнулся, обнажив края зубов, которые казались странно полупрозрачными.

Эрагону было ясно, что простой обороной он ничего не добьется, а потому, несмотря на разрывающую мозг боль, он заставил себя пойти в наступление. Эрагон проник в сознание Гальбаторикса, ухватился за края его острых как бритва мыслей, пытаясь удержать их, не позволяя им двигаться или меняться.

Однако Гальбаторикс не сделал даже попытки как-то оградить себя от его проникновения. Жестокая улыбка тирана стала еще шире, и он еще сильней крутанул то острие, что сидело у Эрагона в мозгу, и еще глубже ввинтился в его сознание.

Эрагону казалось, что в мозгу у него вращается целый пучок колючих веток шиповника, раздирая его изнутри. Из глотки у него невольно вырвался вопль боли, ему все трудней становилось сопротивляться страшному заклятию Гальбаторикса.

— Подчинись, — услышал он его голос. Гальбаторикс приподнял его лицо, ухватив за подбородок своими стальными пальцами, и повторил: — Подчинись. — И острие в мозгу Эрагона снова резко повернулось, и он закричал так пронзительно, что голос у него сорвался.

Затем целый сонм острых мыслей Гальбаторикса, пронзив сознание Эрагона, ринулся в его душу. И разум

его почти померк. В распоряжении Эрагона осталась лишь самая малая часть разума, крошечное светлое пятнышко, над которым темной тенью нависала мощь чуждого сознания.

— Подчинись, — почти нежно прошептал Гальбаторикс. — Тебе же некуда идти, негде спрятаться... Твоя прежняя жизнь кончается, Эрагон Губитель Шейдов. Тебя ждет новая жизнь. Подчинись, и все твои прегрешения будут тебе прощены.

Слезы застилали взор Эрагона, когда прямо перед ним возникли лишенные выражения черные бездонные глаза Гальбаторикса.

Они проиграли... Нет, это *он* проиграл!

Понимание этого было страшнее любой из полученных ран. Столетняя борьба — и все попусту. Сапфира, Эльва, Арья, Элдунари — никто не смог одолеть Гальбаторикса. Он слишком силен, слишком хорошо осведомлен, обладает слишком большими познаниями. Гэрроу, Бром, Оромис — все они *погибли зря, как и многие другие воины,* принадлежавшие к самым различным расам и народам. Все, все они зря сложили головы, сражаясь с Империей Гальбаторикса...

Из глаз Эрагона покатились слезы.

— Подчинись, — прошептал Гальбаторикс, и его хватка стала еще мучительней.

Ненавистней всего Эрагону была несправедливость подобного конца. Ему казалось *неправильным* то, что столько людей, эльфов, гномов, драконов и других существ страдали и погибали во имя безнадежной, недостижимой цели. Неужели действительно безнадежной? Неужели недостижимой? Нет, не может быть, чтобы один лишь Гальбаторикс оказался причиной столь ужасного краха. *Недопустимо, неправильно,* если он избежит наказания за свои злодеяния...

«*Но почему?*» — спрашивал себя Эрагон.

И тут он припомнил видение, которое им с Сапфирой так упорно показывал некогда старейший из Элдунари, Валдр — доказывая, что мечты и заботы скворцов ничуть не менее важны, чем заботы королей.

— Подчинись! — крикнул Гальбаторикс, и сознание пронзило мозг Эрагона, словно тысячи острых ледяных осколков, словно горячие языки пламени, сжигающие изнутри. Эрагон громко вскрикнул и в отчаянии мысленно обратился к Сапфире и Элдунари, но их разумы пребывали в осаде, атакованные Элдунари диких драконов. И тогда он сам, нарушая все правила, отнял у них немного мысленной энергии и с помощью этой энергии составил и произнес заклятие.

Собственно, это было заклятие без слов, ибо магия Гальбаторикса не позволила бы ему вымолвить ни слова, да и никакими словами невозможно было описать то, чего хотел Эрагон, и то, что он в данный момент чувствовал. Для этого не хватило бы целой библиотеки мудрых книг. Его заклятие было продиктовано скорее инстинктом и эмоциями, языка для этой цели было бы недостаточно.

То, чего он хотел, было одновременно и просто, и сложно. Он очень хотел, чтобы Гальбаторикс *понял*... Да, чтобы он *понял* неправильность своих действий. Это заклинание не было атакой на него. Это была попытка *поговорить* с ним. Если ему, Эрагону, предстояло всю оставшуюся жизнь провести у него в рабстве, то он хотел бы, чтобы прежде Гальбаторикс *осознал*, какое преступление он совершил, осознал полностью и до конца.

Когда магия начала действовать, Эрагон почувствовал, что Умаротх и остальные Элдунари почти полностью переключили свое внимание на него, одновременно пытаясь сдержать мысленный натиск принадлежащих Гальбаториксу драконьих душ и разумов. Сотни лет безутешного горя и гнева сделали свое дело, и бывшие драконы, как бы сплавив свои мысли с мыслями Эрагона, стали постепенно изменять суть созданного им заклинания, углубляя его, расширяя, добавляя ему новый смысл, и оно стало значительно мощней и обширней, чем он того хотел.

Это заклинание теперь должно было не только доказать Гальбаториксу, что вся его жизнь, все его действия были *неправильны*, но и заставить его пережить те чувства, как плохие, так и хорошие, какие он вызывал у других с момента своего появления на свет. Заклинание получилось куда

более сложным, чем все те, которые Эрагон смог бы создать сам, так как заключало в себе куда больше, чем был способен воспринять один человек или один дракон. Каждое Элдунари внесло свою лепту в эти чары. Сумма этих вложений привела к созданию таких чар, которые охватили своим воздействием не только всю Алагейзию, но и простирались далеко в глубь времен, завершаясь в той точке, когда новорожденный Гальбаторикс издал свой первый крик.

Это было, как представлялось Эрагону, самое великое произведение магического искусства, какое когда-либо создавали драконы. А он лишь послужил для них послушным инструментом. И оружием.

Сила Элдунари хлынула в него, как воды океана, и Эрагон почувствовал себя жалким, хрупким суденышком. В какой-то момент ему показалось, что у него просто кожа лопнет, не выдержав этого невероятного напора, этого потока мысленной энергии, проводником которой он сейчас являлся. Если бы не Сапфира, он бы тут же мгновенно и умер, полностью исчерпав свои силы и не в силах справиться с ненасытными требованиями разбуженной драконами магии.

Вокруг, казалось, померк даже свет беспламенных светильников. В ушах у Эрагона звучало эхо тысяч голосов — невыносимая какофония боли и радости, отголоски которой доносились до него как из настоящего, так и из далекого прошлого.

Морщины на лице Гальбаторикса вдруг резко обозначились, а глаза странным образом выпучились так, что буквально вылезали из орбит.

— Что ты натворил? — спросил он каким-то пустым напряженным голосом и отшатнулся, прижимая к вискам стиснутые кулаки. — *Что ты такое сделал?*

И Эрагон с огромным усилием ответил:

— Заставил тебя понять.

Гальбаторикс уставился на него с выражением полнейшего ужаса. Мускулы у него на лице дергались сами по себе, искажая его черты. Его тело сперва начало дрожать, а потом забилось в судорогах. Страшно оскалившись, он прорычал:

— Тебе не одержать надо мною верх, мальчишка! Тебе... не... одержать... — Он застонал и пошатнулся. Внезапно Эрагон почувствовал, как чары, державшие в тисках его сознание и тело, куда-то исчезли. Лишившись последних сил, он упал на пол, но успел заметить, что Эльва, Арья, Сапфира, Торн, Шрюкн и двое детей, по-прежнему сидевшие на ступенях тронного возвышения, тоже обрели способность двигаться.

Оглушительный рев Шрюкна наполнил зал. Гигантский черный дракон стряхнул Торна со своей шеи, и тот отлетел на середину зала, приземлившись так неловко, что кости в его левом крыле с громким хрустом надломились.

— Я... не... сдамся... тебе, — с напряжением вымолвил Гальбаторикс. У него за спиной Эрагон увидел Арью — она оказалась гораздо ближе к трону, чем Эрагон, но явно колебалась, оглядываясь на них. Затем, решившись, она молнией пронеслась мимо тронного возвышения и вместе с Сапфирой устремилась к Шрюкну. Торн, с трудом поднявшись с пола, последовал за ними.

С исказившимся, как у безумца, лицом Гальбаторикс подбежал к Эрагону и замахнулся на него Врангром. Эрагон мгновенно перекатился на бок и услышал, как лезвие меча лязгнуло по камню рядом с его головой. Он по инерции прокатился по полу еще несколько футов, потом резким прыжком вскочил на ноги и занял боевую позицию. Впрочем, только исходящая от Элдунари энергия позволяла ему сейчас держаться на ногах.

С громким криком Гальбаторикс бросился на него, и Эрагон относительно легко отразил его неуклюжий удар. Их мечи звенели, как колокола, и этот звон казался удивительно резким и чистым среди рева драконов и шепота мертвых.

Сапфира подпрыгнула высоко в воздух, ударила прямо в гигантскую морду Шрюкна, разодрав ее когтями до крови, и снова спрыгнула на пол. Черный дракон замахнулся на нее, тоже выпустив когти, но она легко отскочила назад и даже немного приоткрыла крылья.

Эрагон присел, уходя от свирепого косого удара, и нанес Гальбаториксу колющий удар в левую подмышку.

Он очень удивился, когда острие Брисингра окрасилось кровью. Судорога, скрутившая руку Гальбаторикса, помешала ему нанести следующий удар, но потом они снова сошлись, скрестив мечи у самых рукоятей и пытаясь силой лишить противника физического и душевного равновесия.

Лицо Гальбаторикса исказилось почти до неузнаваемости, по щекам у него текли слезы. Над головами у них вспыхнуло мощное пламя, и воздух стал раскаленным. Где-то пронзительно кричали дети.

Под Эрагоном подломилась раненая нога, и он неловко упал на четвереньки, обдирая костяшки пальцев, в которых сжимал Брисингр.

Он ожидал, что в ту же секунду Гальбаторикс оседлает его, но тот почему-то остался на месте, как-то странно покачиваясь.

— Нет! — кричал он. — Я не... — Он посмотрел на Эрагона и вдруг то ли приказал, то ли попросил: — Пусть это прекратится!

Эрагон молча *покачал головой и встал на ноги. Боль* обожгла ему левое плечо, когда он оглянулся и увидел, что у Сапфиры на левой передней лапе зияет кровавая рана. На другом конце зала Торн вцепился зубами в хвост Шрюкна, заставив черного дракона броситься на него.

Пока Торн отвлекал внимание Шрюкна, Сапфира подскочила в воздух, ринулась *вперед, прыгнула черному дракону* на шею, ближе к основанию костистого черепа, и глубоко вонзила когти, запустив их под его мощную чешую, а потом впилась зубами ему в шею между двумя шипами на позвоночнике. Шрюкн издал громоподобный рык, потом завыл и стал метаться, пытаясь ее стряхнуть.

А Гальбаторикс снова бросился на Эрагона и попытался нанести ему рубящий удар, но Эрагон его блокировал. И следующий тоже, но потом все же получил мечом по ребрам и чуть не потерял сознание от боли.

— Пусть это немедленно прекратится! — снова потребовал Гальбаторикс, но теперь его тон был почти умоляющим. — Эта боль...

Снова раздался жуткий вой Шрюкна, на этот раз еще более отчаянный, и Эрагон увидел, что Торн и Сапфира

дружно вцепились клыками в шею черного дракона, пригибая его голову к полу. Но все же Шрюкн был слишком велик и могуч для двух молодых драконов и не сдавался. Да и шея у него была такой толщины, что вряд ли даже Сапфире и Торну удалось бы как-то особенно сильно ее повредить.

Затем лесной тенью мимо Эрагона мелькнула Арья. Выскочив из-за колонны, она бросилась к драконам. В левой руке у нее неярким зеленым светом мерцало смертоносное копье Даутхдаэрт.

Шрюкн увидел ее и задергался всем телом, пытаясь сбросить с себя Сапфиру и Торна. Но поскольку молодые драконы не отпускали его, он разинул пасть и выпустил целый огненный поток.

Арья стремительно летела к нему, и Эрагон на мгновение потерял ее из виду, поскольку она скрылась за стеной огня. Потом она снова показалась — уже возле головы Шрюкна, которую Торн и Сапфира прижимали к полу. Концы ее длинных волос были охвачены огнем, но Арья, похоже, этого не замечала.

В три прыжка она взлетела на гигантскую левую переднюю лапу Шрюкна и оттуда перелетела на боковую часть его головы. Языки пламени летели за ней, точно хвост кометы. Испустив громкий крик, который был слышен в каждом углу огромного зала, Арья метнула Даутхдаэрт прямо в центр голубого, сверкавшего, как лед, глаза Шрюкна и, с силой нажав на древко, погрузила копье в глубь его черепа.

Шрюкн взревел, содрогнулся и медленно завалился на бок; из его пасти тек жидкий огонь. Сапфира и Торн спрыгнули с его туши как раз в тот момент, когда черный дракон ударил хвостом по полу.

От его ударов трескались колонны. С потолка падали и разлетались вдребезги каменные плиты. Светильники лопались, разбрызгивая какое-то расплавленное вещество.

Весь зал содрогнулся, и Эрагон едва удержался на ногах. Он не видел, что произошло с Арьей, но очень боялся, что в предсмертных судорогах Шрюкн вполне мог ее раздавить.

— Эрагон! — крикнула Эльва. — Пригнись!

Он пригнулся и услышал, как что-то просвистело у него над головой. Это был белый меч Гальбаторикса.

Выпрямившись, Эрагон ринулся вперед... и нанес Гальбаториксу мощный колющий удар в центр живота, точно такой же, каким пытался убить Муртага.

Гальбаторикс что-то проворчал и отступил назад, как бы снимая себя с меча Эрагона. Затем приложил к ране руку и долго смотрел на окровавленные пальцы. Изумленно глянув на Эрагона, он медленно промолвил:

— Те голоса... голоса... ужасны! Я не могу... мне этого не вынести... — Он закрыл глаза, и слезы потекли у него по щекам. — Боль... как много боли. Как много горя... Пусть это прекратится! Сделай так, чтобы это прекратилось!

— Нет, — сказал Эрагон, чувствуя поддержку Эльвы, стоявшей с ним рядом, и Сапфиры с Торном, находившихся в противоположном конце зала. Он понял, что Арья жива. Она обгорела и была вся в драконьей крови, но все же осталась цела и невредима.

Но вот Гальбаторикс открыл глаза — круглые, с неестественно огромными *белками, они смотрели куда-то в даль,* словно не видя ни Эрагона, ни всех остальных. Гальбаторикса била крупная дрожь, челюсти его непроизвольно двигались, но из глотки не доносилось ни звука.

Вдруг Эльва с пронзительным криком упала без чувств, а Гальбаторикс вскричал: «Вайзе нейят!» Что означало: «*Не будь*». У Эрагона не было времени на слова. Снова забрав силы у Элдунари, он быстро произнес заклинание, с помощью которого втащил себя, Сапфиру, Арью, Эльву, Торна, Муртага и тех двоих детей на тронное возвышение. Все они сгрудились у подножия стоявшей вертикально каменной плиты, к которой по-прежнему была прикована Насуада. Эрагон быстро произнес еще одно заклинание, которое должно было оградить их от зла.

И в это самое мгновение Гальбаторикс исчез во вспышке света, которая была ярче солнца. А затем все окутали тьма и тишина — это подействовало заклинание, предусмотрительно произнесенное Эрагоном.

Смертные муки

Роран сидел на носилках, которые эльфы поставили на одну из каменных глыб рядом с разрушенными воротами, и отдавал распоряжения выстроившимся перед ним воинам.

Эльфы вынесли его из города на открытое пространство, где могли использовать магию, не опасаясь чар Гальбаторикса, нарушавших или даже извращавших действие их заклинаний. Они уже вправили Рорану вывихнутое плечо, подлечили сломанные ребра и другие раны, которые нанес ему Барст. Но эльфы предупредили, что должно пройти несколько недель, прежде чем его сломанные кости полностью восстановятся, и потребовали, чтобы он до конца этого дня не вставал.

Однако Роран стремился вновь присоединиться к сражающимся и, несмотря на то, что эльфы сердито ему возражали, заявил:

— Или вы меня туда отнесете, или я сам встану и пойду.

Эльфы были чрезвычайно недовольны, но в итоге отнесли его к воротам, где он теперь и сидел, глядя на площадь.

Как и ожидал Роран, после гибели Барста его воины утратили всякое желание сражаться, и варденам удалось быстро вытеснить их с площади на узкие боковые улочки. К тому времени как Рорана вновь вынесли на площадь, варденам уже очистили примерно треть города и быстро приближались к цитадели.

Потерь было много с обеих сторон. Мертвые и умирающие буквально устилали улицы Урубаена, а вода в сточных канавах была красна от крови. Но успехи и предчувствие

близящейся победы сплотили армию варденов. Роран чувствовал это, глядя на лица людей, эльфов, гномов, ургалов. Впрочем, эльфы были мрачнее всех прочих, они все еще пребывали в состоянии холодной ярости из-за гибели своей королевы.

Эльфы вообще тревожили Рорана. Он видел, как они убивали имперских солдат, даже если те пытались сдаться. Эльфы попросту перерубали их пополам, не испытывая ни тени сомнений или сожалений. Спущенная с поводка жажда крови оказалась в них сильнее милосердия.

Роран узнал, что вскоре после гибели Барста король Оррин был ранен в грудь тяжелой арбалетной стрелой. Это случилось во время штурма кордегардии в центре Урубаена. Ранение было настолько серьезным, что даже эльфы не были уверены, смогут ли они полностью его исцелить. Оррина отнесли в лагерь, и пока что Роран ничего не знал о его дальнейшей судьбе.

Хотя сражаться Роран был не в силах, но командовать вполне мог. Он тут же по собственной инициативе принялся восстанавливать порядок в армии, начиная с самых низов. По его приказу были собраны разбежавшиеся варденцы, теперь он отправлял их с тем или иным заданием вглубь Урубаена. Но первым делом Роран, разумеется, приказал захватить все катапульты на стенах города. Когда он получал от своих разведчиков какие-то сведения, которые, как ему казалось, стоило бы знать и другим командирам — Джормундуру, Орику или Мартланду Рыжебородому, — то отправлял быстроногих связных искать их на городских улицах и сообщать все необходимое.

— И если увидишь кого-то из солдат возле рынка, там еще есть такое большое строение с куполом, потрудись и об этом сообщить Джормундуру, — говорил он тощему, с высоко поднятыми плечами воину, который стоял перед ним с мечом в руках.

— Да, командир, — ответил тот, и от волнения так сглотнул, что у него на горле нервно подпрыгнул кадык.

Роран с некоторым изумлением посмотрел на его шею, потом махнул рукой:

— Ладно, ступай.

Посыльный рысцой побежал искать Джормундура, а Роран, нахмурившись, посмотрел на остроконечные крыши цитадели под навесом скалистого утеса.

«Где же ты?» — думал он. До сих пор ничего не было слышно ни об Эрагоне, ни о его спутниках. Все знали, что им удалось проникнуть в цитадель, но то, что они так долго не дают о себе знать, было весьма тревожно. Роран мог, разумеется, придумать множество объяснений подобной задержке, но ни одно из них его не успокаивало. Наиболее благоприятным объяснением было для него то, что Гальбаторикс попросту прячется, и Эрагону с товарищами приходится искать его повсюду. Но после того, как прошлой ночью Шрюкн явил варденам свою мощь, Роран даже представить себе не мог, что Гальбаторикс станет прятаться, а не попытается тут же уничтожить напавших на него наглецов.

Если худшие опасения оправдаются, думал он, тогда победам варденов суждена недолгая жизнь. Мало того, в таком случае вряд ли и он, и все остальные варденыдоживут до конца этого дня.

Один из его посыльных — светловолосый лучник без шапки и с ярко-красным румянцем на скулах — выбежал из *улочки справа от площади* и как вкопанный остановился возле той каменной глыбы, на которой сидел Роран.

— Ты нашел Мартланда? — спросил Роран.

Лучник кивнул, пытаясь отдышаться; волосы упали ему на лоб, покрытый *каплями пота*.

— И передал ему мое послание?

— Да, командир. Мартланд велел сказать... — гонец помолчал, поскольку дыхания ему все еще не хватало, — что бани солдаты оставили, но теперь забаррикадировались в каком-то замке у южной стены.

Роран невольно взмахнул рукой, и острая боль пронзила только что вправленное плечо.

— А как обстоит дело с теми сторожевыми башнями, что находятся между банями и зернохранилищами? Их уже захватили?

— Две захватили, возле остальных сражение еще продолжается. Мартланд убедил некоторых эльфов прийти и помочь ему. Он также...

Приглушенный рев, донесшийся, казалось, из нависавшей над цитаделью скалы, прервал речь гонца.

Тот страшно побледнел, и румянец на скулах проступил еще ярче, словно румяна, наложенные на бесцветное лицо покойника.

— Командир, это ведь...

— Ш-ш-ш! — Роран склонил голову и прислушался. Парень был прав: так реветь мог только Шрюкн!

В течение нескольких минут они прислушивались, но не услышали больше ни звука. Затем изнутри цитадели донесся новый рев. Рорану показалось, что в этом жутком «хоре» он различает и другие голоса, хотя и не был уверен, кому именно они принадлежат.

Люди, эльфы, гномы и ургалы словно замерли и стали смотреть в сторону цитадели.

Снова раздался рев, еще громче и продолжительней, чем в предыдущие разы.

Роран вцепился в край носилок.

— Убей его! — пробормотал он. — Убей этого ублюдка!

Толчки и несильная, но ощутимая дрожь прошли по городу, словно рухнуло какое-то огромное здание, а за этим послышался грохот и треск.

Затем установилась тишина, и теперь каждая последующая секунда казалась Рорану значительно дольше предыдущей.

— А ты не думаешь, командир, что Эрагону нужна наша помощь? — тихо спросил у Рорана лучник.

— Мы ничего не можем для них сделать, — ответил Роран, не сводя глаз с цитадели.

— А может, эльфы...

Земля затряслась, точно по ней прокатился раскат грома, а потом вся внешняя стена цитадели словно взорвалась. Оттуда вырвалось облако белого и желтого пламени. Оно было таким ярким, что Рорану показалось, будто он видит тело светловолосого лучника насквозь, каждую его косточку; парнишка просвечивал на фоне этого пламени, точно спелая клюква на фоне горящей свечи.

Роран схватил молодого лучника в охапку и перекатился за каменную глыбу, на которой только что сидел.

Оглушительный взрыв прогремел сразу после того, как они оба упали ничком. Рорану показалось, что в уши ему вонзились острые копья. Он вскрикнул от боли, но своего голоса услышать не смог — как, впрочем, не слышал он и ничего вокруг. Даже мостовая под ними ходила ходуном, клубы пыли и каменных обломков проносились в воздухе, заслоняя солнце, страшные порывы ветра срывали с людей одежду.

Пыли было столько, что Рорану пришлось зажмуриться. Вместе с лучником он прижимался к земле, пережидая, когда закончится это землетрясение, а если пытался вздохнуть, то горячий ветер уносил воздух прежде, чем тот успевал коснуться его губ. Роран задыхался — ему никак не удавалось наполнить легкие. А потом что-то ударило его по голове, сбив с него шлем.

Вскоре землетрясение стало проходить, и Роран открыл глаза, страшась того, что может увидеть.

Воздух был серым и непрозрачным, ничего не было видно уже шагах в двадцати. Мелкие щепки и каменные осколки продолжали дождем сыпаться с небес вместе с хлопьями сажи. Кусок бревна, лежавший напротив Рорана — это был кусок лестничного пролета, разломанного эльфами при попытке открыть ворота, — все еще горел после того огненного взрыва. Бревно обуглилось почти по всей длине. Воины, которые во время взрыва оказались на открытом пространстве, теперь плашмя лежали на земле; некоторые еще шевелились, а некоторые явно были мертвы.

Роран посмотрел на лучника. Тот прокусил себе нижнюю губу, и весь подбородок у него был в крови.

Они помогли друг другу подняться с земли и дружно посмотрели в ту сторону, где была цитадель. Но рассмотреть ничего не смогли: там царил какой-то темно-серый туман. *Эрагон*! Сумели ли они с Сапфирой выжить после такого взрыва? Великие боги, да разве можно было выжить в таком аду!

Роран несколько раз открыл и закрыл рот, пытаясь вернуть слух — в ушах стоял звон, и было довольно больно, но никакие ухищрения не помогали. Он коснулся правого уха и увидел, что пальцы у него в крови.

— Ты меня слышишь? — крикнул Роран лучнику, но сам не услышал ни слова. Его рот двигался совершенно беззвучно.

Лучник нахмурился и покачал головой.

Приступ головокружения заставил Рорана прислониться к каменной глыбе. Выжидая, когда к нему вернется чувство равновесия, он думал о том скалистом выступе, что нависает над городом, и ему вдруг пришла в голову мысль, что всему Урубаену, возможно, грозит страшная опасность.

«Нам нужно уйти отсюда, пока эта скала не рухнула. — Роран сплюнул кровавую слюну, смешанную с грязью, и снова посмотрел в сторону цитадели. Пыль все еще висела в воздухе. И горькая печаль охватила его душу. — Эрагон!»

МОРЕ КРАПИВЫ

Тьма и внутри этой тьмы — тишина.

Эрагон чувствовал, что куда-то скользит, а потом... А потом ничего. Он мог дышать, но воздух был затхлый, а когда он попытался пошевелиться, давление на созданные им чары усилилось.

Эрагон установил мысленную связь со всеми, кто был с ним рядом, проверяя, всех ли ему удалось спасти. Эльва была без сознания, Муртаг тоже, но главное — оба живы. Как и все остальные.

Впервые Эрагону удалось установить мысленную связь с Торном. Когда он это сделал, красный дракон вздрогнул. Его мысли были менее ясными, чем у Сапфиры, и какими-то более искаженными, но ему явно были свойственны сила и благородство, что весьма впечатлило Эрагона.

«Мы не сможем достаточно долго поддерживать действие твоего заклинания», — донесся до него голос Умаротха, и в этом голосе отчетливо слышалось напряжение.

«Вам придется это сделать, — сказал Эрагон. — Если вы этого не сделаете, мы все умрем».

Прошло несколько секунд, и в глаза Эрагону хлынул поток света, до его ушей долетел какой-то бешено приближающийся шум. Он поморщился, заморгал глазами и сквозь черное дымное облако увидел гигантский дымящийся кратер на том месте, где стоял Гальбаторикс. Раскалившийся камень пульсировал под прикосновениями легкого ветерка, точно живая плоть. Потолок жутковато светился, и казалось, будто все они стоят в гигантском тигле.

В воздухе отчетливо пахло железом. Стены зала потрескались, колонны, резные украшения, светильники — все

разлетелось вдребезги. У задней стены зала лежал мертвый Шрюкн. Почти вся его плоть была сорвана с почерневших от жара и сажи костей. Взрыв расшатал и обрушил каменные стены, и теперь на сотню футов взгляду открывался впечатляющий лабиринт туннелей и залов. Прекрасные золоченые двери, охранявшие вход в тронный зал, сорвало с петель, и Эрагону показалось, что он мельком успел увидеть дневной свет на том конце огромного коридора, который вел наружу.

Когда он поднялся на ноги, то заметил, что его магические стражи по-прежнему черпают силу у драконов, но уже не так быстро, как прежде.

Огромная каменная глыба, размером, наверное, с дом, рухнула с потолка и, ударившись об пол возле головы мертвого Шрюкна, раскололась на куски. По стенам всюду ползли новые и новые трещины, со всех сторон слышался зловещий треск разрушающегося камня.

Арья подошла к перепуганным детям, подхватила мальчика, вместе с ним взобралась на Сапфиру и велела Эрагону, указывая на девочку:

— Бросай ее мне!

Эрагон помедлил секунду, потом сунул Брисингр в ножны, подхватил девочку и бросил ее Арье, которая поймала ее на лету.

Потом он развернулся, обошел лежавшую на полу Эльву и приблизился к серой каменной плите, где по-прежнему висела прикованная Насуада. «Джиерда!» — сказал он, касаясь рукой ее кандалов, но заклинание не подействовало, и Эрагон отменил его, чтобы не тратить силы.

Насуада дернулась, и он, догадавшись, вытащил у нее изо рта кляп.

— Ты должен найти ключ! — с трудом вымолвила она. — Он был на поясе у того тюремщика, которого Гальбаторикс ко мне приставил.

— Нам не успеть — времени слишком мало осталось! — И Эрагон, выхватив Брисингр, что было силы рубанул по цепи, которой была прикована Насуада. Но меч со звоном скользнул по звеньям цепи, оставив на них всего лишь царапину. Эрагон ударил второй раз, но цепь не поддавалась.

Очередной кусок камня обвалился с потолка и с жутким грохотом разлетелся на куски.

Чья-то рука схватила Эрагона за плечо, он обернулся и увидел, что перед ним стоит Муртаг. Свободной рукой зажимая рану в животе, он прорычал:

— Отойди! — И Эрагон повиновался. А Муртаг произнес имя всех имен, прибавив к нему слово «джиерда», и железные оковы упали к ногам Насуады.

А Муртаг, осторожно взяв ее за запястье, медленно повел ее к Торну, но уже после первых шагов Насуада сама подныряла под его руку, чтобы он смог опереться о ее плечо.

Эрагон от удивления даже рот разинул. И снова его закрыл — ничего, все вопросы он задаст потом!

— Погоди! — крикнула Арья, спрыгивая с Сапфиры и бросаясь к Муртагу. — Где яйцо? И где Элдунари? Мы же не можем их тут оставить!

Муртаг нахмурился, и Эрагон понял: он мысленно объясняет Арье, как все это найти.

Затем эльфийка резко развернулась и, тряхнув опаленными кудрями, с невероятной быстротой исчезла за какой-то дверью на противоположном конце зала.

— Это слишком опасно, Арья! — крикнул ей вслед Эрагон. — Тут же все на куски разваливается!

И услышал ее мысленный ответ:

«Идите. Выведи детей в безопасное место. Да иди же! У тебя не так уж много времени!»

Эрагон выругался. Ну, по крайней мере, хоть Глаэдра взяла бы с собой! Сунув меч в ножны, он наклонился и поднял с пола Эльву, которая как раз начала приходить в себя.

— Что происходит? — спросила она, когда Эрагон усадил ее на Сапфиру позади тех детей.

— Мы уходим, — кратко ответил он. — Держись.

Сапфира уже двинулась к выходу, прихрамывая из-за раны в передней лапе. Она ловко обогнула образовавшийся кратер, и Торн, который нес на спине Муртага и Насуаду, последовал за ней.

— Осторожней! — крикнул Эрагон, видя, что с потолка падает кусок светящегося от жара камня.

Сапфира резко метнулась влево, и обломок каменной плиты просвистел мимо, рухнув рядом с нею. Соломенно-желтые осколки разлетелись во все стороны. Один из них угодил в Эрагона, но застрял в кольчуге. Эрагон вытащил его и отшвырнул в сторону. От перчатки тут же потянуло дымом, и он почуял запах паленой кожи. А по всему залу продолжали падать куски раскаленных каменных плит.

Когда Сапфира добралась до входа в широкий коридор, Эрагон, оглянувшись на Муртага, крикнул:

— Как насчет ловушек?

Муртаг покачал головой и махнул рукой в знак того, что можно безбоязненно продолжать путь.

Почти весь коридор был завален грудами битого камня, что весьма замедляло продвижение. По обе стороны от себя Эрагон мог теперь *видеть какие-то помещения*, заваленные щебнем, взрыв обнажил входы в многочисленные туннели. В некоторых комнатах горели столы, стулья, кресла, а из-под камней торчали руки и ноги мертвых и умирающих. Порой можно было разглядеть и чье-то мрачное лицо или затылок.

Эрагон высматривал Блёдхгарма и его заклинателей, но от них, живых или мертвых, не осталось и следа.

В дальнем конце коридора, у выхода, толпились люди. Множество людей — солдаты и слуги — устремилось к зияющему провалу, и было видно, что у некоторых сломаны конечности, многие обожжены или ранены. Выжившие уступали дорогу Сапфире *и Торну, но, в общем, особого* внимания на драконов не обращали.

Сапфира была уже совсем близко от выхода, когда позади них раздался ужасающий треск и грохот, и Эрагон, оглянувшись, увидел, что тронный зал как бы провалился вовнутрь и пол его оказался под слоем камня толщиной в пятьдесят футов.

«*Арья*!» — мелькнуло у Эрагона в голове. Он попытался отыскать ее с помощью мысли, но безуспешно. Либо их разделяло слишком много камня, либо одно из заклятий, вплетенное в построенный здесь лабиринт коридоров и залов, блокировало его мысль, либо — и эта возможность была более всего ему ненавистна — Арья погибла. Ее,

конечно, не было в тронном зале, когда он рухнул, но вот сумеет ли она найти выход из этих подземных лабиринтов теперь, когда в тронный зал хода нет?

Когда они наконец выбрались из цитадели, Эрагон смог разглядеть, какой ущерб этот взрыв нанес Урубаену. Со многих домов, находившихся поблизости, сорвало крыши, и деревянные стропила загорелись. По всему городу виднелись языки пожаров. Столбы дыма поднимались вверх, пока не натыкались на нависавший над городом скалистый выступ и не начинали растекаться, плывя по наклонной каменной плите, точно вода по речному руслу. На юго-восточной окраине города дым пожаров встречался с лучами утреннего солнца, просачивавшимися из-за краев скалистого навеса, и там отсвечивал красно-оранжевым, точно огненный опал.

Жители Урубаена, покидая свои дома, потоком стремились к дыре во внешней городской стене. Солдаты и слуги из цитадели спешили к ним присоединиться, расступаясь перед Сапфирой и Торном и давая им возможность свободно пройти по площади. Эрагон почти не обращал внимания на этих людей. Пока они вели себя мирно, ему было совершенно безразлично, чем они заняты.

Сапфира остановилась в центре квадратной площади, и Эрагон спустил Эльву и двоих безымянных детишек на землю.

— Вы знаете, где ваши родители? — спросил он, опускаясь возле них на колени.

Они кивнули, и мальчик указал на большой дом слева, фасадом выходящий на площадь.

— Так вы живете совсем рядом?

Мальчик снова кивнул.

— Хорошо, тогда ступайте домой. — И Эрагон слегка подтолкнул обоих.

Брат и сестра, не медля ни секунды, побежали через площадь. Дверь в дом тут же распахнулась настежь, и какой-то лысый человек, опоясанный мечом, вышел детям навстречу и заключил их в объятия. А затем, быстро глянув на Эрагона, вместе с детьми поспешил вглубь дома.

«Ну, это оказалось легко», — сказал Эрагон Сапфире.

«Гальбаторикс, должно быть, велел своим слугам взять первых попавшихся детишек, — ответила она. — Да мы ему и времени-то не дали».

«Да, наверное».

Торн остановился в нескольких шагах от Сапфиры, и Насуада помогла Мургату спуститься на землю. Муртаг привалился к брюху своего дракона, и Эрагон услышал, как он речитативом произносит слова исцеляющего заклятия.

Эрагон с помощью такого же заклятия исцелил раны Сапфиры, а на свои и внимания не обратил, так как ее раны были куда серьезнее. Дырка в левой передней лапе была столь велика, что в нее помещались разом оба его кулака, и, стоило ей остановиться, как возле лапы на земле образовалась лужа крови.

«Это он зубом или когтем?» — спросил Эрагон, исследуя ее рану.

«Когтем», — ответила она.

Эрагон воспользовался и своей силой, и силой Глаэдра, чтобы хоть как-то залечить рану. И лишь покончив с этим, решил все же заняться собой. Особенно ему досаждал тот жгучий порез в боку, куда Муртаг пырнул его мечом. Занимаясь самоисцелением, он поглядывал на Муртага.

Муртаг залечил рану у себя в животе, а затем — сломанное крыло Торна и другие повреждения, нанесенные его дракону. Насуада все это время оставалась рядом с Муртагом, не снимая с его плеча руку. Эрагон заметил, что Муртагу каким-то образом удалось вытащить из тронного зала свой меч Заррок.

Затем Эрагон наконец повернулся к Эльве. Девочка, похоже, сильно страдала от боли, но крови на ней он не заметил и спросил:

— Ты не ранена?

Эльва нахмурилась и покачала головой:

— Нет, но очень многие из них ранены. — И она указала на людей, спешивших покинуть цитадель.

— Угу. — Эрагон снова посмотрел на Муртага. Тот о чем-то разговаривал с Насуадой, которая все больше хмурилась. Затем Муртаг протянул руку, схватил ее за ворот рубахи и дернул с такой силой, что порвал ткань.

Эрагон уже наполовину выхватил из ножен меч, собираясь защитить Насуаду, но тут увидел, что вся верхняя часть ее тела покрыта жуткими воспаленными ранами. У Эрагона перехватило дыхание — уж больно эти раны были похожи на те, что «украшали» спину Арьи, когда они с Муртагом вытаскивали ее из тюрьмы в Гилиде.

Насуада кивнула, словно в знак согласия, и опустила голову. А Муртаг снова заговорил на древнем языке, прикладывая ладони к разным частям тела Насуады. Прикосновения его были нежны, даже робки, а написанное на ее лице облегчение свидетельствовало о том, от какой боли он в эти минуты избавлял ее.

Эрагон смотрел на них еще с минуту, а потом его вдруг охватила такая буря самых разнообразных чувств, что колени под ним подогнулись, и он устало присел на правую лапу Сапфиры. Драконица ласково уткнулась мордой ему в плечо. Эрагон прислонился к ней, и она сказала:

«Нам все-таки это удалось!»

«Да, удалось», — откликнулся Эрагон, сам себе не веря.

Он чувствовал, что Сапфира думает о Шрюкне, о его смерти. Как бы ни был опасен Шрюкн, она все-таки оплакивала его уход — ведь он был одним из последних представителей ее расы.

Эрагон чувствовал себя необычайно легким, почти воздушным, словно мог бы сейчас запросто проплыть сам над поверхностью земли... Он даже на всякий случай вцепился в чешую Сапфиры:

«Что же теперь?..»

«А теперь мы все построим заново, — услышал он голос Глаэдра, и в этом голосе звучала смесь удовлетворения, горя и усталости. — Ты выполнил свой долг, Эрагон. Ты отлично со всем справился. Никто другой не посмел бы вот так пойти в атаку на Гальбаторикса, не решился бы на мысленный поединок с ним».

«Я не стремился к мысленному поединку с ним, я просто хотел, чтобы он *понял*», — устало возразил Эрагон, но если Глаэдр его и услышал, то предпочел не отвечать.

«Наконец-то Клятвопреступник мертв!» — прокаркал Умаротх.

Казалось невероятным, что Гальбаторикса больше нет. По мере того как Эрагон осознавал, что это действительно так, его душа словно освобождалась от неких пут. Он, например, совершенно неожиданно вспомнил — словно никогда этого и не забывал — все, что им довелось узнать и пережить в Своде Душ.

И он вдруг, вздрогнув, воскликнул мысленно:

«Сапфира!»

«Я знаю, — сказала она, и он почувствовал ее волнение. — Яйца!»

Эрагон улыбнулся. Яйца! Драконьи яйца! Драконы не исчезнут! Теперь они не только выживут, но и будут процветать, вернут себе былое величие, славу, станут такими же, как до падения ордена Всадников!

Затем ужасное подозрение закралось в душу Эрагона, и он спросил Умаротха:

«Вы больше ничего не заставили нас забыть?»

«Если и заставили, то откуда нам знать?» — спокойно ответил белый дракон.

— Смотрите! — радостно крикнула Эльва, показывая в сторону цитадели.

Эрагон обернулся и увидел, что из черной пасти крепости выходит Арья, а рядом с ней идут Блёдхгарм и его заклинатели, все изодранные, в синяках. В руках у Арьи был деревянный ларец с золотыми застежками. А следом за эльфами в нескольких дюймах от земли плыла по воздуху целая вереница больших металлических сундуков.

Охваченный невероятным волнением, Эрагон вскочил и бросился им навстречу.

— Вы живы! — Он страшно удивил Блёдхгарма, когда схватил покрытого волчьей шерстью эльфа в охапку и крепко его обнял.

Блёдхгарм несколько секунд смотрел на него своими желтыми глазами, потом улыбнулся, показывая волчьи клыки, и спокойно сказал:

— Конечно, живы, Губитель Шейдов.

— А это что? Неужели Элдунари? — шепотом спросил Эрагон.

Арья кивнула.

— Они были в сокровищнице Гальбаторикса. Нам придется еще туда вернуться, там спрятано немало всяких чудес.

— И все они... в порядке? Элдунари, я имею в виду?

— Они, разумеется, несколько смущены. Я думаю, им понадобится не один год, чтобы прийти в себя. Если они вообще смогут прийти в себя.

— А это... — И Эрагон мотнул головой в сторону сундучка, который она несла.

Арья быстро огляделась, желая быть уверенной, что никого рядом нет, и чуть-чуть, на палец, приподняла крышку. Внутри на бархатной подстилке Эрагон увидел чудесное зеленое драконье яйцо, покрытое белыми прожилками.

На лице у Арьи была написана такая радость, что у Эрагона сразу поднялось настроение. Он заулыбался и подозвал к себе остальных эльфов. Когда они собрались вокруг него тесным кружком, он, прошептав заклинание на древнем языке, рассказал им о яйцах, хранящихся на Врёнгарде.

Эльфы не стали кричать или смеяться, но глаза их так и засияли, а сами они дрожали от возбуждения. И Эрагону была так приятна их радость, что он по-мальчишески крутанулся на каблуках. И услышал, как Сапфира окликает его:

«Эрагон!»

Одновременно с этим Арья, нахмурившись, спросила:

— А где Торн и Муртаг?

Эрагон, опомнившись, посмотрел в ту сторону и увидел, что Насуада стоит в одиночестве, а рядом с ней лежит пара седельных сумок, которых на Торне Эрагон раньше не замечал. Ветер пронесся над площадью, и ему показалось, что он слышит хлопанье крыльев Торна, однако ни Торна, ни Муртага нигде видно не было. Эрагон попытался мысленно соединиться с Муртагом, и это ему удалось сразу же. Похоже, никаких барьеров они не ставили и мыслей своих не скрывали, но говорить с ним или слушать его отказались.

— Вот черт! — пробормотал Эрагон, подбегая к Насуаде. На щеках у нее видны были следы слез. В кои-то веки она, похоже, забыла о своей легендарной выдержке.

— Куда они направились? — спросил Эрагон.

— Подальше отсюда! — Подбородок у Насуады задрожал. Она судорожно вздохнула, взяв себя в руки, выпрямилась и показалась Эрагону еще более высокой, чем прежде.

Эрагон снова чертыхнулся, потом наклонился и открыл седельные сумки. Внутри оказалось довольно много Элдунари, уложенных в мягкие футляры.

— Арья! Блёдхгарм! — крикнул он, указывая на седельные сумки. Оба эльфа кивнули.

Эрагон подбежал к Сапфире. Ему ничего не нужно было ей объяснять: она и так все понимала. Она раскрыла крылья и тут же взлетела. Восторженные крики понеслись над городом — это вардены следили за ее стремительным полетом.

Сапфира мчалась на юг, следуя за мускусным следом, оставленным Торном в воздухе. Они миновали скалистый утес, темной тенью нависавший над Урубаеном, и, сделав петлю над широким скалистым выступом, направились к берегу реки Рамр. В течение нескольких миль они летели строго на север и почти все время на одной и той же высоте. Когда река Рамр, широкая, обрамленная деревьями, оказалась под ними, след почти под прямым углом свернул к земле.

И Эрагон, внимательно осмотрев местность внизу, заметил незначительный промелькчего-то красного у подножия холма на том берегу.

«Вон туда», — сказал он Сапфире, но та уже увидела Торна.

Она по спирали ринулась вниз и мягко приземлилась на вершину холма — понимая, что всегда лучше иметь преимущество высоты. Воздух у реки был влажным и холодным. Пахло мхом, глиной и сочной травой. Между холмом и рекой простиралось целое море крапивы. Жгучие растения росли так густо, что пройти сквозь них можно было, лишь прорубив себе тропу. Их темные зубчатые листья терлись друг о друга с тихим шелестом, звучавшим в унисон с шелестом речной воды.

На краю крапивных зарослей устроился Торн. Муртаг стоял рядом, проверяя подпругу седла.

Эрагон отстегнул Брисингр, но оставил его в ножнах. Потом осторожно подошел к ним.

Не оборачиваясь, Муртаг спросил:

— Ну что, хочешь остановить нас?

— Это зависит от твоего ответа. Куда ты собрался?

— Не знаю. Может, на север... куда-нибудь подальше...

— Ты мог бы остаться.

Муртаг горько рассмеялся — точно залаял.

— Ты же прекрасно знаешь, что это невозможно! Представь, какие проблемы возникли бы тогда у Насуады. Да и гномы никогда не простят мне того, что я убил Хротгара. — Он через плечо глянул на Эрагона. — Гальбаторикс часто называл меня Убийцей Королей. Вот и ты тоже стал теперь Убийцей Королей!

— Похоже, у нас это семейное.

— Ты бы лучше присматривал за Рораном, иначе... Кстати, Арью теперь можно называть Убийцей Драконов. Ей, должно быть, нелегко пережить такое. Эльф, убивающий дракона... Ты бы поговорил с нею, убедился, что с ней все в порядке.

Подобная проницательность с его стороны удивила Эрагона:

— Обязательно поговорю.

— Ладно, — сказал Муртаг, в последний раз подтягивая подпругу, и повернулся к Эрагону. Только теперь Эрагон увидел, что все это время он держал Заррок обнаженным и прижимал меч к себе, готовясь в любую минуту пустить его в дело. — Так что, желаешь остановить нас?

— Нет.

Муртаг слегка усмехнулся и сунул Заррок в ножны.

— Это хорошо. Мне до смерти не хотелось снова с тобой драться.

— Как тебе удалось вырваться из пут Гальбаторикса? Он ведь узнал твое истинное имя, верно?

Муртаг кивнул.

— Как я уже сказал, я больше не... *мы* больше не те, какими были когда-то. — И он коснулся бока Торна. — Нам просто понадобилось время, чтобы осознать это.

— Не только время, но и Насуада.

Муртаг нахмурился. Потом отвернулся и стал смотреть на море крапивы. Поскольку Эрагон тоже молчал, глядя все на ту же крапиву, Муртаг тихо спросил:

— А ты помнишь, когда мы с тобой в последний раз были возле этой реки?

— Трудно было бы забыть. Я до сих пор слышу, как кричали те лошади.

— Ты, Сапфира, Арья и я — все вместе. И все четверо были уверены, что ничто не сможет нас остановить...

В глубине души Эрагон чувствовал, что Сапфира разговаривает с Торном. И надеялся, что она потом расскажет ему, о чем они беседовали.

— Чем ты хочешь теперь заняться? — спросил он.

— Посидеть и подумать, — грустно усмехнулся Муртаг. — А потом, может, замок построю. Время у меня есть.

— Но тебе совсем не обязательно улетать! Я понимаю, это нелегко... но у тебя здесь родные: я и Роран. Он ведь и тебе двоюродный брат, а ты с ним даже не знаком... Для тебя Карвахолл и долина Паланкар — такие же родные места, как и Урубаен, может быть, даже более родные.

Муртаг покачал головой, продолжая смотреть на крапиву.

— Нет, это не поможет. Нам с Торном нужно побыть одним. Нам нужно время, чтобы исцелиться. Если мы останемся, я буду слишком занят, чтобы раз и навсегда все понять, все уяснить и для себя, и для Торна.

— Хорошая компания и постоянная занятость — что может быть лучше такого лекарства для больной души?

— Но чтобы исцелиться от того, что с нами сотворил Гальбаторикс, этого маловато. И потом... Мне было бы мучительно находиться рядом с Насуадой... сразу после всего, что было. И ей это тоже было бы мучительно. Нет, мы должны покинуть эти места. Хотя бы на время.

— И долго тебя не будет?

— Пока мне не перестанет казаться, что все в этом мире меня ненавидят. Пока у нас с Торном не пройдет ощущение, что мы только и можем, что крушить горы и проливать реки крови.

На это Эрагону возразить было нечего. Они еще некоторое время постояли, глядя на реку и невысокие деревья, склонившиеся к воде. Шелест крапивы стал громче под порывами сильного западного ветра, и Эрагон сказал:

— Знаешь, если ты устанешь жить в одиночестве, прилетай и отыщи нас с Сапфирой. Мы тебе всегда будем рады, и тебе всегда найдется место у нашего очага, где бы мы ни находились.

— Мы обязательно прилетим. Обещаю. — И Эрагон с некоторым удивлением заметил, как подозрительно заблестели глаза его сводного брата. Впрочем, туманная пелена слез вскоре исчезла, и Муртаг, глядя прямо на Эрагона, сказал: — Знаешь, я никогда не верил, что у тебя хватит на это сил... но я страшно рад, что тебе это удалось!

— Мне просто повезло. Да и вы с Торном нам очень помогли.

— Даже если и так... Ты, кстати, нашел Элдунари в седельных сумках?

Эрагон кивнул.

«Может, нам следует им сказать?» — спросил Эрагон у Сапфиры, надеясь, что она согласится.

Она немного подумала:

«Скажи, но не называй место. Ты скажи ему, а я скажу Торну».

«Как хочешь».

И Эрагон сказал Муртагу:

— Я хочу еще кое-что сообщить тебе.

Муртаг искоса на него глянул.

— То яйцо, что было у Гальбаторикса, не единственное в Алагейзии! Есть еще! Они спрятаны в том же месте, где мы нашли Элдунари, которые привезли с собой.

Муртаг резко повернулся к нему, его лицо выражало недоверие. В то же самое время Торн, изогнув шею, протрубил радостный клич, который спугнул целую стаю ласточек с ветвей ближайшего дерева.

— И много их там? — спросил Муртаг.

— Сотни.

— И что ты будешь с ними делать?

— Я? Мне кажется, тут решающее слово принадлежит Сапфире и Элдунари. Возможно, они найдут какое-нибудь безопасное место, где эти яйца могли бы спокойно проклюнуться. А потом нужно постепенно восстанавливать орден Всадников.

— А вы с Сапфирой станете обучать молодых драконов и Всадников?

Эрагон пожал плечами:

— Не знаю. Но уверен, что и эльфы помогут, и ты мог бы. Если, конечно, захочешь к нам присоединиться.

Муртаг откинул голову, с силой выдохнул, помолчал, потом потрясенно промолвил:

— Значит, драконы возвращаются! И Всадники тоже... — Он тихо засмеялся. — Наш мир, пожалуй, и впрямь скоро переменится!

— Он уже переменился.

— О да. Значит, вы с Сапфирой станете новыми предводителями Всадников, пока мы с Торном будем жить в диком краю... — Эрагон попытался что-то сказать ему в утешение, но Муртаг взглядом остановил его. — Нет, пусть все будет так, как и должно быть. Вы с Сапфирой будете лучшими учителями, чем были бы мы.

— Я в этом совсем не уверен.

— Хм... Впрочем, обещай мне одну вещь, хорошо?

— Какую?

— Когда будешь учить их, прежде всего научи их не бояться. Страх хорош в малых дозах, но когда он постоянен, когда он становится твоим вечным спутником, ты перестаешь понимать, кто ты есть, а это очень мешает поступать так, как ты считаешь правильным.

— Я постараюсь.

Затем Эрагон заметил, что Сапфира и Торн перестали разговаривать. Красный дракон развернулся так, чтобы смотреть прямо на Эрагона, и мысленно сказал ему, причем голос у него оказался на редкость музыкальным:

«Благодарю тебя за то, что не убил моего Всадника, Эрагон, брат Муртага».

— Да, и я тоже тебя благодарю, — сухо бросил Муртаг.

— Я и сам рад, что до этого не дошло, мне очень этого не хотелось, — честно признался Эрагон, глядя в блестящий, красный, как кровь, глаз Торна.

Дракон фыркнул, потом наклонил голову и коснулся мордой шлема Эрагона.

«Пусть ветер всегда будет для вас попутным! Пусть солнце всегда светит вам в спину!»

— Желаю и вам того же!

И вдруг ощущение великого гнева, горя, мучительных переживаний тяжким грузом обрушилось на Эрагона — это в мысли его ворвалось сознание Глаэдра. Похоже, и Муртаг с Торном услышали его голос, потому как они оба страшно напряглись, словно в преддверии нового сражения. Эрагон совсем позабыл, что Глаэдр, как и все остальные Элдунари, спрятанные в невидимом пространственном кармане, тоже слышит их разговоры.

«Может, и мне поблагодарить тебя, Муртаг? — спросил Глаэдр, и слова его прозвучали горько, как самый горький чернильный орешек. — Ты убил мое тело, ты убил моего Всадника». — Голос его звучал ровно, но горечи в нем не убавлялось, и даже самые простые слова от этого звучали поистине жутко.

Муртаг что-то мысленно ответил, но Эрагон не понял, что именно, поскольку Муртаг сознательно обращался только к одному Глаэдру. Эрагон услышал лишь ответ Глаэдра:

«Нет, я не могу простить тебя. Хотя понимаю, что это Гальбаторикс заставил тебя совершить все эти преступные деяния, что это он поднимал твою руку с мечом... Я не могу простить, но Гальбаторикс мертв, и вместе с ним умерла моя жажда мести. Ваш жизненный путь всегда был труден — с тех самых пор, как вы проклюнулись на свет. Но сегодня вы показали, что несчастья все же не сломили вас. Вы пошли против Гальбаторикса, хотя это и могло принести вам одни лишь страдания. Благодаря вашей помощи Эрагон смог его уничтожить. Сегодня ты, Муртаг, вместе с Торном доказал, что тебя можно считать настоящим Шуртугалом, хотя ты никогда и не проходил должного обучения и не имел должного наставника. В целом ваш поступок... достоин восхищения».

Муртаг слегка поклонился, а Торн сказал мысленно: «Благодарю тебя, Эбритхиль», и его слова Эрагон услышал. То, что Торн назвал Глаэдра учителем, похоже, изумило Муртага, ибо он оглянулся на дракона и даже рот открыл, словно собираясь что-то ему сказать.

Но тут заговорил Умаротх:

«Мы знаем о многих трудностях, с которыми вам довелось столкнуться, Торн и Муртаг, потому что мы всегда — *издали* — следили за вами, как следили и за Эрагоном и Сапфирой. Есть многое, чему мы сможем обучить вас, когда вы сами будете к этому готовы, но до тех пор вот что мы вам скажем: во время ваших странствий избегайте курганов Ангхельма, где покоится первый и единственный король ургалов Кулкарвек, а также руин Дору Арибы на острове Врёнгард и Эль-Харима. Бойтесь морских глубин и не ходите туда, где земля становится черной и ломкой, а в воздухе пахнет серой, ибо в таких местах таится зло. Послушайтесь нашего совета, и вы не встретите опасности, с которой не сумели бы справиться. Разве что если вам уж очень не повезет».

Муртаг и Торн поблагодарили Умаротха, и Муртаг, с тоской глянув в сторону Урубаена, сказал:

— Нам, пожалуй, пора. — Он вдруг внимательно посмотрел на Эрагона. — Ну, теперь-то ты, надеюсь, можешь припомнить истинное имя древнего языка? Или магия Гальбаторикса до сих пор туманит твои мозги?

— *Почти* могу, но... — И Эрагон с отчаянием покачал головой.

И тогда Муртаг сам произнес это имя имен. Он произнес его дважды: сперва, чтобы уничтожить заклятие забвения, которое наложил на Эрагона Гальбаторикс, а затем, чтобы Эрагон и Сапфира запомнили это имя.

— Я бы никогда не поделился этими знаниями ни с кем иным, — сказал Муртаг. — И прежде всего потому, что если бы каждый маг знал имя древнего языка, то и сам этот язык стал бы бесполезен, а может, и вреден.

Эрагон кивнул в знак согласия, и Муртаг протянул ему руку. Эрагон стиснул его руку обеими руками, и они несколько секунд пристально смотрели друг другу в глаза.

— Будь осторожен, — сказал Эрагон.

— И ты тоже... брат.

И Эрагон снова согласно кивнул:

— Хорошо, брат, обещаю.

Муртаг проверил крепеж седла, уселся Торну на спину и, когда Торн уже расправил крылья и начал удаляться от Эрагона с Сапфирой, обернулся и крикнул:

— Позаботься, чтобы Насуаду впредь охраняли как следует! У Гальбаторикса было слишком много преданных слуг, куда больше, чем мне было об этом известно. Кстати, далеко не все они были связаны с ним лишь магическими узами — они действительно были ему преданы и теперь будут искать способ отомстить за смерть своего хозяина. А потому все время будь начеку, Эрагон. Среди них есть и такие, кто, пожалуй, опаснее раззаков!

И Муртаг поднял руку в прощальном жесте. Эрагон ответил ему тем же. Торн, сделав три крупных прыжка, круто взмыл в небо, оставив на мягкой земле глубокие борозды от когтей.

Сверкающий на солнце красный дракон сделал над крапивным морем три круга и медленно полетел на север.

Эрагон подошел к Сапфире, и они, стоя вместе на вершине холма, еще долго смотрели вслед Торну и Муртагу, пока те не превратились в маленькую сверкающую звездочку на горизонте.

И обоих охватило чувство глубокой печали. Постояв еще немного, Эрагон уселся Сапфире на спину. Они взлетели с холма и вскоре вернулись в Урубаен.

НАСЛЕДНИЦА ИМПЕРИИ

Эрагон медленно поднимался по стертым ступеням зеленой башни. Близился закат, и сквозь окна в округлой стене справа виднелись уже накрытые тенью дома Урубаена и затянутые вечерней дымкой поля за пределами города. Чем выше он поднимался по винтовой лестнице, тем лучше становился виден и тот мрачный темный утес, что нависал над разрушенной цитаделью Гальбаторикса.

Башня была высока, и Эрагон даже притомился подниматься на самый верх. Он думал, что зря не взлетел на вершину башни с помощью Сапфиры. День выдался уж очень долгий, и сейчас Эрагону больше всего хотелось просто сидеть рядом с Сапфирой, пить горячий чай и смотреть, как медленно меркнет вечернее небо. Но, как всегда, впереди было еще полно дел.

С Сапфирой он виделся всего дважды с тех пор, как они, простившись с Муртагом и Торном, вновь приземлились на площади перед цитаделью. Большую часть дня она помогала варденам ловить и убивать бывших воинов Гальбаторикса, а также собирать в лагеря тех жителей, что бежали из города и рассыпались по окрестностям, опасаясь, что их раздавит рухнувшей скалой.

То, что выступ над цитаделью так и не упал, было, по словам эльфов, связано с некими старинными заклинаниями, которыми они укрепили эту скалу много веков назад, когда Урубаен еще назывался Илирией и был их столицей. Да и сама масса огромной скалы позволяла ей устоять даже после столь мощного взрыва.

Однако множество местных жителей по-прежнему стремилось покинуть город через его главные ворота.

И почти все, кто оказался в самом Урубаене или поблизости от него во время взрыва цитадели, нуждались в исцелении с помощью магии, иначе вскоре могли лишиться последних сил и даже умереть. Некоторые успели серьезно заболеть, и Эрагон вместе с эльфами положил немало сил, чтобы спасти как можно больше людей. С помощью Элдунари он исцелил немало варденов и жителей Урубаена.

Эльфы и гномы пытались как-то укрепить передние стены цитадели, чтобы предотвратить дальнейшее распространение исходящей оттуда невидимой заразы — злых чар, созданных Гальбаториксом. Разумеется, они занялись этим лишь после того, как обследовали всю крепость в поисках выживших. Их оказалось немало: солдаты, слуги и сотни пленников, которых извлекли из донжонов.

Огромное количество сокровищ, включая обширную библиотеку Гальбаторикса, еще только предстояло извлечь из цитадели, и было ясно, что это будет непросто. Стены во многих помещениях обрушились, а другие хоть и держались, но так сильно пострадали, что даже приближаться к ним было опасно.

Чтобы нейтрализовать действие ядовитых чар, пропитавших здесь воздух, камень и все предметы, требовалось применение магии. Эльфы намеревались очистить город и земли вокруг него от вредоносного осадка, который образовался после взрыва, чтобы местность вновь стала пригодной для проживания.

Эрагон знал, что понадобится его помощь. Еще до того, как он присоединился к тем, кто исцелял и накладывал оградительные чары на всех в Урубаене и его окрестностях, он более часа пытался с помощью имени древнего языка отыскать и обезвредить многочисленные заклятия, наложенные Гальбаториксом на дома и людей.

Некоторые чары казались вполне безобидными, даже полезными. Например, заклинание, которое не позволяло дверным петлям скрипеть и черпало свои силы в хрустальном шаре размером с обычное яйцо, вделанном в створку двери. Но Эрагон не осмелился ни одно из наложенных Гальбаториксом заклятий оставить действующим, каким

бы безвредным оно с первого взгляда ни казалось. Особенно это касалось тех магических пут, которыми Гальбаторикс оплел всех представителей своего ближайшего окружения. Среди них чаще всего попадались те, кто просто принес ему клятву верности, но некоторым с помощью магии он даровал небывалые умения или необычайное мастерство в чем-то.

По мере того как Эрагон освобождал и аристократов, и простолюдинов от их клятвенной зависимости, ему не раз доводилось слышать, как они горюют по этому поводу, словно он отнял у них нечто, чрезвычайно для них дорогое.

Когда он снял магические узы с Элдунари, которых Гальбаторикс взял в плен и превратил в своих рабов, мысли этих драконов моментально вырвались на свободу и принялись бранить и оскорблять всех без разбору, не пытаясь понять, кто враг, а кто друг. Великий ужас охватил Урубаен. Даже эльфы порой бледнели и корчились от страха. И тогда Блёдхгарм и его десять оставшихся в живых заклинателей привязали вереницу металлических ящиков с Элдунари к паре лошадей и вывезли их за пределы Урубаена. Там мысленное воздействие драконов уже не оказывало на других столь сильного воздействия.

Глаэдр настоял на том, чтобы именно он сопровождал обезумевших драконов. К нему присоединились и некоторые Элдунари, привезенные из Врёнгарда. Именно тогда Эрагон во второй раз и увиделся с Сапфирой. Он как раз накладывал заклятие на Умаротха и других Элдунари, делая их невидимыми, чтобы передать их Блёдхгарму. Глаэдр и еще пятеро старых драконов были уверены, что им удастся успокоить всех, кого так долго мучил Гальбаторикс, и вступить с ними в переговоры. Эрагону очень хотелось надеяться на это.

Когда эльфы и Элдунари покинули город, с Эрагоном мысленно связалась Арья, находившаяся по ту сторону разрушенных ворот. Она совещалась с командирами армии, которую привела ее мать. Арья засыпала Эрагона вопросами, но он все же успел даже за этот короткий промежуток времени почувствовать, какую тоску она испытывает из-за

смерти матери, какие сожаления, гнев, горе кипят в ее душе. Ведя с ней мысленный разговор, он понимал, что в данный момент ее чувства угрожают взять верх над разумом, и она лишь с огромным трудом сдерживает их. Он, как мог, постарался ее утешить, но все утешения, похоже, были напрасны, так велика была ее утрата.

После расставания с Муртагом некое ощущение пустоты то и дело охватывало душу Эрагона. Раньше ему казалось, что он будет ликовать, чувствуя себя победителем. Ведь они убили Гальбаторикса, совершили то, к чему так давно стремились! Но хотя он *действительно* радовался, что правителя Империи больше нет, он не знал, что ему теперь делать. Да, он достиг поставленной цели. Взобрался на вершину неприступной горы. Но пока что новой, вдохновляющей цели у него не появилось, и он был совершенно растерян. Чем же им теперь с Сапфирой заняться? Как использовать свою долгую жизнь? Что сможет придать этой жизни смысл? Эрагон понимал, что со временем им с Сапфирой так или иначе придется участвовать в воспитании нового поколения драконов и Всадников, но эта перспектива казалась ему слишком далекой, а потому и почти нереальной.

Эти размышления ослабляли его волю, делали его каким-то растерянным. Эрагон старался направить свои мысли на что-то другое, но проклятые вопросы, связанные с будущим, продолжали терзать его, прячась где-то в глубине души, и ощущение пустоты возникало у него все чаще.

Так, может, Муртаг и Торн поступили правильно?

Казалось, эта лестница, вьющаяся меж зеленых стен башни, не кончится никогда. Эрагон все тащился вверх, вверх и вверх по осыпающимся ступеням, пока люди внизу, на улицах, не стали казаться ему маленькими, как муравьи, а щиколотки и колени не заболели от бесконечного повтора одних и тех же движений. Он видел гнезда ласточек в узких окнах-бойницах, а под одним окном обнаружил кучку мелких косточек, оставленных ястребом или орлом после трапезы.

Когда наконец показалась верхняя площадка, а на ней широкая стрельчатая дверь, почерневшая от старости,

Эрагон остановился, чтобы собраться с мыслями и немного перевести дыхание. Затем, преодолев последние несколько ступенек, он поднял засов на двери и, толкнув ее, вошел в просторный округлый зал, находившийся на самой вершине сторожевой башни, некогда построенной эльфами.

Там его уже ждали: Арья, эльф с серебряными волосами, лорд Датхедр, король Оррин и Насуада, король Орик и король котов-оборотней Гримрр Полулапа и Сапфира. Они стояли или — как король Оррин — сидели, образуя широкий круг. Сапфира устроилась напротив винтовой лестницы, спиной к выходящему на юг окну, через которое сюда и влетела. Свет закатного солнца косо проникал в башню, освещая эльфийскую резьбу на стенах и прихотливый рисунок, выложенный из цветных камней на щербатом от старости полу.

За исключением Сапфиры и Гримрра, все выглядели напряженными и неспокойными. По тому, как была натянута кожа у Арьи на скулах, по ее высоко вздернутому подбородку Эрагон понял, как сильно она расстроена, как глубоко ее горе, и ему страшно хотелось хоть чем-нибудь облегчить ее душевную боль. Оррин сидел в глубоком кресле, прижимая руку к перевязанной груди. Во второй руке он, как обычно, держал чашу с вином. Двигался Оррин с преувеличенной осторожностью, явно боясь причинить себе боль, но глаза у него были ясные, чистые. Эрагон догадался, что на этот раз выпил он совсем немного, а осторожным его заставляет быть тяжелая рана в груди. Датхедр постукивал пальцем по рукояти меча. Орик сложил руки на рукояти своего молота Волунда, стоявшего перед ним на полу, смотрел гном куда-то в собственную густую бороду. Насуада обхватила себя руками, словно ей было холодно, и была очень напряжена. А кот Гримрр Полулапа с независимым видом смотрел в окно, словно не замечая остальных..

Когда Эрагон вошел, все дружно на него посмотрели, а Орик даже улыбнулся и радостно воскликнул:

— Эрагон! — Вскинув молот на плечо, он двинулся Эрагону навстречу. — Я знал, что ты в итоге его прикончишь!

Отличная работа! Вечером мы это отпразднуем! И пусть ярко горят огни, пусть голоса наши звучат так, чтобы даже на небесах было слышно, как мы пируем!

Эрагон улыбнулся, кивнул, и Орик, еще раз хлопнув его по плечу, вернулся на прежнее место. А Эрагон прошел через зал и остановился рядом с Сапфирой.

«Маленький брат», — ласково сказала она и коснулась мордой его плеча.

Эрагон в ответ погладил ее по твердой чешуйчатой щеке, испытывая покой и блаженство уже потому, что она рядом, и мысленно, точно щупальцем, коснулся тех Элдунари, которые все еще находились у Сапфиры на спине. Старые драконы тоже были изрядно утомлены событиями минувшего дня, и Эрагон почти не сомневался, что они предпочли бы наблюдать и слушать, а не принимать активное участие в том обсуждении, которое вот-вот должно было начаться. Элдунари ответили на его мысленное приветствие, после этого погрузились в молчание.

Похоже, никто из присутствующих не имел желания выступить первым. Снизу, из города, доносилось ржание лошадей. В цитадели стучали кирки и резцы. Король Оррин неловко поерзал в своем кресле и сделал глоток вина. Гримрр почесал острое ухо, украшенное кисточкой, и принюхался, словно чего-то ожидая.

Наконец тишину нарушил Датхедр.

— Нам необходимо принять решение, — сказал он.

— Это мы и так знаем, эльф, — прогрохотал Орик.

— Не мешай. Позволь ему говорить спокойно, — строго заметил Оррин и повел своим кубком, инкрустированным самоцветами. — Мне, например, весьма интересно было бы выслушать соображения о том, как нам следует действовать дальше.— Горькая и одновременно насмешливая улыбка искривила его губы, и он кивнул Датхедру, словно давая ему свое милостивое разрешение продолжать речь.

Датхедр в ответ слегка поклонился. Если его и обидело замечание Оррина, то он ничем этого не показал.

— Всем известно, что Гальбаторикс мертв, — сказал эльф.— И весть о нашей победе уже летит, как на крыльях,

по всей земле. К концу недели о свержении Гальбаторикса будет известно всей Алагейзии.

— Как и должно быть, — вставила Насуада.

Она переоделась, сменив свою изорванную рубаху на темно-красное платье, которое, правда, весьма подчеркивало то, как сильно она похудела за время своего плена. Это платье только что не падало с ее плеч, а перетянутая поясом талия казалась неправдоподобно тонкой. Насуада никогда еще не выглядела такой хрупкой и уязвимой, но все же было заметно, что ей уже удалось немного восстановить свои силы. Когда Эрагон и Сапфира вернулись в цитадель, она была на грани обморока. Джормундур просто в ужас пришел, увидев свою любимицу, и попросту схватил ее в охапку и куда-то утащил, чтобы остаток дня она провела в полном одиночестве и смогла хоть немного отдохнуть. Так что у Эрагона не было возможности посоветоваться с нею до начала собрания, и он совершенно не был уверен в ее мнении относительно того основного вопроса, который они и собрались здесь обсудить. В случае крайней необходимости он мог бы, конечно, связаться с ней мысленно, но надеялся обойтись без этого, не желая нарушать ее личный покой. По крайней мере сейчас, после всего, что ей пришлось вынести.

— Да, как и должно быть, — подтвердил Датхедр. Голос его был чист и звонок, и ему вторило легкое эхо, отражаясь от высокого сводчатого потолка. — Однако же, как только жители Алагейзии узнают, что Гальбаторикс пал, первый вопрос, который они зададут: кто же теперь займет его место? — Датхедр оглядел лица присутствующих. — Мы должны дать им ответ на этот вопрос прямо сейчас, прежде чем в их душах возникнет тревога. Наша королева мертва. Король Оррин ранен. Я уверен, что уже множатся самые разнообразные слухи. И очень важно пресечь эти слухи, пока они не нанесли невосполнимого ущерба. Откладывать решение этого вопроса нельзя, это может иметь весьма пагубные последствия. Мы не можем допустить, чтобы каждый лорд, имеющий в своем распоряжении войско, полагал, что может сам стать правителем — хотя бы собственного игрушечного государства.

Если это произойдет, Империя развалится на сотню различных королевств. Никто из нас этого не хочет. Должен быть избран следующий правитель — избран и назван, как бы это ни было трудно.

Не оборачиваясь, Гримрр прошипел:

— Нельзя возглавить с-с-стаю, если ты с-с-слаб.

Король Оррин растянул губы в улыбке, но глаз его эта улыбка даже не коснулась.

— И какую же роль вы намерены играть в этом, Арья и лорд Датхедр? Или ты, король Орик? Или ты, король Полулапа? Мы, безусловно, благодарны вам за дружбу и помощь, но данный вопрос решать должны все же люди. Мы, люди, сами способны избирать себе правителей и никому не позволим сделать это за нас!

Насуада еще крепче обхватила себя руками и, к удивлению Эрагона, сказала:

— Я согласна с Оррином. Этот вопрос мы должны решать сами. — Она посмотрела через зал на Арью и Датхедра. — И вы, конечно же, нас поймете. Ведь вы бы не позволили нам вмешиваться в ваши дела и говорить, кого вы должны назначить своим новым королем или королевой. — Она посмотрела на Орика. — Да и ваши кланы, Орик, не позволили бы нам хотя бы назвать тебя в качестве преемника Хротгара.

— Нет, — сказал Орик. — Не позволили бы.

— Да, мы это понимаем, и решение, конечно же, в итоге остается за вами, — сказал Датхедр. — Мы никогда не взяли бы на себя смелость диктовать вам, что вы должны или не должны делать. Но разве мы, ваши друзья и союзники, не заслужили право поделиться с вами своими соображениями по столь значительному поводу? Ведь ваше решение скажется и на всех нас. Что бы вы ни решили, это будет иметь далеко идущие последствия, и вы поступили бы правильно, если бы сперва разобрались, каковы могут быть эти последствия, прежде чем прийти к окончательному решению.

Эрагону было совершенно ясно, что это завуалированная угроза. Датхедр хотел сказать, что если эльфы не одобрят принятого решения, то последствия этого могут быть

крайне неприятными. Он с трудом старался сохранять спокойное выражение лица. Подобная реакция эльфов, впрочем, была более чем ожидаемой. Ставки были высоки, и любая ошибка сейчас могла принести массу проблем на десятки лет вперед.

— Это... представляется мне весьма разумным, — сказала Насуада, быстро глянув на Оррина, но тот неотрывно смотрел в свой кубок, покачивая находившуюся в нем жидкость.

— Ну, и *как* вы советуете нам сделать этот выбор, лорд Датхедр? — спросил он, не поднимая глаз. — Говорите же! Страшно хотелось бы это узнать.

Эльф молчал. В низких теплых лучах заходящего солнца его серебристая голова сверкала, точно окруженная неким светящимся ореолом.

— Кому бы ни выпала честь носить эту корону, — начал он, — этот человек должен обладать умением и опытом, необходимыми для управления государством, чтобы с самого начала управлять им достаточно эффективно. У нас нет времени обучать этому нового правителя Империи. Мы также не можем позволить ошибок, простительных любому новичку. Правитель Империи должен морально соответствовать столь высокой должности, должен представлять собой приемлемую кандидатуру для воевавших варденов, а также, хотя и в меньшей степени, для населения Империи. И еще, по возможности, этот правитель должен устраивать нас и других ваших союзников.

— Подобными требованиями вы весьма сильно сужаете круг возможных кандидатур, — заметил король Оррин.

— Однако все эти требования соответствуют тем требованиям, какие обычно и предъявляют хорошему правителю. Действительно хорошему. Или вы со мной не согласны?

— Я вижу и некоторые другие необходимые... характеристики, которые вы либо пропустили, либо сочли необязательными. Возможно, потому, что считаете их безнравственными. Но это неважно. Продолжайте.

Датхедр прищурился, но голос его звучал по-прежнему плавно.

— Самый очевидный вариант — и именно такого решения, по всей видимости, и ожидают жители Империи — это человек, который на самом деле и убил Гальбаторикса, то есть Эрагон.

Воздух в зале стал вдруг хрупким, точно сделанным из стекла. Все посмотрели на Эрагона, даже Сапфира, даже кот-оборотень. Эрагон отчетливо ощущал, что и Умаротх, и другие Элдунари пристально его изучают. Впрочем, и сам он внимательно, по очереди, посмотрел на каждого из присутствующих. Он не был ни испуган, ни разгневан их взглядами. Дольше всего он вглядывался в серьезное лицо Насуады, пытаясь отыскать в нем хотя бы намек на то, что она в действительности думает, но по ее лицу, как всегда, невозможно было хоть что-то прочесть.

И Эрагон с тревогой понял, что его вполне могут выбрать правителем.

А почему бы, собственно, и нет? Эрагон попытался представить себе подобную возможность. Нет никого, кто смог бы помешать ему занять трон, кроме Эльвы и, возможно, Муртага. Но он уже научился противостоять дару Эльвы, а Муртага и вовсе здесь не было. Кто же еще осмелится бросить ему вызов? Сапфира, он чувствовал, не станет ему препятствовать, каково бы ни было его собственное решение. И хотя он по-прежнему ничего не мог понять по выражению лица Насуады, у него было странное чувство, что ей впервые в жизни хочется отойти в сторону и отдать бразды правления кому-то другому.

«Ну, чего же хочешь ты сам?» — мысленно спросила у него Сапфира.

Эрагон ответил не сразу:

«Я хочу... быть полезным. Но власть и главенство — то, что было для Гальбаторикса самым ценным в жизни, — мало меня привлекают. И потом, у нас с тобой есть иные обязанности».

И он, вновь внимательно посмотрев на каждого присутствующего, поскольку все они сейчас следили за выражением его лица, сказал:

— Нет. Это было бы неправильно.

Король Оррин что-то проворчал и снова отпил из своего бокала, а вот Арья, Датхедр и Насуада, похоже, вздохнули с облегчением. Элдунари также, по всей видимости, остались довольны решением Эрагона, хоть и не проявили своих чувств.

— Я рад был услышать это, — сказал Датхедр. — Не сомневаюсь, ты стал бы прекрасным правителем, но отнюдь не уверен, что это было бы хорошо для тебя самого. Впрочем, и для всех прочих народов, населяющих Алагейзию, было бы не слишком хорошо, если бы корона Империи досталась еще одному Всаднику.

Эрагон заметил, что Арья сделала Датхедру какой-то знак. Эльф с серебряными волосами чуть отступил назад, и слово взяла сама Арья:

— На мой взгляд, следующим очевидным *кандидатом* должен стать Роран.

— Роран! — изумленно воскликнул Эрагон, не веря собственным ушам.

Арья пристально на него посмотрела. Взгляд ее был ясен, строг и даже — благодаря косым солнечным лучам — несколько свиреп. Ее глаза сверкали, как изумруды бриллиантовой огранки.

— А что тебя удивляет? — холодно спросила она. — Это ведь благодаря беспримерному мужеству Рорана вардены сумели взять Урубаен. Он также герой Ароуза и многих других сражений. Вардены, да и все остальные жители Империи, последуют за ним без колебаний.

— Он слишком груб и самоуверен! — тут же возразил Оррин. — И не обладает необходимым в таких делах опытом. — И, виновато глянув на Эрагона, прибавил: — Впрочем, воин он и впрямь отличный.

Все это время Арья смотрела на него неподвижными круглыми глазами, как сова, потом один раз моргнула и заявила:

— Я полагаю, что Роран груб только с некоторыми, и это в значительной степени зависит от них... ваше величество. Впрочем, вы правы: Рорану действительно не хватает столь необходимого опыта. И в результате

мы имеем всего две приемлемые кандидатуры: Насуаду и Оррина.

Оррин снова поерзал в своем глубоком кресле, задумчиво наморщив лоб, а вот Насуада даже не пошевелилась, и лицо ее осталось по-прежнему непроницаемым.

— Я полагаю, — сказал Оррин, обращаясь к ней, — что ты намерена отстаивать свои права?

Насуада вздернула подбородок.

— Да, намерена! — Голос ее звучал спокойно и ровно, как неторопливая река.

— В таком случае мы сейчас окажемся в тупике, ибо и я тоже намерен это сделать. И я не отступлю! — Оррин покрутил в пальцах ножку своего бокала. — Единственный, как мне представляется, способ разрешить эту проблему без кровопролития — чтобы ты отказалась от своих претензий. Если же ты будешь настаивать, то, боюсь, в итоге разрушишь все, что нам удалось завоевать, и за этим последует царство хаоса. Винить тебе за это будет некого, кроме самой себя.

— Значит, ты, Оррин, готов пойти против своих союзников всего лишь потому, что не желаешь добровольно отдать трон Насуаде? — спросила Арья.

И Эрагон понял, что Оррин, по всей вероятности, не видит в ней того, что сразу же стало ясно ему: она исполнена холодной, твердой решимости и готова в любой момент нанести удар и даже убить.

— Не совсем так, — возразил ей Оррин. — Но я действительно пошел бы против варденов, чтобы *завоевать* этот трон. Тут немалая разница.

— Почему? — спросила Насуада.

— Ты спрашиваешь «почему»? — Ее вопрос, похоже, разъярил Оррина. — Мои люди предоставляли варденам кров, пищу, оружие. Они сражались и умирали вместе с ними! Между прочим, мы были независимым государством и рисковали куда больше варденов. Вардены не имеют своего дома. Если бы Гальбаторикс победил Эрагона и его драконов, вы могли бы просто убежать и спрятаться. А нам некуда было бы идти, кроме Сурды. И тогда Гальбаторикс непременно напал бы на нас и превратил нашу

маленькую страну в пустыню. Мы бросили на чашу весов *все* – свои семьи, дома, благополучие и свободу, – и после всех наших жертв мы вряд ли были бы удовлетворены, если бы просто вернулись на свои поля, не имея иного вознаграждения, чем твое, Насуада, королевское спасибо! Неужели ты действительно думала, что нам было достаточно, если бы нас погладили по головке, и все? Ха! Да я бы скорее согласился на четвереньках ползать! Мы полили своей кровью земли отсюда до Пылающих Равнин и теперь желаем получить законное вознаграждение. – Оррин сжал пальцы в кулак и пристукнул им. – Мы желаем, чтобы военные трофеи делили по справедливости!

Пылкая речь Оррина, похоже, ничуть не огорчила Насуаду, скорее, она стала еще более задумчивой. Эрагону даже показалось, что она ему сочувствует.

«Ничего она ему не даст, пусть не скалит зубы, как жалкая дворняжка!» – презрительно сказала Сапфира. Он не был с нею полностью согласен и предложил:

«Погоди, скоро увидим. Она вполне может все это здорово запутать».

И тут снова заговорила Арья:

– Я бы хотела надеяться, что вы оба все же способны прийти к некой дружеской договоренности, и...

– Конечно, – перебил ее король Оррин. – Я тоже очень на это надеюсь. – Он метнул быстрый взгляд в сторону Насуады. – Но, боюсь, несколько твердолобая решимость Насуады не позволит ей понять, что в данном случае ей лучше было бы покориться судьбе.

Арья сделала вид, что не слышит его, и продолжила:

– ...как справедливо заметил Датхедр, мы никогда не стали бы вмешиваться во внутренние дела вашего народа и позволили бы вам самостоятельно выбирать себе правителя...

– Я прекрасно помню, что он сказал! – с издевательской усмешкой снова прервал ее Оррин.

– ...однако же, – как ни в чем не бывало продолжала Арья, – будучи союзниками варденов, скрепившими союз с ними клятвой, мы – и я просто вынуждена сейчас об этом сказать – рассматриваем любое нападение на них,

как нападение на наш народ, а потому будем отвечать соответствующим образом.

Выражение лица у Оррина внезапно стало кислым, даже щеки как бы втянулись внутрь. Но он промолчал. Зато заговорил Орик:

— То же самое абсолютно верно и в отношении гномов, — сказал он, и точно камни загрохотали где-то глубоко в подземелье.

Гримрр Полулапа — он принял человеческое обличье, оказывая честь высокому собранию, — поднял свою искалеченную конечность с тремя уцелевшими пальцами, внимательно изучил ногти, более похожие на когти, и промолвил неторопливо:

— Нам безразлично, кто станет королем или королевой, если нам будет даровано право, обещанное ранее, всегда сидеть рядом с троном. И все же договор мы заключали именно с Насуадой, и именно ее мы будем поддерживать, пока она не перестанет быть вожаком стаи варденов.

— Ах так! — вскричал король Оррин и даже слегка наклонился вперед, опираясь рукой о колено. — Но ведь она больше не «вожак стаи варденов»! Их вожак — Эрагон!

И снова все дружно повернулись к Эрагону. Он чуть поморщился и пояснил:

— На мой взгляд, всем давно ясно, что этот пост — пост предводителя варденов — был мною возвращен Насуаде, как только она вновь обрела свободу и вернулась к нам. А если кто-то этого еще не понял, то пусть поскорее расстанется со своими заблуждениями. Насуада всегда возглавляла варденов, а вовсе не я. И я уверен, что именно она должна унаследовать этот трон.

— Ну еще бы! Ты говоришь именно то, что *должен* сказать, — нехорошо усмехнулся король Оррин. — Ты же принес ей клятву верности. Разумеется, ты обязан поддерживать ее мнение. Однако ты — всего лишь верный слуга, защищающий своего хозяина, и твое мнение имеет не больше веса, чем мнения моих собственных слуг!

— Нет! — спокойно возразил Эрагон. — Насчет моего мнения ты как раз совершенно не прав. Если бы я считал, что ты или кто-то еще стал бы лучшим правителем, тогда

я так и сказал бы! Да, я клялся Насуаде в верности, но это ничуть не мешает мне говорить правду.

— Может, и так, но все же твоя верность ей не позволяет тебе судить объективно.

— Точно так же, как и твоя верность Сурде. Она тоже не позволяет тебе судить объективно, — заметил Орик.

Король Оррин нахмурился.

— Интересно, почему это вы всегда оказываетесь против меня? — спросил он, переводя взгляд с Эрагона на Арью и Орика. — Почему во время каждого обсуждения вы всегда на *ее* стороне? — Он взмахнул рукой, и вино плеснулось через край кубка. — Почему именно *она* вызывает у вас такое уважение? Неужели ни я, ни жители Сурды, столько сделавшие для поддержки варденов, вашего уважения не заслужили? Для вас Насуада с ее варденами всегда были на первом месте, а до нее — Аджихад. Вот если бы мой отец был еще жив...

— Если бы твой отец, король Ларкин, был еще жив, — тут же вставила Арья, — он бы не сидел в кресле, жалуясь на то, как неправильно его *воспринимают другие*. Он бы уже что-то сделал, чтобы его воспринимали иначе!

— Мир, — сказала Насуада, не давая Оррину сказать в ответ Арье очередную резкость. — Нет ни малейшей необходимости оскорблять друг друга. Оррин, многие твои соображения представляются мне вполне разумными — по сути, но не по форме. Ты прав. Жители Сурды внесли немалый вклад в нашу победу. И я готова признать: без вашей помощи мы действительно вряд ли решились бы начать эту войну. И конечно же, Сурда заслуживает компенсации за то, чем ей пришлось рискнуть, что пришлось утратить в течение этого тяжелого периода.

Король Оррин кивнул, явно довольный ее словами, и спросил:

— Значит, ты отступишься?

— Нет, — спокойно ответила Насуада. — Не отступлюсь. Но у меня есть контрпредложение. Возможно, оно удовлетворит вас всех. — Оррин что-то недовольно пробурчал, но прерывать ее не стал. — А заключается оно в следующем: значительная часть той территории, которую

мы завоевали, отойдет к Сурде. Города Ароуз, Финстер и Мелиан станут твоими, Оррин, как и южные острова. Но сперва еще нужно довести до их сведения, что власть в Алагейзии переменилась. Приняв мое предложение, Сурда практически вдвое увеличит свою территорию.

— А что ты потребуешь в обмен? — спросил король Оррин, приподнимая бровь.

— А в обмен ты принесешь присягу верности — прямо здесь, в Урубаене, — тому, кто отныне станет править Империей. Может быть, мне.

Губы Оррина искривились в усмешке.

— То есть ты хочешь править всеми этими землями, как верховная правительница?

— Эти две территории — Империя и Сурда — должны обрести единство, если мы хотим и в будущем избежать вражды. Сурда останется под твоим началом, и ты будешь править там, как сочтешь нужным, за исключением одного: маги и заклинатели обеих наших стран станут предметом определенных ограничений, относительно которых мы более подробно поговорим несколько позднее. Помимо соблюдения этих законов, Сурда также обязана будет вносить свою посильную долю в защиту нашей общей территории. В случае вражеского нападения каждый из нас обязан будет предоставить соседу помощь — и людьми, и оружием, и прочим обеспечением.

Король Оррин поставил кубок на колено вертикально, некоторое время смотрел на него, а потом вдруг воскликнул:

— И все-таки почему именно ты должна занять трон, а не я?! Моя семья правит Сурдой с тех пор, как леди Марельда победила в сражении при Китхри, вследствие чего и была основана сама Сурда, а также Дом Лангфельдов. Мы можем проследить свое происхождение до самого Тханебранда, Дарящего Кольцо! Мы успешно противостояли Империи, почти столетие сражаясь с нею. Наше золото, наше оружие и доспехи — вот что позволило варденам выжить! Да, именно выжить! Сурда поддерживала их годами. Без нашей поддержки и участия вы не смогли бы воевать с Гальбаториксом. Гномам не под силу было обеспечить

вас всем необходимым. А эльфы находились слишком далеко от вас. А потому я снова и снова буду задавать один и тот же вопрос: почему главный приз должен достаться тебе, Насуада, а не мне?

— Потому, — отвечала Насуада, — что я, как мне кажется, больше подхожу для этой роли. Я думаю, что смогла бы стать действительно хорошей правительницей. А еще потому, что я всегда стараюсь найти то, что было бы лучше для всей Алагейзии, для всех населяющих ее народов.

— Что-то ты уж больно высокого мнения о себе!

— Скромность, тем более притворная, мне не по душе. Да она и не в почете среди тех, кто привык командовать другими. Разве я в полной мере не доказала, что способна руководить огромной армией? Если бы не я, вардены до сих пор прятались бы в Фартхен Дуре, ожидая неведомого знамения, которое позволило бы им двинуться на Гальбаторикса. Я пасла варденов на всем пути от Фартхен Дура до Сурды. Я превратила разрозненные группы воинов, зачастую враждебно настроенных друг к другу, в могущественную армию. С твоей помощью, согласна. И все-таки руководила ими, вела их именно я! Именно я обеспечила варденам помощь гномов, эльфов и ургалов. Смог бы ты этого добиться? Кто бы ни правил в Урубаене, ему *придется* поддерживать отношения со всеми народами, живущими на нашей земле, *придется* считаться с их мнением, а не только со своим собственным. Мне это, похоже, легче сделать, чем кому бы то ни было — ведь я не раз уже делала это. — Голос Насуады стал звучать мягче, хотя глаза смотрели по-прежнему твердо и решительно. — Ну, скажи, Оррин, почему ты так хочешь заполучить этот трон? Разве эта власть сделала бы тебя счастливее?

— Это вовсе не вопрос счастья! — прорычал он.

— Да нет, именно так. Неужели ты действительно хочешь править всей Империей, а не только Сурдой? Ты пойми: у того, кто окажется на этом троне, впереди чудовищно сложная задача. Ему придется восстанавливать и перестраивать всю страну, заключать новые договоры, отвоевывать некоторые города, ведь некоторые из них так просто нам не подчинятся, находить общий язык со знатью и магами.

Нужна целая жизнь, чтобы лишь начать исправлять тот вред, который нанес Алагейзии Гальбаторикс! Хочешь ли ты взвалить все это на себя? Мне кажется, что ты всегда предпочитал несколько иные занятия, и та жизнь, которую ты вел прежде, гораздо больше нравилась тебе. — Взгляд Насуады упал на кубок в руке Оррина, потом она снова посмотрела ему в лицо. — Если ты примешь мое предложение, то спокойно сможешь вернуться в Аберон и приступить к своим опытам в области естественной истории и философии. Неужели тебе больше этого не хочется? Сурда стала бы гораздо больше и богаче, и ты получил бы полную свободу и возможность следовать своим интересам.

— Мы, короли, не всегда можем позволить себе следовать своим интересам! — строптиво заметил Оррин. — Порой иногда приходится делать то, что нужно, а не то, что хочется.

— Это верно, но...

— И потом, став королем в Урубаене, я точно так же смог бы следовать собственным интересам, как некогда в Аберoне. — Насуада нахмурилась, но он не дал ей ничего сказать. — Ты не понимаешь... — Он тоже нахмурился и отхлебнул еще вина.

«Ну так объясни нам», — мысленно сказала ему Сапфира, явно теряя терпение.

На Оррина ее вмешательство подействовало неожиданно. Он фыркнул, осушил кубок до дна и с яростью швырнул его о дверь, ведущую на лестницу, так, что прекрасная золотая чаша погнулась, а несколько самоцветов выскочили из оправы и со звоном покатились по полу.

— Я не могу ничего вам объяснить, — прорычал он, — даже пытаться не желаю! — Он окинул зал гневным взором. — Никто из вас все равно ничего не поймет! Вы все слишком уверены в собственной важности и незаменимости, чтобы меня понять. Как можете вы меня понять, если никогда не испытывали того, что испытал я? — Он вскочил и тут же снова рухнул в кресло. Глаза его сверкали, как угли, из-под нависших бровей. Помолчав, он снова обратился к Насуаде: — Ты настроена решительно? Ты не откажешься от своих претензий? — Она молча покачала

головой. — А если я вздумаю настаивать? Если я тоже не отступлюсь от своих претензий?

— Тогда между нами неизбежен конфликт.

— И вы, все трое, будете на ее стороне? — спросил Оррин, глядя на Арью, Орика и Гримрра.

— Если ты вздумаешь напасть на варденов, мы станем сражаться на их стороне, — сказал Орик.

— И мы тоже, — сказала Арья.

Король Оррин улыбнулся, однако улыбка эта более всего напоминала яростный хищный оскал.

— И все же вы не намерены подсказывать, кого мы, люди, должны выбрать своим следующим правителем?

— Конечно нет, — спокойно подтвердил Орик, и его белые и очень опасные зубы блеснули в густой бороде.

— Конечно нет! — насмешливо повторил Оррин и снова перевел взгляд на Насуаду. А потом вдруг сказал: — Я хочу Белатону. А также все те города, которые ты уже перечислила.

Насуада немного подумала и возразила:

— Но ты и без того должен будешь получить два портовых города, а также Финстер и Ароуз. Даже целых три порта, если считать Иоум на острове Бирланд. Я могу отдать тебе еще Фюрност, и тогда в твоем распоряжении будет все озеро Тюдостен, а у меня — все озеро Леона.

— Леона — куда лучше, чем Тюдостен. Оно обеспечивает доступ к горам и северному побережью, — возразил Оррин.

— Да, это так, но и у тебя будет выход к озеру Леона из Даутха и из устья реки Джиет.

После этих слов король Оррин потупился и надолго умолк. А солнечный диск тем временем уже скользил за горизонт, и вскоре на небе осталось лишь несколько длинных, узких облаков, все еще светившихся ярким закатным светом. Небо начинало быстро темнеть, на нем уже появилось несколько первых звезд — еле заметных светящихся точек на лиловом бархате. Подул легкий ветерок, и в шелесте ветра по неровным, обветшавшим от времени стенам башни Эрагону послышалось шуршание колючих листьев крапивы.

Чем дольше они ждали, тем больше Эрагон был уверен, что Оррин отвергнет предложение Насуады. Да не будет же он всю ночь сидеть так и молчать?

И тут Оррин шевельнулся, уселся поудобнее и, подняв голову, тихо промолвил:

— Ну, хорошо. Если вы действительно обещаете мне свято соблюдать условия нашего договора, я не стану претендовать на трон Гальбаторикса... ваше величество!

У Эрагона мороз по коже прошел, каким тоном Оррин произнес эти последние слова.

Лицо Насуады вдруг стало необычайно суровым и торжественным. Она вышла в центр зала, и Орик, с силой стукнув об пол молотом Волундом, провозгласил:

— Король умер, да здравствует королева!

— Король умер, да здравствует королева! — закричали Эрагон, Арья, Датхедр и Гримрр, губы которого слегка раздвинулись в улыбке, обнажая острые клыки. Сапфира громко, победоносно протрубила, и эти звуки громким эхом разнеслись по всему окутанному сумерками Урубаену. От Элдунари также исходило явное одобрение.

Насуада стояла, гордо подняв голову, очень высокая, со сверкающими от слез глазами. Она всем говорила: «Спасибо, спасибо», — и подолгу смотрела на каждого, однако Эрагон чувствовал, что даже в эту торжественную и ответственную минуту ее мысли витают где-то далеко-далеко. Ему казалось, что другие просто не замечают той грусти, которой она с некоторых пор окутана.

И вскоре на Урубаен и все окрестные земли спустилась ночь, и лишь верхушка старинной башни по-прежнему светилась высоко над городом, точно яркий маяк.

ПОДХОДЯЩАЯ ЭПИТАФИЯ

После победы и захвата Урубаена прошло несколько месяцев. Время пролетело для Эрагона невероятно быстро. Однако ему порой казалось, что оно, напротив, тянется слишком медленно. Дел у них с Сапфирой было много, и редко выдавался такой денек, когда к закату они не падали от усталости. Но Эрагон по-прежнему страдал от отсутствия в жизни какой-то конкретной цели, именно поэтому у него и возникало ощущение, будто время остановилось и они просто качаются на спокойных волнах какого-то залива, дожидаясь чего-то неведомого — все равно чего, — что снова могло бы затащить их в водоворот.

Они с Сапфирой оставались в Урубаене еще четыре дня после того, как Насуаду избрали королевой, помогая ей установить власть варденов в соседних провинциях. Большую часть времени они вынуждены были общаться с жителями столицы — обычно весьма разгневанными какими-то действиями варденов, которых частенько называли завоевателями. Также им приходилось охотиться на отдельные группы солдат. Многие бежавшие из Урубаена добывали себе пропитание, совершая налеты на путников и близлежащие поместья.

Кроме того, Эрагон и Сапфира приняли участие в восстановлении массивных ворот на главной городской дороге. Эрагон по просьбе Насуады даже применил несколько заклятий, чтобы воспрепятствовать *проискам врагов. Эти* заклятия он наложил только на тех, что находились в самом городе или его окрестностях. Но уже этого было достаточно, чтобы в Урубаене варденны чувствовали себя в относительной безопасности.

Эрагон заметил, что вардены, гномы и даже эльфы стали относиться к нему и Сапфире несколько иначе, чем до гибели Гальбаторикса. Их стали больше уважать, особенно люди, а многие и вовсе воспринимали их с неким *благоговейным страхом*, как в итоге сумел определить это сам Эрагон. Сперва ему это даже нравилось — Сапфире, впрочем, все это было совершенно безразлично, — но вскоре начало надоедать. Он понял, что слишком многие гномы и люди до такой степени стремятся ему угодить, что готовы вовсю льстить и рассказывать только то, что он сам захочет слушать, а не то, что есть на самом деле. Это весьма встревожило Эрагона. Он чувствовал, что не в состоянии никому доверять, кроме Рорана, Арьи, Насуады, Орика, Хорста и, разумеется, Сапфиры.

С Арьей Эрагон встречался всего несколько раз, и она казалась очень замкнутой, отчужденной, так что он просто не знал, как к ней подступиться. Она по-прежнему переживала трагическую гибель Имиладрис, но возможности поговорить наедине у них не было ни разу. Единственное сочувствие, которое Эрагон сумел ей выразить, заключалось в кратких и довольно неуклюжих словах. Впрочем, ему показалось, что и за эти слова она была ему благодарна.

Что же касается Насуады, то она, похоже, вернула былую энергичность, напор и воодушевление, стоило ей лишь ночь хорошенько выспаться. Это весьма удивило Эрагона. Его мнение о ней стало еще выше после того, как он услышал рассказ о тех пытках, которым ее подвергли в зале Ясновидящей. Впрочем, после этих рассказов возросло и его мнение о Муртаге. Однако сама Насуада, рассказав о пребывании в цитадели Гальбаторикса, больше не говорила о Муртаге. Она очень высоко оценила то, как Эрагон руководил варденами во время ее отсутствия — хотя он принялся возражать, утверждая, что его самого почти все время на месте не было, — и выразила ему отдельную благодарность за то, что он вовремя спас ее, признавшись, что еще немного, и Гальбаториксу удалось бы ее сломить.

Через три дня Насуада была коронована на большой площади в центре города при огромном скоплении людей, гномов, эльфов, котов-оборотней и ургалов. Те взрывы,

что сопутствовали гибели Гальбаторикса, уничтожили и древнюю корону Броддрингов. Из золота, найденного в столице, гномы выковали новую корону и украсили ее чудесными самоцветами, которые эльфы вынули из своих шлемов и рукоятей мечей.

Сама церемония была очень простой, но тем не менее произвела впечатление. Насуада пришла на площадь пешком со стороны разрушенной цитадели. На ней было поистине королевское платье — пурпурное, со шлейфом, — и рукава его были достаточно коротки, чтобы все могли видеть шрамы, покрывавшие ее руки до локтя. Шлейф, отороченный мехом, несла Эльва. Эрагон, следуя предупреждениям Муртага, настоял на том, чтобы девочка все время находилась при Насуаде.

Медленный бой барабанов возвестил первый шаг Насуады, когда она стала подниматься на возвышение, воздвигнутое посредине площади. На самом верху стояло резное кресло, призванное служить ей троном. Рядом с креслом разместились Эрагон и Сапфира, а напротив возвышения, на площади, выстроились король Оррин, Орик, Гримрр Полулапа, Арья, Датхедр и Нар Гарцвог.

Насуада поднялась на возвышение и опустилась на колени перед Эрагоном и Сапфирой. Гном из клана Орика подал Эрагону новую корону, которую тот и возложил Насуаде на голову. Затем Сапфира, изогнув шею, коснулась мордой лба Насуады, и они с Эрагоном сказали ей — она мысленно, а он вслух:

— Процветай же отныне, королева Насуада, дочь Аджихада и Надары!

Снова протрубили трубы, и собравшаяся толпа — до того соблюдавшая мертвую тишину — взорвалась радостными криками, точнее, некой жуткой какофонией, в которой рев ургалов смешивался с мелодичными голосами эльфов.

Затем Насуада села на трон, и король Оррин принес ей клятву верности. Следом за ним то же самое сделали Арья, король Орик, Гримрр Полулапа и Нар Гарцвог. Каждый обещал королеве дружбу и поддержку своего народа. Эти клятвы сильно подействовали на Эрагона. Он с трудом

сдерживал слезы, видя, как по-королевски Насуада восседает на троне. Только во время ее коронации он наконец почувствовал, что призрак Гальбаторикса и его диктатуры начинает таять.

А потом начался великий пир, и вардены вместе со своими союзниками праздновали всю ночь и весь следующий день. Эрагон плохо помнил, что было во время этого праздника, только, пожалуй, танцы эльфов, гремящие барабаны гномов и четверых куллов, которые взобрались на башню на крепостной стене и стояли там, дуя в рога, которые вынули из черепов, принадлежавших их собственным отцам.

Городские жители тоже присоединились к празднованию, и Эрагон видел, с каким облегчением и радостью они воспринимают конец правления Гальбаторикса. Похоже, почти все присутствовавшие на этом празднике хотя бы в глубине души понимали значимость этого события, чувствовали, что являются свидетелями конца одной эпохи и начала другой.

На пятый день, когда главные городские ворота были уже почти восстановлены и город был достаточно защищен, Насуада приказала Эрагону и Сапфире лететь в Драс-Леону, а затем в Белатону, Финстер и Ароуз. В каждом из этих городов, воспользовавшись истинным именем древнего языка, нужно было освободить тех, кто дал клятву верности Гальбаториксу. Она также попросила Эрагона связать бывших солдат Гальбаторикса и преданных ему представителей знати таким же заклятием, каким он связал жителей Урубаена, чтобы предотвратить любые попытки подорвать только что установившийся мир.

Однако в этой просьбе Эрагон ей отказал. Он был твердо убежден, что нельзя уподобляться Гальбаториксу. В Урубаене, правда, был очень велик риск появления тайных убийц и тому подобных предателей, так что там Эрагон все-таки применил ту магию, о которой его просила Насуада. Но больше нигде. Он испытал большое облегчение, когда после некоторых размышлений Насуада полностью согласилась с его доводами.

Они с Сапфирой по договоренности с Блёдхгармом и его заклинателями перенесли большую часть Элдунари, привезенных с Врёнгарда, в уединенный замок, находившийся в нескольких милях к северо-востоку от Урубаена. Остальные Элдунари остались в столице вместе с теми, которые удалось спасти из сокровищницы Гальбаторикса. Блёдхгарм считал, что в этом замке эльфам будет нетрудно защитить Элдунари от любого, кто захочет их похитить. Кроме того, там, вдали от людей, мысли безумных драконов не могли воздействовать больше ни на чьи души, кроме тех, кто о них заботился, а эльфы умели этому противостоять.

И только когда Эрагон и Сапфира удостоверились, что Элдунари теперь в полной безопасности, они решились улететь из столицы.

Прибыв в Драс-Леону, Эрагон был потрясен количеством разнообразных чар, которыми был оплетен и весь город, и темная махина Хелгринда. Многие из этих чар были невероятно древними, полузабытыми. Они были созданы чуть ли не в самом начале времен. Он оставил те, что казались ему относительно безвредными, и удалил остальные. Хотя порой было трудно определить, к какой «категории» их отнести. Разумеется, сам он не решался трогать те чары, смысла которых не понимал. Большую помощь оказали Элдунари. Иногда они даже вспоминали, кто именно наложил то или иное заклятие и зачем, а то и просто угадывали его смысл по каким-то непонятным, совершенно ничего не значившим для самого Эрагона признакам.

Когда же дело дошло до Хелгринда и его жрецов, которые укрылись в своих подземельях, едва узнав о падении Гальбаторикса, Эрагон не стал даже пытаться определять, какие из тамошних чар опасны, а какие нет. Он удалил их все, воспользовавшись именем всех имен. С помощью этого Слова он попытался отыскать среди руин главного храма пояс Белотха Мудрого, но безуспешно.

В Драс-Леоне они с Сапфирой пробыли три дня, а затем направились в Белатону. Там Эрагон также удалил чары, наложенные на город Гальбаториксом. То же самое он сделал и в Финстере, и в Ароузе. В Финстере, правда, ему попытались подсунуть отравленное питье, но магические

стражи защитили его. Этот случай привел в ярость Сапфиру, и она прорычала:

«Если мне когда-нибудь удастся загнать в угол ту трусливую крысу, которая это сделала, я съем ее живьем вместе с башмаками!»

На обратном пути Эрагон предложил Сапфире слегка изменить маршрут, и она согласилась, развернувшись так круто, что линия горизонта словно встала дыбом, разделив мир на две половины — темно-синюю и буро-зеленую.

Полдня они потратили на поиски. Сапфира первой увидела сверху знакомое скопление холмов из песчаника и среди них один особенный — высокий, с пологими склонами из красного песчаника, с огромной пещерой и алмазной гробницей, сверкающей на вершине. Холм был точно таким же, как помнилось Эрагону. Но он все смотрел на него, не в силах преодолеть болезненное стеснение в груди.

Сапфира опустилась рядом с гробницей, кроша когтями мягкий песчаник. Эрагон медленно отстегнул крепежные ремни и соскользнул на землю. У него даже голова закружилась, когда он почувствовал знакомый запах теплого камня. На мгновение ему показалось, что он вернулся в прошлое...

Затем он заставил себя встряхнуться и, когда мысли его несколько прояснились, подошел к гробнице, заглянул в ее прозрачные глубины и увидел Брома.

Он увидел своего отца.

Внешне Бром ничуть не переменился. Алмазный покров надежно защищал его от воздействия времени, и его плоть не выказывала ни малейших признаков разложения. Кожа на таком знакомом, покрытом глубокими морщинами лице была по-прежнему упругой, даже, пожалуй, слегка розоватой, словно под нею все еще пульсировала живая кровь. Казалось, в любой момент Бром может открыть глаза и встать на ноги, готовый продолжать их незавершенное путешествие. В какой-то степени он действительно стал бессмертным, ибо не старел и оставался прежним, навечно отданный во власть вечного, лишенного сновидений сна.

Меч лежал у него на груди, как и его длинная седая борода, и руки были сложены как бы на рукояти меча в точности так, как когда-то уложил их Эрагон. Рядом лежал его узловатый посох, покрытый резьбой, в которой Эрагон теперь узнавал иероглифы древнего языка.

Слезы потекли у Эрагона по щекам. Упав на колени, он некоторое время просто тихо плакал, чувствуя, что Сапфира, придвинувшись к нему, горюет с ним вместе.

Наконец Эрагон встал и снова стал вглядываться в черты Брома. Теперь он знал, что нужно искать в этом лице. Теперь он замечал, как сильно похож на отца, хотя лицо Брома и было куда старше и куда сильней подверглось воздействию времени, да и борода мешала как следует разглядеть его черты. Однако сходство их не подлежало сомнению. Те же выступающие скулы, впадинка между бровями, изгиб верхней губы — все это Эрагон теперь узнавал с какой-то горькой радостью. Он, правда, не унаследовал крючковатого носа Брома, похоже, нос он получил от матери.

Эрагон все смотрел и смотрел на отца полными слез глазами, а потом тихо промолвил:

— Все кончено, отец. Я это сделал... *Мы* это сделали! Гальбаторикс мертв, на троне теперь Насуада, а мы с Сапфирой целы и невредимы. Тебе ведь приятно узнать об этом, правда, старый лис? — Он улыбнулся и вытер мокрые глаза тыльной стороной ладони. — Мало того, на острове Врёнгард мы нашли много драконьих яиц! Представляешь? Драконы теперь не вымрут! И мы с Сапфирой поможем их растить и воспитывать. О *таком* ты даже и мечтать не мог, верно? — Эрагон снова улыбнулся. Он отчего-то чувствовал себя глупым восторженным мальчишкой, но одновременно горе утраты давило ему на душу. — Хотелось бы мне знать, что ты обо всем этом думаешь... Ты выглядишь точно так же, как и тогда, а вот мы с Сапфирой сильно изменились. Интересно, узнал бы ты нас?

«Конечно, узнал бы, — сказала Сапфира. — Ты же его сын. — Она нежно коснулась Эрагона мордой. — И потом, лицо у тебя не так уж сильно изменилось с тех пор. Он не смог бы принять тебя за кого-то другого, хотя, конечно, запах у тебя стал совсем иным».

«Вот как?»

«Конечно. Теперь ты пахнешь почти как эльф... Но, так или иначе, а Бром вряд ли принял бы меня за Шрюкна или Глаэдра, это уж точно!»

«Да уж!»

Эрагон чихнул и на минутку отошел от гробницы. Бром казался таким живым внутри этого алмазного саркофага... Это вызывало у Эрагона дикие, невозможные мечты — которые он, впрочем, почти отвергал разумом, и все же чувства не позволяли ему с ними расстаться, — о том, что Умаротху и другим Элдунари, возможно, с помощью своих общих знаний и умений смогли бы сделать то, о чем он боялся даже говорить. Ведь смогли же они воплотить в жизнь то, что он только пытался сделать с помощью своего заклятия во дворце Гальбаторикса! И искорка отчаянной надежды вновь затеплилась в его сердце.

И Эрагон, обращаясь одновременно к Сапфире и Умаротху, сказал:

«Как только Бром умер, мы с Сапфирой сразу его похоронили, а потом Сапфира превратила простой песчаник в алмаз. Это, правда, произошло только на следующий день, но в каменную гробницу, подальше от воздуха, мы спрятали его сразу, еще ночью. Умаротх, может быть, твоя сила и сила других Элдунари в сочетании с вашими знаниями смогли бы... смогли бы исцелить его? — Эрагон весь задрожал, как в лихорадке, и прибавил: — Я ведь тогда еще не умел исцелять такие тяжкие раны. Хотя теперь... теперь, мне кажется, я мог бы исцелить их и спасти его».

«Это было бы куда труднее, чем тебе кажется», — сказал Умаротх.

«Да, я понимаю, но уж ты-то наверняка смог бы это сделать! — воскликнул Эрагон. — Я же видел, как вы с Сапфирой делали с помощью магии поистине удивительные вещи. Конечно же, это в твоих силах!»

«Ты же прекрасно знаешь, что мы не можем использовать магию по желанию, даже своему собственному», — с упреком сказала Сапфира.

«И даже если б нам удалось оживить Брома, — сказал Умаротх, — то, скорее всего, мы не смогли бы восстановить

его разум. Разум и душа — слишком сложные вещи; если мы это сделаем, он вполне может оказаться умственно неполноценным или же совершенно перемениться как личность. И что тогда? Ты бы хотел, чтобы он жил *таким*? А он бы этого хотел? Нет, Эрагон, лучше оставить все как есть. Ты будешь чтить его в своих мыслях и поступках, как делал это до сих пор. Я понимаю, ты хотел бы, чтобы все было иначе. Как и все мы, потерявшие того, кого любили более всего на свете. Однако таков порядок вещей. Бром живет в твоих воспоминаниях. И тебе следует с этим смириться».

«Но я...»

Договорить ему не дал самый старший из Элдунари, Валдр. Он удивил Эрагона тем, что заговорил с ним не с помощью образов и чувств, а с помощью слов древнего языка, хоть и выговаривал их с огромным трудом и напряжением, словно чужие. Он сказал:

«Оставь мертвых земле. Они существуют не для нас».

И больше он ничего не прибавил, но Эрагон почувствовал исходящее от него сочувствие и *огромную печаль*.

Тяжело вздохнув, Эрагон на мгновение закрыл глаза. А затем позволил своему сердцу отпустить на волю эту заблудшую надежду и вновь принять тот факт, что Брома больше нет.

«Ах, — сказал он Сапфире, — я и не думал, что это будет так трудно».

«Было бы странно, если бы это было легко».

Почувствовав ее теплое дыхание у себя на макушке, он слабо улыбнулся и, собрав все свое мужество, снова посмотрел на Брома.

— Отец, — сказал он ему. И это слово имело у него во рту какой-то странный вкус, у него никогда еще не было повода назвать так кого-то другого. Затем Эрагон перевел взгляд на те руны, которые высек на шпиле гробницы. Там было написано:

ЗДЕСЬ ЛЕЖИТ БРОМ.
Он был Всадником.
А мне он был как отец.
Пусть вечно славится его имя.

Он горько улыбнулся, понимая, как близко от истины тогда оказался. А затем заговорил на древнем языке, и алмазная поверхность затрепетала, задрожала, как вода, и на ней стали появляться новые руны. Когда же Эрагон умолк, на гробнице возникла новая надпись:

ЗДЕСЬ ЛЕЖИТ БРОМ.
Он был Всадником, нерушимо связанным с драконом Сапфирой.
Он был сыном Холкомба и Нельды и возлюбленным Селены.
Он был отцом Эрагона Губителя Шейдов и основателем ордена варденов.
И он был вечным врагом Про́клятых.
Пусть же вечно славится его имя.
Стидья унин мор'ранр
(что означает: «Покойся с миром»).

Эта эпитафия носила не столь личный характер, однако Эрагону она казалась более подходящей. Затем он произнес несколько заклинаний, чтобы уберечь алмазную гробницу от воров и вандалов.

Эрагон все продолжал стоять у могилы, не в силах повернуться и уйти. Он чувствовал, что должно произойти *что-то еще* — событие, чувство, понимание чего-то, — какой-то знак, позволяющий ему сказать своему отцу «прощай» и уйти.

Наконец он коснулся ладонью холодной поверхности гробницы, страстно мечтая о том, чтобы проникнуть внутрь и в последний раз коснуться самого Брома, и сказал:

— Спасибо тебе за все, чему ты меня научил.

Сапфира взволнованно фыркнула и склонила голову, коснувшись гробницы мордой.

Затем Эрагон повернулся и с ощущением некой завершенности, конца определенного периода жизни взобрался Сапфире на спину.

Он был чрезвычайно мрачен и молчал все то время, пока Сапфира набирала высоту и брала курс на северо-восток, к Урубаену. И лишь когда гряда песчаниковых холмов превратилась в неясное пятно на горизонте, Эрагон

тяжело вздохнул, посмотрел на лазурное небо, и губы его тронула улыбка.

«Что тебя так порадовало?» — спросила Сапфира, помахивая хвостом.

«У тебя на морде чешуя отрастает», — сообщил он, страшно обрадовав ее этим известием. Пофыркав немного, Сапфира заявила:

«Я всегда знала, что так и будет. Да и почему бы ей не отрасти?»

Однако Эрагон чувствовал, как у него под ногами вибрируют ее бока, как сильно она замурлыкала от удовольствия. И он, погладив ее по шее, прижался к ней грудью, чувствуя, что его тело наполняется ее теплом.

РАЗРОЗНЕННЫЕ СВЕДЕНИЯ

Когда они с Сапфирой прибыли в Урубаен, Эрагон был удивлен тем, что Насуада уже успела сменить название города на старинное — Илирия — из уважения к его истории и наследию.

Также, к своему большому огорчению, он узнал, что Арья уже отбыла в Эллесмеру вместе с Датхедром и другими знатными эльфийскими лордами, забрав с собой зеленое драконье яйцо, которое нашла в цитадели.

Впрочем, Арья оставила ему у Насуады письмо, в котором объясняла, почему уехала так поспешно: она должна была сопровождать тело Имиладрис в Дю Вельденварден, чтобы достойным образом похоронить ее. Что же касается зеленого яйца, то она писала следующее:

И поскольку Сапфира выбрала тебя, человека, быть ее Всадником, то было бы справедливо, если бы следующим Всадником стал эльф, если, конечно, тот малыш, что живет в яйце, с этим согласится. Я бы хотела, чтобы это осуществилось без отлагательств. Дракон уже и так слишком задержался в своей скорлупе. Поскольку в другом месте есть еще немало яиц — место это я, разумеется, называть не стану, — ты, надеюсь, не сочтешь мой поступок проявлением излишней самоуверенности или предосудительного предпочтения по отношению к моей расе. Я посоветовалась по этому вопросу с Элдунари, и они с моим решением согласились.

Поскольку и Гальбаторикс, и моя мать теперь ушли в пустоту, я более не желаю оставаться послом у варденов. Я предпочла бы возобновить свое прежнее занятие — перенос драконьих яиц с места на место, как это было, когда мы искали будущего

Всадника для Сапфиры. Разумеется, посол, осуществляющий связь между нашими народами, по-прежнему необходим. А потому мы с Датхедром решили назначить на эту должность одного молодого эльфа по имени Ванир, с которым ты познакомился, когда был в Эллесмере. Он выразил желание побольше узнать о людях, и это представляется мне достойной причиной для того, чтобы он занял пост посла — если, конечно, он не проявит полной некомпетентности.

В письме было и еще несколько строк, но Арья так и не написала, когда сможет и сможет ли вообще вернуться в западную часть Алагейзии. Эрагон очень обрадовался ее письму и был благодарен ей за внимание, но все же страшно жалел, что она не дождалась его возвращения. После ее отъезда в его душе словно возникла брешь, и хотя он довольно много времени проводил с Рораном и Катриной, а также с Насуадой, эта болезненная пустота никак не заполнялась и в совокупности с непреходящим ощущением того, что они с Сапфирой попросту тратят время зря, создавала у него ощущение собственной ненужности. Эрагону часто казалось, что он воспринимает себя как бы со стороны, точно чужой человек. Он понимал причину возникновения подобных ощущений, но не мог придумать для себя никакого иного лекарства, кроме времени.

По дороге в Урубаен Эрагону пришло в голову, что он мог бы, воспользовавшись древним языком, а точнее, именем всех имен, попытаться удалить из души Эльвы последние следы своего неудачного «благословения», которое в итоге оказалось для нее проклятием. Эльва теперь постоянно жила во дворце Насуады, в собственных покоях. Эрагон пришел к ней, изложил свою идею и спросил, чего бы хотела она сама.

Как ни странно, Эльва не проявила особой радости. Она нахмурилась и молча уставилась в пол. *И в такой позе,* бледная, мрачная и безмолвная, просидела, *наверное,* с час. А Эрагон покорно сидел рядом с нею и ждал.

Затем Эльва наконец подняла на него глаза и честно призналась:

— Не надо. Лучше я останусь такой, какая я есть. Спасибо, что спросил, но не надо. Мой дар — или проклятие — стал слишком существенной частью моего «я», чтобы можно было с легкостью от него отказаться. Без способности чувствовать чужую боль я стала бы просто никому не нужным внебрачным ребенком, помехой, никчемным существом, удовлетворяющим разве что любопытство тех, кто согласится держать меня при себе, тех, кто меня *терпит*. Со своими способностями я, конечно, все равно никому особенно не нужна, но все же иногда могу быть очень даже полезной. И потом, я обладаю определенной силой, которой боятся другие, а значит, смогу сама распоряжаться собственной судьбой, тогда как большинство девушек и женщин не могут себе этого позволить. — Эльва обвела рукой свою красиво убранную комнату. — Здесь я могу жить совершенно спокойно, мне здесь удобно, мне здесь не страшно, и одновременно я могу приносить пользу, помогая Насуаде. А если ты отнимешь у меня мои способности, что же у меня останется? И что я тогда буду делать? Кем тогда буду? Нет. Лучше я останусь такой, какая я есть, и буду нести тяготы своего дара по собственной доброй воле. Но ты знай: я тебе действительно очень благодарна!

Через два дня после того, как Эрагон и Сапфира приземлились в городе, который отныне назывался Илирией, Насуада снова послала их в полет — сперва в Гилид, а затем в Кевнон. Эти два города давно уже находились во власти эльфов, так что Эрагон смог с легкостью воспользоваться именем имен и очистить их от чар Гальбаторикса.

Обоим — и Эрагону, и Сапфире — был особенно неприятен визит в Гилид. Он напомнил им о том, как ургалы по приказу Дурзы взяли Эрагона в плен, а также о гибели Оромиса.

А вот в Кевноне они провели трое суток. Он был не похож ни на один из других городов, которые они видели раньше. Строения здесь были в основном деревянные, с крутыми крышами из дранки, а очень большие дома были покрыты в несколько слоев. Коньки крыш украшали резные стилизованные изображения драконьей головы,

а двери — резьба или красочный орнамент в виде многочисленных узелков.

На обратном пути Сапфира предложила Эрагону чуть изменить маршрут. Он с радостью согласился, особенно когда она сказала, что этот небольшой крюк не займет у них много времени.

Из Кевнона Сапфира полетела на запад, через широченный залив Фундор. Среди волн с белыми гребешками то и дело мелькали серые и черные силуэты огромных морских рыбин, а также киты, похожие на маленькие кожистые островки. Киты выдували из дыхала фонтаны воды и, взмахнув хвостом, ныряли обратно в безмолвные морские глубины.

На той стороне залива Фундор их встретили холодные порывистые ветры и горы Спайна. Каждую из этих гор Эрагон знал по имени. А потом под ними открылась долина Паланкар — впервые с тех пор, как они вместе с Бромом устремились в погоню за раззаками; казалось, что это было целую жизнь назад.

Из долины сразу пахнуло родным домом. Этот запах сосен, ив и берез напоминал о детстве, а леденящие укусы ветра о том, что зима не за горами.

Они приземлились на обугленных развалинах Карвахолла, и Эрагон долго бродил по улицам, зарастающим сорными травами. Стая одичавших собак выбежала из березовой рощи. Они остановились, увидев Сапфиру, зарычали и с визгом бросились в разные стороны. Сапфира рыкнула, выпустила им вслед облако дыма, но преследовать их не стала.

Кусок обгоревшего дерева хрустнул у Эрагона под ногами. Разруха, царившая в родной деревне, наводила на него глубокую печаль. Но он знал, что большая часть жителей Карвахолла по-прежнему живы. Если бы они вернулись, то наверняка смогли бы заново отстроить Карвахолл и сделали бы его даже лучше, чем прежде. Но дома и улицы, среди которых он вырос, теперь исчезли навсегда, и от этого ему казалось, что и сам он теперь чужой в этих местах. Запустение, царившее здесь, вызывало у него ощущение некой неправильности — так бывает во

сне, когда все вроде бы знакомо, и в то же время все не так, все в беспорядке...

— Наш мир совершенно свихнулся, — прошептал он.

Он сложил небольшой костерок рядом с тем местом, где когда-то стояла таверна Морна, и приготовил большой котелок рагу. Пока он ел, Сапфира изучала окрестности, вынюхивая наиболее интересные следы.

Затем Эрагон отнес котелок, миску и ложку на берег реки Аноры и тщательно вымыл их в ледяной воде. Потом он еще долго сидел на корточках на скалистом берегу и смотрел на прыгающую на поверхности воды белую пену в дальнем конце реки — там начинались водопады Игалда, протянувшиеся вверх по течению на полмили, а затем исчезавшие за каменистым отрогом горы Нарнмор. Глядя на воду, Эрагон словно возвращался в тот вечер, когда принес домой яйцо Сапфиры, спрятанное в рюкзаке. Тогда он понятия не имел, что его ожидает в скором будущем, и даже не представлял, где *может оказаться*.

— Нам пора, — сказал он Сапфире, сидевшей у провалившегося колодца в центре деревни.

«Ты разве не хочешь побывать на вашей ферме?» — спросила она, когда он уселся в седло.

Он покачал головой:

«Нет. Лучше уж я буду вспоминать ее такой, какой она была прежде».

Сапфира была с ним согласна. Чувствуя его настроение, она полетела на юг тем же путем, каким они когда-то покидали долину Паланкар. И Эрагон смог мельком увидеть поляну, где стоял их дом, хотя видно было и не очень хорошо. Зато он мог представить себе, что и дом, и амбар по-прежнему на месте.

Над южным концом долины Сапфира поймала восходящий поток воздуха и поднялась выше горы с голой каменистой вершиной. Это была гора Утгард. На ней высилась осыпающаяся сторожевая башня, которую когда-то построили Всадники, чтобы присматривать за обезумевшим королем Паланкаром. Башня когда-то называлась Эдоксиль, но теперь носила другое название — Риствакбаен,

или «Место Печали», потому что именно здесь Гальбаторикс убил Враиля.

Среди развалин башни Эрагон, Сапфира и сопровождавшие их Элдунари отдали дань памяти этому великому эльфу. Умаротх был особенно мрачен и смог лишь промолвить:

«Спасибо, что принесла меня сюда, Сапфира. Я никогда не думал, что снова увижу то место, где упал мой Всадник».

Затем Сапфира расправила крылья и, взлетев прямо с башни, устремилась прочь от долины Паланкар.

На полпути к Илирии с ними связалась Насуада, призвав на помощь одного из заклинателей, и приказала им присоединиться к большому отряду варденов, пешим ходом следовавших из столицы в Тирм.

Эрагон обрадовался, когда выяснилось, что этим отрядом командует Роран. При нем также были Джоад, Балдор, успевший полностью восстановить работоспособность вывихнутой руки после того, как эльфы ему ее вправили, и еще несколько бывших жителей Карвахолла.

Казалось странным, что некоторые жители Тирма отказались сдаться даже после того, как Эрагон освободил их от клятв, данных Гальбаториксу. Притом было очевидно, что варденам с помощью Сапфиры и Эрагона легко могут взять их город, стоит им только захотеть. Однако губернатор Тирма, лорд Ристхарт, потребовал предоставить им возможность стать независимым городом-государством — с полной свободой выбирать собственного правителя и устанавливать собственные законы.

В конце концов, после нескольких дней переговоров Насуада согласилась на его условия, но потребовала, чтобы лорд Ристхарт присягнул ей на верность, как это сделали король Оррин и другие, а также согласился подчиняться ее новым законам, касавшимся магов и заклинателей.

Из Тирма Эрагон с Сапфирой сопроводили отряд варденов по узкой полоске побережья на юг, до самой Куасты. Жителей Куасты, как и жителей Тирма, они также освободили от клятвы, данной Гальбаториксу. На этот раз

губернатор города выразил полное согласие с правлением Насуады.

Затем Эрагон и Сапфира полетели далеко на север, в Нарду, и там у них все тоже получилось прекрасно. После этого они смогли вернуться в Илирию и прожили несколько недель в замке, находившемся неподалеку от двора Насуады.

Когда время позволяло, они летали в тот отдаленный замок, где Блёдхгарм и его заклинатели охраняли Элдунари, спасенные из цитадели Гальбаторикса. Там они помогали эльфам исцелять души драконов. Надо сказать, что успехи были, но дело шло медленно. Одни Элдунари выздоравливали быстрее, а другие — и это очень тревожило Эрагона — просто переставали интересоваться жизнью или навсегда заблудились в лабиринтах собственной души. Даже самым старым и мудрым драконам вроде Валдра не удавалось вести с ними осмысленный разговор. Чтобы помешать сотням обезумевших драконов смутить разум и душу тех, кто пытался им помочь, большую часть Элдунари эльфы держали в состоянии, близком к трансу, и каждый раз для переговоров выбирали лишь нескольких.

Эрагон также трудился вместе с магами Дю Врангр Гата, извлекая из цитадели спрятанные там сокровища. Большая часть работы пала именно на него, поскольку никто из других заклинателей не имел ни знаний, ни опыта в обращении со множеством заколдованных артефактов, оставшихся после Гальбаторикса. Но Эрагон не возражал. Ему даже нравилось исследовать разрушенную крепость и раскрывать ее тайны. За минувшее столетие Гальбаторикс собрал там немыслимое множество всяких чудес, некоторые из них были чрезвычайно опасны. Самым любимым предметом Эрагона стала астролябия. Прикладывая ее к глазу, можно было увидеть звезды даже при свете дня.

Существование некоторых особенно опасных артефактов он, правда, сохранил в тайне, которую доверил только Сапфире и Насуаде. Обе они сочли, что слишком рискованно распространять знания о подобных предметах.

Богатства, обнаруженные в цитадели, Насуада тут же использовала, чтобы накормить и одеть своих воинов, а также — чтобы восстановить оборонительные сооружения городов, которые они завоевали. Кроме того, она подарила немалую сумму золотом каждому из подчинившихся ей королевств. Значительная часть, разумеется, досталась аристократам, но вполне достойные суммы получили даже самым бедные из крестьян. Этим жестом, по мнению Эрагона, Насуада сразу завоевала расположение и верность многих своих подданных, хотя Гальбаторикс подобного поступка никогда бы не понял и не одобрил.

В цитадели также были найдены несколько сотен мечей, ранее принадлежавших Всадникам. Это были мечи самых разнообразных цветов и форм, сделанные как для людей, так и для эльфов. От этой находки поистине дух захватывало. Эрагон и Сапфира лично перенесли оружие в замок, где хранились Элдунари, заранее предвкушая тот день, когда оно снова понадобится Всадникам. Эрагон думал, должно быть, Рюнён будет приятно узнать, что уцелело так много ее великолепных клинков!

А в библиотеке Гальбаторикса были тысячи свитков и книг. Эльфы с Джоадом во главе составляли их каталог, заботливо откладывая в сторону те произведения, где содержались тайные сведения о Всадниках или секретах магического искусства.

Пока они разбирались во всем этом, Эрагон не переставал надеяться, что им встретится упоминание о том, где проклятый правитель спрятал остальные яйца Летхрблака. Единственные упоминания о Летхрблака или раззаках содержались в работах эльфов и Всадников, написанных давным-давно, много столетий назад. В этих произведениях говорилось о некой «темной угрозе, приходящей в ночи», и высказывались различные соображения о том, что можно сделать для защиты от врага, которого невозможно обнаружить никакими магическими средствами.

Теперь, когда Эрагон мог говорить с Джоадом открыто, это постепенно превратилось у него в привычку. Он рассказал старому ученому о том, что случилось с Элдунари, о драконьих яйцах и даже о том, как отыскал свое

истинное имя во время пребывания на острове Врёнгард. Разговаривать с Джоадом было на редкость приятно. Это давало Эрагону долгожданное успокоение, и особенно потому, что Джоад был одним из немногих, кто близко и хорошо знал Брома. Одного этого Эрагону было достаточно, чтобы считать его своим другом.

Эрагон находил весьма интересным — хотя интерес его и носил довольно абстрактный характер — то, как происходит переустройство огромного разношерстного государства, которое Насуада создавала на обломках Империи, тратя на это невероятное количество усилий. Эта работа никогда не казалась выполненной до конца. Всегда было что-то недоделанное, а другое требовало быть сделанным немедленно. Эрагон понимал, что, наверное, возненавидел бы и свое положение, и все эти неотложные дела, если бы ему самому пришлось ими заниматься.

А вот Насуада прямо-таки расцвела на глазах. Она была полностью поглощена как решением всевозможных государственных вопросов, так и самыми обычными, повседневными заботами. Ее энергия, казалось, никогда не иссякнет. Насуада всегда знала, как решить ту или иную проблему, и Эрагон видел, как день за днем растет ее авторитет и среди представителей других государств, и среди местных чиновников и знати, и среди простого народа. Ее уважали все, с кем она имела дело. Насуада идеально исполняла свою новую роль, но Эрагон отчего-то сомневался, что она действительно счастлива, и это его очень беспокоило.

Он не раз видел, как Насуада выносит тот или иной приговор представителям знати, ранее сотрудничавшим с Гальбаториксом — кто по своей воле, а кто и нет, — и поражался ее мудрости. Она бывала на редкость справедлива и милосердна, однако в случае необходимости могла потребовать и строгого наказания. Очень многих аристократов Насуада лишила земель, титулов и значительной части состояния, нажитого неправедным путем, но никого из них не потребовала казнить, чему Эрагон был рад. Он стоял с нею рядом, когда она пожаловала вождю ургалов Нару Гарцвогу обширные земли вдоль северных отрогов

Спайна, а также плодородные равнины между озером Флам и рекой Тоарк. Эти прекрасные места теперь почти совсем обезлюдели, и ургалам было бы очень удобно там жить.

Следом за королем Оррином, лордом Ристхартом и многими другими Нар Гарцвог присягнул Насуаде на верность как высшей правительнице, но при этом сказал так:

— Мой народ согласен с твоим правлением, госпожа Ночная Разведчица, но кровь у нас уж больно густая, а память короткая. Никого из ургалов слова не могут связать навечно.

И Насуада холодно спросила:

— Ты хочешь сказать, что твой народ может в любой момент нарушить мирное соглашение? Должна ли я понимать это так, что наши народы могут вновь стать врагами?

— Нет, — сказал Нар Гарцвог и покачал своей массивной рогатой головой. — Мы не хотим воевать с вами. Мы знаем, что тогда Огненный Меч попросту убил бы нас. Но... подрастает наша молодежь, а молодым всегда хочется сражаться, хочется доказать, чего они стоят. Если сражений не будет, тогда они сами могут их начать. Прости, Ночная Разведчица, но мы не можем себя переменить, такими уж мы родились.

Это заявление встревожило Эрагона — да и Насуаду тоже, — и он несколько ночей все думал об ургалах, пытаясь решить эту внезапно возникшую проблему.

Неделя шла за неделей, а Насуада все продолжала посылать Эрагона с Сапфирой то в Сурду, то в разные места своего королевства, зачастую используя их как своих личных представителей в переговорах с королем Оррином, лордом Ристхартом и другими.

Но куда бы они ни направились, они всюду искали место, которое могло бы на долгие столетия стать домом для Элдунари и тех драконов, яйца которых были спрятаны на острове Врёнгард. Да и школа для будущих Всадников тоже была нужна. В Спайне были такие места, которые, казалось, подошли бы для всего этого, однако все они находились либо слишком близко от людей или ургалов, либо

далеко на севере. Эрагону казалось, что круглый год жить на севере слишком неуютно. К тому же туда уже отправились Муртаг и Торн, и Эрагону вовсе не хотелось причинять им дополнительные заботы.

Беорские горы были бы идеальным местом, но вряд ли гномы обрадовались бы соседству с сотнями прожорливых драконов, только что вылупившихся из яиц. По сути дела, все королевство гномов было расположено в Беорских горах, так что в любом случае школа Всадников оказалась бы неподалеку от одного из городов, а молодые драконы вполне могли бы охотиться на стада столь любимых гномами фельдуностов. Подобная перспектива была неприемлемой. Гномы очень гордились фельдуностами и любовно их выращивали. Эти замечательные козы составляли значительную часть их хозяйства, и Эрагон, зная аппетит Сапфиры, прекрасно понимал, что рисковать не стоит.

А вот эльфы, пожалуй, не стали бы возражать, если бы драконы поселились на одной из гор в пределах Дю Вельденвардена или где-то рядом, но Эрагона все-таки тревожила возможная близость драконов к эльфийским городам. И потом, ему совершенно не нравилась идея размещения драконов и Элдунари на территории, принадлежащей какой-то одной расе. Ведь другим могло показаться, что именно этой расе и оказано особое предпочтение. В прошлом Всадники никогда ничего подобного не делали, и Эрагон свято верил, что и Всадники будущего так поступать *не должны.*

Единственным местом, находившимся достаточно далеко ото всех городов и селений — тем более что на него никогда и не претендовал ни один народ, — был естественный дом предков драконов, самое сердце пустыни Хадарак, где высились Дю Феллз Нангорётх, или Проклятые Горы. Это было бы, несомненно, отличное место для воспитания молодых драконов, но и у него имелось по крайней мере три существенных недостатка. Во-первых, в пустыне трудно было бы найти достаточно пищи, чтобы прокормить юных драконов, и Сапфире пришлось бы без устали таскать туда оленей и прочую дичь. А уж когда дракончики подросли бы и начали летать самостоятельно, ничто не смогло бы

удержать их от полетов в те края, где живут люди, эльфы или гномы. Во-вторых, каждому путешественнику — как, впрочем, и самым обычным людям — было прекрасно известно, где находятся Проклятые Горы. И в-третьих, до этих гор не так уж трудно было добраться, особенно зимой. Последние два пункта особенно настораживали Эрагона и заставляли думать, насколько хорошо и какими средствами можно было бы в таких обстоятельствах защитить драконьи яйца, проклюнувшийся молодняк и драгоценные Элдунари.

«Было бы, конечно, лучше, если б можно было найти такое убежище на вершине одной из Беорских гор, куда могут долететь только драконы, — сказал он как-то Сапфире. — Туда никому бы не удалось пробраться тайком, кроме разве что Муртага верхом на Торне или какого-нибудь могущественного мага».

«Да любой эльф — это уже могущественный маг! И потом, на вершине такой горы все время было бы ужасно холодно!»

«Мне казалось, что ты ничего не имеешь против холода».

«Не имею, но отнюдь не желаю жить круглый год среди снегов и льдов. Песок для чешуи как-то полезней. Мне Глаэдр говорил, что песок ее и полирует, и чистит».

«Да? Хм...»

Становилось все холоднее. Деревья сбрасывали листву, стаи птиц улетали на юг. Зима потихоньку вступала в свои права. И оказалась она на редкость холодной и жестокой. Казалось, вся Алагейзия на длительное время погрузилась с сонное забытье, оцепенев от холода. С первым снегопадом Орик и его войско вернулись в Беорские горы. И те эльфы, что еще оставались в Илирии — за исключением Ванира, Блёдхгарма и его десятерых заклинателей, — тоже перебрались в Дю Вельденварден. Ургалы ушли на несколько недель раньше. Последними исчезли коты-оборотни. Да, они попросту исчезли, словно растворились в воздухе; во всяком случае, никто не видел, как они уходили. В один прекрасный

день оказалось, что никого из них в Илирии нет; остался только один большой толстый кот по имени Желтоглазый, который всегда сидел на мягкой подушке рядом с Насуадой, мурлыкал, спал и прислушивался ко всему, что происходит в тронном зале.

Без эльфов и гномов столица казалась Эрагону угнетающе опустевшей и мрачной. Под нависавший над городом каменный «козырек» время от времени наметало целые сугробы снега.

А Насуада все продолжала посылать его и Сапфиру с различными поручениями, но никогда в Дю Вельденварден. А это было единственное место, куда Эрагону действительно хотелось отправиться. И от эльфов они не имели никаких известий; не знали даже, кто был избран их следующим правителем после Имиладрис. Когда они спрашивали об этом Ванира, тот отвечал лишь:

«Мы — народ неторопливый, и для нас назначение нового монарха — процесс долгий и непростой. Как только я узнаю, что решил наш совет, я непременно сразу же вам сообщу».

Эрагон так давно не видел Арью, что уже подумывал, не применить ли ему имя древнего языка, чтобы пройти сквозь магическую защиту, окутывавшую лес Дю Вельденварден, или хотя бы увидеть ее в магический кристалл или в зеркало. Однако же он прекрасно знал, как отнесутся эльфы к подобному вторжению, и боялся, что и Арья не оценит его порыва. Так что прибегать без какой-то особой нужды к столь решительным мерам Эрагон все же не решился.

И вместо этого просто написал ей короткое письмецо, задав ей несколько вопросов и немного рассказав о том, чем они с Сапфирой теперь заняты. Он отдал письмо Ваниру, и тот пообещал, что незамедлительно отошлет его Арье. Эрагон был уверен, что Ванир свое слово сдержал — ибо говорили они с ним на древнем языке, — но ответа от Арьи все не было, хотя один лунный месяц проходил за другим, и Эрагону уже стало казаться, что она по какой-то неведомой причине решила прекратить с ним всякие отношения. Эта мысль причиняла ему такую ужасную боль,

что он постарался полностью сосредоточиться на тех заданиях, которые поручала ему Насуада, и забыть о своих душевных страданиях.

В середине зимы, когда с каменного выступа над Илирией повисли острые, как мечи, огромные сосульки, а окрестности столицы замело такими глубокими снегами, что дороги стали непроходимыми, а трапезы чрезвычайно скудными, на жизнь Насуады было совершено сразу три покушения — как, собственно, и предупреждал Муртаг.

Эти покушения были хорошо продуманными и весьма хитроумными. Последнее, например, заключалось в том, что на Насуаду должна была рухнуть огромная сетка, полная тяжелых камней. И это покушение почти удалось. Только благодаря магическим стражам, поставленным Эрагоном, и постоянному присутствию Эльвы Насуада успела отскочить в сторону, но все же получила несколько переломов. В тот раз Эрагону и Насуаде удалось устранить двоих убийц. Сколько их было всего, так и осталось тайной — остальные, к сожалению, сумели удрать.

Эрагон и Джормундур пошли на крайние меры, желая обеспечить безопасность Насуады. Они увеличили число ее охранников, и теперь, куда бы она ни шла, ее непременно сопровождали три заклинателя. Насуада и сама стала гораздо осторожней. Эрагон стал замечать в ней даже определенную жесткость, которая раньше не была столь очевидна.

После этого нападений на Насуаду больше не было, но примерно через месяц, когда солнце уже стало поворачивать на весну, сделав дороги вновь проходимыми, некий граф Хамлин, лишенный ныне и своих владений, и своего титула, сумел собрать войско из нескольких сотен бывших солдат Гальбаторикса и стал совершать регулярные набеги на Гилид, а также грабить путников на дорогах.

В то же время на юге стал разгораться мятеж под предводительством Тхароса Быстрого из Ароуза.

Эти мятежи были скорее незначительной помехой, чем серьезным явлением, но все же потребовалось несколько месяцев, чтобы их погасить. Они вылились в череду

неожиданно свирепых стычек, хотя Эрагон и Сапфира пытались всюду, где только могли, решить все мирным путем. После того количества сражений, в которых им довелось участвовать, у них не было ни малейшего желания вновь устраивать кровопролитие.

А весной, когда с мятежами было покончено, Катрина родила крупную здоровую девочку с длинной прядью рыжих волос на макушке. Девочка кричала, как показалось Эрагону, громче всех младенцев, каких ему доводилось видеть, и хватка у нее была прямо-таки железная. Роран и Катрина назвали ее Измирой в честь матери Катрины. Когда они смотрели на нее, на их лицах возникала такая счастливая улыбка, что и Эрагон невольно начинал улыбаться.

Через день после рождения Измиры Насуада призвала Рорана в тронный зал и, сильно его удивив, пожаловала ему титул графа и всю долину Паланкар в качестве домена.

— До тех пор, пока ты и твои потомки будут править там должным образом, долина будет вашей, — сказала она.

Роран поклонился и ответил: «Благодарю вас, ваше величество», и Эрагон понял, что этот бесценный дар значит для Рорана не меньше, чем рождение дочери, ведь помимо семьи Роран более всего ценил родной дом.

Насуада, разумеется, пыталась и Эрагону пожаловать разнообразные титулы и земли, но он ото всего отказывался, говоря: «Мне достаточно быть просто Всадником, больше мне ничего и не нужно».

Однажды Эрагон стоял рядом с Насуадой в ее кабинете, изучая карту Алагейзии и обсуждая всякие насущные вопросы, касающиеся управления страной, и Насуада вдруг заявила:

— Теперь, когда все понемногу улеглось, я считаю, что пора вернуться к вопросу о положении и роли магов на территории Сурды, Тирма и нашего королевства.

— Вот как?

— Да. Я очень долго об этом думала и решила вот что: надо создать некую ограниченную группу магов и заклинателей. Нечто вроде ордена Всадников.

— И чем эта группа будет заниматься?

Насуада взяла со стола перо и, вертя его в руках, стала излагать Эрагону свои соображения:

— Задачи ее будут весьма схожи с теми задачами, что стояли перед Всадниками. Странствуя по стране, они будут охранять в ней мир и покой, участвовать в разрешении судебных споров и, самое главное, наблюдать за своими собратьями-заклинателями, чтобы те не использовали свои возможности в корыстных целях.

Эрагон слегка нахмурился.

— А почему все это попросту не поручить Всадникам?

— Потому что пройдут долгие годы, прежде чем у нас появятся новые Всадники. Но даже и тогда их будет недостаточно для разрешения любого мелкого спора, для усмирения каждого заклинателя или деревенской ведьмы. Кстати, ты ведь так и не нашел подходящего места для школы Всадников и драконов?

Эрагон покачал головой. И он, и Сапфира испытывали из-за этого все большее нетерпение, но пока что ни сами, ни вместе с Элдунари они не сумели прийти к согласию относительно выбора места. Это стало больной темой, потому что все понимали: юным драконам нужно поскорее дать возможность проклюнуться.

— Я так и думала. Это необходимо сделать, Эрагон. Мы не можем позволить себе ждать до бесконечности. Посмотри, какой хаос царит в стране после правления Гальбаторикса. Маги стали здесь самыми опасными существами, даже более опасными, чем драконы. Их нужно прибрать к рукам, иначе мы, так или иначе, окажемся в их власти.

— Неужели ты действительно думаешь, что удастся собрать достаточное количество магов, которые согласятся стать надзирателями? Причем и здесь, и в Сурде?

— Я думаю, да. Если, конечно, *именно ты* попросишь их об этом. Кстати, именно по этой причине я хотела бы, чтобы эту группу магов возглавил ты.

— Я?

Она кивнула.

— А кто же еще? Трианна? Полностью я ей доверять не могу. Да она и не обладает должной силой. Кто-то из эльфов? Нет, это должен быть представитель нашей расы. Ты

знаешь Имя древнего языка, ты — Всадник, за тобой стоит мудрость и авторитет многих Элдунари. Я даже представить себе не могу лучшего предводителя магов. Я уже говорила об этом с Орриком, и он со мной согласен.

— Вряд ли подобная идея ему понравилась, — усмехнулся Эрагон.

— Да, не понравилась. Но он понимает, что это необходимо.

— Так уж и необходимо? — Эрагон оперся руками о край стола. — Как ты, например, предполагаешь осуществлять надзор за теми магами, которые не войдут в эту группу?

— Я надеялась, что у тебя, возможно, появятся какие-то собственные предложения на этот счет. Мне кажется, с помощью заклинаний и магических зеркал можно было бы отслеживать местонахождение таких магов и присматривать за ними, чтобы они не использовали магию в корыстных целях и не угнетали с ее помощью других людей.

— А если они все-таки будут это делать?

— Тогда мы позаботимся о том, чтобы они были наказаны за свои преступления. Мы заставим их поклясться на древнем языке, что они никогда более не станут прибегать к магии.

— Даже клятва, данная на древнем языке, совсем не обязательно лишает мага возможности и в дальнейшем использовать различные заклинания.

— Да, но это самое большее, что мы можем сделать.

Эрагон кивнул.

— А если заклинатель не захочет или не позволит, чтобы за ним *присматривали*? Что тогда? Я легко могу себе это представить. Ведь очень многие не пожелают, чтобы за ними постоянно шпионили.

Насуада вздохнула.

— Да, это самое трудное... А что бы ты сделал, Эрагон, оказавшись на моем месте?

Но ни одного достойного предложения он сделать не сумел. И Насуада совсем погрустнела.

— Вот и я не знаю, как тут быть, — сказала она. — Это очень сложная, запутанная, болезненная проблема, и получается, что, какое бы решение я ни выбрала, все равно

кому-то от этого будет очень плохо. Но если я ничего предпринимать не стану, маги так и будут пользоваться полной свободой действий, так и будут продолжать манипулировать другими с помощью своих заклинаний. Если же я силой заставлю их подчиниться, то многие из них попросту возненавидят меня. И все же ты согласен со мной в том, что лучше защитить большую часть моих подданных, пожертвовав для этого значительно меньшей их частью?

— Мне эта затея не нравится, — тихо ответил Эрагон.

— Да и мне, в общем, тоже.

— Ты бы хотела связать клятвой каждого заклинателя, каждого подчинить своей воле — вне зависимости от его могущества и намерений.

Насуада, не мигая, смотрела на него.

— Но ведь это ради благополучия большинства!

— А как же те люди, которые всего лишь способны читать чужие мысли? Это ведь тоже разновидность магии.

— Их тоже следует учитывать. Ибо их потенциальная возможность навязать свою волю другим весьма высока. — И Насуада вздохнула. — Я понимаю, это нелегко принять, Эрагон. Но мы обязаны этим заняться. Гальбаторикс был безумным злодеем, но в одном он был прав: магов необходимо обуздать. Но не так, как собирался это сделать Гальбаторикс. Хотя что-то сделать все же необходимо, и, по-моему, мой план — наилучшее решение данной проблемы. Если ты сможешь придумать иной способ, позволяющий заставить магов подчиняться закону, я буду очень даже рада. Иначе придется действовать так, как предлагаю я. И мне очень нужна будет твоя помощь, чтобы это осуществить. Итак, ты примешь на себя командование такой группой магов ради благополучия всей нашей страны и нашей расы?

Эрагон не спешил с ответом. Наконец он сказал:

— Если ты не возражаешь, я бы хотел немного подумать. Мне необходимо посоветоваться с Сапфирой.

— Разумеется. Но думай не слишком долго, Эрагон. Подготовка уже ведется, и ты мне вскоре понадобишься.

После этого разговора Эрагон не бросился сразу советоваться с Сапфирой, а некоторое время задумчиво бродил по улицам Илирии, не обращая внимания на поклоны

и приветственные крики встречных. Ему было не по себе и от этого предложения Насуады, и от того образа жизни, который он сейчас вел. Они с Сапфирой слишком давно бездействуют! Пришла пора перемен, и больше ждать невозможно. Им надо решить, чем они намерены заниматься дальше, и любой выбор, безусловно, повлияет и на всю последующую их жизнь.

Размышлял Эрагон, наверное, несколько часов — в основном рассматривая свои обязательства перед близкими ему людьми. День уже клонился к вечеру, когда он наконец повернул назад. А придя домой, не говоря ни слова, взобрался к Сапфире на спину, и она, ни о чем его не спрашивая, тут же взлетела ввысь.

Она покружила высоко над Илирией — достаточно высоко, чтобы Эрагон мог видеть на сотни миль окрест. И пока она кружила там, Эрагон мысленно поделился с нею своими тревогами.

Сапфира разделяла многие его опасения, но ее не так сильно, как Эрагона, тревожила их связь с другими и ответственность перед ними. Самым важным для нее было защитить будущих драконов и Элдунари. Впрочем, это было в равной степени важно и для Эрагона, однако он, в отличие от Сапфиры, понимал, что они не могут игнорировать те последствия — как политические, так и личные, — которые будут связаны со сделанным ими выбором. Но сделать этот выбор он так и не мог.

Наконец Сапфира, нырнув вниз, поскольку восходящий поток воздуха под нею несколько ослаб, сказала ему:

«По-моему, мы должны делать то же, что и всегда. И как это было всегда».

И, больше ничего не прибавив, она развернулась и стала молча спускаться в город.

Эрагон оценил ее молчание. Это решение прежде всего должен был принять он сам, а потому ему пришлось все это обдумать самостоятельно.

Когда они приземлились во дворе замка, Сапфира ласково коснулась его своей мордой и сказала:

«Если тебе нужно будет поговорить, я буду здесь».

Он улыбнулся, погладил ее по шее и медленно, опустив голову, пошел к себе.

...В ту ночь, когда прибывающая луна только-только выглянула из-за края утеса, нависавшего над Илирией, Эрагон сидел на кровати, опершись о спинку, и читал книгу о том, как делали седла первые Всадники. Вдруг боковым зрением он заметил какое-то почти неуловимое движение — точно шевельнулась занавеска.

Он тут же вскочил и выхватил из ножен Брисингр.

Окно было открыто, и на подоконнике он вдруг увидел крошечный трехмачтовый корабль, сплетенный из стебельков травы. Он улыбнулся, сунул меч в ножны и протянул руку. Кораблик тут же послушно поплыл к нему через комнату и аккуратно приземлился ему на ладонь, чуть завалившись набок.

Этот кораблик несколько отличался от тех, которые Арья так ловко мастерила во время их совместных путешествий по Империи — это было уже после того, как они с Ороном вытащили Катрину из Хелгринда. Во-первых, у него было больше мачт, да и паруса были сделаны из листьев. Травинки были хрупкими и пожухшими, но еще не совсем высохли, что заставило Эрагона думать, что они были сорваны всего дня два назад.

К палубе кораблика была привязана аккуратно свернутая бумажка. Эрагон осторожно снял ее, и сердце его бешено забилось. Это было письмо от Арьи, написанное иероглифами древнего языка:

Эрагон, наконец-то было решено, кто сменит Имиладрис на эльфийском троне. По этому поводу я направляюсь в Илирию для встречи с Насуадой. Но сперва мне хотелось бы поговорить с тобой и Сапфирой. Мое письмо ты должен получить за четыре дня до того, как луна достигнет своей половинной величины. Если так и выйдет, встречай меня через день после этого на самой восточной излучине реки Рамр. Приходи один и никому больше о нашем свидании не говори.

Арья

Эрагон невольно улыбнулся. Время Арья рассчитала идеально. Ее кораблик прибыл в точности тогда, когда она

и хотела. Затем улыбка его погасла, и он еще несколько раз перечитал письмо. Она явно что-то скрывает! Уж это-то совершенно ясно. Но что? И почему нужно встречаться втайне?

«Может быть, Арье не нравится тот, кого выбрали следующим правителем эльфов? – думал он. – Или же возникла какая-то иная проблема?»

И хотя Эрагону страшно хотелось снова ее увидеть, он не мог забыть того, как она перед отъездом практически игнорировала их с Сапфирой. Он предполагал правда, что, с точки зрения Арьи, какие-то несколько месяцев – это сущий пустяк, но ничего не мог поделать с разъедавшей его душу обидой.

Он выждал, когда на небе блеснет первый свет зари, и поспешил вниз, чтобы разбудить Сапфиру и сообщить ей эту новость. Она была заинтригована не меньше, чем он сам, хотя и не испытывала по этому поводу особого возбуждения.

Эрагон оседлал ее, и они вылетели из города на северо-восток, никому не сообщив о своих намерениях, даже Глаэдру или другим Элдунари.

ФИРНЕН

Только что миновал полдень, когда они прибыли в указанное Арьей место — изящную излучину реки Рамр, отмечавшую ее дальнейший путь на восток.

Эрагон изо всех сил вглядывался, прильнув к шее Сапфиры, в землю внизу, надеясь хоть мельком заметить там Арью, но местность выглядела совершенно пустынной, если не считать стада диких быков. Заметив Сапфиру, быки поспешили удрать, опустив рогатые головы и поднимая клубы пыли. И быки, и прочие более мелкие животные были, похоже, единственными обитателями этих мест. Да Эрагон более никого и не сумел здесь мысленно почувствовать. Разочарованный, он снова посмотрел вдаль, на линию горизонта, но Арьи по-прежнему нигде не было.

Сапфира приземлилась на небольшом холме ярдах в пятидесяти от берега реки. Эрагон уселся с нею рядом, прислонившись спиной к ее боку.

На вершине холма виднелся небольшой выход скальной породы, скорее всего слюды. Пока они ждали, Эрагон развлекался тем, что вытачивал из небольшого куска этой слюды нечто вроде наконечника для стрелы. Камень был, разумеется, слишком мягким, и такой наконечник мог бы пригодиться разве что для украшения, но эта работа доставляла Эрагону даже некоторое удовольствие. Он доделал наконечник и остался вполне доволен собой — наконечник вышел аккуратный и даже довольно острый. А потом принялся обтесывать более крупный кусок, превращая его в лезвие кинжала, имевшее форму древесного листа, вроде тех, которые носили при себе эльфы.

Ему казалось, что ожидание чрезмерно затягивается, но примерно через час Сапфира подняла голову и стала пристально вглядываться в дальний край равнины, за которым раскинулась относительно близкая отсюда пустыня Хадарак.

Эрагон почувствовал, как напряглось тело Сапфиры, а ее душу обуревают какие-то странные эмоции: казалось, она чует приближение неких событий чрезвычайной важности.

«Посмотри», — сказала она Эрагону.

Не выпуская из рук наполовину выточенный кинжал, он неловко поднялся на ноги и вгляделся в восточную сторону равнины.

Но не увидел ничего, кроме травы, земли и нескольких исхлестанных ветрами деревьев. С помощью магии он несколько расширил свой кругозор, но так ничего интересного и не заметил.

«Что же я...» — начал было он и не договорил, увидев высоко в небе, на востоке, вспышки какого-то зеленого огня — казалось, там сверкает в лучах солнца огромный изумруд. И этот «изумруд» мчался на фоне синих небес, по дуге направляясь прямо к ним, яркий, точно звезда в ночи.

Эрагон выронил свой каменный кинжал и, не отрывая глаз от этой мерцающей искры, взобрался Сапфире на спину и пристегнул ножные ремни. Он хотел спросить, что она думает по поводу этой светящейся точки — хотел заставить ее *словами* назвать то, что смутно подозревал сам, — но не мог заставить себя сказать ни слова. Молчала и Сапфира.

Она так и не взлетела, хоть и раскрыла крылья, словно готовилась это сделать.

А светящаяся точка сперва стала значительно больше, а потом превратилась в целое созвездие таких же ярких зеленых точек. Их были десятки, сотни, тысячи! И через несколько минут они слились, являя истинную форму того, кто сейчас приближался к Эрагону и Сапфире. Это был дракон!

Больше Сапфира ждать не могла. Издав трубный клич, она захлопала крыльями и взмыла в небо почти под прямым углом, так что Эрагон едва успел ухватиться за шип

у нее на шее. Она мчалась навстречу незнакомому дракону, и Эрагон чувствовал, что в ней, как и в нем самом, бушуют самые разнообразные чувства — от безумного восторга до чрезвычайной настороженности, порожденной тем, что им обоим довелось пережить в минувших сражениях. И тут весьма кстати оказалось то, что солнце светило им прямо в спину.

Сапфира продолжала подъем, пока не оказалась немного выше зеленого дракона, и сосредоточилась на скорости.

Вблизи Эрагон увидел, что дракон отлично сложен, но еще очень молод и по-детски неуклюж. Его лапы и крылья еще не приобрели той устойчивости, которая была свойственна Глаэдру, Торну или Сапфире. Он был гораздо меньше Сапфиры. Чешуя на боках и спине была темно-зеленой, цвета лесной листвы, а на брюхе и лапах она была значительно светлее и по краям казалась почти белой. Крылья у него были ярко-зеленые, как листья падуба, но когда сквозь них просвечивало солнце, они приобретали желтоватый оттенок, как молодые листья дуба по весне.

Во впадине между драконьей шеей и спиной было седло, очень похожее на седло Сапфиры, а в седле сидел некто, очень похожий на Арью. Длинные темные волосы так и вились у седока за спиной, и это зрелище наполнило душу Эрагона невыразимой радостью. Он чувствовал, что та пустота, с которой он все это время безуспешно сражался, тает без следа подобно ночному мраку под лучами солнца.

Когда драконы на огромной скорости пронеслись мимо друг друга, Сапфира взревела, и зеленый дракон ответил ей таким же ревом. Затем они развернулись и принялись кружить, словно гоняясь за хвостами друг друга, и Сапфира летела по-прежнему чуть выше зеленого дракона, но он не делал ни малейшей попытки подняться на тот же уровень. Иначе, пожалуй, у Эрагона возникли бы опасения, что этот дракон хочет напасть и пытается занять более выгодное положение.

Он засмеялся и что-то крикнул навстречу ветру. И Арья — это, конечно же, была она — тоже что-то крикнула в ответ и подняла руку. Затем Эрагон коснулся ее мыслей — просто чтобы быть окончательно уверенным — и мгновенно

понял, что это действительно Арья. Он почти сразу же прервал их мысленную связь, чтобы не быть грубым и навязчивым. Эрагон знал, что она все равно ответит на любой его вопрос, как только они опустятся на землю и смогут нормально поговорить.

Сапфира и зеленый дракон снова взревели, а потом еще немного погонялись друг за другом, пока внизу снова не показалась река Рамр. Там Сапфира первой по спирали пошла вниз и приземлилась точно на тот же холм, где они с Эрагоном и поджидали прибытия Арьи.

Зеленый дракон приземлился футах в ста от них и низко присел, пока Арья высвобождала ноги из ремней и слезала с седла.

Эрагон сорвал с ног ремни, спрыгнул на землю и бегом бросился к Арье, не обращая внимания на то, что меч в ножнах больно колотит его по ноге. Арья тоже бросилась к нему, и они встретились на равном расстоянии от обоих драконов, которые последовали за ними куда более размеренной поступью, тяжело ступая по земле огромными лапами.

Подбежав ближе, Эрагон увидел, что вместо кожаной тесемки, которой Арья обычно стягивала падавшие на лицо волосы, на лбу у нее красуется тонкий золотой обруч. В центре обруча светился бриллиант в форме слезы. Казалось, что свет исходит как бы изнутри этого камня. На поясе у Арьи висел меч с зеленой рукоятью в зеленых ножнах. Это был меч Тамерлин, тот самый, который эльфийский лорд Фиолр некогда предлагал ему взамен Зарока. Этот меч раньше принадлежал одной Всаднице, эльфийке Арве. Но сейчас рукоять выглядела несколько иначе, чем помнилось Эрагону — легче и изящней, да и ножны показались ему более узкими.

Эрагон не сразу понял, *что* означает диадема у Арьи на лбу. Изумленно глядя на нее, он выпалил:

— Так ты...

— Я, — сказала она и склонила голову, — атра эстерни оно тхелдуин, Эрагон.

— Атра дю эваринья оно варда, Арья... дрёттнинг? — Впрочем, от его внимания не ускользнуло то, что она пред-

почла поздороваться с ним первой, а это у эльфов означало только одно.

— Дрёттнинг, — подтвердила она. — Мой народ решил передать мне титул моей матери, и я приняла его.

У них над головами Сапфира и зеленый дракон, приблизив друг к другу морды, обнюхивали друг друга. Сапфира была выше, зеленому дракону приходилось вытягивать шею, чтобы до нее достать.

Хотя Эрагону больше всего на свете хотелось поговорить с Арьей, он все же не мог оторвать глаз от зеленого дракона.

— А это кто? — спросил он.

Арья улыбнулась, а потом и вовсе его удивила: взяла за руку и подвела к зеленому дракону. Тот фыркнул и склонил голову так, что она оказалась ровно над ними, в недрах его алых ноздрей клубился дым.

— Эрагон, — сказала Арья, касаясь рукой теплой морды дракона, — это Фирнен. Фирнен, это Эрагон.

Эрагон, подняв голову, посмотрел в один из сверкающих глаз Фирнена, радужка была бледно-зеленой и чуть желтоватой, как молодая трава.

«Я рад, что могу наконец познакомиться с тобой, Эрагон, наш друг и Губитель Шейдов, — сказал Фирнен. Голос у него оказался более глубоким и звучным, чем ожидал Эрагон, даже более звучным, пожалуй, чем голос Торна или Глаэдра. — Моя Всадница много рассказывала мне о тебе».

И Фирнен один раз моргнул с негромким резким звуком, точно раковина ударилась о камень.

В широкой, залитой солнцем душе Фирнена даже тени казались прозрачными, и там царило сильнейшее возбуждение, даже восторг.

Да и самого Эрагона охватило невероятное, радостное изумление: как только могло произойти такое чудо?

«И я очень рад с тобой познакомиться, Фирнен-финиарель, — мысленно сказал он зеленому дракону. — Вот уж не думал, что мне доведется увидеть, как ты проклюнешься из яйца и освободишься от чар Гальбаторикса!»

Изумрудный дракон слегка фыркнул. Он выглядел чрезвычайно гордым и полным энергии. Затем он снова

посмотрел на Сапфиру. Между обоими драконами происходило что-то очень важное. Во всяком случае, в душе Сапфиры Эрагон чувствовал бешеный поток всевозможных мыслей, чувств и ощущений.

Арья слегка улыбнулась:

— Они, похоже, друг другу понравились.

— Да, очень.

Прекрасно понимая друг друга и без слов, Эрагон и Арья вышли из-под арки, образованной драконьими головами, и двинулись в сторону, предоставив драконам возможность пообщаться наедине. Сапфира не уселась, как делала это обычно, а так и осталась в полуприсеве, припав к земле так, словно охотилась на оленя. Фирнен принял точно такую же позу. Кончики драконьих хвостов чуть подергивались.

Арья выглядела отлично, гораздо лучше, чем за все время с тех пор, как они вместе покинули Эллесмеру и присоединились к варденам. Вряд ли Эрагон сумел бы найти подходящие слова, чтобы описать ее, но наверняка можно было сказать, что она выглядит счастливой.

Некоторое время оба шли молча, потом немного постояли, наблюдая за драконами, и Арья сказала, повернувшись к нему:

— Ты прости, что я раньше с тобой не связалась. Должно быть, ты не самым лучшим образом думал обо мне. Наверное, тебе казалось, что я вас с Сапфирой совсем забросила. А теперь ты еще и обижен тем, что я утаила от тебя такую важную вещь, как появление Фирнена. Обижен?

— Ты получила мое письмо?

— Получила. — И, к его удивлению, она достала из-за пазухи маленький кусочек пергамента, который он мгновенно узнал. — Я бы ответила сразу, но Фирнен уже проклюнулся, а лгать тебе мне не хотелось. Ведь я бы солгала тебе, даже если бы просто не упомянула о появлении Фирнена на свет.

— Но зачем было его прятать?

— Мне не хотелось рисковать — ведь столько слуг Гальбаторикса по-прежнему на свободе, а драконов осталось так мало! Я боялась, что кто-то может узнать о Фирнене.

Он тогда еще был слишком мал, чтобы хоть как-то защитить себя.

— Неужели ты действительно опасалась того, что кто-то сможет прокрасться в Дю Вельденварден и убить его?

— Порой там случались весьма странные вещи... А поскольку драконы находятся на грани полного исчезновения, я не желала рисковать. Если бы это было в моих силах, я бы держала Фирнена в Дю Вельденвардене еще лет десять, пока он не станет таким большим, чтобы уж никто не посмел на него напасть. Но он так хотел улететь, что я не смогла ему отказать. И потом, мне необходимо встретиться с Насуадой и Ориком — уже в новом качестве.

Эрагон мысленно слышал, как Фирнен рассказывает Сапфире о своей первой добыче — олене, пойманном в эльфийском лесу. Он знал, что и Арья тоже слышит разговор драконов. Он заметил, как дрогнули в улыбке ее губы, когда Фирнен описывал свои попытки догнать косулю, после того как наступил на ветку и вспугнул ее.

— И давно тебя избрали королевой?

— Через месяц после моего возвращения. Ванир, впрочем, об этом не знал. Я попросила не сообщать ему об этом, как нашему послу у гномов. Мне хотелось пока что полностью сосредоточиться на воспитании Фирнена и не тревожиться о государственных делах и всяких визитах... Но тебе, наверное, интересно было бы узнать, где я его выращивала? На Утесах Тельнаира, где жили Оромис и Глаэдр! Мне показалось, что это... справедливо.

Оба снова помолчали. Потом Эрагон, указав на Фирнена, спросил:

— Как же все это произошло?

Арья улыбнулась:

— Когда мы вернулись в Эллесмеру, я заметила, что Фирнен начинает ворочаться в своей скорлупе, но я ничего такого не подумала, ведь и Сапфира часто ворочалась в яйце. Но не успели мы добраться до Дю Вельденвардена и миновать охраняемые границы, он взял и проклюнулся! Был уже почти вечер. Я ехала, держа яйцо на коленях, как когда-то возила и Сапфиру, и разговаривала с ним.

Я рассказывала ему о нашем мире, говорила, что теперь он в безопасности, и вдруг яйцо затряслось, и... — Она вздрогнула и тряхнула головой, а в глазах у нее блеснули слезы. — А потом между нами установилась такая нежная связь... Собственно, я именно так все это себе и представляла. Стоило нам коснуться друг друга... Я всегда хотела быть Всадницей, Эрагон! Всегда хотела иметь возможность защищать свой народ, хотела отомстить Гальбаториксу за гибель отца, но не верила в такую возможность для себя, пока не увидела первую трещинку на яйце Фирнена.

— И когда вы соприкоснулись, то...

— Да. — Арья подняла левую руку и показала Эрагону серебристую отметину на ладони, точно такую же, как и у него, гедвёй игнасия. — У меня возникло такое ощущение, будто... — Она умолкла, подыскивая нужные слова.

— Будто ты коснулась ледяной воды, и теперь твоя рука горит, и ее даже как будто покалывает, — подсказал Эрагон.

— Да, именно так. — И Арья невольно обхватила себя руками, словно ей вдруг стало холодно.

— Итак, вы вернулись в Эллесмеру, — сказал Эрагон.

Теперь уже Сапфира рассказывала Фирнену о том, как они с Эрагоном плавали в озере Леона во время своего первого путешествия в Драс-Леону, еще с Бромом.

— Да, мы вернулись в Эллесмеру.

— И вы с Фирненом поселились на Утесах Тельнаира. Но зачем тебе было становиться королевой, если ты уже стала Всадницей?

— Это была не моя идея. Датхедр и другие наши старейшины пришли ко мне на утесы и попросили принять плащ моей матери. Я отказалась. Но они снова пришли на следующий день и на следующий. И приходили каждый день в течение целой недели, и каждый раз с новыми аргументами в пользу того, почему мне следует принять ее плащ и корону. В конце концов они убедили меня, что так будет лучше для всего нашего народа.

— Но почему все-таки именно ты? Не потому ли, что ты — дочь Имиладрис? Или, наоборот, потому что ты стала Всадницей?

— Нет, это не потому, что Имиладрис была моей матерью. Хотя отчасти, конечно, и это повлияло на их выбор. И не потому, что я стала Всадницей. Наша внутренняя политика куда сложнее, чем у людей или у гномов, и выбор нового правителя у нас никогда не происходит легко. Тут нужно учитывать согласие десятков различных домов и семей, а также многочисленных старших представителей нашей расы, и каждое предложение, сделанное ими, это часть сложной игры, в которую мы продолжаем играть вот уже много тысячелетий. В общем, было немало всяких причин, побудивших их выбрать именно меня. И далеко не все эти причины вполне очевидны.

Эрагон переступил с ноги на ногу, глядя в пространство между Сапфирой и Арьей. Он пока что не мог примириться с ее решением.

— Но разве можно быть одновременно и Всадницей, и королевой эльфов? — спросил он. — Всадники вроде бы не должны оказывать предпочтения ни одной расе. Иначе народы Алагейзии перестали бы им доверять. И потом, как ты сможешь участвовать в восстановлении нашего ордена и воспитании нового поколения драконов, если будешь занята многочисленными *королевскими* делами и обязанностями в Эллесмере?

— Наш мир уже не тот, каким был прежде, — сказала Арья. — И Всадники уже тоже не могут жить сами по себе, как это было когда-то. Их слишком мало осталось, и одним им не выстоять. Пройдет еще немало времени, прежде чем Всадников будет достаточно и они смогут занять в обществе свое прежнее место. Ведь и ты принес клятву верности Насуаде, и Орику, и его клану Дургримст Ингеитум. Но не нам, не алфакин, и было бы только справедливо, чтобы и эльфы тоже имели своего Всадника и своего дракона.

— Ты же знаешь: мы с Сапфирой готовы сражаться за эльфов точно так же, как и за гномов или за людей! — пылко возразил Эрагон.

— Я-то знаю, но другие не знают. Внешняя сторона тоже очень важна, Эрагон. Ты не в силах изменить тот факт, что уже поклялся в верности Насуаде и клану Орика.

Мой народ тяжело страдал в течение последнего столетия, и хотя тебе это, возможно, не кажется столь очевидным, мы уже не те, какими были когда-то. Точно так же, как когда-то для драконов погасла звезда их удачи, гаснет и наша звезда. Все реже у нас рождаются дети, все быстрей иссякают наши силы. А кое-кто уже считает, что и ум у нас уже не столь остер, как когда-то. Впрочем, последнее доказать и невозможно.

— Но ведь то же самое верно и для людей — во всяком случае так считает Глаэдр, — сказал Эрагон.

Арья кивнула:

— Он прав. Обеим нашим расам нужно время, чтобы прийти в себя и набраться сил. Очень многое будет зависеть также от возвращения драконов. Мало того, точно так же, как Насуада нужна для восстановления и выздоровления вашей расы, такой вождь нужен и нашему народу, эльфам, а потому после смерти Имиладрис я все время чувствовала, что обязана взвалить эту ношу на свои плечи.

Она коснулась своего левого плеча, где был спрятан иероглиф «йявё», означающий «узы доверия».

— Я поклялась служить своему народу, когда была ненамного старше тебя. Я не могу бросить его сейчас, когда он так нуждается во мне.

— Эльфы всегда будут в тебе нуждаться.

— И я всегда откликнусь на их призыв. Не тревожься, мы с Фирненом не забудем о своих обязанностях дракона и Всадника. Мы поможем тебе охранять эти земли и решать те споры, что окажутся нам по силам. А то место — где бы оно ни оказалось, даже на самой южной оконечности Спайна, — где будет находиться школа драконов и Всадников, мы будем посещать постоянно и будем помогать.

Ее слова встревожили Эрагона, но он приложил все силы, чтобы скрыть свою тревогу. То, что она обещала, вряд ли будет возможно, если они с Сапфирой примут то решение, которое обсуждали на пути сюда. Хотя все, что сказала Арья, помогало ему утвердиться в правильности принятого ими решения. Вот только его беспокоило, что Арья и Фирнен не смогут пойти тем же путем.

Он склонил голову, признавая правильность решения Арьи и ее право принять такое решение.

— Я знаю, что ты никогда не станешь пренебрегать своими обязанностями, — сказал Эрагон. — Ты никогда не поступалась своим долгом. — Он не хотел, чтобы это прозвучало слишком торжественно или даже враждебно, он просто констатировал тот факт, который всегда заставлял его безмерно уважать Арью. — И я понимаю, почему ты так долго не давала о себе знать. Я, наверное, тоже так поступил бы на твоем месте.

Она снова улыбнулась:

— Спасибо тебе.

Он кивнул в сторону ее меча.

— Это, наверное, Рюнён переделала Тамерлин под твою руку?

— Да, она. Хотя все время жутко ворчала, говорила, что меч идеален, что нечего его портить. Но я очень довольна тем, как она его переделала. Теперь он мне как раз по руке и отлично сбалансирован. Он стал *легким, как прутик!*

Они постояли молча, глядя на драконов, и Эрагон все пытался придумать, как бы рассказать Арье об их с Сапфирой планах. Но даже начать не сумел, потому что она спросила:

— А у вас с Сапфирой как шли дела в последние несколько месяцев?

— Да нормально.

— Что еще интересного произошло с тех пор, как ты написал мне письмо?

Эрагон на минуту задумался, затем кратко сообщил Арье о покушениях на Насуаду, о восстании на севере и на юге, о рождении дочери у Рорана и Катрины, о получении Роpаном титула графа и о том, *сколько сокровищ им удалось* раскопать в разрушенной цитадели. В самую последнюю очередь он рассказал о том, как они с Сапфирой летали в Карвахолл и на могилу Брома.

Пока он ей все это рассказывал, Сапфира и Фирнен начали кружить, очень быстро подергивая кончиками хвостов. У обоих пасти были слегка приоткрыты, белые длинные клыки обнажены, и оба тяжело дышали, издавая

низкие ворчливые с повизгиванием звуки, каких Эрагон еще никогда прежде не слышал. Это было более всего похоже на начинающуюся драку, что несколько его встревожило, но чувства, которые испытывала Сапфира, отнюдь не имели отношения ни к гневу, ни к страху. Это было совсем иное чувство...

«Я хочу испытать его», — заявила ему Сапфира и шлепнула хвостом по земле, заставив Фирнена остановиться.

«Испытать? Но как? Зачем?»

«Чтобы выяснить, есть ли у него железо в костях и огонь внутри! Чтобы узнать, подойдет ли он мне!»

«Ты уверена?» — спросил Эрагон, уже догадываясь, к чему она клонит.

Сапфира снова стеганула хвостом по земле, и он почувствовал ее решимость и силу ее желания.

«Я все о нем знаю — все, кроме этого. И потом, — она изобразила нечто вроде веселой усмешки, — драконы ведь не на всю жизнь браки заключают!»

«Ну, хорошо... Но будь осторожна».

Он едва успел договорить, когда Сапфира ринулась вперед и укусила Фирнена за левый бок — да так, что потекла кровь. Фирнен оскалился, отскочил назад и зарычал. Казалось, он не чувствует в себе должной уверенности.

«Сапфира!» — И Эрагон, страшно огорченный, повернулся к Арье, собираясь извиниться.

Но Арья огорченной вовсе не казалась. А Фирнену, как и Эрагону, она мысленно сказала:

«Если ты хочешь, чтобы она тебя уважала, ты должен в ответ тоже ее укусить».

И она, приподняв бровь, насмешливо посмотрела на Эрагона. Он ответил ей осторожной улыбкой, поняв, в чем дело.

Фирнен оглянулся на Арью, явно колеблясь, и снова отпрыгнул, ибо Сапфира в очередной раз больно его цапнула. А потом он вдруг взревел, расправил крылья, словно желая казаться больше, и, бросившись на Сапфиру, тоже укусил ее за заднюю лапу, пронзив зубами чешуйчатую шкуру.

Разумеется, для Сапфиры такой укус — сущий пустяк.

И оба дракона вновь принялись кружить, рыча и подвывая все громче и громче. Затем Фирнен снова прыгнул и прижал шею Сапфиры к земле. Он некоторое время подержал ее в таком положении, игриво покусывая за затылок, а потом Сапфира вырвалась, хотя сопротивлялась она отнюдь не так яростно, как можно было бы ожидать. И Эрагон догадывался, что она сама позволила Фирнену поймать ее, поскольку в обычной ситуации даже Торн вряд ли сумел бы это сделать.

— Как-то странно эти драконы ухаживают друг за другом, — заметил Эрагон. — Нежности у них маловато.

— А ты бы хотел, чтобы они нашептывали друг другу на ушко стихи и целовались?

— Да нет...

Одним движением Сапфира отшвырнула от себя Фирнена и слегка попятилась. Потом взревела и стала скрести землю когтями передних лап, и тогда Фирнен, подняв голову к небесам, выпустил из пасти трепещущий язык зеленого огня в два раза длиннее его собственного тела.

— Ого! — воскликнула Арья с явным удовлетворением.

— Что?

— Да он же впервые выдохнул пламя!

Сапфира тоже выдохнула длинную ленту огня — Эрагон чувствовал его жар даже на расстоянии пятидесяти футов, — а затем подпрыгнула и взвилась в небо, стрелой поднимаясь все выше и выше. Фирнен последовал за ней.

Эрагон стоял рядом с Арьей и смотрел, как два сверкающих дракона взмывают в небеса, описывая спирали и выпуская из пасти языки пламени. Это было впечатляющее зрелище: дикое, прекрасное, немного пугающее. Эрагон наконец понял, что стал свидетелем древнего естественного ритуала, одного из тех, которые подсказывает сама природа, без которого земля опустела бы и умерла.

Его мысленная связь с Сапфирой стала совсем слабой, поскольку расстояние между ними все увеличивалось, но он по-прежнему чувствовал жар ее страсти, который заслонял все прочие ее мысли. Ею руководила теперь лишь та инстинктивная потребность, которой подвластны все живые существа, даже эльфы.

Драконы вскоре превратились в две сверкающие звездочки, вращавшиеся друг вокруг друга в безбрежном просторе небес. Но хоть они и были очень далеко, Эрагон все еще воспринимал отдельные мысли и ощущения Сапфиры. Несмотря на то что Элдунари не раз делились с ним своими любовными воспоминаниями, он не сумел все же скрыть смущения: щеки у него разгорелись, кончики ушей стали багровыми, а на Арью он и вовсе смотреть не мог.

Она тоже, по всей видимости, находилась под воздействием тех чувств, которыми были охвачены драконы, хотя и реагировала на это иначе. Она смотрела вслед Сапфире и Фирнену со слабой улыбкой, и глаза ее сияли ярче, чем обычно, словно это зрелище наполняло ее гордостью и счастьем.

Эрагон вздохнул, присел на корточки и принялся рисовать что-то на земле стебельком травы.

— Ну, много времени это не заняло, — сказал он.

— Нет, не заняло, — эхом откликнулась Арья.

Он продолжал рисовать, а она по-прежнему стояла возле него, и оба молчали. И вокруг тоже стояла полная тишина, если не считать легкого шелеста ветерка.

Наконец Эрагон осмелился поднять на Арью глаза, и она показалась ему еще красивей, чем прежде. Но он сейчас видел в ней не только прекрасную женщину, но и надежного друга и союзника, который спас его от Дурзы, сражался с ним бок о бок в бесчисленных битвах, вместе с ним терпел страшные пытки в тюрьме Драс-Леоны, сразил копьем Даутхдаэрт огромного черного дракона Шрюкна.

Он как-то сразу вспомнил все, что Арья рассказывала ему о своем детстве и юности в Эллесмере, о сложных взаимоотношениях с матерью и о тех причинах, которые заставили ее покинуть Дю Вельденварден и стать послом эльфов. Он вспомнил о той боли и обидах, которые ей пришлось терпеть — отчасти по вине ее матери, а отчасти в связи с тем, что она оказалась как бы в изоляции среди людей и гномов. Вспомнил о вечном ее одиночестве, которое стало еще мучительней с тех пор, как она потеряла Фаолина, а потом угодила в лапы к Дурзе, который пытал ее в темницах Гилида.

Все это как-то сразу пришло ему в голову, бередя душу, и он испытал глубокое чувство единства с Арьей и глубокую печаль, связанную со скорым расставанием. Внезапно ему страстно захотелось запечатлеть ее такой, какой видит в эти мгновения.

И пока Арья задумчиво смотрела в небо, Эрагон отыскал подходящий камень — похоже, это был обломок слюдяного пласта, торчавший из земли, — и, стараясь как можно меньше шуметь, пальцами выкопал камень из земли и старательно его обтер.

Несколько мгновений потребовалось ему, чтобы вспомнить те заклинания, которыми он уже однажды пользовался, и приспособить их для извлечения из земли нужных ему красок. Почти одними губами он произнес нужные слова, составляя заклятие.

На поверхности камня что-то шевельнулось, как рябь на мутной воде, и на нем стали расцветать самые разнообразные цвета — красный, синий, зеленый, желтый, — складываясь затем в определенные линии и формы, перетекая друг в друга, смешиваясь, давая более сложные оттенки, и через несколько мгновений на камне возникло изображение Арьи.

Эрагон остановил действие чар и некоторое время изучал созданный им фейртх. Он был вполне удовлетворен увиденным — изображение показалось ему вполне честным, правдивым, в отличие от того фейртха, который он когда-то давно попытался создать в Эллесмере. Этот портрет Арьи имел глубину и смысл, которых тот, первый, был начисто лишен. Это был отнюдь не идеализированный ее образ, особенно в том, что касалось композиционного решения, и Эрагон был горд тем, что сумел уловить столь многие особенности ее характера. В этом фейртхе ему удалось как бы суммировать все, что он о ней знал, все темные и светлые стороны ее души, которые стали ему известны.

Он позволил себе еще немного порадоваться, а потом размахнулся, собираясь разбить осколок слюды о камни, и услышал, как Арья сказала: «Кауста!» — и камень, описав в воздухе дугу, опустился ей на ладонь.

Эрагон открыл было рот, собираясь объясниться и попросить прощения, но передумал и ничего не стал говорить.

Держа фейртх перед собой, Арья долго и внимательно на него смотрела, а Эрагон не менее внимательно наблюдал за нею, пытаясь понять, что она чувствует.

Прошла долгая и весьма напряженная минута.

Потом Арья опустила фейртх, и Эрагон протянул руку, намереваясь отобрать у нее камень, но она и не подумала его ему отдать. Она выглядела странно взволнованной, даже, пожалуй, встревоженной, и сердце у Эрагона упало: значит, его фейртх ее огорчил!

А она, глядя ему прямо в глаза, вдруг сказала на древнем языке:

— Эрагон, хочешь, я назову тебе мое истинное имя?

От такого предложения он попросту онемел и смог лишь кивнуть, настолько был потрясен. Но потом все же заставил себя проявить должную учтивость.

— Это была бы великая честь для меня, — с трудом вымолвил он.

Арья шагнула к нему, приложила губы к самому его уху и едва слышным шепотом назвала ему свое истинное имя. И когда она его произнесла, оно так и зазвенело в душе Эрагона. И он вдруг понял, что отчасти уже знал это имя, хотя в нем содержалось и много такого, что очень его удивило. И главное, он понял, почему Арье было так нелегко поделиться своим именем с кем-то еще.

Затем она снова чуть отодвинулась от него, явно ожидая, что он скажет, лицо ее казалось совершенно бесстрастным, как маска.

Ее имя вызвало в душе Эрагона множество вопросов, но он понимал, что сейчас не время задавать их. Скорее, нужно было заверить Арью, что его мнение о ней ничуть не изменилось, что оно по-прежнему необычайно высокое. Наоборот, то, что он только что о ней узнал, лишь усилило его любовь к ней, ибо он понял истинный масштаб ее самоотверженности и приверженности долгу. Он понимал сейчас одно: если бы он неправильно воспринял ее имя или — хотя бы невольно — посмел ляпнуть что-нибудь не то, их

дружбе пришел бы конец. И он, глядя Арье прямо в глаза, сказал тоже на древнем языке:

— Твое имя... твое имя очень хорошее! Ты должна им гордиться. Гордиться тем, какая ты. Я очень благодарен тебе за то, что ты поделилась со мной самой драгоценной своей тайной. Я счастлив был бы всегда называть тебя своим другом и обещаю, что буду беречь твое имя как зеницу ока. Скажи, ты хочешь услышать и мое имя?

Она кивнула.

— Да, хочу. И обещаю помнить и защищать его до тех пор, пока оно будет твоим.

Ощущение чрезвычайной значительности момента охватило Эрагона. Он знал, что обратного пути не будет, и его радовало и одновременно пугало то, что он сейчас сделает. И он, шагнув вперед, сделал точно то же самое, что только что сделала Арья: приложил губы к ее уху и очень тихо прошептал свое имя. И все его существо затрепетало, услышав эти слова.

Затем, внезапно насторожившись, он отступил, не зная, как она воспримет открывшуюся ей его сущность. Сочтет ли его глупцом или мудрецом? Впрочем, ей так или иначе придется вынести о нем свое суждение.

Арья глубоко вздохнула, посмотрела в небо, затем повернулась к Эрагону и тихо, очень ласково сказала ему:

— У тебя тоже очень хорошее имя. Однако же я не уверена, что это то самое имя, которое было у тебя, когда ты покидал долину Паланкар.

— Нет, не то.

— И не то, которое ты носил, когда жил и учился у нас в Эллесмере. Ты очень повзрослел с тех пор, как мы с тобой познакомились.

— Пришлось.

Она кивнула.

— Ты по-прежнему очень молод, но ты уже не ребенок.

— Да, это точно.

Эрагона сильней, чем когда-либо, тянуло к ней. Этот обмен именами создал между ними особую связь, но какую? В этом он еще не разобрался, и эта неуверенность заставляла его чувствовать себя обнаженным, уязвимым, ведь

теперь Арья знала все его недостатки. Однако никакого презрения или отвращения к нему она явно не проявляла. Похоже, она действительно принимала его таким, какой он есть, как, впрочем, и он ее. Мало того, она не могла не увидеть в его истинном имени тех чувств, которые он питал к ней, но и это тоже ее не оттолкнуло!

Эрагон не был уверен, стоит ли говорить что-то еще, но и просто так отпустить Арью сейчас он не мог. А потому, собрав все свое мужество, спросил:

— Арья, что с нами будет?

Она колебалась, но он видел, что она прекрасно поняла, *что* он имел в виду. Старательно подбирая слова, она сказала:

— Не знаю... Раньше я, пожалуй, ответила бы: «Ничего особенного», но теперь... И все же ты еще слишком юн, Эрагон. Взрослея, люди часто меняют свои взгляды. Лет через десять или даже через пять ты, возможно, уже не будешь испытывать тех чувств, какие испытываешь сейчас.

— Мои чувства не изменятся, — сказал он с абсолютной уверенностью.

Арья снова долго и внимательно вглядывалась в его лицо, потом выражение ее лица вдруг переменилось, и она сказала:

— Ну что ж, тогда... возможно... со временем... — Она ласково коснулась ладонью его щеки. — Ты не можешь сейчас просить меня о большем, Эрагон. Я не хочу ошибиться. Ты слишком много значишь, как для меня, так и для всей Алагейзии.

Он попытался улыбнуться, но вместо улыбки у него получилась гримаса.

— Но... у нас нет времени, — сказал он и задохнулся. Ему было очень нехорошо.

Брови Арьи сошлись на переносице, она опустила руку и спросила:

— Что ты хочешь этим сказать?

Он потупился, не зная, как лучше объяснить ей. И в конце концов сказал все просто и честно. Он рассказал ей, с какими трудностями они с Сапфирой встретились, пытаясь найти безопасное место для драконьих яиц и Элдунари, рассказал и о планах Насуады, и о ее намерении

создать группу избранных магов, которые будут следить за всеми прочими заклинателями.

Он говорил, наверное, несколько минут и завершил свой монолог так:

— И тогда мы с Сапфирой решили, что единственное, что нам остается, это покинуть Алагейзию и воспитывать драконов в другом месте, подальше ото всех. Это было бы наилучшим выходом и для драконов, и для Всадников, и для остальных народов Алагейзии.

— Но Элдунари... — начала было Арья, которую явно взволновал его рассказ.

— Элдунари тоже не могут здесь оставаться. Они никогда не будут в безопасности даже в Эллесмере. Всегда может найтись тот, кому захочется их выкрасть и воспользоваться ими в собственных целях. Нет, нам нужно найти такое место, каким был для Всадников остров Врёнгард; такое, где никто не сможет найти драконов и причинить им зло, пока они еще малы; да и дикие драконы, если и они станут вылупляться из сохраненных яиц, никому не смогут там нанести вреда. — Эрагон попытался улыбнуться, но это у него не получилось. — Вот почему я сказал, что у нас нет времени. Мы с Сапфирой собираемся как можно скорее покинуть Алагейзию, и если ты останешься... В общем, тогда я не знаю, увидимся ли мы с тобой когда-нибудь снова.

Арья посмотрела на фейртх, который по-прежнему держала в руке. Она была сильно встревожена.

— Ты бы согласилась отказаться от королевской короны, чтобы отправиться вместе с нами? — спросил он, уже зная ответ.

Она вскинула на него глаза.

— А ты согласился бы отказаться от заботы о драконьих детенышах?

Он молча покачал головой.

Они еще немного помолчали, потом Арья спросила:

— Как же ты будешь подыскивать кандидатов на роль Всадников?

— Мы оставим несколько яиц здесь — у тебя скорее всего. А как только они проклюнутся, то юные драконы и их

Всадники присоединятся к нам, а мы пришлем тебе новые яйца.

— Я думаю, есть и еще какое-то решение, вовсе не обязательно, чтобы ты, Сапфира и все Элдунари покидали Алагейзию!

— Если бы было, мы бы давно уже к нему пришли.

— Но как же Элдунари? Как же Глаэдр и Умаротх? Ты уже говорил с ними об этом? Они согласились?

— Нет, не говорил. Но они согласятся. Уж это-то я знаю.

— Ты уверен, Эрагон? Неужели это единственный путь — расстаться со всеми, кого ты знал и любил?

— Это необходимо. Кстати, наше расставание всегда подразумевалось. Анжела предсказывала мне это еще в Тирме, когда гадала для меня, так что у меня хватило времени, чтобы приучить себя к этой мысли. — Он протянул руку и коснулся щеки Арьи. — Но я все-таки спрошу еще раз: ты полетишь с нами?

На глазах у нее показались слезы, она прижала фейртх к груди и с отчаянием воскликнула:

— Я не могу!

Эрагон кивнул и убрал руку.

— Тогда... наши пути расходятся. — Он и сам готов был расплакаться и сдерживался из последних сил.

— Но ведь еще не сейчас? — прошептала Арья. — У нас ведь еще есть немного времени, правда? Мы еще можем немного побыть вместе?

— Нет, еще не сейчас.

И они замерли в молчании, глядя в небо и поджидая возвращения Сапфиры и Фирнена. Через некоторое время ее рука коснулась его руки, и он сжал ее. Но это было малое утешение, и оно не могло до конца утишить боль, терзавшую его сердце.

Совестливый человек

Теплый свет струился из окон на правой стене широкого коридора, высвечивая квадратики на противоположной стене, где между мрачными резными дверями, расположенными на одинаковом расстоянии друг от друга, висели флаги, картины, щиты, мечи и рогатые головы оленей.

Эрагон шел в рабочий кабинет Насуады, то и дело выглядывая в окна, откуда открывался чудесный вид. Со двора доносились звуки музыки и пение — это певцы и музыканты готовились к торжественному приему в честь прибытия Арьи. Празднование началось и продолжалось до сих пор сразу после того, как Арья, Фирнен, Эрагон и Сапфира вернулись в Илирию. Но теперь всеобщее возбуждение начинало понемногу спадать, и Эрагону удалось наконец условиться с Насуадой о встрече.

Он кивком поздоровался со стражниками у дверей и шагнул внутрь.

Насуада уютно устроилась в мягком кресле, слушая музыканта, а тот, аккомпанируя себе на лютне, пел какую-то красивую, хотя и печальную любовную песню. На подлокотнике кресла устроилась девочка-ведьма Эльва с вышиванием в руках, а рядом сидела Фарика, любимая горничная Насуады. На коленях у Фарики, свернувшись клубком, лежал кот-оборотень Желтоглазый в своем зверином обличье. Кот выглядел крепко спящим, но Эрагон по опыту знал, что он, скорее всего, и не думает спать.

Эрагон подождал в дверях, пока музыкант кончит играть.

— Спасибо, можешь идти, — сказала музыканту Насуада и тут же заметила Эрагона. — А, Эрагон, здравствуй, рада тебя видеть.

Он слегка поклонился ей. Затем девочке:

— Здравствуй, Эльва.

Она глянула на него исподлобья:

— Здравствуй, Эрагон.

Кот-оборотень слегка дернул хвостом.

— Что ты хотел со мной обсудить? — спросила Насуада и сделала глоток из чаши, стоявшей на боковом столике.

— Может быть, нам лучше поговорить наедине? — сказал Эрагон и мотнул головой в сторону стеклянных дверей, ведущих на балкон. Балкон нависал над чудесным внутренним двориком с фонтаном и садом.

Насуада минутку подумала, затем встала и быстро прошла на балкон, шлейф ее пурпурного платья метнулся за нею.

Они постояли немного рядом, глядя на пузырящуюся воду в фонтане, холодную и серую из-за тени, отбрасываемой зданием.

— Какой красивый полдень, — сказала Насуада, глубоко вздыхая. Она выглядела куда более спокойной, чем при их последней встрече, хотя это и было всего несколько часов назад.

— Эта музыка, похоже, здорово исправила тебе настроение, — заметил он.

— Не музыка, а Эльва.

Эрагон удивленно наклонил голову набок:

— Как это?

Странная полуулыбка скользнула по губам Насуады.

— После моего пленения в Урубаене... после всего того, что мне довелось перенести... после всего, что я потеряла... после покушений на мою жизнь — после всего этого мир для меня, казалось, утратил свои краски. Я сама себя не чувствовала. И ничто не могло прогнать печаль из моей души.

— Я тоже все время думал об этом, — сказал Эрагон, — но не знал, что сказать или сделать, чтобы помочь тебе.

— Ничего. Ничего ты не смог бы ни сказать, ни сделать — ничто бы не помогло, и я могла бы годами пребывать

в таком состоянии, если бы не Эльва. Она сказала мне... то, что мне так необходимо было услышать. Во всяком случае, сама я так думаю. Это было исполнение того обещания, которое она дала мне давным-давно в замке Аберон.

Эрагон нахмурился и оглянулся на дверь, за которой по-прежнему сидела Эльва, занятая вышиванием. Несмотря на все, что им довелось пережить вместе, он по-прежнему не мог себя заставить полностью доверять ей, вот и сейчас тоже опасался, что Эльва манипулирует Насуадой в каких-то своих эгоистических целях.

Насуада коснулась его плеча:

— Не тревожься обо мне, Эрагон. Я слишком хорошо себя знаю. Вряд ли Эльва сможет нарушить мое душевное равновесие, даже если ей этого действительно захочется. Даже Гальбаториксу не удалось сломить меня, так неужели ты думаешь, что это удастся ей?

Он мрачно посмотрел прямо на нее и сказал:

— Да, она, пожалуй, может в этом и преуспеть.

Насуада снова улыбнулась:

— Мне приятна твоя забота, но в данном случае твои тревоги лишены оснований. Позволь же мне насладиться нынешним хорошим настроением, а свои подозрения ты выскажешь мне позже.

— Хорошо. — И, несколько расслабившись, Эрагон сказал: — Я рад, что ты лучше чувствуешь себя.

— Спасибо. Так и должно было случиться. Кстати, Сапфира и Фирнен по-прежнему воркуют, как птички? Я что-то их больше не слышу.

— Воркуют. Только они сейчас где-то высоко, над этим утесом. — И щеки Эрагона слегка вспыхнули, поскольку он невольно коснулся мыслей Сапфиры.

— Ясно. — Насуада оперлась о каменную балюстраду, украшенную резьбой в виде цветущих ирисов. — Итак, зачем ты хотел со мной встретиться? Ты пришел к какому-то решению относительно моего предложения?

— Пришел.

— Прекрасно. Тогда уже можно приступать к конкретным планам. Я...

— Мы решили твоего предложения не принимать.

— Что? — Насуада с недоверием уставилась на него. — Но почему? Кому же еще я могла бы поручить такое дело?

— Этого я не знаю, — мягко сказал он. — Этот вопрос вам с Оррином придется решать самим.

Насуада подняла брови.

— И ты не поможешь нам даже выбрать подходящего человека? И ты еще хочешь, чтобы я поверила, будто ты подчиняешься только моим приказам?

— Ты все поняла совершенно неправильно, — сказал Эрагон. — Я не хочу ни возглавлять магов, ни следить за ними, ни присоединяться к ним.

Насуада некоторое время внимательно на него смотрела, затем подошла к стеклянным дверям и плотно их прикрыла, чтобы Эльва, Фарика и кот-оборотень не подслушивали. Вернувшись к Эрагону, она сказала:

— Эрагон, о чем ты только думаешь! Ты же должен понимать, что, так или иначе, к кому-то тебе присоединяться придется. Все маги, которые служат мне, должны это сделать. Тут не может быть исключений. Ни одного! Я не могу допустить, чтобы люди думали, будто у меня есть фавориты. Это вскоре посеяло бы раздоры — особенно в рядах магов, — а именно этого *я меньше всего и хочу*. Пока ты являешься моим подданным, ты должен подчиняться законам нашего королевства. Или, может быть, мой авторитет для тебя *ничего не значит*? По-моему, я не должна даже говорить с тобой об этом!

— Не должна. Я и сам прекрасно это понимаю. Именно поэтому мы с Сапфирой и решили покинуть Алагейзию.

Насуада схватилась за перила так, словно боялась, что не устоит на ногах. Какое-то время оба молчали, было слышно лишь, как плещется вода в фонтане.

— Я что-то не понимаю...

И Эрагон в очередной раз, как это было и с Арьей, изложил все доводы в пользу того, почему драконы, а значит, и он с Сапфирой, не могут оставаться в Алагейзии. А под конец сказал:

— Мне никогда не нравилось общество магов. Я все равно не смог бы руководить ими. У нас с Сапфирой другая обязанность: выращивать драконов и воспитывать

Всадников. Это должно стать первоочередной нашей задачей. Даже если бы у меня было время, я все равно не смог бы, будучи предводителем Всадников, по-прежнему подчиняться тебе. Да, и остальные народы Алагейзии никогда бы с этим не смирились. Несмотря на решение Арьи стать королевой, члены ордена Всадников должны оставаться по возможности беспристрастными. А если и *мы* начнем игру в фаворитов, это попросту разрушит Алагейзию. Единственный вариант, при котором я, возможно, согласился бы принять предлагаемый тобою пост — если в объединение магов войдут представители всех рас, даже ургалов. Но это вряд ли произойдет. И потом, вопрос о сохранности драконьих яиц и Элдунари по-прежнему останется открытым.

Насуада нахмурилась.

— Тебе вряд ли удастся убедить меня в том, что ты при всей своей силе и могуществе не сможешь защитить молодых драконов, оставаясь здесь, в Алагейзии.

— Может быть, я и смог бы, но нельзя полагаться только на магию. Чтобы действительно обеспечить безопасность драконов, нужны чисто физические преграды — крепостные стены, рвы с водой и такие крутые и высокие утесы, на которые не взберется ни человек, ни эльф, ни гном, ни ургал. Однако еще важнее та безопасность, которую дает расстояние. Я должен сделать так, чтобы добраться до нас было настолько трудно, что тяготы подобного пути обескуражили бы любого, даже самого решительного врага, и ему расхотелось бы предпринимать подобные попытки. Допустим, я готов признать, что мог бы защитить драконов. Но как решить другую проблему? Как удержать драконов от охоты на стада? На наш скот? На фельдуностов, которых разводят гномы? Ты бы хотела без конца объясняться с Ориком по поводу регулярного истребления его фельдуностов? Или, может, тебе приятно было бы успокаивать разъяренных фермеров, потерявших свой скот? Нет, мы должны покинуть Алагейзию. Это единственно возможное решение. — Эрагон помолчал, глядя на струи фонтана, потом прибавил: — Даже если бы в Алагейзии и нашлось место

для драконьих яиц и Элдунари, все равно было бы неправильно, если бы я здесь остался.

— Это еще почему?

Он покачал головой:

— Ты же знаешь ответ не хуже меня! Я стал *слишком* могущественным. Пока я здесь, твой авторитет — как и авторитет Арьи, Орика и Оррина — всегда будет подвергаться сомнениям. Если бы я пожелал, если бы я напрямую к ним обратился, большая часть жителей Сурды, Тирма и твоего королевства последовала бы за мной. А если мне еще и Элдунари будут помогать, тогда мне и вовсе никто противостоять не сможет, даже Муртаг или Арья.

— Но ты же не пойдешь против нас! Ты же совсем не такой!

— Нет? За все те годы, что мне суждено прожить — а я ведь могу прожить очень-очень долго, — многое может перемениться. Ты можешь поручиться, что я никогда не захочу вмешаться в дела Алагейзии?

— Если ты и вмешаешься, то, не сомневаюсь, по какой-то серьезной причине, и мы еще будем благодарны тебе за это...

— Будете ли? Нет, я и тогда, несомненно, буду считать, что действую в высшей степени правильно и справедливо. Но ведь это ловушка, не правда ли? И ловушка заключается как раз в той уверенности, что я, а не кто иной, все знаю лучше всех, ибо в моих руках невероятная сила и власть, а потому именно я имею полное право действовать так, как сам захочу. — И Эрагон, вспоминая давние слова самой Насуады, сказал: — Помнишь, «ради благополучия большинства»? Если я ошибусь, кто сможет остановить меня? И тогда я, вполне вероятно, стану очередным Гальбаториксом, несмотря на свои самые лучшие устремления. Положение дел таково, что мое могущество *заставляет* людей соглашаться со мной. Я уже не раз видел это, занимаясь различными делами по всей Империи. Если бы ты оказалась в моем положении, смогла бы ты сопротивляться искушению постоянно во все вмешиваться, указывать, как лучше поступить? Мое присутствие здесь нарушает порядок вещей, Насуада. И если я хочу избежать

той участи, которая мне ненавистна, я должен покинуть Алагейзию.

Насуада вздернула подбородок:

— Я могла бы приказать тебе остаться.

— Надеюсь, ты этого не сделаешь. Я бы предпочел, чтобы мы расстались друзьями, а не разъяренными врагами.

— Значит, ты желаешь держать ответ только перед собой и больше ни перед кем?

— Я буду держать ответ перед Сапфирой и перед своей совестью, как делал это всегда.

Губы Насуады чуть искривились.

— Совестливый человек — вот самый опасный человеческий тип в мире!

Они снова долго молчали, слушая пение фонтана, потом Насуада спросила:

— Ты веришь в существование богов?

— В каких богов? Их много.

— В любых. Во всех. Ты веришь в то, что существует некая сила, превосходящая твою собственную?

— Ну, если считать Сапфиру... — И он поспешил с улыбкой извиниться, поскольку Насуада нахмурилась. — Извини. Я пошутил. Возможно, боги действительно существуют, но я не знаю. Не уверен. Я, правда, видел... Я, возможно, видел бога гномов Гунтеру. Это было еще в Тронжхайме, когда короновали Орика. Но если боги и существуют, то я о них не слишком высокого мнения, ибо они позволили Гальбаториксу так долго оставаться на троне.

— Возможно, ты сам был орудием богов, пожелавших изгнать его. Ты об этом никогда не думал?

— Я? — Он рассмеялся. — Что ж, возможно, это и так. Но вообще-то этих богов не особенно волнует, выживем мы или умрем.

— Разумеется, их это не волнует! Да и чего бы они стали об этом беспокоиться? Они же боги... А ты, кстати, никому из них не поклоняешься?

И Эрагону показалось, что этот вопрос для Насуады особенно важен. Он задумался. Потом пожал плечами.

— Их так много, откуда мне знать, кого выбрать?

— Почему бы не создателя их всех, Унулукуну, дарующего вечную жизнь?

Эрагон не сдержался и усмехнулся.

— Если *только* я не заболею или меня кто-нибудь не убьет, я могу прожить даже тысячу лет или больше. И если я действительно столько проживу, то и представить себе не могу, чтобы мне еще и после смерти жить захотелось. А что еще может предложить мне бог? С Элдунари у меня хватит сил почти на все.

— Боги также дают возможность снова увидеть тех, кого мы любим. Разве ты этого не хочешь?

Поколебавшись, Эрагон ответил:

— Хочу. Но все же не хотел бы *жить вечно*. Это представляется мне даже более пугающим, чем «уход в пустоту», как это называют эльфы.

Насуада, казалось, была огорчена и взволнована его ответом.

— Значит, ты считаешь, что никому не обязан давать отчет о своей жизни, кроме Сапфиры и себя самого?

— Насуада, я что, плохой человек? (Она молча покачала головой.) Тогда доверься мне и позволь сделать то, что я считаю правильным. Да, я уверен, что обязан держать ответ перед Сапфирой, перед Элдунари и перед всеми теми Всадниками, которым еще только предстоит появиться. Но я несу ответственность и перед тобой, и перед Арьей, и перед Ориком, и перед всеми народами Алагейзии. Мне не нужен хозяин, чтобы наказывать меня или указывать мне, как я должен в том или ином случае поступать. Если бы он был мне нужен, я бы ничем не отличался от ребенка, следующего указаниям своего строгого отца только потому, что тот может высечь его кнутом, а не потому, что надо действительно постараться быть хорошим.

Насуада несколько секунд внимательно на него смотрела, потом сказала:

— Хорошо, тогда я буду просто полагаться на твое слово.

И снова они долго молчали, слушая пение струй. Свет садящегося солнца высветил трещины и выбоины в подбрюшье скалистого выступа, нависшего над городом.

— А что, если нам понадобится твоя помощь? — спросила Насуада.

— Тогда я вам помогу. Я вас не брошу, Насуада. Обещаю. Я установлю постоянную связь с тобой, и ты всегда сможешь со мной связаться с помощью зеркала в твоем кабинете; и то же самое я сделаю для Рорана и Катрины. Если возникнет беда, я непременно найду способ послать вам помощь. Возможно, сам я и не смогу явиться вовремя, но *непременно* помогу.

Она кивнула.

— Я знаю, что поможешь. — И вздохнула. Она была явно огорчена.

— В чем дело? — спросил он.

— Все ведь шло так хорошо! Гальбаторикс умер. Все сражения закончились. Мы собирались наконец решить проблему магов. Ты и Сапфира должны были возглавить орден Всадников. А теперь... Я просто не знаю, как нам быть дальше!

— Все устроится, я уверен. Ты найдешь правильное решение.

— Если бы ты остался здесь, искать его было бы куда легче... Ты, по крайней мере, согласишься назвать Имя древнего языка тому, кого мы изберем предводителем магов?

Эрагону не нужно было даже думать на сей счет, ибо он уже рассматривал такую возможность. Но ответил он так:

— Я мог бы, но со временем, мне кажется, все мы пожалели бы об этом.

— Значит, ты этого делать не станешь?

Он покачал головой.

Теперь на лице ее было отчетливо написано отчаяние.

— Но почему? Почему ты даже этого сделать не хочешь?

— Это Слово слишком опасно, чтобы им пользовались направо и налево. Понимаешь, Насуада, если у какого-то мага окажется слишком много амбиций, но не хватит сил, чтобы сдержать их, в мире может возникнуть настоящий хаос. С помощью этого Слова такой маг может уничтожить даже сам древний язык. Никто, даже Гальбаторикс, не был настолько безумен, чтобы это сделать. Однако не слишком опытный и не слишком умелый маг, жаждущий власти, вполне может и попытаться. Кто знает, чем это кончится? В настоящий момент только Арья, Муртаг

и драконы — ну, и я сам, конечно, — знают это имя. И лучше оставить все как есть.

— Значит, когда ты покинешь Алагейзию, мы будем зависеть от Арьи, если нам вдруг понадобится это имя?

— Ты же знаешь, что она всегда поможет. Скорее уж я стал бы беспокоиться насчет Муртага.

Насуада, казалось, заглянула куда-то в глубь своей души и сказала:

— Насчет него можно не беспокоиться. Он нам не угроза. Больше не угроза.

— Как скажешь. Если твоей целью является желание держать в узде всех заклинателей, тогда имя древнего языка — это как раз и есть та тайна, которую лучше всего не доверять никому.

— Если это действительно так, тогда... да, я понимаю.

— Спасибо. Есть и еще кое-что, что тебе следует знать.

Насуада настороженно глянула на него:

— Вот как?

И он рассказал ей о тех идеях, которые недавно пришли ему в голову относительно ургалов. Выслушав его, Насуада некоторое время молчала, потом сказала:

— Ты слишком много на себя берешь, Эрагон!

— Приходится. Больше никто и не стал бы столько на себя брать. Так ты одобряешь? По-моему, это единственный способ обеспечить долгосрочный мир.

— А ты уверен, что это разумно?

— Не до конца, но, думаю, нам надо попробовать.

— И с гномами тоже? Это что, действительно так необходимо?

— Да. И это только справедливо. Кстати, это поможет установить равновесие между различными народами.

— А если они не согласятся?

— Я уверен, что согласятся.

— В таком случае поступай, как считаешь нужным. Тебе не нужно мое одобрение — ты достаточно ясно дал это понять, — но я согласна: эти действия, похоже, необходимы. Иначе лет через двадцать — тридцать мы можем столкнуться с точно такими же проблемами, какие были у наших предков, когда они впервые прибыли в Алагейзию.

Эрагон слегка поклонился и сказал:

— Хорошо, я все устрою.

— Когда ты собираешься нас покидать?

— Тогда же, когда и Арья.

— Так скоро?

— Нет причин ждать дольше.

Насуада прислонилась к парапету, не сводя глаз с фонтана.

— Ты приедешь к нам погостить?

— Я попробую, но... вряд ли. Когда Анжела гадала мне, она сказала, что я никогда не вернусь.

— Вот как... — Насуада вдруг словно охрипла. Она резко повернулась к Эрагону и посмотрела ему прямо в глаза. — Я буду скучать по тебе.

— И я по тебе.

Она плотно сжала губы, словно стараясь не заплакать. Потом шагнула к нему и обняла. Он тоже обнял ее, и они постояли так несколько секунд, а потом Эрагон сказал:

— Насуада, если ты когда-нибудь устанешь быть королевой или захочешь найти место, где могла бы жить в мире и покое, приезжай к нам. Тебе в нашем замке всегда будут рады. Я не могу сделать тебя бессмертной, но я могу значительно продлить годы твоей жизни, и эти годы ты проведешь в добром здравии.

— Спасибо. Я очень благодарна за твое предложение и не забуду его.

Однако у Эрагона было ощущение, что она никогда не сможет заставить себя покинуть Алагейзию, какой бы старой ни была. Слишком сильно было в ней чувство долга.

Затем он спросил:

— Ты дашь нам свое благословение?

— Конечно. — И она взяла его лицо в обе руки, поцеловала его в лоб и сказала: — Благословляю вас обоих, тебя и Сапфиру. И пусть всюду, куда бы вы ни направились, вам сопутствует мир и удача.

— И тебе я желаю того же самого, — сказал Эрагон.

Насуада еще раз ласково погладила его по щеке, а потом махнула рукой, и он пошел прочь, оставив ее в одиночестве на балконе.

КРОВАВЫЙ ДОЛГ

Опускаясь по лестнице, Эрагон наткнулся на травницу Анжелу. Она сидела, скрестив ноги, в темном дверном проеме и вязала нечто, похожее на бело-голубую шляпу. Поля шляпы были покрыты странными рунами, значения которых Эрагон разобрать не сумел. Рядом с нею лежал Солембум, пристроив ей на правое колено голову и тяжелую переднюю лапу.

Эрагон остановился, несколько удивленный, потому что не видел их обоих — он даже не сразу вспомнил, как долго, — наверное, с первых часов после окончания битвы за Урубаен. С тех пор они словно исчезли куда-то.

— Приветствую тебя, — сказала Анжела, не поднимая глаз.

— И я тебя приветствую, — ответил Эрагон и спросил: — А что ты тут делаешь?

— Вяжу шляпу.

— Это я вижу. Но почему именно здесь?

— Потому что хотела с тобой увидеться. — Спицы в ее руках, слегка позванивая, мелькали с завораживающей регулярностью и быстротой, как тонкие языки пламени. — Говорят, что вы с Сапфирой забираете драконьи яйца и Элдунари и покидаете Алагейзию?

— Как ты и предсказывала, — сердито буркнул Эрагон, приходя в отчаяние от того, что Анжеле удалось выведать такую важную тайну. Подслушать их с Насуадой разговор она никак не могла — не позволила бы магическая защита, — и, насколько он знал, никто не мог рассказать ни ей, ни Солембуму о существовании драконьих яиц или *тех* Элдунари, с острова Врёнгарда.

— Ну да, предсказывала. Но никак не думала, что буду провожать тебя.

— Откуда ты узнала? От Арьи?

— От нее? Ха! Едва ли она бы мне рассказала. Нет, у меня иные возможности. — Анжела перестала вязать и посмотрела на Эрагона, поблескивая глазами. — Но тебе я о них не расскажу. В конце концов, и мне хочется иметь *кое-какие* тайны.

— Правда?

— Правда! И если ты намерен разговаривать со мной без должного уважения, то зря я вообще побеспокоилась и пришла сюда.

— Извини. Просто мне... немного не по себе. — И, помолчав, Эрагон спросил: — А зачем ты хотела меня видеть?

— Я *всего лишь* хотела попрощаться с тобой и пожелать тебе удачи в пути.

— Спасибо.

— Угу. Постарайся не слишком загружать себе голову, где бы ты в итоге ни решил поселиться. И старайся как можно больше бывать на солнце.

— Постараюсь. А чем займетесь вы с Солембумом? Останетесь здесь и будете присматривать за Эльвой? Ты как-то говорила, что собираешься ею заняться.

Травница фыркнула самым неподобающим для дамы образом.

— Остаться? Как я могу остаться, когда Насуада намерена за каждой ведьмой шпионить?

— Так ты и об этом слышала?

Анжела быстро на него глянула.

— Мне это *не нравится*! Мне это *очень не нравится*! Я не желаю, чтобы со мной обращались как с набедокурившим ребенком! Нет, пришла, видно, пора и нам с Солембумом перебираться в более дружелюбные места, в Беорские горы, например, или в Дю Вельденварден.

Эрагон, поколебавшись, спросил:

— А с нами ты не хотела бы отправиться?

Солембум открыл один глаз и некоторое время пристально смотрел на Эрагона, потом снова зажмурился.

— Очень мило с твоей стороны было предложить это, — сказала Анжела, — но, думаю, мы твое предложение

отклоним. По крайней мере, пока. Сидеть там и караулить Элдунари, а также учить молодых Всадников уму-разуму... Нет, по-моему, это скучно. Хотя воспитывать молодых драконов, пожалуй, неплохо. Даже увлекательно. Впрочем, пока что мы с Солембумом останемся в Алагейзии. Я действительно хочу приглядеть за Эльвой, ее еще хотя бы несколько лет нельзя оставлять без внимания.

— Ну, а свою «череду интересных событий» ты получила?

— Нет, конечно! Череда событий — это и есть смысл жизни. — Анжела продемонстрировала Эрагону наполовину законченную шляпу. — Как тебе? Нравится?

— Красивая. Особенно голубой цвет. Но что говорят эти руны?

— Раксакори... впрочем, неважно. Все равно это тебе ничего не скажет. Спокойного путешествия вам с Сапфирой. И помни, Эрагон: тебе следует остерегаться уховерток и диких хомяков. Свирепые твари, эти дикие хомяки.

Он невольно улыбнулся.

— И тебе спокойных странствий. И тебе, Солембум.

У кота снова приоткрылся один глаз, и он мысленно сказал Эрагону:

«И тебе спокойного пути, Убийца Королей».

Эрагон вышел из дворца и долго шел по городу, пока не добрался до того дома, где поселились Джоад и его жена Хелен. Дом был красивый, с высоким забором и большим садом, в дверях стояли и кланялись многочисленные слуги. Хелен явно преуспевала. Ей удалось создать новую торговую компанию, значительно большую, чем была у них в Тирме, и теперь она обеспечивала продовольствием не только варденов, но и все королевство Насуады.

Эрагон застал Джоада, когда тот умывался в преддверии вечерней трапезы. Но обедать с ними Эрагон отказался и немало времени потратил на то, чтобы объяснить Джоаду то, что только что объяснял Насуаде. Сперва Джоад был удивлен и даже огорчен, но под конец согласился, что Эрагону с Сапфирой необходимо покинуть Алагейзию. Как и в случае с Насуадой и Анжелой, Эрагон и Джоада пригласил присоединиться к ним.

— Искушение велико, — ответил ему Джоад, — и все же мое место здесь. У меня есть моя работа, да и Хелен впервые за долгое время действительно счастлива. Илирия стала нашим домом, и мы оба больше никуда не хотим переезжать.

Эрагон понимающе кивнул. А Джоад спросил:

— Вот ты собираешься в такие края, куда мало кто, кроме драконов и Всадников, заглядывал, а знаешь ли ты, что находится на востоке? Есть ли там другое море?

— Есть, если лететь достаточно далеко.

— А между этим морем и тем?

Эрагон пожал плечами:

— В основном безлюдные земли — так, во всяком случае, говорят Элдунари. И у меня нет причин предполагать, что за последнее столетие там что-то так уж сильно изменилось.

И Джоад, наклонившись к самому его уху, очень тихо сказал:

— Раз уж ты собрался покинуть Алагейзию... я вот что тебе хочу поведать. Помнишь, я рассказывал тебе об Аркаэне, неком ордене, который посвятил себя сохранению знаний?

Эрагон кивнул:

— Помню. Ты еще говорил, что монах Хеслант тоже к этому ордену принадлежал.

— Как и я. — Заметив изумленный взгляд Эрагона, Джоад пожал плечами и как-то робко пригладил волосы. — Я очень давно в этот орден вступил, еще в молодости, когда искал, кому и во имя чего служить. Я в течение долгих лет обеспечивал Аркаэну самыми различными сведениями, собирал для них свитки и манускрипты, а они в свою очередь помогали мне. В общем, я подумал, что тебе надо бы это знать. Бром был единственным человеком, которому я об этом рассказывал.

— И даже Хелен ничего не знает?

— Даже она... Короче говоря, как только я закончу ваше с Сапфирой жизнеописание и историю возрождения Всадников, я отошлю эту работу в один монастырь, принадлежащий нашему ордену — он находится в Спайне, — и ее

включат в виде обширного приложения в «Домиа абр Вирда». Твоя история не будет забыта, Эрагон! Это я, по крайней мере, могу тебе обещать.

И Эрагону отчего-то было очень приятно узнать об этом.

— Спасибо тебе, — сказал он, крепко сжимая руки Джоада.

— И тебе, Эрагон Губитель Шейдов.

Эрагон вернулся в тот замок, где теперь жили они с Сапфирой и Роран с Катриной.

Все они ждали его к ужину.

Во время ужина только и разговоров было об Арье и Фирнене. Насчет своего отъезда Эрагон пока помалкивал — он хотел дождаться конца трапезы. Когда же ужин был окончен и они все — в том числе и малышка — перешли в другую комнату, за окном которой во дворе рядом с Фирненом дремала Сапфира, Эрагон все же решил затронуть неизбежную тему.

Как он и ожидал, Катрина и Роран отреагировали весьма бурно и попытались убедить его переменить это решение. Эрагон целый час излагал им разнообразные аргументы, потому что они спорили с каждым пунктом его плана и отказывались смириться с его отъездом.

Наконец Роран воскликнул:

— Черт побери, но ты же член нашей семьи! Ты не можешь нас бросить!

— Я должен. И ты понимаешь это не хуже меня. Ты просто не хочешь ко мне прислушаться.

Роран треснул кулаком по столу. На щеках у него заходили желваки, он встал и, широко шагая, отошел к окну.

Девочка заплакала, и Катрина, погладив ее по спинке, сказала:

— Ш-ш-ш, тише!

Эрагон тоже подошел к окну, встал рядом с Рораном и сказал:

— Я знаю, ты бы хотел, чтобы я остался, да и сам я этого хотел бы, но пойми: у меня нет выбора.

— Конечно же есть! Уж у тебя-то выбор всегда есть!

— И я его уже сделал. И считаю его правильным.

У них за спиной послышался голос Катрины:

— Если ты покинешь Алагейзию, Эрагон, наша Измира так и вырастет, не узнав толком родного дядю!

— Ничего подобного, — возразил Эрагон, вновь садясь рядом с Катриной. — Я сделаю так, что смогу с ней разговаривать. И позабочусь, чтобы она была хорошо защищена. Возможно, время от времени я даже смогу присылать ей подарки. — Он опустился на колени и протянул малышке палец. Она ухватилась за него крепенькой ручонкой и сильно потянула.

— Но ведь самого-то тебя здесь не будет!

— Нет... самого меня здесь, конечно, не будет. — Эрагон нежно высвободил палец из цепкой ручонки Измиры, снова встал и подошел к Рорану. — Но я ведь уже предлагал вам, вы тоже могли бы отправиться со мной.

Желваки опять заходили у Рорана на щеках.

— И отказаться от долины Паланкар? — Он покачал головой. — Хорст и другие уже готовятся туда возвращаться. Мы собирались заново отстроить Карвахолл, чтобы он стал самым красивым селением во всем Спайне. И ты мог бы нам помочь, и все было бы как раньше...

— Я бы хотел, но не могу.

Внизу, во дворе, Сапфира что-то пробулькала, не раскрывая пасти, и ткнулась мордой в бок Фирнена. Зеленый дракон тут же придвинулся к ней поближе.

Роран очень тихо спросил:

— Неужели нет какого-нибудь иного выхода?

— Мы с Сапфирой долго ломали голову, но ничего другого придумать не смогли.

— Черт побери! Неправильно это! Почему ты после всего должен покидать Алагейзию и отправляться жить в дикие края в полном одиночестве!

— Я вовсе не буду так уж одинок. Блёдхгарм и еще несколько эльфов отправятся с нами.

Роран нетерпеливо отмахнулся.

— Ты прекрасно понимаешь, что я имею в виду. — Он пожевал кончик уса и оперся руками о каменный подоконник. Эрагон видел, как сильно напряжены его мощные руки.

Затем Роран снова повернулся к нему. — И с чего же ты начнешь, когда доберешься туда — неведомо куда?

— Найду подходящий холм или утес и построю на его вершине замок — достаточно большой, чтобы в нем поместились все драконы, чтобы им там всегда было безопасно. А ты чем займешься? Ну, восстановишь ты нашу деревню, а потом что?

Слабая улыбка скользнула по губам Рорана.

— Что-нибудь в том же роде. С доходов, которые я получу, мы с Катриной хотим построить на вершине холма такой замок, о каком мы с тобой всегда мечтали. Не очень большой, но с каменными стенами, которые могли бы отразить даже натиск ургалов, если им вдруг захочется на нас напасть. Такое строительство, наверное, займет несколько лет, зато у нас будет своя неплохая крепость, и мы сумеем защитить себя. Или ты забыл, как на нас напали солдаты Гальбаторикса вместе с раззаками? — Он искоса глянул на Эрагона. — И для дракона там тоже места хватит.

— А для *двух* драконов? — И Эрагон указал ему на Сапфиру и Фирнена.

— Для двух, может, и нет... Как, кстати, Сапфира относится к тому, что ей придется с Фирненом расстаться?

— Огорчена, но понимает, что это необходимо.

— Ясно.

Янтарный свет заходящего солнца резче высветил черты Рорана, и Эрагон с удивлением заметил, что на лице у брата появилось уже немало морщин — на лбу и вокруг глаз. Эти признаки неумолимого старения огорчили его.

«Как же быстро проходит жизнь!» — подумал он.

Катрина, уложив Измиру в колыбель, тоже подошла к ним. Положив руку Эрагону на плечо, она сказала ему:

— Мы будем по тебе скучать!

— И я по вас. — И он погладил ее по руке. — Но пока что рано еще прощаться. Я бы хотел, чтобы вы все трое отправились с нами в Эллесмеру. Вам там очень понравится, я уверен. И потом, мы могли бы еще несколько дней провести вместе.

Роран резко обернулся к нему:

— Не можем же мы с Измирой отправляться в такую даль! Надо же, в Дю Вельденварден! Она еще слишком мала. С ней и в долину-то Паланкар непросто будет добраться; куда там с ней в Эллесмеру ехать. Это даже обсуждению не подлежит.

— Даже если вы *поедете* туда на спине у дракона? — Эрагон рассмеялся, увидев их изумленные лица. — Арья и Фирнен готовы отнести вас в Эллесмеру. А мы с Сапфирой заберем драконьи яйца с... В общем, из того места, где они спрятаны.

— А долго ли лететь до Эллесмеры? — нахмурившись, спросил Роран.

— Примерно неделю. Арья собирается еще по пути навестить короля Орика в Тронжхайме. Но вам в пути будет и тепло, и безопасно. Да и Измире никакая опасность грозить не будет.

Катрина и Роран переглянулись, а потом Катрина сказала:

— Это было бы замечательно! Мы смогли бы проводить Эрагона. И я столько слышала о том, как прекрасны эльфийские города...

— Ты уверена, что Измиру можно брать в такое путешествие? — спросил Роран. Катрина кивнула:

— Пока ты с нами — куда угодно!

Роран помолчал, потом сказал:

— Ну, тогда, я полагаю, Хорст и остальные могут отправиться в путь и без нас! — И, уже улыбаясь в бороду, радостно воскликнул: — Вот уж не думал, что увижу Беорские горы! И эльфийские города! А что? Можно и слетать, раз уж такая возможность подвернулась!

— Вот и хорошо, значит, решено, — просияла Катрина. — Мы полетим в Дю Вельденварден!

— А как мы обратно-то вернемся? — тут же спросил Роран.

— На Фирнене, — сказал Эрагон. — В крайнем случае Арья обеспечит вам охрану, и вас доставят прямиком в долину Паланкар, если вы предпочтете вернуться на лошадях.

Роран поморщился.

— Нет уж, только не на лошадях. Я согласен даже вообще никогда в жизни больше не ездить верхом! Лучше уж пешком, чем снова в седле!

— Вот как? Значит, тебе и Сноуфайр больше не нужен? — спросил Эрагон, удивленно подняв бровь, вспоминая того прекрасного жеребца, которого когда-то подарил Рорану.

— Ты прекрасно понял, что я имею в виду. Я буду счастлив иметь Сноуфайра при себе, даже если он мне больше никогда не понадобится.

— Тогда ладно.

Они еще целый час стояли у окна, любуясь закатом. Облака постепенно становились пурпурными, потом почти черными, и сквозь них начали проглядывать звезды, а Эрагон, Роран и Катрина с воодушевлением обсуждали предстоящее путешествие в страну эльфов и то, что Эрагону и Сапфире понадобится взять с собой, когда они покинут Дю Вельденварден и отправятся в более далекие края. Маленькая Измира мирно спала в своей колыбельке, сложив под подбородком крепко сжатые крошечные кулачки.

Ранним утром Эрагон воспользовался полированным серебряным зеркалом, стоявшим в его комнате, чтобы связаться с Ориком в Тронжхайме. Ему пришлось несколько минут подождать, но вскоре перед ним возникло лицо Орика: гном расчесывал гребнем из слоновой кости свою бородищу, собираясь заплести ее в косу.

— Эрагон! — с явным удовольствием воскликнул Орик. — Как твои дела? Что-то мы давненько с тобой не беседовали.

Эрагон и впрямь чувствовал себя немного виноватым, но объясняться не стал, а просто рассказал Орику о своем решении и о причинах этого решения. Гном даже бороду расчесывать перестал. Он слушал Эрагона очень внимательно, не прерывая, с крайне серьезным выражением лица, а потом сказал:

— Меня весьма огорчает наше расставание, но с твоим решением я полностью согласен. Именно так ты и должен поступить. Я и сам много думал об этом — беспокоился, где же смогут жить все эти драконы, — но свои опасения держал при себе, ведь драконы имеют точно

такое же право на эту землю, как и мы, даже если нам и не нравится, когда они пожирают наших фелдуностов и сжигают наши деревни. И все же выращивать драконий молодняк где-то в отдаленных местах будет лучше для всех.

— Я рад, что ты одобряешь мою затею, — сказал Эрагон и поделился с Ориком своими мыслями насчет ургалов. Впрочем, в равной степени это касалось и гномов. На этот раз Орик без конца перебивал его, задавая множество вопросов, и Эрагону было ясно, что у него большие сомнения на сей счет.

Потом Орик, потупившись, довольно долго молчал, изучая свою длинную бороду, и наконец сказал:

— Если бы ты до разговора со мной задал этот вопрос любому из гримстнзборитх, все они ответили бы тебе «нет». Если бы ты спросил об этом у меня до того, как мы завоевали Империю, я бы тоже сказал тебе «нет». Но после того, как мы с ургалами сражались бок о бок, после того, как я собственными глазами видел, до чего беспомощны мы оказались перед лицом Муртага и Торна, Гальбаторикса и этого чудовищного Шрюкна... я стал испытывать к ургалам совершенно иные чувства. — Он посмотрел на Эрагона из-под кустистых бровей. — Это, возможно, будет стоить мне короны, но от имени всех кнурлан во всех селениях я принимаю твое предложение — ради всеобщего блага, понимают это мои гномы или нет!

И Эрагон подумал: «Да, таким названым братом, как Орик, можно гордиться!»

— Спасибо тебе! — с чувством сказал он.

— Мои люди никогда к этому не стремились, — проворчал Орик, — но я благодарен тебе за эту идею. Когда мы обо всем узнаем?

— Через несколько дней. Самое большее, через неделю.

— А мы что-нибудь почувствуем?

— Возможно. Я спрошу у Арьи. Так или иначе, я свяжусь с тобой, как только все будет готово.

— Хорошо. Тогда поговорим позже. Благополучного вам путешествия и прочных камней под вашим жилищем!

— И пусть Хелцвог хранит вас!

...На следующий день они вылетели из Илирии.

Это было путешествие, лишенное шума и громких фанфар, за что Эрагон был очень благодарен. Насуада, Джормундур, Джоад и Эльва встретились с ними за южными воротами города, где уже сидели рядышком Сапфира и Фирнен и подталкивали друг друга, пока Эрагон и Арья проверяли седла и упряжь. Роран и Катрина прибыли чуть позже. Катрина несла маленькую Измиру, завернутую в одеяло, а Роран тащил два огромных тюка с едой и прочими припасами, перебросив их через плечо. Свои тюки он передал Арье, и та привязала их поверх седельных сумок к седлу Фирнена.

Затем Эрагон и Сапфира в последний раз попрощались со всеми, что для Эрагона оказалось куда тяжелей, чем для Сапфиры. Не только у него на глазах были слезы. Плакали и Насуада, и Джоад. Они плакали и обнимали его, и желали им с Сапфирой всего самого хорошего, а потом Насуада попрощалась с Рораном и в очередной раз поблагодарила его за помощь в войне.

Наконец, когда Эрагон, Арья, Роран и Катрина уже готовы были сесть в седла, какая-то женщина закричала:

— Задержитесь-ка!

Эрагон, уже поставив ногу на правую переднюю лапу Сапфиры, оглянулся и увидел Биргит. Она бежала к ним от городских ворот, и серая юбка так и билась вокруг ее ног. Юный сын Биргит, Нолфаврель, тащился за нею следом с беспомощным выражением лица. В одной руке у Биргит был обнаженный меч, в другой — круглый деревянный щит.

У Эрагона похолодело под ложечкой.

Стражники Насуады уже двинулись Биргит наперерез, но Роран крикнул:

— Пропустите их!

Насуада сделала стражникам знак, и те отступили в сторону.

Не замедлив хода, Биргит подлетела к Рорану.

— Биргит, пожалуйста, не надо! — тихо сказала Катрина, но та даже внимания на нее не обратила. Арья, не мигая, смотрела на них, положив руку на рукоять меча.

— Молотобоец, помнишь, я всегда говорила, что потребую платы за смерть моего мужа? Теперь я пришла потребовать ее, ибо она полагается мне по праву. Ну что, сразишься со мной или выплатишь свой должок?

Эрагон подошел и встал рядом с Рораном.

— Биргит, зачем ты это делаешь? Почему сейчас-то? Неужели ты не можешь простить его и оставить старые горести в прошлом?

«Может, ты хочешь, чтоб я ее съела?» — спросила у него Сапфира.

«Пока нет».

Но Биргит даже внимания на слова Эрагона не обратила; она не сводила глаз с Рорана.

— Мам. — Нолфаврель потянул ее за юбку, но она не обернулась.

Насуада тоже подошла ближе.

— Я тебя знаю, — сказала она. — Во время войны ты сражалась наравне с мужчинами.

— Да, ваше величество.

— Что же между тобой и Рораном за ссора такая произошла? Он доказал — и не один раз, — что является прекрасным и очень ценным воином, и мне бы очень не хотелось его потерять.

— Он и его семья в ответе за то, что раззаки убили моего мужа. — Биргит ненадолго задержала свой взгляд на Насуаде. — Они его *съели*! Съели и даже мозг из косточек высосали! Этого я простить не могу! И намерена *получить* полагающуюся за это компенсацию.

— Но ведь Роран в этом не виноват! — возмутилась Насуада. — Это совершенно неразумно! И я запрещаю...

— Не так уж это и неразумно, — прервал ее Эрагон, хотя ему страшно хотелось, чтобы Насуада действительно все это остановила. — Согласно нашим обычаям, у Биргит есть право требовать кровавую цену с того, кто виновен в смерти Квимби.

— Но ведь Роран-то в этом не виноват! — вскричала Катрина.

— Нет, все-таки отчасти виноват и я, — тихо сказал Роран. — Я мог бы сам броситься на этих солдат. Мог бы

увести их из деревни, но я этого не сделал. Я предпочел спрятаться, а в итоге погиб Квимби. — Он быстро глянул на Насуаду. — Этот вопрос мы должны решить сами, ваше величество. Это вопрос чести — ведь было же для вас вопросом чести Испытание Длинных Ножей.

Насуада нахмурилась и вопросительно посмотрела на Эрагона. Тот кивнул, и Насуада нехотя отошла в сторону.

— Итак, что выбираешь, Молотобоец? — спросила Биргит.

— Мы с Эрагоном убили раззаков в Хелгринде, — сказал Роран. — Разве этого не достаточно?

Биргит покачала головой:

— Нет. Этого мало.

Роран помолчал, было видно, как напряжены мускулы у него на шее.

— Ты действительно этого хочешь, Биргит?

— Да.

— Хорошо. Я выплачу тебе свой кровавый долг.

При этих словах Катрина с громким воплем бросилась к мужу, отгораживая его от Биргит и держа на руках маленькую дочку.

— Я не позволю! Ты его не получишь! Только не теперь! Только не после того, что нам пришлось пережить!

Лицо Биргит словно окаменело. Она ни на шаг не отступила. А Роран, обхватив Катрину за талию, без видимых усилий приподнял ее и отставил в сторону.

— Подержи ее, пожалуйста, — ледяным тоном попросил он Эрагона.

— Роран...

Но Роран лишь смерил его равнодушным взглядом и снова повернулся к Биргит.

Эрагон обнял Катрину за плечи, не давая ей снова броситься к Рорану, и беспомощно посмотрел на Арью. Та взглядом указала ему на свой меч, но он только головой покачал.

— Отпусти меня! Отпусти! — кричала Катрина. Девочка у нее на руках начала плакать.

Не сводя глаз с Биргит, Роран расстегнул свой ремень и бросил его на землю вместе с кинжалом и молотом.

Кстати, молот удалось найти одному из варденов на улице Илирии после гибели Гальбаторикса.

Роран расстегнул ворот рубахи, обнажив волосатую грудь, и крикнул Эрагону:

— Сними с меня защиту.

— Я...

— Убери магических стражей!

— Роран, нет! — кричала Катрина. — Защищайся!

«Он сошел с ума!» — думал Эрагон, но вмешиваться не стал. Если бы он остановил Биргит, то опозорил бы Рорана, и жители долины Паланкар навсегда утратили бы к нему всякое уважение. А Роран, и Эрагон это знал, скорее умер бы, чем позволил такому случиться.

И все же у Эрагона не было ни малейшего желания позволить Биргит просто так убить Рорана. Он готов был позволить ей получить свою цену за смерть мужа, но не больше. Очень тихо Эрагон произнес несколько фраз на древнем зыке — пожалуй, никто и не услышал тех слов, которыми он воспользовался, — сделав то, о чем просил Роран. А потом он приставил к своему двоюродному брату еще троих магических стражей: один должен был защитить ему позвоночник и шею, второй — череп, а третий — внутренние органы. Разумеется, только от серьезных повреждений, ибо все прочие Эрагон сумел бы и сам быстро исцелить после поединка. Главное, чтобы Биргит не вздумала отрубать Рорану руки и ноги.

— Готово, — сказал он. Роран кивнул и сказал Биргит: — Возьми с меня свою цену, и пусть это положит конец нашей ссоре.

— Так ты не станешь со мной сражаться?

— Нет.

Биргит некоторое время просто смотрела на него. Затем она швырнула щит на землю, шагнула вперед и приставила острие меча к груди Рорана. Очень тихо, чтобы ее мог слышать только Роран — хотя Эрагон и Арья со своим кошачьим слухом тоже ее слышали, — она сказала:

— Я любила Квимби. В нем была вся моя жизнь, а из-за тебя он погиб.

— Прости, — прошептал Роран.

— Биргит, я умоляю тебя! — крикнула Катрина.

Никто не двинулся с места, даже драконы. Эрагон обнаружил, что затаил дыхание и боится выдохнуть. В полной тишине слышался только плач младенца.

Затем Биргит отняла меч от груди Рорана, взяла его правую руку и провела лезвием меча ему по ладони. Роран поморщился, когда лезвие с противным хрустом рассекло плоть, но руку не отдернул.

Алая линия пересекла его ладонь. Закапала кровь, она собиралась на земле в лужицу и тут же впитывалась, оставляя темное пятно.

Биргит еще несколько секунд держала лезвие меча в ране, затем отступила назад и опустила вниз окрашенный кровью клинок. Роран сжал пальцы, и сквозь них ручейками полилась кровь. Он прижал руку к бедру, а Биргит сказала, глядя на него:

— Я получила свою кровавую цену. И нашей ссоре положен конец.

С этими словами она повернулась, подняла с земли свой щит и широкими шагами двинулась обратно в город, Нолфаврель покорно потащился следом за нею.

Эрагон выпустил Катрину, и она бросилась к Рорану.

— Ты — дурак! — крикнула она с горечью. — Упрямый тупоголовый дурак! А ну, дай-ка мне посмотреть.

— Я мог поступить только так, — сказал Роран словно откуда-то издалека.

Катрина нахмурилась, лицо ее посуровело и напряглось. Она внимательно осмотрела рану на ладони у мужа и попросила:

— Эрагон, ты не мог бы это исцелить?

— Нет, — неожиданно резко ответил ей Роран и снова сжал руку. — Нет, этот шрам я сохраню. — Он огляделся: — Ни у кого не найдется какой-нибудь тряпицы, чтобы это перевязать?

Возникло мгновенное замешательство, потом Насуада указала на одного из своих стражников и велела:

— Отрежь от подола рубахи кусок и дай ему.

— Погоди, — сказал Эрагон, когда Роран начал обматывать руку поданным ему лоскутом. — Я не стану исцелять

рану, но, по крайней мере, дай мне наложить заклятие, чтобы она не загноилась.

Роран поколебался, но потом кивнул и протянул руку Эрагону. Тому потребовалось всего несколько секунд, чтобы беззвучно произнести заклятие.

— Ну вот, — сказал он, — теперь рана во всяком случае не распухнет, как свиной пузырь, и не позеленеет.

Роран что-то проворчал, а Катрина сказала:

— Спасибо тебе, Эрагон.

— Ну что, отправляемся в путь? — спросила Арья.

И они взобрались на драконов. Арья помогла Рорану и Катрине устроиться в седле на спине Фирнена, которое заранее снабдила дополнительными ремнями и петлями. А потом подняла руку в прощальном жесте:

— До свиданья, Насуада! Эрагон, мы ждем вас с Сапфирой в Эллесмере!

«Прощайте!» — протрубил Фирнен и, расправив крылья, устремился в небеса. Крыльями ему приходилось махать довольно-таки быстро — на спине у него сидело четверо, хотя Арья и взяла с собой Элдунари, чтобы те оказывали Фирнену помощь в полете.

Сапфира взревела, и Фирнен ответил ей, направляясь на юго-восток, к далеким Беорским горам.

Эрагон обернулся в седле и помахал рукой Насуаде, Эльве, Джормундуру и Джоаду. Они тоже помахали ему на прощание, Джормундур крикнул:

— Большой удачи вам обоим!

— Прощайте! — крикнула Эльва.

— Прощайте! — крикнула и Насуада. — Берегите себя!

Эрагон тоже что-то крикнул им на прощание и отвернулся — он не в силах был более на них смотреть. Сапфира присела, с силой подпрыгнула, взлетела, и начался первый этап их долгого странствия.

Набрав высоту, Сапфира сделала несколько кругов над городом, и внизу Эрагон увидел у городской стены маленькую горстку людей — Насуаду и всех остальных. Эльва, вытащив белый платочек, махала им, и платочек трепетал в порывах ветра, поднятого мощными крыльями Сапфиры.

ОБЕЩАНИЯ — НОВЫЕ И СТАРЫЕ

Из Илирии Сапфира полетела в находившееся неподалеку поместье, где Блёдхгарм и его эльфы готовили Элдунари к перевозке на новое место. Эльфы намеревались сами сопровождать столь ценный груз и скакать на север, в Дю Вельденварден, а потом через густые бескрайние леса добраться до эльфийского города Силтрима, раскинувшегося на берегу озера Ардвен. Там они с Элдунари должны были ждать, когда Эрагон и Сапфира вернутся с острова Врёнгард. Затем все вместе они планировали начать свое путешествие за пределы Алагейзии, следуя по течению реки Гаена через леса на восток, к раскинувшимся за лесами долинам. Все эльфы из команды Блёдхгарма — за исключением Лауфина и Утхинарё, которые предпочли остаться в Дю Вельденвардене, — решили последовать за Эрагоном.

Решение эльфов отправиться вместе с ним сперва поразило Эрагона, но он был очень им за это благодарен. А Блёдхгарм заявил: «Мы не можем оставить Элдунари. Им нужна наша помощь. Наша помощь понадобится и тем малышам, что должны проклюнуться».

Эрагон и Сапфира, наверное, с полчаса обсуждали с Блёдхгармом, как безопаснее перевозить драконьи яйца, а затем Эрагон взял с собой наиболее могущественные Элдунари — самых старших драконов, Глаэдра и Умаротха, поскольку на Врёнгарде им с Сапфирой непременно понадобилась бы их помощь.

Расставшись с эльфами, Сапфира и Эрагон направились на северо-запад, и Сапфира летела ровно и спокойно, почти так же, как и во время их первого перелета на Врёнгард.

И вот тут наконец Эрагона охватила глубокая печаль. На какое-то время он совсем приуныл и начал себя жалеть. Сапфира тоже была печальна из-за расставания с Фирненом. Но день был ясный, ветра почти не было, и настроение у обоих вскоре поднялось. И все же легкое чувство утраты окрашивало все, что видел Эрагон. Во все глаза, с каким-то новым восхищением и восторгом он смотрел на эту землю, зная, что, скорее всего, никогда больше ее не увидит.

Сапфира летела над зеленеющими лугами и лесами, а ее темная тень пугала находившихся внизу птиц и зверей. Когда спустилась ночь, они прекратили полет и устроились на ночлег на берегу какой-то речушки, протекавшей по дну неглубокого оврага, и долго сидели, глядя, как движутся у них над головой звезды, и беседуя обо всем, что уже было и что еще только будет.

К вечеру следующего дня они прилетели в деревню ургалов, раскинувшуюся на берегу озера Флам. Эрагон знал, что именно там они смогут найти Нара Гарцвога и Херндол, совет самок, правивший народом ургалов.

Несмотря на протесты Эрагона, ургалы настояли на том, чтобы устроить в честь их с Сапфирой прибытия великий пир. Весь вечер он пил вместе с Гарцвогом и его друзьями местное вино, которое ургалы делали из ягод и древесной коры. Эрагону показалось, что это вино было крепче медового напитка гномов. Сапфире оно понравилось больше, чем ему. На вкус оно напоминало забродившую вишню, но Эрагон все равно пил, чтобы не обидеть хозяев.

Многие из женщин племени подходили к нему и Сапфире, желая познакомиться с ними поближе, поскольку лишь немногие участвовали в войне с Империей. Самки ургалов были несколько стройнее и изящнее «баранов», но такие же высокие. Рога у них были короче и тоньше, хотя тоже очень массивные. Вместе с самками подходили и дети. У самых маленьких рогов еще не было, а у тех, что постарше, на лбу торчали чешуйчатые наросты длиной от одного до пяти дюймов. Без рогов ургалы выглядели удивительно похожими на обыкновенных людей, несмотря на иной цвет кожи и глаз. Было совершенно очевидно, что некоторые детишки

вырастут куллами, потому что уже в самом юном возрасте были намного выше своих ровесников, а часто — и родителей. Насколько мог судить Эрагон, невозможно было заранее определить, у кого из ургалов может родиться кулл, а у кого нет. Родители-куллы зачастую рождали как раз самых обычных ургалов. Во всяком случае, это случалось столь же часто, как и рождение куллов у обыкновенных пар.

Весь вечер Эрагон и Сапфира пили вместе с Гарцвогом. В итоге Эрагону стали даже сниться сны наяву... Особенно пока он слушал, как ургальский сказитель излагает легенду о победе Нара Тулкхка при Ставароске — во всяком случае, так сказал ему Нар Гарцвог, потому что Эрагон почти не понимал языка ургалов, в сравнении с которым грубоватый язык гномов стал казаться ему нежным и мелодичным, как звуки лютни.

Утром он обнаружил у себя на теле более десятка крупных синяков — результат дружеских шлепков и толчков, которые он получил от куллов во время пира.

Голова у него раскалывалась, все тело болело, но им с Сапфирой пришлось отправиться в сопровождении Гарцвога на переговоры с Херндолом. Двенадцать самок, которых именовали «старейшие хозяйки», проводили свой совет в низкой хижине округлой формы, наполненной дымом горящего можжевельника и кедра. Кривоватая дверь была, пожалуй, маловата для головы Сапфиры, однако она все-таки сумела ее просунуть внутрь, и ее чешуя отбрасывала яркие синие блики на темные стены хижины.

Все присутствующие на совете самки были невероятно стары, а некоторые еще и слепы и совершенно беззубы. Они были одеты в длинные рубахи, украшенные рисунком из узелков, весьма похожих на те плетеные украшения, которые висели на домах снаружи и считались чем-то вроде «фамильного древа» каждого из обитателей данного клана. У каждой из членов Херндола имелся особый посох, украшенный резьбой, тайный смысл которой Эрагону, разумеется, известен не был.

С помощью Гарцвога Эрагон изложил «старейшим хозяйкам» первую часть своего плана по предупреждению конфликта между ургалами и другими расами. Согласно

этому плану ургалы должны были каждые несколько лет проводить соревнования в силе, скорости и жизнестойкости. Во время этих соревнований молодые ургалы имели право обрести должную славу, а стало быть, возможность завести жену и занять более высокое положение в обществе. В этих играх, как предлагал Эрагон, могли также участвовать и представители других народов, что давало бы ургалам возможность испытать себя в борьбе с теми, кто так долго считался их врагами.

— Король Орик и королева Насуада уже согласились участвовать в этих играх, — сказал Эрагон. — И Арья, которую теперь избрали королевой эльфов, тоже обдумывает свое возможное участие, и я не сомневаюсь, что она тоже благословит подобные игры.

Члены Херндола посовещались несколько минут, а затем заговорила самая старая седоволосая самка, рога которой стерлись от времени почти до основания. Гарцвог стал переводить ее слова Эрагону.

— Это хорошая идея, Огненный Меч, — сказала старуха. — Мы посоветуемся, и наши кланы решат, какое время лучше назначить для таких соревнований. Мы обязательно это сделаем!

Эрагон, страшно довольный, поклонился и поблагодарил ее.

Затем заговорила еще одна старая самка:

— Нам нравится твое предложение, Огненный Меч. Только вряд ли это прекратит войны между народами Алагейзии. Наша кровь слишком горяча, чтобы ее можно было охладить какими-то соревнованиями.

«А разве кровь драконов не горяча?» — спросила Сапфира.

Одна из старух коснулась своих рогов:

— Мы ничуть не сомневаемся в свирепости твоего народа, Огненный Язык.

— Я знаю, сколь горяча ваша кровь, — она горячее, чем у всех других народов, — сказал Эрагон, — и поэтому у меня есть еще одна идея.

Совет выслушал его молча, но внимательно, и пока он излагал свои мысли, Нар Гарцвог как-то нервно переводил,

словно чувствуя себя не в своей тарелке, и даже порой негромко рычал. Когда Эрагон умолк, старухи заговорили, задвигались, хотя и не сразу — прошло, по крайней мере, несколько минут, в течение которых Эрагон чувствовал себя не слишком уютно под немигающими взглядами «хозяек», которые еще могли что-то видеть.

Затем одна старуха встряхнула посохом, и приделанные к нему два каменных кольца громко загремели, нарушая дымную тишину, воцарившуюся в хижине. Она говорила медленно и невнятно, точно еле выталкивая слова изо рта. Казалось, язык у нее распух и отказывается повиноваться.

— И ты бы сделал это для нас, Огненный Меч?

— Сделал бы, — сказал Эрагон и поклонился.

— Если вы, Огненный Меч и Огненный Язык, сделаете это, вас будут почитать как величайших друзей ургалов. Вы станете для нас ближе всех, и мы будем помнить ваши имена до конца времен. Мы вплетем их в каждую нашу тхулкну, вырежем их на наших столбах, заставим наших детей выучить их, как только у них начнут набухать рожки.

— Значит, ваш ответ — «да»? — спросил Эрагон.

— Да!

Гарцвог помолчал и — говоря уже, видимо, от себя лично — сказал:

— Огненный Меч, ты даже не представляешь, как много это значит для моего народа! Мы вечно будем перед тобой в долгу.

— Вы ничего мне не должны, — сказал Эрагон. — Я всего лишь хочу удержать вас от участия в новых войнах.

Он еще немного поговорил с членами Херндола, обсуждая различные детали. Затем они с Сапфирой распрощались с ургалами и возобновили свое путешествие на Врёнгард.

Когда грубо сколоченные хижины деревни совсем исчезли под ними, Сапфира сказала:

«Они станут хорошими Всадниками».

«Надеюсь, что ты права», — откликнулся Эрагон.

...За время их дальнейшего полета на Врёнгард никаких особых происшествий не было. Они не встретились

со штормом, когда летели над морем. Облака, что порой застилали им путь, оказывались тонкими и легкими, так что никакой опасности не представляли и не грозили превратить в штормовой тот легкий и приятный ветерок, что сопутствовал Эрагону и Сапфире.

Сапфира приземлилась возле того же полуразрушенного «дома-гнезда», где они останавливались во время своего прошлого визита на остров. Там она и осталась — отдыхать и ждать, когда Эрагон вернется из леса. Он долго бродил среди темных, увешанных мхами и лишайниками деревьев, пока не нашел несколько птиц-теней, которых встречал в прошлый раз, а потом отыскал и ту заросшую густым мхом полянку, где кишели жуткие прыгающие личинки, о которых рассказывала Насуада.

Воспользовавшись именем всех имен, *Эрагон дал обе*им разновидностям этих странных существ правильное название на древнем языке. Птицы-тени теперь назывались «сундаврблака», то есть «птица-хлопушка» или «птица-тень», а хищные личинки получили имя «иллгратхр», что значит «ненасытные». Особенно Эрагону понравилось второе имя, хотя, если честно, звучало оно несколько мрачновато.

Довольный собой, Эрагон вернулся к Сапфире. Ночь они провели спокойно, отдыхая и беседуя с Глаэдром и другими Элдунари.

На рассвете они пошли к скале Кутхиана, назвали свои истинные имена, и украшенные резьбой и заросшим мохом двери открылись. Эрагон, Сапфира и Элдунари спустились в Свод Душ, где в глубокой пещере, освещаемой отблесками подземного озера из расплавленной скальной породы, находившегося под основанием горы Эролас, хранились драгоценные яйца драконов. Куарок, хранитель яиц, помог им положить каждое в отдельный ларец. Затем они сложили все ларцы в центре пещеры вместе с пятью Элдунари, которые все это время помогали Куароку обеспечивать сохранность яиц.

С помощью Умаротха Эрагон произнес заклинание, которое уже произносил однажды, и поместил яйца драконов и Элдунари в некий пространственный карман за

спиной у Сапфиры. Но ни она сама, ни Эрагон не могли этого «кармана» даже коснуться.

Куарок вместе с ними вышел из пещеры, громко стуча металлическими ступнями по каменному полу туннеля. Затем Сапфира схватила его когтями — так как Куарок был слишком большим и тяжелым, на спине ей было неудобно его нести — и взлетела, медленно поднимаясь над округлой долиной, лежавшей в самом сердце Врёнгарда.

Темно-синей сверкающей стрелой Сапфира пролетела над морем, перебралась через горы Спайна, поднимаясь выше острых как бритва вершин, покрытых снегом и льдом. Она парила над бездонными, полными черных теней пропастями, потом свернула на север, пролетела над долиной Паланкар, чтобы они с Эрагоном могли в последний раз взглянуть на те места, где прошло их детство, и полетела над заливом Фундор, где белые гребни волн были похожи на находящиеся в вечном движении горы.

Они миновали город Кевнон с его крутыми многослойными крышами и резными изображениями драконьих голов и вскоре показались ближние пределы леса Дю Вельденварден с его необычайно высокими и мощными соснами.

Эрагон и Сапфира ночевали у ручьев и озер. Огонь костра отражался в полированном металле, из которого создано было тело Куарока, вокруг хором пели лягушки и насекомые, а вдали порой слышался вой волков.

Оказавшись в Дю Вельденвардене, Сапфира примерно час летела по направлению к самому центру этого огромного леса, пока ее не остановили магические стражи эльфов. Там она опустилась на землю и уже по земле миновала все установленные эльфами барьеры, а Куарок бежал рядом с нею. Потом она вновь подхватила его когтями и взлетела.

Они все летели, а деревья бесконечным зеленым морем проплывали под ними — почти все это были сосны с небольшими вкраплениями лиственных деревьев: дубов, вязов, берез, осин и плакучих ив. Сапфира миновала гору, название которой Эрагон позабыл, и эльфийский город Озилон, затем снова потянулись сплошные сосны, и каждая из них была неповторимой, но все же похожей на все остальные.

Наконец, поздним вечером, когда и луна, и солнце повисли низко над горизонтом друг напротив друга, Сапфира прибыла в Эллесмеру и плавно опустилась между живыми домами-деревьями этого самого большого и самого прекрасного из эльфийских городов.

Арья и Фирнен уже ждали их вместе с Рораном и Катриной. Когда Сапфира подлетела ближе, Фирнен издал громкий, радостный рев и расправил крылья, перепугав всех птиц. Сапфира ответила ему таким же радостным ревом, а потом аккуратно опустилась на задние лапы и почти нежно поставила Куарока на землю.

Эрагон отстегнул ремни на ногах и соскользнул с седла на траву. Роран подбежал, обнял его, похлопал по спине, и Катрина, чмокнув его в щеку, тоже принялась его обнимать. Смеясь, Эрагон сказал:

— Эй, хватит, не то совсем меня задушите! Ну, и как вам понравилась Эллесмера?

— Она прекрасна! — улыбаясь, воскликнула Катрина.

— Я думал, ты преувеличиваешь, — сказал Роран, — но тут все в точности такое, как ты описывал, — просто удивительно! Сильно впечатляет! Особенно тот замок, в котором мы живем...

— Замок Тиалдари, — подсказала Катрина.

Роран кивнул:

— Да, и этот замок подсказал мне кое-какие идеи насчет того, как заново отстроить Карвахолл. А потом еще и Тронжхайм, и Фартхен Дур... — Он только головой покачал и слегка присвистнул.

Они отправились по лесной тропе к западной части Эллесмеры. Друзья шли впереди и как бы вели Эрагона за собой. К ним вскоре присоединилась Арья. Она была похожа на королеву не меньше, чем когда-то ее мать.

— Добро пожаловать в Эллесмеру, Эрагон. Мы тебе рады. Видишь, как лунный свет встречает тебя?

Он посмотрел на нее:

— Вижу. И я рад всех вас видеть, Губительница Шейдов.

Она улыбнулась, когда он назвал ее этим именем. Ему показалось, что даже густые сумерки, уже воцарившиеся под деревьями, расступились от ее светлой улыбки.

Эрагон снял с Сапфиры седло, и она улетела куда-то вместе с Фирненом, хотя Эрагону было прекрасно известно, как сильно она утомлена перелетом. Драконы исчезли в направлении Утесов Тельнаира, и, когда они улетали, Эрагон услышал, как Фирнен сказал:

«Я сегодня утром убил для тебя трех оленей. Они ждут тебя на траве возле хижины Оромиса».

Куарок пустился следом за улетевшей Сапфирой: яйца драконов по-прежнему находились при ней, а он должен был их охранять.

Меж огромными стволами деревьев-домов открылась небольшая полянка, окаймленная кустами кизила и шток-розы. На полянке стояли накрытые столы с самыми разнообразными угощениями. Множество эльфов в роскошных нарядах приветствовали Эрагона негромкими возгласами и певучим смехом, в которые время от времени врывались песни и музыка.

Арья заняла свое место во главе праздничного стола, и белый ворон Благден опустился на резной шест рядом с нею, каркая и декламируя отрывки из каких-то древних поэм. Эрагон сидел рядом с Арьей, и они ели, пили и веселились до глубокой ночи.

Когда праздник начал понемногу стихать, Эрагон, улучив несколько минут, побежал через темный лес к дереву Меноа. Вели его, скорее, обоняние и слух, чем зрение.

Звезды уже высыпали на небе, когда он вынырнул из-под изогнутых тяжелых ветвей гигантских сосен и остановился, переводя дыхание и собираясь с мыслями, прежде чем пробраться сквозь паутину сплетенных корней Меноа.

Он остановился у подножия огромного ствола, приложил руку к морщинистой, изъеденной временем коре и соединил свои мысли с медленно движущимися мыслями той, что некогда была живой эльфийкой.

«Линнёа... Линнёа... Проснись! — сказал он. — Мне нужно поговорить с тобою! — Он подождал, но дерево никак ему не ответило. Это было все равно что пытаться мысленно говорить с морем, или с воздушным океаном, или с самой землей. — Линнёа, я должен поговорить с тобой!»

В мозгу его словно ветер вздохнул, и он ощутил некую мысль, слабую и далекую, которая словно говорила: «Что тебе нужно, Всадник?..»

«Линнёа, когда я был здесь в последний раз, я сказал, что отдал бы тебе все, что ты захочешь, в обмен на светлую сталь под твоими корнями. Я вскоре покину Алагейзию, так что я пришел, чтобы выполнить свое обещание, пока я еще здесь. Чего бы ты хотела от меня, Линнёа?»

Дерево Меноа не отвечало, но ветви его слегка вздрогнули, и иглы посыпались на корни, расползшиеся по всей поляне. Эрагон вдруг понял, что дерево... смеется! Во всяком случае от него исходило ощущение веселья.

«Ступай», — еле слышно прошептал тот голос в его мозгу, и дерево Меноа прервало с ним мысленную связь.

Он постоял еще несколько минут, окликая Линнёа по имени, но дерево отказывалось отвечать. В конце концов Эрагон так и ушел с ощущением, что этот вопрос остался нерешенным, хотя дерево Меноа, похоже, было иного мнения.

Следующие три дня Эрагон занимался исключительно чтением книг и свитков. Многие из них попали сюда из библиотеки Гальбаторикса. Ванир по просьбе Эрагона переслал их в Эллесмеру. Вечерами он ужинал вместе с Ороном, Катриной и Арьей, но все остальное время проводил в одиночестве, не общаясь даже с Сапфирой, потому что она оставалась с Фирненом на Утесах Тельнаира и ни к чему другому интереса не проявляла. По ночам рев драконов громким эхом разносился по всему лесу, отвлекая Эрагона от работы и заставляя улыбаться при каждом прикосновении к мыслям Сапфиры. Он скучал по ней, но знал, что у нее совсем мало времени, чтобы побыть с Фирненом, и ему не хотелось ее отвлекать, ведь она была так счастлива.

На четвертый день, когда Эрагон узнал все, что хотел, из просмотренных и прочитанных книг, он отправился к Арье и изложил ей и ее советникам свой план. Ему пришлось потратить большую часть дня на то, чтобы убедить их, что все это сделать просто необходимо.

Когда же ему наконец это удалось, они сделали перерыв, чтобы поесть. К вечеру они собрались на поляне вокруг дерева Меноа: он, Сапфира, Фирнен, Арья, тридцать эльфийских старейших и опытнейших заклинателей, Глаэдр и те Элдунари, которых Эрагон и Сапфира привезли с собой, а также двое Воспитателей — эльфийки Идуна и Нёйя, живое воплощение того союза, что некогда был заключен между драконами и Всадниками.

Идуна и Нёйя сняли с себя одежду и в соответствии с древними ритуалами Эрагон и остальные запели. Под их пение эльфийки начали танцевать. Они двигались так, что вытатуированные на их телах драконы превращались как бы в единое существо.

В кульминационный момент песни «созданный» ими дракон вдруг стал мерцать, потом приоткрыл пасть, расправил крылья и прыгнул вперед, скидывая с себя эльфийскую кожу и поднимаясь над поляной. Казалось, что лишь хвост его все еще касается переплетенных тел Идуны и Нёйи.

Эрагон обратился к этому светящемуся существу и, когда тот обратил на него внимание, объяснил ему свою идею и спросил, согласятся ли с его предложением драконы.

«Делай, как считаешь нужным, Убийца Королей, — сказал ему сверкающий призрак дракона. — Если это поможет установить мир во всей Алагейзии, мы возражать не станем».

Затем Эрагон прочитал отрывок из одной книги, написанной Всадниками, и мысленно произнес имя древнего языка. Все присутствующие эльфы и драконы отдали ему свою силу. Эта энергия прошла сквозь него, точно крутящийся бешеный вихрь. С ее помощью Эрагон произнес заклинание, которое оттачивал уже несколько дней.

Это было такое заклинание, какого никто не произносил уже многие сотни лет: чары, сходные с той старинной магией, что существует глубоко в жилах земли и костях гор. И с помощью этого заклинания Эрагон осмелился сделать то, что до этого делалось лишь однажды, — он выковал новый договор между драконами и Всадниками. Он связал с драконами не только эльфов и людей, но также

гномов и ургалов. Отныне любой из них тоже мог стать Всадником.

Пока он произносил последние слова этого могущественного заклятия и тем самым как бы скреплял его некой печатью, в воздухе и на земле явственно ощущался некий трепет. Эрагону казалось, будто все вокруг него — а возможно, и во всем мире — пришло в движение, оставив свои привычные места. Это заклинание совершенно лишило сил и его, и Сапфиру, и других драконов. Когда он его завершил, то испытал невероятную радость и понял, что сделал нечто великое и это, возможно, самый большой подвиг в его жизни.

Арья настояла на том, чтобы был устроен еще один пир в честь этого события. И хоть Эрагон чувствовал себя чрезвычайно усталым, он все же от души веселился и был счастлив составить компанию Арье, Рорану, Катрине и маленькой Измире. Однако посреди пира вся эта еда, музыка, веселье вдруг показались ему чрезмерными, и он, извинившись, вышел из-за стола.

«Как ты себя чувствуешь? — спросила Сапфира, устроившаяся вместе с Фирненом в дальнем конце стола. — Ты здоров?»

Он улыбнулся ей:

«Мне просто нужно немного побыть в тишине. Я скоро вернусь».

И он, скользнув прочь, медленно пошел среди величавых сосен, всей грудью вдыхая холодный ночной воздух.

В сотне шагов от того места, где стояли праздничные столы, Эрагон увидел худого эльфа с приподнятыми плечами, который сидел, опершись спиной о массивный древесный корень и отвернувшись от пирующих. Эрагон свернул в сторону, чтобы не беспокоить эльфа, однако, случайно взглянув ему в лицо, узнал его.

Это был совсем и не эльф, это был бывший мясник Слоан.

От неожиданности Эрагон остановился с ним рядом. Он совсем позабыл, что Слоан — отец Катрины — находится в Эллесмере. Мгновение поколебавшись и споря с самим собой, он все же тихими шагами приблизился к нему.

Как и в последний раз, когда Эрагон его видел, Слоан носил тонкую черную повязку, скрывавшую его пустые глазницы. Из-под повязки текли слезы, лоб был нахмурен, а худые руки мучительно стиснуты.

Услышав шаги Эрагона, Слоан повернул в его сторону голову и спросил:

— Кто здесь? Это ты, Адарё? Я же говорил тебе, что помощь мне не нужна! — В голосе его звучали горечь, гнев, боль и печаль, чего Эрагон никак не ожидал.

— Это я, Эрагон, — сказал он.

Слоан вздрогнул, словно до него дотронулись каленым *железом, и замер.*

— Ты! Что, явился полюбоваться на мое жалкое положение?

— Нет, конечно, — спокойно ответил Эрагон, оскорбленный подобным предположением. Он присел на корточки в нескольких футах от Слоана.

— Ты уж прости, если я тебе не поверю. Порой трудно понять, чего ты на самом деле хочешь, — помочь человеку или причинить ему боль.

— Это зависит от твоей точки зрения.

Слоан презрительно искривил верхнюю губу.

— Надо же, ответ настоящего эльфа — осторожный да хитрый, как ласка!

У Эрагона за спиной эльфы затянули новую песню под аккомпанемент лютни и свирели. Потом до Эрагона и Слоана донесся бурный взрыв смеха.

Мясник мотнул подбородком в ту сторону.

— А ведь я ее слышу! — И снова слезы потекли из-под его черной повязки. — Могу услышать, да увидеть не могу! А все твои чары проклятые! Это они не дают мне поговорить с нею!

Эрагон молчал, не зная толком, что ему ответить.

Слоан откинулся, прислонившись затылком к сосновому корню; на горле у него запрыгал кадык.

— Эльфы говорили, девочка у нее родилась. Измира. Сильная, здоровая.

— Да, это правда. Я других таких детей не знаю — крепенькая такая и кричит громче всех. Красивая девочка.

— Это хорошо.

— Как ты прожил все это время? По-прежнему резьбой занимался?

— Значит, эльфы докладывают тебе о моих занятиях? — Пока Эрагон решал, как лучше ответить — а ему вовсе не хотелось, чтобы Слоан знал, что он однажды навещал его здесь, — мясник снова заговорил: — Я ведь догадывался... Как я, по-твоему, могу время проводить? Я все время во тьме — со времен Хелгринда, так что ничего не делаю, только баклуши бью. Зато эльфы эти все вокруг меня суетятся, ни минуты покоя не дают!

Среди пирующих снова раздался смех, и в шуме голосов Эрагон отчетливо различил голос Катрины.

Слоан свирепо сдвинул брови.

— Зачем ты и ее-то сюда, в Эллесмеру притащил? Мало тебе было меня сюда сослать? Нет, тебе надо обязательно меня помучить! Чтоб я знал, что и дочка моя, и внучка тоже здесь, но увидеть их я никогда не смогу! И тем более — поговорить с ними. — Слоан оскалился. Вид у него был такой, словно он сейчас бросится на Эрагона. — Ах ты, бессердечный ублюдок!

— Да нет, сердце у меня как раз есть и даже не одно, — сказал Эрагон, зная, что мясник все равно его не поймет. Слоан злобно хмыкнул.

Эрагон не знал, что лучше — то ли пусть мясник верит, что он действительно хотел причинить ему боль, то ли признаться, что он просто забыл о его существовании, потому и привез сюда Катрину с Рораном. Слоан отвернулся. По щекам у него текли слезы.

— Уходи, — сказал он. — Оставь меня. Не тревожь понапрасну. И больше не появляйся рядом со мной, или, клянусь, один из нас умрет!

Эрагон поковырял носком сапога иглы, устилавшие землю толстым слоем, и снова посмотрел на Слоана. Ему не хотелось уходить. Он понимал, что поступил жестоко, неправильно, и с каждой секундой все сильней ощущал свою вину перед этим несчастным человеком. В конце концов он принял решение — и сразу как-то успокоился.

Еле слышным шепотом он произнес имя имен и изменил заклятие, некогда наложенное на Слоана. Это заняло некоторое время, и под конец Слоан, не выдержав, прорычал сквозь стиснутые зубы.

— Да прекратишь ли ты, наконец, бормотать какую-то чушь?! Убирайся отсюда! Оставь меня, черт тебя побери!

Эрагон, однако, не ушел, а начал произносить новое заклинание, черпая силы и знания из копилки Элдунари. Он даже не сказал — пропел, как это делают эльфы, восстанавливающее заклятие, дающее новую жизнь чему-то старому. Это было нелегко, однако умение Эрагона в последнее время значительно возросло, и он вполне сумел справиться с поставленной целью.

Пока Эрагон выпевал слова заклинания, Слоан дергался, как припадочный, а потом принялся сыпать ругательствами и скрести обеими руками щеки и лоб, словно на него напала чесотка.

— Да будь ты проклят! Что ты со мной такое делаешь?

Закончив, Эрагон присел на корточки и осторожно снял с глаз Слоана черную повязку. Тот зашипел, почувствовав это, и попытался схватить Эрагона за руки, но не успел, и пальцы его успели стиснуть лишь пустой воздух.

— Что, еще и достоинства хочешь меня лишить? — с ненавистью спросил мясник.

— Нет, — сказал Эрагон. — Я как раз хочу вернуть тебе былое достоинство. Открой глаза.

Мясник испугался:

— Нет! Я же не могу... Ты пытаешься меня обмануть!

— Когда это я тебя обманывал? Открой глаза, Слоан, и посмотри на свою дочь и внучку.

Слоан весь задрожал, а потом очень медленно приподнял веки, и вместо пустых глазниц на Эрагона посмотрели его сияющие глаза. Но они не были похожи на те, с какими родился Слоан. Его новые глаза были голубыми, как полуденное небо, и поразительно сверкали.

Слоан моргнул, зрачки его сузились, привыкая к неяркому свету, царившему в эльфийском лесу. Затем он резко *вскочил, дернулся, наклонился* и стал вглядываться в лица пирующих на поляне. Сияние беспламенных светильников

придавало его лицу теплый оттенок. Казалось, душа его переполнена радостью и стремлением жить. С ним вообще произошли такие невероятные перемены, что на это трудно было смотреть, и Эрагон почувствовал, как у него наворачиваются слезы.

А Слоан все продолжал всматриваться в лица пирующих и был похож в эти минуты на путника, истомленного жаждой и увидевшего перед собой полноводную реку. Хриплым голосом он промолвил:

— Как она прекрасна! Как они обе прекрасны! — С поляны донесся новый взрыв хохота. — Ах... она выглядит такой счастливой! И Роран тоже.

— С этого дня ты сможешь смотреть на них, сколько захочешь, — сказал Эрагон. — Но мои чары по-прежнему не позволят тебе ни разговаривать с ними, ни показываться им. Тебе также нельзя будет предпринимать какие-либо попытки связаться с ними. А если ты все же попытаешься, то я об этом сразу узнаю. Боюсь, что тогда ты снова ослепнешь.

— Я понимаю, — прошептал Слоан, повернулся к Эрагону и пристально, с какой-то внушающей тревогу силой посмотрел на него. Несколько минут он двигал челюстью, словно что-то жуя, потом наконец вымолвил: — Спасибо тебе.

Эрагон кивнул и встал.

— Прощай, Слоан. Ты меня больше никогда не увидишь, обещаю.

— Прощай, Эрагон. — И мясник снова отвернулся, вглядываясь в ярко освещенную праздничную поляну.

РАССТАВАНИЕ

Прошла неделя, полная смеха, музыки и долгих прогулок по чудесной Эллесмере. Эрагон с Сапфирой взяли Рорана, Катрину и Измиру на Утесы Тельнаира. Сапфира показала им ту скульптуру, которую сама сделала из куска гранита в честь праздника Клятвы Крови. Арья тоже посвятила им целый день, устроив прогулку по садам Эллесмеры, где они долго любовались удивительными растениями, которые были собраны или созданы эльфами за многие столетия.

Эрагон и Сапфира с радостью остались бы в Эллесмере еще на пару недель, но с ними связался Блёдхгарм. Он сообщил, что вместе с находившимися под его опекой Элдунари благополучно прибыл на берег озера Ардуэн. И Эрагону с Сапфирой пришлось признать, что им тоже пора в путь.

Их, впрочем, очень обрадовало, когда Арья и Фирнен объявили, что полетят вместе с ними и проводят их, по крайней мере, до границы леса Дю Вельденварден, а может, и немного дальше.

Катрина решила остаться с Измирой в Эллесмере, а Роран попросил разрешения тоже проводить Эрагона, прибавив: «Мне давно хотелось увидеть и дальние пределы Алагейзии, а слетать туда гораздо быстрее, чем скакать в такую даль верхом на коне».

На рассвете Эрагон попрощался с разревевшейся Катриной и с Измирой, которая сосала большой палец, весело на него посматривала и явно ничего не понимала.

А потом они отправились в путь. Сапфира и Фирнен летели над лесом бок о бок, держа курс на восток. Роран сидел позади Эрагона, обхватив его руками, а Куарок свисал

у Сапфиры из когтей, и его металлическое полированное тело ярко сверкало в лучах солнца.

Через два с половиной дня они достигли берегов озера Ардуэн, сверху казавшегося бледным полотном, только очень большим, больше всей долины Паланкар. На западном берегу озера находился город Силтрим, в котором ни Эрагон, ни Сапфира раньше не бывали. А у пристани, качаясь на небольшой волне, стоял длинный белый корабль с единственной мачтой.

Судно выглядело именно так, как и представлял себе Эрагон, ибо не раз видел его во сне. Ощущение неумолимой судьбы охватило его, когда он посмотрел на это судно.

«*Так и должно было случиться*», – думал он.

Они переночевали в Силтриме, очень похожем на Эллесмеру, хотя он был, пожалуй, поменьше, да и дома в нем стояли теснее. Пока они отдыхали, эльфы перенесли Элдунари на корабль, а также погрузили туда запас провизии, всякие инструменты, одежду и прочие полезные вещи. Команда корабля состояла из двадцати эльфов. Все они выразили желание остаться с Эрагоном и помочь выращивать драконов, а также учить будущих Всадников. Вместе с Эрагоном в путешествие отправлялись и Блёдхгарм со своими заклинателями, кроме Лауфина и Утхтинарё.

Утром Эрагон несколько изменил заклинание, скрывавшее яйца драконов от чужих глаз, и подал Арье те два яйца, которые она выбрала, пожелав о них заботиться. Одно яйцо следовало отправить гномам, второе – ургалам. Арья с Эрагоном надеялись, что драконч ики сумеют выбрать себе подходящих Всадников среди представителей того и другого народа. Если же этого не произойдет, яйца поменяют местами. Но если и тогда драконы не захотят для кого-то проклюнуться... Эрагон и сам не был уверен, что он будет делать в этом случае, но не сомневался, что Арья что-нибудь придумает. Как только эти яйца проклюнутся, молодые драконы и их Всадники поступят под начало Арьи и Фирнена, а когда они достаточно подрастут, то отправятся на восток и присоединятся к Эрагону, Сапфире и остальным членам возрождающегося ордена Всадников.

Эрагон, Арья, Роран, Куарок, Блёдхгарм и остальные эльфы взошли на борт корабля и поплыли через озеро, а Сапфира и Фирнен кружили высоко над ними.

Корабль назывался «Талита» — по имени красноватой звезды, что светит на восточном краю неба. Светлый и узкий, он скользил по воде, и под килем ему нужно было не более нескольких дюймов глубины, так что он мог ходить по любым рекам и озерам. Двигался корабль совершенно бесшумно, и управлять им почти не требовалось. Он, похоже, сам отлично понимал, куда хочет направить его капитан.

Несколько дней плыли они среди лесов — сперва через озеро Ардуэн, потом вниз по реке Гаэне, ставшей особенно полноводной благодаря весеннему таянию снегов. Проплывая под зеленым пологом ветвей, они слушали, как поют и порхают у них над головой птицы, как сердито стрекочут белки — рыжие и черные, — сидя на верхних ветвях деревьев. Порой белки спускались так низко, что до них, казалось, можно дотронуться рукой.

Эрагон большую часть времени проводил либо с Арьей, либо с Рораном и лишь изредка виделся с Сапфирой, которая держалась рядом с Фирненом. Эрагон часто замечал, как драконы сидят на берегу, сплетя лапы и положив головы рядышком на землю.

В течение дня лес был окутан солнечной, золотистой дымкой, а по ночам над головой ярко светили звезды, и прибывающая луна давала достаточно света, чтобы можно было продолжать путь. Теплая погода, и эта дымка, и это непрекращающееся покачивание «Талиты» приводили Эрагона в состояние какого-то полусна, и он погружался в приятные воспоминания.

Вскоре, однако, лес кончился, и теперь они плыли уже среди полей. Здесь река Гаэна сворачивала на юг. И по ней они проплыли вдоль границы лесов до самого озера Элдор, которое оказалось еще больше озера Ардуэн.

Там погода переменилась, поднялась настоящая буря. Высокие волны швыряли корабль, как скорлупку, и целый день путешественники чувствовали себя отвратительно.

Их безжалостно поливало холодным дождем и хлестало яростными порывами ветра. К счастью, ветер был попутный, и это здорово им помогло.

Переплыв озеро Элдор, они вошли в устье реки Эдда и вскоре миновали эльфийский форпост Керис. После Кериса леса стали постепенно от них удаляться, и теперь «Талита» плавно, словно без руля и ветрил, скользила по реке, со всех сторон окруженной равнинами.

Когда они вынырнули из леса на простор равнин, Эрагон каждую минуту ожидал, что Арья и Фирнен скажут, что им пора возвращаться. Однако они пока что ни слова не говорили о расставании, и Эрагон, довольствуясь этим, не спрашивал их о дальнейших планах.

Они плыли все дальше и дальше на юг, и земли вокруг становились все более и более пустынными. Озираясь, Роран говорил: «Что-то тут, пожалуй, слишком безлюдно, да?», и Эрагон вынужден был с ним согласиться.

Наконец они добрались до самого восточного селения Алагейзии — маленькой заброшенной деревушки Хедарт, состоявшей из горстки деревянных домишек. Эту деревушку когда-то построили гномы с единственной целью — торговать с эльфами, потому что вокруг не было ничего особо ценного, кроме огромного количества оленей и диких быков, стада которых виднелись вдали. Деревня стояла у слияния двух рек — как раз в этом месте в Эдду впадала Аз Рагни, делая ее раза в два полноводней.

Эрагон, Арья и Сапфира уже однажды пролетали над этими местами, направляясь из Фартхен Дура в Эллесмеру после сражения с ургалами, и Эрагон знал, чего ожидать, когда впереди показалось это селение.

Он был сильно удивлен, даже озадачен, когда увидел сотни гномов, поджидавших их на пирсе, вытянувшемся чуть ли не до середины реки. Но его смущение вскоре сменилось радостью, ибо гномы расступились и вперед вышел Орик.

Подняв над головой молот Волунд, Орик крикнул:

— Неужели ты мог подумать, что я позволю своему названому брату покинуть эти края, должным образом с ним не попрощавшись?

И Эрагон, сияя, сложил руки рупором и крикнул в ответ:

— Никогда!

Эльфы достаточно долго держали «Талиту» у причала, чтобы все смогли спокойно сойти на берег, кроме Куарока, Блёдхгарма и двух других эльфов, которые остались сторожить Элдунари. В этих местах воды Эдды были слишком бурными, и не стоило надолго оставлять корабль у пирса — его могло сильно побить, — а потому «Талита» вновь отчалила и спустилась по реке чуть ниже. Эльфы надеялись найти там более спокойное местечко и встать на якорь.

Орик притащил с собой из Хедарта четырех гигантских кабанов награ, убитых в Беорских горах. Туши кабанов были надеты на вертелы из цельных стволов толщиной с ногу Эрагона и жарились над ямами, в которых жарко мерцали угли.

— Вот этого я сам убил, — гордо заявил Орик, указывая на самого большого из кабанов.

Вместе со всем прочим, необходимым для устройства пира, гномы доставили сюда целых три повозки с лучшим медовым напитком, сваренным специально для Сапфиры. Драконица даже замурлыкала от удовольствия, когда увидела эти бочонки.

«Тебе тоже нужно будет это попробовать», — сказала она Фирнену; тот фыркнул и с любопытством вытянул шею, принюхиваясь к бочонкам.

Когда наступил вечер и жаркое было готово, все уселись за грубо сколоченные столы, прямо на месте изготовленные гномами. Орик ударил своим молотом по щиту, призывая всех к молчанию, затем взял кусок мяса, сунул в рот, прожевал, проглотил и провозгласил:

— Илф гаухнитх! — Это означало, что еда безопасна, и гномы одобрительно загудели. А потом начался уже настоящий пир.

К концу вечера, когда все, даже драконы, наелись до сыта, Орик хлопнул в ладоши, и один из гномов принес большую шкатулку, наполненную золотом и драгоценными камнями.

— Это в знак нашей дружбы, — сказал Орик и подал шкатулку Эрагону.

И Эрагон с поклоном принял щедрый дар.

Затем Орик подошел к Сапфире и, подмигнув ей, надел драконихе на переднюю лапу кольцо, сделанное из золота и серебра, и сказал ей:

— Это особенное кольцо, его нельзя поцарапать, оно не может заржаветь или поблекнуть. Сапфира, пока ты будешь его носить, никто из тех, на кого ты охотишься, не услышит твоего приближения.

Этот подарок очень обрадовал Сапфиру. Весь вечер Эрагон замечал, как она любуется сверкающим украшением на среднем когте правой передней лапы.

По настоянию Орика они провели ночь в Хедарте. Эрагон надеялся отправиться дальше уже ранним утром, но едва начало светать, Орик пригласил его, Арью и Рорана на завтрак. После завтрака они снова разговорились, а потом пошли смотреть плоты, на которых приплыли гномы вместе с убитыми ими в Беорских горах кабанами-награ. Неожиданно выяснилось, что уже пора обедать, и Орику удалось убедить путешественников остаться еще на один, последний пир, который был не хуже вчерашнего.

Гномы развлекали гостей музыкой, песнями и выступлением одного из самых умелых своих сказителей, что еще больше затянуло праздник.

— Останьтесь еще на одну ночь, — настаивал Орик. — Вон как темно! Зачем же в такую темноту отправляться в плавание?

Эрагон глянул на полную луну в небесах и улыбнулся.

— Ты забыл, что для меня ночь вовсе не так темна, как для тебя. Спасибо, но нам пора. Если мы останемся тут еще, то, боюсь, никогда и не уедем.

— В таком случае я благословляю тебя, брат мой и сердечный друг!

Они обнялись, и Орик велел привести им лошадей. Это были лошади, которых гномы специально держали в Хедарте для эльфов, если те приезжали сюда по торговым делам.

Эрагон поднял руку на прощание и, пришпорив своего коня, погнал его прочь от Хедарта. Вместе с Рораном, Арьей и остальными эльфами он некоторое время ехал по звериной тропе, тянувшейся по берегу Эдды, с наслаждением вдыхая воздух, полный ароматов свежей листвы. Над ними летели драконы, игриво переплетаясь в веселом воздушном танце.

Как только Хедарт остался позади, Эрагон натянул поводья и поехал чуть медленней, да и все остальные не торопились и тихо беседовали. Ничего серьезного, собственно, Эрагон не собирался обсуждать ни с Арьей, ни с Рораном. Сейчас для них имели значение не слова, а то ощущение близости, которое объединяло их в ночной темноте. И ощущение это было подобно некой хрупкой драгоценности, которую каждый боялся разбить. Они разговаривали друг с другом с какой-то небывалой добротой и теплотой, понимая, что скоро расстанутся. Никому не хотелось портить эти последние мгновения какими-нибудь бездумными высказываниями.

Вскоре друзья поднялись на вершину небольшого холма и оттуда стали высматривать «Талиту», которая, как оказалось, ждала их у противоположного берега.

Корабль подплыл к ним, и Эрагон понял, что сейчас произойдет то, что и должно было произойти.

При бледном свете луны «Талита» была похожа на лебедя, готового взлететь над широкой неторопливой рекой *и понести своих седоков в Неведомое*. Эльфы спустили парус. Он лежал на палубе, слегка светясь в лунных лучах. Одинокая фигура стояла на корме у руля, но больше на палубе не было никого.

За «Талитой», на том берегу, виднелась плоская темная равнина, расстилавшаяся, казалось, до самого горизонта. Бескрайний простор пересекала лишь сама река, блестевшая, как лента кованой стали.

Чувствуя комок в горле, Эрагон натянул поглубже капюшон плаща, словно желая спрятаться под ним и не видеть впереди эту бесконечную равнину. Они медленно спустились с холма, слушая, как трава что-то шепчет им вслед. Затем по усыпанному галькой бережку подъехали к судну.

В ночной тишине копыта коней стучали по гальке неожиданно громко и резко.

Затем они спешились, и эльфы мгновенно, точно по безмолвному приказу, выстроились в два ряда лицом друг к другу, образовав некий коридор, ведущий к кораблю, воткнули свои копья в землю и замерли, точно статуи.

Эрагон посмотрел на них, и комок, застрявший у него горле, стал еще более колючим, мешая дышать.

«Теперь пора», — сказала ему Сапфира, и он понял, что она права.

Он отвязал от седла подаренную ему шкатулку с золотом и драгоценными камнями и подошел с ней к Рорану.

— Значит, здесь мы и расстанемся? — спросил Роран.

Эрагон кивнул.

— Здесь. — И он протянул Рорану шкатулку. — Это тебе больше пригодится. Ты лучше меня сумеешь использовать это богатство. Например, замок построишь...

— Я его обязательно построю! — внезапно охрипнув, выкрикнул Роран и, сунув шкатулку под мышку, свободной рукой обнял Эрагона. Некоторое время они постояли, не размыкая тесных объятий, и Роран сказал: — Путь все опасности минуют тебя, брат мой!

— И тебя, брат, тоже. Береги Катрину и Измиру.

— Непременно.

Не зная, что еще сказать, Эрагон ласково коснулся плеча Рорана, отвернулся и подошел к Арье. Та ждала возле выстроившихся в два ряда эльфов.

Несколько мгновений они молча смотрели друг другу в глаза.

— Эрагон... — сказала Арья, но лицо ее он видел плохо, так как она, как и он сам, тоже спрятала его под капюшоном плаща.

— Арья... — Эрагон отвел глаза, посмотрел на серебристые воды реки, потом снова на Арью и стиснул рукоять Брисингра. Его настолько переполняли чувства, что он весь дрожал. Ему не хотелось уезжать, но он понимал, что должен. — Останься со мной...

Она резко вскинула глаза:

— Я не могу.

— ...хотя бы до первой речной излучины.

Она поколебалась, потом кивнула. Эрагон подал ей руку, она оперлась о нее, и они вместе вошли на корабль и встали на носу.

Эльфы последовали за ними. Сразу же были подняты сходни, и корабль без помощи ветра или весел сам собой отчалил от каменистого берега и поплыл по длинной, гладкой ленте реки.

А на берегу в одиночестве стоял Роран и смотрел им вслед, а потом, закинув назад голову, издал долгий крик, полный боли и печали, и ночь ответила ему громким эхом, сочувствуя его утрате.

Несколько минут Эрагон просто стоял рядом с Арьей, и оба молчали, глядя, как приближается к ним первая излучина реки. Наконец Эрагон повернулся к Арье и снял с ее головы капюшон, ибо ему хотелось видеть ее глаза.

— Арья, — сказал он. И прошептал ее истинное имя. И по ее телу пробежала ответная дрожь.

И она в ответ тоже прошептала его истинное имя. Эрагон тоже задрожал с головы до ног, услышав слова, воплощавшие в себе его суть.

Потом он хотел ей что-то сказать и уже открыл было рот, но Арья приложила пальцы к его губам, чуть отступила назад и подняла руку над головой.

— Прощай, Эрагон Губитель Шейдов, — сказала она.

В ту же секунду Фирнен вихрем слетел с небес, подхватил ее и унес с палубы корабля. Порыв ветра, поднятого его могучими крыльями, чуть не сбил Эрагона с ног.

— Прощай, — прошептал Эрагон, глядя, как они с Фирненом возвращаются туда, где их ждал Роран.

Только теперь Эрагон наконец позволил своим слезам пролиться. Он долго плакал, сжимая поручни, так как оставлял позади все, что знал и любил. А над головой, где-*то в небе горевала Сапфира*, и ее горе сливалось с его горем, потому как они оплакивали то, чего и быть никогда не могло бы.

Но вот сердце Эрагона стало биться чуть медленней, *слезы высохли у него на щеках*, а в душе стал потихоньку водворяться покой. Теперь он смотрел на пустынные

равнины другими глазами, думая о том, какие странные и удивительные вещи могут им встретиться в этих диких краях, какая жизнь им с Сапфирой отныне предстоит среди драконов и Всадников.

«Мы не одиноки, маленький брат», — сказала ему Сапфира.

И Эрагон невольно улыбнулся.

А корабль все плыл, безмятежно скользя по залитой лунным светом реке и устремляясь к тем темным землям, что лежали за невидимым горизонтом.

КОНЕЦ

ПРИЛОЖЕНИЕ

Слова и выражения древнего языка, встречающиеся в тексте

Агэтя Блёдхрен — праздник Клятвы Крови (празднуется раз в столетие в честь заключения союза между эльфами и драконами).

Альфа — эльф (множественное число: альфийя).

Альфакин — народ эльфов.

Атра дю эваринья оно варда! — Да хранят тебя звезды!

Атра эстерни оно тхелдунн, Эрагон! — Да сопутствует тебе удача, Эрагон!

Аудр — вверх.

Боллр — круглый предмет, шар.

Брисингр — огонь (а также «исталри»).

Вайзе ненат — не будь (перестань существовать).

Валдр — правитель.

Ваэтна — рассыпься (исчезни).

Ваэ воехната оно вергари, эка тхает отхерум — мы убьем тебя, я клянусь в этом.

Ваэр Этхилнадрас — коричневая длинная морская водоросль с пузырьками, наполненными воздухом, в местах соединений ветвей и основного стебля.

Верма — жара (нагреваться).

Веохт — медленно (замедляться).

Врангр — странный; извилистый.

Ганга — иди.

Ганга аптр — иди назад.

Ганга раэхта — иди направо.

Ганга фрам — иди вперед.

Гёдвей игнасия — сверкающая ладонь.

Гулна вайзе медх оно, Аргетлам! — Да сопутствует тебе удача, Серебряная Рука!

Даутхдаэрт — Копье Смерти; имя, которое эльфы дают копьям, созданным для того, чтобы убивать драконов.

Делои шарьялви! — Земля, приди в движение!

Джиерда — сломись (или «ударь»).

«Домна абр Вирда» — «Власть Судьбы» (название книги).

Драумр копа — внутреннее видение; способность видеть вещие сны.

Дрёттнинг — королева.

Дрёттнингу — принцесса (хотя это и не совсем точное значение данного слова).

Дю — артикль.

Дю Феллэ Наигорётх — проклятые горы.

Дю Врангр Гата — Извилистая Тропа.

Дю Вельденварден — Охраняющий Лес.

Иавё — узы доверия.

Илдратхр — ненасытный голод.

Ислингр — несущий свет, освещающий.

Исталри — огонь (а также брисингр).

Кауста — приди.

Кверст — режь.

Кверст малмр дю хуилдрз эдтха, мар фрёма не тхён эка тхрейя! — Режь металл, который меня держит, но не больше, чем я того желаю!

Ладрин — открой.

Лидуэн Кваздхи — поэтическая (иероглифическая) письменность древнего языка.

Летта — остановись (стой).

Маэ — часть слова, которое Эрагон так и не произнес до конца.

Наина — сделать светлым.

Найна хвитр ун боллр — создай белый светящийся шар.

Нам нет эр Эрагон Сундавар-Верганди, сонр абр Бром — мое имя — Эрагон Губитель Шейдов, сын Брома.

Нидхвал — похожее на дракона существо, которое обитает в море, родственное фангурам.

Нирнен — орхидея.

Оно ач неиат тхрейя эом верриусмал эдтха, О снаглги! — Ты не хочешь сражаться со мною, о снаглги!

Се оно вайзе илпа — будь счастлив.

Се онр свердар ситья хвасс — пусть мечи ваши останутся остры.

Слитха — сон и спать.

Снаглги — разновидность гигантских улиток.

Стенр риза! — Камень, поднимись!

Стенр слаута! — Камень, загреми! (Хотя слово «слаута» трудно перевести; это просто некий резкий звук, как когда разбивается камень, но он может иметь также значение «производить подобный звук».)

Стидья унин морранр — покойся с миром.

Сундаврблака — хлопающая крыльями тень.

Свит-кона — уважительное обращение к эльфийке знатного происхождения.

Тхелдуин — правь.

Тхейна — молчи.

Тхраутха — брось.

Тхриста виндр — сожми воздух.

Тхурра — высохни (высуши).

Уи — союз «и».

Фейртх — изображение, созданное с помощью магии на камне-голыше.

Фелл — гора.

Финнарель — уважительное обращение к многообещающему юноше.

Флауга — лети.

Фретхья — прячь(ся).

Хелгринд — Врата Смерти.

Хвитр — белый.

Шуртугал — Всадник.

Эбритхиль — учитель.

Эка ай фрикан уи Шуртугал — я — Всадник и друг.

Эка элруи оно, альфийя, виол фёри тхорнесса — я благодарю вас, эльфы, за этот дар.

Элда — уважительное обращение у эльфов (гендерно-нейтральное).

Элруи оно — спасибо, благодарю.

Эрисдар — беспламенные светильники у эльфов и гномов (названы по имени того эльфа, который их изобрел).

Слова и выражения языка гномов, встречающиеся в тексте

Аз Рагни — река.

Аз Свелди рак Ангуин — Слезы Ангуин.

Барзул — проклятие (означает также «дурная судьба»).

Беор — пещерный медведь (эльфийское слово).

Вор Орикз корда! — Клянусь молотом Орика!

Гримстборитх — вождь клана.

Гримсткарвлорсс — домоправительница.

Гримстзборитх — правитель гномов (их король или королева).

Дерундани — приветствие.

Дур — наш.

Дургримст — клан, дом; Большой Дом (фольклорное понятие).

Илф гаухнитх! — Любопытное выражение, которое означает: «Это хорошо и безопасно». Обычно его произносит хозяин дома за

трапезой, оно сохранилось с тех времен, когда существовала привычка подносить нежелательным гостям отравленную еду.

Ингеитум — кузнецы; оружейники, ювелиры.

Кнурла — гном (множественное число «кнурлан»), буквально: тот, что из камня.

Награ — гигантский кабан, который водится в Беорских горах (множественное число «награн»).

Тхархсвергцидизмал — нечто, кажущееся иным, чем есть на самом деле, подделка, обман.

Тронжхайм — шлем Великанов.

Фангхуры — похожие на драконов существа, только поменьше и не такие умные; родственники нидхвалов.

Фартхен Дур — Наш Отец.

Фелдунос — «морозная борода» (разновидность коз, обитающих в Беорских горах).

Эротхнурл — Камень Земли (одно из самоназваний гномов).

Из языка кочевников

Но — уважительный суффикс, прибавляемый к основному имени того, к кому обращаешься.

Из языка ургалов

Дражл — корм для червей.

Нар — в высшей степени почетный титул.

Тхулкна — плетеные полосы, на которых ургалы обычно изображают эмблему своего клана.

Улутхрек — Пожиратель Луны.

Ургралгра — самоназвание ургалов (буквально: те, что с рогами).

ОТ АВТОРА

«Кветха Фрикайя!» Что означает: «Приветствую вас, друзья!»

До чего же долог был этот путь! Трудно поверить, но я все-таки добрался до конца. Много раз я сомневался, что сумею когда-нибудь дописать эту тетралогию. И то, что я с этим справился, в немалой степени зависело от помощи и поддержки моих друзей и близких.

Я ничуть не преувеличу, если скажу, что писать последнюю часть «Наследия» было самым тяжелым делом в моей жизни. По самым различным причинам — личным, профессиональным и творческим — эта книга оказалась для меня настоящим вызовом. Я горд, что сумел ее закончить, но еще больше, пожалуй, я горжусь самой этой книгой.

Оглядываясь назад, я нахожу, что просто не в состоянии оценить свое отношение ко всей тетралогии в целом. «Эрагон» съел двенадцать лет моей жизни — то есть на сегодняшний день почти ее половину. Эти книги изменили меня самого и мою семью, а тот опыт, который я приобрел в результате, поистине бесценен. Понадобилось бы еще четыре *таких тома, чтобы о нем рассказать. И теперь приходится* говорить всему *этому «прощай»* — расставаясь с Эрагоном, Сапфирой, Арьей, Насуадой и Роураном — и приниматься за создание новых героев и новых историй... Какая мучительная перспектива!

Впрочем, я не собираюсь расставаться с Алагейзией. Я слишком много времени и сил потратил на создание этого мира и в будущем непременно туда вернусь. Может быть, этого не случится в ближайшие несколько лет, а может быть, я загляну туда уже в следующем месяце — кто знает? В данный момент я на сей счет ничего сказать не могу. Когда я вернусь к этой теме, то надеюсь, мне удастся вновь затронуть некоторые из тайн, что я оставил нераскрытыми в предыдущих книгах.

В частности, я должен извиниться за то, что разочаровал тех из вас, кто надеялся побольше узнать о травнице Анжеле, хотя, на мой взгляд, она не была бы столь интересным персонажем, если бы мы все о ней

знали. Впрочем, если кому-то из вас удастся познакомиться с моей сестрой Анжелой, расспросите ее об этой травнице. Если она будет в хорошем расположении духа, то, возможно, расскажет вам что-нибудь интересное. Если же нет... ну, тогда вы, возможно, услышите от нее еще какие-нибудь остроумные или даже саркастические замечания.

А теперь я хотел бы поблагодарить всю свою семью — отца и мать за постоянную поддержку, за советы и, прежде всего, за то, что рискнули и дали мне возможность столько написать об Эрагоне, и мою сестру Анжелу, которая всегда служила отличным резонатором всех моих идей, помогала мне с изданием книг и, кроме того, позволила описать ее в качестве одного из персонажей. Особенно много Анжела помогала мне во время работы над последней частью тетралогии, так что я перед тобой в долгу, сестренка! Впрочем, ты и сама это прекрасно знаешь.

Я также очень благодарен Иммануэле Мейер, составившей мне компанию, когда я взялся с наиболее сложной частью книги.

Спасибо Саймону Липскару, моему агенту, за дружбу и за все, что он сделал, чтобы эти книги появились на свет, а также его помощнице Кэти Занеккия. Обещаю, что отныне стану писать книги несколько быстрее!

Спасибо моему издателю Мишель Фрей за постоянную веру в меня. Серьезно, если б не она, вы бы вообще эту книгу в руках не держали! Спасибо ее помощнице Келли Дилани, редактору Мишель Берк и многим другим сотрудникам издательства «Кнорф». Особая благодарность художнику Джону Джуду Паленкару за создание целой серии замечательных обложек, особенно хорош последний дракон, прекрасно завершающий всю серию.

Спасибо всем моим друзьям и помощникам!

И, как всегда, мои слова благодарности обращены к тебе, мой читатель. Спасибо, что оставался со мной в течение всей этой долгой истории. Надеюсь, звезды всю жизнь будут ярко светить над тобой!

Вот и все... Мне больше нечего добавить к этой тетралогии. Я сказал все, что было нужно сказать. Остальное — молчание.

Се онр свердар ситья хвасс. (Да будут остры ваши клинки!)

Кристофер Паолини,
8 ноября 2011 года

Оглавление

В качестве вступления 5
Брешь в стене 13
Удар молота 28
Тени на горизонте 34
Король котов-оборотней 41
Последствия 50
Воспоминания об ушедших навсегда 54
Настоящий мужчина 60
Цена власти 71
Трудности появления на свет... 84
Колыбельная 94
Не зная отдыха 105
Танцы с мечами 113
Ни чести, ни славы, одни синяки... 124
Пожирательница Луны 131
Слухи и дневник 143
Ароуз 150
Драс-Леона 167
Игра в кости 174
Мой друг, мой враг 188
Огненная мука 199
Пепел и прах 216
Передышка 238
Тардсвеаргундинзмахл 247
Путь познания 262
От сердца к сердцу 286
Открытие 297
Решения 305
Под горой и под камнем 316
Накормить бога 334
Путы сорваны 347
Звон колокола 365
Пещера черного сорокопута 368
С молотом во главе войска 378

И пали стены.... 380
На берегах озера Леона.... 392
Слово Всадника.... 404
Конклав королей.... 417
Бесконечный лабиринт.... 432
Разрозненные, полустертые обрывки воспоминаний 442
Вопросы, оставшиеся без ответа.... 453
Отлет.... 465
Пытка неопределенностью 472
Зал Ясновидящей 487
На крыльях дракона.... 499
Звук его голоса, прикосновение его руки 517
Маленький бунт.... 531
Корона из снега и льда.... 544
Хищные личинки 562
Среди развалин.... 577
Сналгли на двоих 589
Скала Кутхиана.... 601
И весь мир – сон.... 606
Вопрос характера.... 617
Свод Душ 636
Подземелье. Часть первая 642
Подземелье. Часть вторая 647
Возвращение 662
Город горя.... 664
Военный совет.... 675
Суть долга 692
Огонь в почи.... 699
Через стену и прямо в пасть 709
Штурм в разгаре 724
То, что не убивает... 734
В гуще схватки.... 748
Имя всех имен 760
Мускулы против стали.... 781
Дар знаний 811
Смертные муки 834
Море крапивы 840
Наследница Империи 857
Походящая эпитафия 877
Разрозненные сведения 888
Фирнен.... 909
Совестливый человек 929
Кровавый долг.... 940
Обещания – новые и старые 956
Расставание 972
Приложение.... 982

Литературно-художественное издание
ДЛЯ СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Паолини Кристофер

ЭРАГОН

НАСЛЕДИЕ

Роман

Редактор Е. А. ГУРИЧЕВА
Технический редактор Е. О. ЛУНЕВА
Корректор Л. А. ЛАЗАРЕВА
Верстка А. А. КОМАРОВСКОГО

Издание подготовлено компьютерным центром издательства «РОСМЭН».

Подписано в печать 15.09.17.
Формат 84x108 1/32. Бум. офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 52,08. ID 15113. Заказ № 5020.

ООО «РОСМЭН».
Почтовый адрес: 127018, г. Москва, ул. Октябрьская, д. 4, корп. 2.
Тел.: (495) 933-71-30.
Юридический адрес: 117465, г. Москва, ул. Генерала Тюленева, д. 29, корп. 1.

Наши клиенты и оптовые покупатели могут оформить заказ, получить опережающую информацию о планах выхода изданий и перспективных проектах в Интернете по адресу:
www.rosman.ru

ОТДЕЛ ПРОДАЖ:
(495) 933-70-73; 933-71-30;
(495) 933-70-75 (ФАКС).

EAC

В соответствии с Федеральным законом № 436-ФЗ
от 29 декабря 2010 года маркируется знаком 12+

Дата изготовления: октябрь 2017 г.
Отпечатано в России.

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ОАО "Тверской полиграфический комбинат". 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822)44-42-15
Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

Паолини К.

П12 Эрагон. Наследие: Роман/Пер. с англ. И. А. Тогоевой. – М.: РОСМЭН, 2017. – 992 с.

Четвертая книга «Наследие» завершает тетралогию Кристофера Паолини о приключениях Всадника Эрагона и его дракона Сапфиры.

Друзья многому научились у гномов и эльфов. Вместе с варденами они бесстрашно защищали интересы народов Алагейзии. Но долгие странствия и кровавые сражения принесли героям не только победы. Эрагон и Сапфира узнали и горе, и разочарование.

Между тем могущественный Гальбаторикс не намерен сдаваться. Он задумал подчинить Эрагона своей воле.

Смогут ли друзья противостоять злу? Кто окажется на их стороне? Какую цену предстоит заплатить за мир в Алагейзии? И стоит ли того мир...

ISBN 978-5-353-05571-6

УДК 821.111(73)-312.9-93
ББК 84(7Сое)

МИРОВОЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Четвертая книга «Наследие» завершает тетралогию Кристофера Паолини о приключениях Всадника Эрагона и его дракона Сапфиры. Долгие странствия и кровавые сражения принесли героям не только победы, но и горе, разочарование. Между тем могущественный Гальбаторикс мечтает подчинить Эрагона своей воле. Смогут ли друзья противостоять злу? Кто окажется на их стороне? Какую цену предстоит заплатить за мир в Алагейзии? У героев будет только один шанс...

ISBN 978-5-353-05571-6

